UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00283364 8

25

В. А. Келтуяла.

КУРСЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Пособіе для самообразованія.

Часть I.

Исторія древней русской литературы.

Книга первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Попечительства Император. Человѣколюб. О-ва. Толмазовъ пер., 2.
1906.

PG
2950
K4
ch. 1
kn. 1

Предисловіе.

Выпускаемый мною «Курсъ исторіи русской литературы»—учебное пособіе, такъ какъ назначается прежде всего для лицъ, занимающихся самообразованіемъ. Моей основной задачей было — изложить исторію русской литературы такъ, чтобы изучающіе предлагаемый «Курсъ» вынесли изъ него, съ одной стороны, достаточный запасъ историко-литературныхъ свѣдѣній, а съ другой,—отчетливое пониманіе хода развитія русской литературы и его условій. Указанной задачей объясняется одна особенность моего «Курса»: подробное изложеніе содержанія произведеній древнерусской литературы. Знать исторію литературы и понимать ходъ ея развитія нельзя безъ предварительнаго ознакомленія съ ея произведеніями. Между тѣмъ на пути къ ознакомленію съ памятниками древнерусской литературы стоитъ нѣсколько весьма существенныхъ препятствій: во-1-хъ, древнерусскія произведенія, въ большинствѣ своемъ, со стороны языка представляютъ столько затрудненій, что рѣдкій изъ читателей найдетъ и времени, и охоты для того, чтобы пойти далѣе первыхъ строкъ; во-2-хъ не всякій читатель обладаетъ достаточными средствами, чтобы составить себѣ библіотеку древнерусскихъ произведеній; въ-3-хъ, многія произведенія древнерусской литературы разбросаны по всевозмож-

нимъ спеціальнымъ изданіямъ, достать которыя не легко, иногда невозможно. Такимъ образомъ, читатель, которому было бы предоставлено ознакомиться съ содержаніемъ древнерусскихъ произведеній независимо отъ курса, рискуетъ приступить къ послѣднему, въ лучшемъ случаѣ, съ плохимъ знаніемъ содержанія произведеній. Во избѣжаніе этого я рѣшилъ по возможности обстоятельнѣе излагать въ своемъ «Курсѣ» содержаніе древнерусскихъ произведеній и этимъ дать читателю возможность въ короткое время и безъ всякихъ хлопотъ ознакомиться съ ними. Я полагаю, что читатель, ознакомившійся съ древнерусскимъ произведеніемъ въ изложеніи на современномъ языкѣ, если онъ получитъ къ нему особенный интересъ, непремѣнно пожелаетъ познакомиться и съ подлинникомъ, при чемъ на этотъ разъ чтеніе его не представитъ прежнихъ трудностей. Имѣя въ виду такого читателя, я даю библіографическія указанія, пользуясь которыми можно приступить къ дальнѣйшему болѣе широкому изученію почти любого отдѣла.

Таковы практическія задачи, которыми я руководился при составленіи «Курса». Что касается теоретическихъ началъ, легшихъ въ его основу, то они формулированы мною въ §§ 4—5 «Введенія». Въ этихъ параграфахъ читатель найдетъ ключъ къ пониманію построенія моего «Курса». Послѣдній въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ другихъ курсовъ. Не останавливаясь здѣсь подробно на этомъ, отмѣчу, что въ основу изложенія собственно древнерусской литературы перваго періода я положилъ два принципа— соціологическій и хронологическій, тогда какъ другіе курсы либо довольствуются однимъ только хронологическимъ принципомъ, либо соединяютъ принципъ хронологическій съ теоретико-словеснымъ.

При обработкѣ своего «Курса» я пользовался слѣдующими книгами и пособіями, кромѣ указанныхъ въ библіографическихъ отдѣлахъ:

А. Д. Галаховъ. Исторія русской словесности древней и новой. Т. I—II. Спб. 1880.—*И. Порфирьевъ*. Исторія русской словесности. Ч. I. Древній періодъ. Изд. 4-ое. Казань. 1886. Ч. II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Изд. 2-ое. Казань. 1886. Отдѣлъ II. 1884. Отдѣлъ III. 1891.—*Ѳ. И. Буслаевъ*. Лекціи по исторіи русской литературы Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу («Старина и Новизна». Кн. VIII и X. М. 1904—1905).—*И. Н. Ждановъ*. Лекціи по исторіи русской литературы. Изданіе студентовъ Спб. Историко-филологическаго Института. Спб. 1887—1898.—*А. Н. Пыпинъ*. Исторія русской литературы. Т. I—IV. Спб. 1902—1903.—*П. В. Владимировъ*. Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій. Кіевъ. 1896.—*П. В. Владиміровъ*. Древняя русская литература Кіевскаго періода X—XIII вѣковъ. Кіевъ. 1901.—*С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб.—*В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Ч. I—II. М. 1904—1906.—*Н. Рожковъ*. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I—II. Спб. 1903—1905.—*П. Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I—II. Спб. 1904—1902.

Я извлекалъ изъ этихъ и другихъ пособій всѣ тѣ матеріалы, которые казались мнѣ не устарѣвшими, но перерабатывалъ ихъ сообразно съ принятой мною точкой зрѣнія, если они нуждались въ этомъ. Освѣдомленный читатель безъ труда отдѣлитъ то, что мною заимствовано, отъ того, что представляетъ результатъ моихъ собственныхъ изученій, соображеній, выводовъ, гипотезъ. Оговорюсь, что, напр., сближеніе Таусена съ мордовскимъ Таунсяемъ (§ 31) принадлежитъ мнѣ, хотя, конечно, нуждается въ дальнѣйшей провѣркѣ; мнѣ же принадлежатъ—гипотеза о томъ, что образъ Ильи Муромца представляетъ отраженіе историческаго Добрыни, дяди Владимира (§§ 212—213), соображенія объ особенной роли домовъ Всево-

лода I и Святослава Ярославича Черниговскаго въ развитіи русской культуры и русской литературы, идея о классовомъ происхожденіи и характерѣ всей древнерусской литературы перваго періода...

Нѣтъ сомнѣнія, что въ моемъ «Курсѣ» найдутся и крупные, и мелкіе промахи и ошибки, обусловленные, съ одной стороны, недостаточностью моихъ познаній въ томъ или другомъ отдѣлѣ литературы, а съ другой,- тѣмъ, что я недостаточно продумалъ изложенный мною матеріалъ. Дѣло критики указать эти промахи и ошибки и такимъ образомъ помочь мнѣ устранить ихъ въ слѣдующемъ изданіи, если въ немъ окажется надобность. Но и при имѣющихся недостаткахъ мой «Курсъ», мнѣ кажется, намѣчаетъ основныя звенья въ процессѣ *развитія* русской литературы, и читатель, изучившій его или просто прочитавшій его, вынесетъ относительно русской литературы представленіе, нѣсколько отличное отъ того, которое навѣвается другими курсами.

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось избѣгнуть опечатокъ. Очень извиняюсь за нихъ передъ читателями. Главнѣйшія изъ нихъ, преимущественно въ именахъ и хронологическихъ датахъ, указаны мною.

В. Келтуяла.

С.-Петербургъ.
16 августа 1906 г.

Оглавленіе.

Книга первая.

§ §		СТРАН.
1— 23.	**Введеніе**	3— 88
1.	Слово и его общественная роль	3— 4
2.	Словесность, письменность и литература	4— 6
3.	Поэзія и проза	6— 6
4.	Произведенія, разсматриваемыя исторіей литературы	6— 7
5.	Задача исторіи литературы	7— 10
6.	Славяне	10— 13
7.	Первобытный родовой коммунизмъ	13— 19
8.	Патріархально-родовое общество	19— 28
9.	Бытъ славянъ въ эпоху ихъ разселенія	28— 29
10.	Восточно-европейская равнина	30— 31
11.	Условія развитія романо-германскихъ народовъ	31— 35
12.	Условія развитія русскихъ славянъ	35— 37
13.	Византія	38— 53
14.	Византія и славяне	53— 55
15.	Кириллъ и Меѳодій	55— 61
16.	Древняя Болгарія	51— 63
17.	Древняя болгарская литература	63— 69
18.	Древній церковно-славянскій языкъ	69— 70
19.	Восточные славяне наканунѣ образованія государства	70— 75
20.	Возникновеніе русскаго государства	75— 79
21.	Принятіе русскими славянами христіанства	79— 82
22.	Двоевѣріе	82— 86
23.	Главные періоды въ исторіи русской литературы	86— 86
	Библіографія	86— 88
24—141.	**Первоначальныя основы древнерусской литературы**	89—316
24.	О первоначальныхъ основахъ древнерусской литературы	89— 89
25— 54.	ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Народная основа древнерусской литературы**	89—156
25.	Устное творчество и его коллективный характеръ	89— 91
26.	Развитіе устнаго творчества и его виды	91— 93
27.	Виды общенароднаго устнаго творчества	93— 93
28.	**Заговоры - заклинанія**	93— 99
28.	Заговоры, ихъ происхожденіе, элементы и виды	93— 99
	Библіографія	99—100

§§		СТРАН.
29— 36.	**Праздничныя пѣсни**	100—114
	29. Праздничныя пѣсни	100—100
	30. Происхожденіе древнерусскихъ праздниковъ	100—103
	31. Колада, святки и Васильевъ вечеръ подъ Новый годъ	103—108
	32. Масляница	108—108
	33. Встрѣча весны. Красная горка. Радуница. Егорьевъ день	108—111
	34. Русальная недѣля. Семикъ и Троица	111—112
	35. Купало, Ярило, Кострома, Кострубонька	112—113
	36. Жатвенные праздники	113—114
37— 43.	**Бытовыя пѣсни**	114—130
	37. Бытовыя пѣсни	114—114
	38. Древнерусскій бракъ	114—120
	39. Свадебныя пѣсни	121—123
	40. Семейныя пѣсни	123—124
	41. О похоронныхъ пѣсняхъ	124—125
	42. Древнерусскія похороны	125—127
	43. Похоронныя пѣсни	127—130
	44. Пріемы устнаго лирическаго творчества	130—134
	Библіографія	135—136
45— 50.	**Сказки**	136—147
	45. О сказкахъ	136—137
	46. Происхожденіе и составъ русскихъ сказокъ	137—138
	47. Дѣленіе сказокъ	138—138
	48. Сказки о животныхъ	139—141
	49. Сказки съ слѣдами миѳическихъ представленій	141—145
	50. Бытовыя сказки	145—147
	Библіографія	147—148
51— 51.	**Загадки**	148—149
	51. О загадкахъ	148—149
	Библіографія	149—149
52— 53.	**Пословицы и поговорки**	150—154
	52. О пословицахъ	150—154
	53. Поговорки	154—154
	Библіографія	154—154
	54. Общенародное устное творчество, какъ одна изъ основъ древнерусской литературы	155—156
55—141.	ГЛАВА ВТОРАЯ. **Еврейско-византійско-болгарская основа древнерусской литературы**	156—316
	55. Византійская переводная литература	156—157
	56. Основные элементы византійскаго міровоззрѣнія	157—160
	57. Дѣленіе еврейско-византійско-болгарской литературы	160—160
58— 58.	**Книги еврейскаго св. Писанія ветхаго и новаго завѣта**	
	58. О книгахъ св. Писанія	160—161
59— 86.	**Еврейско-византійскіе апокрифы**	161—200
	59. Объ апокрифахъ	161—163
60— 72.	**Ветхозавѣтные апокрифы**	163—179
	60. О ветхозавѣтныхъ апокрифахъ	163—163
	61. О сотвореніи міра	163—164
	62. Объ Адамѣ и Евѣ	164—165
	63. О дѣтяхъ Адама и Евы	165—166
	64. О древѣ крестномъ	166—167
	65. О праведномъ Енохѣ	167—168
	66. Сказаніе о Ноѣ	168—168
	67. Сказанія объ Авраамѣ	168—171
	68. „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“	171—172
	69. „Исходъ Моисеевъ“	172—173
	70. О Давидѣ и Соломонѣ	174—175
	71. Сказанія о Соломонѣ	175—179

§ §		СТРАН.
	72. „Видѣніе пророка Исаіи“	179—179
73—	83. **Новозавѣтные апокрифы**	179—196
	73. Дѣленіе новозавѣтныхъ апокрифовъ	179—180
	74. Апокрифическія „Евангелія“	180—183
	75. „Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ Персидской землѣ.	183—183
	76. „Преніе Іисуса Христа съ діаволомъ“	184—185
	77. „Слово Адама во адѣ къ Лазарю“	185—186
	78. „Хожденіе Богородицы по мукамъ“	186—188
	79. „Слово о видѣніи св. апостола Павла“	188—190
	80. „Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской“	190—191
	81. „Бесѣда трехъ святителей“	191—192
	82. „Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ“	193—196
	83. „Слово св. отца Похомія о средѣ и пяткѣ“. „Эпистолія о недѣлѣ“. „Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ“	196—196
84—	86. **Апокрифическія сказанія о святыхъ**	196—200
	84. Апокрифическія сказанія о святыхъ	196—196
	85. Сказанія о Георгіи Побѣдоносцѣ	196—199
	86. Сказанія о Ѳеодорѣ Тиронѣ	199—200
	Библіографія	200—201
87—	97. **Агіографическая византійская литература**	201—228
	87. Агіографическая переводная литература и ея виды	201—201
	88 Минеи-четьи	201—201
	89. Патерики	201—202
	90. Синайскій патерикъ („Лимонарь“)	202—209
	91. Скитскій патерикъ	209—212
	92. Прологи	212—212
	93. Отдѣльныя житія святыхъ	212—212
	94. Житіе Антонія Великаго	213—213
	95. Житіе и хожденіе св. отца Нифонта	213—215
	96. Житіе Андрея Юродиваго	215—218
	97. Житіе Василія Новаго	218—228
	Библіографія	228—228
98—	108. **Сочиненія св отцовъ и учителей церкви**	228—246
	98. О сочиненіяхъ св. отцовъ и учителей церкви	228—228
	99. Сочиненія Василія Великаго и Григорія Богослова	228—228
	100. Сочиненія пр. Ефрема Сирина	228—234
	101. Сочиненія Іоанна Златоустаго	234—237
	102. Труды Ѳеодорита Кирскаго	237—237
	103. Труды Іоанна Синайскаго-Лѣствичника	237—238
	104. Труды инока Антіоха и св Анастасія Синаита	238—238
	105. Труды Іоанна Дамаскина	238—242
	106. Сочиненія Нила Синайскаго	242—244
	107. Труды Геннадія Константинопольскаго	244—246
	108. Труды Никона Черногорца	246—246
	Библіографія	246—246
109—	116. **Естественно-научныя сочиненія съ еврейско-христіанской основой**	246—263
	109. Объ естественно-научной переводной литературѣ	246—246
	110. „Шестодневы“	246—247
	111. „Бесѣды на Шестодневъ“ Василія В.	247—254
	112. „Шесть словъ о твореніи міра“ Северіана, епископа Гавальскаго	254—254
	113. „Похвала Богу о сотвореніи всея твари“ Георгія Писида	254—258
	114. „Шестодневъ“ Іоанна Экзарха болгарскаго	259—259
	115. „Христіанская топографія“ Козьмы Индикоплова	259—260
	116. „Физіологъ“	260—263
	Библіографія	263—263
117—	123. **Исторіографія съ еврейско-христіанской основой**	263—274

§ § СТРАН.
117. Переводная исторіографія . . . . . 263—263
118. Палеи . . . . . 263—264
119. „Палея толковая на іудеи“ . . . . . 264—267
120. „Историческая палея“ . . . . . 267—267
121. Хроники . . . . . 267—270
122. Хронографы . . . . . 270—271
123. „Откровеніе Меѳодія Патарскаго“ . . . . . 271—274
Библіографія . . . . . 274—275
124—124. Суевѣрныя и гадательныя книги . . . . . 275—277
124. Суевѣрныя и гадательныя книги . . . . . 275—277
Библіографія . . . . . 277—277
125—127. Сборники . . . . . 277—280
125. О сборникахъ . . . . . 277—278
126. „Пчела“ . . . . . 278—279
127. „Изборники“ Святослава . . . . . 279—280
Библіографія . . . . . 280—280
128—138. Переводная беллетристика . . . . . 280—308
128. О переводной беллетристикѣ . . . . . 280—280
129. Романъ „Александрія“ . . . . . 280—286
130. Сказаніе „О Троянской войнѣ“ . . . . . 286—288
131. Поэма „Девгеніево дѣяніе“ . . . . . 288—291
132. Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ . . . . . 291—292
133. Сказаніе о бѣломъ клобукѣ . . . . . 292—293
134. „О Синагрипѣ и его совѣтникѣ Акирѣ“ . . . . . 293—296
135. „Чудо св. Николы о Синагрипѣ царѣ“ . . . . . 296—297
136. „Стефанитъ и Ихнилатъ“ . . . . . 297—300
137. Романъ „Варлаамъ и Іоасафъ“ . . . . . 300—305
138. Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ . . . . . 305—308
Библіографія . . . . . 308—308
139. Умственный кругозоръ древнерусскаго читателя по переводной литературѣ . . . . . 308—314
140. Достоинства переводной византійской литературы . 314—315
141. Кѣмъ и какъ читалась переводная византійская литература . . . . . 315—316
142—319. **Исторія древней русской литературы** . . . . 317—764
142. Періоды въ исторіи древней русской литературы . . 317—317
143—319. ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ. **Эпоха древняго Кіевскаго просвѣщенія** . . . . . 317—764
143. Объ эпохѣ древняго Кіевскаго просвѣщенія . . . . 317—318
144—157. Кіевская Русь, ея экономическій, общественно-политическій строй и историческая судьба . . . . . 318—350
144. Преданія о возникновеніи Кіева . . . . . 318—319
145. Основныя занятія русскихъ въ эпоху Кіевской Руси 319—323
146. Техника занятій населенія Кіевской Руси . . . . . 323—324
147. Общественные классы въ Кіевской Руси . . . . . 324—324
148. Смерды . . . . . 324—326
149. Дружина . . . . . 326—327
150. Духовенство . . . . . 328—332
151. Отношенія между свободными классами населенія . 332—332
152. Полусвободный и несвободный классы населенія . . 332—334
153. Политическое устройство Кіевской Руси . . . . . 334—338
154. Просвѣщеніе въ Кіевской Руси . . . . . 338—340
155. Упадокъ Кіевской Руси . . . . . 340—342
156. Образованіе новыхъ государственныхъ центровъ . 342—344
157. Татарское нашествіе . . . . . 344—350
158. Дѣленіе литературы эпохи древняго Кіевскаго просвѣщенія . . . . . 350—351
159—232. ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Княжеско-дружинное устное творчество** . . . . . 351—556

§ § СТРАН.
159. Княжеско-дружинное устное творчество . . . . . 351—351
160. „Богатырь“, „храборъ“, „поленица“ . . . . . 351—354
161. Теорія происхожденія былевого эпоса . . . . . 354—354
162. Миѳологическая теорія . . . . . 354—356
163. Теорія заимствованій . . . . . 356—358
164. Историческая теорія . . . . . 358—359
165. Происхожденіе былевого эпоса . . . . . 359—360
166. Непрофессіональные пѣвцы-поэты . . . . . 360—361
167. Профессіональные пѣвцы-поэты . . . . . 361—363
168. Скоморохи-веселые люди . . . . . 363—365
169. Типъ скомороха пѣвца-поэта . . . . . 365—367
170. Центры русскаго былевого эпоса . . . . . 367—369
171. Иноземные элементы въ русскомъ былевомъ эпосѣ . 369—370
172. Образованіе эпическихъ типовъ и эпическихъ циклов . . . . . 370—373
173. Былины кіевскаго цикла въ сѣверной и южной Россіи 373—375
174. Судьба кіевскаго княжеско-дружиннаго эпоса . . . 375—379
175. Современные сказатели былинъ. . . . . 379—379
176. Дѣленіе былинъ кіевскаго цикла . . . . . 379—379
177. Сюжеты былинъ кіевскаго цикла . . . . . 379—380
178. Дѣленіе былинъ кіевскаго цикла южнорусскаго происхожденія . . . . . 380—380
179—213. **Главные богатыри** . . . . . 380—493
179. Былины о главныхъ богатыряхъ съ слабымъ кіевскимъ пріуроченіемъ . . . . . 380—380
180—183. **Святогоръ и Самсонъ** . . . . . 380—401
180. Былины о Святогорѣ. . . . . 380—385
181. Самсонъ-богатырь . . . . . 385—386
182. Комментаріи къ былинамъ о Святогорѣ и Самсонѣ 386—400
183. Общіе выводы о былинахъ о Святогорѣ-Самсонѣ . . 400—401
184—185. **Вольга-Волхъ и Микула** . . . . . 401—411
184. Былины о Вольгѣ Святославичѣ (Вольгѣ Всеславьевичѣ) и Микулѣ Селяниновичѣ . . . . . 401—405
185. Комментаріи къ былинамъ о Вольгѣ Святославовичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ . . . . . 405—411
186. Былины о главныхъ богатыряхъ съ отчетливымъ пріуроченіемъ къ Кіеву . . . . . 411—412
187. Владиміръ св. въ исторіи и въ лѣтописи . . . . 412—415
188. Владиміръ по былинамъ . . . . . 415—419
189. Главные богатыри, служащіе Владиміру . . . . . 419—419
190—197. **Добрыня Никитичъ** . . . . . 419—431
190. Сюжеты, связанные съ именемъ Добрыни Никитича 419—419
191. Добрыня и Скименъ-звѣрь . . . . . 419—419
192. Добрыня и Марина . . . . . 419—421
193. Добрыня и Змѣй . . . . . 421—422
194. Добрыня участвуетъ въ добываніи Владиміру невѣсты 422—425
195. Добрыня и поленица-женщина . . . . . 425—427
196. Добрыня и Алеша Поповичъ . . . . . 427—431
197. Происхожденіе образа Добрыни . . . . . 431—431
198—201. **Алеша Поповичъ** . . . . . 431—438
198. Сюжеты объ Алешѣ Поповичѣ . . . . . 431—431
199. Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ . . . . . 432—434
200. Алеша и сестра Збродовичей . . . . . 434—435
201. Исторія типа Алеши Поповича . . . . . 435—438
202—213. **Илья Муромецъ** . . . . . 438—493
202. Главные сюжеты, связанные съ именемъ Ильи Муромца . . . . . 438—438
203. Илья Муромецъ дѣлается богатыремъ . . . . . 438—442
204. Первый выѣздъ Ильи . . . . . 442—452

§ § СТРАН.
205. Три поѣздки Ильи Муромца . . . . . 452—454
206. Ссора Илья съ Владиміромъ . . . . . 454—456
207. Илья Муромецъ и Калинъ-царь . . . . . 456—462
208. Илья Муромецъ и Идолище Поганое . . . . . 462—465
209. Илья Муромецъ и баба Горынинка (Латыгорка) . . 465—466
210. Бой Ильи съ сыномъ . . . . . 466—470
211. Комментаріи къ былинамъ о боѣ Ильи съ сыномъ 470—481
212. Исторія образа Ильи Муромца . . . . . 481—489
213. Параллель между Ильей Муромцемъ и лѣтописнымъ Добрыней, дядей Владиміра . . . . . 489—493
214—225. **Второстепенные богатыри кіевскаго цикла** . . . . 493—525
214. Былины о второстепенныхъ богатыряхъ кіевскаго цикла . . . . . 493—493
215. Связь нѣкоторыхъ былинъ о второстепенныхъ богатыряхъ . . . . . 493—493
216. Михаилъ (Иванъ) Даниловичъ и его отецъ Данила . 493—497
217. Сауръ Ванидовичъ и его сынъ Константинушка . . 497—499
218. Богатырь Суровецъ . . . . . 499—500
219. Василій-Пьяница . . . . . 500—501
220. Комментаріи къ былинамъ о Михаилѣ (Иванѣ), Саурѣ, Суровцѣ и Василіи . . . . . 501—511
221. Сухманъ Одихмантьевичъ . . . . . 511—513
222. Дунай (Донъ) Ивановичъ . . . . . 513—514
223. Михаилъ Потокъ Ивановичъ . . . . . 514—519
224. Иванъ Годиновичъ . . . . . 519—522
225. Данило Ловчанинъ . . . . . 522—525
226. Конецъ богатырей . . . . . 525—530
227—231. **Былины о заѣзжихъ герояхъ** . . . . . 530—548
227. Заѣзжіе герои былинъ . . . . . 530—531
228. Сюжеты, связанные съ именемъ Чурилы . . . . . 531—534
229. Комментаріи къ былинамъ о Чурилѣ . . . . . 534—537
230. Дюкъ Степановичъ . . . . . 537—543
231. Комментаріи къ старинамъ о Дюкѣ Степановичѣ . . 543—548
232. Пріемы былиннаго творчества . . . . . 548—555
Библіографія . . . . . 555—556
233—259. ГЛАВА ВТОРАЯ. **Княжеско-дружинное письменное творчество** . . . . . 556—628
233. Древняя письменность и ея техника . . . . . 556—558
234. Начало русской письменности . . . . . 558—561
235. Языкъ письменности Кіевской эпохи . . . . . 561—562
236. О княжеско-дружинномъ письменномъ творчествѣ . 562—562
237—243. **„Поученіе къ дѣтямъ" Владиміра Мономаха** . . . . . 562—580
237. Свѣдѣнія изъ біографіи Владиміра Мономаха . . . 562—563
238. Свѣдѣнія о „Поученіи" Владиміра Мономаха . . . 563—565
239. Составъ „Поученія къ дѣтямъ" . . . . . 565—566
240. Планъ „Поученія къ дѣтямъ" . . . . . 566—568
241. Наставленія Владиміра Мономаха. . . . . 568—576
242. Византійскія вліянія на „Поученіе къ дѣтямъ" . . . 576—579
243. Причины, побудившія Владиміра написать „Поученіе къ дѣтямъ" . . . . . 579—580
244—252. **„Слово о полку Игоревѣ"**. . . . . 580—613
244. Свѣдѣнія о „Словѣ о полку Игоревѣ" . . . . . 580—581
245. Походъ Игоря на половцевъ . . . . . 581—587
246. Содержаніе „Слова о полку Игоревѣ" . . . . . 587—599
247. Комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ „Слова о полку Игоревѣ" . . . . . 599—601
248. Связь „Слова о полку Игоревѣ" съ устнымъ творчествомъ . . . . . 601—60

§ § СТРАН.
249. Связь съ византійской и современной автору русской литературой . . . . . 605—607
250. Идея „Слова о полку Игоревѣ“ . . . . . 607—609
251. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ и его цѣль . . . 609—613
252. Языкъ „Слова о полку Игоревѣ“ . . . . . 613—613
253—257. **„Моленіе“ Даніила Заточника** . . . . . 613—623
253. Свѣдѣнія о Даніилѣ Заточникѣ . . . . . 613—614
254. Свѣдѣнія о „Моленіи“ Даніила . . . . . 614—614
255. Содержаніе „Моленія“ . . . . . 614—621
256. Стиль „Моленія“ . . . . . 621—623
257. Легенда о Даніилѣ Заточникѣ . . . . . 623—623
258—258. **„Слово о погибели Русской земли“** . . . . . 624—626
258. „Слово о погибели Русской земли“ . . . . . 624—626
259. Общій взглядъ на княжеско-дружинное письменное творчество . . . . . 626—628
Библіографія . . . . . 628—628
260—303. ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Церковная литература** . . . . 628—731
260. О церковной литературѣ . . . . . 628—629
261—277. **Церковная литература XI в.** . . . . . 630—668
261. Церковные писатели XI в. . . . . 630—630
262—262. **Писатели-греки XI в.** . . . . . 630—632
262. Митрополиты Леонтій, Георгій и Іоаннъ II . . . . 630—632
263—277. **Русскіе церковные писатели XI в.** . . . . . 632—668
263. Русскіе церковные писатели XI в. . . . . 632—632
264—266. **Лука Жидята** . . . . . 633—636
264. Свѣдѣнія о „Поученіи къ братіи“ и объ его авторѣ . 633—633
265. Содержаніе „Поученія къ братіи“ . . . . . 633—635
266. Предположенія о времени появленія „Поученія къ братіи“ . . . . . 635—636
267—270. **„О законѣ и благодати“** . . . . . 636—650
267. Предполагаемый авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“ . . . . . 636—637
268. Содержаніе сочиненія „О законѣ и благодати“ . . 637—643
269. Комментаріи къ сочиненію „О законѣ и благодати“ 643—649
270. Свѣдѣнія относительно сочиненія „О законѣ и благодати“ . . . . . 649—650
271—274. **Ѳеодосій Печерскій** . . . . . 650—660
271. Монастыри Кіевской эпохи . . . . . 650—651
272. Кіевопечерскій монастырь и его основатель . . . . 651—653
273. Преподобный Ѳеодосій Печерскій . . . . . 653—659
274. „Слова“ Ѳеодосія къ кіевопечерскимъ инокамъ . . 659—660
275—275. **Іаковъ Мнихъ** . . . . . 660—663
275. Іаковъ Мнихъ и его труды . . . . . 660—663
276—276. **Преподобный Несторъ** . . . . . 663—665
276. Преподобный Несторъ и его труды . . . . . 663—665
277. Стиль житій святыхъ . . . . . 665—668
278—294. **Церковная литература XII в.** . . . . . 668—708
278. Церковные писатели XII в. . . . . 668—668
279—282. **Игуменъ Даніилъ** . . . . . 669—678
279. Паломничество въ Кіевской Руси . . . . . 669—670
280. Игуменъ Даніилъ и его путешествіе . . . . . 670—671
281. Содержаніе „Хожденія“ . . . . . 672—677
282. Отличительныя черты „Хожденія“ и его значеніе . . 677—678
283—283. **Митрополитъ Никифоръ I** . . . . . 678—682
283. Труды митрополита Никифора I . . . . . 678—682
284—285. **Ѳеодосій-грекъ** . . . . . 682—688
284. Біографическія свѣдѣнія о Ѳеодосіи-грекѣ . . . . 682—682
285. Труды Ѳеодосія-грека . . . . . 682—688
286—286. **Климентъ Смолятичъ** . . . . . 688—691

§ §		СТРАН.
	286. Жизнь и труды Климента Смолятича	688—691
287—291.	**Кириллъ Туровскій**	691—703
	287. Біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ	691—692
	288. Труды Кирилла Туровскаго	692—692
	289. Содержаніе „Словъ" Кирилла Туровскаго	692—694
	290. Содержаніе „Поученій" Кирилла Туровскаго	694—696
	291. Особенности „Словъ" и „Поученій" Кирилла Туровскаго	696—703
292—292.	**Іеромонахъ Кирикъ**	703—705
	292. „Вопрошаніе Кириково"	703—705
293—293.	**Архіепископъ Илія**	705—706
	293. „Поученіе священникамъ" архіепископа Иліи	705—706
294—294.	**Добрыня Ядрѣйковичъ**	706—708
	294. „Путешествіе въ Царь-градъ" Добрыни Ядрѣйковича	706—708
295—303.	**Церковная литература первой половины XIII в.**	708—731
	295. Церковные дѣятели первой половины XIII в.	708—709
296—296.	**Авраамій Смоленскій**	709—709
	296. Дѣятельность Авраамія Смоленскаго	709—709
297—302.	**Епископъ Симонъ и инокъ Поликарпъ**	709—729
	297. Посланія Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину	709—712
	298. „Посланіе Поликарпа къ Акиндину"	712—712
	299. Содержаніе нѣкоторыхъ сказаній	712—722
	300. Комментаріи къ Кіевопечерскимъ сказаніямъ	723—724
	301. Стиль сказаній въ посланіяхъ Симона и Поликарпа	725—729
	302. „Кіевопечерскій патерикъ"	729—729
	303. „Слово нѣкоего Христолюбца"	729—730
	Библіографія	730—731
304—319.	ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Церковно-дружинное письменное творчество**	731—764
	304. Церковно-дружинное письменное творчество	731—731
	305. Происхожденіе древнерусскихъ лѣтописей	731—732
	306. Терминологія лѣтописнаго дѣла	732—733
	307. Древнѣйшіе лѣтописные своды	733—733
	308. „Начальный кіевскій сводъ"	733—737
	309. „Второй кіевскій сводъ"	737—737
	310. Обзоръ содержанія „Второго кіевскаго свода"	737—738
	311. Составъ „Второго кіевскаго свода"	738—738
	312. Русскіе источники „Второго кіевскаго свода"	738—748
	313. Иностранные источники „Второго кіевскаго свода"	748—751
	314. Различія между двумя редакціями „Второго кіевскаго свода"	751—755
	315. Методъ составленія лѣтописныхъ сводовъ и его значеніе	755—756
	316. Гипотезы о редакторахъ „Второго кіевскаго свода"	756—758
	317. Лѣтописный взглядъ на историческія событія	758—759
	318. О лѣтописяхъ, продолжающихъ „Второй кіевскій сводъ"	759—762
	Библіографія	762—762
	319. Общій взглядъ на древнерусскую литературу перваго періода	762—764
	Приложеніе: Родословая таблица русскихъ князей.	

Опечатки и недосмотры.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
19	15 св.	совершилась	совершалось
81	8 св.	978	980
93	13—14 сн.	5) пословицы и поговорки и 6) загадки.	5) загадки и 6) пословицы и поговорки.
96	6— 7 св.	закрѣпленіе	закрѣпленія
96	16 сн.	944	945
99	16 сн.	дуалзма	дуализма
99	2 сн.	Заговоры библіографическій	Заговоры, библіографическій
103	8 св.	Слова	Слово
103	16 св.	слова	слово
104	11 св.	не видать; домохозяина	не видать домохозяина;
105	8 сн.	Дать-бога	Дажь-бога
106	19 сн.	Авсенъ	Авсень
134	3— 2 сн.	«А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю»	«Не женатъ хожу, холостъ гуляю»
137	14 св.	Даже въ XII в.	Въ XII в.
137	15 св.	Въ XVII в.	Даже въ XVII в.
160	13 сн.	агіологическая	агіографическая
201	14 св.	П. Е. Щеголовъ	П. Е. Щеголевъ
235	12 св.	Антріатисъ	Андріатисъ
263	5 сн.	(556)	(§ 56)
269	1 сн.	повѣсть	(повѣсть
271	6 св.	искусство	искусства
279	15 св.	Инхилатъ	Ихнилатъ
320	8 св.	съ женами	съ семьей
320	11 св.	въ XI в.	въ X в
321	1 св.	въ Кіевскомъ княжествѣ	въ Кіевской Руси
342	11 сн.	въ 1167 г.	въ 1169 г.
353	6 св.	(fortuna)	(счастья)
357	18 св.	В. О. Миллера	В. Ѳ. Миллера
374	4 — 6 св.	Эліаса, Эліасѣ	Эліи
375	11 св.	Леонтій	Лукьяновъ
381	1 св.	1) ятогоръ	1) Святогоръ
419	14 св.	Скимень-звѣрь	Скименъ-звѣрь
431	4 сн.	третьяго	другого
507	17 сн.	Хостоврулу	Хостоврула
514	3 сн.	232	223
529	7 св.	буссти	буести
573	7 св.	напой же, накорми же	напойте, накормите
589	14 св.	Трояна	Траяна
598	10 сн.	Баянъ	Боянъ
600	8 сн.	Трояна	Троянъ

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
601	5 св.	Троянъ	Траянъ
604	17 св.	Баянъ	Боянъ
611	5 св.	попадаетъ	падаетъ
629	надъ 1-ой строкой.	229	629
629	6 св.	въ эту	въ эту эпоху
631	10 сн.	а	и
632	11 сн.	колодцамъ,	колодцамъ, указывается
644	14 сн.	имѣло	имѣло и
653	12 сн.	Θеопемтпъ	Θеопемптъ
653	17 сн.	правды	народа
671	12 св.	Дамаскъ,	Дамаскъ. Походъ этотъ предпринятъ былъ

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) На стр. 280 въ концѣ библіографическаго отдѣла необходимо добавить: *А. В. Михайловъ.* По вопросу о греко-византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій («Ж. М. Н. П.» 1893. Январь).

2) На стр. 359, въ концѣ § 164 необходимо прибавить: Представителями исторической теоріи являются слѣдующіе изслѣдователи: Л. Н. Майковъ. И. Н. Ждановъ, Н. П Дашкевичъ За послѣднее время къ этой теоріи склоняются В. Θ. Миллеръ и М. Е. Халанскій.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Первоначальныя основы древне-русской литературы.

Періодъ первый:

Эпоха древняго Кіевскаго просвѣщенія.

Введеніе.

1. Слово и его общественная роль. Еще Аристотель опредѣлилъ человѣка, какъ «животное общественное». И дѣйствительно, какъ бы далеко мы ни углубились въ прошлое человѣчества, мы не найдемъ такого момента, когда человѣкъ жилъ бы и дѣйствовалъ одиноко. Человѣкъ, повидимому, всегда стремился держаться въ обществѣ другихъ людей, дѣйствовать съ ними совмѣстно и одинаково. И это вполнѣ понятно. Физически человѣкъ уступаетъ очень многимъ представителямъ животнаго царства; его тѣло не снабжено такою силою и такими естественными орудіями нападенія и защиты, какими обладаютъ не только медвѣди, тигры, львы, слоны и пр., но и звѣри болѣе мелкіе: одинокій человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ однимъ изъ подобныхъ звѣрей, при ничтожествѣ своихъ физическихъ силъ, неминуемо погибъ бы. Только живя въ группѣ людей, соединенныхъ между собою общими интересами, отдѣльный человѣкъ могъ облегчить себѣ борьбу за существованіе, потому что тамъ, гдѣ одинокій человѣкъ безсиленъ и ничтоженъ, группа въ нѣсколько десятковъ людей уже обладаетъ порядочной силой; тамъ, гдѣ трудъ одного человѣка мало успѣшенъ, мало производителенъ, совмѣстная трудовая дѣятельность нѣсколькихъ десятковъ людей достигаетъ высокой производительности.

Совмѣстный общественный трудъ долженъ былъ породить у людей особаго рода пріемы и способы взаимнаго общенія членовъ группы. При совмѣстномъ трудѣ борьба за существованіе становится тѣмъ легче и удачнѣе, чѣмъ

лучше выработаны способы взаимнаго общенія между членами группы, способы передачи другъ другу собственныхъ наблюденій, впечатлѣній и переживаній, знаніе которыхъ могло бы оказаться особенно важнымъ для благосостоянія группы. Къ числу такихъ средствъ общенія относятся мимика и слово. Особенно большое значеніе въ человѣческомъ общежитіи суждено было пріобрѣсти слову.

Слово — это сочетаніе звуковъ, при помощи которыхъ одинъ человѣкъ сообщаетъ другому все то, что онъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ, желаетъ, думаетъ и т. д.

Слово, вѣроятно, возникло изъ тѣхъ непроизвольныхъ звуковъ, которые издавались первобытными людьми во время совмѣстныхъ однородныхъ трудовыхъ дѣйствій. Эти звуки ассоціировались съ опредѣленными трудовыми дѣйствіями и превратились въ знаки для этихъ дѣйствій, знаки, понятныя для всѣхъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними въ умѣ людей вызывались представленія о тѣхъ или другихъ трудовыхъ дѣйствіяхъ. Благодаря слову общественная борьба за существованіе можетъ совершаться успѣшнѣе, такъ какъ обмѣнъ впечатлѣніями при его помощи даетъ возможность направить совмѣстную работу такъ, какъ это требуется обстоятельствами.

Первоначально, пока трудовая борьба за существованіе отличалась простотой и несложностью, и рѣчь человѣческая состояла изъ небольшого количества словъ, обозначавшихъ, во-1-хъ, трудовыя дѣйствія людей, во-2-хъ, предметы, составлявшіе внѣшнія условія, при которыхъ совершались эти дѣйствія, какъ, напр., орудія труда и элементы внѣшней среды, и въ-3-хъ, тѣ душевныя чувства и мысли, которыми сопровождались дѣйствія людей. Вслѣдствіе этого лексиконъ первобытнаго племени исчерпывался нѣсколькими сотнями словъ.

Съ теченіемъ времени общественный трудъ становился сложнѣе и шире, и соотвѣтственно этому необходимо должна была развиваться и рѣчь, неизбѣжно должно было увеличиваться количество словъ. Въ настоящее время языки такихъ культурныхъ народовъ, какъ англичане, нѣмцы, французы и т. д., насчитываютъ десятки и сотни тысячъ словъ, исчерпывающихъ ихъ наличный общественно-трудовой опытъ.

2. Словесность, письменность и литература. По

мѣрѣ того, какъ у людей въ ихъ совмѣстной трудовой дѣятельности накоплялся и обобщался опытъ, возникала потребность въ наилучшей передачѣ его другъ другу и потомкамъ. Орудіемъ для этой передачи послужило слово. Общественный опытъ, будучи передаваемъ при помощи слова, образовалъ особаго рода произведенія, которыя получили названіе словесныхъ. Такимъ образомъ, *словеснымъ* произведеніемъ, въ широкомъ смыслѣ слова, мы называемъ общественный опытъ въ любой области человѣческой жизни, передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе при помощи слова — устно, письменно или печатно.

Словесныя произведенія, сначала, соотвѣтственно объему опыта первобытнаго общества, краткія, потомъ болѣе пространныя, передавались устно, образовавъ группу произведеній, называемыхъ *словесностью* въ узкомъ смыслѣ слова.

Съ усложненіемъ жизни, когда естественная память отказывалась сохранять расширявшійся общественный опытъ, явилась потребность въ особыхъ способахъ сохраненія и передачи опыта. Этой потребности удовлетворили письменные знаки. Словесныя произведенія, подвергнутыя записи, оказались способными сохраняться и передаваться съ гораздо большею точностью и неизмѣнностью, нежели при устной передачѣ. Совокупность такихъ произведеній получила названіе *письменности*. Но и письмо, при всѣхъ его преимуществахъ сравнительно съ устной передачей, оказалось недостаточнымъ, когда общественное развитіе пріобрѣло ускоренный ходъ. По своей медленности, кропотливости оно не могло удовлетворить потребности въ быстротѣ и широтѣ передачи ростущаго опыта. Тогда изобрѣтенъ былъ печатный станокъ, при помощи котораго можно быстро увѣковѣчить общественный опытъ и распространить его въ множествѣ экземпляровъ дешевыхъ книгъ, брошюръ, листковъ, газетъ и т. д. Совокупность произведеній печатныхъ, а также и письменныхъ носитъ особое названіе — *литература* (отъ латинскаго littera, что значитъ буква).

Изъ трехъ словъ, употребляемыхъ для обозначенія словесныхъ произведеній, наиболѣе часто пользуются словомъ «литература». Повидимому, этому слову предстоитъ съ теченіемъ времени вытѣснить термины словесность и письменность и вмѣстѣ съ тѣмъ впитать въ себя и обозначаемые

ими оттѣнки: иными словами, терминъ литература имѣетъ тенденцію обозначать всякаго рода словесныя произведенія— устныя, письменныя и печатныя.

3. Поэзія и проза. Общественный опытъ можетъ быть передаваемъ при помощи слова двояко: поэтически и прозаически. Это ведетъ къ возникновенію словесныхъ произведеній двухъ родовъ: поэтическихъ и прозаическихъ. При поэтической передачѣ общественный опытъ выражается при помощи живыхъ образовъ, въ которыхъ съ особенною яркостью подчеркиваются и преувеличиваются элементы опыта, наиболѣе почему-либо потрясшіе или задѣвавшіе общественную психику, и наоборотъ, игнорируются элементы, такого значенія не имѣвшіе. Въ первобытную эпоху преобладала поэтическая передача общественнаго опыта. Вслѣдствіе отсутствія письменности, этотъ опытъ съ теченіемъ времени подвергался въ тѣхъ или другихъ частяхъ своихъ или забвенію, или видоизмѣненію подъ вліяніемъ новаго опыта.

Прозаическая передача носитъ иной характеръ: она состоитъ въ томъ, что общественный опытъ передается не въ живыхъ образахъ съ ихъ подчеркиваніями и преувеличеніями или игнорированіемъ, а при посредствѣ понятій, цѣль которыхъ состоитъ въ возможно болѣе точномъ воспроизведеніи общественнаго опыта въ его существенныхъ элементахъ. Этой передачѣ, очевидно, могутъ подлежать по преимуществу такіе элементы общественнаго опыта, которые наиболѣе тѣсно связаны съ повседневною трудовою дѣятельностью общества, знаніе и пониманіе которыхъ особенно важно въ интересахъ успѣшности общественнаго труда. Въ первобытную эпоху эти повседневные элементы общественнаго опыта передавались по преимуществу на практикѣ и въ меньшей степени при посредствѣ словесныхъ произведеній. Прозаическіе элементы опыта входили тогда въ словесныя устныя произведенія, какъ часть, подчиненная поэтическому воспроизведенію опыта. Съ усложненіемъ техники общественнаго труда прозаическая обработка общественнаго опыта должна была получить большее значеніе и даже взять перевѣсъ надъ обработкой поэтической.

4. Произведенія, разсматриваемыя исторіей литературы. Произведенія человѣческаго слова, поэтическія и прозаическія, отличаются большимъ разнообразіемъ и по со-

держанію, и по формѣ. По содержанію прозаическія произведенія раздѣляются, напр., на научныя, философскія, публицистическія, критическія и пр.; поэтическія—на лирическія, эпическія, драматическія и пр. По формѣ произведенія могутъ представлять описаніе, повѣствованіе, разсужденіе и пр.

Исторія литературы разсматриваетъ какъ поэтическія, такъ и прозаическія произведенія, въ какой бы формѣ они ни были выражены. Но не всякое произведеніе, поэтическое или прозаическое, можетъ сдѣлаться предметомъ разсмотрѣнія въ исторіи литературы.

Исторія какого бы то ни было предмета имѣетъ дѣло прежде всего съ его *развитіемъ*, съ рядомъ его послѣдовательныхъ измѣненій на протяженіи опредѣленнаго промежутка времени; она указываетъ условія, при которыхъ предметъ или явленіе зародились, отмѣчаетъ ту сумму измѣненій, черезъ которыя предметъ или явленіе проходятъ во время своего роста, и ту сумму измѣненій, черезъ которыя они проходятъ во время своего упадка и разложенія.

Исторія литературы имѣетъ цѣлью прослѣдить условія зарожденія, роста и упадка литературы даннаго народа. Поэтому для нея интересны лишь такія словесныя произведенія, которыя отмѣчаютъ собою опредѣленную ступень въ этомъ процессѣ послѣдовательнаго развитія, въ чемъ бы эта ступень ни заключалась—въ новой ли формѣ, или въ новомъ содержаніи. Тѣ же произведенія слова, въ которыхъ излагается сумма знаній, уже извѣстныхъ и давно добытыхъ наукой, или въ которыхъ даются хотя бы и новыя знанія но не имѣющія важнаго общаго значенія, или въ которыхъ выведены образы и выражены чувства и настроенія, уже болѣе или менѣе знакомыя изъ предыдущихъ литературныхъ произведеній, словомъ, всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ не выражается движеніе всей литературы впередъ, не входятъ въ исторію литературы.

5. Задача исторіи литературы. Отдѣльное литературное произведеніе съ перваго взгляда кажется плодомъ творчества отдѣльнаго лица. И дѣйствительно, во всякомъ литературномъ произведеніи отражается въ большей или меньшей степени, въ той или иной формѣ, прежде всего личность автора, его индивидуальныя переживанія, его общественныя, умственныя и нравственныя стремленія.

Поэтому, *во-первыхъ*, исторія литературы, для уясненія особенностей даннаго произведенія, изучаетъ его, гдѣ только это возможно, въ связи съ фактами изъ жизни автора, т. е. въ связи съ его біографіей.

Во-вторыхъ. Сумма переживаній, испытанныхъ авторомъ, его общественныя, умственныя и нравственныя стремленія въ цѣломъ, никогда не составляютъ его личной принадлежности. Авторъ, по рожденію или по воспитанію, или по обстоятельствамъ жизни, или даже просто по своимъ тяготѣніямъ, принадлежитъ къ одному изъ тѣхъ классовъ населенія, на которые обыкновенно распадается данный народъ въ процессѣ борьбы за существованіе, какъ, напр., дворяне-землевладѣльцы, крестьяне, мѣщане, купцы, капиталисты, рабочіе, чиновники и пр. Вращаясь среди опредѣленнаго класса, выполняющаго опредѣленную общественно-трудовую задачу, живя и дѣйствуя совмѣстно съ прочими членами этого класса, авторъ неизбѣжно усваиваетъ жизненный опытъ послѣдняго, проникается его духомъ, его интересами и стремленіями. Въ міровоззрѣніе автора входитъ цѣлый рядъ идей, которыя являются неизбѣжнымъ достояніемъ даннаго класса населенія съ его опредѣленнымъ положеніемъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому во всякомъ литературномъ произведеніи отражается не только личность автора съ его индивидуальнымъ опытомъ, но и общественное, умственное и нравственное состояніе того класса населенія, къ которому авторъ примыкаетъ. Для болѣе широкаго пониманія даннаго литературнаго произведенія исторія литературы изучаетъ его не только въ связи съ біографіей автора, но и въ связи съ состояніемъ того общественнаго класса, представителемъ котораго является авторъ.

Въ-третьихъ. Общественные классы даннаго народа находятся въ различныя эпохи его существованія въ различныхъ отношеніяхъ другъ къ другу: одни классы являются въ большей или меньшей степени руководящими, организующими въ процессѣ борьбы за существованіе, другіе — подчиненными, исполняющими указанія первыхъ: одни принимаютъ въ созданіи національной культуры активное участіе, другіе—лишь пассивное. Такъ, въ эпоху крѣпостного права организующимъ классомъ было у насъ землевладѣльческое дворянство, а крестьяне играли роль подчиненную. Въ эпоху порефор-

менную преобладающее значеніе получила выдѣлившаяся изъ дворянскаго землевладѣльческаго класса высшая бюрократія, а остальные классы исполняли ея предначертанія. Такимъ образомъ, общественные классы находятся въ извѣстномъ исторически создающемся взаимодѣйствіи, и это взаимодѣйствіе образуетъ своего рода равнодѣйствующую, которая въ различныя историческія эпохи характеризуется различно, въ зависимости отъ того, какому классу принадлежитъ господство. Эта равнодѣйствующая придаетъ всему народу извѣстную цѣльность или единство и, налагая на него ту или другую окраску, образуетъ такимъ образомъ характеръ народа въ данную эпоху. Состояніе народа, какъ совокупности всѣхъ классовъ населенія въ ихъ данномъ равновѣсіи, также отражается въ литературныхъ произведеніяхъ. Поэтому исторія литературы разсматриваетъ литературное произведеніе не только въ связи къ жизнью автора, въ связи съ опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но и въ связи съ общественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ всего народа.

Въ-четвертыхъ. Состояніе народа, какъ опредѣленной системы классовъ населенія, обусловливается отношеніемъ его къ природѣ той территоріи, которая досталась ему въ удѣлъ. Для поддержанія своего существованія народъ долженъ, съ одной стороны, при помощи неустаннаго труда добывать изъ окружающей его природы необходимые продукты, а съ другой—подвергать ихъ разнообразной переработкѣ для того, чтобы сдѣлать ихъ годными къ употребленію. Въ этой трудовой дѣятельности, или въ борьбѣ за существованіе, народъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда причинъ, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ плотность населенія, можетъ проявить большее или меньшее умѣніе и искусство. Чѣмъ рѣже населеніе въ данной мѣстности, тѣмъ меньше требуется умѣнія и искусства для добыванія того, что даромъ предлагается природой; чѣмъ населеніе становится гуще, тѣмъ меньше становится легко добываемыхъ продуктовъ, тѣмъ борьба за существованіе становится труднѣе. Подъ угрозой страданій и смерти отъ голода является необходимость въ улучшеніи способовъ борьбы съ природой; техника трудовой дѣятельности измѣняется къ лучшему, а съ ея измѣненіемъ неизбѣжно измѣняются и взаимныя отношенія классовъ. Изъ

этого слѣдуетъ, что и отношенія народа къ природѣ, иначе говоря, техника его борьбы за существованіе, имѣющая столь огромное вліяніе на общественный строй, не могутъ не отражаться въ литературныхъ произведеніяхъ. Литературное произведеніе въ его формѣ и содержаніи не можетъ быть понято надлежащимъ образомъ, если оно не приведено въ связь съ характеромъ общественно-трудовыхъ воздѣйствій народа на природу.

Въ-пятыхъ. Общественное, умственное и нравственное состояніе даннаго народа обусловливается не одними только техническо-трудовыми отношеніями къ природѣ данной территоріи. Всякій народъ живетъ по сосѣдству съ цѣлымъ рядомъ другихъ народовъ, съ которыми онъ находится въ опредѣленномъ взаимодѣйствіи. Одинъ народъ искуснѣе въ борьбѣ за существованіе, культурнѣе и просвѣщеннѣе другого: его общественное состояніе выше, чѣмъ у другого. Въ силу этого менѣе культурный народъ волей-неволей испытываетъ вліяніе со стороны болѣе культурнаго и дѣлаетъ у него рядъ заимствованій. Поэтому въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго народа можетъ отражаться общественное, умственное и нравственное состояніе другого, болѣе развитаго народа. Это обстоятельство приводитъ къ тому, что исторія литературы изучаетъ литературное произведеніе не только въ связи съ личностью автора, въ связи съ состояніемъ общественнаго класса, къ которому онъ принадлежитъ, въ связи съ общимъ состояніемъ всего народа, обусловливаемымъ его отношеніемъ къ природѣ, — но и въ связи съ состояніемъ сосѣднихъ болѣе культурныхъ народовъ, оказавшихъ въ той или другой формѣ вліяніе на данный народъ.

На этихъ основаніяхъ исторію литературы можно опредѣлить такъ: *исторіей литературы называется наука, разсматривающая словесныя произведенія, какъ отраженіе въ словѣ послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ состояній и стремленій даннаго народа.*

6. Славяне. Исторія русской литературы разсматриваетъ словесныя произведенія, созданныя русскимъ народомъ. Русскіе принадлежатъ къ обширному славянскому племени, занимающему болѣе половины Европы. Въ свою очередь славяне составляютъ отрасль аріо-европейской расы и такимъ обра-

зомъ родственны физически, духовно и по языку грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ и литовцамъ — съ одной стороны и армянамъ, иранцамъ и индусамъ — съ другой. Имѣя свои особенности, отличающія ихъ отъ этихъ племенъ, славяне сходны съ ними въ общихъ расовыхъ чертахъ, составлявшихъ нѣкогда принадлежность аріо-европейской расы, когда послѣдняя еще не распалась на отдѣльныя племена. Вмѣстѣ съ литовцами славяне представляютъ промежуточное звено между арійцами Азіи (индусы, иранцы, армяне) и западными европейцами (греки, италійцы, кельты, германцы).

Въ Европу славяне, какъ предполагаютъ, явились изъ Азіи, и притомъ позже остальныхъ западныхъ европейцевъ. На своей новой родинѣ они въ теченіе долгаго времени не находили себѣ постояннаго пристанища.

Наиболѣе раннее воспоминаніе, сохранившееся въ начальной русской лѣтописи, застаетъ славянъ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Здѣсь на нихъ напалъ народъ волхи, или волохи, подъ которыми разумѣютъ римлянъ (волохи—влахи—Vlassii — Latii — латиняне). Вѣроятно, это воспоминаніе является отголоскомъ завоеванія римскимъ императоромъ Траяномъ (въ началѣ II в. послѣ Р. Х.) Дакійскаго царства, въ составъ котораго, повидимому, входили и славяне. Отсюда часть славянъ начала передвигаться на сѣверо-востокъ. Это передвиженіе продолжалось очень долго. Въ промежуткѣ времени отъ II и до VII вѣка исторія застаетъ славянъ въ области, занятой Карпатскимъ нагорьемъ. Здѣсь славяне образовали военный союзъ, подъ предводительствомъ восточно-славянскаго племени дулѣбовъ (волынянъ), занимавшаго сѣверо-восточный край Карпатъ. Съ III вѣка этотъ союзъ производитъ, при помощи отдѣльныхъ дружинъ, усиленныя вторженія на Балканскій полуостровъ. Результатомъ этихъ вторженій явилось постепенное заселеніе Балканскаго полуострова славянами.

Въ III вѣкѣ послѣ Р. Х. восточно-европейская равнина подверглась нашествію германскаго племени готовъ, двинувшихся съ Балтійскаго моря и проникшихъ по Черному морю даже въ Византію. Въ IV вѣкѣ предводитель готовъ Германарихъ основалъ между Днѣпромъ и устьемъ Дуная обширное царство, въ составъ котораго вошли и славяне, извѣстные тогда подъ именемъ венетовъ. Царство готовъ не долго

просуществовало на югѣ восточно-европейской равнины; оно въ IV же вѣкѣ пало подъ ударами туранскаго племени, гунновъ, и часть готовъ вмѣстѣ со славянами вошла на время въ составъ новаго царства—гуннскаго. Гуннское царство въ свою очередь распалось въ пятомъ вѣкѣ. Послѣ этого славяне становятся извѣстны подъ именами склавеновъ и антовъ. Въ VI—VII вѣкахъ славяне претерпѣли нашествіе новаго туранскаго племени — аваровъ (обровъ). Нашествіе аваровъ пріостановило вторженіе славянъ въ Византійскую имперію и съ другой стороны послужило, вѣроятно, причиной разселенія славянъ во всѣ стороны отъ Карпатскаго нагорья. Для такого разселенія наступили благопріятныя условія: въ V и VI вѣкахъ въ средней и восточной Европѣ освобождается много мѣстъ, занятыхъ раньше германскими племенами. Одни славянскія племена заняли въ V и VI вв. среднюю Европу и сѣверную часть Балканскаго полуострова, образовавъ государства Чешское, Хорватское, Болгарское; въ мѣста, которыя раньше заняты были готами, устремились восточные славяне, русскіе, а на мѣстахъ, которыя были раньше заняты вандалами и бургундами, поселились ляхи.

Къ IX-му в. послѣ Р. Х. исторія застаетъ славянъ раздѣленными на три отрасли, которыя занимаютъ опредѣленныя территоріи, сохраняемыя ими большею частью и до настоящаго времени.

Эти отрасли, суть слѣдующія: 1) западные славяне: чехи и моравы (въ предѣлахъ нынѣшней Австріи) и поляки (въ предѣлахъ западной Россіи, восточной Германіи и сѣверо-восточной Австро-Венгріи), 2) южные славяне: сербы и хорваты (въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова и въ сосѣднихъ частяхъ Австро-Венгріи) и болгары (въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова), 3) восточные славяне, или русскіе (Россія и сѣверо-восточная часть Австро-Венгріи).

Судьба этихъ отраслей славянства была различна. Однѣ изъ нихъ, какъ, напр., чехи, а затѣмъ южные славяне, сербы и болгары, не въ силахъ были сохранить свою самостоятельность и вынуждены были войти въ составъ другихъ государствъ, какъ подчиненныя части; такъ, чехи подчинились Германіи и до сихъ поръ еще не пользуются политической свободой; южные славяне еще до паденія Византіи сдѣлались

добычей турокъ и только во второй половинѣ XIX-го в. пріобрѣтаютъ политическую независимость; гораздо дольше, именно до конца XVIII-го в., самостоятельно развивалась Польша,—но и она не выдержала борьбы съ сосѣдями и потеряла свою политическую свободу. Только одна Россія успѣла создать сильное государство, которое, за исключеніемъ двухъ съ половиною вѣковъ татарскаго ига, сохранило свою самостоятельность съ IX-го в. и по настоящее время.

7. Первобытный родовой коммунизмъ. Исторія застаетъ славянъ на опредѣленной ступени общественнаго развитія, которая называется патріархально-родовой. Но прежде чѣмъ взобраться на эту довольно высокую ступень, славяне должны были пройти черезъ болѣе низкую, на которой когда-то были всѣ племена земного шара и слѣды которой, иногда довольно значительныя, сохранились и въ патріархально-родовомъ бытѣ. Эта ступень общественности носитъ названіе первобытнаго родового коммунизма.

Характерными чертами первобытнаго родового коммунизма являются слѣдующія: во-1-хъ, между людьми, живущими обособленной группой, существуетъ кровная, родовая связь; во-2-хъ, дѣятельность членовъ группы и ихъ взаимное отношеніе носятъ общинный, коммунистическій характеръ: территорія и орудія труда составляютъ принадлежность цѣлой группы, а не отдѣльныхъ ея членовъ; главныя отрасли труда выполняются всей общиной; всѣ взрослыя женщины группы состоятъ въ бракѣ со всѣми взрослыми мужчинами группы.

Въ эту эпоху не человѣкъ царитъ надъ природой, а, наоборотъ, природа надъ человѣкомъ. Данныя природой человѣку естественныя орудія нападенія и защиты—руки, ноги, зубы—несравненно слабѣе, чѣмъ у многихъ хищныхъ звѣрей, а мыслительныя способности его еще ничтожны; поэтому чудовищные звѣри, а также величественныя проявленія силъ природы внушали ему страхъ и ужасъ. Искусственныхъ орудій у первобытнаго человѣка было мало, да и тѣ были плохи. Первыми орудіями были камень и палка. Борясь при ихъ помощи за свое существованіе, первобытный человѣкъ мало-по-малу знакомился съ силами и предметами природы, набирался опыта, дѣлалъ открытія и изобрѣтенія, которыя пере-

давалъ своему потомству. Изъ соединенія палки съ камнемъ человѣкъ образовалъ копья, топоры, ножи, молотки. Въ то же время онъ познакомился съ свойствами огня. Позже изъ рыбьихъ костей человѣкъ выдѣлываетъ рыболовный крючекъ; затѣмъ онъ пріобрѣтаетъ плотъ и, наконецъ, лодку. Наиболѣе важнымъ изобрѣтеніемъ этого періода являются лукъ и стрѣла: это изобрѣтеніе дало человѣку могучее средство для борьбы съ наиболѣе крупными представителями животнаго міра и сдѣлало его такимъ образомъ не менѣе сильнымъ, чѣмъ они.

Промышленность этого періода отличалась крайнею простотою: люди добывали плоды съ деревьевъ, охотились за звѣрями, ловили рыбу, выдѣлывали орудія изъ дерева, камня и кости, а также одежды изъ шкуръ. Такая промышленность называется въ исторіи человѣчества *охотничьимъ* періодомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Она крайне недостаточна для обезпеченія человѣческой жизни. Человѣку приходилось все свое время тратить на добываніе предметовъ, лишь едва-едва поддерживающихъ жизнь: излишка продуктовъ не было, и потому не существовало между группами людей обмѣна: хозяйство было чисто натуральнымъ. Свободнаго времени у первобытнаго человѣка не оставалось.

При такомъ состояніи промышленности группа людей можетъ кое-какъ существовать, если она располагаетъ значительной территоріей, а именно: одинъ квадратный километръ земли, обладающей среднимъ обиліемъ природныхъ продуктовъ при умѣренномъ климатѣ, можетъ прокормить около 0,3—0,4 человѣка. При отсутствіи въ первобытную эпоху дорогъ, прирученныхъ животныхъ, на которыхъ можно было бы ѣздить, и при обиліи всякаго рода опасностей при передвиженіи изъ одной мѣстности въ другую, поддерживать общественную связь на большихъ пространствахъ было бы невозможно. Поэтому первобытное общество могло состоять не болѣе, какъ изъ нѣсколькихъ десятковъ людей, связанныхъ другъ съ другомъ самою природой, т. е. кровнымъ родствомъ: первобытная общественная организація людей представляла изъ себя родовой союзъ, или родъ.

Дѣятельность родового союза сводилась прежде всего къ простому сотрудничеству, которое состоитъ въ томъ, что всѣ выполняютъ одинаковую работу. Простота и несложность

общественно-трудовой дѣятельности вели къ тому, что каждый членъ первобытной группы людей умѣлъ дѣлать все то, что и другіе. Въ этомъ отношеніи первобытные люди были приблизительно равны другъ другу. Конечно, не всякая работа выполнялась отдѣльнымъ человѣкомъ: бывали моменты въ жизни группы, и притомъ большею частью, когда приходилось всей группѣ браться за трудъ, непосильный для отдѣльнаго человѣка, но удобоисполнимый для коллективныхъ усилій всей группы, какъ, напр., нападеніе на сильнаго звѣря или защита отъ него. Такъ какъ основнымъ занятіемъ первобытныхъ людей была охота, требовавшая напряженія силъ всей группы, то характерной чертой тогдашняго труда былъ его коммунизмъ.

Трудовая дѣятельность родового союза не исчерпывалась только что указанными видами простого сотрудничества: уже очень рано въ родѣ замѣчается и раздѣленіе труда, состоящее въ томъ, что различныя отрасли его выполняются различными работниками-спеціалистами. Въ первобытномъ родовомъ союзѣ раздѣленіе труда было лишь въ зачаточномъ состояніи и обусловливалось естественнымъ различіемъ въ возрастѣ и полѣ: напр., дѣти и глубокіе старики могутъ исполнять только легкія работы. Но особенно важное значеніе для общественнаго строя въ ту эпоху имѣло различіе пола.

Природа возложила на женщину обязанность продолжать человѣческій родъ: женщина вынашиваетъ, рождаетъ и кормитъ собственною грудью ребенка; между ребенкомъ и женщиной-матерью существуетъ крѣпкая, устойчивая связь, порождаемая самой природой. Въ сравненіи съ этимъ связь между ребенкомъ и мужчиной-отцомъ ничтожна. Въ первобытную эпоху, когда всѣ помышленія человѣка поглощались вопросомъ о пропитаніи, связь ребенка съ мужчиной-отцомъ даже плохо сознавалась; по крайней мѣрѣ, она не останавливала на себѣ вниманія первобытнаго человѣка. Тогда еще не было семьи въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, т. е. союза, состоящаго изъ мужа-отца, жены-матери и ихъ дѣтей. Отношенія между полами носили коммунистическій характеръ, и отдѣльный мужчина еще не сознавалъ себя отцомъ; сама женщина-мать еще не смотрѣла на того или другого муж-

нину, какъ на отца ея дѣтей, и дѣти естественно оставались на исключительномъ попеченіи женщины-матери.

На почвѣ такого крупнаго различія въ физіологической связи ребенка съ женщиной-матерью и мужчиной-отцомъ возникло первичное естественное раздѣленіе труда въ первобытномъ родовомъ союзѣ. Мужчина, не связанный ребенкомъ и заботами о немъ, имѣлъ возможность отдать все свое время заботамъ о пропитаніи. Обыкновенно, взрослые мужчины даннаго родового союза, а также взрослыя женщины, не имѣющія дѣтей, образовывали ватагу охотниковъ, занимавшихся выслѣживаніемъ и преслѣдованіемъ крупной дичи, которая, въ случаѣ удачи, тутъ же на мѣстѣ охоты и дѣлилась между ними. Охота была главнымъ занятіемъ взрослыхъ мужчинъ и немногихъ бездѣтныхъ женщинъ, и она должна была развить въ нихъ такія черты, какъ непосѣдливость, склонность къ перемѣнѣ мѣста, энергію, привычку смѣло бороться съ опасностями жизни и т. д.

Иначе устроилась трудовая жизнь женщины-матери. Связанная дѣтьми, она не могла далеко слѣдовать за мужчинами въ ихъ подвижной жизни, полной опасныхъ столкновеній со звѣрями. Ей уже очень рано нужна была хоть какая-нибудь осѣдлость, хоть какой-нибудь пріютъ (пещера, дупло дерева и т. д.), который защищалъ бы ребенка и ее отъ дождя и вѣтра: ей нужно было поддерживать огонь, чтобы защищать ребенка и себя отъ холода: ей нужно было держать у себя всегда запасы пищи для себя и для ребенка. Не имѣя возможности всегда принимать участіе въ крупной охотѣ мужчинъ, женщина-мать вынуждена была довольствоваться болѣе легкими и безопасными способами добыванія пищи: собираніемъ плодовъ съ деревьевъ, охотой за мелкими звѣрями, собираніемъ, а затѣмъ и выращиваніемъ питательныхъ сѣмянъ хлѣбныхъ злаковъ. Такимъ образомъ, женщина-мать уже въ періодѣ первобытнаго родового коммунизма создавала нѣчто въ родѣ домашняго очага, вела зачаточное домашнее хозяйство, кормила и держала у себя дѣтей: дѣвочекъ на всю жизнь, а мальчиковъ до ихъ совершеннолѣтія, когда они присоединялись къ ватагѣ мужчинъ-охотниковъ. Такой образъ жизни долженъ былъ развивать въ женщинѣ-матери домовитость, предусмотрительность, от-

вращеніе къ опасностямъ и дальнимъ передвиженіямъ и способность довольствоваться очень малымъ.

Въ «домъ» женщины-матери мужчина первоначально являлся обыкновенно въ качествѣ гостя, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, особенно же, въ случаѣ неудачной охоты. Въ этомъ домѣ не было ни одного предмета, который принадлежалъ бы ему, былъ бы продуктомъ его труда; но женщина-мать удѣляла и ему часть пищи изъ своихъ скудныхъ запасовъ, конечно, не даромъ: послѣ удачной охоты мужчина расплачивался съ правительницей дома продуктами своей охоты. Такимъ образомъ, въ домѣ женщины-матери мужчина въ періодъ родового коммунизма не имѣлъ ни малѣйшей власти: домъ и все, что въ немъ находилось, были продуктомъ труда женщины-матери и, слѣдовательно, ея собственностью; распоряжалась въ домѣ женщина-мать, и тогдашнему мужчинѣ и въ голову не приходило посягать на естественно создавшіяся права женщины-матери. Обычай, выросшій на почвѣ указаннаго раздѣленія труда, создалъ въ эпоху первобытнаго родового коммунизма зачатки частной собственности женщинъ-матерей и соотвѣтствующее такой собственности особое право—материнское, которому мужчина вполнѣ подчинялся. Такое общественное состояніе въ эпоху первобытнаго родового коммунизма называется *матріархатомъ*, господствомъ женщины-матери.

Несмотря на это различіе въ трудовой дѣятельности мужчинъ и женщинъ-матерей, среди первобытныхъ людей эпохи родового коммунизма не было позднѣйшихъ отношеній господства однихъ людей и подчиненія другихъ. Мужчина не было господиномъ надъ женщиной и дѣтьми; но и женщина-мать не была госпожой, въ современномъ смыслѣ слова, надъ дѣтьми, а ихъ естественной кормилицей и защитницей; не господствовалъ и мужчина надъ мужчиной. Первобытный человѣкъ, въ силу условій его трудовой жизни, обладалъ элементарною цѣлостностью и разнородностью психики, которыя послѣдствіи исчезаютъ. Въ первобытномъ родовомъ коммунизмѣ царилъ естественный принципъ равенства и свободы, поскольку этому не препятствовали естественныя различія по возрасту и полу. Не было воли одного человѣка надъ другимъ ни въ процессѣ трудовой дѣятельности, ни въ распредѣленіи добытыхъ или обработанныхъ

продуктовъ: господствовала воля родового союза, коммуны, опиравшаяся на тысячелѣтній обычай, а этотъ обычай, въ свою очередь, возникъ и окрѣпъ среди тѣхъ трудовыхъ дѣйствій, которыя возможны были въ первобытную эпоху, и при тѣхъ знаніяхъ, которыми располагалъ первобытный человѣкъ.

Знанія эти были ничтожны: они состояли изъ небольшого количества практическихъ свѣдѣній, добытыхъ въ узкомъ районѣ трудовыхъ дѣйствій родового союза, и кое-какихъ туманныхъ, проникнутыхъ страхомъ, представленій о мірѣ за предѣлами этого района. Обладая еще ничтожнымъ опытомъ, первобытный человѣкъ плохо разбирается въ явленіяхъ міра: онъ еще не различаетъ живого и неживого въ природѣ, безсознательнаго и сознательнаго въ самомъ себѣ. Всѣ предметы и явленія казались ему однородными по существу: онъ видѣлъ въ нихъ только одно свойство—ихъ дѣйствіе, полезное для него или вредное. Понятій объ естественномъ и сверхъестественномъ у него еще не было.

Первобытный родовой коммунизмъ могъ сохраняться только при условіи, если плотность населенія не превышала 0.3 человѣка на квадратный километръ. Когда вслѣдствіе размноженія родовая группа переходила за эти предѣлы, обнаруживался недостатокъ въ средствахъ поддержанія жизни. Группа должна была распадаться на двѣ и занимать разныя территоріи. Этотъ процессъ распаденія продолжался до тѣхъ поръ, пока страна, имѣвшая опредѣленныя естественныя границы, не насыщалась населеніемъ настолько, что дальнѣйшее распаденіе на группы становилось невозможнымъ. Плотность населенія переходила норму, при которой возможенъ былъ родовой коммунизмъ. Тогда наступало состояніе, называемое абсолютнымъ перенаселеніемъ. При старыхъ пріемахъ труда даровъ природы добывалось меньше, чѣмъ нужно было для удовлетворенія потребностей группы. Возникалъ голодъ, сопровождаемый болѣзнями и усиленной смертностью населенія. Для избавленія себя отъ гибели населеніе данной страны вынуждалось изобрѣтать новые болѣе утонченные способы борьбы за существованіе, позволявшіе обезпечить свое существованіе при сокращеніи количества легко добываемыхъ даровъ природы. Когда новые способы

воздѣйствія на природу изобрѣтались. населеніе вступало въ новый періодъ своего развитія.

Со вступленіемъ человѣчества въ новый періодъ существованія, отрицательныя черты родового коммунизма— зависимость человѣка отъ природы, тяжесть непрерывной борьбы за существованіе. скудость существованія—постепенно сглаживаются изъ памяти людей, а положительныя стороны— цѣлостность человѣческаго существа, отсутствіе власти человѣка надъ человѣкомъ, равенство, свобода, солидарность интересовъ—обобщаются въ представленіе о періодѣ особенно счастливой жизни людей въ первобытную эпоху.

Остатки первобытнаго родового коммунизма сохранились до сихъ поръ кое-гдѣ на земномъ шарѣ, особенно въ мѣстахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ тѣхъ путей, по которымъ совершилась движеніе человѣчества впередъ.

8. **Патріархально-родовое общество**. Абсолютное перенаселеніе, окончательно достигнутое въ какой-либо странѣ при родовомъ коммунизмѣ, заставляло первобытныхъ людей къ главному занятію—охотѣ—присоединить новые. болѣе успѣшные способы и пріемы эксплоатаціи природы. при помощи которыхъ можно было бы спастись отъ голода, страданій и смерти. Такими пріемами и способами оказались, съ одной стороны, скотоводство, а съ другой—земледѣліе.

Скотоводство возникло изъ прирученія охотниками-мужчинами звѣрей, первоначально, вѣроятно. для забавы, а потомъ, по мѣрѣ того какъ охота, съ увеличеніемъ населенія. становилась менѣе производительнымъ занятіемъ, и для цѣлей собственнаго пропитанія. Имѣя при себѣ хотя бы и небольшія стада прирученныхъ животныхъ, первобытное общество мужчинъ-охотниковъ и бездѣтныхъ женщинъ переставало зависѣть въ своемъ существованіи отъ случайностей удачной или неудачной охоты, такъ какъ являлась возможность удовлетворять свои основныя потребности болѣе равномѣрно, чѣмъ прежде. Первобытное скотоводство носило еще кочевой характеръ, что объясняется необходимостью переходить съ истощеннаго пастбища на новое, и могло обезпечить существованіе уже одному человѣку или двумъ на квадратный километръ пространства. т. е. давало возможность содержать въ 3—4 раза болѣе населенія въ странѣ. нежели въ періодъ родового коммунизма.

Земледѣліе было, вѣроятно, изобрѣтеніемъ женщины-матери, которая по условіямъ своего пола вынуждена была заниматься способами добыванія пищи, представлявшими наименѣе опасностей и риска. По мѣрѣ того, какъ борьба за существованіе становилась труднѣе, къ земледѣлію вынуждены были обратиться, тамъ, гдѣ были благопріятныя условія, и мужчины. Не стѣсняемые дѣтьми, мужчины, конечно, имѣли возможность приложить къ этой отрасли добывающей промышленности больше и времени, и силъ.

Въ первобытную эпоху земледѣліе мало было похоже на современное. Первымъ земледѣльческимъ орудіемъ была заостренная палка, при помощи которой дѣлали въ землѣ ямки для зеренъ. Позднѣе земля стала обрабатываться при помощи куска дерева съ острымъ сучкомъ, который разрыхлялъ землю.

Земледѣліе въ первобытную эпоху еще не связывалось съ осѣдлымъ образомъ жизни. Первобытное общество вынуждаемое охотой, продолжало свой бродячій образъ жизни и оставалось въ данномъ мѣстѣ лишь столько времени, сколько было необходимо для того, чтобы поспѣла жатва

Несмотря на несовершенство земледѣльческихъ орудій, первобытное земледѣліе, подобно скотоводству, обезпечивало существованіе населенія, въ 3—4 раза большаго по количеству, нежели въ эпоху родового коммунизма.

Земледѣліе и скотоводство возникали въ различныхъ странахъ и у различныхъ племенъ отдѣльно.

Продолжавшійся ростъ населенія порождалъ необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія способовъ борьбы за существованіе, и люди стали соединять земледѣліе съ скотоводствомъ и переходить къ осѣдлой жизни; съ усовершенствованіемъ земледѣльческихъ орудій, съ открытіемъ возможности приложить къ земледѣлію силу животныхъ матеріальное существованіе человѣка было обезпечено еще въ большей степени: одинъ квадратный километръ территоріи могъ уже прокормить около 3—4 человѣкъ.

Увеличеніе производительности общественнаго труда должно было повліять и на размѣры рода. Прирученныя сильныя животныя давали возможность совершать переѣзды на большихъ разстояніяхъ, и, слѣдовательно, можно было поддерживать родовыя связи на болѣе обширныхъ простран-

ствахъ, чѣмъ прежде. Родовая группа уже можетъ достигать размѣровъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Въ то же время съ расширеніемъ и усложненіемъ производства неизбѣжно должны были возникнуть новые виды раздѣленія труда. Особенно важное значеніе въ исторіи человѣчества получило раздѣленіе двухъ видовъ труда: организаторскаго и исполнительнаго.

При простотѣ и несложности первобытнаго коммунистическаго быта эти два вида труда могли выполнять одинаково всѣ члены группы: организаторскій трудъ не превышалъ среднихъ способностей членовъ группы. Съ усложненіемъ способовъ производства, когда возникла необходимость распредѣлять различныя работы между сотнями работниковъ, когда приходилось расчитывать потребности рода на извѣстное время впередъ и цѣлесообразно примѣнять трудъ его членовъ, организаторская дѣятельность перестаетъ быть доступной всякому: она требуетъ особенной опытности, спеціальныхъ знаній и умѣній. Такими наиболѣе опытными и знающими въ родѣ являлись обыкновенно старшіе мужчины-охотники и скотоводы. Менѣе опытными и знающими были болѣе молодые мужчины, и потому естественно, что на ихъ долю по преимуществу выпадалъ трудъ исполненія. Съ сосредоточеніемъ организаторскаго труда въ рукахъ старшаго въ родѣ, *патріарха*, въ обществѣ возникаютъ новыя отношенія: патріархъ организуетъ, руководитъ, приказываетъ, остальные члены рода исполняютъ, повинуются. Такимъ образомъ, возникаютъ власть отдѣльнаго лица и подчиненіе цѣлой группы людей этой власти. Такъ возникло первое неравенство.

Власть старшаго въ родѣ должна была еще болѣе упрочиться благодаря крупнымъ охотничьимъ предпріятіямъ и особенно войнамъ, которыя съ ростомъ населенія дѣлались неизбѣжными между патріархально-родовыми группами: крупная охота и война требуютъ строгой дисциплины, крѣпкой организаціи; безусловнымъ повиновеніемъ родовой группы патріарху обусловливается удача на охотѣ и побѣда надъ враждебнымъ родомъ. Эта дисциплина съ ея безусловнымъ повиновеніемъ патріарху-вождю постепенно распространяется отъ охотничьихъ и военныхъ предпріятій и на прочія отрасли труда. Повиновеніе патріарху-вождю становилось, по-

мимо его очевидной пользы для родовой группы, неизбѣжной и потому, что распредѣленіе продуктовъ труда, охотничьей и военной добычи, стало постепенно зависѣть отъ воли патріарха-вождя, а не всей родовой группы, какъ это было прежде.

Въ патріархально-родовой періодъ положеніе женщины подвергается крупному измѣненію. Женщины, по условіямъ пола, большею частью не могли принимать равнаго съ мужчинами участія ни въ крупной охотѣ, ни въ прирученіи животныхъ, ни тѣмъ болѣе въ войнахъ, которыя играли такую важную роль въ этомъ періодѣ; добывать средства пропитанія женщина-мать могла въ патріархально-родовой періодъ еще меньше, чѣмъ прежде. Но трудъ мужчинъ благодаря охотѣ, скотоводству и земледѣлію вознаграждался уже съ такимъ избыткомъ, что можно было безъ труда кормить и женщину и ея дѣтей. Женщина такимъ образомъ въ значительной степени освобождалась отъ труда добыванія, и на ея долю оставались работы по преимуществу домашняго характера. Но, получая средства существованія отъ мужчины, женщина естественно становилась въ зависимость отъ него, постепенно теряла свои первобытныя права и превращалась въ собственность мужчины. Женщина упорно противилась этому, о чемъ свидѣтельствуютъ преданія многихъ народовъ; но ея борьба за права, въ силу естественнаго хода вещей, должна была потерпѣть крушеніе. Особенно этому содѣйствовали войны между патріархальными родами. Побѣдители захватывали въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ: мужчинъ превращали въ рабовъ, а женщинъ—въ женъ. Само собою разумѣется, что жена изъ враждебнаго рода, взятая съ бою, была у побѣдителей въ положеніи рабыни-собственности, обязанной безусловнымъ подчиненіемъ мужчинѣ, подъ страхомъ смертной казни. Такимъ образомъ, въ борьбѣ за власть съ женщинами своего рода, тамъ, гдѣ сохранились еще остатки матріархата, мужчина-воинъ нашелъ себѣ прекрасный выходъ: онъ сталъ брать себѣ женъ насильно изъ враждебнаго рода и вновь возникшія отношенія мужчины-господина къ женѣ-рабынѣ распространять и на женщинъ своего рода и ихъ дѣтей.

Мало-по-малу среди женщинъ замираютъ преданія о бывшей свободѣ и независимости, и женщины привыкаютъ смо-

трѣть на мужчину, какъ на своего естественнаго владыку и господина. Въ этомъ именно періодѣ на ряду съ понятіемъ матери возникаетъ понятіе отца. Связь между мужчиной и дѣтьми, раньше не замѣчавшаяся, теперь становится болѣе ясной; мужчина дорожитъ ею и старается закрѣпить ее цѣлымъ рядомъ обрядовъ. Власть женщины-матери надъ дѣтьми (матріархатъ) смѣняется властью мужчины-отца (патріархатомъ). Такъ къ первому неравенству присоединилось второе неравенство.

Не прекращавшійся ростъ патріархально-родового общества велъ къ дальнѣйшему раздѣленію труда какъ исполнительнаго, такъ и организаторскаго. Трудъ организаціи при усложненіи общественной жизни становился непосильнымъ для одного лица, а потому являлась необходимость передать часть его другимъ членамъ группы, тоже наиболѣе старшимъ и опытнымъ въ группѣ. Подчиняясь общему руководству патріарха, эти второстепенные организаторы имѣли большую власть въ частныхъ областяхъ общественнаго труда, именно въ тѣхъ, съ которыми у нихъ по природѣ были наиболѣе тѣсныя хозяйственныя связи. Такъ въ патріархально-родовой группѣ начали выдѣляться болѣе мелкія родовыя группы, которыя напоминаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современную семью, и изъ которыхъ возникла современная моногамная семья. Во главѣ такой группы стоитъ организаторъ-отецъ; ему подчиняются его жены, дѣти, внуки и т. д.

Благодаря большей успѣшности и производительности труда, въ патріархально-родовыхъ группахъ являлся излишекъ произведенныхъ предметовъ. Вслѣдствіе различій въ природныхъ богатствахъ отдѣльныхъ мѣстностей однѣ общественныя группы производили по преимуществу предметы одного рода, а другія группы—другіе предметы. Между родственными группами вслѣдствіе этого должна была возникнуть необходимость обмѣнивать излишки своихъ предметовъ на излишки ихъ предметовъ. Такъ возникъ обмѣнъ продуктами, превратившійся впослѣдствіи въ мѣновую торговлю. Обмѣну суждено было въ исторіи человѣчества играть очень важную роль.

Необходимость обмѣна, первоначально существовавшаго у родственныхъ племенъ, возникаетъ и между племенами

неродственными, вовлекая такимъ образомъ ихъ въ мирныя сношенія другъ съ другомъ. Нерѣдко такія племена даже заключаютъ между собою союзы, во главѣ которыхъ обыкновенно становился или совѣтъ старѣйшинъ-организаторовъ, или одинъ организаторъ, выбранный вождь. Изъ такихъ союзовъ съ теченіемъ времени вырабатываются государственныя, политическія организаціи.

Съ развитіемъ въ патріархальномъ обществѣ раздѣленія труда и съ установленіемъ цѣлаго ряда неравенствъ должны были исчезнуть первобытная цѣлостность и психическая разнородность человѣческаго существа, царившія въ предшествующемъ періодѣ. Благодаря раздѣленію труда организаторскаго и исполнительнаго и сосредоточенію перваго въ рукахъ патріарха и его семьи, появились зародыши индивидуализма: одинъ членъ группы начинаетъ отдѣлять себя отъ всей группы и противополагать себя ей; на ряду съ интересами всей группы возникаютъ интересы лица, руководящаго группой, личные интересы. На этой почвѣ возникаетъ личная собственность организатора и появляется понятіе о частной собственности, понятіе, чуждое родовому коммунизму.

Возникшія въ группѣ неравенства и разнородности налагаютъ отпечатокъ на все міровоззрѣніе членовъ группы. Расширеніе области примѣненія труда повело за собой увеличеніе знаній. Зависимость отъ природы нѣсколько ослабѣла, ослабѣлъ и страхъ передъ ея силами; параллельно съ этимъ увеличивалось количество практическихъ свѣдѣній и уменьшалось количество туманныхъ представленій о мірѣ. Возникла потребность объяснить себѣ природу, найти связь между ея явленіями. По свойству человѣческаго ума объяснять незнакомое знакомымъ, далекое близкимъ, необычное—обычнымъ, человѣкъ неизбѣжно долженъ былъ объяснять себѣ связь между явленіями природы по аналогіи съ тою связью между людьми, которая господствовала въ современной ему общественной организаціи и была для него привычной. Въ отношеніяхъ патріархально-родового общества царила двойственность, которая обусловливалась раздѣленіемъ организаторскаго труда и исполнительнаго. Организаторскій трудъ имѣлъ по преимуществу характеръ активный и въ то же время умственный, распоряжающійся

исполнительный трудъ былъ по преимуществу грубо-физическимъ, пассивнымъ, подчиненнымъ. Первый видъ труда воплощался въ живомъ образѣ патріарха, человѣка съ особенно богатымъ опытомъ, съ особыми знаніями, съ особенной, слѣдовательно, силой; второй въ образѣ членовъ-исполнителей родовой группы, людей среднихъ, малоопытныхъ, обыкновенныхъ. Одинъ видъ труда безъ другого въ этомъ періодѣ не существуютъ: оба обусловливали другъ друга. По аналогіи съ этимъ человѣкъ эпохи патріархально-родового быта объяснялъ себѣ всю природу. Всякое явленіе въ природѣ представлялось ему сочетаніемъ двухъ началъ: воли, организующей, активной, приказывающей, подчиняющей, духовной, и начала воспринимающаго, пассивнаго, грубаго, матеріальнаго и подчиняющагося организующей волѣ. Во всякомъ предметѣ или явленіи—въ природѣ, въ звѣрѣ, камнѣ, солнцѣ, огнѣ и т. д.—человѣкъ патріархально-родового періода предполагалъ дѣйствіе организующаго начала, духа въ пассивной воспринимающей средѣ. Такое міровоззрѣніе называется *анимизмомъ, или натуральнымъ фетишизмомъ.*

Анимизмъ, или натуральный фетишизмъ, не былъ только теоретическимъ воззрѣніемъ на природу: онъ связывался съ поклоненіемъ ея силамъ. Это поклоненіе возникло подъ вліяніемъ отношеній патріархально-родовой общины къ ея предкамъ-организаторамъ. Развиваясь и совершенствуясь, организаторскій трудъ долженъ былъ становиться для рядовыхъ членовъ патріархально-родовой общины все менѣе и менѣе доступнымъ не только практически, но и теоретически—для пониманія; трудъ исполнительный былъ обыкновеннымъ, доступнымъ всѣмъ, а потому и понятнымъ въ своихъ элементахъ; трудъ организаторскій былъ свойствомъ по преимуществу одного лица, былъ недоступенъ для большинства другихъ членовъ группы и потому долженъ былъ производить впечатлѣніе явленія необычнаго; исполнительный трудъ казался и на самомъ дѣлѣ былъ болѣе элементарнымъ, низшимъ, тогда какъ трудъ организатора казался и на самомъ дѣлѣ былъ болѣе сложнымъ, высшимъ; исполнительный трудъ казался и на самомъ дѣлѣ былъ естественнымъ, обыденнымъ, трудъ организаторскій—сверхъестественнымъ, таинственнымъ. Такая противоположность этихъ двухъ

видовъ труда съ особенною рѣзкостью должна была очерчиваться въ глазахъ большинства членовъ патріархально-родовой общины въ критическія минуты ея жизни (напр., большая опасная охота или столкновеніе съ враждебнымъ родомъ), когда патріархъ-организаторъ сумѣлъ съ особеннымъ искусствомъ отстоять существованіе общины и ея благополучіе. Такіе моменты должны были наступать очень часто въ первобытное время, преисполненное всякихъ опасностей. Патріархъ-организаторъ, спасшій свой родъ, давшій ему побѣду въ борьбѣ съ природой или другими враждебными родами, долженъ былъ казаться существомъ необыкновеннымъ, высшимъ, сверхъестественнымъ, и потому онъ вызывалъ со стороны прочихъ членовъ рода преклоненіе и благоговѣйное почитаніе. Разсказы о подвигахъ такихъ патріарховъ-организаторовъ передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію, причемъ, по мѣрѣ того, какъ дѣйствующія лица этихъ разсказовъ—предки-организаторы—все болѣе и болѣе уходили въ глубь прошлаго, образы ихъ, естественно, должны были принимать черты еще большей сверхъестественности и таинственности. Наиболѣе выдававшіеся даровитые предки-организаторы, оказавшіе особенныя заслуги патріархально-родовой общинѣ въ ея борьбѣ за существованіе, должны были превратиться для потомковъ въ таинственныя, сверхъестественныя существа, рѣзко отличавшіяся отъ обыкновенныхъ людей, — въ боговъ, которымъ воздавались поклоненія, къ которымъ обращались съ молитвами о помощи. Такъ возникло почитаніе предковъ-боговъ, облагодѣтельствовавшихъ родъ человѣческій, предковъ-боговъ добрыхъ.

На ряду съ почитаніемъ благодѣтельныхъ предковъ-боговъ должно было возникнуть и иное, создававшееся другими факторами первобытной жизни. Отдѣльная патріархально-родовая община съ вождемъ во главѣ далеко не всегда имѣла успѣхъ въ борьбѣ за существованіе: часто при столкновеніи съ другой патріархально-родовой общиной первая терпѣла пораженіе и входила во вторую, какъ ея порабощенная или подчиненная часть. У этой части новообразовавшейся патріархально-родовой общины уваженіе къ патріарху-организатору, преклоненіе передъ нимъ должно было основываться на томъ страхѣ, который онъ внушалъ

ей, какъ ея побѣдитель. Патріархъ-побѣдитель долженъ былъ представляться существомъ страшнымъ, злымъ и жестокимъ, котораго надо умилостивить безпрекословной покорностью, мольбами о пощадѣ, приношеніями, жертвами. У потомковъ побѣжденной части патріархально-родовой общины этотъ предокъ-организаторъ представлялся злымъ богомъ, способнымъ причинить человѣку страшный вредъ. Такъ возникли понятія о злыхъ богахъ-предкахъ.

Это почитаніе предковъ-организаторовъ, добрыхъ и злыхъ, и обожествленіе ихъ повліяло и на воззрѣнія на природу. Въ природѣ одни предметы, явленія и силы имѣютъ второстепенное значеніе для общественной трудовой дѣятельности, а другія—первенствующее. Великое значеніе имѣетъ, напр., въ умѣренномъ поясѣ дѣятельность солнца. Наблюдая, какъ съ увеличеніемъ весною тепла и свѣта начинаетъ оживать и природа и создаются растительные продукты, необходимые для поддержанія жизни скота и людей, человѣкъ патріархально-родового періода долженъ былъ придти къ выводу, что солнце—это безмѣрно могучій, живой организаторъ природы, міра; видя, съ другой стороны, какъ, начиная съ осени, въ связи съ постепеннымъ упадкомъ солнечной энергіи, тепла и свѣта, природа начинаетъ замирать, растительность исчезаетъ, наступаетъ холодъ и мракъ, столь губительные для всего живого, человѣкъ патріархально-родового періода долженъ былъ заключить, что въ природѣ есть еще одинъ могучій организаторъ, дѣятельность котораго прямо противоположна по своимъ результатамъ дѣятельности солнца: солнце—это богъ благодѣтельный, добрый; мракъ съ холодомъ—это богъ, приносящій вредъ, богъ злой—врагъ перваго бога. Смѣна временъ года, дня и ночи начинаетъ объясняться по аналогіи съ борьбой враждебныхъ родовъ. Въ этой борьбѣ послѣдовательно одолѣваетъ то одна, то другая сторона. Одинъ существенный моментъ борьбы особенно выдѣляется патріархально-родовымъ человѣкомъ: это -гроза. Гроза представляется ему битвой между двумя враждебными родами, между солнцемъ и тьмою: грозовыя тучи, быстро заволакивающія небо,—это полчища небесныхъ воиновъ, грозящихъ солнцу; молніи, которыми пронизываются тучи,—это дѣйствіе другого организатора, родственнаго солнцу; вѣтеръ—это тоже одинъ изъ организато-

ровъ и т. д. Другой моментъ, встрѣчающійся въ природѣ сравнительно рѣдко, а именно солнечное затменіе, долженъ былъ порождать въ психикѣ человѣка патріархально-родового періода крайній ужасъ: ему казалось, что богъ мрака, медленно поглощая лучезарное свѣтило, готовится совершенно уничтожить его. Такъ на природу переносились отношенія, господствовавшія въ патріархально-родовой организаціи: вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должно было возникать и почитаніе ея главнѣйшихъ силъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ ихъ благодѣянія и отвратить ихъ вражду. Культъ далекихъ предковъ-организаторовъ сближается съ культомъ природы въ ея наиболѣе важныхъ для человѣка первобытной эпохи элементахъ и даже сливается съ нимъ: разсказы о предкахъ-богахъ невольно пріурочиваются къ почитаемымъ силамъ природы, и, наоборотъ, разсказы о дѣйствіяхъ могучихъ организаторовъ природы переносятся на предковъ-организаторовъ. Эти разсказы о богахъ-организаторахъ и ихъ подвигахъ называются миѳами. Вслѣдствіе обилія миѳовъ въ патріархально-родовой періодъ жизни человѣчества этотъ періодъ называется также *миѳическимъ*.

9. Бытъ славянъ въ эпоху ихъ разселенія. Въ эпоху разселенія бытъ славянъ покоился на основахъ патріархально-родовыхъ отношеній съ сильной примѣсью остатковъ первобытнаго родового коммунизма. Славяне дробились на родовые союзы, во главѣ которыхъ находились родовые старѣйшины или племенные князья въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько родовъ объединялись для военныхъ цѣлей въ племенной союзъ, причемъ родовые старѣйшины для обсужденія общихъ дѣлъ собирались на совѣщанія.

Главными способами борьбы за существованіе у славянъ были звѣроловство, рыболовство и добываніе плодовъ, т. е., занятія, бывшія почти единственными въ предшествующую эпоху развитія, въ эпоху коммунистическаго родового быта; на ряду съ этими занятіями у нихъ уже имѣлось скотоводство и пчеловодство, разумѣется, въ примитивныхъ еще формахъ; были у нихъ и зачатки земледѣлія, хотя земледѣліе, какъ способъ борьбы за существованіе, требующій чрезмѣрнаго напряженія силъ, еще не пользовалось у славянъ такимъ вниманіемъ, какъ въ болѣе позднія эпохи, когда легко добываемые естественные дары природы, съ увеличеніемъ населе-

нія, должны были истощиться. Обрабатывающая промышленность вполнѣ соотвѣтствовала простотѣ способовъ добыванія и сводилась главнымъ образомъ къ гончарному и кузнечному искусствамъ.

Въ религіи славянъ этой поры имѣются уже два элемента: съ одной стороны, у нихъ существуетъ культъ предковъ-организаторовъ рода, а съ другой—у нихъ наблюдается въ представленіяхъ о природѣ анимизмъ, т. е. надѣленіе явленій и предметовъ природы человѣческой психикой вообще и въ частности перенесеніе на могущественныя силы природы чертъ обожествленныхъ предковъ-организаторовъ. Высшимъ богомъ у славянъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи, небесный воитель, поражающій своими огненными стрѣлами страшныхъ чудовищъ—тучъ и заставляющій ихъ разражаться благодатнымъ для плодородія дождемъ. Съ Перуномъ, небеснымъ воителемъ, у славянъ соединялось не совсѣмъ опредѣленное представленіе о небѣ, которое является съ одной стороны отцомъ Перуна, а съ другой—его соперникомъ: это—богъ Сварогъ. У Сварога есть дѣти: Дажь-богъ (дай богатство)—это солнце (другое названіе этого бога—Хорсъ); это—богъ, который долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе у той части славянства, которая по преимуществу стала заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ. Другой сынъ Сварога—«Сварожичъ»—Волосъ, или Велесъ, подъ которымъ разумѣлось тоже солнце; это—«скотій» богъ, богъ покровитель и хранитель стадъ, «богъ поэзіи», богъ, особенно почитаемый у славянъ-звѣролововъ и скотоводовъ.

Надѣляя предметы и явленія природы живой душой, привыкши смотрѣть на психику, какъ на начало активное, организующее, славянинъ, какъ и другіе народы патріархально-родового періода, убѣжденъ былъ въ томъ, что жизнь продолжается и за гробомъ.

Подъ вліяніемъ простоты быта славяне обладали оригинальными чертами, обращавшими на себя вниманіе болѣе культурныхъ сосѣдей. Такъ, иностранцы отмѣчали необыкновенное простодушіе славянъ, ихъ неиспорченность, отсутствіе коварства и замѣчательное гостепріимство. Таковы они были у себя дома. Но зато на войнѣ они проявляли крайнюю жестокость и варварство: отсутствіе военнаго искусства они возмѣщали личною храбростью и свирѣпостью.

10. Восточно-европейская равнина. Разойдясь въ разныя стороны съ Карпатскаго нагорья, отдѣльныя славянскія племена попали въ новыя географическія, этнографическія и историческія условія существованія, которыя должны были или дальше поддерживать тѣ или другія стороны патріархально-родового быта, или же дѣйствовать на нихъ разрушительно и побуждать создавать на ихъ мѣсто новыя отношенія. Русскіе славяне колонизировали восточно-европейскую равнину.

Восточно-европейская равнина отличается громадностью размѣровъ: она занимаетъ около половины всего европейскаго материка. Въ глубокой древности эта равнина почти вся была дномъ моря, берегами котораго служили Карпатскія горы и Уральскій хребетъ. Каспійское и Аральское моря представляютъ остатки этого древняго громаднаго моря. Такимъ происхожденіемъ восточной Европы объясняется общій характеръ равнинности, свойственный ей и лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ нарушаемый плоскими возвышенностями умѣренной высоты, не болѣе 470 метровъ надъ уровнемъ моря. Изъ этихъ возвышенностей особенное значеніе имѣетъ Средне-русская, которая начинается въ Новгородской губерніи и тянется на югъ до Харьковской губ. и Области Войска Донского. На сѣверѣ Средне-русская возвышенность образуетъ Алаунское плоскогоріе и Валдайскія горы, поднимающіяся на 240—260 метровъ. Эти горы служатъ главнымъ водораздѣломъ въ Восточной Европѣ: отсюда развертывается почти во всѣ стороны равнины громадная рѣчная сѣть, составляющаяся изъ большихъ рѣкъ, какъ, напр., Днѣпръ, Донъ, Волга и т. д. Такое распредѣленіе рѣкъ должно было способствовать разселенію по всей равнинѣ: рѣка, съ одной стороны,—наиболѣе удобный и легкій путь для передвиженія, а съ другой—своими рыбными богатствами, легко добываемыми, и прѣсной водой прекрасный источникъ для пропитанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе истоковъ главнѣйшихъ рѣкъ въ сѣверной части Средне-русской возвышенности должно было сыграть весьма важную роль среди той части населенія, въ руки которой эти истоки попадутъ, естественно побуждая ее стремиться къ овладѣнію рѣками на всемъ ихъ протяженіи, слѣдовательно, къ объединенію всего населенія восточно-европейской равнины.

Въ растительномъ отношеніи восточно-европейская равнина дѣлится на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ другачасти: сѣверная и средняя часть равнины и теперь еще лѣсисты, а въ древности онѣ были покрыты густыми лѣсами, изобиловавшими дикими пушными звѣрями, птицами и пчелами; южная и юговосточная часть представляетъ сплошную степь, которая черезъ Каспійскія ворота, между устьемъ Урала и Уральскимъ хребтомъ, сливается съ средне-азіатскими степями. Лѣсистая часть равнины должна была давать населенію дерево, кору, плоды, мясо и шкуры животныхъ. Степная часть, покрытая густою травою, представляла мѣстность, прекрасную для кочевья. И дѣйствительно, сюда изъ Азіи часто появлялись скотоводы-кочевники, которымъ суждено было играть важную роль въ исторіи русскихъ славянъ.

11. Условія развитія романо-германскихъ народовъ. Указанныя особенности восточно-европейской равнины имѣли рѣшающее вліяніе на развитіе русскихъ славянъ. Характеръ этого вліянія станетъ яснымъ, если предварительно разсмотрѣть условія развитія романо-германскихъ народовъ, стоящихъ въ экономическомъ, общественно-политическомъ и культурномъ отношеніи выше насъ.

Современныя западно-европейскія государства были основаны германскими племенами, вторгавшимися въ предѣлы Западной Римской Имперіи и завоевывавшими ея части. Разселяясь съ I-го вѣка послѣ Р. Х. и до IV—V-го, германцы находились приблизительно на той ступени общественнаго развитія, на которой пребывали русскіе славяне между VII—IX-мъ в., т. е. у нихъ господствовала та же патріархально-родовая общественность. Но германцы пережили эту ступень развитія нѣсколькими вѣками раньше восточныхъ славянъ. Около V в. послѣ Р. Х. основывается германцами нѣсколько государствъ: Вестготское на Пиринейскомъ полуостровѣ, Остготское въ Италіи, Франкское въ предѣлахъ нынѣшней Франціи и западной Германіи, англо-саксонскія на островѣ Британія; позже, именно къ половинѣ IX-го в., изъ Франкской монархіи выдѣляется самостоятельное Германское государство.

Такимъ образомъ, *во-первыхъ*, германцы отъ патріархально-родового быта перешли къ новому періоду своего существованія, къ государственному быту, раньше русскихъ

славянъ на три-четыре столѣтія. Этотъ фактъ давалъ возможность романо-германскимъ государствамъ, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, пройти хронологически раньше русскихъ славянъ основныя ступени экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія.

Къ хронологическому преимуществу присоединялось *второе*: территорія западной Европы меньше территоріи восточной (западно-европейскія государства, если исключить Австро-Венгрію, занимаютъ пространство приблизительно въ 2.500.000 кв. километровъ, тогда какъ восточно-европейская равнина занимаетъ около 5.000.000 кв. километровъ); это должно было содѣйствовать болѣе быстрому наступленію состояній абсолютнаго перенаселенія, столь могущественно побуждающихъ къ совершенствованію средствъ борьбы за существованіе и, слѣдовательно, къ вступленію въ новые высшіе періоды развитія. Состоянія абсолютнаго перенаселенія должны были наступать на Западѣ тѣмъ съ большей быстротой, что въ эпоху образованія романо-германскихъ государствъ нѣкоторыя части разрушенной Западной Римской имперіи, главнымъ образомъ южныя, были уже сами по себѣ довольно густо населены. Съ особенной послѣдовательностью, типичностью и скоростью основныя ступени экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія должна была пройти Англія, которая съ 1066 г., когда она была завоевана Вильгельмомъ Завоевателемъ, избавилась на всю послѣдующую исторію отъ новыхъ завоеваній и такимъ образомъ имѣла возможность развиваться безъ всякихъ внѣшнихъ помѣхъ. Быстротѣ экономическаго и общественно-политическаго развитія Англіи содѣйствовало то обстоятельство, что эта страна —государство островное: связи съ материкомъ она не имѣетъ. Поэтому періоды абсолютнаго перенаселенія должны были въ ней наступать быстрѣе, чѣмъ на континентѣ, гдѣ пространства земли несравненно больше. Такъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся фактовъ развитія всякаго народа—политическое уравненіе средняго (торгово-промышленнаго) сословія съ землевладѣльческой аристократіей (въ Греціи—демоса съ эвпатридами, въ Римѣ- плебеевъ съ патриціями), которымъ отдѣляется новый порядокъ отъ стараго, въ Англіи произошелъ въ срединѣ XVII-го столѣтія, на континентѣ —во

Франціи къ концу XVIII-го в., въ Германіи къ половинѣ XIX-го в. Въ связи съ болѣе раннимъ экономическимъ и общественно-политическимъ развитіемъ въ Англіи раньше устанавливается и соотвѣтствующее ступенямъ этого развитія умственное и нравственное состояніе. Англія такимъ образомъ въ исторіи Европы играетъ роль своего рода прообраза для развитія всей континентальной Европы, и н только прообраза, но и образца для подражанія. Такъ, великая французская революція, имѣвшая свои внутреннія причины, произошла въ значительной степени подъ вліяніемъ англійскаго государственнаго строя и событій, происходившихъ въ англійскихъ колоніяхъ въ С.-Америкѣ: революціонныя движенія въ континентальной Европѣ въ значительной степени происходили подъ ближайшимъ вліяніемъ Франціи и косвеннымъ Англіи.

Слѣдующая таблица, въ которой указаны размѣры территоріи, число жителей и плотность населенія въ главныхъ европейскихъ государствахъ—въ Англіи, Германіи и Франціи, даетъ точное представленіе о взаимномъ отношеніи основныхъ факторовъ развитія у нихъ въ настоящее время.

ГОСУДАРСТВА.	Размѣры поверхности въ кв. килом.	Число жител.	Плотность населенія на 1 кв. кил.
I. Королевство Великобританія и Ирландія	314.667	41.660.000	132
II. Англія съ Уэльсомъ, остров. Мэнъ и Нормандскими островами	151.300	32.660.000	216
III. Германская имперія	545.135	56.345.000	103
IV. Франція	536.408	38 518.000	72

Изъ таблицы видно, что по плотности населенія первое мѣсто занимаетъ Англія, второе Германія и третье Франція. Соотвѣтственно плотности населенія распредѣляется въ настоящее время и роль каждой изъ этихъ странъ въ эконо-

мическомъ, общественно-политическомъ и культурномъ отношеніяхъ.

Третье преимущество въ развитіи романо-германскихъ народовъ состояло въ томъ, что германцы, разселившіеся въ предѣлахъ бывшей Западной Римской имперіи, попали въ условія высокаго экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія, на какомъ пребывали римляне и романизированные ими народы къ концу V в. послѣ Р. Х. Смѣшавшись съ туземцами, германцы большею частью забыли свой родной языкъ и стали говорить на языкѣ туземцевъ, нѣсколько измѣнивъ его, забыли многіе свои нравы, обычаи и т. д. Иными словами, германцы подчинились римско-христіанской культурѣ, хотя не безусловно: они не могли не внести въ эту культуру и нѣкоторыхъ германскихъ элементовъ. Римско-христіанская культура сдѣлала вслѣдствіе этого нѣсколько шаговъ назадъ, но зато и германцы, слившись съ туземцами, отрѣшились отъ значительной доли варварства. Такъ, городской бытъ древняго міра уступаетъ преобладаніе сельскому быту съ его главными занятіями—земледѣліемъ и скотоводствомъ; усиливается поземельная аристократія, и, наоборотъ, народная масса становится въ крѣпостную зависимость отъ нея; государственная власть римскаго происхожденія (абсолютный монархизмъ) постепенно падаетъ.

Подчинившись римско-христіанской культурѣ, романо-германскіе народы получили возможность дальше развивать ее. На лицо были всѣ благопріятныя для этого условія: языкомъ церкви, римско-христіанской литературы, а затѣмъ и школы былъ языкъ латинскій, очень близкій къ разговорнымъ языкамъ романо-германскихъ народовъ. Даже чисто германскіе народы, безъ примѣси романскаго элемента, для возможности культурнаго развитія, вынуждены были идти по стопамъ романо-германскихъ народовъ, усваивая высшую культуру при посредствѣ латинскаго языка, на которомъ совершалось богослуженіе, на которомъ существовала римско-христіанская литература. Когда же въ Европѣ стали назрѣвать новыя экономическія и общественно-политическія отношенія, именно, когда тамъ и сямъ началъ возникать и крѣпнуть средній классъ, буржуазія, когда этотъ классъ началъ борьбу за уравненіе съ землевладѣльческой аристократіей, свѣтской и

духовной, естественно долженъ былъ возникнуть интересъ къ древне-греческому и древне-римскому быту и къ отразившей его литературѣ. Древне-римскіе, а затѣмъ и древне-греческіе писатели, отразившіе міровоззрѣніе періода борьбы и политическаго уравненія демоса съ эвпатридами, плебеевъ съ патриціями, періода отсутствія могущественной церковной организаціи, естественно должны были возбудить особый интересъ среди европейскаго общества. Древне-римскіе и древне-греческіе писатели освѣщали путь средняго класса и давали богатѣйшій матеріалъ для обоснованія его стремленій. Знакомство съ латинскимъ языкомъ, а затѣмъ и съ древне-греческимъ давало полную возможность усвоить наиболѣе жизненные элементы древне-классической мысли. Этимъ объясняется происхожденіе такъ называемаго Ренессанса: возникновеніе въ Западной Европѣ экономическихъ и общественно-политическихъ отношеній, аналогичныхъ древне-греческимъ и древне-римскимъ эпохи республики, должно было породить соотвѣтствующіе стремленія и идеалы, которые во многихъ отношеніяхъ походили на стремленія и идеалы римлянъ и грековъ эпохи процвѣтанія.

Эти три факта, т. е. болѣе раннее основаніе государствъ, ограниченность размѣровъ занятой территоріи и культурность среды, въ которую попали германцы, должны были создать благопріятную обстановку для могучаго экономическаго, общественно-политическаго и вообще культурнаго развитія Западной Европы.

12. Условія развитія русскихъ славянъ. Значительно менѣе благопріятными оказались условія развитія русскихъ славянъ.

Во-первыхъ, русскіе славяне образовали государство въ половинѣ IX-го в., т. е. тремя-четырмя вѣками позже, нежели западно-европейскіе народы. Народъ, начинающій жить государственной жизнью позже другихъ народовъ, обыкновенно позже ихъ проходитъ и основныя ступени экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія.

Къ этому неблагопріятному факту для русскихъ славянъ присоединился *второй*. Восточно-европейская равнина, сама по себѣ громадная, не заключала почти никакихъ препятствій къ самому широкому разселенію. Едва только въ какой-либо занятой русскими славянами мѣстности истощались

естественные дары природы и начинало угрожать состояніе абсолютнаго перенаселенія, едва только наступали какія-нибудь неблагопріятныя условія для труда, часть населенія переходила на сосѣднюю часть равнины, которая съ избыткомъ вознаграждала русскаго человѣка при прежнихъ примитивныхъ способахъ труда. Обширность территоріи, при обиліи естественныхъ даровъ природы, почти полное отсутствіе препятствій для разселенія—все это вмѣстѣ соединилось для того, чтобы въ теченіе очень долгаго времени уничтожать необходимость изобрѣтать новые пріемы и способы труда, необходимость напрягать свои умственныя силы, развивать ихъ и такимъ образомъ переходить на высшія ступени развитія. Нижеслѣдующая таблица, показывающая въ цыфрахъ отношеніе пространства Европейской Россіи къ количеству и плотности населенія въ настоящее время, уясняетъ, насколько неблагопріятно для нашего развитія это отношеніе и теперь.

	Поверхность въ кв. килом.	Число жителей.	Плотность населенія на 1 кв. кил.
Европейская Россія.	5.740.000	106.305.000	18

Такимъ образомъ, на одинъ кв. килом. въ Англіи плотность населенія равняется 216 (въ Великобританіи съ Ирландіей 132), въ Германіи—103, во Франціи—72, въ Европейской Россіи—18 (во всей Россіи—6).

Страна, наиболѣе близкая къ Россіи по своимъ географическимъ и экономическимъ условіямъ—Пруссія, главная часть нынѣшней Германіи, достигла той плотности населенія, какую имѣетъ Россія теперь,—въ XVII в.; Франція въ XIV в. имѣла 40 человѣкъ на 1 кв. килом.; Англія въ XI в.—21 чел. на кв. кил. Если отношеніе между основными факторами развитія столь неблагопріятно для насъ и въ настоящее время, то въ древности оно было во много разъ неблагопріятнѣе. Таково второе условіе развитія русскихъ славянъ, могуще-

ственно поддерживавшее нашу экономическую, общественно-политическую и культурную отсталость.

Третье условіе, неблагопріятно отражавшееся на русскихъ славянахъ, это—характеръ и культурный уровень народностей, обитавшихъ на восточно-европейской равнинѣ. Югъ и юго-востокъ этой равнины, представляющіе обширныя степи, которыя сливались съ степями среднеазіатскими, всегда привлекали изъ Азіи кочевниковъ тюрко-монгольскаго племени, которые нападали на русскихъ славянъ и вносили разстройство въ завязывавшуюся русскую культуру; таковы были: печенѣги, половцы и татары. Сѣверъ и сѣверо-востокъ равнины были населены финскими племенами, стоявшими и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніи несравненно ниже русскихъ славянъ; при сліяніи послѣднихъ съ финнами уровень культуры русскихъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно понижаться.

Такимъ образомъ, русскіе славяне, попавши на восточно-европейскую равнину, очутились въ неблагопріятныхъ условіяхъ для могучаго внутренняго развитія. Но хотя и медленно они все-таки развивались и двигались впередъ. Этимъ русскіе славяне обязаны были по преимуществу одному обстоятельству, игравшему весьма важную роль во всей русской исторіи, — вліянію болѣе культурныхъ сосѣдей. А именно: всякій разъ, когда отношенія между русскими славянами и тѣмъ или другимъ культурнымъ сосѣдомъ складывались такъ, что русскіе въ борьбѣ за существованіе терпѣли явный ущербъ въ силу превосходства сосѣда, русскіе вынуждались выступать на путь подражанія сосѣду и дѣлать у него заимствованія, которыя помогли-бы сравняться съ нимъ или превзойти его въ борьбѣ за существованіе. Такими культурными сосѣдями, отъ которыхъ русскіе получали толчки къ развитію, были первоначально византійскіе греки и древніе болгары, а затѣмъ поляки и романо-германскіе народы.

13. Византія. Византія, какъ стала называться восточная часть Римской имперіи по ея окончательномъ отдѣленіи отъ западной (въ 395 г.), занимала земли, окаймляющія восточную половину бассейна Средиземнаго моря: въ Европѣ—Балканскій полуостровъ и колоніи по сѣверному берегу Чернаго моря, въ Азіи—Малую Азію, Сирію и Палестину, въ Африкѣ—Египетъ и прилегающую къ нему восточную половину сѣ-

вернаго берега Африки. Эти страны чрезвычайно разнообразны по устройству поверхности, климату, дарамъ природы, населенію, пережитой исторіи и способамъ борьбы за существованіе. Но какъ единый политическій и культурный организмъ, Византія во многихъ отношеніяхъ была продолженіемъ Римской имперіи послѣднихъ вѣковъ, мало отличаясь отъ нея въ пріемахъ и организаціи общественнаго труда.

Экономически Византія отличалась разнообразіемъ: въ ней было сочетаніе сельскаго быта съ городскимъ: земледѣліе и скотоводство, разные виды промышленности (льняныя и шелковыя ткани, стеклянныя издѣлія на сирійскихъ фабрикахъ, сукна и металлическія издѣлія на малоазіатскихъ фабрикахъ и т. д.), торговля внутренняя и внѣшняя съ разными странами въ Азіи, Европѣ и Африкѣ характеризуютъ сравнительно довольно высокое экономическое состояніе этой страны. Въ общественномъ отношеніи византійскіе греки дѣлились на сословія и классы: высшій классъ—аристократія, владѣвшій крупной поземельной собственностью, низшій — многочисленное крестьянство, въ первые вѣка существованія Византіи становящійся свободнымъ, а впослѣдствіи—закрѣпощаемый, наконецъ,—торгово-промышленный классъ въ городахъ. Во главѣ управленія стоялъ императоръ съ неограниченной властью, которая простиралась даже на область религіозно-нравственную: византійскій императоръ управлялъ при посредствѣ двухъ бюрократій—свѣтской, т. е. многочисленнаго чиновничества, и церковной, т. е. многочисленнаго духовенства. Особенно важное значеніе въ Византіи имѣла церковь.

1) Церковь и ея роль. Христіанская церковь возникла въ Римской Имперіи среди бѣднаго трудящагося класса еврейскаго народа. Первоначально она изъ себя представляла общину «труждающихся» и «обремененныхъ», преслѣдовавшую цѣли нравственной и матеріальной взаимопомощи («спасеніе души») на началахъ ученія Христа и его апостоловъ. Ученіе это, въ которомъ ярко выразились стремленія еврейскаго бѣднаго трудящагося класса, отличалось чрезвычайной широтой и возвышенностью: всѣ люди — братья, дѣти одного Отца небеснаго, люби ближняго, какъ самого себя, будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ Небесный и т. д. — таковы основныя начала ученія Христа, которыя привлекали

къ себѣ впослѣдствіи не только бѣдняковъ, но и представителей богатыхъ классовъ. Основатель христіанства не ограничился только проповѣдью своего ученія: онъ хотѣлъ, чтобы его ученіе осуществлялось въ житейской практикѣ, и для этой цѣли онъ прибѣгъ къ могущественнѣйшему средству: онъ организовалъ общество людей, раздѣляющихъ его взгляды и способныхъ проводить ихъ въ жизнь. Такъ возникла первая христіанская община-церковь (слово «церковь» означало прежде «собраніе»); въ подражаніе ей въ многочисленныхъ городахъ Римской имперіи возникаетъ цѣлый рядъ такихъ же общинъ-церквей.

Строй первоначальныхъ христіанскихъ общинъ вполнѣ соотвѣтствовалъ началамъ ученія Христа. Во-первыхъ, въ члены общины могли поступать только такія лица, которыя вполнѣ проникались основною мыслью Христа: церковная связь членовъ выше, обязательнѣе, святѣе всякой другой связи, даже кровной, т. е. связи родителей съ дѣтьми, мужа съ женой, брата съ сестрой. Во-вторыхъ, члены церкви равны между собою: они другъ для друга—единственные братья и сестры. Въ-третьихъ, члены церкви не имѣютъ личной, частной собственности; богатому, по ученію Христа, спасти душу трудно, почти невозможно: скорѣе верблюдъ пролѣзетъ черезъ ушко иглы, нежели богатый спасется; поэтому пища, одежда, жилища, деньги и т. д. были принадлежностью общины, церкви, а не отдѣльныхъ членовъ. Въ-четвертыхъ, въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ не было дѣленія на господствующихъ и подчиненныхъ. Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: «Вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ быть бо́льшимъ между вами, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ». На этомъ основаніи въ христіанскихъ общинахъ царилъ принципъ самоуправленія: община выбирала себѣ изъ своей среды лицъ, которыя завѣдывали дѣлами общины и ея имуществомъ и давали въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ общинѣ. Такими выборными лицами были діаконы (по-гречески значитъ служители), пресвитеры (по-гречески—старѣйшіе) и епископы (по-гречески—наблюдатели).

Церковная должность діаконовъ возникла еще во времена

апостольскія. Первоначально функціи діакона состояли въ равномѣрномъ распредѣленіи жизненныхъ припасовъ между членами христіанской общины, въ заботахъ о содержаніи сиротъ, вдовъ и т. д. Эти функціи осложняются съ теченіемъ времени цѣлымъ рядомъ другихъ обязанностей: діаконы должны были наблюдать за поведеніемъ и нравами членовъ общины; они смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ храмахъ. Въ апостольскія времена на каждую общину полагалось семь діаконовъ. Эти лица пользовались большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Впослѣдствіи количество діаконовъ увеличивается, а значеніе ихъ падаетъ: должность діакона становится низшей церковной должностью при пресвитерѣ и епископѣ; его функціи сводятся къ помощи, оказываемой пресвитеру при богослуженіи.

Функціи пресвитера въ апостольскія времена сливались еще съ функціями епископа: одно и то же должностное лицо называлось пресвитеромъ, когда хотѣли обозначить его старческій возрастъ, и епископомъ, когда хотѣли обозначить самую должность, т. е. управленіе дѣлами общины (наблюдатель). Впослѣдствіи подъ вліяніемъ необходимости раздѣленія труда функціи собственно епископскія отдѣляются отъ функцій пресвитерскихъ. За пресвитеромъ сохраняются слѣдующія обязанности: совершеніе таинствъ и священнодѣйствій, сказываніе поученій и преподаніе благословенія, предсѣдательствованіе на церковныхъ собраніяхъ въ отсутствіе епископа.

Епископы, по отдѣленіи пресвитерскаго сана, сосредоточили въ своихъ рукахъ высшее управленіе церковными общинами; пресвитеры вмѣстѣ съ діаконами стали въ подчиненное отношеніе къ нимъ, что выразилось въ правѣ епископа рукополагать въ діаконы и пресвитеры. Управляя дѣлами общинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжаясь доходами ихъ, епископы съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ большую власть.

Что касается богослуженія, то въ первые вѣка христіанства оно отличалось крайней простотой: оно состояло въ чтеніи евангелія, въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и въ совершеніи тайной вечери.

Таковъ приблизительно былъ строй первоначальныхъ христіанскихъ церквей.

Между тѣмъ церкви умножались, общины становились

обширнѣе, ихъ богатства росли. Трудъ и обязанности представителей общинъ стали усложняться. Явилась потребность въ болѣе рѣзкомъ раздѣленіи труда организаторскаго и исполнительнаго; соотвѣтственно этому прежнія отношенія равенства въ общинѣ начинаютъ постепенно замѣняться отношеніями руководства и исполненія, господства и подчиненія. Изъ представителей общинъ особенное значеніе въ дѣлѣ организаціи пріобрѣли епископы, которые завѣдывали имуществомъ общины и опредѣляли, на что должны тратиться ея доходы. Завѣдываніе имуществомъ давало епископамъ большую власть надъ паствой: епископы становятся все менѣе и менѣе зависимыми отъ своихъ избирателей, а послѣдніе все болѣе и болѣе зависимыми отъ епископовъ. Особенно великой становилась власть епископовъ въ обширныхъ христіанскихъ общинахъ крупныхъ городовъ Римской имперіи, среди которыхъ могли накопляться громадныя богатства. Мало-по-малу паства теряетъ право выбора своихъ должностныхъ лицъ и сохраняетъ только право утвержденія въ должности лицъ, назначаемыхъ самой церковной администраціей. Впослѣдствіи паства лишается и этого права.

На ряду съ развитіемъ власти церковной администраціи и особенно епископовъ идетъ объединеніе церковныхъ общинъ. Первоначально церкви были независимы другъ отъ друга, и единеніе между ними поддерживалось или письменно, обмѣномъ посланій, или устно, переговорами при посредствѣ делегатовъ. Къ концу II-го в. церкви отдѣльныхъ областей вступаютъ другъ съ другомъ въ союзы, высшей инстанціей которыхъ являлись съѣзды (синоды) епископовъ. Въ IV-мъ в. всѣ христіанскія общины объединяются въ одинъ союзъ: возникаетъ вселенская христіанская церковь: ея высшимъ органомъ становятся вселенскіе соборы (съѣзды), на которыхъ главную роль играютъ епископы самыхъ богатыхъ и могущественныхъ общинъ. Наиболѣе богатой и могущественной была римская община; поэтому римскій епископъ, папа, пріобрѣтаетъ во вселенской церкви первенствующее значеніе, и это значеніе признается за нимъ остальными христіанскими общинами.

Такъ строй христіанской церкви постепенно измѣнялся и приспособлялся къ отношеніямъ, господствовавшимъ въ Римской имперіи, въ теченіе того времени, пока она была

преслѣдуема римскимъ правительствомъ. Къ началу IV-го в. для римскаго правительства становится ясно, что силой—не справиться съ могучей организаціей «труждающихся» и «обремененныхъ». Тогда римскіе императоры начали искать союза съ церковью или, точнѣе, съ ея администраціей. Въ 313 г. Константинъ В. признаетъ право свободнаго исповѣданія христіанской религіи: въ 392 г. Ѳеодосій признаетъ христіанскую церковь государственнымъ учрежденіемъ. Римскій императоръ подѣлился своею властью съ церковной администраціей, которая, такимъ образомъ, превратилась въ новый правительственный классъ, стоящій рядомъ съ свѣтской администраціей. Съ этого момента христіанская церковь начинаетъ круто измѣняться по существу.

Во-первыхъ, общественная организація «труждающихся» и «обремененныхъ», имѣвшая цѣли нравственной и матеріальной взаимопомощи на началахъ ученія Христа, перестаетъ существовать, и на ея мѣсто воздвигается бюрократическое учрежденіе, создавшееся изъ административныхъ элементовъ церкви, которые образовали сложную іерархію, начиная съ діаконовъ, пресвитеровъ и кончая епископами, архіепископами, митрополитами и патріархами. Это учрежденіе, занявшее мѣсто рядомъ съ свѣтской бюрократіей, начинаетъ считать и называть церковью по преимуществу себя: оно противополагаетъ себя «паствѣ» и ставитъ своею главною цѣлью организовать свои отношенія къ «паствѣ» на началахъ ея полнаго подчиненія себѣ и свѣтской власти, толкуя соотвѣтственнымъ образомъ тексты св. Писанія. Съ заключеніемъ союза между свѣтской властью и церковной матеріальная взаимопомощь превращается въ благотвореніе «церкви» нищимъ и убогимъ; при этомъ уже въ IV-мъ в. изъ церковныхъ доходовъ, дѣлившихся на четыре части, половина шла на содержаніе духовенства, четверть на потребности культа (постройка и содержаніе храма и т. д.) и четверть на помощь бѣднымъ; позже эта помощь еще болѣе сокращается, а потомъ и совсѣмъ исчезаетъ. Нравственная взаимопомощь сама собою исчезла, когда административный элементъ церкви соединился съ свѣтскимъ правительствомъ и классъ «труждающихся» и «обремененныхъ» лишился такимъ образомъ своей общественной организаціи.

Во-вторыхъ, съ того момента, какъ церковь перестаетъ

быть организацiей жизненныхъ отношенiй «труждающихся» и «обремененныхъ», христiанское ученiе въ Римской имперiи перестаетъ привлекать къ себѣ сердца, какъ совокупность началъ для устроенiя именно этихъ отношенiй. Въ восточной половинѣ Римской имперiи, гдѣ еще среди грековъ сохранился культъ внѣшней красоты и любовь къ отвлеченному мышленiю, оно превращается по преимуществу въ матерiалъ, съ одной стороны, для развитiя символической обрядности, которой съ теченiемъ времени приписывается смыслъ необходимаго, чуть ли не главнаго средства для наилучшаго устройства своихъ отношенiй къ Богу и людямъ, для «спасенiя души», а съ другой стороны, оно превращается въ матерiалъ для философскаго мышленiя. Отсюда—развитiе богослуженiй различныхъ видовъ и возникновенiе многочисленныхъ толкованiй на содержанiе св. Писанiя, изъ которыхъ одни на вселенскихъ соборахъ (съ IV—IX вв.) были признаны ошибочными, еретическими, а другiе—правильными, православными.

Но и интересы въ области религiознаго мышленiя не долго возбуждали вниманiе христiанскаго населенiя. Послѣднiй изъ религiозныхъ вопросовъ, волновавшихъ христiанскiй мiръ, былъ вопросъ о поклоненiи иконамъ. Съ его разрѣшенiемъ въ пользу иконопочитанiя (842 г.) уже больше не поднимается религiозныхъ вопросовъ, которые разрѣшались бы при посредствѣ вселенскихъ соборовъ. Умственные интересы въ области религiи замираютъ, и даже догматическiй вопросъ о Filioque, т. е. о происхожденiи св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына не вызываетъ вселенскаго собора и остается неразрѣшеннымъ до сихъ поръ. Такъ создавалась обрядность и христiанская догматика, плодъ творчества по преимуществу византiйскаго грека съ его склонностью къ внѣшней красотѣ и къ философскому умозрѣнiю. Съ этого времени нравственныя и общественныя основы христiанства отходятъ на заднiй планъ, а на первый планъ выдвигается обрядовое богослуженiе и догматы, въ которыхъ видятъ сущность христiанскаго ученiя. Исполненiе обрядовъ и признанiе утвержденныхъ соборами догматовъ считается главнымъ признакомъ истиннаго христiанина.

Съ тѣхъ поръ, какъ церковь стала приспособляться къ

господствовавшимъ въ Римской имперіи экономическимъ, общественно-политическимъ и культурнымъ отношеніямъ, т. е. приблизительно съ III—IV в., немногія лица, для которыхъ христіанское ученіе продолжало сохранять интересъ практическій, какъ совокупность началъ для устройства совершенной жизни, стали покидать міръ, плохо поддававшійся воздѣйствію христіанскихъ началъ: они уходили въ пустыни и тамъ, внѣ отношеній греко-римскаго міра, начали устраивать свою личную жизнь. Вокругъ тѣхъ изъ этихъ лицъ, которымъ указанная задача удавалась съ особеннымъ успѣхомъ, стали группироваться другія, имѣвшія ту же задачу. Такъ возникли монашескія общины, въ которыхъ до нѣкоторой степени возстановлялись черты первоначальной христіанской общины, какъ, напр., принципъ общности и взаимопомощь въ цѣляхъ нравственнаго совершенствованія. Но въ этихъ общинахъ первоначальныя задачи нравственной и матеріальной взаимопомощи пріобрѣтаютъ особое направленіе аскетическое, подвижническое. Неподатливость греко-римскаго міра воздѣйствію христіанскихъ началъ нравственности была объяснена не изъ экономическаго и общественно-политическаго строя Римской имперіи и ея продолженія Византіи, не изъ строя, властовавшаго надъ психикой населенія, а несовершенствомъ человѣческой природы вообще, вліяніемъ грѣховнаго, плотскаго начала въ человѣкѣ и въ мірѣ, противодѣйствіемъ діавола—носителя злой міровой силы. Поэтому въ монастырскихъ общинахъ задача христіанской жизни свелась къ борьбѣ съ грѣховнымъ началомъ — съ плотью, какъ источникомъ зла, и къ непрерывной заботѣ о личномъ душевномъ спасеніи съ цѣлью полученія наградъ въ загробномъ мірѣ. Строгое дисциплинированіе тѣла и духа посредствомъ поста, бодрствованія, труда и молитвы и т. д. считалось главнымъ средствомъ для спасенія души. Монахи отказывались отъ всего мірского и прежде всего отъ частной собственности: они обрекали себя на добровольную бѣдность и содержали себя исключительно трудомъ своихъ рукъ; въ монашескихъ общинахъ все было общимъ - общая для всѣхъ трапеза, одежда, общій укладъ жизни.

Первый уставъ строгой монашеской жизни написанъ былъ Пахоміемъ Великимъ († 348 г.), основавшимъ въ Египтѣ первую монашескую общину. Другой уставъ написанъ былъ

Василіемъ Великимъ († 379 г.). Изъ позднѣйшихъ уставовъ болѣе замѣчательнымъ является уставъ, написанный Феодоромъ Студитомъ († 826 г.). Монашество по этимъ уставамъ имѣетъ характеръ строго аскетическій, характеръ, чуждый первоначальной христіанской церкви.

Но и монашество не удержалось на той высотѣ, на какую оно возведено было его основателями. «Міръ» съ его отношеніями, интересами, «послабленіями» и «слабостями» вторгается и въ монастыри. Рядомъ съ строгимъ общиннымъ монашествомъ является монашество келліотское, прямо ему противоположное. Оно состоитъ въ томъ, что постригшійся въ монахи не вступаетъ въ монашескую общину съ ея суровымъ образомъ жизни, а ставитъ себѣ въ монастырѣ особую келью, въ которой живетъ на свои средства особымъ хозяйствомъ, внѣ монастырскаго надзора и монашеской дисциплины. Такой монахъ могъ вести и строгій образъ жизни, и совершенно мірской. Съ возникновеніемъ въ монашествѣ келліотства монастыри начинаютъ пополняться лицами, ищущими не аскетически-дисциплинарныхъ условій жизни для спасенія души, а привольной праздной жизни на счетъ благотворителей-мірянъ.

Таковы основныя измѣненія, происшедшія въ церкви эпохи Римской имперіи и ея продолженія—Византіи. Къ этимъ измѣненіямъ присоединилось съ теченіемъ времени еще одно, весьма важное, нарушившее единство церкви. Римская имперія естественно распадалась на два культурныхъ міра—восточный, съ преобладаніемъ греческой культуры и греческаго языка, и западный съ преобладаніемъ римской культуры и латинскаго языка. Различіе этихъ двухъ культуръ неизбѣжно должно было отразиться на церковную организацію обоихъ міровъ—Запада и Востока. Съ политическимъ распаденіемъ Римской имперіи на два самостоятельныхъ государства и въ церкви образуется два міра: римско-христіанскій и византійско-христіанскій.

Во главѣ перваго продолжаетъ оставаться римскій архіепископъ папа, занимавшій во всемъ христіанскомъ мірѣ первое мѣсто; во главѣ второго становится константинопольскій патріархъ. Между обоими представителями христіанской церкви существуютъ рѣзкія различія въ ихъ положеніи,

объемѣ власти, авторитетѣ и т. д., что объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ.

Во-первыхъ, пребываніе папы въ Римѣ, богатой столицѣ великой имперіи съ славнымъ прошлымъ, само по себѣ ставило папу выше константинопольскаго патріарха, мѣстопребываніе котораго находилось въ Константинополѣ, столицѣ молодой, съ ничтожнымъ прошлымъ.

Во-вторыхъ, римскій епископатъ возникъ уже въ I в. по Р. Х., когда христіанская церковь была еще гонима и проникнута высокимъ духомъ ея основателей; преданіе связываетъ возникновеніе римскаго епископата съ дѣятельностью апостола Петра въ Римѣ. Константинопольскій патріархатъ возникъ въ IV в. по Р. Х., по распоряженію свѣтской власти, въ цѣляхъ административнаго порядка. Такое различіе въ происхожденіи обусловило и различіе въ пололоженіи обоихъ представителей церкви и въ ихъ авторитетности. Папа въ Римѣ издревле привыкъ къ независимости отъ свѣтской власти въ своей области; римскій императоръ послѣ долгой борьбы съ христіанской церковью вынужденъ былъ признать ея силу и сдѣлать ей важныя уступки; папа, какъ главный представитель римскаго христіанства, долженъ былъ сознавать свою силу, оберегать ее по возможности отъ малѣйшихъ посягательствъ со стороны свѣтской власти; сама свѣтская власть должна была съ особымъ уваженіемъ и осторожностью относиться къ папѣ. Константинопольскій патріархъ, обязанный своимъ саномъ императору, долженъ былъ въ большей или меньшей степени подчиняться въ церковныхъ дѣлахъ видамъ императора. Такое различіе въ положеніи создавало для папы болѣе высокій авторитетъ среди христіанскаго населенія, нежели для константинопольскаго патріарха.

Въ-третьихъ, въ эпоху распаденія Западной Римской имперіи, когда исчезла императорская власть, населеніе, привыкшее въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ повиноваться руководительству одного лица, облеченнаго верховной властью, стало смотрѣть на папу, второе лицо послѣ императора, какъ на своего естественнаго руководителя. Къ папѣ такимъ образомъ естественно перешли нѣкоторыя функціи императорской власти. Съ этого времени папа сталъ объединять въ своемъ лицѣ двѣ власти—духовную и

свѣтскую, причемъ вторая опиралась на первой, какъ на своемъ первоисточникѣ (папо-цезаризмъ). На Востокѣ патріархъ обладалъ только духовной властью; но и этой властью онъ располагалъ лишь постольку, поскольку допускалъ это императоръ: духовная власть во всей своей полнотѣ находилось въ рукахъ императора, представителя свѣтской власти (цезаро - папизмъ).

Въ-четвертыхъ, папа въ силу своей независимости строже хранилъ традиціи православія, нежели константинопольскій патріархъ, что съ особенною яркостью сказалось въ эпоху иконоборства, когда папы должны были выступить на защиту иконъ противъ византійскихъ императоровъ и ихъ ставленниковъ, патріарховъ.

Когда Римская церковь стала великой силой на Западѣ, ея представитель началъ относиться, какъ власть имущій, и къ Византійской, развивавшейся въ обратномъ направленіи—въ духѣ подчиненія византійскому императору. Византійскій патріархъ или, точнѣе, скрывавшійся за нимъ византійскій императоръ, конечно, не могъ согласиться играть въ отношеніи къ восточной церкви роль подчиненную, и это привело къ фактическому разрыву между обѣими церквами (1054 г.). Разрывъ такимъ образомъ былъ лишь открытымъ признаніемъ съ обѣихъ сторонъ коренныхъ различій въ строѣ, характерѣ и духѣ двухъ церквей, причемъ ни одна изъ нихъ не пожелала бы да и не смогла бы отказаться отъ своихъ характерныхъ чертъ въ пользу другой.

Коренное различіе между обѣими церквами тогда только чувствовалось, но основы его ясно не сознавались. Поэтому обѣ спорившія стороны, нападая другъ на друга или обороняясь, хватались за различныя второстепенныя черты, которыя въ сущности не могли бы помѣшать обѣимъ церквамъ мирно жить въ единеніи другъ съ другомъ, какъ, напр., постъ въ субботу, безбрачіе духовенства и другія особенности западной церкви; даже Filioque, вопросъ объ исхожденіи св. Духа отъ Сына, не могъ бы повести къ раздѣленію, если бы онъ подвергся обсужденію и рѣшенію на вселенскомъ соборѣ.

Окончательный разрывъ между восточной и западной церквами имѣлъ большое значеніе въ исторіи Европы: съ этого времени европейскіе народы дѣлятся на двѣ, чуждающіяся

другъ друга группы,—народы, входящіе въ сферу вліянія западной церкви—романо-германскіе, къ которымъ позже присоединяются западные славяне. и народы, входящіе въ сферу вліянія восточной церкви—южные и восточные славяне. Между обѣими церквами происходитъ ожесточенная борьба изъ за расширенія сферы вліянія. Народы, примыкающіе къ одной церкви, воспитываются духовенствомъ въ духѣ вражды и ненависти къ народамъ, входящимъ въ составъ другой церкви.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія христіанской церкви.

Признаніе римской государственной властью силы христіанской церкви и преобразованіе ея въ государственное учрежденіе дало въ жизни населенія обѣихъ частей государства перевѣсъ еврейско-христіанскому міропониманію, которое въ свою очередь стало налагать сильный отпечатокъ на характеръ и направленіе просвѣщенія на Западѣ и на Востокѣ.

Въ Византіи школы казенной, государственной, не существовало: школѣ тогда не придавали такого серьезнаго значенія. какъ теперь, и потому школы въ Византіи были частными. Частные учителя открывали у себя курсы наукъ, которые посѣщались желающими. Кругъ этихъ наукъ былъ невеликъ: еврейская литература ветхаго и новаго завѣта, грамматика, реторика, діалектика, математика, философія и богословіе. Кромѣ этихъ. такъ сказать, высшихъ школъ, существовали въ Византіи еще частныя школы грамоты, главнымъ образомъ у священниковъ, которые преподавали простую грамоту.

Съ общимъ характеромъ византійскаго строя гармонировало состояніе литературы, искусства и научной мысли.

2) **Литература**. Въ Византіи произведенія древнихъ классиковъ, отразившихъ строй жизни. рѣзко отличавшійся отъ византійскаго. постепенно переставали интересовать своимъ содержаніемъ византійское общество или же интересовали только. какъ памятники далекаго прошлаго и притомъ по преимуществу съ тѣхъ сторонъ. которыя гармонировали съ новымъ религіозно-нравственнымъ интересомъ; но особенно эти произведенія интересовали слогомъ. Византійскіе писатели очень много заботились о слогѣ своихъ произведеній.

Слогъ ихъ отличался искусственностью и витіеватостью: въ немъ проявляется склонность къ сравненіямъ, противоположеніямъ, вопросамъ, обращеніямъ и т. д., пристрастіе къ длиннымъ рѣчамъ и разговорамъ, къ иносказательности, аллегоріи и къ символизму, т. е. къ уподобленію предмета, о которомъ идетъ рѣчь, цѣлому ряду предметовъ, почти ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, но встрѣчающихся въ природѣ или упоминаемыхъ въ Библіи.

Изъ литературныхъ отдѣловъ особеннаго процвѣтанія въ Византіи достигаетъ отдѣлъ церковный: сюда можно отнести проповѣди и поученія, ставшія потомъ образцами подражанія для славянскихъ народовъ, и агіографія, т. е. литература житій святыхъ. Церковный характеръ по преимуществу носитъ въ Византіи и поэзія, которая сводилась къ обработкѣ библейскихъ сюжетовъ или къ созданію церковныхъ гимновъ. На ряду съ этими произведеніями въ монастыряхъ возникаетъ и историческая литература: появляются хроники, въ которыхъ излагается всеобщая исторія съ сотворенія міра.

Кромѣ литературы церковной, у византійцевъ была и свѣтская: этнографическая и политическая. Предметомъ первой по преимуществу служили славяне, съ которыми византійцамъ приходилось постоянно сталкиваться; предметомъ второй—вопросы политическаго устройства. Свѣтская поэзія сводилась къ беллетристикѣ—исторической или восточнаго происхожденія въ переработкѣ греческихъ писателей.

3) Искусства. Художественныя искусства, т. е. архитектура, живопись и скульптура, въ Византіи постепенно подвергаются вліянію христіанскихъ идей.

Архитектура христіанскаго храма первоначально, за неимѣніемъ своихъ образцовъ, должна была обратиться къ образцамъ античнымъ. Такимъ образцомъ для христіанскаго храма послужила базилика, т. е. зданіе, въ которомъ въ языческую пору происходили судъ и торговыя сдѣлки. По своей величинѣ это зданіе лучше всего могло удовлетворить цѣли христіанскаго храма. Заимствовавъ форму базилики, какъ образецъ для христіанскаго храма, архитекторы подвергли ее нѣкоторымъ измѣненіямъ. Христіанская базилика представляла изъ себя продолговатое четыреугольное зданіе,

которое дѣлилось вдоль рядами колоннъ или на три части, или на пять частей, называвшихся кораблями. Средній корабль былъ выше боковыхъ и освѣщался рядомъ оконъ, сдѣланныхъ въ верхней части стѣнъ. Боковые корабли назначались—съ одной стороны для мужчинъ, съ другой—для женщинъ.

Этотъ типъ базилики подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ со времени Константина В. По мѣрѣ того, какъ крестъ становится предметомъ особаго почитанія христіанъ, форму креста стараются придать и христіанскому храму. Вслѣдствіе этого базилика получаетъ еще одинъ корабль, поперечный, и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ форму продолговатаго креста. Базилика и того и другого типа имѣла плоскій потолокъ или двускатную крышу съ открытыми стропилами; позднѣе стали дѣлать во всю длину базилики сводъ.

Наряду съ базиликами возникали также храмы круглой или восьмиугольной формы, увѣнчанные куполомъ.

Эти типы христіанской архитектуры были общими для Римской имперіи до смерти Ѳеодосія. Со смерти Ѳеодосія и съ окончательнымъ выдѣленіемъ Византіи въ самостоятельное государство христіанская архитектура развивается уже своими путями, отчасти подъ вліяніями азіатскаго Востока. Византійцы соединяютъ куполъ не только съ круглымъ или восьмиугольнымъ основаніемъ, но и съ четыреугольнымъ основаніемъ. Образцомъ послѣдней формы храма, т. е. четыреугольнаго зданія съ возвышающимся центральнымъ куполомъ является храмъ св. Софіи, построенный въ Константинополѣ при Юстиніанѣ В. (VI в.).

Съ построеніемъ этого храма форма базилики въ Византіи исчезаетъ. Основной формой христіанскаго храма на всемъ Востокѣ съ этого времени становится квадратъ съ вписаннымъ равноконечнымъ крестомъ, увѣнчаннымъ посрединѣ куполомъ, который опирается на четырехъ столбахъ. Этотъ основной типъ византійскаго храма подвергается дальнѣйшему измѣненію лишь въ деталяхъ, а именно: число куполовъ увеличивается, куполъ удлиняется на своихъ основаніяхъ и пріобрѣтаетъ форму цилиндра, покрытаго полусферой.

Живопись, какъ и архитектура, первоначально должна

была черпать образцы и технику изъ живописи и скульптуры античной. Въ первые вѣка христіанства типы Христа, Богородицы, апостоловъ и т. д., а также композиціи евангельскихъ событій отличаются еще неопредѣленностью. Христосъ изображается безъ бороды, въ видѣ языческаго Орфея, или въ видѣ добраго пастыря съ агнцемъ на плечахъ.

Въ IV в. въ церковной живописи уже начинаютъ появляться болѣе опредѣленные образы Христа, Богородицы, апостоловъ, и т. д., съ инвидуальными чертами лица, съ опредѣленнымъ костюмомъ и при особой для каждаго образа обстановкѣ. Обширныя композиціи, появляющіяся съ этого времени, также обнаруживаютъ успѣхъ христіанскихъ идей въ византійскомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна мозаика въ св. Софіи, изображающая Христа на престолѣ. Христосъ въ бѣломъ одѣяніи возсѣдаетъ на великолѣпномъ тронѣ. Одной рукой Христосъ благословляетъ входящихъ въ храмъ, а въ другой онъ держитъ раскрытую книгу со словами: «Миръ вамъ! Азъ есмь свѣтъ міру». Голова Христа окружена нимбомъ; его лицо исполнено строгости, смягченной кротостью выраженія. По обѣимъ сторонамъ трона изображены въ медальонахъ Богородица и архангелъ Михаилъ. У ногъ Христа изображенъ распростершійся въ поклонѣ императоръ въ богатой одеждѣ съ діадемой на головѣ и съ нимбомъ вокругъ головы. Эти образы проникнуты уже сильнымъ христіанскимъ духомъ. Техника рисунка— античная. Особенностью этихъ композицій является отсутствіе перспективы. Въ этомъ сказалось вліяніе на технику живописи скульптурныхъ изображеній.

Византійская живопись развивалась рука объ руку съ *скульптурой,* которая также поддавалась воздѣйствію христіанскихъ идей. Но христіанство, выросшее на почвѣ іудейства, раздѣляло вмѣстѣ съ послѣднимъ боязнь передъ скульптурой. Скульптура для него связывалась съ представленіемъ объ идолопоклонствѣ. Поэтому скульптура въ Византіи постепенно падаетъ. Особенно большой ударъ нанесенъ былъ скульптурѣ въ эпоху иконоборства, когда изъ области ея были изгнаны религіозные сюжеты. Съ этого времени и живопись византійская, тѣсно связанная съ скульптурой, начинаетъ измѣняться къ худшему. Съ побѣдой монашествующаго, аскетическаго христіанства античные элементы въ ви-

зантійской живописи исчезаютъ, и начинаетъ брать перевѣсъ направленіе богословское, иконописное. Церковная живопись поступаетъ подъ надзоръ духовенства; ее подчиняютъ опредѣленнымъ правиламъ, шаблонамъ; церковный живописецъ лишается права на свободное творчество; его дѣятельность сводится къ простому копированію; техника ухудшается: краски становятся мутными, свѣтлые тона смѣняются темными; изящныя лица смѣняются длинными худощавыми фигурами съ впалыми щеками и глубоко ушедшими глазами. Паденіе церковной живописи становится особенно замѣтнымъ съ XIII вѣка.

4) Наука. Что касается науки, то таковой, въ собственномъ смыслѣ слова, въ Византіи не было. Византійскіе ученые удовлетворялись въ области науки тѣмъ, что было выработано еще античной мыслью. Поэтому ихъ дѣятельность сводилась по преимуществу къ собиранію, компилированію и толкованію старыхъ трудовъ, созданныхъ языческими писателями или отцами церкви. Отличаясь иногда большой ученостью, византійскіе ученые страдали отсутствіемъ оригинальности. Особенно можно это сказать объ естествовѣдѣніи: въ этой области византійская наука имѣла характеръ чисто книжный, при чемъ дальше классиковъ византійцы такъ и не пошли. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что общественный трудъ въ Византіи замеръ въ традиціонныхъ греко-римскихъ формахъ и дальше не развивался, порождая такимъ образомъ отсутствіе новаго опыта и уничтожая возможность новыхъ наблюденій.

Больше сдѣлала Византія въ области права. Управленіе обширнымъ государствомъ создавало потребность въ систематическомъ законодательствѣ. Для этой цѣли Византія собрала традиціи римскаго права и издала ихъ подъ названіемъ Corpus juris. Это право, дополненное и развитое спеціально-византійскимъ законодательствомъ, сдѣлалось потомъ образцомъ и для права западно-европейскаго. По образцу свѣтскаго права въ Византіи возникло и право церковное: въ VI в. появились сборники церковнаго, или каноническаго права, въ которыхъ изложены постановленія вселенскихъ соборовъ и императорскіе законы по церковнымъ дѣламъ. Изъ этихъ постановленій и законовъ возникъ сводъ подъ именемъ «Номоканона», который пріобрѣлъ вліяніе на законо-

дательство славянскихъ народовъ православнаго исповѣданія.

14. Византія и славяне. Съ VI в. послѣ Р. Х. сѣверныя и среднія области Балканскаго полуострова начинаютъ заселяться славянами. Это происходило или по приглашенію византійскихъ императоровъ, или противъ ихъ воли, вслѣдствіе военныхъ вторженій славянъ. Послѣднія, т. е. вторженія, достигали иногда южной оконечности Балканскаго полуострова. Осѣдая въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова, иногда очень значительными массами, славяне подвергли сильному измѣненію этнографическій составъ этой страны: они или оттѣсняли грековъ и эллинизированныхъ инородцевъ изъ внутреннихъ частей Балканскаго полуострова къ берегамъ, или сливались съ ними, причемъ либо ославянивали грековъ, либо сами подвергались эллинизаціи.

Смѣшеніе славянъ съ греками повело за собой смѣшеніе двухъ бытовъ—греческаго и славянскаго. Такъ, воздѣйствію славянскаго быта надо приписать то, что крестьяне въ первое время существованія Византіи раскрѣпощались, въ противоположность крестьянамъ на Западѣ: въ VIII в. по «Земледѣльческому закону» Льва III Исаврiянина вмѣсто колоновъ, т. е. земледѣльцевъ, лично свободныхъ, но прикрѣпленныхъ къ землѣ и обязанныхъ платить оброкъ господину, какъ это было въ III—V вв., на Балканскомъ полуостровѣ находятся крестьяне двухъ разрядовъ: крестьяне собственники, владѣющіе землею на общинныхъ началахъ, и крестьяне-арендаторы, и тѣ и другіе—совершенно свободные.

Но и славяне должны были подвергнуться вліянію болѣе высокой культуры Византіи. Славяне усваиваютъ, напр., нѣкоторыя черты византійскаго экономическаго и общественно-политическаго строя: у нихъ появляется крупное землевладѣніе, которое сосредоточивается въ рукахъ создавшейся аристократіи, царская власть, чиновничество и т. д. Кромѣ того, на мѣстахъ своихъ поселеній славяне нашли христіанскую религію и опредѣленное церковное устройство и не могли не подчиниться ихъ вліянію; ославянившіеся греки должны были сохранить не мало чертъ христіанскихъ навыковъ въ бытѣ и воззрѣніяхъ; эти навыки, воззрѣнія, черты быта должны были выразиться въ славянскомъ языкѣ, породивъ соотвѣтствующія слова, которыхъ на языкѣ славянъ

не было до ихъ появленія на Балканскомъ полуостровѣ. Благодаря тѣсному взаимодѣйствію между славянской и эллинской стихіей языкъ балканскихъ славянъ еще до оффиціальнаго принятія ими христіанства выработалъ соотвѣтствующія слова, выраженія и обороты рѣчи, при помощи которыхъ можно было выразить многія понятія, созданныя византійско-христіанской культурой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ южные славяне съ усложненіемъ ихъ жизни вынуждены были при постоянныхъ сношеніяхъ съ греками перейти къ письменности. По свидѣтельству болгарскаго писателя, монаха Храбра (IX—X в.), славяне, еще будучи язычниками, уже располагали особыми письменными знаками, которые онъ называетъ «чертами» и «рѣзами». Эти черты и рѣзы, повидимому, изображались при помощи остраго орудія на деревѣ, на палочкахъ и кускахъ коры и служили лишь для очень элементарныхъ записей или для ворожбы. Свидѣтельство черноризца Храбра, повидимому, дополняется другими свидѣтельствами: арабскій путешественникъ Ибнъ-Фодланъ (X в.), разсказывая о видѣнномъ имъ погребеніи русса, говоритъ, что на курганѣ надъ его прахомъ былъ поставленъ столбъ, на которомъ были написаны имена умершаго и князя руссовъ; арабскій писатель Ибнъ-Недимъ (X в.) передаетъ, что одинъ его соотечественникъ, побывшій въ землѣ руссовъ, привезъ оттуда полученную имъ отъ русса палочку съ русскою надписью, при чемъ Ибнъ-Недимъ даетъ даже въ своемъ сочиненіи копію съ этой надписи; западный писатель Дитмаръ Мерзебургскій (XI в.) сообщаетъ, что на идолахъ славянъ язычниковъ были вырѣзаны имена боговъ. Всѣ эти свидѣтельства, повидимому, относятся къ упомянутымъ черноризцемъ Храбромъ чертамъ и рѣзамъ, которые у славянъ не получили дальнѣйшаго развитія и для потомковъ погибли.

Черноризецъ Храбръ свидѣтельствуетъ и о томъ, что славяне, принявшіе крещеніе, стали пользоваться буквами греческой и латинской азбукъ. Вѣроятно, въ началѣ такое пользованіе было безпорядочнымъ; впослѣдствіи оно становится болѣе упорядоченнымъ. Въ X в. встрѣчаются у иностранныхъ писателей указанія на существованіе у славянъ двухъ азбукъ: кириллицы и глаголицы. Кириллица, изобрѣтеніе которой приписывается св. Кириллу, возникла изъ гре-

ческой азбуки, причемъ буквы для славянскихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ, заимствованы изъ другихъ азбукъ, повидимому, восточныхъ. Что касается глаголицы, которая отличается оригинальностью очертаній, то ея происхожденіе и до сихъ поръ еще не объяснено какъ слѣдуетъ. Одни изслѣдователи полагаютъ, что она есть ни что иное, какъ видоизмѣненная кириллица. Другіе думаютъ, что и кириллица, и глаголица одинаково самостоятельно выработались изъ греческаго алфавита; разница между ними лишь та, что кириллица возникла изъ греческаго уставнаго письма, которымъ въ Греціи писались Евангеліе и важные государственные документы, а глаголица произошла отъ греческой скорописи X-го в. Третьи полагаютъ, что глаголица выработалась изъ греческой азбуки подъ сильнымъ вліяніемъ національныхъ славянскихъ письменъ—чертъ и рѣзовъ, о которыхъ упоминаетъ черноризецъ Храбръ.

Въ древнее время глаголица отличалась большой распространенностью. Русскіе до принятія ими крещенія были знакомы съ глаголицей: есть доказательства, что договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, написанные первоначально на греческомъ языкѣ и переведенные на древнерусскій языкъ, были написаны глаголицей и уже впослѣдствіи, когда кириллица получила у русскихъ преобладаніе, договоры были переписаны кириллицей.

15. Кириллъ и Меѳодій. Братья Кириллъ (въ мірѣ—Константинъ, 827—869) и Меѳодій († 885) родились въ македонскомъ городѣ Солунѣ (Ѳессалоника) у знатнаго чиновника Льва, занимавшаго постъ товарища военнаго областного начальника. Въ то время большая часть Балканскаго полуострова была густо заселена славянами. Въ Македоніи жили болгары, поселенія которыхъ простирались до самаго Солуня. Здѣсь, въ Солунѣ, греки и болгары были въ тѣсныхъ административныхъ, торгово-промышленныхъ и культурныхъ отношеніяхъ. Для существованія этихъ отношеній болгары должны были знать греческій языкъ и греки болгарскій.

Неизвѣстно, какой національности были родители Кирилла и Меѳодія. Отецъ ихъ, человѣкъ съ большими связями, повидимому, былъ грекъ; что касается матери, то она, вѣроятнѣе всего, была происхожденія славянскаго: только

предположеніемъ такого происхожденія лучше всего можно объяснить фактъ служенія братьевъ идеѣ просвѣщенія славянъ созданіемъ славянской азбуки и переводомъ книгъ на славянскій языкъ. Впрочемъ, къ какой бы національности ни принадлежали родители братьевъ, несомнѣнно одно, что оба послѣдніе съ дѣтства прекрасно знали языкъ солунскихъ болгаръ.

Старшій братъ, Меѳодій, получивъ домашнее образованіе, поступилъ въ военную службу. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ управлялъ одной славяно-греческой областью, а затѣмъ, отказавшись отъ свѣтской жизни, постригся въ монахи въ одномъ изъ греческихъ монастырей на малоазійскомъ Олимпѣ (къ юго-востоку отъ Бруссы).

Младшій братъ, Кириллъ, уже въ дѣтствѣ обнаружилъ выдающіяся способности. Онъ съ такою страстью отдавался ученію, что обратилъ на себя вниманіе логоѳета Ѳеоктиста, бывшаго опекуномъ царевича Михаила, и былъ вызванъ въ Константинополь для совмѣстныхъ съ Михаиломъ занятій въ придворной школѣ. Въ это время упавшій было въ Византіи интересъ къ умственнымъ занятіямъ снова оживился. Въ Константинополѣ возникъ кружокъ образованныхъ людей, изучавшихъ сочиненія отцовъ церкви, а также греческихъ и римскихъ писателей. Во главѣ кружка стоялъ знаменитый своей ученостью Фотій, ставшій впослѣдствіи константинопольскимъ патріархомъ. Кириллъ попалъ подъ руководство Фотія и тщательно изучалъ словесныя, философскія и математическія науки. Кириллу открывалась перспектива блестящей карьеры; но послѣдняя не удовлетворила бы его нравственныхъ запросовъ: привлекательнѣе представлялась ему дѣятельность въ области духовнаго творчества. Онъ принялъ санъ священника и сдѣлался библіотекаремъ при церкви св. Софіи, а затѣмъ ушелъ въ монастырь. Только настоятельныя просьбы друзей заставили его вернуться въ Константинополь. Онъ сдѣлался учителемъ философіи, и съ этого времени за нимъ сохраняется въ потомствѣ званіе философа. Въ Константинополѣ Кириллъ принимаетъ участіе въ спорахъ съ иконоборцами и магометанами; онъ предпринимаетъ даже путешествіе въ Малую Азію, гдѣ на мѣстѣ знакомится съ магометанствомъ, а также съ переводами св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на сирійскій языкъ.

Около 858 г. въ Константинополь явилось посольство изъ Хазарской земли (между устьемъ Волги и Дономъ, въ прикаспійскихъ степяхъ) съ просьбой послать къ хазарамъ ученаго богослова для диспута съ іудеями и арабами-магометанами. По назначенію царя Михаила III и патріарха Фотія отправился къ хазарамъ Кириллъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ. По дорогѣ къ хазарамъ Кириллъ остановился въ Корсунѣ (Херсонесъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, недалеко отъ нынѣшняго Севастополя) и здѣсь изучалъ еврейскій языкъ. Здѣсь же, по любопытному свидѣтельству «Паннонскихъ житій св. Кирилла и Меѳодія», Кириллъ нашелъ евангеліе и псалтирь, написанныя «русскими письменами»: нашелся и человѣкъ, говорившій на русскомъ языкѣ. Кириллъ вступилъ съ нимъ въ бесѣду и, повидимому, довольно быстро усвоилъ русскій языкъ. Усвоивъ его, Кириллъ занялся его грамматическимъ изслѣдованіемъ, сравнивалъ его письмена, гласныя и согласныя, съ «своимъ языкомъ», какъ говорится въ упомянутыхъ житіяхъ, и скоро сталъ читать на русскомъ языкѣ и объяснять прочитанное.

Что это за русскій языкъ, мнѣнія ученыхъ расходятся. Большинство склоняется къ тому, что найденныя въ Корсунѣ евангеліе и псалтирь были написаны на готскомъ языкѣ (въ Крыму жили остатки готовъ), а готы родственны скандинавамъ, варяго-руссамъ: руссами могли называться и готы по близкому ихъ родству съ варяго-руссами, основавшими русское государство. Таково господствующее мнѣніе. Однако оно оспаривается. Во-первыхъ, едва-ли готы когда-либо называли себя русскими, а переводъ библіи на готскій языкъ епископомъ Ульфилою—переводомъ на русскій языкъ. Во-вторыхъ, Кириллъ не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ германскихъ языковъ и потому едва ли могъ чуть-ли не въ первый же день бесѣды съ руссомъ научиться говорить по-готски и затѣмъ въ короткое время даже читать и объяснять прочитанное. Если же предположить, что евангеліе и псалтирь въ самомъ дѣлѣ были написаны на русскомъ языкѣ и что русскія письмена были ни что иное, какъ глаголица, то пониманіе Кирилломъ съ первой же встрѣчи языка, на которомъ говорилъ съ нимъ русскій, объясняется совершенно удовлетворительно: между болгарскимъ языкомъ, который Кириллъ хорошо зналъ съ дѣтства, и древне-русскимъ

различіе въ то время было не особенно велико. Этимъ предположеніемъ легко объясняется и предпринятое Кирилломъ сравненіе фонетики русскаго языка съ «своимъ» языкомъ, очевидно, болгарскимъ; это сравненіе, повидимому, естественно напрашивалось въ виду близости обоихъ языковъ. Правда, нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ появились евангеліе и псалтирь въ древне-русскомъ переводѣ; но возможность ихъ появленія внѣ сомнѣній: благодаря тѣснымъ торговымъ сношеніямъ съ Византіей христіанство на Руси существовало задолго до его оффиціальнаго принятія въ Кіевскомъ княжествѣ. Для удовлетворенія элементарныхъ религіозныхъ нуждъ этихъ христіанъ могли появиться евангеліе и псалтирь въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ какимъ-либо христіаниномъ варяго-руссомъ, хорошо знакомымъ съ греческимъ языкомъ и языкомъ кіевскихъ русскихъ. Письмена перевода были, вѣроятно, греческія, передѣланныя на національно-славянскій ладъ («черты» и «рѣзы») съ присоединеніемъ для обозначенія чисто славянскихъ звуковъ буквъ, заимствованныхъ русскимъ переводчикомъ, весьма возможно, изъ азбукъ восточныхъ народовъ, что русскому сдѣлать было нетрудно въ силу не менѣе давнихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ черезъ посредство хазаръ, которымъ одно время русскіе славяне были подчинены.

Но на какомъ бы языкѣ ни были написаны эти загадочныя книги, онѣ, повидимому, имѣли большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Въ тѣ времена въ христіанской церкви, на Востокѣ и на Западѣ, господствовало убѣжденіе въ томъ, что церковными языками могутъ быть только три языка—еврейскій, греческій и латинскій, точнѣе, два языка—греческій и латинскій, языки двухъ главныхъ культурныхъ міровъ. Въ этомъ убѣжденіи выражалось фактическое господство двухъ старыхъ культуръ, не считавшихъ нужнымъ дѣлать уступки народамъ молодымъ, стоявшимъ на низшей степени развитія культуры. Фактъ существованія евангелія и псалтири на русскомъ или готскомъ языкѣ, а также фактъ существованія въ эпоху Кирилла христіанскаго богослуженія и св. Писанія на языкахъ нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, какъ, напр., на арабскомъ, армянскомъ и др., долженъ былъ ослабить въ пси-

хикѣ Кирилла господство указаннаго всеобщаго убѣжденія, царившаго въ греко-римскомъ христіанскомъ мірѣ.

Изъ Корсуня Кириллъ съ братомъ отправились далѣе къ мѣсту своего назначенія. Исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, братья вернулись обратно на родину.

Въ 862 г. въ Константинополь явилось посольство отъ князей Моравіи и Панноніи Ростислава, Святополка и Коцела съ политической миссіей. Моравія и сосѣдняя съ ней Паннонія находились въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи (тамъ, гдѣ теперь находятся Венгрія и Чехія) и представляли изъ себя государства, основанныя западными славянами. Находясь по сосѣдству съ Германіей, Моравія сильно терпѣла отъ ея поступательнаго движенія. Чтобы сломить Моравію, Германія заключила союзъ съ Болгаріей, властвовавшей надъ Панноніей (въ нынѣшней Венгріи) и, слѣдовательно, бывшей по сосѣдству съ Моравіей. Въ это время Моравія входила уже въ сферу вліянія римской церкви, и латино-нѣмецкое духовенство проповѣдью христіанства въ Моравіи подготовляло онѣмеченіе славянъ и подчиненіе ихъ германской культурѣ. Сама Германія въ то время была носительницей римско-христіанской культуры, причемъ языкомъ церкви, школы и литературы былъ латинскій, единственный языкъ, который признавался западной церковью. Вслѣдствіе тѣсной связи, въ которой находились тогда свѣтское правительство и церковь, заключеніе политическаго союза съ Византіей для Моравіи связывалось съ замѣной одного церковнаго вліянія другимъ: Моравія уходила изъ сферы церковнаго вліянія папы и попадала въ сферу церковнаго вліянія константинопольскаго патріарха. Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ отлично понимали это, и потому посольство ихъ, добиваясь союза съ Византіей, просило греческаго императора прислать въ Моравію греческихъ проповѣдниковъ, которые могли бы опытно вести борьбу съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ.

Византія, враждовавшая съ Болгаріей, охотно согласилась на этотъ союзъ, а въ качествѣ миссіонеровъ рѣшено было послать испытанныхъ уже въ этомъ дѣлѣ Кирилла и Меѳодія, которые, благодаря знанію одного изъ славянскихъ языковъ, отлично могли справиться со своей задачей, да кстати расширить сферу вліянія Византіи.

Кириллъ, вспомнивъ существованіе переводовъ книгъ св. Писанія на «русскомъ», готскомъ, армянскомъ и др. языкахъ, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости перевести для моравовъ св. Писаніе на знакомый ему съ дѣтства древне-болгарскій языкъ. Только такой переводъ могъ содѣйствовать ознакомленію моравовъ съ основами христіанскаго ученія и послужить могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ. Византійское правительство сумѣло оцѣнить планъ Кирилла и, чтобы включить въ сферу своего вліянія далекую Моравію, которая политически Византіи угрожать не могла, оно отступило отъ тактики, какой держалось въ отношеніи къ Болгаріи: оно готово было допустить для Моравіи богослуженіе на славянскомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ, оно не запретило этого Кириллу и Меѳодію.

Около 862 г. Кирилломъ была составлена славянская азбука, состоявшая, по словамъ черноризца Храбра, изъ 38 буквъ. Эта азбука, по имени изобрѣтателя, получила названіе кириллицы. Изъ 38 буквъ этой азбуки 24 были заимствованы изъ греческаго алфавита, а остальныя 14 изобрѣтены Кирилломъ, причемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ напоминаютъ буквы восточныхъ азбукъ: такъ, буквы *ц*, *ч*, *ш*, *щ* находятся въ несомнѣнной связи съ буквами еврейской азбуки.

Составивъ азбуку, Кириллъ предпринялъ переводъ на древне-болгарскій языкъ избранныхъ мѣстъ изъ евангелія и апостола, расположенныхъ по недѣлямъ для церковнаго употребленія. Первыя слова, переведенныя Кирилломъ, были слѣдующія: «Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово». Переведены были и главныя богослужебныя книги.

Проповѣдь христіанства на языкѣ, близкокъ къ языку моравовъ, имѣла успѣхъ. Но Германія въ лицѣ своего духовенства не считала нужнымъ отказываться отъ своей политики въ отношеніи къ Моравіи. Латино-нѣмецкое духовенство вступило въ борьбу съ славянскими первоучителями тѣмъ съ большей энергіей, что считало Моравію страной, входящей въ сферу вліянія Западной церкви. Оно стало нападать на славянскій языкъ, доказывая, что христіанское богослуженіе можетъ совершаться только на трехъ языкахъ: еврейскомъ,

греческомъ и латинскомъ. Въ доказательство этого оно ссылалось на то, что надпись Пилата на крестѣ Христа была составлена только на этихъ языкахъ. Это основаніе, въ схоластической формѣ, выражало многовѣковую привычку латинскаго духовенства встрѣчать на практикѣ христіанское богослуженіе только на трехъ, точнѣе на двухъ языкахъ— латинскомъ и греческомъ. Кириллу и Меѳодію, знавшимъ о существованіи переводовъ на готскій, арабскій, армянскій и др. яз., пришлось приводить доводы противъ «триязычной ереси», или «ереси пилатниковъ», указывая на то, что Христосъ заповѣдалъ апостоламъ научить вся языки, что въ день Пятидесятницы апостоламъ былъ ниспосланъ Духъ Св., который сошелъ на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ и даровалъ имъ знаніе языковъ разныхъ народовъ. Наконецъ, Кириллъ прямо сослался на фактъ существованія переводовъ св. Писанія и богослуженій на иныхъ языкахъ, кромѣ латинскаго и греческаго.

Борьба славянскихъ первоучителей съ нѣмецкимъ духовенствомъ продолжалась при крайне тяжелыхъ для славянскихъ первоучителей обстоятельствахъ. Въ этой борьбѣ братья скончались, сначала Кириллъ, потомъ Меѳодій.

По смерти братьевъ латинское богослуженіе вытѣснило изъ Моравіи славянское. Ученики Кирилла и Меѳодія были изгнаны изъ Моравіи нѣмецкимъ духовенствомъ, и большая часть ихъ удалилась въ Болгарію. Здѣсь, на болѣе благодарной почвѣ, подготовленной общеніемъ болгаръ съ греками, славянское богослуженіе принялось, а въ связи съ богослужебной литературой возникаетъ замѣчательная болгарская письменность, духовная и свѣтская, имѣвшая впослѣдствіи большое вліяніе на развитіе русскихъ славянъ.

16. Древняя Болгарія. Болгарское государство основано было въ 679 г. болгарами, кочевымъ народомъ тюркскаго происхожденія, который завоевалъ славянъ, населявшихъ сѣверо-восточную часть Балканскаго полуострова. Болгары, какъ народъ кочевой, привыкли къ набѣгамъ и войнамъ. Это развило среди нихъ строгую военную дисциплину и сильную монархическую власть. Завоевавъ славянъ, болгары скоро слились съ послѣдними въ одинъ народъ; по своей малочисленности, они, разсѣявшись среди славянъ, забыли свой языкъ и стали говорить на языкѣ славянскомъ:

но военная дисциплина и крѣпкая власть тюркскаго происхожденія сохранились среди славянъ-болгаръ и даже продолжали развиваться въ борьбѣ съ сильной централизованной Византіей, стремившейся покорить ихъ.

Для успѣшности борьбы съ Византіей Болгарія должна была дѣлать у Византіи заимствованія въ экономической, соціально-политической и культурной областяхъ. Какъ страна съ преобладаніемъ сельскаго хозяйства, болгарское населеніе раздѣлилось на два класса—бояръ-землевладѣльцевъ и крестьянъ, находившихся въ экономической и юридической зависимости отъ первыхъ. Изъ бояръ же набирался классъ администраторовъ и судей. Во главѣ болгаръ стоялъ князь, который стремился свою власть сдѣлать равной власти византійскаго императора.

Около 865 г. болгары при князѣ Борисѣ принимаютъ крещеніе отъ Византіи — признакъ, что византійская культура одержала большую побѣду надъ низшей культурой болгаръ. Первое духовенство у болгаръ было изъ грековъ, и богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ. Христіанская религія, такимъ образомъ, превратилась въ рукахъ грековъ въ орудіе эллинизаціи болгаръ. За культурнымъ перевѣсомъ съ теченіемъ времени долженъ былъ послѣдовать и перевѣсъ политическій вслѣдствіе непосредственнаго территоріальнаго сосѣдства Болгаріи и Византіи. Опасаясь этого, болгарскій князь пытался въ религіозномъ отношеніи связать страну съ далекой западной церковью, подобно тому, какъ моравскій князь пытался изъ страха передъ нѣмецкимъ завоеваніемъ, наоборотъ, связать свою страну въ религіозномъ отношеніи съ далекой Византіей. Попытка болгарскаго князя не удалась. Но зато въ Болгаріи тѣмъ съ большей предупредительностью приняты были ученики Кирилла и Меѳодія, которые проповѣдью славянскаго богослуженія создавали нѣкоторый противовѣсъ эллинизаціи болгаръ. Славянская письменность, созданная Кирилломъ и Меѳодіемъ, была здѣсь усвоена и дала сильный толчокъ къ развитію болгарскаго просвѣщенія.

При преемникѣ Бориса Симеонѣ (893—927) наступаетъ золотой вѣкъ болгарской письменности. Симеонъ въ молодости жилъ въ качествѣ заложника при византійскомъ дворѣ, гдѣ получилъ хорошее образованіе. Онъ зналъ хорошо гре-

ческій языкъ и умѣлъ излагать мысли по правиламъ греческой реторики. Сдѣлавшись болгарскимъ царемъ, Симеонъ употребилъ всѣ усилія для того, чтобы сравнять культурно болгаръ съ греками: онъ покровительствовалъ занятіямъ литературой, даже самъ принималъ участіе въ нихъ, основалъ библіотеку и т. д.

Расцвѣтъ болгарской письменности продолжался недолго: при преемникѣ Симеона Петрѣ (927—968) Византія и ея вліяніе берутъ перевѣсъ въ Болгаріи. Въ началѣ XI-го вѣка Болгарія подпадаетъ подъ власть Византіи и политически. Съ потерей политической независимости теряется и церковная самостоятельность; литературное творчество изсякаетъ. Въ концѣ XII-го в. Болгарія возвращаетъ себѣ политическую независимость, а въ началѣ XIII-го—церковную, и соотвѣтственно этому наблюдается и нѣкоторое возрожденіе болгарской письменности. Но политическія причины—соперничество съ греками, отсутствіе внутренняго единства, набѣги татаръ и усиленіе сербовъ въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова—создали въ Болгаріи очень неблагопріятную обстановку для ея культурнаго и литературнаго развитія. Когда на Балканскомъ полуостровѣ явились турки, Болгарія не въ силахъ была оказать имъ сопротивленіе и въ 1393 г. была завоевана турками.

17. Древняя болгарская литература. Древняя болгарская литература, ея характеръ и направленіе вполнѣ опредѣляются характеромъ и направленіемъ литературы византійско-христіанской. Въ ней имѣются произведенія двухъ родовъ: переводныя и оригинальныя.

Древне-болгарская переводная литература состоитъ, во-первыхъ, изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, каковы: книги еврейскаго священнаго Писанія, толкованія на нихъ отцовъ церкви, богослужебныя книги, содержащія молитвы, пѣснопѣнія и чтенія, житія святыхъ, сказанія о христіанскихъ мученикахъ, въ отдѣльности и въ сборникахъ, называемыхъ минеями-четьями и патериками, проповѣди и поученія (напр., переведенный при участіи царя Симеона сборникъ изъ нравоучительныхъ отдѣловъ бесѣдъ Іоанна Златоуста, названный «Златоструемъ», сборникъ «Андріатисъ»—собраніе словъ І. Златоуста къ антіохійцамъ по поводу низверженія статуи Ѳеодосія). Изъ поученій особен-

нымъ вниманіемъ пользовались у переводчиковъ поученія и наставленія отца къ сыну, сборники наставленій и разсужденій о порокахъ и добродѣтеляхъ («Пандектъ» Антіоха, «Лѣствица» Іоанна Синайскаго), сборники изреченій и афоризмовъ на эти же темы (съ именами библейскихъ и христіанскихъ лицъ—Соломона, Іисуса-сына Сирахова и языческихъ—Менандра Мудраго). Замѣчателенъ поучительный сборникъ подъ названіемъ «Пчела, рѣчи и мудрости отъ евангелія, апостола, святыхъ мужей и внѣшнихъ философовъ».

Къ этому отдѣлу переводной литературы тѣсно примыкаетъ особый родъ произведеній — апокрифы, т. е. сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ, представляющія дополненія или измѣненія соотвѣтствующихъ разсказовъ въ Библіи, а также книги суевѣрнаго характера—астрологическія и гадательныя. Апокрифы пользовались большимъ распространеніемъ въ Болгаріи не только среди мірянъ, но и духовныхъ лицъ. Изъ послѣднихъ особенную знаменитость пріобрѣлъ попъ Іеремія, усердно распространявшій апокрифы (напр., переведенныя съ греческаго яз. «ложныя» молитвы противъ болѣзней—трясавицъ и нежита, представляемыхъ въ образахъ живыхъ существъ, причиняющихъ болѣзни) и даже самъ составлявшій ихъ (напр., «Слово о древѣ крестномъ—извѣщеніе св. Троицы»—исторія происхожденія древа, изъ котораго были сдѣланы кресты для распятія Христа и двухъ разбойниковъ). Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ переведены были въ Болгаріи сказанія объ Адамѣ, Енохѣ, Мелхиседекѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ («Книга святыхъ тайнъ Еноховыхъ», «Рожденіе Мелхиседека», «Откровеніе Авраама», «Исходъ Моисеевъ», «О Соломонѣ и Китоврасѣ»). Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ переведены слѣдующіе: «Протоевангеліе Іакова», «Никодимово Евангеліе», «Евангеліе Ѳомы», кромѣ того—сказанія о хожденіяхъ апостоловъ на проповѣдь; особенно много апокрифическихъ сказаній переведено о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной жизни праведныхъ и грѣшныхъ (апокрифическій «Апокалипсисъ Іоанна Богослова», «Видѣніе апостола Павла», «Хожденіе Богородицы по мукамъ».

Другой отдѣлъ переводной литературы—историческія сочиненія. Въ Болгаріи было переведено нѣсколько византійскихъ хроникъ, въ которыхъ излагается всеобщая исторія

отъ Адама и до позднѣйшихъ временъ. Къ нимъ относятся хроники Іоанна Малалы, Георгія Амартола и Симеона Метафраста. Сюда же можно отнести и переводъ краткаго перечия императоровъ, составленнаго патріархомъ Никифоромъ.

Третій отдѣлъ переводной литературы — беллетристика. Къ ней относятся слѣдующія историческія повѣсти: «О Троянской войнѣ» (повѣсть, составленная не по Гомеру, а по компиляціямъ Диктиса и Дарета; помѣщена въ хроникахъ Малалы и Манассіи), «Александрія» (повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, переводъ съ греческаго сочиненія, неправильно приписывавшагося сподвижнику Александра Каллисѳену и носящаго названіе «Псевдокаллисѳенъ»—помѣщена въ хроникѣ Малалы); повѣсти восточнаго происхожденія, но переведенныя съ греческаго языка: «Стефанитъ и Ихнилатъ» (сборникъ восточныхъ басенъ, источникъ которыхъ имѣется въ индійскомъ сборникѣ—«Панчатантра», т. е. «Пятикнижіе»; Стефанитъ означаетъ—увѣнчанный, Ихнилатъ—слѣдящій: въ арабскомъ оригиналѣ другое заглавіе—Калила, прямодушный, и Димна, лукавый, заглавіе, соотвѣтствующее именамъ двухъ шакаловъ въ «Панчатантрѣ»—Каратáка и Даманака), «Варлаамъ и Іоасафъ» (христіанская переработка эпизода изъ жизни Будды), «Акиръ Премудрый» (переработка сказки о Санхерибѣ и его мудромъ совѣтникѣ Гейкарѣ изъ сборника «Тысяча и одна ночь»).

Собственно-научная переводная литература — ничтожна, что объясняется молодостью болгарскаго народа, несложностью его трудовой дѣятельности и, слѣдовательно, отсутствіемъ жизненной потребности въ научныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ особенной нужды не ощущала и ея учительница Византія. Къ научной литературѣ можно отнести переводный энциклопедическій сборникъ, извѣстный въ древнерусской литературѣ подъ названіемъ «Святославова Изборника 1073 года» и представляющій копію переводнаго сочиненія, явившагося въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ (содержаніе сборника: статьи и отрывки по догматикѣ, философіи, исторіи).

Изъ наиболѣе выдающихся болгарскихъ писателей заслуживаетъ вниманія, прежде всего, современникъ царя Симеона, пресвитеръ Іоаннъ, болгарскій экзархъ. Кромѣ переводческой дѣятельности (переводъ руководства по догматическому богословію «О правой вѣрѣ» св. Іоанна Да-

маскина, «Діалектики» Іоанна Дамаскина, составленной по Аристотелю, и «Объ осьмыхъ частяхъ слова», или «Грамматики» того же автора, переводъ житій св. Антонія Великаго и св. мученика Панкратія). Іоаннъ Экзархъ занимался и составленіемъ самостоятельныхъ сочиненій. Изъ нихъ особенно замѣчательно обширное сочиненіе «Шестодневъ» (пространное объясненіе библейскаго разсказа о шести дняхъ творенія міра), составленное на основаніи греческихъ трудовъ Василія Великаго, Северіана Гавальскаго и сочиненій Аристотеля по естествовѣдѣнію). Переводные и оригинальныя труды Іоанна Экзарха помимо того, что давали образовательный матеріалъ болгарской публикѣ, имѣли громадное значеніе и для развитія древне-болгарскаго языка: многія слова и научные термины, впервые употребленные имъ въ его сочиненіяхъ и переводахъ, вошли въ древне-болгарскій языкъ, а оттуда попали въ русскій и употребляются до сихъ поръ.

Труды другого болгарскаго писателя Константина Пресвитера, современника Іоанна Экзарха (изъ нихъ наиболѣе замѣчательно его «Учительное Евангеліе») имѣютъ большое значеніе особенно для развитія древне-болгарскаго языка, которымъ уже можно было передать ясно и отчетливо отвлеченное содержаніе.

Третьимъ выдающимся писателемъ былъ черноризецъ (монахъ) Храбръ (конца IX и начала X в.), которому принадлежитъ замѣчательное сочиненіе — «Сказаніе о письменахъ славянскихъ». Оно состоитъ изъ двухъ частей: изъ исторической, въ которой излагается, какъ явились у славянъ письмена, и апологетической, въ которой Храбръ защищаетъ право славянъ на національную письменность. Дѣятельность черноризца Храбра относится къ тому времени, когда еще были живы лица, помнившія дѣятельность Кирилла и Меѳодія, и потому его сочиненіе имѣетъ большое значеніе. Объ исторіи славянскихъ письменъ онъ пишетъ такъ: «Прежде славяне не имѣли письменъ и, будучи язычниками, читали и гадали чертами и рѣзами. Принявши крещеніе, они начали пользоваться римскими и греческими письменами; славянская рѣчь оставалась безъ устроенія... и такъ продолжалось много лѣтъ. Потомъ человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и не оставляющій человѣчество безъ разума, но все къ разуму приводящій и спасающій, помило-

валъ родъ славянскій и послалъ имъ Константина философа, называемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и истиннаго, который сотворилъ имъ тридцать письменъ и восемь— одни по чину греческихъ письменъ, а другія сообразно звукамъ словенской рѣчи». При этомъ Храбръ указываетъ. какія буквы заимствованы были изъ греческаго алфавита, а какія были изобрѣтены Кирилломъ. Во второй части труда Храбръ разсматриваетъ господствовавшее въ греко-римскомъ христіанскомъ мірѣ убѣжденіе въ томъ, что языками богослуженія и св. Писанія могутъ быть только три: еврейскій, греческій и латинскій. Онъ пишетъ: «Иные же говорятъ: къ чему славянскія книги? Вѣдь письмена славянскія не создалъ ни Богъ, ни апостолы; вѣдь они не существуютъ искони, какъ письмена еврейскія, римскія и эллинскія; они не утверждены искони самимъ Богомъ. Тѣ, которые говорятъ такъ, думаютъ, по своему невѣжеству, что Богъ сотворилъ письмена: они, окаянные, утверждаютъ, что Богъ санкціонировалъ три языка, что самъ Богъ объ этомъ пишетъ въ евангеліи: и бѣ доска написана жидовскы, римски и еллинскы,—а по славянски не было ничего написано; поэтому и славянскія книги— не отъ Бога». Тѣхъ, которые дѣлаютъ подобныя возраженія противъ славянской письменности, Храбръ приравниваетъ къ безумцамъ и съ точки зрѣнія тѣхъ познаній, которыя въ то время существовали, мѣтко нападаетъ въ свою очередь на нихъ. Онъ разъясняетъ, что Богъ не создавалъ ни еврейскаго, ни латинскаго, ни греческаго языковъ, что послѣ потопа произошло при столпотвореніи вавилонскомъ смѣшеніе языковъ, послѣ чего явились разные языки, что сначала и греки не имѣли своихъ письменъ, а заимствовали письмена у финикійцевъ, что затѣмъ эти письмена совершенствовались у грековъ разными лицами и въ разныя времена. Чтобы окончательно сразить грековъ, нападавшихъ на славянскую письменность, Храбръ язвительно замѣчаетъ: «А для словенскихъ книгъ сотворилъ письмена единъ мужъ святой Константинъ, называемый Кирилломъ, и этотъ мужъ перевелъ на славянскій языкъ книги въ немного лѣтъ, а они (греки)—многомного лѣтъ трудились надъ своей письменностью. Поэтому славянскія письмена болѣе святы, чѣмъ греческія: славянскія созданы святымъ мужемъ, а греческія—греками-язычниками».

Изъ явленій культурно-просвѣтительнаго характера, имѣ-

вшихъ въ Болгаріи важное вліяніе на просвѣщеніе и литературу, необходимо отмѣтить возникновеніе и продолжительное существованіе богомильской ереси, названной такъ по имени ея проповѣдника попа Богомила, отожествляемаго нѣкоторыми изслѣдователями съ попомъ Іереміей. Особенностью его ученія былъ дуализмъ, т. е. признаніе двухъ началъ—добраго (Бога) и злого (дьявола), причемъ злому началу приписывается сотвореніе міра вещественнаго и власть надъ людьми до пришествія Христа. Воплощеніе Христа богомилы признавали призрачнымъ, а не дѣйствительнымъ; они отрицали таинства, обряды, іерархію, проповѣдывали борьбу съ матеріальнымъ началомъ и вели аскетическій образъ жизни. На признаніе богомилами двухъ началъ, добраго и злого, повліяла, повидимому, двойственность происхожденія болгарскаго народа, т. е. сліяніе болгаръ-завоевателей съ побѣжденными славянами; это сліяніе, въ свою очередь, повело къ сліянію двухъ культовъ—культа добрыхъ предковъ организаторовъ, устранившихся отъ управленія видимымъ міромъ,—это, очевидно, славянскіе боги,—и культа злыхъ предковъ организаторовъ, которымъ принадлежитъ на землѣ господство это, очевидно, боги-предки болгаръ-кочевниковъ, завоевателей славянъ. Отсюда возникла у болгаръ привычка мыслить міръ дуалистически, и эта привычка внесена была ими и въ христіанское ученіе. Въ отрицаніи таинствъ, обрядовъ, іерархіи сказалось протестующее отношеніе юной славянской психики къ сложной мысли византійскаго грека, вырабатывавшейся тысячелѣтіями; отрицаніе же матеріальнаго начала и аскетизмъ были реакціей молодой дисциплинированной натуры болгарина противъ распущенной натуры византійскаго грека. Такъ какъ болгаре находились вообще въ непрерывной политической и культурной борьбѣ съ греками, то, естественно, что эта борьба внесена была и въ область вѣры: мыслящіе болгары должны были стремиться придавать иное толкованіе христіанскому ученію, нежели византійскіе греки.

Къ богомильской ереси близко подходила древняя ересь манихейская, возникшая на Востокѣ подъ вліяніемъ древняго иранскаго дуализма; послѣдній признавалъ два начала—Агурамазду—доброе начало, Аримана—злое начало и двѣнадцать духовъ. Своею близостью къ манихейству богомилы воспользовались тѣмъ, что стали доказывать и распростра-

нять свое ученіе при посредствѣ подходящихъ сочиненій древнихъ еретиковъ. Къ такимъ сочиненіямъ относятся: «Видѣніе Исаіи» (о сошествіи на землю Христа съ призрачною, а не дѣйствительною плотью), «Преніе діавола съ Господомъ» (ученіе о силѣ и власти діавола). Оригинальныя сочиненія богомиловъ до насъ не дошли; вмѣсто нихъ сохранились богомильскія сочиненія въ позднѣйшей передѣлкѣ православными болгарами, или же апокрифическія сочиненія съ богомильскими вставками. Таковы сочиненія: «Сказаніе о созданіи твари Божіей на морѣ Тиверіадскомъ», «Видѣніе Варуха», «Бесѣда трехъ святителей» (космогонія богомиловъ— твореніе матеріальнаго міра дьяволомъ). Въ латинскомъ переводѣ съ утраченнаго болгарскаго оригинала, подъ названіемъ «Liber sancti Johannis» («Книга св. Іоанна»), излагается богомильское ученіе въ формѣ бесѣды Іоанна Богослова съ Христомъ на Тайной вечери (исторія творенія міра, явленіе Христа для избавленія человѣка отъ власти діавола, откровеніе о кончинѣ міра).

Богомильская ересь вызвала противъ себя борьбу: сочиненія еретиковъ и апокрифы были запрещены; былъ изданъ индексъ (каталогъ) запрещенныхъ книгъ: «Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; появились полемическія сочиненія («Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь Богомилю», «Слово о древѣ разумнѣмъ добру и злу» іерусалимскаго монаха Аѳанасія къ нѣкоему Панку, начитавшемуся басенъ попа Іереміи и распространявшему ихъ).

Изъ Болгаріи богомильская ересь перешла черезъ западную часть Балканскаго полуострова и сѣверную Италію въ южную Францію, гдѣ нашла себѣ благопріятную почву и породила ересь альбигойцевъ въ XII—XIII вв.

Древнеболгарская литература на родинѣ большею частью погибла среди борьбы съ Византіею и Турціей и сохранилась въ Россіи, куда она попала съ принятіемъ русскими христіанства.

18. Древній церковно-славянскій языкъ. Славянскіе первоучители знали языкъ тѣхъ болгаръ, которые жили въ Солунѣ и его окрестностяхъ. Этотъ языкъ можно назвать солунскимъ нарѣчіемъ древняго болгарскаго языка. На это нарѣчіе Кириллъ и Меѳодій переводили священныя книги; по слѣдамъ славянскихъ первоучителей шли ихъ ученики.

Такъ создался церковно-литературный славянскій языкъ, который съ появленіемъ византійско-христіанской религіи и болгарской литературы у сербовъ и русскихъ славянъ дѣлается церковнымъ и литературнымъ языкомъ и у послѣднихъ. Здѣсь среди народовъ, говорившихъ на языкахъ, отличавшихся отъ языка солунскихъ болгаръ, древній церковно-славянскій языкъ подвергается вліянію и видоизмѣненію со стороны языковъ сербскаго и русскаго. И въ самой Болгаріи древній церковно-славянскій языкъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ культура болгарская распространяется съ юга, отъ Солуня, къ сѣверу, подвергается вліянію живыхъ болгарскихъ нарѣчій сѣверной Болгаріи и видоизмѣняется.

Древній церковно-славянскій языкъ эпохи Кирилла и Меѳодія обладаетъ особенностями, которыя отличаютъ его отъ современнаго русскаго языка: главныя фонетическія особенности его суть слѣдующія: существованіе носовыхъ гласныхъ (юсы), вмѣсто которыхъ въ русскомъ языкѣ употребляются чистые гласные *у, ю, я, а;* существованіе глухихъ гласныхъ (*ъ*, *ь*), которые въ современномъ русскомъ языкѣ въ концѣ словъ и кое-гдѣ въ срединѣ словъ перешли въ простые знаки, обозначающіе твердость или мягкость произношенія предшествующихъ согласныхъ, а въ срединѣ слова перешли—*ъ* въ бѣглое *о*, а *ь* въ бѣглое *е*; краткогласіе, которому въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ полногласіе, т. е. употребленіе вмѣсто русскихъ слоговъ *оро*, *оло*, *ере*, *еле* церковно-славянскихъ—*ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ;* русскимъ слогамъ *ор*, *ол*, *ер*, *ел*, между двумя согласными въ церковно-славянскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ слоги:—*ръ*, *лъ*, *рь*, *ль*; употребленіе въ началѣ словъ іотированнаго *е* вмѣсто русскаго *о*; смягченіе *д* передъ *j* въ *жд*, вмѣсто русскаго *ж*, и *т* въ *шт* (*щ*), вмѣсто русскаго *ч*.

Склоненія и спряженія древняго церковно-славянскаго языка отличаются большею сложностью и обиліемъ формъ, нежели въ русскомъ языкѣ.

Наконецъ, и синтаксисъ древняго церковно-славянскаго языка, очевидно, подъ вліяніемъ греческаго синтаксиса, болѣе склоняется къ подчиненію предложеній, нежели къ сочиненію, какъ языкъ русскій.

19. Восточные славяне наканунѣ образованія го-

сударства. Сойдя съ Карпатскаго нагорья въ равнину, русскіе славяне заняли прежде всего рѣчные бассейны ближайшей западной половины всей страны. Въ первой половинѣ IX-го в. русскіе славяне дѣлятся на племена, изъ которыхъ каждое занимаетъ опредѣленную территорію на этихъ бассейнахъ. Такъ, уличи и тиверцы заняли территоріи по Днѣстру и южному Бугу; къ сѣверу и къ западу отъ нихъ поселились волыняне, дулѣбы и бужане (по западному Бугу); среднее теченіе Днѣпра было занято полянами; территорія по бассейну Припети занята была древлянами. Всѣ эти племена могутъ быть отнесены къ группѣ южно-русскихъ славянъ. Земли между Припетью и Березиной были заняты дреговичами; по Деснѣ разселились сѣверяне, по Сожу—радимичи, по Окѣ—вятичи: это—группа среднерусскихъ славянъ. Въ верховьяхъ Волги, Днѣпра и Западной Двины поселились кривичи, бассейнъ озера Ильменя былъ занятъ новгородскими славянами: это—группа славянъ сѣверно-русскихъ.

Страна, занятая русскими славянами, была покрыта густыми лѣсами и непроходимыми болотами. Огромныя рѣки, богатыя рыбой, лѣса, изобилующія пушнымъ звѣремъ и пчелами, предопредѣлили занятія русскихъ славянъ: они занимались ловлей пушныхъ звѣрей, лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ), скотоводствомъ и земледѣліемъ. Земледѣліемъ первоначально русскіе славяне занимались мало, такъ какъ другіе болѣе легкіе промыслы съ избыткомъ вознаграждали трудъ. Такимъ образомъ, основныя занятія русскихъ славянъ по ихъ разселеніи съ Карпатскаго нагорья остались тѣ же, что и прежде. Мало того: обиліе водныхъ и лѣсныхъ богатствъ, добываемыхъ безъ особенныхъ трудностей, до нѣкоторой степени какъ бы возвращаютъ русскаго славянина къ эпохѣ преобладанія охотничества, т. е. къ нѣкототорымъ чертамъ первобытнаго родового коммунизма. Мѣста, удобныя для основныхъ занятій русскаго славянина, не шли сплошь, а прерывались болотами. Являлась необходимость отыскать въ лѣсу сухія мѣста, гдѣ можно было бы очистить отъ деревьевъ площадки, удобныя для поселенія. Такія мѣста попадались на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Окопавши себѣ кольцеобразнымъ валомъ достаточное пространство, поселенецъ заводилъ на немъ свое примитивное

хозяйство. Такъ образовались отдѣльные дворы, или городища. Эти дворы находились на разстояніи 4—8 верстъ другъ отъ друга. Когда естественныя богатства въ окрестностяхъ такого отдѣльнаго двора истощались, русскій славянинъ покидалъ его и переходилъ на новую еще не истощенную мѣстность. Таковы были условія жизни для большинства русскихъ славянъ. Часть ихъ, однако, попала въ исключительныя условія дѣятельности, побудившія ихъ заняться обмѣномъ, т. е. торговлею съ культурными странами, нуждавшимися въ сырыхъ произведеніяхъ нашей страны. Различіе въ условіяхъ дѣятельности разныхъ русско-славянскихъ племенъ породило уже въ глухой древности и различіе въ обычаяхъ, нравахъ и характерѣ ихъ. Такъ, древляне, обитавшіе въ лѣсистой странѣ, по свидѣтельству лѣтописца, вели «звѣринскій» образъ жизни, тогда какъ кіевскіе поляне, занявшіеся торговлей, отличались мягкостью нравовъ и большею культурностью.

Характеръ занятій и ходъ разселенія долженъ былъ отразиться на патріархально-родовомъ строѣ славянъ. Патріархально-родовой союзъ имѣлъ двѣ основы—общій трудъ рода, владѣющаго извѣстною собственностью, и власть патріарха. Эти двѣ основы скрѣплялись культомъ предковъ-организаторовъ. При томъ характерѣ, какой пріобрѣтаютъ занятія русскихъ славянъ по разселеніи, общій родовой трудъ пересталъ быть возможнымъ; патріархъ уже не могъ руководить трудомъ разбрасывавшихся по обширному лѣсному пространству поселенцевъ. Иными словами, родъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій труда въ лѣсистыхъ пространствахъ восточной равнины, началъ усиленно дробиться на семьи, во главѣ которыхъ становится хозяинъ двора, домовладыка, отецъ семьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нераздѣльное родовое имущество перестаетъ существовать, и на его мѣсто возникаетъ частная семейная собственность.

Семья, выдѣлившаяся изъ рода, не была похожа на современную семью: она состояла изъ домохозяина, его женъ (которыхъ было двѣ—три), дѣтей и невыдѣлившихся его родственниковъ—братьевъ, племянниковъ. Бракъ основывался по преимуществу на похищеніи женщинъ. У русскихъ славянъ это похищеніе пріурочивалось къ празднествамъ въ честь боговъ, когда жители собирались на «игрища межю

селы» у священныхъ источниковъ, на берегахъ рѣкъ или озеръ, вообще «у воды», какъ говоритъ лѣтописецъ.

Религіозныя воззрѣнія русскихъ славянъ въ это время подвергаются нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. По-прежнему сохраняется почитаніе стихій природы подъ именами Перуна, Дажьбога (Хорса), Велеса, Стрибога и, вѣроятно, Сварога. По прежнему мы видимъ почитаніе предковъ-организаторовъ рода подъ именемъ Рода съ Рожаницами, т. е. прапрадѣда съ его женами (Родъ чествовался также подъ именемъ Чура, или Щура); при этомъ души предковъ-организаторовъ представлялись въ олицетвореніяхъ Доли, Судины, Судьбины, Горя, Нужды, Злыдни; съ понятіями Рода и Рожаницъ связывался общинно-родовой бракъ, а съ нимъ—идея о долѣ и судьбѣ: при рожденіи ребенка его доля уже предопредѣлена, и Рожаницы предсказываютъ ему его судьбу.

На ряду съ этими богами у русскихъ славянъ пріобрѣтаютъ особенное значеніе новые: лѣшій, водяной и домовой.

Густой лѣсъ, въ которомъ такъ много дикихъ звѣрей, въ которомъ отъ времени до времени раздаются страшные звуки, напоминающіе не то чьи-то стоны, не то чей-то злобный хохотъ, лѣсъ, въ которомъ такъ легко заблудиться и погибнуть, породилъ у русскаго славянина образъ лѣсного бога, лѣшаго. *Лѣшій*, хозяинъ лѣсныхъ богатствъ, представлялся человѣкомъ дикаго вида, вышиною въ самое высокое дерево. Лѣшій—существо злое: обращаясь въ деревья и откликаясь эхомъ, онъ старается сбить съ дороги человѣка въ своихъ владѣніяхъ и погубить его. Отсюда возникло поклоненіе лѣшему, сопровождавшееся жертвоприношеніями. Жертвоприношенія, молитвы и поклоненія совершались въ рощахъ передъ какимъ-нибудь деревомъ, которое играло роль изображенія лѣшаго. Лѣшій былъ богомъ не только лѣса, но и растительности вообще. Въ полѣ лѣшій принимаетъ иной образъ: здѣсь онъ превращается въ самую маленькую былинку. По языческимъ представленіямъ лѣшій находится въ дружбѣ съ другимъ богомъ—водянымъ.

Водяной былъ олицетвореніемъ водной стихіи — рѣкъ, озеръ, источниковъ, болотъ. Онъ представлялся въ видѣ обнаженнаго косматаго старика, который живетъ на днѣ рѣкъ, озеръ, въ омутахъ, гдѣ у него есть великолѣпныя хоромы. Это—хозяинъ водъ и ихъ богатствъ. Онъ поднимаетъ на

водѣ бури и топитъ суда и купающихся. Дочери водяного—русалки. Это —злыя существа, которыя въ лунныя ночи выходятъ изъ воды, пѣніемъ и чарами заманиваютъ человѣка въ воду и тамъ щекочатъ его до смерти. Почитаніе водяного выражалось въ принесеніи жертвъ рѣкамъ. озерамъ, источникамъ, въ бросаніи монетъ въ колодцы и пр. Во время болѣзни русскіе прибѣгали къ водѣ, какъ къ цѣлебной стихіи.

Домовой—это олицетвореніе домовладыки, съ которымъ лѣшій находится во враждѣ. Съ раздробленіемъ рода на семьи почитаніе Рода уступаетъ мѣсто почитанію предковъ-организаторовъ семьи. Домовой представлялся въ образѣ старика, сплошь обросшаго сѣдыми волосами. Онъ—хозяинъ дома. Предпріятія главы семьи удаются только въ томъ случаѣ, если одобряются домовымъ; если домовой не одобряетъ какихъ-нибудь его предпріятій, глава семьи терпитъ неудачу. Среди домашняго скота есть у домового любимыя животныя и нелюбимыя: любимыя процвѣтаютъ, нелюбимыя чахнутъ. Домовой живетъ въ каждомъ домѣ, подъ печкой. Очагъ и печка имѣли у древнихъ народовъ священное значеніе, потому что около нихъ хоронили родственниковъ, на нихъ совершались жертвоприношенія. Печь имѣетъ силу очищающую и исцѣляющую. Съ переходомъ изъ одного жилища въ другое, новое, туда переселяется и домовой. Это переселеніе сопровождалось особымъ обрядомъ, кое-гдѣ сохранившимся и теперь: хозяйка въ старомъ домѣ топитъ печку въ послѣдній разъ. беретъ отсюда горячіе уголья, переноситъ ихъ въ новое жилище и здѣсь на новомъ очагѣ разводитъ первый огонь; съ совершеніемъ этого обряда, домовой переходитъ въ новое жилище.

Кромѣ этихъ главныхъ божествъ, у русскихъ славянъ были и другіе второстепенные, значеніе которыхъ съ теченіемъ времени было болѣе или менѣе забыто. Такъ, сохранились свѣдѣнія объ «упыряхъ», т. е. мертвецахъ, «волкодлакахъ». т. е. оборотняхъ. имѣющихъ способность ночью рыскать волками, а днемъ принимать образъ людей; эти же волкодлаки съѣдаютъ или похищаютъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды во время затменій. Въ связи съ представленіями о волкодлакахъ у русскихъ славянъ существовали представленія о превращеніяхъ людей въ звѣрей, птицъ, рыбъ, деревья и т. д.

Жреческаго сословія у русскихъ славянъ не было, но кое-какіе зародыши его появились: именно, изъ общей массы населенія стали выдѣляться вѣщіе люди, волхвы, которые умѣли обращаться съ богами при помощи слова, заклятія, заговора и угадывать будущее. Эти люди обладали чудодѣйственной силой: они могли превращать людей въ животныхъ или птицъ, могли нагонять на людей болѣзни, они могли распоряжаться вѣтрами, дождями, бурями.

На открытыхъ мѣстахъ, по преимуществу на возвышенныхъ, ставились идолы, которымъ молились и приносили въ жертву мясо животныхъ, хлѣбныя печенья, напитки, птицъ, особенно пѣтуховъ, лошадей, иногда даже людей. Молитвы и жертвы связаны были съ гаданіями. Частныя и общественныя предпріятія обыкновенно начинались только послѣ гаданія объ ихъ успѣхѣ.

20. Возникновеніе русскаго государства. Разселившись по бассейнамъ Днѣпра и озера Ильменя, русскіе славяне попали на оживленный торговый путь. Наша лѣтопись такъ описываетъ его: онъ шелъ изъ Константинополя по Черному морю до устья Днѣпра, затѣмъ по Днѣпру до его верхнихъ истоковъ; далѣе путь шелъ волокомъ, т. е. тащили суда по сухому пути до рѣки Ловати: рѣка Ловать вела въ озеро Ильмень, изъ котораго въ свою очередь вытекаетъ рѣка Волховъ, впадающая въ Ладожское озеро (Нево); отсюда по рѣкѣ Невѣ путь шелъ въ Финскій заливъ и Балтійское море; изъ Балтійскаго моря путь тянулся вдоль береговъ Западной Европы; затѣмъ онъ велъ въ Средиземное море, къ Риму, а оттуда дальше по Средиземному морю снова въ Константинополь.

Торговому движенію, совершавшемуся по этой круговой дорогѣ, дали толчокъ греки, которые до Р. Х. завели многочисленныя колоніи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и на восточныхъ берегахъ Азовскаго. Важнѣйшія изъ этихъ колоній были слѣдующія: Ольвія, близъ нынѣшняго Николаева, Херсонесъ Таврическій на юго-западномъ берегу Крыма, Ѳеодосія на юго-восточномъ берегу Крыма, Пантикапея—нынѣшняя Керчь, Фанагорія на Таманскомъ полуостровѣ, Танаисъ при устьѣ Дона. Торгово-промышленная дѣятельность этихъ колоній еще задолго до Р. Х. напра-

вилась на бассейнъ Днѣпра, по которому греки получали съ береговъ Балтійскаго моря янтарь.

Разселившись по Днѣпру, русскіе славяне неизбѣжно должны были втянуться въ торговое движеніе, совершавшееся по великому водному пути изъ Скандинавіи въ Грецію («изъ Варягъ въ Греки»), тѣмъ болѣе, что страна доставляла громадный матеріалъ для торговли: мѣха, медъ, воскъ.

Развитію внѣшней торговли русскихъ славянъ содѣйствовало еще одно важное обстоятельство. Въ то время, когда русскіе славяне спускались съ Карпатскаго нагорья въ восточно-европейскую равнину, съ крайняго востока ея изъ-за Волги и Дона появились азіатскіе кочевники тюркскаго происхожденія—хазары. Съ VII в. хазары поселились на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго и Чернаго морей и заняли степь между Волгой и Днѣпромъ. Въ скоромъ времени хазары начинаютъ переходить отъ кочевого быта съ его хищничествомъ къ мирнымъ занятіямъ и заводятъ у себя города, въ которыхъ проводятъ зимнее время. Въ VIII в. среди нихъ поселились изъ Закавказья промышленные евреи и арабы. Евреи оказали на хазаръ большое культурное вліяніе: хазарскій каганъ съ высшимъ классомъ хазаръ приняли іудейство. Столица хазаръ Итиль, основанная на нижнемъ теченіи Волги, сдѣлалась средоточіемъ оживленныхъ торговыхъ сношеній между балтійскимъ сѣверомъ и арабскимъ востокомъ около того времени, когда у арабовъ царствовала династія Аббасидовъ и столица ихъ основалась въ Багдадѣ.

Явившись въ Европу хазары покорили русскихъ славянъ, сосѣдившихъ со степью, а именно: полянъ, сѣверянъ и вятичей. Иго хазаръ было, повидимому, нетяжкое; послѣдствія же его для русскихъ славянъ были очень важны: степныя рѣчныя дороги къ рынкамъ Чернаго и Каспійскаго моря стали открытыми, и Днѣпровская Русь подъ покровительствомъ хазаръ завела дѣятельную торговлю. Русскіе славяне появляются съ предметами своей торговли не только въ греческіе и хазарскіе города, но и въ арабскую столицу Багдадъ, гдѣ ихъ видѣлъ арабскій писатель Хордадбе (около 846 г.). Многочисленные клады съ арабскими серебряными монетами (диргемами), найденные въ области Днѣпра и относящіеся ко времени, начиная съ послѣднихъ лѣтъ VII в., подтвер-

ждаютъ существованіе дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ арабскимъ востокомъ.

Развитіе внѣшней торговли повело у восточныхъ славянъ къ возникновенію цѣлаго ряда городовъ, т е. сборныхъ торговыхъ пунктовъ, мѣстъ обмѣна русскихъ звѣролововъ и пчеловодовъ. Большая часть этихъ городовъ,—Кіевъ, Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ, Ростовъ, Полоцкъ, возникли изъ прежнихъ однодворковъ, расположенныхъ въ удобныхъ мѣстахъ по водному пути изъ Варягъ въ Греки. Къ этимъ городамъ стали тяготѣть въ экономическомъ отношеніи обширные районы, для которыхъ эти города становятся какъ бы центрами. Особенно важное значеніе долженъ былъ пріобрѣсти Кіевъ, самый южный торговый центръ русскихъ славянъ, возникшій въ землѣ полянъ на опушкѣ огромнаго лѣса, тянувшагося далеко на сѣверъ. Сюда въ Кіевъ товары стекались со всего сѣвера: съ Волхова, Западной Двины, верхняго Днѣпра и его притоковъ. Естественное экономическое тяготѣніе всего сѣвера къ Кіеву могло всегда превратиться въ экономическую зависимость отъ Кіева: для этого достаточно было Кіеву прекратить пропускъ лодокъ съ товарами съ сѣвера на югъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ.

Въ первой половинѣ IX-го в. въ юго-восточной части нашей равнины происходитъ важное событіе: изъ Азіи появляется въ предѣлы Хазарскаго царства орда новыхъ кочевниковъ—печенѣговъ, съ которыми хазары плохо справляются. Степныя торговыя дороги по рѣкамъ, бывшія дотолѣ свободными и безопасными, дѣлаются опасными: торговля русскихъ славянъ начинаетъ испытывать большія неудобства и ущербъ. Къ половинѣ IX в. печенѣги заняли уже почти все степное пространство и придвинулись довольно близко къ Кіеву. Хазарское царство, продолжавшее еще существовать, уже не могло обезпечить правильности торговыхъ сношеній русскихъ славянъ съ югомъ и востокомъ. Русскіе торговые города были предоставлены самимъ себѣ. Это вынудило ихъ самимъ позаботиться о своей безопасности: русскіе города строятъ городскія стѣны, вооружаются, заводятъ у себя войска, сопровождаютъ торговые караваны охранными отрядами.

Съ вооруженіемъ русскихъ городовъ совпало другое важ-

ное событіе. Въ первой половинѣ IX в. Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія), населенная германскими племенами, обнаруживаетъ необыкновенное движеніе, вызванное абсолютнымъ перенаселеніемъ, достигнутымъ этой страной. Дружины скандинавовъ, сдѣлавшихся извѣстными въ Западной Европѣ подъ именемъ дановъ или норманновъ, на сотняхъ судовъ совершаютъ опустошительные набѣги на западныя государства, захватываютъ цѣлыя области и основываютъ свои государства. Эти же самые скандинавы, извѣстные у насъ подъ именемъ варяговъ, около половины IX в. стали проникать по Финскому заливу и великому водному пути къ новгородскимъ славянамъ и финнамъ и облагать ихъ данью. По лѣтописному преданію, новгородцы подняли возстаніе противъ пришельцевъ и прогнали ихъ за море. Но, чтобы обезопасить себя отъ нападеній варяговъ на будущее время, новгородцы нанимали отдѣльныя дружины изъ варяговъ же. Одна изъ такихъ дружинъ, принадлежавшая къ скандинавскому племени Русь, плотно усѣлась въ Новгородской области, построила крѣпости въ удобныхъ мѣстахъ и изъ временныхъ защитниковъ новгородскихъ славянъ превратилась съ княземъ во главѣ въ постоянный правительственный классъ. Такъ возникло мѣстное новгородско-русское княжество Рюрика (въ 862 г. по лѣтописи, но въ дѣйствительности, вѣроятно, раньше). Около того же времени возникло другое мѣстное варяго-русское княжество въ землѣ полянъ, въ Кіевѣ, основанное Аскольдомъ и Диромъ, причемъ первымъ дѣломъ этихъ князей было освобожденіе полянъ отъ дани хозарамъ, борьба съ враждебными Кіеву древлянами, затѣмъ съ печенѣгами и, наконецъ, походъ на Константинополь (860 г.), чтобы отомстить грекамъ за нарушеніе торговаго договора, установленнаго еще въ первой половинѣ IX в., и за несправедливости, причиненныя русскимъ купцамъ. Третье княжество, основанное такимъ же путемъ варягами, было княжество Рогволода въ Полоцкѣ, четвертое— Тура въ Туровѣ на р. Припети.

Изъ всѣхъ этихъ княжествъ особенное вліяніе должно было пріобрѣсти Кіевское по его экономическому значенію. Варяжскіе князья это понимали, и наиболѣе талантливый изъ нихъ, Олегъ (879—912), завладѣваетъ у Аскольда и Дира Кіевомъ и дѣлаетъ его центромъ русскаго Кіевскаго кня-

жества, въ составъ котораго входитъ большинство русскихъ славянъ. Князю и его дружинѣ, составлявшейся изъ варяговъ, съ теченіемъ времени слившихся съ туземцами, и туземцевъ-купцовъ, выпадаетъ осуществленіе задачи: охрана торговыхъ путей къ югу и востоку. Для этой цѣли Олегъ построилъ на югѣ Кіевскаго княжества рядъ крѣпостей («заставъ»), а затѣмъ, собравъ огромныя военныя силы изъ варяговъ и туземцевъ, совершилъ походъ на Византію, результатомъ котораго было заключеніе выгоднаго торговаго договора съ греками. Въ этомъ походѣ участвовали разныя русскія племена, заинтересованныя въ удачномъ исходѣ похода. Но и другія племена русскія, стоявшія въ сторонѣ отъ торговаго пути, вынуждены были покориться государственной силѣ, возникшей на берегу Днѣпра.

Многочисленные походы русскихъ князей въ X в. доставляли множество плѣнныхъ, которые превращались въ рабовъ и продавались на греческихъ и арабскихъ рынкахъ вмѣстѣ съ мѣхами, медомъ, воскомъ и прочими продуктами лѣсныхъ промысловъ.

21. Принятіе русскими славянами христіанства. Дѣятельныя торговыя сношенія приднѣпровскихъ русскихъ славянъ съ другими народами не могли остаться безъ вліянія на нихъ. Особенно сильное вліяніе должна была пріобрѣсти ихъ ближайшая сосѣдка Византія, страна, которая въ то время была въ Европѣ самой богатой, сильной и просвѣщенной и которая, слѣдовательно, боролась за свое существованіе наилучшими тогда средствами. Вліяніе Византіи выразилось въ томъ, что среди русскихъ славянъ стала распространяться христіанская религія. Первоначально она распространялась среди того слоя городского населенія, который находился въ особенно дѣятельныхъ торговыхъ или иныхъ сношеніяхъ съ Византіей, т. е. среди торговаго класса и княжеской дружины.

Княжеская дружина первоначально состояла по преимуществу изъ варяговъ-скандинавовъ, изъ которыхъ одна часть придерживалась язычества, а другая часть была христіанской. Христіанство среди варяговъ-скандинавовъ распространялось изъ двухъ источниковъ: изъ Греціи и съ Запада. Отправляясь по великому водному пути въ Константинополь, варяги-скандинавы, нерѣдко нанимались на службу къ визан-

тійскому императору. Живя въ Константинополѣ иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, нѣкоторые изъ нихъ принимали крещеніе и становились христіанами. Христіанъ-варяговъ въ Константинополѣ было не мало; доказательствомъ служитъ то, что въ Константинополѣ была церковь варяговъ во имя пророка Ильи. Уѣзжая изъ Константинополя назадъ, эти варяги-христіане часто поступали на службу къ своимъ соотечественникамъ—русскимъ князьямъ. Другой путь распространенія христіанства среди варяговъ-скандинавовъ былъ западный. Съ X в. въ Скандинавіи пропагандируется энергичными латинскими миссіонерами христіанство, и многіе варяги-скандинавы становились христіанами по западному обряду. Не малое число такихъ варяговъ-скандинавовъ должно было попадать на службу къ нашимъ князьямъ.

Такимъ образомъ, въ дружинѣ русскаго князя было значительное число христіанъ. Договоръ Игоря съ греками (944 г.) подтверждаетъ этотъ выводъ: въ немъ упоминаются двѣ половины дружины—крещенная и некрещенная; первая клянется въ соблюденіи договора христіанскимъ Богомъ вторая — Перуномъ. Христіанская часть дружины, видимо, была не малочисленна и даже пользовалась большимъ авторитетомъ, такъ какъ въ договорѣ клянутся сначала дружинники-христіане, а затѣмъ уже дружинники-язычники. Авторитетность христіанской части дружины можетъ быть объяснена тѣмъ, что, во-первыхъ, клятва именно этой части дружины для грековъ-христіанъ была особенно важна; во-вторыхъ, тѣмъ, что христіанская часть дружины была болѣе или менѣе грамотной и, слѣдовательно, могла исполнять канцелярскія обязанности; въ-третьихъ, наконецъ, тѣмъ, что самъ Игорь, вѣроятно, былъ расположенъ къ христіанству. Лѣтопись передаетъ, что для произнесенія клятвы дружинники-христіане были приведены въ «соборную» церковь св. Ильи въ Кіевѣ. «Соборными» церквами тогда назывались приходскія, въ противоположность домовымъ. Если въ Кіевѣ была «соборная» церковь, то, вѣроятно, были и домовые—у богатыхъ купцовъ и варяговъ; если въ Кіевѣ были церкви христіанскія, то должны были находиться при нихъ и священники, а въ такомъ случаѣ въ Кіевѣ должны были быть богослужебныя книги и вообще зачатки грамотности и письменности. На какомъ языкѣ были написаны эти книги—во-

просъ спорный. Предполагаютъ, что на готскомъ, который былъ родственъ языку варяговъ-скандинавовъ. Но возможно, что и на языкѣ славянскомъ, напр., древне-болгарскомъ, если не на языкѣ русскомъ.

Преемница Игоря Ольга, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанской части дружины, принимаетъ въ Кіевѣ крещеніе (около 954 г.), когда во власть оффиціально вступаетъ ея сынъ Святославъ. Ко времени Владимира (978—1015) христіане въ Кіевѣ должны были составлять уже довольно большую общину, при чемъ въ ея составъ входила значительная часть княжеской дружины, состоявшей по преимуществу изъ варяговъ, и часть туземнаго боярско-купеческаго класса. Въ 987 г. подъ ея вліяніемъ и, вѣроятно, отъ священниковъ варяго-скандинавовъ неоффиціально принимаетъ крещеніе Владиміръ; въ 989 г. Владиміръ провозглашаетъ себя христіаниномъ оффиціально и въ 989—990 гг. креститъ при помощи греческихъ священниковъ населеніе Кіева. Изъ Кіева христіанство распространяется по другимъ городамъ великаго воднаго пути. Въ 992 г. учреждаются слѣдующія епархіи: Новгородская, Черниговская, Владиміро-Волынская, Полоцкая, Туровская, Бѣлгородская, Ростовская и Тмутараканская. Изъ городовъ христіанство должно было съ теченіемъ времени распространиться и по деревнямъ, т. е. по однодворкамъ русскихъ славянъ, но крайне туго и значительно позже, чѣмъ по городамъ.

Принятіе христіанства было дѣломъ по преимуществу высшаго русскаго класса, и притомъ высшаго класса въ Кіевѣ. Объясняется это тѣмъ, что, во-первыхъ, Кіевъ былъ экономическимъ и политическимъ центромъ русской земли — въ Кіевъ стекались товары со всего русскаго государства, въ немъ-же сосредоточивалось главное управленіе русской землей; какъ центръ русской земли, Кіевъ скорѣе, чѣмъ какой-либо другой русскій городъ, долженъ былъ сознавать назрѣвающія государственныя задачи. Важнѣйшей очередной задачей въ эпоху Владимира было развитіе русскаго могущества, экономическаго и политическаго. Для осуществленія этой задачи требовалось насажденіе культуры въ русскомъ народѣ. Самымъ культурнымъ, самымъ богатымъ и самымъ сильнымъ народомъ въ то время были византійскіе греки. Богатство Византіи, ея экономическое развитіе русскіе куп-

цы и послы въ Константинополѣ имѣли возможность наблюдать собственными глазами: ея военную силу русскимъ князьямъ и дружинѣ пришлось испытать не разъ: достаточно вспомнить неудачные исходы походовъ Аскольда и Дира (860 г.), двухъ походовъ Игоря (941 и 944), второго болгарскаго похода Святослава (971): о просвѣщеніи-же грековъ извѣстно было всему міру. Естественнымъ выводомъ отсюда былъ слѣдующій: чтобы развиться экономически, чтобы усилить могущество государства, необходимо усвоить культуру Византіи. Однимъ изъ основныхъ элементовъ византійской культуры была христіанская религія. Греки свое превосходство надъ другими народами объясняли помощью того Бога, которому они молились. Этотъ Богъ, Богъ христіанъ, послѣ русскихъ пораженій, сталъ казаться могущественнѣе Перуна и языческой части княжеской дружины, и высшему городскому обществу. Отсюда для высшаго русскаго общества неизбѣженъ былъ выводъ: чтобы сравняться по могуществу съ греками, необходимо отдаться подъ покровительство греческаго Бога.

Съ принятіемъ христіанства въ русскомъ государствѣ появляется на ряду съ политическою властью князя и его дружины новая власть—христіанская церковь и новый классъ лицъ, играющихъ важную роль, а именно духовенство, начиная съ низшаго и кончая высшимъ—епископами и митрополитомъ. Первоначально митрополитъ и епископы были греки. Какъ люди высокой культуры, высшее духовенство пріобрѣло большое вліяніе: въ лицѣ его русскіе князья пріобрѣли классъ опытныхъ просвѣщенныхъ людей, совѣтами которыхъ можно было пользоваться для улучшенія задачъ управленія по образцу управленія византійскаго.

22. Двоевѣріе. Основная причина принятія Кіевскою Русью христіанства была культурно-государственная: принятіе христіанства отъ грековъ должно было привести въ Кіевъ и въ другіе города Кіевской Руси культурныхъ грековъ, которые, просвѣщая русскихъ, научили бы ихъ болѣе утонченнымъ способамъ борьбы за существованіе. Поэтому въ русскомъ городскомъ обществѣ эпохи принятія крещенія едва-ли много было такихъ лицъ, которыя могли бы цѣнить христіанскую религію саму по себѣ, независимо отъ тѣхъ культурно-государственныхъ выгодъ, которыя съ ея приня-

тіемъ связывались. Чтобы понять возвышенность христіанскаго ученія и пожелать сообразно ему устроить свою жизнь, необходимо глубокое изученіе св. Писанія и комментаріевъ къ нимъ отцовъ церкви, необходимо далѣе ознакомленіе съ исторіей церкви, съ біографіями христіанскихъ дѣятелей и т. д.

Ничего подобнаго не могло быть у насъ въ эпоху принятія крещенія. Крошечная часть кіевскаго городского общества чувствовала превосходство христіанской религіи надъ бѣднымъ славянскимъ язычествомъ, относилась къ ней благоговѣйно, свято исполняла культъ христіанскій, усвоила нѣкоторыя элементарныя нравственныя правила, но вмѣстить въ себѣ ученіе христіанское въ его цѣломъ не могла и она. Другая болѣе значительная часть кіевскаго городского общества придерживалась христіанства чисто внѣшнимъ образомъ—или изъ подражанія грекамъ, какъ большая часть варяговъ и боярско-купеческаго класса; или потому, что предки уже были христіанами. Третья часть стала христіанской изъ повиновенія князю; эта часть кіевскаго населенія, слѣдовательно, ужъ совсѣмъ плохо знала христіанское ученіе. Наконецъ, четвертая часть, главнымъ образомъ низшій классъ города Кіева, вѣроятно, продолжала оставаться при своихъ языческихъ вѣрованіяхъ. За исключеніемъ первой, крайне ничтожной части кіевскаго общества, болѣе сознательно относившейся къ христіанскому ученію, остальная подавляющая масса кіевлянъ должна была остаться по своимъ навыкамъ, воззрѣніямъ, образу жизни чисто языческой, а христіанскою только по имени. Эта масса только по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ могла усвоить кое-что въ христіанствѣ, главнымъ образомъ, его внѣшнія формы; но въ эти формы она должна была вливать содержаніе чисто языческое: христіанскіе праздники должны были пониматься этой массой по аналогіи съ языческими праздниками, хронологически близкими къ первымъ; на христіанскихъ святыхъ такимъ же образомъ она должна была переносить черты языческихъ боговъ: такъ, на пророка Илью, день котораго празднуется 20 іюля, перенесены были черты Перуна, бога грома, на св. Георгія (23 апрѣля), Егорія, Власія перенесены были черты бога Велеса и т. д. Что касается до образа жизни этой массы, то онъ опредѣлялся и регулировался положеніемъ ея представителей въ общественномъ трудѣ и

менѣе всего правилами христіанской морали. Таково было положеніе христіанства среди самаго культурнаго русскаго населенія въ городѣ Кіевѣ.

Если христіанство даже въ Кіевѣ насчитывало болѣе или менѣе понимающихъ людей единицами, то въ русскихъ городахъ, расположенныхъ дальше отъ Византіи, дѣло обстояло хуже: въ нихъ не могло возникнуть и сознанія культурно-государственнаго значенія христіанской религіи вслѣдствіе того, что эти города не располагали выжитымъ опытомъ Кіева. Поэтому въ нѣкоторыхъ изъ нихъ христіанство принималось не безъ сопротивленія, какъ, напр., въ Новгородѣ, гдѣ оно было подавлено вооруженной силой, употребленной Добрыней, дядей Владимира, и новгородскимъ тысяцкимъ Путятой. («Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ»). Еще менѣе податливыми оказались города въ Ростовской области, на крайнемъ сѣверо-востокѣ тогдашней русской земли: ростовскимъ епископамъ удается привить здѣсь христіанство только во второй половинѣ XI в.

Язычество долго боролось за свое существованіе въ лицѣ волхвовъ, волшебниковъ, предсказателей будущаго, о чемъ свидѣтельствуютъ отрывочныя лѣтописныя извѣстія. Подъ 1071 г. въ лѣтописи разсказывается, что въ Кіевѣ явился волхвъ, прельщенный бѣсомъ. Онъ сталъ проповѣдывать народу, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, что земли со своихъ мѣстъ перейдутъ на чужія, что греческая земля станетъ на мѣсто русской, а русская на мѣсто греческой. Своею проповѣдью волхвъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что языческіе боги поразятъ христіанскія страны разными бѣдствіями, и во избѣжаніе этого русскіе должны вернуться къ язычеству. По сообщенію лѣтописца, невѣжественная часть народа слушала волхва, вѣрные же смѣялись, говоря: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ». Правительство не дало ему продолжать свою проповѣдь: въ одну ночь, по словамъ лѣтописи, волхвъ «бысть безъ вѣсти», т. е. исчезъ. Между 1074—1078 гг. явился въ Новгородѣ волхвъ, который «творился аки богъ», говорилъ, что предвидитъ все будущее, хулилъ христіанство и обѣщался пройти по Волхову, какъ по сушѣ. Проповѣдь волхва имѣла успѣхъ. Епископъ, облекшись въ богослужебныя одежды, съ крестомъ въ рукѣ, вышелъ на площадь и сказалъ: «кто хочетъ вѣрить волхву,

пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко кресту». На сторонѣ епископа сталъ только князь Глѣбъ Святославовичъ съ дружиною, а на сторонѣ волхва вся народная масса, «производя великій мятежъ» и угрожая убить епископа. Кровавая народная расправа съ епископомъ была предотвращена только самообладаніемъ и находчивостью князя. Князь, спрятавъ подъ полу своего платья топоръ, подошелъ къ волхву и сталъ бесѣдовать съ нимъ. «Знаешь-ли ты,—спросилъ его князь,—что будетъ утромъ и во весь день до вечера?»—«Все знаю», отвѣчалъ волхвъ.—«А знаешь-ли, что будетъ сегодня?»—«Сотворю великія чудеса», отвѣтилъ волхвъ. При этихъ словахъ князь выхватилъ изъ-подъ полы топоръ и разсѣкъ волхва пополамъ. Неожиданная гибель волхва, собиравшагося творить великія чудеса, произвела на толпу отрезвляющее впечатлѣніе, и толпа мирно разошлась.

Если христіанство туго распространялось по городамъ, то по деревнямъ (т. е. по однодворкамъ) оно, вѣроятно, еще долго и совсѣмъ не появлялось. Только, когда города стали сплошь христіанскими по религіи, когда между ними устроились болѣе удобные пути сообщенія, когда населеніе деревень стало увеличиваться и вошло въ болѣе тѣсное общеніе съ городами, христіанство должно было распространиться и тутъ. Но здѣсь по деревнямъ смыслъ христіанскаго ученія еще менѣе могъ быть понятъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія грамотности. Языческій бытъ, языческія воззрѣнія, поэзія, выросшая на почвѣ языческаго быта, слегка окрашенные христіанской терминологіей и кое-какими обрядами христіанской религіи—таково состояніе народныхъ массъ, продолжавшееся съ ничтожными измѣненіями въ пользу христіанства чуть-ли не до нашего времени.

Смѣшеніе христіанскихъ воззрѣній съ языческими носитъ особое названіе—«двоевѣріе». Двоевѣріе является однимъ изъ характерныхъ фактовъ русской жизни. Проповѣдники греки, а затѣмъ и русскіе въ продолженіе многихъ вѣковъ обличаютъ «христіанъ, двоевѣрно живущихъ», осуждаютъ тѣхъ, кто имѣетъ по двѣ жены, порицаютъ за то, что женъ берутъ съ плясаніемъ, гудѣніемъ (музыкой) и плесканіемъ», возмущаются тѣмъ, что продолжаютъ приносить жертвы болотамъ, колодцамъ и бѣсамъ (т. е. языческимъ богамъ), предо-

стерегаютъ отъ пировъ, на которыхъ происходятъ «играніе», «плясаніе» и «гудѣніе», вооружаются противъ пѣсенъ, волхвованія и чародѣянія. Но эти проповѣди были безсильны: языческія воззрѣнія и т. д. находились въ тѣсной связи съ жизненнымъ укладомъ народной массы, съ примитивностью условій ея трудовой дѣятельности. Пока эти условія оставались неизмѣнными или подвергались ничтожнымъ измѣненіямъ, пока въ массахъ господствовали такія отношенія къ природѣ и такіе способы воздѣйствія на нее, какіе достались ей отъ предковъ и какіе тѣсно были связаны съ обширностью занятаго нами пространства, до тѣхъ поръ ея бытъ долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ. Сила быта, поддерживавшагося этимъ фактомъ, была такъ велика, что ей подчинялись, по свидѣтельству одного стараго обличенія («Слово нѣкоего христолюбца»—памятникъ эпохи до нашествія татаръ), даже «попы и книжники». Въ «Стоглавѣ», памятникѣ XVI-го вѣка, мы встрѣчаемъ указанія на продолжавшееся у русскихъ празднованіе языческихъ празднествъ съ ихъ «безчиннымъ говоромъ», «бѣсовскими писками», «плясаніями», «скаканіями» и «богомерзкими дѣлами». Въ «Духовномъ Регламентѣ», памятникѣ начала XVIII-го в. (1721 г.) есть указанія на рядъ «суевѣрій» (терминъ, замѣнившій слово «двоевѣріе»), очень распространенныхъ въ то время среди русскаго народа и представлявшихъ продолженіе языческой старины. Въ 1765 г. въ Воронежѣ запрещается народное празднованіе въ честь бога Ярила. Остатки древнеязыческаго быта, съ его воззрѣніями, обрядами и поэзіей въ народныхъ массахъ. особенно живущихъ въ сторонѣ отъ главныхъ путей сообщенія, существуютъ и до настоящаго времени.

Двоевѣріе, какъ характерный фактъ русской жизни, наложилъ печать и на произведенія русской литературы.

23. Главные періоды въ исторіи русской литературы. Исторія русской литературы распадается на два главныхъ періода: I) періодъ древней русской литературы, начинающійся приблизительно отъ IX-го в. и кончающійся XVII-мъ вѣкомъ, и II) періодъ новой русской литературы, обнимающій два вѣка XVIII—XIX и начало XX-го вѣка.

Библіографія. Матеріалы для болѣе подробнаго развитія нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ параграфовъ можно почерпнуть въ слѣ-

дующихъ книгахъ, пособіяхъ и статьяхъ: *Э. Махъ*. Языкъ. („Научно-популярные очерки". В. I. М. 1901).—*Максъ Мюллеръ*. Наука о языкѣ. Спб.—*А. Потебня*. Мысль и языкъ. Харьковъ. 1892.—*Л. Е. Оболенскій*. Научныя основы красоты и искусства. Спб. 1902.—*Н. Г. Чернышевскій*. Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности („Эстетика и поэзія". Спб. 1893).—*И. Тэнъ*. Чтенія объ искусствѣ Спб. 1889. — *М. Гюйо*. Задачи современной эстетики. Спб. 1891. — *М. Гюйо*. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Спб. 1891. — *Вл. Соловьевъ*. Красота въ природѣ. (Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева. Т. IV. Спб.).—*Вл. Соловьевъ*. Общій смыслъ искусства. (Собраніе сочиненій. Т. IV).—*Бельтовъ*. Объ искусствѣ. („За двадцать лѣтъ". Спб. 1905).—*Александръ Веселовскій*. Три главы изъ исторической поэтики. Спб. 1899.—*В. Шулятиковъ*. Возстановленіе разрушенной эстетики („Очерки реалистическаго міровоззрѣнія". Спб. 1904).—*П. В. Владимировъ*. Общее понятіе объ исторіи литературы и исторія ея разработки („Введеніе въ исторію русской словесности". Кіевъ. 1896).—*А. Н. Пыпинъ*. Объемъ исторіи литературы. Разработка исторіи русской литературы. („Исторія русской литературы". Т. I. Спб. 1902).—*А. Архангельскій*. Исторія литературы, какъ наука. („Изъ лекцій по исторіи русской литературы"). Варшава. 1897.—*А. Архангельскій*. Наканунѣ христіанства и письменности („Изъ лекцій по исторіи русской литературы"). Варшава. 1901.—*В. Ключевскій*. О разселеніи славянъ. („Курсъ русской исторіи". Ч. I. М. 1904. Лекція VII).—*П. Милюковъ*. Разселеніе славянъ („Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ" П. Г. Виноградова. В. I. М. 1898). —*А. Богдановъ*. Первобытный родовой коммунизмъ. Патріархально-родовая организація общества („Краткій курсъ экономической науки". М. 1906).—*Липпертъ*. Исторія культуры. Спб. 1899. (Общество: семья, собственность. Отдѣлъ II. Область культа. Отдѣлъ III).—*А. Богдановъ*. Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ. Авторитарное мышленіе. („Изъ психологіи общества". Спб. 1904).—*Н. Михайловскій*. Что такое прогрессъ? (Сочиненія. Т. I. Спб. 1896). — *Н. Михайловскій*. Борьба за индивидуальность. (Тамъ же).—*П. Милюковъ*. Древнѣйшій бытъ славянъ. Религія славянъ. („Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ". П. В. Виноградова. В. I. М. 1898). *П. Милюковъ*. Очерки изъ исторіи русской культуры. Ч. I. Спб. 1900. („Населеніе"). — *Ѳ. Успенскій*. Византія („Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Эфрона, т. IV).—*Иконниковъ*. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Кіевъ. 1869.—*К. Каутскій*. Древнехристіанскій коммунизмъ. („Изъ исторіи общественныхъ теченій". Спб. 1905. Глава первая отдѣла перваго).—*Ѳ. Успенскій*. Очерки по исторіи византійской образованности. 1892.—*Н. Тарасовъ*. Византійское искусство. („Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ" П. Г. Виноградова. В. II. М. 1897).—*П. Лавровъ*. Свв. Кириллъ и Меѳодій. („Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ". В. II. 1897).—*Е. Голубинскій*. Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. М. 1885. — *М. Соко-*

ловъ. Болгарская письменность. („Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ". П. Г. Виноградова. В. II. М. 1897). — *А. Пыпинъ* и *В. Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. Т. I. Спб. 1879. (Исторія древнеболгарской литературы).—*В. Ключевскій*. Слѣдствія разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ. („Курсъ русской исторіи". Ч. I. М. 1904. Лекція VIII).—*В. Ключевскій*. Политическія слѣдствія разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ (тамъ же, лекція IX).—*Е. Голубинскій*. Христіанство на Руси до св. Владиміра. Крещеніе св. Владиміромъ всей Руси и совершенное утвержденіе христіанства на Руси при его преемникахъ. („Исторія русской церкви". Т. I. Первая половина. М. 1901. Гл. I—II).—*Е. Голубинскій*. Вѣра, нравственность и религіозность народа. („Исторія русской церкви". Т. I. Вторая половина. М. 1904. Гл. VIII).

Первоначальныя основы древнерусской литературы.

24. О первоначальныхъ основахъ древнерусской литературы. Древнерусская жизнь развивалась на почвѣ взаимодѣйствія двухъ главныхъ культуръ: 1) народно-русской и 2) еврейско-византійско-болгарской. Элементы народно-русской культуры отразились въ устномъ литературномъ творчествѣ, издревле составлявшемъ достояніе русскаго народа. Что касается еврейско-византійско-болгарской культуры, то отдѣльные ея элементы проникаютъ къ намъ сначала благодаря торгово-промышленнымъ и военнымъ сношеніямъ съ Византіей. Съ принятіемъ христіанства, къ намъ переносится цѣлое учрежденіе еврейско-византійскаго происхожденія, именно церковь; церковь въ свою очередь принесла съ собою обширную переводную еврейско-византійско-болгарскую литературу. Народно-русское устное творчество и переводная еврейско-византійско-болгарская литература послужили первоначальными основами для развитія древне-русской литературы вообще.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Народная основа древнерусской литературы.

25. Устное творчество и его коллективный характеръ. Къ устному творчеству относятся такія произведенія слова, которыя передаются отъ поколѣнія къ поколѣ-

нію въ теченіе многихъ вѣковъ и записываются впервые лишь долгое время спустя, когда среди образованнаго класса населенія даннаго народа пробуждается интересъ къ прошлому.

Устныя произведенія возникаютъ обыкновенно тогда, когда жизнь даннаго народа отличается простотою и раздѣленіе труда еще не достигло такихъ размѣровъ и такой сложности, какіе наблюдаются въ цивилизованныхъ странахъ. Пока жизнь отличается простотой, а раздѣленіе труда элементарностью, большинство населенія, подъ воздѣйствіемъ однородныхъ условій дѣятельности, ведетъ почти одинаковый образъ жизни, пользуется приблизительно одинаковыми пріемами труда, испытываетъ приблизительно однородныя стремленія, имѣетъ приблизительно однородные взгляды. Эта однородность налагаетъ отпечатокъ и на произведенія устнаго творчества: содержаніе устныхъ произведеній отражаетъ факты, событія, чувства, идеи, пережитые большинствомъ; даже пріемы устнаго творчества сходны во всѣхъ его произведеніяхъ и суть результатъ взаимодѣйствія между природой страны и психикой людей, ее населяющихъ.

Но какъ бы однородны ни были условія дѣятельности для даннаго народа, отдѣльныя лица въ немъ все таки отличаются другъ отъ друга душевными качествами, полученными по наслѣдству отъ предковъ: одинъ человѣкъ въ большей степени одаренъ впечатлительностью и фантазіей, другой — въ меньшей; первый болѣе склоненъ къ творчеству вообще и къ поэтическому въ частности, второй—болѣе склоненъ къ отвлеченному мышленію и практической дѣятельности: первый выражаетъ свое отношеніе къ задѣвшему весь народъ событію тѣмъ, что создаетъ поэтическое произведеніе, напр., пѣсню: это по преимуществу—поэтъ, пѣвецъ; второй не въ силахъ это сдѣлать, но услышавъ созданную первымъ пѣсню и почувствовавъ, что въ ней ярко изображено событіе, потрясшее и его, что въ ней ярко выражены чувства, настроенія и думы, которыя приблизительно также были испытаны и имъ.—второй эту пѣсню повторитъ и будетъ самъ распѣвать ее.

Изъ этого видно, что устное творчество начинается такъ же, какъ и творчество письменное, съ творчества отдѣльнаго лица: всякое устное произведеніе первоначально создается подъ вліяніемъ жизненныхъ событій отдѣльнымъ лицомъ.

Значитъ, устное произведеніе и письменное въ моментъ ихъ появленія не отличаются другъ отъ друга по происхожденію. Но дальнѣйшая судьба устнаго произведенія уже рѣзко отличается отъ судьбы письменнаго: письменное произведеніе, закрѣпленное при помощи буквъ, при передачѣ другимъ или въ потомство почти не подвергается измѣненіямъ; устное поэтическое произведеніе, наоборотъ, не можетъ остаться неизмѣннымъ даже при передачѣ среди современнаго творцу поколѣнія: вслѣдствіе различія въ силѣ фантазіи и степени впечатлительности, а также подъ вліяніемъ различій въ характерѣ опыта, индивидуально складывавшагося въ жизни творца и въ жизни тѣхъ лицъ, которыя подхватили его пѣсню, послѣдняя будетъ подвергаться въ ихъ устахъ невольнымъ измѣненіямъ; еще большія измѣненія пѣсня должна претерпѣть въ устахъ слѣдующихъ поколѣній, съ одной стороны, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, а съ другой—подъ вліяніемъ измѣненій въ условіяхъ дѣятельности новыхъ поколѣній. Такимъ образомъ, надъ однимъ и тѣмъ же устнымъ произведеніемъ, созданнымъ первоначально однимъ лицомъ, трудится много людей изъ поколѣнія въ поколѣніе: устное творчество—собирательно, коллективно.

26. Развитіе устнаго творчества и его виды. Однородность условій дѣятельности для цѣлаго народа бываетъ только приблизительной и притомъ не на продолжительное время. Русскій народъ наканунѣ образованія государства уже дѣлился на племена, нѣсколько отличавшіяся другъ отъ друга по обычаямъ, занятіямъ и, вѣроятно, языку. Разнообразіе условій дѣятельности въ разныхъ мѣстахъ восточно-европейской равнины должно было усилить эти отличія въ очень значительной степени, какъ это было съ древлянами и полянами. Соотвѣтственно этому и устное творчество у разныхъ русскихъ племенъ должно было пріобрѣсти свои особенности и оттѣнки: устныя произведенія, приблизительно однородныя для даннаго племени, уже въ нѣкоторой, а иногда и въ значительной степени, чужды другому племени, у котораго тотъ же разрядъ произведеній пріобрѣлъ рядъ особенностей.

Съ теченіемъ времени племенныя различія въ устномъ творчествѣ должны были еще болѣе усилиться подъ вліяніемъ историческихъ условій развитія русскаго народа. Изъ

первоначальныхъ русскихъ племенъ (§ 19) образовались три главныхъ племени: великорусское—сѣверное, бѣлорусское—среднее и малорусское—южное. Каждое изъ этихъ племенъ имѣло свою исторію, каждое изъ нихъ испытало рядъ своеобразныхъ событій. Эта исторія наложила отпечатокъ своеобразія и на устное творчество каждаго изъ нихъ; между устными произведеніями однихъ и тѣхъ же разрядовъ у этихъ племенъ, при нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, существуетъ и различіе, иногда на столько крупное, что между ними нѣтъ ничего общаго.

Кромѣ отличій племенного происхожденія въ устномъ творчествѣ, необходимо имѣть въ виду еще одно. Съ развитіемъ раздѣленія общественнаго труда народъ рѣзче распадается на подчиненную массу населенія, продолжающую свои прежнія занятія, и на классы правящіе, берущіе на себя руководительство въ общественномъ трудѣ. Произведенія общенароднаго устнаго творчества для массы населенія продолжаютъ сохранять свой интересъ, пока они по прежнему являются отраженіемъ ея жизни; для правящихъ классовъ, дѣятельность которыхъ во многихъ отношеніяхъ начинаетъ рѣзко отличаться отъ характера дѣятельности массы, произведенія общенароднаго устнаго творчества, уже слабо отражающія или и совсѣмъ не отражающія ихъ жизни, начинаютъ становиться менѣе интересными или даже совсѣмъ неинтересными; на ихъ мѣсто среди правящихъ классовъ появляются новыя устныя произведенія, въ которыхъ изображаются факты, событія, чувства, думы, пережитыя наиболѣе выдающимися ихъ дѣятелями. Такимъ образомъ, общенародное творчество въ правящихъ классахъ или сохраняется только отчасти или совсѣмъ не сохраняется и уступаетъ мѣсто классовому устному творчеству. Такъ, съ образованіемъ класса дружинниковъ у насъ возникло дружинное устное творчество, съ образованіемъ церкви возникло устное церковное творчество.

Съ усложненіемъ жизни въ правящихъ классахъ появляется грамотность и на ряду съ устнымъ творчествомъ возникаетъ письменное. Между обоими видами творчества начинается взаимодѣйствіе: письменность оказываетъ вліяніе на устное творчество, и, наоборотъ, устное творчество на письменность. Съ теченіемъ времени устное творчество среди

правящихъ классовъ постепенно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто письменному. Дольше всего устное творчество сохраняется среди народныхъ массъ, но лишь въ такой степени, въ какой для нихъ сохранились условія жизни, при которыхъ произведенія возникли. Съ измѣненіемъ этихъ условій измѣняется и характеръ творчества, измѣняются содержаніе и форма произведеній. Рѣзкія измѣненія въ условіяхъ жизни массъ влекутъ за собою забвеніе стараго творчества.

Такимъ образомъ, надо различать два вида устнаго творчества: 1) общенародное устное творчество съ племенными оттѣнками, творчество, въ которомъ отразились черты жизни, нѣкогда свойственныя въ большей или меньшей степени всему народу безъ различія классовъ или сословій и 2) классовое устное творчество, въ которомъ отразились жизнь и интересы того или другого класса населенія.

Оба вида творчества подверглись въ теченіе вѣковъ измѣненіямъ, иногда очень крупнымъ. Поэтому въ произведеніяхъ устнаго творчества на ряду съ чертами глубокой древности отражаются и черты жизни болѣе позднихъ эпохъ.

27. Виды общенароднаго устнаго творчества. Къ общенародному устному творчеству, т. е. такому, въ которомъ племенныя и классовыя различія не отразились или отразились слабо, относятся слѣдующіе виды: 1) заговоры-заклинанія, 2) праздничныя пѣсни, 3) бытовыя пѣсни, 4) сказки, 5) пословицы и поговорки и 6) загадки.

Заговоры-заклинанія.

28. Заговоры, ихъ происхожденіе, элементы и виды. Заговорами-заклинаніями называются краткія устныя произведенія, произносимыя въ сопровожденіи особыхъ пріемовъ и дѣйствій съ цѣлью привлечь къ себѣ благотворное дѣйствіе силъ природы или отвратить отъ себя ихъ вредное дѣйствіе. Заговоры хранятся въ настоящее время среди простого народа знахарями, колдунами, знахарками, которые являются наслѣдниками древняго класса людей—кудесниковъ, волхвовъ, вѣдуновъ, чародѣевъ и т. д. Виды заговора—клятвы и присяги—до сихъ поръ въ ходу даже въ образованныхъ классахъ населенія.

Заговоры возникли въ эпоху анимизма (§ 8), когда человѣкъ представлялъ себѣ явленія природы, по аналогіи съ собственной жизнью, какъ дѣйствія живыхъ сверхъестественныхъ существъ. Древній человѣкъ вѣрилъ, что на эти существа можно, въ цѣляхъ своего благополучія, оказать, какъ на живыхъ людей, воздѣйствіе жертвами, мольбами и вообще словами. Заговоры очень близки къ молитвамъ, съ которыми язычникъ обращался къ богамъ, предкамъ-организаторамъ рода и всего міра. Но между молитвой и заговоромъ есть существенное различіе: молитва есть выраженіе такого желанія, которое богъ можетъ удовлетворить и не удовлетворить; заговоръ—это такое обращеніе къ богамъ, которое основывается на убѣжденіи въ возможности внушить богу то или другое пожеланіе такъ, чтобы богъ, какъ загипнотизированный, не въ силахъ былъ не выполнить его. Такое убѣжденіе могло сложиться подъ вліяніемъ двухъ явленій, родственныхъ другъ другу: 1) древній человѣкъ могъ наблюдать, какъ рядовой членъ рода, въ силу тѣхъ или другихъ условій (напр., своего жизненнаго опыта), вліяетъ своимъ словомъ на дѣйствія властнаго патріарха въ желательномъ ему направленіи; 2) древній человѣкъ наблюдалъ, какъ одинъ человѣкъ, одаренный особой психической силой, можетъ при помощи внушенія заставить другого противъ воли исполнять его желаніе. Эти два факта породили въ древнемъ человѣкѣ убѣжденіе въ возможности при помощи слова заставить силы природы дѣйствовать въ его интересахъ.

Не зная еще законовъ дѣйствія силъ природы и вслѣдствіе этого не умѣя управлять ими научно, древній человѣкъ прибѣгалъ для своей самозащиты къ помощи заговоровъ: всякаго рода затрудненія, возникавшія у него при столкновеніи съ силами природы, если онъ не умѣлъ непосредственно управлять ими, онъ устранялъ при помощи заговора. Болѣзни онъ объяснялъ себѣ дѣйствіемъ злыхъ боговъ и лѣчилъ ихъ на этомъ основаніи заговорами, напр.: «Матушка, заря вечерняя, утренняя, полунощная! Какъ вы тихо потухаете-поблекаете, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) потухли и поблекли, денныя ночныя и полуночныя». Особенно важную роль заговоры играли въ хозяйственно-промышленной дѣятельности древ-

няго человѣка: сюда относятся заговоры, устраняющія затрудненія въ звѣроловствѣ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, земледѣліи и торговлѣ. Цѣлый рядъ заговоровъ относится къ явленіямъ общественной и нравственной жизни, напр., къ войнѣ, поединку, суду, любви и т. д. Примѣры: «Ясной зарей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ (такой-то), въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣлъ-горючъ камень, стану я рабъ (такой-то) къ востоку лицомъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мнѣ, рабу, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити, куницъ и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей-рысей загоняти и залучати, чтобы бѣгали по своей ступи и по своей тропѣ безопасно, на сторону не отмятывались и взадъ не ворочались...». При сажаніи роя пчелъ въ улей говорится: «Не я тебя сажаю: сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ (т. е. укрощаютъ)».—«Гой еси ты, зоря утренняя, и ты, зоря вечерняя! Пади ты на мою рожь, чтобы она росла, какъ лѣсъ высока, какъ дубы толста».—«Гой еси, солнце жаркое! Не пали и не пожигай ты овощь и хлѣбъ мой, а жги и пали куколь и полынь-траву».—«Какъ падаютъ капли дождя и не пробиваютъ текучей воды, а пропадаютъ въ ней, такъ пусть пули не пробиваютъ меня и коня моего».—«На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ живутъ три брата, три вѣтра—одинъ сѣверный, другой восточный, третій западный. Навейте, нанесите вы, вѣтры, печаль-сухоту рабѣ Божіей (такой-то), чтобы она безъ меня дня не дневала, часа не часовала».

Заговоръ въ наиболѣе полномъ видѣ состоитъ изъ пяти частей: 1) вступленія, въ которомъ изображается рядъ дѣйствій, будто бы совершаемыхъ заговаривающимъ лицомъ и въ древности, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ совершавшихся («встану я, рабъ (такой то), благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, бранымъ полотенцемъ утрусь... пойду въ чистое поле, въ твердые заводы, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды»), 2) выраженія желанія, иногда пространно, иногда кратко («сними мою зубную боль, унеси боль подъ облака»), 3) уподобленія, или символа, т. е. сравненія жела-

емаго явленія съ какимъ либо явленіемъ въ природѣ («въ печи огонь горитъ и тлѣютъ дрова, такъ бы тлѣло и горѣло сердце у такого-то»), 4) обращенія къ стихіямъ—солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ, вѣтрамъ, огню, грому, дождю, водѣ—съ просьбой о помощи («мѣсяцъ, ты, мѣсяцъ... сойди, мѣсяцъ, сними мою зубную боль...»), 5) замыканія, или закрѣпленіе заговора («замыкаю свои слова замками, бросаю ключи подъ бѣлъ-горючъ камень-алатырь; а какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки», «будьте, мои слова, крѣпки и лѣпки, тверже камня, лѣпче клею и сѣры, сольчѣй соли, вострѣй меча-самосѣка, крѣпче булата»).

Только немногіе заговоры имѣютъ всѣ пять частей; большая часть ихъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ частей—второй и третьей (выраженіе желанія и уподобленіе) или второй и четвертой (выраженіе желанія и обращеніе къ стихіи).

Заговоры, возникнувъ въ глубокой языческой древности, подверглись затѣмъ историческимъ вліяніямъ. Поэтому заговоры можно дѣлить на слѣдующія группы: 1) заговоры чисто языческія и 2) заговоры, подвергшіеся вліянію христіанства, или возникшіе подъ вліяніемъ христіанства.

1) Языческіе заговоры. Чисто языческихъ заговоровъ не дошло до нашего времени; но объ нихъ мы можемъ судить по сохранившимся въ нашихъ лѣтописяхъ клятвамъ-заклинаніямъ нашихъ предковъ-язычниковъ. Въ договорѣ Игоря съ греками (944 г.) такъ передается клятва-заклинаніе дружинниковъ-язычниковъ: «А елико ихъ не крещено есть, да не имутъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего и да будутъ рабы и въ сій вѣкъ и въ будущій». Въ договорѣ Святослава (971 г.) находится такая клятва-заклинаніе: «Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него-же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти (т. е. пусть уподобимся по цвѣту золоту, пусть пожелтѣемъ, какъ страдающіе желтухой), яко золото, и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ».

2) Заговоры съ христіанской окраской. Заговоры, сохранившіеся до сихъ поръ въ устахъ народа, или въ очень раннія времена записанные и извѣстные подъ именемъ «ложныхъ молитвъ», представляютъ уже результатъ смѣшенія языческихъ элементовъ и христіанскихъ воззрѣній. Въ нихъ на

ряду съ обращеніемъ къ стихіямъ или явленіямъ природы встрѣчаются очень часто обращенія къ христіанскимъ святымъ, которые считаются защитниками отъ разныхъ бѣдствій и болѣзней и на которыхъ, повидимому, были перенесены черты языческихъ божествъ. Такъ, св. Никита, еп. новгородскій, считается защитникомъ отъ пожара и молніи, св. Власій и св. Георгій—покровителями скота, св. муч. Кононъ—хранителемъ дѣтей отъ оспы, св. Сисиній—защитникомъ отъ лихорадки, священномуч. Антипа—отъ зубной боли, св. Зосима—покровителемъ пчелъ и т. д. Многіе заговоры или ложныя молитвы носятъ имена этихъ святыхъ. Вотъ, напр., заговоръ противъ зубной боли: «Молитва священномученика Антипы зубная. Положить 12 поклоновъ. Господи помилуй 40 разъ и положить челюсть на камень. Говори слѣдующую молитву: Радуйся, стѣно, и кореніе ея. Излій, Господи, болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ. Да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе, исцѣленіе главѣ и челюстемъ рабу твоему імрекъ (такому то) молитвами святого священномученика Антипы и св. Богородицы и святыхъ безмездныхъ Козьмы и Даміана и всѣхъ святыхъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Среди заговоровъ - ложныхъ молитвъ есть такіе, на содержаніи которыхъ отразилось вліяніе апокрифовъ, а черезъ апокрифы вліянія восточныя вообще. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ заговоръ противъ лихорадки («трясавицы»). Содержаніе его таково. На берегу моря стоитъ каменный столпъ; а въ столпѣ сидитъ св. Сисиній и видитъ, что море взволновалось до облаковъ и изъ воды выходятъ на берегъ «двѣнадцать бабъ простоволосыхъ». Это—трясавицы, дочери Ирода, явившіяся для того, чтобы мучить людей. Св. Сисиній молится Богу, чтобы Онъ избавилъ отъ нихъ людей, и Богъ посылаетъ ангеловъ Сихайло и Аноса и четырехъ евангелистовъ, которые начинаютъ бить ихъ «дубцами» желѣзными и наносятъ имъ по три тысячи ранъ въ день. Трясавицы молятъ о пощадѣ, обѣщая не мучить людей. Ангелы спрашиваютъ у дочерей Ирода ихъ имена. Имена эти—Трясея, Огнея, Ледея, Ломея, Пухнея, Желтея Глядѣя и т. д.—оказываются названіями болѣзненныхъ симптомовъ лихорадки. О двѣнадцатой трясавицѣ, Невѣѣ, говорится, что она—самая старая между сестрами, что она—та

«трясавица», которая отсѣкла голову Іоанну Крестителю, что она—проклятѣе всѣхъ: кого она поймаетъ, тотъ не можетъ остаться въ живыхъ. Послѣ перечня именъ трясавицъ приводится молитва для избавленія отъ лихорадки: «Заклинаю васъ св. великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами Лукою, Маркомъ, Матѳеемъ, Іоанномъ. Побѣгите отъ раба Божія (такого то) за три дни, за три поприща; а если не побѣжите отъ раба Божія (такого то), и я призову на васъ великаго апостола Сисинія и святыхъ Сихайло и Аноса и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на день». Прочитавъ молитву, священникъ долженъ дать больному святую воду съ креста, въ сопровожденіи слѣдующихъ словъ: «крестъ, всей вселенней хранитель, всѣмъ церквамъ красота, крестъ апостоламъ похвала» и т. д. Въ концѣ заговора выражается убѣжденіе, что всякій, выпившій эту воду съ вѣрой, «будетъ здоровъ и исцѣленъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Этотъ заговоръ находится въ связи съ однимъ разсказомъ, который имѣется въ греческой и болгарской письменности. Содержаніе его таково. Въ Аравіи жила женщина, по имени Мелитина. Всякій разъ, когда у нея рождался ребенокъ, его сейчасъ же послѣ рожденія похищало страшное чудовище Гилло. Такъ у ней было похищено подъ рядъ семь дѣтей. Тогда Мелитина скрылась въ одну башню, гдѣ и родила двухъ мальчиковъ-близнецовъ. Однажды братья Мелитины свв. Сисиній и Сисинодоръ, возвращаясь съ военной службы, проходили мимо этой башни. Они рѣшили посѣтить сестру. Сестра, опасаясь появленія Гилло, долго не впускаетъ ихъ, но, наконецъ, согласилась. Опасенія сестры оправдались: Гилло, пролѣзши въ горло лошади, проникаетъ незамѣтно въ башню и похищаетъ дѣтей. Свв. Сисиній и Сисинодоръ обращаются съ мольбой къ Богу, садятся на крылатыхъ коней и летятъ на гору Ливанскую. По дорогѣ они разспрашиваютъ о мѣстопребываніи Гилло у вербы и терновника; не получивъ отъ нихъ отвѣта, святые проклинаютъ ихъ, и съ этого времени верба стала рости криво, а терновникъ сдѣлался колючимъ. У оливы святые узнали, что чудовище находится на берегу моря. И дѣйствительно, здѣсь они увидѣли Гилло. Сисиній и Сисинодоръ бросаются на него; Гилло превра-

щается въ рыбу, а святые—въ рыболововъ; рыба превращается въ ласточку, а святые—въ соколовъ; ласточка превращается въ волосъ царской бороды. Сисиній и Сисинодоръ просятъ у царя позволеніе вырвать волосъ. Царь позволяетъ, и волосъ превращается въ женщину, которую святые принимаются бить. Она проситъ отпустить ее, обѣщая при этомъ не трогать людей, если святые выведутъ на ладони материнское молоко. Святые совершаютъ это чудо. Тогда Гилло сообщаетъ имъ, что въ домъ человѣка, который напишетъ его 12½ именъ, оно не можетъ проникнуть. Въ концѣ разсказа помѣщена молитва Спасителю, Божіей Матери и свв. Сисинію и Сисинодору.

Этотъ разсказъ послужилъ матеріаломъ для созданія заговора. Превратившись въ заговоръ, разсказъ подвергся сокращенію и измѣненіямъ. 12½ именъ Гилло приняты были за имена отдѣльныхъ лицъ и превратились въ 12 дочерей Ирода. Башня сестры свв. Сисинія и Сисинодора превратилась въ каменный столпъ, въ которомъ живетъ самъ св. Сисиній и. т. д.

Исторія о свв. Сисиніи и Сисинодорѣ, не была плодомъ творчества грековъ: въ еврейской кабаллистической литературѣ есть легенды, напоминающія эту исторію. Число 12, играющее въ разсказѣ роль, показываетъ, что разсказъ о Гилло находится въ связи съ манихейской ересью, возникшей подъ вліяніемъ иранскаго дуализма, миѳологія котораго признаетъ существованіе 12 духовъ. Существованіе 12 духовъ признавалось и нѣкоторыми манихейскими ересями. Манихейскія воззрѣнія, въ свою очередь, отразились на ереси богомильской, возникшей въ Болгаріи (§ 17). Произведенія, носившія отпечатокъ этой ереси, изъ Болгаріи попали къ намъ. Молитва св. Сисинія у насъ прямо приписывается болгарскому попу Іереміи, извѣстному распространителю богомильской ереси и апокрифическихъ сочиненій въ Болгаріи.

Таковъ длинный путь, установленный наукой для заговора отъ лихорадки: этотъ заговоръ отражаетъ воззрѣнія иранскаго язычества и христіанской легенды.

Библіографія. *Л. Майковъ*. Сборникъ великорусскихъ заклинаній. («Записки Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи». Т. II. 1869 г.)— *Ефименко*. Малорусскія заклинанія. («Чтен. М. Общ.». 1894 г.).—*Н. Сумцовъ*. Заговоры библіографическій указатель.

(«Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общ.». Т. IV — V).— *Н. Сумцовъ*. Личные обереги отъ глаза. Пожеланія и проклятія. («Сборникъ Харьк. Истор.-фил. Общ.». Т. IX).—*Н. Сумцовъ*. Колдуны, вѣдьмы и упыри. («Сборникъ Харьк. Истор.-фил. Общ.». Т. III). —*И. Порфирьевъ*. Апокирфическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки. («Труды четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани въ 1877». (Т. II. Казань. 1891) — *И. Д. Мансветовъ*. Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати трясавицахъ. М. 1881. *А. Н. Веселовскій*. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. Гл. VI. Спб. 1883. — *Н. Крушевскій*. Заговоры, какъ видъ русской поэзіи («Варшавскія Унив. Извѣстія». Т. III. 1876).—*Ѳ. Ю. Зелинскій*. О заговорахъ. Исторія развитія заговора и главныя его формальныя черты. Харьковъ 1897 (изъ «Сборника Харьк. Истор.-фил. Общ.»).—*А. И. Алмазовъ*. Къ исторіи византійской отреченной письменности. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Одесса. 1901 г.

Праздничныя пѣсни.

29. Праздничныя пѣсни. Праздничными пѣснями называются такія устныя поэтическія произведенія лирическаго характера, которыя въ сопровожденіи особыхъ обрядовъ и игръ пѣлись во время древнихъ праздниковъ.

30. Происхожденіе древнерусскихъ праздниковъ. Древнерусскія празднества, сохранившіяся до сихъ поръ среди простонародія, а нѣкоторыя изъ нихъ и среди образованнаго класса населенія, произошли изъ сліянія чисто русскихъ празднествъ языческой эпохи съ празднествами христіанскими.

Чисто-русскія празднества эпохи язычества, совершаемы были въ честь Дажь-бога, бога солнца, Волоса, бога покровителя скота и Перуна, бога грома и молніи. Особенно много праздниковъ было въ честь Дажь-бога. Дажь-богъ, этотъ могучій организаторъ жизни на землѣ, производитель всякаго рода богатствъ—растительныхъ и животныхъ, отъ котораго зависѣло и благосостоянія человѣка въ области звѣроловства, скотоводства и земледѣлія, пользовался особымъ вниманіемъ русскаго славянина.

Въ годовой дѣятельности Дажь-бога замѣчалась извѣстная періодичность: Дажь-богъ то обнаруживаетъ чрезвычайную силу свѣта и тепла (лѣтомъ), при которыхъ растительный и животный міръ достигаютъ особенно высокой степени

развитія, то переживаетъ необыкновенный упадокъ своихъ силъ (зимой), когда вся природа замираетъ. Не зная истинной причины смѣны временъ года, состоящей въ наклонномъ положеніи земной оси къ плоскости движенія вокругъ солнца, русскій славянинъ-язычникъ объяснялъ себѣ эту смѣну анимистически (§ 8): у Дажь-бога, бога свѣта и тепла, есть врагъ—богъ тьмы и холода; между обоими богами происходитъ борьба, въ которой періодически одерживаетъ верхъ то одинъ богъ, то другой. Въ этой борьбѣ особенное вниманіе русскаго славянина-язычника привлекали два основныхъ момента: зимнее солнцестояніе (12 декабря), поворотъ солнца на лѣто, послѣ котораго начинается періодъ усиленія солнечной энергіи, и оживанія всей природы, и лѣтнее солнцестояніе (9 іюня), поворотъ солнца на зиму, когда солнечная энергія, достигши высшей степени своего напряженія, постепенно начинаетъ истощаться, когда природа начинаетъ умирать. Около этихъ двухъ моментовъ въ жизни Дажьбога, момента его рожденія и момента его смерти, группировался рядъ праздниковъ, сопровождавшихся обрядами, заклинаніями, играми и пѣснями. Съ распространеніемъ у насъ христіанства эти празднества были пріурочены къ христіанскимъ праздникамъ.

Христіанскія празднества, наканунѣ своего появленія на Руси, представляли сами по себѣ уже явленіе очень сложное. Христіанство, распространяясь въ предѣлахъ греко-римскаго міра, встрѣтилось съ сильноразвитымъ языческимъ культомъ, который имѣлъ свои празднества, складывавшіяся многіе вѣка. Христіанство не могло побѣдить этого культа и вынуждено было, приспособляясь къ греко-римскому быту (§ 13), включить въ свои празднества элементы греко-римскаго язычества. У грековъ и римлянъ конецъ осени и начало зимы сопровождались цѣлымъ рядомъ праздниковъ: 1) Брумаліи (въ честь Діониса, отъ 24 ноября до 17 декабря), 2) Сатурналіи въ честь Сатурна (отъ 17 декабря до 23 декабря), 3) Воты (отъ 23 декабря до 1 января) и 4) январскія Календы (отъ 1 января до 5 января). Эти праздники сопровождались у грековъ и римлянъ обрядами и играми. Такъ, во время Брумалій былъ обычай переряживаться, маскироваться; въ праздникъ Сатурналій происходили гладіаторскія игры, совершался обрядъ закланія поросенка, зада-

вались пиршества; въ праздникъ Воты творились молитвы и давались обѣты; съ особымъ весельемъ праздновались январскія Календы, такъ какъ вѣрили, что особенная веселость въ этотъ праздникъ гарантируетъ веселую счастливую жизнь на весь годъ; наканунѣ перваго дня Календъ по домамъ ходила толпа молодежи съ пляской и пѣніемъ, привѣтствовала хозяевъ и получала подарки, а въ первый день праздника ходили съ этою же цѣлью дѣти; кромѣ того, наканунѣ перваго января занимались гаданіями.

Перечисленныя празднества открыто совершались въ Римской имперіи и послѣ оффиціальнаго признанія христіанства господствующей религіей, несмотря на то, что Брумаліи и Сатурналіи падали на постъ, установленный христіанскою церковью. Однако съ теченіемъ времени постъ заставилъ отодвинуть празднованіе Брумалій, Сатурналій и Вотъ поближе къ январскимъ Календамъ. Въ VI в. Юстиніанъ запретилъ Брумаліи, Сатурналіи и Воты, а вмѣсто нихъ расширилъ празднованіе Календъ—съ 25 декабря по 5 января. Съ этого времени на январскіе Календы окончательно перенесены были обычаи и обряды отмѣненныхъ праздниковъ Брумалій, Сатурналій и Вотъ. Такъ среди греко-римскаго міра сложился христіанскій праздникъ «Святки», въ которомъ слились элементы языческіе съ христіанскимъ празднованіемъ Рождества Христова (25 декабря) и Богоявленія (6-го января).

Весною, въ маѣ мѣсяцѣ, греко-римское населеніе справляло другой праздникъ—Розаріи. Въ этотъ праздникъ совершались поминки по умершимъ, дома украшались зеленью, на голову одѣвались вѣнки изъ розъ. Въ христіанскій періодъ праздникъ Розаріи былъ пріуроченъ къ Троицыну дню. И здѣсь произошло сліяніе элементовъ греко-римскаго язычества съ христіанскими представленіями.

Попавши съ принятіемъ христіанства къ русскимъ славянамъ, греко-римскія языческо-христіанскія празднества нашли въ чисто русскихъ языческихъ празднествахъ нѣчто родственное и слились съ ними въ одно цѣлое, въ которомъ съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается русское язычество и гдѣ начинается греко-римское. Такъ образовались слѣдующіе русскіе праздники: 1) Коляда, Святки и Васильевъ вечеръ подъ Новый годъ, 2) Масляница, 3) Встрѣча весны:

великій четвергъ, Свѣтлое воскресенье, Ѳомина недѣля, Красная горка, Радуница, Егорьевъ день, 4) Русальная недѣля, Семикъ и Троица, 5) Купало, Ярило, Кострома, 6) праздники жатвы.

31. Коляда, Святки и Васильевъ вечеръ подъ Новый годъ. Празднованіе зимняго солноворота (12 декабря), подъ именемъ Коляды, былъ пріуроченъ къ Святкамъ, отъ 24 декабря по 6 января. Слова Коляда объясняли различно: одни производили его отъ слова «коло»—колесо и приводили его въ связь съ фигурой солнца; другіе—отъ слова «колода», подразумѣвая зажженный пень, символизирующій солнечный свѣтъ; третьи—отъ сочетанія словъ «кол»—«ѣд», т. е. кругомъ ѣдущій, четвертые отъ сочетанія словъ «кол»—«ѣда»—круговое угощеніе. Всѣ эти толкованія имѣли цѣлью сблизить слово Коляда съ понятіемъ солнца. Гораздо проще и ближе къ истинѣ объясняется слова Коляда изъ латинскаго слова Calendae—Календы; перейдя къ болгарамъ, это слова приняло форму колѧда, т. е. сочетаніе en было передано носовымъ гласнымъ юсомъ малымъ; въ русскомъ языкѣ юсъ малый замѣняется чистымъ гласнымъ я. Слово Коляда, такимъ образомъ, усвоено было нами при посредствѣ болгаръ, непосредственно сосѣдившихъ съ греко-римскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, для обозначенія греко-римскихъ Святокъ, перешедшихъ къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Обозначая греко-римскія Святки, слово Коляда означаетъ и празднованіе зимняго солноворота, русскаго праздника, а съ забвеніемъ имени Дажь-бога косвенно означаетъ и бога солнца.

Святки у насъ сопровождались обрядами, играми и гаданіями. Обряды и игры имѣли два значенія: 1) похороны зимы и 2) рожденіе солнца. Изъ обрядовъ и игръ необходимо упомянуть прежде всего переряживаніе, или маскированіе, преимущественно въ образы звѣрей; этотъ обрядъ символизируетъ неестественное состояніе солнца зимою. По фрескамъ Кіевскаго Софійскаго собора видно, что святочные игрецы одѣвались въ звѣриныя шкуры и носили маски съ рогами на головѣ. У бѣлоруссовъ и малороссовъ до сихъ поръ существуетъ обрядъ переряживанія парня козой, состоящій въ томъ, что парень надѣваетъ вывороченный на изнанку тулупъ, на лицѣ у него — маска, на головѣ—рога; онъ сидитъ вер-

хомъ на упряжной дугѣ: переряженнаго такимъ образомъ парня ведетъ дѣдъ съ пѣсельниками, которые поютъ пѣсню. Рядились, особенно въ древности, также туромъ или конемъ.

Другой рядъ обрядовъ имѣетъ аграрный, т. е. земледѣльческій характеръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ наканунѣ Рождества возятъ плугъ, какъ символъ плодородія на будущій годъ; въ другихъ мѣстахъ плугъ вносятъ въ избу и его рукоятку ставятъ на столъ. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи наканунѣ Рождества домохозяинъ садится за столъ, который уставленъ кучей пироговъ и съѣстныхъ припасовъ вообще, такъ что изъ за кучи не видать; домохозяина въ комнату входятъ домашніе; домохозяинъ спрашиваетъ ихъ, видятъ ли они его; домашніе отвѣчаютъ что не видятъ; тогда домохозяинъ высказываетъ пожеланіе, чтобы изъ-за стоговъ, сноповъ и возовъ не было видно свѣту. Этотъ обычай напоминаетъ обрядъ, исполнявшійся въ XII в. балтійскими славянами, у которыхъ, въ отличіе отъ прочихъ славянъ, языческій культъ былъ очень высоко развитъ, такъ что у нихъ были храмы и сословіе жрецовъ: во время праздника въ Арконѣ на островѣ Рюгенѣ въ честь бога Святовита жрецъ перемѣнялъ вино, которое содержалось въ рогѣ, находившемся въ рукѣ идола; затѣмъ жрецъ ставилъ между собой и народомъ круглый пирогъ величиною въ ростъ человѣка и спрашивалъ присутствующихъ, видятъ ли они его: давался отрицательный отвѣтъ, и жрецъ выражалъ пожеланіе, что бы его изъ за пирога не видно было и въ будущемъ году. Съ этимъ же обычаемъ находится въ связи и другой, состоящій въ томъ, что на Новый годъ осыпаютъ другъ друга хлѣбными сѣменами.

Другіе обряды и соотвѣтствующія имъ пѣсни носятъ характеръ охотничьяго и военнаго быта: съ такого рода обрядами иногда смѣшиваются обряды, касающіеся сватовства и брака. Повидимому, эти обряды вмѣстѣ съ пѣснями, сопровождавшими ихъ, возникли среди класса дружинниковъ и оттуда уже, съ исчезновеніемъ дружины, попали въ народную массу.

Всѣ эти обряды, игры, сопровождались гаданіями и пѣснями. Пѣсни можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) колядскія, или колядки, 2) овсеневыя (щедривки), 3) подблюдныя и игорныя.

1) **Колядскія пѣсни.** Колядскими пѣснями называтся такія, въ которыхъ воспѣвается Коляда. Онѣ поются обыкновенно наканунѣ Рождества молодежью, которая ходитъ по зажиточнымъ домамъ и получаетъ подарки. Онѣ дѣлятся на двѣ группы. Къ одной группѣ относятся пѣсни, въ которыхъ сохранились явные слѣды языческихъ представленій; къ другой группѣ относятся пѣсни, въ которыхъ выработаны мотивы чисто христіанскіе. И та и другая группа носитъ характеръ величанія хозяевъ дома.

Въ колядкахъ первой группы разсказывается о приходѣ Коляды наканунѣ Рождества, о томъ, какъ долго Коляду искали и какъ ее нашли на такомъ-то «господиновомъ дворѣ, на семи верстахъ, на восьми столбахъ, въ которомъ три терема златоверхіе огорожены желѣзнымъ тыномъ, ворота мѣдныя, а подворотня—дорогъ рыбій зубъ». Сравненіе съ литовско-латышскими обрядами показываетъ, что изображаемая ограда должна служить охраной отъ злыхъ духовъ или отъ вѣдьмъ. Такимъ образомъ, картина «господинова двора», огороженнаго желѣзнымъ тыномъ, имѣла, повидимому, характеръ заклинанія, или заговора противъ злыхъ силъ. Эти колядки сопровождаются припѣвомъ: «ой Коляда, Коляда!» Содержаніе этихъ колядокъ — рожденіе солнца, Дажь-бога, возрожденіе его къ дѣятельности.

Среди колядскихъ пѣсенъ первой группы особенно интересны тѣ, которыя носятъ аграрный характеръ. Въ одной пѣснѣ поющіе приглашаютъ хозяина встать и посмотрѣть, какъ Господь ходитъ по двору и приготовляетъ плуги и воловъ; далѣе поется о томъ, что Господь приготовляетъ коней, ходитъ на току, кладетъ снопы въ три ряда, пшеницу въ четыре, устраиваетъ пчеловодство и готовитъ пиво; въ заключеніе величаются хозяева дома. Образъ Господа, подготовляющаго земледѣльческую работу, повидимому, представляетъ отраженіе языческаго божества — Дать-бога. Въ другой колядкѣ изображается, какъ хозяинъ ходитъ за плугомъ и пашетъ, какъ урождается хлѣбъ, какъ затѣмъ хозяинъ собираетъ жнецовъ сорокъ сороковъ молодцовъ и набираетъ столько копенъ, сколько на небѣ звѣздъ, и связываетъ на берегу Дуная снопы. Оканчивается колядка величаніемъ: «Привѣтствуемъ тебя, добрый молодецъ, Иване хлопче»!

Вторая группа колядокъ имѣетъ по преимуществу леген-

дарно-христіанское содержаніе, навѣянное событіями, касавшимися Рождества Христа или Крещенія. Въ одной такой колядкѣ разсказывается, какъ Пречистая Дѣва купала на рѣкѣ Іордани своего сына, какъ явились туда три царя съ тремя дарами: изъ нихъ одинъ царь названъ св. Петромъ, а другой св. Рождествомъ. Въ другой колядкѣ съ такимъ же содержаніемъ разсказывается, что одинъ изъ царей принесъ въ даръ дорогой цвѣтокъ, который и есть святое Рождество. Какъ и всѣ колядки, и эта оканчивается величаніемъ хозяевъ. Въ третьей колядкѣ описывается, какъ Пречистая на Дунаѣ бѣлила ризы; растворяются небеса, идетъ самъ Господь и принимаетъ ризы Пречистой и т. д.

2) **Овсеневыя пѣсни (щедривки).** Пѣсни, которыя поются наканунѣ Новаго года или въ самый день Новаго года, называются въ сѣверной Россіи овсеневыми, а въ Малороссіи щедривками. Названіе «щедривокъ» объясняется тѣмъ, что вечеръ наканунѣ Новаго года считается щедрымъ, т. е. богатымъ подарками. Въ одной пѣснѣ поется такъ: «Щедрикъ ведрикъ, дайте вареникъ, грудочку кашки, кильце ковбаски, да шей мало; дайте сала, дайте ковбасу—до дому понесу...».

Названіе овсенев ый происходитъ отъ словъ Овсень, Авсенъ, Усень, Таусенъ, встрѣчающихся въ овсеневыхъ пѣсняхъ и представляющихъ названіе воспѣваемаго божества. Слово Усень сближали съ литовско-латышскимъ словомъ auszra - утренняя заря, а также съ словомъ Ushing, означавшимъ имя бога покровителя скота. Другіе ученые думали, что въ словѣ Овсень лежитъ корень „сѣ" отъ слова „сѣять"; по этому толкованію слово Овсень находится въ связи съ обычаемъ «сѣять» зерна при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ. Гораздо проще и ближе къ истинѣ было бы слѣдующее объясненіе. Слова Овсень, Авсень, Усень, Таусенъ встрѣчаются въ пѣсняхъ сѣверной или сѣверо-восточной части Россіи. Весь сѣверъ Россіи нѣкогда былъ занятъ финскими племенами, среди которыхъ селились русскіе колонисты. Русскіе и финны смѣшивались между собою, причемъ результатомъ этого смѣшенія было и смѣшеніе воззрѣній и культовъ. Мордвины, народъ финскаго племени, живущій среди русскихъ, молятся въ день Новаго года богу Таунсяю Велькому Васяю, чтобы тотъ далъ имъ поросятъ черныхъ и бѣлыхъ, какъ онъ самъ любитъ. Таунсяй — мордовскій богъ

свиней; Вельки Васяй—Василій Великій. Мордвины заимствовали у русскихъ св. Василія Великаго, на котораго, по связи съ новогоднимъ поросенкомъ, перенесли черты своего національнаго бога свиней—Таунсяя. Въ свою очередь, и русскіе заимствовали у мордовцевъ имя Таунсяя, передѣлавъ его въ Таусена, Овсеня, Авсеня, Усеня и перенесли на него черты Дажь-бога.

Въ овсеневыхъ пѣсняхъ славится пріѣздъ Таусена, совладающій съ Новымъ годомъ. По содержанію овсеневыя пѣсни напоминаютъ колядки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть любопытныя подробности. Такъ, въ одной овсеневой пѣснѣ поется о приготовленіяхъ, которыя дѣлаются для пріѣзда Овсеня, о томъ, какъ «мосточекъ мостили, сукномъ устилали, гвоздьми убивали», какъ Овсень поѣдетъ на сивенькой свинкѣ, которую будетъ погонять живымъ поросенкомъ. Отдѣльныя строфы овсеневыхъ пѣсенъ сопровождается припѣвомъ: «Ой, Овсень, ой Овсень», или просто: «Таусенъ».

3) Подблюдныя и игорныя пѣсни. Святочныя гаданія и игры сопровождаются пѣснями, изъ которыхъ наиболѣе интересны подблюдныя и игорныя. На столъ ставится блюдо съ водой, которое накрывается скатертью. За столъ садятся гадающія, которыя кладутъ около блюда свои кольца, перстни, серьги, затѣмъ кусочки хлѣба, соль и три уголька. Затѣмъ поется рядъ пѣсенъ, получившихъ по имени блюда названія подблюдныхъ. Первая пѣсня посвящается хлѣбу и соли («Слава Богу на небѣ. Слава!»). По окончаніи ея кладутъ кольца, перстни, хлѣбъ, соль и угольки на блюдо и поютъ слѣдующія пѣсни: «Катилося зерно по бархату», «Идетъ кузнецъ изъ кузницы» и др. Послѣ каждой пѣсни вынимаютъ изъ блюда какой нибудь изъ положенныхъ предметовъ и припѣваютъ: «Да кому мы спѣли, тому добро, Слава! Кому вынется, тому сбудется, скоро сбудется, не минуется». Главнымъ предметомъ гаданій въ глубокой древности было, повидимому, богатство въ зависимости отъ развитія силы Дажьбога; впослѣдствіи гаданія приняли болѣе узкій характеръ и свелись къ гаданіямъ дѣвушекъ о замужествѣ. Особенно характерной въ этомъ отношеніи является пѣсня «Идетъ кузнецъ изъ кузницы».

Игорныя пѣсни это тѣ, которыми сопровождались святочныя игры. Изъ игръ болѣе замѣчательна игра, состоящая

въ хороненіи золота, сопровождавшаяся пѣсней «И я золото хороню, хороню, чисто серебро хороню». По окончаніи пѣнія подблюдныхъ пѣсенъ одна изъ дѣвушекъ вынимала изъ блюда послѣднее кольцо и во время пѣнія пѣсни передавала его въ руки другой, та передавала третьей и т. д. По окончаніи пѣсни дѣвушка, хоронившая золото, старалась отгадать, у кого находится кольцо. Смыслъ этой игры въ настоящее время теменъ. Предполагаютъ, что кольцо—это символъ золотого солнца, а хороненіе его символизируетъ скрытое во время зимы состояніе солнечной энергіи, создающей жизнь.

32. Масляница. «Широкая, веселая» масляница всегда отличалась у насъ особымъ разгуломъ. Въ понедѣльникъ празднуется встрѣча масляницы, въ четвергъ—ея переломъ, въ воскресенье совершаются ея проводы. Масляница была продолженіемъ праздниковъ, начинавшихся Колядой. Въ языческую пору онъ совершался въ началѣ весны, а съ принятіемъ христіанства былъ отодвинутъ къ концу рождественскаго мясоѣда. Этотъ праздникъ, какъ и предыдущій, входилъ въ культъ солнца, энергія котораго съ особенною силою пробуждалась весной. Отсюда—необыкновенное веселье, которымъ этотъ праздникъ сопровождался, цѣлый рядъ обрядовъ, сохранившихся до сихъ поръ, но уже утратившихъ свой смыслъ. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на громадныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика; мужикъ сидитъ на колесѣ, прикрѣпленномъ наверху столба, возвышающагося посрединѣ саней. Колесо—это символъ солнца. Вмѣсто мужика въ другихъ мѣстахъ возятъ на саняхъ дерево, обвѣшенное лентами и украшеніями. Дерево—символъ плодородія, создаваемаго солнцемъ. Въ третьихъ мѣстахъ возятъ чучело соломенное, тоже разукрашенное, которое затѣмъ торжественно сжигается,—символъ уничтоженія зимы. Съ оживленіемъ природы весною у нашихъ предковъ соединялась мысль объ оживаніи и умершихъ: этимъ объясняются поминальные блины на масляницѣ.

Пѣсенъ, связанныхъ съ масляницей, сохранилось очень мало, такъ какъ этотъ праздникъ входилъ въ цѣлую группу весеннихъ праздниковъ, отъ которыхъ онъ былъ оторванъ христіанствомъ.

33. Встрѣча весны. Красная Горка. Радуница. Егорьевъ день. Весенніе праздники, начинавшіеся масля-

ницей, возобновлялись въ мартѣ съ Благовѣщенія, продолжались на Пасху, Ѳомину недѣлю и оканчивались днемъ св. Егорія; они иногда продолжались и дольше, до іюня. Въ это время отношенія между солнцемъ и природой представляются по аналогіи съ отношеніями между женихомъ и невѣстою. Весенніе праздники начинаются съ того, что призывается весна, зажигаютъ костры (символъ солнечнаго тепла), черезъ которые прыгаютъ. Съ воскресенья Ѳоминой недѣли, получившаго народное названіе Красной горки, начинаются хороводы, кругообразное движеніе которыхъ, повидимому, является символомъ движенія солнца. Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли называется Радуницей и посвящается поминовенію умершихъ. Въ этотъ день во многихъ мѣстахъ и теперь ходятъ на кладбище, оплакиваютъ родныхъ покойниковъ, раскладываютъ на могилахъ кушанье, какъ бы угощая покойниковъ, угощаютъ другъ друга, пьютъ медъ, вино, а остатки выливаютъ на могилы. Сюда же приходятъ женихи и невѣсты просить у покойниковъ родительскаго благословенія на бракъ.

На Ѳоминой же недѣлѣ справляется «Вьюнецъ», т. е. ходятъ по улицамъ и поютъ пѣсни въ честь новобрачныхъ. 23 апрѣля—Егорьевъ день; на Егорія (Власія) были перенесены черты Волоса, и потому Егорій является покровителемъ скота и источникомъ плодородія, начальникомъ весны, Въ этотъ день обходятъ съ пѣснями засѣянныя поля и выгоняютъ впервые послѣ зимы скотину въ поле.

Пѣсни, поющіяся въ это время, дѣлятся на два разряда: 1) веснянки и 2) хороводныя весеннія пѣсни.

1) Веснянки. Содержаніемъ веснянокъ служатъ призывы весны хорами дѣвушекъ. Эти призывы весны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ заговоры-заклинанія. Въ нихъ выражаются пожеланія, связанныя съ благосостояніемъ человѣка. Въ одной пѣснѣ поется: «Благослови, Боже, весну закликати, весну закликати, зиму запирати». Въ другой поющія просятъ солнышко выглянуть въ окошечко, такъ какъ его дѣтки плачутъ. Въ третьей просятъ весну явиться съ радостью, съ великою милостью, съ высокимъ льномъ, съ глубокимъ корнемъ, съ обильными хлѣбами. Въ четвертой пѣснѣ спрашиваютъ у весны, что она прислала,—лѣто теплое, на чемъ пріѣхала,—на сошечкѣ, на бороночкѣ, на на овсяномъ снопу, на ржаномъ колосу.

Въ веснянкахъ встрѣчаются обращенія къ жаворонку, ласточкѣ, соловью; упоминаются кудрявая верба, бѣлая березынька, калина, шелково-зеленая трава, говорится о любви, съ вѣнками, съ цвѣтами.

2) **Хороводныя весеннія пѣсни.** Съ Красной горки (воскресенье Ѳоминой недѣли) начинаются хороводы. Названіе это дано празднику потому, что хороводы происходили на холмѣ, или возвышенности, освѣщаемой краснымъ солнцемъ, раньше освободившейся отъ снѣга и покрывшейся молодой травой. Въ настоящее время хороводы утратили древнее значеніе и превратились въ простую забаву. Хороводы сопровождаются пѣніемъ пѣсенъ. Содержаніемъ этихъ пѣсенъ служатъ любовь и бракъ. Хороводныя пѣсни сопровождаются припѣвами: «Дунай Ивановичъ», «Донъ Ивановичъ», «Ой дидъ-ладо». Эти припѣвки отличаются древностью, причемъ значеніе припѣва «дидъ-ладо» еще не установлено: одни возводятъ слово «дидъ»—къ слову дѣдъ и слово «ладо» къ слову ладъ, т. е. согласіе, радость и думаютъ, что они имѣютъ связь съ Дажьбогомъ; другіе видятъ въ нихъ простыя восклицанія. Донъ Ивановичъ и Дунай Ивановичъ—олицетворенія рѣкъ, создавшіяся еще въ глубокой древности. Припѣвка: «ай люли-люшеньки» возникла изъ церковной «аллилуіи»; другая припѣвка «лелю-полелю», вѣроятно, была простымъ междометіемъ.

Изъ хороводныхъ пѣсенъ наиболѣе замѣчательна пѣсня, изображающая сѣяніе проса въ связи съ выборомъ невѣсты. Она представляетъ діалогъ между дѣвушками и парнями. Дѣвушки поютъ про то, какъ онѣ просо сѣяли, парни отвѣчаютъ, что они это просо вытопчутъ. Дѣвущки спрашиваютъ, чѣмъ они вытопчутъ; парни отвѣчаютъ, что они выпустятъ коней. Дѣвушки переймутъ коней шелковымъ поводомъ; парни выкупятъ коней за сто рублей. Дѣвушки не отдадутъ коней и за тысячу рублей. На вопросъ дѣвушекъ, чего же парни хотятъ отъ нихъ, послѣдніе отвѣчаютъ: «Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу, ой дидъ-ладо». Одна изъ дѣвушекъ переходитъ къ парнямъ. Дѣвушки поютъ: «А нашего полку убыло, убыло»; парни отвѣчаютъ: «А нашего полку прибыло, прибыло».

День 23 апрѣля сопровождается пѣснями въ честь Егорія (Георгія, Юрія). Обходя въ этотъ день съ ранняго утра засѣянныя поля, крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ

пѣсни, въ которыхъ просятъ Юрія встать пораньше, отомкнуть землю и выпустить росу на буйное, ядренистое и колосистое жито; при выпусканіи въ поле скота, которое гонятъ освященной вербой, они молятъ «храбраго» Егорія спасать ихъ скотину въ полѣ и въ лѣсу, днемъ и ночью, отъ хищнаго волка, отъ лютаго медвѣдя и вообще отъ лукаваго звѣря.

34. Русальная недѣля. Семикъ и Троица. Русальная недѣля была весеннимъ праздникомъ, пріуроченнымъ къ христіанской Троицѣ. Этотъ праздникъ соотвѣтствуетъ греко-римскимъ Розаріямъ, отъ которыхъ, вѣроятно, заимствовано и названія «Русаліи», русальная недѣля, и отсюда русалки—имя, для обозначенія душъ умершихъ. Наши Русаліи посвящены были главнымъ образомъ чествованію душъ умершихъ предковъ, чествованію деревьевъ и цвѣтовъ.

Поминовеніе усопшихъ предковъ было пріурочено къ четвергу на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и называется Семикомъ. Это—великій день русалокъ. Подъ русалками въ настоящее время народъ подразумѣваетъ души умершихъ некрещенныхъ младенцевъ, утопленицъ и вообще самоубійцъ. Въ древности подъ русалками разумѣлись вообще души умершихъ предковъ. Въ языческую пору покойниковъ хоронили на распутьяхъ, въ лѣсахъ или спускали въ воду. Поэтому русалки, по народнымъ представленіямъ, выбѣгаютъ на распутьяхъ и преслѣдуютъ спутниковъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ; но главная стихія русалокъ—вода: съ весенняго разлитія воды и до Троицы русалки, по народнымъ вѣрованіямъ, живутъ въ водѣ, изъ которой выходятъ на берегъ поиграть; онѣ съ Троицына дня и до Петрова поста живутъ на деревьяхъ, а потомъ уходятъ въ могилы.

Чествованіе деревьевъ выражается въ украшеніи домовъ зеленью и въ плетеніи вѣнковъ. Молодые парни и дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, слѣдятъ за ними и стараются по судьбѣ вѣнковъ угадать свое будущее.

Плетеніе вѣнковъ сопровождалось пѣснями, въ которыхъ или описывается завиваніе вѣнковъ, какъ, напр., въ пѣснѣ «Благослови, Троица, Богородица, намъ въ лѣсъ пойти», или выражается чувство любви дѣвушки къ доброму молодцу, какъ, напр., въ пѣснѣ «Я въ вѣночкѣ, я въ зеленочкѣ

хожу, гуляю...», или выражается любовь молодца къ красной дѣвицѣ, какъ въ пѣснѣ «Я вью вѣночки, вью зеленочки».

35. Купало, Ярило, Кострома, Кострубонька. Основнымъ лѣтнимъ языческимъ праздникомъ былъ праздникъ лѣтняго солнцестоянія (9 іюня), когда солнце достигаетъ высшей степени напряженія своихъ силъ, когда его постепенно развивающаяся любовь къ матери-сырой-землѣ, завершается бракомъ и оно придаетъ водѣ, растеніямъ особыя чудесныя цѣлительныя свойства. Послѣ этого солнечная энергія начинаетъ падать и къ зимѣ низводится до ничтожныхъ размѣровъ. Праздникъ лѣтняго солнцестоянія имѣетъ, какъ и Коляда, два смысла, но противоположныхъ: 1) обоготвореніе наивысшаго развитія производительныхъ силъ природы и 2) похороны лѣта.

Праздникъ лѣтняго солнцестоянія существовалъ у грековъ и римлянъ. У грековъ на праздникахъ Цереры и Вакха совершалось очищеніе посредствмоъ огня и воды. У римлянъ на праздникѣ Палиліи существовалъ обычай перескакивать черезъ огонь и проводить черезъ него стада; вмѣстѣ съ тѣмъ происходило очищеніе при посредствѣ воды. На праздникѣ Весты (23 іюня) у римлянъ дома окроплялись водою; ночью въ этотъ же день зажигали костры и перепрыгивали черезъ огонь.

Съ принятіемъ христіанства праздникъ лѣтняго солнцестоянія былъ пріуроченъ у насъ къ дню Рождества Іоанна Крестителя (24 іюня), причемъ книжное слово «Креститель» замѣнилось народнымъ словомъ «Купала», что значитъ «купающій», т. е. креститель. На Іоанна Крестителя были перенесены черты Дажь-бога, а крещеніе, совершавшееся Іоанномъ, было приравнено къ языческому очищенію водой.

Въ Великороссіи въ настоящее время купальскіе обряды почти исчезли и сохранились довольно хорошо въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Совершаемые большею часть наканунѣ 24-го іюня, эти обряды состоятъ въ томъ, что прыгаютъ черезъ костры, прогоняютъ черезъ нихъ скотъ, купаются, чтобы обезопасить себя отъ дѣйствія враждебныхъ силъ природы, скатываютъ съ горы зажженное колесо въ воду, что символизируетъ поворачиваніе солнца на зиму, сжигаютъ, топятъ или хоронятъ чучело изъ соломы, а иногда два чучела— одно изъ нихъ, изображающее женщину и называемое Купа-

лой. Мариной, Мареной, а другое, изображающее мужчину и называемое Яриломъ, Костромой, Кострубонькой. Въ ночь на Ивана-Купалу собираютъ травы, пріобрѣтающія въ этотъ день чудесныя свойства, какъ, напр., плакунъ-трава, одолень-трава, чертополохъ, разрывъ-трава; въ эту ночь, по народному вѣрованію, цвѣтетъ огненнымъ цвѣтомъ папоротникъ, и тотъ, кому удастся подсмотрѣть это цвѣтеніе, можетъ найти подъ нимъ кладъ съ золотомъ.

Къ празднику Купалы примыкали сливавшіяся иногда съ нимъ праздники въ честь Ярилы (отъ яръ—свѣтъ, жаръ, пылъ—эпитетъ бога солнца). Это—праздникъ похоронъ Ярилы, совершавшихся черезъ недѣлю послѣ Троицы, во Всесвятское заговѣнье или въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, празднуемаго 29 іюня. Похороны эти или совершались при помощи чучелъ, олицетворяющихъ Ярилу, или кто нибудь изъ присутствующихъ игралъ роль Ярила.

Праздникъ въ честь Купалы и Ярила были вмѣстѣ съ тѣмъ праздникомъ завершенія любви солнца къ матери-сырой землѣ. На этихъ праздникахъ происходило свободное сближеніе половъ, какъ отголосокъ древнихъ отношеній въ эпоху матріархата (§ 7). Купанье было основнымъ обрядомъ, освящавшимъ вступленіе въ бракъ.

Обряды купальскіе сопровождаются пѣснями. При зажиганіи въ кострѣ чучела поютъ: «Купала на Ивана! Гдѣ Купала ночевала? Купала на Ивана ночевала у Ивана». При потопленіи чучела поютъ подобную же пѣснь: «Купала на Ивана! Купався Иванъ, та въ воду упавъ. Купала на Ивана!» Любопытна пѣсня, въ которой Купала представляется хозяиномъ золотыхъ кладовъ: въ ней поющій представляетъ себѣ цвѣтеніе папоротника, представляетъ себѣ, какъ онъ подстережетъ цвѣтъ, сорветъ его, найдетъ золотой кладъ и станетъ богачъ-богатырь.

36. Жатвенные праздники. Во второй половинѣ іюля былъ у славянъ-язычниковъ праздникъ въ честь Перуна, бога грома. Съ его именемъ связывались благодѣтельныя для плодородія грозы, которыми обыкновенно отличается эта часть іюля, и начало жатвенныхъ работъ.

Съ принятіемъ христіанства празднованіе Перуна было пріурочено къ 20 іюля, дню празднованія пророка Ильи. На пророка Илью были народомъ перенесены черты Перуна.

Такъ, Илья пророкъ разъѣзжаетъ по небу на колесницѣ и производитъ громъ и молнію; Илья носитъ житяную пугу, и гдѣ замахнетъ ею, ростетъ жито.

Жатвенные праздники носятъ названіе «зажинокъ», «обжинокъ», «дожинокъ» и «толоки». Изъ обрядовъ, совершаемыхъ на этихъ праздникахъ, замѣчательно завиваніе изъ колосьевъ ржи или пшеницы вѣнковъ, которые несутъ съ пѣснями съ поля въ деревню и хранятъ до посѣва; въ другихъ мѣстахъ связываютъ дожиночный «снопъ-дѣдъ», который тоже съ пѣснями переносится въ деревню и ставится въ переднемъ углу. Эти вѣнки и дожиночный снопъ обладаютъ цѣлебными свойствами: ими кормятъ заболѣвшую скотину, ихъ примѣшиваютъ къ зернамъ для посѣва. Къ этимъ обрядамъ присоединяется еще одинъ, состоящій въ «завиваніи бороды» Волосу, Ильѣ (т. е. «снопу-дѣду») или Козлу, который является олицетвореніемъ нивы.

Пѣсни, относящіяся къ этому празднику, содержатъ похвалу хлѣбу, полю, хозяину, проводятъ сравненіе жатвы съ битвой, заключаютъ въ себѣ обращеніе къ солнцу и мѣсяцу, сравненіе хлѣба съ золотомъ.

Бытовыя пѣсни.

37. Бытовыя пѣсни. Бытовыми пѣснями называются такія устныя поэтическія произведенія, въ которыхъ отражаются различныя черты народнаго быта, иногда сохранившіяся отъ глубокой древности. Бытовыя пѣсни дѣлятся на слѣдующія: 1) свадебныя, 2) семейныя и 3) похоронныя.

38. Древнерусскій бракъ. Отношенія между молодыми людьми и дѣвушками, складывавшіяся на праздникахъ въ честь Дажь-бога и освящавшіяся обрядомъ купанія на Ивана-Купалу, скрѣплялись затѣмъ бракомъ. Бракъ въ народныхъ массахъ, помимо церковнаго обряда, сопровождается въ настоящее время множествомъ обрядовъ, которые являются отголоскомъ глубокой старины. Такими же обрядами сопровождались въ XVI—XVII вв. наши великокняжескія и царскія свадьбы.

Въ древности, въ теченіе многихъ вѣковъ послѣ оффиціальнаго принятія христіанства, народная масса обходилась

совершенно безъ церковнаго обряда. Она держалась убѣжденія, что церковный обрядъ нуженъ для князей и бояръ, а ей не нуженъ. Это убѣжденіе объясняется условіями распространенія у насъ христіанства (§ 21). Духовенство вело упорную борьбу съ этимъ убѣжденіемъ. Въ «Правилѣ» митрополита Іоанна (XI в.) находится указаніе, что въ то время были люди. которые вступали въ бракъ «безъ благословенія»; въ «Правилѣ» митрополита Кирилла II (въ концѣ XIII в.) констатируется обычай въ Новгородской землѣ водить невѣстъ къ водѣ: «не велимъ,—пишетъ митрополитъ Кириллъ,—тому тако быти»; въ «Правилѣ» митрополита Максима (XIV в.) требуется, чтобы паства не держала женъ безъ благословенія апостольской церкви; въ «Посланіи» митрополита Фотія къ новгородцамъ (XV в.) приказывается наложить на сочетавшихся бракомъ безъ благословенія священника эпитимію на три года, а потомъ сочетать ихъ по церковному обряду.

Въ древнерусскомъ бракѣ необходимо отличать три стороны: 1) бытовую, 2) юридическую и 3) религіозную.

1) Бытовая сторона древнерусскаго брака. Древнерусскій бракъ у русско-славянскихъ племенъ имѣлъ разныя основанія, въ зависимости отъ образа жизни каждаго племени. Древляне, радимичи, вятичи и сѣверяне, продолжавшіе занятія, возникшія еще въ эпоху родового коммунизма, т. е. главнымъ образомъ звѣроловство, затѣмъ уже скотоводство и лишь въ малой степени земледѣліе, жили, по словамъ лѣтописца, «звѣринскимъ» обычаемъ, «скотьски». Коснувшись взаимныхъ отношеній мужской и женской половины у этихъ племенъ, лѣтописецъ заявляетъ, что у нихъ браковъ не было, и въ доказательство отмѣчаетъ полное отсутствіе «стыденія» въ отношеніяхъ мужчинъ къ «снохамъ», «сестрамъ», «матерямъ» и «свекровямъ» и т. д.; иными словами, отношенія между полами у перечисленныхъ русскихъ славянъ отличались почти такой же свободой, какая существовала въ эпоху матріархата. Хотя русскіе славяне наканунѣ своего разселенія уже вступили въ періодъ патріархально-родовой общественности, однако патріархально-родовыя начала еще не успѣли окончательно развиться, и у нихъ сохранилось еще много чертъ быта эпохи родового коммунизма. Разселившись по бассейну Днѣпра, русскіе славяне долго вели мирный образъ жизни, и патріархально-родовая общественность,

не поддерживаемая военной дисциплиной, дальше не развивалась, а разложилась на семейно-общественныя мелкія организаціи, напоминающія родовыя общины эпохи первобытнаго коммунизма, что должно было еще въ большей степени поддерживать черты быта старой эпохи, а иногда даже возрождать ихъ.

Сохранивъ весьма значительную свободу въ половыхъ отношеніяхъ, русскіе славяне. однако, внесли въ эти отношенія и нѣкоторыя черты патріархально-родового быта, а именно прежде всего—умыканіе: у древлянъ, говоритъ лѣтописецъ, браковъ не было, «но умыкиваху у воды дѣвиця». То же самое свидѣтельствуетъ лѣтописецъ относительно радимичей, вятичей и сѣверянъ: «Браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанія и на вся бѣсовьская игрища и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имаху же по двѣ и по три жены». Изъ словъ лѣтописца видно, что многіе русскіе славяне добывали себѣ женъ при помощи похищенія, т. е. способомъ, который возникъ въ патріархально-родовой періодъ, что у славянъ было по двѣ, по три жены, что опять является характерной чертой патріархально-родового быта. Но похищеніе не было насильственнымъ: оно происходило на основаніи соглашенія между похитителемъ и похищаемой и пріурочивалось къ лѣтнимъ празднествамъ, происходившимъ на берегу рѣки, къ празднествамъ, на которыя сходились жители ближайшихъ селеній. Въ этомъ сказалось вліяніе старыхъ свободныхъ отношеній эпохи матріархата.

Съ возникновеніемъ у русскихъ государственной власти, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ развивались военныя отношенія, похищеніе по предварительному уговору между похитителемъ и похищаемой должно было превратиться въ похищеніе насильственное: въ многочисленныхъ военныхъ походахъ дружинѣ доставалось большое количество плѣнныхъ и плѣнницъ. Многія изъ плѣнницъ были обращаемы побѣдителями въ женъ. Отношеніе мужей къ такимъ женамъ, конечно, было не похоже на отношеніе къ женамъ, похищеннымъ съ ихъ согласія.

Такимъ образомъ, у большинства древнерусскихъ славянъ были двѣ формы брака: 1) древнѣйшая—похищеніе по взаимному соглашенію похищаемой и похитителя и 2) позднѣй-

шая—насильственное похищеніе, какъ результатъ военнаго похода.

Къ этимъ двумъ формамъ древнерусскаго брака присоединяется третья, тоже древняго происхожденія, возникшая у кіевскихъ полянъ. Кіевскіе поляне попали въ очень удобный торговый пунктъ и съ давнихъ поръ находились въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей и арабскимъ Востокомъ. Эти сношенія съ болѣе культурными народами должны были повліять на бытъ полянъ. Лѣтописецъ рисуетъ полянъ, какъ очень кроткихъ и тихихъ. Отношенія между полами у нихъ были строже. Бракъ у нихъ, по словамъ лѣтописца существовалъ, причемъ за невѣсту давалось плата. Такимъ образомъ, похищеніе по взаимному соглашенію у торговыхъ полянъ вытѣснено было вознагражденіемъ родныхъ за невѣсту. Впослѣдствіи вознагражденіе за невѣсту, или вѣно, принимаетъ грубую форму купли-продажи дѣвушки.

Эти три формы древнерусскаго брака съ историческимъ развитіемъ русскаго народа постепенно вытѣсняются новой. По мѣрѣ развитія моногамной семьи и укрѣпленія власти отца, бракъ между молодыми заключается на основаніи соглашенія родителей молодыхъ. О томъ, желаютъ ли молодые вступить другъ съ другомъ въ бракъ, или нѣтъ, родители не справлялись. Такой бракъ являлся для молодыхъ неожиданностью; поэтому онъ въ пѣсняхъ называется судомъ Божіимъ; женихъ и невѣста называются сужеными, т. е. присужденными другъ другу, назначенными другъ другу высшей волей.

Эта форма брака, четвертая, была у насъ до второй половины XIX в. господствующей почти во всѣхъ классахъ населенія. Но она вобрала въ себя многіе элементы древнерусскаго брака, слѣды которыхъ сохранились въ обрядахъ, сопровождающихъ эту форму брака.

а) Слѣды взаимнаго уговора. Остатки стариннаго уговора самихъ молодыхъ сохранились въ слѣдующихъ обрядахъ, совершаемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ: жениха и невѣсту спрашиваютъ. желаютъ ли они вступить въ бракъ; женихъ и невѣста продолжительно смотрятъ другъ на друга, какъ будто знакомятся другъ съ другомъ; послѣ этого спрашиваютъ ихъ, согласны ли они вступить въ бракъ. Въ

другихъ мѣстахъ существуетъ обычай, чтобы сваты спрашивали у невѣсты позволенія ввести жениха въ избу.

б) Слѣды насильственнаго умыканія. Слѣды насильственнаго умыканія военнаго характера сохранились во многихъ свадебныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ настоящее время. Такъ, во многихъ мѣстностяхъ къ дому невѣсты отправляется отъ жениха поѣздъ изъ молодежи; это—дружина, во главѣ которой стоитъ иногда «тысяцкій». Этотъ поѣздъ, имѣющій иногда даже знамя (т. е. шестъ, увѣшенный на верху матеріей), разыгрываетъ какъ бы набѣгъ на домъ невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поѣзду жениха устраиваются со стороны родныхъ невѣсты препятствія, напр., запираются ворота дома. Передъ домомъ невѣсты происходитъ какъ бы борьба, во время которой изъ дома невѣсты въ нѣкоторыхъ губерніяхъ производятъ въ поѣздъ жениха холостые выстрѣлы изъ ружья. Борьба заканчивается переговорами, послѣ которыхъ поѣздъ входитъ въ домъ невѣсты. Въ домѣ невѣсты поѣзжане держатъ себя, какъ побѣдители: шапокъ не снимаютъ, хлещутъ кнутами по стѣнамъ, скамьямъ, обращаются съ родными невѣсты грубо. Около невѣсты изъ родныхъ стоитъ обыкновенно братъ, чѣмъ нибудь вооруженный, напр., палкой: братъ въ матріархальной семьѣ былъ единственнымъ мужчиной, который могъ защитить сестру при нападеніи чужого рода.

в) Слѣды вознагражденія за невѣсту. Въ разсказѣ о принятіи Владиміромъ крещенія и о вступленіи его въ бракъ съ греческой царевной сообщается, что Владиміръ отдалъ грекамъ городъ Корсунь, какъ «вѣно», т. е. плату за царевну. Платить за невѣсту было въ обычаѣ среди торговыхъ кіевскихъ полянъ. Слѣды покупки невѣсты, въ грубыхъ формахъ, сохранились до настоящаго времени въ слѣдующихъ обрядахъ: въ произношеніи свадебной формулы—«у васъ товаръ, у насъ деньги»; въ пропоѣ невѣсты—родители уступаютъ невѣсту за угощеніе: въ осмотрѣ невѣсты, состоящемъ въ томъ, что родственники жениха или самъ женихъ осматриваютъ невѣсту, какъ товаръ: ея шею, руки, уши, заставляютъ ее пройтись по комнатѣ, чтобы узнать ея походку; въ рукобитіи, состоящемъ въ томъ, что сватъ послѣ сговора бьетъ по рукамъ съ родителями невѣсты, при чемъ руки, какъ при торговыхъ сдѣлкахъ, заворачиваютъ въ полы

верхней одежды; въ продажѣ мѣста около невѣсты, состоящемъ въ томъ, что брату или родственнику невѣсты, сидящему около нея, женихъ даетъ подарокъ, послѣ чего мѣсто занимаетъ женихъ; въ покупкѣ невѣстиной косы—женихъ кладетъ на столъ деньги и беретъ при этомъ невѣсту за косу. Въ пѣсняхъ, отразившихъ слѣды купли, невѣста называется ряженой, а женихъ ряженымъ, отъ слова рядиться, такъ какъ родители невѣсты и жениха рядились между собою.

2) **Юридическая сторона брака.** Бракъ въ эпоху патріархальную и въ послѣдующія эпохи основывался на власти мужчины надъ женщиной (§ 8). Женщина, вступая въ бракъ, отдавалась въ полную власть мужчины. Юридическое главенство мужчины и подчиненіе женщины символически выражалось слѣдующими обрядами: а) разуваніемъ невѣстой молодого; въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 980 г. Рогнѣда отказываетъ сватающемуся князю Владиміру слѣдующими словами: «не хочу розути робичича» (Владиміръ былъ сынъ Святослава и ключницы—рабыни Ольги); кое-гдѣ обычай разуванія справляется и теперь; б) послѣ заключенія брака отецъ новобрачной ударяетъ ее слегка плеткой и затѣмъ эту плетку передаетъ новобрачному; в) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ такой обычай: новобрачный послѣ заключенія брака прикрываетъ новобрачную полою своего кафтана въ знакъ того, что она переходитъ подъ его власть и защиту.

3) **Религіозная сторона древнерусскаго брака.** Въ тѣсной связи съ бытовой и юридической стороной древнерусскаго брака находится и религіозная. Родъ, а затѣмъ выдѣлившаяся изъ него семья были союзами не только экономическими и юридическими, но и религіозными: они находились въ зависимости отъ предковъ-организаторовъ дома и подъ ихъ охраной. Домъ былъ не только жилищемъ, но и храмомъ, въ которомъ подъ печкой невидимо присутствуетъ предокъ-организаторъ, дѣдушка-домовой. Выходя замужъ, женщина оставляетъ свой домъ и тотъ культъ, который съ этимъ домомъ былъ связанъ. Перемѣна дома для женщины означала и перемѣну культа: почитаніе одного дѣдушки-домового смѣнялось почитаніемъ другого, того, подъ покровительствомъ котораго находился мужъ и его родъ. Перемѣна культа выражается въ разныхъ обрядахъ, совершаемыхъ невѣстой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ невѣста даетъ согласіе выйти

замужъ тѣмъ, что слѣзаетъ съ печи. Въ Малороссіи родители, чтобы благословить дочь на бракъ, садятся у печи. Прежде существовалъ обычай обводить новобрачную въ домѣ новобрачнаго вокругъ очага. Въ Малороссіи существуетъ обычай, чтобы невѣста, явившись въ домъ жениха, бросала подъ печь пѣтуха—символъ приносившейся прежде жертвы дѣдушкѣ-домовому. Въ Бѣлоруссіи невѣста бросаетъ въ печь поясъ или связку баранокъ. Въ другихъ мѣстностяхъ невѣста кладетъ хлѣбъ на печь.

Религіозная сторона брака состояла не только въ перемѣнѣ родового или семейнаго культа. Бракъ человѣческій былъ, по воззрѣніямъ древнихъ, отраженіемъ брака верховныхъ организаторовъ міровой жизни, боговъ, брака Дажьбога съ матерью-сырой землей или водой, совершавшагося на праздникѣ Ивана-Купалы. Поэтому въ древнерусскомъ бракѣ отразилось и это вѣрованіе. Въ бракѣ важную роль играла вода. Умыканіе невѣстъ, по свидѣтельству лѣтописца, происходило на праздникахъ, совершавшихся у воды; изъ «Правила» митрополита Кирилла (конецъ XIII в.) видно, что невѣстъ водятъ къ водѣ. Множество свадебныхъ обрядовъ сводятся такъ или иначе къ водѣ, какъ символу. Во многихъ мѣстностяхъ невѣста, одна или съ женихомъ, идетъ къ рѣкѣ, колодцу, умывается здѣсь, или ее умываютъ присутствующіе, набираетъ воды и, придя въ домъ жениха, окропляетъ его домъ и домашній скотъ. Въ Великоруссіи обливаніе водою замѣнялись купаніемъ въ банѣ. Отправленіе невѣсты въ баню и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи совершается съ большою торжественностью и обрядностью; невѣсту родные ея при этомъ благословляютъ хлѣбомъ-солью, а присутствующіе одариваютъ деньгами; подруги невѣсты при мытьѣ молодой бьютъ въ сковороды и въ желѣзную заслонку печи.

39. Свадебныя пѣсни. Пѣсенъ, въ которыхъ изображается вступленіе въ бракъ по свободному уговору, сохранилось мало. Въ одной пѣснѣ изображается, какъ мать выводитъ дочь къ гостямъ въ свѣтлую свѣтличку и предлагаетъ ей выбрать себѣ изъ незнакомыхъ гостей—знакомаго, изъ молодыхъ—молодого и наряднаго, съ которымъ ей суждено будетъ вѣкъ вѣковать и мать забывать; дѣвушка выбираетъ себѣ изъ гостей жениха, съ которымъ будетъ вѣкъ вѣко-

вать и матери не забывать. Въ другой пѣснѣ изображается какъ дѣвушка поджидаетъ къ себѣ «суженаго», «ряженаго» и снаряжается въ цвѣтное шелковое платье; она проситъ своихъ подружекъ, чтобы онѣ съ появленіемъ суженаго-ряженаго пѣли погромче и веселѣе, чтобы суженый-ряженый не соскучился. Родня суженаго въ нѣкоторыхъ такихъ пѣсняхъ рисуется въ привлекательныхъ чертахъ. Въ этихъ пѣсняхъ тоже встрѣчаются слѣды умыканія и купли, что вполнѣ понятно: свободный уговоръ былъ въ связи съ умыканіемъ, которое въ торговой городской средѣ замѣнялось куплей, имѣвшей первоначально характеръ простого вознагражденія родныхъ невѣсты.

Въ пѣсняхъ, отразившихъ слѣды насильственнаго умыканія, дѣвушка выражаетъ свой страхъ передъ наѣздомъ «лихого наѣздника», «чужого - чужанина», т. е. жениха. Въ одной пѣснѣ поется, какъ дѣвушка, сидя у окна, шила волю золотомъ, обшивала ее чистымъ серебромъ; вдругъ къ окну подлетаетъ орелъ, который совѣтуетъ ей не тратить чистаго серебра и не портить краснаго золота: садъ ея будетъ полоненъ, весь родъ ея покоренъ, а ея волюшка очутится въ неволюшкѣ; къ ея батюшкѣ пріѣдутъ съ боемъ и грабежомъ, ограбятъ батюшку, полонятъ матушку, а ее повезутъ на чужую сторонушку. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ женихъ и поѣзжане называются «лютыми татарами» и «литвою». Въ одной изъ этихъ пѣсенъ выражается рѣшимость дать этой «литвѣ» отпоръ, воевать съ ней, бить ее, но не отдавать «Марусеньки». Въ одной великорусской пѣснѣ невѣста передъ вѣнцомъ поетъ о томъ, что ей не спалось всю ночь, что, когда стала заниматься заря, явились недруги-разлучники, чтобы разлучить ее съ отцомъ, матерью и ея родомъ-племенемъ; она умоляетъ родимаго братца своего, чтобы онъ пошелъ въ зеленый лѣсъ, срубилъ березыньку и заградилъ ею путь-дороженьку, чтобы ея недругамъ нельзя было ни пройти, ни проѣхать.

Въ пѣсняхъ, отразившихъ слѣды купли невѣсты, невѣста умоляетъ своихъ родителей не соблазняться золотомъ, серебромъ, такъ какъ она у нихъ и безъ золота богатехонька. Въ одной пѣснѣ невѣста проситъ родителей, чтобы они не били полу о полу, не хлопали пирогъ о пирогъ, чтобы они ее бѣдную не отдавали на чужую сторону. Когда женихъ

торгуетъ мѣсто рядомъ съ ней у ея брата, она обращается къ брату съ просьбой поломаться, постараться не продавать сестры ни за рубль, ни за золото; но брату, говорится въ пѣснѣ, сестра мила, а золото милѣе: братецъ-татаринъ продалъ сестру за таляръ, русу-косу за полтину. И дѣвушка говоритъ, что тотъ, кого она любила, стоитъ за дверями, а тому, кого она отъ роду не знала, подаетъ свою руку.

При такихъ условіяхъ выхода замужъ жизнь замужняя должна представляться страшной. Чужая сторонушка вся горемъ изнасѣяна, слезами полита, печалью огорожена. Чужіе отецъ съ матерью уродились безжалостными: сердце у нихъ безъ огня разгорается, гнѣвъ раскипается безъ смолы. «Что медвѣдь съ медвѣдицей—богоданный то батюшка съ богоданной матушкой; шипицы колючія -богоданные милы братцы; крапива жгучая—богоданныя сестрицы». Невѣста сравниваетъ себя съ лебедью, случайно попавшей въ стадо гусиное: сѣрые гуси щиплютъ ее за то, что она не умѣетъ кликать по гусиному. Чужіе отецъ и мать за все бранятъ и журятъ ее: «ступишь ли ногой—поглядятъ всѣ за тобой; махнешь ли рукой—засмѣются надъ тобой; молвишь ли словечко—передразнивать начнутъ; сядешь ли за столъ -всѣ куски во рту сочтутъ; станешь ли молчать—станутъ дурой величать». Невѣста спрашиваетъ себя, какъ величать ей свекра лютаго и свекровь лютую: назвать свекромъ и свекровью—разсердятся, а называть батюшкой и матушкой—не хочется; однако, принуждаетъ себя невѣста, убавлю я спѣси, гордости, прибавлю я ума-разума: назову я свекра батюшкой, а люту свекровь матушкой»! На чужой сторонѣ «надо сорокъ разумовъ, пятьдесятъ обычаевъ», надо быть «вѣковѣчной ключницей платьемойницей». Невѣста справляется у замужней подруги, какъ живется на чужой сторонѣ; та отвѣчаетъ ей: «будь головушкой поклонлива, будь сердечушкомъ покорлива, носи платье не снашивай, терпи горюшко—не сказывай».

Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ отражается и религіозная сторона брака. Такъ, въ нихъ довольно часто попадается символъ перехода черезъ воду, обозначающій вступленіе въ бракъ. Въ одной пѣснѣ описывается быстрая рѣченька, на которой лежитъ тонкая и гибкая «дощечка»; черезъ этотъ мостъ перешелъ «Михаилъ сударь, перешелъ

Гавриловичъ», который перевелъ Анфисиньку. Въ другой пѣснѣ дѣвушка обѣщаетъ дать много золота, еще больше скатна жемчуга тому, кто перевезетъ ее черезъ рѣчку; является, откуда ни возмись, женихъ, который «спущаетъ молодку на быстру рѣчку».

40. Семейныя пѣсни. Переходъ экономическій силы въ руки мужчины въ связи съ насильственнымъ умыканіемъ, развитіе въ семьѣ власти отца, приведшее къ тому, что молодые женились и выходили замужъ не по своей склонности, а по волѣ родителей, создали, особенно для замужней женщины, тягостныя условія семейнаго существованія. Положеніе замужней женщины отразилось въ семейныхъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ поется о томъ, какъ ни въ умѣ ни въ разумѣ не было у дѣвушки выйти замужъ; но ее отдали противъ воли; и вотъ матушка надумала завернуть однажды къ своей дитяткѣ и спрашиваетъ ее, каково живется ей въ чужихъ людяхъ; въ чужихъ людяхъ, отвѣчаетъ дочь, надо жить умѣючи — голову держать поклонную, сердце покорное; вечеромъ наканунѣ ее больно билъ свекоръ, а свекровь ходила и похвалялась хорошо учить чужихъ дѣтей, не роженныхъ, не хоженныхъ, не вспоенныхъ и не вскормленныхъ. Еще ярче описывается жестокое обращеніе съ замужней женщиной въ пѣснѣ «Выдавала меня матушка далече замужъ». Въ ней разсказывается о томъ, какъ матушка, собиралась часто навѣщать свою дочь; проходитъ одно лѣто, другое, третье; матушка, наконецъ, пріѣзжаетъ и не узнаетъ своей дочери; «что это за баба, за старуха»? спрашиваетъ она; дочь отвѣчаетъ, что она не баба и не старуха, а ея милое чадо; мать продолжаетъ свои разспросы: «гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло, гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?»; дочь отвѣчаетъ: «Бѣлое тѣло—на шелковой плеткѣ, алый румянецъ—на правой на ручкѣ: плеткой ударитъ—тѣла убавитъ, въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ».

Семейный деспотизмъ былъ тяжелъ не только для женщины, но и для мужчины и нерѣдко велъ къ трагическому исходу. Въ одной пѣснѣ дѣвушка жалуется, что милый другъ покинулъ ее и уѣхалъ на дальнюю сторону. Прощаясь съ подругой, милый говорилъ ей, чтобы она не сидѣла поздно вечеромъ, не жгла свѣчу воска яраго и не ждала его до полуночи. Отецъ его захотѣлъ и матушка приказала жениться

на иной женѣ. Онъ женится на другой женѣ. обвѣнчается съ иной женой– «съ смертью раннею и насильною». Она уже не сидитъ поздно вечеромъ, дожидаясь милаго; горитъ свѣча воску яраго; на столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ, а въ гробу лежитъ красна дѣвица.

И доброму молодцу насильственно навязанная жена не могла быть милой. Въ одной пѣснѣ изображается смертельно раненый добрый молодецъ, лежащій подъ ракитовымъ кустомъ. Онъ прощается со своимъ конемъ и велитъ ему сказать его молодой вдовѣ, что онъ женился на другой женѣ, что сосватала ихъ сабля острая. Ему не жаль ни молодой жены ни роду племени, а жаль малыхъ дѣтушекъ, которые остались малешеньки и глупешеньки и натерпятся холоду и голоду.

41. О похоронныхъ пѣсняхъ. Похоронными называется устныя общенародныя пѣсни, которыми сопровождались древнерусскія похороны. О древности такихъ пѣсенъ имѣется рядъ свидѣтельствъ. Арабскій путешественникъ Ибнъ-Фодланъ (начала X в.), описывая похороны одного знатнаго русса и обрекшей себя на смерть рабыни его, говоритъ о томъ, что эта дѣвушка до смерти своей пѣла длинныя пѣсни, въ которыхъ прощалась со своими близкими. Лѣтописецъ, говоря о языческихъ обычаяхъ русскихъ славянъ, упоминаетъ о бѣсовскихъ пѣсняхъ на тризнахъ. Разсказывая подъ 1087 г. о похоронахъ Изяслава Ярославича, лѣтописецъ говоритъ, что его сынъ Ярополкъ «идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: Отче, отче мой! Что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людей и отъ братья своя? Се же погибе не отъ брата, но за брата своего положа главу свою». Въ посланіи къ Олегу, подъ 1096 г., Владиміръ Мономахъ говоритъ о «желяхъ», т. е. плачахъ по мертвомъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» говорится, что послѣ пораженія русскихъ половцами жены павшихъ русскихъ воиновъ плакали по своимъ мужьямъ, говоря, что теперь онѣ уже не увидятъ ихъ своими глазами. Въ «Стоглавѣ» (XVI в.) постановлено запрещеніе похоронныхъ языческихъ обрядовъ и пѣсенъ, которые описываются такимъ образомъ: «Въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на талникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и

егда начнутъ играти скоморохи (комедіанты, актеры) и гудцы (играющіе на гусляхъ) и перегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони (ладоши) бити и пѣти пѣсни сатанинскія». Даже въ 1715 г. Петръ В., по случаю смерти супруги царя Ѳедора Алексѣевича, вынужденъ былъ наистрожайше приказать, чтобы никто ни надъ царицей, ни надъ другими покойниками не совершалъ «непристойнаго и суевѣрнаго обычая выть, приговаривать и рваться надъ умершими». Но этотъ обычай сохранился до настоящаго времени, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ даже существуетъ особый классъ женщинъ—вопленницъ, или плачей, которыя, съ одной стороны, одарены отъ природы поэтическими способностями, а съ другой хранятъ и развиваютъ сохранившійся отъ глубокой древности репертуаръ похоронныхъ пѣсенъ, или, какъ онѣ называются, заплачекъ, причитаній.

42. Древнерусскія похороны. Смерть представлялась древнерусскому человѣку переходомъ въ новую жизнь, поѣздкой или путешествіемъ въ новый міръ; погребеніе представлялось снаряженіемъ къ путешествію. Способы погребенія и обряды, которыми погребенія сопровождались у древнерусскихъ славянъ, имѣли двѣ цѣли: устроить нормальную жизнь для покойниковъ въ новомъ мірѣ и установить живую связь между ними и ихъ родными. Устроить покойному нормальную загробную жизнь побуждали любовь къ нему, съ одной стороны, а съ другой—опасеніе его мести за пренебреженіе къ нему; установить связь съ покойникомъ неохобдимо было для того, чтобы заручиться его благоволеніемъ и помощью въ важные моменты жизни. У древнерусскихъ славянъ существовали два главныхъ способа погребенія: 1) сжиганіе тѣла и 2) зарываніе въ землю. Существовалъ, хотя, повидимому, и менѣе былъ распространенъ еще одинъ способъ—спусканіе трупа въ воду.

1) **Сжиганіе тѣла.** О существованіи перваго способа похоронъ — сжиганія, свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фодланъ (начала X в.) въ своемъ описаніи похоронъ знатнаго русса. Другое свидѣтельство есть въ нашей лѣтописи, гдѣ описываются нравы русскихъ славянъ-язычниковъ: «И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ и посемъ творяху кладу (костеръ) велику и возложахуть и на кладу мертвеца сожьжаху и

посемь, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ (въ началѣ XII в.). Си же творяху обычая кривичи и прочии погании...». Изъ этого свидѣтельства нашей лѣтописи видно, что прахъ покойника по сожженіи, собранный въ сосудѣ, ставился на столбѣ на перекресткѣ дорогъ. Но это не было единственнымъ обычаемъ. Раскопки, производившіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, указываютъ еще на одинъ способъ сохраненія праха покойниковъ: расчищали мѣсто, на которомъ раскладывался костеръ; трупъ покойнаго сжигался на этомъ кострѣ, а затѣмъ надъ останками насыпался большой курганъ.

Сжиганіе труповъ у русскихъ славянъ соединялось съ особымъ представленіемъ о загробной жизни, а именно, предполагалось, что покойный, благодаря сожженію, уносится въ надземный міръ, въ воздушныя пространства, гдѣ продолжаетъ свое существованіе. Когда Ибнъ-Фодланъ сообщилъ одному руссу, что у арабовъ трупы зарываютъ въ землю, руссъ удивился глупости арабовъ: «Умершему,—сказалъ руссъ,—и такъ тяжело, а вы еще наваливаете на него лишнюю тяжесть, зарывая въ землю. Вотъ у насъ лучше; посмотри,—сказалъ онъ, указывая на сгораніе трупа знатнаго русса,—какъ легко нашъ умершій восходитъ къ небесамъ вмѣстѣ съ дымомъ». Покойники носятся по воздуху на коняхъ. Этому представленію нашихъ предковъ сотвѣтствуетъ сообщеніе Ибнъ-Фодлана, что вмѣстѣ съ трупомъ русса сожжена была и его лошадь.

2) **Зарываніе въ землю.** Второй способъ похоронъ—зарываніе трупа въ землю находилъ себѣ у насъ примѣненіе тоже очень рано. Онъ находился въ связи съ инымъ представленіемъ о загробной жизни; именно, предполагалось, что покойники живутъ подъ землею, въ подземномъ царствѣ. Гробъ, въ который клался трупъ, представлялся жилищемъ, домомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гробъ прямо называется теперь «домовиной».

Жизнь за гробомъ представлялась продолженіемъ земной жизни, хотя и въ особыхъ таинственныхъ формахъ. Поэтому существовалъ обычай при первомъ способѣ похоронъ сжигать вмѣстѣ съ трупомъ предметы, необходимые для продолженія жизни: любимую жену, коня, оружіе и т. д.; если

же похороны состояли въ зарываніи трупа въ землю, то эти предметы хоронились вмѣстѣ съ покойникомъ. Кромѣ того, въ гробъ клали яства и напитки.

Вѣра въ продолженіе жизни покойниковъ сказывалась въ цѣломъ рядѣ обрядовъ, существующихъ въ народныхъ массахъ и теперь. Въ сѣверной Россіи существуетъ обычай на поминальномъ обѣдѣ ставить лишній приборъ —для покойнаго; ложка кладется подъ скатерть; послѣ обѣда ложка подвергается осмотру; если она окажется влажной, это служитъ знакомъ того, что покойный присутствовалъ за обѣдомъ и пользовался ею. Другой обычай во время поминальнаго обѣда состоитъ въ томъ, что сажаютъ на печь (§ 19) ребенка и заставляютъ смотрѣтъ его на столъ черезъ хомутъ (хомутъ—символъ поѣздокъ мертвецовъ на коняхъ), не видать ли за столомъ лишняго человѣка.

Съ принятіемъ христіанства обычай сожженія исчезаетъ и замѣняется зарываніемъ въ землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обряды, имѣвшіе цѣлью устройство покойному нормальной загробной жизни, вытѣсняются обрядами церковными; съ исчезновеніемъ этихъ обрядовъ исчезаютъ и пѣсни, которыя съ ними связаны были, такъ какъ и онѣ замѣнились пѣснями церковными. Сохранившіяся до нашего времени похоронныя пѣсни носятъ по преимуществу элегическій характеръ: онѣ выражаютъ горе, вызванное смертью дорогого покойника.

43. Похоронныя пѣсни. Въ «заплачкахъ» и «причитаніяхъ» сохранились слѣды двоякаго рода представленій: о загробной надземной жизни покойниковъ и о загробной подземной жизни.

Идея о надземной жизни покойника выражается въ образахъ удаленія души умершаго къ небеснымъ свѣтиламъ— къ солнцу и мѣсяцу, къ восточной сторонѣ. «Пріубрался, поется въ одной пѣснѣ—свѣтъ надежная головушка къ красну солнышку на приберегушку, къ свѣтлу мѣсяцу — на придракушку (ласковый уходъ)». Въ другой пѣснѣ поется: «Пріукрылся нашъ желанный родной дядюшка онъ за темные лѣса за дремучіе, за высокія горы, за толкучія, за синія моря да за глубокія, вровень съ облачками онъ да съ ходячими ко луны онъ, нашъ свѣтъ, да подвосточной». Въ третьей пѣснѣ: «Удалилась моя бѣлая лебедушка за горушки она за высокія, за облачка она за ходячія, къ красну солнышку,

дѣвица, во бесѣдушку къ свѣтлу мѣсяцу она въ приберегушку». «Удалилось рожено ваше дитятко за темные лѣса за дремучіе, за высокія горы за толкучія; ко зари оно, дите, да ко восточноей; туды вѣтрышки вѣдь не провѣвываютъ, лютое звѣрье не прорыскивае, малая птица не пролетывае; ни прохожіихъ туды, ни проѣзжіихъ; хоть не дальняя сторонушка—безъизвѣстная, не колодистъ туды путь—безповоротный». Въ одной пѣснѣ изображаются, какъ умершіе носятся на облакахъ, встрѣчаются другъ съ другомъ и узнаютъ знакомыхъ.

Въ другихъ пѣсняхъ преобладаетъ идея о подземной жизни покойниковъ. Иногда эта идея переплетается въ однихъ и тѣхъ же пѣсняхъ съ идеей о надземной жизни. «Хоть отпущено рожено у меня дитятко хоть не въ дальнюю дорожку, а безъизвѣстную, не въ лѣсные перелѣски мутареливые (мытарственные), ко этой Пресвятой да Богородицѣ во матушку да во сыру землю, во погреба онъ да во глубокіи; теперь все прошло, миновалося, я навѣки съ дитемъ да поразсталась». Гробъ въ связи съ идеей подземной жизни представляется жилищемъ, домомъ: «Нонь повыду на крылечко переное, гдѣ дѣлаютъ колоду бѣлодубову, гдѣ ладятъ кресты животворящіе, на допросъ возьму я плотничковъ-работничковъ: ай же плотнички-работнички, кто задалъ (заплатилъ) вамъ золоту казну безчетную, что вы дѣете холодную хоромину не мшоную; не обнесены брусовы бѣлы лавочки, не прорублены косевчаты окошечки, не врѣзаны стекольчаты околенки, не складена печенка муравленая, не устлана перинушка пуховая, не собраны утѣхи всѣ съ забавушкой».

Сохранивъ слѣды двоякаго представленія о загробной жизни, наши похоронныя пѣсни замѣчательны и въ художественномъ отношеніи. Въ нихъ встрѣчаются интересные образы: 1) горя, 2) смерти и 3) душевнаго настроенія родныхъ умершаго.

1) Образы горя. Въ похоронныхъ пѣсняхъ горе представляется живымъ существомъ, которому даются разныя наименованія: горе-злосчастье, безсчастье, досада, кручина-злодѣйка, безталанница. Горе представляется въ образахъ «обиды» (т. е. бѣды, злого дѣла) «судины» (судьбины), «жребія», даннаго человѣку отъ роду и преслѣдующаго его до конца жизни. «Ой лѣса, лѣса дремучіе, вы задавите злу обидушку;

ой же матушка сыра-земля, ты прими меня сиротинушку». Въ пѣснѣ по утопленникѣ говорится: «Знать, судинушка по берегушку ходила, страшно, ужасно голосомъ водила, во длани судинушка плескала, до суженыхъ головъ да добиралась». Въ одной пѣснѣ высказывается, что несчастіе прокрадывалось уже съ колыбели: «Зло безсчастье тутъ ко мнѣ да пробиралося; кругомъ наоковъ ремней да обвивалося, въ дырявой люлечкѣ, знать, со мной оно злодійно качалося, вдвое-втрое тутъ накачалося, впереди оно безсчастье не укатится, позади оно не останется». Нерѣдко горе изображается нечаянно неизвѣстно откуда явившимся: «Я не знаю нонь, обидна красна дѣвица, откуль напасть велика буде кручинушка; посмекаю я дѣвичьимъ умомъ-разумомъ, съ океанъ-моря напасть ли, моря синяго, аль съ холодной, съ подсиверной сторонушки, аль съ темныхъ лѣсовъ невзгодушка дремучихъ».

Образъ горя, какъ живого существа, неизвѣстно откуда набрасывающагося на человѣка и преслѣдующаго его иногда всю жизнь, встрѣчается не только въ похоронныхъ пѣсняхъ, но и въ пѣсняхъ о горѣ-злосчастіи, въ сказкахъ о горѣ-злосчастіи, въ повѣсти съ той же темой о горѣ.

2) **Символы смерти**. Смерть въ похоронныхъ пѣсняхъ изображается въ видѣ молодой женщины, красной дѣвицы, калики перехожаго (странника) и птицы. При этомъ смерть приходитъ съ синяго моря или съ чистаго поля незамѣтно, крадучись, голодная и холодная. «Подходила тутъ скорая смертушка; она крадучись шла злодѣйка-душегубица, по крылечку ли она да молодой женой, по новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой, аль каликой она шла да перехожею, со синя ли моря шла да все голодная, со чиста ли поля шла да вѣдь холодная; у дубовыхъ дверей да не ступяласа, у окошечка вѣдь смерть да не давалася (т. е. не просилась), потихоньку она да подходила и чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла». Со смертью, какъ съ живымъ существомъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ выражается пожеланіе вступить въ бой, отогнать ее съ оружіемъ въ рукахъ; въ другихъ пѣсняхъ упрашиваютъ смерть пощадить умирающаго; но смерть остается неумолимой.

Образъ смерти-птицы находится въ связи съ повѣріемъ относительно птицъ, предвѣщающихъ смерть: это главнымъ

образомъ—хищныя птицы, крикъ и прилетъ которыхъ служитъ печальнымъ предвѣстіемъ чьей либо смерти.

3) Картины душевныхъ настроеній. Потеря родного, особенно неожиданная, соединяется съ чувствомъ недовѣрія къ совершившемуся факту. Это недовѣріе находитъ себѣ въ похоронныхъ пѣсняхъ образное выраженіе въ слѣдующихъ формахъ: а) Родственникъ умершаго обращается къ сосѣдямъ, знакомымъ, роднымъ съ вопросомъ, не видали ли они гдѣ нибудь умершаго: «Ты подумай ко, любима мила сватьюшка; да какъ шла путемъ широкой дороженькой, ты не стрѣтила-ль надежной тамъ головушки въ темномъ лѣсу дремучемъ, аль на чистомъ его полюшкѣ? Кругомъ шла да какъ ты малаго озерышка, по крутому ты шла да какъ по бережку, тамъ не видѣла-ль любима мила сватьюшка?». б) Изображается отыскиваніе умершаго въ домѣ, на дворѣ, въ полѣ, на берегу рѣки: «Повзыскать пойду сердечно свое дитятко, по всему пойду хоромному строеньицу; обойду да по селу я деревенскому, поспрошу у любимыхъ поровесниковъ (сверстниковъ): дите да не сидитъ ли на бесѣдушкѣ?... Не могу пойти, печальная головушка. Пойду съ горюшка во чистое во полюшко: онъ не ходитъ ли въ раздольѣ во чистомъ полѣ, не гуляетъ онъ, свѣтъ, въ зеленомъ саду?... Я съ тоски пойду ко быстрой этой рѣченькѣ: онъ не ходитъ ли по крутому по бережку, не стрѣляетъ ли водоплавныхъ сѣрыхъ утушекъ съ этого оружія зарукавнаго»? в) Поющій обращается къ вѣтру или водѣ съ просьбой разметать или размыть могилу, чтобы можно было увидѣть умершаго: «Вы сповѣйте, вѣтры буйные, со низовой со сторонушки: разнесите, вѣтры буйные, всѣ пески да вѣдь сыпучіе и всѣ камешки катучіе! Разступись-ко, мать-сыра земля, расколись-ко гробова доска, размахнитесь, бѣлы саваны! Ужъ вы, ангелы-архангелы, опуститесь съ неба на землю, вы кладите свѣту-батюшку во бѣлы груди здыханьицо, во ясны очи гляденьицо»!

44. Пріемы устнаго лирическаго творчества. Изложенные въ предъидущихъ параграфахъ (§§ 29 — 43) виды общенародной лирики, т.-е. пѣсни праздничныя и бытовыя, обнаруживаютъ въ своей основѣ опредѣленные пріемы художественнаго творчества, общіе имъ всѣмъ. Основной пріемъ устнаго лирическаго творчества сводится къ *параллелизму*, т.-е. къ сопоставленію явленій душевнаго міра съ

явленіями внѣшней природы. Этотъ пріемъ возникъ изъ анимистическаго міровоззрѣнія, согласно которому природа представляется обществомъ живыхъ существъ, подобнымъ патріархально-родовой общинѣ людей (§ 8). Явленія душевнаго міра напоминали древнему человѣку рядъ явленій въ природѣ, органической и неорганической, и, наоборотъ, явленія во внѣшней природѣ напоминали ему явленія его собственнаго душевнаго міра. Такъ какъ древній человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ природы и не противопоставлялъ себя ей, то онъ, изображая свои внутреннія переживанія, невольно сплеталъ съ ними явленія природы и наоборотъ.

Параллелизмъ, какъ пріемъ устнаго лирическаго творчества, распадается на слѣдующіе виды: 1) положительный параллелизмъ, 2) отрицательный параллелизмъ, 3) символистическій параллелизмъ и 4) сравнительный параллелизмъ.

1) **Положительный параллелизмъ.** Параллелизмъ положительный состоитъ въ томъ, что явленіе или событіе изъ человѣческой жизни сопровождается положительною параллелью изъ жизни природы. Напр.: «Цвѣли цвѣтики, да поблекли, любилъ меня милый другъ, да покинулъ», «Благословлялось солнышко у свѣтлаго мѣсяца, благословлялся князь молодой у родного батюшки», «Зеленый лѣсочекъ къ землѣ приклонился, а что же ты, парнишка, холостъ, не женился», «Хилилася вишня видъ (отъ) верху до корени, наклонилася Маруся черезъ стилъ (столъ) до батенька», «Стелется и вьется по лугамъ трава шелковая, цѣлуетъ, милуетъ Михайло свою женушку», «Отломилась вѣточка отъ садовой отъ яблоньки, откатилось яблочко; отъѣзжаетъ сынъ отъ матери на чужу дальню сторону», «Тонкое деревцо свирѣльчатое, нѣтъ его тончѣе изо всей рощи; умная дѣвушка Еленушна, нѣтъ ея умнѣе изо всей родни», «Гуси, лебеди видѣли въ морѣ утушку, не поймали, только подмѣтили, крылышки подрѣзали; князи-бояре-сватьи видѣли Катичку, не взяли, подмѣтили, косу подрѣзали».

2) **Параллелизмъ отрицательный.** Отрицательный параллелизмъ состоитъ въ томъ, что событіе изъ человѣческой жизни сопровождается отрицательной параллелью изъ жизни природы. Примѣры: «Не бѣлая береза нагибается, не шатучая осина расшумѣлася,—добрый молодецъ кручиной убивается», «Не орелъ подъ сѣни подлетѣлъ, Ванька по сѣ-

нямъ походилъ», «Не ручей да бѣжитъ, быстра эта рѣченька.—это я, бѣдная, слезами обливаюся; и не горькая осина разстонулася,—это зла моя кручина расходилася».

3) Параллелизмъ символистическій. Символистическій параллелизмъ состоитъ въ томъ, что событіе изъ человѣческой жизни сопровождается прочной, получившей опредѣленный устойчивый смыслъ параллелью изъ внѣшняго міра. Общенародная устная лирика почерпаетъ свои символы изъ трехъ источниковъ: а) изъ неорганической природы, а) изъ міра животныхъ, в) изъ растительнаго міра.

а) Символы изъ неорганической природы. Солнце, закрытое тучами, паденіе звѣздъ, туманъ, мутная вода, паденіе листьевъ, наклоненіе деревьевъ или вообще растительности къ землѣ, разливъ воды, сыпанье жемчуга,—всѣ эти образы суть символы печали, грусти. Примѣры: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй-тоска въ ретиво сердце—не сходить туману съ синя моря, ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ», «Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ, что по атласу, да по бархату: ты расплачься, невѣстушка», «Ой, разліійся, водзица, а по лугу, по долинѣ, ой расплачься, Ганулька, на роду, на племени».

Особую роль играетъ въ устной лирикѣ вода: вода, питье воды—символы любви, а переходъ черезъ рѣку—символъ брака. Примѣры: «Тече рѣчка невеличка, схочу-перескочу, отдай мене, моя мати, за кого я хочу», «Ой, не ходи коло воды, жовтоногій копче: е у мене кращій тебе, дороженьку топче; ой не ходи коло воды билыми ногами, е у мене кращій тебе, съ чорными бровями», «Черезъ рѣченьку черезъ быструю, подай рученьку, подай другую»—предлагаетъ дѣвицѣ молодецъ.

б) Символы изъ міра животныхъ. Образы сокола и орла примѣняются къ доброму молодцу, образъ бѣлой лебеди означаетъ молодую женщину, чаще дѣвушку, голубь и голубка—символъ супружеской любви, кукушка—символъ тоскующей женщины, чайка—символъ тоскующей женщины въ малорусской поэзіи. Примѣры: «Любилися, кохалися, якъ голубивъ пара». «Не кукушка во сыромъ лѣсу куковала, а жена горевала». «Вскинусь я, взброшусь я кукушечкою, полечу на свою сторону, на батюшкину». «Ой, бида чайци небози, щи вывела дитки при битій дорози».

в) Символы изъ міра растеній. Калина — символъ молодости, по преимуществу, дѣвичьей, веселья, разгула: калина въ своихъ различныхъ видахъ и состояніяхъ даетъ образы для символизированія всевозможныхъ явленій изъ жизни дѣвушки, или молодой женщины: калина вообще означаетъ женщину; калина, съ опустившимися вѣтвями, — символизируетъ печаль дѣвушки: ломать вѣтви калины значитъ брать дѣвушку замужъ; собирать калину, ходить по калину значитъ искать любви, любить; гулять по калиновому мосту значитъ предаваться беззавѣтному веселью, разгулу. Въ одной пѣснѣ тоскующая дѣвушка приглашаетъ молодцовъ построить ей «калиновый мостокъ», т.-е. развеселить ее. Въ другой—состарѣвшаяся дѣвушка хочетъ вернуть свои молодые годы; она догоняетъ ихъ на калиновомъ мосту и, обращаясь къ нимъ со словами, говоритъ: «ой, нагнала лѣта мои на калиновомъ мосту; ой, вернитеся, вернитеся хоть на часокъ въ гости»!

Калинѣ противополагается яворъ—символъ грусти, печали. Въ одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ, что ей хочется пить, да въ криницѣ вода не чиста, потому что въ нее попали листья явора; она проситъ молодцовъ очистить криницу отъ листьевъ: «Напилась бы я водици, криница не чиста: ой, нападало въ криницю яворoваго листу. Ой, збудуйте мени, хлопци, мосточекъ калиновый! Ой, вычистить изъ криници той листъ яворовый».

4) Сравнительный параллелизмъ. Сравнительный параллелизмъ состоитъ въ томъ, что параллель, которою сопровождается какое нибудь событіе изъ человѣческой жизни, основывается на сходствѣ, вызывающемъ сравненіе. Это сравненіе выражается двояко: при помощи союзовъ (какъ, будто, словно, ровно, точно, что), или въ формѣ творительнаго падежа. Примѣры: «Ужъ какъ матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ: сестра то ли плачетъ, какъ ручьи кипятъ», «Красна дѣвица идетъ, словно павушка плыветъ», «Покажись, приди, надежная головушка, хоть съ-подъ кустышка приди, да сѣрымъ заюшкомъ изъ-подъ камышка явись да горностаюшкомъ», «Конь мой лошадь, аки лютый звѣрь».

На ряду съ параллелизмомъ, устная лирика прибѣгаетъ къ такимъ общеизвѣстнымъ пріемамъ творчества, какъ употребленіе 1) эпитетовъ, 2) тавтологій и 3) повтореній.

1) **Эпитеты.** Эпитетами называются слова, живо изображающія такую черту въ предметѣ, которая производитъ впечатлѣніе наиболѣе характерной. Изъ видовъ эпитета устное творчество предпочитаетъ такъ называемые постоянные эпитеты, т. е. такіе, которыми одинъ и тотъ же предметъ сопровождается постоянно. Такъ, въ великорусской устной лирикѣ употребительны слѣдующіе постоянные эпитеты: «черный» воронъ, дѣвица «красная», земля «сырая», поле «чистое», тѣло «бѣлое», кудри «русыя», коса «русая», ноги «рѣзвые», батюшка «родимый», трава «зеленая», «синее» море, «сѣрый» волкъ, «борзый» конь: иногда къ эпитету прилагательному присоединяется еще существительное: «матушка сыра» земля, подворотня дорогъ «рыбій зубъ» (моржовая кость). Въ малорусской устной поэзіи употребительны слѣдующіе эпитеты: «чорный» воронъ, волкъ «сѣрый», «зелена» трава, «синее» море, «чистое» поле, степи «широки», «чорная» хмара.

2) **Тавтологія.** Тавтологія состоитъ въ томъ, что рядомъ соединяются два слова, однородныхъ по корню или по значенію. Таковы, напр., выраженія: «шутки шутить», «думу думать», «судъ судить», «ряды рядить», «мосты мостить», «дзвоны дзвонили», «на помочь помогае», «думать-гадать», «родъ-племя», «конь-лошадь добрая», «путь-дорога», «океанъ-море». Къ подобнымъ тавтологическимъ выраженіямъ приближается соединеніе двухъ словъ, изъ которыхъ одно обозначаетъ родъ, къ которому принадлежитъ предметъ, а другой — его видъ: «прилетѣла птичка-синичка», «рыба-щука» «ковыль-трава».

3) **Повтореніе.** Повтореніе состоитъ въ томъ, что одно слово въ предложеніи или нѣсколько словъ повторяются: «А нашего полку убыло, убыло», «И я золото хороню, хороню, чисто серебро хороню, хороню», «По широкой по рѣкѣ, по раздольной по Окѣ». Повтореніе въ устномъ творчествѣ можетъ достигаться и при употребленіи особыхъ способовъ, а именно путемъ отрицанія противоположнаго понятія или при помощи соединенія родственныхъ по смыслу и этимологически словъ: «А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю», «Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ, не низко, высоко, не близко, далеко», «Мурава трава зеленая».

Библіографія. *Сахаровъ*. Пѣсни обрядовыя и лирическія. 1838—1839.—*П. Якушкинъ*. Народныя русскія пѣсни. Спб. 1865.—*П. В. Шейнъ* Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Т. I. Вып. 1—2. Спб. 1898—1900.—*П В. Шейнъ*. Русскія народныя пѣсни. Ч. I. М. 1870.—Памятники великорусскаго нарѣчія. Спб. 1855.—*Е. Барсовъ*. Причитанія сѣвернаго края. I—II. 1872—1882. Т. III (въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества").—*М. Максимовичъ*. Малороссійскія пѣсни. М. 1827.—*П П. Чубинскій*. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженный Имп. Р. Географическимъ Обществомъ. Т. I—VII. 1872—1878.—*П. Безсоновъ*. Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. Ч. I. В. I. М. 1871.—*И. И. Носовичъ*. Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1874.—*П. В. Шейнъ*. Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1874.—*Е. Р. Романовъ*. Бѣлорусскій сборникъ. В. 1—5. Кіевъ и Витебскъ. 1886—1891.—*Снегиревъ*. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. В. I. М. 1837. В. 2—3. 1838. В. 4. 1839.—*Терещенко*. Бытъ русскаго народа. Ч. I—VII. Спб. 1848.—*Сахаровъ*. Сказанія русскаго народа. 1836.—*И. Калинскій*. Церковно-народный мѣсяцесловъ. 1877. („Записки по Отдѣленію этнографіи").—*Селивановъ*. Годъ русскаго земледѣльца („Рус. Бесѣда". 1856. Кн. II, IV. 1857. Кн. III, IV).—*Максимовичъ*. Дни и мѣсяцы украинскаго селянина („Собраніе сочиненій". Т. II. Кіевъ 1877).—*Александръ Веселовскій*. Румынскія, славянскія и греческія коляды („Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха". Спб. 1883. Гл. VII).—*Н. Ѳ. Сумцовъ*. Научное изученіе колядокъ и щедривокъ. („Кіевская Старина". 1886. Февраль).—*Н. И. Коробка*. Къ изученію малорусскихъ колядокъ. („Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ". 1902. Т. III, кн. 3).—*Вс. Миллеръ*. Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ. М. 1884.—*Аѳанасьевъ*. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Т. I—III. М. 1866—1869.—*А. А. Потебня*. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. („ЧтеніяМоск Общ. исторіи и древностей". 1865. Кн. 2—3).—*А. А. Потебня*. О купальныхъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ. М .1867.—*Н. Ѳ. Сумцовъ*. Культурныя переживанія Кіевъ. 1890.—*Е. И. Якушкинъ*. Обычное право. Т. I—II. Ярославль 1875—1896.—*А. Ефименко*. Изслѣдованія народной жизни В. I. М 1884.—*Сумцовъ*. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно рус. скихъ. Харьковъ. 1881.—*А. А. Потебня*. Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1867.—*В. Охримовичъ*. Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи. („Этнографическое Обозрѣніе". 1891. Кн. XI. 1892. Кн. XV).—*М. Довнаръ-Запольскій*. Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ. („Этногр. Обозр". 1893. Кн. XVI, XVII, XIX).—*А. Котляревскій*. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ („Сочиненія". Спб. 1891. Т. III).—*Г. Куликовскій*. Похоронные обряды Обонежскаго края. („Этногр. Обозр." 1890. Кн. IV).—*А. А. Потебня*. О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. М. 1867.—*Алек-*

сандръ Веселовскій. Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ. („Разысканія въ области рус. дух. стиха". Спб. 1889. Гл. XIII).—*А. А. Потебня.* Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава. 1883—1887.—*Александръ Веселовскій.* Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля. („Журн. Минис. Нар. Просв." 1898. Мартъ) — *А. А. Потебня.* О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Харьковъ. 1860.—*Александръ Веселовскій.* Изъ исторіи эпитета („Ж. М. Н. П." 1895. Ноябрь).

Сказки.

45. О сказкахъ. Сказками называются общенародныя устныя произведенія, въ которыхъ изображаются приключенія фантастическихъ героевъ. Въ древности онѣ назывались «баснями», «байками». Разсказчики сказокъ до сихъ поръ называются въ народѣ «баянами», «баюнами», «баутчиками» и «бахарями».

Сказки въ народномъ быту служатъ въ настоящее время для забавы, времяпрепровожденія. Народъ не относится къ нимъ съ такой серьезностью, которая проявляется у него въ отношеніи къ пѣснѣ. Такое различіе въ отношеніи къ этимъ видамъ устнаго творчества выражено самимъ народомъ словами: «сказка—складка, пѣсня—быль». Этими словами народъ проводитъ рѣзкую черту между обоими видами творчества: сказка, по его убѣжденію — порожденіе фантазіи, пѣсня — отраженіе былого, того, что было народомъ на самомъ дѣлѣ пережито.

Сказки очень рано превратились у насъ въ источникъ забавы. Въ «Словѣ о богачѣ и бѣднякѣ» (XII в.) описывается, какъ забавляется древнерусскій богачъ на сонъ грядущій: домочадцы и слуги «ноги ему гладять... иніи гудуть, иніи бають (подразумѣвается сказки) ему...». Значитъ, уже въ глубокой древности происходило то, что намъ извѣстно изъ позднѣйшей эпохи крѣпостного права XVIII—XIX вѣка.

Но сказки, вопреки народному убѣжденію, не составляютъ продукта чистой фантазіи: въ нихъ отразились бытъ и воззрѣнія иногда очень древняго происхожденія, но впослѣдствіи народомъ забытые. Такъ, въ сказкахъ встрѣчается отраженіе чертъ, характеризующихъ грубость древняго быта: людоѣдство (Баба-яга), разрубаніе тѣла на мелкія части, вынимание сердца и печени, выкалываніе глазъ, выбрасываніе

стариковъ, новорожденныхъ, больныхъ и слабыхъ на голодную смерть, казнь осужденныхъ при помощи привязыванія ихъ къ хвостамъ лошадей, выпускаемыхъ на свободу въ поле, закапываніе въ землю живыми, слѣды матріархальныхъ половыхъ отношеній (бракъ кровныхъ родныхъ—брата и сестры, сына и матери, отца и дочери), надземное погребеніе (на высокихъ столбахъ), клятвы землею.

Именно, какъ продуктъ творчества очень древнихъ, по преимуществу языческихъ, временъ, сказки подвергаются такъ же, какъ и остальные виды устнаго творчества, преслѣдованію со стороны духовенства уже очень рано. Въ XI в. запрещается «баять сказки, кощюнить» (разсказывать смѣшное) подвергаются порицанію разсказчики сказокъ, «празднословци» «смѣхословци». Даже въ XII в. запрещается басни «баять» и т. д. Въ XVII в. осуждаются тѣ, которые «сказки сказываютъ небывалыя».

Несмотря на эти запрещенія, сказки въ устахъ народа уцѣлѣли, конечно, въ измѣненномъ видѣ, до сихъ поръ.

46. Происхожденіе и составъ русскихъ сказокъ. Сравненіе по содержанію русскихъ сказокъ съ сказками другихъ народовъ показало чрезвычайное сходство ихъ. Такъ, напр., въ русской сказкѣ объ «Одноглазомъ великанѣ» разсказывается почти то же самое, что извѣстно намъ изъ «Одиссеи» Гомера о циклопѣ Полифемѣ, Одиссеѣ и его спутникахъ: такимъ образомъ, русская сказка чрезвычайно похожа по сюжету на древнегреческій миѳъ. Замѣчательно, что сходны сказки не только у народовъ аріоевропейскихъ: многія сказки, различаясь въ подробностяхъ, сходны между собою по существу у народовъ самыхъ разнообразныхъ расъ: аріоевропейской, монгольской, даже черной.

Сходство сказокъ у разнообразныхъ народовъ объясняется слѣдующими причинами: 1) сходствомъ условій жизни у разнообразныхъ народовъ; при такомъ сходствѣ творческая мысль у народовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, должна была приходить къ однороднымъ результатамъ независимо другъ отъ друга; 2) сходство сказокъ собственно у аріоевропейскихъ народовъ отчасти можетъ быть объяснено сохраненіемъ отдѣльными племенами поэтическихъ традицій, бывшихъ нѣкогда общимъ достояніемъ

аріоевропейской расы до ея распаденія на отдѣльныя племена; 3) сходство сказокъ аріоевропейскихъ народовъ съ сказками народовъ другихъ расъ можетъ быть объяснено также взаимными заимствованіями, совершавшимися подъ вліяніемъ мирныхъ и военныхъ отношеній различныхъ расъ. Установлено въ настоящее время нѣсколько путей, по которымъ сюжеты сказокъ могли отъ однихъ народовъ попадать къ другимъ. Два ученыхъ, Бенфей и Либрехтъ, полагаютъ, что центромъ, откуда сказочные сюжеты распространялись во всѣ стороны, была Индія. Бенфей перевелъ на нѣмецкій языкъ сборникъ индійскихъ сказокъ «Панчатантра» («Пятикнижіе»), снабдивъ его обширнымъ комментаріемъ. Распространеніе сказокъ отсюда онъ связываетъ съ распространеніемъ буддизма: именно, изъ Индіи сюжеты сказокъ вмѣстѣ съ буддизмомъ попали въ Тибетъ, къ монголамъ; отсюда монголами онѣ были занесены въ Европу, восточную часть которой они завоевали въ половинѣ XIII в.: они передали сказки русскимъ, а отъ русскихъ онѣ перешли къ западнымъ европейцамъ. Таковъ одинъ изъ возможныхъ путей передачи сказокъ, намѣченный наукой. Либрехтъ намѣчаетъ другой путь: изъ Индіи сказки перешли на югъ къ арабамъ; отъ послѣднихъ въ Византію, а изъ Византіи въ Европу, восточную и западную. Таковъ другой путь заимствованій. Но если возможно было заимствованіе сказочныхъ сюжетовъ русскими и западно-европейцами изъ Индіи черезъ посредство монголовъ и Византіи, то не менѣе вѣроятнымъ представляется и заимствованіе сказочныхъ сюжетовъ индійцами, монголами и арабами тѣми же путями у европейскихъ народовъ. Завоеваніе Малой Азіи, Ирана и части Индіи Александромъ Македонскимъ должно было подготовить возможность заимствованій у грековъ указанными народами.

Переходы сказочныхъ сюжетовъ отъ однихъ народовъ къ другимъ, конечно, сопровождалось ихъ измѣненіемъ и смѣшиваніемъ другъ съ другомъ. Поэтому отличить, что въ сказкѣ принадлежитъ мѣстному народу и что заимствовано— трудно: сказки по своимъ сюжетамъ и обработкѣ—международны и лишь слегка носятъ національный отпечатокъ.

47. Дѣленіе сказокъ. Сказки дѣлятся на слѣдующіе три разряда: 1) сказки о животныхъ, 2) сказки съ слѣдами миѳологіи и 3) сказки бытовыя.

48. Сказки о животныхъ. Сказками о животныхъ (животнымъ эпосомъ) называются такія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются дикіе звѣри, рѣже—домашнія животныя. Эти сказки должны были возникнуть въ ту эпоху, когда основныя занятія заставляли человѣка часто сталкиваться со звѣрями, т.-е. въ эпоху звѣроловства и скотоводства. Въ эту эпоху борьба со звѣрями была очень опасна, вслѣдствіе плохого вооруженія человѣка; человѣкъ казался самому себѣ слабымъ сравнительно съ цѣлымъ рядомъ хищныхъ звѣрей; наоборотъ, многіе звѣри должны были представляться ему необыкновенно могучими. Подъ вліяніемъ анимистическаго міровоззрѣнія человѣкъ приписывалъ звѣрямъ человѣческія свойства даже въ преувеличенныхъ размѣрахъ: крикъ звѣря или птицы былъ человѣку непонятенъ, но человѣческая рѣчь звѣрямъ и птицамъ понятна; звѣрь и птица знаютъ больше, чѣмъ человѣкъ, и понимаютъ стремленія человѣка. Въ эту эпоху человѣкъ обоготворялъ животныхъ, какъ носителей болѣе высокой, чѣмъ у человѣка, силы; въ эту эпоху возникло убѣжденіе въ возможности превращенія человѣка въ звѣря и обратно. Ростъ человѣческаго могущества долженъ былъ постепенно ослаблять эти взгляды и убѣжденія, и это должно было отразиться на содержаніи сказокъ о животныхъ.

Главными дѣйствующими лицами русскихъ сказокъ о животныхъ являются лиса (въ индійскихъ сказкахъ вмѣсто лисы—шакалъ), волкъ, медвѣдь, заяцъ, коза и козелъ, быкъ, лошадь, собака, воронъ, пѣтухъ. Наиболѣе часто героями сказокъ о животныхъ являются лиса и волкъ. Объясняется это тѣмъ, что, во-первыхъ, съ ними человѣку чаще всего приходилось сталкиваться въ хозяйственной дѣятельности; во-вторыхъ, эти звѣри по величинѣ и силѣ занимаютъ въ животномъ царствѣ средину; наконецъ, въ третьихъ, благодаря предыдущимъ двумъ причинамъ, съ ними человѣкъ имѣлъ возможность очень близко познакомиться.

Лиса послужила предметомъ обширнаго эпоса въ Западной Европѣ: во Франціи этотъ эпосъ называется Roman de Renart, а въ Германіи—Reinhart Fuchs. И въ западно-европейскомъ животномъ эпосѣ, и въ нашихъ сказкахъ лиса одинакова представляется звѣремъ пронырливымъ, коварнымъ, хитрымъ, своею хитростью берущимъ перевѣсъ надъ

другими звѣрями, болѣе сильными, чѣмъ она—надъ волкомъ и медвѣдемъ. Въ нашихъ сказкахъ лиса носитъ рядъ прозвищъ: кума-лиса, лисичка-сестричка, лиса-Патрикѣевна, Лизавета Ивановна и т. д.

Волкъ выступаетъ уже съ иными чертами: онъ золъ жаденъ, прожорливъ, но глупъ и недогадливъ; лиса часто подшучиваетъ надъ нимъ и проводитъ его, но волкъ всякій разъ снова дается ей въ обманъ.

И волкъ, и лиса выступаютъ въ сказкахъ съ рѣзко опредѣленными чертами. Гораздо менѣе опредѣленнымъ образомъ является медвѣдь: отличительная черта его—недогадливость.

Изъ сюжетовъ животнаго эпоса наиболѣе интересными являются три: 1) кража рыбы лисой, 2) ловля рыбы волкомъ и 3) битый небитаго везетъ.

1) Кража рыбы лисой. Лиса, прогнанная волкомъ послѣ того, какъ она съѣла у него мясо, выбѣжала на дорогу и видитъ, что ѣдетъ мужикъ съ возомъ рыбы. Лиса легла поперекъ дороги и прикинулась мертвой. Мужикъ обрадовался неожиданной находкѣ, беретъ «мертвую» лису и бросаетъ ее на возъ. Воспользовавшись сномъ мужика, лиса выбрасываетъ изъ воза всю рыбу и сама скрывается. Убѣжавъ, лиса собрала рыбу, принесла ее къ волку и угощаетъ его. На вопросъ волка, какъ она поймала столько рыбы, лиса отвѣчаетъ, что при помощи хвоста: опуститъ хвостъ въ прорубь и на него нанизывается по нѣсколько рыбъ. Этотъ сюжетъ встрѣчается съ измѣненіями, между прочимъ, у лапландцевъ, у готтентотовъ (у которыхъ вмѣсто лисы дѣйствуетъ шакалъ, вмѣсто волка—гіена).

2) Ловля рыбы волкомъ. Сюжетъ этой сказки является продолженіемъ первой. Волкъ захотѣлъ поймать себѣ рыбы. По совѣту лисы, онъ отправился къ рѣкѣ и опустилъ хвостъ въ прорубь. Ударилъ морозъ, и хвостъ волка примерзъ ко льду. Пришли мужики и стали бить волка. Волкъ оторвалъ свой хвостъ и убѣжалъ.

3) Битый небитаго везетъ. Эта сказка является окончаніемъ первыхъ двухъ. Лиса по неосторожности вымазывается тѣстомъ или краской, прикидывается избитой или больной, и сострадательный волкъ везетъ ее на себѣ въ то время, какъ лисица потихоньку припѣваетъ: «битый небитаго везетъ».

Кромѣ этихъ сказочныхъ мотивовъ животнаго эпоса существуютъ еще слѣдующіе: «Лиса-повитуха». «Лиса-исповѣдница» («Похищеніе пѣтуха лисой»), «Лиса-судья» («Старая хлѣбъ-соль забывается»), «Неравный дѣлежь жатвы», «Избавленіе человѣка отъ хищнаго звѣря», «Волкъ-дурень», «Звѣри странники» («Зимовье звѣрей»), «Благородныя животныя».

49. Сказки съ слѣдами миѳическихъ представленій. Сказки съ слѣдами миѳическихъ представленій это тѣ, въ которыхъ изображается борьба свѣтлаго божества съ темными, иначе говоря, смѣна временъ года, дня и ночи съ анимистической точки зрѣнія.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ этого разряда прямо идетъ рѣчь о силахъ природы, такъ какъ онѣ называются собственными именами. Въ сказкѣ объ «Иванѣ Бѣломъ» Вѣтеръ, Дождь и Громъ женятся на трехъ сестрахъ-царевнахъ; брата ихъ царевича они учатъ разнымъ мудростямъ: Громъ учитъ его грохотать, Дождь—лить потоки и топить города и села, Вѣтеръ—дуть; въ сказкѣ о «Ѳедорѣ Тугаринѣ» разсказывается о томъ, какъ Вѣтеръ, Дождь и Громъ сватаются за красавицъ и уносятъ ихъ съ собою. Въ другихъ сказкахъ герои и героини, царевичи и царевны изображаются съ солнцемъ, мѣсяцемъ или звѣздами на головѣ, лицѣ и на лбу: это указываетъ на связь этихъ образовъ съ небесными свѣтилами.

Но обыкновенно въ сказкахъ съ миѳическимъ содержаніемъ борьба свѣтлаго божества съ темными изображается при помощи фантастическихъ образовъ. Замираніе природы осенью и зимою представляется въ образѣ похищенія красавицы какими-нибудь чудовищами, драконами, или въ образахъ усыпленія, окаменѣнія, околдованія красавицы. Туманы и тучи, закрывающіе солнце и препятствующіе его благотворному воздѣйствію на земную красавицу-природу, олицетворяются въ образѣ Змія; стужа и холодъ представлены въ образахъ Мороза или, чаще, Кащея-безсмертнаго, а зима, заставляющая всю природу окостенѣть, въ образѣ Бабы-яги костяной ноги. Герои этихъ сказокъ ставятъ себѣ цѣлью возвращеніе похищенныхъ красавицъ или ихъ оживленіе, если онѣ окаменѣли, уснули и т. д., т. е. оживленіе природы. Эта цѣль достигается при помощи особыхъ

диковинныхъ предметовъ или существъ: такъ, въ сказкахъ упоминаются такіе предметы, какъ золотые яблоки, конь златогривый, олень-золотые рога, свинка-золотая щетинка, жаръ-птица, которые, повидимому, намекають на золотые лучи солнца; другой разрядъ диковинокъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ, какъ, напр., сапоги-скороходы, коверъ-самолетъ, вѣроятно, означаетъ вѣтеръ или быстро несущіяся тучи; мертвая и живая вода, оживляющая мертвыхъ,—это роса, весенніе и лѣтніе дожди, оживляющіе природу; скатерть-самобранка—это образъ обилія, наступающаго въ природѣ весной и лѣтомъ.

Въ сказкахъ съ миѳическимъ содержаніемъ главными представителями темныхъ силъ являются 1) Баба-яга и 2) Кащей-безсмертный.

1) **Баба-яга**. Баба-яга изображается въ нашихъ сказкахъ двояко: или какъ злое враждебное существо, какъ людоѣдка, или, чаще, какъ помощница герою.

Баба-яга костяная нога живетъ на сѣверѣ среди свирѣпыхъ морозовъ; она смугла, глаза ея, какъ уголья; когда она несется, земля трясется; ѣдетъ она на желѣзной ступѣ, которую погоняетъ желѣзнымъ толкачемъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Охотника Баба-яга превращаетъ въ камень. Она живетъ въ лѣсу или въ избушкѣ на курьей ножкѣ, причемъ избушка можетъ по слову героя поворачиваться къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ; или она живетъ въ теремѣ, огороженномъ тыномъ, съ воткнутыми на немъ человѣческими головами; вмѣсто дверей у воротъ —ноги человѣческія, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замковъ—ротъ съ острыми зубами; это—женихи, сватавшіеся за дочерей Бабы-яги и павшіе жертвой ея людоѣдства. У себя Баба-яга или лежитъ, или прядетъ шерсть; она владѣетъ вѣтрами и чудными конями.

Баба-яга—вѣщая вѣдьма; она знаетъ прошедшее и будущее, она обладаетъ способностью производить чары. Она знаетъ, гдѣ скрыты красавицы, которыхъ ищутъ герои сказокъ, какъ достать тѣ диковинки, которыя имъ нужны. Во многихъ сказкахъ она даетъ герою совѣты и прямо помогаетъ ему. Бага-яга даетъ герою клубочекъ, который можетъ докатиться, если его бросить, до того мѣста, которое герою нужно; иногда, при помощи этого клубочка, можно

спастись отъ преслѣдованія врага: если его бросить, онъ превращается въ огромную гору, мѣшающую врагу догнать героя. Кромѣ клубка Баба-яга иногда снабжаетъ героя полотенцемъ, гребнемъ и щеткой; если по дорогѣ бросить полотенце, то образуется быстрая, глубокая рѣка; гребень можетъ превратиться въ непроходимый дремучій лѣсъ, щетка—въ огненную рѣку. Иногда эти предметы служатъ герою для защиты отъ самой Бабы-яги.

Образъ Бабы-яги встрѣчается и въ сказкахъ другихъ народовъ: у тюрковъ ей соотвѣтствуетъ—Шамусъ-баба, у литовцевъ—Лаума. Шамусъ-баба представляется съ веревкой изъ сухихъ жилъ, съ желѣзнымъ молоткомъ и желѣзными клещами; Лаума ѣздитъ въ желѣзной телѣжкѣ съ проволочнымъ кнутомъ. Обѣ эти старухи изображены людоѣдками: изъ трехъ героевъ сказки двухъ она съѣдаетъ, причемъ изъ ихъ спины она вырѣзываетъ себѣ ремни.

2) **Кащей-безсмертный**. Кащей-безсмертный—образъ чудовища, похищающаго красавицу. Герой сказки пытается освободить ее и часто гибнетъ. Иногда съ помощью самой красавицы герою удается узнать, какъ можно погубить Кащея-безсмертнаго; оказывается, что на морѣ-океанѣ находится островъ, на островѣ ростетъ дубъ, подъ дубомъ зарытъ сундукъ, въ сундукѣ находится заяцъ, въ зайцѣ—утка, въ уткѣ яйцо, а въ яйцѣ заключается смерть Кащея. Герой добываетъ яйцо, приходитъ къ Кащею, ударяетъ его яйцомъ въ лобъ, и Кащей умираетъ. Яйцо, какъ символъ жизни, играетъ важную роль у тюрко-финскихъ народовъ. Такъ, у чувашъ, когда умираетъ человѣкъ, разбиваютъ сырое куриное яйцо. Повидимому, образъ яйца, въ которомъ заключается душа Кащея, а затѣмъ и самое имя Кащей навѣяны отношеніями русскихъ къ племенамъ тюрко-монгольскимъ.

Сюжетъ, связанный съ образомъ Кащея-безсмертнаго,—одинъ изъ древнѣйшихъ. Въ египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ Анупу и Битью, записанной за 14 вѣковъ до Р. Х. для сына фараона Менефта, разсказывается, что сердце Битью было скрыто въ цвѣткѣ акаціи. Такой же мотивъ разрабатывается въ сказкахъ индійскихъ, кавказскихъ, нѣмецкихъ, норвежскихъ, зулусскихъ и т. д.

Изъ сюжетовъ, разработанныхъ сказками съ миѳическимъ

содержаніемъ, наиболѣе интересны слѣдующіе: 1) борьба съ змѣемъ, 2) превращеніе людей, 3) выполненіе трудныхъ задачъ.

1) **Борьба со змѣемъ.** Змѣй похищаетъ красавицу. Герой сказки борется со змѣемъ, который обыкновенно бываетъ о трехъ, шести и двѣнадцати головахъ, побѣждаетъ его и освобождаетъ красавицу. Этотъ мотивъ изображается въ сказкахъ о Никитѣ Кожемякѣ, который соотвѣтствуетъ лѣтописному Усмошвецу, побѣдившему въ 992 г. печенѣжскаго богатыря.

2) **Превращенія людей.** Во многихъ сказкахъ люди превращаются въ животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., причемъ эти превращенія бываютъ добровольныя или насильственныя. Добровольныя превращенія бываютъ тогда, когда герои спасаются отъ преслѣдованій: и преслѣдуемый, и преслѣдующій одинаково обращаются въ соотвѣтствующихъ звѣрей или птицъ, какъ, напр., голубь—ястребъ, соколъ, собака—волкъ, ершъ—щука и т. д. Превращеніе играетъ важную роль въ сказкахъ о невѣстахъ и женихахъ: невѣста обыкновенно превращается въ лебедь, утку, голубку, лягушку, козу, а женихъ—въ сокола, козла.

Въ сказкахъ о царевнѣ-лягушкѣ разсказывается, какъ трое сыновей царя выбирали себѣ невѣстъ при помощи стрѣлъ, выпускаемыхъ въ разныя стороны. Стрѣла младшаго царевича попала въ болото къ лягушкѣ, и царевичъ вынужденъ былъ жениться на ней. Царь задаетъ своимъ сыновьямъ трудныя задачи: лягушка исполняетъ ихъ, а жены прочихъ царевичей не могутъ исполнить. Въ концѣ сказки жена превращается изъ лягушки въ красавицу мудрую жену. Иногда царевичъ сжигаетъ лягушечью шкурку, которую жена иногда сбрасываетъ съ себя; тогда жена исчезаетъ, и царевичъ отправляется за ея поисками.

Оборотничеству можно научиться. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ разсказывается, что отецъ отдалъ сына учителю, который носитъ названія: «Горе», «Охъ», «Колдунъ», чтобы тотъ научилъ его «хитрой наукѣ» оборотничества. Посредствомъ оборотничества сынъ доставляетъ отцу богатства.

Во многихъ сказкахъ разсказывается и о насильственныхъ превращеніяхъ. Обыкновенно, женщина-волшебница превращаетъ мужа, жениха или вообще мужчину въ какое-

нибудь животное въ собаку, ворона, дятла, воробья; или братъ превращается въ козленка. Сюжетъ послѣдняго превращенія такой: братъ, вопреки запрещенію сестры выпиваетъ воды изъ копытца козленка и превращается въ козленка: сестра выходитъ замужъ за царевича: по злобѣ вѣдьмы сестру бросаютъ съ камнемъ на шеѣ въ воду; братъ зоветъ ее, и сестра отвѣчаетъ ему пѣсней.

Сказки о превращеніяхъ распространены у самыхъ разнообразныхъ народовъ.

3) **Выполненіе трудныхъ задачъ.** Не мало сказокъ имѣетъ своимъ мотивомъ выполненіе героями трудно осуществимыхъ задачъ, какъ, напр., добываніе необыкновенныхъ красавицъ, небывалыхъ животныхъ, чудесныхъ предметовъ, уже упомянутыхъ выше, а также построеніе въ одну ночь золотого моста или терема, разсаживаніе въ одну ночь цѣлаго сада и т. д. Выполнить эти задачи обыкновенно помогаетъ герою мудрая жена, мать, дѣвушка, которая успокаиваетъ героя фразой: «утро вечера мудренѣе: ложись спать,—все будетъ исполнено».

50. **Бытовыя сказки.** Бытовыми сказками называются такія, въ которыхъ отражаются черты народнаго быта. Онѣ дѣлятся на два разряда: къ первому принадлежатъ сказки, въ которыхъ есть слѣды миѳическихъ или вообще древнихъ воззрѣній; ко второму относятся сказки, въ которыхъ есть слѣды христіанскихъ воззрѣній и которыя по своему происхожденію относятся къ болѣе поздней эпохѣ.

Сказки перваго разряда суть тѣ, въ которыхъ обрабатываются слѣдующіе мотивы:

1) **Бракъ близкихъ родныхъ.** Содержаніемъ этихъ сказокъ служитъ желаніе отца жениться на дочери или брата на сестрѣ. Сказки эти, очевидно, сохраняютъ отголоски древняго быта съ господствомъ матріархальной семьи.

2) **Падчерица и мачеха, старшія сестры и младшая.** У мачехи есть дочери и падчерица. Дочерей она балуетъ и наряжаетъ, и онѣ становятся заносчивыми, ни къ чему не способными: подчерицу мачеха заставляетъ работать и постоянно ее бранитъ. Суровая жизнь дѣлаетъ ее трудолюбивой и отзывчивой къ чужому горю. Когда въ домъ падчерицы является женихъ, онъ выбираетъ себѣ въ жены подчерицу. Падчерица устраиваетъ себѣ счастливую жизнь, а дочери мачехи

подвергаются бѣдствіямъ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, разрабатывающихъ этотъ мотивъ, вмѣсто мачехи дѣйствуетъ Баба-яга, а вмѣсто жениха—Морозко. Въ иныхъ сказкахъ вмѣсто подчерицы и дочерей выведены три сестры, изъ которыхъ старшія завидуютъ счастью младшей и стараются погубить ее: но младшая спасается, и старшія сестры сами погибаютъ.

3) **Младшій братъ и старшіе братья.** Старшіе братья—умные, практичные: они во всемъ преслѣдуютъ личную выгоду, отличаются осторожностью и мудростью: гдѣ имъ угрожаетъ опасность или неудача, туда они не бросятся. Младшій братъ совершенно иного рода: онъ слыветъ у старшихъ дуракомъ. И дѣйствительно, онъ совсѣмъ непрактиченъ, отличается прямотой и добродушіемъ, всегда готовъ помочь другимъ, часто съ опасностью для самого себя. Несмотря на это, ему во всемъ—удача: онъ выполняетъ трудно осуществимыя задачи, при помощи благодарныхъ животныхъ, достаетъ чудесные предметы, терпитъ лишенія, подвергается убійству со стороны своихъ завистливыхъ братьевъ, но при помощи живой воды воскресаетъ и, преодолѣвъ всѣ препятствія, становится женихомъ знатной красавицы.

4) **Невинно-убитая и чудесная дудка.** Дѣвочка со своими сестрами или подругами, или съ братомъ идетъ въ лѣсъ собирать ягоды. Изъ зависти спутники убиваютъ ее, а дома объявляютъ, что она пропала въ лѣсу. На могилѣ убитой выростаетъ тростинка или бузина, или калина, или цвѣтокъ. Пастухъ или проѣзжій срѣзываетъ тростинку, дѣлаетъ изъ нея дудку, которая въ его устахъ запѣваетъ объ убійствѣ: поетъ она объ этомъ и въ устахъ родныхъ, и убійцы подвергаются наказанію. Иногда сказка заканчивается тѣмъ, что изъ дудки, цвѣтка и т. д. чудесно появляется сама убитая. Этотъ сюжетъ по своей распространенности можетъ быть названъ всемірнымъ.

5) **Доля и ея уловленіе.** Доля, по древнему вѣрованію, достается человѣку уже при его рожденіи (§ 19). Оттого люди дѣлятся на счастливыхъ, которымъ во всѣхъ дѣлахъ везетъ, и несчастливыхъ, которыхъ преслѣдуютъ особыя существа: нужда, горе, злыдня, лихо, кручина и т. д. Несчастный ищетъ своего врага—долю, ловитъ ее и обыкновенно закапываетъ въ землю. Этотъ мотивъ связывается чаще всего

съ мотивами бѣдности и богатства. Сказки этого рода могли возникнуть тогда, когда въ населеніи русскомъ произошло уже рѣзкое раздѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ.

6) **О бѣдности и богатствѣ.** Въ сказкахъ о бѣдности и богатствѣ обыкновенно изображаются два брата — бѣдный и богатый и ихъ взаимныя отношенія. Богатый отличается жестокостью и терпѣть не можетъ бѣдныхъ, нищихъ. Бѣдному, отличающемуся честностью и правдивостью, приходится много претерпѣть отъ богатаго, но онъ все переноситъ. Богатый въ концѣ концовъ подвергается разоренію, а бѣдный становится богатымъ и ведетъ счастливый образъ жизни.

7) **О правдѣ и кривдѣ.** Сюжетъ сказокъ на эту тему состоитъ въ слѣдующемъ. Два мужика, правдивый и криводушный, спорятъ о томъ, чѣмъ лучше жить, правдой или кривдой. Первый говоритъ, что правдой, второй увѣряетъ, что кривдой. Тогда для рѣшенія спора оба мужика рѣшаютъ отправиться въ дорогу и спросить встрѣтившихся до трехъ разъ по возбужденному вопросу. Первый встрѣчный, мужикъ, работающій на барскомъ полѣ, заявилъ, что правдой вѣкъ не проживешь. То же самое отвѣтили и купецъ, и приказчикъ. Правдивый мужикъ остался, однако, при своемъ мнѣніи. Однажды правдивый попросилъ кусокъ хлѣба у криводушнаго. Послѣдній согласился дать ему хлѣбъ подъ условіемъ, если тотъ позволитъ выколоть ему глазъ. Правдивый соглашается. Подъ вліяніемъ голода правдивый за новый кусокъ хлѣба теряетъ и второй глазъ. Послѣ долгихъ приключеній правдивый чудеснымъ образомъ возвращаетъ себѣ зрѣніе, а криводушный погибаетъ.

Библіографія. *А. Н. Аѳанасьевъ*. Народныя русскія сказки. Т. I—II. М. 1897.—*И. А. Худяковъ*. Великорусскія сказки. Спб. 1860—1863.—*И. А. Худяковъ*. Матеріалы для изученія народной словесности. Спб. 1863.—*Эрленвейнъ*. Народныя сказки. М. 1863. — *Чудинскій*. Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки. М. 1864. — *Д. Н. Садовниковъ*. Сказки и преданія Самарскаго края. Спб. 1881.— *Рудченко*. Народныя южнорусскія сказки. В. 1- 2. Кіевъ. 1869. — *П. П. Чубинскій*. Малорусскія сказки („Труды этногр. статистич. экспедиціи". Т. II. 1878).—*П. В. Шейнъ*. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. II. 1893.—*Е. Р. Романовъ*. Бѣлорусскій сборникъ. В. 3—4. Витебскъ. 1887—1891.—*Буслаевъ*. Славянскія сказки («Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Т. I. Спб. 1861). —

А. А. Котляревскій. Русская народная сказка («Сочиненія». Т. II. Спб. 1891). *А. Н. Аѳанасьевъ.* Сказка и миѳъ. («Филологическія Записки». 1864. №№ 1—2).- *А. Потебня.* О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядностей и повѣрій. («Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ». 1865. Кн. 2). — *Колмачевскій.* Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. Казань 1882.—*Н. Е. Сумцовъ.* Малорусскія сказки. («Этнографическое Обозрѣніе». Т. XXII).

Загадки.

51. О загадкахъ. Загадками называются краткія произведенія, въ которыхъ о какомъ нибудь предметѣ говорится аллегорически, т. е. при посредствѣ образовъ, имѣющихъ лишь очень отдаленное сходство съ предметомъ. Цѣль загадокъ состоитъ въ томъ, чтобы ихъ отгадывать.

Наши загадки изложены большею частью стихотворнымъ размѣромъ, часто съ риѳмами. Умѣніе загадывать и отгадывать загадки считалось въ древности признакомъ глубокомыслія, особой мудрости. Такъ, на Востокѣ состязались между собою въ мудрости при помощи загадокъ Соломонъ и царица Савская. У древнихъ грековъ загадываетъ загадки чудовище Сфинксъ. Въ скандинавскомъ эпосѣ «Эддѣ» состязаются въ мудрости, при помощи загадокъ, боги съ великанами. У насъ загадки задаютъ Баба-яга и русалки. Загадываніе и отгадываніе загадокъ встрѣчаются въ индійской и финской поэзіи. Умѣніе угадывать загадки въ древности могло сыграть въ жизни отгадчика важную роль: обреченный на казнь иногда получалъ жизнь подъ условіемъ разгадать загадку; въ сказкахъ нерѣдко добрый молодецъ можетъ жениться на царевнѣ, если разрѣшитъ заданную царемъ загадку; въ пѣсняхъ русалка загадываетъ встрѣчному загадки, и если онъ не угадаетъ, она можетъ защекотать его до смерти.

Загадки—произведенія весьма древняго происхожденія. Но такихъ до насъ дошло немного. Многія изъ загадокъ обязаны своимъ происхожденіемъ письменности. Особенно много такихъ загадокъ у насъ должно было появиться съ того времени, когда въ нашу литературу проникли переводныя произведенія, заключавшія въ себѣ мудреные «вопросы» и «отвѣты» на нихъ, т. е. съ XI в.

Вѣроятно, къ числу древнихъ загадокъ надо отнести тѣ, которыя предлагаются русалками въ пѣсняхъ: «Да что ростетъ безъ коренья (—камень), да что цвѣтетъ безъ цвѣта (—папоротникъ), да что бѣжитъ безъ повода» (вода)?

Возможно, что древними загадками являются и тѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о стихіяхъ природы и которыя, слѣдовательно, были навѣяны миѳическими представленіями. Таковы слѣдующія загадки: «Что безъ огня горитъ» (солнце).—«Красна дѣвушка по небу ходитъ» (солнце).—«Стоитъ дерево середь села, а въ каждой хатци по гилячци» (по вѣтви, солнце). «Стоитъ дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница, никто ее не поймаетъ — ни царь, ни царица, ни красная дѣвица» (солнце на небѣ). — «Сито свито, золотомъ покрыто; кто ни взглянетъ, тотъ заплачетъ» (солнце).—«Изъ окна въ окно—золотое веретено» (солнечный лучъ).—«Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся» (небо и земля).—«Поле полянское, стадо лебедянское, пастухъ вышинскій» (мѣсяцъ, пасущій звѣздное стадо)—«Шли козы мостомъ, увидѣли зорю, попадали въ воду» (звѣзды).—«Черная корова весь міръ поборола» (ночь).—«Заря-заряница, красная дѣвица, по полю ходила, ключи обронила, мѣсяцъ видѣлъ солнце скрало» (роса). — «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ» (громъ).—«Туръ ходитъ по горамъ, турица-то по доламъ· туръ свиснетъ, турица-то мигнетъ» (гроза).

Нѣкоторыя загадки имѣютъ отношеніе къ хозяйственной дѣятельности древне-русскихъ славянъ. «Мѣсяцъ Новецъ днемъ въ полѣ блеститъ, къ ночи на небо слетѣлъ» (серпъ).—«Баба-яга вилами нога, весь міръ кормитъ, сама голодна» (соха).—«Два корабля идутъ съ Божьяго суда, а третій на Божій судъ» (снопы на телѣгѣ).

Загадки на ряду съ большинствомъ другихъ устныхъ произведеній преслѣдовались духовенствомъ. По окружной грамотѣ Алексѣя Михайловича загадывающіе загадки также осуждаются, какъ и поющіе бѣсовскія пѣсни.

Библіографія. *Д. Садовниковъ*. Загадки русскаго народа. Спб. 1876.—*Сементовскій*. Малорусскія загадки. 1872.

Пословицы и поговорки.

52. О пословицахъ. Пословицами называются краткія изреченія, въ которыхъ высказывается сужденіе о какомъ-нибудь предметѣ или событіи. Въ древности пословицы назывались «притчами». Первоначально пословицы входили въ составъ небольшихъ разсказовъ о какихъ-нибудь событіяхъ, сказокъ, пѣсенъ и представляли мѣтко и кратко выраженное обобщеніе того, о чемъ шла рѣчь въ разсказѣ или пѣснѣ. Отличаясь часто мѣрностью склада, имѣя нерѣдко созвучія въ началѣ и въ срединѣ (аллитерацію) или въ концѣ (риѳму), эти обобщенія легко запоминались, выдѣлялись изъ разсказовъ и даже переживали въ народной памяти самые разсказы. Примѣрами пословицъ, до сихъ поръ связанныхъ съ разсказами или пѣснями, могутъ служить слѣдующія: «Въ горѣ жить не кручинну быть, а нагому ходить — не соромиться» (изъ пѣсни), «Отъ радости кудри вьются, въ печали секутся», «Носъ вытащитъ, хвостъ увязитъ, хвостъ вытащитъ, носъ увязитъ» (изъ сказки о журавлѣ), «И ракитовый кустъ за правду стоитъ» (изъ сказки объ убитой сестрѣ и дудкѣ), «Битый небитаго везетъ» (изъ сказки), «То старина, то и дѣяніе» (изъ старины).

Пословицы въ народномъ быту играютъ важную роль: онѣ служатъ руководящими принципами дѣятельности; на нихъ ссылаются въ оправданіе своихъ поступковъ и дѣйствій, ими пользуются для обвиненія или обличенія другихъ. Важное значеніе пословицы народъ выразилъ въ пословицахъ же: «Старинная пословица во вѣкъ не сломится», «Старинная пословица не мимо молвится», «Добрая пословица не въ бровь, а прямо въ глазъ», «На пословицу суда нѣтъ».

Пословицы касаются историческихъ событій, отражаютъ древній бытъ, вѣрованія языческія и христіанскія, семейный и общественный бытъ, мораль и т. д.

1) Пословицы, отразившія историческія событія. Этотъ разрядъ пословицъ обнимаетъ историческія событія съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ. Примѣры: «Погибоша, аки Обри (авары), ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдства»

(въ лѣтописи), «Бѣда, аки въ Роднѣ» (голодъ въ 980 г. въ Роднѣ), «Руси веселье пити, не можетъ безъ того быти» (слова Владимира магометанскимъ миссіонерамъ подъ 986 г.), «Путята крести (новгородцевъ) мечемъ, а Добрыня огнемъ» (о крещеніи новгородцевъ, оказавшихъ сопротивленіе), «Не погнетши (не раздавивши) пчелъ, меду не ѣдать», говорилъ волынско-галицкій князь Романъ о своевольныхъ боярахъ (подъ 1231 г.), «Не во время гость хуже татарина», «Тутъ словно Мамай воевалъ», «Каковъ ханъ, такова и орда» (эти пословицы отражаютъ татарщину), «Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ» (послѣ завоеванія Сибири казаками съ Ермакомъ во главѣ), «Вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день» (по поводу запрещенія при Борисѣ крестьянамъ перехода къ другимъ помѣщикамъ даже въ осенній Юрьевъ день), «Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой» (послѣ пораженія шведовъ подъ Полтавой), «Голодный французъ и воронѣ радъ» (во время сидѣнія французовъ въ Москвѣ).

Историческое содержаніе имѣютъ и слѣдующія пословицы: «На одномъ вѣчѣ, да не однѣ рѣчи» (отголоски вѣчевого образа правленія), «Братчина судитъ, какъ судья» (судебная власть общины), «Братъ брату головой въ уплату» (круговая порука родныхъ за преступленія, совершенныя однимъ изъ нихъ), «На дѣлѣ правъ, да на дыбѣ виноватъ» (пытка), «Душа согрѣшила, а ноги виноваты» (пытка, правежъ), «Лежачаго не бьютъ» (во время кулачныхъ боевъ), «По имени тебѣ мѣсто дать, по отчеству пожаловать» (мѣстничество).

2) Пословицы, отразившія языческія вѣрованія и обряды. Примѣры: «Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ» (анимистическое воззрѣніе на солнце), «Который богъ замочитъ, тотъ и высушитъ» (многобожіе), «Моленый баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился» (намекъ на жертвоприношеніе), «Жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ» (почитаніе лѣшаго), «Храберъ, силенъ, а все съ лѣшимъ не справишься», «Былъ бы бѣсъ, будетъ и лѣшій», «Въ лѣсу лѣшій, а дома мачеха», «Егорій да Власъ всему хозяйству глазъ» (почитаніе Волоса), «Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ», «На печи сидѣлъ, кирпичамъ молился» (почитаніе домового), «Домовой не полюбитъ (скотину), не что возьмешь», «Не все то русалка, что въ воду ныряетъ», «Старый воронъ

мимо не каркнетъ». «Всякому бы ворону на свою голову каркать», «Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли» (бракъ безъ церковнаго обряда). «Взялъ боженьку за ноженьку, да и объ полъ» (низверженіе кумировъ).

Подъ вліяніемъ духовенства на языческихъ боговъ стали смотрѣть, какъ на нечистую силу, на бѣсовъ, дьявола, сатану. Это отразилось въ слѣдующихъ пословицахъ: «Изъ пуста дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана» (т. е. лѣшій), «Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить» (водяной), «Въ тихомъ омутѣ черти водятся».

Нѣкоторыя пословицы выражаютъ вѣру въ судьбу: «Сужена-ряжена не обойдешь и на конѣ не объѣдешь», «Бойся-не бойся, а року не миновать», «Гдѣ нѣтъ доли, тамъ и счастье не велико», «Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, родись счастливъ», «Не страшны злыдни за горами», «Деньги идутъ къ богатому, злыдни — къ убогому», «Отъ лиха не уйдешь».

3) **Пословицы, касающіяся хозяйственныхъ занятій.** Эти пословицы отражаютъ главнымъ образомъ земледѣльческій трудъ. Примѣры: «Не поле кормитъ, а нива», «Однимъ конемъ всего поля не изъѣздишь», «Рыба — вода, ягода — трава, а хлѣбъ —всему голова», «Не бѣда, что въ ржи лебеда, а бѣды, какъ ни ржи, ни лебеды», «Мужикъ умирать собирайся, а земельку паши», «Дорогой товаръ изъ земли ростетъ».

4) **Пословицы, отразившія христіанскія вѣрованія.** Примѣры: «Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ», «Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море», «Коли Господь не сохранитъ града, то всуе стража и ограда», «Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми», «Притча во языцѣхъ» (изъ псалтири), «Смиренъ духомъ, да гордъ брюхомъ», «На небо поглядываетъ, а на землѣ пошариваетъ», «Густо кадишь, святыхъ зачадишь», «Спереди—блаженъ мужъ, а сзади — вскую шаташася (о людяхъ, внѣшнимъ благочестіемъ прикрывающихъ дурныя дѣлишки).

5) **Пословицы, отразившія семейный бытъ.** Примѣры: «Хозяинъ въ дому, какъ ханъ въ Крыму», «Какъ Богъ до людей, такъ отецъ до дѣтей», «Въ дѣвкахъ сижено — горе мыкано, замужъ выдано вдвое прибыло», «За чужую душу одна сваха божится», «Въ лѣсу медвѣдь, а дома — мачеха», «Женѣ спускать—добра не видать», «Люби жену, какъ душу,

тряси ее, какъ грушу», «Кто любитъ, тотъ и лупитъ» (жену), «Жену не бить—милу не быть».

6) **Пословицы, отразившія значеніе общественности — міра.** Примѣры: «Что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ», «Ты за міръ, и міръ за тебя», «Мірская правда крѣпко стоитъ», «Міръ — великъ человѣкъ», «Міръ за себя постоитъ», «На міръ и суда нѣтъ», «Міръ зареветъ, такъ лѣса стонутъ».

7) **Пословицы, отразившія старинное судопроизводство.** Примѣры: «Судья, что плотникъ: что захотѣлъ, то и вырубилъ», «Что мнѣ законы: мнѣ судьи знакомы», «Не бойся суда—бойся судьи», «Лошадь съ волкомъ тягалась — хвостъ да грива осталась», «Наказалъ Богъ народъ—послалъ воеводъ», «Конь любитъ овесъ, а воевода—приносъ».

8) **Пословицы о богатствѣ и бѣдности.** Примѣры: «Деньги, что каменья—тяжело на душу ложатся», «Богатый совѣсти не купитъ, а свою губитъ: залѣзетъ въ богатство, забудетъ и братство», «Голъ да нагъ—передъ Богомъ правъ», «Богатый бѣднаго не кормитъ, а всѣ сыты бываютъ», «Ѣлъ бы богатый деньги, кабы убогій его хлѣбомъ не кормилъ», «Коли деньги говорятъ, тогда правда молчитъ», «Не проси у богатаго, а проси у тароватаго», «Въ чужихъ рукахъ всегда ломоть великъ кажется, а какъ намъ достанется, такъ и малъ покажется».

9) **Пословицы, отразившія нравственныя понятія.** Примѣры: «На правду, что на солнце—во всѣ глаза не взглянешь», «Засыпь правду золотомъ, а она всплыветъ», «Правда со дна моря выноситъ», «Кривдою весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься», «Лучше кривду терпѣть, чѣмъ правдой вертѣть», «Была, сказываютъ, и правда на свѣтѣ, да по мелочамъ въ разновѣску ушла», «Правда не на міру стоитъ а по міру ходитъ», «Безъ правды не жить, да и о правдѣ не жить», «Правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить да молиться», «Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше», «Ретивая лошадка долго не живетъ».

10) **Пословицы, рисующія характеры людей.** Примѣры: «Шипитъ, какъ каленое желѣзо, когда плюнешь» (о горячемъ, разражительномъ человѣкѣ), «Его въ ступѣ пестомъ не умелешь» (упрямый), «Идетъ въ сапогахъ, а слѣдъ босикомъ» (хитрый), «Гдѣ ни ступитъ, тутъ и стукнетъ» (увалень), «Вѣтрами подшитъ» (непостоянный). «Говоритъ, какъ

клещами хомутъ на лошадь тащитъ» (мямля), «Изъ молодыхъ да ранній, пѣтухомъ кричитъ» (выскочка). «Лепечетъ, что сорока» (о томъ, кто скоро говоритъ), «Сказалъ, что отрубилъ» (о говорящемъ кратко и рѣшительно). «Говоритъ, что рѣка льется» (плавно), «Воркуетъ, какъ голубокъ» (нѣжно), «Что слово молвитъ, то рублемъ подаритъ» (хорошо и дѣльно говорящій).

11) Пословицы на разные житейскіе случаи. Примѣры: «Не бойся той собаки, которая лаетъ, а бойся той, которая исподтишка кусаетъ», «На грубое слово не сердись, а на ласковое не сдавайся», «Чтобы узнать человѣка, надобно съ нимъ пудъ соли съѣсть».

53. Поговорки. Поговорками называются выраженія, употребляемыя въ разговорѣ, чаще всего, въ формѣ сравненій, для того, чтобы придать рѣчи особую наглядность. «Поговорка,—говоритъ народъ,—цвѣточекъ, пословица—ягодка». Поговорки называются также «присловьями» или «присказками». Примѣры: «Вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней», «Какъ двѣ капли воды», «Одинъ, какъ перстъ», «Ни дать, ни взять», «Какъ снѣгъ на голову», «На поминѣ легокъ», «Не по днямъ, по часамъ растетъ», «Ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ описать», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается».

Библіографія: *В. В Даль.* Пословицы русскаго народа. Т. I—II. Спб. 1879.—*Носовичъ.* Бѣлорусскія пословицы. („Записки Имп Георг. Общ. по отдѣлу этногр." 1869. Т. II). *Номисъ.* Украинскіе приказки, прислівія и таке инше. Спб. 1864. *Буслаевъ.* Русскій бытъ и пословицы („Историческіе очерки". Т. I. Спб. 1861). *Бѣловъ.* Русская исторія въ народныхъ поговоркахъ. („Истор. Вѣстн." 1881. Кн. 3).—*Бѣловъ.* Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ. („Истр. Вѣстн." 1884. Кн. 2).—*Иллюстровъ.* Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа. М. 1885.—*Потебня.* Басня. Пословица. Поговорка. („Изъ лекціи по теоріи словесности". Харьковъ 1894).—*И. Тимошенко.* Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ 1897. *Е. Ляцкій.* Нѣсколько замѣчаній по вопросу о пословицахъ и поговоркахъ („Извѣстія II. Отд. Акад. Н." 1897).—*В. Перетцъ.* Изъ исторіи пословицы. („Ж. М. Н. П." 1898. Май).—*К. Симони.* Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр XIII—XIX столѣтій. Спб. 1899. В. 1.

54. Общенародное устное творчество, какъ одна изъ основъ древнерусской литературы. Общенародное устное творчество, какъ видно изъ предыдущаго (§§ 27—53), представляетъ сліяніе двухъ міровоззрѣній: а) древнерусскаго анимистическаго и б) нѣкоторыхъ элементовъ еврейско-византійско-болгарскаго.

Основныя черты древнерусскаго народнаго міровоззрѣнія, отдѣленнаго отъ еврейско-византійско-болгарскаго, сводятся къ слѣдующему:

1) Силы, предметы и явленія природы представляются живыми существами или дѣйствіями живыхъ существъ (анимизмъ). Между человѣкомъ и любымъ предметомъ въ природѣ нѣтъ различія по существу: различіе существуетъ только по объему, или количеству силы, присущей человѣку и данному предмету въ природѣ. Человѣкъ можетъ превратиться въ любой предметъ, и наоборотъ, любой предметъ въ природѣ можетъ превратиться въ человѣка.

2) Наиболѣе могучимъ силамъ природы, представляемымъ сверхестественными существами, принадлежитъ власть надъ менѣе могучими силами и надъ человѣкомъ. Отношенія между людьми и этими сверхъестественными существами представляется по аналогіи съ отношеніями между простыми членами патріархально-родовой общины и ея руководителями - патріархами.

3) Верховныя сверхъестественныя существа образуютъ двѣ общины, находящіяся въ непрерывной борьбѣ другъ съ другомъ: одна община состоитъ изъ добрыхъ, благодѣтельныхъ существъ, а другая изъ существъ злыхъ, причиняющихъ вредъ. Въ борьбѣ другъ съ другомъ послѣдовательно одерживаетъ верхъ то одна община, то другая; соотвѣтственно этому природа и жизнь или быстро расцвѣтаютъ, или увядаютъ; соотвѣтственно этому и человѣкъ либо благоденствуетъ, либо страдаетъ.

4) Какъ живыя существа, одаренныя разумомъ, чувствомъ волей и пр., верховныя силы природы подлежать воздѣйствію слова человѣческаго: человѣкъ при помощи слова, произносимаго по опредѣленнымъ правиламъ, можетъ парализовать ожидаемое дѣйствіе той или другой силы природы и, наоборотъ, вызвать такого рода дѣйствіе.

5) Причинная связь между явленіями понимается по ана-

логіи связи между хотѣніемъ и дѣйствіемъ: а такъ какъ эта связь представляется человѣческому сознанію, какъ нѣчто произвольное, то и въ природѣ связь между явленіями признается лишь, какъ связь между хотѣніемъ высшей силы и ея дѣйствіемъ. Отсюда—допущеніе въ природѣ всякихъ неожиданностей и чудесъ.

6) Человѣкъ свободно отдается всѣмъ своимъ влеченіямъ, не отличая еще среди нихъ дурныхъ отъ хорошихъ, нравственнаго отъ безнравственнаго: для него всѣ его влеченія, поскольку они не противорѣчатъ примитивнымъ обычаямъ среды, ея кровнымъ связямъ, естественны, а потому и хороши.

7) Особеннымъ уваженіемъ пользуются у древняго человѣка два качества: сила (буесть) и хитрость. Сила, позволяющая одержать побѣду надъ врагомъ, будетъ-ли это звѣрь, или человѣкъ, вызывала глубокое преклоненіе ея свидѣтелей. Но и хитрость, связанная съ обманомъ, пользовалась не меньшимъ почетомъ, если при ея помощи болѣе слабый побѣждалъ сильнаго врага.

8) Міровоззрѣніе древнерусскаго человѣка носитъ поэтическій характеръ: оно выражалось у него по преимуществу въ произведеніяхъ поэтическихъ. Отвлеченное мышленіе, способность къ теоретическому мышленію еще только въ зародышѣ: поэтому и проза древнерусскаго человѣка исчерпывается такими крошечными произведеніями, какъ загадки, пословицы и поговорки, представляющія выдѣлившіеся изъ поэтическихъ произведеній элементы прозы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Еврейско-византійско-болгарская основа древнерусской литературы

55. Византійская переводная литература. Второй важной основой древнерусскаго литературнаго творчества была византійская, точнѣе, еврейско-византійско-болгарская литература. По своему содержанію она была продуктомъ творчества нѣсколькихъ народовъ. Наиболѣе важная для

византійскаго міровоззрѣнія часть этой литературы (книги св. Писанія, большинство апокрифовъ) были плодомъ творчества еврейскаго народа; другая часть представляла изъ себя обработку, систематизацію или толкованія собственно византійскія въ отношеніи къ первой части (сочиненія св. отцовъ и учителей церкви, проповѣди); третья часть византійской литературы представляла переработку классическихъ преданій (о троянской войнѣ, объ Александрѣ Македонскомъ); четвертая является переработкой восточныхъ литературныхъ произведеній (арабскихъ, индійскихъ) и т. д. Только немногія произведенія составляютъ продуктъ творчества собственно византійскаго (Девгеніево Дѣяніе). Переведенная на древнеболгарскій языкъ (рѣже на древнерусскій языкъ), эта литература подверглась въ свою очередь вліянію древнеболгарской мысли (§ 17). Такимъ образомъ, византійская переводная литература, послужившая у насъ однимъ изъ важныхъ исходныхъ пунктовъ для самостоятельнаго литературнаго творчества, отличалась по своему составу крайней пестротой: она составляла плодъ творчества нѣсколькихъ народовъ и была, слѣдовательно, выразительницей нѣсколькихъ культуръ, пытавшихся объединиться въ стройное цѣлое.

56. Основные элементы византійскаго міровоззрѣнія. Византійское міровоззрѣніе, выразившееся въ еврейско-византійско-болгарской литературѣ, представляетъ сочетаніе двухъ основныхъ элементовъ: 1) еврейско-христіанскаго міровоззрѣнія и 2) древнегреческой научно-философской мысли.

1) Еврейско-христіанское міровоззрѣніе. Съ того момента, когда христіанская церковь, какъ экономическая и общественная организація, была санкціонирована римской государственной властью и въ лицѣ своей администраціи образовала въ Римской имперіи второй правительственный классъ, господствующимъ міровоззрѣніемъ становится еврейско-христіанское. Основныя черты этого міровоззрѣнія, возникшаго изъ своеобразнаго древнееврейскаго (ветхозавѣтнаго) анимизма, нѣсколько видоизмѣненнаго классовыми стремленіями еврейскаго пролетаріата (новый завѣтъ), таковы.

Существуютъ два міра: видимый (вещественный) и невидимый (міръ духовъ), который находится на небѣ. Оба міра созданы всемогущимъ существомъ — Богомъ. Міръ невидимый, въ свою очередь, распадается на два міра: высшій

невидимый міръ, состоящій изъ добрыхъ духовъ—ангеловъ съ Богомъ во главѣ, и низшій невидимый міръ, состоящій изъ злыхъ духовъ, во главѣ которыхъ стоитъ сатана (діаволъ), одинъ изъ самыхъ могучихъ послѣ Бога духовъ. Еще до сотворенія Богомъ видимаго міра сатана съ подчиненными ему духами возсталъ противъ Бога, чтобы отнять у Него власть надъ міромъ; но онъ потерпѣлъ пораженіе и былъ вмѣстѣ со своими приверженцами низвергнутъ съ неба на землю. Съ этого времени между Богомъ и сатаной ведется непрерывная борьба, объектомъ которой служитъ земля и населяющій ее человѣкъ. Создавши перваго человѣка Адама и жену ему Еву, Богъ поселилъ обоихъ въ Едемѣ—прекрасномъ саду (раю) на Востокѣ въ Месопотаміи. Въ этомъ саду среди деревьевъ замѣчательнѣе всѣхъ были два: древо жизни, плоды котораго, употребляемые въ пищу, избавляли отъ смерти, и древо познанія добра и зла. Богъ запретилъ первымъ людямъ ѣсть плоды съ древа познанія добра и зла, «ибо,—говорилъ Богъ Адаму,—въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь». Первые люди жили счастливо, въ дружбѣ съ природой и не зная никакихъ страданій. Но діаволу, принявшему видъ змѣя, удалось убѣдить ихъ нарушить данную Богомъ заповѣдь. Съ нарушеніемъ заповѣди на первыхъ людей обрушился рядъ бѣдствій, явились страданія. Во-первыхъ, Богъ немедленно изгналъ изъ рая Адама и Еву, чтобы не дать имъ возможности поѣсть плодовъ съ древа жизни: «Вотъ, — говорилъ Богъ, — Адамъ сталъ какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей и не взялъ также отъ дерева жизни и не вкусилъ и не сталъ жить вѣчно». Подъ вліяніемъ проступка первыхъ людей произошло коренное измѣненіе въ природѣ: Богъ проклялъ земную природу, и она стала во враждебныя отношенія къ людямъ; люди тяжкой борьбой должны были поддерживать свое существованіе. Нарушеніе заповѣди первыми людьми ввергло въ страданія и ихъ потомство: все человѣчество должно было подчиниться послѣдствіямъ грѣха первыхъ людей, т. е. страданіямъ и смерти.

Но Богъ обѣщалъ людямъ спасеніе: въ потомствѣ Адама и Евы явится Спаситель, который сокрушитъ діавола и спасетъ человѣчество отъ грѣха. И дѣйствительно, явился Хри-

стосъ, сынъ Божій, принявшій человѣческую плоть. Своими страданіями и смертью Христосъ искупилъ грѣхъ Адама и Евы и спасъ отъ него и человѣчество. Сойдя въ адъ, Христосъ освободилъ мучившихся тамъ праведниковъ, на третій день послѣ смерти воскресъ, а на сороковой вознесся на небо и сѣлъ одесную своего Отца. Оставшіеся на землѣ люди, принявшіе ученіе Христа, образуютъ общество-церковь, задача которой — планомѣрное спасеніе души строго опредѣленнымъ образомъ жизни своихъ членовъ. Наступитъ въ жизни вселенной моментъ, когда Христосъ снова сойдетъ на землю. Старый міръ будетъ уничтоженъ, всѣ люди воскреснутъ, и Христосъ произведетъ надъ людьми судъ: праведники пойдутъ въ рай, гдѣ будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, а грѣшники—въ адъ, гдѣ будутъ подвергаться вѣчнымъ мукамъ.

Изъ краткаго очерка еврейско-христіанскаго міропониманія видно, что его основа—та же, что и въ народномъ русскомъ міровоззрѣніи, т. е. анимизмъ. Анимистическое міровоззрѣніе, по существу своему, дуалистично (§ 8). Первая ступень въ его развитіи гласитъ: всякій предметъ въ природѣ, всякое явленіе въ ней представляютъ сочетанія двухъ началъ—матеріальнаго и духовнаго: всякій предметъ—живое существо, всякое явленіе—дѣйствіе живого существа. Не останавливаясь на этомъ признаніи, анимистическій дуализмъ идетъ дальше. Вторая ступень его гласитъ: міръ состоитъ изъ существъ двоякаго рода—высшихъ, сверхъестественныхъ и низшихъ, обыкновенныхъ; высшія, сверхъестественныя существа подраздѣляются на два разряда—добрыхъ и злыхъ. Именно эта вторая ступень отразилась въ русскомъ анимизмѣ. Еврейско-христіанскій анимизмъ представляетъ уже третью, высшую ступень въ развитіи анимизма. Отличительная черта его—широта и глубина дуализма. Еврейско-христіанскій дуализмъ гласитъ: 1) міръ распадается на два раздѣльно существующихъ міра—вещественный съ человѣкомъ и невидимый, состоящій изъ сверхъестественныхъ духовъ и Бога; 2) невидимый міръ въ свою очередь распадается на два міра: міръ добрыхъ духовъ съ Богомъ во главѣ и міръ злыхъ духовъ съ сатаной во главѣ; 3) человѣкъ является объектомъ борьбы между Богомъ и сатаной: человѣкъ обязанъ согласовать свою жизнь съ волей Божіей

совпадавшей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ стремленіями еврейско-христіанскаго трудящагося класса): живя согласно съ волей Божіей, человѣкъ можетъ спастись отъ своего злѣйшаго врага — сатаны, который нѣкогда будетъ окончательно побѣжденъ Богомъ.

2) **Древнегреческая научно-философская мысль.** Древнегреческая мысль уже ко II в. до Р. Х. успѣла освободиться отъ анимизма и стать на болѣе высокую ступень міропониманія, раціоналистическую. Она выработала научно-философскіе пріемы и методы мышленія, благодаря которымъ ей удалось придти къ цѣлому ряду цѣнныхъ выводовъ; нѣкоторые изъ этихъ выводовъ впослѣдствіи были подтверждены новѣйшей западно-европейской философіей и наукой. Древнегреческая мысль вошла въ византійское міровоззрѣніе, во 1-хъ, какъ методъ мышленія, во-2-хъ, отчасти, какъ совокупность нѣкоторыхъ воззрѣній на природу и міръ.

Такимъ образомъ, византійское міровоззрѣніе представляетъ переработку еврейско-христіанскаго міропониманія методами древнегреческой мысли, его раціонализацію, опытъ его примиренія съ нѣкоторыми результатами древнегреческой мысли.

57. Дѣленіе еврейско-византійско-болгарской литературы. Еврейско-византійско-болгарская литература дѣлится на слѣдующіе отдѣлы: 1) книги еврейскаго священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта, 2) еврейско-византійскіе апокрифы, 3) агіологическая литература, 4) сочиненія св. отцовъ и учителей церкви, 5) естественно-научныя сочиненія съ еврейско-христіанской основой, 6) исторіографія съ еврейско-христіанской основой, 7) суевѣрныя и гадательныя книги, 8) сборники и 9) беллетристика.

Книги еврейскаго св. Писанія ветхаго и новаго завѣта.

58. О книгахъ св. Писанія. Первое мѣсто среди переводной литературы занимаютъ книги св. Писанія, которыя опредѣлили основныя черты византійскаго міровоззрѣнія. По преданію, уже Кириллъ и Меѳодій перевели на древнеболгарскій языкъ всѣ каноническія книги св. Писанія, кромѣ книгъ Маккавейскихъ. Вѣроятнѣе, однако, что первоучители

славянскіе перевели не всю библію, а только тѣ ея части, которыя необходимы для богослуженія. Полная библія является у насъ въ переводѣ только къ концу XV в.

Изъ отдѣльныхъ книгъ св. Писанія у насъ болѣе всего читались, особенно среди лицъ духовныхъ, тѣ, которыя наиболѣе употребительны при богослуженіи, а именно. псалтирь евангеліе и апостолъ. Изъ нихъ псалтирь была и первой учебной книгой: по ней учились читать обучавшіеся грамотѣ. Благодаря этому псалтирь была популярной среди грамотныхъ людей всѣхъ классовъ населенія. Она считалась книгой наиболѣе назидательной для домашняго чтенія и спасительной въ важныхъ случаяхъ жизни. Многіе знали псалтирь наизусть.

Отдѣльныя книги св. Писанія читались или цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ для богослужебныхъ цѣлей; сборники такихъ извлеченій изъ св. Писанія назывались «Паремейниками».

Чтеніе книгъ св. Писанія сопровождалось нерѣдко и чтеніемъ толкованій къ нимъ. Въ 1047 г. попъ Упырь Лихій переписалъ у насъ толкованія на книги пророковъ, переведенныя съ греческаго языка въ Болгаріи. Къ псалтири присоединялись толкованія св. Аѳанасія Александрійскаго, бл. Ѳеодорита Кирскаго. Такія псалтири назывались толковыми.

Изъ древнѣйшихъ списковъ отдѣльныхъ книгъ св. Писанія до нашего времени сохранился одинъ, относящійся къ половинѣ XI-го в. Это—Остромирово евангеліе, переписанное въ 1056 — 1057 гг. въ Новгородѣ для новгородскаго посадника Остромира. Оно любопытно, какъ образецъ правильнаго древнеболгарскаго языка, еще не подвергшагося искажающему вліянію со стороны языка древнерусскаго.

Еврейско-византійскіе апокрифы.

59. Объ апокрифахъ. Выдающіяся лица, ознаменовавшія себя какою-нибудь дѣятельностью въ эпоху ветхаго и новаго завѣта, рядъ событій совершившихся въ тѣ времена, обращали на себя всеобщее вниманіе въ Палестинѣ и вообще на Востокѣ. Относительно этихъ лицъ и событій возникали разсказы, исходившіе изъ устъ людей, которые были

или современниками ихъ, или свидѣтелями, или участниками. Въ теченіе извѣстнаго періода эти разсказы передавались устно, а затѣмъ по мѣрѣ того, какъ возросталъ къ упомянутымъ лицамъ и событіямъ интересъ, эти разсказы, одни раньше, другіе позже, записывались и передавались уже письменно. Часть этихъ разсказовъ вошла въ составъ тѣхъ книгъ Библіи, которыя признаны церковью каноническими, т. е. правильными. Другая часть разсказовъ-преданій образовала обширную неканоническую литературу, извѣстную подъ названіями апокрифовъ, псевдоэпиграфовъ и отреченныхъ книгъ. Изъ этихъ терминовъ терминъ «апокрифъ» употребляется въ широкомъ смыслѣ слова, обозначая вообще всякое сказаніе, не находящееся въ Библіи. Остальныя два термина имѣютъ болѣе узкое значеніе. «Псевдоэпиграфами» называются такіе апокрифы, которые не принадлежатъ приписываемымъ ими авторамъ. Таковы, напр., «Книга Еноха», «Никодимово евангеліе». «Отреченными книгами» называются апокрифы, отвергаемые церковью, какъ ложные по содержанію.

По своему содержанію апокрифы представляютъ подробное изложеніе такихъ событій изъ жизни ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицъ, которыя въ Библіи или изложены черезъ-чуръ кратко, или едва лишь упомянуты. Такъ, напр., такія событія, какъ сотвореніе Адама и Евы, паденіе ихъ, изгнаніе изъ рая, жизнь ихъ по изгнаніи, потопъ, столпотвореніе Вавилонское, раздѣленіе языковъ, разсѣяніе народовъ разсказаны въ Библіи очень сжато; о судьбѣ Еноха, взятаго на небо живымъ, о Мелхиседекѣ, считавшемся въ христіанской литературѣ прообразомъ Христа, говорится лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Точно также кратко говорится въ Библіи и о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, напр., о кончинѣ міра. Въ апокрифахъ, наоборотъ, подробно излагается то, что сжато разсказано въ Библіи. Благодаря этому апокрифы пользовались большимъ распространеніемъ уже въ глубокой древности: въ третьей книгѣ Ездры указывается, что кромѣ 24 древнихъ каноническихъ книгъ существовало еще 70 новыхъ и послѣднихъ. Это апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Часть этихъ апокрифовъ находится въ еврейскихъ книгахъ «Яшаръ», «Талмудъ», «Каббала» и др.

Кромѣ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, въ эпоху борьбы христіанства съ греко-римскимъ язычествомъ возникъ рядъ сказаній о герояхъ вѣры и церкви. Значительная часть этихъ сказаній образовала апокрифы о святыхъ.

Апокрифы первоначально распространялись безпрепятственно какъ среди народныхъ массъ, такъ и среди образованныхъ классовъ. Чтеніе апокрифовъ даже одобрялось, какъ средство отвлечь отъ язычества. Но съ того времени, какъ апокрифами стали пользоваться еретики для обоснованія ученій, расходившихся съ ученіемъ, принятымъ церковью, апокрифы начинаютъ подвергаться осужденію и запрещенію. Появляются каталоги, или «индексы» запрещенныхъ «ложныхъ» книгъ, составленныхъ на основаніи правилъ апостольскихъ, соборныхъ и сочиненій отцовъ и учителей церкви. Эти индексы запрещенныхъ книгъ переводились на древнеболгарскій языкъ и изъ Болгаріи попали къ намъ: въ «Изборникѣ Святослава» 1073 г. имѣется «Статья объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ», въ которой перечислены книги, которыхъ не слѣдуетъ читать истинному христіанину.

Несмотря на запрещеніе апокрифы пользовались и у насъ, и на Западѣ большою популярностью, имѣли вліяніе на литературное творчество, на церковную живопись и на устное творчество.

Апокрифы дѣлятся на три разряда: 1) ветхозавѣтные, 2) новозавѣтные и 3) апокрифическія сказанія о святыхъ.

Ветхозавѣтные апокрифы.

60. О ветхозавѣтныхъ апокрифахъ. Ветхозавѣтными апокрифами называются разсказы-преданія о лицахъ и событіяхъ Ветхаго Завѣта. Главнѣйшіе изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ—слѣдующіе: О сотвореніи міра. Объ Адамѣ и Евѣ, О дѣтяхъ Адама и Евы, О древѣ крестномъ, О праведномъ Енохѣ, О Ноѣ, Объ Авраамѣ, Завѣты двѣнадцати патріарховъ, Исходъ Моисеевъ, О Давидѣ и Соломонѣ. О Соломонѣ, Видѣніе пророка Исаіи.

61. О сотвореніи міра. Въ апокрифахъ о сотвореніи міра отражаются дуалистическія представленія. Въ нихъ раз-

сказывается о сотвореніи невидимаго міра, о томъ, какъ Сатанаилъ, глава десятаго ангельскаго чина, задумалъ сойти съ неба на землю, принять ее въ свою непосредственную власть, поставить себѣ престолъ «на облацѣхъ сѣверьскихъ» и уподобиться по могуществу Богу, и какъ онъ былъ сверженъ Богомъ на землю, а «по немъ спадоша, иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый». Далѣе въ апокрифахъ разсказывается о спорѣ, возникшемъ между Богомъ и Сатанаиломъ при сотвореніи человѣка: тѣлесную природу человѣка сотворилъ Сатанаилъ, а душу могъ вложить въ него только Богъ. Оттого,— замѣчаетъ апокрифъ,—когда человѣкъ умираетъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу.

Въ связи съ апокрифами о сотвореніи міра находятся сказанія «о зачатіи неба и земли, отъ сколькихъ частей Адамъ созданъ». Адамъ созданъ изъ восьми частей: плоть взята отъ земли, кровь—отъ росы (отъ моря), кости отъ камня, мысли—отъ ангельской «борзости», жилы и волосы — отъ травы, душа—отъ вѣтра и т. д.

62. Объ Адамѣ и Евѣ. Апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ имѣютъ два заглавія: «Слово о Адамѣ» и «О исповѣданіи Евинѣ» и представляютъ переработанныя редакціи греческаго апокрифа подъ заглавіемъ «Апокалипсисъ Моисея».

Содержаніе этихъ сказаній слѣдующее. Проживъ 930 л., Адамъ въ первый разъ заболѣлъ и пришелъ въ ужасъ. Вокругъ него собрались дѣти его. Чтобы объяснить происхожденіе болѣзни, Адамъ или Ева разсказываетъ дѣтямъ о томъ, какъ Богъ сотворилъ рай и поручилъ его на храненіе имъ, причемъ Адамъ получилъ восточную и сѣверную часть рая, а Ева западную и южную, и какъ Богъ запретилъ имъ ѣсть плоды съ одного дерева, какъ дьяволъ искусилъ ихъ и они нарушили запрещеніе. Адамъ или Ева разсказываетъ, что, когда они пали, всѣ деревья въ раю сбросили съ себя листья, кромѣ смоковницы: изъ ея листьевъ они сшили себѣ одежды. Затѣмъ съ неба послышался голосъ архангела, призывавшій всѣхъ ангеловъ. Посреди рая поставленъ былъ престолъ. Сошли съ неба Богъ съ ангелами для суда надъ Адамомъ и Евой. По окончаніи суда ангелы выгоняютъ ихъ изъ рая. Адамъ и Ева сѣли противъ рая, приникли къ землѣ и плакали семь дней. Почувствовавъ голодъ, они встали,

чтобы поискать себѣ пищи, обошли всю землю, но ничего не нашли. Вернувшись къ раю, они стали плакать: «Раю мой, раю, пресвѣтлый раю,—плакалъ Адамъ,—красота неизреченная! Мене ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть. Милостиве, помилуй мя падшаго». Тогда Господь смилостивился и отдѣлилъ Адаму и Евѣ седьмую часть рая. Сначала они утолили свой голодъ терновымъ плодомъ; потомъ архангелъ Михаилъ принесъ имъ пшеницы и меду и сталъ учить Адама «дѣламъ ручнымъ». Когда Адамъ сталъ выдѣлывать землю, явился діаволъ, который сказалъ ему, что небеса и рай суть Божіи, а земля принадлежитъ ему; если онъ хочетъ обрабатывать землю, то долженъ признать власть діавола и дать ему на себя рукописаніе. Адамъ согласился, потому что зналъ, что отъ Дѣвы родится Спаситель, который спасетъ и его, а діаволъ, взявъ рукописаніе, скрылъ его въ Іорданѣ подъ камень, въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ крестился Христосъ. Чтобы избавиться отъ дьявола, Адамъ и Ева рѣшили поститься 40 дней. Во время поста къ Адаму собрались звѣри, птицы, и всѣ молились за Адама. Послѣ этого Адамъ и Ева поселились въ Мадіамѣ, гдѣ отъ нихъ родились Каинъ и Авель, а послѣ убійства Авеля Каиномъ —Сиѳъ... На этомъ мѣстѣ Адамъ прерываетъ разсказъ, зоветъ Еву къ себѣ и сообщаетъ, что изъ него исходитъ душа. Чтобы успокоить Адама, Сиѳъ съ Евой отправляются въ рай достать оттуда для Адама масличную вѣтвь. Ангелъ далъ имъ вѣтвь отъ того дерева, изъ-за котораго Адамъ былъ изгнанъ изъ рая. Получивъ вѣтвь, Адамъ узналъ дерево, сдѣлалъ изъ вѣтви вѣнецъ и одѣлъ его на голову. Тогда Адамъ увидѣлъ руку Господа, пріемлющую его душу. Съ неба явились кадильница съ ладаномъ и три ангела со свѣчами. По повелѣнію Божію, архангелъ Михаилъ отнесъ тѣло Адама въ рай, а духъ его пребываетъ на третьемъ небѣ. Когда понесли тѣло Адама, съ неба раздался голосъ Божій: «земля еси и въ землю пойдеши». По смерти Адама Ева стала молиться Богу, чтобы онъ и ее присоединилъ къ Адаму, такъ какъ она сотворена изъ его ребра. Ева умираетъ, и архангелъ Михаилъ научилъ Сиѳа похоронить Еву тамъ, гдѣ были похоронены тѣла Адама и Авеля. Въ этомъ мѣстѣ изъ вѣнца Адама выросло дерево.

63. О дѣтяхъ Адама и Евы. О дѣтяхъ Адама и Евы,

о Каинѣ и Авелѣ, апокрифы разсказываютъ слѣдующее Каинъ предлагаетъ Авелю пойти вмѣстѣ съ нимъ въ поле. Выйдя туда, Каинъ собирается убить Авеля, но не знаетъ, какъ сдѣлать это. Тогда сатана научилъ его взять камень и ударить имъ Авеля. Адамъ и Ева плакали 30 лѣтъ надъ тѣломъ Авеля, котораго они, по неумѣнію, не погребали. Тогда по повелѣнію Божію прилетѣло два птенца. Когда одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму и зарылъ его. Адамъ и Ева, увидѣвши это, выкопали яму и съ плачемъ погребли тѣло Авеля.

64. О древѣ крестномъ. Древо познанія добра и зла, изъ вѣтви котораго Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ (§ 62), выросло въ раю изъ сѣмянъ, которыя бросилъ посреди рая Сатанаилъ въ то время, когда Богъ насаждалъ рай. Замѣтивъ это дерево, Богъ сказалъ Сатанаилу: «Ту буду азъ и и тѣло мое, и будетъ тебѣ на прогнаніе». Древо познанія добра и зла состояло изъ трехъ частей: одна часть означала Адама, другая Еву, а третья, посрединѣ, — Господа. Когда Адамъ и Ева согрѣшими, Адамова часть древа упала въ рѣку Тигръ и была вынесена изъ рая, Евина часть осталась въ раю до потопа, когда она принесена была къ Мерстѣй рѣцѣ; Господняя часть дерева отдана была Адаму, и изъ нея именно Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ. Изъ вѣнца этого выросло высокое дерево, которое также раздѣлилось на три части. Изъ этихъ деревьевъ сдѣланы были впослѣдствіи кресты, на которыхъ были распятъ Христосъ съ разбойниками: крестъ Христа былъ сдѣланъ изъ дерева, выросшаго изъ Адамова вѣнца; крестъ вѣрнаго разбойника—изъ Адамовой части райскаго дерева, а крестъ невѣрнаго разбойника изъ Евиной части райскаго дерева.

Деревья эти попали въ Іерусалимъ такимъ образомъ. Адамова часть райскаго дерева, попавшая въ Тигръ и вынесенная изъ рая, выброшена была на песокъ. Когда Сиѳъ задумалъ помянуть своего отца, ангелъ указалъ ему на это дерево и велѣлъ разложить огонь на рѣкѣ. Огонь оказался неугасимымъ, и его стали стеречь звѣри. Когда Лотъ каялся Аврааму въ своихъ грѣхахъ, Авраамъ велѣлъ ему принести изъ этой рѣки огня. Лотъ воспользовался сномъ звѣрей и вынесъ изъ огня три головни. Авраамъ велѣлъ Лоту посадить эти головни на одной горѣ и поливать ихъ до тѣхъ

поръ, пока онѣ не начнутъ рости. Если это случится, это будетъ означать, что Богъ простилъ грѣхи Лота. Головни стали рости, и выросло изъ нихъ прекрасное дерево.

Судьба Евиной части древа, занесенной во время потопа къ водамъ Мерры, была такова. Моисей, странствуя съ евреями по пустынѣ, не находилъ другой воды, кромѣ горькой. Тогда ангелъ указалъ ему на это дерево. Моисей посадилъ это дерево крестообразно въ рѣкѣ: вода стала сладкой, и дерево прекрасно разрослось.

Когда Соломонъ строилъ храмъ въ Іерусалимѣ, всѣ эти три дерева были привезены туда, причемъ дерево, выросшее изъ вѣнца Адамова, было вырвано и привезено съ корнемъ, въ которомъ заключалась и Адамова голова. Когда голова была очищена отъ кореньевъ, Соломонъ узналъ, что это — голова Адама; онъ велѣлъ засыпать ее камнями: такъ образовалась Голгоѳа. Когда Христосъ съ разбойниками были присуждены къ распятію, Пилатъ велѣлъ сдѣлать кресты изъ этихъ трехъ деревьевъ. Крестъ Христа былъ воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась голова Адама. Кровь и вода изъ ранъ Христа просочились на Адамову голову; Адамъ крестился ею и освободился такимъ образомъ отъ наложеннаго на него проклятія.

65. О праведномъ Енохѣ. Уже въ первые вѣка христіанства существовала апокрифическая «Книга Еноха», въ которой разсказывается о паденіи ангеловъ и излагаются пророчества о будущемъ судѣ, о наградахъ для праведныхъ и наказаніяхъ для нечестивыхъ.

Въ древнихъ русскихъ рукописяхъ сохранилось нѣсколько отрывковъ изъ этой книги. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается, что Енохъ, когда ему было 360 лѣтъ, восходилъ съ ангелами на небо; ангелы показали ему неизмѣримую премудрость Божію, престолъ Божій, ангельское пѣніе и «вся седмь небесъ». Все видѣнное Енохъ записалъ въ книгу. Сойдя съ неба, Енохъ собралъ дѣтей и людей вообще, сталъ разсказывать имъ «благополучныя словеса» и приказывалъ сыновьямъ хранить книгу во вѣки. Во время этой бесѣды Богъ навелъ на землю мракъ, который покрылъ всѣхъ людей, окружавшихъ Еноха; явились ангелы, которые вознесли Еноха на «небо вышнее», гдѣ Господь поставилъ его передъ своимъ лицомъ «на вѣки».

«Книга Еноха» въ цѣломъ видѣ у насъ становится извѣстной, повидимому, довольно поздно, именно въ XVII в.

66. Сказаніе о Ноѣ. По повелѣнію Божію Ной началъ строить на одной горѣ, тайно отъ людей, ковчегъ. Діаволъ, чтобы узнать, куда скрывается Ной, научилъ жену Ноя Еву приготовить изъ вьющейся около дерева на берегу рѣки травы особое питье и напоить имъ Ноя. Ной выпилъ три чашки и сталъ веселъ и разсказалъ женѣ, что онъ уже семь лѣтъ строитъ на горѣ ковчегъ. Явившись послѣ этого на гору, Ной увидѣлъ, что ковчегъ разрушенъ. Ангелъ, посланный съ неба, сталъ упрекать Ноя за то, что послѣдній не сохранилъ тайны, и указалъ Ною на негніющее дерево немотриклинъ, изъ котораго онъ долженъ построить новый ковчегъ. Черезъ 30 лѣтъ ковчегъ былъ готовъ, и Ной началъ проповѣдывать людямъ покаяніе. Люди не покаялись. Тогда по повелѣнію ангела Ной вошелъ съ семействомъ въ ковчегъ. Въ ковчегъ онъ взялъ и животныхъ. Сдѣлалъ онъ это такъ: взялъ въ руки, по повелѣнію ангела, бильце и сталъ хлопать имъ по дну ковчега; по звукамъ бильца къ нему стали собираться «звѣрье и скоти, и птица, и гади, и прочій народъ отъ четырь конецъ вселенныя мужескъ и женскъ». Вмѣстѣ съ разными животными хитростью вошелъ и діаволъ. Когда вода покрыла всю землю, діаволъ превратился въ мышь и сталъ грызть дно ковчега, чтобы потопить его обитателей. Ной помолился Богу, и «прыснулъ лютый звѣрь», изъ ноздрей котораго выскочили котъ и кошка; они напали на мышь и удавили ее. Когда родъ человѣческій, кромѣ Ноя съ семействомъ, погибъ, вода стала убывать, потопъ прекратился, ковчегъ остановился на горахъ Аравитскихъ, и Ной вышелъ изъ ковчега.

67. Сказанія объ Авраамѣ. Объ Авраамѣ существуютъ два сказанія: 1) «Откровеніе Авраама» и 2) «Смерть Авраама».

1) **«Откровеніе Авраама».** Отецъ Авраама, Ѳарра, занимался производствомъ идоловъ, которыхъ продавалъ. Авраамъ помогалъ отцу въ его занятіяхъ, но при этомъ онъ мучился сомнѣніями о богахъ языческихъ. Онъ не понималъ, какъ можно молиться безжизненнымъ идоламъ, имѣющимъ глаза, но не видящимъ, имѣющимъ уши, но не слышащимъ, имѣющимъ руки, но не осязающимъ, имѣющимъ ноздри, но не обоняющимъ, имѣющимъ уста, но не говорящимъ. Однажды

каменный идолъ Марумафъ упалъ на ноги желѣзнаго идола Нахона. Авраамъ вмѣстѣ съ отцомъ стали поднимать Марумафа, и въ это время у него отвалилась голова. Ѳарра разбилъ этого идола и сдѣлалъ изъ другого камня новаго Марумафа и еще пять идоловъ. Продажу этихъ идоловъ Ѳарра поручилъ Аврааму. Авраамъ навьючилъ идолами осла и отправился въ путь. По дорогѣ оселъ испугался верблюдовъ проѣзжихъ сирійскихъ купцовъ и бросился въ сторону: три идола выпали и разбились. Купцы купили у Авраама оставшихся трехъ идоловъ, причемъ уплатили ему столько, сколько стоили всѣ шесть идоловъ. Куски разбившихся идоловъ Авраамъ бросилъ въ рѣку. Въ другой разъ Ѳарра велѣлъ Аврааму сварить обѣдъ. Авраамъ собралъ дрова, разложилъ огонь. Около огня онъ положилъ небольшого деревяннаго идола Варисата, къ которому обратился съ мольбой слѣдить за огнемъ, чтобы онъ не угасъ, а если начнетъ угасать, по- дуть въ огонь, чтобы онъ снова разгорѣлся, а самъ ушелъ. Когда Авраамъ вернулся къ огню, онъ увидѣлъ, что идолъ Варисатъ лежитъ навзничь у огня, и его ноги обгорѣли.

Всѣ эти явленія съ идолами убѣдили Авраама въ томъ, что языческіе боги безсильны, что стихіи природы могущественнѣе ихъ, и что единственный истинный Богъ тотъ, который «убагри небеса и узлати солнце и усвѣтлова луну и съ нею звѣзды, изсуши землю посреди водъ многъ» и самого человѣка сдѣлалъ говорящимъ. Авраамъ рѣшился объяснить отцу, насколько онъ безуменъ, почитая идоловъ. Въ то время, какъ Авраамъ убѣждалъ отца, съ неба раздался могучій голосъ, который говорилъ Аврааму: «Бога богамъ, Творца ты ищеши въ умѣ своемъ; изыди отъ Ѳарры, отца своего, и отъ дома изыди, да и не ты убьенъ будеши во грѣсехъ дому отца своего». За этими словами послѣдовалъ сильный громъ, молнія зажгла домъ Ѳарры и землю, окружавшую его.

Въ «Отровеніи Авраама» разсказывается также объ извѣстномъ жертвоприношеніи Авраамомъ Исаака, съ слѣдующими подробностями, которыхъ нѣтъ въ Библіи. Во время жертвоприношенія Авраамъ былъ восхищенъ ангеломъ на небо. Здѣсь онъ видѣлъ семь небесъ, огненный престолъ, огненную колесницу, четырехъ огненныхъ животныхъ, Эдемъ, Адама и Еву, которые стояли около дерева и ѣли плодъ, а

позади дерева видѣлъ Азезила, который въ образѣ змѣя искусилъ Еву.

2) «**Смерть Авраама**». Приблизилось время смерти Авраама, и Богъ послалъ къ Аврааму съ извѣстіемъ объ этомъ архангела Михаила. Архангелъ явился къ нему въ видѣ странника. Авраамъ такъ радушно принялъ странника, что архангелъ не рѣшился прямо сообщить Аврааму о близкой смерти. Тогда Богъ велѣлъ архангелу возвѣстить о смерти Авраама Исааку во снѣ. Авраамъ покорился Божьей волѣ, но попросилъ Бога, чтобы передъ смертью дано было ему вознестись на небо, чтобы увидѣть всѣ дѣла Божіи. Архангелъ Михаилъ взялъ Авраама на облака и перенесъ его на рѣку, называемую Окіаномъ. Здѣсь Авраамъ увидѣлъ двое воротъ—малыя и великія. Около воротъ сидѣлъ великій мужъ, который то смѣялся, то плакалъ, чаще плакалъ. Архангелъ объяснилъ Аврааму, что малыя ворота ведутъ въ жизнь вѣчную, а большія—въ пагубу, что громаднаго роста мужъ—Адамъ, котораго Богъ поставилъ на это мѣсто, чтобы онъ могъ видѣть души всѣхъ своихъ потомковъ: когда онъ видитъ души, которыя ведутъ въ рай—онъ радуется, когда же ведутъ души на пагубу, онъ плачетъ. Аврааму самому пришлось увидѣть, какъ ангелы вогнали въ малыя ворота 7 темъ, т. е. 70,000 душъ.

Отсюда Авраамъ былъ приведенъ на мѣсто судное. Здѣсь онъ увидѣлъ Еноха, который по порученію Божію записываетъ грѣхи людей въ книги. Если душа заслуживаетъ помилованія, грѣхи ея, записанныя въ книгу, изглаживаются изъ нея, и душа отправляется въ рай; если же грѣхи ея не изглаживаются, душа идетъ на муки.

Послѣ этого Авраамъ былъ вознесенъ на облакѣ на твердь, откуда онъ увидѣлъ землю и совершаемыя людьми беззаконія. Богъ позволилъ Аврааму произносить судъ надъ грѣшными людьми. Авраамъ сталъ на однихъ низводить огонь, другихъ велѣлъ землѣ проглотить, третьихъ велѣлъ пожрать звѣрямъ. Судъ его былъ такъ строгъ, что Богъ поспѣшилъ распорядиться, чтобы архангелъ поскорѣе вернулъ Авраама на землю.

Но смерть не смѣла приблизиться къ Аврааму, потому что Авраамъ былъ другъ Бога. Тогда Богъ велѣлъ архангелу Михаилу украсить смерть великою красотою и послать

ее къ Аврааму. Смерть явилась къ Аврааму, и на настойчивые вопросы Авраама, кто она такая, смерть открылась. Авраамъ хотѣлъ увидѣть смерть въ ея настоящемъ видѣ, и она явилась передъ нимъ со множествомъ «змiевыхъ главъ». Семь сыновей Авраама, увидѣвшихъ ее, въ тотъ же день умерли, но, по молитвѣ Авраама, они воскресли. Послѣ этого Авраамъ тихо умеръ, точно уснулъ.

68. «**Завѣты двѣнадцати патрiарховъ**». Въ Библiи есть завѣщанiе Iакова дѣтямъ. Благословляя своихъ дѣтей, Iаковъ отмѣчаетъ характеръ каждаго изъ своихъ сыновей и сообразно характеру даетъ предсказанiя о будущей судьбѣ каждаго изъ нихъ и его потомства. Соотвѣтственно этому завѣту Iакова, въ апокрифической литературѣ возникли «Завѣты двѣнадцати патрiарховъ», которые представляютъ обработку сказанiй, существовавшихъ среди евреевъ о двѣнадцати сыновьяхъ Iакова и ихъ жизни.

Каждый «Завѣтъ» въ отдѣльности заключаетъ въ себѣ три элемента: историческiй, пророческiй и нравственный. Историческiй элементъ состоитъ въ повѣствованiи о замѣчательныхъ событiяхъ и происшествiяхъ въ жизни патрiарха. Особенно много разсказывается о продажѣ Iосифа, по тому значенiю, которое имѣло это событiе для всего семейства Iакова. Много разсказывается также о Левiи и Iудѣ, которые играли столь важную роль въ исторiи еврейства; всѣ патрiархи рекомендуютъ въ «Завѣтахъ» своимъ сыновьямъ особенно почитать Левiя и Iуду и имъ повиноваться. Разсказъ во многихъ мѣстахъ отличается поэтичностью и даже прiобрѣтаетъ романическiй характеръ. Таковы, напр., эпизоды, въ которыхъ повѣствуется о семейной жизни Iуды, о его женитьбѣ на Висѣ, объ отношенiяхъ его къ невѣсткѣ Ѳамари; эпизодъ о любви жены Пентефрiя къ Iосифу и проч.

Второй элементъ въ «Завѣтахъ» — пророческiй. Онъ состоитъ изъ ясныхъ предсказанiй о Спасителѣ и Новомъ Завѣтѣ. Эта ясность служитъ доказательствомъ того, что «Завѣты» обработаны были въ цѣльное произведенiе уже въ христiанскую эпоху и притомъ писателемъ-христiаниномъ.

Нравственный элементъ прiуроченъ къ разнымъ событiямъ изъ жизни патрiарховъ и состоитъ въ наставленiяхъ, которыя даются дѣтямъ на основанiи достоинствъ и недостатковъ патрiарха, отъ лица котораго дѣлается наставленiе. Такъ, въ

«Завѣтѣ» Рувима говорится о сохраненіи чистоты, въ «Завѣтѣ» Левія—о священствѣ и противъ гордости, въ «Завѣтѣ» Іуды — о мужествѣ и противъ скупости, въ «Завѣтѣ» Завулона — о состраданіи и милосердіи, въ «Завѣтѣ» Іосифа — о цѣломудріи и братской любви, въ «Завѣтѣ» Веніамина — о чистотѣ ума и т. д.

69. «**Исходъ Моисеевъ**». Фараонъ видитъ сонъ: старикъ держитъ въ рукахъ вѣсы; на одной чашкѣ сидятъ старцы и вельможи египетскіе, а на другой—ягнята. Фараонъ спрашиваетъ у волхвовъ и мудрецовъ, что означаетъ этотъ сонъ. Волхвъ Валаамъ объяснилъ, что среди евреевъ родится ребенокъ, который разоритъ египетское царство, и посовѣтовалъ фараону повелѣть топить и убивать у евреевъ всѣхъ новорожденныхъ. Ангелы чудесно спасаютъ еврейскихъ дѣтей отъ египтянъ. Слѣдуетъ разсказъ о рожденіи и воспитаніи Моисея, объ испытаніи разума въ Моисеѣ посредствомъ драгоцѣнныхъ камней и горячихъ угольевъ, объ убійствѣ Моисеемъ египтянина и осужденіи его на смерть. Архангелъ Михаилъ спасаетъ Моисея отъ смерти и уноситъ его за предѣлы Египта. Моисей приходитъ къ сарацинскому царю Киканосу, который въ это время осаждалъ свою собственную столицу.

Задолго до этого времени Киканосу пришлось отправиться на войну противъ армянъ и персовъ, причемъ охрану столицы царь поручилъ убѣжавшему изъ Египта волхву Валааму и его сыновьямъ—Аносу и Аркину. Валаамъ, въ отсутствіе царя, измѣнилъ ему, возмутилъ противъ него сарацинъ, укрѣпилъ столицу съ двухъ сторонъ стѣною, съ третьей стороны громадными рвами, а съ четвертой змѣями и скорпіонами, которыхъ собиралъ «шептаніемъ своимъ и потворы». Когда Киканосъ вернулся съ войны, онъ вынужденъ былъ осадить столицу. Моисей явился къ нему на девятомъ году осады, былъ принятъ съ почетомъ и сталъ у царя «думцей». Во время осады Киканосъ умираетъ, и войско выбираетъ въ цари Моисея. Моисей при помощи аспстовъ, пойманныхъ его воинами, истребилъ змѣй и скорпіоновъ, охранявшихъ столицу, и ворвался въ нее. Валаамъ убѣжалъ съ сыновьями въ Египетъ, а Моисей, женившись на женѣ Киканоса, сталъ царствовать надъ сарацинами. Черезъ сорокъ лѣтъ Моисей уступилъ царство сыну Киканоса, а самъ удалился въ Мадіамъ, къ Іоѳору.

Іоѳоръ, чтобы сдѣлать пріятное сарацинамъ, посадилъ Моисея въ тюрьму. Моисей пробылъ въ тюрьмѣ десять лѣтъ и умеръ бы съ голоду, если бы дочь Іоѳора, Сепѳора, не носила ему тайно отъ отца хлѣба и воды. По освобожденіи изъ тюрьмы Моисей въ саду Іоѳора нашелъ жезлъ, на которомъ было написано имя Господа Саваоѳа, и которымъ онъ впослѣдствіи творилъ чудеса. Онъ женился на дочери Іоѳора и сталъ пасти его стада, увидѣлъ купину Божію и былъ призванъ Богомъ спасти евреевъ отъ порабощенія египетскаго.

Послѣ этого разсказывается о появленіи Моисея и Аарона передъ фараономъ. У воротъ дворца фараона Моисей встрѣтилъ двухъ львовъ, которыхъ усмирилъ своимъ жезломъ. У фараона Моисей состязался съ Валаамомъ въ чудесахъ и побѣдилъ его. Фараонъ отказывается отпустить еврейскій народъ. О казняхъ египетскихъ разсказывается кратко, но въ «Исходѣ Моисеевомъ» есть подробности, которыхъ нѣтъ въ Библіи; напр., во время тьмы, наведенной на Египетъ, были умерщвлены тѣ евреи, которые не хотѣли покидать Египетъ.

Когда Моисей съ народомъ уходилъ изъ Египта, онъ захватилъ съ собой кости Іосифа, о могилѣ котораго онъ получилъ свѣдѣнія отъ сестры Іосифа, прожившей 400 лѣтъ. На третій день по выходѣ изъ Египта иноплеменники, присоединившіеся къ евреямъ, рѣшили вернуться назадъ, взмутились противъ евреевъ и были побиты. Но нѣкоторые изъ нихъ успѣли убѣжать и извѣстили фараона, что евреи покинули Египетъ навсегда. Во время перехода черезъ Чермное море преслѣдовавшіе евреевъ египтяне погибли; фараонъ спасся, такъ какъ раскаялся и призналъ истиннаго Бога и былъ отведенъ ангеломъ въ Ниневію, въ которой царствовалъ девять лѣтъ.

Далѣе разсказывается о битвахъ съ Сіономъ, царемъ аморейскимъ, Огомъ, царемъ васанскимъ, и мадіамлянами, о законодательствѣ синайскомъ, о созданіи скиніи, о смерти Маріамы и Аарона и наконецъ о смерти самого Моисея. Архангелъ Михаилъ похоронилъ Моисея на «нѣкоей горѣ», причемъ во время погребенія съ архангеломъ спорилъ діаволъ, изъявлявшій притязанія на Моисея за то, что тотъ убилъ египтянина; но Михаилъ помолился Богу, съ неба раздался громъ, блеснула молнія, и діаволъ исчезъ.

70. О Давидѣ и Соломонѣ. Въ сказаніяхъ о Давидѣ разсказывается о томъ, какъ Давидъ писалъ Псалтирь и какъ онъ получилъ «образъ церковный».

Когда Давидъ началъ писать Псалтирь, онъ не подозрѣвалъ, «откуда идетъ ея разумъ». Одинъ вельможа хотѣлъ тайно поговорить съ Давидомъ, и Давидъ назначилъ ему явиться къ себѣ ночью. Вельможа явился въ назначенное время и увидѣлъ около писавшаго царя юношу, шептавшаго царю на ухо. Вельможа не рѣшился подойти къ царю и ушелъ изъ дворца. Въ слѣдующую ночь вельможа опять идетъ къ царю, снова видитъ юношу свѣтлѣе солнца, говорящаго на ухо царю, и онъ снова, не рѣшившись подойти къ царю, уходитъ. Утромъ Давидъ гнѣвно спрашиваетъ вельможу, почему онъ не пришелъ въ назначенное время. Вельможа сообщилъ, что онъ уже приходилъ два раза, и объяснилъ, почему не подошелъ къ нему. Давидъ хотѣлъ испытать, правду-ли говоритъ вельможа, и велѣлъ ему снова придти вечеромъ. На вопросъ царя, находится-ли здѣсь человѣкъ, котораго видѣлъ вельможа, послѣдній отвѣтилъ, что опять видѣлъ его огненное лицо. Тогда Давидъ убѣдился, что «разумъ псалтирнаго сложенія» идетъ отъ ангела Господня. Наконецъ, Давидъ кончилъ Псалтирь. Всѣхъ псалмовъ написано было 365. Давидъ хотѣлъ испытать истину Псалтири. Для этого онъ устроилъ небольшой ковчежецъ, запечаталъ Псалтирь, вложилъ ее въ ковчежецъ, залилъ оловомъ и бросилъ въ море со словами: «Если мое псалтирное составленіе истинно, то пусть выйдетъ ковчежецъ изъ моря и писаніе въ немъ». Псалтирь оставалась въ морѣ 80 лѣтъ. Однажды уже послѣ смерти Давида Соломонъ бросилъ въ море сѣть и вытащилъ какой-то предметъ, оказавшійся ковчежцемъ. Соломонъ распечаталъ его, и въ немъ оказались псалмы Давида въ числѣ 153. Онъ объявилъ о нихъ міру и положилъ ихъ въ соборной церкви. Впослѣдствіи псалмы затерялись, и только пророкъ Ездра снова собралъ 150 псалмовъ, которые были распредѣлены имъ въ иномъ порядкѣ, чѣмъ они вылились изъ подъ пера Давида. «И наполнился міръ пѣсней псалтирныхъ».

О томъ, какъ Давидъ получилъ образъ (чертежъ) церковный, апокрифы разсказываютъ такъ: «Однажды во время болѣзни душа Давида была восхищена на небо, и ангелы

показали ему тамъ «образъ церковный, сказавъ ему, что по такому образцу долженъ быть построенъ храмъ въ Іерусалимѣ. Оправившись отъ болѣзни, Давидъ пропѣлъ псаломъ 83-й и, призвавъ къ себѣ Соломона, разсказалъ ему о видѣніи и сдѣлалъ ему чертежъ по образцу небеснаго храма. Этотъ чертежъ Соломонъ всегда хранилъ при себѣ. По смерти Давида къ Соломону пришелъ ангелъ, который далъ ему на правую руку знаменіе, страшное и утаенное отъ всѣхъ людей (вѣроятно, чудесный перстень, при помощи котораго Соломонъ, по еврейскимъ преданіямъ, управлялъ духами при построеніи храма). Соломонъ началъ строить храмъ. Черезъ 46 лѣтъ онъ былъ оконченъ, и Соломонъ захотѣлъ испытать, не трудился-ли онъ безъ разума. Онъ сдѣлалъ изъ желѣза, серебра и золота двухъ орловъ на подобіе херувима и сталъ просить Бога, чтобы онъ явилъ ему «знаменіе» и вложилъ въ этихъ птицъ «духъ». Въ птицъ вошелъ «духъ», онѣ задвигали крыльями и покрывались ими. Соломонъ прославилъ Бога и укрѣпилъ своихъ людей.

71. Сказанія о Соломонѣ. Особенно много сказаній породила среди евреевъ личность Соломона. Эти сказанія распредѣляются на слѣдующія группы: 1) «Суды Соломона». 2) «Сказаніе о царицѣ Южской» и 3) «Повѣсти о Соломонѣ и Китаврасѣ».

1) **«Суды Соломона»**. Нѣкто, умирая, призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ, что въ землѣ на такомъ-то мѣстѣ зарыты три сосуда съ сокровищами; по смерти его старшій сынъ долженъ взять себѣ то, что находится въ верхнемъ сосудѣ, средній въ среднемъ, а младшій—въ нижнемъ. Когда по смерти отца сыновья его вырыли сокровище, то оказалось, что верхній сосудъ наполненъ золотомъ, средній костями, а нижній землею. Братья заспорили и обратились за разрѣшеніемъ спора къ Соломону. Соломонъ нашелъ поступокъ отца мудрымъ, такъ какъ онъ правильно раздѣлилъ имѣніе: «Золото должно принадлежать старшему; среднему, которому назначены кости,—богатство, состоящее въ скотѣ и рабахъ, а младшему, которому досталась земля,—поля, виноградники и прочее имѣніе».

У одного человѣка было шесть сыновей и одна дочь. Умирая, онъ завѣщалъ свое золото дочери, а остальное иму-

щество — старшему сыну. По смерти отца обдѣленные сыновья потребовали отъ старшаго равнаго раздѣла имущества между всѣми. Когда старшій отказался, они обратились къ Соломону. Соломонъ сказалъ имъ: «Не могу разсудить васъ, пока вы не принесете мнѣ правую руку отца: посмотрѣвъ на нее, я узнаю, какъ рѣшить вашъ споръ». Сыновья отправились къ могилѣ. Когда братья стали раскапывать могилу, старшій началъ умолять, чтобы они этого не дѣлали, что онъ готовъ раздѣлить имѣніе поровну. За происходившимъ у могилы тайно слѣдили люди, посланные Соломономъ. Они донесли ему о происшедшемъ. Когда сыновья опять явились къ Соломону, послѣдній сказалъ имъ: «Изъ того, что вы хотѣли раскопать могилу отца, я вижу, что вы не его дѣти, что настоящій сынъ только тотъ, кто не позволилъ раскопать могилу: ему одному и должно принадлежать имѣніе».

Дарій, царь персидскій, состязается съ Соломономъ загадками. Дарій обѣщалъ Соломону «три кади» серебра, если онъ отгадаетъ слѣдующую загадку: «Стоитъ щитъ, а на щитѣ заяцъ, и прилелѣлъ соколъ, взялъ заяцъ, и ту сѣдѣ сова». Соломонъ при помощи одноглазаго бѣса отгадываетъ: Щитъ - земля, а на щитѣ заяцъ—правда, а иже взя соколъ заяцъ, то взялъ ангелъ правду на небо, и ту сѣдѣ сова, сирѣчь кривда, правда же бысть взята на небо, а на земли осталась кривда».

2) **Сказаніе о царицѣ Южской**». Царица Южская (Савская) и Соломонъ испытываютъ другъ друга загадками. Соломонъ спрашиваетъ царицу, мясо какихъ звѣрей или птицъ она хочетъ ѣсть. Царица отвѣчаетъ: мясо такихъ звѣрей, которые ночами летаютъ между небомъ и землей, имѣютъ костяныя крылья, не смотрятъ на небо и не имѣютъ голоса. Соломонъ догадался, что царица хочетъ осетрины, и велѣлъ своимъ поварамъ приготовить ей это блюдо.

Въ другой разъ царица привела къ Соломону мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ въ одинаковыя платья, и просила указать, которые изъ нихъ мальчики, и которыя дѣвочки. Соломонъ велѣлъ имъ умываться: Мальчики стали умываться быстро и энергично, а дѣвочки—«тихо и нѣжно». Въ другой разъ эту же самую загадку Соломонъ разгадалъ такимъ образомъ: велѣлъ принести орѣховъ и разсыпать передъ ними:

мальчики бросились собирать орѣхи въ полы, а дѣвочки — въ рукава.

Царица задавала Соломону слѣдующія еще загадки: «Если соль загніетъ, чѣмъ ее исправить»? Соломонъ отвѣчалъ: «лошадинымъ рогомъ».—«А когда у лошади бываетъ рогъ»? спрашиваетъ царица.—«А когда соль гніетъ»? спрашиваетъ Соломонъ.

Другая загадка въ этомъ же родѣ: «Если на нивѣ выростутъ ножи, чѣмъ ихъ можно сжать»?—«Ослинымъ рогомъ», отвѣчаетъ Соломонъ. — «А гдѣ у осла рога»? возражаетъ царица.—«А гдѣ нива выращиваетъ ножи»? спрашиваетъ Соломонъ.

3) «**Повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ**». Разсказы о Соломонѣ и Китоврасѣ выработались изъ сказаній о построеніи Соломономъ храма.

Соломонъ обратился къ своимъ мудрецамъ за совѣтомъ о томъ, какъ обтесывать камни такъ, чтобы при строеніи храма не производилось никакого шума. Мудрецы указали ему, что существуетъ червякъ шамиръ (слово еврейское, означающее алмазъ), при помощи котораго Моисей обтесывалъ скрижали для закона. Соломонъ, по совѣту мудрецовъ, призвалъ демоновъ, которые сообщили, что открыть, гдѣ находится этотъ червякъ, можетъ только ихъ князь--Асмодей (въ славянскихъ редакціяхъ онъ называется Китоврасомъ, соотвѣтствуетъ греческому Кентавру). Демоны указали, какъ можно добыть Асмодея-Китовраса. Асмодей-Китоврасъ ежедневно поднимается на небо для представленія Богу; оттуда онъ спускается на землю около одной горы, гдѣ находится колодецъ: изъ этого колодца онъ пьетъ воду, закрываетъ его камнемъ и запечатываетъ перстнемъ. Демоны посовѣтовали Соломону послать къ этому мѣсту одного изъ вельможъ съ цѣпью и желѣзными узами, на которыхъ вырѣзано имя Божье, съ связкой шерсти и мѣхами, наполненными виномъ. Вельможа изъ стараго колодца вычерпалъ всю воду, отверстіе задѣлалъ шерстью и засыпалъ пескомъ, а недалеко отъ него выкопалъ новый колодецъ, который наполнилъ виномъ. Сойдя въ обычное время съ неба Асмодей-Китоврасъ подошелъ къ колодцу, напился вина, опьянѣлъ и уснулъ. Вельможа воспользовался сномъ его и надѣлъ на него цѣпи со словами: «Имя Господа твоего да будетъ надъ

тобой»! Асмодей-Китоврасъ безъ сопротивленія пошелъ за вельможей.

На пути Китоврасъ увидѣлъ человѣка, покупавшаго себѣ башмаки на семь лѣтъ, и посмѣялся надъ нимъ; увидѣвъ другого человѣка, который ворожилъ, онъ тоже посмѣялся; встрѣтивъ свадьбу, заплакалъ; встрѣтивъ пьянаго, сбившагося съ дороги, Китоврасъ указалъ ему дорогу. Соломонъ, удивленный такими поступками Китовраса, спросилъ его, что они означаютъ. Китоврасъ объяснилъ, что надъ покупавшимъ на семь лѣтъ башмаки онъ смѣялся потому, что ему предстоитъ черезъ семь дней умереть; надъ ворожившимъ человѣкомъ онъ посмѣялся потому, что тотъ не догадывался, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, зарыто золото; надъ свадьбой онъ плакалъ потому, что женившійся не проживетъ и мѣсяца; а заблудившагося пьянаго направилъ на путь потому, что онъ—хорошій человѣкъ.

Асмодей-Китоврасъ научилъ Соломона, какъ добыть камень (червяка по другимъ сказаніямъ) шамиръ, которымъ можно безъ шума обдѣлывать камень. Для этого Соломонъ положилъ на гнѣздо ворона, въ которомъ находились яйца, хрустальную пластинку. Когда воронъ прилетѣлъ въ гнѣздо, онъ пытался разбить хрусталь, но такъ какъ ему это не удалось, то онъ улетѣлъ и черезъ нѣсколько часовъ вернулся съ камнемъ въ клювѣ. Едва онъ прикоснулся этимъ камнемъ къ пластинкѣ, какъ она раскололась. Воронъ указалъ Соломону, что такіе камни находятся на краю Востока, на высокой горѣ. Оттуда Соломонъ досталъ много такихъ камней, роздалъ ихъ работникамъ, и съ этого времени работа производилась безъ шума.

Отъ Асмодея - Китовраса пришлось Соломону и пострадать. Соломонъ однажды похвастался передъ Китоврасомъ своей силой. Китоврасъ предложилъ ему испытать и его силу, для чего просилъ снять съ него цѣпи и дать ему перстень. Соломонъ согласился. Китоврасъ проглотилъ перстень, ударилъ Соломона своимъ крыломъ и перебросилъ его на конецъ вселенной, а самъ сталъ управлять государствомъ вмѣсто Соломона. Соломонъ пошелъ странствовать по всей землѣ, питаясь милостыней. По однимъ сказаніямъ Соломонъ до конца жизни былъ бѣднымъ странникомъ, а

по другимъ онъ вернулся въ Іерусалимъ и снова вернулъ себѣ престолъ.

72. «Видѣніе пророка Исаіи». Въ этомъ апокрифѣ изображаются послѣднія времена, связанныя съ человѣческими беззаконіями и пришествіемъ антихриста. За беззаконія люди будутъ подвергнуты со стороны разгнѣваннаго Бога всевозможнымъ бѣдствіямъ. Этимъ бѣдствіямъ сначала подвергнется еврейскій народъ: на него нападутъ враги, онъ будетъ испытывать голодъ, дикіе звѣри уничтожатъ его скотъ, «ратаи не будутъ пѣть на нивахъ», погибнутъ рыбы въ водахъ, птицы не будутъ больше летать по воздуху, а земля превратится въ воду; въ это время легко будетъ только умершимъ и не родившимся. Затѣмъ обрушатся бѣдствія и на весь человѣческій родъ, и настанетъ конецъ міра: «И тогда,—предвидѣлъ пророкъ Исаія,—не будетъ между вами ни смѣха и богохульныхъ словъ, ни всякихъ игръ бѣсовскихъ, не будетъ коней борзыхъ, ни ризъ свѣтлыхъ; тогда начнете падать, умирая другъ съ другомъ и братъ съ братомъ охватившись, и тогда дитя умретъ на колѣняхъ матери своей, а мать, охватившись съ своею дочерью, и тогда будетъ въ васъ горькое стенаніе, и отъ крика вашего потрясется земля; солнце померкнетъ, луна преложится въ кровь, и тогда земля восплачется, какъ красная дѣвица, за погибель человѣческую, восплачется и море, и рѣки, и вся глубина, и преисподняя, и тогда восплачется бездна великимъ гласомъ, какъ въ златокованную трубу; тогда восплачутся ангелы, видя безъ милости погибающій родъ человѣческій за умноженіе его злобы, и тогда антихристъ начнетъ ходить явно со своими бѣсами, прельщая и умерщвляя людей, пока сойдетъ съ неба Господь Саваоѳъ, воздавая каждому по его дѣламъ».

Новозавѣтные апокрифы.

73. Дѣленіе новозавѣтныхъ апокрифовъ. Къ новозавѣтнымъ апокрифамъ относятся слѣдующіе: «Евангелія» апокрифическія, «Сказаніе Афродитіана», «Преніе Іисуса Христа съ діаволомъ», «Слово Адама во адѣ къ Лазарю», «Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Слово о видѣніи св. апостола Павла», «Вопросы Іоанна Богослова ко Господу на горѣ Ѳаворской», «Бесѣда трехъ святителей», «Сказаніе

о двѣнадцати пятницахъ», «Слово св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ», «Эпистолія о недѣлѣ», «Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ».

74. Апокрифическія «Евангелія». Изъ семи апокрифическихъ евангелій, извѣстныхъ въ греческой, латинской и восточной литературахъ, у насъ были болѣе извѣстны три: Іакова, Ѳомы и Никодима.

1) **«Первоевангеліе Іакова».** Въ «Первоевангеліи Іакова» разсказывается по преимуществу о рожденіи и жизни Дѣвы Маріи, о рождествѣ Христа и его дѣтствѣ.

Въ разсказѣ объ Іоакимѣ и Аннѣ излагается, какъ послѣдняя плачетъ о своемъ безплодіи такими словами: «Лютѣ мнѣ, кому уподобихся азъ и не уподобихся азъ? Птицамъ небеснымъ, яко птицы небесныя плодовиты предъ тобою, Господи. Лютѣ мнѣ, кому уподобихся азъ? Ни звѣремъ земнымъ, яко звѣріе земніи плодовиты суть передъ тобою, Господи. Кому уподобихся азъ? Земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всякое время и тя благословляетъ, Господи».

Послѣ рожденія Дѣвы Маріи разсказывается о ея введеніи во храмъ, о пребываніи ея въ храмѣ, о томъ, что пищу она принимала «отъ руки ангеловы», о выборѣ ей жениха посредствомъ жезловъ: изъ жезла вышелъ голубь и полетѣлъ на голову Іосифа. Священники храма поручаютъ Дѣвѣ Маріи «прясти злато нескверньно и вусъ и вунта и кокинъ истовую порфиру».

У колодца, изъ котораго Марія носила воду, она впервые слышитъ гласъ архангела: «Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ». Возвратившись домой, она видитъ самого ангела, который возвѣщаетъ ей о предстоящемъ рожденіи Спасителя. Изображаются смущеніе Іосифа и Маріи, испытаніе ихъ священниками храма при посредствѣ «воды обличенія» и вообще отношенія окружающихъ. Когда Маріи пришло время родить, Іосифъ отправляется искать повивальную бабку. Въ это время все въ природѣ замираетъ: птицы молчатъ, овцы не ѣдятъ и не двигаются, пастухъ поднялъ свою руку съ жезломъ, и рука замерла въ воздухѣ; козлы приложились къ потоку, чтобы пить, и не пьютъ.

Елисавета съ младенцемъ чудесно спасается отъ преслѣдованій Ирода въ горѣ, которая разверзается и скрываетъ ее.

2) **«Евангеліе Ѳомы».** Въ этомъ евангеліи съ особенною

подробностью разсказывается о дѣтствѣ Христа. Евангеліе начинается такъ: «Я, Ѳома, избранный израильтянинъ, возвѣщаю всѣмъ народамъ, что я знаю о дѣтствѣ Іисуса, родившагося въ Виѳлеемѣ Назаретскомъ». Ѳома разсказываетъ, что юный Іисусъ лѣпилъ изъ грязи птицъ, которыя чудесно оживали и летали. Разгнѣвавшись на дерзкихъ сверстниковъ, Іисусъ наказывалъ ихъ словомъ: одинъ, будучи проклятъ, зачахъ, другой упалъ и умеръ, преслѣдовавшіе Іисуса ослѣпли и т. д.

Іосифа упрекаютъ сосѣди за шалости Іисуса; воспитатель хватаетъ Іисуса за ухо. Когда учитель бьетъ Іисуса по головѣ, Іисусъ стыдитъ его своею мудростью и всевѣдѣніемъ.

Іисусъ воскрешаетъ своего сотоварища, упавшаго съ крыши и убившагося. Онъ помогаетъ Іосифу въ работахъ: засѣваетъ ниву, вытягиваетъ короткое бревно. Въ школахъ онъ отличался своими знаніями и развитіемъ. Онъ словомъ разрушалъ и поднималъ зданія, лѣчилъ отъ укушенія ехидны, воскрешалъ мертвыхъ.

Въ этомъ евангеліи Христосъ изображается съ рѣзкимъ, суровымъ характеромъ. Вѣроятно, по этой причинѣ «Евангеліе Ѳомы» у насъ было менѣе популярно, чѣмъ другія два.

3) «Никодимово евангеліе». «Никодимово евангеліе имѣетъ двѣ редакціи: одна, краткая, разсказываетъ объ осужденіи Христа на смерть и его воскресеніи; другая, полная, присоединяетъ къ этому разсказъ о сошествіи Христа въ адъ. Къ этому Евангелію присоединяется еще «Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю».

Разсказывая о судѣ надъ Христомъ, «Никодимово евангеліе» сообщаетъ, что, когда Христосъ былъ введенъ въ палаты къ Пилату, то стоявшіе тамъ «боги демонскіе» преклонились передъ нимъ. Іудеи, увидѣвшіе чудо, закричали, что это люди, державшіе боговъ, наклонили ихъ. Пилатъ призвалъ людей, «державшихъ боговъ», на допросъ. Люди сообщили Пилату, что они—греки, и у нихъ не было никакого повода наклонять боговъ. Тогда Пилатъ велѣлъ старѣйшинамъ іудейскимъ выбрать изъ своей среды наиболѣе сильныхъ и поставить ихъ у идоловъ. Когда Христа ввели второй разъ къ Пилату, чудо повторилось: боги пали и поклонились ему до земли.

Пилатъ видѣлъ невинность Христа, но ничего не могъ

сдѣлать съ іудеями и уступилъ имъ. «измывъ руки свои передъ солнцемъ». Пилатъ и его жена, услышавъ о распятіи Христа и о чудесахъ, которыми оно сопровождалось, отъ скорби не могли въ тотъ день ни ѣсть, ни пить.

Въ «Посланіи Пилата» подробно излагаются чудеса, которыми сопровождалась смерть Христа. Между прочимъ, сообщается, что «въ одну субботу ночью былъ съ неба великій шумъ, и все небо было въ семь разъ яснѣе и свѣтлѣе всѣхъ дней, а отъ третьяго часу ночью возсіяло солнце, какъ никогда не бывало, и освѣтило всюду, и все небо просвѣтилось, какъ молнія, внезапно пришедшая зимою. И нѣкіе высокіе мужи въ великолѣпныхъ одеждахъ и въ неисповѣдимой славѣ являлись въ великомъ множествѣ, восклицая: распятый Христосъ воскресъ! И голосъ ихъ слышался, какъ громовое величіе: слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, выйдите изъ ада порабощенные въ преисподней! Отъ голоса же ихъ горы и холмы земные колебались, камни разсѣлись, и на землѣ явились великія пропасти... и многія тѣла умершихъ воскресли, и все множество воспѣвало великимъ голосомъ: воскресъ изъ мертвыхъ Христосъ и, воскресивъ всѣхъ мертвыхъ, оживилъ и, разрушивъ адъ, умертвилъ.... Всю ночь свѣтъ не переставалъ. Изъ іудеевъ же многіе умерли, такъ что и тѣла ихъ не явились. И одержимый страхомъ и лютымъ трепетомъ, видѣвши то, что происходило въ это время, я написалъ и возвѣстилъ вашей державѣ, изложивъ содѣянное іудеями на Іисуса».

О Пилатѣ «Никодимово евангеліе» разсказываетъ, что римскій императоръ осудилъ его на смерть. Идя на казнь, онъ раскаялся и молился. По окончаніи молитвы съ неба раздался голосъ, извѣщавшій ему прощеніе: «... тобою совершились пророческія пророченія обо мнѣ, и ты будешь свидѣтелемъ во второмъ моемъ пришествіи, когда буду судить живыхъ и мертвыхъ». Голова Пилата взята была ангеломъ на небо.

Вторая часть «Никодимова евангелія», повѣствующая о сошествіи Христа въ адъ, извѣстна была у насъ по «словамъ», которыя ложно приписывались Епифанію Кипрскому и Евсевію Александрійскому.

«Слово въ великую субботу о погребеніи тѣла Спасителя» Епифанія Кипрскаго разсказываетъ о томъ, какъ на-

ходившіеся въ аду ветхозавѣтные патріархи и пророки молились Богу объ избавленіи. Тогда послышался голосъ: «возьмитесь, врата вѣчныя»! Всѣ основанія ада поколебались, адскія силы въ ужасѣ бросились во всѣ стороны; а силы Божія разрушали адъ: раскапывали основанія ада, вязали мучителей, освобождали узниковъ. Адамъ услышалъ приближеніе Спасителя и обратился къ заключеннымъ съ слѣдующими словами: «Я слышу, что нѣкто идетъ къ намъ, и если тотъ воистину соизволилъ придти сюда, то мы освободимся отъ узъ, и если воистину увидимъ его съ нами, то избавимся отъ ада». Въ это время входитъ Христосъ съ побѣднымъ оружіемъ въ рукахъ, съ крестомъ. Адамъ въ ужасѣ ударилъ себя въ грудь и привѣтствовалъ Христа, а Христосъ, взявъ его за руку, воскресилъ со словами: «Возстань, спящій! Я—Богъ твой; ради тебя бывшій сыномъ тебѣ, и нынѣ говорю: повелѣваю связаннымъ—выходите, и находящимся во тьмѣ—просвѣтитесь, и лежащимъ—возстаньте! А тебѣ повелѣваю: возстань, спящій, потому что не для того я тебя сотворилъ, чтобы ты былъ связанъ въ аду; воскресни изъ мертвыхъ, потому что я—жизнь человѣкамъ и воскресеніе».

«Слово въ великую пятницу» Евсевія александрійскаго представляетъ событія, изложенныя въ «Никодимовомъ евангеліи», въ трехъ отдѣлахъ: 1) ожиданіе находившимися въ аду ветхозавѣтными праведниками искупленія и сошествіе въ адъ Іоанна Предтечи, 2) предательство Іуды и козни адскихъ силъ и 3) сошествіе въ адъ Спасителя, разрушеніе ада и изведеніе изъ него праведниковъ.

Эти три евангелія, особенно первое и третье, пользовались большой популярностью не только среди мірянъ, но и въ духовенствѣ, на Востокѣ и на Западѣ и у насъ. Своими повѣствованіями они оказали большое вліяніе на культъ христіанскій и на живопись: въ каноническихъ евангеліяхъ нѣтъ указаній на такое событіе, какъ введеніе Дѣвы Маріи во храмъ, а въ «Первоевангеліи Іакова» о немъ есть разсказъ, и церковь празднуетъ это событіе до сихъ поръ; далѣе, пасхальная пѣснь о сошествіи Христа въ адъ основана на повѣствованіи «Никодимова евангелія»; воскресеніе Христа въ древности изображалось въ видѣ сошествія Христа во адъ, и т. д.

75. Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ Персидской землѣ. Въ Персіи была знаменитая кумирница, наполненная золотыми и серебряными идолами. Однажды пришелъ въ кумирницу царь, чтобы узнать у жрецовъ смыслъ увидѣннаго имъ сна. Жрецъ Прупъ сообщилъ царю, что въ прошлую ночь всѣ идолы ликовали и говорили, что «Пра съ этого времени наречется Ураніей (небесной), потому что ее возлюбило великое солнце, что она обѣщана за древодѣля: имя ей Марія». Вечеромъ царь самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ идолы начали пѣть и играть. Царь ужаснулся и хотѣлъ уйти. Въ это время вдругъ раскрылась кровля кумирницы, въ нее вошла свѣтлая звѣзда и стала надъ кумиромъ источника. Всѣ кумиры пали ницъ, кромѣ идола источника. Жрецы объявили царю, что почитанію боговъ наступаетъ конецъ, что въ Іерусалимѣ родился сынъ Вседержителя и что необходимо послать въ Іерусалимъ пословъ. Царь немедленно отправилъ волховъ. Едва они отправились въ путь, какъ двинулась и звѣзда и стала показывать имъ путь. Звѣзда привела ихъ въ вертепъ, гдѣ находилась Дѣва Марія съ младенцемъ. Мать Христа была высокаго роста, съ кругловатымъ лицомъ, смуглаго цвѣта; Христосъ сидѣлъ и имѣлъ на видъ второй годъ отъ роду; своею наружностью онъ напоминалъ мать. Волхвы поклонились младенцу, дали ему злато, ливанъ и смирну, «отроча же смѣяшеся и плескаше». Сказаніе оканчивается появленіемъ ангела, который запрещаетъ волхвамъ возвращаться къИроду. Вернувшись на родину, волхвы принесли съ собою изображеніе Дѣвы Маріи и Христа и помѣстили это изображеніе въ кумирницѣ.

76. «Преніе Іисуса Христа съ діаволомъ». Испытывая Христа, діаволъ спрашиваетъ Его, откуда Онъ. Христосъ отвѣчаетъ, что съ небесъ. «Иди ты на небо, говорилъ ему діаволъ, сядь на свой престолъ: небеса—твои, а земля—моя». Христосъ говоритъ дьяволу, что пришелъ погубить его и ангеловъ его, и свѣтильники его, и дѣла его (разбой, татьба, зависть, волхвованіе и пр.). Діаволъ спрашиваетъ, что сдѣлаетъ Христосъ съ человѣкомъ, который будетъ творить дѣла діавола. Христосъ отвѣчаетъ, что тотъ человѣкъ, который будетъ творить эти дѣла 50 лѣтъ и 3 года, а потомъ покается, накормитъ странника, помилуетъ

нищаго,—тому пошлетъ блаженную смерть: если же человѣкъ и по прошествіи 53 лѣтъ не покается, Христосъ пошлетъ ему лютую смерть.

Діаволъ тогда вошелъ на гору, собралъ всѣхъ бѣсовъ, сообщилъ имъ объ опасности, угрожающей имъ отъ Христа, и велѣлъ собраться съ силами. Вдругъ отъ множества бѣсовъ поднялся «прахъ на 12 поприщъ», затряслись горы, заметались глубины. Испугались ученики Христа; апостолъ Петръ бросился даже бѣжать отъ Христа. Но Христосъ успокоилъ учениковъ, напомнилъ имъ, какъ Отецъ и Онъ низвергли діавола съ неба. Затѣмъ Христосъ велѣлъ облакамъ сойти на землю; діаволъ былъ схваченъ и повѣшенъ «стремглавъ за пяты». Діаволъ сталъ угрожать Христу тѣмъ, что войдетъ въ сердце Анны и Каіафы и внушитъ имъ распять его. Христосъ отвѣтилъ, что онъ будетъ дѣйствительно пригвожденъ ко кресту, но люди будутъ потомъ кресту же поклоняться. «Если бы я зналъ,—сказалъ діаволъ,—гдѣ ты родился, я погубилъ бы тебя и матерь твою». Христосъ велѣлъ землѣ разверстись на триста локтей. Діаволъ началъ молить Христа не губить его. Христосъ успокоилъ его: «Не бойся, не погублю тебя, но повелю тебѣ царствовать три лѣта, при кончинѣ міра. Послѣ того совьются небеса, какъ свитокъ, земля разгорится, какъ желѣзо: тогда погублю тебя».

77. «Слово Адама во адѣ къ Лазарю». Въ «Словѣ Адама» разсказывается о томъ, что происходило въ аду наканунѣ сошествія Христа въ адъ. Въ аду находились Адамъ, всѣ патріархи и пророки. Адамъ говоритъ: «Воспоемъ нынѣ, отложимъ плачъ и утѣшимся. Ударь, Давидъ, въ гусли и возложи свои персты на живыя струны! Насталъ день спасенія: я слышу пастырей, свиряющихъ (играющихъ на свирѣли) у вертепа, и голосъ ихъ проходитъ чрезъ врата ада; слышу топотъ коней персскихъ: волхвы отъ своихъ царей несутъ дары Царю небесному, нынѣ на землѣ родившемуся. Этого дня многіе ждали. Пріидите всѣ праведные и пророки, пошлемъ вѣсть о себѣ ко Владыкѣ Христу со слезами и вопросимъ, хощетъ ли онъ избавить насъ отъ этой муки». Исаія и Іеремія сказали: «Кто можетъ отъ насъ донести туда вѣсть? Врата ада—мѣдныя, вереи—желѣзныя, замки—каменные, все твердо запечатано». Давидъ сказалъ: «Вотъ заутра пой-

детъ отъ насъ Лазарь четверодневный, другъ Христовъ: онъ донесетъ отъ насъ вѣсть къ нему». Адамъ, съ воплемъ и ударяя себя по лицу, проситъ Лазаря: «Повѣдай отъ меня Владыцѣ: для того ли, Господи, создалъ меня, чтобы на короткій вѣкъ быть на землѣ, и осудить меня многіе годы мучиться въ аду? Для того ли я наполнилъ землю? Вотъ, возлюбленные внуки мои во тьмѣ сидятъ, во днѣ адовомъ, мучимы отъ сатаны. На малый часъ я былъ царемъ всѣхъ тварей Божіихъ, а нынѣ на многіе дни сдѣлался рабомъ ада и плѣнникомъ его бѣсовъ. Если я согрѣшилъ, Господи, паче всѣхъ человѣкъ, то по дѣламъ моимъ ты воздалъ сію муку. Не жалуюсь, Господи, но и я по твоему образу созданъ, а нынѣ діаволъ ругается надо мною. Здѣсь въ аду мучится твой другъ, первый патріархъ Авраамъ, который ради тебя хотѣлъ заклать сына своего Исаака и которому ты, Господи сказалъ: благословятся о тебѣ вся колѣна земная. Въ чемъ онъ согрѣшилъ»? Адамъ указываетъ на Ноя, Моисея, Давида, Іоанна Крестителя, на пророка Илію и Еноха, которые угодили Богу и ждутъ спасенія: «Приди по насъ, Господи, вскорѣ: избави насъ отъ ада и свяжи діавола»! «Слово Адама» на этомъ прерывается. Въ «Словѣ въ субботу шестую на воскресенье друга Божьяго Лазаря» разсказывается о томъ, что Лазарь, вернувшись на землю послѣ своего воскресенія, исполнилъ просьбу Адама.

78. «Хожденіе Богородицы по мукамъ». Богородица молится на горѣ Елеонской, чтобы снизошелъ архангелъ Михаилъ и разсказалъ ей о мукахъ грѣшниковъ. Михаилъ является въ сопровожденіи 400 ангеловъ: 100 явилось съ востока, 100—съ запада, 100 съ сѣвера и 100 съ юга. Отверзся адъ, и открылась картина мукъ: слышался сильный вопль множества людей. На вопросъ Богородицы, кто эти мучащіеся, архангелъ Михаилъ объясняетъ: «Сіи суть, иже не вѣрованя въ Отца и Сына и св. Духа, позабыша Бога и вѣрованя юже ны бѣ тварь Богъ на работу сотворилъ, того они все боги прозваша: солнце и мѣсяца, землю и воду и звѣри и гади... отъ камени ту устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна...». Въ другомъ мѣстѣ, которое было первоначально покрыто тьмою и откуда также слышался сильный вопль, мучились тѣ, которые не хотѣли исповѣдывать имени Богородицы, которые не вѣрили, что отъ нея родился Спа-

ситель Отсюда Богородица посмотрѣла на югъ. Здѣсь протекала огромная огненная рѣка, въ которой было множество людей. Одни изъ нихъ были погружены въ ней до пояса, другіе до шеи, третьи до верху. До пояса погружены были тѣ, которые проклинали отца и мать; до шеи тѣ которые ѣли человѣческое мясо; доверху тѣ, которые нарушали клятву крестомъ. Здѣсь же Богородица увидѣла человѣка, повѣшеннаго за ноги и терзаемаго червями: этотъ человѣкъ бралъ за свои деньги большіе проценты; женщину, повѣшенную за зубы, изъ устъ которой выползали змѣи, и терзали ее: эта женщина ходила по сосѣдямъ, подслушивала, сплетничала, производила ссору и вражду. На сѣверѣ было распростерто огненное облако, среди котораго было множество кроватей: на нихъ лежали люди, которые по лѣности не вставали къ заутренѣ на святую недѣлю и спали, какъ мертвые. Крылатый змѣй съ тремя головами терзалъ человѣка, который зналъ священное Писаніе, но не творилъ по Писанію. На огненныхъ столахъ распростерты были тѣ, которые не чтутъ поповъ; на желѣзномъ деревѣ съ желѣзными вѣтвями повѣшены были за языки клеветники и ссорщики. Далѣе, въ тяжкихъ мукахъ вопили патріархи, епископы съ славными именами, попадьи, черницы монастырей, немилостивые князья, цари. Налѣво отъ востока была огненная смоляная рѣка. Смола клокотала, какъ въ котлѣ. Когда огненныя волны поднимались, грѣшники погружались внизъ на тысячу локтей. Это были «жидове», которые мучили Христа, отверглись Бога и прощенія, которые отравляютъ людей ядомъ, убиваютъ мечомъ. Далѣе, въ огненномъ озерѣ мучились христіане, творившіе дѣла діавола и не успѣвшіе раскаяться.

Богородица была потрясена зрѣлищемъ мукъ христіанъ и стала сама проситься въ адъ помучиться вмѣстѣ съ христіанами. Архангелъ сказалъ, что ей подобаетъ почивать въ раю. Тогда она стала просить его воздвигнуть воинство семи небесъ и помолиться за грѣшныхъ, чтобы Господь помиловалъ ихъ. Архангелъ отвѣчаетъ, что это уже дѣлается— семь разъ днемъ и семь разъ ночью.

Тогда Богородица попросила вознести ее на небо и поставить передъ престоломъ Отца. Богородица стала молить Владыку помиловать грѣшныхъ христіанъ. Молитва осталась

безуспѣшной. Тогда Богородица созвала пророковъ, апостоловъ-евангелистовъ и всѣ силы небесныя, чтобы они вмѣстѣ съ нею помолились за грѣшниковъ. Тогда Богъ послалъ къ грѣшникамъ Сына своего, который ради молитвъ матери, архангела Михаила и множества мучениковъ облегчилъ ихъ муки: «Даю вамъ, мучащимся день и ночь, имѣти покой отъ великаго четверга до святой пятидесятницы».

79. «Слово о видѣніи св. апостола Павла». Господь повелѣваетъ апостолу Павлу проповѣдывать людямъ покаяніе и призывать ихъ къ пониманію того, что вся природа повинуется Богу, одно только человѣчество продолжаетъ грѣшить. Природа жалуется на людей. Великое и свѣтлое солнце много разъ молилось: «Господи Боже, Вседержителю! Доколѣ мнѣ смотрѣть на беззаконія и неправды человѣческія? Повели, да сотворю по моей силѣ на нихъ». Луна и звѣзды много разъ вопрошали Бога и говорили: «Ты далъ намъ область нощи: долго ли намъ смотрѣть на кровопролитіе, творимое сынами человѣческими? Повели намъ, и сотворимъ на нихъ по силѣ нашей». Воды жаловались на то, что люди осквернили въ нихъ святое имя Божіе. Особенно много жалобъ приносила земля, которой приходится много претерпѣвать отъ людскихъ беззаконій: разбоя, воровства, клятвы, волхвованія, обмана, отъ того, что отецъ возстаетъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата. «Повели мнѣ,—обращается земля къ Богу,—да не подамъ имъ плодовъ отъ моей крѣпости». Богъ отвѣчалъ имъ, что Онъ знаетъ грѣхи людей, но Его человѣколюбіе ожидаетъ, что люди покаются и вернутся къ нему; если же они не сдѣлаютъ этого, тогда Онъ будетъ судить ихъ. Когда заходитъ солнце, ангелы приходятъ къ Богу и приносятъ ему людскія дѣла — добрыя и злыя. То же самое дѣлаютъ они и ночью. Поэтому люди должны непрестанно каждый день и каждый часъ благословлять Бога. Даже ночью они должны вставать и въ тотъ часъ, когда ангелы докладываютъ Богу о прегрѣшеніяхъ людей, возсылать Богу молитвы о своемъ помилованіи.

Послѣ этого вступленія излагается самое видѣніе апостола Павла. Павелъ увидѣлъ страшныхъ и немилосердныхъ ангеловъ: лица ихъ были искажены отъ ярости, зубы ихъ—выше рта, глаза свѣтятся, какъ звѣзды, изъ устъ ихъ выходитъ огненное пламя. Это—ангелы, которые приходятъ за душами

невѣрныхъ людей. Павелъ увидѣлъ другихъ ангеловъ: лица ихъ свѣтились, какъ солнце, чресла ихъ препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ ихъ печать Божія и свитокъ, на которомъ написано имя Божіе. Это—ангелы, которые посылаются за душами праведныхъ людей. Взглянувъ съ неба на землю, Павелъ увидѣлъ, что она совсѣмъ ничтожна, и понялъ тогда «суетность величества человѣческаго». Взглянувъ на землю еще разъ, онъ увидѣлъ, что она покрыта огненнымъ облакомъ: это было беззаконіе, смѣшанное съ молитвой. Павелъ видѣлъ, какъ душа разстается съ тѣломъ. Взявъ душу праведника, ангелы три раза говорили ей: «познай, душе, свое тѣло, откуда вышла; въ день воскресенья ты снова должна будешь возвратиться въ свое тѣло». Душа прощалась съ тѣломъ и лобызала его. Павелъ видѣлъ также, какъ исходитъ и душа грѣшника.

Послѣ этого ангелъ вызвалъ Павла на третье небо и показалъ рай — мѣста праведниковъ: у воротъ было два золотыхъ столпа, на столпахъ скрижали, на которыхъ были написаны имена работающихъ Богу. Отсюда Павелъ посмотрѣлъ на землю и увидѣлъ землю обѣтованную: земля блестѣла, какъ серебро; посрединѣ была рѣка, текущая молокомъ и медомъ; на берегахъ ея росли деревья. Сюда переносятся души праведныхъ послѣ смерти.

Затѣмъ Павелъ былъ перенесенъ въ градъ Христовъ. Этотъ городъ окруженъ двѣнадцатью стѣнами; внутри каждой стѣны 1.000 столповъ. Отъ западной стороны города течетъ рѣка медвяная, Фисонъ, съ юга — рѣка молочная, Евфратъ, съ востока — рѣка съ виномъ и елеемъ, Тигръ, а съ сѣвера — рѣка масленая, Гіонъ. Посрединѣ города находился высокій алтарь; подлѣ него стоялъ мужъ, въ рукахъ котораго были гусли и Псалтирь. Лицо этого мужа свѣтилось, какъ солнце. Онъ пѣлъ, и его пѣніе наполняло весь городъ. Всѣ, находившіеся на столпахъ вратъ, возглашали «аллилуія» такъ громко, что основаніе города тряслось. Этотъ мужъ былъ Давидъ, а ворота — входъ въ небесный Іерусалимъ.

Ангелъ взялъ Павла на Западъ и показалъ ему рѣку, пылающую огнемъ, въ которой мучились грѣшники. Самая страшная мука назначена тѣмъ, которые отрицаютъ воплощеніе Христа отъ Дѣвы Маріи.

Послѣ всего этого небо отверзлось, съ неба стало сходить множество воинства. Грѣшники стали просить архангела Михаила и ангеловъ помолиться за нихъ. Ангелы съ апостоломъ Павломъ пали ницъ и стали молить Господа помиловать свое созданіе. Богъ ради молитвъ архангела Михаила и Павла смягчилъ участь грѣшниковъ и далъ имъ покой на день и ночь Св. Недѣли.

Затѣмъ Павелъ былъ введенъ въ рай Эдемскій, въ которомъ пали Адамъ и Ева. Въ раю Павелъ увидѣлъ вышеупомянутыя рѣки и дерево, изъ котораго выходила вода, давшая начало рѣкамъ. На деревѣ почивалъ Духъ Божій, а когда онъ дышалъ, тогда текли воды. Это — Святой Духъ, носившійся до сотворенія міра надъ бездной, а со времени сотворенія міра почивающій на этомъ деревѣ. Павелъ увидѣлъ и древо познанія добра и зла, и древо жизни, около котораго стоялъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ. Павелъ видѣлъ Богородицу, которая шла въ сопровожденіи 200 ангеловъ, Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Исаію, Іеремію, Ноя, Илію и Елисея.

80. «**Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской**». Въ греческомъ подлинникѣ этотъ апокрифъ носитъ названіе «Апокалипсиса второго Іоанна». Содержаніе его таково. Іоаннъ Богословъ молится на горѣ Ѳаворской Господу, чтобы Онъ открылъ ему, что будетъ во второмъ пришествіи. Семь дней молился Іоаннъ, и, наконецъ, онъ былъ восхищенъ отъ горы и поставленъ передъ лицомъ небеснымъ. Онъ увидѣлъ открытое небо и распростертую книгу толщиною въ семь горъ; длина же ея такова, что умъ человѣческій не въ состояніи ее измѣрить; книга имѣла семь печатей. На вопросъ о содержаніи книги и о томъ, когда ея содержаніе сбудется, Господь указалъ Іоанну признаки кончины міра и пришествія антихриста. Будутъ посланы обличать антихриста Енохъ и Илія, но антихристъ убьетъ Илію. Кончина міра и страшный судъ послѣдуютъ такимъ образомъ. Господь пошлетъ на землю ангеловъ, которые возьмутъ оттуда все славное и честное, святыя книги и св. крестъ, а землю зажгутъ. Земля сгоритъ на 50,000 локтей въ ширину и 500 локтей въ глубину; поднимутся четыре великихъ вѣтра на землю; земля станетъ бѣлой, какъ снѣгъ, и ровной, какъ хартія, свободной отъ малѣйшей

скверны. Тогда Господь пошлетъ четырехъ сильныхъ ангеловъ, которые возопіютъ великимъ голосомъ и затрубятъ въ трубы. Голосъ ихъ будетъ услышанъ до конца вселенной, и воздвигнутся силы небесныя. Небеса съ востока на западъ раздѣлятся, появится свѣтлое кадило, распространится благоуханіе, и на землю, какъ украшенная невѣста, будетъ перенесенъ горній Іерусалимъ. Тьмы темъ ангеловъ пойдутъ передъ Господомъ и будутъ вопіять: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ»... За ними сойдетъ на землю самъ Господь, и узритъ его всякое око. Затѣмъ принесена будетъ и книга за семью печатями. Когда снимется первая печать, спадутъ звѣзды; когда снимется вторая печать, скроется луна; снимется третья печать—затворится лучъ солнечный; снимется четверая печать—разступятся небеса; пятая — разверзется земля, и наступитъ тьма кромѣшная; со снятіемъ шестой печати — изсякнетъ морская пучина; когда снимется седьмая печать—откроется адъ. Послѣ этого начнется судъ. Сначала будутъ допрошены нечистые духи съ антихристимъ: они будутъ отправлены во тьму кромѣшную; потомъ будутъ допрошены эллины (язычники), вѣровавшіе въ звѣзды, солнце, луну и идолы: они будутъ посланы въ адъ; «жидове», распявшіе Христа, будутъ отправлены во тьму кромѣшную. Затѣмъ будутъ допрошены христіане: праведники будутъ отдѣлены отъ грѣшныхъ и поставлены по правую сторону, а грѣшники по лѣвую. Праведники возсіяютъ, какъ солнце, а грѣшники будутъ омрачены и погнаны, какъ скотъ, къ рѣкѣ огненной: одни изъ нихъ попадутъ въ рѣку огненную, другіе—въ червь неусыпающій, третьи—въ скрежетъ зубовный, четвертые—въ седмиустный пламень. На землѣ откроется рай; праведники будутъ съ ангелами: не будетъ здѣсь ни діавола, ни смерти, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная.

81. «Бесѣда трехъ святителей». Составленіе «Бесѣды» приписывается тремъ святителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому, но авторъ ея на самомъ дѣлѣ неизвѣстенъ. «Бесѣда» составлена на основаніи апокрифическихъ сказаній. Она состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которые интересовали стариннаго читателя, причемъ нерѣдко поставленный вопросъ напоминаетъ мудрую загадку, которая такъ

популярна была въ древности. Вотъ примѣры вопросовъ и отвѣтовъ.

В. Кто первый наречеся на земли? О. Сатанаилъ наречеся первый и причтенъ бысть къ ангеламъ, за гордость же нареченъ сатана. В. Гдѣ Богъ жилъ, когда не было свѣта? О. Суть три каморы на воздусѣхъ; ту бяше Господь въ трехъ каморахъ, а свѣту тогда не бысть. В. Отъ чего солнце сотворено? О. Отъ выспреннія ризы Господни. В. Отъ чего луна сотворена? О. Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня. В. На чемъ держится земля? О. На трехъ китахъ великихъ. В. Отъ чего громъ и молнія сотворены? О. Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ, и ангела громная приставлена. В. Отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ? О. Отъ осьми частей: тѣло взято отъ земли, отъ камени—кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—духъ, отъ огня—теплота, душу Господь вдунулъ. В. Сколько пробылъ Адамъ въ раю? О. Отъ шестого часа до девятаго. В. Гдѣ вселился Адамъ по изгнаніи изъ рая? О. Въ землѣ Мадіамской. В. Кому Господь прежде всѣхъ сослалъ грамоту? О. Сиѳу, Адамову сыну. В. Что ему сослалъ? О. Десять словъ Божіихъ: «Искони бѣ Слово, Слово бѣ отъ Бога»... В. Когда четвертая часть міра умерла? О. Когда Каинъ убилъ Авеля. В. Когда возрадовался весь міръ? О. Когда Ной вышелъ изъ ковчега. В. Который пророкъ не былъ погребенъ? О. Моисей на горѣ Синайской, а внесъ его ангелъ въ рай. В. Кто дважды смерть вкусилъ? О. Лазарь четверодневный. В. Кто не рожденъ, кто не умеръ, кто не истлѣлъ? О. Не рожденъ Адамъ, не умеръ Илія, не истлѣла Лотова жена. В. Что значитъ: гробъ хождаше, а въ немъ мертвецъ пояше? О. Китъ въ мори хождаше, а Іона во чревѣ пѣснь Богу пояше. В. Что есть высота небесная и широта земная, и глубина морская? О. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. В. Что такое рѣка посреди моря течетъ? О. Море есть весь міръ, а рѣка—божественныя писанія и почитаніе книжное. В. Какой городъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ? О. Іерусалимъ городъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ: въ немъ пупъ земли и церковь святая святыхъ, и гробъ Господень. В. Сколько великихъ морей? О. Двѣнадцать, а рѣкъ великихъ тридцать. В. Сколько острововъ великихъ? О. Семь-

десятъ два: столько же разныхъ языковъ, разныхъ рыбъ, птицъ, деревъ, а костей въ человѣкѣ 290, столько же и суставовъ. В. Какого звѣря не было въ Ноевомъ ковчегѣ? О. Рыбы. В. Кто отвалилъ камень отъ гроба Господня? О. Два ангела: Калуилъ и Заилъ. В. Кто родился прежде Адама съ бородой? О. Козелъ. В. Какое было на землѣ первое художество? О. Швечество: Адамъ и Ева сшили себѣ одѣяніе изъ листвія смоковнаго. В. Что такое: стоялъ городъ на пути, а пути къ нему нѣтъ; пришелъ къ нему нѣмой посолъ, принесъ грамоту неписанную? О. Городъ былъ ковчегъ, а посолъ—голубь, принесъ масличный сучокъ. В. Что есть два мелющіе жернова — одинъ подъемлется, а другой оставляется? О. Жерновы суть міръ, а иже мелется—душа съ тѣломъ: душа вознесется, а тѣло оставляется на землѣ. В. Какая мать пожираетъ своихъ дѣтей? О. Море, принимающее въ себя рѣки. В. Стоитъ дубъ. безъ вѣтвей и корней: придетъ къ нему нѣкто безъ ногъ. возьметъ его безъ рукъ. зарѣжетъ безъ ножа и съѣстъ безъ зубовъ. О. Дубъ—человѣкъ: придетъ къ нему смерть и зарѣжетъ безъ ножа.

82. «Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ». Въ началѣ этого «Сказанія» разсказывается о его происхожденіи. Въ одномъ городѣ «западной страны» между христіанами и евреями происходили постоянные споры по вопросамъ религіи, часто оканчивавшіеся кровопролитными столкновеніями. Наконецъ, обѣ стороны рѣшили выбрать отъ себя по одному философу и рѣшеніе спора предоставить имъ. Христіане выбрали богобоязненнаго мужа Елевферія, а евреи своего философа Тарасія. Елевферій при помощи Божіей побѣдилъ «жидовина». «Жидовинъ» призналъ себя побѣжденнымъ, но разставаясь съ Елевферіемъ, замѣтилъ, что этотъ послѣдній ничего не знаетъ о двѣнадцати пятницахъ, а такое знаніе было бы очень полезно для христіанскихъ душъ. Елевферій заинтересовался словами еврейскаго философа и обратился за разъясненіемъ къ находившемуся тамъ сыну его Малху. Малхъ объяснилъ, что ихъ дѣды нѣкогда схватили одного изъ христіанскихъ апостоловъ, у котораго нашли свитокъ. Апостола убили. свитокъ прочли и сожгли: на свиткѣ было написано о двѣнадцати пятницахъ. Евреи поклялись между собою не передавать этого сказанія христіанамъ. Но Малхъ, склонный къ христіанской вѣрѣ, рѣшился разсказать Елев-

ферію сказаніе. Какъ только Малхъ окончилъ свой разсказъ, явился его отецъ. Узнавъ о происшедшемъ, онъ убиваетъ сына и себя.

Въ «Сказаніи» перечисляется двѣнадцать пятницъ, ознаменовавшихся какими-нибудь особенно важными религіозными событіями. Первая пятница — въ мартѣ мѣсяцѣ въ 6-й день: въ этотъ день Адамъ нарушилъ заповѣдь Божію и былъ изгнанъ изъ рая. Вторая пятница—передъ Благовѣщеніемъ: въ этотъ день въ третьемъ часу Каинъ убилъ Авеля. Третья пятница — на страстной недѣлѣ: въ девятомъ часу былъ распятъ Христосъ. Четвертая пятница—передъ вознесеніемъ Господнимъ: въ этотъ день были погублены Содомъ, Гоморра и другіе города. Пятая пятница—передъ пятидесятницей: агаряне съ Навуходоносоромъ взяли Іерусалимъ во второмъ часу дня. Шестая— въ іюнѣ передъ Петровымъ днемъ: Господь послалъ на землю египетскую десять казней. Седьмая — передъ успеніемъ Богородицы: въ этотъ день измаильтяне плѣнили многія страны. Восьмая - передъ усѣкновеніемъ главы Іоанна Крестителя: въ этотъ день Иродъ отсѣкъ Іоанну въ десятомъ часу главу. Девятая — передъ воздвиженіемъ честнаго креста. Десятая—по воздвиженіи: въ этотъ день Моисей раздѣлилъ жезломъ Чермное море. Одиннадцатая —передъ Рождествомъ Христовымъ: въ этотъ день пророкъ Іеремія «знамена кивотъ святыни Господни». Двѣнадцатая—по Рождествѣ Христовѣ: въ этотъ день Иродъ избилъ младенцевъ, и пророкъ Захарія былъ убитъ въ пятомъ часу дня.

Перечисленныя пятницы необходимо почитать постомъ, молитвою, душевною и тѣлесною чистотою; въ эти дни не слѣдуетъ ни путешествовать, ни садить, ни покупать, ни продавать, потому что совершенное въ эти дни не будетъ на пользу, а «на пакость превратится».

Чтущіе двѣнадцать пятницъ, наоборотъ, получаютъ разнаго рода благодѣянія. «Кто первую пятницу чтитъ, тотъ не умретъ внезапною смертью: кто вторую пятницу чтитъ, отъ внезапнаго убійства будетъ предохраненъ; кто третью пятницу чтитъ, тотъ отъ непріятеля будетъ сохраненъ: кто четвертую пятницу чтитъ, отъ утопленія сохраненъ будетъ: кто пятую и шестую пятницу чтитъ, отъ всякаго недостатка и скудости избавленъ будетъ: кто седьмую пятницу чтитъ,

отъ вѣчной муки будетъ избавленъ; кто восьмую пятницу чтитъ, отъ искушеній и трясавицы избавленъ будетъ; кто девятую пятницу чтитъ, отъ великаго и смертнаго грѣха сохраненъ будетъ; кто десятую пятницу чтитъ, имя того написано будетъ у пресвятой Богородицы на престолѣ; кто одиннадцатую пятницу чтитъ, тотъ при смерти узритъ пресвятую Богородицу; кто двѣнадцатую пятницу чтитъ, имя того человѣка будетъ написано у самого Господа въ «книгахъ животныхъ».

Пятница среди нашего народа пользуется большимъ почитаніемъ: она даже представляется живымъ существомъ и чествуется, какъ святая. Объясняется это тѣмъ, что съ пятницей у языческихъ народовъ, въ томъ числѣ и у насъ, связывалось почитаніе какихъ-нибудь божествъ; у римлянъ, напр., пятница посвящена была богинѣ Венерѣ (dies Veneris). Съ принятіемъ христіанства это празднованіе пятницы было пріурочено въ греко-римскомъ мірѣ къ событіямъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи; такъ, пятница сплелась съ именемъ св. мученицы Параскевы. Въ житіи этой мученицы разсказывается, что родители ея отличались особымъ почитаніемъ пятницы, какъ дня страданій Христа. За это Богъ далъ имъ въ пятницу дочь, которой они дали имя Параскевы, что по-гречески значитъ пятница. Такимъ образомъ, собственное имя мученицы въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ обратилось въ св. Пятницу. Празднованіе пятницы перешло къ намъ и, быть можетъ, встрѣтилось съ соотвѣтственнымъ же почитаніемъ пятницы у насъ. Обычай почитанія пятницы былъ отмѣченъ у насъ уже «Стоглавомъ» (XVI в.). Онъ говоритъ, что по погостамъ и по селамъ, и по волостямъ ходили «лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются; а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія (олицетвореніе воскресенія) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ каноны засвѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлати и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменье не распилати, и иные заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити». Въ «Регламентѣ» (XVIII в.) отмѣчается обычай «водить простоволосую женку подъ именемъ Пятницы въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары». На-

родная масса и теперь убѣждена, что по пятницамъ не слѣдуетъ прясть, пахать, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пылью.

83. «Слово св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ». «Эпистолія о недѣлѣ». «Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ». Въ «Словѣ св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ» устанавливается правило почитанія среды и пятницы, въ воспоминаніе о страданіяхъ и смерти Христа. Это правило называется тайной спасенія, открытой свыше св. Пахомію. Среда и пятница олицетворяются въ этомъ «Словѣ» въ видѣ двухъ ангеловъ, которые въ будущей жизни будутъ встрѣчать и провожать въ рай души тѣхъ, которые почитали ихъ.

«Эпистолія о недѣлѣ», ниспосланная съ неба въ Іерусалимъ самимъ Іисусомъ Христомъ, заповѣдуетъ почитать вмѣстѣ съ средой и пятницей и «недѣлю», т. е. воскресеніе. Этими тремя днями, говоритъ въ «Эпистоліи» самъ Господь, земля стоитъ. Недѣлю надо почитать потому, что въ этотъ день Богъ создалъ перваго человѣка; въ этотъ день Онъ явился Аврааму подъ дубомъ мамврійскимъ, а Моисею въ купинѣ; въ недѣлю Господь крестился отъ Іоанна и въ недѣлю Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Проводить этотъ день слѣдуетъ въ полномъ воздержаніи отъ какого бы то ни было труда. Тѣмъ, кто не вѣритъ «Эпистоліи», «Эпистолія» угрожаетъ нашествіемъ измаильтянъ.

Въ «Сказаніи о свѣтлой недѣлѣ» разсказывается, что, когда Христосъ воскресъ, то солнце взошло до шестого часа и стояло на востокѣ три дня на одномъ мѣстѣ, на югѣ тоже три дня и на западѣ два дня; на восьмой день оно зашло. На этомъ основаніи пасхальная недѣля называется свѣтлой недѣлей и великимъ днемъ.

Апокрифическія сказанія о святыхъ.

84. Апокрифическія сказанія о святыхъ. Изъ апокрифическихъ сказаній о святыхъ наиболѣе замѣчательны тѣ, которыя группируются около именъ двухъ святыхъ: Георгія Побѣдоносца и Ѳеодора Тирона.

85. «Сказанія о Георіги Побѣдоносцѣ». Сказанія о св. Георгіи Побѣдоносцѣ, замученномъ въ концѣ III-го или

въ началѣ IV в., дѣлятся на двѣ группы: 1) «Борьба св. Георгія со змѣемъ» и 2) «Мученія св. Георгія».

1) «Борьба св. Георгія со змѣемъ». Сюжетъ борьбы св. Георгія со змѣемъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ: по одной изъ нихъ борьба произошла до мученій и смерти Георгія, по другой—послѣ смерти. Первая редакція такъ излагаетъ борьбу. Въ городѣ Лаосіи жилъ царь Селевивъ (Селевкъ), который поклонялся Аполлону, Гераклу, Скамандру и Артемидѣ. Богъ, увидѣвъ, что великое множество жителей этого города стоитъ на гибельномъ пути Содома и Гоморры, послалъ на городъ бѣдствіе: въ озерѣ, находившемся недалеко отъ города, поселился чудовищный змѣй—человѣкопожиратель. Сначала царь пытается осилить змѣя при помощи войска, но безуспѣшно. Тогда онъ предложилъ жителямъ, всѣмъ, начиная съ богатыхъ и кончая бѣдными, приносить въ жертву своихъ дѣтей; самъ царь обязался также принять участіе въ этомъ. Но царю стало жаль потомъ единственной дочери, и онъ сталъ умолять народъ пощадить ее. Народъ не соглашается, и царскую дочь ведутъ изъ города къ змѣю. Въ это время возвращается изъ похода противъ персовъ греческое войско, въ которомъ былъ храбрый воинъ Георгій. Георгій, по повелѣнію Божію, пошелъ по направленію къ озеру и увидѣлъ, что ведутъ къ змѣю дѣвушку. Георгій обѣщаетъ спасти ее, если она увѣруетъ во Христа. Она соглашается, и Георгій, обратившись къ Богу съ молитвой, слышитъ Его ободряющій голосъ. Выходитъ изъ озера змѣй и прыщетъ на Георгія ядомъ: но Георгій заклинаетъ его именемъ Божіимъ, и змѣй начинаетъ смиренно лизать его ноги. Георгій приказываетъ царевнѣ обвязать змѣя своимъ поясомъ и вести его въ городъ. Жители въ ужасѣ отъ этого зрѣлища. Георгій обѣщаетъ имъ убить змѣя, если они примутъ христіанство; если же они не согласятся, онъ напуститъ змѣя на весь городъ. Жители соглашаются. Змѣй подвергается казни, и царь возсылаетъ Богу благодарственные молитвы. Георгій приглашаетъ епископа Александра, который въ 15 дней креститъ 40.000 человѣкъ. Изъ земли начинаетъ бить источникъ, исцѣляющій всякіе недуги. Георгій уѣзжаетъ, жители города провожаютъ его съ великимъ плачемъ. Царь послѣ отъѣзда Георгія

строитъ во имя его церковь; царевна, получившая при крещеніи имя Маріи, посвящаетъ себя Богу.

Въ другой редакціи, отличающейся сжатостью, дѣйствіе происходитъ въ Палестинѣ, въ городѣ Гевалѣ. Боги повелѣваютъ царю сдѣлать жителямъ предложеніе давать въ жертву змѣю дѣтей. Царь послѣднимъ отдаетъ свою дочь, причемъ онъ не сокрушается. Георгій появляется въ этомъ городѣ съ цѣлью спасти городъ отъ бѣдствія. Когда была построена церковь во имя его, Георгій послалъ для нея свой щитъ, который сталъ висѣть надъ куполомъ, ничѣмъ не поддерживаемый.

Сказаніе о борьбѣ св. Георгія со змѣемъ было извѣстно у насъ уже съ древнихъ временъ. На фрескахъ Старо-Ладожской церкви XII в. изображены св. Георгій, змѣй, «Елисава», т. е. Елисавета, ведущая змѣя, обвязаннаго поясомъ. На одной иконѣ XIII в. по бокамъ ея изображены мученія св. Георгія, а посрединѣ изображенъ св. Георгій на конѣ, съ копьемъ въ рукѣ, и дѣвица, ведущая побѣжденнаго змѣя.

2) **«Мученія св. Георгія»**. Сказанія о мученіяхъ св. Георгія были извѣстны у насъ въ трехъ редакціяхъ.

а) Одна редакція, признаваемая церковью, не знаетъ, кто былъ отецъ Георгія, а о матери его упоминается мимоходомъ. Георгій за свои христіанскіе взгляды подвергается императоромъ Діоклетіаномъ мученіямъ, которыя продолжаются семь дней. Муки эти слѣдующія: Георгія заключаютъ въ тюрьму и на грудь его кладутъ громадный камень; привязываютъ его къ колесу, утыканному гвоздями, и раздираютъ ему тѣло; бросаютъ его въ яму, наполненную негашеной известью, откуда на третій день его выводятъ невредимымъ; надѣваютъ ему на ноги утыканные гвоздями желѣзные сапоги; бьютъ его палками и воловьими жилами; два раза даютъ ему ядъ, приготовленный магомъ Аѳанасіемъ. Но всѣ эти муки Георгій, поддерживаемый невидимой силой, переноситъ безъ вреда для себя. Императоръ и маги требуютъ отъ него чудесъ. Онъ воскрешаетъ умершаго и обращаетъ его въ христіанство; обращаетъ въ христіанство мага Аѳанасія, вельможъ царя, пахаря, у котораго вылѣчилъ своимъ словомъ вола и даже императрицу Александру. Діоклетіанъ приводитъ Георгія въ храмъ, чтобы заставить его принести

жертву идоламъ, но Георгій своимъ словомъ повергаетъ идоловъ на землю. Діоклетіанъ обрекаетъ Георгія и царицу на казнь. По дорогѣ къ лобному мѣсту царица умираетъ. Георгій передъ казнью молится за своихъ мучителей. Ему отрубаютъ голову.

б) Другая редакція, собственно апокрифическая, знаетъ родителей Георгія: отцомъ его былъ язычникъ Геронтъ, а мать—христіанка Полихронія. Мать тайно воспитывала сына въ христіанской религіи. Однажды отецъ пригласилъ сына принести жертву идоламъ; Георгій отказался и сталъ обличать язычниковъ. Передъ смертью отецъ Георгія принимаетъ христіанство. По смерти отца Георгій истребляетъ идоловъ; на него доноситъ царю жрецъ Селиванъ. Георгія приглашаютъ на допросъ и затѣмъ подвергаютъ мукамъ. Царь предлагаетъ Георгію поклониться идоламъ. Георгій притворно соглашается и своимъ словомъ повергаетъ идоловъ. Когда Георгія ведутъ на казнь, его привѣтствуетъ мать его Полихронія. Царь велитъ и ее казнить.

в) Третья редакція, тоже апокрифическая, была самой распространенной на Востокѣ и Западѣ. Она не называетъ родителей Георгія. Мучитъ Георгія персидскій царь Дадіанъ въ теченіе семи лѣтъ, при чемъ совершаются великія чудеса: три раза Георгія казнятъ, и три раза Богъ его воскрешаетъ; чтобы убѣдить царя и окружающихъ его въ истинности христіанской вѣры, Георгій велитъ сухому дереву пустить листья, воскрешаетъ мертвецовъ, исцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ павшаго быка; по его повелѣнію идолы сами себя обличаютъ, и Георгій свергаетъ ихъ. Эти чудеса оказываютъ дѣйствіе на множество язычниковъ, и даже жена Дадіана, Александра, признала Христа. Всѣ они были казнены нечестивымъ Дадіаномъ. Дадіанъ приговариваетъ Георгія къ казни; по молитвѣ Георгія передъ его казнью нисходитъ съ неба огонь, который истребляетъ множество язычниковъ.

36. «**Сказанія о Ѳеодорѣ Тиронѣ**». О Ѳеодорѣ Тиронѣ, замученномъ при Максиміанѣ Галеріи (начала IV в.), сказанія повѣствуютъ объ его побѣдѣ надъ змѣемъ, о мукахъ, испытанныхъ имъ за вѣру, и о чудѣ, совершенномъ имъ по смерти.

Ѳеодоръ Тиронъ отправляется по приказанію царя плѣнить пещерныхъ людей. Исполнивъ благополучно это пору-

ченіе, онъ возвращается назадъ. Мать беретъ коня Ѳеодора и ведетъ его на водопой къ колодцу. Колодецъ въ то время охранялся змѣями, которымъ царь давалъ ежегодную дань; за эту дань змѣи пускали воду, которой пользовались всѣ жители. Побѣда, одержанная Ѳеодоромъ надъ пещерными людьми, отвлекла вниманіе царя, и царь забылъ принести змѣямъ обычную жертву. Змѣй разгнѣвался и пересталъ пускать воду. Именно въ это время мать Ѳеодора пришла къ колодцу съ конемъ. Она напоила коня; но змѣй схватилъ ее и унесъ въ свое жилище. Ѳеодоръ рѣшается освободить мать. На случай несчастнаго исхода своего предпріятія Ѳеодоръ сообщаетъ царю свое завѣщаніе относительно имущества и приказываетъ творить его память «въ первую субботу». Спустившись въ колодецъ, онъ нашелъ свою мать, украшенную, какъ дѣва, золотомъ и серебромъ и окруженную двѣнадцатью змѣями. Ѳеодоръ ужаснулся. Помолившись Богу, онъ услышалъ ободряющій голосъ съ неба. Ѳеодоръ напалъ на змѣевъ, истребилъ ихъ и готовился выйти съ матерью изъ колодца. Въ это время показался трехголовый змѣй въ 60 локтей длины, съ двумя юношами и тремя женами. Ѳеодоръ снова былъ ободренъ голосомъ свыше и пронзилъ змѣя копьемъ. Снизошла вода, «яко рѣка велія», которая унесла трупъ змѣя, а Ѳедоръ съ матерью и двумя юношами благополучно выбрался изъ колодца.

Послѣ побѣды Ѳеодора Тирона надъ змѣями сказаніе изображаетъ его мученическую смерть.

Чудо, совершенное Ѳеодоромъ послѣ смерти, таково. Юліанъ задумалъ осквернить христіанъ на первой недѣлѣ великаго поста. Для этого онъ приказалъ константинопольскому градоначальнику всѣ съѣстные припасы, продаваемые на рынкѣ, окропить идоложертвенною кровью. Тогда Тиронъ, уже умершій, является «явѣ, а не во снѣ» къ архіерею, открываетъ ему замыселъ Юліана и указываетъ, какъ можно удержать бѣдныхъ христіанъ отъ покупки съѣстныхъ припасовъ: для этого архіерей долженъ раздавать имъ «коливо», т. е. пшеницу, сваренную съ медомъ. Въ память этого событія христіане чествуютъ Ѳеодора Тирона въ субботу первой недѣли великаго поста «коливами».

Библіографія: *А. Н. Пыпинъ.* Ложныя и отреченныя книги русской старины. Спб. 1862. — *Н. С. Тихонравовъ.* Памятники рус-

ской отреченной литературы. Т. I—II. М. 1863. — *И. Порфирьевъ* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Спб. 1877. — *И. Порфирьевъ* Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Спб. 1890. — *П. А. Лавровъ* Апокрифическіе тексты (между прочимъ, Первоевангеліе Іакова, Евангеліе Ѳомы). Спб. 1899.—*М. Н. Сперанскій.* Славянскія апокрифическія евангелія. М. 1895. — *Н. С. Тихонравовъ.* Отреченныя книги древней Россіи. („Сочиненія". Т. I. М. 1898).—*И. Порфирьевъ.* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань. 1872—1873.—*Александръ Веселовскій.* Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Спб. 1872.—*П. Е. Щеголовъ.* Очерки исторіи отреченной литературы. Сказаніе Афродитіана. Спб. 1899—1900. — *И. Н. Ждановъ.* Бесѣда трехъ святителей и Joca monachorum. („Сочиненія". Т. I. Спб. 1904).—*Вл. Сахаровъ.* Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи. Тула. 1897.

Агіографическая византійская литература.

87. Агіографическая переводная литература и ея виды. Дѣятельность наиболѣе выдающихся представителей христіанской церкви, получившихъ за свои подвиги названіе святыхъ, преподобныхъ и т. д., послужила предметомъ особой литературы, которая называется агіографической, т. е. литературой о святыхъ. Она распадается на нѣсколько видовъ: 1) минеи-четьи, 2) патерики, 3) прологи и 4) отдѣльныя житія святыхъ.

88. Минеи-четьи. Минеями-четьями называются сборники житій святыхъ, расположенныхъ по мѣсяцамъ и назначенныхъ для назидательнаго чтенія на каждый день. Вѣроятно, уже въ Кіевскую эпоху у насъ были переводныя четьи-минеи на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ; но до нашего времени дошли четьи-минеи только немногихъ мѣсяцевъ. Въ нихъ излагаются, между прочимъ, житія слѣдующихъ святыхъ: Антонія Великаго, Іоанна Златоустаго, Ѳеодосія Великаго.

89. Патерики. Патериками называются сборники житій

святыхъ. Въ нихъ излагаются подвиги, совершенные христіанскими подвижниками и отшельниками, происходившія въ ихъ жизни чудеса, видѣнія, которыхъ они удостоивались свыше, наканецъ, даже просто интересныя новеллы и анекдоты. Патерики читались обыкновенно въ церквахъ за богослуженіемъ и въ монастыряхъ за трапезою во время великаго поста или въ другое время. Изъ патериковъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) «Синайскій патерикъ» («Лимонарь») и 2) «Скитскій патерикъ».

90. «Синайскій патерикъ» («Лимонарь»). «Синайскій патерикъ», или «Лимонарь» (т. е. Цвѣтущій Лугъ) былъ составленъ въ концѣ VI в. палестинскимъ монахомъ Іоанномъ Мосхомъ († 620). Іоаннъ Мосхъ, самъ предававшійся подвигамъ монашеской жизни, любилъ также наблюдать подвиги монаховъ въ разныхъ мѣстностяхъ Палестины, Сиріи, Египта и другихъ странъ, для чего предпринималъ рядъ путешествій. Посѣтивъ отшельниковъ, жившихъ главнымъ образомъ въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, Іоаннъ Мосхъ задумалъ изложить свои наблюденія надъ ихъ жизнью, а также тѣ разсказы, которые онъ услышалъ изъ ихъ устъ и устъ встрѣчныхъ лицъ. Такъ появился «Синайскій патерикъ», посвященный авторомъ монаху Софронію, ученику и товарищу автора въ его путешествіяхъ.

Разсказы, составляющіе содержаніе «Синайскаго патерика», дѣлятся на три группы: 1) повѣствованія аскетическаго содержанія, 2) повѣствованія съ свѣтскимъ элементомъ и 3) повѣствованія съ полемическимъ элементомъ.

1) **Повѣствованія аскетическаго содержанія.** Предметомъ повѣствованій съ аскетическимъ содержаніемъ служатъ суровые подвиги отшельниковъ, ихъ восторженное настроеніе, помогавшее имъ совершать эти подвиги и побѣждать искушенія, которымъ они подвергались въ борьбѣ съ плотью, грѣховнымъ началомъ міра. Вотъ нѣкоторыя повѣствованія, въ которыхъ эти стороны жизни отшельниковъ нашли себѣ яркое отраженіе.

Однажды трое монаховъ заблудились въ пустынѣ. Стояли сильныя лѣтнія жары. Уже нѣсколько дней монахи не пили ни капли воды. Они такъ ослабѣли, что не могли двинуться съ мѣста. Тогда они, примирившись съ ожидавшею ихъ смертью, легли подъ деревьями. Когда они лежали, на нихъ

нашло состояніе «изступленія» (т. е. восторга), и они внезапно увидѣли купель, наполненную водою. Около купели находилось двое какихъ то мужей. Эти мужи напоили монаховъ и такимъ образомъ спасли ихъ отъ смерти.

Одинъ монахъ нечаянно укололъ свою ногу терніемъ. Рана на ногѣ стала гноиться, причиняя монаху большія страданія. Но монахъ отказывался лѣчиться, говоря: «сколько страждетъ внѣшній человѣкъ, столько внутренній веселится». Другой монахъ совершалъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ своей отшельнической жизни особаго рода подвигъ: онъ, не переставая, плакалъ. На разспросы окружающихъ о причинѣ его непрерывнаго плача монахъ отвѣчалъ: «время сіе, братія, далъ намъ Богъ на покаяніе, и если его потеряемъ, то уже не воротимъ». Одинъ старецъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ не проронилъ ни одного слова. Если ему необходимо было что-нибудь сообщить, онъ дѣлалъ знакъ пальцами.

Подвиги отшельниковъ не исчерпывались этой пассивной стороной: отшельники, гдѣ только представлялся случай, совершали дѣятельные подвиги человѣколюбія. Одинъ старецъ отличавшійся альтруизмомъ еще тогда, когда находился въ міру (онъ ночью тайно вспахалъ и засѣялъ ниву одного бѣдняка, у котораго не было хлѣбнымъ сѣмянъ), выходилъ на дорогу, ведущую отъ Іордана къ Іерусалиму, съ хлѣбомъ и водой, кормилъ и поилъ попадавшихся путниковъ; если путникъ былъ обремененъ тяжелой ношей, старецъ помогалъ ему нести ношу до вершины горы Елеонской и до Іерихона: иногда старецъ носилъ дѣтей. Если старцу попадался человѣкъ, не имѣющій одежды, старецъ снималъ свою ризу и отдавалъ ее прохожему бѣдняку. Надъ умершими по дорогѣ старецъ творилъ службу и самъ хоронилъ ихъ.

Нѣкоторыя повѣствованія рисуютъ своеобразную деликатность и безграничное смиреніе монаховъ. Одинъ старецъ, вернувшись къ себѣ домой, замѣтилъ, что у него похищены книги и посуда. Старецъ отправляется къ своему сосѣду-монаху, чтобы подѣлиться съ нимъ происшествіемъ. Когда старецъ входилъ во дворъ, онъ вдругъ замѣтилъ свои вещи. Догадавшись, что это его сосѣдъ совершилъ похищеніе, старецъ, не подавая вида, что онъ что-либо замѣтилъ, возвращается домой, и даетъ сосѣду возможность спрятать по-

хищенное. Черезъ нѣкоторое время монахъ-воръ былъ заключенъ въ тюрьму. Старецъ, не показывая виду, что ему извѣстно, кто похитилъ его книги и посуду, сталъ навѣщать въ тюрьмѣ монаха-вора, поить и кормить его. Это такъ подѣйствовало на монаха-вора, что онъ бросился къ ногамъ старца, признался ему во всемъ и просилъ прощенія.

Однажды игуменъ одного монастыря, Сергій, со своими спутниками заблудились, попали на лугъ какого-то крестьянина и помяли на немъ траву. Крестьянинъ, увидавъ это, разсердился и сталъ бранить старцевъ: «Такъ-ли монахамъ подобаетъ дѣлать? Боитесь-ли вы Бога? Если бы вы имѣли страхъ Божій передъ очами, этого бы не сдѣлали»! Одинъ изъ старцевъ отвѣтилъ ему: «Правду говоришь, чадо! Если бы мы имѣли страхъ Божій, этого бы не сдѣлали». Крестьянинъ продолжалъ бранить старцевъ. Старецъ ему отвѣчаетъ: «Истину говоришь, чадо! Если бы мы были настоящіе монахи, этого бы не сдѣлали. Бога ради прости насъ! Мы передъ тобою согрѣшили». Крестьянинъ былъ пораженъ такимъ великимъ смиреніемъ. Онъ упалъ къ ногамъ старца съ восклицаніемъ: Нѣтъ! Я согрѣшилъ передъ вами. Господа ради простите меня и возьмите меня съ собою». Старцы согласились. Съ этого времени крестьянинъ отвергся отъ міра сего.

Однажды одинъ старецъ отправился въ Александрію продать нѣсколько предметовъ собственнаго издѣлья. Въ городѣ онъ замѣтилъ, что одинъ молодой монахъ вошелъ въ кабакъ. Старецъ опечалился и сталъ ожидать выхода монаха. Когда молодой монахъ вышелъ изъ кабака, старецъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Знаешь-ли, господине, что ты во образъ ангельскій облеченъ? Вѣроятно, нѣтъ, ибо иначе ты зналъ бы, какъ много въ мірѣ сѣтей діавольскихъ. Неужели ты не знаешь, что, входя въ городъ, мы повреждаемся и очами, и слухомъ, и всѣмъ образомъ? А ты еще и въ кабакъ ходишь, будучи такъ молодъ! И чего бы ты вовсе не хотѣлъ, тамъ слушаешь и видишь, и съ нечистыми мужами и женами тамъ пребываешь. Молю тебя, чадо мое, бѣги въ пустыню, гдѣ можешь Божіею помощью спастись»! Молодой монахъ отвѣчалъ старцу: «Пошелъ прочь, старикъ! Богу ничего не нужно, кромѣ чистаго сердца»! Тогда старецъ, воздѣвъ свои руки къ небу, воскликнулъ:

«Слава тебѣ, Боже! Я пятьдесятъ лѣтъ прожилъ въ скитѣ, а сердца чистаго не стяжалъ; а вотъ этотъ монахъ и въ кабакѣ сидитъ, и чистое сердце стяжалъ»!

Нѣкоторыя повѣствованія «Синайскаго патерика» рисуютъ отношенія между отшельниками и животными, звѣрями. Основная мысль этихъ повѣствованій та, что безсловесныя животныя подчиняются слову человѣка, проникнутаго благочестіемъ, просвѣтленнаго вѣрой. Эта мысль образно выражена въ слѣдующемъ разсказѣ. Одинъ отшельникъ ходилъ спать въ логовище льва. Однажды онъ взялъ оттуда двухъ львятъ, принесъ ихъ въ церковь и сказалъ братіи: «Если бы мы, братіе, сохранили всѣ заповѣди Божіи, то намъ покорились бы эти звѣри: но грѣховъ ради нашихъ сами мы покорены ими и ихъ боимся». Въ другомъ разсказѣ повѣствуется слѣдующее. Однажды появился въ тростникѣ левъ, который причинялъ много опустошеній и губилъ людей. Юліанъ столпникъ послалъ своего ученика сказать льву слѣдующія слова: «Во имя Іисуса Христа Сына Божія отыди отъ земли сей»! Ученикъ безпрекословно исполнилъ повелѣніе старца. Левъ тотчасъ же всталъ и ушелъ. Однажды отшельникъ Іоаннъ шелъ по очень тѣсной тропинкѣ между плетнями изъ терновника, которыми были огорожены крестьянскія нивы. Тропинка была такъ тѣсна, что человѣку даже безъ ноши трудно было протиснуться. Вдругъ навстрѣчу отшельнику показался левъ. Отшельникъ и левъ встрѣчаются. Ни тому, ни другому нельзя пройти. Тогда левъ всталъ на заднія лапы и плотно прижался къ плетню съ одной стороны: образовался на тропинкѣ узкій проходъ, по которому отшельникъ прошелъ впередъ своей дорогой.

Любопытенъ разсказъ, въ которомъ фигурируютъ левъ и оселъ. Отецъ Герасимъ Іорданскій, идя по пустынѣ, встрѣтилъ льва, который жалобно протягивалъ ему лапу. Герасимъ посмотрѣлъ и увидѣлъ въ лапѣ терніе: лапа отекла и гноилась. Герасимъ сѣлъ подлѣ льва, вытащилъ терніе, очистилъ рану и обвязалъ лапу платкомъ. Левъ исцѣлился и сталъ всюду сопровождать старца. Въ лаврѣ былъ оселъ, на которомъ возили для отшельниковъ воду съ Іордана. Отецъ Герасимъ велѣлъ своему льву пасти этого осла на берегу рѣки. Однажды оселъ отошелъ отъ льва на большое разстояніе. Въ это время проходилъ мимо съ верблюдами человѣкъ изъ

Аравіи: увидѣвъ осла, онъ его поймалъ и увелъ съ собою. Левъ долго искалъ осла и, не найдя его, печально и уныло вернулся къ отцу Герасиму. Старецъ, увидя льва пришедшимъ безъ осла, рѣшилъ, что левъ съѣлъ осла, и сказалъ льву: «Ты съѣлъ осла, такъ вотъ же тебѣ: отнынѣ исполняй ту службу, которую дѣлалъ оселъ». Въ теченіе долгаго времени монахи возили воду на львѣ. Однажды купецъ, похитившій осла, возвращался обратно по этой же мѣстности. Перебравшись черезъ Іорданъ, онъ вдругъ увидѣлъ льва, испугался и бросился бѣжать, оставивъ и своихъ верблюдовъ, и похищеннаго осла. Левъ (это былъ левъ отца Герасима) подбѣжалъ къ ослу, взялъ его вмѣстѣ съ верблюдами и привелъ въ скитъ. Старецъ тогда убѣдился, что напрасно заподозрилъ льва. Онъ освободилъ его отъ работы и далъ ему имя Іорданъ. Въ скоромъ времени отецъ Герасимъ скончался и въ отсутствіи льва былъ погребенъ. Когда левъ пришелъ, ученикъ Герасима, Савватій, сказалъ ему: «Іордане! Нашъ старецъ оставилъ насъ сирыхъ и отошелъ ко Господу». Савватій сталъ кормить льва, но левъ отказался отъ пищи, глазами искалъ старца, скорбѣлъ и ревѣлъ. Чтобы успокоить льва, Савватій и прочіе отшельники повели льва къ могилѣ старца. Савватій сказалъ льву: «Вотъ здѣсь лежитъ нашъ старецъ, погребенъ» и преклонилъ на могилѣ свои колѣни. Левъ тоже наклонился, сталъ ударяться головой о землю, заревѣлъ и испустилъ свой духъ.

2) Повѣствованія съ свѣтскимъ элементомъ. Авторъ «Синайскаго патерика» и его спутникъ Софроній во время своихъ странствій часто встрѣчались въ городахъ и въ пустынѣ съ интересными людьми, съ которыми вступали въ бесѣды, или натыкались на поучительныя сцены жизни. Іоаннъ Мосхъ запоминалъ эти сцены или разсказы и изложилъ ихъ въ своемъ трудѣ. Въ этихъ разсказахъ, представляющихъ характеръ новеллъ или анекдотовъ, отразились любопытныя черты жизни людей въ Палестинѣ и Египтѣ. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ новеллъ.

Однажды въ Александріи Іоанну и Софронію пришлось сидѣть на улицѣ возлѣ трехъ слѣпцовъ, которые вели между собою бесѣду. Слѣпцы разсказывали другъ другу, какъ каждый изъ нихъ ослѣпъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «Я былъ корабельщикъ; еще въ молодости своей я плылъ

однажды по морю и отъ многаго зрѣнія сдѣлались на моихъ глазахъ бѣльма». Другой слѣпецъ говорилъ: «А я былъ стекольщикъ; по моей неосторожности, отъ сильнаго огня выскочили мои очи». Третій слѣпецъ разсказалъ цѣлую исторію: «Еще въ молодости своей я возненавидѣлъ всякій трудъ, дошелъ до того, что мнѣ нечего было ѣсть, и сталъ я воровать. Однажды случилось мнѣ быть на мѣстѣ, гдѣ казнятъ преступниковъ, и я увидѣлъ, что несутъ мертваго человѣка, покрытаго дорогою одеждою. Я пошелъ слѣдомъ, чтобы увидѣть, гдѣ его положатъ. Несшіе трупъ обошли сзади церкви Іоанна Великаго, положили его во гробъ и ушли. Послѣ этого я влѣзъ во гробъ и совлекъ съ мертвеца все его одѣяніе, оставивъ его въ одной рубашкѣ. Когда я выходилъ уже изъ могилы, вспало мнѣ на мысль снять съ мертвеца и рубашку: она показалась мнѣ очень хорошей. Я вернулъ и сталъ снимать съ мертвеца его послѣднее одѣяніе... Тогда мертвецъ поднялся, сѣлъ передо мной и, вцѣпившись своими перстами мнѣ въ лицо, выдралъ мнѣ очи, и я со страшной болью и въ ужасѣ, оставивъ все, что съ мертвеца грабилъ, бѣжалъ изъ могилы». Выслушавъ разсказы слѣпцовъ, путешественники встали и пошли. Дорогой Софроній сказалъ Іоанну: «О, отецъ Іоаннъ, сохранимъ себя отъ всякаго зла». Авторъ замѣчаетъ, что эти разсказы принесли имъ большую пользу, и написалъ онъ ихъ на пользу всѣмъ.

Однажды путешественникамъ пришлось имѣть бесѣду съ бывшимъ разбойникомъ Кирьякомъ. За лютость и безчеловѣчность онъ получилъ прозвище Волка. У него была цѣлая шайка, состоявшая изъ христіанъ и евреевъ. Разъ къ Свѣтлому Христову Воскресенью возвращалась изъ Іерусалима въ село толпа крестьянъ съ дѣтьми. Вдругъ на нихъ нападаютъ разбойники, которые стали грабить ихъ и убивать. Часть крестьянъ спаслась бѣгствомъ. По дорогѣ они встрѣтили атамана разбойниковъ Кирьяка, котораго не было среди разбойниковъ во время нападенія на крестьянъ. Увидя бѣгущихъ крестьянъ, Кирьякъ спросилъ ихъ, что случилось. Они объяснили. Атаманъ взялъ крестьянъ и пошелъ съ ними къ своей шайкѣ. Предъ нимъ встала картина страшнаго избіенія и грабежа: на землѣ валялись дѣти несчастныхъ. Самъ атаманъ ужаснулся, казнилъ виновныхъ разбойниковъ, вернулъ крестьянамъ женъ и дѣтей и провелъ ихъ до села.

Нѣкоторое время спустя, атаманъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ десять лѣтъ. Его не казнили и выпустили на волю. Бывшій разбойникъ всѣмъ разсказывалъ, что его пощадили ради той милости, которую нѣкогда онъ проявилъ съ дѣтямъ.

Одинъ житель Цареграда разсказывалъ путешественникамъ о себѣ слѣдующее. Онъ былъ сыномъ богатыхъ родителей, но вмѣсто наслѣдства онъ желалъ себѣ одного только—благословенія Божія. Отецъ его роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ. Въ томъ же городѣ жило богатое семейство, состоявшее изъ мужа, жены и дочери. Жена говорила мужу: «Господине! Много имѣнія далъ намъ Господь, а имѣемъ мы только одну дочь. Если выдадимъ ее замужъ за такого же богатаго человѣка, что будетъ пользы, когда не будетъ въ немъ добрыхъ обычаевъ? Станетъ онъ только оскорблять ее. Но поищемъ человѣка смиреннаго и богобоязливаго, чтобы онъ по Богѣ и въ любви съ нею жилъ». Мужъ сказалъ женѣ: «Правду говоришь, жена! Иди въ святую церковь, помолись прилежно Богу и подожди: кто первый выйдетъ въ церковные двери, тотъ и посланный отъ Бога». Первымъ въ церковь вошелъ разсказчикъ. Жена черезъ рабыню свою подозвала къ себѣ вошедшаго и стала разспрашивать, кто онъ и откуда. Онъ разсказалъ. Отецъ его оказался извѣстенъ ей. Узнавши, что разсказчикъ не женатъ, богатая дама сказала ему: «Добрый твой промысленникъ Христосъ, котораго ты вмѣсто всего избралъ, дастъ тебѣ нынѣ жену и богатство, да примешь ее со страхомъ Божіимъ». Разсказчикъ заключилъ свое повѣтствованіе слѣдующими словами: И сотворили бракъ и со своею дочерью дали они мнѣ все имѣніе свое; я же молюся, чтобы мнѣ сподобиться ходить по пути отца моего въ теченіе всей моей жизни».

Любопытна слѣдующая новелла. Однажды корабль со множествомъ пассажировъ остановился въ открытомъ морѣ, несмотря на попутный вѣтеръ. Сверхъестественный гласъ сообщилъ капитану, что на кораблѣ ѣдетъ великая грѣшница. Капитанъ обратился съ разспросами къ указанной свыше женщинѣ, которая сказала слѣдующее: «Великая я грѣшница и вижу, что ради моихъ тяжкихъ грѣховъ вы всѣ погибнете. Была я замужемъ и имѣла своихъ дѣтей. Когда одному изъ

нихъ исполнилось девять лѣтъ, а другому пять, мужъ мой умеръ, и я осталась вдовой. Хотѣлось мнѣ вторично выйти замужъ за одного воина; но онъ отказался взять жену съ дѣтьми отъ другого мужа. Слыша, что онъ не хочетъ на мнѣ жениться ради моихъ дѣтей, воспламененная сильною къ нему любовью, я, окаянная, заколола обоихъ дѣтей своихъ и послала къ нему сказать, что у меня уже нѣтъ больше дѣтей. Тогда воинъ, съ ужасомъ узнавъ, что я совершила, воскликнулъ: «Живъ Господь, живый на небесахъ! Не возьму я себѣ такой жены»! По повелѣнію сверхъестественнаго голоса эту преступницу спустили въ лодку, которая немедленно пошла на дно морское, а корабль снова тронулся съ мѣста.

3) **Повѣствованія съ полемическимъ элементомъ.** Въ «Синайскомъ патерикѣ» есть рядъ повѣтствованій, въ которыхъ выразилась борьба съ ересями, особенно Несторіевой. Одинъ монахъ изъ монастыря, находившагося близъ Іордана, увидѣлъ во снѣ внѣ своей кельи жену, одѣтую въ багряницу, и съ нею двухъ священнолѣпныхъ мужей. Монахъ догадался, что «то была Дѣва Марія съ Іоанномъ Богословомъ и апостоломъ Петромъ». Монахъ сталъ молить Богородицу войти въ его келью. Богородица сказала ему: «Ты имѣешь въ своей кельѣ моето врага; какъ же ты молишь, чтобы я вошла»? Съ этими словами Богородица исчезла. Проснувшись, монахъ началъ скорбѣть. Со слезами онъ раздумывалъ о томъ, въ чемъ согрѣшилъ. Чтобы разсѣять свою грусть, монахъ взялъ назидательную книгу и сталъ читать ее. Онъ прочелъ всю книгу и въ концѣ ея наткнулся на нѣсколько словъ зловѣрнаго Несторія. Тогда только монахъ понялъ, о какомъ врагѣ говорила Богородица, и почему она отказалась войти въ его келью.

91. «Скитскій патерикъ». «Скитскій патерикъ» представляетъ сборникъ разсказовъ объ египетскихъ отшельникахъ. Основная часть этого сборника, «Лавсаикъ» (по имени нѣкоего постельничаго Лавса, для котораго сборникъ былъ написанъ), была составлена въ первой половинѣ V-го вѣка Палладіемъ, епископомъ Елеонопольскимъ. Впослѣдствіи «Лавсаикъ» былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ другихъ повѣствованій, главнымъ образомъ изъ «Синайскаго патерика». Такъ образовался «Скитскій патерикъ», разсказы котораго

имѣли большое вліяніе на нашего древняго читателя. Образчикомъ повѣствованій «Скитскаго патерика» можетъ послужить разсказъ отца Серапіона объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ отшельниковъ, Маркѣ Фраческомъ.

Отецъ Серапіонъ, на пути въ Александрію, задумалъ посѣтить Марка Фраческаго. Узнавъ отъ одного купца, что до Фраческой горы, гдѣ подвизался Маркъ, было около 30 дней пути, отецъ Серапіонъ взялъ тыкву съ водой, немного финиковъ и углубился въ пустыню. Онъ шелъ 20 дней и не видѣлъ ни птицы, ни звѣря, ни вообще какого либо живого существа. Вода въ тыквѣ была вся выпита; отецъ Серапіонъ изнемогъ отъ жажды и упалъ, какъ мертвый. Вдругъ передъ отцомъ Серапіономъ явились двое юношей, которые подняли его и указали ему на корень одного растенія, ростущаго въ пустынѣ. Отецъ Серапіонъ подошелъ къ этому растенію, сорвалъ его и поѣлъ его корни. Это подкрѣпило упавшія силы путешественника, и Серапіонъ снова пустился въ путь. Наконецъ, отецъ Серапіонъ дошелъ до Фраческой горы. Когда Серапіонъ приближался къ горѣ, къ нему навстрѣчу вышелъ самъ Маркъ. Тѣло Марка обросло волосами такъ, что отшельникъ походилъ на косматаго звѣря. Серапіонъ почувствовалъ ужасъ. Маркъ, замѣтивъ это, сказалъ ему: «Чадо, не бойся смотрѣть на меня»! Затѣмъ, умиленно заплакавъ, Маркъ продолжалъ: «Чадо Серапіонъ! Зачѣмъ ты пришелъ сюда»? Онъ благословилъ Серапіона, обнялъ его и сказалъ: «Пробылъ я въ пустынѣ 90 лѣтъ и не видалъ человѣка». Маркъ спросилъ Серапіона: «Стоитъ-ли міръ по прежнему обычаю»?—«Да, отче, стоитъ еще благодатію Христовою и твоими молитвами». Маркъ задаетъ Серапіону новый вопросъ: «Есть-ли въ мірѣ какіе святые, творящіе силы и чудеса, какъ Господь сказалъ: аще вѣру имате, яко зерно горчично, речете горѣ сей: двинься и вверзися въ море»! Едва Маркъ произнесъ послѣднія слова, какъ находившаяся вблизи гора сама собою поднялась и ввергнулась въ море. Серапіонъ наклонился, чтобы видѣть, какъ гора шла. Маркъ сказалъ горѣ: «Что съ тобою, гора? Вѣдь я не тебѣ велѣлъ двинуться. Стань на мѣстѣ твоемъ»! Гора немедленно перешла на свое мѣсто. Серапіонъ въ ужасѣ палъ ницъ. Маркъ взялъ Серапіона за руку, поднялъ его и сказалъ: «Я былъ аѳинянинъ и учился въ училищѣ философ-

скомъ; но благословенъ Господь Богъ, приведшій меня сюда»! Маркъ сотворилъ молитву, по окончаніи которой онъ громкимъ голосомъ сказалъ, обращаясь къ пещерѣ: «Предложи, чадо, трапезу»! Маркъ и Серапіонъ вошли въ пещеру: въ пещерѣ была трапеза, два стула, хлѣбъ, овощи, двѣ рыбы, финики. По окончаніи трапезы, Маркъ сказалъ: «Чадо, возьми все это отсюда»! Трапеза мгновенно исчезла. Вечеромъ того же дня Маркъ сообщилъ Серапіону: «Днесь разлучается душа моя отъ страстей плотскихъ». Маркъ сотворилъ молитву, послѣ которой съ неба раздался голосъ: «Принесите мнѣ сосудъ, избранный отъ пустыни»! Серапіонъ взглянулъ вверхъ и увидѣлъ душу Марка, возносимую на небеса; небесный покровъ открылся; Серапіонъ увидѣлъ толпы бѣсовъ, стоявшихъ на готовѣ; душа святого удержана была на часъ времени (на воздушныхъ мытарствахъ). Снова послышался повелительный голосъ: «Возьмите и принесите ее сюда»! Бѣсы были посрамлены, а ангелы приняли душу отшельника. Былъ уже шестой часъ ночи. Серапіонъ всю ночь провелъ въ молитвѣ. Утромъ Серапіонъ положилъ тѣло Марка въ пещерѣ, заградилъ входъ въ пещеру, помолился и сошелъ съ горы. На пути Серапіону опять явились двое юношей, которые сказали ему: «Воистину, брате. похоронилъ сегодня тѣло, котораго недостоинъ весь міръ».

Большой популярностью пользовались у насъ разсказы «Скитскато патерика» о Макаріи Александрійскомъ. Однажды Макарій шелъ по пустынѣ. сопровождаемый двумя ангелами. На пути имъ попалось мертвое тѣло. Ангелы объясняютъ Макарію, что дѣлается съ душой по выходѣ ея изъ тѣла, и почему необходимо совершать поминовеніе души въ третій, девятый и сороковой день: на третій день послѣ смерти человѣкъ измѣняется въ своемъ видѣ; въ девятый день разрушается весь организмъ человѣческій, за исключеніемъ сердца; на сороковой день погибаетъ и сердце.

Популяренъ былъ разсказъ «Скитскаго патерика» о смерти грѣшника и праведника. Одинъ старецъ удостоился видѣть. какъ исходитъ душа изъ грѣшника и изъ праведника. Къ грѣшнику подошелъ грозный ангелъ и трезубцемъ вышибъ изъ него душу. На распутьи умиралъ одинъ праведный нищій. Къ нему подошли два ангела. Михаилъ и Гавріилъ. чтобы принять его душу. и сѣли около него. одинъ по пра-

вую сторону, а другой—по лѣвую. Но душа не хотѣла выйти изъ тѣла нiщаго. Гаврiилъ сказалъ Михаилу: «Возьмемъ же ее и уйдемъ»! Михаилъ отвѣтилъ ему: «Мнѣ не велѣно отъ Владыки принуждать душу къ ея исходу изъ тѣла». Сказавъ это, Михаилъ возгласилъ громкимъ голосомъ: «Господи, что повелишь намъ о душѣ сей, потому что она не хочетъ выходить изъ тѣла»? Тогда съ неба послышался гласъ: «Се посылаю Давида со гуслями и пѣнiемъ, да изыдетъ душа съ радостью, слышавше красоту пѣнiя; вы же сами не принуждайте ея». Внезапно явились Давидъ и нѣкiе прекрасные мужи и начали пѣть прекрасныя пѣсни. Слушая эти пѣсни, душа съ радостью вышла изъ тѣла на руки къ Михаилу, и ангелы, взявъ ее, радостно вознеслись на небо.

92. «Прологи». «Прологами» называются сборники краткихъ житiй святыхъ, составленные по греческимъ сборникамъ, носившимъ названiе «Синаксарей». Появленiе «Прологовъ» относится къ X в. Составъ ихъ очень сложенъ: во-первыхъ, въ основу «Прологовъ» легли «Мартирологiи», т. е. краткiе перечни мучениковъ съ краткими свѣдѣнiями объ ихъ мученiяхъ; во-вторыхъ, въ «Прологи» входятъ житiя святыхъ; въ-третьихъ, въ нихъ сообщаются свѣдѣнiя о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ праздникахъ и о нѣкоторыхъ событiяхъ, повлiявшихъ на судьбу христiанской церкви; въ-четвертыхъ, въ «Прологахъ» имѣются разсказы (притчи, анекдоты) изъ «Патериковъ»; въ-пятыхъ, въ нихъ помѣщаются слова отцовъ церкви, поученiя и похвалы святымъ и праздникамъ, составляющiе содержанiе сборниковъ, называемыхъ «Торжественниками».

«Прологи» бываютъ двухъ родовъ: распространенные, заключающiе въ себѣ всѣ указанные элементы, и краткiе, содержанiе которыхъ исчерпывается свѣдѣнiями о мученикахъ и житiями святыхъ.

Первоначально «Прологи» изображали греческихъ и римскихъ святыхъ; позднѣе въ нихъ появляются разсказы о русскихъ святыхъ.

93. Отдѣльныя житiя святыхъ. Изъ отдѣльныхъ житiй святыхъ у насъ болѣе извѣстны были слѣдующiя: 1) Житiе Антонiя Великаго, 2) Житiе и хожденiе св. отца Нифонта, 3) Житiе Андрея Юродиваго и 4) Житiе Василiя Новаго.

94. Житіе Антонія Великаго. Житіе Антонія Великаго, перваго знаменитаго египетскаго отшельника († 336), написано Аѳанасіемъ Александрійскимъ († 373). Оно составлено очень подробно, начиная съ дѣтства Антонія и до его смерти. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на изображеніи непрерывной борьбы Антонія съ бѣсами. Бѣсы смущали Антонія не только ночью, но и днемъ. Окружая Антонія, они производили родъ состязаній между собою, вступали другъ съ другомъ въ притворную борьбу, которая становилась замѣтной и постороннимъ: «Одинъ влагалъ нечистые помыслы, другой отражалъ ихъ своими молитвами; одинъ приводилъ въ раздраженіе члены, другой, какъ бы стыдясь сего, ограждалъ тѣло вѣрою, молитвами и постами». Антоній для большихъ подвиговъ удалился совсѣмъ отъ людей и поселился въ гробницахъ. Здѣсь нападенія на него бѣсовъ усилились. Однажды ночью вокругъ мѣста, гдѣ находился Антоній, бѣсы стали производить такой громъ, что земля заколебалась: «Какъ бы разоривъ четыре стѣны Антоніева жилища, бѣсы вторгаются къ нему, принявъ образы звѣрей и пресмыкающихся. Все мѣсто наполнилось призраками львовъ, медвѣдей, леопардовъ, волковъ, змѣй, аспидовъ, скорпіоновъ. Каждый изъ сихъ призраковъ начинаетъ дѣйствовать соотвѣтственно принятому имъ наружному виду. Левъ, какъ бы готовясь напасть, рычитъ; волъ хочетъ бодать; змѣя не перестаетъ извиваться; волкъ напрягаетъ силы, чтобы броситься...» Силою молитвы Антоній избавился отъ этихъ призраковъ. Но бѣсы продолжали его безпокоить. Приходящіе, которыхъ Антоній не принималъ и которые нерѣдко стояли у ограды, ясно слышали, что за оградой какъ бы цѣлыя толпы мятутся, стучатъ, жалобно воютъ и взываютъ: «Удались изъ нашихъ мѣстъ! Что тебѣ въ этой пустынѣ? Не перенесешь нашихъ козней...»

95. Житіе и хожденіе св. отца Нифонта. Нифонтъ былъ сынъ князя Агапита изъ Плагіона. Онъ въ дѣтствѣ еще былъ увезенъ для воспитанія въ Константинополь. Здѣсь онъ провелъ большую часть своей жизни, затѣмъ сдѣлался епископомъ въ Кипрѣ, гдѣ и скончался.

Нифонтъ съ юности любилъ чтеніе книгъ; въ то же время Нифонтъ стремился къ нравственной чистотѣ въ жизни. Ему пришлось вести упорную борьбу съ бѣсомъ сладострастія,

который его преслѣдовалъ, но благодаря своему благочестивому другу Никанору и посѣщавшимъ его видѣніямъ Богородицы, то печальной, то улыбающейся, Нифонтъ одержалъ побѣду надъ бѣсомъ.

Нифонтъ обрекаетъ себя на особый подвигъ: онъ странствуетъ по Константинополю изъ одной церкви въ другую, налагаетъ на себя обѣтъ молчанія, подвергаетъ себя самоистязанію. Бѣсы употребляли всѣ усилія, чтобы отвлечь Нифонта отъ такой жизни: они прыгали вокругъ него въ видѣ вороновъ, кричали и спорили съ нимъ, являлись ему въ образахъ псовъ, лакомствъ, женщинъ и т. д. Они возбудили въ Нифонтѣ сомнѣнія въ существованіи Бога, въ личности Христа; они требовали отъ него, чтобы онъ прекратилъ свои непрестанныя молитвы и увѣровалъ въ силу бѣсовъ. Нифонтъ побѣдоносно отразилъ это искушеніе. Послѣ этого Нифонтъ впалъ въ другое искушеніе — въ гордость и преувеличенное мнѣніе о своей святости. И съ этимъ искушеніемъ Нифонтъ справляется.

Тогда Нифонтъ сподобился утѣшительныхъ видѣній: одинъ разъ онъ былъ вознесенъ на таинственный столпъ посреди моря; въ другой разъ, когда Нифонтъ молился въ храмѣ, съ неба простерлись къ нему огромныя руки, которыя обняли его; затѣмъ ангелъ облилъ его миромъ; Нифонтъ вознесенъ былъ на воздухъ, и бѣсы безсильно кувыркались около него.

Когда Нифонту хотѣлось спать, онъ клалъ на землю камень, на камень клалъ что-нибудь изъ своей одежды, пѣлъ погребальныя пѣсни, крестилъ свое ложе и ложился спать. Чтобы сберечь себя отъ козней діавола, Нифонтъ бралъ масла отъ кандилы Богородицы и помазывалъ себѣ передъ сномъ чело, уши, выю и сердце.

Въ житіи Нифонта есть интересные отдѣльные эпизоды, какъ, напр., эпизодъ «о русаліяхъ». «Русаліи» это были дружины, которыя ходили въ Византіи отъ Рождества до Богоявленія отъ села къ селу, съ «русальскими играми» и собирали деньги и подарки.

Какъ труба собираетъ воиновъ, а молитва собираетъ ангеловъ Божіихъ, такъ сопѣли и гусли собираютъ около себя безстыдныхъ бѣсовъ. Кто ухаживаетъ за сопѣльникомъ, тотъ почитаетъ темнаго бѣса, который хочетъ пожрать весь

міръ. Надо быть подальше отъ русалій, сопѣльниковъ, игрецовъ, отъ этой хитрости діавола, и особенно не слѣдуетъ удѣлять чего либо изъ своего имущества на нихъ, такъ какъ все это идетъ пронырливому бѣсу. Люди, которые не отстанутъ отъ игрецовъ и русалій, будутъ причислены къ «кумиро-служебникамъ» и за гробомъ впадутъ въ скрежетъ зубовный. Если кто имѣетъ хоть небольшую денежную монету, лучше дать ее во имя Христа: этимъ можно получить жизнь вѣчную.

96. Житіе Андрея Юродиваго. У нѣкоего знатнаго мужа въ Византіи, въ царствованіе царя Льва (V в.), среди многочисленной челяди находился юный рабъ-скиѳъ (славянинъ), Андрей. Заслуживъ расположеніе своего господина, Андрей былъ отданъ имъ учителю для обученія грамотѣ. Отличаясь способностями, Андрей скоро научился читать Псалтирь. Господинъ, довольный успѣхами Андрея, сталъ пользоваться своимъ рабомъ для разныхъ хозяйственныхъ надобностей.

Андрей полюбилъ чтеніе книгъ. Болѣе всего онъ любилъ читать житія святыхъ и разсказы о мученикахъ. Любилъ также Андрей часто посѣщать церкви. Однажды во снѣ Андрей увидѣлъ, какъ препирались бѣсы со святыми. Бѣсы выставили изъ своей среды великана и требовали у святыхъ поединщика. Святые не знали, кого послать. Въ это время съ неба сходитъ прекрасный юноша, имѣвшій въ рукѣ три драгоцѣнныхъ вѣнца, отъ которыхъ исходило удивительное благоуханіе. Андрею очень захотѣлось получить хотя бы одинъ вѣнецъ, но не зналъ, что нужно сдѣлать для этого. Юноша предложилъ Андрею вступить въ поединокъ съ бѣсомъ-великаномъ, обѣщая ему побѣду. Андрей вступилъ въ бой и одолѣлъ бѣса. Прекрасный юноша далъ Андрею всѣ три вѣнца и, поцѣловавъ его, сказалъ: «Иди съ добромъ, отселѣ уже нашъ еси и другъ, и братъ. Нагъ буди и похабъ (юродивый) мене дѣля (ради) и много добра причастникъ будеши въ день царствія моего». Андрей проснулся и рѣшилъ отказаться отъ всѣхъ благъ и удобствъ жизни. Господинъ не согласился отпустить Андрея на волю.

Въ слѣдующую ночь Андрей всталъ и помолился; затѣмъ онъ взялъ ножъ и пошелъ къ источнику, недалеко отъ котораго находилась спальня его господина; онъ совлекъ съ

себя ризу и началъ рѣзать ее на куски, причемъ онъ дѣлалъ это съ какимъ-то неистовствомъ и произнося какія-то непонятныя слова. Всѣ подумали, что въ Андрея вселился бѣсъ. Чтобы исцѣлить его, приковали его цѣпями къ церкви св. Анастасіи. Ночью Андрея посѣтили видѣнія. Къ нему явился сатана съ бѣсами и сталъ его искушать и пугать. Но св. Іоаннъ Богословъ прогналъ ихъ. Послѣ этого Андрей увидѣлъ себя въ царскихъ палатяхъ. Царь велѣлъ Андрею приблизиться къ престолу и спросилъ его, желаетъ-ли онъ служить ему, и предложилъ ему снѣди, сначала сладкой, потомъ горькой. Вторая снѣдь оказалась столь горькой, что Андрей почувствовалъ крайнее отвращеніе. Замѣтивъ это, царь сказалъ Андрею, что горькая снѣдь—это тотъ тяжкій и узкій путь, который ведетъ въ царство небесное. Андрей сказалъ царю: «Горько есть орудіе се, владыко, да кто же можетъ ясти, а тебѣ работая»? Царь говоритъ Андрею, что вѣдь онъ ему далъ не только горькой снѣди, но и сладкой, и объяснилъ ему символическое значеніе той и другой: «Посредѣ сладкаго и горькаго есть пусть, да въ горцемъ показано ти есть вкушеніе страстемъ и болѣзнямъ, еже ти есть пріяти мене дѣля (ради); а въ сладцѣмъ и добрѣйшемъ бываетъ хладъ и покой, и утѣшеніе стражущимъ мене дѣля». Андрей, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ ужасной горечи второй снѣди, заявляетъ царю, что не находитъ въ себѣ силы служить ему. Царь улыбнулся, вынулъ изъ-за пазухи какой-то предметъ и «узрачіе» (драгоцѣнная ткань), по виду подобное огню и весьма благоухающее, и велѣлъ Андрею взять это и съѣсть. Андрей взялъ, съѣлъ и почувствовалъ великую сладость и радость. Послѣ этого Андрей понялъ, что путь служенія царю очень сладокъ. Онъ палъ въ ноги царю и обѣщался служить ему. Четыре мѣсяца Андрей сидѣлъ прикованнымъ къ церкви. Наконецъ, его признали неисправимымъ и отпустили на волю.

Съ этого времени Андрей началъ свои подвиги юродства. Онъ ходилъ по улицамъ почти нагой; своимъ образомъ жизни и поведеніемъ онъ вызывалъ насмѣшки и даже побои. Онъ ходилъ по цѣлымъ днямъ, безъ пищи и нигдѣ не присѣвъ. Иногда онъ скитался и по ночамъ. Если же ему не хотѣлось ходить, Андрей отыскивалъ мѣсто, гдѣ ле-

жали собаки, прогонялъ одну изъ нихъ и ложился на ея мѣсто.

Такъ Андрей жилъ, перенося голодъ, холодъ, зной, жару, насмѣшки и побои отъ окружающихъ и т. д. Однажды зимой разразились страшные морозы. Андрею плохо приходилось. Ища себѣ хоть какого-нибудь пристанища, Андрей пошелъ къ нищимъ, но послѣдніе палками стали гнать его отъ себя, крича: «убирайся отсюда, собака»! Гдѣ-то Андрей наткнулся на собаку. Андрей легъ возлѣ собаки, чтобы погрѣться. Собака, увидя это, поднялась и ушла. Андрей былъ пораженъ: онъ оказывается настолько грѣшенъ, что даже собаки брезгаютъ имъ. Андрей рѣшился умереть. Вдругъ онъ почувствовалъ теплоту и увидѣлъ юношу, который ударилъ его по лицу цвѣткомъ. Раздался голосъ, повелѣвавшій увести его на двѣ недѣли. Андрей погрузился въ сладкій сонъ. Проснувшись, Андрей увидѣлъ себя въ преображенномъ видѣ: онъ былъ безъ плоти, его одѣяніе выткано было молніями, на головѣ его былъ вѣнецъ, сотканный изъ разныхъ цвѣтовъ, на ногахъ его были золотые свѣтящіеся сапоги, препоясанъ онъ былъ дорогимъ царскимъ поясомъ. Вокругъ него распростиралась чудная мѣстность: земля была испещрена благовонными цвѣтами, изъ которыхъ капалъ медъ; деревья цвѣли и давали плоды безостановочно и не увядали; множество разнообразныхъ прекрасныхъ птицъ летало и пѣло. Посреди этой мѣстности протекала рѣка, къ которой слетались птицы. Воздухъ пропитанъ былъ ароматомъ; Андрею казалось, что ароматъ этотъ исходитъ отъ кадилъ, которыми ангелы кадятъ на небѣ передъ Богомъ.

Вдругъ на Андрея напалъ ужасъ: онъ почувствовалъ, что стоитъ на небесной тверди, и съ нимъ идетъ юноша, одѣтый въ багряницу и съ лицомъ, свѣтящимся, какъ солнце; вокругъ этого юноши ходили ангелы, бѣлые, какъ свѣтъ огненной зари; они пѣли какую то сладкую пѣснь въ честь Распятаго. Послѣ этого Андрей былъ вознесенъ на второе и третье небо. Онъ увидѣлъ завѣсу, за которой, какъ сообщилъ ему юноша, сопровождавшій его, находится Сынъ Божій, сидящій одесную Отца; на завѣсѣ сидѣлъ голубь; голова его была, какъ злато, грудь—багряная, крылья—краснаго, какъ пламень, цвѣта, ноги—темнокрасныя; изъ очей

его исходилъ свѣтъ, подобный зарѣ. Когда завѣса была отодвинута, Андрей увидѣлъ страшный престолъ, висѣвшій на воздухѣ безъ всякой опоры: изъ нёго исходило пламя, бѣлое, какъ снѣгъ. Тамъ сидѣлъ Сынъ Божій: Андрей удостоился видѣть его Божью и человѣчью красоту, подобную солнечному блеску. Бога-Отца Андрей отъ страха не могъ разсмотрѣть. Андрей палъ ницъ и ясно услышалъ три слова Божія. Вернувшись на землю, Андрей никому этихъ словъ не сообщилъ.

97. Житіе Василія Новаго. Житіе Василія Новаго было написано во второй половинѣ X в. монахомъ Григоріемъ, ученикомъ и послѣдователемъ св. Василія Новаго († 944). О жизни св. Василія Новаго авторъ сообщаетъ мало свѣдѣній.

Византійскій императоръ Василій Македонянинъ послалъ нѣкоторыхъ бояръ въ дальнія страны. Проходя однажды черезъ какія то горы, бояре нашли пустынника, приняли его за бродягу, привели въ Царьградъ и предали суду. На судѣ старецъ отказался дать о себѣ какія-либо свѣдѣнія и обошелся съ судьей презрительно. За это старецъ былъ подвергнутъ сначала битью и мученіямъ, а потомъ отданъ былъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ: звѣри не тронули старца. Тогда старца бросили въ море: отсюда старецъ чудеснымъ образомъ былъ вынесенъ двумя дельфинами. Этотъ старецъ былъ Василій Новый. Съ этого времени по городу распространяется слава о благочестіи старца. Одинъ патрицій пріютилъ его у себя и далъ ему въ услуженіе свою кормилицу Ѳеодору, старую добродѣтельную женщину. Находясь въ услуженіи у Василія, Ѳеодора была усердной ходатайницей передъ нимъ за всѣхъ, приходившихъ къ нему ради душевной и тѣлесной пользы. Однимъ изъ такихъ пришедшихъ былъ и монахъ Григорій, авторъ Житія Василія Новаго. Не давая подробныхъ свѣдѣній изъ жизни Василія, житіе его важно двумя обширными эпизодами: 1) о мытарствахъ и 2) о страшномъ судѣ.

1. **Эпизодъ о мытарствахъ.** Ѳеодора достигла глубокой старости и скончалась. Монахъ Григорій очень любилъ ее и по смерти ея мучился вопросомъ о томъ, что стало съ душой Ѳеодоры, попала ли она къ лику святыхъ, или къ погибшимъ. Узнавъ о сомнѣніяхъ своего ученика, Василій Но-

вый утѣшилъ его и сообщилъ, что его сомнѣнія скоро разрѣшатся. Дѣйствительно, въ ту же ночь у Григорія было видѣніе. Нѣкій юноша повелъ Григорія въ жилище Ѳеодоры, и Ѳеодора сама разсказала Григорію, какъ она перешла смертную нужду и какъ миновала воздушныхъ клеветниковъ, т. е. бѣсовъ, пребывающихъ на мытарствахъ (мытарство, отъ слова «мыто», т. е. пошлина, означаетъ мѣсто, гдѣ взимается пошлина, по нашему — таможня). Вотъ разсказъ Ѳеодоры.

«Какъ могу я тебѣ повѣдать все это и какъ вообразить въ умѣ моемъ? Отъ страха и трепета многое я забыла; видѣла я образы, которыхъ прежде никогда не видывала, слышала я слова, которыхъ дотолѣ никогда не слыхивала. Какъ разскажу я тебѣ о мукахъ тѣлесныхъ, о великой бѣдѣ и тоскѣ, которую терпятъ умирающіе? Знай же: кто нагой входитъ въ страшный огонь и сгораетъ, помалу сжигаемъ разрушается; такова и болѣзнь смертная, и люто разлученіе души съ тѣломъ. Когда приблизилась я къ концу жизни, увидѣла, какъ приступили къ одру моему множество звѣрообразныхъ эѳіоповъ. Страшно смотрѣли они на меня своими искривленными и кровавыми очами; лица ихъ были искажены, а сами черны пуще смолы. И держали они огромные свитки, исписанныя хартіи и отвивали ихъ, всячески устрашая меня. Когда была я въ такомъ неописанномъ ужасѣ и ни откуда не чаяла себѣ спасенія, внезапно предстали двое прекрасныхъ юношей, въ золотыхъ одеждахъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Я несказанно обрадовалась, и одинъ изъ этихъ свѣтлыхъ юношей, грозно обратившись съ тѣмъ омраченнымъ проклятымъ, говорилъ имъ, чтобы они отошли, потому что имъ не будетъ здѣсь добычи. Но они, безстыдные, стали исчислять всѣ грѣхи мои съ первыхъ дней моей юности и до смерти, и много меня поносили и на меня клеветали. Потомъ явилась сама смерть, смерть, яко левъ ревущій, ужасна и страшна, но человѣческаго устроенія. И носила она на себѣ всякое оружіе—и мечи, и ножи, пилы, серпы, стрѣлы и многія другія незнаемыя орудія, которыми она кознодѣйствуетъ. Увидѣвъ этотъ страшный образъ, ужаснулась душа моя, а юноши сказали смерти: «Что медлишь? Разрѣши союзы»! Тогда смерть приблизилась ко мнѣ и, взявши малый оскордецъ (инструментъ, при помощи кото-

раго отесываютъ камни), стала отсѣкать мнѣ ноги, потомъ руки, а инымъ орудіемъ — другіе мои тѣлесные составы, инымъ—иные, и такъ расторгла всѣ союзы и члены моего тѣла и двадцать ногтей моихъ растерзала. И омертвѣло все тѣло мое, и не имѣла уже я ни рукъ, ни ногъ и не могла двинуться. Потомъ, взявъ сѣкиру, отсѣкла мнѣ голову. Затѣмъ смерть налила чего то въ чашу и дала мнѣ пить. О, сынъ мой Григорій! Какъ горька была та чаша! Такъ горька, что въ то же мгновеніе исторглась душа моя и скочила изъ тѣла, какъ птица изъ рукъ ловца. Тогда тѣ двое прекрасныхъ юношей приняли меня ризами на свои руки. И взглянула я назадъ и увидѣла тѣло мое, лежащее бездушно и неподвижно, и безчувственно: будто кто, скинувъ съ себя одежду, бросилъ ее и стоитъ, на нее взирая. И опять стали приступать ко мнѣ тѣ страшные эѳіопы, угрожая мнѣ и перечисляя грѣхи мои. Тогда тѣ двое прекрасныхъ юношей собрали всѣ добрыя дѣла мои и все это мѣрили на мѣрилахъ и мѣрили вмѣстѣ съ моими грѣхами по одиночкѣ, и добрыми дѣлами искупали грѣхи мои; эѳіопы же скрежетали на меня зубами, порываясь исхитить отъ прекрасныхъ юношей. И вдругъ, неожиданно явился отецъ нашъ Василій и далъ ангеламъ ковчежецъ, сказавъ: «Когда вамъ нужно будетъ на воздухѣ миновать мытарства, искупите, взимая изъ этого ковчежца». Сказавъ это, онъ отошелъ, и мнѣ показалось, что въ томъ ковчежцѣ было золото». Прекрасные юноши искупали душу Ѳеодоры ароматами и повели ее по мытарствамъ. Первое мытарство оклеветанія и второе—поруганія пройдены были благополучно. Юноши восполнили недостатки Ѳеодоры отъ дарованія св. Василія. Восходя отсюда по воздуху, юноши говорили другъ другу: «По истинѣ сія душа помощь велику имѣетъ отъ угодника Божія Василія!» Душа Ѳеодоры благополучно миновала третье мытарство зависти. Эѳіопы скрежетали на Ѳеодору зубами и порывались поглотить ее, но напрасно. Въ пятомъ мытарствѣ испытывали Ѳеодору о гнѣвѣ и ярости. Старѣйшина эѳіоновъ велѣлъ терзать Ѳеодору, и эѳіопы, какъ псы, облизывали ее и приносили всѣ дѣла ея и рѣчи, которыя она сдѣлала или сказала когда либо въ ярости или гнѣвѣ. Въ шестомъ мытарствѣ, гордости, ничего не нашли въ Ѳеодорѣ, потому что въ жизни она была убогою рабынею. Седьмое

мытарство — празднословія. «Бывшіе тамъ, — разсказывала Ѳеодора,—обличали меня, что я съ юности своей праздно изглаголала и какія мірскія пѣсни пѣла, и всякій мой смѣхъ и глумленіе. И сказала я тогда самой себѣ: откуда же знаютъ все это проклятые мытарники, когда и сама то я все это давно уже забыла»? Одиннадцатое мытарство—пьянственное. «И стояли,— продолжала Ѳеодора, — слуги мытарства, какъ волки и хищники, готовые поглотить насъ. И напали на меня эти истязатели и даже пересчитали всѣ тѣ чаши, сколько я выпила въ своей жизни, и говорили: «Вотъ, не столько ли ты выпила чашъ? И вотъ не такіе ли то именно были тѣ, которые съ тобою вмѣстѣ пили? И не была ли ты тогда то пьяна паче мѣры?» И точно, окаянные тѣ клеветники поименно называли тѣхъ, съ которыми я дѣйствительно бывала на пирахъ; точно, много ко мнѣ хаживало гостей, и я съ ними пировала!» Искупивши свои пьянственные грѣхи, Ѳеодора поднялась выше и достигла двѣнадцатаго мытарства—злопомнѣнія. Ѳеодора не была злопамятной, и потому она быстро миновала это мытарство. Поднимаясь, она спросила своихъ спутниковъ: «Молю васъ, господіе мои! Повѣдайте мнѣ, отчего все знаютъ эти беззаконники, будучи такъ далеко отъ міра и отъ земной жизни»? И отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ моихъ проводниковъ: «Всякій христіанинъ отъ св. крещенія пріемлетъ себѣ святого ангела, который и хранитъ его невидимо, наставляетъ его и написуетъ всѣ его добрыя дѣла, и тогда же лукавый діаволъ написуетъ грѣхи каждаго мытарства». Наконецъ, Ѳеодора со спутниками достигла послѣдняго, двадцать второго мытарства. «И сидѣлъ князь зѣло жестокъ, весь изсохъ и унылъ, будто отъ долгой болѣзни, плакалъ и рыдалъ, и дышалъ огнемъ немилосердія. И слуги его окружили меня, какъ пчелы, испытывая меня и истязая, и обыскивая, но ничего не успѣли; мы же съ радостью отошли отъ нихъ».

2) Эпизодъ о страшномъ судѣ. Читая книги Ветхаго Завѣта, монахъ Григорій убѣждался въ истинности многихъ идей еврейскаго ученія. Свои сомнѣнія Григорій высказалъ св. Василію. Послѣдній наставилъ его на путь истинный и въ качествѣ главнаго аргумента противъ еврейскаго ученія привелъ тотъ фактъ, что Господь Богъ прогналъ отъ себя евреевъ и расточилъ ихъ въ концы вселенной. Вернувшись

отъ Василія. Григорій имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему открыта была картина страшнаго суда.

Приступая къ описанію своего видѣнія, Григорій говоритъ: «Видѣлъ я себя на нѣкоторомъ злачномъ полѣ, цвѣтущемъ прекрасными цвѣтами. Тихій вѣтеръ навѣвалъ тонкую прохладу, нѣжно преклоняя цвѣты, а надъ нимъ носился тонкій и нѣжный паръ, испускавшій благоуханіе. И стоялъ я на томъ полѣ, удивлялся и веселился сердцемъ. И подошелъ ко мнѣ мужъ, мужъ свѣтелъ и красенъ, въ бѣлыхъ ризахъ, и сказалъ мнѣ, что по моему прошенію удостовѣриться въ законѣ іудейскомъ, молитвами св. отца Василія, онъ покажетъ мнѣ въ видѣніи, что такое вѣра жидовская, покажетъ также вѣроисповѣданія и другихъ народовъ». Внезапно Григорій и его спутникъ - ангелъ были подняты и стали переноситься въ какія-то очень свѣтлыя мѣста, съ землею, прозрачною, какъ стекло, въ мѣста, пылавшія чудеснымъ пламенемъ, которое не жгло и было исполнено ангельскихъ силъ. Затѣмъ Григорій и его спутникъ очутились около какой то горы, на которую они вступили. Отсюда Григорій взглянулъ на востокъ и увидѣлъ великое страшное поле, блиставшее чистымъ золотомъ. На полѣ былъ расположенъ великій городъ: это былъ высшій Іерусалимъ, нерукотворенный Сіонъ, сдѣланный изъ чистаго золота и изъ двѣнадцати символическихъ камней. Въ городѣ было двѣнадцать воротъ, сдѣланныя изъ тѣхъ двѣнадцати камней. Посреди города находился блестящій холмъ, будто раскаленное желѣзо. На холмѣ возвышался страшный крестъ, весь въ сіяніи, а на крестѣ былъ голубь, бѣлый, какъ снѣгъ. Въ то время, какъ Григорій смотрѣлъ и дивился видѣнному, вдругъ точно блеснула страшная молнія: надъ городомъ пронесся юноша, за нимъ другой, который принесъ чудесный престолъ. Юноши - ангелы установили престолъ на высокомъ холмѣ. Послѣ этого слетѣло еще четыре ангела; у каждаго было по свѣчѣ въ рукѣ. Наконецъ, слетѣлъ еще одинъ ангелъ, который торжественно возгласилъ: «Се судъ и воскресеніе мертвыхъ хощетъ быти, и воздаяніе комуждо отъ праведнаго Судіи пріиде».

Съ высоты пронесся огненный столпъ по всему воздуху и, распаляясь, сошелъ на землю, разлился на всѣ четыре конца ея и поѣлъ все сотворенное. Тогда съ высоты раз-

дался голосъ: «Да соберутся кость къ кости и суставъ къ суставу, и членъ къ члену своему». Когда раздавался этотъ голосъ грозные ангелы схватили антихриста и извергли его вмѣстѣ съ его проклятыми слугами; двѣнадцать ангеловъ со своимъ воеводою вострубили въ трубы; отъ гласа трубнаго сталъ громъ, земля заколебалась отъ страха, какъ море, - и вотъ стали восходить жилы и плоть на кости человѣческія: но духа жизни еще не было въ нихъ. Тогда воевода вострубилъ въ другой разъ: земля заколебалась пуще прежнаго: разверзлись гробы всѣхъ, отъ вѣка усопшихъ, и извергли ихъ изъ себя. Свыше сошло множество ангеловъ, будто песокъ морской; каждый изъ ангеловъ шелъ къ одному изъ возставшихъ и влагалъ душу каждаго человѣка въ его тѣло. Вострубилъ воевода въ третій разъ: ужаснулись небо и земля отъ гласа трубнаго, и всѣ мертвые ожили; море и рѣки, озера, болота и лѣса со страхомъ отдавали отъ себя въ цѣлости всѣхъ людей, погибшихъ въ нихъ разными смертями. И вышли всѣ воскресшіе, будто песокъ морской, равные возрастомъ мужчины и женщины. Григорію чудилось, что у нѣкоторыхъ воскресшихъ лица сіяли, какъ звѣзды, у другихъ, какъ луна въ мрачную ночь, у третьихъ, какъ раскаленное желѣзо, испускающее искры, у третьихъ, какъ солнце; у нѣкоторыхъ лицо было бѣлое, какъ снѣгъ, у другихъ, какъ чистая и бѣлая шерсть, у третьихъ—бѣлое и румяное, какъ цвѣтокъ. У каждаго воскресшаго была въ рукѣ молніеобразная книга, а на челѣ—писаніе: у одного написано было на челѣ—пророкъ Господень, у другихъ—проповѣдникъ Божій, апостолъ Христовъ, смиренъ сердцемъ, нищъ духомъ и т. д. Лица грѣшниковъ имѣли скаредную нечистоту, были тёмны и помрачены: у однихъ лица походили на прахъ, смѣшанный съ пепломъ; у другихъ на лицѣ была будто аспидова кожа, у третьихъ — будто ослиная кожа, у четвертыхъ лицо было будто дымная зелень, у пятыхъ будто свиная кожа, у шестыхъ точно окровавленное. Всѣ эти грѣшники говорили другъ другу: «О, горе намъ! Вотъ уже и послѣдній день пришествія Христова»! И стояли, поникши и ожидая отвѣта отъ Праведнаго Судіи. На темени каждаго грѣшника были червленыя написанія, означающія его грѣхъ. Между тѣмъ съ высоты сходили вышніе чины, воспѣвая божественную пѣснь; посреди нихъ несли деревян-

ный крестъ, сіявшій необыкновеннымъ свѣтомъ, и поставили его на престолѣ, уготованномъ для Судіи. Увидя это, праведные возрадовались, а грѣшники вострепетали. Григорій съ спутникомъ стоялъ на нѣкоторомъ высокомъ мѣстѣ; ему казалось, что онъ стоитъ на воздухѣ и видитъ все отъ одного края вселенной до другого: онъ слышалъ все, что бы и гдѣ бы во вселенной ни говорилось. Былъ шумъ великій, слышались звуки страшные, и Григорій ужаснулся. «Не бойся,—сказалъ ему спутникъ-ангелъ, — не бойся: увидишь еще больше того! Это двинулись силы небесныя — передъ пришествіемъ самого Великаго Судіи». И дѣйствительно, стали появляться во множествѣ силы небесныя и полки ангеловъ на мѣсто судилища. Ангелы и силы небесныя были различнаго вида: одни — бѣлые, какъ снѣгъ, другіе — какъ пламя, третьи блистали золотомъ. Они раздѣлились на четыре начала и разошлись по четыремъ краямъ неба. Появилась огненная колесница, окруженная многоочитыми небесными силами; затѣмъ показался, предшествуемый страшными ангельскими полчищами, свѣтлый и бѣлый, какъ снѣгъ, облакъ, несомый четырьмя животными: львомъ, тельцомъ, овномъ и орломъ. Григорій такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ этой картины: «Умъ не постигаетъ, мысль не можетъ достичь, чтобы повѣдать страшнаго Божества благолѣпіе, и было оно въ проліяніе на всю вселенную, якоже въ темнѣ нощи внезапу солнцу возсіявшу и весь міръ озарившу». Ангелы великимъ гласомъ возгласили: «Благословенъ грядый во имя Господне! Господь Богъ пріиде судити живымъ и мертвымъ». Всѣ люди пали ницъ на землю и поклонились Судіи. Когда Господь возсѣлъ на престолѣ, небо и земля вострепетали, какъ листъ на деревѣ отъ вѣтра, и всѣ люди были охвачены страхомъ. Господь взглянулъ на небо, и небо свернулось отъ лица Его и отъ очей Его: Господь взглянулъ на землю, и земля начала бѣжать, потому что она была скверна и нечиста отъ дѣлъ человѣческихъ: она побѣжала и пропала: всѣ очутились на воздухѣ. Господь опять взглянулъ наверхъ — и тотчасъ явилось новое небо: взглянулъ Господь внизъ — и тотчасъ явилась новая земля, и обновились люди, и все стало новое. И была твердь, но не было ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, потому что вмѣсто нихъ возсіяло незаходящее солнце, немерцающій свѣтъ. Хри-

стосъ Богъ нашъ. Взглянулъ Господь на море—вода морская тотчасъ изсякла и преложилась въ огонь: отъ этого огня взвилось пламя, которое достигло небесъ; произошелъ великій шумъ и клокотъ. Взглянулъ Господь на грѣшниковъ—внезапно напали на нихъ съ запада страшные лики огненныхъ ангеловъ и стали ввергать ихъ въ это огненное море. И былъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Ангелы вострубили въ страшныя трубы—и одесную Судіи было уготовано мѣсто. Какъ молнія, понеслись съ востока полки другихъ ангеловъ, которые отдѣляли праведныхъ отъ грѣшниковъ; они радостно цѣловали ихъ, приводили ихъ къ Судьѣ и поставляли ихъ одесную Его. Господь взглянулъ на сѣверъ и югъ—понеслись другіе полки ангеловъ, которые привели къ Судьѣ грѣшниковъ и поставили ихъ ошуюю Его. Обратившись одесную, Господь сказалъ: «Пріидите, благословенные Отца Моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе небесное»! Обратившись ошуюю, Господь сказалъ: «Идите отъ Мене, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и слугамъ его»! Господь взглянулъ еще разъ на обновленную землю—и произросли и зацвѣли на ней различные сады, потомъ протекла рѣка, чистая и сладкая, паче меда, потомъ протекла другая рѣка, млечная, паче молока естественнаго; эти рѣки проходили по всей землѣ, разливаясь и орошая сады, но такъ, что молоко не смѣшивалось съ медомъ; налетѣли птицы небесныя, будто великій облакъ, наполнили сады и начали пѣть прекрасныя пѣсни. Господь еще разъ взглянулъ вверхъ — и воинства ангеловъ снесли съ высоты страшный и дивный городъ — вышній Іерусалимъ и поставили его на востокѣ. Раздался трубный гласъ; всѣ, на небѣ и на землѣ, восхвалили Господа. Господь сошелъ съ престола и направился къ блестящимъ вратамъ города, говоря тихимъ и кроткимъ голосомъ сидѣвшимъ одесную: «Пріидите, благословенные Отца Моего, и войдите на радость Господа Бога Вашего»!

Начинается торжественное шествіе праведниковъ въ Вышній Іерусалимъ. Сначала входитъ Божья Матерь, которую Христосъ пріемлетъ, слегка наклонивши свою голову. Вслѣдъ за Божьей Матерью съ подобающею торжественностью и велелѣпіемъ вошли двѣнадцать апостоловъ, семьдесятъ учениковъ Христа, ликъ св. мучениковъ, святители, постники,

мученицы, затѣмъ Авраамъ. Исаакъ, Іаковъ, судьи ветхаго завѣта, Адамъ, Авель, Ной и пр.

Затѣмъ описывается судъ надъ грѣшниками. Господь имѣлъ въ рукѣ огненный жезлъ. Онъ ввергнулъ этотъ жезлъ въ толпу грѣшниковъ, и грѣшники раздѣлились на группы по народамъ. колѣнамъ. племенамъ, вѣроисповѣданіямъ и ересямъ. Сначала были отдѣлены христіане отъ невѣрныхъ. Послѣдніе были ввергнуты въ огненное море; сюда же попали разбойники, самоубійцы, сквернословцы, смѣхотворцы и пр., и пр. Далѣе Господь изъ массы грѣшниковъ отдѣлилъ большой полкъ: это были монахи; лица ихъ были омрачены. въ рукахъ они держали свѣтильники, безъ масла: на выяхъ ихъ лежали лѣность и небреженіе, и уныніе, и нерадѣніе, и непокореніе. яко желѣза тяжкія. Это были монахи, которые не сохранили своего обѣта и поработились свѣтскимъ страстямъ. Далѣе отдѣляется новая толпа, состоящая изъ иноковъ и мірянъ: лица ихъ были черныя, причемъ попеременно то посрамлялись, то просвѣтлялись: отъ правыхъ рукъ ихъ капало масло чистое, яко золото, отъ лѣвыхъ же, — яко сурова смола. Это были несчастные люди съ недостатками и достоинствами: это были сластолюбцы. но надѣлявшіе нищую братію милостынею. Господь не взглянулъ на нихъ, и суровые ангелы повлекли ихъ на муки. Несчастные оборачивались назадъ и взывали къ Господу: «Пощади насъ. Боже Милостивый»! Внезапно съ неба сходитъ отроковица, прекрасная и препрославленная: ей служили ангелы. Эта отроковица была Милостыня. По ея мольбамъ, Господь смилостивился надъ сластолюбцами: Господь избавилъ ихъ отъ вѣчнаго огня, но войти въ Вышній Іерусалимъ не позволилъ: Господь велѣлъ отвести имъ мѣсто на сѣверѣ и лишить ихъ всего потребнаго. Далѣе слѣдовали младенцы, не просвѣщенные христіанствомъ: Господь велѣлъ имъ дать покойное мѣсто, но они навсегда лишались блаженства видѣть лицо Господне. За дѣтьми. не просвѣщенными христіанствомъ, слѣдовали еретики. Наружность ихъ описывается въ отвратительныхъ чертахъ. Творя судъ надъ еретиками. Господь прежде всего требуетъ, чтобы передъ Нимъ предсталъ основатель ереси, ересіархъ. Сначала выступаютъ аріане. Господь судитъ Арія, говоря ему: «Не азъ ли есмь Господь Іисусъ Христосъ. соприсносущій Отцу? Како убо ты Мое Божество

въ тварь сведе? И тобою прельщенный сонмъ вѣчной мукѣ ты предалъ? Отдай мнѣ ихъ души, о проклятый»! Аріане были ввергнуты въ огонь вѣчный. Отдѣляется толпа еретиковъ-македонійцевъ. И сказалъ Господь Македонію: «Азъ умолчу тебѣ, но св. Духъ, похуленный тобою, пріидетъ и посрамитъ тебя, якоже истинный Богъ есть». Небесныя силы воспѣли ужасную пѣснь: «Царю Небесный, Утѣшителю» и т. д. По окончаніи пѣнія возсіяли свѣтъ и огненная пресвѣтлая заря: блеснула молнія; явился Престолъ смарагдовый и на немъ Утѣшитель Господь (т. е. св. Духъ), яко снѣговиденъ голубь, и явившись, почилъ на Единородномъ Сынѣ Божіи; скверный же Македоній былъ посрамленъ и вмѣстѣ съ послѣдователями преданъ мукѣ. Далѣе явились несторіане. Несторію Господь сказалъ: «Гдѣ же два лица (лицо божественное, вѣчное и человѣческое, временное), какъ ты лжемудрствовалъ обо Мнѣ, и столько народа ввергнулъ въ погибель? Не азъ ли есмь единъ Святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ двухъ естествахъ, но въ одномъ составѣ»? Является передъ Несторіемъ Богородица, неизреченнымъ свѣтомъ просвѣщенная, недоумѣнною славою украшенная и ангелами страшными служимая. Ангелы пѣли ей: «Радуйся, сподобившаяся быть Матерью Господу Богу». За несторіанами послѣдовали другіе еретики, въ томъ числѣ иконоборцы, и евреи, не принявшіе и распявшіе Христа. Евреи, узнавъ распятаго ими Христа, пришли въ ужасъ и трепетъ. Напрасно они взывали къ ветхозавѣтному Богу своихъ отцовъ, напрасно умоляли о защитѣ своихъ пророковъ, судей и Моисея: Моисей сталъ обличать ихъ, объясняя ихъ заблужденія, и показалъ имъ въ Іисусѣ Христѣ истиннаго Бога. Когда Моисей, обличивъ евреевъ, отступилъ отъ нихъ, они стали призывать Бога: «Боже отецъ нашихъ! Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Іаковль! Избави насъ въ часъ бѣды сея! Кромѣ тебя иного Бога не познали». Когда они такъ взывали, блеснула молнія и пронеслась по всей землѣ, затѣмъ блеснула другая, и обѣ молніи стали надъ Судіею, осѣнивши его. Всѣ силы небесныя воспѣли Ему со Отцомъ и св. Духомъ. Затѣмъ явился другой престолъ, подобный престолу Судіи, и на томъ престолѣ Ветхій Деньми (т. е. Богъ-Отецъ) покоился съ Единороднымъ Сыномъ и Словомъ; видя это, Іудеи вострепетали. Обличивъ нечестивыхъ евреевъ, Богъ Отецъ

сталъ невидимъ. Послѣднимъ нечестивцемъ, осужденнымъ Господомъ, былъ Діоклетіанъ, величайшій гонитель христіанъ въ III в. Какъ левъ, ревѣлъ, стоналъ и скрежеталъ зубами этотъ великій грѣшникъ въ страшномъ пламени и напрасно обращался съ мольбами къ распятому Господу и къ святымъ Его угодникамъ.

Библіографія. *Н. Петровъ*. О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Кіевъ. 1875 — *А. И. Пономаревъ* Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Спб. 1890.

Сочиненія св. отцовъ и учителей церкви.

98. О сочиненіяхъ св. отцовъ и учителей церкви. Переработкѣ еврейско-христіанскаго міропониманія на основахъ древнегреческой мысли содѣйствовали своими трудами отцы и учители церкви, лица, которыя въ юности воспитали свой умъ на древнегреческихъ произведеніяхъ. Наиболѣе популярными и распространенными у насъ были сочиненія слѣдующихъ отцовъ и учителей церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Ѳеодорита Кирскаго, Іоанна Синайскаго-Лѣствичника, инока Антіоха, Анастасія Синаита, Іоанна Дамаскина, Нила Синайскаго, Геннадія Константинопольскаго, Никона Черногорца.

99. Сочиненія Василія Великаго и Григорія Богослова. Изъ сочиненій Василія Великаго († 379 г.) у насъ болѣе всего извѣстны были «Бесѣды на Шестодневъ» (см. § 111) и аскетическія поученія. Аскетическія поученія Василія касались главнымъ образомъ поста и монашеской жизни («Предисловіе постническимъ словесемъ», «Вопрошанія постническа», «О вѣрѣ»).

На ряду съ сочиненіями Василія Великаго были у насъ извѣстны и сочиненія другого отца церкви—Григорія Богослова († 389 г.). У насъ читали главнымъ образомъ его «Поученія».

100. Сочиненія пр. Ефрема Сирина. Пр. Ефремъ Сиринъ (т. е. сиріецъ, † 372 г.) оставилъ послѣ себя многочисленныя сочиненія: догматико-полемическія, экзегетическія, моральныя, аскетическія, похвальныя слова святымъ, церков-

ныя пѣсни и молитвы. Въ нихъ Ефремъ Сиринъ обнаружилъ глубокое знаніе св. Писанія и обширную ученость. Давая свои толкованія отдѣльнымъ событіямъ или лицамъ св. Писанія, Ефремъ Сиринъ прежде всего старался установить буквальный историческій смыслъ ихъ и потомъ уже давалъ и объясненія прообразовательно-пророческія. Помимо учености Ефремъ Сиринъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ и поэтическое дарованіе: большая часть его произведеній, даже догматико-полемическія, облечена въ форму пѣсенъ, стихотвореній. Не отличаясь внѣшней отдѣлкой, его пѣсни и стихотворенія проникнуты глубокимъ чувствомъ, по преимуществу чувствомъ сокрушенія, которое вызывалось у автора сознаніемъ духовной немощи и испорченнности человѣка, мыслью о неизбѣжномъ концѣ всѣхъ нашихъ стремленій,—мыслью о смерти и о необходимости постояннаго покаянія, памяти о загробномъ судѣ. Вотъ нѣкоторые отрывки, характеризующіе основное настроеніе Ефрема Сирина: «Проходитъ день, по слѣдамъ его идетъ другой, и когда не гадаешь,—смерть стоитъ уже въ головахъ у тебя... Гдѣ мудрецы, которые написали книги и писаніями своими наполнили міръ? Гдѣ тѣ, которые изумляли міръ своимъ словомъ и твореніями, плѣняли своими умствованіями?.. Гдѣ тѣ, которые гордились дорогими одеждами, покоились на пурпуровыхъ ложахъ. Гдѣ тѣ, которые изумляли красотою своей наружности? Гдѣ руки, которыя украшались жемчужинами? Гдѣ тѣ, которые приводили въ трепетъ своими велѣніями и покоряли себѣ землю ужасомъ своего владычества? Скажи землѣ, и она укажетъ тебѣ, гдѣ они; вопроси шеолъ, и онъ откроетъ тебѣ, куда они положены... Вонъ, всѣ они вмѣстѣ лежатъ въ землѣ, всѣ стали прахомъ, и не различишь, гдѣ прахъ богатаго, и гдѣ прахъ бѣднаго...». «Видѣлъ я, какъ алчный шеолъ наполняется, и всегда неполонъ; чѣмъ большее число мертвецовъ въ него входитъ, тѣмъ обширнѣе дѣлается его зѣвъ. Несчетныя тысячи лежатъ тамъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, безчисленные сонмы видѣлъ я лежащихъ тамъ... Тихо лежатъ они въ могилѣ... Внимательно всматривался я въ кости и богатыхъ, и бѣдныхъ, — точно ли кости богатыхъ красивѣе, нежели кости бѣдныхъ?... Вмѣстѣ смѣшаны тамъ кости ихъ...». Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ «На губительную язву» авторъ говоритъ: «Великій празд-

никъ нынѣ у смерти: созвала она и собрала всѣ племена и народы; созвала царей и князей, сильныхъ и обладателей; призвала вселенную отъ концовъ ея, собрала роды и поколѣнія, острова и обитателей ихъ отъ одного конца земли до другого,—и отверзъ гортань свою алчный шеолъ, поглощающій поколѣнія... Какъ царь, стоитъ смерть въ обители мертвыхъ, окруженная своими воинствами, безчисленными тьмами, полчищами и сонмами людей, которыхъ созвала, чтобы всѣ узнали ее. Низложила она человѣчество, ввергла во тьму умершихъ... Гробы наполнились тѣлами мертвыхъ, дома осталась безъ жителей, пусты, протоптана дорога къ мертвымъ, запустѣлъ путь къ живымъ... Всякій заботится о томъ, чтобы приготовить скорѣе ровъ своему тѣлу, какъ будто ровъ этотъ ему пріятнѣе ложа подъ богатымъ покровомъ. Каждый спѣшитъ вырыть столько могилъ, сколько людей у него въ домѣ... Но по множеству умирающихъ недостаетъ и могилъ, и каждый заботиться только о своей могилѣ, заботится прежде всего приготовить ее себѣ, а потомъ уже и для другихъ. Мало земли для могилъ: вся она изрыта, вся ископана... Каждый заботится о себѣ самъ, боясь, что иначе, если умретъ, некому будетъ похоронить его... Великій праздникъ при гробахъ! Тамъ и живые, и мертвые,—мертвые погребены въ землѣ, живые плачутъ при гробахъ... Обезлюдѣли и запустѣли дома, а могилы полны, даже черезъ край! У всякаго гроба отверста пасть, а у домовъ у всѣхъ двери наглухо заперты. Не стало смѣха на землѣ, исчезла радость; царствуютъ плачъ, воздыханія, сѣтованія, скорбь; болѣзненно вопіетъ сама земля. Безлюдны стали улицы; опустѣли, необитаемы дома; на стогнахъ не слышно человѣческаго голоса... Гумно плачетъ о своемъ владѣльцѣ; земледѣлецъ оставилъ работу свою; стадо плачетъ о пастухахъ,—разсѣяно, разогнано оно по горамъ. Уныло ржетъ конь и горько плачетъ о своемъ господинѣ... Погибли наши нивы: не стало земледѣльцевъ; плачутъ виноградники и луга, служившіе пажитью скоту... Безмолвно лежитъ мать: на лонѣ у нея грудной младенецъ, лобзаетъ ее, играетъ ея волосами, зоветъ ее своимъ лепечущимъ языкомъ; но она молчитъ, не поетъ ему колыбельныхъ пѣсенъ, не даетъ горячихъ лобзаній. Куда же скрылся въ ней этотъ источникъ несказанной материнской любви? Почему говорливыя прежде

уста не лобзаютъ плода чрева своего?.. Что не укорите вы, подруги, эту безжалостную мать?.. Младенецъ у ней на груди, а она и не взглянетъ на него!.. Утомились погребающіе: никто не заботится о ближнемъ... Опустѣла церковь и сѣтуетъ: нѣтъ у ней ни входящихъ, ни выходящихъ»...

Изъ произведеній Ефрема Сирина для насъ особенное значеніе имѣли два: 1) «Слово о злыхъ женахъ» и 2) «Паренесисъ», собраніе поученій.

1) «Слово о злыхъ женахъ». «Слово о злыхъ женахъ», какъ показываетъ заглавіе, разсматриваетъ отрицательныя черты въ женщинахъ. «Нѣтъ звѣря,—говоритъ Ефремъ Сиринъ,—подобнаго женѣ лукавой и нескромной на языкъ. Что страшнѣе льва между четвероногими, или лютѣе змія между пресмыкающимися? Однако же ничего не значатъ они въ сравненіи съ лукавою женою... А что левъ и змій уступаютъ ей въ злобѣ, свидѣтельствуетъ о томъ и Премудрый, говоря: «Лучше жити со львомъ и зміемъ, неже жити съ женою лукавою» (Сирах., 25, 18)... О, какое это зло,—самое острое оружіе діавольское! Черезъ жену въ началѣ развратилъ діаволъ Адама въ раю, черезъ жену заключилъ Іосифа въ темницу, черезъ жену побудилъ Давида къ коварному убійству Урія, черезъ жену премудрѣйшаго Соломона довелъ до преступленія, черезъ жену гналъ Илію, черезъ жену ослѣпилъ Самисона и усѣкнулъ Предтечу Христова, черезъ жену всѣхъ доводитъ до паденія, всѣхъ безчеститъ, всѣхъ убиваетъ, всѣхъ позоритъ... О, какое, всякаго зла злѣйшее, зло лукавая жена! И аспиды, если ихъ приласкаютъ, дѣлаются кроткими; и львы, и барсы, привыкнувъ къ человѣку, бываютъ смирны; но лукавая и безстыдная жена, если оскорбляютъ ее, бѣсится, если ласкаютъ—превозносится»...

2) «Паренесисъ». «Паренесисъ» представляетъ собраніе поученій и словъ Ефрема Сирина. Изъ помѣщенныхъ здѣсь словъ особенно много читались у насъ тѣ, которыя касались кончины міра, напр., «Слово о антихристѣ».

Въ этихъ словахъ авторъ картинно изображаетъ тѣ ужасы и бѣдствія, которыми будетъ сопровождаться кончина міра. Вотъ, какъ Ефремъ Сиринъ изображаетъ дѣйствія антихриста въ началѣ его появленія. «Великъ нуженъ будетъ подвигъ для вѣрныхъ, чтобы устоять противъ чудесъ и знаменій, какія онъ совершитъ, когда въ страшныхъ при-

зракахъ покажетъ себя подобнымъ Богу, будетъ летать по воздуху, и всѣ бѣсы, подобно ангеламъ, вознесутся передъ мучителемъ... Кто устоитъ противъ его обольщеній, когда увидитъ по всей землѣ распространившуюся неизреченную скорбь, когда увидитъ, что весь міръ въ смятеніи, и что каждый бѣжитъ укрыться въ горахъ, и одни умираютъ отъ голода, другіе истаиваютъ, какъ воскъ, отъ жажды? Каждый со слезами будетъ спрашивать другого: «Есть-ли гдѣ на землѣ слово Божіе»? И услышитъ въ отвѣтъ: «Нигдѣ»! И многіе поклонятся мучителю, взывая: «Ты—нашъ спаситель»! Море мятется, земля изсыхаетъ, небеса не дождятъ, растенія увядаютъ, и всѣ живущіе на востокѣ земли отъ великаго страха бѣгутъ на западъ, живущіе же на западѣ съ трепетомъ бѣгутъ на востокъ. Безстыдный же, пріявъ тогда власть, пошлетъ бѣсовъ во всѣ концы смѣло проповѣдывать: «Великій царь явился во славѣ: идите и видите его»... У кого будетъ такая адамантовая душа, чтобы перенести всѣ эти соблазны?.. Всѣ послѣдователи антихриста будутъ носить на себѣ печать звѣря: только въ этомъ случаѣ имъ можно будетъ покупать себѣ пищу и все потребное». Печать антихриста, его «злочестивыя начертанія» будутъ на правой рукѣ и на челѣ каждаго человѣка, «чтобы человѣку не было уже возможности правою рукою напечатлѣть крестное знаменіе». Для привлеченія къ себѣ народовъ антихристъ будетъ прибѣгать къ хитрости: онъ «не будетъ брать даровъ, будетъ говорить съ гнѣвомъ, показывать пасмурный видъ, и многіе народы и сословія, увидѣвъ такія добродѣтели его, съ великой радостью провозгласятъ его царемъ... Но утвердившись на царствѣ, онъ скоро измѣнитъ свой скромный видъ на грозный и лютый и прежде всего во гнѣвѣ поразитъ трехъ царей»... Антихристъ совершитъ многочисленныя знаменія передъ народами: на виду зрителей онъ будетъ переставлять горы и вызывать острова изъ моря: но эти знаменія будутъ недѣйствительными, ложными. Люди не будутъ находить себѣ пищи, чтобы утолить голодъ; «жестокіе надзиратели будутъ поставлены вездѣ, и тому только будетъ позволено покупать пищу, кто у себя на челѣ или на правой рукѣ имѣетъ печать антихриста». Младенцы будутъ умирать на лонѣ матерей, умретъ и мать надъ своимъ ребенкомъ, умретъ и отецъ съ женою и дѣтьми среди тор-

жища, и некому будетъ похоронить и положить ихъ въ гробъ. «Отъ множества труповъ, лежащихъ по улицамъ, распространится зловоніе, которое будетъ поражать живыхъ... Но некуда бѣжать и скрыться! Все въ смятеніи—и море, и суша... Зловоніе на морѣ, зловоніе на сушѣ, голодъ и жажда въ домахъ... Золото и серебро будутъ разсыпаны на улицахъ, и никто до нихъ не коснется—все омерзѣло... Съ рыданіемъ встрѣчаются всѣ другъ съ другомъ—отецъ съ сыномъ, сынъ съ отцомъ, мать съ дочерью; обнимаясь на улицахъ, они кончаютъ жизнь; братья, обнимаясь съ братьями, умираютъ»... Всѣ тѣ, которые повѣрили антихристу и приняли на себя его печать, приступятъ къ нему и попросятъ у него ѣсть и пить. Но антихристъ, самъ не имѣя ничего, скажетъ имъ: «Откуда, люди, дамъ вамъ пить и ѣсть? Небо не хочетъ дать землѣ дождя, и земля не даетъ ни жатвы, ни плодовъ»... Тогда среди людей поднимется плачъ и рыданіе, какихъ еще никогда не было на землѣ. Сама природа раздѣлитъ скорбь людей. «Восплачутъ тогда вся земля и море, восплачетъ воздухъ, а вмѣстѣ восплачутъ и дикіе звѣри, и птицы небесныя; восплачутъ горы и холмы, и дерева на равнинахъ; восплачутъ и свѣтила небесныя—о родѣ человѣческомъ. Ибо всѣ уклонились отъ святого Бога и повѣрили лести, принявъ на себя вмѣсто животворящаго креста Спасителя начертаніе сквернаго и богоборнаго... Въ устахъ человѣческихъ прекратится вдругъ гласъ псалма и молитвы, — восплачутъ великимъ плачемъ всѣ церкви Христовы, потому что не будетъ ни священнослуженія, ни приношеній»... Съ появленіемъ Христа начнется всеобщее воскресеніе изъ мертвыхъ. «Тогда въ аду кости человѣческія, слыша гласъ трубы, со тщаніемъ побѣгутъ, ища своихъ составовъ; тогда увидимъ, какъ всякое дыханіе человѣческое во мгновеніе ока возстанетъ съ мѣста своего, и всѣ отъ четырехъ концовъ земли будутъ собраны на судъ. Тотчасъ дадутъ—земля своихъ мертвецовъ, а море—своихъ. Что растерзали звѣри, что раздробили рыбы, что расхитили птицы,—все это явится во мгновеніе ока. Ни въ одномъ волосѣ не окажется недостатка... Потомъ мы увидимъ огненную рѣку, текущую съ яростью, подобно свирѣпому морю, поядающую горы и дебри, пожигающую всю землю и дѣла, яже на ней: исчезнутъ источники, спадутъ звѣзды, солнце померкнетъ...

Тогда ангелы потекутъ во всѣ страны, собирая людей отъ всѣхъ концовъ: тогда увидимъ небо новое и землю новую...».

101. Сочиненія Іоанна Златоустаго. Сочиненія Іоанна Златоустаго (347—407), получившаго свое прозвище за необыкновенное краснорѣчіе, были у насъ очень распространены. Помимо краснорѣчія такому распространенію содѣйствовали и другія свойства сочиненій Іоанна, а именно, ясность, естественность, простота. Наставленія Іоанна дышали любовью къ ближнимъ: онъ проповѣдывалъ любовь къ врагамъ, снисхожденіе и любовь къ согрѣшающимъ, которыхъ онъ умѣлъ утѣшать, и особенно любовь къ бѣдному классу населенія, къ которому стоялъ очень близко; убѣждая въ одной своей бесѣдѣ своихъ слушателей придти на помощь къ бѣднымъ, Іоаннъ даетъ точныя указанія о количествѣ ихъ: одна десятая въ городѣ — бѣдные люди, одна десятая босяки, остальныя восемь десятыхъ люди посредственнаго состоянія. Сочувствіе Іоанна къ бѣднымъ было такъ велико, что однажды онъ выразилъ такую мысль: Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ...».

Въ сочиненіяхъ Іоанна Златоустаго еще нѣтъ того суроваго аскетическаго настроенія, которое въ Византіи развивается позднѣе: его міровоззрѣніе проникнуто жизнерадостнымъ настроеніемъ и свѣтлымъ воззрѣніемъ на міръ; но сочувствіе къ жизни отшельнической, къ жизни внѣ условій греко-римскаго міра есть и у Златоуста. Жизнь въ пустынѣ, въ уединеніи представляется Златоусту жизнью, наиболѣе близкой къ природѣ, наиболѣе преисполненной нравственнаго величія. «Святые,—говоритъ Іоаннъ Златоустъ,—облеченные въ власяницы, живущіе въ пустыняхъ, носятъ брачныя одежды... Нѣтъ у нихъ потоковъ крови, они не разсѣкаютъ мяса, нѣтъ головныхъ болей, нѣтъ приправъ въ кушаньяхъ, нѣтъ ни тяжелаго запаха и непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганія и шума, ни суматохи и криковъ несносныхъ, а только хлѣбъ и вода: вода изъ чистаго источника, хлѣбъ—отъ трудовъ праведныхъ. Постелью имъ служитъ просто трава; небо служитъ имъ вмѣсто крова, а луна вмѣсто свѣтильника—и для нихъ то однихъ не даромъ свѣтитъ луна... Разговоръ ихъ исполненъ такого же спокойствія: они не говорятъ о томъ, о чемъ разговариваемъ мы, до насъ нисколько не касающемся, напр., такой-то сдѣланъ начальникомъ, та-

кой-то лишенъ начальства, такой-то умеръ, такой-то получилъ наслѣдство и т. п. И какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлаютъ муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ мы... Ничто у святыхъ царь, ничто—начальникъ; но какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя или начальника, такъ и они презираютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою...».

Сочиненія Іоанна Златоуста у насъ распространялись въ сборникахъ и извлеченіяхъ, сдѣланныхъ въ Болгаріи и носящихъ слѣдующія заглавія: 1) «Златоструй», 2) «Учительное Евангеліе», 3) «Антріатисъ» и 4) «Маргаритъ».

1) **«Златоструй»**. «Златоструй» представляетъ сборникъ словъ Іоанна (количество словъ не одинаково въ рукописяхъ: въ однѣхъ—135, въ другихъ—80). Слова эти были сказаны Іоанномъ на различныя мѣста изъ книги Бытія, на посланія апостола Павла и на какіе-нибудь случаи изъ жизни. Содержаніе ихъ имѣетъ цѣлью уясненіе нравственныхъ положеній христіанства. Переводъ вообще отличается точностью, хотя онъ не буквален. Во многихъ мѣстахъ подлинникъ перефразируется; иногда въ переводѣ имѣются пропуски, а иногда собственныя добавленія переводчика; иногда переводчикъ по собственнымъ соображеніямъ одно слово разбивалъ на два слова. «Златоструй» былъ составленъ при дѣятельномъ участіи болгарскаго царя Симеона (§§ 16—17).

2) **«Учительное Евангеліе»**. «Учительное Евангеліе», т. е. Евангеліе, сопровождаемое толкованіями, представляетъ извлеченіе изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна и изъ нѣкоторыхъ сочиненій другихъ отцовъ церкви. Это извлеченіе сдѣлано было и отчасти переработано самостоятельно извѣстнымъ болгарскимъ писателемъ Константиномъ Пресвитеромъ (§ 17). «Учительное Евангеліе» распадается на отдѣльныя бесѣды. Каждая бесѣда, въ свою очередь, состоитъ изъ трехъ частей: вступленія, толкованія отрывка, читаемаго въ данный день на литургіи изъ Евангелія, и заключенія. Изъ этихъ трехъ частей толкованіе, наиболѣе обширная часть, представляетъ переводъ съ греческаго: вступленіе и заключеніе принадлежатъ перу составителя «Учительнаго Евангелія».

«Учительное Евангеліе» своими толкованіями, большею частью нравственнаго характера, имѣло большое значеніе для славянъ христіанъ, въ томъ числѣ и для русскихъ, такъ какъ вводило мысль словянина-христіанина въ духъ христіанскаго ученія. Имѣли значеніе также и вступленія и заключенія Константина. Отличаясь ясностью, простотой и общедоступностью, они проникнуты искреннимъ чувствомъ и любовью къ болгарскому народу. Во вступленіяхъ и заключеніяхъ Константина замѣтно стараніе автора обновить нравственную жизнь поучаемыхъ въ духѣ ученія Христа, возбудить въ нихъ чувство благодарности къ Богу за призваніе къ христіанству, принесшему имъ благо просвѣщенія. Переводъ «Учительнаго Евангелія» отличается ясностью и простотою.

3) «**Андріатисъ**». «Андріатисъ» представляетъ сборникъ словъ, сказанныхъ Іоанномъ Златоустомъ въ Антіохіи по случаю бунта и низверженія толпой императорскихъ статуй. Сборникъ состоитъ изъ 21 бесѣды.

4) «**Маргаритъ**». «Маргаритъ», т. е. «Жемчужины», состоитъ изъ разнообразныхъ бесѣдъ и слова Іоанна, число которыхъ было отъ 20 до 80. Переводъ этого сборника, повидимому, относится къ эпохѣ XIII—XIV в.

Сочиненія Іоанна Златоустаго были у насъ настолько популярны, что вызвали возникновеніе и собственно русскихъ сборниковъ его произведеній, причемъ на ряду съ произведеніями, принадлежащими дѣйствительно Іоанну, въ эти сборники попадали и произведенія, принадлежащія русскимъ авторамъ. Изъ такихъ сборниковъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) «Златоусты» и 2) «Измарагды».

1) «**Златоусты**». Въ основу сборниковъ съ этимъ заглавіемъ легли, какъ предполагаютъ, поученія на воскресные дни недѣль великаго поста: къ нимъ сначала присоединены были позже поученія на воскресные дни послѣ Пасхи, а затѣмъ поученія на прочіе дни великаго поста и выдающіеся дни недѣль, предшествующихъ посту. Наконецъ, «Златоусты» вообще превратились въ сборники проповѣдей на круглый годъ.

2) «**Измарагды**». Сборники подъ именемъ «Измарагдовъ» по своему содержанію напоминаютъ «Златоусты». Отличаются «Измарагды» отъ «Златоустовъ» тѣмъ, что поученія, помѣщаемыя въ «Златоустахъ», основаны на праздничномъ

евангельскомъ чтеніи, или на событіи, празднуемомъ церковью, тогда какъ поученія въ «Измарагдахъ»—смѣшаннаго содержанія, опредѣленной системы въ ихъ подборѣ нѣтъ. Повидимому, «Измарагды» предназначались для домашняго чтенія мірянъ, тогда какъ «Златоусты» предназначались для чтенія въ церкви.

102. Труды Ѳеодорита Кирскаго. Изъ трудовъ Ѳеодорита Кирскаго († 457) у насъ были извѣстны: 1) «Толкованія на псалмы», 2) отрывокъ догматическаго содержанія подъ заглавіемъ «Отъ того еже о св. Троицѣ», находящійся въ «Изборникѣ Святослава» 1073 г., 3) «О разсмотрѣніи всякаго дѣла зла», 4) «О вѣрѣ» и 5) отрывки изъ толкованій Ѳеодорита на книги меньшихъ пророковъ.

103. Труды Іоанна Синайскаго-Лѣствичника. Іоаннъ Синайскій-Лѣствичникъ († 563) извѣстенъ былъ у насъ главнымъ образомъ своимъ произведеніемъ аскетическаго содержанія—«Лѣствицей». Въ этомъ произведеніи Іоаннъ намѣчаетъ путь, или «лѣствицу» для постепеннаго нравственнаго совершенствованія лицъ, избравшихъ иноческую жизнь. Этотъ путь состоитъ изъ тридцати ступеней духовнаго восхожденія къ совершенству. Каждой изъ этихъ ступеней Іоаннъ посвящаетъ особую бесѣду. Вотъ нѣкоторыя изъ ступеней: любовь, безстрастіе, молитва, безмолвіе, терпѣніе, отреченіе отъ суетной жизни, странничество и т. д. Установленныя Іоанномъ тридцать ступеней въ процессѣ нравственнаго совершенствованія не связаны между собою строгой психологической послѣдовательностью: онѣ представляютъ отдѣльные фазисы душевнаго состоянія человѣка, часто разграниченные другъ отъ друга на очень сомнительныхъ началахъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе Іоанна имѣетъ цѣльность благодаря своей основной идеѣ постепеннаго нравственнаго совершенствованія. Иноческая жизнь представляетъ путь непрерывнаго и труднаго восхожденія по лѣстницѣ духовнаго совершенствованія. Такое восхожденіе возможно при внимательномъ самонаблюденіи: наблюдая себя, необходимо останавливаться на тѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ и настроеніяхъ, которыя подсказываются страстями или грѣховными наклонностями, и безпощадно искоренять ихъ. Личное духовное совершенствованіе состоитъ въ борьбѣ съ собственными пороками и страстями, въ процессѣ духовнаго

самоочищенія отъ нихъ. Въ этомъ состоитъ главная задача инока. Побѣждая отдѣльные пороки и страсти, постепенно счищая отъ нихъ свою душу, инокъ поднимается по ступенямъ духовной лѣстницы. Восхожденію по этимъ ступенямъ особенную помощь оказываетъ непрестанная память о смерти: слезы сокрушенія и умиленія размягчаютъ душу инока, а полная отдѣленность отъ всего доставляетъ ему внутренній душевный покой. Путь нравственнаго восхожденія Іоаннъ рекомендуетъ совершать сознательно, «съ разсужденіемъ». Въ заключеніи 30-ой ступени своей «лѣствицы» Іоаннъ приглашаетъ своего читателя на подвигъ нравственнаго совершенствованія воззваніемъ: «всходите, всходите»!

104. Труды инока Антіоха и св. Анастасія Синаита. Изъ трудовъ указаны отцовъ и учителей церкви замѣчательны слѣдующіе:

1) **«Пандекты» инока Антіоха.** Это сочиненіе инока Антіоха († 635), состоящее изъ 130 главъ, ясно и общедоступно трактуетъ о добродѣтеляхъ и порокахъ: «о воздержаніи», «о постѣ», «о скупости», «о взаимъ дающихъ», «о томъ, еже хранитися отъ женъ», «о гнѣвѣ», «о лѣности», «о татьбѣ» и т. д.

2) **«Вопросы и отвѣты» св. Анастасія Синаита.** Сочиненія, изложенныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, благодаря своей легкости и общедоступности, были очень распространены въ византійско-болгарской литературѣ и у насъ. «Вопросы и отвѣты» св. Анастасія Синаита († 686) посвящены разбору нѣкоторыхъ затруднительныхъ для пониманія мѣстъ св. Писанія.

105. Труды Іоанна Дамаскина. Іоаннъ Дамаскинъ († 777) отличался обширностью и многосторонностью своего образованія. Онъ развилъ свой умъ на сочиненіяхъ Аристотеля, и это сдѣлало Іоанна точнымъ и строгимъ мыслителемъ, отчетливымъ въ понятіяхъ и словахъ. Среди отцовъ церкви Іоаннъ Дамаскинъ считается первымъ систематикомъ, и въ этомъ—значеніе его богословскихъ сочиненій. Изучивъ физику Аристотеля, Іоаннъ Дамаскинъ развилъ въ себѣ склонность къ наблюденію явленій природы; поэтому его сочиненія изобилуютъ естественно-научными свѣдѣніями. Тщательное изученіе Іоанномъ сочиненій Аристотеля по психологіи выразилось въ обиліи психологическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ по его сочиненіямъ.

Іоаннъ Дамаскинъ замѣчателенъ не только, какъ богословъ-систематикъ, но и какъ неподражаемый церковный пѣснотворецъ.

Изъ богословскихъ сочиненій Іоанна Дамаскина у насъ было очень цѣнимо сочиненіе подъ заглавіемъ: «Слово о правѣй вѣрѣ», или «Увѣріе», переведенное Іоанномъ Экзархомъ. Это капитальное сочиненіе состоитъ въ греческомъ подлинникѣ изъ 100 главъ, образующихъ четыре книги. Содержаніе его слѣдующее.

Въ первой книгѣ авторъ излагаетъ сначала доказательства бытія Божія, причемъ замѣчаетъ, что «вѣдѣніе о бытіи Божіемъ самъ Богъ насадилъ въ природѣ каждаго». Затѣмъ авторъ говоритъ «о непостижимости Божества», «о томъ, что Богъ единъ, а не многіе», о св. Духѣ, о св. Троицѣ, о вездѣсущіи Божіемъ и т. д.

Во второй книгѣ авторъ прежде всего толкуетъ слово «вѣкъ». Слово «вѣкъ», по мнѣнію автора, «означаетъ многое: вѣкомъ называется и жизнь каждаго человѣка, вѣкомъ называется и тысячелѣтнее время, вѣкомъ именуется также вся настоящая жизнь и вѣкъ будущій, нескончаемый по воскресеніи; вѣкомъ опять называется не время и не какая либо часть времени, измѣряемая движеніемъ и теченіемъ солнечнымъ, т. е. состоящая изъ дней и ночей, но то, что продолжается наравнѣ съ вѣчнымъ, какъ бы нѣкое временное движеніе и протяженіе. Что время для временнаго, то вѣкъ для вѣчнаго»... Далѣе авторъ излагаетъ о твореніи, объ ангелахъ, о діаволѣ и демонахъ, о видимой твари, о небѣ, о свѣтѣ, огнѣ и о свѣтилахъ — солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, о воздухѣ и вѣтрахъ, о водахъ, о землѣ и о томъ, что изъ нея, о раѣ, о человѣкѣ, объ удовольствіяхъ, о скорби, о страхѣ, о гнѣвѣ, о чувственности, о чувствахъ, о способности мышленія, о памяти, о словѣ внутреннемъ и внѣшнемъ, о страдательномъ состояніи и о дѣйствованіи, о добровольномъ и невольномъ, о свободѣ, о промыслѣ, о предвидѣніи и предопредѣленіи. Изъ перечня главъ видно, что вторая книга «Слова о правѣй вѣрѣ» представляетъ своего рода энциклопедію свѣдѣній по естествознанію и психологіи. Вотъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній и воззрѣній автора, заимствованныхъ имъ большею частью у древнегреческихъ мыслителей. «Небо окружаетъ все и само шарообразно, и отовсюду составляетъ

высшую часть; а средина обнимаемаго имъ пространства составляетъ низшую часть...». «Тѣла легкія и быстродвижныя получили отъ Создателя высшее мѣсто, а тяжелыя и стремящіяся внизъ—низшее, т. е. среднее. Самая легкая и стремящаяся къ верху стихія—огонь, которому, говорятъ, поэтому и дано первое мѣсто послѣ неба; подъ симъ огнемъ разумѣютъ эѳиръ. Послѣ и ниже его — воздухъ, а земля и вода, какъ тѣла болѣе тяжелыя и стремящіяся внизъ, повѣшены въ самой срединѣ, или, наоборотъ, земля и вода—внизу, вверху же со всѣхъ сторонъ какъ бы нѣкоторый покровъ, кругомъ простертъ воздухъ, а около воздуха со всѣхъ сторонъ эѳиръ, а внѣ и вокругъ всего этого небо... Небо движется кругообразно и сгнетаетъ все, что внутри его, и такимъ образомъ все остается твердо и не распадается... Говорятъ, есть семь поясовъ неба, одинъ выше другого, и что въ каждомъ поясѣ—по одной планетѣ: въ первомъ, самомъ высшемъ поясѣ, — Сатурнъ, во второмъ — Юпитеръ, въ третьемъ—Марсъ, въ четвертомъ—солнце, въ пятомъ — Венера, въ шестомъ — Меркурій, — въ седьмомъ, самомъ низшемъ,—Луна... Названы же онѣ планетами (т. е. блуждающими) потому, что совершаютъ движеніе, противоположное движенію неба: ибо, тогда какъ небо и прочія звѣзды движутся отъ востока къ западу, онѣ однѣ движутся отъ запада къ востоку... Еще говорятъ, что небо на подобіе шара окружаетъ землю и въ быстрѣйшемъ круговомъ своемъ движеніи носитъ съ собою солнце, луну и звѣзды и что, когда солнце надъ землею — бываетъ здѣсь день, а когда солнце зайдетъ подъ землею—бываетъ ночь, а тамъ—день... Говорятъ также, что въ небѣ есть двѣнадцать созвѣздій, или знаковъ зодіака, которые имѣютъ движеніе противоположное движенію солнца, луны и другихъ пяти планетъ и что семь планетъ проходятъ черезъ двѣнадцать знаковъ зодіака. Солнце на прохожденіе каждаго знака зодіака употребляетъ одинъ мѣсяцъ и въ двѣнадцать мѣсяцевъ проходитъ всѣ двѣнадцать знаковъ...». О стихіяхъ, число которыхъ сводилось къ четыремъ, Іоаннъ Дамаскинъ передаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Огонь есть одна изъ стихій, легкая, болѣе другихъ стремящаяся вверхъ, имѣющая свѣтить... Огонь, по мнѣнію нѣкоторыхъ есть не что иное, какъ свѣтъ; другіе помѣщаютъ міровой огонь выше воздуха и называютъ

эѳиромъ... Вода—также одна изъ четырехъ стихій... Океанъ доставляетъ морямъ воду, которая въ моряхъ, оставаясь долгое время и стоя неподвижно, дѣлается горькою, между тѣмъ какъ солнце и смерчи постоянно вытягиваютъ изъ нея тончайшія частицы: изъ нихъ составляются облака, и бываютъ дожди... Океанъ раздѣляется на четыре начала, или на четыре рѣки: имя одной—Фисонъ, т. е. Гангесъ индійскій, имя второй—Геонъ, это Нилъ, истекающій изъ Эѳіопіи въ Египетъ, имя третьей—Тигръ, имя четвертой — Евфратъ. Есть много и другихъ очень большихъ рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя изливаютъ воды свои въ море, а другія теряются въ землѣ... Земля — одна изъ четырехъ стихій, сухая, холодная, тяжелая и неподвижная... Одни полагаютъ, что она поставлена и утверждена на водахъ, другіе — на воздухѣ... Нѣкоторые считаютъ землю шаровидною, другіе — похожею на конусъ...». Перейдя къ разсмотрѣнію человѣка, авторъ касается двухъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ человѣкъ, — тѣла и души. Всякое тѣло, по мнѣнію автора, состоитъ изъ четырехъ стихій—земли, воды, воздуха и огня, а тѣла живыхъ существъ состоятъ изъ четырехъ «изливъ», или «влагъ»: изъ «черной желчи», которая соотвѣтствуетъ землѣ, изъ «флегматической влаги», которая соотвѣтствуетъ водѣ, изъ «крови», которая соотвѣтствуетъ воздуху, и изъ «желтой желчи», соотвѣтствующей огню. Человѣкъ одаренъ пятью чувствами—зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ. «Органами, или орудіями зрѣнія служатъ исходящіе изъ мозга нервы и глаза... Органы слуха — нѣжные нервы мозга и уши со всѣмъ ихъ устройствомъ». Обоняніе «производится посредствомъ ноздрей, которыми запахъ поднимается къ мозгу, а оканчивается при краяхъ переднихъ желудочковъ...». Органы вкуса — языкъ, особенно конецъ языка, и верхняя часть во рту, которую называютъ небомъ. Въ этихъ органахъ находятся простирающіеся изъ мозга довольно расширенные нервы, которые передаютъ высшей способности души принятое впечатлѣніе, или ощущеніе. Пятое чувство—осязаніе. Это чувство дѣйствуетъ посредствомъ нервовъ, распростертыхъ изъ мозга по всему тѣлу.

Третья книга трактуетъ о вопросахъ богословскихъ съ присоединеніемъ полемики противъ современныхъ автору еретическихъ ученій. Въ ней говорится «о божественномъ до-

мостроительствѣ, Божіемъ попеченіи о насъ и нашемъ спасеніи», «о воплощеніи Сына Божія», «о двухъ естествахъ во Христѣ», «о взаимномъ сообщеніи свойствъ», «о числѣ естествъ» и т. д.

Четвертая книга — догматико-полемическаго содержанія. Въ ней излагается о томъ, что послѣдовало по воскресеніи Іисуса Христа, «о сѣдѣніи одесную Отца», ведется полемика съ тѣми, которые говорили: «если Христосъ имѣетъ два естества, то вы или служите твари, поклоняясь сотворенному естеству, или признаете одно естество достопоклоняемымъ, а другое недостопоклоняемымъ»; дается отвѣтъ на вопросъ, почему вочеловѣчился Сынъ Божій, а не Отецъ и не Духъ Св., и что совершилъ Сынъ своимъ вочеловѣченіемъ; дается отвѣтъ и на другой вопросъ, сотворена ли ипостась Христова, или нѣтъ, трактуется объ обрѣзаніи, антихристѣ и воскресеніи изъ мертвыхъ.

Переводъ «Слова о правѣй вѣрѣ» — не полонъ: изъ 100 главъ Іоаннъ Экзархъ перевелъ только 48, выбравъ для перевода только такія, которыя по своему содержанію представлялись наиболѣе важными и доступными для молодого болгарскаго народа. Главы же съ слишкомъ отвлеченнымъ содержаніемъ или тѣ, въ которыхъ заключалась полемика съ утонченными еретическими ученіями, Іоанномъ опущены. Такъ, опущены главы, въ которыхъ Іоаннъ Дамаскинъ трактовалъ «о томъ, что о Богѣ говорится тѣлообразно», «о мѣстѣ Божіемъ и о томъ, что одинъ Богъ неограниченъ», «о свойствахъ естества Божія», «о скорби», «о страхѣ», «о гнѣвѣ», «о чувственности», «о способности мышленія» и т. д.

106. Сочиненія Нила Синайскаго. Нилъ Синайскій († 450 г.), отличавшійся строгостью своей жизни, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и плодовитымъ писателемъ. Въ своихъ сочиненіяхъ нравственнаго и аскетическаго содержанія онъ проводитъ слѣдующую мысль: у всякаго человѣка есть одинъ вѣчный даръ Творца — совѣсть, внутреннее невольное влеченіе къ добру; слѣдуя этому влеченію, человѣкъ, въ какой бы степени паденія онъ ни находился, можетъ спастись, если у него есть твердая сила воли. Высшимъ идеаломъ христіанской жизни должна служить жизнь первыхъ христіанъ, давшихъ образцы наилучшаго житія: такіе образцы они могли дать потому, что у каждаго неподкупнымъ судіею была своя со-

вѣсть. «Вмѣсто свѣтильника,—пишетъ Нилъ Синайскій,— употребляй при разсмотрѣніи поступковъ своихъ совѣсть свою: она покажетъ тебѣ, какія дѣла въ твоей жизни хороши и какія худы». Въ большей части своихъ сочиненій Нилъ преслѣдуетъ одну цѣль: «воздвизать совѣсть къ лучшему». При этомъ онъ не требуетъ непремѣнно аскетическихъ подвиговъ: онъ даже не сочувствуетъ подвигамъ внѣшняго самоумерщвленія, вмѣсто котораго выдвигаетъ добрыя дѣла. «Изнуряй плоть добрыми дѣлами, — говоритъ Нилъ,—но позаботься не приводить ее въ совершенный упадокъ... Столько подвизайся, сколько нужно, чтобы ослабить плотскія движенія; а если изнеможешь, врачуй тѣло для здравія, а не для роскошной жизни...». Для своего спасенія нѣтъ надобности подвергать намѣренно свою жизнь опасности; свою жизнь необходимо беречь: «не пренебрегай своею жизнью и не поступай, ни на что не смотря, вопреки законамъ, чтобы и не погибнуть безъ закона»...

Изъ сочиненій Нила Синайскаго у насъ были болѣе извѣстны слѣдующія: 1) «Главизны о молитвѣ», 2) «Различныя главизны». 3) «О злыхъ осьми помыслахъ» и 4) «Посланіе къ пресвитеру Хариклію».

Вотъ нѣкоторые отрывки изъ его сочиненія «О злыхъ осьми помыслахъ»: «Начало плода—цвѣтъ, а начало добродѣтельной жизни — воздержаніе. Чѣмъ больше дровъ, тѣмъ сильнѣе пламя,—такъ и обиліе пищи вызываетъ похоть. Гаснетъ пламя, когда нѣтъ топлива; скудостъ пищи приводитъ въ безсиліе страсть. Запущенная земля производитъ терніе: а душа чревоугодника рождаетъ гнусныя мысли... Гнѣвливый инокъ—дикій вепрь: увидитъ кого, и зубы оститъ; инокъ терпѣливый — тихій источникъ: всѣ утоляютъ въ немъ жажду... Гнѣвъ и ярость уменьшаютъ дни... Печаль - дряхлость души, печаль—червякъ сердца, пожирающій родившую его мать. Кто любитъ міръ, у того всегда много печали, а кто презираетъ мірское, тотъ всегда веселъ... Какъ моль изъѣдаетъ одежду, а червь—дерево, такъ печаль съѣдаетъ душу человѣка... Лѣность—изнеможеніе души... Безводное облако гонится вѣтромъ, а умъ, лишенный терпѣнія—духомъ лѣности. Лѣность гонитъ инока изъ келіи. Поддаваясь лѣности, инокъ постоянно посматриваетъ на дверь, и мысль его—о посѣтителяхъ. Заскрипѣли ворота—

и онъ сейчасъ вонъ. Услышалъ голосъ— и глядитъ въ окно, пока не одеревенѣетъ сидя. Читая книгу, лѣнивый часто позѣвываетъ, очень скоро начинаетъ поддаваться дремотѣ, протираетъ глаза, потягиваетъ руки; отвернувши глаза отъ книги, глядитъ на стѣну; обратившись опять къ книгѣ и прочтя немного, останавливается на полусловѣ, смотритъ, далеко-ли до конца, считаетъ листы, тетради, бранитъ буквы и украшенія; наконецъ, закрывъ книгу, кладетъ ее подъ голову и спитъ, но не очень глубокимъ сномъ: голодъ скоро пробуждаетъ его и заставляетъ поторопиться къ обѣду...».

Въ «Посланіи къ пресвитеру Хариклію» выражается любовь Нила Синайскаго къ ближнимъ, снисхожденіе къ согрѣшающимъ.

107. Труды Геннадія Константинопольскаго. Изъ трудовъ Геннадія, патріарха Константинопольскаго († 471) у насъ болѣе всего былъ извѣстенъ «Стословецъ», получившій свое названіе отъ того, что онъ раздѣленъ на 100 краткихъ параграфовъ («словъ»). Въ этомъ сочиненіи, отличавшемся простотой своего изложенія, кратко изложены догматы христіанской нравственности и жизни. «Вѣруй во Отца и Сына и Св. Духа... Вѣруй въ Сына Божія... Родившую Его Матерь именуй Богородицей... Кресту Христову поклоняйся съ вѣрой... Вѣруй въ воскресенье мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка... Помни судъ, готовься къ отвѣту и ожидай воздаянія по дѣламъ, и вѣруй, что это будетъ и будетъ непремѣнно... Затѣмъ возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею и крѣпостью... Еще возлюби искренняго твоего... Имѣй всегда въ сердцѣ своемъ страхъ Божій и помни, что Богъ вездѣ съ тобою, на всякомъ мѣстѣ... Страхомъ Его, какъ уздою, воздерживай умъ твой... Преклоняй главу твою предъ всякимъ, кто старѣе тебя лѣтами и разумомъ... Ради смиренія преклоняй главу и передъ всякимъ богатымъ: это — многовѣтвистое дерево; наклонясь, лучше пройдешь... Не стыдись нищеты: большая часть міра сего въ нищетѣ ходитъ... Украшай себя правдою, старайся всякому говорить истину... Будь кроткимъ со всякимъ, съ высшимъ тебя и съ низшимъ... Кроткая поступь, кроткое сидѣніе, кроткій взглядъ, кроткое слово симъ покажешь, что ты—истинный христіанинъ... Ни въ какомъ дѣлѣ не ищи земной славы: земная слава угасаетъ для того, кто любитъ ее. На время, подобно бурному

вѣтру, она дышитъ на человѣка, и отнявъ у него плодъ добрыхъ дѣлъ его, вскорѣ удаляется, посмѣявшись его неразумѣнію... Ты знаешь: кто зоветъ къ себѣ царя, тотъ чиститъ свою палату; такъ и ты, если хочешь принять въ домъ свой Царя Небеснаго ради просвѣщенія души твоей, очисти тѣло постомъ, истощи жаждою, укрась душу смиреніемъ и наполни благоуханною молитвою... Не будь гордъ, чтобы не сталъ величаться гробъ, когда онъ заключитъ въ себѣ твою гордость. Убогій будетъ отдыхать въ полдень на гробѣ твоемъ и никакого вреда отъ этого не получитъ... Когда видишь, что несутъ мертваго, пожалѣй о немъ, какъ о своемъ собственномъ естествѣ, и проводи его до могилы... Больного посѣти и принеси ему, чего онъ желаетъ вкусить: самъ послужи ему, какъ своему сроднику, зная, что и ты также постраждешь... Когда ты сидишь за столомъ, наполненномъ различными яствами, вспомни, что иной ѣстъ въ это время сухой хлѣбъ и не можетъ по болѣзни воды принести... Услаждая себя пріятными напитками, вспомни, что въ это время какой нибудь нищій пьетъ теплую воду, согрѣвшуюся отъ солнца и смѣшанную съ пылью... Когда лежишь на мягкой постели и свободно протягиваешься, вспомни, что иной лежитъ на голой землѣ подъ однимъ рубищемъ и не смѣетъ протянуть ноги отъ болѣзни и холода... Лежа въ храминѣ подъ твердою кровлею и слыша шумъ отъ падающаго дождя, подумай о бѣдныхъ, которые въ это время лежатъ подъ дождемъ, какъ стрѣлами, пронзаемые каплями дождя, а другіе, не могши уснуть, сидятъ, потому что подъ нихъ подошла вода... Когда во время зимы ты въ теплой горницѣ и безъ боязни открываешь тѣло свое, вздохни, помысливъ о нищихъ, какъ они въ это время кряхтятъ при маломъ огнѣ, дрожатъ и только причиняютъ глазамъ своимъ большой вредъ отъ дыма, согрѣваютъ только руки, а плечи и все тѣло ихъ мерзнутъ отъ стужи... Подумай о душѣ твоей— она у тебя одна; одно и время жизни, конецъ же неизвѣстенъ; воздушная пучина непроходима и полна твоими врагами; нѣтъ помогающаго тебѣ, кромѣ вѣры и добрыхъ дѣлъ: объ нихъ постарайся всею твоею силою... Вступи на стезю добродѣтели и иди скоро, чтобы не застигъ тебя вечеръ; поспѣшай ко вратамъ небеснаго града, не укло-

нися ни направо, ни налѣво, чтобы не заблудиться и не упасть въ пропасть мученія»...

108. Труды Никона Черногорца. Между трудами Никона Черногорца (XI в.), монаха одного изъ монастырей близъ Антіохіи на Черной горѣ, у насъ наиболѣе популяренъ былъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ «Пандекты». «Пандекты» дѣлятся на двѣ части, заключающія въ себѣ 64 слова. По своему содержанію сборникъ представляетъ собраніе извлеченій изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви и другихъ сочиненій по вопросамъ христіанской нравственности, свѣтской и монашеской. Эти извлеченія сопровождаются краткими замѣчаніями самого Никона. «Пандекты» Никона Черногорца служили для многихъ изъ древнерусскихъ писателей неисчерпаемымъ источникомъ цитатъ и отрывковъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Эти цитаты придавали многимъ изъ нашихъ писателей видъ обширной начитанности.

Библіографія. А. С. Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности („Къ изученію древнерусской литературы". Спб. 1888).

Естественно-научныя сочиненія съ еврейско-христіанской основой.

109. Объ естественно-научной переводной литературѣ. Естественно-научная переводная литература разсматриваетъ природу и ея явленія съ точки зрѣнія еврейско-христіанской. Къ ней относятся «Шестодневы», «Христіанская топографія» Козьмы Индикоплова и «Физіологъ».

110. «Шестодневы». «Шестодневами» назывались весьма популярныя въ византійско-славянской литературѣ сочиненія, въ которыхъ трактуется о происхожденіи міра. Въ основу разработки этого вопроса авторы «Шестодневовъ» брали еврейскій разсказъ о шести дняхъ творенія, откуда и произошло названіе сочиненій. Но этотъ краткій, сухой разсказъ дополнялся обширными комментаріями естественно-научнаго, философскаго и богословскаго характера. Основной задачей авторовъ было дать согласную съ Библіей и, слѣдовательно, пріемлемую для христіанъ картину происхожденія міра. Согласно съ этой цѣлью авторы «Шестодневовъ»

ведутъ полемику противъ Птоломеевой системы міра, съ одной стороны, а съ другой,—пользуются всякимъ случаемъ для того, чтобы доказать премудрость, всемогущество и безконечную благость Бога—Творца и Промыслителя міра.

Изъ «Шестодневовъ» наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) «Бесѣды на Шестодневъ» Василія В., 2) «Шесть словъ о твореніи міра» Северіана, епископа Гавальскаго, 3) «Похвала Богу о сотвореніи всея твари» Георгія Писида и 4) «Шестодневъ» Іоанна Экзарха болгарскаго.

111. «Бесѣды на Шестодневъ» Василія В. († 379 г.). Сочиненіе Василія В. распадается на девять бесѣдъ, причемъ каждая изъ нихъ посвящена отдѣльной темѣ.

1) Первая бесѣда. Вторая бесѣда. Первая бесѣда состоитъ изъ комментаріевъ къ начальнымъ словамъ Библіи: «Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю». Вторая бесѣда беретъ своей темой дальнѣйшія слова Библіи: «Земля бѣ невидима и неустроена».

Приступая къ своему изложенію, авторъ дѣлаетъ слѣдующее вступительное замѣчаніе: «Эллинскіе мудрецы много разсуждали о природѣ, и ни одно ихъ ученіе не осталось твердымъ и непоколебимымъ: послѣдующимъ ученіемъ всегда ниспровергалось предшествовавшее... Одни прибѣгали къ вещественнымъ началамъ и причину всѣхъ вещей приписывали стихіямъ міра; другіе представляли себѣ, что природу видимыхъ вещей составляютъ атомы и недѣлимыя тѣла, тяжесть и скважность, потому что рожденіе и разрушеніе происходятъ, когда недѣлимыя тѣла то взаимно сходятся, то разлучаются, а въ тѣлахъ, существующихъ долѣе другихъ, причина продолжительнаго пребыванія заключается въ крѣпчайшемъ сцѣпленіи атомовъ.. Одни утверждали, будто бы небо отъ вѣчности существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, а другіе говорили, что оно есть Богъ безначальный и нескончаемый, причина благоустройства въ частяхъ вселенной... Къ чему приводятъ геометрія и ариѳметическіе пріемы изслѣдованія о толщахъ и пресловутая астрономія, эта многопопечительная суета, если изучившіе эти науки дошли до заключенія, что видимый сей міръ совѣченъ Творцу Богу, и если то, что ограничено и имѣетъ вещественное тѣло, возвели они въ одну славу съ Естествомъ непостижимымъ и невидимымъ!.. Вымѣрившіе разстояніе звѣздъ, описавшіе звѣзды, всегда

видимыя и сѣверныя, а также звѣзды, находящіяся около южнаго полюса и живущимъ тамъ видимыя, а намъ неизвѣстныя, раздѣлившіе на тысячу частей и сѣверную широту и зодіакальный кругъ, съ точностью наблюдавшіе возвращеніе звѣздъ, ихъ стоянія, склоненіе и общее движеніе къ прежнимъ мѣстамъ, а также время, въ какое каждая изъ планетъ совершаетъ свой періодъ,—они не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной... они не умѣли сказать: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю». Указавъ основной, съ точки зрѣнія еврейско-христіанскаго міропониманія, недостатокъ въ космологическихъ воззрѣніяхъ греческихъ философовъ, Василій В. предостерегаетъ своихъ читателей противъ излишней любознательности и совѣтуетъ не тратить времени на размышленія о томъ, что такое земля сама по себѣ и на чемъ она основана. При изслѣдованіи послѣдняго вопроса, на чемъ основана земля, говоритъ Василій В., «мысль придетъ въ круженіе, разсудокъ не найдетъ никакого несомнѣннаго предѣла. Если скажемъ, что воздухъ подложенъ подъ широту земли, то придемъ въ затрудненіе, какимъ образомъ естество мягкое, заключающее въ себѣ много пустоты, противоборствуетъ такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во всѣ стороны, убѣгая изъ подъ гнета и непрестанно переливаясь на верхъ гнетущаго? Съ другой стороны, если предположить себѣ, что подъ землею—вода, то и въ такомъ случаѣ, придется спросить себя: отчего тяжелое и густое не погружается въ воду, но слабѣйшимъ естествомъ поддерживается естество, столько превосходящее его тяжестью? Сверхъ того, надобно будетъ найти опору и самой водѣ, и опять съ недоумѣніемъ спрашиваешъ: на чемъ твердомъ или упорномъ лежитъ нижній ея слой? Если же предположить, что другое тѣло, которое тяжелѣе земли, препятствуетъ ей идти книзу, то долженъ будешь разсудить, что и для него нужно какое нибудь поддерживающее тѣло, не дозволяющее ему падать внизъ. Если же и для него можемъ придумать какой нибудь подкладень, то разумъ нашъ опять потребуетъ подпоры и для сего подкладня. А такимъ образомъ пойдешь въ безконечность...». Приведя изъ св. Писанія выраженіе—«Азъ утвердихъ столпы ея» (Пс. 74, 4), Василій В. объясняетъ: «разумѣй, что столпами названа сила, поддерживающая землю».

Другое выраженіе въ св. Писаніи—«На моряхъ основалъ ю (землю) есть» (Пс. 23, 2) Василій В. комментируетъ въ томъ смыслѣ, что «водное естество повсюду разлито вокругъ земли». Впрочемъ,—замѣчаетъ авторъ,—какого бы мнѣнія ни держаться по этому вопросу, необходимо признать одно, что «все въ совокупности содержится силою Творца». «Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною, поелику она заняла среднее мѣсто въ мірѣ, и во всѣ стороны имѣетъ равное разстояніе краевъ... Итакъ, не дивись, что земля никуда не падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто, средину...». «То же самое можемъ сказать и о небѣ. Мірскіе мудрецы предложили многочисленныя разсужденія о составѣ неба: одни говорили, что оно сложено изъ четырехъ стихій—земли, огня и другихъ двухъ; другіе, отринувъ сіе мнѣніе, какъ неправдоподобное, въ составъ неба ввели какое то пятое тѣлесное естество, выдумавъ его самовольно и сами отъ себя; у нихъ есть какое то эфирное тѣло, какъ говорятъ они, ни огонь, ни воздухъ, ни земля, ни вода, ни какое либо изъ простыхъ веществъ...». Заканчивая свою вторую бесѣду, авторъ останавливается на словахъ Библіи: «И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ». Моисей, по мнѣнію автора, намѣренно назвалъ первый день творенія, эту «главу времени», не первымъ днемъ, но единымъ, «чтобы день сей по самому наименованію имѣлъ сходство съ вѣкомъ... По нашему ученію, извѣстенъ и тотъ вечерній, не имѣющій преемства и нескончаемый день, который у псалмопѣвца наименованъ осьмымъ (Пс. 6, 1), потому что онъ находится внѣ сего седмичнаго времени. Посему, назовешь ли его днемъ или вѣкомъ, выразишь одно и то же понятіе, скажешь ли, что это день, иди что это—состояніе, всегда онъ одинъ, а не многіе: наименуешь ли вѣкомъ, онъ будетъ единственный, а не многократный. Моисей, чтобы возвести мысль къ будущей жизни, наименовалъ единымъ сей образъ вѣка, сей начатокъ дней, сей современный свѣту, святый Господень день, прославленный воскресеніемъ Господа...».

2) Третья бесѣда. Четвертая бесѣда. Третья бесѣда трактуетъ о тверди, а четвертая о собираніи водъ.

Говоря объ устройствѣ неба, авторъ такъ объясняетъ происхожденіе дождя и снѣга: «Когда говорится, что роса

и дождь приносятся съ неба, тогда представляемъ въ умѣ тѣ воды, которымъ назначено занимать горнюю страну. Ибо, если испаренія собрались на высотѣ и сгнетаемый вѣтрами воздухъ сгустился, то, какъ скоро парообразно и въ тонкихъ частицахъ разсѣянныя дотолѣ по облаку влаги между собою сблизятся, тотчасъ образуются капли, тяжестью соединившися частицъ влекомыя книзу, и таково происхожденіе дождя. Когда влага, раздробленная стремительностью вѣтровъ, обратится въ пѣну, потомъ, до крайности охлажденная въ цѣломъ своемъ объемѣ, замерзаетъ, тогда, по расторженіи облака, падаетъ внизъ снѣгъ»...

Происхожденіе воды на землѣ авторъ объясняетъ такъ: «Вся земля имѣетъ въ себѣ множество проходовъ и черезъ непримѣтныя скважины изъ началъ моря расходится по ней вода». О морѣ авторъ говоритъ такъ: «Море прекрасно передъ Богомъ, потому что влага изъ него идетъ по земнымъ глубинамъ; оно прекрасно также и потому, что служитъ пріемникомъ рѣкъ, принимаетъ въ себя отовсюду потоки и не выступаетъ изъ своихъ предѣловъ; оно прекрасно и потому, что служитъ началомъ и источникомъ воздушныхъ водъ, когда нагрѣвается лучами солнечными и отлагаетъ отъ себя, посредствомъ испаренія, тонкія частицы воды, которыя, будучи привлечены въ горнее пространство и потомъ охлаждены, какъ возвысившіяся далѣе, нежели куда простираются лучи, отражаемые земною поверхностью, при возростающемъ холодѣ, также и отъ тѣни облаковъ,—дѣлаются дождемъ и утучняютъ землю»...

3) **Пятая бесѣда**. Пятая бесѣда посвящена вопросу «о прозябаніяхъ земли». Объясняя ростъ растеній, авторъ говоритъ: «Когда сѣмя упадетъ въ землю, которая имѣетъ въ себѣ соразмѣрную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнувъ, сдѣлавшись многоскважиннымъ и объемлемое близъ лежащею землею, привлекаетъ къ себѣ, что ему свойственно и сродно. Самыя же тонкія частицы земли, приставая къ скважинамъ и входя въ нихъ, расширяютъ объемъ сѣмени, отчего оно пускаетъ внизъ корни и идетъ вверхъ, давая изъ себя стебли, по числу корней. А при постоянномъ согрѣваніи ростка, привлекаемая корнями влага, притяженіемъ теплоты, извлекаетъ изъ земли, сколько нужно питательнаго, и раздѣляетъ это стеблю, кожѣ, влагалищамъ зеренъ, са-

мимъ зернамъ и колосьямъ. Такимъ образомъ, при постепенномъ возростаніи, каждое растеніе приходитъ въ свойственную ему мѣру, будетъ ли оно изъ рода хлѣбныхъ или бобовыхъ, или овощныхъ, или ростущихъ кустарникомъ»... Интересно замѣчаніе автора объ янтарѣ: «Янтарь есть сокъ растеній, отвердѣвшій въ камень. И такое мнѣніе подтверждаютъ примѣчаемыя въ янтарѣ травинки и мелкія животныя, которыя, будучи захвачены, когда сокъ было еще мягкій, остаются въ немъ».

4) **Шестая бесѣда**. Шестая бесѣда посвящена вопросу о происхожденіи небесныхъ свѣтилъ. Останавливаясь на словахъ Библіи: «И да будутъ знаменія и во времена, и во дни, и въ лѣто». Василій В. говоритъ: «Для человѣческой жизни необходимы указанія свѣтилъ. И если кто не черезъ мѣру многаго ищетъ въ ихъ знаменіяхъ, то при долговременномъ наблюденіи найдетъ полезныя примѣты. Многое можно узнавать объ изобиліи дождя, многое о засухѣ и о движеніи вѣтровъ или мѣстныхъ или повсюдныхъ, сильныхъ или легкихъ... Когда солнце поднимается сквозь туманъ, тогда лучи его помрачаются, и оно кажется огненнаго или кроваваго цвѣта, потому что густота воздуха производитъ въ глазахъ такое представленіе. Но сгущенный и остоявшійся воздухъ, котораго не разсѣяли и солнечные лучи, очевидно, не могъ быть ими преодолѣнъ по причинѣ избытка земныхъ паровъ,— и по множеству влаги произведетъ несчастье въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ собирается. Подобнымъ образомъ, когда луна кажется увлажненною или когда солнце окружаютъ такъ называемые вѣнцы, сіе служитъ признакомъ или множества воздушной воды или движенія сильныхъ вѣтровъ. Или, когда вмѣстѣ съ солнцемъ идутъ такъ называемыя побочныя солнца, они бываютъ знакомъ какихъ нибудь воздушныхъ перемѣнъ. А также столпы радужнаго цвѣта, являющіеся на облакахъ въ прямомъ положеніи, показываютъ дожди или жестокія бури, или вообще большой переворотъ въ воздухѣ»... Признавая правильность такихъ «знаменій», Василій В. съ ироніей и насмѣшкой обличаетъ крайности астрологическихъ гаданій, особенно мнѣнія тѣхъ, которые защищаютъ «науку о дняхъ рожденія» и говорятъ, что «жизнь наша зависитъ отъ движенія небесныхъ свѣтилъ».

5) **Седьмая, восьмая и девятая бесѣды.** Въ седьмой бесѣдѣ

идетъ рѣчь о пресмыкающихся, въ восьмой о птицахъ, а въ девятой о земныхъ животныхъ.

Пресмыкающіяся находятся въ связи съ водою. «Что для земныхъ животныхъ воздухъ, то для породы плавающихъ вода. Причина сему очевидна. Въ насъ есть легкое, наполненное пустотами и скважинами, и грудобрюшня, которая, чрезъ расширеніе груди, принимая въ себя воздухъ, провѣтривается и прохлаждаетъ внутренній жаръ, а у нихъ расширеніе и сжатіе жаберъ, принимающихъ и выпускающихъ воду, заступаетъ мѣсто дыханія»... Вотъ какое обозрѣніе родовъ пресмыкающихся дѣлаетъ авторъ: «Къ иному роду принадлежатъ такъ называемыя черепокожія, напр., раковины, гребенки, морскія улитки, веретенки и тысячи разнообразныхъ устрицъ. Иной родъ составляютъ мягкочерепныя: крабы, раки и т. под. Къ иному роду принадлежатъ такъ называемые слизняки, имѣющіе плоть мягкую и губчатую,— полипы, каракатицы и имъ подобные. И между сими опять есть безчисленныя различія; ибо драконы, мурены, угри, которые водятся въ илистыхъ рѣкахъ и озерахъ, по сходству природы своей, приближаются болѣе къ ядовитымъ пресмыкающимся, нежели къ рыбамъ. Иной родъ мечущихъ икру, и иной—живородящихъ. Живыхъ дѣтей рождаютъ вьюны и мокрицы, и вообще животныя такъ называемыя хрящеватыя. Живородящія суть: большая часть китовъ, дельфины и тюлени, о которыхъ разсказываютъ, что они новорожденныхъ дѣтей своихъ, чѣмъ-нибудь испуганныхъ, принявъ опять въ чрево, прячутъ тамъ»... Коснувшись рыбъ, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на «перехожихъ» рыбахъ и объясняетъ причину ихъ передвиженій.

Перейдя къ птицамъ, Василій В. перечисляетъ различныя породы ихъ, дѣлаетъ замѣчанія объ ихъ образѣ жизни и т. д. Здѣсь же авторъ говоритъ о пчелахъ, саранчѣ, кузнечикахъ и пр.

Таково въ бѣглыхъ чертахъ содержаніе труда Василія В. Необходимо добавить, что авторъ отъ замѣчаній естественно-научнаго характера нерѣдко переходитъ къ нравственнымъ выводамъ. Нѣсколько примѣровъ покажетъ, какъ авторъ дѣлаетъ это. «Въ растеніяхъ,—говоритъ авторъ,—найдешь признаки, похожіе на человѣческую юность и старость... Одни дерева, будучи срѣзаны, прозябаютъ вновь, а срубленныя

и обожженныя сосны превращались, замѣтили, даже въ дубы. Извѣстно и то, что въ нѣкоторыхъ деревахъ естественный порокъ исправляется заботами садовниковъ, напр., кислыя гранаты и горькіе миндали, когда стволъ у корня будетъ провернутъ и въ самую сердцевину впущенъ тучный клинъ изъ певга, промѣняютъ горькій свой сокъ на пріятный... Посему да не отчаивается въ себѣ никто изъ провожающихъ жизнь во грѣхѣ, зная, что какъ земледѣліе измѣняетъ качество растеній, такъ попечительность души о добродѣтели можетъ одержать верхъ надъ всякими недугами...». Другой примѣръ о хитрости рака, желающаго полакомиться устрицами: «Сама природа несокрушимымъ оплотомъ обезопасила нѣжную плоть устрицы,—двѣ раковины, плотно прилаженныя одна къ другой, совершенно закрываютъ устрицу, и клещи рака по необходимости остаются безсильными. Что же онъ дѣлаетъ? Какъ скоро онъ видитъ, что устрица въ безвѣтренномъ мѣстѣ съ наслажденіемъ грѣется и открываетъ половинки своего черепа солнечнымъ лучамъ, — непримѣтно вбросивъ въ нихъ камень, препятствуетъ закрыться и овладѣваетъ добычей! Недостатокъ силы замѣняетъ выдумкой. Такая злоумышленность въ животныхъ, не одаренныхъ ни разумомъ, ни словомъ!.. Я хочу однако, чтобы ты, подражающій умѣнію и ловкости раковъ снискивать пищу, удерживался отъ вреда ближнимъ,—таковъ тотъ, кто съ коварствомъ приходитъ къ брату, содѣйствуетъ невзгодамъ ближняго, увеселяется чужими бѣдами...». «Не могу умолчать о лукавствѣ и вороватости полипа, который всякій разъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристаетъ, почему многія рыбы, безъ опасенія плавая, приближаются къ полипу, точно какъ къ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца. Таковы нравомъ тѣ, которые угождаютъ всякой преобладающей власти, каждый разъ сообразуются съ обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намѣренія, удобно дѣлаются то тѣмъ, то другимъ,—съ цѣломудренными уважаютъ цѣломудріе, съ невоздержанными — невоздержны, въ угодность всякому перемѣняютъ расположеніе...». «Заботливость буселей (птицъ особой породы) о состарѣвшихся достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей, если только захотятъ внимать сему, сдѣлать отцелюбивыми... Бусели, обступивъ кругомъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, согрѣваютъ

его своими крыльями, и обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями...».

112. «Шесть словъ о твореніи міра» Северіана, епископа Гавальскаго († 415 г.). Трудъ Северіана, приписывающійся иногда Іоанну Златоустому, представляетъ изъ себя простую переработку сочиненія Василія В.

113. «Похвала Богу о сотвореніи всея твари» Георгія Писида (VII в.). Георгій Писидъ былъ діакономъ Софійской церкви въ Константинополѣ и близкимъ къ императору Гераклію человѣкомъ. Онъ написалъ въ половинѣ VII в. стихотворную поэму въ 1910 стихахъ, подъ заглавіемъ «Шестодневъ». Это сочиненіе пользовалось у позднѣйшихъ греческихъ писателей большой славой: его ставили по стиху и вообще стилю наряду съ Софокломъ и Эврипидомъ. Стихъ Георгія дѣйствительно не дуренъ: что касается изложенія, то оно отличается вычурностью, что часто затемняетъ пониманіе содержанія произведенія. Въ 1385 г. «Шестодневъ» Георгія былъ переведенъ на древнеболгарскій языкъ Дмитріемъ Зографомъ подъ заглавіемъ «Похвала Богу о сотвореніи всея твари». Переводъ страдаетъ большими недостатками: Дмитрій Зографъ переводитъ большею частью буквально, отчего многія мѣста очень темны и могутъ быть поняты только при помощи греческаго текста. По своему содержанію «Похвала Богу» распадается на двѣ части: 1) богословскую и 2) естественно-научную.

1) **Первая часть**. Источникомъ первой, богословской, части «Шестоднева» Георгія, служили: св. Писаніе ветхаго и новаго завѣта, сочиненія отцовъ церкви — Василія В., Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзина, Діонисія Ареопагита и т. д.

Въ началѣ своего труда Георгій Писидъ обращается къ своему покровителю, патріарху Сергію, съ просьбой о нравственной помощи: авторъ выражаетъ увѣренность, что патріархъ прогонитъ мракъ унынія свѣтовидною свѣщею своихъ кроткихъ и тихихъ словесъ: авторъ часто приходилъ къ нему со своею окаменѣвшею тернистою душою, и патріархъ сѣялъ въ нее сѣмена божественнаго разума, изъ которыхъ теперь выростаетъ словесный плодъ. Пусть будетъ такъ и теперь, когда авторъ берется за свое сочиненіе. Авторъ почерпаетъ свое вдохновеніе изъ твореній Да-

вида, гласящихъ: «возвеличилъ еси. Господи. вся премудростію сотворилъ еси». Божественное Существо неизслѣдимо, но Оно отражается въ его созданіяхъ. Неизмѣримая небесная сфера, распростертая какъ кожа, украшенная свѣтилами, двигается чуднымъ образомъ медленно, всегда сохраняя одни и тѣ же разстоянія, ни на чемъ не утверждаясь. Небо остается неизмѣннымъ, старѣясь, пока его не сокрушитъ своимъ словомъ Создавшій его. Увѣнчанное звѣздами, въ чудныхъ ризахъ, небо носитъ одинъ свѣтлый камень—солнце на своей груди, а другой у ногъ—луну; бездну повиваетъ небо, какъ пелена, а землю держитъ по срединѣ. И вся эта неизмѣримая безконечность противъ Творца, яко едина бываетъ капля. Ангельскіе чины воспѣваютъ, какъ побѣдителю, пѣснь реместводѣтелю (художнику) этого многовертимаго небеснаго покрова, Единому въ Троицѣ. Невыразимая красота дня и ночи, разсвѣтъ и сумерки, грозы,—все это составляетъ общее достояніе живущихъ. Воздухъ, которымъ мы говоримъ и дышимъ, не можетъ быть восхищенъ ни богатымъ, ни сильнымъ. Солнце, это око міра, всепитательный огонь, даетъ свой свѣтъ и нашему зрѣнію, и малой лунной свѣщѣ, а само двигается доброчинно по разъ утвержденному направленію. Четверица стихій, повидимому, столь между собою враждебныхъ, гармонично исполняетъ свое назначеніе. Времена года, «яко дѣвы ликующе вкупѣ, соплетаютъ свои персты, да ликъ составятъ доброчиннаго житія». Постепенностью ихъ смѣны поддерживается растительный міръ. Медленно двигается время — семью днями, и также медленно, но неуклонно вертится колесо человѣческой жизни. Это чередованіе существуетъ для того, чтобы люди не вздумали считать Божествомъ какую-либо тварь: солнце, луна, денница—пророки и проповѣдники дня и ночи; небо, воздухъ и вся приснодвижимая тварь - рабы Непреложнаго Существа. Вотъ клокочетъ градъ, разливается мракъ, спадаетъ огонь, дождитъ пепелъ; вотъ море, какъ неистовствующая вакханка, прибивается къ землѣ, реветъ, точитъ пѣну и снова тихо возвращается, какъ бѣжавшая «рабыня, за власы держимая». Научимся, видя это, и устрашимся гнѣва Божія: какъ крикъ битыхъ щенятъ устрашаетъ львовъ, такъ и мы устрашимся, видя наказаніе твари. Господь долго предупреждаетъ человѣка различными знаменіями и симво-

ами. Онъ до того долготерпѣливъ и милосердъ, что кажется лицепріятнымъ: считаетъ до единой цаты (мелкая монета) всю милостыню и не забываетъ чаши воды, поданной во имя Его. Онъ грозитъ человѣку: какъ стрѣлецъ, наводитъ лукъ и снова его опускаетъ, ожидая покаянія. Господь создалъ землю на водахъ и ни на чемъ другомъ не утвердилъ ея; надъ нею носятся вѣтры, гремятъ громы, облака напояютъ жаждущую землю, градъ образуется, не смотря на жары, и сыплется со снѣгомъ, который не каменѣетъ отъ холоду. Вездѣ отразилась непостижимость Творца: какъ въ зеркалѣ, онъ явилъ себя въ созданной твари. Какъ ученикъ сначала изучаетъ буквы, потомъ склады и затѣмъ уже переходитъ къ словамъ и рѣчи, такъ и мы сначала изучаемъ природу, начиная съ самыхъ простыхъ вещей, и, идя далѣе въ глубину ученія, приступаемъ къ ученію о Богѣ и видимъ, что мы ничего не изучили, какъ только «стѣнь (тѣнь) сокровенну». Рожденіе и устройство человѣка не менѣе удивительно. Какъ изъ сѣмени происходитъ и кровь, и жилы, и ребра, коими охраняется сердце? Откуда берется различіе половъ, ростъ тѣла и его старость, когда, какъ хлѣбный колосъ, блѣднѣетъ старикъ и, «какъ колосъ, смотритъ на землю и видитъ вѣчный домъ»? Части тѣла нашего устроены, какъ рабы, которые дѣлаютъ каждый свое дѣло, подъ наблюденіемъ госпожи—души: уши устроены съ извилинами, чтобы звуки доходили по порядку; ноздри, затыкающіяся отъ прилива страстей, замѣняются дыханіемъ черезъ ротъ; глаза на подобіе солнца и луны пускаютъ струю свѣта черезъ зрачекъ, какъ стрѣльцы пускаютъ стрѣлы. Удивительно связаны между собою душа и тѣло: тѣло привязано къ землѣ, но это не мѣшаетъ душѣ носиться по землѣ и небу и стараться узнать причину и цѣль всего существующаго. Образующеюся при этомъ мыслью пользуется великій змій—діаволъ. Онъ дѣлаетъ людей блудными, какъ свиньи, хищными, какъ волки, запальчивыми, какъ оса, гнѣвливыми, какъ рысь, льстивыми, какъ песъ, который притворяется играющимъ, а готовится укусить. Этотъ древній змій, раздувая помыслы, одинаково завладѣваетъ душою и тѣломъ. Онъ мѣшаетъ сладость съ горечью, онъ совѣтникъ - врагъ и хулитель-другъ, кроткій убійца и смиренный разбойникъ. Онъ соблазняетъ насъ, когда мы стараемся бѣжать отъ

грѣха и вцѣпляется сзади, какъ ракъ клещами. Но человѣкъ побѣждаетъ этого неизреченнаго змія: Илья взошелъ на небо. Даніилъ затворилъ уста львовъ, три отрока невредимо претерпѣли огонь, Моисей превратилъ Нилъ въ кровь, раздѣлилъ морскую бездну и даже удостоился лицезрѣнія Божества. Но онъ не видѣлъ всего Божества: никакой высокій умъ не можетъ лицезрѣть Создателя солнца. Только отчасти мы можемъ видѣть Его творческую руку въ ангелахъ, въ воздухѣ, въ садахъ, во всякомъ плывущемъ и пресмыкающемся родѣ.

2) **Вторая часть**. Матеріалы для второй части своего естественно-научнаго труда авторъ-поэтъ почерпалъ изъ сочиненій античныхъ писателей — Аристотеля, Эліана, Плутарха и, можетъ быть, Плинія. Возможно, что авторъ внесъ въ свой трудъ и личныя наблюденія надъ природой, и легендарныя свѣдѣнія, почерпнутыя имъ во время его путешествія на Востокъ. Во второй части авторъ дѣлаетъ подробное, хотя и отрывочное, обозрѣніе мірозданія. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда реторическихъ вопросовъ.

Все въ мірѣ одинаково достойно восхищенія, и все указываетъ на всемогущество и мудрость Творца: красота розана, яблока, запахъ бальзама, и нарда, крѣпость дуба. Финикъ ростетъ въ сухихъ мѣстахъ, а приноситъ сладкіе плоды. Померанцы защищаются шипами. Удивительно устройство плодовъ: у однихъ «костяная твердь» внутри, у другихъ — снаружи. Левъ страшенъ, а боязливая серна отличается быстротой бѣга; «велемочный» быкъ созданъ пахать землю. Птицы какъ будто ведутъ между собою разумную бесѣду. Птица «ногъ» такъ сильна, что уноситъ вола: она и летаетъ на крыльяхъ, и ходитъ четвероногою. Гнѣвливые верблюды не соединяются съ матерями и обличаютъ тѣхъ персовъ, у коихъ подобные браки были дозволены. Раненый козелъ, не изучая Гиппократа, ѣстъ траву «диктамонъ» и избавляется отъ «яда стрѣльчатаго». Ястребъ, безъ указаній Галена, очищаетъ свое зрѣніе сокомъ «горьколистнаго фридака». Всѣ звѣри умѣютъ лѣчиться: рысь — кровью дикаго козла, верблюдъ — дубовыми листьями, собака — зеленымъ троскотомъ, волкъ—землею, заяцъ—жуками, левъ — мясомъ обезьяны, козлы—«нетлѣнною аскомоніей». Аистъ безвредно ѣстъ змѣй. Звѣрь, долѣ зря (κατῶβλεψ), отравляющій дыха-

ніемъ все живое, старается дышать внизъ. Большія животныя часто терпятъ досаду отъ малыхъ: ихъ кусаетъ комаръ, и часто будитъ своимъ пѣніемъ; слонъ боится крика поросятъ. Илъ, залѣзши въ ротъ крокодила, прорѣзаетъ внутренности звѣря, тогда какъ трохилъ чиститъ зубы крокодила и крикомъ предупреждаетъ его объ опасности. Киты, «морскія горы», носятся по морямъ, а маленькая эхина удерживаетъ однимъ перомъ быстро плывущіе корабли. Порфиріонъ (какая то порода птицъ) самовольно умираетъ съ голоду, увидѣвъ нарушеніе цѣломудрія. Угри рождаютъ дѣтей изъ боковъ, подтверждая тѣмъ слова Моисея о созданіи нашей праматери изъ ребра. Кто облачилъ черепаху въ броню, кто зажегъ огонь въ свѣтящемся червѣ? Саламандра угашаетъ огонь, которымъ живутъ и питаются «огнеродныя». Жуки прячутъ дѣтей въ особыя заготовляемыя ими катышки, движеніе коихъ Порфирій смѣлъ сравнить съ движеніемъ неба. Гипы рождаются мертвыми и оживляются кровью изъ матерняго чрева. Пеликаны глотаютъ цѣликомъ закрытыхъ устрицъ, и когда тѣ раскроются отъ жары, они быстро извергаютъ раковины и съѣдаютъ одно мясо. Велегласный куръ (пѣтухъ) безъ солнца знаетъ время. Фениксъ, символъ воскресенья, возстаетъ изъ собственнаго пепла; ворона предсказываетъ погоду; ибисъ самъ себя лѣчитъ. Кротъ затыкаетъ отверстіе въ норѣ, предчувствуя приближеніе непогоды; эхина прячется отъ бури въ глубину; пчела лучше Эвклида строитъ шестигранный домикъ; пауки выдѣлываютъ чудныя ткани; сухопавые комары громко трубятъ, трудолюбивые муравьи собираютъ запасы. Птичье яйцо — своего рода микрокосмъ: тонкая оболочка — воздухъ, желтокъ — огонь, бѣлокъ — вода, скорлупа — земля. Кто создалъ павлина, блещущаго золотомъ съ сапфирами и смарагдами, воинственную саранчу, шелковичнаго червя? Этотъ червь такой же символъ воскресенья, какъ и ласточка, умирающая зимой, воскресающая весной, лѣчащая свои глаза травой «ласточникомъ». Упомянувъ о винограде, красотѣ изумрудовъ, жемчуга, сапфировъ и рубиновъ, авторъ возвращается къ мысли о непостижимости Творца и заключаетъ свою поэму словами: «Яко же возвеличися Божіямъ созданіямъ содѣтельное и премудрое Вседѣйство. Ему же слава въ безконечные вѣки. Аминь».

114. «Шестодневъ» Іоанна экзарха болгарскаго (X в.). «Шестодневъ» Іоанна экзарха болгарскаго (экзархами назывались духовныя лица, состоявшія при епископахъ, митрополитахъ и т. д. для исполненія отдѣльныхъ порученій, какъ, напр., обозрѣніе епархій, собираніе податей и проч.) представляетъ переводъ съ сокращеніями «Шестоднева» Василія В., Северіана Гавальскаго, а также отдѣльныхъ мѣстъ изъ сочиненій отцовъ церкви, каковы Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоритъ Кирскій и отрывковъ изъ сочиненій Аристотеля, Парменида, Демокрита, Діогена, Ѳалеса, Платона и т. д. Только нѣкоторыя мѣста въ «Шестодневѣ» Іоанна самостоятельны, именно тѣ, въ которыхъ авторъ даетъ цѣнныя свѣдѣнія о древнемъ бытѣ славянъ, о хазарахъ, о современныхъ автору ересяхъ. Любопытна бесѣда шестая, въ которой описывается дворецъ болгарскаго князя Симеона и величіе столичныхъ храмовъ, а также нарисованъ образъ Симеона, сидящаго на пышномъ тронѣ.

115. «Христіанская топографія» Козьмы Индикоплова. Козьма Индикопловъ (Индикоплевстъ, т. е. плаватель въ Индію), купецъ, современникъ Юстиніана (VI в.), изъ Александріи, мѣста своего жительства, совершилъ по торговымъ дѣламъ рядъ путешествій въ Аравію и восточную Африку. Принявъ монашество, онъ задумалъ написать трудъ, въ которомъ, въ противовѣсъ Птоломеевой системѣ съ ея представленіемъ о шаровидности земли, были бы даны географическо-астрономическія свѣдѣнія съ христіанской точки зрѣнія. Этотъ трудъ, подъ заглавіемъ «Христіанская топографія», состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Авторъ отвергаетъ мнѣнія древнегреческихъ писателей объ устройствѣ вселенной и неба и указываетъ на св. Писаніе, какъ на единственный надежный источникъ для построенія правильной системы міра. По его мнѣнію, подкрѣпляемому цитатами изъ св. Писанія и апокрифическихъ сочиненій, земля не шаръ, а плоскость, напоминающая своею формой Ноевъ ковчегъ и Моисееву скинію завѣта; эта плоскость представляетъ продолговатый съ востока къ западу четвероугольникъ, покрытый небеснымъ сводомъ; населенная людьми часть земли окружена океаномъ, по краямъ котораго возвышается стѣна; четыре угла этой стѣны прикрѣплены къ небесному своду; земля

покоится на твердомъ основаніи; поэтому подъ нею ничего нѣтъ, и нѣтъ, слѣдовательно, антиподовъ,—существъ, которыя, по мнѣнію языческихъ писателей, признававшихъ шаровидность земли, населяютъ противоположную сторону земли; солнце и свѣтила заходятъ за высокую гору, находящуюся на сѣверѣ; движеніями свѣтилъ, солнца, луны, звѣздъ, а также вообще явленіями небесными и атмосферическими управляютъ особо назначенные для этого ангелы, которымъ эта обязанность поручена въ четвертый день творенія міра и которые будутъ исполнять ее до кончины міра, пока звѣзды не упадутъ съ неба.

Козьма Индикопловъ, кромѣ того, даетъ свѣдѣнія объ Индіи и Тапробаны (Цейлона), въ которыхъ самъ не былъ, и описываетъ нѣкоторыя животныя и растенія, встрѣчающіяся тамъ: единорога, воднаго коня и др.

Русская рукопись перевода снабжена многочисленными рисунками, на которыхъ изображены, между прочимъ, потопъ, столпотвореніе вавилонское и раздѣленіе языковъ, восхожденіе и захожденіе солнца «по божественному писанію», царство небесное, каррикатура на ученіе объ антиподахъ, трапеза въ Моисеевой скиніи, представляющей образъ земли, ангелы, приводящіе въ движеніе звѣзды и пр.

116. «**Физіологъ**». «Физіологомъ» называется сборникъ свѣдѣній о звѣряхъ, птицахъ, насѣкомыхъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ и т. д. Свѣдѣнія эти почерпались изъ египетскихъ сказаній, изъ Талмуда, Библіи и у античныхъ писателей. Этотъ сборникъ сложился во II—III вв. по Р. Х. Свѣдѣнія эти, большею частью фантастическія, христіанскими писателями были переработаны и снабжены символическими толкованіями съ точки зрѣнія еврейско-христіанскаго міровоззрѣнія.

Каждая статья, посвященная въ «Физіологѣ» отдѣльному звѣрю, птицѣ и т. д., распадается на двѣ части: въ одной описываются тѣ или другія свойства звѣря, птицы и т. д., въ другой излагаются символическія толкованія этихъ свойствъ и выводится какая-нибудь назидательная мысль.

Вотъ примѣры изъ «Физіолога».

1) **О львѣ**. Львица рождаетъ скимна (дѣтеныша) мертвымъ и стережетъ его. Появляется отецъ скимна, сильно дуетъ на него и оживляетъ его. Такъ и Вседержитель Отецъ на тре-

тій день воздвигъ изъ мертвыхъ своего первороднаго сына.

2) **О змѣѣ**. Когда змѣя старится, то, желая помолодѣть, она постится сорокъ дней и сорокъ ночей, пока кожа, ослабѣвши, не станетъ слѣзать съ нея. Тогда змѣя ищетъ камень или тѣсную разсѣлину, черезъ которую начинаетъ пробираться. Утомивъ труднымъ прохожденіемъ свое тѣло, змѣя молодѣетъ. Такъ и человѣкъ, желающій отложить мірскую старость, долженъ ходить тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ. «Смотри, о человѣкъ, какъ поступаетъ змѣя для своего спасенія: она постится; постись же и ты: ты обновишься и дойдешь въ Божію волю». Змѣя отлагаетъ свою ветхую кожу; такъ и человѣкъ долженъ отложить ветхаго человѣка, т. е. свои грѣхи.

Змѣя, собираясь идти къ источнику, чтобы пить воду, оставляетъ свой ядъ въ гнѣздѣ. Когда человѣкъ собирается пить отъ истиннаго источника, отъ тѣла и крови Христа, онъ долженъ выгнать изъ своего сердца всякую злобу; онъ долженъ примириться съ братомъ своимъ и тогда принести свой даръ.

3) **О китѣ**. Китъ великъ, какъ островъ. Корабельщики пристаютъ къ нему, какъ къ острову, бросаютъ якорь и привязываютъ къ нему корабль; затѣмъ на китѣ разводятъ огонь и готовятъ кушанье. Когда огонь прижжетъ кита, онъ спускается въ глубину и топитъ корабль. Также бываетъ и съ человѣкомъ, который возложитъ свои надежды на діавола: вмѣстѣ съ нимъ онъ погрузится въ геенну огненную.

Другое свойство кита состоитъ въ слѣдующемъ. Когда ему хочется ѣсть, онъ открываетъ свои уста, изъ которыхъ исходитъ благоуханіе; малыя рыбы собираются около устъ кита, и китъ проглатываетъ ихъ; великія рыбы не приближаются къ киту и этимъ спасаютъ себя отъ гибели. Соломонъ въ притчахъ предостерегаетъ противъ коварной женщины: медъ, капающій изъ устъ такой женщины на время услаждаетъ гортань человѣка, а впослѣдствіи окажется болѣе горькимъ, чѣмъ желчь и болѣе острымъ, нежели обоюдоострый мечъ: онъ смертью низведетъ человѣка въ адъ.

4) **Объ инорогѣ**. Пѣснопѣвецъ говоритъ: «И вознесется, яко инорога рогъ мой». Инорогъ — звѣрь небольшой величины, какъ козелъ. Онъ не имѣетъ голоса и отличается кротостью. Посреди головы у него рогъ. Такъ какъ инорогъ

отличается силой, то охотники не могутъ приблизиться къ нему. Поймать инорога можно такъ: передъ нимъ выставляютъ чистую дѣвицу: инорогъ приближается къ дѣвицѣ и начинаетъ сосать ея сосцы; дѣвица легко приводитъ инорога въ царскую палату. Воздвигнутъ былъ рогъ нашего спасенія въ домѣ Давида черезъ истинную и чистую Богородицу: Слово стало плотью и вселилось въ насъ.

Охотники, ища мѣсто, гдѣ отдыхаютъ слоны, употребляютъ для ихъ ловли слѣдующій способъ. Слонъ не имѣетъ составовъ и потому не можетъ сгибать колѣнъ. Когда онъ хочетъ спать, то прислоняется къ дереву. Охотники, замѣтивъ дерево, заблаговременно подпиливаютъ его, но не совсѣмъ. Когда слонъ прислонится къ этому дереву, дерево сломается, и слонъ упадетъ на землю съ великимъ ревомъ. Охотники подбѣгаютъ, изрубаютъ его, берутъ мясо съ костями и поскорѣе отбѣгаютъ, чтобы не предупредилъ ихъ и не настигъ инорогъ: инорогъ, услыша ревъ слона, прибѣгаетъ къ нему, преклоняетъ колѣна, влагаетъ подъ нимъ рогъ и поднимаетъ его.—Единорогъ символъ благоуготованнаго Господа: Іисусъ Христосъ—церковный рогъ; увидѣвъ падшаго человѣка, Христосъ умилосердился, пришелъ и воздвигъ его.

5) **О слонѣ**. Если охотники не явятся къ свалившемуся слону, то какъ онъ поднимается? А вотъ какъ. Слонъ возопіетъ великимъ, грознымъ и болѣзненнымъ гласомъ; на его голосъ является громаднаго роста слонъ и пытается поднять лежащаго слона, но не можетъ. Тогда оба слона начинаютъ ревѣть великими гласами: на ихъ голосъ прибѣгаютъ двѣнадцать слоновъ, которые пробуютъ поднять упавшаго, но безполезно. Тогда всѣ двѣнадцать слоновъ вмѣстѣ съ двумя другими начинаютъ ревѣть; на ихъ голосъ является маленькій слонъ, просовываетъ свой хоботъ подъ лежащаго слона и поднимаетъ его. Большой слонъ—это ветхозавѣтный законъ, который не можетъ поднять человѣка и спасти; маленькій слонъ — образъ Христа, спасшаго человѣка.

6) **О саламандрѣ**. Огонь, если въ него попадаетъ саламандра, гаснетъ. Такъ три отрока, ввергнутые въ печь огненную, не сгорѣли, а студили ее.

7) **О камняхъ, дающихъ огонь**. Есть камни, которые, столкнувшись другъ съ другомъ, возгораются и зажигаютъ все,

что есть вокругъ нихъ. Камни эти—символы мужчины и женщины. Мужчина долженъ находиться подальше отъ женщины; приблизившись къ женщинѣ, можно запылать страстью, и тогда будутъ сожжены всѣ добродѣтели. Сампсонъ присталъ къ женщинѣ, и она остригла его силу.

8) О струѳокамилѣ. Струѳокамилъ, когда наступаетъ ему время нести яйца, приходитъ на песокъ, сноситъ ихъ сюда и зарываетъ въ песокъ. Изъ яицъ вылупливаются птенцы. Таковы родители, бросающіе своихъ дѣтей, не заботящіеся объ ихъ воспитаніи. Но есть духовные отцы, которые съ радостью берутъ на себя заботы о чужихъ дѣтяхъ.

«Физіологъ» своими свѣдѣніями и толкованіями имѣлъ большое вліяніе на церковную живопись и на церковное устное творчество (См. «Курсъ», Ч. I, книга вторая).

Библіографія. *А. С. Архангельскій.* Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. („Къ изученію древнерусской литературы". Спб. 1888).– *А. Поповъ.* Шестодневъ, составленный Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, по хартейному списку московской Синодальной библіотеки 1263 года, слово въ слово и буква въ букву. М. 1879.—Книга, глаголемая Козмы Индикоплова. Спб. 1886.—*И. А. Шляпкинъ.* Шестодневъ Георгія Писида въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года.—*К. Калайдовичъ.* Іоаннъ Экзархъ болгарскій. М. 1824.—*Шляпкинъ.* Георгій Писидійскій и его поэма о міротвореніи въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года („Ж. М. Н. П." 1890 г. Іюнь).—*Ал. Александровъ.* Физіологъ. Казань. 1893.—*В. Мочульскій.* Происхожденіе физіолога и его начальныя судьбы въ литературахъ Востока и Запада („Р. Филол. Вѣстникъ". 1889).—*А. Карнѣевъ.* Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. М. 1890.– *Карнѣевъ.* Новѣйшія изслѣдованія о физіологѣ („Ж. М. Н. П." 1890. Январь).

Исторіографія съ еврейско-христіанской основой.

117. Переводная исторіографія. Къ переводной исторіографической литературѣ, которая разсматриваетъ историческія событія и явленія съ еврейско-христіанской точки зрѣнія (556), относятся слѣдующія сочиненія: «Палеи», «Хроники», «Хронографы» и «Откровеніе» Меѳодія Патарскаго.

118. Палеи. Палеями въ древности назывались сочиненія, въ которыхъ излагалась ветхозавѣтная исторія—то буквально текстами Библіи, то апокрифами, то собственными

словами автора. Палеи были двухъ родовъ: 1) толковая и 2) историческая.

119. «Палея толковая на іудеи». «Палея толковая на іудеи» по содержанію своему состоитъ изъ двухъ элементовъ: собственно историческаго — изложенія ветхозавѣтныхъ событій первыхъ восьми книгъ библейскихъ—и богословско-символическаго комментарія къ этимъ событіямъ, причемъ первый элементъ, историческій, подчиняется второму — богословско-символическому. Эти толкованія имѣли опредѣленную цѣль: во-первыхъ показать, что ветхозавѣтныя событія суть лишь прообразъ и подготовка новаго завѣта и, во-вторыхъ, что новый завѣтъ превосходитъ ветхій. Такъ, ребро Адама, изъ котораго была создана Ева, сопоставляется съ ребромъ Христа, прободеннымъ копьемъ воина. Особенно интересны символы, которые указываютъ на превосходство новаго завѣта надъ ветхимъ: пока Сарра была бездѣтна, Авраамъ признавалъ своимъ сыномъ Измаила: когда же Сарра родила Исаака, Агарь съ ея сыномъ Измаиломъ были прогнаны изъ дому: «яко же Измаилъ Исаака бьяше, тако и жидове Іисуса Христа бивше пропяли; якоже Авраамъ отогна рабу съ робичищемъ ея, такожь и Христосъ... моисейская начертанія отверже, и ветхій законъ оставленъ бысть, новаго же закона мнози своею кровію напои».

Обиліе богословско-символическаго комментарія такого рода объясняется отношеніями византійцевъ къ іудейству и магометанству, противъ которыхъ христіанамъ приходилось защищать свое ученіе. Такимъ образомъ, «Палея толковая на іудеи» носитъ характеръ полемики съ іудействомъ и отчасти съ магометанствомъ: ея изложеніе часто прерывается обращеніями къ «жидовину», а иногда и къ магометанину съ рѣзкими обличеніями и укоризнами.

«Палея толковая на іудеи» въ своей исторической части съ особеннымъ вниманіемъ и подробно останавливается на начальныхъ событіяхъ библейской исторіи и завершается предсказаніями Давида, Соломона и Филона о Христѣ и вообще о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Историческій матеріалъ заимствуется изъ Библіи и изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ, подробно разсказывается о паденіи Сатанаила и десятаго чина ангеловъ, о раѣ, о древахъ жизни и познанія добра и зла, о хожденіи Сиѳа въ рай передъ

смертью Адама, о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ и т. д. Въ «Палеѣ толковой» сдѣланы большіе вставки изъ такихъ апокрифическихъ сказаній, какъ «Откровеніе Авраама», «Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мелхиседекѣ»; «Лѣствица Іакова», «Завѣты двѣнадцати патріарховъ», «Житіе Моисея», «Сказаніе о Соломонѣ» и проч.

Первая часть «Палеи толковой» посвящена «Шестодневу», т. е. изложенію шести дней творенія, сопровождающемуся обширными толкованіями.

Толкованія даются о явленіяхъ физическаго міра, напр., о тверди небесной, о землѣ, о водахъ воздушныхъ и возмущеніи моря, о захожденіи солнечномъ, о «нощи, чего ради бываетъ нощь», «о кругахъ земли», о временахъ года, о теплѣ и стужѣ, «о лунномъ умаленіи». По представленію «Палеи толковой» ангелы во вселенной исполняютъ разнаго рода службу: есть ангелы, завѣдующіе облаками, мракомъ, льдомъ, мглою, морозомъ, росою, молніей, громомъ, зноемъ, временами года. Земля не повѣшена ни на чемъ; подъ ней нѣтъ ни стихій, ни планетъ; держится же она на своей тверди повелѣніемъ Божіемъ. Звѣзды движутся по небу служебными ангелами. Перейдя къ животному міру, «Палея толковая» передаетъ свѣдѣнія и сказанія о разнообразныхъ, часто чудовищныхъ и фантастическихъ звѣряхъ, рыбахъ и птицахъ. Такъ, она даетъ слѣдующія свѣдѣнія о райской птицѣ алконостѣ. Алконостъ имѣетъ гнѣздо на песчаномъ берегу моря. Здѣсь она носитъ яйца. Дѣтей алконостъ выводитъ зимой. Когда приближается время для вывода дѣтей, алконостъ беретъ свои яйца, несетъ ихъ на средину моря и опускаетъ ихъ въ глубину. Море тогда многими бурями къ берегу приражается. Алконостъ садится на одномъ мѣстѣ вверху моря, а яйца остаются въ глубинѣ. Море становится спокойнымъ въ теченіе семи дней, пока дѣти алконоста не выйдутъ изъ моря и не познаютъ своихъ родителей. Есть рыба многоножница. Нравъ ея такой: она принимаетъ цвѣтъ того камня морского, къ которому подойдетъ. Молодыя рыбы, принимая многоножницу за камень, часто попадаютъ въ ея челюсти. Есть малая рыбица эхинія, которая, прицѣпившись къ кораблю, можетъ остановить его. Замѣчательны свѣдѣнія Палеи о птицѣ фениксѣ. Сказанія объ этой птицѣ, которая черезъ каждыя 500 лѣтъ возрождается изъ собственнаго пепла,

существовали уже во времена Геродата; въ христіанскую эпоху эта птица получила символическое толкованіе. Въ «Палеѣ толковой» о ней разсказывается слѣдующее: «Есть птица въ великой Индіи, называемыя фениксъ, о которой Давидъ-пророкъ въ 91-мъ псалмѣ сказалъ: праведникъ, яко фюниксъ, процвѣте. И та птиаа есть единогнѣздница, не имѣетъ ни подружья, ни чадъ, но сама только пребываетъ въ своемъ гнѣздѣ; пищу же свою добываетъ, летая въ нѣдры Ливана, и летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ и оттого благовонна; но когда эта птица старѣется, то взлетитъ на высоту и беретъ отъ небеснаго огня и, спустившись, зажигаетъ гнѣздо свое и тутъ же сама сгораетъ; но потомъ въ пеплѣ гнѣзда своего нарождается червемъ, и изъ того червя бываетъ птица съ тѣмъ же нравомъ и съ тѣмъ же естествомъ. И эта птица фениксъ является образомъ истинно вѣрующихъ въ Бога, потому что, хотя они и приняли мученія за Христа, но нашли большую пищу рая и въ благоуханіи водворились».

При разсказѣ о сотвореніи человѣка дается обстоятельное разсужденіе о духовной и тѣлесной природѣ человѣка.

Вторая часть «Палеи толковой» посвящена повѣствованію «о бытіи человѣчемъ». Повѣствованіе это до потопа отличается сжатостью и ограничивается хронологическими и генеалогическими указаніями: обозначается число лѣтъ, протекшихъ отъ Адама до раздѣленія языковъ, мимоходомъ упоминается объ Авраамѣ, разсказывается о рожденіи Исава и Іакова и почти сейчасъ же послѣ этого о благословеніи ихъ отцомъ; на символическомъ толкованіи этихъ событій «Палея толковая» останавливается подробно. Далѣе излагается исторія бѣгства Іакова къ Лавану, передается отъ лица Іакова апокрифическій разсказъ о лѣстницѣ, которую онъ видѣлъ во снѣ на пути; этотъ разсказъ сопровождается обширнымъ символическимъ толкованіемъ. Послѣ этого кратко передается о встрѣчѣ и примиреніи Іакова съ Исавомъ, исторія Іосифа. Много мѣста отведено разсказу о благословеніи Іаковомъ сыновей и «Завѣтамъ двѣнадцати патріарховъ», причемъ и тутъ даны символическія толкованія предсказаніямъ. Эпоха отъ Моисея до Соломона изложена въ отрывкахъ изъ Библіи; здѣсь меньше полемическихъ обличеній «жидовина» и символическихъ толкованій.

Въ позднѣйшихъ редакціяхъ содержаніе «Палеи толковой» расширяется, причемъ историческій элементъ получаетъ перевѣсъ надъ богословско-символическимъ.

«Палея толковая», которой на Западѣ соотвѣтствовали такъ называемыя «Библіи бѣдныхъ» (Biblia pauperorum, предназначавшіяся для людей, «бѣдныхъ духомъ»), имѣла въ древней Руси огромное значеніе: во-первыхъ, она до XVI в. замѣняла образованнымъ русскимъ Библію, которой въ полномъ видѣ у насъ не было: «Палеей» они вообще называли Ветхій Завѣтъ; во-вторыхъ, «Толковая палея» своими символическими толкованіями имѣла вліяніе на церковную живопись; въ-третьихъ, своими символическими толкованіями она имѣла вліяніе на нашу церковную литературу.

120. «Историческая палея». Отъ «Толковой палеи» рѣзко отличается «Историческая палея» («Книга бытія небеси и земли», «Очи палейныя»). Въ послѣдней излагается ветхозавѣтная исторія съ апокрифическими дополненіями до Давида включительно, съ большими отступленіями отъ Библіи. Полемическаго элемента въ ней нѣтъ такъ же, какъ и богословско-символическаго элемента и сопоставленія ветхаго завѣта съ новымъ. Если въ «Исторической палеѣ» встрѣчаются такія толкованія, то они отличаются крайнею наивностью. Такъ, «Историческая палея» разсказываетъ, что Ной, по выходѣ изъ ковчега, приноситъ жертву Богу и поетъ: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносимъ», а сыновья его отвѣчаютъ: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ и молимъ Ти ся, Боже нашъ».

«Историческая палея», болѣе доступная по содержанію, имѣла у насъ большее распространеніе, чѣмъ «Толковая палея». Съ широкимъ распространеніемъ христіанства она повліяла на содержаніе устнаго классового творчества; изъ «Исторической палеи» заимствованъ былъ, напр., образъ богатыря Самсона, у котораго на головѣ семь волосъ, имѣющихъ таинственную силу.

121. «Хроники». «Хрониками» называются византійскія лѣтописи, т. е. сочиненія, въ которыхъ съ еврейско-христіанской точки зрѣнія излагается всемірная исторія, въ слѣдующемъ порядкѣ: ветхозавѣтныя событія отъ сотворенія міра, исторія древнихъ царствъ и, наконецъ, исторія Византіи. Свѣдѣнія, даваемыя «хрониками», различной цѣнности: одни

изъ нихъ отличаются большею или меньшею точностью, напр., свѣдѣнія изъ исторіи евреевъ, ассиріянъ, вавилонянъ, грековъ, римлянъ; другія отличаются фантастичностью. Таковы, напр., свѣдѣнія о чудовищныхъ народахъ (дивовищахъ).

Послѣ вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ, по сообщеніямъ «хроникъ», люди измѣнились не только голосами, языками, но и видомъ, нравами, обычаями. Такъ какъ люди были лукавы передъ Господомъ и заблудились дѣлами своими, то они уподобились своимъ видомъ и образомъ жизни звѣрямъ и скотамъ. Такъ образовались чудовищнаго вида и жизни племена. Люди, называемые сатирами, имѣютъ свои жилища въ лѣсахъ по горамъ. Они ходятъ съ такой быстротой, что никто не можетъ догнать ихъ. Одежды эти люди не имѣютъ; тѣло ихъ обросло волосами; языкомъ они не говорятъ, а только кричатъ голосомъ. Люди, по имени аримаспы, живутъ въ дальнихъ земляхъ татарскихъ. Они имѣютъ по одному только глазу. Эти люди ведутъ войну съ грифами за жемчугъ и золото. Въ Индійской землѣ живутъ мохнатые люди безъ губъ. Они питаются отъ деревьевъ, пахучихъ кореньевъ и цвѣтовъ; но они не ѣдятъ и не пьютъ, а только нюхаютъ. На сѣверѣ у океана-моря живутъ люди, обладающіе столь великими ушами, что ими покрываютъ все свое тѣло. Въ дальнихъ татарскихъ земляхъ живутъ люди неврилы, которые умѣютъ обращаться изъ человѣка въ волка и обратно. Люди, называемые апотаміями, ходятъ на рукахъ и ногахъ; всякій апотамъ на половину—человѣкъ и на половину—конь; у апотамовъ—длинныя бороды; живутъ апотамы въ водѣ. «Много,—сообщаютъ хроники, — и иныхъ всякихъ людей, чудныхъ по своей природѣ въ Африкѣ, Индіи и другихъ странахъ. У иныхъ—песьи головы, а иные — безъ головъ, а на грудяхъ у нихъ — зубы, а на локтяхъ — глаза. Иные—о двухъ лицахъ и о четырехъ глазахъ, а иные по шести роговъ на головѣ носятъ; у иныхъ по шести перстовъ на рукахъ и ногахъ, а у иныхъ по шести рукъ и ногъ, а у иныхъ по одной рукѣ и ногѣ. А всѣ тѣ люди на вселенную пошли отъ одного человѣка, т. е. Адама, но учинились таковыми за умноженіе грѣховъ своихъ».

Любопытна сообщаемая хрониками «повѣсть о Сивильскомъ царствѣ». «Межъ юга и запада, за Нилою рѣкою, за Политарскою землею есть гора; имя ей — скала; черезъ нее

нельзя пройти ни одному человѣку — такъ она высока. Въ горѣ есть пещера. Идти черезъ пещеру, со свѣчами, нужно 40 дней. Пройдя пещеру до конца, путешественникъ видитъ неизреченный свѣтъ. Земля же та ровна. Нѣтъ на ней ни горъ, ни раздолій. Только много на ней различнаго винограда. Много тамъ золота и всякаго драгоцѣннаго камня. А живутъ въ горѣ той, въ пещерахъ каменныхъ все дѣвицы нескверніи и безсмертніи, Божіимъ повелѣніемъ и ихъ умоленіемъ. Одежду на себѣ носятъ золотомъ тканную, только до пояса, а отъ пояса все тѣло ихъ нагое. А по тѣлу ихъ врѣзаны каменья драгоцѣнные. самоцвѣтные. Царствуетъ у нихъ въ той землѣ дѣвица Сивилла, царица нескверна же и безсмертна. А приходятъ къ нимъ изъ разныхъ странъ послы и приводятъ къ нимъ въ даръ все дѣвочекъ, до 10 лѣтъ или до 12, а старше того годами не приводятъ. И берутъ себѣ за то тѣ послы золота, серебра и драгоцѣннаго каменія, сколько хотятъ. Да и тѣ у нихъ приводныя дѣвицы безсмертны же бываютъ Божіимъ повелѣніемъ, какъ скоро тѣхъ дѣвицъ водою измоютъ: а измывъ водою, по тѣлу рѣжутъ бритвами и вставляютъ въ тѣ раны каменіе многоцѣнное. А болѣзни тѣ дѣвицы никакой на себѣ не имѣютъ: тотчасъ же рана и заживаетъ. А пословъ тѣхъ учатъ дѣвицы небесному движенію и земному коловрату».

Изъ «хроникъ» у насъ наиболѣе распространены были слѣдующія:

1) **«Хроника» Іоанна Малалы**. «Хроника» антіохійца Іоанна Малалы (VI в.) излагаетъ всемірную исторію отъ сотворенія міра до 563 г. Среди разсказа объ историческихъ событіяхъ попадаются повѣсти полуисторическаго, полубеллетристическаго содержанія, а также апокрифическія сказанія. Изъ произведеній беллетристическаго характера помѣщенъ знаменитый романъ «Александрія»; а изъ апокрифическихъ сказаній слѣдующія: «Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мелхиседекѣ» и «Завѣты двѣнадцати патріарховъ».

2) **«Хроника» Георгія Амартола**. «Хроника» Георгія Амартола, т. е. Грѣшника (IX в.) излагаетъ всемірную исторію отъ сотворенія міра до 842 г. Георгій Амартола почерпалъ свои матеріалы, между прочимъ, изъ «Іудейской исторіи» І. Флавія, а также, подобно Іоанну Малалѣ, изъ апокрифовъ повѣсть о Сивильскомъ царствѣ, о врачебныхъ книгахъ.

Соломона, о царицѣ Савской и пр.). Эта «Хроника» была у насъ особенно популярна и до XIV в., вмѣстѣ съ «Хроникой Іоанна Малалы, была почти единственнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній.

3) **«Лѣтописецъ вкратцѣ (вскорѣ)» патріарха Никифора.** «Лѣтописецъ вкратцѣ, или вскорѣ» патріарха Никифора кратко излагаетъ всемірную исторію отъ сотворенія міра до 829 г. Этотъ лѣтописецъ былъ важенъ краткимъ перечнемъ царствованій.

4) **«Хроника» Константина Манассіи.** «Хроника» Константина Манассіи излагаетъ всемірную исторію отъ сотворенія міра до 1081 г. Въ «Хроникѣ» помѣщена повѣсть о Троянской войнѣ.

122. «Хронографы». Хроники послужили началомъ для возникновенія у насъ въ XV—XVI в. в. особыхъ лѣтописныхъ сборниковъ, получившихъ названіе «хронографовъ». Въ нихъ кратко излагаются библейская исторія, всемірная исторія до паденія Константинополя и даются свѣдѣнія изъ исторіи славянъ и русскихъ.

123. «Откровеніе Меѳодія Патарскаго». «Откровеніе» приписывается св. Меѳодію Патарскому (III—IV в. в.); въ дѣйствительности оно ему не принадлежало такъ же, какъ не принадлежитъ и другому Меѳодію — патріарху Константинопольскому (IX в.). Повидимому, «Откровеніе» было составлено во второй половинѣ VII в.; нѣкоторые ученые думаютъ, что время его составленія падаетъ на 676—678 г. г.

«Откровеніе» представляетъ обзоръ судебъ человѣчества отъ перваго человѣка до второго пришествія. Исторія міра и человѣчества совершается въ теченіе семи тысячелѣтій, прообразомъ которыхъ были семь дней творенія.

Первая тысяча лѣтъ начинается съ момента изгнанія Адама и Евы изъ рая и оканчивается отдѣленіемъ Сиѳова рода отъ рода Каина. Изъ событій, совершившихся за это время, авторъ «Откровенія» отмѣчаетъ слѣдующія. Въ тридцатый годъ по изгнаніи изъ рая Адама и Евы родились Каинъ и сестра его Калмана; еще черезъ тридцать лѣтъ у Адама и Евы родились Авель и сестра его Деввора. Въ 130 г. перваго тысячелѣтія міра Каинъ убилъ Авеля; Адамъ и Ева оплакивали Авеля 100 лѣтъ. Въ 230 г. родился Сиѳъ, человѣкъ-исполинъ, наподобіе самого Адама, который также

былъ исполиномъ. Въ 930 г. скончался Адамъ, и родъ Сиѳа отдѣлился отъ рода Каина. Родъ Сиѳа удалился на гору, находившуюся противъ рая; а родъ Каина занялъ поле Наидъ, на которомъ былъ убитъ Авель.

Во *второмъ* тысячелѣтіи сыновья Ламеха изобрѣли искусство, между потомками Каина стала распространяться безнравственность; потомки Сиѳа стали смѣшиваться съ потомками Каина. Второе тысячелѣтіе заканчивается всемірнымъ потопомъ.

Въ *третьемъ* тысячелѣтіи основывается новое поселеніе Фамнонъ. У Ноя рождается четвертый сынъ Монитонъ (Мунтъ), который получилъ отъ Бога способности къ наукамъ и искусствамъ и первый изобрѣлъ астрономію. По смерти Ноя произошло смѣшеніе языковъ. и Монитонъ ушелъ на востокъ. У этого Монитона учился искусству царствовать Невродъ, происходившій изъ племени Сиѳа и основавшій Вавилонъ въ 2790 г. Сыновья Хама сдѣлали себѣ царемъ Понтиппа. Невродъ послалъ къ Монитону людей, которые построили послѣднему городъ его имени. Между Невродомъ и Монитономъ царилъ миръ, а между Невродомъ и Понтиппомъ не было мира.

Въ *четвертомъ* тысячелѣтіи Египетъ былъ завоеванъ Невродомъ. Вавилонское царство укрѣпилось за потомствомъ Неврода. Одинъ изъ потомковъ Неврода Хозомузедей взялъ себѣ жену изъ племени Хама. По смерти Хозомузедея сынъ его Іезда женился на своей матери. Сынъ Іезды Іерездей поработилъ и поплѣнилъ сыновей Хама и пожогъ всѣ страны. При сынѣ Іерездея Хозроѣ потомки Хама возстали и начали войну съ Хозроемъ. Хозрай далъ имъ перейти черезъ Тигръ, напалъ на нихъ и уничтожилъ до единаго,

Въ *пятомъ* тысячелѣтіи изъ царства Монитона явился Сампсіасъ. сынъ Вара и попустошилъ землю отъ Евфрата до Издратига, совершилъ переходъ черезъ Индію и въ пустынѣ Савской разбилъ потомковъ Измаила, которые бѣжали въ пустыню Етривъ (въ Аравіи). Они вели войну съ царями, побѣдили ихъ и завладѣли землей обѣтованной. Ихъ было множество. Питались они конскимъ и верблюжьимъ мясомъ. Сдѣлавъ себѣ корабли, они наподобіе птицъ летали по волнамъ и доходили до Рима, Иллирика, Гигита, Солуня и Сарданіи. Четыре вождя ихъ—Оривъ, Зивъ, Зевее

и Салмана вели войну съ израильтянами, но были побѣждены Гедеономъ: измаильтяне снова бѣжали въ пустыню Етривъ. Въ концѣ міра измаильтяна снова выйдутъ изъ этой пустыни, покорятъ всѣ страны, но сами будутъ побѣждены греческимъ царемъ.

Шестое тысячелѣтіе обнимаетъ рядъ царствованій, послѣдовательно перечисляемыхъ въ «Откровеніи». Отъ Неврода до Парудема, а отъ Парудема до Иста Вавилономъ владѣло царство гигантовъ. До Сенерифа царствовали персы. У Сенерифа были сыновья—Андрамелехъ и Сарасу. Они убили отца своего и убѣжали въ землю Араратскую Въ Вавилонѣ царствовали Сарадумъ и Навуходоносоръ, который былъ поставленъ военачальникомъ Сенерифомъ, когда этотъ послѣдній ходилъ воевать съ индійскимъ царемъ. Навуходоносоръ взялъ себѣ жену у мидянъ, по имени Іероудумею. Послѣ смерти Навуходоносора и Валтасара царствовалъ Дарій мидянинъ, который женился на персіянкѣ Дорѣ и имѣлъ отъ нея сына Хозроя. Дарій правилъ Индіей и Ливіей, а Хозрой—Ѳракіей. Онъ освободилъ потомковъ Израиля и отослалъ ихъ въ землю обѣтованную, позволивъ имъ возстановить храмъ, разрушенный Навуходоносоромъ. Дарій былъ убитъ Александромъ, рожденымъ отъ македонскаго царя Филиппа и Хузифы, дочери Фола, царя эѳіопскаго. Во время своихъ походовъ Александръ встрѣтилъ въ солнечной странѣ нечистые народы Гогъ и Магогъ, которые жили наподобіе дикихъ звѣрей: ѣли комаровъ, мышей, кошекъ, змѣй и вообще все нечистое и скверное; мертвыхъ они не хоронили, а съѣдали. Александръ побоялся что эти народы могутъ дойти до св. Земли и осквернить ее разными сквернами. Онъ помолился Богу и погналъ эти народы къ сѣвернымъ горамъ. Богъ велѣлъ двумъ горамъ соединиться: онѣ соединились и заключили въ себѣ эти нечистые народы. Между горами осталось узкое пространство въ 12 локтей: оно было заперто желѣзными воротами, которыя были замазаны особымъ веществомъ асинхитомъ: асинхитъ нельзя ни разсѣчь желѣзомъ, ни зажечь огнемъ. При кончинѣ міра Гогъ и Магогъ и всѣ вообще нечистые народы выйдутъ изъ своего заключенія. По смерти Александра на Хузифѣ женился Визъ, основавшій городъ Византію. У нихъ родилась дочь Византія, на которой женился

Армалей, царь римскій. У Армалея было три сына: первый, по имени тоже Армалей, правилъ въ Римѣ, другой—Урванъ—въ Византіи, третій—Клавдій—въ Александріи. Такъ случилось, что потомство эѳіоплянки Хузифи стало господствовать надъ Эѳіопіей, Македоніей, Римомъ и Византіей. Къ Византійскому царству должны быть отнесены слова пророка: «Эѳіопія предваритъ руку свою Богу». Царство греческое отнынѣ не будетъ побѣждено. Много царствъ было раньше, но всѣ они погибли; послѣднимъ было царство персовъ, но и оно рушилось.

Седьмая, послѣдняя, тысяча лѣтъ, по пророчествамъ «Отровенія», пройдетъ такимъ образомъ. Изъ пустыни Етривской выйдутъ измаильтяне, и соберутся на Гаваонѣ, гдѣ отъ острія ихъ меча падутъ сильные изъ грековъ. За человѣческое нечестіе, которое дойдетъ до того, что одну жену будутъ имѣть отецъ, сынъ и братъ, Господь предастъ греческое царство въ руки Измаила. Всѣ страны будутъ порабощены, жители будутъ либо перебиты, либо уведены въ плѣнъ. Путь измаильтянъ будетъ отъ моря до моря, отъ востока до запада. Они будутъ жестоко обращаться съ побѣжденными: будутъ брать дань съ живыхъ и съ мертвыхъ, не будутъ имѣть жалости ни къ больнымъ, ни къ женщинамъ, и никто не въ силахъ будетъ противостать имъ. Земля осквернится кровью, страны и города опустѣютъ. Изъ рукъ матерей измаильтяне будутъ вырывать дѣтей и бросать ихъ звѣрямъ. Они перебьютъ всѣхъ священниковъ, они устроятъ себѣ въ храмахъ спальни, а священными одеждами будутъ покрывать своихъ коней. Въ это время истинныхъ христіанъ найдется мало; люди будутъ горделивы, сребролюбивы, непослушны родителямъ; боящіеся Бога ни во что не будутъ цѣниться. Люди отчаятся въ своей жизни; отнимется отъ іереевъ честь, и прекратится всякая служба. Настанетъ голодъ, и люди будутъ гибнуть. Въ бѣдствіи люди продадутъ свои земледѣльческія орудія и даже своихъ дѣтей. Все это допущено будетъ Богомъ, чтобы объявились вѣрные. Послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій, когда Персія, Романія, Киликія, Сирія и т. д. будутъ опустошены, и измаильтяне въ гордости скажутъ: «не избудутъ изъ рукъ нашихъ христіане!»—тогда внезапно возстанетъ, какъ бы отъ сна, царь греческій, считавшійся какъ бы мертвымъ. Онъ разобьетъ измаильтянъ и

поработитъ ихъ всѣхъ: иго его будетъ въ семь разъ тяжелѣе ига измаильскаго. Измаильтянъ постигнетъ голодъ, и будутъ они рабами своихъ бывшихъ рабовъ. Земля умирится, и каждый возвратится на свое мѣсто. Тогда царь обратитъ свой гнѣвъ противъ отрекшихся отъ Христа. На землѣ будетъ необыкновенное плодородіе; всѣ люди заживутъ въ мирѣ, застроятся города, и священники будутъ освобождены отъ стѣсненій. Во время этого мира на людей снова обрушатся бѣдствія: откроются сѣверныя врата; изъ горъ выйдутъ заключенные Александромъ нечистые народы, которые наведутъ на землю страхъ и ужасъ. Когда эти народы возьмутъ Іоппь, Господь пошлетъ своего архистратига, который въ одно мгновеніе истребитъ ихъ. Тогда придетъ въ Іерусалимъ греческій царь, а черезъ 10½ лѣтъ послѣ этого родится антихристъ. Когда явится антихристъ, греческій царь взойдетъ на Голгоѳу, возложитъ вѣнецъ свой на крестъ и предастъ царство свое Богу и Отцу, и крестъ съ вѣнцомъ вознесется на небо. Антихристъ прельститъ всѣхъ своими ложными чудесами, войдетъ въ Іерусалимъ и сядетъ въ храмѣ, приказывая считать себя за Бога. На обличеніе антихриста Господь пошлетъ Илію и Еноха; но они будутъ убиты антихристомъ. Тогда послѣдуетъ второе пришествіе Христа, и начнется всеобщій судъ.

«Откровеніе» Меѳодія Патарскаго пользовалось большимъ авторитетомъ среди византійцевъ, у славянъ, и у насъ; оно не считалось «ложнымъ» и не подвергалось запрещеніямъ. Напротивъ, и у грековъ, и у славянъ, и у насъ «Откровеніе» считалось книгой священной. Поэтому среди христіанъ Востока и особенно у насъ безпрепятственно складывалось твердое убѣжденіе въ томъ, что міръ просуществуетъ только семь тысячелѣтій, по истеченіи которыхъ (по нашей эрѣ—въ 1492 г.) наступитъ второе пришествіе Христа и будетъ произведенъ страшный судъ.

Библіографія. *В. Успенскій*. Толковая Палея, въ приложеніи къ „Православному Собесѣднику". Казань. 1876.—*Андрей Поповъ*. Книга бытія небеси и земли (Палея историческая). „Чтенія Моск. Общ." 1881. Кн. I. — *Ив. Ждановъ*. Палея („Сочиненія". Т. I. Спб. 1904). -*В. Вревскій*. Русская историческая Палея („Филол. Зап.". 1888. Вып. 2).—*В. Истринъ*. Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. Спб. 1898.—*В. Истринъ*. Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокри-

фическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ. М. 1897.

Суевѣрныя и гадательныя книги.

124. Суевѣрныя и гадательныя книги. Въ кодексъ запрещенныхъ книгъ занесены на ряду съ апокрифами книги суевѣрнаго и гадательнаго содержанія.

Эти книги суть слѣдующія:

1) «**Громникъ**». Въ этой книгѣ изложены предвидѣнія метеорологическія, хозяйственныя и политическія, дѣлаемыя на основаніи того, въ какомъ знакѣ зодіака загремитъ громъ. Если, напр., громъ загремитъ въ знакѣ тельца (въ апрѣлѣ), то пшеницѣ и четвероногимъ будетъ пагуба, въ восточныхъ странахъ будетъ голодъ, а въ западныхъ—недуги, царю, лютому для враговъ, будетъ смиреніе, другъ другу—заколеніе, въ царскихъ домахъ — велія радость; если громъ загремитъ въ знакѣ овна (въ мартѣ), то съ востока будетъ тля, а рати и тѣлесамъ—гибель.

2) «**Молніянинъ**». Въ этой книгѣ предвидѣнія дѣлаются на основаніи того, въ какіе дни ударитъ молнія. Если молнія ударитъ въ 10-й день мая, то будетъ голодъ, если—въ 20-й день іюня, будетъ мужемъ скорая пагуба; если молнія ударитъ въ 19-й, 24-й и 29-й день августа, то возстанутъ брани многія и будетъ зима лютая.

3) «**Колядникъ**». Колядникъ даетъ предсказанія на круглый годъ о состояніи погоды, здоровья, урожая на хлѣбъ, здоровья молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ и т. д. въ зависимости отъ того, въ какой день недѣли придется Рождество Христово. Если, напр., Рождество падетъ на воскресенье, то зима будетъ добрая, весна дождливая, жатва сухая, будетъ много меду и вина, юнымъ дѣтямъ пагуба, а скоту — падежъ; если Рождество придется на понедѣльникъ, то зима будетъ добрая, весна ведреная, затѣмъ обильные дожди, всему міру обиліе, великая смертность.

4) «**О часахъ добрыхъ и злыхъ**». Въ этомъ сочиненіи указывается, какіе изъ 24-хъ часовъ въ сутки добрые и злые и средніе. Первый и второй часы воскресенья—добры, третій—золъ, четвертый—средній, пятый—добръ, шестой—золъ, седьмой—средній и т. д.

5) «**О дняхъ добрыхъ и злыхъ**». Въ этой книгѣ указываются,

какіе дни мѣсяца добрые, злые и средніе. Первый день мѣсяца съ утра золъ, второй — посреди золъ, седьмой — весь золъ и т. д. Указанія этой книги заключаются такимъ наставленіемъ: «Смотри, съ испытаніемъ исчисляй и познавай, въ какомъ зодіи (знакѣ зодіака) луна—добромъ, зломъ или среднемъ: если въ добромъ, въ таковый день можно все дѣлать; если въ зломъ—ничто же подобаетъ творити».

6) **«О дняхъ лунныхъ»**. Въ этой книгѣ указываются счастливые и несчастливые, относительно рожденія человѣка и его занятій, лунные дни. Указанія выводятся изъ совпаденія даннаго дня съ какимъ нибудь библейскимъ событіемъ. Такъ, напр., въ первый день луны былъ сотворенъ Адамъ; поэтому тотъ день для всего пригоденъ—купить, продавать, по водѣ плавать, сѣять и садить, стричь волосы, которые отростутъ тонко и гладко, кроить платье, строить домъ; въ этотъ день потерянное скоро отыскивается, недужный исцѣляется, родившіеся мужского пола будутъ веселы, на все разумны, мудрые книжники, а женскаго пола—честны и вѣрны своимъ мужьямъ. Въ третій день луны Каинъ родился; поэтому день тотъ золъ и лютъ осужденнаго ради Каина; отъ всего надо беречься: не должно ни покупать, ни продавать, ни сѣять, ни садить: если свадьбу сдѣлать, скоро разлучатся. Въ четвертый день луны родился Авель; поэтому день этотъ добръ на все: землю дѣлать, по водѣ плавать, или храмъ строить, пиръ чинить, дѣтей на ученіе давать. Въ четырнадцатый день луны смѣшались языки у строителей столпа; въ этотъ день хорошо чинить глиняные сосуды, строить печи; кто родится въ этотъ день, будетъ многолѣтенъ, языченъ, образенъ на бесѣду...

7) **«Астрологія» и «Звѣздочтецъ»**. Въ книгахъ съ такими заглавіями излагаются указанія на счастливые и несчастливые годы, объясняются знаки зодіака и счастливое или несчастливое расположеніе звѣздъ и планетъ. Вотъ, что сообщается о двоюнадесяти зодіакальныхъ знакахъ: «Верху седьмого небеси есть планитское коло (кругъ), идѣже суть дванадесять нелестныя (необманчивыя) звѣзды, имъ же имена суть сіи (перечисляются названія зодіакальныхъ знаковъ). Сія дванадесять нарекутся звѣзды нельстивыя, занеже не прельщаютъ насъ, якоже планиты, но паче знаменія, безъ льщенія отъ нихъ бываютъ въ мірѣ; зодіи глаголются, за еже жизненный путь имутъ всѣмъ человѣкомъ; домове нарекутся, занеже

исходятъ и входятъ въ нихъ планиты». Въ другомъ мѣстѣ говорится о небѣ, единомъ по существу, но девятеричномъ по числу: первое небо—по образу вѣка, иже преже сотворенія міру; второе — по образу вѣка, иже по воскресеніи и судѣ; седмь другихъ небесъ по образу седмихъ вѣкъ міра: Вотъ примѣръ предсказанія на сентябрь, знакъ котораго—яремъ (вѣсы), изъ «Звѣздочетца»: «Зима не студена, ни тепла, весна добра, лѣто знойно, осень ведрена; аще увидиши 7 звѣздъ, тогда будетъ красно и добро, и тишина велика; аще узриши 7 звѣздъ, полнымъ свѣтомъ стояще, тогда будетъ всей земли потрясеніе, скоту рогату великъ падежъ; а кто родится въ тое звѣзду, будетъ торговецъ, ростомъ средній, обычаемъ супругъ, скупъ, хитеръ и остроуменъ на всякое дѣло».

8) «Волховникъ». Подъ «Волховникомъ» разумѣется книга, излагающая всякаго рода примѣты. Она распадается на слѣдующія части: *а) «Вороноврай»* (примѣты и гаданія по крику вороновъ), *б) «Курокликъ»* (примѣты по крику пѣтуховъ), *в) «Птичникъ»* (гаданія по крику и полету птицъ), *г) «Трепетникъ»* (примѣты по дрожанію мышцъ или вообще частей тѣла), *д) «Сносудецъ»* (сонникъ), *е) «Путникъ»* (примѣты о добрыхъ и злыхъ встрѣчахъ), *ж) «Зелейникъ»*, *«Травникъ»*, *«Цвѣтникъ»*, *«Лѣчебникъ»* (описаніе волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ, заговоры противъ болѣзней).

9) «Чаровникъ». Чаровникъ состоитъ изъ сказаній объ оборотняхъ.

10) «Рафли». «Рафли»—астрономическая книга, въ которой разсматривается вліяніе звѣздъ на жизнь человѣка.

Библіографія. *В. Н. Перетцъ*. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. Спб. 1899.—*В. Н. Перетцъ*. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи Лунника. Спб. 1901.—*М. Н. Сперанскій*. Изъ исторіи отреченной литературы. I. Гаданія по Псалтири. Тексты гадательной псалтири и родственныхъ ей памятниковъ и матеріалъ для ихъ объясненія. Спб. 1899.—*М. Н. Сперанскій*. Изъ исторіи отреченной литературы. II. Трепетникъ. Спб. 1899.—*Ѳ. Керенскій*. Древнерусскія отреченныя вѣрованія и Календарь Брюса. („Ж. М. Н. П.“ 1874).

Сборники.

125. О сборникахъ. Кромѣ сборниковъ, упомянутыхъ при обзорѣ сочиненій св. отцовъ и учителей церкви, боль-

шое значеніе имѣли у насъ слѣдующіе сборники: 1) «Пчела» и 2) «Изборники Святослава».

126. «**Пчела**». Большою популярностью у насъ пользовались сборники, извѣстные подъ именемъ «Пчелъ». Эти сборники состоятъ изъ краткихъ изреченій или афоризмовъ, выбранныхъ изъ св. Писанія, сочиненій отцовъ церкви и даже свѣтскихъ писателей греко-римской языческой древности и касающихся разныхъ вопросовъ нравственной и обыденной жизни. Первый сборникъ такого рода составленъ былъ преподобнымъ Максимомъ Исповѣдникомъ († 662 г.) подъ заглавіемъ «Главы богословскія, или выборъ изъ писателей нашихъ (христіанскихъ) и внѣшнихъ (языческихъ)». Св. Іоаннъ Дамаскинъ составилъ два такихъ сборника, подъ заглавіемъ «Священныя подобы» (т. е. сходныя по содержанію мѣста), причемъ матеріалъ распредѣленъ по предметамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Монахъ Антоній (XI в.) составлялъ такого же рода сборникъ подъ именемъ «Пчела» (по-гречески Мéлисса); названіе это дано было для характеристики сборника: подобно тому, какъ пчела собираетъ медъ со множества разнообразныхъ цвѣтовъ, такъ и монахъ Антоній трудолюбиво собиралъ мѣткіе афоризмы и изреченія изъ сочиненій разныхъ авторовъ. У Антонія изреченій изъ свѣтскихъ писателей меньше, чѣмъ у Максима Исповѣдника.

Славянскій сборникъ «Пчела» представляетъ соединеніе сборниковъ Максима Исповѣдника и монаха Антонія. Матеріалъ раздѣленъ на главы по предметамъ, напр.: о добродѣтели и злобѣ, о мудрости, о чистотѣ и цѣломудріи, о правдѣ, о богатствѣ и убожествѣ, о благодати, о милостынѣ, о власти и княженіи, о лжи и клеветѣ и пр. Изреченія, касающіяся одного какого-нибудь предмета, распредѣляются другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ: сначала помѣщаются цитаты изъ Евангелія, Апостола, Ветхаго завѣта, преимущественно изъ Притчей, Экклезіаста, Сираха, затѣмъ изъ отцовъ и учителей церкви и, наконецъ, изъ древнихъ языческихъ писателей и вообще знаменитыхъ людей, а именно изреченія и афоризмы Плутарха, Демокрита, Діогена, Исократа, Менандра, Геродота, Эврипида, Пиѳагора, Демосѳена, Сократа, Ксенофонта, Аристотеля, Катона, Эпикура и др. Примѣры изреченій изъ языческихъ писателей: «ни коня безъ узды возможно есть держати, ни богатства безъ ума»

(Пиѳагоръ); «мудра дума паче многихъ рукъ, мудрый паче крѣпкаго» (Діодоръ); «лукавіи мужи, аще и благою рѣчію совѣщаютъ, нрава дѣля (ради) невѣрни суть» (Плутархъ). Иногда въ «Пчелѣ» помѣщаются басни и даже разсказы.

Примѣръ басни: «Волкъ, видѣвъ пастуха ѣдущи чужи овци отаи (скрытно) въ кучѣ (въ хижинѣ), и рече: о, колико бысте голкы (шуму) съставили, оже быхъ то я сотворилъ!»

«Пчела» давала древнерусскимъ читателямъ и писателямъ возможность щеголять афоризмами и изреченіями и дѣлать ссылки на писателей, сочиненій которыхъ они и не читали.

Многія изреченія, помѣщенныя въ «Пчелѣ», вошли въ пословицы, и наоборотъ, въ позднѣйшіе списки «Пчелы» помѣщаются иногда на ряду съ изреченіями изъ упомянутыхъ источниковъ наши устныя пословицы.

127. «Изборники» Святослава. Съ именемъ Святослава Ярославича, князя Черниговскаго, связаны два сборника: «Изборникъ 1073 г.» и «Изборникъ 1076 г.»

«Изборникъ» 1073 г. представляетъ переводъ греческаго сборника начала X в., сдѣланный для болгарскаго царя Симеона (§ 17) и переписанный для Святослава. По содержанію своему онъ очень разнообразенъ. Въ немъ помѣщены извлеченія изъ сочиненій отцовъ церкви и другихъ писателей на богословскія темы, напр., «Исповѣданіе вѣры» св. Никифора, патріарха константинопольскаго, «Отвѣты» Анастасія Синаита на предложенные вопросы, поученіе о злой женѣ—открывокъ изъ поученія Златоуста; на историческія темы, какъ, напр., «Лѣтописецъ вкратцѣ» патріарха Никифора, въ которомъ изложены историческія событія отъ Августа до Константина; на темы философскія, Максима Исповѣдника и Ѳеодора пресвитера Раиѳскаго, напр., статьи о естествѣ, количествѣ, качествѣ, различіи; по вопросамъ теоріи словесности («реторики»), Георгія Херобоска, какъ, напр., статья о пріемахъ изображенія и выраженія, «о образѣхъ», т. е. о тропахъ и фигурахъ, изъ которыхъ разсмотрѣны 97; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: инословіе (аллегорія), преводъ (метафора), спріятіе (синекдоха), изобиліе (плеоназмъ), лицетворье (олицетвореніе), отъименіе (метонимія), поруганіе (иронія). Примѣръ объясненія аллегоріи (инословія): «Инословіе убо есть ино нѣчто глаголющи, и инъ разумъ указующи, яко еже речено отъ Бога къ змію: проклятъ и ты отъ всѣхъ звѣрій; слово бо

яки зміи есть, на діавола же ино реченѣ (сказано) зміемъ нарицаема, разумѣваемъ».

Рукопись «Изборника» 1073 г. представляетъ и замѣчательный памятникъ древней рукописной живописи: на первомъ мѣстѣ изображенъ князь Святославъ съ семьей; на второмъ мѣстѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, держащій въ лѣвой рукѣ евангеліе, и правою—благословляющій, по обѣимъ сторонамъ Христа изображены два павлина; на третьемъ мѣстѣ изображенъ храмъ съ тремя куполами, на аркѣ—ликъ Спасителя, а по сторонамъ храма павлины и другія птицы.

По серьезности содержанія «Изборникъ» 1073 г. представлялъ большія трудности для древней читающей публики.

Легче былъ по содержанію «Изборникъ 1076 г.». Въ составъ его вошли статьи религіозно-нравственнаго характера: краткія толкованія св. Писанія, статьи о молитвѣ, о постѣ, о чтеніи книгъ, «Поученія дѣтямъ» Ксенофонта и Ѳеодоры.

Библіографія. *Сухомлиновъ.* О сборникахъ подъ названіемъ Пчелъ („Извѣстія II Отд. Акад. Н.“ Гл. II. 1853. — *П. Безсоновъ.* Книга Пчела, памятникъ древней русской словесности, переведенный съ греческаго. („Временникъ Моск. Общ. истор. и древн.“ Кн. XXV. 1857).—*В. Семеновъ* Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Спб. 1893.—*В. Семеновъ.* Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ („Чтенія Моск. Общ. ист. и древн.“ 1895. Кн. II).

Переводная беллетристика.

128. О переводной беллетристикѣ. Переводная беллетристика состояла изъ повѣстей, возникшихъ въ Византіи или на Востокѣ и попавшимъ къ намъ въ переводахъ, сдѣланныхъ по преимуществу въ Болгаріи и позже въ Сербіи. Эти повѣсти, имѣющія характеръ чисто свѣтскій или полусвѣтскій, полуцерковный, или даже чисто церковный, суть слѣдующія: романъ «Александрія», сказаніе «О Троянской войнѣ», поэма «Девгеніево дѣяніе», «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ», «Сказаніе о бѣломъ клобукѣ», «О Синагриппѣ и его совѣтникѣ Акирѣ», «Чудо св. Николы о Синагриппѣ царѣ», «Стефанитъ и Ихнилатъ», романъ «Варлаамъ и Іоасафъ», «Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ».

129. Романъ «Александрія». Личность Александра Македонскаго, создавшаго огромную имперію, послужила предметомъ многочисленныхъ сказаній, образовавшихъ съ теченіемъ времени романъ, подъ заглавіемъ «Александрія»

(около 200 г. послѣ Р. Х.) Составленіе этого романа неправильно приписывалось племяннику Аристотеля, Каллисѳену, сподвижнику Александра Македонскаго: Каллисѳенъ умеръ раньше Александра и не могъ, конечно, составить этотъ романъ. Поэтому неизвѣстный авторъ первоначальной редакціи «Александріи» условно называется Псевдо-Каллисѳеномъ, т. е. ложнымъ Каллисѳеномъ.

Романъ «Александрія» сдѣлался на многіе вѣка весьма популярнымъ произведеніемъ на Востокѣ, на Западѣ и у насъ. Въ началѣ IV в. онъ переводится на латинскій языкъ Юліемъ Валеріемъ, а въ V—VI вв.—на армянскій. Романъ проникъ затѣмъ и въ мусульманскія страны, гдѣ герой его подъ именемъ «Искандера» обратился въ національнаго мусульманскаго героя.

«Александрія» привлекала читателей, во-первыхъ, элементомъ чудеснаго, обильно разсыпаннымъ по всему роману, во-вторыхъ, обиліемъ афоризмовъ, изреченій, которые были такъ любимы въ среднихъ вѣкахъ, въ третьихъ, симпатичнымъ образомъ героя, выступавшаго идеаломъ душевной и тѣлесной красоты.

У христіанскихъ народовъ образъ Александра Македонскаго пріобрѣтаетъ въ «Александріи» христіанскую окраску.

Содержаніе «Александріи» таково.

Когда Дарій, царь персидскій напалъ на Египетъ, царемъ его былъ волхвъ Нектанебъ. Благодаря чарованіямъ Нектанебъ узналъ, что потерпитъ пораженіе, и потому рѣшилъ тайно убѣжать изъ своего царства. Онъ оставилъ египетскому народу «рукописаніе», въ которомъ сообщилъ, что удаляется отъ нихъ, чтобы не быть свидѣтелемъ ихъ горя, но черезъ 30 лѣтъ вернется къ нимъ юнымъ и сильнымъ и покоритъ ихъ враговъ персовъ.

Изъ Египта Нектанебъ отправляется въ Македонію, гдѣ выдаетъ себя за врача и звѣздочета. Въ это время въ Македоніи царствовалъ Филиппъ. У его жены, прекрасной Олимпіи, не было дѣтей, о чемъ Филиппъ очень горевалъ. Отправляясь однажды въ походъ, Филиппъ замѣтилъ ей, что, если до его возвращенія у ней не будетъ сына, его сердце отвернется отъ нея. Послѣ отъѣзда Филиппа Олимпіада, не зная, что дѣлать, рѣшила обратиться за помощью къ врачу-волхву Нектанебу. Нектанебъ, пораженный ея красотой, сообщилъ

ей, что сами боги хотятъ посѣтить ее, и она наречется матерью великаго царя. Къ Олимпіадѣ является Нектанебъ въ образѣ бога Аммона, у котораго была орлиная голова, василисковы рога, хвостъ аспида, ноги льва, золотыя и червленыя крылья грифа. Когда у Олимпіады родился сынъ, которому дано было имя Александръ, оракулъ предсказалъ, что онъ будетъ великъ благочестіемъ и разумомъ, что онъ сдѣлается царемъ всего міра, что онъ убьетъ отца своего и на сороковомъ году жизни вернется къ матери своей— землѣ.

Вернувшись изъ похода, Филиппъ обрадовался рожденію сына. Онъ отдалъ его на обученіе Аристотелю и Нектанебу. Первый проходитъ съ нимъ произведенія Гомера, второй обучаетъ его астрологіи. Согласно предсказанію оракула Нектанебъ, отецъ Александра, падаетъ отъ руки своего сына.

Александръ уже рано обнаруживаетъ необыкновенныя способности: добываетъ чуднаго вологлаваго коня (Букефала), ведетъ войну съ куманами (скиѳами) и т. д.

По смерти Филиппа Александръ совершаетъ рядъ походовъ. Онъ осаждаетъ Аѳины, въ главѣ которыхъ въ то время стояли 12 мудрецовъ. Изъ нихъ Діогенъ перешелъ на сторону Александра и научилъ его взять города хитростью. Взявъ Аѳины, Александръ поджегъ ихъ. Сгорѣлъ и храмъ съ богами. По этому поводу Александръ замѣтилъ, что, если бы боги въ самомъ дѣлѣ были богами, они сумѣли бы сохранить себя отъ огня. Когда Александръ выразилъ чувство радости по случаю побѣды и чувство сожалѣнія о пролитіи аѳинской крови, Діогенъ замѣтилъ: «Тяжко тѣмъ, кто не пріемлетъ совѣта мудрыхъ: научи неразумнаго, и онъ тебя возненавидитъ; дай мудрому забаву, мудрѣе будетъ».

Паденіе Аѳинъ возбудило всеобщее вниманіе и сожалѣніе у греческихъ царей. Узнавъ объ этомъ, Александръ замѣтилъ: «головы не разбивъ, мозгу не достать».

За Аѳинами наступила очередь Рима. Римляне, знавшіе уже объ участи Аѳинъ, изъявили Александру покорность и вышли къ нему съ дарами, въ числѣ которыхъ были 12 одеждъ Соломона и его вѣнецъ стемма (повязка на головѣ) царицы южской Сивиллы, оружіе Париса и Аякса и пр.

Послѣ этого Александръ начинаетъ подготовлять походъ на восточныя страны. Дарій посылаетъ ему грозное посланіе. Но оно не останавливаетъ Александра. Прежде всего

Александръ направляется на Іерусалимъ, которымъ въ то время управлялъ пророкъ Бога Саваоѳа Іеремія. Іереміи во снѣ является Давидъ, который извѣщаетъ его о приближеніи избавителя отъ персидскаго ига. Александръ, узнавъ, что евреи вѣруютъ въ единаго Бога, творца неба и земли, замѣчаетъ, что онъ признаетъ этого Бога, и не беретъ съ евреевъ дани.

Изъ Іерусалима Александръ идетъ на Египетъ. Египтяне подкупаютъ врача Александра, Филиппа, чтобы онъ отравилъ царя. Филиппъ отказывается. Тогда египтяне посылаютъ Александру письмо съ сообщеніемъ, что врачъ злоумышляетъ на его жизнь. Врачъ выпиваетъ половину лѣкарственнаго зелья, приготовленнаго для Александра, и обвиненіе египтянъ разсѣивается. Египтяне умоляютъ Александра о помилованіи: «Помилуй насъ, царь Александръ, нашего царя Нектанеба сынъ: старымъ онъ удалился, молодымъ вернулся». Они сообщаютъ Александру предсказаніе Нектанеба и знаменіе, по которому его можно узнать: надъ кѣмъ сорвется вѣнокъ, находящійся въ рукѣ статуи Нектанеба, и на чью голову онъ упадетъ, тотъ и есть помолодѣвшій вернувшійся Нектанебъ. Чудо съ вѣнкомъ совершается надъ Александромъ.

Изъ Египта Александръ идетъ на востокъ на Дарія, который съ войсками поджидаетъ его на Евфратѣ. Дарій, несмотря на помощь индійскаго царя Пора, терпитъ пораженіе. Онъ, считавшій себя прежде богомъ, разувѣрился въ своемъ счастіи: «кто неправедно сѣетъ, съ плачемъ пожнетъ; кто много повышается, много пониженъ будетъ». Находясь при смерти, Дарій утѣшается мыслью о томъ, что его дочь Роксана выйдетъ замужъ за Александра. Дѣйствительно, послѣ полной побѣды надъ Даріемъ Александръ женится на Роксанѣ.

Жажда завоеваній увлекаетъ Александра дальше, на востокъ. Передъ нимъ открывается рядъ чудесъ и диковинокъ: люди съ собачьими головами, люди съ птичьими головами, безголовые съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, шестиногіе, шестирукіе, одноглазые, великаны, пигмеи, дикія женщины, чудовищные муравьи и раки и т. д. Чѣмъ шире становится область завоеванія, тѣмъ чаще попадаются Александру памятники былого могущества, напоминающіе о бренности и непрочности земного могущества и смерти. Надпись въ

городѣ Солнца предвозвѣщаетъ Александру преждевременную смерть.

Далѣе въ романѣ излагается побѣда надъ индійскимъ царемъ Поромъ, надъ амазонками, надъ нечестивыми народами Гогъ и Магогъ, которыхъ онъ затворилъ за двумя горами на сѣверѣ.

Узнавъ объ оригинальной жизни нагихъ мудрецовъ рахмановъ (браминовъ), Александръ отправляется въ ихъ страну. По дорогѣ онъ видитъ много чудеснаго. Такъ, онъ видѣлъ страну, гдѣ рождается перецъ. «Въ одномъ мѣстѣ въ Индіи живутъ люди малые и худосильные. Живутъ они въ каменныхъ пещерахъ, окруженныхъ высокими стѣнами, по которымъ тѣ люди лазятъ. И ростутъ тамъ деревца малыя, на которыхъ рождается перецъ. Когда перецъ созрѣетъ, испекается отъ солнца. Тогда тѣ люди, вышедши изъ пещеръ, раскладываютъ солому и хворостъ и жгутъ ихъ. А земля ихъ полна зміевъ и всякаго гада; отъ того огня весь гадъ скрывается въ ямы. Тогда зажигаютъ тѣ люди огонь и на ямахъ, и отъ огня и дыму весь гадъ подохнетъ. Тогда всѣ тѣ жители—мужи, жены и дѣти — отрясаютъ деревья, собираютъ перецъ и уносятъ его въ пещеры. И ничего другого тѣ люди не дѣлаютъ, но перцемъ все покупаютъ. Измаильтяне возятъ къ нимъ пшеницу и промѣниваютъ на перецъ. А люди тѣ низки ростомъ и съ огромными головами, волоса имѣютъ великіе и не стригутъ ихъ; цари же ихъ служатъ индійскому царю. Сквозь ту землю идетъ рѣка, нарицаемая Индосъ, и однажды въ годъ покрываетъ всю ту землю. Въ рѣкѣ той берутъ камень измарагдъ и самфиръ и карвункулосъ. Послѣдній — господинъ всѣмъ камнямъ: въ ночи свѣтитъ. И топазій есть камень: это—гнѣздо карвункулосу. Топазій желтъ, а въ немъ ядро червленное, будто уголь горящій: онъ то и свѣтитъ въ ночи. Есть и другіе многіе камни дорогіе и бисеръ. Оттуда пошелъ Александръ на великій островъ Прованскій. На этомъ островѣ живетъ великій царь Индійскій, которому подвластны всѣ прочіе владѣтели. И прилежатъ къ тому острову до тысячи другихъ острововъ. Никто туда входить не можетъ, потому что тамъ есть желѣзная матица (магнитъ), которая привлекаетъ къ себѣ желѣзо. Поэтому корабли дѣлаютъ тамъ съ деревянными гвоздями. На томъ острову — пять рѣкъ, и никогда не бываетъ

онъ безъ овощей. Въ одно и то же время одинъ цвѣтетъ, другой ростетъ, тотъ зрѣетъ, а тотъ мякнетъ. Есть тамъ и финики, и орѣхи великіе индійскіе, какъ дыни, дорогіе камни и жемчугъ, и бисеръ, и золото; и нѣтъ тамъ убогихъ: всѣ богаты; есть тамъ и птицы райскія. А люди живутъ по 150 лѣтъ... Тамъ исходитъ изъ Эдема рѣка едина и раздѣляется на четыре начала: Фисонъ, Нилъ, Тигръ и Евфратъ... Въ пустыняхъ водится много слоновъ; а ловятъ ихъ такъ: имѣетъ слонъ ноги несгибающіяся и спитъ, прислонясь у дерева: ловцы, усмотрѣвъ слона, подпиливаютъ дерево пилою; тогда слонъ упадетъ и не можетъ встать, и такъ его ловятъ. И иныя многія мѣста проходилъ Александръ и видѣлъ различныхъ людей и животныхъ. И видѣлъ горы, изъ которыхъ многими мѣстами исходитъ огонь. Въ томъ огнѣ рождаются и живутъ черви, именуемые саламандрами. Эти черви источаютъ нити, какъ шелкъ; изъ тѣхъ нитей жены ткутъ полотно и приготовляютъ одежды. Когда одежды загрязнятся, ихъ не моютъ, а бросаютъ въ огонь и вынимаютъ изъ него чистыми»...

Наконецъ, Александръ достигаетъ страны рахмановъ. Рахманы, узнавъ, что пришелъ къ нимъ Александръ, послали къ нему писаніе слѣдующаго содержанія: «Если идешь къ намъ биться, то ничего у насъ не найдешь. Мы — люди нагіе и ничего не имѣемъ, но въ любомудріи обыкши жить, сотворены отъ Вышняго промысла». Прочитавъ это посланіе, Александръ умилился и, перейдя рѣку Гангисъ, вошелъ въ страну рахмановъ. «И видѣлъ дерева прекрасныя въ множествѣ всякими плодами украшенныя. Рѣка обходила всю ихъ землю; а вода въ ней сладка и свѣтла, и бѣла, будто молоко. И росли финики многіе и очень плодовитые, и виноградныя лозы, изъ которыхъ на каждой до тысячи гроздій. Сами же рахманы, обнаженные, живутъ въ кущахъ и вертепахъ, мужья по одну сторону Гангиса, и жены съ дѣтьми по другую, будто стада на паствѣ». Александръ удивился жизни рахмановъ и сталъ спрашивать, есть ли у нихъ города. Рахманы отвѣтили: «Вотъ нашъ городъ: здѣсь отдыхаемъ мы на землѣ, здѣсь пріемлемъ сонъ, потому что земля насъ рождаетъ, земля питаетъ, въ землю же и ляжемъ мы по скончаніи, въ чаяніи воскресенія отъ горняго Промысла». Александръ спросилъ у рах-

мановъ, что такое премудрость. Они отвѣтили ему: «Нѣтъ никакой премудрости въ томъ, чтобы убивать человѣка, но разбойническое дѣло; мужество же есть не человѣку противиться, но воздуху обнаженнымъ тѣломъ, удерживаться отъ похотей чрева и не быть побѣжденнымъ отъ него страстями, не желать славы и богатства тлѣннаго. Вотъ, что побѣда, Александръ! Вотъ, что убей! И если все это побѣдишь, нѣтъ тебѣ нужды съ внѣшними врагами боботься. Если внутренними врагами побѣждаемъ бываешь, нѣтъ тебѣ пользы внѣшнихъ побѣждать. Вотъ мы, рахманы, внутреннія рати побѣдивши, со внѣшними не боремся, листіемъ облачаемся, плоды ѣдимъ, воду пьемъ и Богу славу воспѣваемъ, желая будущихъ благъ: мало говоримъ, много смыслимъ. У васъ умъ языкъ есть и при устахъ—смыслъ. Золото и серебро собираете; дома и великіе города имѣете; ѣдите и пьете, какъ скоты нечистые, и великихъ звѣрей гнѣвъ имѣете». Умиленный мудростью рахмановъ, Александръ свидѣлся съ ихъ старѣйшиной, имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду и многому отъ него научился.

Наконецъ, Александръ готовится идти въ Вавилонъ. Является ему во снѣ пророкъ Іеремія, который возвѣщаетъ, что наступаетъ сороковой годъ, когда тѣло его должно вернуться въ землю, откуда оно взято. Съ этого времени мысль о смерти не покидаетъ Александра даже во время веселыхъ празднествъ въ Вавилонѣ. Александръ умираетъ отравленный. Роксана, разодравъ свое платье, оплакиваетъ Александра: «О Александре, всего свѣта царю и храбрый господине, премудрый во человѣцѣхъ! Не зриши ли мене, поне въ чужей земли оставилъ мя еси, а самъ, яко солнце, съ солнцемъ подъ землю зашелъ еси? О небо, солнце, луна и вся звѣзды! Дряхлымъ образомъ срыдайте ми плачъ! О земле и основаніе вѣчныхъ утвержденій, горы же и холмы! Плачитеся со мною днесь и поточите источници слезъ, дондеже езера наполнятся и горы напьются пелыни, ибо и горести всякія горчайши мнѣ зѣло днесь»!

Роксана убиваетъ себя надъ тѣломъ Александра. Ее вмѣстѣ съ Александромъ хоронятъ въ золотыхъ ковчегахъ, поставленныхъ на столбахъ, и до сихъ поръ стоящихъ,—по словамъ романа,—въ Александріи.

130. Сказаніе «О Троянской войнѣ». Сказаніе о Троян-

ской войнѣ извѣстно въ рукописяхъ подъ заглавіемъ «Притча о кралехъ». Это сказаніе возникло не на основаніи поэмъ Гомера, а на позднѣйшихъ преданіяхъ, связанныхъ съ именами Диктиса и Дарета. Диктисъ былъ грекъ съ острова Крита, спутникъ Идоменея. Онъ, будто бы, описалъ Троянскую войну; и его описаніе долго оставалось въ неизвѣстности. При Неронѣ произошло однажды землетрясеніе, вслѣдствіе котораго раскрылась могила Диктиса, въ которой хранилось его произведеніе. Сотвѣтственно своему происхожденію Диктисъ симпатичными чертами изображаетъ греческихъ героевъ и называетъ варварами троянцевъ, которые ругаются надъ трупами враговъ. Сказаніе Диктиса сохранилось въ латинскомъ переводѣ. Съ противоположной точки зрѣнія излагаетъ Троянскую войну Даретъ, который былъ троянскимъ жрецомъ Гефеста и написалъ фригійскую Иліаду: онъ сочувственными чертами изображаетъ троянцевъ. Сказаніе Дарета пользовалось особенною популярностью у западно-европейскихъ народовъ, возводившихъ свое культурное начало къ Риму, а черезъ Римъ къ Энею и Троѣ. Это сказаніе сохранилось въ латинскомъ переводѣ съ именемъ Корнелія Непота. Сказанія о Троянской войнѣ имѣются въ хроникахъ Малалы и Манассіи, переведенныя на древнеболгарскій языкъ.

Сказанія и Диктиса, и Дарета не представляютъ такой поэтической обработки сюжета, какъ «Александрія»: это сжатый перечень событій, свидѣтелями которыхъ будто бы были Диктисъ и Даретъ.

Въ «Притчѣ о кралехъ» въ началѣ описывается Троянская мѣстность и излагается родословная троянскихъ царей до Пріама, затѣмъ идетъ самый разсказъ. Гекуба видитъ зловѣщій сонъ: сынъ, который у нея родится, будетъ причиной гибели Трои. Чтобы предотвратить эту участь, родившагося мальчика, Париса (Парижъ), забрасываютъ. Онъ воспитывается пастухами. На свадьбѣ Пелея Парисъ рѣшаетъ споръ трехъ богинь въ пользу Венеры, которая обѣщаетъ ему прекрасную Елену. Кассандра, вѣщая пророчица троянская, предостерегаетъ Париса отъ поѣздки къ царю Менелаю. Но онъ не слушается этихъ предостереженій, отправляется въ Грецію, объясняется Еленѣ въ любви и несмотря на предостереженіе Елены увозитъ ее въ Трою. Далѣе, со-

бытія отъ похода греческихъ царей и до смерти Полимнестора излагаются сжато и кратко. Оканчивается «Притча о кралехъ» слѣдующимъ выводомъ: «Такъ кончилось троянское кралевство... такъ Богъ смиряетъ возносящихся и сѣмя нечестивыхъ истребляетъ, какъ провозвѣстилъ пророкъ, говоря: я видѣлъ нечестиваго превозносящимся и высящимся и прошелъ мимо, и не нашлось его мѣсто, потому что Богъ праведенъ и любитъ правду, а пути нечестивыхъ истребляетъ и своею мышцею гордымъ противится, а право ходящимъ даетъ благодать и не лишаетъ добра ходящихъ не злобою». Этотъ выводъ, сдѣланный, вѣроятно, славянскимъ переводчикомъ, чисто внѣшнимъ образомъ привязанъ къ «Притчѣ» и внутренно съ нею совершенно не связанъ.

131. Поэма «Девгеніево дѣяніе». Девгеній, герой сказанія русско-славянской редакціи, соотвѣтствуетъ Василію Дигенису Акриту, герою византійской поэмы X в. Она состоитъ изъ 10 пѣсенъ, въ которыхъ разсказывается о происхожденіи Дигениса и изображаются его подвиги въ борьбѣ съ сарацинами на границахъ Византіи недалеко отъ Евфрата. Содержаніе ея таково.

У вдовы знаменитаго, въ царствованіи Ѳеодоры и Льва Мудраго, дѣятеля Андроника Дуки было пять сыновей и одна дочь, отличавшаяся замѣчательной красотой. Однажды, когда мать была въ церкви, а братья на охотѣ, аравійскій царь Амиръ (Эмиръ) похищаетъ красавицу. Мать посылаетъ въ догонку за Амиромъ сыновей. Братья отправляются и догоняютъ Амира. Они укоряютъ его за то, что онъ «татьбою» увезъ сестру, и требуютъ ея возвращенія. Амиръ, указывая на гору, сообщаетъ имъ, что тамъ лежитъ трупъ ихъ сестры, которая убита имъ. Братья ищутъ трупъ сестры и, не найдя его, возвращаются къ Амиру съ угрозами. Тогда Амиръ говоритъ имъ, что сестра ихъ жива, и онъ ее любитъ; изъ любви къ ней онъ готовъ отречься отъ Магомета и поселиться въ предѣлахъ имперіи. Братья, увидѣвшись съ сестрой, спросили ее, какъ обращался съ ней Амиръ. Сестра описала почтительное и безукоризненное поведеніе Амира и заявила, что, если Амиръ крестится, то лучшаго зятя имъ и не нужно, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились, и Амиръ, собравъ свои сокровища, отказался отъ царства и

уѣхалъ въ Византію. Амиръ принимаетъ крещеніе и вступаетъ въ бракъ, который торжественно отпразднованъ.

Мать Амира, узнавъ объ отъѣздѣ сына, посылаетъ ему письмо, въ которомъ укоряетъ его за измѣну вѣрѣ предковъ и требуетъ, подъ угрозой проклятія, вернуться назадъ. Амиръ рѣшается поѣхать увидѣться съ матерью и затѣмъ вернуться назадъ. Ему удается склонить мать принять христіанство, и она пріѣзжаетъ въ Византію съ сыномъ.

У Амира рождается сынъ Василій, получившій названіе Дигениса (двоюродный, т. е. отъ отца-сарацина и матери-гречанки), въ русско-славянскихъ переводахъ—Девгенія. Дигенисъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ очень рано совершаетъ на охотѣ рядъ подвиговъ, приводящихъ въ восхищеніе его отца и дядей. Его красота поразительна.

Когда воспитаніе Дигениса окончилось, Амиръ исключительно отдается подвигамъ благочестія, а Дигенисъ дѣлается начальникомъ палликаровъ, сталкивается съ апелатами-разбойниками, и его имя скоро пріобрѣтаетъ извѣстность и наводитъ страхъ.

Въ это время до Дигениса донеслись слухи о красотѣ Евдокіи, дочери стратига Дука. Дигенисъ почувствовалъ къ Евдокіи любовь. Стратигъ Дуки не хочетъ отдавать своей дочери за Дигениса. Тогда Дигенисъ, съ согласія Евдокіи, похищаетъ ее. Дука посылаетъ за нимъ въ погоню своихъ сыновей. Дигенисъ сражается съ ними и выбиваетъ ихъ изъ сѣдла. Дука вынужденъ согласиться на бракъ дочери съ Дигенисомъ. Брачныя празднества продолжаются три мѣсяца. Вся природа принимаетъ участіе въ торжествѣ: земля расцвѣла отъ веселья, горы пляшутъ, скалы поютъ, рѣки замедлили свое теченіе.

Послѣ свадьбы Дигенисъ отправляется съ женой къ границамъ для ихъ защиты. Онъ совершаетъ множество подвиговъ въ борьбѣ съ богатырями и звѣрями и получаетъ прозвище Акрита (непобѣдимаго). Онъ борется съ дракономъ, напавшимъ на Евдокію, поражаетъ льва, принимаетъ поединокъ съ тремя предводителями апелатовъ-разбойниковъ и побѣждаетъ всѣхъ. Одинъ изъ предводителей, Филопаппъ, призываетъ противъ Дигениса воинственную дѣвушку Максимо, происходившую отъ амазонокъ. Въ поединкѣ Дигенисъ побѣждаетъ Максимо. По просьбѣ Максимо

поединокъ возобновляется на слѣдующій день. Максимо является въ роскошной одеждѣ, въ золотомъ панцырѣ и на бѣлоснѣжномъ конѣ. Дигенисъ ранилъ Максимо въ пальцы правой руки, и она роняетъ свой мечъ. Максимо предлагаетъ Дигенису свою любовь. Дигенисъ измѣняетъ своей жемѣ. Жена, подозрѣвая, почему ея мужъ долго не возвращался послѣ второго поединка съ Максимо, прощаетъ проступокъ мужа и опасается только Божьяго правосудія надъ нимъ. Дигенисъ не рѣшается сознаться передъ женой въ своемъ проступкѣ и успокаиваетъ ее: «Максимо была ранена: я перевязалъ ея руку. Вотъ почему я замѣшкался, душистое мое яблоко, потому что не хочу прослыть убійцей женщинъ».

Въ послѣднихъ пѣсняхъ поэмы изображается жизнь Дигениса въ его прекрасномъ дворцѣ на берегу Евфрата, описывается смерть его отца, матери и его собственная смерть. Жена не пережила смерти своего мужа.

Русско-славянская редакція поэмы имѣетъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ греческой: во-первыхъ, историческая, географическая и генеалогическая сторона поэмы въ русско-славянской редакціи стерта, и поэма приняла характеръ сказки, дѣйствіе которой совершается за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ: даже отдѣльныя подробности носятъ сказочный характеръ; такъ, мать Амира не грамоту шлетъ своему сыну, а посылаетъ трехъ сарацинъ, которые должны увезти обратно царя съ любимой имъ дѣвушкой; даетъ она имъ три вѣщія книги и трехъ коней: одинъ конь - вѣтреница, другой - громъ, третій - молнія; сарацины, выведя Амира, сядутъ на вѣтреницу, и никто не въ состояніи будетъ увидѣть ихъ; когда они войдутъ въ сарацинскую землю и сядутъ на громъ-коня, тогда всѣ аравитяне услышатъ объ этомъ; а когда сядутъ на коня-молнію, они станутъ невидимы въ греческой землѣ. Во-вторыхъ, отдѣльные эпизоды подверглись измѣненіямъ; такъ, напр., подвергся существеннымъ измѣненіямъ эпизодъ съ Максимо; побѣжденная Максимо умоляетъ Девгенія вступить съ нею въ бракъ: «тогда никто намъ обоимъ не будетъ въ состояніи противостоять»; но мудрый Девгеній, который, по русско-славянской редакціи еще не женатъ, посмотрѣлъ въ вѣщую книгу «о житіи своемъ и о смерти» и увидѣлъ тамъ, что, если онъ женится на Максимо, то проживетъ шестнадцать

лѣтъ, а если овладѣетъ Евдокіей, то проживетъ тридцать шесть лѣтъ; поэтому Девгеній отказывается отъ союза съ Максимо. Такимъ образомъ, элементъ романическій замѣненъ въ русско-славянской редакціи элементомъ религіозно-мистическимъ. Въ-третьихъ, опредѣленная въ греческой поэмѣ борьба грековъ съ сарацинами замѣняется въ русско-славянской редакціи борьбою православныхъ съ погаными вообще; готовясь къ битвѣ, христіанскіе герои поютъ ангельскую пѣснь; тамъ, гдѣ они стоятъ, сіяетъ солнце; гдѣ крутятъ Амира, тамъ, аки и тьма, темно.

Вѣроятно, русско-славянская редакція «Девгеніева дѣянія» имѣла своимъ источникомъ какую нибудь греческую или южно-славянскую переработку поэмы въ сказочномъ стилѣ съ христіанскимъ освѣщеніемъ.

132. «**Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ**». Въ основу этого сказанія легла идея о всемірной власти Византіи. Въ немъ разсказывается, какъ Навуходоносоръ-найденышъ, воцарившись въ Вавилонѣ, велѣлъ учинить «знаменіе змія» на всей городской утвари, на платьѣ, оружіи, знаменахъ, хоромахъ. Себѣ Навуходоносоръ сдѣлалъ мечъ-самосѣкъ, «аспидъ-змій», свойство котораго состояло въ томъ, что во время битвы онъ самъ вылеталъ изъ ноженъ и начиналъ безъ пощады рубить враговъ. Передъ своею смертью Навуходоносоръ завѣщалъ задѣлать мечъ въ городскую стѣну и заклиналъ не вынимать его до скончанія вѣка.

Сынъ Навуходоносора Василій, въ минуту опасности, побуждаемый вавилонянами, рѣшается прибѣгнуть къ помощи меча-самосѣка. Но едва мечъ-самосѣкъ былъ вынутъ изъ стѣны, какъ онъ выпорхнулъ изъ ноженъ, отсѣкъ голову царю и изрубилъ многихъ вавилонянъ; въ то же время зміи, изображенные на разныхъ предметахъ, внезапно сошли и пожрали всѣхъ вавилонянъ. Вавилонъ опустѣлъ, и въ немъ поселились дикіе звѣри и всевозможныя чудовища; вокругъ Вавилона разлегся чудовищный змѣй.

Много времени спустя послѣ этого греческій императоръ Левъ посылаетъ въ Вавилонъ трехъ пословъ, грека, обежанина и славянина съ цѣлью узнать, какъ лежатъ тамъ тѣла трехъ отроковъ—Ананіи, Азарія и Мисаила, и взять отъ нихъ знаменіе. Послы натыкаются на цѣлый рядъ чудесъ и опасностей, но въ Вавилонъ имъ удается проникнуть. Здѣсь они

поклонились мощамъ угодниковъ. Они хотѣли взять съ гробницы ихъ кубокъ съ миррой и ливаномъ и отнести къ царю, какъ знаменіе. Но въ это время послышался голосъ, приказавшій имъ идти въ царскія палаты и взять знаменіе оттуда. Войдя въ палаты, послы нашли два вѣнца—одинъ Навуходоносора — царя Вавилонскаго и «всея вселенныя», а другой—его супруги. При вѣнцахъ оказалась грамота на греческомъ языкѣ: въ ней сказано было, что этимъ вѣнцамъ надлежитъ быть на императорѣ Львѣ и его супругѣ. Послы взяли вѣнцы съ грамотой, захватили еще сердоликовую крабицу съ багряницей и доставили все это въ Византію. Патріархъ вѣнчаетъ византійскаго императора знаменіемъ Вавилона.

Такимъ образомъ, повѣсть символически изображаетъ переходъ власти надъ вселенной отъ Вавилона къ Византіи. На русской почвѣ это сказаніе получило интересное продолженіе («Курсъ», Ч. I, кн. 2).

133. «Сказаніе о бѣломъ клобукѣ». Константинъ Великій, побѣдивъ Мансенція, по повелѣнію апостоловъ Петра и Павла, явившихся ему со снѣ, принимаетъ крещеніе отъ папы Сильвестра. Сильвестра Константинъ почитаетъ, какъ Бога и отца, и даже хочетъ возложить на его голову царскій вѣнецъ, но папа не соглашается на это. Являются императору апостолы Петръ и Павелъ, которые показываютъ ему въ рукахъ своихъ «одѣяніе бѣло, еже достойно бяше святителемъ носити на главѣ». Императоръ зоветъ «ризношвецъ мудрѣйшихъ» и велитъ имъ сотворить «клобукъ бѣлъ блаженному папѣ». Этотъ бѣлый клобукъ торжественно возлагается на голову папы. Въ тринадцатый годъ своего царствованія Константинъ пришелъ къ убѣжденію, что тамъ, гдѣ есть власть святительская, гдѣ глава христіанскаго благочестія установленъ самимъ Небеснымъ царемъ, тамъ не должна находиться власть земного царя. На этомъ основаніи Константинъ, взявъ отъ папы благословеніе, поручилъ ему Римъ, а самъ построилъ себѣ новый городъ, названный имъ Константинополемъ.

По смерти папы Сильвестра бѣлый клобукъ пользовался первоначально великимъ почитаніемъ. Но затѣмъ настали другія времена: діаволъ воздвигъ нѣкоего царя Карула (Карла В.) и папу Ѳармуса (Ѳормоза), которыхъ научилъ прельстить христіанскій родъ ложными ученіями. Они ве-

лѣли отступить отъ православной вѣры и разодрать святую апостольскую церковь; они впали въ Аполинаріеву ересь и вмѣнили въ правду опрѣсноки (Аполинаріевою ересью считалось употребленіе опрѣсноковъ: по ученію Аполинарія Сынъ Божій пріялъ отъ Богородицы одну только плоть, безъ души; кто причащается опрѣснокомъ, тотъ принимаетъ мертвую плоть, а не живую, потому что тѣсто само по себѣ бездушно; квасъ для тѣста—то же, что и душа для тѣла). Не возлюбили съ этого времени и святого бѣлаго клобука и заключили его «въ придѣлѣ нѣкоемъ церковныя стѣны».

«По мнозѣхъ временехъ» возсталъ другой папа латинскаго служенія, который сталъ отвергать поклоненіе святымъ иконамъ. Онъ пытается сжечь бѣлый клобукъ, отправить въ дальнія страны и тамъ поругать его и истребить. Но это ему не удается: буря разбиваетъ корабль, на которомъ везли клобукъ; нѣкій Іеремія, тайно державшійся православія, спасаетъ клобукъ. По его молитвѣ буря на морѣ утихаетъ; Константинъ и Сильвестръ привлекаютъ къ Іереміи доску, за которую онъ ухватывается, и велятъ ему идти и разсказывать о случившемся. Папа, узнавъ объ этомъ, ужаснулся и приказалъ поставить клобукъ въ церкви, «а почести ему не воздалъ никакой». Во снѣ является къ папѣ ангелъ Господень ужаснаго вида съ пламеннымъ мечемъ въ рукѣ и велитъ папѣ отослать святой клобукъ въ Константинополь къ патріарху. Папа исполняетъ Божье повелѣніе. Въ то время въ Константинополѣ патріархомъ былъ Филоѳей, отличавшійся постничествомъ и другими добродѣтелями, а царемъ былъ Иванъ Кандакузинъ.

Сказаніе о бѣломъ клобукѣ имѣло цѣлью установить символически переходъ духовной власти въ христіанскомъ мірѣ отъ папы къ византійскому патріарху.

На русской почвѣ сказаніе имѣетъ продолженіе («Курсъ», Ч. I, кн. 2).

134. «О Синагрипѣ и его совѣтникѣ Акирѣ». Повѣсть «О Синагрипѣ» — восточнаго происхожденія. Она отразилась на легендарной біографіи Эзопа и вошла въ арабскій сборникъ сказокъ «Тысяча и одна ночь». Въ русско-славянской редакціи, которая основана на византійской переработкѣ повѣсти, имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстъ искажены: Санхерибъ, властитель Аравіи (Ассура) и Ниневіи

превратился въ Синагрипа. Синографа, цара Адоровъ (Торъ, Ассуръ) и Наливскія (т. е. Ниневійской) страны, или въ царя Аневицкаго (Аравитскаго) и Азорскаго (Ассурскаго); Гейкаръ—въ Акира и Наданъ—въ Анадана, Анадона, Анадама. Вѣроятно, у византійцевъ эта повѣсть пріобрѣла христіанско-поучительный характеръ. Элементъ поучительный, выразившійся въ цѣломъ родѣ афоризмовъ, передаваемыхъ Акиромъ Анадану, пользовался такою популярностью, что даже былъ выдѣленъ изъ повѣсти и распространялся въ самостоятельныхъ спискахъ. Содержаніе повѣсти состоитъ въ слѣдующемъ.

Мудрый совѣтникъ царя Синагрипа Акиръ много имѣетъ богатствъ, но одного не далъ ему Богъ: дѣтей. Онъ молится Богу: «Господи, Боже мой! Если я умру безъ наслѣдника, то будутъ говорить: вотъ Акиръ былъ праведенъ и служилъ Богу, а умеръ и не нашлось никого отъ мужского пола, кто бы постоялъ у гроба его, ни отъ дѣвическаго, кто бы его оплакалъ». Раздается въ отвѣтъ съ неба голосъ, говорящій Акиру, что потомства у него не будетъ, и совѣтующій ему усыновить «сестрина сына» Анадана. Акиръ послѣдовалъ этому совѣту. Онъ сталъ учить Анадана всей той премудрости, которою самъ владѣлъ. Насытивъ Анадана своимъ ученіемъ, «яко хлѣбомъ и виномъ». Акиръ даетъ ему рядъ наставленій: «Человѣче, внимай глаголы моя, господину мой, Надане!.. Если что слышишь отъ царя, или видишь въ его домѣ, пусть это останется въ твоей душѣ и не разсказывай объ этомъ людямъ... Сына своего укрощай съ дѣтства, а если не укротишь, онъ преждевременно состаритъ тебя... Не будь многорѣчивымъ, чтобы не согрѣшить передъ своимъ господиномъ... Лживый человѣкъ сперва будетъ пользоваться любовью, а въ концѣ надъ нимъ будутъ смѣяться... Если тебя позовутъ на обѣдъ, то не ходи по первому приглашенію: если же тебя пригласятъ во второй разъ, то это будетъ означать, что тебѣ дѣйствительно воздаютъ честь... Лучше для человѣка добрая смерть, чѣмъ злая жизнь... Лучше имѣть въ своей рукѣ овечью ногу, нежели овечье плечо въ чужой рукѣ: лучше близкая овца, нежели далекій волъ. Лучше одинъ воробей, котораго имѣешь въ рукѣ, нежели тысяча птицъ, летающихъ по аеру. Лучше болѣть огнемъ (быть въ жару) или трясавицей, нежели жить съ

злой женой... Когда вода въ рѣкѣ потечетъ къ истоку своему, когда птица станетъ летать задомъ напередъ, или синечь или сарацинъ, побѣлѣютъ или желчь станетъ сладкой, какъ медъ, тогда только безумный научится уму-разуму».

Послѣ такихъ наставленій Акиръ ставитъ своего племянника въ совѣтники царю вмѣсто себя. Но Анаданъ оказался неблагодарнымъ Акиру. Убѣдившись въ этомъ, Акиръ отдалъ свой домъ не Анадану, а его младшему брату. Тогда Анаданъ рѣшился погубить Акира. Онъ написалъ будто бы отъ имени Акира письма къ царямъ египетскому и персидскому съ предложеніемъ передать имъ владѣнія Синагрипа безъ боя и подбросилъ эти письма во дворцѣ. Письма попались царю. Царь повѣрилъ, что Акиръ ему измѣнилъ и велѣлъ казнить его. Но слуга, который долженъ былъ исполнить приказаніе, вмѣсто Акира казнитъ другого, похожаго на него, а Акира заключаетъ въ тюрьму.

Нѣкоторое время спустя послѣ этого египетскій царь, услышавъ о казни Акира, посылаетъ къ Синагрипу посольство съ требованіемъ прислать ему искуснаго строителя, который возвелъ бы домъ между небомъ и землей и отвѣчалъ бы на всѣ его вопросы. Если Синагрипъ пришлетъ такого мудреца, фараонъ обѣщаетъ платить дань въ теченіе четырехъ лѣтъ; если же не пришлетъ, Синагрипъ будетъ платить дань ему. Синагрипъ обращается къ Анадану; но Анаданъ не въ состояніи дать совѣтъ, какъ поступить, и всѣ невольно вспоминаютъ мудраго Акира. Тогда слуга рѣшается открыть царю, что Акиръ живъ. Царь въ великой радости спѣшитъ освободить Акира и посылаетъ его въ Египетъ подъ чужимъ именемъ. Пріѣхавъ въ Египетъ, Акиръ остроумно отвѣчаетъ на мудреные вопросы фараона. Такъ фараонъ загадываетъ Акиру такую загадку: стоитъ дубово бревно, на немъ двѣнадцать сосенъ, на каждой соснѣ тридцать колесъ, а на колесѣ по двѣ мыши—одна черная, а другая бѣлая. Акиръ разгадываетъ загадку: бревно—годъ, 12-ть сосенъ—12-ть мѣсяцевъ, 30-ть колесъ—30-ть дней, черная мышь—ночь, бѣлая мышь—день. Требованіе фараона построить домъ между небомъ и землей онъ исполнилъ такъ: ястребники Акира научили двухъ орлицъ взлетать на воздухъ съ клѣткой, привязанной къ нимъ; въ клѣткѣ былъ мальчикъ, который кричитъ: «Вотъ дѣлатели доспѣли, понесите каменіе и известь!» Акиръ го-

воритъ царю: «Повели, чтобы нести каменіе и известь, дабы не медлили дѣлатели». «Какъ нести ихъ на такую высоту?» отвѣчаетъ царь и отказывается отъ своей затѣи.

Когда Акиръ, благополучно исполнивъ порученіе, возвращается домой. Санагрипъ осыпаетъ его почестями и наградами, а Анаданъ подвергается наказанію.

135. «Чудо св. Николы о Синагрипѣ царѣ». Въ связи съ предыдущей повѣстью (§ 134) находится повѣсть о чудѣ святого Николая съ царемъ Синагриномъ.

Царь Синагрипъ отправляется по морю на войну. Поднимается буря, которая грозитъ потопить корабль. У царя былъ въ то время совѣтникъ, по имени Акиръ, очень мудрый и «зѣло крестьянъ» (т. е. глубокій христіанинъ). Акиръ совѣтуетъ царю, для избавленія отъ угрожающей опасности, обратиться къ св. Николаю и обѣщать ему канунъ и свѣчу. Царь обрадовался совѣту и сталъ призывать святого Николу. Буря стала затихать, и корабль благополучно доѣхалъ до родного города. По прибытіи царь сказалъ Акиру: «Кто есть святой Никола? Призови его ко мнѣ»! Акиръ отвѣтилъ: «Есть митрополитъ въ Хлкидонѣ, именемъ Ѳеоктиристъ: онъ можетъ призвать Николу въ образѣ человѣка». Царь послалъ пригласить къ себѣ митрополита, такъ какъ онъ «обѣщалъ на морѣ святому Николаю канунъ и свѣчи, и трапезы и столы готовы». Ѳеоктиристъ явился. Чтобы призвать св. Николу, необходимо было выстроить церковь. Въ три дня церковь была готова. Отслужены были литургія, молебенъ, и былъ освященъ канунъ. Всѣ сѣли за трапезу и Ѳеоктиристъ приготовилъ за столомъ мѣсто св. Николѣ. Присутствовавшіе сомнѣвались въ томъ, чтобы св. Никола въ самомъ дѣлѣ явился, какъ вдругъ Ѳеоктиристъ первый увидѣлъ идущаго святого. Ѳеоктиристъ вскочилъ съ мѣста и пошелъ на встрѣчу святому со свѣчами и кадиломъ. Приблизившись, св. Никола сказалъ: «Былъ я на морѣ Тиверіадскомъ, и поднялась великая буря, и начали призывать мое имя, и я избавилъ изъ моря корабль». Ѳеоктиристъ спрашиваетъ святого, что дали ему спасенные. Святой отвѣтилъ: «Обѣщали мнѣ канунъ и свѣчи, и темьянъ и дали мнѣ печенаго тѣстянаго кура» — и показалъ Ѳеоктиристу подарокъ. Ѳеоктиристъ замѣтилъ святому «философіею»: «А я бы ради этого тѣстянаго кура и трехъ ступеней не сту-

пилъ». Услышавъ эти слова, св. Никола повернулся, чтобы уходить, и сказалъ Ѳеоктристу: «Ты—гордъ, а называешься святителемъ, но сотворю на тебя молитву Всевышнему царю, Христу Богу». Испуганный Ѳеоктристъ съ плачемъ палъ къ ногамъ святого, а царь и всѣ присутствующіе стали умолять святого, чтобы онъ вошелъ въ палату царскую. Святой вошелъ, благословилъ брашна и вино, и питье; начали ѣсть и пить, а св. Никола сталъ невидимъ. Царь и всѣ люди прославили Бога и сотворили св. Николѣ честной праздникъ. За «три ступени» святые отцы велѣли поминать святого Ѳеоктриста черезъ три года въ четвертый въ високосный годъ, а святого Николу поминать трижды въ годъ: въ день его рожденія, на его успеніе и на перенесеніе его мощей.

136. «Стефанитъ и Ихнилатъ». Источникомъ повѣсти «Стефанитъ и Инхилатъ» былъ индійскій животный эпосъ въ арабской переработкѣ. Индійскій животный эпосъ въ первоначальной своей обработкѣ состоялъ изъ тринадцати отдѣловъ. Первые пять отдѣловъ были впослѣдствіи выдѣлены въ самостоятельное цѣлое и образовали сборникъ сказокъ-басенъ подъ именемъ «Панчатантра», т. е. «Пятикнижіе». Въ предисловіи къ «Панчатантрѣ» сообщается, что это произведеніе возникло изъ бесѣдъ одного мудреца Вишну-Сармы, который былъ наставникомъ сыновей одного индійскаго царя и училъ ихъ нравственности и политикѣ. Сказки-басни «Панчатантры» породили уже въ Индіи рядъ подражаній и передѣлокъ: такова была знаменитая «Гитопадеза», съ которой находятся въ связи басни Эзопа.

Въ VI в. послѣ Р. Х., по приказанію персидскаго царя Хозроя Нуширвана, «Панчатантра» была переведена на пеглевійскій языкъ, подъ заглавіемъ «Калила-ва-Димна». Заглавіе это возникло такъ. Въ «Панчатантрѣ» среди дѣйствующихъ персонажей важную роль играютъ два шакала: Каратака и Даманака. Эти имена превращены были въ слова Калила (т. е. Прямодушный) и Димна (Лукавый).

Въ VIII в. послѣ Р. Х. пеглевійскій текстъ былъ переведенъ подъ тѣмъ же заглавіемъ на арабскій языкъ, причемъ въ предисловіи книга приписывается мудрецу Бидпаю. Эта арабская редакція послужила источникомъ множества редакцій на самыхъ разнообразныхъ языкахъ: ново-сирійской, персидской, еврейской, греческой, старо-испанской; персидская

редакція въ свою очередь дала начало редакціямъ турецкой и грузинской: еврейская редакція повела за собою редакцію латинскую; латинская редакція дала начало редакціямъ нѣмецкой, чешской и т. д.

Въ XI в. послѣ Р. Х. появляется переводъ книги съ арабскаго на греческій, сдѣланный Симеономъ Сиѳомъ, подъ заглавіемъ «Стефанитъ и Ихнилатъ». «Стефанитъ» значитъ по-гречески «Увѣнчанный», такъ переведено было имя прямодушнаго шакала, а «Ихнилатъ» значитъ «Слѣдящій» — такъ названъ въ греческой редакціи лукавый шакалъ.

«Стефанитъ и Ихнилатъ» представляетъ изъ себя своеобразный родъ сочиненія въ восточномъ стилѣ, состоящаго въ томъ, что одинъ разсказъ ведетъ за собой цѣлую серію другихъ, связанныхъ съ первымъ. Повѣсть распадается на двѣ части: въ первой индійскій царь слушаетъ разсказъ, дѣйствующими лицами котораго являются главнымъ образомъ царь Левъ, царедворецъ Быкъ, Стефанитъ и Ихнилатъ; вторая часть состоитъ изъ разсужденій индійскаго царя съ философами. Въ обѣихъ частяхъ вплетено много сказокъ-басенъ.

Индійскій царь спрашиваетъ одного изъ своихъ мудреновъ, какъ лукавый мужъ разстроилъ дружбу между близкими людьми и поселилъ между ними вражду. Мудрецъ объяснилъ это сказкой-басней о богатомъ купцѣ. Одинъ изъ сыновей купца въ дорогѣ заморилъ быка и оставилъ его на лугу. Быкъ отдохнулъ на лугу, наѣлся и раздобрѣлъ. Недалеко отъ этого луга жилъ царь-Левъ со многими другими львами, медвѣдями, волками, лисицами и т. д. Однажды Левъ услышалъ страшный ревъ какого-то звѣря и смутился. Въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать, царь-Левъ остался на одномъ мѣстѣ, не рѣшаясь двинуться съ него. Царедворцы-шакалы прямодушный Стефанитъ и лукавый Ихнилатъ подмѣтили смущеніе царя. Разсуждая объ этомъ, они припоминаютъ рядъ сказокъ-басенъ изъ міра животныхъ. Стефанитъ и Ихнилатъ подготовляются подѣйствовать на царя-Льва сказками-баснями объ обезьянѣ, верблюдѣ и зайцѣ, разсужденіями о мудрости и слабоуміи, сравненіями и изреченіями о царскихъ отрокахъ, воинахъ, писцахъ и идутъ къ царю. Послѣ бесѣды царь-Левъ сообщаетъ Ихнилату, что онъ боится Быка, такъ какъ не знаетъ его силы и мудрости и можетъ судить о немъ только по его страшному реву. Их-

нилатъ въ отвѣтъ разсказалъ Льву сказку-басню о лисицѣ и тимпанѣ (бубнѣ): на деревѣ висѣлъ тимпанъ, который издавалъ звуки; лиса схватила тимпанъ, растерзала его, и звуки прекратились. Затѣмъ Ихнилатъ берется навести справки о Быкѣ. Ихнилатъ убѣждаетъ Быка явиться ко двору царя-Льва, и царь милостиво принимаетъ его. Ихнилатъ начинаетъ завидовать Быку и въ формѣ сказокъ-басенъ обмѣнивается по этому поводу мыслями съ Стефанитомъ. Ихнилатъ хочетъ убить Быка, а Стефанитъ удерживаетъ его, говоря, что его козни могутъ обратиться противъ него самого. Тогда Ихнилатъ рѣшается извести Быка хитростью. Когда Стефанитъ пугаетъ Ихнилата силою и могуществомъ Льва, Ихнилатъ отвѣчаетъ ему: «Не гляди на мою немощь: часто и сильные побѣждались слабѣйшими». Въ подтвержденіе этого онъ разсказываетъ сказку-басню. Змѣй пожиралъ постоянно птенцовъ у одного ворона. Воронъ задумалъ избавиться отъ змѣя, но не знаетъ, какъ приняться за это: не выколоть ли змѣю глаза. Другъ ворона отговариваетъ его отъ этого: надо придумать такую хитрость, чтобы погубить врага и самому остаться въ живыхъ. По совѣту друга воронъ похищаетъ драгоцѣнный женскій уборъ и кладетъ въ гнѣздо змѣя. Начинаютъ искать уборъ и находятъ у змѣя и убиваютъ его. «Все это, заключаетъ Ихнилатъ, я сказалъ тебѣ, чтобы ты уразумѣлъ, что мудрость сильнѣе крѣпости». Онъ разсказываетъ Льву сказку о трехъ рыбахъ, изъ которыхъ одна спаслась (отъ смерти), притворившись мертвой, сказки о волкѣ, лисѣ, состарѣвшемся львѣ, о купцѣ, ввѣрившемъ желѣзо похитителю. Ихнилатъ намекаетъ Льву на то, что Быкъ злоумышляетъ на его жизнь, а Быку внушаетъ, что царь, измѣнилъ дружбѣ съ нимъ. Царь повѣрилъ Ихнилату, и Быкъ палъ жертвой ярости Льва. Но и козни Ихнилата открываются. Царь раскаивается въ казни Быка и велитъ заключить въ тюрьму Ихнилата. Ихнилата посѣщаетъ въ тюрьмѣ Стефанитъ, который совѣтуетъ ему открыто во всемъ признаться, такъ какъ лучше пострадать здѣсь на землѣ, чѣмъ на томъ свѣтѣ. Но Ихнилатъ не слѣдуетъ совѣту Стефанита: на допросѣ держится крайне вызывающе и самъ выступаетъ съ обвиненіями противъ своихъ обличителей. Одинъ изъ совѣтниковъ Льва назвалъ Ихнилата льстивымъ и лукавымъ, сказалъ, что у него лѣвый глазъ малъ и

мигливъ, вѣки вздернуты, что онъ ходитъ, склонивъ голову Ихнилатъ ему отвѣчаетъ: «Всѣ мы подъ небомъ ходимъ, никто не восходитъ выше небесъ; а вотъ ты, бесѣдуя, мнишь себя мудрымъ: въ своихъ собственныхъ глазахъ бревна не видишь, а сучокъ замѣчаешь въ глазахъ ближняго». Судъ приговариваетъ Ихнилата къ казни. Первая часть разсказа оканчивается слѣдующимъ выводомъ: «Всякій, сшивающій лесть на своего друга, впадаетъ въ сдѣланный имъ ровъ».

Во второй части имена Стефанита и Ихнилата исчезаютъ, и содержаніе ея состоитъ въ томъ, что царь индійскій разспрашиваетъ мудреца о друзьяхъ, которые любятъ другъ друга и въ любви устойчивы, о томъ, какъ уберечься отъ лицемѣрныхъ пріятелей-враговъ, какъ царю соблюдать свое царство — незлобивымъ ли нравомъ, или благою совѣстью, или подаяніемъ и т. д.

137. Романъ «Варлаамъ и Іоасафъ». Романъ «Варлаамъ и Іоасафъ» представляетъ искусную переработку на христіанскій ладъ біографіи сына индійскаго царя Капилавасту—Сиддарты, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Будды († 543 г. до Р. Х.). Авторъ греческой редакціи неизвѣстенъ. Прежде приписывали этотъ романъ Іоанну Дамаскину. Но въ старыхъ рукописяхъ есть сообщеніе, что романъ привезенъ былъ изъ Индіи въ Іерусалимъ Іоанномъ, монахомъ монастыря св. Саввы. Распространеніе романа по разнымъ странамъ началось съ XI в., когда благодаря крестовымъ походамъ между Востокомъ и Западомъ завязываются болѣе тѣсныя сношенія. Греческая редакція романа дала начало цѣлому ряду другихъ редакцій: латинской, нѣмецкой, французской, провансальской; сѣверно-французская редакція дала начало итальянской, нѣмецкая—шведской, латинская редакція послужила источникомъ испанской, чешской и польской; на Востокѣ были двѣ арабскія редакціи: одна христіанская, переработанная изъ греческой, а другая нехристіанская, съ пеглевійскаго оригинала, затѣмъ еврейская, эѳіопская, армянская и т. д. Въ переводѣ съ греческаго на древнеболгарскій языкъ романъ «Варлаамъ и Іоасафъ» попалъ къ намъ. Содержаніе его слѣдующее.

Индійскій царь Абеннеръ (Авениръ), ревностный язычникъ, подвергаетъ въ своемъ царствѣ гоненію христіанство, которое начало проникать туда. Ненависть къ христіанству

у царя еще болѣе усилилась, когда одинъ изъ главныхъ приближенныхъ его ушелъ и сдѣлался отшельникомъ. Въ это время у бездѣтнаго Абеннера родился сынъ необыкновенной красоты, которому дали имя Іоасафъ. Звѣздочеты предсказываютъ царю, что его сынъ будетъ богатъ и могуществен: одинъ особенно искусный звѣздочетъ, говоритъ, что царство Іоасафа будетъ не отъ міра сего и что царевичъ, вѣроятно, сдѣлается послѣдователемъ преслѣдуемой теперь религіи. Царь Абеннеръ, чтобы пророчество не исполнилось, велѣлъ построить для сына особый дворецъ, окружилъ сына молодыми и прекрасными воспитателями и запретилъ пускать во дворецъ постороннихъ и сообщить царевичу, что на свѣтѣ существуютъ смерть, старость, болѣзнь, бѣдность или вообще какое бы то ни было страданіе; царевичъ долженъ воспитываться такъ, чтобы наслаждаться настоящимъ и чтобы ничто не возбуждало мысли о будущей жизни. Точно также до царевича не должны были доходить слухи о христіанскомъ ученіи.

Живя въ своимъ искусственномъ заключеніи, Іоасафъ прекрасно развивается физически, умственно и нравственно и своими оригинальными вопросами удивляетъ учителей и царя. Достигши юношескаго возраста, Іоасафъ сталъ замѣчать, что его держатъ точно въ заключеніи. Когда онъ убѣдился, что это дѣлается по волѣ отца, онъ сталъ разузнавать о причинѣ этого. Отвѣты одного изъ воспитателей, а затѣмъ и самого отца не только не удовлетворили его, но еще болѣе обезпокоили. «Знай,—сказалъ царевичъ отцу,— что не радость, а высшую скорбь причиняешь мнѣ такимъ способомъ». Онъ успокоился только тогда, когда получилъ возможность выходить, куда онъ захочетъ. Царь вынужденъ былъ уступить царевичу, но отдалъ строгій приказъ, чтобы съ пути царевича было устраняемо все, что могло бы возбудить въ немъ печальныя мысли.

Первое время приказъ царя исполнялся въ точности. На затѣмъ слуги стали относиться къ своему дѣлу небрежнѣе. Однажды царевичъ увидѣлъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ въ проказѣ, а другой—слѣпой. Царевичъ разспрашиваетъ у приближенныхъ, что съ этими людьми, и въ первый разъ узнаетъ, что на свѣтѣ есть болѣзнь. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого царевичу попался

на встрѣчу старикъ со сморщеннымъ лицомъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ, и царевичъ узнаетъ, что на землѣ существуетъ старость и неизбѣжная для всякаго человѣка смерть. «Горестна эта жизнь,— сталъ думать царевичъ:—и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти? И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ. Но что будетъ потомъ со мной? Обращусь ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь»? Съ этого времени царевичъ сталъ искать человѣка, который разрѣшилъ бы всѣ его сомнѣнія и указалъ бы ему исходъ.

Въ это время въ Сенаарской пустынѣ жилъ одинъ пустынникъ Варлаамъ, который достигъ высокой степени совершенства въ знаніи жизни. По откровенію свыше Варлаамъ узналъ о душевномъ состояніи Іоасафа. Онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца явился въ землю индѣйцевъ. Придя къ воспитателю Іоасафа, Варлаамъ сказалъ, что привезъ для продажи царевичу драгоцѣнный камень, имѣющій свойство освѣщать сердца слѣпыхъ свѣтомъ истины, глухимъ открывать слухъ, нѣмымъ давать голосъ, больныхъ исцѣлять, глупыхъ умудрять, демоновъ изгонять; тотъ, кто дѣлается обладателемъ камня, пользуется всѣми благами, но камень этотъ видимъ только для того, кто обладаетъ чистымъ здоровьемъ зрѣніемъ и цѣломудреннымъ тѣломъ. Царевичъ изъявляетъ желаніе увидѣть этотъ камень. «Прежде, нежели исполнить твое желаніе,—отвѣчаетъ Варлаамъ,—я долженъ испытать твой разумъ. Если въ твоемъ сердцѣ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ: изъ-за тебя совершилъ я этотъ далекій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видѣлъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде».

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ поученій Варлаама, въ которыхъ при помощи аполога (притчи) излагается содержаніе христіанскаго ученія. Матеріалъ для апологовъ (притчей) заимствованъ отчасти изъ христіанскихъ источниковъ, а большею частью изъ восточныхъ, приспособленныхъ къ христіанскимъ понятіямъ. Изъ апологовъ (притчей) Варлаама особенно знаменитымъ былъ апологъ о человѣкѣ, который былъ преслѣдуемъ свирѣпымъ инорогомъ, встрѣченнымъ имъ

въ полѣ. Спасаясь отъ него, человѣкъ внезапно попалъ въ пропасть. Падая туда, онъ ухватился за вѣтви дерева, росшаго по бокамъ пропасти, и повисъ на воздухѣ. Посмотрѣвъ внизъ, преслѣдуемый увидѣлъ, что корень дерева, за вѣтви котораго онъ ухватился, грызутъ двѣ мыши—черная и бѣлая, на днѣ пропасти лежитъ страшный змѣй съ раскрытой пастью, а изъ стѣны пропасти выходятъ четыре головы аспида. Находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, путникъ замѣтилъ, что съ вѣтокъ дерева капалъ медъ. Забывъ про всѣ опасности, путникъ жадно устремился къ меду. Смыслъ притчи такой: человѣкъ, преслѣдуемый смертью (инорогомъ), кое-какъ устраивается въ земной жизни (ухватывается за вѣтви дерева, растущаго въ пропасти); но его положеніе непрочно: день и ночь (бѣлая и черная мыши) подтачиваются корни жизни; не смотря на это, человѣкъ, побуждаемый слабостью своей природы (головы аспида), предается краткимъ жизненнымъ наслажденіямъ (устремляется къ меду, капающему съ дерева), хотя за это угрожаютъ ему адъ (змѣй на днѣ пропасти).

Когда царевичъ усвоилъ христіанское ученіе, Варлаамъ тайно креститъ его. Царевичъ хочетъ послѣдовать за Варлаамомъ въ пустыню, но Варлаамъ удерживаетъ его отъ этого, совѣтуя повременить; отказывается отъ денежнаго подарка, предложеннаго царевичемъ и возвращается въ пустыню, оставивъ царевичу, по его просьбѣ, свою грубую одежду и взявъ съ собой старую и изорванную одежду Іоасафа.

Пока все это происходило, начальникъ дворца царевича Зарданъ съ подозрѣніемъ слѣдилъ за посѣщеніями Варлаама. Узнавъ о томъ, что происходило между царевичемъ и Варлаамомъ, Зарданъ, боясь отвѣтственности, доложилъ обо всемъ царю. Царь сильно огорчился и сталъ совѣтоваться съ Арахесомъ, человѣкомъ мудрымъ и опытнымъ звѣздочетомъ, о томъ, какъ поступить. Арахесъ предложилъ царю послать за Варлаамомъ погоню, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока не признаетъ передъ царевичемъ своего ученія ложнымъ. Если же не удастся захватить Варлаама, то, по совѣту Арахеса, слѣдуетъ призвать одного мудраго пустынника языческой вѣры Нахора, бывшаго учителя математики Арахеса; Нахоръ очень похожъ на Варлаама; его

можно убѣдить выступить въ присутствіи царевича, подъ именемъ Варлаама, въ видѣ защитника христіанства, поспорить съ язычниками и признать себя въ концѣ побѣжденнымъ. Погоня за Варлаамомъ не увѣнчалась успѣхомъ, и пришлось прибѣгнуть ко второму способу, предложенному Арахесомъ. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: Нахоръ, во время спора, самъ увѣровалъ въ христіанское ученіе и затѣмъ, укрѣпленный въ истинахъ вѣры царевичемъ, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасаясь, что и самъ царь начнетъ склоняться къ новой религіи, обратились къ волшебнику Теудасу, который берется при помощи подвластныхъ ему демоновъ вернуть Іоасафа въ язычество. По его совѣту царевича окружили женскимъ персоналомъ, состоявшимъ изъ отборныхъ красавицъ, съ цѣлью возбудить въ немъ страсти. Но царевичъ, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту, избѣжалъ искушеній: демоны были посрамлены, и самъ Теудасъ принялъ христіанство.

Тогда царь, по совѣту Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ отдалъ сыну. Арахесъ полагалъ, что заботы объ управленіи могутъ отвлечь царевича отъ христіанства: а если не отвлекутъ, то по крайней мѣрѣ удержатъ его отъ удаленія въ пустыню. Іоасафъ, какъ его ни влекло къ Варлааму, покорился волѣ отца и отправился въ назначенный ему городъ. Здѣсь онъ сталъ наставлять народъ истинной религіи и сдѣлалъ свою страну образцомъ христіанскаго царства. Подъ конецъ своей жизни Абеннеръ раскаялся въ своемъ нечестіи, увѣровалъ въ истиннаго Бога и передалъ все царство сыну. Черезъ четыре года Абеннеръ скончался, и Іоасафъ, оплакалъ своего отца.

Несвязанный уже волей отца, Іоасафъ собралъ въ своемъ дворцѣ вельможъ и нѣкоторыхъ гражданъ и объявилъ имъ, что онъ собирается отказаться отъ царства и удалиться въ пустыню. Огорченные вельможи и граждане не хотятъ отпустить его. Тогда Іоасафъ назначаетъ на свое мѣсто Варахію, одного изъ своихъ вельможъ, а самъ скрывается ночью. Граждане погнались за нимъ и вернули назадъ, но напрасно: Іоасафъ поклялся, что не останется у нихъ, и граждане вынуждены были уступить: Іоасафъ, сопровождаемый всеобщимъ плачемъ, удаляется.

Іоасафъ отдалъ свое богатое платье бѣдняку, а самъ,

оставшись въ власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, отправился въ Сенаарскую пустыню искать Варлаама. Два года скитался Іоасафъ, испытывая рядъ лишеній и искушеній, приготовленныхъ ему дьяволомъ, и наконецъ, одинъ пустынникъ указалъ ему, какъ можно найти Варлаама. Найдя своего учителя, Іоасафъ поселился въ его пещерѣ и обнаружилъ такія способности къ бдѣнію неустанной молитвѣ и способностямъ, что превзошелъ и Варлаама. Іоасафъ пережилъ Варлаама и схоронилъ его. Проживъ въ пустынѣ 35 лѣтъ, Іоасафъ мирно скончался. Въ часъ его кончины явился пустынникъ, указавшій Іоасафу путь къ Варлааму, и похоронилъ Іоасафа рядомъ съ Варлаамомъ. Получивъ во снѣ отъ страшнаго мужа приказъ, пустынникъ отправился въ Индійское царство возвѣстить о кончинѣ угодниковъ. Варахія, узнавъ объ этомъ, пришелъ съ множествомъ народа въ Сенаарскую пустыню, гдѣ нашелъ нетлѣнныя и благоухающія тѣла Іоасафа и Варлаама и торжественно перенесъ ихъ въ свою столицу.

138. «Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ». «Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ» представляетъ изъ себя посланіе Пресвитера Іоанна къ греческому императору Мануилу (Иммануилъ Комненъ 1143—1180 гг.). Въ срединѣ XII в. въ Европѣ стали распространяться слухи о существованіи въ Азіи сильнаго христіанскаго государства, во главѣ котораго находился священникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ царь Іоаннъ. Имя Іоанна стало появляться въ сочиненіяхъ западно-европейскихъ путешественниковъ, причемъ царство Іоанна представлялось въ фантастическихъ и противорѣчивыхъ очертаніяхъ. Такъ какъ въ это время западно-европейское общество занято было идеей о возвращеніи отъ турокъ Гроба Господня, то на этого Іоанна возлагались большія надежды: вѣрили, что онъ пошлетъ крестоносцамъ на помощь свою могучую армію, и цѣль крестовыхъ походовъ будетъ достигнута. Кто именно разумѣлся подъ именемъ Іоанна, трудно сказать; но вѣроятнѣе всего, что образъ Іоанна создался на основаніи слуховъ о Далай-Ламѣ— главѣ обширнаго буддійскаго міра, духовная организація котораго напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ христіанство. Содержаніе сказанія состоитъ въ слѣдующемъ.

Іоаннъ—могущественный царь и первосвященникъ: ему

служатъ епископы и цари, его страна переполнена неисчислимыми богатствами и нежданными чудами. Мануилъ, греческій императоръ, посылаетъ къ Іоанну посольство, чтобы испытать силу и чудеса Индійской земли. Іоаннъ отвѣчаетъ посольству: «Скажите вашему царю: если хочешь узнать о силахъ и чудесахъ моего царства, то продай свое царство греческое и купи на это бумаги и пріѣзжай въ мое Индѣйское царство со своими книжниками, и я дамъ тебѣ описать чудеса Индѣйской земли, но ты не смжоешь описать мое царство до исхода души». Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ Индійскомъ царствѣ. До обѣда Іоаннъ является въ роли пресвитера, а послѣ обѣда онъ—царь надъ 3.600 царями; онъ—поборникъ православной Христовой вѣры. Его царство въ одну сторону простирается на 10 мѣсяцевъ пути, а въ другую сторону на безконечное пространство—до того мѣста, гдѣ земля сходится съ небомъ.

Индійская земля наполнена чудовищными людьми, звѣрями и птицами. Въ ней есть люди нѣмые, рогатые, люди вышиною въ девять саженъ и крошечные пигмеи, люди съ четырьмя и шестью руками, съ песьими головами, со скотьими головами, съ глазами и ртомъ на груди, или на головѣ, на темени въ волосахъ, люди, представляющіе на половину пса и наполовину человѣка, или наполовину птицу и наполовину человѣка. Встрѣчаются въ Индіи слоны, дромадеры, гиппопотамы, саламандры, фениксы. Гадовъ въ этой странѣ нѣтъ: ни ужа, ни рыбы, ни змѣи, ни ящерицы, ни мухи, ни комара; а если появляется какой нибудь гадъ, то онъ скоро умираетъ. Индійское царство богато золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями; тамъ есть райская рѣка Геонъ, которая течетъ драгоцѣнными камнями; изъ драгоцѣнныхъ камней особенно замѣчателенъ кармакоулъ (т. е. карбункулъ), который ночью такъ свѣтится, точно огонь горитъ.

У подошвы горы Олимпа есть чудный источникъ; вода изъ него, если выпить ее три раза натощакъ, имѣетъ свойство предохранять отъ всякой болѣзни, и человѣкъ выпившій эту воду на всю жизнь, остается такимъ, какъ будто ему 32 года отъ роду.

Благодаря всему этому въ Индійскомъ царствѣ нѣтъ бѣдняковъ, скупыхъ, воровъ, льстецовъ, и всѣ живутъ въ согласіи. «Никто между нами,—пишетъ Іоаннъ, — не лжетъ и

лгать не можетъ: если кто примется лгать, тотчасъ же умираетъ и его память вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ мы слѣдуемъ по стезямъ правды и любимъ другъ друга».

Дворецъ Іоанна состоитъ изъ нѣсколькихъ палатъ. Одна палата—серебряная, покрытая золотомъ, а внутри украшенная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, какъ небо звѣздами. Другая палата — изъ чистаго золота: въ ней восемь столбовъ золотыхъ, толщиною въ три сажени, а вышиною въ восемь саженъ: на каждомъ столбѣ — драгоцѣнный камень; ночью эти столбы свѣтятъ, какъ огонь, а днемъ сіяютъ какъ золото. Третья палата—тоже серебряная на золотыхъ столбахъ; на каждомъ столбѣ по два драгоцѣнныхъ камня. и эти камни ночью свѣтятся, какъ огонь горитъ, а днемъ какъ золото сіяютъ. Въ этой послѣдней палатѣ обѣдаетъ Іоаннъ со множествомъ царей, королей, князей, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и проч. Съѣстными припасами завѣдуютъ два царя и два короля. Одного перцу за обѣдомъ и ужиномъ выходитъ по четыре бочки.

Дворъ царя Іоанна такъ великъ, что цѣлый день надо ѣхать въ одну сторону, чтобы придти къ его концу. Во дворѣ—множество рѣкъ, озеръ, источниковъ, овощей. Ворота двора также чудесно выстроены: правая верея ихъ сдѣлана изъ сапфира, а лѣвая изъ слоновыхъ зубовъ; кровля изъ зміевыхъ роговъ, а самыя ворота изъ золота съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; на воротахъ изображены чудеса отъ Адама и «до сего дня». Среди двора стоитъ 40 серебряныхъ столбовъ позолоченныхъ; у каждаго столба по 40 колецъ, у каждаго кольца привязано по 40 коней, на которыхъ совершаетъ поѣздки Іоаннъ съ царями и королями.

Когда Іоаннъ отправляется на войну, передъ нимъ несутъ 12 крестовъ и 12 столовъ изъ краснаго золота съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, а одинъ крестъ — деревянный съ изображеніемъ распятія; по другую сторону передъ нимъ несутъ золотое блюдо, на которомъ положена земля въ знакъ того, что мы изъ земли сдѣланы и въ землю пойдемъ, и еще одно золотое блюдо, на которомъ лежитъ драгоцѣнный камень и «четій жемчугъ», который означаетъ величіе Индійскаго царства.

Іоаннъ ограничивается титуломъ пресвитера, хотя у него служатъ стольниками, кравчими, постельниками и т. д. мит-

рополиты, архіепископы, епископы и т. д. Это объясняется христіанскимъ смиреніемъ Іоанна.

Библіографія. *Н. И. Костомаровъ*. Памятники старинной русской литературы. Спб. 1860—1862. — *А. Н. Пыпинъ*. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857. — *Ѳ. И. Буслаевъ*. Перехожіе повѣсти и разсказы («Мои Досуги», Т. II. М. 1886).—*А. Н. Веселовскій*. Исторія романа и повѣсти. В. II. Спб. 1888.— *В. Истринъ*. Александрія русскихъ хронографовъ. М. 1893. — *А Н. Веселовскій*. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ («Вѣстникъ Европы». 1875. Апрѣль).—*Н. С. Тихонравовъ*. Девгеніево дѣяніе («Сочиненія» Т. I. М. 1898). —*Ив. Ждановъ*. Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князехъ Владимірскихъ" („Русскій былевой эпосъ". Спб. 1895).— *А. Е. Викторовъ*. Стефанитъ и Ихнилатъ. М. 1881. — *А. В. Рыстенко*. Къ исторіи повѣсти „Стефанитъ и Ихнилатъ" въ византійской и славяно-русской литературахъ. Одесса. 1902. — *А. Кирпичниковъ*. Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ. 1876. *В. Истринъ*. Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. М. 1893.

139. Умственный кругозоръ древнерусскаго читателя по переводной литературѣ. Изложенная въ предыдущихъ параграфахъ литература, переведенная съ греческаго языка или на древнеболгарскій или на древнерусскій, давала наивысшую сумму знаній древнерусскому читателю. Разсмотримъ эти знанія по предметамъ.

На первомъ мѣстѣ необходимо поставить знанія по языку и словесности. Что давала, или, лучше сказать, что пріобрѣтали въ этой области русскіе читатели изъ переводной литературы? Знанія по этимъ предметамъ древнерусскаго читателя интересовали очень мало. Даже сочиненія, касающіяся обученія грамотѣ, повидимому, были неизвѣстны нашимъ предкамъ. Первая азбука (букварь Бурцева) появился въ Московской Руси только въ 1634 г., да и этотъ букварь былъ простой перепечаткой букваря, составленнаго въ югозападной Руси (1621 г.). Второй предметъ, касающійся языка, это грамматика. Основныя правила грамматики древнерусскаго читателя опять таки не интересовали, и первая русско-славянская грамматика (Мелетія Смотрицкаго) является у насъ въ Москвѣ въ 1648 г. Тѣмъ менѣе могли интересовать древняго читателя нашего дальнѣйшія ступени словесныхъ познаній въ древности—реторика и діалектика.

Состояніе математическихъ познаній древнерусскаго человѣка соотвѣтствовало познаніямъ по языку и словесности. Древнерусскій человѣкъ, подобно византійцамъ, для изображенія цыфръ пользовался буквами своей азбуки. Каждый цыфровый знакъ, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни стоялъ, сохранялъ одно и то же значеніе. При помощи этихъ буквъ-цыфръ можно было изображать числа до тысячи. Для обозначенія чиселъ, начиная съ тысячи, приходилось прибѣгать къ особымъ условнымъ знакамъ. Благодаря такой системѣ изображенія чиселъ, рѣзко отличающейся отъ современной десятичной, наши предки изъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій употребляли преимущественно сложеніе и вычитаніе; умноженіе и дѣленіе представляли для нихъ крайнія трудности. Но особенно трудной наукой были дроби. Единственныя употребительныя дроби были: половина, четверть и треть, далѣе—полчетверти и полтрети, затѣмъ — пол-полчетверти и пол-полтрети и наконецъ, пол-пол-полчетверти и пол-полтрети. Если на практикѣ встрѣчалась нашимъ предкамъ дробь иного рода, они старались выразить ее механически путемъ сопоставленія съ обычными для нихъ дробями. Что касается складыванія или сложенія дробей, то древне-русскій человѣкъ обыкновенно избѣгалъ ихъ такимъ образомъ: наименьшую дробь приравнивалъ къ единицѣ, остальныя выражалъ кратными числами и замѣнялъ такимъ образомъ дѣйствія надъ дробями -дѣйствіями надъ цѣлыми числами. Учебники ариѳметики съ изложеніемъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами и дробями стали появляться у насъ не раньше XVI в. Учебникъ ариѳметики съ арабскими цыфрами впервые появляется въ 1647 г., хотя «цыфирь» еще долго и послѣ этого считалась у насъ чѣмъ то чародѣйскимъ, «непотребнымъ и противнымъ закону Божію». Даже Петръ В., издавшій въ 1702 г. дневникъ взятія Орѣшка, не рѣшился напечатать всю книгу съ «цыфирными числами». Изъ другихъ отдѣловъ математики у насъ была извѣстна геометрія, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, а въ смыслѣ искусства измѣренія земельныхъ участковъ. Это искусство, лишенное правильной теоретичесхой основы, руководившееся однимъ только инструментомъ—веревкой, впадало на практикѣ въ самыя грубыя ошибки. Площадь всякаго треугольника для нашихъ предковъ равнялась про-

изведенію одной стороны на половину другой (вмѣсто половины высоты на основаніе); площадь всякаго четыреугольника приравнивалась къ площади прямоугольника съ равнымъ периметромъ; въ неправильномъ четыреугольникѣ брали среднюю ариѳметическую длину двухъ противоположныхъ сторонъ и умножали ее на такую же полусумму двухъ остальныхъ сторонъ. Площадь круга измѣрялась такимъ образомъ: окружность круга дѣлили на четыре равныя части; двѣ изъ нихъ считались за стороны равновеликаго квадрата и перемножались. И т. д. Впервые учебники геометріи у насъ появляются при Петрѣ (1719 г.), а алгебры—еще позже (1730 г.).

Астрономія извѣстна у насъ была въ своемъ прикладномъ отдѣлѣ, поскольку она необходима была для составленія календаря. Особенно важна была она для опредѣленія праздника Пасхи и зависящихъ отъ нея подвижныхъ праздниковъ, а для этого необходимо было знать «кругъ луны» и «кругъ солнца». Такъ называемая «Пасхалія» была выработана еще въ Византіи до 1492 г., т. е. до конца седьмого тысячелѣтія, когда должна была, по всеобщему убѣжденію на Востокѣ, наступить кончина міра. Для пользованія таблицей «Пасхаліи» и для ея продолженія послѣ 1492 г. нужно было знать кое-что по астрономіи, хотя бы въ видѣ практическихъ правилъ вычисленія. Эти правила вычисленія излагаются въ старинныхъ астрономическихъ руководствахъ. Первый научный календарь является у насъ только въ 1719 г.

Что касается другихъ астрономическихъ свѣдѣній, касающихся устройства вселенной, положенія земли среди міра, ея формы и т. д., то въ этомъ отношеніи наши предки располагали большимъ матеріаломъ въ переводной литературѣ: въ «Палеѣ», «Шестодневѣ» Іоанна Экзарха, въ «Христіанской топографіи» Козьмы Индиноплова и т. д. Въ этихъ книгахъ на основаніи «божественнаго писанія», къ которому относили, не только каноническія книги св. Писанія, но и апокрифы а также сочиненія отцовъ и учителей церкви, доказывалось, что земля держится на трехъ китахъ (по богомильскимъ представленіямъ), что она четвероугольна (у Козьмы Индиноплова), потому что форму продолговатаго четыреугольника имѣла скинія завѣта Моисея; земля стоитъ на самой себѣ, потому что въ писаніи сказано: «ты утвердилъ землю на ея

основаніи»; за предѣлами океана, окружающаго землю, есть еще земля, потому что въ писаніи сказано: «кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести оттуда Бога»?

Кромѣ такихъ представленій существовали въ переводной литературѣ и другія. Земля не четыреугольна, не треугольна и не кругла: вселенная имѣетъ подобіе яйца. Подобно тому какъ яйцо состоитъ изъ желтка по срединѣ, безъ облекающаго его бѣлка, и изъ скорлупы, охватывающей все яйцо, такъ и вселенная имѣетъ по срединѣ землю: земля облегается со всѣхъ сторонъ воздухомъ; наконецъ, земля и воздухъ замыкаются со всѣхъ сторонъ небомъ. Земля занимаетъ во вселенной мѣсто посрединѣ, на равномъ разстояніи отъ неба со всѣхъ сторонъ; вокругъ земли обращается небо. Иные говорятъ, что земля держится на семи столпахъ; если бы это было такъ, то спрашивается, на чемъ водружены эти столпы? Объ устройствѣ неба въ связи съ такими представленіями, очевидно, заимствованными изъ Птоломеевой системы міра, давались такія свѣдѣнія. Небо по своему существу одно, а по числу небесъ—девять. Одно небо устроено «по образу этого вѣка—до сотворенія міра»; другое—по образу того вѣка, который наступитъ по воскресеніи, судѣ и воздаяніи; остальныя семь небесъ созданы по образу семи вѣковъ (въ смыслѣ тысячелѣтій) міра, а дальше—беззвѣздная твердь. Семь небесъ имѣютъ семь великихъ звѣздъ-царей надъ другими звѣздами: на нижнемъ (ближайшемъ къ землѣ) небѣ—луна, затѣмъ идутъ въ порядкѣ Ермисъ (Меркурій), Афродита (Венера), Солнце, Арисъ (Марсъ), Зевсъ (Юпитеръ), Кронъ (Сатурнъ). Выше седьмого неба находятся двѣнадцать звѣздъ (знаки зодіака).

Но такія представленія не пользовались симпатіей въ Византіи, какъ противорѣчащія св. Писанію. Опровергая ихъ, благочестивые писатели замѣчали, что люди, считающіе семь «аерскихъ поясовъ», исчисляющіе величину солнечнаго и луннаго круга, заблуждаются: человѣческое зрѣніе не можетъ различать величинъ на огромныхъ разстояніяхъ: солнце и луна существуютъ для знаменій, какъ сказано въ Писаніи: «да будутъ знаменія на дни, на годы и на лѣта», отъ небесныхъ «свѣтильниковъ» происходятъ знаменія, предвѣщающія бурю и утишеніе, дождь и сильный вѣтеръ и т. д. Съ системой Коперника впервые русскіе чи-

татели стали знакомиться въ концѣ царствованія Петра В. (1717 и 1724 гг.), но она считалась «богопротивной». Даже въ 1757 г. товарищъ директора московской типографіи считалъ ученіе о вращеніи земли вокругъ солнца «сомнительнымъ».

Съ понятіями астрономическими и космографическими гармонировала физика. Явленія природы, подобно небеснымъ явленіямъ, управляются особыми ангелами: были ангелы грома, молніи, дождя, бури, здоровья и т. д. Эти явленія посылаются Богомъ сообразно нуждамъ и поведенію людей: одни изъ нихъ служатъ людямъ для руководства въ обыденной ихъ жизни, другія, какъ, напр., страшныя бури, засухи, землетрясенія, моровыя язвы, затменія служатъ для наказанія людей за ихъ грѣхи и для обращенія ихъ на путь истинный. Радуга существуетъ для того, чтобы вбирать въ себя излишекъ воды, чтобы не было на землѣ потопа.

Были и иного рода объясненія. Громъ и молнія объяснялись столкновеніемъ тучъ. Какъ отъ столкновенія кремня съ желѣзомъ происходятъ звукъ и искра, такъ въ большихъ размѣрахъ производятся грохотъ и огонь столкновеніемъ тучъ. Сначала бываетъ громъ, а потомъ молнія: мы же сначала видимъ молнію, а потомъ слышимъ громъ. Происходитъ это отъ того, что человѣческое зрѣніе отличается быстротою: оно видитъ то, что ему доступно немедленно: слухъ же воспринимаетъ медленно: оттого онъ ощущаетъ громъ позже, чѣмъ зрѣніе воспринимаетъ молнію. Если при столкновеніи тучъ съ неба отпадаетъ часть небеснаго огня, то она, соединившись съ молніей, устремляется на землю и поражаетъ человѣка, животное, дерево, вообще, на что нападетъ. Эти воззрѣнія также отвергались византійскими авторитетами.

Собственно естествознаніе, знаніе живой природы, даваемое въ настоящее время зоологіей, ботаникой, минералогіей, физіологіей и пр., въ древности состояло изъ скудныхъ правильныхъ представленій, смѣшанныхъ съ громаднымъ количествомъ фантастическихъ представленій, которыми пользовались въ интересахъ религіозной символистики. Таковы звѣри инорогъ, онокентавръ, птицы стратимъ, алконостъ, фениксъ, рыба эхинія, люди одноглазые, съ собачьими головами и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ представленій, объясняемыхъ вообще ограниченностью и скудостью опыта и на-

блюденій въ эпоху Византіи, обязаны своимъ происхожденіямъ попросту недоразумѣнію, проявленному невѣжественными читателями того времени. Такъ, птица фениксъ, о которой, по мнѣнію «Палеи» Давидъ - пророкъ говоритъ въ 91-мъ псалмѣ («праведникъ, яко фениксъ, процвѣте») усмотрѣна въ псалмѣ «Палеей» только потому, что она смѣшала феникса съ финиковой пальмой, названія которыхъ по-гречески почти совпадаютъ: Давидъ уподобляетъ праведника финиковой пальмѣ. Еще замѣчательнѣе происхожденіе другой райской птицы—алконоста. Въ «Шестодневѣ» Іоанна Экзарха говорится объ алкіонѣ (птицѣ-гальціонѣ): «алкіонъ есть морская птица»; при перепискѣ этого мѣста сдѣлана была орѳографическая ошибка, именно оно было переписано такъ: «алкіонестъ морская птица»; сочетаніе двухъ словъ «алкіонъ» и «есть» съ этого времени стали читать, какъ одно слово: «алконостъ». Такъ возникла новая райская птица.

Въ соотвѣтствіи съ такими естественно-научными познаніями находилась и медицина. Медицина исходила изъ ученія о четырехъ стихіяхъ міра. Это ученіе обосновывается съ христіанской точки зрѣнія въ «Шестодневѣ» Іоанна Экзарха Болгарскаго. Богъ создалъ «землю», Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и явился «огонь»; бездна, надъ которой носилась тьма, это—«вода». а духъ Божій, носившійся надъ водою, это—«воздухъ». По образцу міра созданъ и человѣкъ; онъ также состоитъ изъ четырехъ стихій, соотвѣтствующихъ міровымъ стихіямъ: изъ черной желчи, которая, подобно землѣ, суха и студена, изъ красной желчи, которая, подобно огню, суха и тепла, изъ флегмы, которая, подобно водѣ, мокра и студена, изъ крови, которая, подобно воздуху, влажна и тепла. Когда эти основныя стихіи человѣческаго организма находятся въ равновѣсіи, человѣкъ здоровъ; когда равновѣсіе ихъ нарушается, человѣкъ боленъ. Возрасты и времена года сопровождаются опредѣленными болѣзнями, которыя можно предупредить соотвѣтствующей діэтой. У пятнадцатилѣтнихъ юношей «умножается кровью: то же самое бываетъ для всѣхъ возрастовъ весной, потому что весна влажна и тепла. Въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ умножается красная желчь; то же самое происходитъ для всѣхъ возрастовъ лѣтомъ, потому что лѣто тепло и сухо. Въ сорокапятилѣтнемъ возрастѣ умножается въ организмѣ черная желчь; то же са-

мое бываетъ для всѣхъ возрастовъ осень», потому что она суха и студена. Наконецъ, въ старческомъ организмѣ умножается флегма, сирѣчь мокрота: то же самое бываетъ для всѣхъ возрастовъ зимой, потому что она мокра и студена. Съ каждымъ изъ этихъ состояній связано особое настроеніе: подвижное и легко мѣняющееся въ отрокѣ зависитъ отъ крови: бодрое и рѣшительное въ молодомъ человѣкѣ зависитъ отъ красной желчи: «благосостоятельное» настроеніе въ зрѣломъ возрастѣ обусловливается обиліемъ черной желчи; тупое и печальное настроеніе старика зависитъ отъ обилія флегмы. На основаніи этого ученія давался рядъ предписаній врачебнаго и житейскаго характера, исполненіе которыхъ гарантировало здоровье и которыя даже заносились въ календари. Научная медицина проникаетъ къ намъ только съ Петра В. (1706 г.).

Познанія географическія, разсѣянныя по переводнымъ книгамъ, были большею частью скудны, неопредѣленны и фантастичны. Даже о своей родинѣ наши предки не имѣли ясныхъ представленій. Первая топографическая опись русской земли появляется въ XVI в. въ «Книгѣ Большому Чертежу». Болѣе точныя свѣдѣнія по всеобщей географіи появляются въ XVI—XVII вв. изъ западныхъ произведеній.

Такимъ же характеромъ отличались и познанія историческія. Главными источниками въ этой отрасли были «Палея», византійскія хроники и «Откровеніе» Меѳодія Патарскаго. Вмѣсто точныхъ историческихъ фактовъ въ нихъ преобладаетъ легенда. Исторія западно-европейскихъ странъ остается неизвѣстной древнерусскимъ читателямъ до XVI в.

140. Достоинства переводной византійской литературы. Византійская переводная литература, по міровоззрѣнію, лежащему въ ея основѣ, во многихъ отношеніяхъ не возвышается или мало возвышается надъ національнымъ древне-русскимъ міровоззрѣніемъ (§§ 54, 56). Но въ общемъ она все-таки стояла далеко выше послѣдняго.

Во-первыхъ, византійская литература давала подробныя свѣдѣнія космологическаго характера: въ ней отчетливо изображены съ анимистической точки зрѣнія (наиболѣе доступной древне-русскому читателю) происхожденіе міра и человѣка и отмѣчена извѣстная послѣдовательность въ міровомъ творчествѣ.

Во-вторыхъ, византійская литература давала не менѣе ясныя эсхатологическія представленія (т. е. представленія о конечной судьбѣ міра и человѣка): міръ будетъ существовать семь тысячелѣтій, по прошествіи которыхъ наступитъ его кончина: къ этому моменту участь человѣка ясно опредѣлится: всѣ умершіе воскреснутъ; праведники получатъ въ награду вѣчное блаженство, а грѣшники будутъ ввергнуты въ вѣчныя муки.

Въ-третьихъ, византійская литература, такъ или иначе, давала рядъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знаній, свѣдѣній, очень часто фантастическихъ, но нерѣдко и правильныхъ и этимъ выводила русскаго человѣка изъ круга обычныхъ для него слишкомъ элементарныхъ представленій національнаго происхожденія и пробуждала въ немъ любознательность.

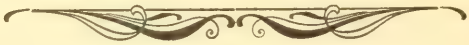
Въ-четвертыхъ, византійская литература давала кодексъ личной морали (обузданіе личныхъ страстей, правдивость, смиреніе, любовь къ бѣднымъ и убогимъ, милостыня и т. д.) и живые образы ея осуществленія.

141. Кѣмъ и какъ читалась у насъ переводная византійская литература. Переводная византійская литература читалась въ древней Руси небольшой группой грамотныхъ людей. Грамотные люди принадлежали у насъ къ двумъ классамъ населенія—княжеско-дружинному и церковному. Далеко не всѣ представители и этихъ двухъ классовъ были грамотны; поэтому кругъ древне-русскихъ читателей былъ вообще не великъ.

Но и эта небольшая группа русскихъ читателей далеко не все понимала въ прочитываемыхъ книгахъ: легче всего давалось чтеніе повѣствовательныхъ произведеній, напр., беллетристики и апокрифовъ. Менѣе доступны были сочиненія научно-богословскаго характера, во-первыхъ, потому что утонченная мысль византійца, воспитывавшаяся на отвлеченныхъ вопросахъ тысячелѣтія, оставалась совершенно недоступной едва-едва начинавшимъ мыслить русскимъ читателямъ, а во-вторыхъ, потому что нѣкоторые переводы были сдѣланы переводчиками не совсѣмъ вразумительно, такъ что безъ греческаго оригинала они и теперь во многихъ мѣстахъ непонятны.

Переводная византійская литература находитъ себѣ болѣе

широкій кругъ читателей со второй половины XV в., когда усложнившаяся русская жизнь дала русскому человѣку рядъ тяжелыхъ уроковъ и заставила его мысль работать энергичнѣе прежняго.



ИСТОРІЯ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

142. Періоды въ исторіи древней русской литературы. Исторія древней русской литературы, обнимающей время приблизительно отъ половины IX-го в. и до конца XVII -го в., дѣлится на слѣдующіе пять періодовъ: 1) періодъ первый: эпоха древняго Кіевскаго просвѣщенія (отъ половины IX в. до половины XIII в.), 2) періодъ второй: эпоха удѣльнаго литературнаго творчества (отъ половины XIII в. до конца XV в.), 3) періодъ третій: эпоха Московской культуры (отъ начала XVI в. до половины XVII в.), 4) періодъ четвертый: эпоха южно-русскаго просвѣщенія (отъ половины XVI в. до половины XVII в.), 5) періодъ пятый эпоха южно-русскаго вліянія на Москву (вторая половина XVII в.).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха древняго Кіевскаго просвѣщенія.

143. Объ эпохѣ древняго Кіевскаго просвѣщенія Эпохой древняго Кіевскаго просвѣщенія называется періодъ времени, начинающійся приблизительно съ половины IX в. и оканчивающійся къ половинѣ XIII в. Въ теченіе этого періода городъ Кіевъ занимаетъ въ исторіи русскаго государства, въ той или другой формѣ, центральное положеніе: первоначально центральное положеніе Кіева обуслов-

ливалось его экономическимъ первенствомъ на великомъ водномъ пути; со времени образованія варяго-русскихъ княжествъ на основѣ экономическаго первенства Кіева возникаетъ первенство политическое, продолжающееся до второй половины XII в.; на почвѣ двухъ первенствъ — экономическаго и политическаго—со времени оффиціальнаго принятія крещенія въ 989 г.—Кіевъ пріобрѣтаетъ культурное первенство, продолжающееся до 1240 г., когда Кіевъ палъ подъ ударами татаръ. Значеніе Кіева, особенно культурное, настолько велико было въ самосознаніи древнерусскаго человѣка, что Кіевъ послѣ своего паденія становится идеальнымъ центромъ древнерусскаго княжеско-дружиннаго устнаго эпоса и церковнаго агіографическаго творчества.

Экономическое, политическое и культурное творчество Кіева не исключало умственнаго движенія и литературнаго творчества въ другихъ русскихъ городахъ: оно даже стало необходимостью въ эпоху системы очереднаго княженія, когда главные русскіе города становились центрами мѣстной областной жизни; представители княжескаго рода и церкви, составлявшіе высшій культурный слой въ этихъ городахъ, подражая Кіеву, заводили въ нихъ культурныя начинанія, на почвѣ которыхъ развивалась мѣстная литература. Такъ возникала литературная дѣятельность въ Новгородѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и т. д.

Кіевская Русь, ея экономическій, общественно-политическій строй и историческая судьба.

144. Преданія о возникновеніи Кіева. О возникновеніи Кіева лѣтопись разсказываетъ слѣдующее. Были въ землѣ полянъ три брата. Имя одного было Кій, другого — Щекъ, а третьяго — Хоривъ. У нихъ была сестра Лыбедь. Кій занялъ гору, гдѣ въ эпоху лѣтописца былъ Боричевъ перевозъ, Щекъ—гору, которая получила потомъ названіе Щековица, а Хоривъ—гору, получившую впослѣдствіи названіе Хоривица. Братья основали здѣсь городъ и назвали его по имени старшаго брата Кіевомъ. Около города находился громадный лѣсъ. Главное занятіе братьевъ состояло въ звѣроловствѣ. Братья были «мужи мудри и смыслени».

Лѣтописецъ передаетъ о Кіи и другое преданіе. По этому преданію, у того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ Кіевъ,

находился съ той стороны Днѣпра перевозъ. Кій былъ перевозчикъ. Поэтому сложилось выраженіе: «на перевозъ на Кіевъ».

Оба преданія хорошо рисуютъ причины и условія возникновенія Кіева: на опушкѣ обширнаго лѣса, тянувшагося вверхъ по Днѣпру, на удобномъ пути съ одной стороны Днѣпра на другую, возникаетъ городокъ, который былъ складочнымъ мѣстомъ русскихъ звѣролововъ.

145. Основныя занятія русскихъ въ эпоху Кіевской Руси. Основнымъ видомъ хозяйственной дѣятельности въ Кіевской Руси была добывающая промышленность, что обусловливалось, съ одной стороны, богатствомъ естественныхъ даровъ природы въ бассейнѣ великаго воднаго пути, а съ другой—рѣдкостью населенія.

Изъ видовъ добывающей промышленности первое мѣсто занимало звѣроловство и птицеловство (охота), т. е. та отрасль, которая столь характерна для первобытнаго родового коммунизма. Основатели Кіева Кій, Щекъ и Хоривъ, были по лѣтописному преданію, звѣроловами; сѣверяне платили дань хозарамъ по шкурѣ бѣлки «съ дыма»; Олегъ, покоривъ древлянъ (883 г.) наложилъ на нихъ дань—по черной куницѣ съ дома; по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе (во второй половинѣ IX в.), русскіе вывозили на продажу мѣха выдры и черныхъ лисицъ; Игорь одарилъ византійскихъ пословъ (945 г.) тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ — преимущественно мѣхами; Ольга, по словамъ лѣтописи, устраивала въ древлянской и новгородской областяхъ княжескія «ловища», т. е. приспособленія для звѣроловства, а по Днѣпру и Деснѣ «перевѣсища»—приспособленія для ловли птицъ; Святославъ говорилъ, что одно изъ главныхъ богатствъ Руси — мѣха: поводомъ къ междуусобной борьбѣ между сыновьями Святослава—Ярополкомъ кіевскимъ и Олегомъ древлянскимъ послужило убійство Олегомъ Люта, сына воеводы Ярополка Свѣнельда, который «ловы дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», причемъ забрался во владѣнія Олега (975 г.); арабскіе писатели X в. Ибнъ-Даста, Ибнъ-Хаукаль, Аль-Истархи сообщаютъ, что русскіе вывозятъ мѣха собольи, горностаевы и бѣличьи; о Всеволодѣ лѣтопись сообщаетъ (1088 г.), что онъ «ловы дѣялъ звѣриные за Вышгородомъ»; въ «Русской Правдѣ» (XI в.) кража охотничьей собаки, ястреба и сокола,

также употреблявшихся древними русскими для охоты, подвергались уголовной карѣ; Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи» разсказываетъ о своихъ охотничьихъ подвигахъ на ряду съ подвигами военными и дѣлами управленія; даже въ концѣ XII в. охота продолжаетъ имѣть существенное значеніе въ хозяйственной дѣятельности Кіевскаго княжества: князь отправляется на охоту на продолжительное время, съ женами и дружиной.

Второй по важности отраслью добывающей промышленности было пчеловодство, или бортничество. Игорь и Ольга въ XI в. одаривали грековъ, кромѣ мѣховъ, медомъ и воскомъ; Святославъ, перечисляя богатства Руси наряду, съ мѣхами упоминаетъ медъ и воскъ: арабскіе писатели Ибнъ-Хаукаль и Ибнъ-Даста (X в.) упоминаютъ о медѣ, какъ одной изъ важнѣйшихъ статей вывоза русскихъ; въ XII в. у русскихъ князей были особые погреба, «медуши». съ запасами меда, причемъ въ одномъ изъ такихъ погребовъ въ Путивлѣ было около 5,000 пудовъ меду: въ «Русской Правдѣ» за срубку бортнаго дерева, за уничтоженіе знака, поставленнаго владѣльцемъ на бортьи, за похищеніе пчелъ и меда назначены опредѣленные штрафы.

Третьей важной отраслью добывающей промышленности было рыболовство. Археологическія данныя (остатки рыболовныхъ крючковъ, удочекъ, острогъ, грузилъ для сѣтей) и лѣтописныя свидѣтельства достаточно доказывваютъ важную роль и этой отрасли промышленности.

Что касается сельскаго хозяйства, то на первомъ мѣстѣ необходимо поставить скотоводство. Въ XII в. встрѣчаются указанія на существованіе у насъ коннозаводства; въ XI—XII вв. конскіе табуны у князей достигаютъ высокихъ цыфръ: у черниговскихъ Ольговичей упоминается (1145 г.) конскій табунъ въ 4,000 головъ: въ «Русской Правдѣ» упоминаются слѣдующіе виды древнерусскаго домашняго скота: лошади, быки, коровы, волы, телята, бараны, козы, свиньи; показанныя въ «Русской Правдѣ» цѣны на скотъ—очень низкія—доказательство того, что скота было много. Сравнительно съ скотоводствомъ значительно слабѣе развито было птицеводство. Изъ прирученныхъ птицъ въ «Русской Правдѣ» упоминаются голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди, причемъ цѣны на нихъ очень дорогія.

Менѣе развито было въ Кіевскомъ княжествѣ, особенно въ началѣ, земледѣліе. Въ эпоху разселенія своего съ Карпатскаго нагорья русскіе славяне были знакомы съ земледѣліемъ. Византійскій императоръ Маврикій свидѣтельствуетъ, что у славянъ этой эпохи было много проса и пшеницы; въ могилахъ сѣверянъ и полянъ археологи нашли зерна ржи, ячменя, пшеницы и гречихи, а также серпы. Но земледѣліе не принадлежало къ господствующимъ отраслямъ промышленности; имъ русскіе славяне занимались лишь по стольку, по скольку оно могло удовлетворять ихъ собственныя потребности. Что земледѣліе не играло важной роли въ хозяйствѣ русскихъ славянъ, видно изъ того, что среди богатствъ Руси хлѣбъ не упоминается, а только мѣха, медъ и воскъ (къ которымъ присоединяется особый еще товаръ—челядь, т. е. рабы). Только въ XII в. замѣчается ростъ земледѣлія и его значенія. Такъ, на съѣздѣ князей у Долобскаго озера (1103 г.) дружина Святополка указывала на то, что неудобно предпринимать походъ на половцевъ весной, когда смерды (крестьяне) заняты полевыми работами; есть свидѣтельства о посѣвахъ пшеницы, ржи, овса, проса, пшена, солода, гороха, льна, мака; въ «Русской Правдѣ» говорится о ратайномъ (земледѣльческомъ) тіунѣ (старостѣ), о ролейномъ закупѣ (рабочемъ-земледѣльцѣ), о ролейной, или пашенной межѣ, о гумнѣ и ямѣ—приспособленіяхъ для храненія хлѣба, о боронѣ и плугѣ.

Еще слабѣе была обрабатывающая промышленность. По курганамъ X—XI вв. можно установить, что тогда существовали гончарное и металлическое производство, производство шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій: въ древлянскихъ и полянскихъ могилахъ встрѣчаются глиняныя сосуды, ожерелья, серпы, косы, желѣзныя части плуга, молоты, ножи, замки, ключи, стрѣлы, каменныя формы для литья металловъ, остатки шерстяныхъ тканей и холста. Объ этихъ же отрасляхъ обрабатывающей промышленности встрѣчаются извѣстія въ письменныхъ памятникахъ. Ибнъ-Даста указываетъ, что русскіе выдѣлывали стрѣлы, щиты и копья; Ибнъ-Фодланъ и лѣтопись сообщаютъ о выдѣлываніи изъ дерева идоловъ: Перунъ былъ съ серебряной головой и золотыми усами—значитъ, у насъ была и обработка серебра и золота; византійскій императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ

о выдѣлываніи русскими деревянныхъ лодокъ; преданіе о кожемякѣ Янѣ Усмошвецѣ (992 г.) указываетъ на существованіе обработки кожъ. Но всѣ эти промыслы были очень слабо развиты. При дворѣ Владимира св. дружина пользовалась еще деревянными ложками, которыя послѣ ея протеста замѣнены были серебряными; Ибнъ-Фодланъ сообщаетъ, что русскіе покупали зеленыя бусы изъ глины, которыя цѣнились ими очень дорого; Ибнъ-Даста утверждаетъ, а археологическія данныя подтверждаютъ, что русскіе, за исключеніемъ стрѣлъ, щитовъ и копій, прочее оружіе покупали. Только въ XII в. обрабатывающая промышленность достигаетъ нѣсколько большаго развитія: въ XII в. новгородцы славятся, какъ искусные плотники; производство лодокъ изъ дерева пріобрѣтаетъ нѣкоторое разнообразіе; появляются русскіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера.

Важное значеніе въ Кіевской Руси имѣла внѣшняя торговля. Съ хазарами и арабами эта торговля началась еще въ VIII в.; расцвѣтъ ея относится къ IX и X вв., къ которымъ относятся и особенно многочисленные клады съ арабскими диргемами. По свидѣтельству Ибнъ-Хардадбе, русскіе пріѣзжаютъ съ товарами къ хазарамъ въ ихъ столицу Итиль у устья Волги, возятъ товары къ юго-восточному берегу Каспійскаго моря, а иногда даже съ караванами верблюдовъ появляются и въ Багдадѣ. Въ XI в. торговля съ Востокомъ слабѣетъ и затѣмъ совсѣмъ прекращается съ занятіемъ половцами путей сообщенія туда.

Торговыя сношенія съ Византіей происходятъ въ IX—XII вв., причемъ расцвѣтъ торговли съ ней относится къ X в.

Наконецъ, русскіе вели торговыя сношенія и съ нѣмцами, главнымъ образомъ съ островомъ Готландомъ. Доказательствомъ тому служатъ клады съ западными монетами (шлягами) IX—XI вв.

Вывозили русскіе мѣха, медъ, воскъ и рабовъ, а ввозили оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, предметы и украшенія изъ серебра и глины, вина, плоды и монеты: арабскіе диргемы, византійскіе солиды («золотники») и нѣмецкіе шляги.

Обзоръ главныхъ занятій населенія Кіевской Руси показываетъ, что русскіе этой эпохи еще мало двинулись впередъ въ экономическомъ отношеніи: преобладаютъ занятія

сохранившіяся отъ эпохи родового коммунизма съ легкой примѣсью новыхъ занятій, характеризующихъ патріархально-родовую промышленность. Такимъ образомъ, русскіе эпохи Кіевской Руси господствовавшими занятіями обречены были стоять на очень низкой культурѣ. Только одно занятіе является совершенно новымъ: внѣшняя торговля, и она произвела въ экономическомъ и общественномъ строѣ Кіевской Руси нѣкоторыя важныя измѣненія.

146. Техника занятій населенія Кіевской Руси. Техника занятій населенія Кіевской Руси отличалась крайней простотой и первобытностью.

Русскій звѣроловъ, къ услугамъ котораго были обширные дѣвственные лѣса, устраивалъ на обширныхъ пространствахъ незамысловатыя ловушки, въ которыя попадалось много звѣрей и птицъ. Онъ истреблялъ звѣрей и птицъ безъ пощады. Если въ одномъ районѣ количество звѣрей и птицъ уменьшалось, русскій звѣроловъ переходилъ въ новый районъ, гдѣ къ его услугамъ оказывались новыя богатства животнаго міра. Такимъ образомъ, звѣроловство носило хищническій или экстенсивный кочевой характеръ техника его не требовала ни особеннаго искусства, а слѣдовательно и особеннаго напряженія умственныхъ способностей, ни большого труда, ни предварительной затраты значительнаго капитала на устройство простыхъ и нехитрыхъ приспособленій для ловли.

Техника пчеловодства была не менѣе проста. Древнерусскій пчеловодъ не имѣлъ нужды въ искусственныхъ приспособленіяхъ для пчелъ въ родѣ ульевъ, или пасѣкъ: онъ. охотясь за звѣрями въ лѣсу, натыкался на дуплистыя деревья, въ которыхъ складывали медъ и воскъ дикія пчелы; на эти деревья, называвшіяся бортными или бортями, онъ ставилъ «знамя», т. е. отмѣчалъ ихъ знакомъ собственности, а затѣмъ своевременно вынималъ изъ нихъ и медъ и воскъ. При такомъ способѣ пчеловодства опять таки не требовалось ни умственнаго напряженія, ни капитала, ни особаго труда.

Рыболовство до сихъ поръ отличается простотой техники, а тогда при обиліи рѣчныхъ и вообще водныхъ богатствъ и рѣдкости населенія еще проще.

Земледѣліе также отличалось простотой. Въ лѣсу на

извѣстномъ пространствѣ вырубались и сжигались деревья; образовывалось поле, сухое и покрытое пепломъ («палъ», «огнище», «ляды»): на этомъ полѣ въ теченіе года или двухъ сѣялся хлѣбъ, послѣ чего древнерусскій земледѣлецъ переходилъ на новое мѣсто, съ которымъ производилъ такую же операцію. Это—такъ называемая «подсѣчная», «огневая» или «лядинная» система земледѣлія. Такимъ образомъ, и земледѣліе носило экстенсивный, хищническій и кочевой характеръ, что возможно было опять-таки при обширности территоріи и рѣдкости населенія. Поземельной собственности въ нашемъ смыслѣ еще не было, а было свободное временное землепользованіе.

Техника внѣшней торговли отличалась не меньшей простотой. Къ веснѣ приготовлялись лодки, которыя нагружались предметами рускаго вывоза, причемъ часть товаровъ, сложенныхъ въ лодки принадлежала купечеству русскихъ городовъ, другая часть представляла дань, которую получали князья и дружина (дань была натурой). Затѣмъ эти лодки спускались внизъ по Днѣпру въ сопровожденіи военной охраны. Далѣе онѣ шли вдоль западнаго берега Чернаго моря до Константинополя, гдѣ русскіе товары обмѣнивались на греческіе. На зиму русскіе возвращались обратно. Такимъ образомъ, торговля имѣла караванный характеръ: она не имѣла постоянной непрерывной связи между русскими продавцами и внѣшнимъ рынкомъ, не требовала выработки коммерческой техники и затраты капитата. Техника внѣшней торговли, мало напрягала какъ и техника другихъ занятій, умственныя способности русскаго человѣка.

Обзоръ техники основныхъ занятій эпохи Кіевской Руси жества подтверждаетъ, что русскіе находились еще на низкой ступени культурнаго развитія.

147. Общественные классы въ Кіевской Руси. Населеніе Кіевской Руси распадалось на двѣ главныя группы: свободное населеніе и населеніе полусвободное или несвободное. Свободное населеніе распадалось на слѣдующіе главные классы: 1) смерды, 2) дружина и 3) духовенство.

148. Смерды. Смерды — основной и самый многочисленной классъ населенія. Главныя занятія его были: звѣроловство, пчеловодство, скотоводство, рыболовство и, позже, зем-

ледѣліе. Это, слѣдовательно, классъ по преимуществу сельскій (крестьянство). Но смерды при тѣхъ же занятіяхъ жили и въ городахъ, причемъ и въ нихъ они составляли основной и самый многочисленный классъ населенія.

Смердомъ назывался въ Кіевской Руси всякій свободный человѣкъ, не принадлежавшій къ княжеской дружинѣ или духовенству съ одной стороны, а съ другой не принадлежавшій къ классу несвободныхъ или полусвободныхъ. Такимъ образомъ, однимъ изъ важныхъ правъ смерда была его личная свобода. За убійство смерда въ началѣ полагалась кровавая месть; если не было мести, убійца платилъ князю штрафъ въ 40 гривенъ; впослѣдствіи, со второй половины XI в., кровавая месть совершенно замѣняется штрафомъ въ 40 гривенъ и головничествомъ, т. е. вознагражденіемъ семьи убитаго, установленнымъ въ 5 гривенъ. Нанесеніе вреда здоровью смерда точно также подвергалось наказанію: за тяжелое увѣчье—отсѣченіе руки или ея израненіе, лишавшее возможности владѣть ею, полагался въ XI в. штрафъ въ 40 гривенъ; за лишеніе руки, ноги, глаза и носа въ XII в. платилось 20 гривенъ князю и 10 гривенъ потерпѣвшему: за остальные проступки противъ здоровья смерда—побои до синяковъ и крови, отсѣченіе пальца и ударъ мечомъ, не причинившій смерти, платилась вира князю въ 3 гривны и вознагражденіе потерпѣвшему въ 1 гривну. Налагались наказанія и за оскорбленіе чести смерда: за ударъ необнаженнымъ мечемъ, палкой, рукой, кулакомъ, чашей, рогомъ, за вышебленный зубъ, за вырванный клокъ бороды или усъ полагалось 12 гривенъ.

Второе право, принадлежавшее смердамъ, было право собственности на движимое и недвижимое имущество, причемъ, такъ какъ смерды имѣли древне-семейную организацію, то собственность была коллективная, а не личная. Эта собственность ограждалась отъ посягательствъ закономъ: за поджогъ и конокрадство назначались «потокъ» и «разграбленіе», т. е. смертная казнь или изгнаніе и конфискація имущества преступника. За кражу бобра, за истребленіе чужого скота, уничтоженіе знака собственности на борти, уничтоженіе пашенной межи полагалось 12 гривенъ; за кражу хлѣба съ гумна, скота изъ хлѣва, пса, ястреба и сокола изъ перевѣса, за похищеніе пчелъ и меда полагалось 3 гривны.

Третье право смерда—политическое, право главы семьи участвовать въ вѣчѣ, народномъ собраніи для рѣшенія дѣлъ, касающихся княжества.

Съ правами связаны были у смерда и обязанности.

Первая обязанность смерда состояла въ томъ, чтобы платить князю дань. Эту обязанность смерды выполняли и до появленія у русскихъ славянъ государственнаго устройства: новгородскіе славяне платили дань варягамъ, поляне, сѣверяне и радимичи — хазарамъ. Далѣе, на обязанности смердовъ лежало содержать должностныхъ княжескихъ лицъ при исполненіи ими обязанностей. За провозъ ихъ товаровъ взыскивались торговыя пошлины, за судебное разбирательство ихъ дѣлъ—судебныя пошлины.

Второй обязанностью смерда была военная служба, въ случаѣ необходимости. Смерды, отправлявшіеся на войну, образовывали особое отъ княжеской дружины ополченіе свободныхъ людей.

Таково было положеніе смерда-мужчины.

Положеніе женщины въ эпоху Кіевской Руси было еще довольно хорошо. Жизнь ея ограждалась закономъ такъ же, какъ и жизнь свободнаго мужчины. Имущественныя права женщины, кто бы она ни была—дѣвушка, замужняя женщина или вдова, одинаково тщательно охранялись. Такъ, вдова послѣ смерти мужа получала часть наслѣдства, если ея дѣти уже достигли совершеннолѣтія; если же дѣти оставались еще малолѣтними, вдова становилась домоправительницей и распоряжалась имѣніемъ дѣтей.

149. Дружина. Дружиной назывался высшій военно-административный правительственный классъ. Съ дружиной князь предпринималъ походы и собиралъ дань; изъ дружины князь назначалъ отдѣльныхъ лицъ на должности военныя, административныя, судебныя; изъ дружины же князь назначалъ лицъ, которыя отправлялись въ Византію или на Востокъ для продажи собранной дани. Словомъ, съ дружиной князь дѣлилъ трудъ по управленію княжествомъ и доходы. По своему племенному составу дружина первоначально была иностранной, а именно, состояла изъ скандинавскихъ выходцевъ, варяговъ и только съ теченіемъ времени, пополняясь отъ туземцевъ славянъ, постепенно ославянилась. Дружина, какъ особый классъ населенія, распадалась по занятіямъ на

два слоя: 1) княжіе мужи, или бояре и 2) отроки, или дѣтскіе.

1) Княжіе мужи, или бояре, во-первыхъ, были княжескими совѣтниками, во-вторыхъ, принимали участіе въ торговлѣ и, въ третьихъ, участвовали въ княжескихъ военныхъ походахъ. Этотъ слой дружины первоначально сливался съ городскимъ купечествомъ.

2) Отроки, или дѣтскіе служили тѣлохранителями князя и его слугами при дворѣ; кромѣ того, дѣтскіе или отроки присутствовали на судѣ и исполняли, по порученію судьи, разнаго рода обязанности полицейско-исполнительнаго характера: напр., дѣлили наслѣдство по рѣшенію суда и пр.

Хотя дружина была высшимъ классомъ населенія, однако сравнительно съ смердами она пользовалась, особенно въ началѣ существованія Кіевской Руси, еще небольшими сравнительно привилегіями. Младшая часть дружины, т. е. отроки или дѣтскіе, ограждалась относительно жизни, здоровья, чести и имущества на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и смерды, т. е. не пользовалась юридически особыми преимуществами. Первоначально даже убійство боярина, представителя старшей части дружины, наказывалось какъ и убійство смерда, кровавой местью. Впослѣдствіи, въ XII в., штафъ за убійство боярина взимался уже въ 80 гривенъ, т. е. вдвое болѣе, чѣмъ за убійство смерда; оскорбленіе чести боярина оплачивалось 12 гривнами, т. е. въ четыре раза дороже, нежели оскорбленіе чести смерда. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени дружина, особенно старшая ея часть, пріобрѣтаетъ въ сравненіи съ смердами нѣкоторыя преимущества сословнаго характера.

Находясь въ услуженіи князя, дружина за свою службу получала отъ князя вознагражденіе изъ дани, торговыхъ и судебныхъ пошлинъ.

Такъ какъ дружинники исполняли обязанности государственнаго характера, т. е. совершали наиболѣе сложный видъ труда, то они должны были обладать бо́льшимъ развитіемъ, чѣмъ другіе классы населенія; кромѣ того, въ силу чисто государственныхъ требованій (напр., заключеніе договоровъ съ иностранными государствами) дружинники должны были обладать хотя бы элементарнымъ просвѣщеніемъ, т. е. грамотностью.

150. Духовенство. Общественно-политическое развитіе Кіевской Руси, усложняясь, требовало улучшенія способовъ управленія. Для осуществленія этой задачи при Владимирѣ св. русское правительство сближается съ культурной Византіей принятіемъ христіанства. Принятіе христіанства привело къ образованію у насъ особаго учрежденія — церкви и къ возникновенію, на ряду съ дружиной, второго правящаго класса населенія—духовенства. Задачей духовенства была организація нѣкоторыхъ отраслей общественно-политическаго управленія.

Въ духовенствѣ эпохи Кіевской Руси надо различать два слоя: высшую часть духовенства, состоявшую изъ митрополита, епископовъ и игуменовъ монастырей, и низшую, состоявшую изъ рядового бѣлаго и чернаго духовенства. Высшій представитель русской церкви — митрополитъ — назначался константинопольскимъ патріархомъ изъ грековъ (русская церковь въ Кіевскую эпоху находилась въ зависимости отъ византійской); за весь Кіевскій періодъ насъ было только два митрополита изъ русскихъ: Иларіонъ (1051 г.) и Климентъ Смолятичъ (1147 — 1154). Епископы у насъ не выбирались соборомъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, а назначались по распоряженію князей: при этомъ они выбирались не изъ бѣлаго и чернаго духовенства, какъ въ Византіи, а почти исключительно изъ чернаго. Это объясняется тѣмъ, что бѣлое духовенство у насъ составлялось по преимуществу изъ низшаго класса—изъ городскихъ, а впослѣдствіи и изъ сельскихъ смердовъ, и потому въ общемъ, оно не отличалось образованностью: среди бѣлаго духовенства, вѣроятно, были и лица безграмотныя, попавшія въ священники благодаря знанію наизусть текстовъ книгъ, необходимыхъ для богослуженія и исполненія требъ. Въ иномъ положеніи была у насъ монашествующая часть духовенства: она составлялась по преимуществу изъ лицъ высшихъ классовъ (дружины, купечества), гдѣ образованіе, или, по крайней мѣрѣ, грамотность была необходимостью; кромѣ того, монахи, по своему соціальному происхожденію, имѣли навыкъ къ управленію и, слѣдовательно, могли занимать съ честью такіе административные посты, какъ епископскіе.

Духовенство, какъ руководящая часть русской церкви, точнѣе, какъ церковь по преимуществу, имѣло своею зада-

чею организовать отношенія двоякаго рода: 1) отношенія народной массы къ власти гражданской и церковной и 2) отношенія членовъ паствы къ себѣ и другъ къ другу. Эти отношенія духовенство стремилось организовать на основахъ христіанскаго ученія, точнѣе, на основахъ того пониманія его, которое установилось въ Византіи къ концу X в., т. е. на основахъ смиренія и терпѣнія.

Для наставленія паствы въ ученіи Христа, наше древнее духовенство не имѣло возможности прибѣгнуть къ помощи школы съ ея умственной дисциплиной, потому что сама Византія, наша учительница въ христіанской вѣрѣ, этимъ средствомъ не пользовалась: школа въ Византіи имѣла частный неорганизованный характеръ, и ею ни государство, ни церковь не пользовались для своихъ цѣлей. Вмѣсто школьнаго усвоенія религіозныхъ истинъ духовенство прибѣгало къ единственному способу: устному поученію, т. е. проповѣдивъ церкви главнѣйшихъ догматовъ христіанства, что, конечно. происходило не часто и было недостаточно. При помощи поученія же духовенство учило и истинамъ нравственной жизни. Но въ этой области у духовенства были, кромѣ поученія, еще средства: 1) монашеская жизнь, какъ образчикъ примѣра и подражанія для паствы и 2) церковная юрисдикція въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни, какъ принудительное начало для воздѣйствія на паству.

1) Монашеская жизнь. Монашество у насъ явилось въ ту пору, когда въ Греціи оно находилось въ упадкѣ, а именно. когда монастыри стали основываться не внѣ міра въ пустынѣ, а на міру, причемъ общинный строй старыхъ монастырей уступилъ мѣсто индивидуализму: монахи предпочитали жить по кельямъ, на полной свободѣ. Наше монашество было подражаніемъ греческому. При Владимирѣ св. монахи жили около приходскихъ церквей по отдѣльнымъ кельямъ. Затѣмъ монастыри основываютъ у насъ князья и богатые люди съ цѣлью обезпечить себѣ царство небесное черезъ посредство вѣчныхъ молитвъ монаховъ основаннаго монастыря. Въ эпоху Кіевской Руси число монастырей у насъ дошло до 70. Только немногіе изъ нихъ были основаны трудами и подвигами самихъ монаховъ. Къ монастырямъ послѣдняго рода относится Кіево-Печерскій, основанный пр. Антоніемъ въ княженіе Ярослава М. Ѳеодосій Пе-

черскій, преемникъ пр. Антонія, попытался ввести въ Кіево Печерскій монастырь студійскій уставъ, требовавшій строгаго общежитія монаховъ и нестяжательности; но этотъ уставъ и при Феодосіи лишь съ трудомъ исполнялся кіево-печерскими монахами, а послѣ его смерти совсѣмъ не исполнялся.

Дѣятельность нашихъ монаховъ проходила въ аскетическихъ подвигахъ: въ умерщвленіи плоти, которое достигалось ношеніемъ веригъ, бдѣніемъ, постомъ, молчаніемъ и въ молитвахъ. Это — подвижничество обыкновенное. Болѣе трудное подвижничество состояло въ затворничествѣ (пещерничество), столпничествѣ и юродствѣ. Первое состояло въ томъ, что монахъ избиралъ себѣ особую пещеру, въ которой съ трудомъ можно было повернуться, запирался въ ней и жилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, питаясь только хлѣбомъ и водой, и то очень скудно. Такъ, многотерпѣливый Іоаннъ, затворникъ Печерскій, выжилъ въ такомъ затворничествѣ, «въ великомъ воздержаніи, многимъ постомъ удручая и томя плоть свою и нося на всемъ тѣлѣ желѣза», 30 лѣтъ. Столпничество — это видъ затворничества, состоящій въ томъ, что монашествующій запирается въ узкой столпообразной башнѣ и живетъ стоя. Этотъ видъ аскетическихъ упражненій былъ самымъ труднымъ. Въ Кіевскую эпоху столпничествомъ занимался, кажется, одинъ только Кириллъ Туровскій. Наконецъ, юродство состояло въ томъ, что монашествующій принималъ личину идіота, безумца и дерзко обличалъ людей, чтобы терпѣть отъ нихъ поношенія и укоризны.

2) **Церковная юрисдикція**. Духовенству предоставлено было обширное поприще для воздѣйствія на древнерусское общество и его отношенія. Вѣдѣнію церкви подлежали прежде всего дѣянія грѣховныя, затѣмъ дѣянія грѣховно-преступныя и, наконецъ, противозаконныя дѣянія, совершавшіяся церковными людьми вообще, духовными и свѣтскими.

Къ грѣховнымъ дѣяніямъ относились слѣдующія: волхвованіе и чародѣяніе, браки въ близкихъ степеняхъ родства, разводъ по взаимному соглашенію супруговъ, употребленіе недозволенной пищи, общеніе въ пищѣ съ язычниками.

Къ дѣяніямъ грѣховно-преступнымъ, т. е. такимъ, въ которыхъ нарушеніе церковныхъ правилъ соединяется съ причиненіемъ физическаго или нравственнаго вреда другому

или съ нарушеніемъ общественнаго порядка, относились слѣдующія: умыканіе дѣвицъ, оскорбленіе женской чести, самовольный разводъ мужа съ женой безъ вины послѣдней и пр. Эти дѣла разбирались княжескимъ судьей при участіи судьи церковнаго.

Церковному суду подлежали, наконецъ, всѣ проступки, совершавшіяся лицами церковными, т. е. духовенствомъ бѣлымъ съ его семьями, чернымъ, мірянами, служившими церкви, рабами, отпущенными на волю и селившимися на церковныхъ земляхъ подъ именемъ изгоевъ, людьми безпріютными и убогими, которые были призрѣваемы церковью. Наиболѣе тяжкія проступки церковныхъ людей подлежали суду церковному при участіи княжескаго судьи.

Въ выработкѣ русскаго законодательства Кіевской эпохи церковь принимала дѣятельное участіе. «Русская правда», первый нашъ сводъ законовъ, представляющій изъ себя первый опытъ изложенія русскаго языческаго права, слегка исправленнаго христіанскими понятіями, представляетъ плодъ творчества нашего духовенства. Измѣнить рѣзко существовавшія у насъ общественныя и частныя отношенія духовенство не могло: эта задача превышала его силы; но духовенство своею практикою суда несомнѣнно вносило рядъ новыхъ общественныхъ и нравственныхъ понятій, понятія о законѣ, о правителѣ, начатки слѣдственнаго судебнаго процесса и т. д. Наиболѣе сильное, сравнительно, вліяніе духовенство имѣло на организацію семьи. Семья, которую застало у насъ духовенство, рѣзко отличалась отъ современной семьи: она допускала многоженство; кромѣ того, такая семья практиковала легкій разводъ. Духовенство съ такой семьей предприняло борьбу, которая продолжалась очень долго и закончилась только съ измѣненіемъ экономическихъ и общественныхъ отношеній созданіемъ нынѣшней моногамной семьи.

Вліяніе духовенства простиралось и на политику. Князья нерѣдко совѣщались по дѣламъ управленія съ епископами и игуменами, которые по своему образованію и опытности въ дѣлахъ управленія могли оказывать князьямъ важныя услуги. Иногда князья отправляли епископовъ въ качествѣ пословъ къ другимъ князьямъ для улаженія какихъ нибудь недоразумѣній.

Но въ мѣстѣ съ тѣмъ князья часто вмѣшивались въ дѣла, подсудныя епископамъ, смѣщали епископовъ, даже подвергали ихъ суду.

Что касается содержанія духовенства, то оно создавалось изъ цѣлаго ряда источниковъ: изъ церковнаго и монастырскаго землевладѣнія, изъ десятины, выдѣлявшейся для духовенства изъ всѣхъ княжескихъ доходовъ. Содержаніе епископовъ и ихъ приближенныхъ создавалось податями съ приходскаго духовенства и особаго сбора за посвященіе въ священники. Кромѣ того, существовали особые налоги, судебные пошлины, собиравшіеся за судебное разбирательство у духовенства.

151. Отношенія между свободными классами населенія. Отличія между свободными классами населенія существовали на основаніи различія ихъ занятій. Классы эти въ началѣ Кіевской эпохи еще не были рѣзко отчуждены другъ отъ друга, и переходъ изъ низшаго класса въ высшій былъ свободенъ. Сельскій смердъ, если онъ былъ въ состояніи, могъ поселиться въ городѣ, заняться торговлей и такимъ образомъ поступить въ классъ купечества; если сельскій смердъ прославлялъ себя выдающимися подвигами на полѣ брани, онъ попадалъ въ дружину и могъ становиться бояриномъ. Преданіе о Янѣ Усмошвецѣ разсказываетъ о томъ, что этотъ силачъ-кожевникъ, побѣдивъ печенѣжскаго богатыря, сдѣлался дружинникомъ князя Владимира. Такой переходъ возможенъ былъ только при отсутствіи вначалѣ сословныхъ разграниченій между общественными классами.

152. Полусвободный и несвободный классы населенія. Внѣшняя торговля имѣла весьма важныя послѣдствія для общественно-политическаго строя въ Кіевской Руси. Благодаря торговлѣ, въ рукахъ отдѣльныхъ слоевъ городского населенія началъ скопляться капиталъ. Появленіе капитала въ свою очередь давало возможность ихъ обладателямъ занимать обширныя земельныя территоріи и эксплоатировать ихъ при посредствѣ рабовъ или лицъ, занимавшихъ у капиталистовъ деньги. Занятіе и эксплоатированіе земельныхъ территорій капиталистами повело къ образованію, наряду съ кочевою поземельною собственностью смерда, собственности капиталистической—княжеской, боярской и монастырской. Землевладѣніе капиталистическое отличалось отъ

вольнаго крестьянскаго землепользованія большею опредѣленностью, осѣдлостью и прочностью.

Полусвободный классъ населенія назывался закупами. Онъ образовался такимъ образомъ. Свободный человѣкъ, нуждаясь въ деньгахъ, дѣлалъ заемъ у богатыхъ лицъ и обязывался этотъ заемъ отработать; этотъ заемъ закупъ обезпечивалъ самозалогомъ, т. е. залогомъ своей рабочей силы. Господинъ имѣлъ по отношенію къ закупу рядъ правъ: за провинность господинъ имѣлъ право бить закупа; за кражу или бѣгство господинъ получалъ право обратить закупа въ раба, холопа. Но на господинѣ лежали по отношенію къ закупамъ и обязанности: во-первыхъ, господинъ обязанъ былъ выдать закупу сполна выговоренную сумму и дать ему опредѣленный участокъ земли; во-вторыхъ, господинъ не имѣлъ права лишать свободы или стѣснять свободу закупа безъ всякихъ провинностей со стороны послѣдняго; въ-третьихъ, господинъ подлежалъ суду, если онъ нарушалъ права закупа.

Въ худшемъ положеніи былъ классъ несвободныхъ—холоповъ-рабовъ, которые своимъ появленіемъ обязаны были, главнымъ образомъ, многочисленнымъ войнамъ. Холопъ имѣлъ нѣкоторыя, хотя и очень ограниченныя, права: если холопъ ударилъ свободнаго человѣка, то отвѣчалъ за это не только его господинъ, платившій штрафъ, но и самъ холопъ, котораго потерпѣвшій имѣлъ право побить; холопъ, въ случаѣ недостатка въ свидѣтеляхъ со стороны свободныхъ людей, могъ выступать въ качествѣ свидѣтеля. Такимъ образомъ, холопъ имѣлъ нѣкоторыя, хотя и очень ограниченныя, права личности. Но съ другой стороны онъ совершенно лишенъ былъ личной свободы и не пользовался никакими имущественными правами. Занятія холоповъ были очень разнообразны: они могли быть простыми рабочими въ имѣніяхъ господъ, могли быть повѣренными по торговымъ дѣламъ своихъ господъ, завѣдывали хозяйствомъ («тіуны»), занимались ремеслами, дѣлались дядьками-воспитателями.

До XI в. холоповъ въ Кіевскомъ княжествѣ было не много, положеніе ихъ не было тяжело; съ ними обращались хорошо и скоро отпускали на волю. Съ XI в. количество рабовъ быстро увеличивается, и ихъ положеніе въ половинѣ XII в. становится значительно тяжелѣе.

Закупы въ развитомъ состояніи появляются въ XII в.

153. Политическое устройство Кіевской Руси. Русское государство возникло путемъ завоеванія варягами славянъ, населявшихъ великій путь «изъ варягъ въ греки». Завоеваніе это, вслѣдствіе малочисленности варяговъ, не имѣло суровыхъ формъ, и славяне сохранили многія черты древняго управленія. Въ Кіевской Руси крупной политической силой еще до появленія варяжскихъ князей было вѣче, т. е. народное собраніе, обсуждавшее и рѣшавшее вопросы, касающіеся даннаго города и тяготѣвшей къ нему области. Свою силу вѣче сохранило и съ появленіемъ варяжскихъ князей.

На вѣче собирались прежде всего горожане, но могли присутствовать при возможности и сельскіе смерды, т. е. вообще всѣ свободные люди. Право рѣшающаго голоса принадлежало однако не всѣмъ, а только главамъ семействъ. Составъ вѣчевого собранія по числу лицъ не отличался какою-либо опредѣленностью или постоянствомъ: всякое вѣчевое собраніе считалось законнымъ. Не было и опредѣленнаго порядка въ обсужденіи предмета; голосованія съ его современнымъ принципомъ математическаго большинства не существовало; поэтому при разногласіи вопросъ рѣшался вооруженною схваткой.

Сфера вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію вѣча, также не отличалась опредѣленностью. Главный вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вѣче чаще всего занималось, былъ вопросъ объ избраніи и изгнаніи князей. Но и этотъ вопросъ поднимался на вѣчѣ только въ случаяхъ крайней нужды, когда отъ его разрѣшенія зависѣло благо города. Такъ, изъ 50 князей, бывшихъ великими кіевскими князьями, только 14 были призваны вѣчемъ. Въ экстренныхъ же случаяхъ вѣче дѣлало князьямъ рядъ указаній относительно ихъ государственной дѣятельности и вступало съ ними въ «ряды», т. е. договоры о желательной программѣ ихъ дѣйствій. Иногда вѣче объявляло войну или заключало миръ. Когда являлась необходимость экстренно собрать съ населенія деньги, вопросъ рѣшался вѣчемъ.

Такимъ образомъ, вѣче не было учрежденіемъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова: это былъ только зародышъ учрежденія, страдавшаго неопредѣленностью, неорганизованностью и по-

являвшагося на сцену только тогда, когда ходъ дѣлъ въ государствѣ становился ненормальнымъ.

Вѣче по преимуществу было выразителемъ интересовъ народной массы, смердовъ, городскихъ и сельскихъ.

Наряду съ вѣчемъ важной политической силой былъ князь. До Ярослава Мудраго, вслѣдствіе малочисленности княжескаго рода, во главѣ Кіевской Руси обыкновенно стоялъ одинъ князь; когда же ихъ оказывалось нѣсколько, то между ними возникала кровавая борьба, которая приводила къ гибели всѣхъ князей кромѣ одного, который пріобрѣталъ такимъ образомъ власть во всей Руси. Послѣ смерти Ярослава наступаетъ особый порядокъ владѣнія, получившій названіе очередного. Онъ состоитъ въ томъ, что Русь признавалась собственностью всего княжескаго рода. Русская земля дѣлилась на области, изъ которыхъ каждая давалась въ управленіе отдѣльному князю. При распредѣленіи областей соображались по возможности съ двумя признаками: старшинствомъ князя въ родѣ и доходностью области. Самая доходная и богатая область давалась старшему въ родѣ князю; младшій въ родѣ получалъ наименѣе доходную область. Наиболѣе доходными областями были собственно Кіевская и Новгородская. Князь, которому онѣ доставались, назывался великимъ княземъ. Если великій князь умиралъ, на его мѣсто изъ второстепенной области переходилъ слѣдующій по старшинству, а во второстепенную область переходилъ очередной князь изъ области третьестепенной и т. д. Такимъ образомъ, со смертью великаго князя связывалось передвиженіе всего княжескаго рода изъ худшихъ областей въ лучшія.

Однако этотъ очередный порядокъ далеко не всегда соблюдался на практикѣ. Онъ разстраивался или договорами которые князья заключали между собою на съѣздахъ (какъ, напр., въ Любечѣ и въ Витичевѣ) относительно владѣнія, или тѣмъ, что вѣче выберетъ себѣ желательнаго князя, или князь, недовольный своей областью, или не получившій области (князь—изгой) силою добываетъ себѣ престолъ. Очередный порядокъ владѣнія областями особенно сильно сталъ разстраиваться, когда княжескій родъ размножился и начали путаться старшинства двухъ родовъ: физическое и гинеалогическое, когда старшіе племянники столкнулись съ правами младшихъ дядьевъ. Эти столкновенія породили между

князьями кровавыя усобицы, разстраивавшія благосостояніе Русской земли.

Первоначально князь былъ у насъ наемнымъ вооруженнымъ стражемъ Руси, ея торговли. Завоеванія и столкновенія съ народами, имѣющими опредѣленный государственный строй, стали налагать отпечатокъ государственности и на русскихъ князей: въ X в., когда русскіе находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ хазарами, русскіе князья, изъ подражанія хазарскому кагану, носятъ тоже титулъ кагана. Сношенія съ Византіей, принятіе христіанства, вліяніе духовенства внесли новый взглядъ, по которому задача князя не столько въ охранѣ отъ внѣшнихъ враговъ, сколько въ установленіи и поддержаніи внутренняго порядка.

Дѣятельность князей была двоякаго рода: внѣшняя и внутренняя.

Внѣшняя дѣятельность первыхъ князей направлялась къ пріобрѣтенію заграничныхъ рынковъ и къ охранѣ торговыхъ путей къ нимъ. Для осуществленія первой задачи князья предпринимали рядъ походовъ на Византію, число которыхъ до смерти Ярослава было шесть: походы Аскольда (860 г.), Олега (907 г.), два похода Игоря (941 г. и 944 г.), второй болгарскій походъ Святослава (741 г.), превратившійся въ войну съ греками, и походъ Владимира, сына Ярослава Мудраго (1043 г.). Эти походы имѣли большею частью цѣль поддержать или возстановить прерывавшіяся торговыя сношенія съ Византіей. Походы заканчивались договорами, въ которыхъ подробно и точно опредѣленъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній съ Византіей и порядокъ частныхъ отношеній между русскими и греками въ Византіи.

Съ появленіемъ степныхъ кочевниковъ торговые пути перестали быть безопасными, и на князей выпала задача охранять ихъ. Олегъ сейчасъ же послѣ того, какъ занялъ Кіевъ, началъ строить вокругъ него укрѣпленные города; Владиміръ строилъ города по Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ рѣкамъ. Эти города, или «заставы» заселялись боевымъ народомъ, который вербовался изъ славянскихъ и финскихъ племенъ. Для большаго укрѣпленія этихъ городовъ они соединялись другъ съ другомъ земляными окопами и лѣсными засѣками. Строя заставы для охраны Кіевской области отъ кочевниковъ, князья въ то же время часто

предпринимали походы на нихъ. Три вѣка, X—XII, наполнены безпрерывной упорной борьбой сначала съ печенѣгами, а затѣмъ съ половцами.

Кромѣ того, князья, особенно первые, заботились и о расширеніи предѣловъ государства, для чего также предпринимали рядъ походовъ.

Главною отраслью внутренней дѣятельности у князей былъ сборъ налоговъ. Налоги складывались прежде всего изъ дани, которая платилась натурой (мѣхами, воскомъ, медомъ), причемъ или князь съ дружиной самъ ѣздилъ собирать дань («полюдье»), или населеніе само привозило ее («повозье»). Затѣмъ въ налоги входили судебные штрафы (виры). Сборъ налоговъ былъ наиболѣе опредѣленной и устойчивой отраслью внутренней дѣятельности князей.

Законодательная дѣятельность князей — другая отрасль внутренней дѣятельности—не имѣла систематическаго характера: она возникала только подъ давленіемъ экстренныхъ нуждъ и всецѣло опиралась на существовавшій обычай. Въ связи съ законодательствомъ находилась и судебная власть князя. Рядъ проступковъ (жалоба закупа на обиду отъ господина, тяжба братьевъ о наслѣдствѣ и др.) подлежалъ суду самого князя. Но князя въ судебной дѣятельности интересовали главнымъ образомъ виры и судебныя пошлины, а не интересы правосудія.

Что касается административной дѣятельности—третьей отрасли внутренней дѣятельности,—то она сводилась главнымъ образомъ къ назначенію должностныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, и власть князя, подобно власти вѣча, не отличалась опредѣленностью и прочностью: она была еще несложна, мало развита; главный интересъ ея сосредоточивался на фискальной сторонѣ управленія.

При князѣ состояла боярская дума—совѣтъ изъ старшихъ дружинниковъ. Дума не имѣла постояннаго состава: князь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самъ рѣшалъ, съ кѣмъ ему изъ старшихъ дружинниковъ и по какимъ именно дѣламъ посовѣтоваться. Такимъ образомъ, дума была учрежденіемъ столь же неустойчивымъ и неорганизованнымъ по составу и компетенціи, какъ и другія политическія учрежденія Кіевской Руси. Боярская дума была выразителемъ интересовъ дружино-торговаго класса населенія.

Центральное управленіе не имѣло никакой правильной организаціи, причемъ оно носитъ характеръ хозяйственнаго управленія: дворскій—завѣдывалъ княжескимъ дворцомъ и дворцовымъ хозяйствомъ: казначей завѣдывалъ княжеской казной, печатникъ былъ княжескимъ секретаремъ, меченоша завѣдывалъ оружіемъ, стольникъ—съѣстными припасами и напитками, покладникъ, или спальникъ—домашней обстановкой дворца. тіуны, набиравшіеся нерѣдко изъ рабовъ, были приказчиками.

Больше организованности было въ областномъ управленіи. Основной административной единицей былъ городъ. Главнымъ органомъ администраціи въ городѣ былъ посадникъ, который назначался княземъ обыкновенно изъ старшихъ дружинниковъ. Посадникъ былъ въ городѣ представителемъ князя, и потому власть его совпадала съ властью князя.

Обзоръ политическаго устройства Кіевской Руси показываетъ, что политическій строй отличался еще простотой, несложностью и отсутствіемъ опредѣленности: онъ вполнѣ въ этомъ отношеніи соотвѣтствуетъ простотѣ и несложности общественнаго труда въ ту эпоху.

154. Просвѣщеніе въ Кіевской Руси. Трудовая дѣятельность массы населенія Кіевской Руси, благодаря рѣдкости населенія и обилію естественныхъ даровъ природы, отличалась первобытной простотой и несложностью: она не требовала особеннаго искусства, умственнаго напряженія, изобрѣтательности. Этотъ основной фактъ въ жизни Кіевской Руси долженъ былъ порождать другой—отсутствіе жизненной необходимости среди народной массы въ просвѣщеніи, школѣ, наукѣ. Сложнѣе была трудовая дѣятельность князя и дружины: торговыя сношенія съ Востокомъ и Югомъ, задачи внутренняго управленія требовали уже элементарнаго просвѣщенія—грамотности. Поэтому грамотность среди княжеской дружины была распространена еще до оффиціальнаго принятія крещенія. Неудачи въ борьбѣ съ Византіей показали русскимъ князьямъ слабость общественно-политической организаціи русскихъ сравнительно съ организаціей Византіи. Слѣдствіемъ этихъ неудачъ было признаніе высоты византійской культуры и желаніе ее усвоить. Съ оффиціальнымъ принятіемъ христіанства у насъ появляется

духовенство, греческіе учителя и школа. По мысли Владимира св., греки въ лицѣ своихъ ученыхъ и священниковъ должны были передать русскому народу ту науку, которою располагали сами греки. По его приказанію у бояръ были собраны дѣти и отданы «на ученіе книжное» привезеннымъ изъ Корсуня грекамъ. Такъ у насъ возникла первая частная школа. Лѣтопись не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о характерѣ школы, о томъ. что въ ней преподавалось, даже о ея судьбѣ. Весьма возможно, что курсъ въ этой школѣ не былъ простымъ курсомъ грамотности, что въ ней сообщались и познанія изъ круга наукъ, обычныхъ въ концѣ X в. въ Византіи. Но во всякомъ случаѣ, если первая школа, по желанію Владимира, и давала извѣстную сумму научныхъ познаній, то затѣмъ уже и при Владимирѣ, и послѣ него наши частныя школы имѣли цѣлью одну только грамотность. Школы эти не были организованными постоянными учрежденіями: «учитель», т. е. лицо, умѣвшее читать и писать, обучало желавшихъ или имѣвшихъ въ этомъ нужду, причемъ учителями были и міряне, и духовныя лица.

Что у насъ кромѣ такихъ частныхъ неорганизованныхъ и непостоянныхъ школъ грамоты, другихъ не существовало, доказывается тѣмъ, что, во-первыхъ, высшая греческая школа, отличавшаяся схоластическимъ характеромъ, не могла удовлетворить реальныхъ потребностей русскаго народа не только въ его массахъ, но и въ высшихъ слояхъ: тонкая богословская мысль, ораторство, основанное на искусственныхъ пріемахъ, слишкомъ противорѣчили простому и несложному укладу русской жизни; во-вторыхъ, въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ упоминаній о такихъ школахъ; въ-третьихъ, если бы такія школы существовали въ эпоху Кіевской Руси, то ихъ вліяніе сказалось бы въ появленіи произведеній, представляющимъ научные опыты, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Просвѣщеніе Кіевской Руси естественно должно было соотвѣтствовать укладу русской жизни: оно исчерпывалось, съ одной стороны—грамотностью, умѣніемъ читать и писать а съ другой—тѣмъ умственнымъ развитіемъ, которое давалось чтеніемъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго языка на древнеболгарскій и самостоятельно возникшихъ у насъ. При большихъ умственныхъ способностяхъ чтеніемъ книгъ можно было достичь высокой для того времени степени раз-

витія и стать просвѣщеннымъ человѣкомъ, конечно, не въ смыслѣ научнаго просвѣщенія, которое дается только школой съ ея систематическимъ воздѣйствіемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на умственныя способности учащихся.

155. Упадокъ Кіевской Руси. Сосредоточеніе капитала въ рукахъ дружинно-торговаго класса населенія повело къ возникновенію княжеской и боярской поземельной собственности, а затѣмъ монастырской и вообще церковной. Эти земли эксплоатировались при посредствѣ главнымъ образомъ труда рабовъ, а затѣмъ и закуповъ. При существованіи очередного порядка княженія князья вели между собою многочисленныя войны. Вторгшись въ область своего врага, князь старался по возможности разорить ее и набрать побольше плѣнниковъ, которыхъ онъ обращалъ въ рабовъ и которыми населялъ свою область. Даже при вступленіи въ княжество своего соперника-родича, князь жегъ его села и истреблялъ запасы хлѣба, скота и челядь. Владиміръ Мономахъ, наилучшій изъ русскихъ князей очередного періода княженія, не уступалъ въ этомъ отношеніи другимъ князьямъ: въ своемъ «Поученіи» онъ разсказываетъ, какъ напалъ однажды врасплохъ на Минскъ и не оставилъ тамъ «ни челядина, ни скотины». Благодаря этимъ войнамъ у насъ образовался кадръ многочисленныхъ рабовъ. Уже въ X—XI вв. рабы («челядь») составляютъ обычный товаръ русскаго купца на ряду съ мѣхами, медомъ и воскомъ. Товаръ этотъ распродавался и въ Итилѣ, и въ Византіи. Но къ половинѣ XII в. количество рабовъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Соотвѣтственно этому и положеніе рабовъ къ половинѣ XII в. становится болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде.

Въ то же время отношенія землевладѣльцевъ къ полусвободнымъ закупамъ постепенно мѣняется: оно уподобляется отношеніямъ къ рабамъ, и вольнонаемный крестьянинъ попадается въ положеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ положенія раба. Экономическое благосостояніе Кіевской Руси дѣлалось благосостояніемъ высшихъ классовъ населенія и ложилось тяжелымъ бременемъ на плечи низшихъ классовъ. Между высшимъ классомъ и низшимъ въ городахъ Кіевской Руси возникаетъ пропасть въ имущественномъ и юридическомъ отношеніи. Незавидное положеніе низшихъ классовъ служило источникомъ ихъ неудовольствія: строй

Кіевской Руси, выгодный для высшихъ классовъ и жестокій для низшихъ, переставалъ находить себѣ опору въ психикѣ послѣднихъ. Такова первая причина, колебавшая прочность Кіевскаго государства.

Эта первая причина дополнялась другой, не менѣе важной. Въ 1036 г. Ярославъ нанесъ печенѣгамъ сильное пораженіе, и на нѣкоторое время Кіевская Русь отдохнула отъ степныхъ кочевниковъ. Но въ 1061 г. появляются новые степняки — половцы (куманы), съ которыми борьба ведется непрерывно въ теченіе XI и XII вв. Борьба съ половцами была тяжелѣе, чѣмъ съ печенѣгами. Сами печенѣги перешли въ подданство Кіевской Руси, разбившись на отдѣльныя племена подъ различными названіями (торки, берендѣи, турнѣи, коуи, каспичи, бастѣева чадь, черные клобуки) и образовали хорошую полуосѣдлую, полукочевую кавалерію, оборонявшую границы Руси отъ половцевъ. Въ XI в. по рѣкѣ Роси, западному притоку Днѣпра (ниже Кіева), находилось Поросье, страна, которая со времени Ярослава была хорошо заселенной страной. Страна была заселена русскими колонистами, мирными кочевниками — торками, берендѣями. Здѣсь на Роси находился городъ Юрьевъ, въ которомъ была даже епархіальная каѳедра всей Поросьи. Страна эта, какъ пограничная со степью, постоянно подвергалась нападеніямъ со стороны половцевъ. Когда въ 1095 г. на Юрьевъ опять напали половцы, жители покинули его и удалились въ Кіевъ. Въ 1096 г. половецкій ханъ Бонякъ «шелудивый» незамѣтно подкрался къ самому Кіеву, ворвался въ Печерскій монастырь, ограбилъ его и зажегъ. Безпрерывныя столкновенія съ половцами, опустошеніе земель, и пр. до такой степени сдѣлали жизнь въ предѣлахъ южной Руси до такой степени невыносимый, что, когда въ 1069 г. на Кіевъ шелъ съ поляками изгнанный кіевлянами Изяславъ, кіевское вѣче отправило пословъ къ братьямъ его Святославу и Всеволоду съ просьбой защитить городъ отъ Изяслава; а если они не придутъ, то они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ греческую землю. Русскіе князья напрягали всѣ силы и способы, чтобы парализовать половцевъ: давали половцамъ платья, скота, женились на ханскихъ дочеряхъ, заключали съ ними мирные договоры, но все это не останавливало хищническихъ набѣговъ. Волей-неволей приходилось окапывать ва-

лами степныя границы, строить крѣпости и быть каждую минуту наготовѣ къ нападенію. Особенно упорную борьбу приходилось вести съ кочевниками въ Переяславской области, находившейся на границѣ съ степью. При такихъ условіяхъ у насъ выработывались типы воиновъ - богатырей, изъ которыхъ одинъ, Демьянъ Куденевичъ, жившій въ Переяславлѣ въ половинѣ XII в., описывается въ лѣтописи. Этотъ воинъ-богатырь со слугою и пятью воинами, по разсказамъ лѣтописи, одинъ выѣзжалъ на цѣлое половецкое войско и часто обращалъ его въ бѣгство; одинъ разъ онъ выѣхалъ на половцевъ совершенно одинъ, безъ шлема и панцыря, перебилъ много половцевъ, но самъ получилъ отъ стрѣлъ множество ранъ и еле живой вернулся въ городъ. До смерти Мстислава (1132 г.), сына Мономаха, Кіевская Русь отбивалась удачно отъ половцевъ и даже сама проникала въ глубь степей и наносила половцамъ пораженія. Но послѣ этого времени борьба становится не подъ силу. Особенно страдать приходилось смердамъ и вообще низшимъ классамъ населенія.

Экономическое и юридическое приниженіе низшихъ классовъ населенія, княжескія усобицы и половецкія нападенія заставили трудящіеся классы покидать Приднѣпровье: съ половины XII в. эта, хорошо до тѣхъ поръ заселенная, страна начинаетъ пустѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и экономическое благосостояніе Кіевской Руси; торговля съ Византіей слабѣетъ, вслѣдствіе затрудненія сношеній съ Византіей; притокъ металлическихъ денегъ сокращается, и ихъ цѣнность сильно повышается.

Съ экономическимъ упадкомъ Кіевской Руси ослабляется и ея военная сила: въ 1167 г. Андрею Боголюбскому не трудно было взять и разорить Кіевъ. Когда на Русь напали татары, Кіевъ былъ уже совершенно безсиленъ, и съ его взятіемъ (1240 г.) Кіевская Русь перестаетъ существовать.

156. Образованіе новыхъ государственныхъ центровъ. Изъ Приднѣпровья населеніе эмигрировало въ двухъ направленіяхъ. Часть населенія шла на западъ къ Карпатскому нагорью, т. е. къ мѣсту, покинутому его предками въ VII в. Эта эмиграція отразилась на экономическомъ и политическомъ состояніи двухъ княжествъ, находившихся здѣсь: Галиціи и Волыни. Во второй половинѣ XII в. Галицкое

княжество при Ярославѣ Осмомыслѣ становится однимъ изъ самыхъ сильныхъ на Западѣ Въ концѣ XII в. Галиція присоединяется къ Волыни. Соединенныя княжества при Романѣ Мстиславичѣ и его сынѣ Даніилѣ густо заселяются, богатѣютъ и пріобрѣтаютъ вліяніе даже на Кіевъ.

Другой потокъ эмиграціи направлялся изъ Кіевской Руси на сѣверо-востокъ въ междурѣчье Оки и Волги, въ Ростово-Суздальскій край. До половины XII в. эта страна населялась колонистами, направлявшимися главнымъ образомъ съ сѣверо-запада, изъ Новгородской области, въ составъ которой Ростово-Суздальскій край входилъ при первыхъ князьяхъ. Здѣсь были города Ростовъ, Суздаль, Ярославль, Муромъ и др. Между Кіевской Русью и Ростово-Суздальскимъ краемъ не было до половины XII в. прямого сообщенія: между Кіевскимъ Поднѣпровьемъ и Ростово-Суздальскимъ краемъ, на пространствѣ между верхней Окой и Десной, отъ города Карачева и до Козельска лежали огромные густые лѣса (въ сказкахъ о разбойникахъ они извѣстны подъ именемъ Брынскихъ).

Поэтому Ростово-Суздальская Русь называлась у кіевлянъ Залѣсской землей. Чтобы изъ этой залѣсской земли пробраться въ Кіевъ, необходимо было ѣхать по дорогѣ, проторенной новгородскими колонистами, т. е. дѣлать огромный обходъ на сѣверо-западъ и затѣмъ уже черезъ Новгородскую область спускаться внизъ на югъ къ Кіеву.

Около половины XII в. однако начинаетъ прокладываться туда и прямоѣзжая дорога. Владиміръ Мономахъ похваляется, что онъ одинъ разъ проѣхалъ въ Ростовъ «свозь вятичей», т. е. черезъ упомянутые лѣса, входившіе въ область, населенную вятичами. Сынъ Владиміра Мономаха Юрій Долгорукій, во время борьбы съ своимъ племянникомъ Изяславомъ, (1149—1154 гг.) былъ уже въ состояніи водить къ Кіеву прямой дорогой изъ Ростова цѣлые полки. Прямой путь проложенъ былъ, очевидно, колонистами, двигавшимися изъ Поднѣпровья на сѣверо-востокъ. Мѣстные ростово-суздальскіе князья охотно шли навстрѣчу этому движенію колонистовъ въ ихъ пустынныя владѣнія. Около того времени, когда замѣчается опустѣніе Кіевской Руси, на сѣверо-востокѣ возникаетъ рядъ городовъ: въ 1134 г. Юрій Долгорукій строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи рѣки Большой

Нерли въ Волгу; въ 1147 г. упоминается впервые городъ Москва; въ 1150 г. Юрій строитъ городъ Юрьевъ «въ полѣ», или Польскій; въ 1154 г. онъ основываетъ на рѣкѣ Яхромѣ городъ Дмитровъ; около 1155 г. сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій основываетъ ниже Владимира на Клязьмѣ городъ Боголюбовъ и т. д. Эта строительная дѣятельность была очень широка, и Андрей Боголюбскій имѣлъ основаніе утверждать, что онъ Суздальскую Русь «городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ». Что около половины XII в. Ростово-Суздальская Русь колонизировалась по преимуществу эмигрантами изъ Кіевской Руси, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что названія городовъ въ этой области суть по большей части названія городовъ въ Кіевской Руси (Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ, Лыбедь, Почайна, Кіевъ): колонисты въ воспоминаніе о покинутой родинѣ давали городамъ привычныя и любимыя названія.

157. Татарское нашествіе. Татарское нашествіе, которымъ заканчивается эпоха древняго Кіевскаго просвѣщенія и начинается эпоха удѣльнаго литературнаго творчества, имѣло большое значеніе въ исторіи русской культуры и литературы. На современниковъ оно произвело сильное впечатлѣніе. Ихъ поразила неожиданность, съ какою явился этотъ невѣдомый дотолѣ народъ татары, а пораженія, понесенныя цѣлымъ рядомъ народовъ и русскими, стали разсматриваться, какъ наказанія, свыше ниспосланныя за грѣхи.

Разсказавъ о первомъ столкновеніи русскихъ съ татарами, закончившемся пораженіемъ первыхъ при Калкѣ (1223 г.), лѣтописецъ говоритъ: «Въ томъ же году (т. е. въ 1223 г.) явилъ народъ, котораго никто ясно не знаетъ, кто они и откуда вышли, и какой ихъ языкъ, и какого племени, и какая ихъ вѣра; а зовутъ ихъ татары, а иные говорятъ таурмены, а другіе печенѣги, а иные говорятъ, что это — тотъ народъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Меѳодій, Патарскій епископъ...».

«Откровеніе» Меѳодія Патарскаго (§ 123) было хорошо усвоено нашими литературно образованными предками, и изложенныя въ немъ событія часто сопоставлялись съ событіями изъ русской жизни. Такъ, разсказывая подъ 1096 г. о внезапномъ нападеніи половецкаго хана Боняка на Печерскій монастырь, лѣтописецъ говоритъ, что половцы это — «без-

божные сыны Измаиловы, пущенные на казнь христіанъ»; лѣтописецъ напоминаетъ сказаніе Меѳодія о нечистыхъ народахъ, которые, потерпѣвъ отъ Гедеона пораженіе, бѣжали въ пустыню Етривъ; онъ думаетъ, что четыре колѣна спасшихся въ пустыню измаильтянъ были торкмены, печенѣги, торки и половцы. Излагая новгородское сказаніе о племени югрѣ, лѣтописецъ предполагаетъ, что это одно изъ племенъ «заклепанныхъ» въ горахъ Александромъ Македонскимъ. Новгородское сказаніе передаетъ слѣдующее. Въ полунощныхъ странахъ, по сосѣдству съ самоѣдами, на рѣкѣ Печорѣ новгородскіе торговцы наткнулись на такое чудо, о какомъ передъ тѣмъ не слыхали. «За лукой моря есть горы, высота которыхъ точно до неба, и въ тѣхъ горахъ—великій кличъ и говоръ, и сѣкутъ гору, желая высѣчься (прорубить выходъ); и въ этой горѣ прорублено малое оконце, и оттуда говорятъ, и нельзя понять ихъ языка, но показываютъ на желѣзо и помаваютъ рукой, прося желѣза, и если кто дастъ имъ ножъ или сѣкиру, то за это отдаютъ мѣхами. А путь до тѣхъ поръ непроходимъ отъ пропастей, снѣга и лѣсовъ; поэтому мы и не всегда къ нимъ доходимъ...». По поводу этого сказанія новгородскихъ купцовъ, изображающаго мѣновую торговлю съ однимъ изъ сибирскихъ племенъ, лѣтописецъ съ убѣжденіемъ заключаетъ, что югра это — «люди, заклепанные Александромъ Македонскимъ царемъ».

По поводу Калкскаго пораженія лѣтопись снова вспоминаетъ «Откровеніе» Меѳодія: татары, говоритъ лѣтописецъ, «вышли изъ пустыни Етривской, находящейся между востокомъ и сѣверомъ», «потому что Меѳодій такъ сказалъ, что къ скончанію временъ должны явиться тѣ, которыхъ загналъ Гедеонъ, и поплѣнятъ всю землю отъ востока до Евфрата и и отъ Тигра до Понтскаго моря... Богъ же одинъ знаетъ ихъ, кто они и откуда вышли; ихъ хорошо знаютъ премудрые мужи, кто разумно умѣетъ читать книги; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но вписали здѣсь о нихъ для памяти той бѣды русскихъ князей, которая была отъ нихъ. И мы слышали, что они поплѣнили многіе страны, ясовъ, обезовъ, касоговъ и избили множество безбожныхъ половцевъ, а другихъ загнали, и такъ послѣдніе умирали, убиваемые гнѣвомъ Божіимъ и Пречистой его Матери, потому что много зла сотворили эти окаянные половцы русской землѣ, и потому всемилостивый

Богъ хотѣлъ погубить и наказать безбожныхъ сыновъ Измаиловыхъ, куманъ, чтобы отомстилась имъ кровь христіанская, что и случилось надъ ними беззаконными... И эти таурмены прошли всю куманскую страну и подошли къ русской землѣ, гдѣ зовется Половецкій валъ. И услышавъ объ нихъ, русскіе князья Мстиславъ Кіевскій, и Мстиславъ Черниговскій, и другіе князья рѣшили идти на нихъ, полагая, что тѣ пойдутъ на Русь... И князи русскіе пошли и бились съ ними и побѣждены были ими, и мало ихъ спаслось отъ смерти, а кому судьба оставила жизнь, тѣ убѣжали, а прочіе были перебиты: былъ здѣсь убитъ Мстиславъ, старый добрый князь, и другой Мстиславъ, и семь другихъ князей, а бояръ и прочихъ воиновъ многое множество, потому что говорятъ такъ, что однихъ кіевлянъ погибло въ этой битвѣ десять тысячъ; и былъ плачъ и горе на Руси и по всей землѣ у тѣхъ, кто слышалъ эту бѣду. А это бѣдствіе случилось 31 мая мѣсяца, на память св. мученика Іереміи».

Подробнѣе разсказывается объ этомъ въ Волынской лѣтописи. «Пришло неслыханное нашествіе: безбожные моавитяне, называемые татары, пришли на землю половецкую. Когда же половцы поднялись, то Юрій Кончаковичъ, самый сильный изъ половцевъ, не могъ удержаться противъ нихъ; и когда онъ бѣжалъ, то много ихъ было перебито до рѣки Днѣпра, а татары вернулись въ свои вѣжи; когда же половцы прибѣжали въ русскую землю, то говорили русскимъ князьямъ: если вы не поможете намъ, то мы сегодня будемъ изрублены, а вы будете изрублены завтра». Русскіе князья посовѣтовались въ Кіевѣ и рѣшили отправиться въ походъ противъ татаръ. Собралось большое русское войско. На Калкѣ произошло между русскими и татарами столкновеніе, закончившееся побѣдой татаръ. «Была побѣда надъ русскими князьями такая, какой не бывало никогда. А татары, побѣдивши русскихъ князей за прегрѣшеніе христіанское, дошли до Святополкова Новгорода. Русь не вѣдала ихъ коварства, выходила къ нимъ съ крестами: они же избивали ихъ всѣхъ. Ожидая (отъ Руси) христіанскаго покаянія, Богъ обратилъ татаръ назадъ, въ землю восточную».

Троицкая лѣтопись говоритъ, что такого пораженія русскихъ князей, какъ при Калкѣ, еще не было никогда на русской землѣ. Татары преслѣдовали русскихъ до Днѣпра;

плѣнныхъ князей они положили подъ доски, а сами сѣли наверху обѣдать; изъ воиновъ спасся только десятый. «И Александръ Поповичъ былъ здѣсь убитъ съ другими семидесятью храбрыми... И было это намъ за наши грѣхи. Богъ вложилъ въ насъ недоумѣніе, и погибло безчисленное множество людей, и были вопль, воздыханіе и печаль по всѣмъ городамъ и по волостямъ. А этихъ злыхъ татаръ, таурменъ мы не вѣдаемъ, откуда они пришли на насъ и куда опять дѣвались: только Богъ вѣдаетъ».

Прошло 14 лѣтъ. О калкскомъ пораженіи уже забыли. Вдругъ въ 1237 г. снова явились вѣсти о татарахъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи сообщается, что въ 1237 г. благовѣрный епископъ Митрофанъ поставилъ кивотъ въ св. Богородицѣ соборной, въ Суздалѣ. «Въ томъ же году на зиму пришли отъ восточной страны на рязанскую землю, лѣсомъ, безбожные татары и начали воевать рязанскую землю и плѣнили ее до Пронска; поплѣнивши всю Рязань, пожгли ее и князя ихъ убили... много святыхъ церквей предали огню, пожгли монастыри и села... потомъ пошли на Коломну... Въ ту же зиму взяли татары Москву и убили воеводу Филиппа Нянка за правовѣрную христіанскую вѣру, а князя Владимира, сына Юрьева, взяли руками, а людей перебили отъ старца и до сосущаго младенца, а городъ и церкви взятыя предали огню, всѣ монастыри и села пожгли и ушли, взявши много имѣнія... Сотворилось великое зло Суздальской землѣ, и отъ самаго крещенія не было такого зла, какое случилось теперь... Устроивъ свой станъ у города Владимира, татары пошли, взяли Суздалъ и св. Богородицу разграбили, княжій дворъ огнемъ пожли и монастырь св. Дмитрія пожгли, а прочіе разграбили, а чернецовъ и черницъ, и поповъ, и попадей, и дьяконовъ, и женъ ихъ, и дочерей, и сыновей ихъ — все это полонили въ свой станъ, а сами пошли къ Владимиру... Въ недѣлю мясопустную по заутрени приступили къ городу... и былъ плачъ великій въ городѣ, а не радость (по случаю масляницы), ради нашихъ грѣховъ и неправды: за умноженіе нашихъ грѣховъ и беззаконій напустилъ Богъ поганыхъ, не потому, чтобы онъ ихъ миловалъ, но наказывая насъ, чтобы мы отстали отъ злыхъ дѣлъ. И этими казнями казнитъ насъ Богъ, нашествіемъ поганыхъ, потому что это есть батогъ его, чтобы мы опомнились и

отстали отъ своего злого пути. Поэтому въ праздники наши Богъ наводитъ намъ сѣтованіе, какъ сказалъ пророкъ: превращу ваши праздники въ плачъ и ваши пѣсни въ рыданіе. И они взяли городъ до обѣда»...

О взятіи татарами Кіева Ипатьевская лѣтопись пишетъ такъ. Батый, взявъ въ 1237 г. Козельскъ и Черниговъ, послалъ Меньгукана «сглядать» Кіева. Меньгуканъ, разсмотрѣвъ съ другой стороны Днѣпра Кіевъ, удивился его красотѣ и величинѣ. Онъ послалъ пословъ къ князю Михаилу и къ горожанамъ, «хотя ихъ прельстить», но они «не послушали его». Въ 1240 г. наступилъ чередъ Кіеву. «Пришелъ Батый къ Кіеву въ большой силѣ, со многимъ множествомъ своей силы, и окружила городъ, и остолпила сила татарская, и былъ городъ въ великомъ обдержаніи. И былъ Батый у города, и слуги его окружили городъ, и ничего не было слышно отъ скрипа его телѣгъ, отъ рева множества его верблюдовъ и отъ ржанія его конскихъ стадъ; и русская земля была наполнена врагами. И взяли кіевляне у нихъ одного татарина, именемъ Товрула, и тотъ сказалъ имъ всю силу ихъ; здѣсь были братья его, сильные воеводы: Уздюй, Байдаръ, Бирюй, Каиданъ, Бонакъ и Кююкъ, — который воротился, узнавши о смерти хана, и сталъ ханомъ, не изъ его рода, но былъ воевода его первый,—здѣсь былъ Бѣдяй богатуръ и Бурундай богатырь, который взялъ болгарскую землю и суздальскую, и множество другихъ воеводъ, которыхъ мы здѣсь не написали. И Батый поставилъ у города пороки (стѣнобитныя орудія) подлѣ Лядскихъ воротъ, потому что здѣсь подошелъ близко лѣсъ; эти орудія, не переставая, били день и ночь и выбили стѣны, и горожане пришли къ пробитой стѣнѣ, и тутъ можно было видѣть копейный бой и стукъ щитовъ; стрѣлы помрачили свѣтъ побѣжденнымъ, и когда Дмитръ (кіевскій тысяцкій) былъ раненъ, татары вошли на стѣны и остались тамъ этотъ день и ночь. Горожане сдѣлали опять другое укрѣпленіе около св. Богородицы. На другое утро татары пришли на нихъ, и была между ними великая битва; когда же люди взбѣжали на церковь и на церковные хоры со своимъ имуществомъ, то отъ тяжести повалились съ ними стѣны церковныя и такимъ образомъ городъ былъ взятъ врагами. А Дмитрія татары вывели раненаго и не убили его ради его мужества».

Съ паденіемъ Кіева наступаетъ татарское иго: на Русь стали пріѣзжать татарскіе сборщики податей, а русскіе князья стали ѣздить въ орду на поклонъ. Въ 1243 г. великій князь Ярославъ поѣхалъ къ Батыю, а сына своего Константина послалъ къ самому хану въ Азію. Въ 1244 г. князья Владимиръ Константиновичъ, Борисъ Васильковичъ, Василій Всеволодовичъ со своими мужами «поѣхали въ татары». Въ 1245 г. князь Константинъ Ярославичъ пріѣхалъ отъ татаръ; въ томъ же году поѣхалъ къ нимъ великій князь Ярославъ со своею братьею и съ племянниками. Въ 1246 г. Святославъ и другіе князья пріѣхали отъ татаръ, а Михаилъ Черниговскій съ внукомъ поѣхалъ къ нимъ. Въ 1247 г. отправляются туда Андрей Ярославичъ и Александръ Ярославичъ, и т. д.

Пріѣзжая на поклонъ, князья русскіе должны испытывать не мало униженій для своего достоинства: татары всячески старались подчеркнуть, что русскіе князья—побѣжденные, а они—побѣдители; русскіе князья передъ тѣмъ, какъ представиться хану, должны были исполнить рядъ обрядовъ и церемоній не только унизительнымъ для ихъ достоинства, но и оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства. Князья, отстаивавшіе свое достоинство, гибли. Такъ, князь Михаилъ Черниговскій, отказавшійся поклониться огню и идоламъ, былъ убитъ. Южно-русскій лѣтописецъ въ любопытныхъ чертахъ описываетъ чувства, которыя испытывалъ князь Даніилъ Галицкій, когда послѣднему пришлось отправиться къ татарамъ на поклонъ (1250 г.). Князь зналъ о предстоящихъ ему униженіи и опасности. Проѣзжая Кіевъ, онъ проситъ игумена и братію Выдубецкаго монастыря помолиться за него и затѣмъ отправляется въ дальнѣйшій путь, «видя бѣду страшную и грозную». Въ Переяславлѣ онъ встрѣтилъ татаръ и увидѣлъ, что нѣтъ въ нихъ добра, и началъ «сильно скорбѣть думою», когда увидѣлъ, что татары обладаемы діаволомъ, когда увидѣлъ ихъ скверное кудесничество, когда узналъ, что приходящихъ царей, князей и вельможъ они водятъ около куста и заставляютъ поклоняться солнцу и лунѣ, и землѣ, діаволу и умершимъ въ аду отцамъ ихъ и дѣдамъ, и матерямъ. По словамъ лѣтописца, Даніилъ, явившись въ орду, былъ избавленъ отъ ихъ кудесничества, но Батыю долженъ былъ поклониться по та-

тарскимъ правиламъ и долженъ былъ испить кумыса: «Ты,— говорилъ ему Батый,—уже нашъ, татаринъ: пей наше питье»! Пошелъ Даніилъ на поклонъ и къ великой татарской княжнѣ, которая, вмѣсто непривычнаго для русскихъ кумыса, прислала ему вина. Описавъ пребываніе Даніила въ ордѣ, лѣтописецъ говоритъ: «О, злѣе зла честь татарская! Нѣкогда Даніилъ Романовичъ бывалъ великимъ княземъ, обладалъ русскою землею, Кіевомъ, Владимиромъ и Галичемъ и, съ братомъ своимъ, иными странами, а нынѣ сидитъ на колѣняхъ и холопомъ называется, и дани отъ него хотятъ, жизни не чаетъ, и грозы приходятъ. О, злая честь татарская! Отецъ его былъ царь въ русской землѣ, покорилъ половецкую землю и воевалъ всѣ другія страны, а сынъ не получилъ его чести. И кто же другой можетъ получить ея? Потому что ихъ злобѣ и коварству нѣтъ конца: Ярослава, великаго князя Суздальскаго уморили зельемъ; Михаилъ, князь Черниговскій, не поклонившійся кусту, и съ бояриномъ его Ѳеодоромъ, зарѣзаны были ножомъ... и приняли вѣнецъ мученическій, и многіе другіе князья и бояре были убиты. Когда же князь Даніилъ пробылъ у нихъ двадцать пять дней, онъ былъ отпущенъ, и ему была поручена его земля... И пришелъ въ свою землю, и встрѣтили его братъ его и сыновья, и былъ плачъ его обидѣ и большая радость о его здравіи...»

Не всѣ князья испытывали такія сложныя ощущенія, какъ Даніилъ. Нѣкоторые въ точности исполняли всѣ требованія татарскаго церемоніала. Лѣтопись отмѣчаетъ, что такихъ князей въ ордѣ принимали «съ великой честью», которая удовлетворяла и князей, и лѣтописца.

Татарское нашествіе, какъ событіе, наложило сильный отпечатокъ на устное княжеско-дружинное творчество эпохи древняго Кіевскаго просвѣщенія.

158. Дѣленіе литературы эпохи древняго Кіевскаго просвѣщенія. Литература эпохи древняго Кіевскаго просвѣщенія, устная и письменная, создана была лицами, принадлежавшими или, въ въ той или иной формѣ, примыкавшими къ двумъ правящимъ классамъ этой эпохи: княжеско-дружинному и духовному. Соотвѣтственно этому древнерусская литература перваго періода дѣлится на слѣдующіе виды: 1) княжеско-дружинное устное творчество, 2) княжеско-дружинное письменное творчество, 3) церковное пись-

менное творчество и 4) церковно-дружинное письменное творчество.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Княжеско-дружинное устное творчество.

159. Княжеско-дружинное устное творчество. Къ княжеско-дружинному устному творчеству относятся эпическія пѣсни, въ которыхъ воспѣваются событія изъ жизни свѣтскаго правящаго класса въ Кіевской Руси. Эти пѣсни болѣе извѣстны у насъ подъ названіемъ былинъ. Терминъ «былина», повидимому, навѣянъ «Словомъ о полку Игоревѣ» («начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени. а не по замышленію Бояню»), въ которомъ имъ обозначается «дѣйствительно происшедшее событіе», «историческое событіе», «историческое дѣяніе», въ противоположность «старымъ словесамъ», т. е. разукрашеннымъ разсказамъ о событіяхъ. До 60-хъ годовъ XIX в. терминъ «былина» не употреблялся въ отношеніи къ княжеско-дружинскому эпосу. Съ 60-хъ годовъ онъ начинаетъ входить въ науку, причемъ подъ «былинами» подразумѣваются по примуществу пѣсни, въ которыхъ изображаются подвиги героевъ-богатырей. Въ связи съ терминомъ «былина» находится и другой болѣе широкій терминъ—«былевой эпосъ», означающій вообще эпическія пѣсни, отразившія въ большей или меньшей степени историческое прошлое. Среди той части русскаго населенія, которая сохранила княжеско-дружинный устный эпосъ до нашего времени, терминъ «былина» неизвѣстенъ; вмѣсто него употребляются слова «старина», «старинка», «старинушка», которыя мѣтко обозначаютъ сущность содержанія этихъ пѣсенъ. Наконецъ, въ отношеніи къ княжеско-дружинному эпосу можно употреблять и наиболѣе широкій научный терминъ—«эпическая пѣсня», т. е. поэтическій разсказъ о прошедшихъ событіяхъ.

160. «Богатырь», «храборъ», «поленица». Герои, изображаемые въ былинахъ, особенно тѣ, которые совершаютъ подвиги военнаго характера, называются «богаты-

рями». Слово «богатырь» прежде считали русскимъ. Предполагали, что оно произошло отъ слова «богъ», черезъ посредство производнаго отсюда слова «богатый», и что оно означаетъ человѣка одареннаго свыше чудесными сверхъестественными силами и дарами. Но это предположеніе не оправдывается лѣтописными данными. Если бы слово «богатырь» было русскаго происхожденія, то оно употреблялось бы уже въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ. Между тѣмъ тамъ его нѣтъ. Вмѣсто него употребляются въ томъ же смыслѣ, какъ и слово богатырь, другія слова: «удалецъ», «рѣзвецъ», «храборъ». Только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, какъ, напр., въ Никоновскомъ, появляется слово «богатырь», причемъ сюда оно попадаетъ, повидимому, изъ былевого эпоса, изъ той его части, въ которой изображается борьба героевъ-удальцовъ въ кочевниками. Послѣднее обстоятельство навело изслѣдователей на мысль обратиться къ словарямъ тюрко-монгольскихъ народовъ, кочевавшихъ въ южнорусскихъ степяхъ. Поиски увѣнчались успѣхомъ. Найдены были слѣдующія слова: «батуръ», «батырь», «баторъ», «багадуръ», «бахатуръ» (baghatur); слова эти означаютъ то же самое, что и наше слово «богатырь». Итакъ, слово «богатырь», повидимому, заимствовано было нашими храбрецами у тюрко-монгольскихъ кочевниковъ, съ которыми велась многовѣковая борьба. Нѣкоторыя данныя заставляютъ думать, что это слово окончательно усвоено было русскими со временъ эпохи татарскаго ига.

Позднѣйшему термину «богатырь», по смыслу, въ Кіевской Руси соотвѣтствовалъ терминъ «храбъръ», «храборъ», «хороборъ», «хороберъ». Первоначально это слово было равносильно слову «воинъ»; позднѣе оно получило оттѣнокъ, придавшій ему значеніе храбраго воина, героя, богатыря. Въ такомъ именно смыслѣ терминъ «храборъ» употребляется, напр., въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Аще имаше единаго храбра въ вояхъ своихъ, единому на сѣчю вынити на единаго сѣчьца Персянина»; «И бѣ у него (Володимера) Добрыня воевода и храборъ, и наряденъ мужъ»; «Жалость бо всѣмъ въ дому (кн. Всеслава) о ней (Ефросиніи). Преподобная же Ефросинія сего небрежаше жалости отца своего; но яко доблій храборъ, вооружившися на сопротивника своего діавола, пробываше въ монастыри».

Иногда слово «храборъ» сопровождается эпитетомъ «добль» и «подобль». Выраженіе «добль храборъ» или «подобль храборъ» соотвѣтствуетъ позднѣйшему «славный богатырь». Напр.: «По Даріи же Арсумуанинѣ царьствова Александръ Македоньскій лѣтъ 12; образъ же рожества и доблесть мужества и еже въ ратѣхъ вазни (fortuna) и добрая дѣла хощемъ сказати по ряду, и яко и самъ подобль мнится быти храборъ Александръ Македоньскій, яко все строивъ и поспѣвающе ему имѣяй присно къ доброму дѣлу помышленія. Толико бо лѣтъ проводи, со всѣми языкы брань творя и біяся, яко же не можаху». Изъ этого отрывка видно, что Александръ Македонскій называется храбрымъ потому, что въ продолженіе многихъ лѣтъ велъ безпрерывную борьбу съ цѣлымъ рядомъ народовъ, причемъ эта борьба сопровождалась успѣхами и побѣдами.

Храборами назывались такимъ образамъ воины, отличавшіеся въ битвахъ особенною доблестью и непобѣдимостью. Эти храборы были очень цѣнимы князьями, и потому послѣдніе окружали себя ими. Такъ, объ Александрѣ Невскомъ въ лѣтописи говорится слѣдуюшее: «Бяху же у Александра князя много храбрыхъ, яко же древне у царя Давида, сильніи и крѣпціи». О Михаилѣ Тверскомъ: «И бысть Васильеви (брату Александра Тверского) Тверскый столъ держащу, Михайлови же возмужавшу, возмагающу, и познавашеся ото всѣхъ человѣкъ, яко сы хощетъ Богъ свободити люди своя отъ великія нужа и иноплеменникъ и величаху людіе зѣло и мнози дары прохождаху къ нему, вси сынове тверстіи прилагахуся къ нему и храбри служаху ему». Лѣтопись вмѣняетъ Михаилу Тверскому въ особую заслугу то, что ему служатъ храбры. Въ сказаніи о дѣятельности ростовскихъ героевъ Александра Поповича, Тимони-Златой Поясъ эти герои именуются лѣтописью храбрами, т. е. богатырями.

Съ наступленіемъ татарскаго ига, русскимъ храборамъ противополагаются татарскіе богатыри. Въ Ипатьевской лѣтописи (XIV—XV вв.) среди татарскихъ воеводъ названы Себедяй богатуръ и Бурундай богатырь. Тамъ же разсказывается, что къ Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ половчанинъ Актамъ и говорилъ ему: «Батый воротился есть изъ Угоръ и отрядилъ есть на тя два богатыря возъискати тебѣ

Монъмана и Балая». Въ сказаніи о Меркуріи Смоленскомъ сообщается, что съ Батыемъ «нѣкто бѣ исполинъ, богатырь именуемъ, съ сыномъ своимъ».

Слово «богатырь» употреблялось въ отношеніи къ татарскимъ воеводамъ въ томъ же смыслѣ, какъ и слово «храборъ» въ отношеніи къ русскимъ воеводамъ. Съ теченіемъ времени слово богатырь переносится и на русскихъ храбровъ и вытѣсняетъ древнерусскій терминъ.

Терминъ храборъ употреблялся для обозначенія дружинниковъ-воиновъ, отличавшихся особою силою, удалью, непобѣдимостью. Ничего фантастическаго или сверхъестественнаго этотъ терминъ не означалъ. Для обозначенія великана, гиганта въ древности существовало слово «полоникъ», находящееся въ связи съ словами «польникъ», «испольникъ», «исполинъ». Примѣры: «Бысть нѣкый гигантин, рекомый полоникъ, имя ему Невъродъ»; «родишася гигантове, еже сказуется полоницы». Слово «полоникъ» перешло и въ старины, гдѣ оно приняло форму «поленица» (множественное число отъ польникъ—польници, отсюда было произведено единственное число—польница); оно означаетъ гиганта, исполина—одинаково мужчину и женщину.

161. Теоріи происхожденія былевого эпоса. «Былины», «старины» и т. д. давно уже составляютъ предметъ научнаго изслѣдованія. Происхожденіе этихъ пѣсенъ объяснялось различно. Главнѣйшія теоріи, смѣнявшія другъ друга, суть слѣдующія: 1) миѳологическая теорія, 2) теорія заимствованій и 3) историческая теорія.

162. Миѳологическая теорія. Основныя положенія миѳологической теоріи состоятъ въ слѣдующемъ. Русскій народъ издревле обладалъ извѣстнымъ запасомъ натуралистическихъ миѳовъ, т. е. сказаній о богахъ, олицетворявшихъ основныя силы природы. Эти сказанія отчасти выработаны были совокупными усиліями аріоевропейскихъ народовъ въ ту эпоху, когда они еще представляли одно племя, отчасти подверглись дальнѣйшему развитію и переработкѣ въ предѣлахъ каждаго племени, въ томъ числѣ и русскаго, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, сложившихся для каждаго изъ нихъ.

Когда въ жизни народа наступаетъ героическій періодъ, т. е. періодъ борьбы съ другимъ народомъ, причемъ изъ народной

среды выдѣляются выдающіеся герои-борцы, имѣющійся у даннаго народа запасъ миѳовъ подвергается измѣненію. Къ этому времени смыслъ нѣкоторыхъ миѳическихъ сказаній подвергается забвенію, и боги превращаются въ неопредѣленные образы какихъ-то существъ, одаренныхъ сверхъестественными силами. Эти образы невольно сопоставляются съ народными героями-борцами: между ними отыскивается сходство; невольно на потускнѣвшіе миѳическіе образы переносятся черты и дѣйствія героевъ-борцовъ; миѳическіе образы пріобрѣтаютъ легкій историческій колоритъ, пріурочиваясь къ опредѣленному мѣсту и эпохѣ. Такъ возникаетъ изъ миѳическаго эпоса эпосъ героическій, богатырскій, наши былины. Владимиръ Красное Солнышко, какъ показываетъ эпитетъ «Красное Солнышко» первоначально былъ богомъ солнца, Дажь-богомъ. Въ героическую эпоху, когда первоначальный смыслъ нѣкоторыхъ сказаній о Дажь-богѣ забылся, начался процессъ историзаціи этихъ сказаній: потускнѣвшій образъ Дажь-бога принялъ черты знаменитаго князя Владиміра I-го. Съ нѣкоторыми миѳическими сказаніями о Перунѣ долженъ былъ произойти тотъ же процессъ историзаціи: съ забвеніемъ ихъ первоначальнаго смысла образъ Перуна замѣняется образомъ пророка Иліи, а образъ послѣдняго смѣняется образомъ Ильи Муромца, народнаго героя, пріуроченнаго къ Кіевскому княжеству къ эпохѣ князя Владимира.

Въ эту эпоху героическій эпосъ продолжаетъ оставаться общенароднымъ, такъ какъ еще нѣтъ дѣленія на классы и сословія: всѣ еще равны другъ другу,—всякій способенъ совершить любой подвигъ. Пѣвцы-поэты этой эпохи являются не столько творцами героическихъ пѣсенъ, сколько безъискусственными выразителями того, что составляетъ достояніе всего народа, что извѣстно всѣмъ безъ исключенія.

Процессъ историзаціи миѳологическаго эпоса не останавливается на героической ступени: онъ идетъ дальше и переходитъ на ступень собственно историческую. Переходъ на эту ступень состоитъ въ томъ, что миѳологическій элементъ стараго эпоса почти совершенно вывѣтривается, героическій элементъ ослабляется, и мѣсто ихъ начинаетъ занимать элементъ по преимуществу историческій. Появляется эпосъ историческій («историческія пѣсни»). Такъ древній

запасъ миѳическихъ сказаній, подвергшись крупнымъ измѣненіямъ въ эпоху героическую, почти окончательно исчезаетъ въ эпосѣ историческомъ.

Такова сущность миѳологической теоріи развитія устнаго эпоса, господствовавшая у насъ въ теченіе продолжительнаго времени. Ея главными представителями у насъ были Ѳ. И. Буслаевъ, А. А. Котляревскій, А. Н. Аѳанасьевъ и О. Ѳ. Миллеръ.

Основные ея недостатки слѣдующіе. *Во-первыхъ* превращеніе эпоса миѳическаго въ эпосъ героическій, а затѣмъ историческій не доказано: эпосъ героическій могъ возникнуть независимо отъ миѳическаго, хотя и подъ вліяніемъ, если не миѳическаго эпоса, то миѳическаго, точнѣе, анимистическаго міровоззрѣнія вообще. Точно также эпосъ историческій могъ возникнуть совершенно независимо отъ эпоса миѳическаго и героическаго. *Во-вторыхъ*, нашъ героическій эпосъ (богатырскій) вовсе не былъ продуктомъ общенароднаго творчества. Въ ту эпоху, когда онъ возникъ и развился, т. е. въ IX—XIII вв., русскій народъ уже дѣлился на классы, довольно рѣзко отличавшіеся другъ отъ друга по занятіямъ, экономическому и общественно-политическому положенію ихъ. Поэтому устное творчество общенароднаго характера уже не могло возникать. Русскій богатырскій эпосъ, а именно значительная часть извѣстныхъ намъ былинъ, отражаетъ по преимуществу военные подвиги княжеской дружины; слѣдовательно, русскій богатырскій эпосъ долженъ быть признанъ продуктомъ творчества классового, а не общенароднаго.

163. Теорія заимствованій. Уже представители миѳологическаго объясненія богатырскаго эпоса замѣтили много сходства между нашимъ богатырскимъ эпосомъ и эпосами, устными и литературными, другихъ аріоевропейскихъ народовъ. Это сходство они объясняли тѣмъ, что миѳологическій эпосъ, изъ котораго возникъ эпосъ героическій, былъ нѣкогда достояніемъ всѣхъ аріоевропейскихъ народовъ, причемъ, послѣ раздѣленія на отдѣльныя племена, этотъ эпосъ сохранился у однихъ народовъ въ большей степени, у другихъ — въ меньшей. Противъ такого толкованія выступали изслѣдователи съ теоріей заимствованій. Эта теорія состоитъ въ томъ, что русскій эпосъ не представляетъ чего-

либо самобытнаго, возникшаго на русской почвѣ: онъ—не что иное, какъ переработка, въ большей или меньшей степени, эпосовъ, устныхъ и письменныхъ, составляющихъ общечеловѣческое достояніе. Разсматривая русскій эпосъ съ этой точки зрѣнія, изслѣдователи раздѣлились на двѣ группы: одна группа, представителями которой являются В. В. Стасовъ, Г. Н. Потанинъ и отчасти В. Ѳ. Миллеръ, считаетъ первоисточникомъ нашихъ былинъ восточные эпосы (иранскій, тюрко-монгольскій); другая группа, главнымъ представителемъ которой является академикъ Александръ Веселовскій, источниками нашего эпоса признаетъ эпосы византійскій, византійско-еврейскій и романо-германскій. Сопоставленія дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ лицъ, изображаемыхъ событій, сюжетовъ и т. д. съ эпосами Востока и Запада даютъ, дѣйствительно, поразительныя сходства, которыя въ значительной степени подрываютъ прежнее убѣжденіе въ самобытности русскаго былевого творчества. Такъ, по мнѣнію В. О. Миллера, Владиміръ Красное Солнышко есть сколокъ съ царя Кейкауса, дѣйствующаго въ Иранскомъ эпосѣ; Илья Муромецъ—переработка типа Рустема и т. д. М. Е. Халанскій ставитъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ въ зависимость отъ сѣверо-германскихъ сказаній о Тетлейфѣ Датскомъ.

Противъ теоріи заимствованія можно выдвинуть слѣдующіе доводы. *Во-первыхъ*, сходство русскаго эпоса въ его дѣйствующихъ лицахъ, сюжетахъ, дѣйствіяхъ и т. д. съ эпосами устными и письменными Востока и Запада могло произойти и не отъ заимствованія, а въ силу сходства условій жизни, при которыхъ эпосы возникали и развивались. Такъ, напр., сходство Ильи Муромца съ Рустемомъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что условія дѣятельности того и другого болѣе или менѣе одинаковы—борьба съ врагами. При такомъ сходствѣ могли возникать и сходныя общечеловѣческія положенія для героевъ. *Во-вторыхъ*, мало указать сходство сюжетовъ, дѣйствующихъ лицъ и пр. для установленія факта заимствованія: необходимо установить для каждаго дѣйствующаго лица, сюжета и т. д. путь послѣдовательнаго перехода, въ хронологическомъ порядкѣ, отъ одного народа къ другому, чтобы признать заимствованіе несомнѣннымъ фактомъ. *Въ-третьихъ*, если русскіе заимствовали свой эпосъ

у самыхъ разнообразныхъ народовъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ въ теоріи заимствованій, надо признать, что и народы Запада и Востока также заимствовали свои эпосы,— откуда? Другъ у друга? Пусть заимствованіе было другъ у друга. Но первое заимствованіе могло быть уже при наличности у какого нибудь изъ этихъ народовъ хоть крошечнаго эпоса. Откуда этотъ эпосъ взялся? Очевидно, онъ былъ созданъ этимъ народомъ. Такимъ образомъ, и теорія заимствованій имѣетъ почву только при допущеніи факта первоначальнаго эпическаго творчества у какого нибудь народа безъ всякаго заимствованія. Но если хоть у одного какого-нибудь народа возможенъ былъ періодъ самостоятельнаго творчества, безъ заимствованій, то непонятно, почему способность къ самостоятельному творчеству съ теченіемъ времени изсякла и свелась къ переработкѣ сюжетовъ, которые народы заимствовали другъ у друга и которые неизвѣстно какимъ образомъ явились на свѣтъ Божій.

164. Историческая теорія. Историческая теорія исходитъ изъ слѣдующаго факта: всякое выдающееся событіе общественнаго характера интенсивно переживается всѣми членами общества, точнѣе, опредѣленнаго класса населенія, и съ особенною интенсивностью тѣми членами, которые способны къ поэтическому творчеству; поэтому всякое выдающееся общественное событіе немедленно находитъ себѣ отраженіе въ поэтическихъ произведеніяхъ, причемъ въ произведеніи отражаются мѣсто, гдѣ произошло событіе, лица, принимавшія участіе въ его созданіи, ихъ имена, классъ населенія, среди котораго произошло событіе, и т. д. Такимъ образомъ, *первое* положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что предметомъ былинъ были событія, лица, дѣйствія дѣйствительно происшедшія, существованія, т. е. историческія.

Второе положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что на поэтическое воспроизведеніе историческихъ событій должны были въ большей или меньшей степени вліять миѳическія сказанія, циркулировавшія въ той средѣ, въ которой возникали былины, или, во всякомъ случаѣ, анимистическое міровоззрѣніе.

Третье положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что на обработку былинъ неизбѣжно должны были вліять сказанія, эпосы, устные и литературные, всѣхъ тѣхъ наро-

довъ, съ которыми древняя Русь находилась въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи, а именно, эпосы византійскій, южнославянскій, западно-европейскій и восточные (черезъ посредство хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ).

Четвертое положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что былевой эпосъ при устной передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, при перенесеніи его изъ той мѣстности, гдѣ онъ зародился, въ другія, неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться искаженію, дошедшему до того, что часто съ трудомъ можно отыскать его историческую основу.

165. Происхожденіе былевого эпоса. Былевой эпосъ возникъ изъ небольшихъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, создававшихся подъ вліяніемъ какихъ либо выдающихся событій общественнаго характера. Событія эти могли быть различнаго рода: побѣда князя или дружинника надъ внѣшними врагами, состязанія дружинниковъ-воиновъ или дружинниковъ-купцовъ, въ силѣ, ловкости, богатствѣ, сватовство князей или дружинниковъ и пр. Эти пѣсни состояли изъ трехъ элементовъ: 1) изъ разсказа о событіи, 2) изъ выраженія впечатлѣнія, произведеннаго на пѣвца событіемъ и 3) изъ прославленія (величанія) героевъ событія.

Существованіе такого рода пѣсенъ подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ. Кириллъ Туровскій въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ: «историцы и вѣтія, рѣкше лѣтописцы и пѣснотворцы, приклоняютъ свои слухи въ бывша межи цесари рати и ополченія, да украсятъ словесы». Изъ этихъ словъ видно, что походы и войны князей не только записывались лѣтописцами, но воспѣвались «пѣснотворцами». Въ Волынской лѣтописи, подъ 1251 г., сообщается, что, когда Даніилъ Романовичъ Галицкій и его братъ Василько вернулись послѣ побѣды надъ ятвягами, то «пѣснь славну пояху има». Длугошъ, польскій лѣтописецъ, разсказываетъ подъ 1209 г. о войнѣ между польскимъ королемъ Лешкомъ и русскимъ княземъ Мстиславомъ Удалымъ. Мстиславъ одержалъ побѣду. Русскіе, передаетъ Длугошъ, выражали свою радость громкими восклицаніями: «О великое свѣтило, побѣдитель Мстиславъ Мстиславичъ! О храбрый соколъ!..» Это свидѣтельство Длугоша особенно интересно, потому что наглядно указываетъ основные элементы былины въ моментъ ея возникновенія: 1) побѣда Мстислава Мстиславича, 2) повы-

шенное радостное настроеніе войска и 3) прославленіе (величаніе) Мстислава Мстиславича войскомъ.

Такого же рода свидѣтельства мы находимъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Вѣщій Боянъ, древній пѣвецъ, о которомъ вспоминаетъ авторъ «Слова», творилъ пѣсни въ честь Ярослава, Мстислава, Романа. Итакъ, существовали извѣстныя автору «Слова» пѣсни о русскихъ князьяхъ. Авторъ «Слова» находитъ, что Бояну слѣдовало бы сложить пѣснь въ честь воспѣваемаго имъ въ «Словѣ» Игоря. О томъ, что существовалъ обычай прославленія князей, и притомъ не у насъ только, видно изъ словъ автора «Слова»: «Ту (въ Кіевѣ) нѣмцы и венедицы (венеціанцы), ту греки и морава поютъ славу Святославлю». Само «Слово о полку Игоревѣ», представляющее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подражаніе современному былевому эпосу, оканчивается прославленіемъ Игоря и его дружины, хотя это прославленіе не вяжется съ понесеннымъ ими пораженіемъ: «Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава (славу) Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганыя полки. Княземъ слава а (и) дружинѣ». Элементъ прославленія или величанія героя есть и въ былевомъ эпосѣ. Напр.: «Да поемъ тебѣ (Алешѣ Поповичу) старинушку, славу поемъ». «Только той Соловнику славы поютъ, а Ильина то слава не минуется, отнынѣ славы до вѣку»; о Ставрѣ Годиновичѣ говорится, что онъ, играя на гусляхъ, величалъ князя съ княгинею. Элементъ величанія имѣлъ для былевого эпоса столь важное значеніе, что по привычкѣ слава поется и такимъ героямъ, которые ничего въ сущности славнаго не сдѣлали, какъ, напр., Соловью-разбойнику, Чурилѣ и др.

Итакъ, былевой эпосъ долженъ былъ возникнуть изъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, слагавшихся по живымъ слѣдамъ замѣчательныхъ событій общественнаго характера, происходившихъ въ княжеско-дружинной средѣ.

166. Непрофессіональные пѣвцы-поэты. Лиро-эпическія пѣсни слагались первоначально среди правящаго княжеско-дружиннаго класса населенія, изъ котораго въ выдающіеся моменты жизни выдѣлялись лица съ поэтическими дарованіями. Въ лѣтописи по поводу войны 1149 г. сообщается, что «мужи отьни (отцовскіе, т. е. дружинники) по-

хвалу ему (Андрею Боголюбскому) даша велику, зане мужьскы сотвори паче бывшихъ всихъ ту». Дружинники Андрея воздали своему князю «великую похвалу», вѣроятно, въ формѣ лиро-эпической пѣсни. Выше (§ 165) отмѣчено было свидѣтельство изъ лѣтописи Длугоша о томъ, что дружинники прославляли послѣ побѣды Мстислава Мстиславича Удалого. Непрофессіональнымъ пѣвцомъ-дружинникомъ былъ, повидимому, авторъ «Слова о полку Игоревѣ».

Доказательства существованія у насъ непрофессіональныхъ пѣвцовъ - поэтовъ, выдѣлявшихся изъ княжеско-дружиннаго класса населенія, мы находимъ и въ нашемъ былевомъ эпосѣ. О Добрынѣ, который былъ знатнаго происхожденія, разсказывается, что переодѣвшись въ костюмъ профессіональнаго пѣвца-скомороха, чтобы не быть узнаннымъ, онъ явился на свадебный пиръ. Онъ игралъ и пѣлъ такъ искусно, что затмилъ всѣхъ профессіональныхъ пѣвцовъ-скомороховъ, присутствовавшихъ на пиру: «Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано, на бѣлоемъ игры не видано». Изъ другой старины о Добрынѣ видно, что Добрыня славился своей игрой на гусляхъ и до появленія на свадебномъ пиру въ костюмѣ скомороха; когда Добрыня заигралъ на свадебномъ пиру и запѣлъ пѣсню, то всѣ цари и царевичи, короли и королевичи удивились игрѣ: до сихъ поръ среди гусельщиковъ - спеціалистовъ не находилось соперника Добрынѣ, а теперь нашелся «молодой гусельщичокъ — енъ не хуже да Добрыни добра-молодца». Другой дружинникъ бояринъ Ставръ Годиновичъ былъ также «мастеръ играть въ гусли яровчаты». Искусствомъ играть на гусляхъ отличается и богатый знатный гость Соловей Будимировичъ, пріѣхавшій въ Кіевъ изъ заморскаго города Леденца на своихъ корабляхъ. О немъ говорится, что онъ своей игрой увеселяетъ или свою матушку, или себя самого съ дружиной: «Поетъ пѣсни и гусли играетъ младъ Соловей сынъ Будимировичъ». «Тутъ-то въ терему скачутъ - пляшутъ, пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ, тутъ то младъ Соловей сынъ Будимировичъ со своей дружинушкой хороброей; онъ сидитъ Соловей на стулѣ черленоемъ, на черленоемъ стулѣ, золоченоемъ, играетъ молодецъ, забавляется со своими дружинами хоробрыми».

167. Профессіональные пѣвцы-поэты. Усложненіе русской жизни въ связи съ развитіемъ раздѣленія труда

должно было повести къ выдѣленію и обособленію пѣвцовъ-слагателей въ особый профессіональный классъ. Возникновеніе многочисленныхъ княжескихъ дворовъ въ главныхъ и второстепенныхъ русскихъ городахъ, размноженіе класса дружинниковъ, бояръ, богатыхъ гостей создали большой спросъ на пѣвцовъ-поэтовъ, которые во всякую минуту могли бы увеселять нашъ правящій классъ. Вслѣдствіе этого изъ дружиннаго класса населенія, а затѣмъ и изъ другихъ классовъ стали выдѣляться профессіональные пѣвцы-поэты, которые находили себѣ всегда радушный пріемъ у князей, бояръ, богатыхъ гостей и т. д. и за свою игру и пѣніе получали богатые подарки. Повидимому, о такомъ именно профессіональномъ пѣвцѣ-поэтѣ сообщается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1240 г.: «Словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служить князю Данилу, раздраного, аки связанаго, приведоша». Но особенно драгоцѣнныя указанія на типъ профессіональнаго пѣвца-поэта мы находимъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Дѣйствительно ли существовалъ какой-нибудь пѣвецъ-поэтъ съ именемъ Боянъ, или это имя въ устахъ автора «Слова» было нарицательнымъ (отъ слова «баяти») для обозначенія профессіональнаго пѣвца-поэта, во всякомъ случаѣ въ лицѣ вѣщаго Бояна мы имѣемъ типъ пѣвца эпохи XI-го вѣка. Съ какими же чертами является древнерусскій профессіональный поэтъ-пѣвецъ?

Во-первыхъ, древнерусскій пѣвецъ-поэтъ имѣетъ значеніе высокое, полубожественное: онъ—внукъ Велеса, онъ—вѣщій пѣснотворецъ: его игра на гусляхъ и пѣніе по своей очаровательности подобны пѣнію соловья. Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» иногда сожалѣетъ, что пѣвцомъ Игорева похода не былъ вѣщій Боянъ.

Во-вторыхъ, профессіональный пѣвецъ-поэтъ отличается разносторонностью: слагая свою пѣсню, онъ вноситъ въ нее эпизоды изъ событій, происшедшихъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ родной и чужой земли: онъ растекается мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками, онъ рыщетъ чрезъ поля и горы.

Въ-третьихъ, профессіональный пѣвецъ воспѣваетъ по преимуществу старое время: онъ соловей стараго времени: даже воспѣвая своихъ современниковъ, профессіональный пѣвецъ-поэтъ сплетаетъ съ современными событіями чудес-

ныя событія минувшаго прошлаго, восходя при этомъ до древнѣйшихъ временъ, до Трояновыхъ вѣковъ.

Въ-четвертыхъ, профессіональный пѣвецъ вводитъ въ свою пѣсню «припѣвки», т. е. остроумныя мѣткія изреченія, касающіяся воспѣваемыхъ лицъ и событій. Такова, напр., «припѣвка» Бояна про князя Всеслава Полоцкаго: «ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути»; такова и другая его припѣвка: «тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы».

Въ-пятыхъ, задача профессіональнаго пѣвца-поэта состоитъ въ величаніи и прославленіи князей.

Таковъ типъ древнерусскаго профессіональнаго пѣвца-поэта въ изображеніи автора «Слова о полку Игоревѣ».

168. Скоморохи-веселые люди. Древнерусскіе профессіональные пѣвцы-поэты вошли въ составъ особаго, въ началѣ пришлаго, класса населенія, извѣстнаго подъ именемъ скомороховъ-веселыхъ людей, съ которыми они слились въ одинъ классъ. Слово «скоморохъ»—иностранное: одни изслѣдователи производятъ его отъ арабскаго mascara (черезъ посредство испорченнаго слова scamara), что значитъ шутка, шутъ; другіе производятъ его отъ греческаго простонароднаго слова σκώμαρχος, что значитъ начальникъ (мастеръ) смѣхотворства.

Скоморохи, повидимому, были въ Византіи преемниками греко-римскихъ мимовъ и гистріоновъ. Это были бродячіе актеры, музыканты, фокусники, пѣвцы и т. д., которые обходили группами города, селенія, увеселяли народъ своимъ искусствомъ и этимъ зарабатывали себѣ пропитаніе. Изъ Римской имперіи мимы и гистріоны (скоморохи) появились на Западѣ, гдѣ они получили названіе шпильмановъ (въ германскихъ странахъ) и жонглеровъ (во Франціи). Къ намъ скоморохи появлялись и съ Запада, какъ показываетъ употребляющееся въ древнерусской литературѣ слово «шпильманъ», и изъ Византіи.

До появленія въ предѣлахъ Руси скомороховъ элементарное театральное искусство у насъ не было извѣстно. Поэтому скоморохи, какъ обладатели, между прочимъ, особаго искусства, нашли себѣ у насъ радушный пріемъ: безъ скомороховъ не обходятся древнерусскіе пиры, свадьбы, похороны и вообще всякаго рода празднества. Къ скоморо-

хамъ постепенно примкнули туземные музыканты, пѣвцы и пр., переняли у скомороховъ ихъ иностранный костюмъ, изображеніе котораго до сихъ поръ можно наблюдать на фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора или въ миніатюрахъ новгородскихъ рукописей. Этотъ костюмъ представлялъ короткую тунику съ разрѣзными полами или длинный перетянутый поясомъ кафтанъ. Слившись съ туземными представителями русскаго искусства, скоморохи національзировались и въ продолженіе многихъ вѣковъ сохраняютъ, совершенствуютъ и развиваютъ рядъ искусствъ. Искусство скомороховъ у насъ, какъ и на Западѣ, было очень разнообразно: они—актеры, плясуны, фигляры, пѣвцы, музыканты; они показываютъ маріонетки, водятъ медвѣдей, играютъ на разнообразныхъ инструментахъ: на гусляхъ, сурнахъ, домрахъ, дудахъ, трубахъ, гудкахъ, лирахъ, свирѣляхъ, бубнахъ и т. д.

Скоморохи - веселые люди распадались у насъ на два разряда—проѣзжихъ, т. е. бродячихъ, обходившихъ села, города, простой народъ и князей, бояръ, богатыхъ людей, и осѣдлыхъ, пристраивавшихся на продолжительное время при дворахъ нашихъ князей, бояръ и т. д. О томъ, что князья наши любили увеселенія съ пѣніемъ, музыкой и т. д., мы имѣемъ достаточно свидѣтельствъ въ древнерусской литературѣ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1015 г. о Святополкѣ Владимировичѣ говорится: «лютѣ бо граду тому и земли той въ немъ же князь юнъ, любяй вино пити съ гуслми». Подъ 1135 г. сообщается, что князь Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій «возлюби играти и утѣшатися». Но особенно хорошо обычай князей веселиться при помощи скомороховъ отмѣченъ преп. Несторомъ въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго. Ѳеодосій, явившись однажды во дворецъ князя Святослава Ярославича, попалъ въ разгаръ веселья: онъ увидалъ «многихъ играющихъ передъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть передъ княземъ». При дворахъ князей находилось во время пира и особое мѣсто для скомороховъ—«скоморошье».

Скоморохи за свою игру-пѣніе щедро вознаграждались своими хозяевами. Добрыню, переодѣтаго скоморохомъ, Владиміръ приглашаетъ за искусную игру сѣсть рядомъ съ

нимъ на золотомъ стулѣ, вмѣстѣ съ нимъ «хлѣба кушати и лебедей рушати»: Владиміръ говоритъ Добрынѣ: «Ай же ты мала скоморошина! За твою игру великую, за утѣхи твои нѣжныя безъ мѣрушки пей зелено вино, безъ разсчету получай золоту казну».

Находя радушный пріемъ среди княжеско-дружиннаго класса населенія и у простонародія, скоморохи встрѣчали противодѣйствіе со стороны духовенства. Преп. Ѳеодосій, заставъ у Святослава Ярославича веселье, поникъ головой и сказалъ князю: «такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ»? Это замѣчаніе подѣйствовало на князя, и онъ распорядился прекращать игру на то время, когда во дворцѣ будетъ Ѳеодосій. На всякаго рода увеселенія наше духовенство, подъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, смотрѣло, какъ на нѣчто «бѣсовское», «богомерзкое», считая веселье противнымъ христіанскому ученію. Особенно такой взглядъ долженъ былъ проводиться духовенствомъ въ отношеніи къ увеселеніямъ, которыя связывались съ чертами языческаго быта. Митрополитъ Іоаннъ запрещаетъ монахамъ и бѣлому духовенству присутствовать на пирахъ съ того момента, какъ начиналось играніе, плясаніе, гудѣніе. Кириллъ Туровскій порицаетъ «плясаніе, еже на пиру, на свадьбахъ и въ навечерницахъ». Кириллъ, митрополитъ Кіевскій (половина XIII в.), перечисляя мытарства, называетъ слѣдующіе проступки: «плясаніе на пирахъ... и басни бающе; сопѣли сатанинскія». Въ «Домостроѣ» (XVI в.) о пирѣ, сопровождаемомъ музыкой, танцами и весельемъ, такъ говорится: «И аще начнутъ... смѣхотвореніе и всякое глумленіе или гусли и всякое гудѣніе и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда, якожъ дымъ отгонитъ пчелы, тако-жъ отыдутъ ангели Божія отъ тоя трапезы и смрадные бѣсы предстанутъ». О пирѣ Іоанна Грознаго князь Курбскій говоритъ: «царь Іоаннъ, упившись, началъ со скоморохами въ машкарахъ (маскахъ) плясать и сущіе пирующіе съ нимъ».

169. Типъ скомороха пѣвца-поэта. Въ былевомъ эпосѣ нѣкоторые герои переряживаются въ скоморошій костюмъ, появляются на пиръ къ Владиміру и здѣсь показываютъ свое искусство. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя при этомъ сообщаются въ пѣсняхъ, можно возсоздать типъ скомороха, ведущаго «великую игру», т. е. пѣвца-поэта.

Возсоздающіяся на основаніи этихъ данныхъ черты очень напоминаютъ черты вѣщаго Бояна.

Во-первыхъ, скоромохъ — въ одно и то же время музыкантъ (гусельщикъ) и поэтъ: онъ по стрункамъ похаживаетъ и голосомъ поваживаетъ; его пѣніе, сопровождаемое игрой на гусляхъ, производитъ сильное чарующее впечатлѣніе: подъ впечатлѣніемъ «великой игры» всѣ на пиру притихаютъ, прислушиваются, оглядываются, ужасаются; его игра признается «великой», его «утѣхи»—«нѣжными».

Во-вторыхъ, скомороху, ведущему «великую игру» приписывается такая же разносторонность, какою обладалъ вѣщій Боянъ: подобно послѣднему скоморохъ-поэтъ ведетъ «игру», «выигрыши», «тонцы», (т. е. разсказы), приплетая къ нимъ событія изъ разныхъ странъ; тонцы ведутся отъ Кіева, Новгорода, Чернигова, Царьграда, Іерусалима, Сорочинской земли (Сарацинской). Эта особенность «великой игры» въ нѣкоторыхъ былевыхъ пѣсняхъ прямо формулируется самими пѣвцами: «Высота ли, высота поднебесная глубота, глубота океанъ-море, широко раздолье по всей земли, глубоки омуты Днѣпровскіе». Или: «Рѣки то, озера ко Новугороду, мхи то, болота ко Бѣлоозеру, широки раздолья ко Онскому, темные лѣса ко Смоленскому, чистыя поля къ Ерусалиму».

Въ-третьихъ, скоморохъ-поэтъ, какъ и Боянъ, поетъ «про старыя времена и про нынѣшніе и про всѣ времена доселюшны». Онъ и начинаетъ свои пѣсни на подобіе Бояна или подражавшаго послѣднему автора «Слова о полку Игоревѣ»: «Благословите, братцы, старину сказать, какъ бы старину стародавнюю». Подобно тому, какъ авторъ «Слова о полку Игоревѣ» припоминалъ времена Траяна, такъ и скоморохъ-поэтъ начинаетъ свою «великую игру» съ воспоминанія о самыхъ далекихъ отъ него временахъ: «При царѣ Давидѣ Евсѣевичѣ, при старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ было беззаконство великое».

Въ-четвертыхъ, скоморохъ-поэтъ вводитъ въ свои пѣсни «припѣвы», «припѣвки», «наигрыши», т. е. остроумныя изреченія, поговорки и намеки изъ-за синя моря, или изъ-за Лукоморья. Такъ, переодѣтый скоморохомъ, Добрыня, ведя «великую игру» на свадебномъ пиру своей жены съ Алешей Поповичемъ (послѣ долгаго отсутствія), наигрываетъ два

наигрыша, предназначенныя для его жены: первый наигрышъ: «Охъ, вы гусли мои, гуслицы, гусли мои звончатые! Вы лежали соряду шесть лѣтъ, а еще лежали ровно три года, а еще лежали ровно круглый годъ, на десятомъ играть стали». Это намекъ на собственное десятилѣтнее отсутствіе изъ дому. Второй «наигрышъ»: «Гдѣ это видано, еще гдѣ же слыхано, отъ жива мужа замужъ идти»?

Въ-пятыхъ, цѣль скомороха-поэта, какъ и у вѣщаго Бояна, — величаніе минувшихъ героевъ и современныхъ князей. Поэтому былевыя пѣсни заканчиваются обыкновенно возглашеніемъ славы воспѣтому герою. Иногда, какъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ», величаются сперва старшіе герои, а потомъ и младшіе. Такъ, Добрыня-скоморохъ повыигралъ всѣхъ отъ стараго до малаго.

170. Центры русскаго былевого творчества. Русскій былевой эпосъ, какъ отраженіе дѣйствительно-происшедшихъ событій, связанныхъ съ дѣятельностью русскаго княжеско-дружиннаго класса, возникъ и развился въ тѣхъ частяхъ русской земли, въ которыхъ эта дѣятельность проявлялась съ особенной энергіей. Первоначально райономъ дѣятельности княжеско-дружиннаго класса былъ великій водный путь изъ «варягъ въ греки». Бассейнъ этого пути дѣлился на двѣ части: сѣверную и южную. Центромъ сѣверной части былъ Новгородъ, южной—Кіевъ. Новгородъ и Кіевъ были двумя первоначальными центрами древне-русскаго княжеско-дружиннаго эпоса.

Новгородъ, главный городъ русскихъ славянъ, населявшихъ бассейнъ озера Ильменя, повидимому, былъ первымъ центромъ возникновенія былевого эпоса. По крайней мѣрѣ, остатки этого эпоса, сохранившіеся въ нашихъ лѣтописяхъ въ формѣ преданій о появленіи варяговъ, объ изгнаніи ихъ изъ Новгорода, о призваніи Рюрика, Синеуса и Трувора, о княженіи вѣщаго Олега, должны были возникнуть въ Новгородѣ. Это—первый, древнѣйшій, періодъ новгородскаго былевого творчества. Кое что изъ этого творчества сохранилось въ былинахъ кіевскаго цикла (напр., въ былинахъ о Волхѣ Всеславьевичѣ или Вольгѣ Святославичѣ).

Кіевъ былъ уже съ VII в. послѣ Р. Х., а можетъ быть, и раньше центромъ для значительной части славянъ. Съ конца VII в. кіевскіе поляне, сѣверяне и радимичи находи-

лись въ подчиненіи у хазаръ. Вѣроятно, эти племена подчинились хазарамъ не безъ борьбы, а въ такомъ случаѣ нѣкоторые моменты этой борьбы должны были отразиться въ ихъ устномъ творчествѣ. Кое что изъ преданій объ отношеніяхъ между южнорусскими племенами и хазарами сохранилось въ лѣтописяхъ. Съ появленіемъ въ Кіевѣ варяговъ, сначала подъ предводительствомъ Аскольда и Дира и, наконецъ, Олега, Кіевъ на продолжительное время становится политическимъ центромъ всѣхъ русскихъ славянъ. Соотвѣтственно этому онъ дѣлается важнѣйшимъ центромъ и для былевого эпоса: во-первыхъ, съ переходомъ князя и дружины изъ Новгорода въ Кіевъ сюда былъ занесенъ новгородскій княжеско-дружинный эпосъ; во-вторыхъ, борьба съ хазарами и побѣды надъ ними, побѣды надъ русскими славянами, стоявшими въ сторонѣ отъ великаго воднаго пути, походы на Визачтію, борьба съ такими кочевниками, какъ половцы и печенѣги и т. д.,—всѣ эти событія, связанныя съ Кіевомъ, какъ центромъ государственнаго правленія, должны были породить обширный, собственно кіевскій, княжеско-дружинный эпосъ, остатки котораго сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ и, съ позднѣйшими наслоеніями подъ вліяніемъ татарщины, въ дошедшихъ до нашего времени былинахъ-старинахъ.

На ряду съ Кіевомъ въ южной Руси возникаютъ мѣстные центры былевого творчества, соотвѣтственно дѣленію ея на области въ эпоху системы очередного княженія. Такими центрами явились Переяславль и Черниговъ.

Переяславль, находившійся на южнорусской границѣ со степями, велъ упорную борьбу съ половцами, которые часто совершали на него нападенія, особенно въ княженіи тамъ Владимира Мономаха. Эта борьба породила мѣстный переяславскій княжеско-дружинный эпосъ. Отрывки этого эпоса сохранились въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ, гдѣ изображенъ переяславльскій храборъ-богатырь Демьянъ Куденевичъ, сопровождаемый на бой слугой Тарасомъ и пятью отроками.

Черниговъ, князья котораго соперничали съ кіевскими въ силѣ и богатствѣ, также долженъ былъ породить свой эпосъ, который до насъ не дошелъ.

Кое-что изъ былинъ переяславскихъ и черниговскихъ, вѣроятно, вошло въ кіевскій циклъ былинъ.

Со второй половины XII в. образуются новыя государственные центры, какъ, напр., Галичъ Волынскій, Ростово-Суздальская земля и Новгородъ. Въ этихъ центрахъ возникаютъ мѣстные эпосы, судьба которыхъ была различна.

Галичъ-Волынскій возвышается во второй половинѣ XII в. и въ началѣ XIII в. Онъ славился своими походами на половцевъ и литовцевъ, а также своимъ богатствомъ. Слѣды существованія галицкаго эпоса сохранились въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ былинахъ-старинахъ кіевскаго цикла.

Новгородъ, рано становящійся самостоятельнымъ, былъ въ сѣверной Руси богатѣйшимъ торгово-промышленнымъ центромъ съ своеобразнымъ общественно-политическимъ строемъ. Между XIII—XV вв. онъ становится во второй разъ центромъ былевого творчества, дошедшаго до нашего времени (былины о Садкѣ и Василіи Буслаевичѣ и нѣкоторыя былины кіевскаго цикла).

Ростово-Суздальскій край, колонизированный, главнымъ образомъ, эмигрантами изъ Кіевской Руси, пережилъ свою исторію, которая породила мѣстный ростово-суздальскій эпосъ. Этотъ эпосъ слился въ одно органическое цѣлое съ эпосомъ собственно-кіевскимъ, занесеннымъ сюда эмигрантами.

171. Иноземные элементы въ русскомъ былевомъ эпосѣ. Въ русскомъ былевомъ эпосѣ есть много элементовъ иноземнаго происхожденія. Эти иноземные элементы суть слѣдующіе:

1) **Скандинаво-германскій.** Онъ проникъ въ русскій эпосъ вслѣдствіе того, что княжеско-дружинный классъ населенія у насъ первонально былъ скандинаво-германскаго происхожденія. Этотъ классъ долженъ былъ занести къ намъ элементы скандинаво-германскаго эпическаго творчества и, наоборотъ, по скольку отдѣльныя группы дружинниковъ-варяговъ возвращались изъ древней Руси обратно въ Скандинавію, нѣкоторые элементы русскаго былевого творчества должны были войти въ эпосъ скандинаво-германскій.

2) **Еврейскій.** Еврейскій элементъ проникалъ въ нашъ эпосъ благодаря сношеніямъ древнихъ русскихъ съ евреями черезъ посредство хазаръ. Вѣроятно, такимъ путемъ проникъ къ намъ образъ Сампсона-богатыря.

3) **Еврейско-византійскій.** Еврейско-византійскій элементъ проникъ въ нашъ былевой эпосъ двумя путями: во первыхъ, благодаря непосредственнымъ мирнымъ и военнымъ отношеніямъ русскихъ съ византійскими греками; во-вторыхъ, книжнымъ путемъ, благодаря чтенію еврейско-византійской переводной литературы.

4) **Южно-славянскій.** Южно-славянскій элементъ проникъ въ былевой нашъ эпосъ благодаря мирнымъ и военнымъ отношеніямъ русскихъ съ южными славянами.

5) **Кавказскій.** Колонизація русскими мѣстностей близъ Кавказа привела къ мирнымъ отношеніямъ и военнымъ столкновеніямъ съ нѣкоторыми кавказскими племенами. Благодаря этому въ нашъ былевой эпосъ проникли элементы эпосовъ кавказскихъ.

6) **Иранскій.** Черезъ посредство кавказскихъ племенъ, имѣвшихъ сношенія съ иранцами, въ нашъ эпосъ проникаютъ отголоски иранскаго эпоса.

7) **Тюрко-монгольскій.** Благодаря продолжительной борьбѣ съ тюрко-монгольскими племенами (печенѣгами, половцами и татарами) въ русскомъ эпосѣ отражаются элементы эпосовъ и этихъ племенъ.

8) **Финскій.** Колонизація русскими сѣверной части восточно-европейской равнины и сліяніе ихъ съ финнами повело къ усвоенію русскими нѣкоторыхъ элементовъ финскаго эпоса. Напр., образъ Колывана богатыря, повидимому, заимствованъ изъ Калевалы (Калеви-поэга).

Элементы всѣхъ этихъ иноземныхъ эпосовъ проникали въ нашъ эпосъ, повидимому, лишь постольку, поскольку они оказывались болѣе или менѣе сходными съ соотвѣтствующими элементами собственно русскаго эпоса. Такъ, образъ прикавказскаго богатыря Святогора (изображающаго, повидимому, хазаръ въ эпоху ихъ протектората надъ русскими славянами) притянулъ къ себѣ изъ еврейскаго эпоса соотвѣтственный образъ Сампсона, а изъ финскаго соотвѣтственный образъ Калеви-поэга (Колывана).

172. Образованіе эпическихъ типовъ и эпическихъ цикловъ. Былевой эпосъ развился изъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, въ которыхъ современники выражали чувства, вызванныя въ нихъ какими-либо историческими событіями. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ событіе, вызвавшее

пѣсню, отходило въ историческое прошлое, лирическій элементъ пѣсни, т. е. одушевлявшее ее чувство, сталъ ослабѣвать; въ противоположность этому элементъ эпическій, т. е. разсказъ о прошломъ событіи сталъ пріобрѣтать среди потомства большій интересъ. Вслѣдствіе этого начинается развитіе въ лиро-эпическихъ пѣсняхъ эпическаго элемента на счетъ лирическаго. Это развитіе выразилось въ двухъ формахъ: 1) въ созданіи эпическихъ типовъ и 2) въ образованіи эпическихъ цикловъ.

1) Созданіе эпическихъ типовъ. Съ появленіемъ профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ (скомороховъ) лиро-эпическія пѣсни становятся ихъ достояніемъ. Вбирая въ свою среду изъ различныхъ русскихъ центровъ, непрофессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ они перенимали у послѣднихъ ихъ пѣсни, и такимъ образомъ создался обширный репертуаръ лиро-эпическихъ пѣсенъ, связанныхъ по своему содержанію съ опредѣленнымъ историческимъ событіемъ и опредѣленными историческими лицами, принимавшими участіе въ этомъ событіи. Жизнь въ древности отличалась большой простотой и событія, совершавшіяся тогда, разнообразіемъ не отличались: побѣда князя или дружинника надъ врагомъ въ открытомъ бою, состязаніе въ какомъ-либо искусствѣ или въ богатствѣ, сватовство— вотъ постоянно повторявшіяся событія, захватывавшія вниманіе современниковъ. Большая или меньшая однородность событій въ древнерусской жизни должна была породить большее или меньшее сходство въ содержаніи древнерусскихъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, несмотря на то, что въ нихъ изображались событія, происходившія въ различныхъ центрахъ Русской земли, лица, жившія и дѣйствовавшія въ разныхъ областяхъ Русской земли и въ различное время. Вслѣдствіе этого лиро-эпическія пѣсни, сходныя по мотиву и содержанію, начали сближаться между собою и смѣшиваться; индивидуальныя особенности событій, мѣстностей и лицъ, о которыхъ шла рѣчь въ этихъ пѣсняхъ, стали сглаживаться, но зато тѣмъ съ большей яркостью и рельефностью стали подчеркиваться особенности, наиболѣе часто повторявшіяся и отмѣчавшіяся въ нихъ. Образы индивидуальныхъ историческихъ лицъ должны были съ теченіемъ времени потерять свои отличительныя черты и сливаться другъ съ другомъ въ чертахъ болѣе или менѣе од-

нородныхъ, повторявшихся, типичныхъ: такъ образовались типы эпическихъ героевъ, какъ, напр., Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ. При такомъ послѣдовательномъ сліяніи индивидуальныхъ образовъ въ образы типическіе имена историческихъ лицъ должны были, съ одной стороны, спутываться другъ съ другомъ, а съ другой стороны уменьшаться въ числѣ: эпическій герой могъ или сохранить имя древнѣйшаго выдающагося историческаго лица, отъ котораго онъ ведетъ свое начало, или пріобрѣсти имя историческаго лица, можетъ быть, и древняго, но второстепеннаго, подвигъ котораго даже не былъ занесенъ въ лѣтопись. Такъ, имя Добрыня Никитичъ, несомнѣнно находится въ связи съ историческимъ русскимъ дѣятелемъ Добрыней, дядей Владимира св., имя же Ильи Муромца до сихъ поръ еще вызываетъ споры и сомнѣнія въ его историческомъ происхожденіи.

2) **Образованіе эпическихъ цикловъ.** Лиро-эпическія пѣсни изображали дѣянія лицъ правящаго класса населенія, главнымъ образомъ, князей и ихъ дружинниковъ. Чѣмъ князь былъ знаменитѣе своими подвигами, тѣмъ больше современники должны были прославлять его, тѣмъ большее количество лиро-эпическихъ пѣсенъ, связанныхъ съ его именемъ, должно было возникать. Большинство такихъ пѣсенъ должно было возникнуть въ честь великихъ кіевскихъ князей, главнымъ образомъ въ честь Владимира, княженіе котораго представляетъ новый фазисъ въ исторіи развитія Русской земли: многочисленные походы Владимира, побѣдоносная война съ греками, принятіе крещенія, учрежденіе церкви, какъ особаго органа правительственной власти, обаятельныя личныя качества Владимира— все это должно было высоко поднять личность этого князя въ глазахъ современниковъ и потомства и затмить образы князей, предшествовавшихъ и послѣдующихъ. Это обстоятельство должно было повліять и на репертуаръ лиро-эпическихъ пѣсенъ профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ: многія пѣсни, прославлявшія предшествовавшихъ Владиміру князей и послѣдовавшихъ за нимъ, стали связываться съ именемъ Владимира и его дружинниковъ. Такъ образовался у насъ обширный кругъ, или циклъ кіевскихъ былевыхъ пѣсенъ, изображающихъ дѣянія героевъ, служащихъ или появляющихся въ Кіевѣ

при дворѣ князя Владимира Красное Солнышко, хотя на самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ этихъ героевъ существовали и ихъ дѣянія происходили либо въ эпоху, предшествующую княженію Владимира св., либо въ эпоху позднѣйшую или событіе происходило не въ Кіевской области, а въ другой. Поэтому въ древнерусскихъ былевыхъ пѣсняхъ, дошедшихъ до насъ, мы находимъ смѣшеніе лицъ, событій и мѣстностей приблизительно отъ IX в. и до половины XIII в.

173. Былины кіевскаго цикла въ сѣверной и южной Россіи. Значительная часть былинъ кіевскаго цикла представляетъ сліяніе древнѣйшихъ новгородскихъ былинъ съ былинами южно-русскими, по преимуществу кіевскаго происхожденія, нѣсколько видоизмѣненными подъ вліяніемъ ростово-суздальскаго эпическаго творчества. Въ настоящее время былины кіевскаго цикла почти совершенно забыты на мѣстахъ ихъ происхожденія, особенно въ южной Россіи, и поются въ сѣверныхъ губерніяхъ, главнымъ образомъ въ Олонецкой и Архангельской и въ Сибири, гдѣ онѣ сохранились въ большомъ количествѣ. Въ Олонецкой губ. собирателями былинъ записано до 300 номеровъ (около 40 сюжетовъ), въ Архангельской—до 200; въ остальной европейской Россіи (въ поволжскихъ губерніяхъ, на Уралѣ, у казаковъ на Кавказѣ) записано до 60 номеровъ (около 16 сюжетовъ); въ Сибири записано около 30 номеровъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время центромъ русскаго былевого эпоса оказывается глухой сѣверъ Россіи.

Но было время, когда русскій былевой эпосъ кіевскаго цикла, возникшій въ южной Руси, былъ хорошо извѣстенъ и на югѣ. Мы имѣемъ рядъ доказательствъ этому.

Въ южно-русской и польской литературахъ сохранились указанія, что въ южной Руси кіевскій циклъ былинъ съ его героями былъ извѣстенъ. Такъ, оршанскій староста Филонъ Кмита Чернобыльскій, жалуясь въ своемъ письмѣ къ кастелану (начальнику крѣпости) Остафію Воловичу Троцкому (1574 г.) на трудность своей службы и плохое вознагражденіе за нее, замѣчаетъ, что для ея перенесенія нужно обладать силами Ильи Муравленина (Муромца) и Соловья Будимировича. Это — первое указаніе. Второе указаніе относится къ 1594 г. и имѣется въ путевыхъ запискахъ австрійскаго посла Эриха Лассоты. Будучи отправленъ къ

запорожцамъ, Лассота былъ проѣздомъ въ Кіевѣ и, въ своемъ описаніи этого города, говоритъ, что недалеко отъ одного придѣла церкви св. Софіи ему показывали гробницу Эліаса Моровлина (Муромца) съ товарищами. Объ этомъ Эліасѣ, говоритъ Лассота, передаютъ много басенъ. Лассота передаетъ одну басню о товарищѣ Эліасѣ, богатырѣ Чоботкѣ: Чоботокъ, неожиданно окруженный врагами въ то время, когда надѣлъ на ногу одинъ только сапогъ, не имѣя подъ рукой никакого оружія, схватилъ другой сапогъ (чоботокъ) и принялся бить имъ враговъ: враги потерпѣли пораженіе. Третье указаніе отъ того же XVI в. находится въ сочиненіи польскаго историка Сарницкаго «Descriptio Poloniae». Описывая Кіевъ, Сарницкій сообщаетъ, что въ кіевскихъ пещерахъ и скалахъ находятся гробницы усопшихъ, которыхъ русскіе называютъ богатырями, и о которыхъ сохранилось много преданій. Четвертое указаніе отъ XVI в. находится въ одной рукописи, написанной какимъ-то русскимъ путешественникомъ. Въ ней сообщается, что на разстояніи 10 верстъ отъ Кіева, на другомъ берегу Днѣпра находится городъ Переяславль и что тутъ въ этой мѣстности «богатыри кладутся русскіе», и на кладбищѣ находится «каменія много великаго». Пятое указаніе отъ XVI в. принадлежитъ польскому историку Бѣльскому, который разсказываетъ, что тѣло Романа Мстиславича Галицкаго, погибшаго въ битвѣ съ поляками, было выкуплено русскими, перенесено въ Кіевъ и погребено среди русскихъ богатырей. Въ дѣйствительности Романъ Мстиславичъ погребенъ былъ въ Галичѣ, но въ силу общаго пріуроченія богатырей къ Кіеву, преданіе пріурочило и погребеніе Романа Мстиславича къ Кіеву. Шестое указаніе идетъ отъ XVII в. (1638 г.). Польскій писатель Кальнофойскій, описывая Кіевъ, передаетъ свѣдѣнія о гробницѣ Ильи Муромца, находившейся, по его словамъ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Кальнофойскій говоритъ, что русскіе неправильно считаютъ Илью Муромца великаномъ въ родѣ гомеровскаго Полифема: онъ самъ измѣрилъ гробницу Ильи Муромца и убѣдился, что Илья не могъ быть болѣе высокаго роста, чѣмъ обыкновенный высокій человѣкъ. Замѣчательно также и другое сообщеніе Кальнофойскаго, противорѣчащее сообщенію Лассоты, а именно, что у Ильи было прозвище Чоботокъ. Повидимому

въ первой половинѣ XVII в. преданіе о двухъ богатыряхъ Ильѣ и Чоботкѣ уже стали смѣшиваться и относиться къ одному Ильѣ. Седьмое указаніе идетъ тоже отъ XVII в. Оно состоитъ въ томъ, что въ этомъ вѣкѣ было очень распространено убѣжденіе въ существованіи въ Кіевѣ мощей Ильи Муромца; къ этому же вѣку относятся среди житій святыхъ кіевскихъ подвижниковъ и краткое житіе св. Ильи Муромца, «иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, иде же нынѣ нетлѣненъ пребываетъ», а также печатное изображеніе Ильи. Восьмое указаніе имѣется отъ 1701 г. Священникъ Леонтій, посѣтившій великій Кіевъ, сообщаетъ объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о богатырѣ: «Видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца въ нетлѣніи подъ покровомъ златымъ, ростомъ, яко нынѣшніе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копіемъ... а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ».

Таковъ длинный рядъ указаній на существованіе въ Кіевѣ преданій о русскихъ богатыряхъ вообще и объ Ильѣ Муромцѣ въ частности. Если присоединить къ этому тотъ фактъ, что мощи Ильи Муромца и до сихъ поръ еще показываютъ въ Кіевѣ паломникамъ и что даже 11-го декабря церковью чтится память Ильи Муромца, то получится почва для убѣжденія въ томъ, что въ южной Руси нѣкогда знали хорошо богатырей, пѣсни о которыхъ, однако, сохранились теперь почти только на сѣверѣ.

Всѣ эти указанія подтверждаютъ, что нѣкогда кіевскій циклъ былинъ былъ извѣстенъ и въ южной Руси.

174. Судьба кіевскаго княжеско-дружиннаго эпоса. Если большинство кіевскихъ былинъ создано на югѣ, то возникаютъ слѣдующіе вопросы: почему эти былины не сохранились въ южной Руси, какъ онѣ попали въ сѣверную Русь и почему онѣ сохранились до настоящаго времени въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ Олонецкая и Архангельская губ. и Сибирь?

Съ исторической точки зрѣнія былина представляетъ поэтическое отраженіе дѣйствительно происшедшаго событія. Такая былина поется до тѣхъ поръ, пока въ той мѣстности, гдѣ она возникла, не наступитъ новое событіе, поглощающее все вниманіе современниковъ, въ томъ числѣ и поэтовъ. Тогда возникаетъ новая былина, вытѣсняющая въ

большей или меньшей степени старую былину. Если въ мѣстахъ, послужившихъ центрами былевого творчества, безпрерывно совершаются важныя историческія событія, постепенно вытѣсняющія изъ памяти населенія старыя событія, то и поэтическія произведенія, связанныя съ стариной, постепенно вытѣсняются новыми. Именно это обстоятельство произошло съ Кіевской Русью. Послѣдняя была ареной, гдѣ исторія круто измѣняла свое теченіе, порождая всякій разъ новую цѣпь событій, не похожую на все то, что совершалось до этихъ крутыхъ измѣненій. Такъ, послѣ татарскаго нашествія разоренная южная Русь попадаетъ подъ власть Литвы, и для южной Руси начинается новый періодъ исторической жизни, не похожій на тотъ, который былъ ею пережитъ съ половины IX в. и до половины XIII в. Новый періодъ въ исторіи южной Руси наступаетъ во второй половинѣ XVI в., когда она попадаетъ подъ непосредственную власть Польши, и когда она, выдѣливъ казачество, вынуждена бороться въ два фронта—противъ Польши и татаръ и турокъ. Событія, разыгравшіяся во время этой героической борьбы съ конца XVI в. и до половины XVII в., были настолько грандіозны, что должны были почти совершенно изгладить въ населеніи память о древнихъ событіяхъ: новыя событія породили новое поэтическое творчество, вытѣснившее старое. Вотъ почему въ южной Руси до сихъ поръ еще поются малороссійскія думы, отразившія эпоху конца XVI в. и первой половины XVII в., и уже не поются былины.

Вопросъ о томъ, какъ кіевскій былевой эпосъ попалъ въ сѣверную Русь, объясняется очень просто. Онъ могъ попасть туда двумя путями: вверхъ по Днѣпру въ Новгородскую область и по тому проѣзжему пути, который прокладывался въ первой половинѣ XII в. въ Ростово-Суздальскій край. Особенно большое значеніе въ перенесеніи кіевскаго эпоса на сѣверъ долженъ былъ имѣть послѣдній путь: по этому пути двигалась волна эмиграціи изъ Кіевской Руси: ростово-суздальскіе князья поощряли эту эмиграцію и стремились изъ своей области создать страну не уступающую въ культурномъ отношеніи Кіевской Руси: вмѣстѣ съ южнорусскимъ населеніемъ сюда въ Ростово-Суздальскій край должны были являться и скоморохи со своимъ репер-

туаромъ былевыхъ пѣсенъ. Такъ кіевскій былевой эпосъ, вмѣстѣ съ эмигрантами, двигался на сѣверъ, и здѣсь на сѣверѣ, вдали отъ его родины, онъ лучше могъ сохраниться, чѣмъ тамъ: съ нимъ были связаны воспоминанія о дорогой родинѣ, воспоминанія, которыя свято хранятся эмигрантами.

Что касается третьяго вопроса, почему кіевскій эпосъ сонился до нашихъ дней въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ Олонецкій край, Архангельская губ. и Сибирь, то на него исторія отвѣчаетъ такъ. Въ Ростово-Суздальской области совершается рядъ великихъ событій, изъ которыхъ на первое мѣсто надо поставить возвышеніе Москвы, объединеніе удѣловъ, побѣдоносную борьбу съ татарами. Эти событія, порождавшія новое устное творчество, должны были ослаблять интересъ къ кіевскому былевому эпосу. Такова основная причина, почему кіевскій былевой эпосъ или совсѣмъ не хранился, или слабо сохранился въ районѣ Ростово-Суздальской области. На ряду съ этой причиной дѣйствовала другая, не менѣе важная. Къ XV в. количество скомороховъ достигло большихъ размѣровъ. Скоморохи образовывали ватаги въ количествѣ 60 — 100 человѣкъ каждая. Эти ватаги бродили по городамъ, деревнямъ, селамъ, показывая, свое искусство. Вмѣстѣ съ тѣмъ скоморохи, пользуясь своею численностью, позволяли себѣ совершать надъ населеніемъ насилія, грабежи. Въ «Стоглавѣ» такъ описываются похожденія скомороховъ: «Да по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно (насильно) ядятъ и піютъ и съ клѣтей животы (имущества) грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ». Грабежи и безчинства скомороховъ достигли такихъ размѣровъ, что стали угрожать уже экономическимъ интересамъ правительства. Тогда правительство начинаетъ принимать противъ скомороховъ мѣры. Сначала правительство при посредствѣ особыхъ грамотъ выдѣляетъ особыя волости и селенія, въ которыя запрещаетъ скоморохамъ ходить. Затѣмъ правительство принимаетъ уже повсемѣстно мѣры противъ нихъ. Особенно энергичныя мѣры приняты были въ царствованіе Алексѣя Михайловича (въ половинѣ XVII в.). Въ цѣломъ рядѣ указовъ царя безчинства скомороховъ, ихъ бѣсовскія пѣсни, игры, пѣсни, хожденіе съ медвѣдями, му-

зыка, участіе въ свадебныхъ торжествахъ, на поминкахъ и т. д. запрещаются подъ угрозой опалы, штрафа, кнута и батоговъ; принадлежности скомороховъ — домры, сурны, гудки, гусли, хари (маски) и т. д.—велѣно истреблять и жечь. Съ этого времени начинается энергичное преслѣдованіе скомороховъ. Изъ городовъ скоморохи бѣгутъ въ деревни, но и тамъ администрація преслѣдуетъ ихъ. Тогда скоморохи бросаются въ наиболѣе далекіе отъ административныхъ центровъ края, въ такія малонаселенныя и глухія мѣстности, какъ Олонецкій, Архангельскій края и Сибирь, гдѣ жизнь течетъ однообразно и монотонно, безъ какихъ-либо потрясеній или переломовъ. Здѣсь скоморохи разсѣялись по деревнямъ, услаждая своимъ искусствомъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени скоморохи слились съ мѣстнымъ крестьянствомъ, и ихъ потомки, подъ именемъ сказителей, совершая свои работы (плетеніе рыболовныхъ снастей, сапожное мастерство, ткацкое мастерство), поютъ для себя и для желающихъ сохранившіяся отъ дѣдовъ-скомороховъ эпическія пѣсни. Съ устъ этихъ сказателей эпическія пѣсни начинаютъ съ XVIII вѣка записываться любителями изъ образованнаго класса населенія.

Вотъ какимъ образомъ и почему кіевскій былевой эпосъ сохранился и могъ сохраниться въ самыхъ глухихъ краяхъ сѣверной Руси и въ Сибири.

Само собою разумѣется, что кіевскій эпосъ, перенесенный въ Новгородскую область и въ Ростово-Суздальскій край, изъ котораго впослѣдствіи выдѣлилось Московское царство, долженъ былъ на этихъ новыхъ мѣстахъ подвергнуться вліянію быта и событій въ этихъ странахъ, т. е. потерять нѣкоторыя черты быта Кіевской Руси и воспринять нѣкоторыя черты новгородскаго, ростово-суздальскаго и московскаго быта. Такъ, былины о борьбѣ съ хазарами, печенѣгами и половцами, перенесенныя въ Ростово-Суздальскую и Московскую Русь, должны были подвергнуться значительнымъ видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ мѣстнаго богатырскаго эпоса, возникшаго на почвѣ борьбы съ татарами, — ихъ нашествія, съ одной стороны, и побѣдъ русскихъ надъ ними, начиная съ Куликовской, съ другой стороны. Такого же рода измѣненіямъ кіевскій эпосъ долженъ былъ подвергнуться, когда онъ сталъ достояніемъ крестьянскаго населенія сѣверно-

русскихъ окраинъ и Сибири: кіевскій эпосъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ окрестьяниться, т. е. потерять нѣкоторыя черты, характеризующія его княжеско-дружинное происхожденіе.

175. Современные сказители былинъ. Олонецкій и Архангельскій края, малонаселенные, богатые лѣсами, до послѣдняго времени отрѣзанные отъ остальной Россіи отсутствіемъ желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія и потому сохранившіе условія жизни далекаго прошлаго, оказались наилучшими мѣстами въ Россіи для сохраненія нашего былевого эпоса. Принявши въ свою среду преслѣдуемыхъ скомороховъ, мѣстные жители свыклись съ ними, стали относиться къ нимъ съ уваженіемъ, какъ къ знатокамъ старины, о которой они пѣли свои величавыя пѣсни. Мѣстные крестьяне и теперь съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ ихъ потомкамъ-сказителямъ, какъ къ наиболѣе интеллигентной части своей среды.

Репертуаръ сказителей различенъ, какъ различна и память сказителей: нѣкоторые изъ нихъ знаютъ напамять до 70 былинъ. Наилучшіе сказители—неграмотные. Передавая ту или другую былину, сказитель заботится о точности: онъ въ точности старается воспроизвести то, что самъ слышалъ отъ предковъ, даже то, что ему уже перестало быть понятнымъ. Поэтому былины, несмотря на всѣ измѣненія, пережитыя ими, дошли до насъ съ сильными отголосками кіевскаго періода русской исторіи.

Былины собирались и записывались въ XVIII в. неизвѣстнымъ авторомъ сборника Кирши Данилова, въ XIX в. П. Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ, Гильфердингомъ, Григорьевымъ и Марковымъ.

176. Дѣленіе былинъ кіевскаго цикла. Былины кіевскаго цикла дѣлятся на два разряда: 1) былины южно-русскаго происхожденія съ древнимъ новгородскимъ элементомъ и 2) былины позднѣйшаго новгородскаго происхожденія, пріуроченныя къ Кіеву. Былины второго разряда будутъ разсмотрѣны въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ второй книги 1-ой части «Курса».

177. Сюжеты былинъ кіевскаго цикла. Въ былинахъ кіевскаго цикла отразилась главнымъ образомъ дѣятельность княжеско-дружиннаго класса эпохи Кіевской Руси

въ военное и мирное время. Главные сюжеты былинъ суть слѣдующіе: 1) военные подвиги богатырей: а) въ походахъ противъ враговъ, для очищенія дорогъ, за данями, для освобожденія русскихъ плѣнныхъ, б) въ борьбѣ съ погаными, осаждающими Кіевъ, съ насильниками, засѣвшими въ Кіевѣ и в) на заставѣ богатырской; 2) сватовство невѣстъ для Владимира и богатырей, причемъ сватовство нерѣдко заканчивается насиліемъ надъ родиной невѣстъ и увозомъ послѣднихъ въ Кіевъ, съ ихъ согласія или противъ ихъ воли; 3) удальство богатырей при дворѣ Владимира, проявляющееся въ разнаго рода состязаніяхъ.

178. Дѣленіе былинъ кіевскаго цикла южно-русскаго происхожденія. Былины кіевскаго цикла южно-русскаго происхожденія дѣлятся прежде всего на два разряда: 1) былины о главныхъ богатыряхъ и 2) былины о богатыряхъ второстепенныхъ. Въ свою очередь, былины о главныхъ богатыряхъ распадаются на два вида: 1) былины съ слабымъ кіевскимъ пріуроченіемъ и 2) былины съ отчетливымъ кіевскимъ пріуроченіемъ. Наконецъ, есть еще двѣ былины о заѣзжихъ герояхъ хотя и пріуроченныя къ Кіеву, но носящія явные слѣды некіевскаго происхожденія.

Главные богатыри.

179. Былины о главныхъ богатыряхъ съ слабымъ кіевскимъ пріуроченіемъ. Къ этому разряду былинъ относятся такія, въ которыхъ дѣйствуютъ богатыри, слабо связанные или совсѣмъ не связанныя съ Кіевомъ и его княземъ Владимиромъ. Эти былины представляютъ, повидимому, остатки княжеско-дружиннаго эпоса, возникшаго до Владимира. Къ нимъ относятся былины: 1) о Святогорѣ и Самсонѣ (Колыванѣ), 2) о Вольгѣ Святославичѣ и 3) о Микулѣ Селяниновичѣ.

Святогоръ и Самсонъ.

180. Былины о Святогорѣ. Былинъ о Святогорѣ немного. Онѣ сводятся къ слѣдующимъ сюжетамъ: 1) Святогоръ и тяга земная, 2) Женитьба Святогора, 3) Святогоръ и Илья Муромецъ и 4) Смерть Святогора.

1) **ятогоръ и тяга земная.** Ѣдетъ Святогоръ богатырь путемъ дороженькой и выкидываетъ палицу булатную изъ виду вонъ. Разъяренилъ Святогоръ свое сердце богатырское и проговорилъ: «Какъ бы было кольцо въ небѣ въ Божьемъ, да друго кольцо во сырой землѣ во матушкѣ, поворотилъ бы я землю-то матушку, поворотилъ бы краемъ къ верху ю». (Въ другой былинѣ это хвастовство Святогора выражено такъ: «Кабы въ земною - то обширности былъ столбъ, да какъ былъ бы то въ небесной вышинѣ, да кабы было въ столбѣ въ этомъ кольцо, поворотилъ бы я всю землю подвселенную»). Только что Святогоръ позахвастался, какъ увидѣлъ впереди себя двухъ старцевъ (или Микулу Селяниновича): у каждаго изъ нихъ по сумочкѣ за плечами. Погналъ Святогоръ коня своего, чтобы догнать старцевъ. Старцы остановились и положили свои сумочки на землю. Святогоръ спрашиваетъ, что у нихъ въ сумочкахъ. Старцы сообщаютъ ему, что въ сумочкахъ находится вся тягота земная и предлагаютъ поднять ихъ. Святогоръ пробуетъ поднять ихъ сначала перстомъ, потомъ одной рукой и наконецъ всею своею силою. Сумочекъ онъ не могъ поднять, но зато угрязъ во сыру землю по колѣночку. Старцы потерялись. Святогоръ сѣлъ на коня, и сердце его богатырское уходилось.

Иначе нѣсколько этотъ же сюжетъ передается въ другихъ былинахъ. Святогоръ снаряжается въ дорогу. Онъ осѣдлалъ своего коня и выѣхалъ въ чистое поле. Не съ кѣмъ Святогору помѣряться силой: а сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается; отъ силушки грузно, какъ отъ тяжелаго бремени. И говоритъ Святогоръ: «Какъ бы я тяги нашелъ, такъ я бы всю землю поднялъ»! Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи на сумочку переметную. Святогоръ, не сходя съ коня, трогаетъ сумочку погонялочкой (кнутомъ)—сумочка не скрянется, двигаетъ ее перстомъ — сумочка не сворохнется, хватаетъ ее съ коня рукой—сумочка не поднимается. Удивленный Святогоръ слѣзаетъ тогда съ коня, ухватываетъ сумочку обѣими руками; онъ поднимаетъ сумочку выше колѣнъ, но самъ уходитъ въ землю по колѣна; по бѣлому липу Святогора не слезы текутъ, а кровь. Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ, тутъ ему было «конченіе».

Образъ богатыря Святогора, рисующійся въ этихъ былинахъ, дополняется разсказомъ, слышаннымъ въ дѣтствѣ

К. С. Аксаковымъ. Илья Муромецъ, совершивъ множество подвиговъ, во время которыхъ одолѣлъ всѣхъ богатырей, услышалъ однажды, что есть на свѣтѣ богатырь столь неномѣрной силы, что его даже земля не держитъ; что этотъ богатырь на всей землѣ нашелъ только одну гору, которая можетъ его выдержать: на этой горѣ и лежитъ этотъ могучій богатырь. Захотѣлось Ильѣ помѣряться силой съ этимъ богатыремъ. Илья сыскалъ гору и видитъ, на ней лежитъ богатырь, самъ громадный, какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ, я зацѣпился за сучекъ», говоритъ богатырь. Илья, собравшись съ силами, наноситъ ему второй ударъ. «Вѣрно, я камешекъ задѣлъ», замѣчаетъ богатырь. Богатырь поворачивается и видитъ Илью Мууромца. «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ: меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней».

2) **Женитьба Святогора**. Послѣ приключенія съ сумочкой Святогоръ спрашиваетъ у Микулы Селяниновича, какъ узнать ему свою судьбину Божію. Микула совѣтуетъ Святогору отправиться къ Сивернымъ горамъ: здѣсь подъ великимъ деревомъ онъ увидитъ кузницу, а въ кузницѣ найдетъ кузнеца, который разскажетъ ему про его судьбу. Святогоръ отправляется къ Сивернымъ горамъ, гдѣ, дѣйствительно, находитъ кузницу; въ кузницѣ онъ увидѣлъ кузнеца, который куетъ два тонкихъ волоса. Святогоръ спрашиваетъ кузнеца, что это онъ куетъ. Кузнецъ отвѣтилъ, что онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. Святогоръ спрашиваетъ у кузнеца о своей судьбинѣ. «Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ». Пораздумался Святогоръ и рѣшилъ отправиться въ Поморское царство и убить свою невѣсту. Подъѣхавъ къ престольному городу Поморскаго царства, Святогоръ увидѣлъ убогую избу и вошелъ въ нее. Въ избѣ лежала во гноищѣ дѣвка: тѣло у ней точно еловая кора. Святогоръ догадался, что это и есть его невѣста. Вынулъ онъ пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, затѣмъ схватился за свой острый мечъ и началъ бить дѣвку по бѣлой груди. Послѣ этого Святогоръ уѣзжаетъ изъ Поморскаго царства. Между тѣмъ дѣвка проснулась и смотритъ—

съ нея «еловая кора» спала, на столѣ—пятьсотъ рублей, а сама она стала такой красавицей, что на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. Стала красавица на оставленныя деньги торговать, нажила несчетную золотую казну, построила червленые кораблики, нагрузила ихъ драгоцѣнными товарами и поѣхала по славному морю. Подъѣзжаетъ она къ великому городу на Святыхъ горахъ и начинаетъ продавать свои товары. По городу и по всему царству распространяется молва объ ея красотѣ. Услышалъ объ ея красотѣ и Святогоръ, который рѣшился провѣрить слухъ. Увидѣвъ красавицу, Святогоръ полюбилъ ее и женился на ней. Однажды Святогоръ увидѣлъ на груди своей жены рубецъ. Жена разсказала ему, какъ она лежала во гноищѣ тридцать лѣтъ, какъ явился въ Поморское царство какой то молодецъ во время ея сна и оставилъ на столѣ пятьсотъ рублей, какъ она, проснувшись, увидѣла на своей груди рубецъ, а себя красавицей. Услышавъ ея разсказъ, Святогоръ понялъ, что отъ судьбины своей не уйдешь.

3) Святогоръ и Илья Муромецъ. Илья Муромецъ сѣдлаетъ добра коня, беретъ у батюшки, у матушки прощеньице-благословеньице и ѣдетъ въ раздольице чисто-поле. Наѣзжаетъ Илья въ чистомъ полѣ на шатеръ бѣло-полотняный, разбитый подъ великимъ сырымъ дубомъ. Въ шатрѣ оказалась кровать богатырская, длиною десяти саженъ, шириною шести саженъ. Илья легъ на кровать и заснулъ. Спалъ Илья три дня и три ночи. На третій день конь Ильи, привязанный къ дубу, слышитъ великій шумъ съ-подъ сѣверныя сторонушки. Всколебалась мать сыра-земля, зашатались темные лѣсушки, рѣки изъ крутыхъ береговъ стали выливаться. Добрый конь бьетъ копытомъ о сырую землю—Илья не пробуждается. Тогда конь «проязычилъ» своему хозяину человѣческимъ языкомъ: «Ай же ты, Илья Муромецъ! Спишь себѣ, прохлаждаешься, надъ собой невзгодушки не вѣдаешь: ѣдетъ къ шатру Святогоръ-богатырь. Ты спущай меня во чисто поле, а самъ полѣзай на сырой дубъ». Илья влѣзъ на дубъ и видитъ—ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго, головой упирается подъ облако ходячее; на плечахъ у богатыря хрустальный ларецъ. Подъѣхалъ богатырь къ сырому дубу, снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ, открылъ его золотымъ ключомъ — выходитъ отсюда жена бо-

гатырская. Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ не видано и не слыхано: ростомъ она высокая, походка у ней щепливая (щегольская), очи — яснаго сокола, бровушки — чернаго соболя. Выйдя изъ ларца, жена богатырская накрыла столъ и приготовила обѣдъ. Святогоръ съ женой пообѣдали. Пообѣдавъ, Святогоръ отправился въ шатеръ и легъ спать. Жена его идетъ погулять по чисту полю и замѣчаетъ на дубѣ Илью. Она приглашаетъ «дороднаго добраго молодца» сойти съ дуба, обѣщая ему свою любовь. Илья согласился. Жена Святогора помѣстила Илью къ мужу «во глубокъ карманъ» и будитъ Святогора. Святогоръ проснулся, посадилъ жену въ хрустальный ларецъ, заперъ ее на ключъ, сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ къ Святымъ горамъ. Дорогою конь Святогора сталъ спотыкаться. Святогоръ выругалъ коня. Тогда конь человѣческимъ языкомъ провѣщалъ, что ему не подъ силу возить двухъ богатырей. Святогоръ вытаскиваетъ изъ кармана богатыря и спрашиваетъ, кто онъ такой и какъ попалъ къ нему въ карманъ. Илья чистосердечно разсказалъ все, какъ было. Разсердился Святогоръ на жену свою, убилъ ее, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и назвалъ его меньшимъ братомъ. Выучилъ Святогоръ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ и отправился съ нимъ къ Святымъ горамъ.

4) **Смерть Святогора.** Илья и Святогоръ пріѣзжаютъ на Святыя горы. Наѣзжаютъ они на великій гробъ съ надписью: «Кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ». Сначала легъ въ гробъ Илья, но гробъ оказался для него великъ. Легъ тогда Святогоръ: гробъ оказался ему какъ разъ въ пору. Святогоръ беретъ крышку гроба и закрываетъ себя: крышка плотно закрыла гробъ, и когда Святогоръ попробовалъ поднять ее, она уже не поддавалась его усиліямъ. Святогоръ проситъ Илью поднять крышку. Илья пробуетъ, но напрасно. Тогда Святогоръ говоритъ Ильѣ: «возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперекъ крышки». Илья берется за мечъ, но не можетъ поднять его. Святогоръ дохнулъ на Илью изъ гроба своимъ богатырскимъ духомъ. У Ильи прибыло силы. Онъ поднялъ мечъ-кладенецъ Святогора и ударилъ по крышкѣ гроба. Смотритъ Илья — на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, возникъ желѣзный обручъ. Дохнулъ на Илью Святогоръ еще разъ. Сила Ильи воз-

росла. Опять Илья ударилъ мечемъ по крышкѣ, и опять появился новый желѣзный обручъ. Святогоръ сталъ задыхаться въ гробу. Онъ проситъ Илью наклониться къ щелочкѣ: «я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую». Илья отказывается изъ страха, что земля не станетъ на себѣ носить его. Похвалилъ Илью Святогоръ: «Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа; я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу: никто, кромѣ меня, не совладаетъ съ этимъ конемъ». Послѣ этихъ словъ Святогора изъ щелочки пошелъ мертвый духъ. Илья привязалъ ко гробу Святогора коня его, опоясался мечомъ-кладенцомъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Въ другихъ пересказахъ говорится, что изъ Святогора, когда онъ лежалъ въ гробу, стала выходить пѣна (великій потъ). Святогоръ велитъ Ильѣ лизнуть этой пѣны. Илья лизнулъ разъ, лизнулъ другой, а въ третій отказался.

181. Самсонъ-богатырь. Святогора своею силою напоминаетъ другой богатырь Самсонъ (а также Колыванъ), который въ нѣкоторыхъ былинахъ даже смѣшивается съ первымъ. Такъ, въ былинахъ о Самсонѣ передаются сюжеты о встрѣчѣ Ильи съ Самсономъ, о похвальбѣ Самсона, о тяжелыхъ сумкахъ, о женитьбѣ Самсона и о его смерти. Нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ переданы иначе, чѣмъ въ былинахъ о Святогорѣ. Таковы сюжеты о встрѣчѣ Ильи съ Самсономъ, о его женитьбѣ и смерти.

1) **Встрѣча Ильи съ Самсономъ**. Ѣхалъ Илья по чистому полю и наѣхалъ на «поляницу», т. е. на великана. Это былъ Самсонъ. Ударилъ Илья палицей Самсона по буйной головѣ, ударилъ его разъ, другой и третій разъ. Разгорѣлось у Самсона сердце богатырское; схватилъ Илью Самсонъ за бѣлыя руки и коня его, положилъ ихъ въ карманъ къ себѣ и поплелся дальше. По дорогѣ конь Самсона сталъ «попинатися». Обругалъ его Самсонъ. Конь сказалъ человѣческимъ голосомъ, что ему не подъ силу возить двухъ богатырей и богатырскаго коня. Самсонъ вынулъ Илью съ конемъ изъ кармана, и оба поѣхали къ Святымъ горамъ.

2) **Женитьба Самсона**. Сюжетъ о женитьбѣ Самсона пере-

дается въ общемъ такъ же, какъ и сюжетъ о женитьбѣ Святогора. Но въ былинахъ о Самсонѣ жена играетъ весьма важную роль, о которой ничего или очень мало говорится въ былинахъ о Святогорѣ. Однажды жена приступила къ Самсону и стала вывѣдывать у него, отчего онъ такъ силенъ и славенъ, что его боятся всѣ земли и орды. Самсонъ открылъ женѣ секретъ своей силы: у него на головѣ семь волосъ ангельскихъ (въ Библіи говорится о семи косахъ на головѣ Самсона): въ нихъ-то и заключается вся его сила. Наступили именины Самсона. У Самсона пиршество. Всѣ на пиру наѣдались и напивались, а Самсонъ-богатырь пуще всѣхъ. Когда Самсонъ опьянѣлъ, жена его собрала своихъ друзей любимыхъ, остригла своему мужу голову до нага, связала ему руки и «выкопала» ему очи ясныя. Проснулся Самсонъ и почувствовалъ, что не стало въ рукахъ силы молодецкой, а въ очахъ бѣлаго свѣта. Воскликнулъ Самсонъ: «Ай же ты жена, змѣя лютая! Погубила ты меня на вѣки вѣчныя». Дала жена Самсону «крѣпостную служаночку» и «выгнала скитаться между дворами».

3) **Смерть Самсона.** Ровно три года скитался Самсонъ между дворами. За это время на головѣ его снова выросли желтыя кудри, снова почувствовалъ Самсонъ въ плечахъ своихъ силушку великую. Не имѣлъ онъ только свѣта бѣлаго въ ясныхъ очахъ. Обращается Самсонъ къ своей вѣрной служаночкѣ, чтобы она повела его въ городъ, гдѣ находятся его палаты, построенныя на двѣнадцати столбахъ. Служаночка ведетъ его. Въ его палатѣ въ это время происходило «великое танцованіе»: тамъ сидѣла его жена любимая и забавлялась, тѣшилась со своими друзьями любимыми. Самсонъ, славный богатырь святорусскій, подошелъ къ каменному столбу, на которомъ покоились палаты, схватилъ его руками и потрясъ. Разсыпалась палата бѣлокаменная. Тутъ убило и Самсона.

182. Комментаріи къ былинамъ о Святогорѣ и Самсонѣ. Имя «Святогоръ», повидимому, находится въ связи съ географическимъ названіемъ «Святыя горы»—родиной, или, по крайней мѣрѣ, мѣстопребываніемъ Святогора-богатыря. Святыя горы, по «Книгѣ большому чертежу», находятся около Дона: «А ниже Царева града, отъ усть рѣки Оскола, на Донцѣ, съ Крымской страны, Святыя

горы, отъ Царева града верстъ съ 10». Итакъ, образъ Святогора - богатыря связанъ съ мѣстностью, находящеюся около Святыхъ горъ. Эта мѣстность—прикавказскій край между Дономъ и Волгой—была территоріей Хазарскаго царства. Всякій народъ, побѣдившій другіе народы, или властвующій надъ ними, представляется и теперь въ глазахъ побѣжденныхъ и подчиненныхъ великимъ. Въ глубокой древности, въ эпоху анимистическаго міровоззрѣнія, величіе властвующаго народа - побѣдителя должно было представляться въ колоссальныхъ стихійныхъ образахъ, близкихъ къ образамъ божествъ. Для русскихъ славянъ, жившихъ семейно-родовымъ бытомъ, находившихся въ теченіе чуть ли не двухъ вѣковъ надъ властью хорошо организованнаго хазарскаго народа, послѣдній долженъ былъ казаться необыкновенно сильнымъ, могучимъ и великимъ. Обобщая характерныя черты въ отношеніяхъ хазаръ и русскихъ славянъ этой эпохи въ поэтическій образъ, русскіе поэты должны были невольно выразить въ немъ безмѣрное могущество и силу, которыхъ едва-едва сноситъ сама земля. Такъ долженъ былъ получиться образъ Святогора - богатыря. Нѣкоторыя соображенія подтверждаютъ эту гипотезу.

Во-первыхъ, по нѣкоторымъ былинамъ Святогоръ—богатырь иноземный «не русскій», онъ жилъ «во землѣ не русскія», «не ѣзжалъ онъ на святую Русь».

Во-вторыхъ, въ былинахъ на ряду съ Святогоромъ дѣйствуетъ другой богатырь—Самсонъ, который даже смѣшивается съ Святогоромъ. Это странное на первый взглядъ сближеніе и даже смѣшеніе Святогора и Самсона вполнѣ объясняется при гипотезѣ, разсматривающей Святогора, какъ образъ хазарскаго народа: правящій классъ этого народа держался еврейской культуры; ветхозавѣтная исторія и апокрифы ему были извѣстны; былъ, слѣдовательно, ему извѣстенъ и библейско-апокрифическій образъ Самсона. Возможно, что хазарскій правящій классъ, въ упоеніи своею силой, приравнивалъ себя къ богатырю Самсону. При тѣсныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ между русскими и хазарами, извѣстный хазарамъ образъ Самсона долженъ былъ стать извѣстнымъ и русскимъ, и притомъ въ спеціальномъ примѣненіи къ могуществу хазаръ.

Въ-третьихъ, отношенія между русскими и хазарами не

противорѣчатъ гипотезѣ о томъ, что Святогоръ-Самсонъ—образъ Хазарскаго царства: сила русскихъ, раздробленныхъ на отдѣльные роды-семейства, была ничтожна, сравнительно съ силой централизованнаго Хазарскаго царства; Святогоръ-Самсонъ носитъ въ карманѣ русскаго богатыря Илью, не замѣчая никакой тяжести; Святогоръ-Самсонъ учитъ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ—нѣтъ сомнѣнія, что русскіе изъ сношеній съ болѣе культурными хазарами вынесли не мало полезныхъ для себя уроковъ; Святогоръ-Самсонъ роковымъ образомъ гибнетъ, не смотря на свою великую силу: Хазарское царство ослабѣваетъ въ борьбѣ съ печенѣгами и арабами; русскіе наносятъ ему послѣдніе удары; Илья наслѣдуетъ у Святогора часть его силы и мечъ: русскіе князья смотрятъ на себя, какъ на наслѣдниковъ хазарскаго кагана, и наслѣдуютъ его титулъ.

Возникшій на почвѣ историческихъ отношеній между русскими и хазарами образъ Святогора-Самсона долженъ былъ подвергнуться при художественной обработкѣ вліянію цѣлаго ряда устныхъ и письменныхъ произведеній, становившихся достояніемъ русскаго народа. На былинахъ о Святогорѣ и родственномъ ему Самсонѣ, повидимому, отразились вліянія: 1) кавказскихъ сказаній, 2) библейско-апокрифическихъ сказаній, 3) финскихъ сказаній, и 4) русскихъ и иностранныхъ сказокъ.

1) Отраженіе кавказскихъ сказаній. Наши былины знакомы съ Кавказомъ. Доказательствомъ служитъ рядъ общихъ мѣстъ, упоминающихъ кавказскіе предметы: въ былинахъ шелки называются шемаханскими, сѣдла—черкесскими, черкесы—пятигорскими.

Знакомство нашихъ былинъ съ Кавказомъ вполнѣ объясняется исторіей русскаго народа. Съ Кавказомъ русскіе славяне въ началѣ своей государственной жизни (а, вѣроятно, и раньше въ эпоху хазарскаго протектората), находились въ тѣсномъ общеніи. Сѣверяне въ X в. производили энергичную колонизацію восточной и юго-восточной частей нашей равнины. Доказательствомъ этому служатъ, во-первыхъ, славянскія названія рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, Донецъ и въ Азовское море, во-вторыхъ, сообщенія арабскаго писателя Масуди (вторая половина X в.), свидѣтельствующаго, что по бассейну Дона было много русскихъ населеній, въ-

третьихъ, остатки русскаго населенія въ XII в. въ бассейнахъ Дона и Донца: на Ворсклѣ тогда существовалъ сѣверянскій городъ Лтава (теперь Полтава), на Донцѣ былъ городъ съ такимъ же именемъ (сюда прибѣжалъ изъ половецкаго плѣна Игорь Святославичъ); въ-четвертыхъ, въ X в. на Таманскомъ полуостровѣ, отдѣляющемъ Азовское море отъ Чернаго. у Керченскаго пролива, т. е. почти у Кавказа, сѣверяне основали на мѣстѣ византійской колоніи Таматархи городъ Тмуторокань. Этотъ городъ, благодаря своему приморскому положенію, былъ центромъ оживленныхъ торговыхъ сношеній съ разными народами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тмуторокань отличалась пестротой своего этнографическаго состава; здѣсь жили греки, готы, болгары-тюрки, хазары, касоги, ясы и т. д.; изъ нихъ наши князья нерѣдко набирали большія дружины, съ которыми отправлялись въ предѣлы собственно Руси для борьбы съ своими противниками. Здѣсь, въ Тмутороканѣ русскимъ приходилось часто сталкиваться и съ кавказскими племенами, главнымъ образомъ, съ касогами (черкесами) и ясами (осетинами). Одно такое столкновеніе воспѣто было, по словамъ автора «Слова о полку Игоревѣ», Бояномъ и попало въ нашу начальную лѣтопись.

Въ 1022 г., разсказываетъ лѣтопись, князь Мстиславъ, братъ Ярослава Мудраго, находившійся въ Тмуторокани, предпринялъ походъ противъ кавказскаго племени касоговъ (черкесовъ). Касожскій князь Редедя выступилъ противъ него со своими полками. Встрѣтившись съ русскими, Редедя предложилъ Мстиславу рѣшить вопросъ единоборствомъ: «Зачѣмъ намъ губить свои дружины? Поборемся одни! Если ты одолѣешь, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей, землю: если я одолѣю, возьму себѣ все, что тебѣ принадлежитъ». Мстиславъ согласился. Началось продолжительное единоборство. Редедя отличался громаднымъ ростомъ и силою. Мстиславъ началъ уже изнемогать. Тогда Мстиславъ обратился съ молитвой къ Богородицѣ, чтобы она помогла ему, и обѣщалъ построить въ Тмуторокани церковь Ея имени. Молитва подкрѣпила силы Мстислава: онъ повалилъ Редедю на землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его. Послѣ этого Мстиславъ отправился въ землю касоговъ, положилъ на нихъ дань, и забралъ себѣ имущество Редеди, его жену и дѣтей.

По возвращеніи въ Тмуторокань онъ, согласно обѣту, построилъ храмъ во имя Богородицы.

Лѣтописное преданіе о Мстиславѣ ясно указываетъ одинъ изъ путей, какимъ къ русскимъ могли попадать кавказскія сказанія: Мстиславъ, побѣдивъ Редедю, взялъ себѣ, согласно уговору, жену и дѣтей Редеди; послѣдніе, безъ сомнѣнія, знали поэтическія сказанія своего народа, касоговъ, и, находясь въ плѣну у русскихъ, не разъ, вѣроятно, вспоминали эти сказанія и, быть можетъ, разсказывали ихъ своимъ новымъ роднымъ. Если кавказцы, плѣнные или входившіе въ составъ русскихъ дружинъ, оставались навсегда среди русскихъ, они неизбѣжно должны были вносить извѣстную долю кавказскихъ эпосовъ въ эпосъ русскій. Доказательствомъ этому служитъ сходство нѣкоторыхъ эпизодовъ, излагаемыхъ нашими былинами о Святогорѣ-Самсонѣ, съ кавказскими сказаніями.

а) Эпизодъ съ сумочкой. Въ одной нартской сказкѣ (нарты— древній кавказскій народъ, родственный нынѣшнимъ кабардинцамъ, занимавшій районъ сѣвернаго Кавказа; нарты, по сказаніямъ, были богатырскимъ народомъ, ведшимъ побѣдоносную борьбу съ великанами-идіотами, питавшимися человѣческимъ мясомъ) о храбромъ удальцѣ Сосланѣ разсказывается, между прочимъ, слѣдующее. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ Сосланъ наѣхалъ на цѣлый рядъ чудесъ. Вотъ одно изъ этихъ чудесъ: «По-надъ дорогою лежитъ сумочка, въ которой есть что-то такое, величиною съ человѣческую голову. Онъ попробовалъ съ лошади достать ее, но не могъ. Слѣзъ онъ съ лошади и пытался поднять,—опять ему не подъ силу. Началъ онъ горевать: «О Боже, силы у меня уже нѣтъ! Бывало, съ лошади поднималъ я всадника съ конемъ, а это—не больше человѣческой головы. Какъ же я не могу поднять»? Пошелъ онъ и вырубилъ подпорку, но и съ нею ничего не могъ сдѣлать, а потому отправился далѣе. Впослѣдствіи тесть Сослана Алдаръ объяснилъ ему значеніе этого чуда: сумка оказалась не подъ силу Сослану потому, что въ ней заключались блага всѣхъ созданныхъ богомъ странъ; она—вмѣстилище этихъ благъ.

Осетинскій насильникъ Батразъ, по другому кавказскому сказанію, пытается поднять мѣшокъ съ тяжестью всей земли.

Герой грузинскаго сказанія Амиранъ за свои насилія и гордость, по волѣ Божіей, погрязаетъ въ землю.

Батразъ, герой осетинскаго сказанія, за то, что онъ отважился вступить въ борьбу съ небесными духами, былъ, по повелѣнію Божію, сраженъ.

б) Эпизоды изъ встрѣчи богатыря съ великаномъ. Въ осетинскихъ сказаніяхъ изображается великанъ Муккара—князь скалъ. Своимъ ростомъ, силой и неуязвимостью Муккара напоминаетъ Святогора. Съ Муккарой сталкивается нартъ Сосрыко, представляющій параллель къ нашему Ильѣ Муромцу. Однажды Сосрыко погналъ свой скотъ пастись къ Черному морю. Въ это время онъ издали замѣтилъ, что къ нему направляется какой-то человѣкъ громаднаго роста. Это былъ Тыхъ-Фартъ (сынъ силы) Муккара. Подойдя къ Сосрыко, Муккара поздоровался съ нимъ и сталъ разспрашивать о нартахъ-богатыряхъ. Сосрыко назвалъ Муккарѣ главнѣйшихъ героевъ-нартовъ. Тогда великанъ попросилъ Сосрыко показать ему нартскія игры. «А вотъ какъ у насъ играютъ,—сказалъ Сосрыко: я сдѣлаю на своей груди помѣтку и стану поодаль, а ты долженъ попасть мнѣ стрѣлой въ помѣченное на груди мѣсто; если я выдержу, это значитъ хорошо. Или ты станешь, а я буду стрѣлять»? Муккара согласился стоять и предоставилъ стрѣлять нарту. Сосрыко началъ пускать стрѣлы въ грудь Муккары: но стрѣлы, къ удивленію нарта, ударяясь о грудь великана, ломались и отскакивали назадъ. Муккара нашелъ эту игру пустой. Сосрыко показываетъ другую игру: онъ ставитъ великана у подошвы горы, взбирается самъ на гору и скатываетъ оттуда Муккарѣ прямо на лобъ огромный камень. Камень, ударившись о лобъ Муккары, разбился въ дребезги. Сосрыко предлагаетъ третью игру: Муккара долженъ войти въ море; когда море замерзнетъ съ верху до низу, то Муккара долженъ повернуться и разломать ледъ; если онъ это сдѣлаетъ, — онъ настоящій богатырь. Муккара согласился и вошелъ въ воду. Море замерзло. Великанъ попробовалъ повернуться, но оказалось, что ледъ крѣпко сковалъ его и не даетъ ему даже пошевелиться. «Что же мнѣ сдѣлать съ тобой?» спросилъ его Сосрыко. Муккара сказалъ: «Надулъ ты меня, нартовецъ! Ты хочешь убить меня; поэтому ступай къ моей женѣ и возьми въ кухнѣ мой кинжалъ въ шерстяномъ чехлѣ: этимъ

только кинжаломъ ты убьешь меня». Сосрыко пошелъ. Одна женщина дала нарту совѣтъ—не проронить ни слова, когда онъ войдетъ въ домъ Муккары, иначе кинжалъ сорвется съ гвоздя и вонзится въ его грудь. Сосрыко въ точности исполнилъ совѣтъ. Онъ взялъ кинжалъ, отправился обратно къ Муккарѣ, убилъ его и затѣмъ женился на прекрасной вдовѣ великана. По нѣкоторымъ варіантамъ этого эпизода, когда Сосрыко бросился на Муккару съ кинжаломъ, Муккара дунулъ и отбросилъ нарта на полдня пути назадъ. Дуновеніе великана напоминаетъ дуновеніе Святогора, передающаго силу младшему богатырю. Въ кавказскихъ сказаніяхъ дѣйствуетъ и «мертвый духъ» богатыря. Такъ, когда ангелы снесли тѣло Батраза въ склепъ, Батразъ пустилъ въ ангеловъ свой духъ, и шестьдесятъ ангеловъ пало. Какъ Ильѣ Муромцу достается мечъ-кладенецъ Святогора, такъ нарту достается чудный кинжалъ Муккары. Подобно тому, какъ Святогоръ кладетъ богатырей къ себѣ въ карманъ, такъ и великаны кавказскіе кладутъ людей къ себѣ въ карманъ, въ сумку и даже въ дупло зуба. Напр., чеченскій богатырь Говда, спасаясь отъ людоѣдовъ, встрѣчаетъ слѣпого великана и проситъ у него защиты. Великанъ сжалился надъ Говдой и сунулъ его въ карманъ съ конемъ и оружіемъ.

в) Эпизодъ о женитьбѣ богатыря. Въ татарской сказкѣ «Отъ судьбы не уйдешь» разсказывается слѣдующее. Одинъ молодой царевичъ однажды на охотѣ заблудился въ лѣсу и остался тамъ ночевать. Утромъ онъ набрелъ на хижину. Въ хижинѣ находился дряхлый старикъ, который читалъ большую книгу и что-то записывалъ по временамъ. Царевичъ спросилъ старика, чѣмъ это онъ занимается. Старикъ отвѣтилъ, что онъ записываетъ въ книгу судьбу каждаго человѣка. Царевичу захотѣлось узнать собственную судьбу. Старикъ сообщилъ царевичу, что ему суждено жениться на дочери бѣднаго пастуха, страдающей неизлѣчимой болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика и пошелъ изъ хижины. Весь день бродилъ онъ по лѣсу. Ночью онъ увидѣлъ огонекъ и пошелъ по его направленію. Царевичъ наткнулся на хижину бѣдняка. Бѣднякъ предложилъ ему ночевать въ хижинѣ, гдѣ у него лежитъ больная дочь. Царевичъ изумился и спросилъ, кто онъ такой. Бѣднякъ отвѣтилъ, что онъ пастухъ. Догадался царевичъ, что больная дочь па-

стуха и есть его невѣста, и рѣшился погубить ее. Ночью царевичъ подошелъ къ дѣвушкѣ и ударилъ ее въ животъ кинжаломъ. Дѣвушка вскрикнула и затѣмъ воцарилась мертвая тишина. Царевичъ положилъ около дѣвушки мѣшокъ съ червонцами, тихо вышелъ изъ хижины и исчезъ. Когда пастухъ съ женой вошли утромъ въ комнату своей дочери, они нашли ее совсѣмъ здоровой: она страдала водянкой и ударъ кинжала исцѣлилъ ее. Родители съ дочерью переселились въ городъ и тамъ купили себѣ домъ. Дочь ихъ стала замѣчательной красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее у крыльца дома. Она понравилась ему, онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился на ней. Скоро открылось, кто она такая. Молодая царевна отправилась однажды съ матерью и сестрами царевича въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокій шрамъ и разсказали объ этомъ царевичу. Царевичъ разспросилъ жену, откуда у нея такой шрамъ. Она разсказала, и царевичъ понялъ, что отъ судьбы своей не уйдешь.

Въ этой сказкѣ ясно мотивировано, почему царевичъ оставилъ мѣшокъ съ червонцами, между тѣмъ какъ оставленіе 500 р. Святогоромъ представляется немотивированнымъ.

г) Эпизодъ о невѣрной женѣ. Ингушская сказка такъ передаетъ этотъ эпизодъ. Одинъ князь, узнавъ объ измѣнѣ своей жены, покидаетъ свой домъ и вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ узденемъ отправляется бродить по свѣту. Много ѣздили они и забрели въ глухое мѣсто: вокругъ на мѣсяцъ ѣзды не было ни одного человѣка, ни одного аула. Князь съ узденемъ рѣшили поселиться тутъ. Вдругъ, видятъ они, недалеко отъ нихъ человѣкъ пашетъ землю на восьми парахъ быковъ; этотъ человѣкъ самъ управляетъ быками, самъ держитъ плугъ и вдобавокъ несетъ еще на спинѣ громадный сундукъ. Удивился князь, что этотъ пахарь вмѣсто того, чтобы поставить сундукъ на землю, таскаетъ его на своей спинѣ. Подъѣзжаетъ князь съ узденемъ къ пахарю, чтобы разспросить его объ этомъ. Когда они подъѣхали къ нему, пахарь началъ распрягать быковъ. Князь и уздень начали помогать ему. Пока князь и уздень распрягли по одной парѣ, пахарь успѣлъ распречь остальныя шесть паръ. Стали всѣ закусывать, а пахарь все не сни-

маетъ съ плечъ сундука. Удивленный князь спрашиваетъ пахаря, что у него въ сундукѣ, и почему онъ его не сниметъ. Тогда пахарь разсказалъ цѣлую исторію. Онъ жилъ прежде въ аулѣ и былъ женатъ. Жена измѣнила ему. Озлился онъ на жену, прогналъ ее, а самъ покинулъ свой домъ. Во время своихъ скитаній онъ женился вторично, а чтобы жена не измѣнила ему, онъ сдѣлалъ сундукъ и посадилъ ее туда и съ тѣхъ поръ постоянно носитъ этотъ сундукъ за своими плечами. Заинтересовался князь разсказомъ пахаря и попросилъ его показать ему свою жену. Пахарь снялъ сундукъ, поставилъ его на землю и открылъ. Всѣ остолбенѣли: въ сундукѣ вмѣстѣ съ женой оказался какой-то молодой человѣкъ. Пахарь спросилъ жену, какъ она ухитрилась обмануть его. Она объяснила. Однажды въ жаркій день быки, мучимые оводами, побѣжали. Ея мужъ оставилъ сундукъ въ полѣ и погнался за быками. Скучно стало женѣ сидѣть въ сундукѣ, и она вышла изъ него. Смотритъ—ѣдетъ молодой человѣкъ. Чтобы ей не было скучно, она пригласила его съ себѣ въ сундукъ. Съ тѣхъ поръ они вмѣстѣ живутъ въ сундукѣ. Тогда пахарь обращается къ князю со словами: «Видишь князь, я ли не караулилъ свою жену, а оказалось, что я двухъ носилъ въ ящикѣ вмѣсто одной жены». Обманутые мужья поняли, что, сколько ни карауль жену, все таки не услѣдишь, и рѣшили вернуться къ своимъ прежнимъ женамъ.

Эта сказка будучи очень сходной съ былиной о женѣ Святогора, въ то же время объясняетъ, почему герой носитъ жену въ сундукѣ или ящикѣ.

2) **Отраженіе библейско-апокрифическихъ сказаній**. На сложеніе былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ повліяли и сказанія библейско-апокрифическія. Образъ богатыря Самсона (по еврейскимъ сказаніямъ, одно разстояніе между плечами у этого великана равнялось 60 локтямъ), такъ же, какъ самое имя, несомнѣнно заимствовано нашими пѣвцами-поэтами изъ этого источника, и затѣмъ черты этого богатыря и нѣкоторые эпизоды изъ его жизни были перенесены на Святогора.

а) Остриженіе волосъ. Апокрифическія сказанія о Самсонѣ проникли къ намъ вмѣстѣ съ «Исторической Палеей» (§ 120). Былины о Самсонѣ воспроизводятъ именно эти сказанія, отличающіяся отъ того, что извѣстно намъ о Самсонѣ изъ

Библіи. Такъ, по Библіи, Самсонъ—назорей, который не пьетъ вина. Жена его Далила остригаетъ волосы Самсона во время его сна. По «Исторической Палеѣ» Самсонъ не слушался своей матери и сталъ пьянствовать съ иноплеменниками; пьянаго Самсона и остригла Далила.

б) Смерть Самсона. Разсказъ «Исторической Палеи» о смерти Самсона отличается отъ библейскаго. По Библіи, филистимскіе правители собрались въ храмѣ принести жертву Дагону и повеселиться. Въ разгарѣ веселья они призвали изъ тюрьмы Самсона, чтобы онъ развеселилъ ихъ. Самсонъ попросилъ отрока, который велъ его, подвести его къ столбамъ, на которыхъ утверждалось зданіе, чтобы прислониться къ нимъ. Онъ ухватился руками за два среднихъ столба и потрясъ ихъ. Зданіе разрушилось и погребло подъ своими развалинами и филистимлянъ и Самсона. По «Исторической Палеѣ» дѣло происходитъ иначе. Жена Самсона пируетъ съ любовникомъ своимъ и гостями въ палатѣ, построенной Самсономъ. Палата была построена такъ хитро, что держалась на одномъ столбѣ. Къ этому времени у Самсона успѣли снова вырости волосы. Самсонъ проситъ отрока, прислуживавшаго ему, подвести его къ столбу, на которомъ держалась палата, и потрясаетъ его; зданіе разрушается и губитъ пировавшихъ и Самсона. Въ былинѣ воспроизведенъ именно этотъ разсказъ.

в) Хвастовство богатыря и подниманіе сумочекъ. Ни въ Библіи, ни въ «Исторической Палеѣ» нѣтъ упоминаній о хвастовствѣ Самсона и о подниманіи сумочекъ. Но, повидимому, существовали какія-то апокрифическія сказанія о Самсонѣ, въ которыхъ было кое-что и объ этомъ, по крайней мѣрѣ, о хвастовствѣ Самсона. Въ Библіи сообщается, что Самсонъ, поразивъ ослиною челюстью тысячу человѣкъ, сказалъ: «Челюстью ослиною толпу, двѣ толпы, челюстью ослиною убилъ я тысячу человѣкъ». Затѣмъ Библія разсказываетъ, что Самсонъ почувствовалъ сильную жажду; воды нигдѣ не оказывалось. Тогда Самсонъ сказалъ: «Ты содѣлалъ рукою раба твоего великое спасеніе сіе; а теперь умру я отъ жажды и попаду въ руки необрѣзанныхъ». Совершается чудо: Богъ производитъ источникъ воды и Самсонъ удовлетворяетъ свою жажду. У Іосифа Флавія въ его «Еврейскихъ древностяхъ» сообщается, что Самсонъ, послѣ

избіенія тысячи человѣкъ ослиною челюстью, возгордился и сталъ приписывать это избіеніе не Божьей милости, а собственной силѣ. Далѣе Іосифъ излагаетъ событія, какъ въ Библіи. Самсонъ изнемогаетъ отъ жажды; онъ на опытѣ убѣждается, что человѣческая доблесть — ничто. Самсонъ обращается къ Богу съ мольбой. Онъ раскаивается въ своей похвальбѣ: ему хотѣлось бы, чтобы ничего изъ сказаннаго имъ не было поставлено ему въ вину, чтобы Богъ не прогнѣвался на него за нечестивыя рѣчи. Далѣе разсказъ Флавія сходенъ съ библейскимъ повѣствованіемъ: Богъ открываетъ Самсону изъ-подъ камня источникъ воды, и Самсонъ утоляетъ свою жажду. Передача Іосифа Флавія интересна указаніемъ на то, что Самсонъ послѣ побѣды возгордился и свою гордость выразилъ въ какихъ-то нечестивыхъ рѣчахъ, за которыми послѣдовали быстрое наказаніе свыше и раскаяніе Самсона. Флавій не передаетъ содержанія нечестивыхъ рѣчей Самсона. Но по другимъ произведеніямъ кое-что изъ этихъ рѣчей намъ извѣстно. Въ переводномъ памятникѣ «Прѣніе Живота (жизни) и Смерти» сообщается, что Самсонъ такъ хвастался: «Аще было кольцо въ земли сдѣлано, и азъ бы всѣмъ свѣтомъ поворотилъ». Очевидно, это—та же самая похвальба, которая приписывается нашими былинами Самсону и Святогору. Повидимому, существовали какія-то апокрифическія сказанія о похвальбѣ и наказаніи Самсона, которыя до насъ не дошли, но которыми воспользовалось наше устное творчество. Въ этихъ сказаніяхъ похвальба Самсона выражалась въ сверхъестественныхъ формахъ: «кабы былъ столбъ въ земли, кабы было кольцо въ столбу, я бы землю всю вокругъ повернулъ». Такая похвальба, очевидно, связана съ древними космологическими представленіями, признававшими существованіе опоръ неба и земли, отъ колебанія которыхъ потрясалась бы вся вселенная. Въ библейско-апокрифическихъ сказаніяхъ встрѣчаются указанія именно на такое міропониманіе. Въ книгѣ Іова Богъ говоритъ, между прочимъ, Іову: «Гдѣ былъ ты, когда я полагалъ основанія земли»?... «На чемъ утверждены основанія (въ славянскомъ переводѣ—столпы) ея, или кто положилъ краеугольный камень ея»? Тамъ же говорится и о столпахъ, на которыхъ утверждено небо: «Столпы небесъ дрожатъ и ужасаются отъ грома его».

Возгордившись, Самсонъ, очевидно, вообразилъ, что его сила равна силѣ самого Бога, и похвальба его, повидимому, имѣла такую форму: «Моя сила безконечно велика: я могъ бы поколебать столбы, на которыхъ утверждаются небо и земля, и потрясти всю вселенную».

г) Женитьба Самсона и гибель его отъ жены. Въ Библіи разсказывается, что Самсонъ до своего знакомства съ Далилой женился на какой-то филистимлянкѣ. Родители Самсона были противъ этого брака съ иностранкой. По этому поводу Библія дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Отецъ его и мать не знали, что это—отъ Господа, и что онъ ищетъ случая отомстить филистимлянамъ». Такимъ образомъ, первый бракъ Самсона представленъ рѣшеннымъ свыше, фатальнымъ для Самсона. Эта фатальность и неизбѣжность брака изображаются и въ былинахъ о женитьбѣ Святогора-Самсона на дѣвушкѣ изъ Поморскаго царства, причемъ, весьма возможно, что невѣріе филистимлянки (язычницы)—своего рода душевная болѣзнь — превратилось въ русскихъ сказаніяхъ въ физическую болѣзнь невѣсты.

д) Примѣриваніе гроба. Въ еврейско-мусульманскихъ сказаніяхъ объ Ааронѣ встрѣчается эпизодъ о примѣриваніи гроба. Моисею явился ангелъ, который велѣлъ ему отправиться вмѣстѣ съ Аарономъ на высокую гору. Поднявшись на вершину горы, они нашли пещеру, въ которой стоялъ гробъ съ надписью: «Я назначенъ для того, кому буду въ пору». Сначала легъ Моисей, но гробъ оказался для него малъ. Легъ тогда Ааронъ. Гробъ оказался въ пору. Ааронъ умеръ.

е) Подниманіе тяжелыхъ предметовъ. Въ Талмудѣ разсказывается объ Александрѣ слѣдующее. Александръ достигъ береговъ рѣки, текущей изъ рая, и добрался до рая. Онъ потребовалъ, чтобы ему открыли ворота. На это ему отвѣтили, что это—ворота Господа и въ нихъ войдутъ праведные. Александръ сказалъ, что онъ—высокочтимый царь, и просилъ дать ему что нибудь. Ему дали мертвую голову. Онъ взялъ ее съ собой и положилъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую все золото и серебро, какое у него было: мертвая голова оказалась тяжелѣе золота и серебра. Александръ спросилъ у раввиновъ, что это такое. Они объяснили ему: мертвая голова означаетъ, что глазъ человѣка

ненасытенъ. Александръ попросилъ у раввиновъ доказательствъ тому, что они говорятъ. Тогда они взяли горсть земли и насыпали на мертвую голову: золото и серебро тотчасъ оказались тяжелѣе головы.

Съ подниманіемъ тяжелыхъ предметовъ мы встрѣчаемся и въ сказаніяхъ о св. Христофорѣ. Христофоръ, хананеянинъ, былъ кинокефалъ, т. е. имѣлъ собачью голову. Онъ былъ необыкновенно высокъ ростомъ, именно 12 локтей, и имѣлъ страшный видъ. Ему пришло на умъ отыскать самаго могущественнаго властителя въ мірѣ. Ему указали на одного царя. Христофоръ поступилъ къ нему на службу. Однажды онъ замѣтилъ, что царь испытывалъ страхъ, когда былъ упомянутъ дьяволъ. Понялъ Христофоръ, что дьяволъ могущественнѣе царя, и поступилъ къ нему на службу. Оказалось, однако, что и дьяволъ испытываетъ страхъ передъ Христомъ. Христофоръ рѣшилъ отыскать Христа и поступить къ нему на службу. По совѣту одного пустынника, Христофоръ поселился на берегу рѣки и, чтобы угодить Христу, сталъ переносить желающихъ черезъ рѣку. Однажды Христофоръ, отдыхая въ своей хижинѣ, услышалъ дѣтскій голосъ: «Выйди, Христофоръ, и перенеси меня». Христофоръ вышелъ, поднялъ мальчика на плечи, взялъ свой посохъ и вошелъ въ рѣку. Вдругъ вода въ рѣкѣ стала подниматься, а мальчикъ сталъ тяжелъ, какъ свинецъ. Чѣмъ дальше подвигался Христофоръ, тѣмъ вода становилась выше, а мальчикъ тяжелѣе. Христофоромъ овладѣла тревога. Наконецъ, ему удалось дойти до другого берега рѣки. Христофоръ снялъ съ себя мальчика и сказалъ ему: «Дитя, ты подвергалъ меня большой опасности: ты былъ такъ тяжелъ, что, если бы я поднялъ весь міръ, то едва-ли бы почувствовалъ большую тяжесть». Мальчикъ ему сказалъ: «Не удивляйся, Христофоръ: ты несъ на себѣ не только весь міръ, но и того, кто сотворилъ міръ. Я—царь Христосъ».

Въ стихотворномъ описаніи изображенія св. Христофора (въ Аугсбургѣ) есть любопытныя дополненія къ только что приведенному сказанію: у Христофора, бредущаго по водѣ съ мальчикомъ на плечахъ, на рукахъ—громадная дубина, а за плечами виситъ сума.

3) Вліяніе финскихъ сказаній. У финновъ (эстонцевъ) есть поэма «Калеви-поэга», героемъ которой является богатырь

великанъ Калеви-поэга. Имя это въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—сынъ Калева: имя «Калева» происходитъ отъ слова kallio, что значитъ—скала. Такимъ образомъ, финскій богатырь-исполинъ Калеви-поэга имѣетъ въ своемъ имени связь съ понятіемъ скала; это напоминаетъ князя скалъ Муккару и Святыя горы, съ которыми связано имя богатыря Святогора.

Не только имена этихъ трехъ богатырей-исполиновъ заключаютъ въ себѣ однородный смыслъ: самые образы богатырей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходны между собою: 1) Святогоръ живетъ и дѣйствуетъ въ районѣ Святыхъ горъ; Калеви-поэга живетъ и дѣйствуетъ въ районѣ двухъ скалистыхъ странахъ — Эстляндіи и Финляндіи. 2) Святогоръ—великанъ: онъ «повыше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго; кровать Святогора длиною въ 10 саженъ, шириною—въ 6 саженъ; когда Святогоръ ѣдетъ, земля колеблется, лѣса шатаются, рѣки изъ береговъ выливаются; его не носитъ мать-земля сырая; онъ можетъ ѣздить только по горамъ высокимъ, да по щелейкамъ толстымъ; Калеви-поэга—тоже исполинъ: онъ вбродъ переходитъ озеро Пейпусъ; когда онъ ѣдетъ, гнется земля, сглаживаются неровности почвы; отъ его храпа сотрясается все вокругъ. 3) У Святогора такой мечъ, что его не можетъ поднять Илья; у Калеви-поэга—тоже особенный мечъ, выкованный съ особыми заклятіями: только одинъ Калеви-поэга можетъ справляться съ такимъ мечемъ. 4) Святогоръ рисуется нерѣдко спящимъ, лежащимъ; Калеви-поэга также часто и подолгу спитъ. 5) Святогоръ не можетъ поднять маленькой сумочки переметной; Калеви-поэга, попавшій въ подземное царство, не могъ безъ волшебства открыть простой двери. 6) Въ жизни Святогора фигурируетъ кузнецъ, который предсказываетъ ему судьбу; въ поэмѣ Калеви-поэга, герой получаетъ отъ кузнеца чудесный мечъ: когда Калеви-поэга убилъ этимъ мечомъ сына кузнеца, кузнецъ проклялъ Калеви-поэга и предсказалъ, что послѣдній отъ собственнаго меча погибнетъ. 7) Надъ Святогоромъ тяготѣетъ рокъ: онъ или погрязаетъ въ землю и погибаетъ, или ложится въ гробъ, свыше ему предназначенный, и умираетъ; Калеви-поэга также находится подъ властью рока и погибаетъ отъ собственнаго меча.

Вліяніе пѣсенъ Калеви-поэга на наши былины о Святогорѣ-Самсонѣ видно и изъ того, что въ нѣкоторыхъ былинахъ попадается вмѣсто имени Святогоръ или Самсонъ имя Колыванъ, имя, очевидно, имѣющее связь съ именемъ Калева. Это показываетъ, что репертуаръ нашихъ пѣсенъ о Святогорѣ-Самсонѣ сталъ сближаться съ финскимъ эпосомъ. Такое сближеніе исторически вполнѣ понятно: смѣшеніе русскихъ съ финскими племенами въ Новгородской области должно было повлечь вторженіе въ русскій эпосъ образовъ и сюжетовъ финскаго эпоса. Замѣтимъ, между прочимъ, что городъ Ревель, основанный датчанами на мѣстѣ разрушенной туземной крѣпости Линданиса, т. е. грудь Линды, супруги Калевы, въ лѣтописяхъ носитъ названіе «Колывань».

4) **Отраженіе русскихъ и иностранныхъ сказокъ.** На образованіе былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ имѣли вліяніе сказки русскія и иностранныя. Особенно касается это эпизода о женитьбѣ этихъ героевъ. Эпизодъ о женитьбѣ Святогора-Самсона распадается на двѣ части: разузнаваніе судьбы и женитьба. На былины отразились главнымъ образомъ сказки о разузнаваніи судьбы. Кавказскія сказки приведены выше; съ ними сходны и нѣкоторыя русскія сказки. Въ русской сказкѣ о невѣстѣ-горбуньѣ разсказывается слѣдующее. Искалъ мужикъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Одинъ старикъ спрашиваетъ его, чего онъ ищетъ. Тотъ объяснилъ ему. Старикъ взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и, указавъ на горбатую нищую, сказалъ: «вотъ твоя судьба: не обойдешь, не объѣдешь». Мужикъ думаетъ: «постой же: я засѣку нищую». Нищая жила въ богадѣльнѣ. Приходитъ туда ночью мужикъ, вызываетъ оттуда горбунью и хватаетъ ее тесакомъ. Идя назадъ, мужикъ говоритъ себѣ: «Засѣкъ теперь нищую: вотъ и судьба моя! Вздоръ старые люди говорятъ». Между тѣмъ горбунья отъ удара тесакомъ лишилась горба, а сама стала красавицей. Однажды мужикъ увидѣлъ ее у офицера, къ которому поступила въ услуженіе. Полюбилъ ее мужикъ и женился. Однажды въ банѣ онъ увидѣлъ на спинѣ своей жены рубцы. Мужъ спросилъ ее, откуда у нея эти рубцы. Жена разсказала ему все, какъ было. Понялъ тогда мужикъ, что суженой не обойдешь, не объѣдешь.

183. Общіе выводы о былинахъ о Святогорѣ-Сам-

сонѣ. Былины о Святогорѣ-Самсонѣ имѣютъ двѣ основы: 1) одна основа создалась на почвѣ мирныхъ сношеній и воинственныхъ столкновеній русскихъ славянъ съ хазарами: такъ возникъ образъ хазарскаго богатыря-великана (Святогоръ); 2) другая основа возникла на почвѣ тѣхъ же сношеній съ хазарами и, вѣроятно, съ евреями: именно, у хазаръ еврейскаго исповѣданія былъ заимствованъ образъ богатыря-великана Самсона вмѣстѣ съ преданіями о немъ. Первоначально сказанія о Святогорѣ развивались, вѣроятно, независимо и отдѣльно отъ сказаній о Самсонѣ, но затѣмъ въ силу сходства оба образа богатырей-великановъ стали сближаться между собою и спутываться. Сближаясь и спутываясь между собою, эти образы стали притягивать къ себѣ на основаніи сходства сказанія устныя и письменныя, русскія и иностранныя и сплетаться съ ними. Между прочимъ, съ занесеніемъ русскаго эпоса южнорусскаго происхожденія на сѣверъ произошло сближеніе пѣсенъ о Святогорѣ-Самсонѣ съ финскими пѣснями о Калеви-поэгѣ.

Вольга—Волхъ и Микула.

184. Былины о Вольгѣ Святославичѣ (Волхѣ Всеславьевичѣ) и Микулѣ Селяниновичѣ. Былины о Вольгѣ Святославичѣ (онъ же — Волхъ Всеславьевичъ) и Микулѣ Селяниновичѣ воспѣваютъ два эпизода: 1) походъ Вольги на Индѣйское царство и 2) встрѣчу Вольги съ Микулой Селяниновичемъ.

1) Походъ Вольги въ Индѣйское царство. У княгини Марѳы Всеславьевны родился отъ лютаго змѣя могучій богатырь Волхъ Всеславьевичъ. Задрожала сырая земля, стряслось славное царство Индѣйское, всколебалось синее море; рыба пошла въ морскую глубину, птица взлетѣла высоко въ небеса, туры и олени пошли за горы, зайцы и лисицы—по чащицамъ, волки, медвѣди—по ельникамъ, соболи и куниницы—по островамъ. Волху полтора часа отъ рожденія, а онъ уже говоритъ, какъ громъ гремитъ; онъ не желаетъ, чтобы матушка пеленала его въ пелену червчатую и опоясывала въ шелковые пояса, и требуетъ, чтобы она пеленала его въ булатные латы, чтобы на буйную голову его она надѣла золотой шлемъ, а въ правую руку дала ему

свинцовую палицу въ триста пудъ. Волху семь лѣтъ отъ роду. Матушка отдаетъ его учиться: грамота «въ наукъ» пошла ему; она посадила его перомъ писать, и письмо «въ наукъ» ему пошло. Волху — десять лѣтъ. Сталъ Волхъ учиться разнымъ премудростямъ: выучился онъ одной премудрости — обертываться яснымъ соколомъ, выучился другой премудрости — обертываться сѣрымъ волкомъ, и третьей премудрости — обертываться гнѣдымъ туромъ - золотые рога. Насталъ двѣнадцатый годъ жизни Волха. Сталъ Волхъ набирать себѣ дружину. Три года набиралъ ее, и набралъ семь тысячъ молодцовъ. Уже Волху пятнадцать лѣтъ отъ роду. Въ это время прошелъ слухъ, что индѣйскій царь снаряжается въ походъ къ стольному городу Кіеву, что онъ собирается весь Кіевъ взять за щитомъ, Божьи церкви пустить на дымъ и разорить почестны монастыри. Волхъ догадливъ былъ: со всею дружиною хороброю отправляется самъ къ славному Индѣйскому царству. Когда дружина спитъ, Волхъ не спитъ: онъ обертывается сѣрымъ волкомъ, бѣгаетъ, скачетъ по темнымъ лѣсамъ, бьетъ звѣрей сохатыхъ (лосей или оленей), не даетъ спуску волку и медвѣдю, соболямъ и барсамъ, не брезгуетъ зайцами и лисицами. Дружина накормлена Волхомъ, напоена, одѣта и обута. Дружина спитъ, Волкъ не спитъ: онъ обертывается яснымъ соколомъ, летитъ далече за сине море, бьетъ гусей, лебедей, не даетъ спуску и сѣрымъ малымъ утицамъ. Волхъ поитъ, кормитъ дружинушку хоробрую: яства у него всѣ перемѣнныя, сахарныя. Спрашиваетъ Волхъ своихъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, есть ли между ними человѣкъ, который могъ бы обернуться гнѣдымъ туромъ и сбѣгать въ Индѣйское царство развѣдать про царя Салтыка Ставрульевича. Дружина отвѣчаетъ, что кромѣ Волха Всеславьевича никто на это не способенъ. Обернулся Волхъ гнѣдымъ туромъ - золотые рога и побѣжалъ къ Индѣйскому царству. Въ первый скокъ онъ проскочилъ цѣлую версту, а въ другой скокъ его уже не могли найти. Обернулся Волхъ яснымъ соколомъ и полетѣлъ къ царству Индѣйскому. Вотъ онъ уже въ Индіи, спустился на бѣлокаменныя палаты, на окошечко косящатое къ индѣйскому царю. Царь съ царицей разговариваютъ. Говоритъ царю царица Азвяковна, молода Елена Александровна, что онъ собирается въ по-

ходъ на Русь, а между тѣмъ въ Кіевѣ родился могучій богатырь, его сопротивничекъ. Выслушавъ эти рѣчи, Волхъ обернулся горностаемъ, побѣжалъ по подваламъ, погребамъ, по высокимъ теремамъ, перекусилъ у тугихъ луковъ тетивки, повынималъ у каленыхъ стрѣлъ желѣзки и закапывалъ онъ все въ землю. Обернулся Волхъ соколомъ, взвился высоко по поднебесью и полетѣлъ къ своей дружинѣ. Разбудилъ Волхъ дружину и отправляется съ ней къ Индѣйскому царству. А Индѣйское царство окружено крѣпкой стѣной бѣлокаменной, ворота въ стѣнѣ желѣзныя, крюки и засовы мѣдные, подворотня — изъ дорогого рыбьяго зуба, на ней мудреные вырѣзы вырѣзаны: по вырѣзамъ этимъ только муравью можно пройти. Кругомъ день и ночь стоятъ караулы. Видятъ добрые молодцы, что не пробраться имъ въ Индѣйское царство и закручинились. Но молодой Волхъ догадливъ былъ: обернулся онъ мурашикомъ, обернулъ мурашками и своихъ добрыхъ молодцевъ, и прошли они бѣлокаменную стѣну. Очутившись по другую сторону стѣны, Волхъ превратилъ себя и дружину опять въ добрыхъ молодцевъ. Велитъ онъ дружинѣ своей рубить всѣхъ, стараго и малаго и оставить въ живыхъ по выбору лишь семь тысячъ красныхъ дѣвушекъ. Самъ Волхъ пошелъ въ царскія палаты. Пнулъ онъ ногой въ желѣзныя двери, изломалъ всѣ пробои булатные. Взялъ Волхъ царя индѣйскаго за бѣлыя руки, ударилъ его о кирпищатый полъ и расшибъ его въ крохи. Взялъ себѣ Волхъ въ жены царицу индѣйскую, его молодцы переженились на захваченныхъ дѣвушкахъ, и сталъ Волхъ царствовать. Выкатилъ Волхъ злата, серебра, коней, коровъ: табуномъ сталъ дѣлить съ дружиной, на всякаго брата по сту тысячъ.

2) Вольга Святославичъ и Микула Семяниновичъ. Въ началѣ повѣтствуется о рожденіи Вольги и о томъ, какъ Вольга учился премудростямъ разнымъ. Когда Вольга подросъ, сталъ онъ набирать себѣ дружинушку хоробрую; набралъ себѣ тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ Вольга во тридцатыихъ. Родной дядюшка Вольги, ласковый Владиміръ стольнокіевскій награждаетъ его тремя городами съ крестьянами: Гурчевцемъ, Орѣховцемъ и Крестьяновцемъ. Отправляется Вольга съ дружиной къ этимъ городамъ за получкою. Выѣхавъ въ чисто поле, услышалъ Вольга крикъ ратая. Направляется Вольга по крику въ сторону ратая. Ѣхалъ онъ

день, другой и не можетъ доѣхать до него. Только на третій день Вольга наѣхалъ на ратая, видитъ, оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ: въ край онъ ѣдетъ — другого не видать; коренья, каменья вывертываетъ, а великія каменья всѣ въ борозду валитъ. Кобыла у ратая соловая, сошка кленовая, гужики шелковые. Вольга привѣтствуетъ ратая. Ратай сразу узнаетъ Вольгу и спрашиваетъ его, куда онъ путь держитъ со своею дружиною. Вольга сообщаетъ. Тогда ратай разсказываетъ о своей недавней поѣздкѣ въ одинъ изъ тѣхъ городовъ, куда направлялся Вольга. Ратай взялъ въ городѣ (въ Орѣховцѣ) два мѣха соли по сорокъ пудъ; а горожане потребовали у ратая уплаты дорожной пошлины (грошей подорожныхъ). Не понравилось ратаю это требованіе «мужиковъ-разбойниковъ»; началъ ратай платить имъ пошлину шалыгою подорожною (плеть съ обвязанною пулею на концѣ): который мужикъ-разбойникъ стоя стоялъ, тотъ сталъ сидя сидѣть, а который сидя сидѣлъ, тотъ сталъ лежа лежать. Понравилась Вольгѣ молодецкая расправа ратая; сталъ онъ приглашать ратая поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай согласился, распрягъ свою кобылу и поѣхалъ съ Вольгой. Дорогой ратай вспомнилъ, что забылъ убрать съ поля сошку за ракитовъ кустъ. Послалъ Вольга назадъ пять могучихъ молодцовъ, чтобы выдернуть изъ земли сошку, вытряхнуть изъ омѣшиковъ (сошниковъ) земельку и бросить сошку за ракитовъ кустъ. Подъѣхали посланные молодцы могучіе къ сошкѣ, взялись за обжи (оглобли), вертятъ сошку вокругъ, а выдернуть ее съ земельки не могутъ. Посылаетъ Вольга Святославовичъ десять молодцовъ. И они не могутъ выдернуть сошку. Посылаетъ Вольга всю свою дружинушку хоробрую; но и вся дружина не можетъ справиться съ сошкой. Возвращается назадъ самъ ратай, беретъ сошку одной рукой, выдергиваетъ ее изъ земли, вытряхиваетъ изъ омѣшковъ земельку и бросаетъ сошку за ракитовъ кустъ. Снова ѣдутъ вмѣстѣ Вольга и ратай. Кобылка ратая идетъ рысью, а конь Вольги подскакиваетъ; кобылка ратая грудью пошла, а Вольгинъ конь «оставается». Сталъ Вольга покрикивать колпакомъ помахивать: «Постой-ка ты, ратай-ратаюшко! Этая кобылка конькомъ-бы была,—за эту кобылку пятьсотъ-бы дали». Отвѣчаетъ ему ратай: «Глупый Вольга Святославовичъ! Взялъ

я кобылку жеребчикомъ съ-подъ матушки и заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей: этая кобылка конькомъ бы была, за эту кобылку смѣты бы нѣтъ». Спрашиваетъ Вольга ратая, кто онъ такой и какъ его зовутъ. Ратай отвѣчаетъ: «Ай же, Вольга Святославовичъ! А я ржи напашу, да во скирды сложу, во скирды сложу, домой выволочу, домой выволочу, да дома вымолочу, драни (муки крупнаго размола) надеру, да и пива наварю, да и мужичковъ напою. Станутъ мужички меня покликивати: молодой Микулушка Селяниновичъ»!

185. Комментаріи къ былинамъ о Вольгѣ Святославовичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. Вольга Святославовичъ и Волхъ Всеславьевичъ—одно и то же лицо. Это видно изъ того, что о рожденіи и воспитаніи Вольги и Волха былины разсказываютъ одинаково. Имя Вольга филологически связано съ литературной формой—Олегъ, а имя Волхъ связано съ литературнымъ — волхвъ. Исторически образъ былиннаго Вольги, повидимому, восходитъ къ великому князю Олегу, княжившему послѣ Рюрика. Данное былинами Олегу имя Волхъ соотвѣтствуетъ лѣтописному эпитету Олега—вѣщій («и прозваша Олега вѣщій») и указываетъ на «хитрость-мудрость Олега, его оборотничество.

Въ былинахъ о Вольгѣ-Волхѣ интересны три эпизода изъ жизни этого богатыря: 1) чудесное рожденіе богатыря, 2) походъ на Индѣйское царство (въ Турецъ-землю) и 3) встрѣчу съ чудеснымъ пахаремъ, превзошедшимъ Вольгу-Волха въ «хитростяхъ-мудростяхъ».

1) Чудесное рожденіе Вольги-Волха. Олегъ, родственникъ Рюрика, первоначально былъ княземъ новгородскимъ. Въ Новгородъ Олегъ, вѣроятно, пріѣхалъ въ мѣстѣ съ Рюрикомъ. Какъ варягъ, проявившій большія способности и дарованія впослѣдствіи, когда онъ сталъ уже русскимъ княземъ, Олегъ долженъ былъ обратить на себя вниманіе уже въ Новгородѣ. Уже тамъ о немъ должны были сложиться преданія, которыя затѣмъ, вмѣстѣ съ дружиною Олега, занесены были въ Кіевъ.

Въ тѣ времена на такихъ даровитыхъ организаторовъ, какъ Олегъ, смотрѣли, какъ на существа особыя, одаренныя свыше. Потомки почитали ихъ, какъ боговъ, и приписывали имъ божественное, сверхъестественное происхожденіе. Такое сверхъестественное происхожденіе символизируется, какъ

происхожденія отъ змѣя. Въ Греціи было очень распространено убѣжденіе въ происхожденіи нѣкоторыхъ людей отъ змѣя, причемъ такое происхожденіе понималось не въ аллегорическомъ смыслѣ, а въ буквальномъ. Слѣды такого убѣжденія замѣтны, напр., въ сказаніяхъ о происхожденіи Александра Македонскаго. О зачатіи Александра Македонскаго въ одномъ хронографѣ разсказывается слѣдующее: «Неплодная Алимпіада призвала Нефтанава (египетскаго волхва, см. § 129) и вопрошала о житіи своемъ и чадородія еже отъ Филиппа царя. Нефтанавъ, прельщенный красотой царицы, отвѣчалъ: родиши Филиппу сына, но не отъ него зачнеши: пріидетъ бо ти Аммонъ, богъ Ливійскій и отъ того зачнеши: ты же буди готова ему на царской постели, преже бо явится во снѣ во образѣ змѣиномъ и потомъ тѣмъ же образомъ и яве пріидетъ къ тебѣ, и бывъ съ тобою, паки во образѣ орла великаго преложится и изыдетъ отъ тебе. Се же изрече ей и отыде отъ нея. Ей же спящу обратися Нефтанавъ-волхвъ во образъ змінъ, и бысть съ нею и зачатъ Александра. Яви же ся Нефтанавъ и Филиппу царю во снѣ и изрече ему, еже Алимпіада отъ Аммона, бога Ливійскаго, зачала сына. Потомъ же Филиппъ пріиде въ домъ свой и видѣ Алимпіаду жену свою чревату, и не вѣрова о томъ, еже отъ Аммона бога зачатъ, и сотворилъ Филиппъ вечерю на воеводъ своихъ. Егда же веселяшеся Филиппъ съ гостьми своими, Нефтанавъ же обращься во образъ змія великаго, и вниде предъ всѣми гостьми въ палату цареву: вси же видѣвше, устрашишася, царица же Алимпіада ластъ руку змію, змій взыде и ляже на лоно ея, и цѣлова ея, и паки предъ всѣми всѣми превращься во образѣ орла великаго, и излетѣ изъ палаты вонъ. Филиппъ же ятъ вѣры, еже отъ Аммона, бога Ливійскаго, во чревѣ Алимпіады зачатое». Съ принятіемъ христіанства языческихъ боговъ стали приравнивать къ бѣсамъ и дьяволу христіанскаго міропониманія. Соотвѣтственно этому происхожденіе предковъ - организаторовъ отъ боговъ толкуется въ преданіяхъ, какъ происхожденіе ихъ отъ бѣсовъ или дьявола: а такъ какъ символомъ дьявола по еврейско-христіанскому воззрѣнію является змѣй, самый мудрый изъ звѣрей, то потомки-христіане происхожденіе героя отъ боговъ толкуютъ, какъ происхожденіе отъ змѣя.

Такое именно происхожденіе приписывается былиной

Вольгѣ-Волху. Вѣра въ такое происхожденіе должна была поддерживаться тѣми разсказами о способностяхъ Олега въ юности, которые были занесены въ Новгородъ варягами. Это соображеніе можетъ быть подверждено слѣдующими данными. Нѣкоторыми подробностями своими былины о Вольгѣ-Волхѣ напоминаютъ старо-нѣмецкія преданія объ Ортнитѣ, отцомъ котораго былъ демонъ Альберихъ. Съ другой стороны, лѣтописное преданіе о смерти Олега тожественно съ однимъ эпизодомъ изъ саги объ Орваръ-Оддѣ, а эти саги родственны поэмѣ «Ортнитъ». Изъ этого можно заключить, что преданія о чудесномъ происхожденіи Вольги-Волха могли возникнуть еще на родинѣ Олега, въ Скандинавіи, и уже оттуда попасть вмѣстѣ съ дружиной Рюрика въ Новгородъ.

Въ Новгородѣ существовало преданіе о Волхѣ, дошедшее до насъ въ изложеніи книжника. Содержаніе его слѣдующее. У Словена былъ сынъ Волхъ. Отъ него получила свое названіе рѣка Волховъ, называвшаяся прежде Мутною. Волхъ былъ «бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами превращался въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ тогда почиталъ его за бога и называлъ его Громомъ или Перуномъ. И поставилъ этотъ чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря: въ боги сѣлъ. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волховскаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища прослезися земля и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: иже и до нынѣ яко же повѣдаетъ знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся». Это преданіе, искаженное въ передачѣ книжника, является доказательствомъ того, что въ Новгородской области возникло сказаніе о какомъ то чародѣѣ, поразившемъ

населеніе своимъ оборотничествомъ и имѣвшемъ видъ змѣя (въ толкованіи книжника—крокодила). Повидимому, въ этомъ преданіи мы находимъ отголоски сказаній о новгородскихъ волхвахъ вообще и, можетъ быть, въ числѣ ихъ и объ Олегѣ. Эти сказанія, вѣроятно, въ свою очередь осложнились христіанскимъ преданіемъ о Симонѣ-волхвѣ, извѣстномъ намъ по «Дѣяніямъ» апостольскимъ и изъ апокрифовъ. По этому преданію, Симонъ-волхвъ былъ великій чародѣй: онъ бросался въ огонь и оставался невредимымъ, леталъ по воздуху, показывалъ какія-то тѣни, которыя онъ называлъ душами умершихъ, приводилъ въ движеніе статуи и другіе предметы, принималъ видъ разныхъ звѣрей, въ томъ числѣ видъ змѣя. Апостолъ Петръ встрѣтился съ Симономъ въ Римѣ. Симонъ заявилъ, что онъ, подобно Христу, вознесется на небо. И дѣйствительно, демоны подняли Симона на воздухъ. Апостолъ обратился къ Богу съ молитвой. Демоны должны были отступить отъ Симона. Симонъ упалъ и убился. Мерзкое тѣло Симона зарыто было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ расшибся. Вѣроятно, новгородское преданіе и дало Вольгѣ имя Волхъ.

2) **Походъ Вольги-Волха на Индѣйское царство.** Второй эпизодъ—походъ на Индѣйское царство—представляетъ, повидимому, поэтическое отраженіе похода Олега на Византію. Въ былинѣ, изображающей походъ на Индѣйское царсево,—двѣ части. Первая часть въ гиперболическихъ формахъ отражаетъ основное занятіе русскихъ въ эпоху Кіевской Руси, т. е. охоту на звѣрей, птицъ, рыболовство. При этомъ охота представлена не въ позднѣйшемъ ея видѣ, когда она превратилась въ забаву, а въ ея древнемъ значеніи, когда она была главнымъ источникомъ существованія: охотою Вольга-Волхъ кормилъ и одѣвалъ себя и дружину. Слабѣе историческія воспоминанія во второй части былины, гдѣ изображено завоеваніе Индѣйскаго царства. Былина помнитъ, что Вольга-Волхъ для взятія Индѣйскаго царства прибѣгъ къ особымъ «хитростямъ-мудростямъ», преданія о которыхъ сохранила и лѣтопись (корабли на колесахъ подъ Царьградомъ), что завоеваніе Индѣйскаго царства дало Вольгѣ-Волху и его дружинѣ богатую добычу (по лѣтописи — «злато и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье»). Но индивидуально-историческихъ чертъ въ этомъ описаніи нѣтъ: онѣ вытѣснены изъ памяти позднѣйшими наслоеніями изъ иностран-

ныхъ сказаній, напр., изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Нѣкоторыя детали второй части имѣютъ параллели въ тюрко-монгольскихъ сказаніяхъ. Такъ, обращеніе Вольги-Волха въ птицу, съ цѣлью подслушать разговоръ индѣйскаго царя съ царицей, напоминаетъ обращеніе въ алтайской сказкѣ дѣвы-богатырши Оле-Олечкинъ въ сороку съ тою же цѣлью подслушать разговоръ враждебнаго царя съ царицей; обращеніе Вольги-Волха въ горностая, съ цѣлью испортить военныя орудія, напоминаетъ обращеніе въ монгольской сказкѣ богатыря Караты-хана въ крысу, которая прибѣгаетъ въ страну непріятеля Джюсунъ-хана и перегрызаетъ доспѣхи его воиновъ.

3) **Встрѣча съ чудеснымъ пахаремъ**. Основнымъ занятіемъ русскихъ славянъ была охота, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Варяги, пришлый элементъ, получая дань шкурами звѣрей, медомъ и т. д., занимались и сами охотой. Но не всѣ русскіе славяне ограничивались одной охотой: часть ихъ занималась издревле земледѣліемъ, трудомъ очень тяжелымъ сравнительно съ охотой. Нашему древнему земледѣльцу приходилось отыскивать въ лѣсу сухую площадку; эту площадку необходило было очистить отъ деревьевъ, коренья выкорчевывать изъ земли: только тогда можно было приступить собственно къ земледѣльческому труду. На такой трудъ могли отваживаться только люди очень сильные, предки которыхъ уже приспособились къ нему и которые получили отъ послѣднихъ по наслѣдству большую сумму энергіи.

Съ такимъ именно русскимъ славяниномъ-земледѣльцемъ сталкивается во время одной изъ своихъ поѣздокъ за получкой варягъ князь-дружинникъ Вольга-Волхъ, фактъ вполнѣ возможный въ эпоху Кіевской Руси. Былина, повѣствующая объ этой встрѣчѣ, чрезвычайно любопытна своими историческими намеками на былое. Между варягами-дружинниками и туземцами-славянами долженъ былъ существовать, со времени возникновенія варяжско-русскихъ княжествъ, нѣкоторый антагонизмъ. Сохранились въ лѣтописяхъ смутныя преданія о мятежѣ, поднятомъ новгородскими жителями противъ Рюрика и его дружины и подавленномъ послѣдними. Дружина Олега, съ которой послѣдній предпринималъ походъ на Константинополь, состояла изъ варяговъ и русскихъ славянъ. Лѣтопись разсказываетъ, что Олегъ велѣлъ сдѣлать

для варяговъ паруса изъ шелковыхъ тканей, полученныхъ отъ грековъ, а славянамъ изъ полотна. Когда дружина, поднявъ паруса, отплыла на родину, полотняные паруса славянской части дружины разодрались, и славяне вернулись къ испытаннымъ уже холстиннымъ парусамъ. Между туземнымъ славянствомъ и властителями-варягами долженъ былъ существовать соціальный антагонизмъ, и этотъ антагонизмъ ясно проявляется въ былинѣ о встрѣчѣ князя-дружинника съ чудеснымъ пахаремъ. Вольга-Волхъ, знаменитый своими «хитростями - мудростями», оказывается, сравнительно съ Микулой, глупымъ: его конь уступаетъ въ быстротѣ соловой кобылѣ Микулы, сила всей дружины Вольги-Волха ничтожна сравнительно съ силой Микулы. Былина заставляетъ Вольгу-Волха признать свое ничтожество передъ Микулой, и Вольга-Волхъ приглашаетъ Микулу соединиться съ нимъ и быть ему въ товарищахъ.

Встрѣча Вольги-Волха съ Микулой произошла, по всей вѣроятности, въ Новгородской области. По крайней мѣрѣ, описаніе пахоты Микулы даетъ черты природы именно въ сѣверной части Кіевской Руси, т. е. въ Новгородской области: сѣверныя пашни часто сплошь усѣяны крупными и мелкими каменьями, о которыя омѣшики сохи «почеркиваютъ». Изъ городовъ, полученныхъ Вольгой-Волхомъ въ управленіе, названіе одного изъ нихъ—Орѣховецъ -напоминаетъ историческій новгородскій городъ Орѣшекъ, находящійся подъ именемъ Шлиссельбурга и до сихъ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Наконецъ, и эпизодъ о соли и грошахъ подорожныхъ можно объяснить тѣмъ, что Новгородская область, не имѣя достаточно своей соли, покупала ее у нѣмецкихъ купцовъ, облагавшихъ ее большой пошлиной. Эти соображенія показываютъ, что былина о встрѣчѣ Вольги-Волха съ чудеснымъ пахаремъ могла возникнуть въ новгородской части Кіевской Руси. Между прочимъ, это подтверждается еще и тѣмъ, что былины о Вольгѣ-Волхѣ въ устахъ современныхъ сказателей уже спутываются съ чисто мѣстными новгородскими былинами о Василіи Буслаевичѣ.

Возникши на почвѣ чисто русскихъ отношеній, былина о встрѣчѣ Вольги-Волха съ Микулой Селяниновичемъ могла подвергнуться вліянію соотвѣтствующихъ сказаній, возникшихъ среди другихъ народовъ. Одно изъ такихъ сказаній

приведено выше (§ 182). Въ немъ изображается встрѣча царевича съ могучимъ богатыремъ-пахаремъ, у котораго на спинѣ былъ громадный сундукъ. Подобно тому, какъ дружина Вольги-Волха не въ силахъ выдернуть изъ земли соху Микулы, которую послѣдній выдергиваетъ одной рукой, такъ и кавказскій князь съ узденемъ успѣваютъ распрячь одну только пару быковъ въ то время, какъ пахарь успѣваетъ распрячь шесть паръ. Другое сказаніе, параллельное былинѣ о встрѣчѣ Вольги-Волха съ Микулой, встрѣчается въ поэмѣ персидскаго поэта Низами (конецъ XII-го в.) объ Искандерѣ (Александрѣ Македонскомъ). Для составленія этой поэмы Низами воспользовался современными ему устными и письменными сказаніями евреевъ, христіанъ и персовъ. Низами изображаетъ Искандера окруженнымъ семью греческими мудрецами. Искандеръ въ сопровожденіи философовъ предпринимаетъ походъ, имѣющій не военныя, а научно - философскія цѣли. Однажды во время этого похода-путешествія Александръ съ войскомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца блуждалъ по пустынной странѣ и наконецъ выбрался въ плодородную мѣстность. Здѣсь онъ встрѣтилъ прекраснаго земледѣльца съ босыми ногами и непокрытой головой, который пахалъ землю. Искандеру понравился этотъ молодецъ, и онъ приглашаетъ его стать его спутникомъ. Молодой пахарь отказывается: его тѣло закалилось въ суровомъ трудѣ; если онъ броситъ свой трудъ, его тѣло измѣнится и станетъ сгорбленнымъ. Искандеръ заинтересовался страной молодого пахаря. Узнавъ, что жители страдаютъ отъ деспотическаго правленія и несправедливости, Искандеръ устраняетъ злоупотребленія правителя и строитъ городъ Искандеръ - Абадъ. При всемъ различіи между этимъ сказаніемъ и нашей былиной есть между ними и черты сходства: Микула поражаетъ Вольгу-Волха своею силою, молодечествомъ; пахарь персидскаго поэта поражаетъ красотой и закаленностью въ трудѣ; изъ бесѣды съ Микулой Вольга узнаетъ о несправедливостяхъ мужиковъ - разбойниковъ (орѣховцевъ, гурчевцевъ и крестьяновцевъ); Искандеръ также узнаетъ о несправедливостяхъ администраціи родины прекраснаго земледѣльца.

186. Былины о главныхъ богатыряхъ съ отчетливымъ пріуроченіемъ къ Кіеву. Въ этой группѣ былинъ изображаются такіе главные богатыри, дѣятельность

которыхъ тѣсно связана съ собственно кіевской территоріей и съ княземъ Владимиромъ.

187. Владимиръ св. въ исторіи и лѣтописи. Эпическимъ центромъ, около котораго группируется большинство главныхъ и второстепенныхъ богатырей, является Владиміръ - Красное Солнышко, т. е. Владиміръ св. Въ былинахъ Владиміръ сохранилъ только нѣкоторыя свои лѣтописныя черты. По лѣтописи Владиміръ былъ сынъ Святослава и Ольгиной ключницы Малуши; у Малуши былъ братъ Добрыня, который такимъ образомъ приходился Владиміру дядей. Благодаря своему происхожденію Владиміръ былъ наполовину норманнъ и наполовину славянинъ. Происхожденіе наложило на личность Владиміра и его послѣдующую дѣятельность сильный отпечатокъ. Его мать Малуша была русской славянкой, а норманны-варяги, какъ побѣдители, склонны были смотрѣть на русскихъ славянъ свысока, какъ на низшую расу; вдобавокъ Малуша занимала у Ольги такую должность, которая приравнивала ее къ рабынѣ. Когда Добрыня сватаетъ своему племяннику (который былъ еще очень юнъ), Рогнѣду, дочь полоцкаго князя норманна Рогволода, Рогнѣда гордо отвѣчаетъ: «не хочу разути (т. е. снять сапоги, см. § 38) робичича (сына рабыни), но Ярополка хочу». Рогнѣда считаетъ крайнимъ униженіемъ для себя принять предложеніе Владиміра изъ-за его происхожденія, но за брата Владиміра, Ярополка, охотно готова выйти замужъ. Вѣроятно, и отецъ и братья Владиміра относились къ нему съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и Рогнѣда. Когда въ 970 г. братья Владиміра Ярополкъ и Олегъ отказались идти къ новгородцамъ въ князья, вѣроятно, по совѣту отца, новгородцы, по совѣту Добрыни, просили Святослава отпустить къ нимъ Владиміра (которому въ то время могло быть 8—9 лѣтъ). Святославъ согласился, со словами: «вотъ онъ вамъ»! Въ этихъ словахъ чувствуется тонъ нѣкотораго пренебреженія.

Окруженный атмосферой пренебреженія со стороны гордыхъ властителей норманнскаго происхожденія, отталкиваемый ими, Владиміръ долженъ былъ испытывать много страданій и горечи. Въ душѣ его должно было скопляться въ свою очередь озлобленіе противъ варяговъ. Въ лѣтописи сохранились любопытные слѣды такого озлобленія. Когда Влади-

миръ завладѣлъ Кіевомъ и сталъ великимъ кіевскимъ княземъ, варяги - дружинники потребовали у Владимира по двѣ гривны съ каждаго кіевлянина, въ награду за помощь. Владимиръ (точнѣе Добрыня, руководившій имъ) попросилъ ихъ подождать нѣсколько. Мѣсяцъ ждали варяги. Тѣмъ временемъ Владимиръ выдѣлилъ изъ варяжской дружины, по свидѣтельству лѣтописи, «мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ» и роздалъ имъ въ управленіе города. Варяжская дружина лишилась такимъ образомъ лучшихъ своихъ предводителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Владимиръ, вѣроятно, усилилъ свою дружину славянскими элементами. Увидѣли варяги, что не получить имъ уплаты и попросили Владимира дать имъ открытые листы для отъѣзда въ Грецію. Владимиръ согласился. Передъ тѣмъ, какъ отпустить ихъ, Владимиръ послалъ къ греческому царю пословъ съ слѣдующимъ предостереженіемъ: «Вотъ идутъ къ тебѣ варяги; не держи ихъ у себя въ столицѣ, такъ какъ они причинятъ тебѣ зло, какъ и у меня, но разошли ихъ по разнымъ городамъ и назадъ ко мнѣ не отпускай никого». Другой фактъ недоброжелательнаго отношенія Владимира съ варягамъ отмѣченъ лѣтописью тремя годами позже (983 г.). Когда Владимиръ вернулся изъ побѣдоноснаго похода на ятвяговъ, рѣшено было возблагодарить боговъ за побѣду человѣческой жертвой, и жребій палъ на сына одного варяга.

Если Владимиръ былъ враждебно настроенъ противъ варяговъ, то къ славянской массѣ населенія онъ долженъ былъ относиться иначе: съ нею его связывало происхожденіе по матери и сходство положенія: властители норманны съ пренебреженіемъ относились ко всему славянскому населенію, какъ къ побѣжденной ими массѣ, и къ Владимиру. Поддержку себѣ Владимиръ могъ найти именно въ этой массѣ, и одинъ изъ ея представителей, его дядя Добрыня, дѣйствительно оказывалъ ему энергичную поддержку: подъ вліяніемъ Добрыни новгородцы выбираютъ себѣ княземъ Владимира. Между Владимиромъ и славянскимъ населеніемъ существуетъ тѣсная связь по происхожденію и солидарность интересовъ. Владимиръ—первый русскій князь, установившій связь между княжескою властью и славянскимъ населеніемъ, это князь національно-русскій, не смотрящій на славянское населеніе только, какъ на источникъ для собиранія дани, захвата рабовъ и т. д. Внѣш-

нимъ выраженіемъ солидарности между княземъ Владиміромъ и славянскимъ населеніемъ послужилъ актъ признанія культа русскихъ славянъ язычниковъ оффиціально-правительственнымъ: Владиміръ (конечно, по совѣту Добрыни) украсилъ холмъ въ Кіевѣ, находившійся внѣ двора теремнаго, идолами русско-славянскихъ боговъ—Перуна, Хорса (Дажь-бога), Стрибога и др. То же самое сдѣлалъ Добрыня въ Новгородѣ. Эти дѣйствія Владиміра должны были ярко подчеркнуть передъ славянскимъ населеніемъ преимущество, отдаваемое ему передъ варягами-норманами съ ихъ двумя религіозными культами—скандинавскимъ язычествомъ и христіанствомъ.

Военные походы, предпринимавшіеся Владиміромъ, отличаются отъ походовъ его предшественниковъ, особенно отца его: его предшественники совершали походы, обыкновенно, съ цѣлью набрать добычу; Владиміръ уже предпринимаетъ походы, имѣющіе государственныя цѣли,—походы для защиты своего отечества отъ нападеній кочевниковъ; онъ строитъ по южной границѣ Кіевской области рядъ городовъ, крѣпостей, колонизируетъ мѣстности, прилегающія къ нимъ, новгородскими славянами, кривичами, вятичами, чудью и т. д.

Чтобы сдѣлать свое государство могучимъ и сильнымъ государствомъ, Владиміръ совершаетъ крупную внутреннюю реформу: онъ вмѣстѣ съ народомъ принимаетъ отъ грековъ христіанство, обставивъ это принятіе удачнымъ походомъ на греческую колонію Корсунь и бракомъ съ греческой царевной, т. е. родствомъ съ могущественнѣйшимъ и культурнѣйшимъ властителемъ въ Европѣ. Замѣчательно, что Владиміръ, по свидѣтельству лѣтописи, не захотѣлъ принять христіанство отъ западно-европейскихъ миссіонеровъ. Помимо другихъ причинъ, указанныхъ выше, этотъ фактъ можетъ быть объясненъ отчасти и тѣмъ, что христіанство по латинскому обряду исповѣдывалось къ этому времени большинствомъ варяговъ, и Владиміръ въ силу своихъ отношеній къ варягамъ не могъ навязывать народу ту форму христіанской религіи, которая позже получаетъ у насъ названіе «варяжской».

Будучи человѣкомъ съ крупнымъ государственнымъ умомъ, Владиміръ въ то же время привлекалъ къ себѣ народныя симпатіи и личными чертами своими. Лѣтописныя преданія повѣствуютъ о необыкновенномъ гостепріимствѣ Владиміра.

объ его пирахъ. Однажды дружина стала роптать на то, что ей приходится ѣсть деревянными ложками, а не серебряными. Услышавъ объ этомъ, Владиміръ немедленно распорядился приготовить для дружины серебряныя ложки. Отмѣчаетъ лѣтопись и другую черту его—проникновеніе началами христіанскаго ученія, доходившее до того, что казнь разбойниковъ казалась ему грѣхомъ. Вторая половина княженія Владиміра, по свидѣтельству лѣтописи, прошла въ мирѣ «со всѣми окольными» и въ заботахъ «о строеньи земленѣемъ (земскомъ, народномъ) и о ратехъ и уставѣ земленѣемъ».

Таковъ былъ по лѣтописи этотъ замѣчательный русскій князь.

188. Владиміръ по былинамъ. Въ былинахъ образъ Владиміра сохранилъ немногія историческія черты. Владиміръ, или, по произношенію пѣвцовъ, Володиміръ Сеславичъ (очевидно, испорченное Святославичъ) -великій стольно-кіевскій князь. Его имя сопровождается эпитетами—«Красное Солнышко», «свѣтлый», «пресвѣтлый», «славный», «ласковый», «грозный». Въ Кіевъ стекаются на службу со всѣхъ концовъ русской земли (изъ Мурома, Ростова, Рязани, Волынца-Галича) сильные, могучіе богатыри. Всѣ эти черты, съ которыми выступаетъ въ былинахъ Владиміръ, вполнѣ согласны съ лѣтописью. Но кромѣ этихъ чертъ былины приписываютъ Владиміру и такія, которыя или не гармонируютъ съ историческимъ образомъ этого князя, или оказываются отрицательными. *Во-первыхъ*, Владиміръ самъ не участвуетъ въ походахъ и большею частью не выѣзжаетъ изъ Кіева. *Во-вторыхъ*, Владиміръ поразительно трусливъ; его трусость обнаруживается при каждомъ столкновеніи съ врагами: узнавъ, что къ Кіеву подступилъ съ войскомъ Калинъ-царь, онъ начинаетъ «ронять горючія слезы» и «утираться шелковымъ платкомъ»: онъ жалуется, что некому постоять за вѣру, за отечество, за церкви Божіи, за Кіевъ-градъ, некому сберечь князя Владиміра и его супруги Опраксы Королевичной; при наѣздѣ Идолища на Кіевъ Владиміръ «убоялся»: когда наѣзжаетъ заморскій богатырь Соловниковъ, Владиміръ кричитъ со страху. *Въ-третьихъ*, Владиміръ проявляетъ въ отношеніи къ своимъ богатырямъ країнюю неблагодар-

ность или недоброжелательство. Илья Муромецъ, напр., жалуется на то, что служилъ Владимиру тридцать лѣтъ, а «не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго, привѣтливаго, хлѣба-соли мягкія». Приказавъ Добрынѣ Никитичу освободить Забаву, дочь Путятичну изъ «пещерушки змѣиной». Владимиръ угрожаетъ срубить ему голову, если онъ не выполнитъ этого порученія. По простому наговору Владимиръ сажаетъ Добрыню въ тюрьму, а потомъ, чтобы сгубить его, отправляетъ въ поганую Литву выправлять дани за двѣнадцать лѣтъ; во время отсутствія Добрыни сватаетъ его жену за Алешу Поповича. Деспотизмъ и самодурство Владимира доводятъ нѣкоторыхъ богатырей до гибели: Владимиръ не вѣритъ богатырю Сухману, что онъ побѣдилъ татарское войско и сажаетъ его за это въ погребъ; богатыръ такъ оскорбился этимъ поступкомъ Владимира, что сорвалъ «маковые листочки» со своихъ кровавыхъ ранъ и истекъ кровью. Пренебрежительно относится Владимиръ и къ Ильѣ: за великіе подвиги онъ награждаетъ Илью куньей шубой, а другихъ богатырей, меньше Ильи отличившихся, награждаетъ городами съ пригородами; Илья выражаетъ пренебреженіе къ подарку; тогда Владимиръ велитъ своимъ слугалъ «повести Илью на горы высокія, бросить въ погреба глубокіе, задернуть рѣшетками желѣзными, завалить чащей, хрящемъ-камнемъ». *Въ - четвертыхъ*, Владимиръ жаденъ. Эта черта проявляется въ отношеніи къ богатствамъ Соловья-разбойника, которыя онъ хочетъ захватить; но Илья не даетъ ему ихъ и оставляетъ дѣтямъ Соловья, чтобы было имъ чѣмъ пропитаться до смерти и не ходить скитаться по міру. *Въ-пятыхъ*. Владимиръ, при наступленіи какой - нибудь бѣды, униженно проситъ богатырей, чаще всего Илью, заступиться за него и спасти его. *Въ - шестыхъ*, Владимиръ — большой охотникъ до чужихъ женъ и вообще до женщинъ.

Эти несимпатичныя черты Владимира сильно возбуждаютъ противъ него богатырей: они нерѣдко ругаютъ князя въ глаза собакой, дуракомъ, воромъ; рѣшаются не служить ему больше; указываютъ ему, что, если бы не они, то не быть ему княземъ въ Кіевѣ.

Измѣненіе историческаго Владимира въ образъ эпическаго Владимира съ цѣлымъ рядомъ отрицательныхъ чертъ имѣло свои причины, историческаго и литературнаго характера.

Представленіе о бездѣятельности Владимира могло быть создано слѣдующими фактами: *во-первыхъ*, пока Владимиръ былъ юнъ, за Владимира и отъ его имени дѣйствовалъ его дядя Добрыня, вѣроятно, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ помощниковъ; *во-вторыхъ*, изъ лѣтописи не видно, поскольку предпріятія Владимира, пришедшаго уже въ зрѣлый возрастъ, обязаны были активности и иниціативѣ самого князя и поскольку вліянію его дружинниковъ; если принять во вниманіе сообщенія лѣтописи о совѣтѣ съ дружиной и національно-славянскій характеръ правленія Владимира, то придется придти къ заключенію, что всякое предпріятіе свое Владимиръ исполнялъ или по указаніямъ дружинниковъ или послѣ совѣта съ ними; *въ-третьихъ*, вторая половина княженія Владимира протекла въ мирѣ съ сосѣдями; шумныхъ воинственныхъ предпріятій не было; Владимиръ занятъ былъ заботами о мирномъ внутреннемъ развитіи государства. Уже однихъ этихъ причинъ достаточно было для того, чтобы въ воображеніи дружинныхъ пѣвцовъ, выше всего ставившихъ «буесть» и особенно личные военные подвиги и отожествлявшихъ дѣятельность съ борьбой,—чтобы Владимиръ отразился, какъ человѣкъ бездѣятельный.

Но къ этимъ основнымъ причинамъ присоединился еще рядъ другихъ: *во-первыхъ*, въ слѣдующія эпохи наши князья, а затѣмъ цари большею частью никакихъ подвиговъ не совершаютъ; они большею частью только распоряжаются, а окружающія лица уже исполняютъ эти распоряженія; представленія объ этихъ позднѣйшихъ князьяхъ и царяхъ могли быть перенесены пѣвцами на образъ Владимира; *во-вторыхъ*, на образъ Владимира въ этомъ смыслѣ могли повліять образы царей тюрко-монгольскихъ, а также образы царей восточныхъ эпосовъ, какъ, напр., образъ Кейкауса, эпическаго центра Иранскаго эпоса; наконецъ, *въ-третьихъ*, на исчезновеніе въ образѣ Владимира активности могъ повліять литературный процессъ циклизаціи эпическихъ пѣсенъ: по мѣрѣ того, какъ пѣсни о богатыряхъ группируются около имени Владимира, образъ Владимира долженъ былъ становиться образомъ ласковаго князя, задающаго пиры богатырямъ; на богатырей мало-по-малу должны были переноситься подвиги, которые первоначально, можетъ быть, приписывались и самому Владимиру, потому что, если Владимиръ располагаетъ

многочисленнымъ штатомъ могучихъ богатырей, для чего ему самому совершать дѣла, которыя можно поручить имъ?

Нетрудно объяснить появленіе въ эпосѣ и другихъ несимпатичныхъ чертъ Владимира. Неблагодарность, несправедливость и жестокость, какъ отличительныя черты Владимира могли возникнуть подъ вліяніемъ того, что дѣятельность Владимира, въ различныхъ классахъ населенія и въ различныхъ областяхъ Кіевской Руси должна была различно оцѣниваться, восприниматься и освѣщаться: для однѣхъ группъ населенія и частей государства дѣятельность Владимира была выгодна, полезна и потому личность Владимира надѣлялась наилучшими чертами; для другихъ группъ населенія или другихъ частей государства дѣятельность Владимира была вредна, и потому личности Владимира приписывали отрицательныя черты. Какъ, напр., должны были смотрѣть на Владимира тѣ варяги, которые помогли ему овладѣть Кіевомъ, и которыхъ Владимиръ не только не возблагодарилъ, какъ они хотѣли, но даже, можетъ быть, и погубилъ, предостерегши противъ нихъ византійскаго императора? Очевидно, въ ихъ памяти образъ Владимира долженъ былъ сохраниться, какъ образъ князя неблагодарнаго, скупого и коварнаго. Но зато кіевляне должны были прославлять Владимира, который не захотѣлъ наложить на нихъ тяжелую контрибуцію въ пользу варяжской дружины. Какъ должны были относиться къ Владимиру высшіе норманнскіе круги города Полоцка, князя котораго Рогволода онъ убилъ, а дочь его насильно взялъ въ жены, а потомъ всячески унижалъ ее? Несомнѣнно, какъ къ жестокому деспоту. Но зато славянская часть того же города должна была прославлять Владимира, какъ освободителя ихъ отъ норманнскаго тирана.

О женолюбіи Владимира говоритъ уже лѣтопись. Именно, она сообщаетъ, что Владимиръ, будучи язычникомъ, имѣлъ 800 женъ. По всей вѣроятности, это были плѣнницы, захваченныя во время походовъ. Изъ нихъ Владимиръ выбиралъ себѣ женъ, согласно патріархально-родовымъ обычаямъ. Возможно, что и въ періодъ своей христіанской жизни Владимиръ не могъ совершенно отрѣшиться отъ старыхъ привычекъ. Такимъ образомъ, и эта черта можетъ быть объяснена исторически. Возможно также, что на детали въ обрисовкѣ

этой черты Владимира повліяли сказанія объ отношеніяхъ къ женщинамъ Давида и Соломона.

189. Главные богатыри, служащіе Владимиру. Къ главнымъ богатырямъ, служащимъ Владимиру, относятся Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ.

Добрыня Никитичъ.

190. Сюжеты, связанные съ именемъ Добрыни Никитича. Добрыня Никитичъ — одинъ изъ главныхъ богатырей кіевскаго цикла былинъ. Съ его именемъ связаны слѣдующіе сюжеты: 1) Добрыня и Скименъ-звѣрь, 2) Добрыня и Марина, 3) Добрыня и Змѣй, 4) Участіе Добрыни въ добываніи Владимиру невѣсты, 5) Добрыня и поленица Настасья Микулишна, 6) Добрыня и Алеша Поповичъ.

191. Добрыня и Скимень-звѣрь. Далече во чистомъ полѣ выбѣгало стадечко звѣриное, а передъ нимъ собака лютый Скименъ-звѣрь (Скиперъ-звѣрь). На Скименъ-звѣрѣ шерсточка булатная, уши, что востро копье. Прибѣжалъ Скименъ-звѣрь къ Нѣпру-рѣкѣ, останавливается на крутомъ берегу, кричитъ по гусиному, шипитъ по змѣиному. Съ крутыхъ береговъ песочекъ пріусыпался, въ Днѣпрѣ-рѣкѣ вода съ пескомъ смутилась, бѣлая рыбушка внизъ ушла. Зачуялъ Скименъ-звѣрь нарожденьице: народился на святой Руси молодешенекъ Добрыня сынъ Никитиничъ.

192. Добрыня и Марина. Три года Добрыня стольничалъ при дворѣ Владимира, три года чашничалъ, три года у воротъ простоялъ, а на десятый рѣшилъ погулять на свободѣ. Родная мать его честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна наказываетъ ему, чтобы онъ, гуляя по Кіеву, не заходилъ въ татарскую слободушку, на ту улицу, гдѣ живетъ чародѣйница Маринка: Маринка уже извела нѣсколько могучихъ богатырей, изведетъ и Добрыню. Забылъ Добрыня завѣтъ матери: зашелъ въ татарскую слободу, чтобы посмотрѣть на маринкины палаты бѣлокаменныя. У палаты—палатка полотняна, и сидятъ въ ней Марина съ Тугариномъ-Змѣевичемъ (Горынищемъ), цѣлуются и нѣжатся. Не слюбилось это Добрынѣ: снялъ онъ съ себя свой разрывчатый тугой лукъ и пускаетъ стрѣлу каленую въ палатку. Стрѣла попадаетъ въ Тугарина и убиваетъ его. (По нѣкоторымъ бы-

тинамъ Добрыня перебиваетъ сначала всѣхъ татаръ въ слободѣ и затѣмъ уже принимается за Тугарина). Марина лишившись своего любовника, предлагаетъ себя замужъ Добрынѣ. Добрыня отказывается и уходитъ. Марина, беретъ булатный ножъ и начинаетъ рѣзать Добрынины слѣды, приговаривая: «Горите вы, слѣдочки да Добрынины, въ той было во печки муравленой, гори-тко во Добрынюшкѣ по мнѣ душа!» Подъ вліяніемъ заговора Марины Добрыня возвращается и выражаетъ согласіе жениться на ней. Марина превращаетъ Добрыню въ златорогаго тура и выпускаетъ его въ чистое поле. Выйдя въ поле, златорогій туръ увидѣлъ гусиное стадо своей матери, направился къ нему и притоптала всѣхъ гусей до единаго: то же самое онъ сдѣлалъ съ лебединымъ стадомъ, овечьимъ, съ рогатымъ скотомъ, съ коннымъ табуномъ. Мамелфа Тимоѳеевна поняла, что златорогій туръ—это ея сынъ Добрыня. Оборачивается она сорокой, летитъ къ Маринѣ и требуетъ, чтобы Марина «отворотила» Добрынюшку отъ златорогаго тура, угрожая въ противномъ случаѣ обратить Марину въ сороку и пустить ее въ поле. Марина пугается угрозы, оборачивается сама сорокой, летитъ въ поле, садится на рога златорогаго тура и обѣщаетъ Добрынѣ вернуть ему прежній видъ, если онъ дастъ обѣщаніе жениться на ней. Добрыня соглашается. Марина возвращаетъ Добрынѣ человѣческій образъ. Повѣнчались Добрыня и Марина по старинному—Добрыня обвелъ Марину три раза вокругъ ракитоваго куста. Послѣ этого Добрыня вынимаетъ свою саблю острую, отрубаетъ Маринѣ сначала ноги, потомъ руки и, наконецъ, голову за ея поступки «неумильніи» (т. е. не показывающія умѣнія вести себя).

Имя любовницы Змѣя Марина—позднѣйшаго происхожденія, именно Марина Мнишекъ, знаменитая жена Лжедмитрія I (начала XVII в.), которая приравнена была народной молвой къ чародѣйкамъ. Имя Марина, очевидно, вытѣснило изъ былины болѣе древнее имя, вѣроятно, половецкое.

Изложенная былина любопытна по тѣмъ бытовымъ отношеніямъ древности, которыя она отражаетъ. Добрыня убиваетъ (по нѣкоторымъ былинамъ—случайно) милаго Марины-иноземки (степнячка); Марина мститъ Добрынѣ, прибѣгая къ тому виду внушенія, который въ древности назывался чародѣйствомъ, и заставляя Добрыню влюбиться въ нее. Затѣмъ

Добрыня освобождается отъ гипноза и убиваетъ Марину. Такія отношенія могли возникать очень часто.

193. Добрыня и змѣй. Съ предыдущей былиной находится въ нѣкоторой связи былина, изображающая бой Добрыни со Змѣемъ. Говорила матушка Мамелфа Тимоѳеевна Добрынѣ: «Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле на тую гору Сорочинскую, топтать то молодыхъ змѣенышей, выручать-то полоновъ русскіихъ. Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ, Пучай-рѣка есть свирѣпая: средняя струйка, какъ огонь, сѣчетъ». Добрыня не послушался матушки, осѣдлалъ коня, отправился къ горамъ высокимъ, потопталъ молодыхъ змѣенышей и повыручилъ полоновъ русскихъ. На возвратномъ пути Добрыня почувствовалъ жажду; было жарко. Направилъ Добрыня коня къ Пучай-рѣкѣ. Снялъ онъ себя цвѣтное платье и бросился въ рѣку. Онъ забрелъ за струечку первую и среднюю. Вдругъ летитъ Змѣище-Горынчище о двѣнадцати хоботахъ, хочетъ Добрыню въ конецъ сжечь: «Теперича, — кричитъ Змѣй, — Добрыня въ моихъ рукахъ, захочу — Добрыню теперь потоплю, захочу — Добрыню въ хобота возьму, въ хобота возьму и въ нору снесу, захочу — Добрыню съѣмъ-сожру». Добрыня былъ гораздъ плавать. Нырнулъ онъ на бережекъ тамошній, нырнулъ на бережекъ здѣшній: нѣтъ у Добрыни ни добраго коня, ни платьевъ цвѣтныхъ, ни меча бурзамецкаго. Выскочилъ Добрыня на берегъ и нагребъ въ свою шляпу песку желтаго. Налетаетъ на Добрыню Змѣй. Добрыня хватаетъ въ Змѣя своей шляпой и отшибаетъ ей всѣ двѣнадцать хоботовъ. Упалъ Змѣй на ковыль-траву. Добрыня вскочилъ на бѣлыя груди Змѣя, снимаетъ съ себя привязанный къ кресту ножъ булатный и собирается прикончить съ Змѣемъ. Змѣй взмолился Добрынѣ: «Мы положимъ заповѣдь великую: чтобы не летать мнѣ на святую Русь, не носить людей больше русскіихъ, а тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле, не топтать ти молодыхъ змѣенышевъ не выручать полоновъ русскіихъ». Согласился Добрыня и отпустилъ Змѣя.

Между тѣмъ Змѣй, проносясь черезъ Кіевъ-градъ увидѣлъ племянницу Владимира молодую Забаву дочь Путятичну, схватилъ ее и унесъ въ нору во глубокую. Опечалился Владиміръ, не знаетъ, какъ освободить свою племянницу. Алеша Поповичъ совѣтуетъ Владиміру поручить это

дѣло Добрынѣ, такъ какъ между Добрыней и Змѣемъ положена заповѣдь великая. Владиміръ согласился и накинулъ эту службу великую на Добрыню.

Невеселъ вернулся Добрыня изъ дворца Владиміра домой. Матушка утѣшаетъ его и даетъ ему совѣты, какъ перебивать змѣенышей. Добрыня отправился на горы Сорочинскія и притопталъ всѣхъ змѣенышей до единаго. Выходитъ изъ норы глубокой Змѣй и укоряетъ Добрыню за нарушеніе заповѣди. Добрыня въ свою очередь укоряетъ Змѣя за похищеніе Забавы Путятичны и требуетъ ея возвращенія безъ драки-кровопролитія. Змѣй отказывается. Завязывается бой, который продолжается трое сутокъ. Добрыня не можетъ справится со змѣемъ и уже хочетъ отказаться отъ дальнѣйшаго боя. Въ это время съ неба раздался голосъ, который совѣтуетъ Добрынѣ держаться еще три часа. Черезъ три часа Добрыня убилъ Змѣя. Изъ Змѣя потокъ крови пошелъ. Трои сутокъ стоялъ Добрыня у этого потока: потокъ не уменьшается. Добрыня хочетъ отстать отъ него. Голосъ съ неба совѣтуетъ Добрынѣ еще три часа прождать, ударить копьемъ въ землю, приговаривая: «Разступись-ка, матушка сыра-земля! На четыре разступись на четверти, пожри-ка всю кровь змѣиную». Добрыня такъ и сдѣлалъ. Змѣиная кровь исчезла. Тогда Добрыня опустился въ нору глубокую. Здѣсь онъ нашелъ множество плѣнниковъ: сорокъ тысячъ силы, сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей, а простой силы безъ числа. Отпустилъ Добрыня всѣхъ этихъ плѣнниковъ на четыре стороны, а самъ беретъ Забаву Путятичну и отправляется назадъ.

Въ борьбѣ Добрыни съ Змѣемъ-Горынищемъ и его змѣенышами изображаются столкновенія, мирные договоры и ихъ нарушеніе между русскими и степняками. Имя «Змѣй» олицетворяетъ врага, вражескую силу; прозвище «Горынищъ» указываетъ на связь родины или столицы степняковъ съ горной страной.

На обработку былины о борьбѣ Добрыни со Змѣемъ должны были повліять духовные стихи о св. Егоріи и Ѳедорѣ Тиронѣ (см. «Курсъ», Ч. I, кн. 2-ая).

194. Добрыня участвуетъ въ добываніи Владиміру невѣсты. У князя Владиміра пиръ для князей, бояръ, могучихъ богатырей, купцовъ торговыхъ и мужиковъ

деревенскихъ. Въ разгаръ веселья Владиміръ обращается къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «Ай вы всѣ князи-бояра, всѣ могучіи богатыри, всѣ купцы торговые, всѣ мужики деревенскіе! Всѣ на пиру поженены, одинъ я князь не женатый есть. Знаете ль вы про меня княгиню супротивную, чтобы ростомъ была высокая, станомъ она была становитая, и на лицо она красовитая, походка у ней часта и рѣчь баска; было бы мнѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть, дума думати, долгіе вѣки коротати и всѣмъ вамъ князьямъ, всѣмъ боярамъ, всѣмъ могучіимъ богатырямъ, всѣмъ купцамъ торговымъ, всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ и всему красному Кіеву было бы кому поклонятися»? Всѣ на пиру пріумолкли. Отвѣта нѣтъ. Выходитъ изъ-за стола дубоваго удалый добрый молодецъ Дунай Ивановичъ. Онъ говоритъ Владиміру, что знаетъ для него княгиню супротивную: у короля Литовской земли есть двѣ дочери на выданіи: старшая, Настасья королевична, все полякуетъ (ѣздитъ по степи), а меньшая, Опракса королевична, при домѣ живетъ: она то и подходитъ къ желаніямъ Владиміра. Владиміръ, услышавъ отвѣтъ Дуная, велитъ ему взять сорокъ тысячъ силы, десять тысячъ казны и поѣхать въ Литовскую землю сватать Опраксу; если король не согласится отдать ее добровольно, то взять ее силой. Дунай отказывается отъ силы въ сорокъ тысячъ и отъ казны и проситъ дать ему въ товарищи Добрыню. Владиміръ согласился.

Дунай и Добрыня пріѣзжаютъ въ Литовскую землю и останавливаются во дворѣ королевскаго дворца. Дунай проситъ Добрыню остаться при коняхъ и зорко слѣдить за дворцомъ, а самъ отправляется въ палату княженецкую. Король литовскій ласково принимаетъ Дуная, который раньше служилъ у него и былъ вѣрнымъ ему слугой. Онъ сажаетъ Дуная за большой столъ, на большее мѣсто и угощаетъ. Во время ѣды король спрашиваетъ Дуная, куда онъ путь держитъ. Дунай объяснилъ королю, что онъ пріѣхалъ къ нему съ цѣлью сватать его младшую дочь Опраксу за Владиміра. Не слюбилися королю эти рѣчи: «Ай же ты, Дунай сынъ Ивановичъ! Не за свое дѣло взялся—за бездѣльице: меньшую дочь ты просватываешь, а большую дочь чѣмъ засадилъ?» Король приказываетъ слугамъ схватить Дуная за бѣлыя руки, свести его въ глубокъ погребъ, запереть рѣшетками желѣзны-

ми, задвинуть досками дубовыми, засыпать песками рудожелтыми. Дунай вскочилъ на рѣзвыя ноги, поднялъ сначала руки выше своей буйной головы, чтобы попугать слугъ, и оперся на свои руки о дубовый столъ: дубовые столы «роскрятались», питья на столахъ проливалися, вся посуда разсыпалась. Всѣ «татаровья» испужалися. Въ это время прибѣгаютъ съ королевскаго двора вѣрные слуги съ докладомъ, что на дворѣ находится дѣтина: въ лѣвой рукѣ у него два повода добрыхъ коней, а въ правой—дубина сарацинская: онъ дубиной размахиваетъ то всѣ стороны и перебилъ всѣхъ татаръ до единаго, не оставилъ татаръ на сѣмена. Король литовскій испугался. Онъ проситъ Дуная вспомнить старую хлѣбъ-соль, оставить татаръ на сѣмена и обѣщаетъ отдать Опраксу за Владимира.

Дунай и Добрыня берутъ Опраксу и отправляются назадъ въ Кіевъ.

Въ основу этой былины, повидимому, легло событіе отмѣченное лѣтописью подъ 980 г., именно сватовство Владиміромъ дочери Рогволода Полоцкаго Рогнѣды. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, подъ 1128 г., это событіе излагается такъ: «О сихъ же Всеславичахъ (полоцкихъ) сице есть, яко сказаша вѣдущіе (т. е. знающіе пѣвцы) прежде: яко Роговолоду держащю и княжащю Полотьскую землю, а Володимиру сущю Новѣгородѣ дѣтьску сущю, еще и погану и бѣ у него (уй его, т. е. дядя) Добрыня воевода и храборъ, и наряденъ мужъ: и сь посла къ Роговолоду и проси у него дщере (его) за Володимера. Онъ же рече дщери своей: «хощешь ли за Володимеръ»? Она же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю»; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, еже рече: «не хочю я за робичича»; пожалися Добрыня и исполнися ярости, и поемша вои (и) идоста Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Роговолодъ же вбѣже въ городъ, и приступивше къ городу и взяша городъ, и самого (князя Роговолода) яша, и жену его, и дщерь его; и Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ ей рабичица, и повелѣ Володимеру быти съ нею передъ отцемъ ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава».

Между былиной и этимъ лѣтописнымъ преданіемъ есть.

при различіи ихъ, значительное сходство: во-первыхъ, дѣйствіе происходитъ въ землѣ находящейся на западѣ, по лѣтописи въ Полоцкой области, по былинѣ въ землѣ Литовской; во-вторыхъ, на сватовство невѣсты получается отказъ; невѣста добывается насиліемъ, причемъ главную роль играетъ Добрыня, по лѣтописи разбившій Рогволода и овладѣвшій Полоцкомъ, а по былинѣ перебившій всѣхъ татаръ до единаго.

195. Добрыня и поленица-женщина. Ѣдетъ Добрыня и нагоняетъ поленицу, женщину великую. Ударилъ ее Добрыня своею полицей булатной въ буйную голову. Поленица даже не оглянулась и продолжала свой путь. Добрыня ужаснулся. Подъѣзжаетъ онъ къ сырому дубу толщиною въ шесть саженъ и ударяетъ въ него палицей: весь дубъ разлетѣлся по «ластиньямъ». Говоритъ Добрыня самому себѣ: «Силы у Добрыни есть по старому, а смѣлость у Добрыни не по старому». Добрыня отправляется опять въ погоню за поленицей и снова ударяетъ ее по головѣ. Поленица не почувствовала удара. Только, когда Добрыня, собравшись со всей силой ударилъ ее въ третій разъ, поленица оглянулась и замѣтила: «Я думала, комарики покусываютъ, ажно русскій могучій богатырь пощелкиваетъ». Схватила поленица Добрыню за желтые кудри, посадила его во глубокъ карманъ и отправилась дальше. Черезъ три дня конь взмолился своей госпожѣ, чтобы она освободила его отъ обязанности возить двухъ богатырей: «Не могу везти да двухъ богатырей: силою богатырь супротивъ тебя, смѣлостью богатырь да вдвоемъ тебя». Поленица, Настасья дочь Никулична, говоритъ: «Я повыздыну богатыря изъ карманчика: ежели богатырь онъ старый, я богатырю голову срублю; а ежели богатырь онъ младый, я богатыря въ полонъ возьму, а ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ, я теперь за богатыря замужъ пойду», а ежели богатырь не прилюбится, на ладонь кладу, другой прижму и въ овсяный блинъ его да сдѣлаю». Вынула Настасья Никулична Добрыню изъ кармана—Добрыня ей въ любовь пришелъ. Пріѣзжаютъ они въ Кіевъ и вѣнчаются. Заданъ былъ пиръ на три дня.

Встрѣча Добрыни съ богатырской женщиной (какъ и аналогичная встрѣча Ильи Муромца съ бабой Горынинкой), повидимому, является отголоскомъ древне-русскихъ отноше-

ній съ Кавказомъ. Поленица Настасья Никулична иноземка. Это видно изъ ея словъ, напоминающихъ слова Святогора Ильѣ: «думала-же русскіе комарики покусываютъ, ажно русскіе богатыри пощалкиваютъ». Въ кавказскихъ сказаніяхъ о нартахъ послѣднимъ приходится сталкиваться не только съ великанами мужчинами, называемыми эмегенами, но и съ великанами женщинами. Эмегены, мужчины и женщины, одарены гигантскимъ ростомъ и огромной физической силой; они людоѣды и живутъ въ пещерахъ. Повидимому, образы эмегеновъ—отголоски очень древняго быта эпохи охотничьяго періода и матріархата, когда часть женщинъ по образу жизни не отличалась отъ мужчинъ.

Въ одномъ сказаніи о нартахъ повѣствуется, какъ женился нартъ Алауганъ. Алауганъ, уже подъ старость, рѣшилъ поискать себѣ невѣсту. Онъ осѣдлалъ коня своего, Гемуду и выѣхалъ изъ нартовскихъ селеній. Послѣ долгой ѣзды Алауганъ замѣтилъ вдали черное пятно и направился къ нему. Подъѣхавъ ближе, Алауганъ съ ужасомъ увидѣлъ передъ собою громадную женщину эмегену съ откинутыми назадъ черезъ плечи грудями. Эта великанша чинила трещины на землѣ: у нея была игла величиною съ бревно, и нитка, величиною съ арканъ. Алауганъ понималъ, что броситься бѣжать безполезно: эмегена догонитъ его и съѣстъ; а подойти къ ней—страшно. И онъ рѣшился усыновить себя этой эмегенѣ (усыновленіе—священный обычай на Кавказѣ): онъ незамѣтно подошелъ сзади къ эмегенѣ и припалъ губами къ ея грудямъ. Эмегена обернулась и замѣтила: «ахъ, какъ жаль, что ты такъ скоро сдѣлался моимъ ребенкомъ; а то былъ бы для меня сладкимъ кусочкомъ...». Узнавъ отъ Алаугана, что онъ ищетъ себѣ невѣсту, эмегена обрадовалась и сказала ему, что у нея есть дочь-невѣста, которую она отдастъ ему въ жены. Алауганъ былъ пораженъ, но не осмѣлился сказать ни слова. Эмегена повела его къ громадной скалѣ, въ которой находилась большая пещера, заложенная тяжелымъ каменнымъ засовомъ. Эмегена открыла засовъ и съ Алауганомъ вошла въ пещеру. Они долго шли, то опускаясь, то поднимаясь. Наконецъ, вдали блеснулъ мерцающій огонекъ. Когда Алауганъ въ сопровожденіи своей названной матери приблизился къ огню, послышался голосъ: «слышу людской запахъ,— вотъ то будетъ славная закуска»!

Это была дочь эмегены такого же громаднаго роста, какъ и ея мать. Зубы ея были такъ велики, что нижніе клыки доходили до носу, а верхніе опускались ниже подбородка. Алаугану пришлось жениться на этой уродливой дѣвѣ. На другой день Алауганъ посадилъ свою жену на лошадь впереди, а самъ сѣлъ позади. Едва проѣхали нѣсколько шаговъ, какъ у лошади спина согнулась отъ тяжести, а животъ опустился почти до земли. Пришлось Алаугану слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ.

При всемъ различіи между русской былиной и кавказскимъ сказаніемъ, есть и существенное сходство: и тамъ и здѣсь фигурируютъ богатырь младшаго поколѣнія и великанша; и тамъ и здѣсь великанша безъ всякаго сравненія превосходитъ силы богатыря; въ кавказскомъ сказаніи богатырша—глупа, а нартъ хитеръ и уменъ, въ былинѣ—богатырь смѣлостью превосходитъ поленицу; и тамъ и здѣсь отношенія между богатыремъ и великаншей кончаются принудительнымъ бракомъ; и тамъ и здѣсь, наконецъ, конь сгибается подъ тяжестью великанши и богатыря.

196. Добрыня и Алеша Поповичъ. Будучи вынуждаемы часто отправляться въ походы, богатыри нерѣдко покидали свои дома на продолжительное время. О богатырѣ иногда терялись всякія свѣдѣнія, и возникали слухи объ его смерти. На почвѣ этого факта могли происходить событія, о которыхъ разсказываютъ былины о Добрынѣ и Алешѣ Поповичѣ.

Во дворцѣ у Владимира пиръ. Во время пира Владимиръ вызываетъ желающихъ сослужить ему службу дальнюю—съѣздить въ орды немирныя, очистить прямоѣзжія дороги до тестя любимаго, до грознаго короля Этмануйла Этмануйловича, вырубить чудь бѣлоглазую, укротить сорочину долгополую, черкесъ пятигорскихъ, калмыковъ съ татарами, чукчей, и алюторовъ. Никто не откликается на предложеніе Владимира: большой за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣтъ. Тогда изъ за стола княженецкаго, изъ за скамьи богатырской выступаетъ удалъ добрый молодецъ, молодой Добрыня Никитичъ младъ и говоритъ, что, такъ какъ охотниковъ принять предложеніе Владимира не находится, то поневолѣ приходится принять его ему. Владимиръ велитъ налить ему чару зелена вина въ

полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра; Добрыня выпиваетъ ихъ единымъ духомъ.

Говоритъ Добрыня своей матушкѣ: «Ахъ ты ой, сударыня родна матушка! Ты на что меня, Добрынюшку несчастнаго, спородила? Спородила бы, государыня родна матушка, ты бѣленькимъ горючимъ камешкомъ, завернула въ тонкій льняной во рукавичекъ спустила бы меня во сине море: я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ, я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю, я не убивалъ бы, Добрыня, неповинныхъ душъ, не пролилъ бы крови я напрасныя, не слезилъ Добрыня, отцовъ, матерей, не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ, не пускалъ сиротить малыхъ дѣтушекъ». Отвѣчаетъ ему матушка: «Я бы рада тебя, дитятко, спородити таланомъ-участью въ Илью Муромца, силой въ Святогора богатыря, смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича, красотой бы я въ Осипа прекраснаго, а походкою бы тебя щепливою (мелкой) во того Чурилу во Пленковича, я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича: сколько тыя статьи есть (т. е. сколько въ тебѣ его, вѣжества, есть, тѣмъ будь доволенъ), а другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ». Добрыня осѣдлалъ коня и готовится къ отъѣзду. Онъ прощается съ матушкой и съ женой Настасьей Никуличной. Онъ даетъ женѣ завѣтъ — ждать его шесть лѣтъ: если черезъ шесть лѣтъ онъ не вернется, значитъ его уже нѣтъ въ живыхъ. «А тебѣ, Настасья, воля вольная: хоть вдовой живи, хоть замужъ поди, хоть за князя поди, хоть за боярина, а хоть за русскаго могучаго богатыря; а только не ходи за моего брата, за названнаго, за смѣлаго за Алешу за Поповича».

Прошло шесть лѣтъ. Добрыни нѣтъ. Въ это время пріѣзжаетъ изъ чиста поля Алеша и привозитъ нерадостную вѣсточку: нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича; онъ лежитъ убитый въ чистомъ полѣ, буйная голова его испроломана, могучія плечи испростреляны, головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ. Матушка жалешенько плакала по своемъ роженомъ дитяткѣ, слезила очи ясныя, скорбила лицо бѣлое. А Владиміръ, Красное Солнышко сталъ похаживать и сватать Настасью Никуличну за Алешу Поповича. Настасья отклоняетъ это сватовство, говоря, что она исполнитъ свою заповѣдь женскую: она будетъ ждать Добрыню еще шесть лѣтъ. Проходитъ еще шесть лѣтъ Добрыни все еще нѣтъ.

Владимиръ возобновляетъ сватовство. Настасья, убѣжденная въ смерти мужа, выражаетъ согласіе. Насталъ свадебный день. Торжество справляется во дворцѣ Владимира.

Добрыня въ это время находился у Царьграда. Говоритъ Добрынѣ его добрый конь голосомъ человѣческимъ: «Ты эй, хозяинъ мой любимый! Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь: твоя молода Настасья свѣтъ Никулична замужъ пошла, за смѣлаго Алешу за Поповича; пиръ идетъ у нихъ по третій день: сегодня имъ идти ко Божьей церкви принимать съ Алешей по злату вѣнцу». Разгорячился Добрыня, беретъ плеточку шелкову и хлещетъ коня. Сталъ конь поскакивать съ горы на гору, съ холма на холмъ, рѣки и озера перескакивать, широкія раздолья между ногъ пущать.

Въѣзжаетъ Добрыня въ Кіевъ да прямо къ подворью вдовыному. Заѣзжаетъ онъ на дворъ «безсылочно», въ палаты идетъ «бездокладочно», не спрашивалъ у воротъ привротниковъ, у дверей не спрашивалъ придверниковъ—всѣхъ взашей прочь отталкивалъ. Входитъ Добрыня во вдовьиныя палаты, кладетъ крестъ по писанному, поклонъ кладетъ по ученому, а пречестной вдовѣ—въ особину. Вслѣдъ за нимъ прибѣгаютъ привротники и придверники, которые жалуются на наглость пріѣзжаго. Мамелфа Тимоѳеевна спрашиваетъ его, какъ онъ смѣлъ позволить себѣ войти безъ доклада, и сказала, что, если бы былъ живъ Добрыня, онъ отрубилъ бы ему буйную голову за его поступки неумильные. Пріѣзжій молодецъ объясняетъ вдовѣ, что онъ вчера поразъѣхался съ Добрыней, Добрыня поѣхалъ къ Царьграду, а самъ онъ къ Кіеву, что Добрыня наказывалъ ему спросить про Настасью Никуличну. Мамелфа Тимофеевна разсказываетъ ему о происшедшемъ. Пріѣзжій молодецъ, выслушавъ разсказъ, сказалъ, что Добрыня наказалъ ему, на случай, если онъ пойдетъ на пиръ, взять его платье скоморошеское и гусельки яровчаты (изъ явора). Мамелфа принесла ему скоморошеское платье и гусли Добрыни. Нарядился неузнанный Добрыня скоморохомъ и отправляется во дворецъ Владимира. Онъ молодецки отталкиваетъ привротниковъ и придверниковъ, входитъ въ палаты княжескія безобсылочно, бездокладочно и привѣтствуетъ князя съ княгиней. Владимиръ пораженъ безцеремоннымъ вторженіемъ скомороха и выражаетъ ему свое удивленіе. Скоморохъ, не отвѣчая на недоумѣніе Вла-

димира, спрашиваетъ у него, гдѣ тутъ мѣсто для скоморохов. Разсердился Владимиръ и сказалъ, что скоморошеское мѣсто находится на печкѣ на муравленой, на запечкѣ. Скоморохъ, ни слова не говоря, взобрался на указанное мѣсто, натянулъ шелковыя тетивочки на струночки золотыя и началъ по струночкамъ похаживать, голосомъ поваживать: играетъ въ Царьградѣ, а на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ (т. е. играетъ цареградскимъ напѣвомъ, а намеки дѣлаетъ на кіевскія событія). Всѣ за столомъ, отъ стараго до малаго, призамолкнули. Стали догадываться, что это не простой скоморохъ, а русскій удалой добрый молодецъ. Владимиръ за искусную игру приглашаетъ скомороха сойти съ печи и сѣсть вмѣстѣ со всѣми за столъ. Скоморохъ слѣзаетъ съ печи и садится противъ невѣсты. Онъ проситъ у Владимира позволенія налить чару зелена вина и преподнести ее, кому онъ пожелаетъ. Владимиръ позволяетъ. Скоморохъ наливаетъ чару зелена вина, незамѣтно опускаетъ туда свой золоченый перстень и подноситъ ее молодой со словами: «Молода Настасья, дочь Никулична! Прими сію чару единой рукой, да выпей-ко чару единымъ духомъ: буде пьешь до дна, такъ видаешь добра, а не пьешь до дна — не видаешь добра». Выпиваетъ Настасья чару единымъ духомъ и видитъ— на днѣ перстень, которымъ она съ Добрыней обручалась. Догадалась Настасья, что скоморохъ— ея мужъ. Она заявляетъ Владиміру, что ея мужъ не тотъ, который сидитъ подлѣ нея, а тотъ кто противъ нея. Она выскочила изъ-за дубоваго стола, упала передъ Добрыней на рѣзвыя ноги и и стала просить прощенія за то, что согласилась идти замужъ за Алешу. Добрыня простилъ, на томъ основаніи, что у женщинъ волосъ долгъ, да умъ коротокъ: куда ведутъ ихъ, онѣ туда идутъ. Но Добрыня выражаетъ удивленіе Владиміру съ княгиней, что они сосватали его жену при его жизни. «Тутъ Солнышку Владиміру къ стыду пришло». Проситъ прощенья и Алеша за то, что посидѣлъ рядомъ съ его женой. Добрыня прощаетъ ему это, но не прощаетъ за ложную вѣсть, которую Алеша привезъ. Онъ схватываетъ Алешу за желтыя кудри, выдергиваетъ его изъ-за дубоваго стола и бросаетъ о кирпичепъ полъ. Отъ дальнѣйшей расправы Алешу спасаетъ Илья Муроменъ, который останавливаетъ Добрыню. Добрыня беретъ Настасью за бѣлыя руки,

цѣлуетъ въ уста сахарныя и идетъ съ ней домой. «Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимофеевна: красное солнышко поросцекло, и свѣтелъ мѣсяцъ порозсвѣтилъ».

197. Происхожденіе образа Добрыни. Былинный Добрыня, при сравненіи съ лѣтописнымъ Добрыней, дядей Владимира, кажется не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго. Въ то время, какъ лѣтописному Добрынѣ принадлежитъ едва ли не руководящее значеніе до вступленія Владимира на престолъ Кіевскій и долгое время спустя послѣ этого, Добрыня былинный занимаетъ при дворѣ Владимира второстепенную роль. Мало того, былинный Добрыня жалуется матушкѣ на свою судьбу: онъ жалѣетъ о томъ, что мать не родила его горючимъ камешкомъ, что она не бросила этотъ камешекъ на дно синяго моря, гдѣ онъ лежалъ бы спокойно и былъ бы избавленъ отъ необходимости ѣздить по чистому полю.

Это несходство можетъ быть объяснено тѣмъ, что подъ именемъ Добрыни въ былинахъ воспѣвается не одинъ Добрыня, дядя Владимира, но и рядъ другихъ Добрынь, которыя были смѣшаны съ первымъ. Такъ, въ Тверской лѣтописи рядомъ съ Александромъ Поповичемъ (Алешей Поповичемъ былинъ) упоминается его товарищъ Добрыня (Тимоня) Златопоясъ; а въ Никоновской лѣтописи упоминаются Александръ Поповичъ, его слуга Торопъ и Добрыня Разаничъ Златый Поясъ.

Нѣкоторые былины о Добрынѣ, дѣйствительно, выводятъ его изъ Рязани; отецъ его—торговый гость Никитушка Романовичъ.

Во всякомъ случаѣ въ былинахъ о Добрынѣ есть нѣкоторыя черты, которыя могутъ имѣть связь съ историческимъ дядей Владимира: добываніе невѣсты для Владимира представляетъ несомнѣнный отголосокъ исторіи съ Рогнѣдой.

Алеша Поповичъ.

198. Сюжеты объ Алешѣ Поповичѣ. Съ именемъ Алеши Поповича, третьяго выдающагося представителя младшихъ богатырей, связаны слѣдующіе главные сюжеты: 1) борьба съ Тугариномъ Змѣевичемъ и 2) приключеніе съ сестрой Збродовичей.

199. Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ. Изъ славнаго Ростова выѣзжаетъ могучій богатырь Алеша Поповичъ младъ съ своимъ слугою паробкомъ Акимомъ. Наѣхали они на горючъ камень съ надписью, а отъ камня идутъ три дороги. Акимъ соскочилъ съ коня, прочелъ надписи и объяснилъ Алешѣ, что одна дорога въ Муромъ ведетъ, другая — въ Черниговъ, а третья — въ Кіевъ. Алеша рѣшаетъ отправиться въ Кіевъ. А въ Кіевѣ бѣда случилась: онъ покорился поганому Тугарину Змѣевичу: въ вышину Тугаринъ трехъ саженъ, промежду глазъ — каленая стрѣла, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ. Сидитъ Тугаринъ въ княжескомъ дворцѣ за столомъ на главномъ мѣстѣ: онъ отнимаетъ у Владимира его жену Евпраксію, а Евпраксія идетъ къ нему не неволей, а охотой. Опоганилъ Тугаринъ церкви православныя, осмердилъ дѣвицъ, молодыхъ вдовицъ, истопталъ конемъ всѣхъ малыхъ дѣтей, поплѣнилъ всѣхъ купцовъ. Пріѣзжаетъ Алеша въ Кіевъ, входитъ въ свѣтлую гридню. Онъ крестъ кладетъ по ученому, онъ поклонъ отдаетъ по писанному, онъ кланяется на всѣ четыре стороны, и князю съ княгиней «на особицѣ». Алешу принимаютъ съ честью-радостью. Владиміръ предлагаетъ ему занять самое лучшее мѣсто за столомъ. Алеша отказывается и идетъ за печку.

Во дворцѣ Владимира собираются къ обѣду. Появляется Тугаринъ Змѣевичъ и садится за столъ; по правую руку его — Евпраксія, а по лѣвую — Владиміръ. Поднесли Тугарину блюдо изъ бѣлой лебеди. Тугаринъ схватилъ лебедь и проглотилъ ее цѣликомъ, «оглотилъ». Тутъ Алеша говоритъ: «Гой ты еси, ласковый сударь Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный? Не честно у князя за столомъ сидитъ, ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ, цѣлуетъ во уста сахарныя, тебѣ, князю, насмѣхается. А у моего сударя-батюшки попа Ростовскаго была обжорчивая собака, которая костью подавилась, а отъ этого ей смерть приключилась: то же самое будетъ съ Тугариномъ». Принесли кашицу ведерную. Тугаринъ и ее сразу выхлебнулъ. Алеша вслухъ вспоминаетъ съ Акимомъ о коровѣ обжорчивой, которая у его батюшки попа Ростовскаго «охлебалася» кашей - бардой, отчего ей смерть приключилась: то же самое случится и съ Тугари-

номъ. Тугарину не взлюбилися эти рѣчи; вынулъ онъ ножище-чингалище и пускаетъ его Алешѣ во бѣлы груди. Акимъ слуга-паробокъ схватываетъ на лету кинжалище и спрашиваетъ Алешу, что ему дѣлать съ кинжаломъ, пустить его обратно въ Тугарина, или же сохранить у себя. Алеша не позволяетъ Акиму сквернить княжескія палаты собачьей кровью Тугарина. «Завтра я съ нимъ, собакой, перевѣдаюсь, перевѣдаюсь съ Тугариномъ во чистомъ полѣ. Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, а бьюсь о своей буйной головѣ». Вскочили князья и бояре и всѣ держатъ за Тугарина поруки (пари): князья кладутъ по сту рублей, бояре по пятьдесятъ, крестьяне по пяти: гости купеческіе записываютъ три корабля свои съ заморскими товарами подъ Тугарина, а за Алешу подписывалъ одинъ только владыка Черниговскій.

На другой день рано утромъ Алеша отправляется въ чистое поле. Изъ княжескаго терема вылетаетъ Тугаринъ: вѣютъ его крылья гумажныя, звенятъ его хоботы желѣзные; изъ ноздрей его какъ бы дымъ валитъ; изо рта его какъ огонь палитъ. Алеша сталъ молиться пресвятой Богородицѣ чтобы она наслала тучу грозную съ крупнымъ дождемъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, нашла грозная туча, разразилась крупнымъ дождемъ и подмочила Тугарину его крылья гумажныя, и Тугаринъ упалъ на сырую землю. Взялъ Алеша саблю острую и поѣхалъ къ Тугарину. Увидѣвъ Алешу, Тугаринъ заревѣлъ зычнымъ голосомъ: «Гой еси, Алеша Поповичъ младъ! Хочешь ли я тебя огнемъ спалю, хочешь ли, Алеша, конемъ стопчу, али тебя, Алеша, копьемъ заколю»? Говоритъ Тугарину Алеша: «Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ! Бился ты со мною о великъ закладъ биться-драться единъ-на-единъ, а за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ на меня, Алешу Поповича». Оглянулся Тугаринъ, а въ этотъ моментъ подскочилъ къ нему Алеша и отрубилъ ему голову. (По другимъ былинамъ Алеша, переодѣтый въ костюмъ калики, прикинулся глухимъ, попросилъ Тугарина поближе подойти къ нему и расшибъ ему голову шелепугой). Поставилъ Алеша голову Тугарина на острое копье и поѣхалъ назадъ въ Кіевъ. Акимъ съ крыльца княжескаго дворца издали замѣтилъ приближеніе Алеши и сказалъ: «Ѣдетъ-то Алеша Поповичъ младъ и везетъ онъ голову

Тугарина, везетъ его голову на остромъ копьѣ»! На это княгиня Евпраксія говоритъ, что «летитъ-то Тугаринъ Змѣевичъ младъ и несетъ онъ голову Алешину, и несетъ его голову на востромъ копьѣ». Подъѣзжаетъ Алеша Поповичъ ко дворцу и бросаетъ голову Тугарина о сырую землю. Раздосадованная княгиня злобно замѣчаетъ: «Еще то, братцы, бываетъ,—и свинья гуся съѣдаетъ»! (По другимъ былинамъ она говоритъ: «Деревенщина ты, засельщина! Разлучилъ меня съ другомъ милымъ, съ молодымъ Змѣемъ Тугаринымъ»). Алеша отвѣчаетъ, что если бы она не была княгиней, онъ бы ее обозвалъ неприличными словами.

Подъ именемъ Тугарина разумѣютъ историческое лицо—половецкаго хана Тугоркана (какъ подъ именемъ Идолища разумѣютъ половецкаго хана Боняка). О Тугорканѣ наши лѣтописи разсказываютъ слѣдующее. Въ 1094 году «сотвори миръ Святополкъ съ половци и поя себѣ жену, дщерь Тугорканю». Въ 1096 г. «воева Куря съ половци у Переяславля и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день... Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30... и сдѣя Господь въ тотъ день спасенье велико: мѣсяца іулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменници, и князь ихъ убиша Тугоркана, и сына его и ини князи: мнози врази наши ту падоша; на заутріе же налѣзоша (нашли) Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ, аки тестя и врага, и привезше и къ Кыеву, погребоша и на Берестовѣмъ».

Весьма вѣроятно, что родственныя или враждебныя отношенія между Святополкомъ, великимъ кіевскимъ княземъ, и половецкимъ ханомъ Тугорканомъ и послужили историческимъ зерномъ, изъ котораго развились былины о взаимныхъ отношеніяхъ Владимира, Евпраксіи и Тугарина; гибель Тугоркана, въ свою очередь, послужила основой для поэтическаго изображенія борьбы Алеши съ Тугариномъ.

200. Алеша и сестра Збродовичей. У Владимира пиръ, на которомъ присутствовали много князей, бояръ, сильныхъ могучихъ богатырей и удалыхъ поленецъ. На пиру всѣ были пьяны-веселы, всѣ прирасхвастались: кто хвастаетъ добрымъ конемъ, кто своей ухваткой, а бояре своими имѣніями. Только двое братьевъ Збродовичей сидятъ не веселы и повѣсили свои буйныя головы. Замѣтилъ это Владиміръ и спрашиваетъ ихъ,

отчего они ничѣмъ не хвастаютъ. Братья отвѣтили, что у нихъ нѣтъ коней добрыхъ, жены ихъ не отличаются красотой, а есть у нихъ родная сестра, Наталья Збродовична, «сидитъ она въ высокомъ теремѣ, сидитъ - заперта двумя дверями, она замкнута тремя ключами; ей красно солнышко не огрѣетъ, и буйны вѣтры ея не обвѣютъ; ясный соколъ мимо терема не пролетитъ, на добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ». Встаетъ Алеша и говоритъ братьямъ Збродовичамъ, что имъ нечѣмъ хвастать, что они даромъ похваляются, что онъ, Алеша, хорошо знаетъ ихъ сестру и находится съ ней въ интимныхъ отношеніяхъ. Братья поражены и требуютъ у Алеши доказательствъ. Алеша хитростью достаетъ черезъ служанку Збродовичей монисты ихъ сестры и показываетъ братьямъ. Братья въ досадѣ срубаютъ сестрѣ голову. Былина оканчивается словами: «Не доброе дѣло сдѣлалъ Алеша Поповичъ: загубилъ онъ напрасну дѣвицу». (По другимъ былинамъ конецъ болѣе мягкій: Алеша женится на сестрѣ Збродовичей).

201. Исторія типа Алеши Поповича. Былинный Алеша Поповичъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ именемъ Александра Поповича. Александръ Поповичъ былъ однимъ изъ выдающихся «хоробровъ» Ростовской земли. Тверская лѣтопись, составленная на основаніи ростовскихъ лѣтописей, подъ 1224 г. разсказываетъ объ Александрѣ Поповичѣ слѣдующее. «Бѣ бо нѣкто отъ ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ: служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юрьевичу...». Когда старшій сынъ Всеволода Юрьевича Константинъ получилъ въ удѣлъ Ростовъ, Александръ Поповичъ перешелъ на службу къ Константину и вѣрно служилъ ему, такъ же вѣрно, какъ и отцу его. Между Константиномъ и его младшимъ братомъ Юріемъ возникла борьба изъ за престолонаслѣдія. Въ этой борьбѣ дѣятельное участіе принялъ и Александръ Поповичъ. Когда Юрій отправился на Константина съ войскомъ, Константинъ отступилъ къ Костромѣ и сжегъ ее. Войско Юрія остановилось на рѣкѣ Ишнѣ недалеко отъ Ростова. Тогда выступилъ противъ Юрія Александръ Поповичъ съ войсками и убилъ много слугъ Юрія, части которыхъ, говоритъ лѣтописецъ, видны и до сихъ поръ на рѣкѣ Ишнѣ. Въ побѣдоносной битвѣ Константина съ тѣмъ

же Юріемъ на рѣкѣ Гзѣ опять принимаетъ участіе храборъ Александръ Поповичъ и его слуга Торопъ; товарищемъ Александра былъ Тимоня Золотой поясъ, былинный Добрыня. Въ битвѣ былъ убитъ храборъ Юрія Юрята. Въ Липецкой битвѣ, происшедшей между Юріемъ въ союзѣ съ его братомъ Ярославомъ, съ одной стороны, и Константиномъ въ союзѣ съ Мстиславомъ Мстиславовичемъ Удалымъ, съ другой стороны, опять фигурируетъ Александръ Поповичъ: Юрій потерпѣлъ пораженіе; въ битвѣ палъ другой его храборъ —бояринъ Ратиборъ. Константинъ занялъ престолъ во Владимирѣ и черезъ два года скончался. Тогда Александръ Поповичъ, опасаясь мести со стороны Юрія за убіеніе Юряты и Ратибора и многихъ другихъ, рѣшилъ покинуть Ростово-Суздальскую землю. Онъ собралъ совѣтъ изъ своихъ «храбрыхъ» въ одномъ городѣ у гремячаго колодца на рѣкѣ Узѣ. На совѣтѣ рѣшено было, вмѣсто того, чтобы служить разнымъ князьямъ и избивать другъ друга, отправиться на службу къ великому Кіевскому князю Мстиславу Романовичу Храброму. Мстиславъ былъ очень радъ, что къ нему на службу поступилъ такой славный храборъ, какъ Александръ Поповичъ съ товарищами, и похвалялся, что теперь онъ справится съ какимъ угодно врагомъ. Дальнѣйшія событія показали Мстиславу, что онъ ошибается: въ битвѣ съ татарами на Калкѣ (1223 г.) онъ потерпѣлъ пораженіе, причемъ палъ и Александръ Поповичъ съ другими семьюдесятью «храбрыми».

Въ Никоновской лѣтописи Алексендръ Поповичъ представленъ уже современникомъ Владимира св. Подъ 1000 г. разсказывается слѣдующее: «Пріиде Володарь съ половцы къ Кіеву, забывъ благодѣянія господина своего кн. Владимира, демономъ наученъ. Владимиру же тогда въ Переяславцы на Дунаи: и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ. И изыде нощію во срѣтеніе имъ Александръ Поповичъ, и уби Володаря и брата его и иныхъ множество половецъ уби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, и возрадовася зѣло, и возложи на нь (него) гривну злату и сотвори и (его) вельможа въ палатѣ своей». Разсказанное здѣсь событіе, какъ предполагаютъ, отнесено Никоновской лѣтописью къ 1000 г. ошибочно: въ дѣйствительности оно можетъ отнестись къ 1110 г., когда Владимиръ Мономахъ находился

въ Переяславцѣ на Дунаѣ: въ отсутствіи Владимира Володарь Перемышльскій могъ въ самомъ дѣлѣ привести къ Кіеву половцевъ. Повидимому, замѣтка Никоновской лѣтописи представляетъ отголосокъ древней былины объ освобожденіи Кіева отъ враговъ Александромъ Поповичемъ. Современная былина на этотъ же сюжетъ напоминаетъ лѣтописное сказаніе. Василій прекрасный (соотвѣтствующій былинно-лѣтописному Володарю) осадилъ Кіевъ: онъ хочетъ завладѣть столицей, сжечь святыя церкви, князя Владимира казнить, княгиню Евпраксію взять себѣ въ жены. Алеша предлагаетъ своей дружинѣ напасть на враговъ и освободить Кіевъ: «Выслуга наша,—говорилъ Алеша,—не забудется, а пойдетъ про насъ слава великая про выслугу нашу богатырскую...». Алеша съ дружиной напускается на великую рать Василія Прекраснаго и разбиваетъ ее. Разбѣжалась сила великая по полю широкому, по тѣмъ кустамъ ракитовымъ, очистила дорогу прямоѣзжую. Когда Алеша проѣхалъ въ Кіевъ, онъ былъ за свой подвигъ награжденъ селами и проселками, городами съ пригородами; не закрыта была ему и казна княжеская.

Подъ 1001 г. въ Никоновской лѣтописи опять сообщается объ Александрѣ Поповичѣ: «Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ, убивый печенѣжскаго богатыря, избиша множество печенѣгъ и князя ихъ Родмана и съ тремя сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сотвори празднованіе свѣтло и милостыню многу раздаде по церквамъ и по монастыремъ, и убогимъ, и нищимъ и по улицамъ больнымъ и клоснымъ (увѣчнымъ) великія кади (кадки) и бочки меду и квасу, и перевары, и вино поставляше и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что кто требоваше и ядяше». Эта замѣтка, можетъ быть, является отголоскомъ былины о борьбѣ Алеши съ Тугариномъ. Что касается описанія пиршества у Владимира, то оно тоже напоминаетъ былинное описаніе, напр., послѣ пораженія Калина: «Ай, какъ тутъ солнышко Владимиръ князь на радости на великой для удалыхъ для молодцовъ забиралъ столованье почестенъ пиръ; ай какъ начали пить, кушать, добромъ проклаждаются, надъ собой невзгоды болѣ не начаются... Публиковалъ онъ указы строгіе по городу по Кіеву, растворилъ онъ всѣ кабаки, чтобы весь народъ пилъ да зелено вино: кто не пьетъ зелена

вина, тотъ бы пилъ да пива пьяныя, а кто не пьетъ пивовъ, тотъ бы пилъ меды стоялые, чтобы всѣ да веселилися».

Всѣ эти данныя рисуютъ Алешу Поповича могучимъ дружинникомъ-храборомъ, явившимся изъ Ростово-Суздальской области на службу къ Кіевскому князю въ началѣ XII в., причемъ процессъ циклизаціи пѣсенъ о кіевскихъ богатыряхъ заставилъ пріурочить время дѣяній Алеши къ эпохѣ Владимира св. Приблизительно до XVII — XVIII в. Алеша Поповичъ выступаетъ съ положительными чертами. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ, вѣроятно, прозвища (Поповичъ), Алешѣ начинаютъ приписывать поповскія черты, а это въ свою очередь привлекло къ имени Алеши рядъ сказаній, въ которыхъ рисуются несимпатичные черты духовнаго сословія. Вслѣдствіе этого Алеша пріобрѣлъ слѣдующія качества: онъ коваренъ, хитеръ, обманщикъ, предается любовнымъ похожденіямъ.

Илья Муромецъ.

202. Главные сюжеты, связанные съ именемъ Ильи Муромца. Илья Муромецъ —самый популярный герой княжеско-дружиннаго кіевскаго эпоса. Поэтому съ его именемъ связано наибольшее количество былинъ. Главные сюжеты этихъ былинъ, дающіе въ совокупности цѣльную біографію Ильи Муромца, суть слѣдующіе: 1) Илья становится богатыремъ, 2) Первый выѣздъ Ильи, 3) Три поѣздки Ильи, 4) Ссора Ильи съ Владимиромъ, 5) Илья и Калинъ-царь, 6) Илья и Идолище, 7) Илья и баба Горынинка и 8) Бой Ильи съ сыномъ.

203. Илья Муромецъ дѣлается богатыремъ. Въ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ. Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года. Однажды въ отсутствіи родителей Ильи приходятъ калики перехожіи (по нѣкоторымъ былинамъ—нищая братія, самъ Христосъ и два апостола) и просятъ у Ильи испить. Илья отвѣчаетъ имъ, что онъ не владѣетъ ни руками, ни ногами. Калики настаиваютъ и говорятъ Ильѣ, чтобы онъ ихъ не обманывалъ. Илья сдѣлалъ усиліе надъ собой и всталъ, «ровно встрепанный». Пошелъ Илья, принесъ чашу въ полтора ведра и поднашиваетъ ни-

щей братіи, а нищіе ему «отворачиваютъ». Когда Илья выпилъ, калики спрашиваютъ, много-ли онъ чуетъ въ себѣ силушки. Отвѣчаетъ Илья: «Отъ земли столбъ былъ бы до небушки, ко столбу было золото кольцо, за кольцо бы взялъ, святорусску (землю) поворотилъ бы». Калики потребовали, второй чаши. Поднесъ имъ Илья вторую чашу, а эти опять ему «отворачиваютъ». Снова спрашиваютъ калики Илью, много-ли силушки въ себѣ чуетъ? «Во мнѣ силушка-половинушка», отвѣчаетъ Илья. Говорятъ Ильѣ калики: «Будешь ты, Илья, великій богатырь, и смерть тебѣ на бою не писана: бейся - ратися со всякимъ богатыремъ и со всею поленицею удалою, а только не выходи драться со Святогоромъ богатыремъ—его и земля на себѣ черезъ силу носитъ; не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ—у него на головѣ семь власовъ ангельскихъ; не бейся и съ родомъ Микуловымъ—его любитъ матушка сыра земля; не ходи еще на Вольгу Сеславьича—онъ не силою возьметъ, такъ хитростью-мудростью». Далѣе калики научили Илью, какъ добыть себѣ коня богатырскаго: Илья долженъ выйти въ раздольице чисто поле и купить перваго жеребчика: онъ три мѣсяца долженъ держать жеребчика въ срубу, по три ночи поваживать въ саду, выкатывать его въ три росы, подводить къ высокому тыну; когда жеребчикъ будетъ перескакивать черезъ тынъ по ту и по другою сторону, Илья можетъ ѣздить на немъ, куда угодно. Тутъ калики потерялись. Пошелъ Илья къ родителю-батюшкѣ на работу крестьянскую. Надо было очистить палъ отъ дубья-колодья; онъ вырубилъ дубье-колодье, повыгрузилъ его въ глубокую рѣку, а самъ пошелъ домой. Такъ Илья чудеснымъ образомъ получилъ свою силу.

На обработку этого сюжета, повидимому, повліяли житія святыхъ. Въ сказаніи о туровскомъ мнихѣ Мартынѣ разсказывается слѣдующее. Нѣкій старецъ Мартынъ былъ поваромъ у трехъ туровскихъ епископовъ—у Симеона, Игнатія и Іоакима. Епископъ Георгій «старости ради» освободилъ Мартына отъ труда, и Мартынъ сдѣлался монахомъ. Онъ жилъ въ епископскомъ монастырѣ Бориса и Глѣба единственнымъ монахомъ. Старецъ часто болѣлъ лономъ, «чрево бо его въ лоно исхождаше». Во время припадка болѣзни старецъ лежалъ и вопіялъ, «не могій востати и послужити своему

тѣлу». Однажды припадокъ болѣзни случился съ старцемъ, когда въ окрестностяхъ монастыря было наводненіе, и никто не могъ посѣтить старца и облегчить его страданія. На третій день являются мученики Борисъ и Глѣбъ и спрашиваютъ старца, чѣмъ онъ боленъ. Старецъ отвѣтилъ. Борисъ и Глѣбъ спросили старца, не хочетъ ли онъ испить воды. Старецъ сказалъ, что онъ уже давно страдаетъ жаждой. Борисъ и Глѣбъ взяли водоносъ, принесли воды и напоили старца. Старецъ спрашиваетъ ихъ, кто они и чьи дѣти. Они отвѣтили: Ярослава. Старецъ вообразилъ, что они слуги Ярослава и сказалъ имъ: «Богъ да сотворитъ вамъ многа лѣта, господіе мои, обаче сами вземше хлѣба ядите, азъ же не могу служити вамъ». Они сказали старцу: «Да бы тебѣ хлѣбъ былъ, мы убо отыдемъ отселѣ, а ты не боли, но почій». Сказавъ это, юноши стали невидимыми. Старецъ выздоровѣлъ, всталъ и прославилъ Бога.

Въ сказаніи о преподобномъ Авраамій Ростовскомъ мы находимъ слѣдующее. Авраамій до восемнадцати лѣтъ былъ «въ разслабленіи великомъ». Случилось однажды, что къ отцу его пришли изъ Новгорода благочестивые мужи. Они завели бесѣду о христіанской вѣрѣ, о Христѣ, о чудесахъ. Юноша внимательно слушалъ ихъ рѣчи. Когда они ушли юноша сталъ раздумывать о томъ, что у отца его много боговъ и ни одинъ изъ нихъ не можетъ исцѣлить его, а у новгородцевъ одинъ Богъ и даетъ исцѣленіе многимъ. Мысленно онъ обѣщалъ повѣрить въ единаго Бога, если получитъ исцѣленіе. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь Христа. «И абіе внезапу ощутивъ нашедшую свыше силу на него, нача вращатися на одрѣ, руками и ногами владити и вскорѣ воста съ одра своего возрадовася зѣло».

Мотивъ о позднемъ неожиданномъ пробужденіи необыкновенныхъ силъ въ героѣ весьма распространенъ въ сказаніяхъ самыхъ разнообразныхъ народовъ. Герой обыкновенно долго находится въ загонѣ, въ пренебреженіи, въ неизвѣстности; онъ кажется окружающимъ, или на самомъ дѣлѣ является, лишеннымъ какихъ бы то ни было способностей и силъ; въ дѣйствительности же въ это время въ героѣ совершается процессъ накопленія громадныхъ силъ, которыя, достигнувъ своего предѣла, неожиданно разражаются великими подвигами. Въ одной скандинавской сагѣ (Глумъ-сага)

героемъ является Глумъ. Въ молодости онъ не отличался никакими способностями: онъ сидѣлъ молча и избѣгалъ людей. Дѣдъ, у котораго онъ жилъ, презиралъ своего внука. Вдругъ приходитъ страшный берзеркъ (великанъ) и вызываетъ противъ себя борца. Поднимается Глумъ и одолѣваетъ его. Въ другой сагѣ (Сварфдела-сага) герой Торстейнъ въ молодости лежалъ, вытянувшись между столбами, поддерживавшими своды дома; по одной сторонѣ героя была куча золы, а по другой—огонь; родные, проходившіе по дому, спотыкались объ него и смотрѣли на него, какъ на дурня. Тетлейфъ, герой Тидрекъ-саги, сынъ датскаго крестьянина, до тридцатилѣтняго возраста былъ лежебокой и лѣнтяемъ, водившимъ компанію съ поварятами и нищими; потомъ, встряхнувъ съ себя накопившуюся годами золу, разомъ встаетъ и совершаетъ богатырскіе подвиги. Замѣчательно, что отецъ, снаряжая Тетлейфа въ путь-дорогу на богатырскіе подвиги, даетъ сыну совѣтъ—избѣгать встрѣчи съ Тидрекомъ и его соратниками. Другой герой западно-европейскихъ эпосовъ Уффа кажется въ юности глупымъ, постоянно молчитъ (нѣмой) и никогда не смѣется, и это продолжается до тридцатилѣтняго возраста, когда саксонскій король сталъ вызывать поединщиковъ. Является Уффа и отцовскимъ мечомъ разрубаетъ сразу двухъ противниковъ.

Мотивъ о сиднѣ и его исцѣленіи встрѣчается и въ русскихъ сказкахъ, въ которыхъ онъ излагается очень близко къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ. Въ одной сказкѣ, записанной въ концѣ XVIII в. разсказывается слѣдующее. У одного крестьянина былъ сынъ Иванъ, который до тридцати трехъ лѣтъ не ходилъ. На тридцать третьемъ году его жизни является нищій, который проситъ у Ивана подать ему напиться пива. Иванъ встаетъ и идетъ. Нищій даетъ ему выпить. Иванъ чувствуетъ въ себѣ великую силу. Появляются родители и удивляются. Иванъ выходитъ въ огородъ и испытываетъ свою силу: онъ беретъ въ руки колъ, втыкаетъ его въ землю и поворачиваетъ его съ такой силой, что вся деревня повернулась. Послѣ этого Иванъ беретъ у родителей благословеніе и уѣзжаетъ на подвиги.

Большое сходство между былинами объ исцѣленіи Ильи и русскими сказками съ мотивомъ исцѣленія героя возбудило вопросъ о томъ, откуда этотъ мотивъ былъ первона-

чально заимствованъ, сказками ли изъ былинъ, или наоборотъ. Изучивъ всѣ былины, съ сюжетомъ объ исцѣленіи, изслѣдователи установили, что онѣ, въ отличіе отъ другихъ былинъ объ Ильѣ, изложены плохимъ стихомъ. Этотъ фактъ даетъ право сдѣлать два предположенія: или эти былины находятся въ процессѣ разложенія, перехода въ побывальщины, или, наоборотъ, русскія сказки съ сюжетомъ объ исцѣленіи находились въ процессѣ превращенія въ былины, но съ исчезновеніемъ скомороховъ, какъ класса пѣвцовъ-поэтовъ, переработка эта осталась неоконченной. Изъ этихъ двухъ предположеній вѣроятнѣе послѣднее: въ старыхъ записяхъ былинъ, относящихся къ XVIII в. и сдѣланныхъ въ свою очередь, вѣроятно, со списковъ конца XVII в., ничего не разсказывается объ Ильѣ, какъ сиднѣ, объ исцѣленіи каликами и о пріобрѣтеніи коня. Замѣчательно также, что старыя былины не знаютъ села Карачарова и ничего не сообщаютъ о крестьянскомъ происхожденіи Ильи.

204. Первый выѣздъ Ильи. Первый выѣздъ Ильи изъ дому на подвиги распадается обыкновенно на слѣдующіе сюжеты: 1) Прощаніе Ильи съ родителями, 2) Встрѣча съ станишниками (разбойниками), 3) Освобожденіе осажденнаго города, 4) Илья и Соловей-разбойникъ.

1) **Прощаніе Ильи съ родителями**. Вернувшись домой послѣ очищенія пала отъ дубья-колодья, Илья проситъ у отца благословеньица: онъ хочетъ отправиться въ славный Кіевъградъ «помолиться чудотворцамъ кіевскимъ, заложиться за князя Володимера, послужить ему вѣрой-правдой, постоять за вѣру христіанскую». Отецъ Ильи, Иванъ Тимоѳеевичъ, даетъ ему такое благословеніе: «Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ, а на худыя дѣла благословенья нѣтъ. Поѣдешь ты путемъ и дорогою, не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина». Илья поклонился отцу до земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ чистое поле.

Прощаніе Ильи съ родителями напоминаетъ аналогичный эпизодъ изъ жизни Тетлейфа. Почувствовавъ въ себѣ богатырскія силы, Тетлейфъ рѣшается покинуть родительскій домъ и отправиться въ чужія страны—себя показать, людей посмотрѣть. Родители снаряжаютъ Тетлейфа въ дорогу и даютъ ему совѣты быть кроткимъ и милосердымъ, одинаково

относиться къ богатымъ и бѣднымъ; если Тетлейфъ будетъ руководиться этими совѣтами, то, по словамъ родителей, онъ пріобрѣтетъ большую славу между людьми.

Старыя записи былинъ не знаютъ благословенія Ильи родителями. Онѣ сообщаютъ, что Илья слушалъ въ Муромѣ (Моровѣ) заутреню воскресную и въ умѣ держалъ поѣхать къ князю Володимеру. Отправляясь въ Кіевъ, Илья даетъ обѣтъ не вынимать дорогой сабли острой и не накладывать тетивы на крѣпкій лукъ.

2) Встрѣча Ильи со станишниками (разбойниками). Съ момента своего выѣзда изъ дому Илья уже величается пѣвцами старымъ. Ѣдетъ Илья по чистому полю; конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь: самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Денегъ у стараго не было, кромѣ семи тысячъ червонцевъ, да сорока тысячъ мелкихъ денегъ. Но коню его цѣны нѣтъ: за рѣку онъ броду не спрашивалъ; рѣку шириною съ версту онъ перескакиваетъ съ берега на берегъ. Наѣзжаютъ на Илью станишники (разбойники); хотятъ Илью ограбить, душу его съ животомъ разлучить. Илья говоритъ станишникамъ, что убивать его не за что, а взять съ него нечего. Беретъ Илья тугой лукъ, вынимаетъ каленую стрѣлу и вмѣсто станишниковъ пускаетъ ее въ старый сырой дубъ. Запѣла тетива у тугого лука, и станишники отъ этого звука попадали съ коней. Стрѣла угодила въ кряковистый дубъ и съ громомъ разбила его въ черенья ножевыя. Отъ этого грому богатырскаго станишники испугались и пять часовъ безъ ума пролежали. Обращается къ нимъ Илья: «Ой вы гой еси, добры молодцы, станишники! Полноте лежать на сырой землѣ, полноте спать-высыпатися: по дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшіихъ, у себя вы много добраго упустили». Станичники пришли въ себя, встали, упали передъ Ильей на свои рѣзвыя ноги и стали просить его къ себѣ въ товарищи. атаманушкой. Отвѣчаетъ имъ Илья: «Не хочу я съ вами стада пасти, а ѣду въ Кіевъ-градъ, къ Володимеру князю на вспоможеніе, на его сбереженіе».

Встрѣча Ильи съ разбойниками является отголоскомъ древней исторіи. Достаточно вспомнить разсказъ въ лѣтописи о разбойникахъ въ княженіи Владимира и о мѣрахъ, которыя противъ нихъ принимались.

Столкновеніе съ разбойниками было обычнымъ явленіемъ въ древности у самыхъ разнообразныхъ народовъ, у которыхъ только что начиналась культурная жизнь. Побѣда надъ разбойниками составляла предметъ поэтическаго отраженія. По «Тидрекъ-сагѣ» первымъ подвигомъ Тетлейфа было совмѣстное съ отцомъ избіеніе двѣнадцати разбойниковъ, засѣвшихъ въ лѣсу.

3) **Освобожденіе осажденнаго города.** Предыдущій эпизодъ— встрѣча Ильи со станишниками—нѣкоторыми былинами опускается, и вмѣсто него разсказывается объ освобожденіи по дорогѣ къ Кіеву города, осажденнаго несмѣтной силой. Разсказъ ведется съ момента выѣзда Ильи изъ дому въ чистое поле.

Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ. Ретивой конь его осержается, прочь отъ земли отдѣляется: онъ скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Первый скокъ его былъ на пятнадцать верстъ; во второй скокъ Илья очутился у колодца. Срубилъ Илья сырой дубъ, поставилъ у колодца часовенку и написалъ на часовенкѣ свое имя: «Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ». Въ третій скокъ Илья оказался подъ Черниговымъ (по другимъ былинамъ — подъ Чиженцомъ, Бѣжеговымъ, Бекетовымъ, Кидошомъ, Туровымъ, Турговымъ, Смолягинымъ, Себежемъ). Подъ Черниговымъ стояла несмѣтная поганая сила: три царевича и у каждаго по сорокъ тысячъ силы. Разгорѣлось у Ильи сердце пуще огня. Говоритъ Илья такое слово: «Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть, еще знать то его заповѣдь переступить». Взялъ Илья въ руки саблю боевую и сталъ по силушкѣ погуливать: гдѣ повернется — дѣлалъ улицы, поворотится—часты площади. Добирается Илья до трехъ царевичей. Илья не убиваетъ ихъ и не беретъ въ плѣнъ. Онъ отпускаетъ ихъ домой со словами: «Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ, вы чините вездѣ такову славу, что святая Русь не пуста стоитъ, на святой Руси есть сильны, могучи богатыри». Князья-бояре черниговскіе спрашиваютъ у Ильи, кто онъ такой, и приглашаютъ къ воеводѣ хлѣба-соли кушати. Илья отказывается и проситъ указать ему кратчайшую дорогу въ Кіевъ.

По другимъ былинамъ, мужики-черниговцы просили Илью сдѣлаться ихъ воеводой. Илья отказался, и попросилъ ихъ

указать ему прямоѣзжую дорогу въ Кіевъ. Мужики-черниговцы отвѣтили ему: «Ай-же удаленькій дородный добрый молодецъ, славный богатырь святорусскій! Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ, окольною дорожкою цѣла тысяча. Прямоѣзжая дороженька заколодила, заколодила дорожка, замуравила: сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиваетъ, черный воронъ не пролетываетъ, какъ у тоя у Грязи у Черныя, у тоя у березы у проклятыя, у славнаго у креста у Леванидова, у славненькой у рѣки у Смородинки, сидитъ Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ. Свищетъ Соловей онъ по соловьему, вскричитъ то онъ, злодѣй, по звѣриному: темны лѣсушки къ землѣ преклоняются; что есть людишекъ,— всѣ мертвы лежатъ».

4) Илья и Соловей-разбойникъ. Ѣдетъ Илья по чистому полю и видитъ столбъ бѣлодубовый, а на столбѣ надпись: «Прямо ѣхать—только пятьсотъ верстъ, а на околъ-то ѣхать—семьсотъ верстъ». Далѣе слѣдуетъ на столбѣ разъясненіе: «Какъ прямо ѣхать — живу не бывать: нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному; сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ». Илья задумался и рѣшилъ ѣхать дорожкой прямоѣзжею. Сошелъ Илья съ коня, одной рукой ведетъ коня, а другой онъ началъ мосты мостить калиновые. Подоѣхалъ Илья къ сырымъ дубамъ, на которыхъ сидѣлъ Соловей-разбойникъ. Соловей закричалъ по звѣриному, засвисталъ по соловьиному, замызгалъ по собачьему. Палъ конь Ильи на колѣнки. Илья бьетъ его по тугимъ ребрамъ и ругаетъ: «Ахъ, ты, волчья сыть (т. е. волчій кормъ, годный волку на кормъ), травяной мѣшокъ! Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, свиста соловьинаго»? Илья натягиваетъ свой тугой лукъ и стрѣляетъ въ Соловья-разбойника; стрѣла попала въ правый глазъ, а вышла въ лѣвое ухо. Упалъ Соловей на землю. Беретъ Илья Соловья, пристегиваетъ его къ черкасскому стремени и ѣдетъ съ нимъ. Проѣзжаетъ Илья мимо помѣстья Соловья. Дѣти Соловья, увидѣвъ изъ окна всадника съ привязаннымъ плѣнникомъ, подумали, что ѣдетъ отецъ ихъ съ добычей; а жена Соловья, присмотрѣвшись внимательнѣе, увидѣла, что это «чужой мужикъ» везетъ ея мужа. Дѣти Соловья схватились за шалыги подорожныя, чтобы отбить отца. Мать отговариваетъ ихъ отъ этого. Она

совѣтуетъ имъ насыпать одну чашу красна золота, другу чиста серебра, а третью скатна жемчуга, пойти съ разговоромъ-прелестью къ побѣдителю и уговорить его (по другимъ былинамъ самъ Соловей уговариваетъ своихъ зятевьевъ, выбѣжавшихъ съ рогатинами звѣриными противъ Ильи, бросить ихъ, угостить Илью и одарить его). Дѣти Соловья такъ и сдѣлали. Илья принялъ подарки, но освободить Соловья отказался на томъ основаніи, что онъ опять будетъ «разбой держать».

Въ нѣкоторыхъ былинахъ, изображающихъ столкновеніе Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, сохранились отголоски еще одного любопытнаго эпизода—борьбы Ильи съ дочерью Соловья, которая называется Пелькой, поленицей удалою или Марьей Соловьевной. Когда Илья съ связаннымъ Соловьемъ проѣзжалъ мимо его двора, дочь Соловья ухватила стопудовую булатную подворотню и хватила ею Илью по буйной головѣ межъ ушей. Едва Илья усидѣлъ на конѣ, едва онъ не свалился. Удержавшись, Илья соскочилъ съ коня, схватилъ удалую поленицу за груди и ударилъ ее правой ногой: поленица взлетѣла выше церквей соборныхъ, выше крестовъ животворящихъ, упала на землю и изувѣчилась.

Ѣдетъ Илья дальше къ Кіеву. Хотѣлъ Илья поспѣть къ заутренѣ, а не поспѣлъ и къ обѣденькѣ. Выѣзжаетъ Илья на широкій княжескій дворъ и останавливается у столба точенаго: онъ сходитъ съ коня и привязываетъ его къ золоченому кольцу. Отсюда онъ направляется во гридню во столовую. Онъ кладетъ крестъ по писаному, поклонъ ведетъ по ученому. Въ это время возвращается во дворецъ съ обѣдни Владиміръ. Илья и Владиміръ привѣтствуютъ другъ друга. Спрашиваетъ Владиміръ Илью, кто онъ такой и откуда. Илья сообщаетъ, что онъ изъ города Мурома, а зовутъ его Ильей. Приглашаетъ Владиміръ Илью за столъ сѣсть, хлѣба кушати, бѣлы лебеди рушати. Поднялся разговоръ. Илья разсказалъ о своемъ выѣздѣ изъ дому и о приключеніяхъ. Не повѣрилъ ему Владиміръ и заподозрилъ его во лжи и пьянствѣ. Тогда Илья сообщаетъ, что онъ привезъ Соловья съ собой, и что онъ привязанъ къ сѣдлу его коня. Князь со своими приближенными бросился во дворъ. Увидѣвъ Соловья, онъ потребовалъ, чтобы онъ за-

кричалъ по звѣриному и засвисталъ по соловьиному. Соловей отказался на томъ основаніи, что онъ не у князя ѣстъ-пьетъ и потому нечего ему и слушать его. Тогда Владиміръ обращается къ Ильѣ съ просьбой заставить Соловья исполнить его желаніе. Илья потребовалъ сначала, чтобы Соловью дали чашу зелена вина въ полтора ведра. Соловей выпилъ чашу за единый вздохъ. Ему преподнесли подрядъ еще двѣ чаши, которыя онъ съ такой же быстротой проглотилъ. Илья велѣлъ Соловью засвистать въ полъ-свиста и закричать въ полъ-крика. Соловей изо всѣхъ силъ закричалъ по звѣриному и засвисталъ по соловьиному. Князья и бояре всѣ попадали, лежатъ, какъ мертвые, а Владиміръ поползъ на четвереньках. Взмолился Владиміръ Ильѣ: «Уйми Соловья-разбойника, чтобы онъ не свисталъ по соловьиному! Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена»! Илья выѣзжаетъ съ Соловьемъ въ чисто поле и срубаетъ ему голову, приговаривая: «Полно-тко тебѣ слезить отцовъ, матерей. полно-тко вдовить женъ молодыхъ, полно сиущать, сиротать малыхъ дѣтушекъ».

Соловей-разбойникъ выступаетъ въ былинахъ съ чертами, заставляющими видѣть въ немъ одного изъ богатырей-великановъ. Его свистъ соловьиный, шипѣніе змѣиное и рявканье звѣриное губительно дѣйствуютъ на природу и на людей: темные лѣса приклоняются, и люди падаютъ мертвыми; даже конь Ильи палъ на колѣни отъ свиста Соловья. Другая черта Соловья-разбойника состоитъ въ томъ, что онъ—волшебникъ и обладаетъ волшебнымъ перстнемъ. По одной былинѣ, дочь князя Владимира, увидя на рукѣ Соловья золотой перстень, ухватилась за него: въ тотъ же мигъ она лишилась одного пальца. Въ другой былинѣ дочь Соловья называется волшебницей. Кромѣ этихъ двухъ чертъ Соловью нѣкоторыя былины приписываютъ черты птичьи: Соловей называется птицей рахманной; Илья стрѣлой подшибаетъ его правое крыло; у Соловья есть гнѣздо на семи или больше дубахъ. Эти черты, а также способность Соловья къ соловьиному свисту, змѣиному шипу и звѣриному рявканью намекаютъ на оборотничество Соловья, на его способность приниматя черты птицъ и животныхъ путемъ подражанія ихъ свойствамъ. Поэтому можно думать, что образъ Соловья сложился въ ту эпоху, когда царили еще перво-

бытныя отношенія къ природѣ и Кіевская Русь едва только стала налаживаться.

Образъ Соловья, существующій въ современныхъ былинахъ, отличается отъ своего древняго прототипа, какъ это видно изъ сравненія нынѣшнихъ былинъ другъ съ другомъ и съ былинами въ старой передачѣ ихъ. Отношенія между Ильей, Соловьемъ и Владиміромъ изображались въ иномъ нѣсколько освѣщеніи, чѣмъ въ большей части нынѣшнихъ былинъ, причемъ, повидимому, старыя былины не знали казни Соловья Ильей. Отголоски древняго освѣщенія сохранились до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ варіантахъ былинъ. Такъ, по одной былинѣ, Илья сажаетъ Соловья рядомъ съ собой за столъ у князя Владиміра. По другой былинѣ, Илья, везущій Соловья въ Кіевъ, подъѣхалъ по пути къ городу Крякову, который былъ осажденъ врагами. Илья попросилъ Соловья помочь ему «выручить Кряковъ изъ неволюшки». Соловей согласился. Поѣхалъ Илья по правую руку, а Соловей по лѣвую. Подъ Кряковомъ оба «добрыхъ молодца» выбили силу. Затѣмъ Илья снова «прищурупливаетъ» Соловья къ булатному стремени и везетъ его далѣе въ Кіевъ. Съ этимъ эпизодомъ гармонируетъ и дальнѣйшее отношеніе Ильи съ Соловьемъ. Такъ, на пиру у князя Владиміра Илья въ разгаръ веселья вспоминаетъ о Соловьѣ и его печальномъ положеніи и предлагаетъ Владиміру угостить Соловья чашей зелена вина въ полтора ведра, другой чашей пива пьянаго, а третьей чашей меду сладкаго и дать ему закусить калачикомъ крупичатымъ. По одной былинѣ Соловей даже не погибаетъ: Илья беретъ съ Соловья великую «роту» (клятву) «не сидѣть на семи дубахъ» и отпускаетъ его на волю.

Что Соловей-разбойникъ въ древнихъ былинахъ представлялся съ иными нѣсколько чертами, чѣмъ впослѣдствіи, доказывается письмомъ Филона Кмита Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому (1574 г.) (§ 173). Кмита занималъ въ Литовскомъ княжествѣ должность старосты въ пограничномъ городѣ Оршѣ. Обязанности его были очень хлопотливы: онъ долженъ былъ черезъ лазутчиковъ разузнавать о предпріятіяхъ Москвы, доносить о нихъ королю и быть наготовѣ всегда отразить нападеніе врага. Въ своемъ письмѣ Кмита жалуется на свое печальное положеніе, на холодъ и голодъ,

который онъ терпитъ отъ недостатка провизіи, вслѣдствіе невниманія къ нему короля. Кмита припоминаетъ эпизодъ изъ кіевско-дружиннаго эпоса объ Ильѣ Муромцѣ и примѣняетъ его къ своему собственному положенію: подобно тому, какъ у Владимира явилась надобность въ силахъ Ильи Муравленина и Соловья Будимировича, такъ наступитъ моментъ, когда королю понадобятся и его силы. Упоминаемый Кмитой, рядомъ съ Ильей Муромцемъ, Соловей Будимировичъ—не тотъ, который извѣстенъ намъ по современнымъ былинамъ («Курсъ», ч. I, кн. 2), а Соловей-разбойникъ. Доказательствомъ этому служитъ прежде всего то, что приравниваніе Кмитой нынѣшняго Соловья Будимировича, заѣзжаго жениха, къ Ильѣ Муромцу не имѣло бы смысла. Съ другой стороны, въ одной изъ старыхъ записей былинъ Соловей-разбойникъ называется Мировичемъ, а въ другой записи онъ называется прямо Будимировичемъ. Такимъ образомъ, въ XVI—XVII вв. Соловей-разбойникъ носитъ отчество Будимировичъ, перенесенное потомъ на заѣзжаго богатыря-жениха. Въ старыхъ записяхъ не говорится о смерти Соловья-разбойника отъ руки Ильи, не говорится и о томъ, чтобы свистъ Соловья оказалъ губительное вліяніе на свиту Владимира. Илья, сваливъ Соловья съ дуба, собирался, по старымъ записямъ, вырѣзать у него сердце; но Соловей проситъ Илью отпустить ему душу на покаяніе. На основаніи всего этого можно вывести, что Кмита Чернобыльскій, сопоставляя Илью Муромца съ Соловьемъ Будимировичемъ, представлялъ себѣ Соловья-разбойника Будимировича въ иныхъ нѣсколько очертаніяхъ, нежели онъ изображается въ большинствѣ современныхъ былинъ. Повидимому, Кмита зналъ изъ взаимныхъ отношеній Ильи и Соловья-разбойника эпизодъ, подобный тому, который изображается нѣкоторыми былинами подъ городомъ Кряковымъ. Замѣчательно также, что Соловей - разбойникъ Будимировичъ не представлялся Кмитѣ ни разбойникомъ, ни чудовищной птицей. Эти черты Соловья-разбойника, повидимому, позднѣйшаго происхожденія.

Въ основѣ образа Соловья-разбойника, вѣроятно, лежатъ черты дѣйствительно существовавшей личности. Въ лѣтописяхъ имѣется слѣдующее преданіе о разбойникѣ Могутѣ, жившемъ въ эпоху князя Владимира: «Изымаша хитростію

нѣкоего разбойника, нарицаемаго Могута, и егда ста предъ Владимеромъ, воскрича зѣло и многы слезы испущая изъ очію, еще глаголя: поручника ти по себѣ даю, о Владимере, Господа Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу, яко отнынѣ никакого же не сотворю зла предъ Богомъ и предъ человѣки, но да буду въ покаяніи вся дни живота моего. Слышавъ же сіе, Владимеръ умилися душою и сердцемъ и посла его ко отцу своему митрополиту Ивану, да пребываетъ, никогда же исходя изъ дому его. Могутъ же, заповѣдь храня, никако же исхожаше изъ дому митрополича и крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ живше, и умиленіе и смиреніе много показа, и провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи о Господи». Если откинуть житійный стиль, въ которомъ облечено это преданіе, то окажется, что оно имѣетъ нѣкоторую связь съ былинами о Соловьѣ-разбойникѣ, особенно старой записи. Могутъ захваченъ хитростью—Соловей разбойникъ захваченъ благодаря особеннымъ дарованіямъ Ильи Муромца; Могутъ привезенъ къ Владимиру живьемъ—Соловей-разбойникъ то-же самое; Могутъ вскричалъ «зѣло» передъ Владимиромъ—Соловей-разбойникъ засвисталъ передъ нимъ; Могутъ раскаялся и обѣщалъ измѣнить свою жизнь; по старымъ записямъ былинъ Соловей-разбойникъ также разскаивается, а по одной изъ современныхъ былинъ помогаетъ Ильѣ освобождать городъ отъ непріятельской силы.

Соловей-разбойникъ — образъ богатыря, представителя племени, съ которымъ кіевскимъ князьямъ приходилось вести борьбу. Если принять во вниманіе, что Соловей-разбойникъ залегъ на прямоѣзжей короткой дорогѣ изъ Суздальскаго края въ Кіевъ (§ 156), проходившей черезъ территорію, покрытую густыми лѣсами, обширными болотами, то придется предположить, что Соловей—образъ богатыря племени вятичей или финскихъ племенъ, жившихъ тутъ же. Лѣтопись отмѣчаетъ рядъ походовъ кіевскихъ князей на вятичей. Подъ годами 956—964 разсказывается, что Святославъ совершилъ походъ къ Окѣ и Волгѣ и наткнулся на вятичей, отъ которыхъ узналъ, что они платятъ дань хазарамъ. Подъ 966 г. сообщается о томъ, что Святославъ побѣдилъ вятичей и обложилъ ихъ данью. Въ 981 г. противъ вятичей предпринимаетъ побѣдоносный походъ Владиміръ. Въ 982 г. «зара-

тишася» вятичи: Владиміръ снова пошелъ на нихъ и опять нанесъ имъ пораженіе. Такого рода столкновенія, вѣроятно, далеко не всѣ отмѣченныя лѣтописью, должны были породить образъ вятичскаго богатыря, живущаго въ глухихъ лѣсахъ. Основные промыслы вятичей были лѣсные—звѣроловство, птицеловство и бортничество. Послѣдній промыселъ, бортничество, связанъ былъ съ лазаніемъ по деревьямъ: борти (улья) устраивались въ верхнихъ частяхъ деревьевъ. По всей вѣроятности, такой именно богатырь-бортникъ изъ племени вятичей или финновъ и изображенъ въ лицѣ Соловья-разбойника; поэтому Соловей и представленъ живущимъ на деревьяхъ. Что касается его имени — Соловей, то оно можетъ быть объяснено обычаемъ, существовавшимъ и теперь существующимъ у дикихъ народовъ давать своимъ дѣтямъ имена птицъ, звѣрей и т. д. Въ одномъ книжномъ сказаніи Соловей-разбойникъ считается мордвиномъ; рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ богатырь Скворецъ и чародѣй Дятелъ. Древность образа Соловья доказывается, помимо всего вышеизложеннаго, также и слѣдующимъ эпизодомъ изъ былинъ о немъ. Въ одной былинѣ Илья поражается сходствомъ лицъ дѣтей Соловья и спрашиваетъ у Соловья о причинѣ этого. Соловей отвѣчаетъ: «Я сына то выращу -за него дочь отдамъ, дочь то выращу—отдамъ за сына, чтобы Соловейкинъ родъ не переводился». Ильѣ Муромцу это «за досаду показалося», и онъ прирубилъ весь нечистый родъ Соловья. Въ этомъ эпизодѣ нельзя не видѣть отголосковъ матріархальныхъ отношеній, очевидно, сохранившихся среди вятичей и финновъ и къ тому времени, когда у кіевлянъ возникли новыя формы брака. Соловей, будучи образомъ богатыря-вятича или финна, впослѣдствіи превратился въ устахъ пѣвцовъ, забывшихъ о древнихъ отношеніяхъ между различными племенами, въ разбойника, заложившаго прямоѣзжую дорогу; но первоначально, какъ видно изъ письма Кмиты Чернобыльскаго, Соловей не представлялся разбойникомъ.

Эпизодъ съ Соловьемъ-разбойникомъ напоминаетъ столкновеніе Тетлейфа съ великаномъ Зигурдомъ. Простившись съ родителями, Тетлейфъ отправился въ путь-дорогу и углубился въ лѣсъ. Въ лѣсу онъ наткнулся на замокъ Зигурда, отличавшійся великолѣпнымъ убранствомъ. Тетлейфъ затрубилъ въ рогъ. Немедленно появился великанъ верхомъ на

слонѣ. На вопросъ великана, кто онъ такой, Тетлейфъ назвалъ себя вымышленнымъ именемъ. Но великанъ догадался, что это—Тетлейфъ. Великанъ вступаетъ съ Тетлейфомъ въ бой, продолжавшійся до вечера. Великанъ получаетъ рану, проситъ Тетлейфа отложить продолженіе боя до слѣдующаго дня, въ надеждѣ одолѣть своего противника съ помощью чудеснаго камня, и приглашаетъ его къ себѣ въ замокъ на ночлегъ. Обоихъ богатырей встрѣчаютъ жена и дочь Зигурда. Дочь, великанша, догадавшись, что между отцомъ и неизвѣстнымъ богатыремъ былъ бой и что отецъ потерпѣлъ неудачу, схватываетъ Тетлейфа обѣими руками, валитъ его на землю и такъ сильно ударяетъ его кулакомъ по шеѣ, что Тетлейфу показалось, будто у него сломалась шея. Тетлейфъ скоро оправился и такъ сдавилъ руки великанши, что изъ глазъ ея полились слезы, а изъ подъ ногтей — кровь. Дочь Зигурда вскрикнула и стала умолять о пощадѣ. Тетлейфъ щадитъ ее. За ужиномъ дочь Зигурда прислуживала. Она влюбляется въ Тетлейфа. На другой день бой съ Зигурдомъ возобновляется, и Тетлейфъ при помощи богатырши побѣждаетъ своего противника.

205. Три поѣздки Ильи Муромца. Въ нѣкоторой связи съ первымъ выѣздомъ Ильи изъ дому, находится сюжетъ о трехъ поѣздкахъ Ильи. Этотъ сюжетъ распадается на три части: 1) въ первой разсказывается о встрѣчѣ Ильи съ разбойниками; 2) во второй—о встрѣчѣ Ильи съ королевичной и 3) въ третьей—о нахожденіи Ильей клада.

Илья подъѣзжаетъ къ горючему камню, отъ котораго вели три розстани, три дороженьки. На камнѣ была надпись: «Что въ одну дороженьку ѣхать — убиту быть, въ другую ѣхать—женату быть, а въ третью ѣхать—богату быть». Задумался Илья надъ надписью и рѣшилъ поѣхать по той дорогѣ, на которой ожидала его смерть.

1) Встрѣча съ разбойниками. Ѣхалъ Илья три часа и проѣхалъ триста верстъ. Подъѣхалъ Илья къ высокимъ горамъ. Съ горъ стали выскакивать на Илью разбойнички. Наскакало ихъ сорокъ тысячъ и стали пощалкивать удалого Илью казака. Илья сталъ выговаривать разбойникамъ, что у него нѣтъ ни несчетной золотой казны, ни прекрасной молодой жены, ни платья цвѣтного; есть у него только добрый конь въ триста рублей, «приправы» на конѣ въ пятьсотъ рублей, да на себѣ

богатырской «приправы» въ цѣлую тысячу рублей. Илья выдернулъ желѣзную палицу въ сто девяносто пудъ (или шлемъ), началъ «пощалкивать» разбойниковъ и прибилъ всѣхъ сорокъ тысячъ разбойниковъ. Возвращается Илья назадъ къ горючему камню и подновляетъ надпись: «Въ ту дорожку ѣздилъ—убитъ не былъ».

2) Встрѣча съ королевичной. Илья ѣдетъ по дорогѣ, на которой ему предстоитъ женитьба. Въ три часа Илья проѣхалъ триста верстъ и очутился на чистыхъ поляхъ, на зеленыхъ лугахъ. На поляхъ стоятъ палаты бѣлокаменныя: городомъ назвать ихъ—малы для этого, селомъ назвать—велики. Въѣзжаетъ Илья на широкій дворъ. Изъ палатъ выходитъ прекрасная королевична, беретъ его за руки бѣлыя, цѣлуетъ въ уста сахарныя, ведетъ въ палаты и сажаетъ за столы дубовые. Угостивъ Илью, королевична приглашаетъ Илью лечь спать на «кроватку омансливу». Кровать эта была съ секретомъ: если кто-нибудь ложился на кровать, кровать опрокидывалась и добрый молодецъ падалъ въ погребъ, глубиною въ сорокъ саженъ. Такихъ добрыхъ молодцевъ, рыцарей и сильныхъ могучихъ богатырей въ погребъ попало уже триста. Коварная колдунья, имѣвшая видъ прекрасной королевичны, хотѣла такимъ же образомъ погубить и Илью. Но Илья чуялъ коварство. Онъ потребовалъ, чтобы королевична первая легла на кровать. Замѣтивъ ея колебаніе, Илья схватываетъ ее и бросаетъ на кровать: кровать опрокинулась и королевична полетѣла въ погребъ. Беретъ Илья золотые ключи, отпираетъ погреба глубокіе, выпускаетъ много удалыхъ добрыхъ молодцевъ, роздалъ имъ богатства королевичны. Выводитъ изъ погреба и королевичну, убиваетъ ее, а палаты ея предаетъ огню. Илья возвращается назадъ къ камню и подновляетъ надпись: «Въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ».

3) Нахожденіе клада. Ѣдетъ Илья по третьей дорогѣ. Проѣхавъ въ три часа триста верстъ, Илья попалъ на чистыя поля, въ которыхъ были выкопаны глубокіе погреба. Въ погребахъ насыпано было много краснаго золота, чистаго серебра и мелко-скатнаго жемчуга. Илья говоритъ самому себѣ: «Куда мнѣ удалому съ имѣньицемъ, со многой несчетной золотой казной?» Илья на эти богатства построилъ на поляхъ монастыри богомольные, церкви соборныя, повелъ

тутъ церковное пѣніе, звоны колокольные. «Чье было имѣніе, за того пускай идетъ!» сказалъ Илья и поворотилъ назадъ къ горючему камню. Онъ подновляетъ надпись на камнѣ: «Какъ въ тую дорожку ѣздилъ — богатъ не былъ».

«Три поѣздки» Ильи представлены въ нѣкоторыхъ былинахъ какъ завершеніе подвиговъ Ильи, послѣ которыхъ Илья умираетъ. Вѣроятнѣе однако, что сюжетъ «Три поѣздки» выдѣленъ былъ изъ приключеній Ильи въ его первый выѣздъ, причемъ эти три поѣздки имѣли значеніе первой пробы силъ Ильи. Нѣкоторые эпизоды, излагаемые въ немъ, какъ, напр., встрѣча съ разбойниками, напоминаетъ встрѣчу со станичниками. Похожденіе съ королевичной принадлежитъ къ очень распространеннымъ сказочнымъ мотивамъ. Въ кавказскихъ сказкахъ изображается царица Тамара, которая заманивала молодыхъ витязей въ свой дворецъ и ночью сбрасывала ихъ въ Терекъ. Въ сборникѣ нѣмецкихъ пѣсенъ Миттлера повѣствуется, между прочимъ, о королевѣ, которая заманивала къ себѣ проѣзжихъ юношей и клала ихъ на доску, проваливавшуюся подъ ними. Этотъ эпизодъ, повидимому, выдѣлился изъ приключенія Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, именно, изъ тѣхъ былинъ, въ которыхъ сохранились отголоски враждебнаго столкновенія Ильи съ коварной дѣвицей, дочерью Соловья-разбойника, собиравшейся убить Илью исподтишка подворотней. Что касается третьяго эпизода, нахожденія клада, то онъ созданъ для удовлетворенія любимаго эпическаго числа три.

Изображая первую пробу силъ Ильи, былина «Три поѣздки» образно выражаетъ идею о томъ, что дѣятельность Ильи не подчиняется судьбѣ, имѣющей силу надъ обыкновенными людьми.

206. Ссора Ильи съ Владиміромъ. Побѣда надъ Соловьемъ-разбойникомъ доставила Ильѣ славу выдающагося русскаго богатыря. Владиміръ пригласилъ его остаться въ Кіевѣ: «А живи-тко ты у насъ во Кіевѣ, а отнынѣ ты живи вѣкъ по вѣку». Илья вошелъ въ кругъ кіевскихъ богатырей, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися были: Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Повидимому, кіевскіе богатыри въ началѣ неохотно допустили въ свою среду Илью. Въ нѣкоторыхъ былинахъ сообщается, что когда Илья сидѣлъ за столомъ у Владиміра въ первый разъ, Алеша не-

ожиданно пустилъ въ него ножемъ. Но затѣмъ недоброжелательство къ Ильѣ улеглось. По одной сказкѣ Илья, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Кіевъ съ Соловьемъ, побратался съ Добрыней Никитичемъ; оба осѣдлали своихъ коней и поѣхали въ чисто поле гулять; они ѣздили три мѣсяца, но не нашли себѣ «сопротивника». Въ другихъ сказкахъ объ Ильѣ сообщается, что Илья не только побратался съ Добрыней, но и съ Алешей Поповичемъ жилъ дружно. По одной былинѣ всѣ русскіе богатыри признали первенство за Ильей: «Будь же ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, будь же ты намъ да вѣдь большій братъ! Держимъ мы на тебя надежу великую, будь-ко ты граду Кіеву у насъ да защитникомъ»!

Не смотря на всеобщее признаніе за Ильей первенства въ рядахъ кіевскихъ богатырей, Владиміръ не цѣнилъ, какъ слѣдуетъ, своего главнаго защитника. На этой почвѣ возникали между Ильей и Владиміромъ столкновенія.

Однажды Владиміръ устроилъ у себя «почестенъ» пиръ для князей, бояръ, русскихъ богатырей и поленицъ удалыхъ. Забылъ Владиміръ пригласить только Илью Муромца. Ильѣ это «зазорно» стало. Натянулъ онъ тугой лукъ, положилъ стрѣлочку каленую и «стрѣлилъ по Божіимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ, по маковкамъ золоченымъ». Закричалъ Илья зычнымъ голосомъ: «Ахъ, вы, голь кабацкая, доброхоты царскіе! Ступайте пить со мной за одно зелена вина, обирать то маковки золоченыя». Тутъ всѣ пьяницы бѣгутъ, прискакиваютъ и радуются. Собрали пьяницы маковки золоченыя, продаютъ ихъ и покупаютъ въ кабакѣ зелена вина. Увидѣлъ Владиміръ стольно-кіевскій, что пришла бѣда неминучая, и устроилъ второй «почестенъ» пиръ для Ильи Муромца. Задумался князь со своими приближенными, кого бы послать къ Ильѣ посредникомъ. Рѣшено было послать Добрыню Никитича, потому что Добрыня съ Ильей были крестовыми братьями: между ними кладена была заповѣдь великая, подписи были подписаны—слушать большему брату меньшаго, а меньшему брату большаго. Добрыня приходитъ къ Ильѣ и передаетъ ему приглашеніе Владиміра, причемъ и самъ это приглашеніе поддерживаетъ. Илья уступаетъ Добрынѣ и отправляется съ нимъ къ Владиміру во гридню во столовую. Ильѣ даютъ за столомъ мѣсто большее и преподносятъ ему чару зелена вина и чару меду пьянаго.

Говоритъ Илья Владиміру: «Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій! Зналъ, кого послать меня позвать! Кабы не братецъ крестовый названный, никого я не послухалъ бы. А было намѣреніе наряжено: натянуть тугой лукъ разрывчатый, а класть стрѣлочка каленая, стрѣлить во гридню во столовую, убить тебя, князя Владиміра, со стольною княгинею съ Опраксіей. А нонѣ тебя Богъ проститъ за эту за вину за великую»!

207. Илья Муромецъ и Калинъ-царь. У князя Владиміра «почестенъ» пиръ для князей и бояръ. Не пригласилъ Владиміръ на пиръ своихъ могучихъ богатырей, но Илья Муромецъ незванный является на пиръ. Владиміръ разсердился на Илью и велѣлъ своимъ слугамъ посадить Илью во глубокъ погребъ (въ тюрьму), задернуть его рѣшетками желѣзными, завалить чашей, хрящомъ-камнемъ и уморить голодною смертью. (По другимъ былинамъ Владиміръ засадилъ Илью въ погребъ за то, что Илья, получившій отъ Владиміра, вмѣсто чистаго серебра, краснаго золота и скатнаго жемчуга, розданнаго уже боярамъ, шубу соболиную, бросилъ ее о кирпичатъ полъ). Разсердились на князя за этотъ поступокъ съ Ильей могучіе русскіе богатыри, сѣли на коней и уѣхали въ чистое поле, рѣшивши не жить больше въ Кіевѣ и не служить Владиміру.

Проходитъ три года. Къ Кіеву подступаетъ татарская сила съ Калиномъ-царемъ (по другимъ варіантамъ—съ Мамаемъ, Батыгомъ Батыговичемъ). Сила татарская облегла Кіевъ на сто верстъ. Отъ пару конинаго померкли мѣсяцъ и солнце, не видно стало луча бѣлаго; отъ духу татарскаго невозможно стало жить крещенымъ людямъ. Собака Калинъ-царь пишетъ Владиміру ярлыки скорописчаты и посылаетъ ихъ съ рослымъ татариномъ: ростъ его въ три сажени, голова его—съ пивной котелъ въ сорокъ ведеръ, промежъ плечами косая сажень. Пріѣзжаетъ татарскій посолъ во дворецъ княжескій, вбѣгаетъ въ свѣтлую гридню. Онъ не молится Спасову образу, Владиміру князю не кланяется и бросаетъ ярлыки на круглый столъ передъ Владиміромъ. Владиміръ читаетъ ярлыки и узнаетъ, что Калинъ-царь требуетъ немедленной сдачи Кіева безъ драки великія, безъ кроволитія напраснаго; Владиміръ долженъ всѣ улицы стрѣлецкіе, дворы княженецкіе очистить и разставить вездѣ

хмельныхъ напиточковъ, чтобы стояли бочка о бочку, чтобы было у чего стоять Калину-царю съ его великими войсками въ городѣ Кіевѣ. Опечалился Владиміръ. Богатырей въ Кіевѣ не было, а Илья давно уже въ погребѣ и, вѣроятно, погибъ голодной смертью. Видитъ Владиміръ, что необходимо подчиниться и исполнить требованія Калина. Пишетъ Владиміръ отвѣтъ Калину и проситъ у него сроку три года, три мѣсяца и три дня, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ Калина. Калинъ соглашается.

Проходитъ назначенный срокъ. Опять является Калинъ. Владиміръ снова опечаленъ. Въ это время подходитъ къ Владиміру его жена (по другимъ былинамъ—любимая дочь) и совѣтуетъ ему вывести Илью изъ погреба, увѣряя его, что Илья—живъ. Владиміръ беретъ золотые ключи, отмыкаетъ погреба холодные, растворяетъ рѣшетки желѣзныя. Видитъ — Илья сидитъ живой и нисколько не состарился: есть у него перинушки, подушечки пуховыя, одѣяла теплыя, ѣствушка хорошая и одежда смѣнная. Княгиня (или дочь) тайкомъ всѣ три года кормила - поила и поддерживала Илью. Обрадованный князь проситъ у Ильи прощенія, выводитъ его изъ погреба, приводитъ въ свою палату бѣлокаменную и угощаетъ его. За столомъ Владиміръ сообщаетъ о несчастіи, постигшемъ Кіевъ, и проситъ его постоять за вѣру, за отечество, за славный Кіевъ-градъ, за матушки Божьи церкви, за князя Владимира, за Опраксу королевичну. Илья соглашается защитить Владимира. Онъ отправляется прежде всего къ своей палатѣ бѣлокаменной, вызываетъ своего паробка любимаго и съ нимъ заходитъ на конюшню посмотрѣть на своего коня богатырскаго. Окалось, что въ отсутствіи Ильи вѣрный паробокъ хорошо держалъ коня. Илья благодаритъ своего вѣрнаго слугу, сѣдлаетъ коня, беретъ оружіе—доспѣхи богатырскіе, палицу булатную, саблю вострую, копье боржамецкое, шалыгу подорожную. Выѣхалъ Илья изъ Кіева въ чистое поле, оглянулся на силы татарскія и видитъ—«нагнано-то силы много множество, какъ отъ покрику отъ человѣческаго, какъ отъ ржанья лошадинаго унываетъ сердце человѣческое». Поднялся Илья на гору высокую, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и не могъ насмотрѣть конца-краю татарской силы. Поднялся Илья на другую гору и посмотрѣлъ на восточную сторону. Тамъ

увидѣлъ онъ бѣлые шатры, а у нихъ стояли русскіе богатырскіе кони. Идетъ Илья къ этимъ шатрамъ. Подъѣхавъ къ нимъ, Илья слѣзаетъ съ коня, входитъ въ шатеръ и видитъ двѣнадцать святорусскихъ богатырей, а между ними своего крестнаго батюшку—Самсона Самойловича. Илья разсказываетъ имъ о нашествіи Калина и проситъ ихъ присоединиться къ нему и пойти на Калина. Богатыри отказываются биться за Владимира. Тогда Илья рѣшается одинъ побиться съ татарами. Онъ садится на коня и напускается на татаръ. Сталъ Илья татарскую силу конемъ топтать, копьемъ колоть. Въ пылу битвы конь заговорилъ человѣческимъ языкомъ: онъ говорилъ Ильѣ, что у Калина много силы, много могучихъ богатырей и удалыхъ поленицъ, и предсказываетъ Ильѣ, что ему не побить этой великой силы. Конь открываетъ Ильѣ, что Калинъ сдѣлалъ въ чистомъ полѣ три глубокихъ подкопа: во время битвы Илья будетъ падать въ эти подкопы; изъ первыхъ двухъ конь вынесетъ Илью, а изъ третьяго не вынесетъ, и останется Илья тамъ. Разсердился Илья на коня, ударилъ его по крутымъ бедрамъ и снова бросился на татарскую силу. Предсказаніе коня исполняется: когда конь выскочилъ изъ третьяго подкопа, Илья не удержался на конѣ и остался въ подкопѣ. Подъѣхали къ Ильѣ татары, связали его по рукамъ и ногамъ и привели къ Калину. Калинъ сказалъ Ильѣ: «Ай ты, старый казакъ, да Илья Муромецъ! Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую: тебѣ гдѣ то одному побить, моя сила великая!» Калинъ велѣлъ развязать Ильѣ руки и ноги, пригласилъ сѣсть за столъ и предложилъ ему бросить службу у Владимира и перейти къ нему. Илья отказываетъ ѣсть—пить у Калина и заявляетъ, что останется вѣрнымъ Владимиру. Съ этими словами Илья выходитъ изъ палатки Калина въ чистое поле. Татары бросились за нимъ. Нѣтъ у Ильи никакихъ доспѣховъ. Тогда Илья схватываетъ за ноги перваго попавшагося татарина и начинаетъ имъ помахивать, какъ дубиной, по силѣ татарской. Илья прочистилъ себѣ дорогу черезъ силу татарскую и выскочилъ въ открытое мѣсто.

Засвисталъ Илья въ свистокъ богатырскій, и на свистъ прискакалъ его конь. Сѣлъ онъ на своего коня и отправился посмотрѣть съ горы на восточную сторону; видитъ, у

бѣлыхъ шатровъ все еще стоятъ кони богатырскіе. Илья слѣзаетъ съ коня, беретъ лукъ, натягиваетъ тетивочку шелковеньку, кладетъ стрѣлочку каленую и пускаетъ ее въ бѣлый шатеръ съ такими словами: «А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатеръ, да сыми-тко крышу со бѣла шатра, да падитко, стрѣлка, на бѣлы груди къ моему ко батюшкѣ ко крестному и проголзни-тко (проскользни) по груди то по бѣлыи, сдѣлай-ко ты сцапину да невеликую. Онъ и спитъ тамъ, прохлаждается, а мнѣ здѣсь-то одному да мало можется». Стрѣла свистнула, сняла крышу съ бѣлаго шатра и проскользнула по груди Самсона Самойловича и сдѣлала маленькую царапину. Догадался Самсонъ Самойловичъ, что стрѣла—нелюбимый подарочекъ отъ крестника, и разбудилъ богатырей. Вскочили всѣ двѣнадцать богатырей на коней и поскакали къ Кіеву. Къ нимъ присоединяется по дорогѣ Илья. Припустили богатыри коней своихъ на силу татарскую, стали бить ее и топтать. Калинъ-царь былъ схваченъ живьемъ и привезенъ богатырями въ Кіевъ къ Владиміру. Калинъ проситъ пощадить его жизнь и обѣщаетъ дать записи великія, что онъ будетъ «вѣкъ и по вѣку» платить дань князю Владиміру.

Въ этой былинѣ сплелись отголоски событій и очень древнихъ и позднѣйшихъ. Въ основу этой былины, повидимому, легли военныя столкновенія между Кіевомъ и кочевниками. Въ лѣтописи подъ 968 г. разсказывается о томъ, какъ въ отсутствіи Святослава, находившагося въ Болгаріи, явились къ Кіеву печенѣги «въ силѣ велицѣ» и осадили его. Въ городѣ находились Ольга со своими внуками—Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣговъ было «безчисленное множество», и изъ города нельзя было выйти никому, ни подать вѣсть. По другую сторону Днѣпра собралась на лодкахъ маленькая дружина съ воеводой Претичемъ во главѣ; но и она по своей малочисленности не рѣшалась пробиться къ Кіеву. Въ Кіевѣ уже стали изнемогать отъ голода и стали помышлять о томъ, чтобы сдаться печенѣгамъ. Но прежде рѣшили попробовать послать кого-нибудь къ Претичу, чтобы дать ему знать о критическомъ положеніи города. Нашелся «отрокъ», вызвавшійся пробиться къ Претичу. Зная по-печенѣжски, онъ прибѣгъ къ хитрости: взялъ уздечку, вышелъ изъ города незамѣченный и отпра-

вился черезъ лагерь печенѣговъ къ Днѣпру, спрашивая, не видѣлъ-ли кто его коня. Печенѣги приняли его за своего. Очутившись у Днѣпра, «отрокъ» раздѣлся и бросился въ воду. Печенѣги тогда только догадались, что это—русскій. Бросившись къ берегу, они осыпали отрока тучей стрѣлъ, но не попали въ него. Между тѣмъ, съ другой стороны Днѣпра дружина Претича, увидѣвъ происходившее, поспѣшила на лодкахъ къ отроку и благополучно перевезла его на другой берегъ. Узнавъ о критическомъ положеніи города, Претичъ рѣшилъ спасти, по крайней мѣрѣ, хоть княжескую семью: «аще ли сего не сотворимъ, погубити ны имать Святославъ». На другой день дружина Претича сѣла въ лодки и громко затрубила: жители Кіева на трубные звуки отвѣтила громкими криками. Печенѣги вообразили, что возвращается Святославъ, и быстро сняли осаду. Ольга съ семьей вышла къ лодкамъ, приставшимъ къ Кіеву. Увидѣвъ происходящее, печенѣжскій князь пришелъ къ Претичу одинъ и спросилъ его, кто это пришелъ. Претичъ сказалъ ему, что явился авангардъ войска Святослава, надъ которымъ онъ командуетъ, а за нимъ прибудетъ самъ Святославъ съ безчисленнымъ множествомъ войска. Печенѣгскій князь испугался и предложилъ миръ. Претичъ согласился. Печенѣги отступили отъ города. Кіевляне послали къ Святославу извѣстіе о происшедшемъ. Святославъ явился въ Кіевъ, нанесъ печенѣгамъ пораженіе и заставилъ ихъ уйти въ степи.

Сюжетъ лѣтописнаго преданія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень сходенъ съ сюжетомъ былины о Калинѣ-царѣ. Во-первыхъ, и тамъ и здѣсь изображается осада Кіева несмѣтной силой поганой; во-вторыхъ, и тамъ и здѣсь Кіевъ застигается врасплохъ: военная сила находится далеко отъ Кіева; въ-третьихъ, и тамъ и здѣсь Кіевъ избавляется отъ грозящей опасности сначала на время хитростью (по лѣтописному преданію, благодаря рѣшимости Претича, а по былинѣ, благодаря, отсрочкѣ, выхлопотанной Владиміромъ), а затѣмъ совершенно благодаря появленію защитниковъ и охранителей Кіева Святослава съ войскомъ, Ильи Муромца съ двѣнадцатью богатырями.

Не только военныя столкновенія русскихъ съ кочевниками Кіевской эпохи отразились на выработку сюжета о Калинѣ-царѣ, но и военныя столкновенія между русскими

князьями. Въ лѣтописныхъ преданіяхъ о переяславскомъ богатырѣ разсказывается, между прочимъ, слѣдующее. Князь Глѣбъ Юрьевичъ († 1171) отправился въ походъ противъ Мстислава Изяславича († 1170) къ Переяславлю. Стража переяславская, провѣдавъ о приближеніи Глѣба, доложила своему князю, который въ это время спалъ. Дѣло было подъ утро. Князь вскочилъ и распорядился немедленно собрать войска, а самъ поспѣшно пошелъ къ богатырю Демьяну Куденевичу и сказалъ ему: «Нынѣ, о человѣче Божій, время Божьей помощи и Пречистыя Богородицы и твоего мужества и крѣпости». Демьянъ же Куденевичъ тотчасъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою слугу своего Тараса и пять отроковъ очень младыхъ. Демьянъ Куденевичъ со слугою яро напалъ на войско Глѣба Юрьевича и многихъ «нещадно» перебилъ. Князь Глѣбъ Юрьевичъ ужаснулся побоищу и бросился бѣжать, а къ Демьяну Куденевичу отправилъ посла со словами: «на любовь и на миръ пріидохъ, а не на рать!» Демьянъ со своимъ слугою Тарасомъ возвратился въ Переяславль «и многу честь прія отъ господина своего великаго князя Мстислава Изяславича».

Былины о Калинѣ сходны съ преданіемъ о Демьянѣ Куденевичѣ въ слѣдующихъ основныхъ пунктахъ: во-первыхъ, при нападеніи на Кіевъ Калина у Владимира не было богатырей—при нападеніи Глѣба на Переяславль у Мстислава не было войска; во-вторыхъ, Владимиръ обращается съ просьбой о спасеніи къ Ильѣ Муромцу—Мстиславъ съ такой же просьбой обращается къ Демьяну Куденевичу; въ-третьихъ, у Ильи Муромца есть вѣрный паробокъ любимый, ухаживающій за его конемъ—у Демьяна Куденевича есть слуга Тарасъ; въ-четвертыхъ, Илья одинъ бросается на татарское войско и производитъ страшное опустошеніе—то же самое дѣлаетъ Демьянъ Куденевичъ; въ-пятыхъ, Калинъ-царь обѣщаетъ вѣчно платить дань Владимиру—Глѣбъ заявляетъ, что онъ явился не на рать, а на миръ.

Но на былину о Калинѣ-царѣ отразились и сказанія о позднѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи, главнымъ образомъ, о нашествіи татаръ и о первой побѣдѣ надъ ними на Куликовомъ полѣ. Первая неудача Ильи въ борьбѣ съ татарами отражаетъ воспоминанія о разрозненной, хотя и героической мѣстами, борьбѣ русскихъ съ татарами при ихъ

нашествіи: побѣда Ильи вмѣстѣ съ двѣнадцатью богатырями отмѣчаетъ уже первую побѣду сплотившихся русскихъ надъ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ. Обѣщаніе Калина платить Владиміру вѣчную дань проникло въ былину, очевидно, подъ вліяніемъ фактовъ завоеванія царствъ Казанскаго и Астраханскаго.

208. Илья Муромецъ и Идолище Поганое. Ѣдетъ Илья Муромецъ по чистому полю. Уже двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ послѣдній разъ въ Кіевѣ. Попадается Ильѣ навстрѣчу каличище Иванище (по другимъ былинамъ—калика Данила сынъ Игнатьевичъ). Спрашиваетъ Илья калику, откуда онъ идетъ, и узнавъ, что изъ Кіева, разспрашиваетъ его: «По старому ли въ Кіевѣ звонъ звонятъ, просятъ ли милостыню спасенную?» Отвѣчаетъ ему каличище Иванище: «Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ, не просятъ милостыни спасенныя: обнасильничалъ Идолище поганое, сидитъ у князя въ новомъ теремѣ, у княгини держитъ руки въ пазухѣ». (По другимъ былинамъ, Идолище нагрянулъ на Кіевъ съ татарскимъ войскомъ и потребовалъ, чтобы Владиміръ выставилъ противъ него поединщика: «Если нѣтъ у васъ поединщика, я Божьи церкви всѣ на дымъ спущу, ай весь Кіевъ-градъ въ полонъ возьму»). Илья мѣняется платьемъ съ каликой, отдаетъ ему коня своего, беретъ у него пляпу земли греческой и клюку въ девяносто пудъ (по нѣкоторымъ былинамъ каличище даетъ клюку только послѣ угрозы Ильи побиться съ нимъ). Идетъ Илья въ Кіевъ, дѣлая шаги по полуверстѣ. Входитъ въ княжескій теремъ: княженецкія гридни съ боку на бокъ шатаются, ставники на окнахъ покривились. Войдя въ теремъ, Илья остался за дверями дубовыми и проситъ у князя милостыни спасенной. Идолище выражаетъ князю свое удивленіе: положена заповѣдь крѣпкая, не просить по Кіеву милостыни спасенной, а теперь милостыня въ терему стоитъ». Накинулись на Илью и княжскіе придверники: «У насъ Идолище по терему—шаговъ ни чуть (не слыхать), а ты идешь, калика перехожая, неизродная (безобразная), а по шагамъ твоимъ теремъ ходенемъ ходитъ». Илья входитъ въ хоромы. Идолище спрашиваетъ его, откуда онъ пришелъ и сообщаетъ, что постановлено не просить милостыни. Илья отвѣчаетъ, что не зналъ про эту заповѣдь великую, а пришелъ онъ со

степей Цыцарскіихъ (цесарскихъ, т. е. императорскихъ, принадлежащихъ византійскому императору въ южной Россіи) поклониться Владимиру. Идолище разспрашиваетъ калику, какъ много ходившаго по св. Руси и видавшаго много народу, какой изъ себя Илья Муромецъ, такъ какъ у него есть охота повидаться съ нимъ. Илья отвѣчаетъ: «На меня гляди, буде хошь узнать Илью Муромца». Идолище справляется у калики, много ли Илья хлѣба ѣстъ и много ли пива пьетъ. Илья отвѣчаетъ: «Ѣстъ Илья по калачину, пьетъ Илья по стаканчику». Разсмѣялся Идолище надъ русскимъ богатыремъ и сказалъ, что вотъ онъ можетъ съѣсть хлѣба за разъ по три печи, а пива по сороковѣ. Илья на это отвѣтилъ ему: «У моего батюшки было коровище старое, не молодо коровище было,—ста годовъ; вышла та коровища на задворье, обожралась коровища дробиною (заторъ солода съ мукой),—тутъ оно, коровище, треснуло. И съ тобой то же будетъ, Идолище поганое!» Оскорбился Идолище сравненіемъ, схватилъ булатный ножъ и метнулъ въ Илью. Илья посторонился, и ножъ пролетѣлъ мимо. Снялъ Илья шляпу земли греческой, ляпнулъ ею въ Идолища и убилъ его (по другимъ былинамъ—Идолище улетѣлъ сквозь стѣну во чисто поле). По нѣкоторымъ былинамъ Илья перебиваетъ и всю рать татарскую.

Слово Идолище—бранный эпитетъ, имѣющій то же значеніе, что и слово болванъ, употребляемое въ былинахъ по отношенію къ татарскому послу или хану. Въ нѣкоторыхъ былинахъ прямо говорится: «наѣзжаетъ нечисто Едолище, по прозванію Батыга Батыговичъ», «ай татаринъ, да поганый, что ль Идолище великое, набралъ силы онъ татарскія». Первоначально Идолище изображалъ насильника кочевника, причемъ эти насильники обыкновенно изображались великанами, тогда какъ русскіе богатыри изображаются людьми обыкновенныхъ размѣровъ. Нѣкоторыя черты былинъ объ идолищѣ напоминаютъ кое что въ лѣтописномъ преданіи о Янѣ Усмошвецѣ (992 г.). Печенѣжскій князь потребовалъ, чтобы Владимиръ выставилъ своего воина для поединка съ печенѣжскимъ богатыремъ, который былъ «превеликъ зѣло и страшенъ». Владимиръ выставилъ Яна Усмошвеца. Печенѣжскій богатырь, увидѣвъ своего невзрачнаго противника, разсмѣялся. Янъ, однако, одолѣлъ печенѣга. Владимиръ съ

войскомъ бросился на печенѣжское войско и разбилъ его. Сходство между былиной и преданіемъ состоитъ въ томъ, что Идолище требуетъ, чтобы ему Владиміръ ладилъ поединщика. Далѣе, смѣхъ печенѣжскаго богатыря, отличавшагося громаднымъ ростомъ, аналогиченъ презрительному отношенію Идолища къ Ильѣ. Въ одной былинѣ Идолище, узнавъ про малый ростъ Ильи, не признаетъ его богатыремъ и говоритъ, что, если бы Илья здѣсь былъ, онъ посадилъ бы его на долонь, да другою прижалъ бы, «и межъ долонями мокро бы повыжалось». Какъ въ преданіи поединокъ Яна съ печенѣжскимъ богатыремъ кончается побѣдой Яна и пораженіемъ печенѣговъ, такъ и въ былинахъ объ Ильѣ и Идолищѣ послѣдній погибаетъ, и татарская рать терпитъ пораженіе.

Насильники-печенѣги смѣнились еще болѣе опасными насильниками—половцами. По русскимъ и византійскимъ лѣтописямъ можно установить слѣдующіе факты, имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ. Во второй половинѣ XI в. у половцевъ были ханы Тугорканъ (по былинамъ—Тугаринъ, § 199) и Бонякъ «шелудивый». Этому именно Боняку и соотвѣтствуетъ, повидимому, Идолище. Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ для борьбы съ печенѣгами обратился въ 1091 г. за помощью къ половцамъ. Къ нему явилась подъ начальствомъ Тугоркана и Боняка половецкая орда въ сорокъ тысячъ. Императоръ устрашился своихъ союзниковъ и, опасаясь, какъ бы они не стали на сторону печенѣговъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы удержать ихъ своими союзниками: онъ приглашаетъ къ себѣ ихъ вождей, угощаетъ ихъ за своимъ столомъ, дѣлаетъ имъ подарки. Печенѣги были разбиты. Въ 1096 г., по русскимъ лѣтописямъ, безбожный хищникъ Бонякъ внезапно подступилъ къ Кіеву и едва не ворвался въ городъ. Онъ зажегъ Стефановъ монастырь и Германечъ. Пострадалъ и монастырь Печерскій: половцы разбили ворота монастыря и ворвались въ него. Они ломали двери келій и захватывали все, что находили тамъ. «Посемь,—говоритъ лѣтописецъ,—въжгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородицы и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже къ угу (югу) устроенни, и вторыя, иже къ сѣверу, и влѣзше

въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ».

По византійскимъ лѣтописямъ вожди половецкіе сидятъ за столомъ у Алексѣя Комнена, какъ Идолище сидитъ за столомъ въ Кіевѣ у Владимира (а по нѣкоторымъ былинамъ— въ Царь-градѣ за столомъ у царя Константина, сына Боголюбовича, гдѣ и протекаетъ дѣйствіе былины). Далѣе, Идолище грозитъ пустить на дымъ Божьи церкви; Бонякъ эту угрозу осуществляетъ. Что касается обжорства Идолища, то это качество можетъ быть приведено въ связь съ тѣмъ, что половцы питались сырымъ мясомъ.

Насильники-половцы смѣнились самыми жестокими насильниками—татарами съ ихъ послами, баскаками и т. д., дѣйствія которыхъ также наложили отпечатокъ на нашъ богатырскій эпосъ. Беззаконный разоритель христіанскій Шевкалъ говоритъ своему хану: «Господине царю! Аще ми велиши, азъ иду въ Русь и разорю христіанства, а князи ихъ избію, а княгини и дѣти къ тебѣ приведу». Царь разрѣшаетъ ему это дѣлать. Явившись со многими татарами въ Тверь, Шевкалъ «прогна князя великаго со двора, а самъ ста на княжескомъ великомъ дворѣ, со многою гордостью и воздвиже великое гоненіе на христіаны насильствомъ и грабленіемъ и поруганіемъ». Это напоминаетъ поведеніе Идолища во дворцѣ Владимира. Ханскіе послы и гонцы, помимо особыхъ пошлинъ, получали съ русскихъ кормы въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя они проѣзжали. Обильные «кормы», очевидно, выразились въ чертѣ обжорства Идолища. По свѣдѣніямъ китайскихъ лѣтописцевъ, старые и слабые находились у татаръ въ презрѣніи; а по свидѣтельству Плано-Карпини, посѣтившаго Россію въ эпоху татарщины, татарскій баскакъ Сарацинъ схватывалъ русскихъ нищихъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе милостыней, и уводилъ ихъ въ орду. Этимъ объясняется въ былинѣ презрѣніе Идолища къ каликамъ и запрещеніе милостыни.

209. Илья Муромецъ и баба Горынинка (Латыгорка). Баба Горынинка (Латыгорка) принадлежитъ къ разряду женщинъ-богатырей, силы которыхъ отличаются стихійными размѣрами. Имя сближаетъ ее съ Святогоромъ и означаетъ, повидимому, жительницу горной страны, повидимому, той же, гдѣ жилъ Святогоръ, т. е. прикавказской. Въ

нѣкоторыхъ былинахъ она называется королевой Задонской, т. е. страны, находящейся за Дономъ, что опять указываетъ на прикавказскую страну. Столкновеніе бабы Горынинки съ Алешей Поповичемъ кончается тѣмъ, что баба схватываетъ Алешу за шиворотъ, сбрасываетъ его съ коня и приказываетъ послать къ ней на бой самого Илью Муромца, слава котораго прошла отъ востока до запада. Борьба между Ильей и бабой идетъ упорная. Оба утаптываются въ землю по колѣна. Илья, наконецъ, одолѣваетъ бабу и затѣмъ сближается съ нею. По прошествіи трехъ сутокъ послѣ побѣды Илья разстается съ бабой, оставивъ ей перстень для своего будущаго сына или дочери.

Сближеніе Ильи съ поленицей бабой Горынинкой напоминаетъ сближеніе Ильи съ женой Святогора. Весьма возможно, что былина объ Ильѣ и бабѣ Горынинкѣ есть не болѣе, какъ варіантъ былины объ Ильѣ и женѣ Святогора.

210. Бой Ильи съ сыномъ. На богатырской заставѣ стоятъ богатыри—Илья Муромецъ, Колыванъ Ивановичъ, Самсонъ Васильевичъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Богатыри зорко смотрѣли по окрестностямъ и не пропускали ни коннаго, ни пѣшаго, ни царскаго, ни боярскаго, ни звѣря рыскучаго, ни птицы летучей. Однажды на утренней зарѣ пробуждается Илья и отправляется на Днѣпръ-рѣку (въ другихъ былинахъ—на Сафатъ-рѣку) умываться. Видитъ въ степи показался добрый молодецъ; подъ нимъ конь какъ бы лютый звѣрь; самъ молодецъ, какъ ясный соколъ. Хороша посадка молоденская, прекрасны доспѣхи богатырскіе. По правую руку молодца летаетъ соколъ, а въ рукахъ молодца «третра-перо» (опахало, которымъ манятъ соколъ). Сквозь перо Илья не могъ различить лица у молодца. Возвращается Илья къ бѣлымъ шатрамъ, сообщаетъ о молодцѣ и предлагаетъ тому, кто всѣхъ поудалѣе и у кого конь порыскучѣе, бѣжать за молодцемъ, разспросить его о дѣдинѣ и отчинѣ и о томъ, чей онъ сынъ; если окажется, что это—русскій богатырь, то побрататься съ нимъ, а если невѣрный, то поразвѣдаться. Вызвался Алеша Поповичъ. Побѣжалъ Алеша за молодцемъ. Бѣжитъ онъ день, бѣжитъ ночь. На разсвѣтѣ догоняетъ его и кричитъ зычнымъ голосомъ: «Ты постой, постой, добрый молодецъ! Ты или русскій богатырь, или засельщина-деревенщина; ты или коня

укралъ, или мужика убилъ, а сюда заѣхалъ, хвастаешь, чужимъ именемъ называешься»! Молодецъ, услышавъ слова Алеши, повернулъ лютаго коня своего навстрѣчу Алешѣ. Онъ беретъ Алешу за бѣлыя руки, снимаетъ его съ коня, беретъ свою шелепугу подорожную (плеть съ обвязанной пулей въ концѣ), стегаетъ Алешу, сажаетъ его снова на коня и отпускаетъ. Ѣдетъ Алеша назадъ, какъ пьяный, шатается, къ сѣдельной лукѣ приклоняется. Завидѣлъ Алешу Илья и говоритъ ему: «Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ: не пей ты зелена вина, не ѣшь сладки кушанья»! Алеша отвѣчаетъ Ильѣ: «Радъ бы я не пить зелена вина и не ѣсть сладки кушанья: напоилъ то меня добрый молодецъ допьяна, накормилъ онъ меня досыта шелепугой подорожною». Илья немедленно садится на коня и самъ ѣдетъ въ догонку за молодцемъ. Догналъ его Илья на слѣдующій день на разсвѣтѣ. Ударились богатыри палицами боевыми—палицы изломались. Соскочивши съ добрыхъ коней и схватившись въ рукопашную. Сшибъ молодецъ Илью на сырую землю, садится ему на бѣлы груди и говоритъ ему такія слова: «Ты, базыга (хрычъ), базыга старая! Зачѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?» Схватываетъ его Илья за руки, встаетъ на свои рѣзвыя ноги, мечетъ молодца выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго и подхватываетъ на руки. Молодецъ пріужаснулся. Говоритъ онъ своему соколу: «Полетай, охота, къ моей матушкѣ, спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?»—«Говорила я тебѣ, дитя, наказывала, гдѣ ты съ Ильей съѣдешься, только ты ему низко кланяйся: по роду тебѣ онъ—отецъ родной». Илья прощаетъ своего сына и отпускаетъ его съ наказомъ «не проливать крови безвинныя» и «не губить силу напрасную». Но юный сынъ Ильи поступаетъ иначе: возвратившись къ матери, онъ ее убиваетъ за ея бывшую связь съ Ильей, затѣмъ, разыскавши снова Илью, пытается убить его соннаго. Илья спасается отъ смерти только благодаря своему чудному кресту. Разгнѣванный Илья раздернулъ его на двое.

Юный сынъ Ильи носитъ различныя имена: Бориско, Збутъ, Сокольникъ, Соловникъ, Подсокольникъ; величается онъ иногда нахвальщикомъ (нахаломъ), татариномъ, а въ нѣкоторыхъ былинахъ—Жидовиномъ, изъ Жидовскія земли (Жидовинъ хазаръ, Жидовская земля—хазарская—прикав-

казская родина бабы Горынинки и ея сына). Въ былинахъ о Жидовинѣ забыто, что Жидовинъ — сынъ Ильи. Содержаніе ея слѣдующее.

Подъ славнымъ городомъ Кіевомъ, на степяхъ Цыцарскіихъ (цесарскихъ и хазарскихъ) стояла застава богатырская. На заставѣ атаманомъ былъ Илья Муромецъ, подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ, а есаулъ — Алеша, поповскій сынъ; кромѣ нихъ были на заставѣ слѣдующіе богатыри: Гришка боярскій сынъ и Васька Долгополый. Всѣ богатыри находились въ разъѣздѣ: Алеша ѣздилъ въ Кіевъ, Илья Муромецъ находился въ чистомъ полѣ, а Добрыня ѣздилъ къ синему морю на охоту за гусями и лебедями. Возвращаясь съ охоты, Добрыня увидѣлъ въ степи ископыть (слѣдъ копыта) величиною въ полпечи. Разсмотрѣвши ископыть, Добрыня догадался, что тутъ недавно проѣзжалъ могучій богатырь «изъ Жидовскія земли». Собравъ всѣхъ богатырей, Добрыня сообщилъ имъ о своемъ открытіи, о незамѣтномъ проѣздѣ мимо заставы богатыря. Стали богатыри совѣтоваться о томъ, кому поѣхать за нахвальщикомъ. Сначала выборъ остановился на Васькѣ Долгополомъ. Но Илья Муромецъ замѣтилъ, что Васька ходитъ по землѣ—заплетается; заплетется онъ на бою на дракѣ и погибнетъ понапрасному. Перенесли выборъ на Гришку. Но Илья замѣтилъ, что Гришка—боярскаго рода; боярскіе роды хвастливые; призахвастается на бою Гришка и понапрасному погибнетъ. Выбрали Алешу Поповича. Опять не соглашается Илья: «Алешенька—рода поповскаго; поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія; увидитъ Алеша на нахвальщикѣ много злата-серебра,—позавидуетъ злату и погибнетъ понапрасному». Наконецъ, выборъ остановился на Добрынѣ. Добрыня беретъ своего коня, уздаетъ его въ уздечку тесмянную, сѣдлаетъ въ сѣдельцо черкесское, въ торока (ремни позади сѣдла) вяжетъ палицу боевую въ девяносто пудъ, на бедры беретъ саблю вострую, въ руки беретъ плеть шелковую и выѣзжаетъ на Сорочинскую гору. Посмотрѣвъ изъ трубочки серебряной, онъ увидѣлъ въ полѣ чернизину (черное пятно) и закричалъ зычнымъ голосомъ: «Воръ, собака, нахвальщина! Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь—атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ, подъ-атаману Добрынѣ Никитичу, есаулу Алешѣ въ казну не кладешь на всю нашу

братью наборную»? Услышавъ зычный голосъ, нахвальщина поворачиваетъ своего коня и ѣдетъ на Добрыню. Сыра мать-земля всколебалася, изъ озеръ вода выливалася. Палъ на колѣни конь подъ Добрыней. Добрыня взмолился Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ: «Унеси, Господи, отъ нахвальщика»! Конь поправился и благополучно явился на заставу богатырскую. Видитъ Илья, что кромѣ него некому больше ѣхать за нахвальщикомъ. Сѣлъ Илья на коня и отправился. Когда Жидовинъ напустилъ на Илью коня своего, Илья не испугался. Сначала богатыри ударились палками — палки сломались, и богатыри другъ друга не ранили; ударились саблями острыми, сабли приломались; острыми копьями кололись—другъ друга не ранили. Схватились богатыри въ рукопашную. Бьются они весь день до вечера и съ вечера до утра. Вдругъ Илья поскользнулся и упалъ на сырую землю. Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди, вынималъ чинжалище (кинжалъ) булатное, чтобы заколоть Илью, и приговариваетъ: «Старый ты старикъ, матерый! Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле? Будто некѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися? Ты поставилъ бы себѣ келейку при той путѣ-дороженькѣ; сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку: тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ». Лежа подъ нахвальщиной, Илья размышлялъ: «Да не ладно у святыхъ отцовъ написано, неладно у апостоловъ удумано: написано было у святыхъ отцовъ, удумано было у апостоловъ: не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому, а теперь Илья подъ богатыремъ»! Въ это время Илья почувствовалъ, что у него силы прибыло втрое. Махнулъ онъ нахвальщину въ бѣлы груди, вышибалъ его выше дерева тароваго. Упалъ нахвальщина на сыру землю и ушелъ въ нее по поясъ. Вскочилъ Илья на ноги, сѣлъ нахвальщинѣ на грудь. Илюхѣ не досугъ много спрашивать: распоролъ онъ нахвальщинѣ бѣлую грудь, отсѣкъ буйную голову, воткнулъ ее на копье булатное и повезъ на богатырскую заставу. Илья бросилъ голову о сыру землю со словами: «ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ—этакаго чуда не наѣзживалъ!»

Эта былина построена по тому же плану, что и былины о боѣ Ильи съ сыномъ; разница между ними въ томъ только, что въ былинѣ о Жидовинѣ выпалъ эпизодъ, связанный съ узнаваніемъ Ильей сына. Названіе богатыря Жидовиномъ

могло, помимо воспоминаній о Хазарскомъ царствѣ, проникнуть въ былины изъ духовныхъ стиховъ: въ духовномъ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ Константина Самойловича осаждаетъ въ Іерусалимѣ царь Іюдейскій, сила жидовская: въ былинѣ о хожденіи русскихъ богатырей въ Царь-градъ фигурируетъ Идолище Жидовское. Съ теченіемъ времени слова жидовскій, жидовинъ должны были получить смыслъ врага вообще, какъ слово татаринъ, басурманинъ, которые также примѣняются къ сыну Ильи.

211. Комментаріи къ былинамъ о боѣ Ильи съ сыномъ. Борьба отца съ неузнаннымъ сыномъ принадлежитъ къ весьма распространеннымъ мотивамъ древнихъ и средневѣковыхъ эпосовъ. Этотъ мотивъ возникъ и развился на почвѣ древнихъ отношеній между мужчиной и женщиной — матріархальныхъ съ примѣсью элементовъ патріархально-родовыхъ. Одно племя сталкивается съ другимъ и побѣждаетъ его. Предводитель-побѣдитель завладѣваетъ женой или дочерью убитаго главы побѣжденнаго племени, или, если во главѣ племени стояла женщина, что въ древности было часто, предводительницей и поступаетъ съ нею по закону военнаго времени, т. е. вступаетъ во временную связь, насильственную или ненасильственную, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Плодомъ такой случайной связи является сынъ, воспитывающійся при матери среди родного племени. Сынъ по наслѣдству отъ отца и матери получаетъ богатырскія свойства, раскрывающіяся уже очень рано. Возмужавъ и ставъ во главѣ племени юный богатырь неизбѣжно сталкивается со своимъ отцомъ. Иногда, узнавъ о своемъ происхожденіи, сынъ не можетъ смотрѣть на своего случайнаго отца иначе, какъ на врага матери и родного племени, и задумываетъ отомстить ему. Результатомъ этого является новый бой сына съ отцомъ, кончающійся для сына трагически. Этотъ мотивъ разрабатывался различно у разныхъ народовъ, восточныхъ и западныхъ. Съ нашими былинами о боѣ Ильи сходны въ большей или меньшей степени слѣдующіе эпосы: 1) иранскій эпосъ Рустеміада, 2) тотъ же эпосъ въ переработкѣ кавказскихъ и тюрко-монгольскихъ племенъ, 3) эстонскій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ, 4) киргизскій разсказъ о томъ же, 5) верхне-нѣмец-

кій разсказъ, 6) нижне-нѣмецкій разсказъ и 7) кельтскія сказанія о Клизаморѣ и Картонѣ.

1) Сравненіе съ эпизодомъ изъ Рустеміады. Главный герой Рустеміады богатырь Рустемъ, соотвѣтствующій въ нашемъ эпосѣ Ильѣ Муромцу, отправился однажды на охоту въ Туранскую землю, съ которой онъ всю свою жизнь воевалъ. Для отдыха во время охоты онъ расположился близъ города Семенгана, пустилъ коня своего Рахшу пастись на лугу, а самъ уснулъ богатырскимъ сномъ. Проснувшись, онъ не нашелъ коня: во время сна Рустема нѣсколько тюркскихъ всадниковъ случайно увидѣли богатырскаго коня, поймали его и увели съ собой. Рустемъ отправляется въ Семенганъ къ царю этого города и требуетъ возвращенія коня, грозя въ противномъ случаѣ снести головы его богатырямъ. Царь обѣщалъ найти коня и приглашаетъ Рустема во дворецъ. Дочь царя Техмимэ (отъ слова техмъ, что значитъ сильный, богатырскій), давно уже знала о громкихъ подвигахъ Рустема и мечтала о связи съ нимъ. Узнавъ о приходѣ Рустема во дворецъ, Техмимэ приводитъ въ исполненіе свое желаніе. Фирдоуси, редакторъ Рустеміады, сложенной имъ изъ древнеиранскихъ устныхъ сказаній, смягчаетъ этотъ эпизодъ представляя его, согласно современной ему (XI в.) точкѣ зрѣнія, бракомъ, освященнымъ мобедами (жрецами). Но этому противорѣчатъ дальнѣйшія отношенія Рустема и Техмимэ: на другой же день Рустемъ получаетъ своего коня и, оставивъ для будущаго сына ониксъ, уѣзжаетъ на свою родину съ тѣмъ, чтобы больше не видѣть Техмимэ. Фирдоуси, не имѣвшій понятія о древнихъ отношеніяхъ между полами, старался осмыслить позднѣйшей точкой зрѣнія этотъ эпизодъ, но неудачно. Эпизодъ, происшедшій между Рустемомъ и Техмимэ, отзывается эпохой матріархата, когда женщины и мужчины добровольно сходились и расходились, не стѣсняемые позднѣйшими ограниченіями. Одно преданіе, записанное Геродотомъ, бросаетъ свѣтъ на такого рода эпизоды. Странствуя по различнымъ мѣстностямъ, греческій герой Гераклъ попалъ однажды въ Скиѳію, которая тогда еще не была заселенной страной. Когда онъ однажды, закутавшись въ львиную шкуру, уснулъ, исчезли его кони. Гераклъ, проснувшись, обыскалъ всю страну и не нашелъ коней. Наконецъ, онъ пришелъ въ землю, которая называлась

Гилеей слѣпой». Въ одной пещерѣ онъ нашелъ существо, которое на половину было дѣвушкой, а на половину змѣей. Именно эта дѣвушка-змѣя и увела коней Геракла. Она согласилась уступить коней лишь подъ условіемъ произвести ей потомство. Гераклъ согласился и, покидая дѣвушку-змѣю, оставилъ для своего потомства свой лукъ и поясъ. Отъ этой связи произошли начальники трехъ народовъ—агаѳирсовъ, гелоновъ и скиѳовъ. Младшій, Скиѳъ, одинъ только оказался въ состояніи натянуть отцовскій лукъ и опоясаться его поясомъ, и мать сдѣлала его наслѣдникомъ своей страны, а старшихъ прогнала. Замѣчательно, что записанное Геродотомъ преданіе не только совпадаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ соотвѣтствующимъ эпизодомъ изъ Рустеміады, но и съ нѣкоторыми чертами матери нахвальщины: именно, она называется Латыгоркой, Горынинкой, т. е. ея родина связывается съ горой: дѣвица-змѣя найдена была Геракломъ въ горной пещерѣ. Это преданіе объясняетъ еще кое-какія черты въ нашемъ эпосѣ. Такъ, у насъ эпитетъ Горыничъ принадлежитъ змѣю (§ 193): по одной былинѣ сынъ Ильи возитъ съ собою змѣю горынскую. Если принять во вниманіе, что змѣй символизировалъ вообще сверхъестественное существо, потомъ вообще врага—враждебное племя, а впослѣдствіи языческихъ боговъ, когда послѣдніе были отвергнуты, что въ нашемъ и другихъ эпосахъ дѣвицы нерѣдко представлены состоящими въ добровольной или недобровольной связи со змѣями, то преданіе Геродота окажется весьма важнымъ ключемъ для разъясненія многаго въ нашемъ эпосѣ.

У Техмимэ рождается Сохрабъ, богатырскій сынъ необыкновенныхъ размѣровъ. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, онъ оказался уже настолько сильнымъ, что никто не рѣшается вступить съ нимъ въ борьбу. Въ то же время Сохрабъ требуетъ у матери, чтобы она открыла ему имя отца, грозя въ противномъ случаѣ убить ее. Мать открываетъ, что отецъ его—Рустемъ, но совѣтуетъ ему скрыть свое происхожденіе, чтобы туранскій царь Афрасіабъ, смертельный врагъ Рустема, не узналъ про это. Сохрабъ составляетъ грандіозный планъ—идти на Иранъ съ войскомъ, свергнуть съ престола Кейкауса, перебить его богатырей и отдать иранскій престолъ отцу, затѣмъ свергнуть туранскаго царя и на престолъ посадить мать.

А Туранскій царь, узнавъ про силы Сохраба и его планы, рѣшилъ воспользоваться силой Сохраба для того, чтобы погубить Рустема, а затѣмъ погубить и Сохраба. Для достиженія этой цѣли онъ прислалъ къ Сохрабу двухъ опытныхъ туранцевъ, которые должны были устранять отъ Сохраба всякую возможность лично узнать отца.

Между тѣмъ иранскій царь Кейкаусъ, услышавъ о походѣ Сохраба, посылаетъ за Рустемомъ. Пока Рустемъ находится въ дорогѣ, Сохрабъ обращаетъ въ бѣгство самаго сильнаго послѣ Рустема иранскаго богатыря Туса. Наконецъ, появляется Рустемъ. Сохрабъ, не зная Рустема, спрашиваетъ своего противника, не Рустемъ ли онъ. Рустемъ почему то скрываетъ свое имя и называетъ себя простымъ воиномъ. Оба богатыря вступаютъ въ бой сначала копьями, потомъ мечами и палицами. Наконецъ, они вступаютъ въ рукопашную борьбу. Къ вечеру борцы разстались, не побѣдивъ другъ друга, причемъ Сохрабъ назвалъ своего противника безумнымъ старикомъ за его упорное желаніе оказаться сильнѣе его, юноши. На другой день противники снова сходятся. Сохрабъ опять спрашиваетъ своего противника, не Рустемъ ли онъ, и предлагаетъ ему отказаться отъ боя въ виду преклоннаго возраста. Рустемъ продолжаетъ скрывать свое имя. Бой возобновляется. Къ вечеру Сохрабъ опрокидываетъ Рустема, вскакиваетъ къ нему на грудь и собирается отрѣзать ему голову. Рустемъ, видя бѣду, прибѣгъ къ хитрости: онъ увѣрилъ Сохраба, что по иранскому обычаю неприлично убивать противника, побѣжденнаго въ первый разъ. Сохрабъ оказался великодушнымъ: онъ не убилъ Рустема.

Разставшись съ Сохрабомъ, Рустемъ обращается къ божеству съ мольбой о возвращеніи ему прежней силы во всемъ ея объемѣ. На третій день Рустемъ возобновилъ бой. На этотъ разъ онъ быстро опрокинулъ Сахраба, вскочилъ на него и вспоролъ ему грудь. Сохрабъ передъ смертью выражаетъ свою скорбь по поводу этого, что умираетъ не увидѣвъ лица своего отца Рустема. Услышавъ слова Сохраба, Рустемъ, взволновавшись, спрашиваетъ, какія у него примѣты отъ отца. Сохрабъ показываетъ ему драгоцѣнный ониксъ на рукѣ подъ кольчугой. Рустемъ въ отчаяніи. Онъ посылаетъ къ Кейкаусу за цѣлебной мазью, но Кейкаусъ

отказываетъ дать, и Сохрабъ умираетъ. Рустемъ съ трупомъ сына ѣдетъ въ Сейстанъ, провинцію, которою онъ управлялъ, и строитъ для сына гробницу.

Техмимэ, узнавши о гибели сына, съ отчаяніемъ оплакиваетъ его, раздаетъ свое богатство нищимъ, разоряетъ дворецъ, откуда сынъ отправился на войну, и черезъ годъ умираетъ.

Такъ разработанъ мотивъ борьбы отца съ сыномъ въ иранскомъ эпосѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Фирдоуси многое смягчилъ и видоизмѣнилъ сравнительно съ тѣмъ, какъ эпизодъ борьбы отца съ сыномъ изложенъ былъ въ національныхъ преданіяхъ. Такъ, едва-ли Сохрабъ на самомъ дѣлѣ былъ такимъ великодушнымъ, какъ онъ изображенъ у Фирдоуси. Но во всякомъ случаѣ между иранской обработкой сюжета и русской можно установить нѣсколько точекъ соприкосновенія.

а) Происхожденіе сына. Сохрабъ—богатырь царскаго происхожденія по матери; сынъ Ильи называется въ нѣкоторыхъ былинахъ младымъ королевичемъ Збутомъ, Борисомъ, Петромъ царевичемъ Золотничаниномъ изъ Сѣверной стороны да Золотой орды. Мать Збута Бориса называется иногда королевой Задонской. О связи Ильи съ этой иноземкой былины сохранили мало свѣдѣній. Но во всякомъ случаѣ она не могла быть естественной, добровольной съ обѣихъ сторонъ: дѣвица-змѣя вынуждаетъ Геракла на связь; Техмимэ то же самое дѣлаетъ съ Рустемомъ, причемъ въ кавказскихъ отраженіяхъ Рустеміады приставаніе женщины изображается въ очень грубыхъ формахъ; по другимъ же кавказскимъ передачамъ Ростомъ (кавказская форма имени Рустема) производитъ давленіе на женщину, предварительно убивъ ея мужа. Въ нѣкоторыхъ русскихъ былинахъ есть намеки, что связь Ильи съ Горынинкой обязана была насилію со стороны Ильи. Такимъ образомъ, и по иранскимъ преданіямъ, и по русскимъ былинамъ сынъ богатыря рождается въ иноземномъ царствѣ отъ случайной, насильственной со стороны женщины или мужчины, связи во время похода или охоты.

б) Рожденіе сына и выѣздъ на поиски отца. Разставаясь съ Техмимэ, Рустемъ оставляетъ ей для будущаго сына или дочери драгоцѣнный камень-ониксъ; по одной были-

нѣ Илья даетъ Горынинкѣ для сына или дочери дорогой перстень, наказывая при этомъ, что, если сынъ его, возмужавъ, выйдетъ въ полѣ и увидитъ стараго, то пусть, не дошедши до него, поклонится. Сынъ богатыря развивается очень быстро: Сохрабъ уже въ десять лѣтъ не имѣлъ при дворѣ матери соперниковъ; сынъ Ильи также ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Десятилѣтній Сохрабъ, угрожая убійствомъ, допрашиваетъ у матери, кто его отецъ; по кавказскимъ отголоскамъ Рустеміады сынъ свое допрашиваніе сопровождаетъ пытками матери. По нѣкоторымъ нашимъ былинамъ сынъ убиваетъ мать. Техмимэ, открывъ Сохрабу имя отца, даетъ ему драгоцѣнный ониксъ, оставленный Рустемомъ; по нѣкоторымъ былинамъ Горынинка дала сыну злаченъ перстень, на которомъ написаны были имя, «изотчина», а также наставленіе «не дошедши поклониться старому, а челомъ бить о сыру землю». По другимъ былинамъ не видно, чтобы сынъ искалъ отца: отецъ и сынъ узнаютъ другъ друга во время боя, и у сына пробуждается чувство ненависти къ отцу. Эта черта, вѣроятно, древнѣе предыдущей, такъ какъ болѣе соотвѣтствуетъ характеру первобытныхъ отношеній.

в) Бой отца съ сыномъ. Когда Сохрабъ вторгается въ предѣлы Ирана, Рустемъ находился въ Забулистанѣ на границахъ страны; въ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ фигурируетъ застава, также находившаяся на границѣ Кіевской Руси. Сохрабъ, которому всего только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, вызываетъ противъ себя поединщика; по нѣкоторымъ нашимъ былинамъ нахвальщина, которому тоже только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, подступаетъ съ войскомъ къ Кіеву и требуетъ себѣ поединщика. Противъ Сохраба выступаетъ сначала самый сильный послѣ Рустема изъ богатырей—Тусъ, какъ въ нашихъ былинахъ Добрыня Никитичъ, а и иногда Алеша Поповичъ, причемъ Тусъ, какъ и Добрыня, терпитъ пораженіе. Богатыри иранскіе считаютъ, что только Рустемъ можетъ устоять противъ Сохраба; по нашимъ былинамъ Илья послѣ пораженія Добрыни, видитъ, что некѣмъ ему замѣниться. Сохрабъ, вступивъ въ бой съ Рустемомъ, указываетъ на его старость и совѣтуетъ не сражаться съ нимъ, юношей; нахвальщина, одолѣвъ Илью, издѣвается надъ его старостью. Бой Рустема съ Сохрабомъ ведется сначала ору-

жіемъ — копьями, мечами и саблями, а затѣмъ противники борются въ рукопашную; Илья съ сыномъ сначала дерутся копьями, палицами и саблями, а потомъ схватываются въ рукопашную. Бой Рустема и Сохраба длится три дня; по одной изъ нашихъ былинъ Илья съ сыномъ также бьются три дня, большею же частью борьба кончается въ одинъ день. Въ бою сначала одолѣваетъ Сохрабъ Рустема, а потомъ Рустемъ Сохраба; въ нашихъ былинахъ то же самое — сначала побѣжденъ Илья, а потомъ нахвальщина. Рустемъ побѣждаетъ Сохраба послѣ молитвы къ божеству о возвращеніи прежней силы; Илья побѣдилъ нахвальщину послѣ того, какъ воспоминаніе о предсказаніи апостоловъ и святыхъ отцовъ дало ему приливъ силъ. Опрокинувъ Рустема, Сохрабъ опрашиваетъ его объ имени, причемъ Рустемъ скрываетъ его; у насъ, наоборотъ, опрокинутый Илья спрашиваетъ своего противника объ имени, причемъ сынъ не открываетъ. Бой отца съ сыномъ заканчивается трагически для сына и въ иранскихъ, и въ русскихъ сказаніяхъ, хотя въ русскихъ такой конецъ смягченъ вводнымъ эпизодомъ — коварной попыткой сына убить спящаго отца.

2) **Сравненіе съ кавказскими отголосками Рустеміады.** Въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ и Зурабѣ (Сохрабѣ) Зурабъ изображенъ чертами очень близкими къ нашему Сокольнику. Въ сванетскомъ сказаніи Зурабъ изображенъ охотникомъ: онъ убилъ столько звѣрей, что изъ костей ихъ сдѣлалъ себѣ палатку, въ которой ночевалъ. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи бой отца съ сыномъ передѣланъ въ бой дяди съ племянникомъ, причемъ племянникъ оказывается сильнѣе дяди. Нартъ Сосрыко видитъ въ полѣ чернизину, ѣдетъ туда и видитъ ѣдущаго юнаго богатыря. Сосрыко крикнулъ ему. Юный богатырь не слышитъ его крика и продолжаетъ свой путь. Сосрыко бросается за нимъ въ догонку, но не можетъ догнать. Юный богатырь поворачивается, кричитъ зычнымъ голосомъ, и этотъ голосъ пронзаетъ Сосрыко; затѣмъ онъ ѣдетъ на Сосрыко, который обращается въ бѣгство. Юный богатырь догоняетъ нарта, вышибаетъ изъ сѣдла и собирается снять съ него голову. Нартъ прибѣгаетъ къ хитрости, говоря, что теперь у нартовъ праздникъ, что въ такой день нартовъ не убиваютъ, и надо назначить новый бой. Юноша-богатырь соглашается.

Сосрыко узнаетъ отъ матери, что этотъ юный богатырь—его племянникъ. Сойдясь снова на бой, Сосрыко пугаетъ коня своего противника, сбрасываетъ его на землю и собирается отрубить ему голову. Юноша-богатырь говоритъ Сосрыко, что сегодняшній день онъ долженъ уступить ему. «А, пропади ты, глупый юноша! Станутъ-ли ждать насъ нарты, пока мы будемъ возиться, назначая другъ другу сроки». Съ этими словами Сосрыко отрубаетъ племяннику голову.

3) Эстонскій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ. Эстонскій богатырь Кивви-аль обладаетъ чрезмѣрной силой, которая тяготитъ его самого: поэтому онъ часть своей силы складываетъ подъ камень (отсюда и его имя—Кивви-аль, что значитъ—человѣкъ съ силой подъ камнемъ). Кивви-аль женился, и у него родился сынъ. Соскучившись дома, Кивви-аль покидаетъ семью, оставивъ для сына примѣту—волчій зубъ на цѣпочкѣ, и уѣзжаетъ черезъ море въ Финляндію. Совершивъ здѣсь множество подвиговъ, онъ женится на своей новой родинѣ и имѣетъ много сыновей и дочерей. Однажды возгорѣлась война между финнами и эстами. Кивви-аль руководилъ своими новыми соотечественниками и сильно тѣснилъ эстовъ. Между тѣмъ скоро эсты выставили противъ стараго богатыря финновъ прекраснаго юношу, которому удается побѣдить Кивви-аля. Юноша щадитъ жизнь старика. Старикъ раздраженъ побѣдой надъ собой юноши. Онъ идетъ къ камню и беретъ оттуда сложенную часть силы. Вернувшись съ увеличенными силами, онъ снова вступаетъ въ бой съ юношей, опрокидываетъ его, наступаетъ колѣномъ на грудь и собирается вонзить мечъ ему въ сердце. Вдругъ онъ замѣчаетъ у своего противника волчій зубъ на цѣпочкѣ: Кивви-аль по примѣтѣ узнаетъ въ противникѣ своего сына. Но юноша-богатырь не можетъ уже подняться съ земли: отецъ такъ надавилъ ему колѣномъ на грудь, что сломалъ ее. Сынъ умираетъ. Отецъ въ отчаяніи. Похоронивъ сына, Кивви-аль перебилъ своихъ дѣтей отъ финской жены, а самъ бросился съ высокой скалы внизъ и убился.

4) Киргизскій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ. Богатырь Гали вступаетъ въ бой съ богатыршей-царевной Даригой. Бой ведется четырнадцать дней. На пятнадцатый день Гали ослабѣлъ. Сдѣланъ былъ роздыхъ. Послѣ боя Дарига для воз-

вращенія силъ откармливаетъ себя хлѣбомъ и мясомъ: а Гали молитъ въ горахъ Бога, чтобы онъ укрѣпилъ его силы для дальнѣйшаго боя. Пророкъ Джабріилъ укрѣпляетъ его. Новый бой закончился пораженіемъ Дариги. Гали щадитъ Дариги и вступаетъ съ нею въ бракъ. Вскорѣ послѣ этого Гали покидаетъ Дариги, чтобы отправиться въ Медину, и велитъ назвать будущаго сына Сайдальдой. У Даркги рождается сынъ, который, достигши одного года, оказывается столь сильнымъ, что убиваетъ мальчиковъ щелчкомъ въ лобъ. Одна старуха, сына которой Сайдильда убилъ, посовѣтовала ему лучше заняться отыскиваніемъ своего отца, нежели убивать дѣтей. Сайдильда съ угрозами спрашиваетъ у матери о мѣстопребываніи отца, затѣмъ покидаетъ ее и пристаетъ къ каравану. По дорогѣ Сайдильда убиваетъ змѣя. Сайдильда пріѣзжаетъ въ Медину, въ которой въ то время находился Магометъ. Магометъ признаетъ въ Сайдильдѣ сына Гали; но Сайдильда не признается въ этомъ и уходитъ въ Мекку. Въ Меккѣ въ это время происходили игры и борьба. Въ борьбѣ принимали участіе девять сыновей Гали отъ первой жены и самъ Гали. Сайдильда также принимаетъ участіе въ борьбѣ побѣждаетъ сыновей Гали, а затѣмъ и самаго Гали, не подозрѣвая, что это—его отецъ. Гали спрашиваетъ своего противника, чей онъ сынъ. Сайдильда говоритъ, что отецъ его—Гали. Гали обнимаетъ сына. Сайдильда, узнавши, что онъ побороль отца, вырывается изъ его объятій, убѣгаетъ въ горы, ударяетъ по вершинѣ горы палкой, причемъ на этомъ мѣстѣ образуется пропасть, и бросается въ нее. Послѣ этого на мѣстѣ пропасти образуется высокая гора.

Сопоставленіе краинскихъ, кавказскихъ, эстонскаго и киргизскаго сказаній о боѣ отца съ сыномъ съ русскими указываетъ на ихъ довольно большую близость, совпадающую даже въ мелочахъ. Менѣе сходства между русскими сказаніями на этотъ сюжетъ и западноевропейскими.

5) **Верхненѣмецкій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ.** Гильдебрандъ собирается вернуться въ Бернъ, гдѣ онъ не былъ въ теченіе 30 лѣтъ. Тамъ жила его жена Утэ. Герцогъ Амелунгъ, узнавъ о намѣреніи Гильдебранда, предостерегаетъ его противъ молодого витязя Алебранда, который живетъ на заставѣ и нападаетъ на него. Гильдебрандъ отвѣчаетъ,

что, если сынъ нападетъ на него, то онъ изрубитъ его щитъ и такъ накажетъ, что цѣлый годъ будетъ жаловаться матери. Дѣйствительно, на заставѣ у Берна Гильдебрандъ сталкивается съ Алебрандомъ. Алебрандъ спрашиваетъ старика, что ему нужно, и замѣчаетъ, что лучше бы онъ сидѣлъ дома и грѣлся на печи. Завязывается бой. Гильдебрандъ обезоруживаетъ молодого витязя и спрашиваетъ, чей онъ сынъ. Оказывается, что Алебрандъ — его сынъ. Отецъ съ сыномъ рады и вмѣстѣ ѣдутъ къ Утэ.

6) **Нижненѣмецкій разсказъ**. Предыдущій эпизодъ въ нижненѣмецкомъ разсказѣ передается нѣсколько иначе. Гильдебрандъ выѣзжаетъ къ Берну. Молодой Конрадъ, провожающій Гильдебранда, совѣтуетъ ему при встрѣчѣ съ Алебрандомъ быть поласковѣе и сказаться его отцомъ, иначе ему можетъ сильно достаться отъ Алебранда. Сообщивъ Гильдебранду примѣты его сына, Конрадъ разстался съ Гильдебрандомъ. Гильдебрандъ встрѣчаетъ Алебранда: послѣдній на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи; рядомъ съ нимъ два выжлеца, а по лѣвую сторону—ястребъ. Завязывается бой. Древки ихъ копій разламываются пополамъ. Противники сходятъ съ коней и бьются мечами. Гильдебрандъ во время боя трржды спрашиваетъ Алдбранда объ его имени, а тотъ отвѣта не даетъ. Гильдебрандъ наносилъ противнику рану въ бедро. Алебрандъ передаетъ Гильдебранду свой мечъ. Когда Гильдебрандъ протянулъ руку къ мечу, Алебрандъ неожиданно взмахнулъ мечомъ, чтобы отрубить противнику руку. Гильдебрандъ во время заслонился щитомъ и сказалъ: «этому удару ты научился у бабы, а не у отца». Гильдебрандъ набрасывается на юношу, опрокидываетъ его и наноситъ надъ нимъ мечъ со словами: «если ты Алебрандъ, то я—отецъ твой Гильдебрандъ». Алебрандъ называетъ себя. Этотъ разсказъ легъ въ основу и Тидрекъ-саги.

7) **Кельтскія сказанія о Клизаморѣ и Картонѣ**. Клизаморъ, одинъ изъ ирскихъ богатырей, былъ прибитъ бурей къ берегамъ рѣки Клейда. Ревтамиръ, старѣйшина ближайшаго города, населеннаго бриттами, оказываетъ Клизамору гостепріимство и выдаетъ за него замужъ свою дочь Моину. Среди бриттовъ былъ одинъ, который давно уже любилъ дочь Ревтамира. Этотъ бриттъ затѣваетъ съ своимъ счастливымъ соперникомъ бой и гибнетъ. Бритты собираются

мстить Клизамору за своего соотечественника, и Клизаморъ едва спасается вплавь. Дойдя до своихъ судовъ, Клизаморъ хочетъ вернуться назадъ за женой, но противный вѣтеръ мѣшаетъ ему, и онъ вынужденъ вернуться на родину безъ жены.

Между тѣмъ Моина родила сына и въ скоромъ времени умираетъ. Дѣдъ воспитываетъ малютку и даетъ ему имя Картонъ. Прошло три года. Вождь пировъ Комгалъ во время одного изъ своихъ походовъ сжегъ родной городъ Картона; дѣдъ Картона былъ убитъ, а самъ Картонъ былъ спасенъ няней. Картонъ, достигши юношескаго возраста, рѣшается отомстить прамъ. Въ бою, происшедшемъ между прами и бриттами, Картонъ побѣждаетъ двухъ самыхъ выдающихся ирскихъ богатырей. Наконецъ, противъ Картона выступаетъ Клизаморъ. Картонъ, увидѣвъ противъ себя богатыря-старца, задумался: «Подниму-ли я противъ него копье мое, всегда падающее такъ вѣрно, или обращу къ нему слово мира, чтобы пощадить его жизнь? Какъ онъ еще статенъ подъ тяжестью лѣтъ... Что, ежели это—мужъ Моины, отецъ Картона? Не разъ приходилось мнѣ слышать, что онъ долженъ жить на берегахъ этихъ». Клизаморъ занесъ свое копье на Картона. Картонъ принялъ ударъ на свой щитъ и, обратившись къ Клизамору, сказалъ ему мирное слово: «Развѣ некѣмъ тебѣ замѣниться, сѣдатый воинъ? Или нѣтъ у тебя сына, чтобы выйти противъ меня? Или нѣтъ у тебя милой жены, или плачетъ она надъ могилой сыновей своихъ? Кто ты? Сидишь-ли въ рядахъ королей? И какова же будетъ моя удача молодецкая, если ты падешь подъ моими ударами?» — «Не мала бы она была, молодой нахвальщичекъ,—отвѣчаетъ Клизаморъ:—я выросъ посреди браней, но никогда еще не называлъ я врагу своего имени». Клизаморъ и Картонъ сражаются. Картону удается сломать копье Клизамора и вырвать изъ его рукъ мечъ; онъ уже собирается связать старика, но старикъ выхватилъ изъ ноженъ кинжалъ своихъ предковъ и, замѣтивъ у Картона открытое мѣсто, наноситъ ему ударъ въ бокъ. Картонъ падаетъ, смертельно раненый. Открывается, что Картонъ — сынъ Клизамора. Отецъ въ отчаяніи. Смерть Картона оплакиваютъ три дня. На четвертый умираетъ самъ Клизаморъ.

Приведенные западно-европейскіе варіанты боя отца съ сыномъ носятъ уже сильный отпечатокъ позднѣйшей эпохи.

Но нѣтъ сомнѣнія, что и они возникли на почвѣ тѣхъ коллизій, которыя создавались на границѣ двухъ эпохъ -матріархальной и патріархально-родовой.

212. Исторія образа Ильи Муромца. По былинамъ записи XIX в. богатырь Илья—крестьянскаго происхожденія. Родители Ильи—земледѣльцы, поднимающіе новь, очищающіе площадку отъ дубья-колодья подъ пашню. Исцѣленный каликами, Илья идетъ въ поле и быстро кончаетъ начатую его отцомъ работу. Таково происхожденіе Ильи по былинамъ позднѣйшихъ записей. Былины старой записи ничего не знаютъ о крестьянскомъ происхожденіи Ильи. Изъ этого слѣдуетъ, что Илья Муромецъ былъ сдѣланъ крестьяниномъ уже въ новѣйшее время, когда кіевскія старины, послѣ разгрома класса скомороховъ-пѣвцовъ, попали въ крестьянскую среду. Этотъ выводъ подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что полученіе Ильей силы богатырской до сихъ поръ излагается двояко: по однимъ былинамъ, Илья получилъ силу отъ каликъ перехожихъ -версія весьма подозрительная, потому что передающія ее былины нескладны и отличаются плохимъ стихомъ, а по другимъ — Илья выступаетъ съ самаго начала богатыремъ, причемъ его силы увеличиваются благодаря той богатырской школѣ, которую онъ проходитъ подъ руководствомъ иноземнаго прикавказскаго богатыря Святогора—версія, наиболѣе соотвѣтствующая начальнымъ моментамъ нашей исторіи: русская сила, дѣйствительно, развивалась и крѣпла подъ протекторатомъ прикавказской хазарской силы, наслѣдниками которой становятся русскіе князья, въ томъ числѣ каганъ кіевскій—Владиміръ. Кромѣ того, крестьянское происхожденіе Ильи ровно ничѣмъ не выражается въ другихъ былинахъ.

Илья, какъ богатырь крестьянскаго происхожденія, прикрѣпленъ къ городу Мурому и селу Карачарову, т. е. къ Ростово-Суздальской области. Отсюда и прозвище Ильи—Муромецъ. Но если мы обратимся къ старымъ записямъ былинъ, то найдемъ достаточно указаній на то, что такое пріурочиваніе—плодъ позднѣйшаго творчества той эпохи, когда вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ изъ Кіевской Руси въ Ростово-Суздальскій край кіевскія старины попали на сѣверо-востокъ и имена лицъ, названія мѣстностей Кіевской Руси стали сближаться и смѣшиваться съ именами дѣятелей

и названіями мѣстностей въ Ростово-Суздальской области. Кмита Чернобыльскій (XVI в.) называетъ Илью не Муромцемъ, а Муравленниномъ, Эрихъ Лассота (XVI в.) — Моровлиномъ; въ записяхъ былинъ XVII в. -Муровичъ и Муровѣцъ, у испанца Кастильо, который жилъ въ Россіи въ концѣ XVIII в., - Ilia Muravitz, въ финскихъ отголоскахъ нашихъ былинъ — Muurovitza. Всѣ эти формы болѣе древняго прозвища Ильи, съ XVI в. и до конца XVIII в., заставили изслѣдователей изучить названія разныхъ городовъ и мѣстностей въ Кіевской Руси. Изученіе привело къ констатированію существованія цѣлаго рода названій весьма близкихъ къ старому прозвищу Ильи. На Волыни есть мѣстности подъ названіемъ Моровескъ и Муравица. Въ одной волынской пѣснѣ воспѣвается рѣка Муравецъ. Но особенно прочно можно установить существованіе мѣстъ съ названіемъ, близкимъ къ старому прозвищу Ильи, въ Черниговской области. Въ Черниговской губ. есть село Моровскъ, соотвѣтствующее древнему городу Моровійску, первое упоминаніе о которомъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1139 г. Именно, въ этомъ городѣ Ярополкъ Кіевскій заключаетъ миръ съ Всеволодомъ Ольговичемъ. Въ 1152 г. Изяславъ по дорогѣ въ Черниговъ, осажденный Юріемъ Долгорукимъ и половцами, останавливается у Моровійска; въ 1154 г. Юрій Долгорукій во время похода на Черниговъ останавливается у этого же города; Святославъ Черниговскій подъ 1159 г. перечисляя принадлежащіе ему города, называетъ, между прочимъ, Моровійскъ; въ 1160 г. въ Моровійскъ пріѣхали Святославъ Мстиславовичъ для заключенія союза; въ 1175 г. Олегъ Святославичъ Новгородъ-сѣверскій въ борьбѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ сжигаетъ его городъ Моровійскъ. «Книга Большому Чертежу» знаетъ даже и описываетъ Муравскій шляхъ (дорогу) отъ Куликова поля мимо Тулы, между рѣками Упой и Соловой—до Крыма.

На границѣ Черниговскаго княжества и Новгородъ-Сѣверскаго находился городъ Карачевъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ впервые съ 1146 г.: во время усобицы съ черниговскими князьями Новгородъ-Сѣверскій князь Святославъ Ольговичъ, не надѣясь удержаться въ своемъ городѣ, направился къ Карачеву, разорилъ его и бѣжалъ далѣе къ вятичамъ; заключивъ миръ около 1155 г., Святославъ вымѣ-

нялъ себѣ Карачевъ. Затѣмъ Карачевъ становится достояніемъ Святослава Всеволодовича кіевскаго (дѣйствующаго въ «Словѣ о полку Игоревѣ») и служитъ для кіевскихъ князей базой въ борьбѣ съ половцами и Рязанью. Въ 25 верстахъ отъ Карачева протекаетъ рѣка Смородиная, а на берегу ея находится село Девятидубье и «Соловьевъ переводъ». По мѣстному преданію, здѣсь именно жилъ въ древности Соловей-разбойникъ.

Эти данныя заставляютъ предполагать, что до Ростово-Суздальской эпохи въ русской исторіи дѣятельность Ильи связывалась съ Черниговской областью и пріурочивалась къ городамъ Моровійску и Карачеву. Такое предположеніе находится, во-первыхъ, въ полномъ согласіи съ исторіей: въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ (съ XI—XIII) Черниговъ играетъ роль соперника Кіева по силѣ, богатству и славѣ; Черниговская область является ареной, гдѣ происходятъ многочисленныя военныя столкновенія русскихъ князей другъ съ другомъ или съ половцами. Былины, изображающія освобожденіе Чернигова отъ осаждающей его силы, является несомнѣнно отголоскомъ историческихъ событій, связанныхъ съ именемъ этого города. Въ одной изъ нынѣшнихъ былинъ роднымъ городомъ Ильи называется Моровъ, напоминающій по своему звуковому составу—Моровійскъ. По другой былинѣ Илья проситъ у отца благословенія ѣхать въ Черниговъ и уже изъ Чернигова отправляется въ Кіевъ къ Владиміру. Во-вторыхъ, при этомъ предположеніи устраняется рядъ недоразумѣній, возбуждаемыхъ нынѣшней редакціей былинъ о первомъ выѣздѣ Ильи: Илья выѣзжаетъ изъ Мурома и села Карачарова съ цѣлью попасть въ Кіевъ; Черниговъ стоитъ значительно въ сторонѣ отъ пути въ Кіевъ; между тѣмъ Илья Муромецъ попадаетъ подъ Черниговъ, дѣлая такимъ образомъ значительный крюкъ, ничѣмъ не объясняемый. Если же предположить, что Илья выѣзжалъ изъ Моровійска, то тогда дѣйствительно Илья неизбѣжно долженъ былъ по пути въ Кіевъ проѣзжать мимо Чернигова.

Но и пріуроченіе начальной дѣятельности Ильи къ Черниговской области было, по всей вѣроятности, плодомъ творчества въ эпоху системы очередного княженія. Между тѣмъ Илья Муромецъ настолько ярко выступаетъ, какъ богатырь, охваченный идеей служенія русской землѣ и ея представи-

гелю князю Владиміру, что его образъ не могъ возникнуть въ эпоху системы очереднаго княженія, когда общерусскіе интересы отступили передъ интересами мѣстными. Образъ Ильи Муромца долженъ былъ возникнуть первоначально въ великую эпоху Владиміра св., когда впервые у русскаго правящаго класса съ княземъ во главѣ возникли интересы культурно-государственнаго характера. Объ этомъ первоначальномъ періодѣ, пережитомъ старинами объ Ильѣ Муромцѣ, мы находимъ нѣкоторыя замѣчательныя отголоски въ германской поэмѣ «Ортнитъ» (начало XIII в.) и въ норвежской «Тидрекъ-сагѣ» (половина XIII в.).

Въ поэмѣ «Ортнитъ» однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является Ilias von Riuzen русскій князь Илья (варіанты этого имени: Yllias, Ilias, Illas, Elias, Eligas, Eligás). Этотъ Иліасъ— дядя короля Ортнита по матери и его самый вѣрный помощникъ. Онъ выбираетъ своему племяннику въ супруги дочь Махареля, сирійскаго короля, предпринимаетъ съ нимъ походъ за невѣстой, съѣздя предварительно на Русь, чтобы попрощаться съ женой, дѣтьми и дружиной. Походъ кончается успѣшно. Иліасъ въ битвѣ такъ разошелся, что Ортниту едва удалось сдержать его: изъ-за этого Ортнитъ чуть не разсорился съ нимъ. Но когда Ортнитъ, утомленный битвой, попалъ въ критическое положеніе, Иліасъ спѣшитъ къ нему на выручку и обращаетъ непріятеля въ бѣгство.

Въ этой поэмѣ замѣчательно то, что отношенія между Ортнитомъ и Иліасомъ соотвѣтствуютъ отношеніямъ между Владиміромъ и его дядей Добрыней: оба—находятся въ одинаковыхъ отношеніяхъ родства: Иліасъ — дядя Ортнита по матери, Добрыня —дядя Владиміра по матери; какъ Иліасъ добываетъ Ортниту въ походѣ невѣсту, предварительно съѣздивъ на Русь проститься со своими, такъ Добрыня, возвратившись изъ Скандинавіи, сватаетъ и затѣмъ въ походѣ добываетъ Владиміру Рогнѣду; какъ Иліасъ въ битвѣ сильно расходится, такъ Добрыня, добывая Рогнѣду, жестоко расправляется съ ея родными. Замѣчательно также, что добываніе Владиміру невѣсты составляетъ сюжетъ особой былины, въ которой дѣятельное участіе принимаетъ именно Добрыня (§ 194).

Еще любопытнѣе отголоски о древнемъ Ильѣ въ Тид-

рекъ-сагѣ. Поэма эта даетъ своеобразную генеалогію русскихъ князей. На Руси (Ruzciland) царствуетъ Гертнитъ (соотвѣтствуетъ Ортниту предыдущей поэмы). Ему подчинена большая часть Греціи. Столица Руси Holmgard (Новгородъ). У короля два сына—Озангтриксъ и Владиміръ: кромѣ нихъ у него есть еще третій сынъ—Иліасъ, но не отъ королевы, а отъ наложницы. Передъ смертью Гертнитъ распредѣляетъ земли между сыновьями: Озангтриксъ получаетъ Villcinaland (повидимому, страна лютичей-велетовъ). Иліасъ, который называется въ сагѣ «великимъ воеводой и могучимъ бойцомъ», получаетъ въ управленіе Грецію, а Владиміръ получаетъ область Pulinaland (землю полянъ) и титулъ короля всей Руси. Изъ эпизодовъ, о которыхъ разсказываетъ Тидрекъ-сага, любопытенъ слѣдующій: король Гуналанда Аттила ведетъ войну съ Владиміромъ и отнимаетъ у него городъ Palteskia (Полоцкъ).

Эти данныя изъ Тидрекъ-саги представляютъ несомнѣнный поэтическій отголосокъ древнерусской исторіи. Князь Святославъ, соотвѣтствующій Гертниту Тидрекъ-саги, дѣйствительно, еще при жизни распредѣляетъ области между своими тремя сыновьями—Ярополкомъ (Кіевская область), Олегомъ (Древлянская область) и Владиміромъ (Новгородская область); Греція, фигурирующая, какъ часть Руси, повидимому, означаетъ, съ одной стороны, нѣкоторыя греческія колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря и у Азовскаго моря, принадлежавшія русскимъ, а съ другой — Болгарію, завоеванную Святославомъ; эпизодъ съ Полоцкомъ является отголоскомъ завоеванія его Владиміромъ у Рогнѣды. Но любопытнѣе всего память Тидрекъ-саги о наложницѣ. Правда, Тидрекъ-сага перепутала: Владиміръ былъ сыномъ отъ королевы, а Иліасъ отъ наложницы, тогда какъ по нашимъ лѣтописнымъ преданіямъ Владиміръ былъ сыномъ отъ наложницы, братомъ которой былъ Добрыня, соотвѣтствующій по поэмѣ «Ортнитъ» Иліасу.

Сопоставляя данныя изъ поэмы «Ортнитъ» и «Тидрекъ-саги» съ нашими лѣтописными преданіями, приходится заключить, что Илья западноевропейскихъ поэмъ—никто иной, какъ дядя Владиміра, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ Добрыни. Это неожиданное заключеніе возбуждаетъ рядъ вопросовъ.

Во-первыхъ, откуда въ скандинавскую «Тидрекъ - сагу» и въ ея отголосокъ — германскую поэму «Ортнитъ» могли попасть факты изъ русской исторіи? Этотъ вопросъ разрѣшается очень просто: между Скандинавіей и древней Русью существовали дѣятельныя сношенія, которыя поддерживались варягами, отправлявшимися на службу къ русскимъ князьямъ и затѣмъ возвращавшимися назадъ. Возвратившись на родину, они должны были разсказывать своимъ близкимъ о собственныхъ приключеніяхъ на Руси, о тѣхъ лицахъ, у которыхъ они служили, о событіяхъ, свидѣтелями и участниками которыхъ они были. Если среди вернувшихся варяговъ были пѣвцы-поэты, то они объ этихъ лицахъ и событіяхъ разсказывали въ формѣ пѣсни. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ скандинавскихъ пѣсняхъ мы находимъ отголоски древнерусской исторіи. А изъ скандинавскихъ пѣсенъ съ русскимъ содержаніемъ могъ почерпать содержаніе и родственный скандинавскому—германскій эпосъ (§ 171). Возвращавшіеся на родину варяги, знавшіе хорошо отношенія, существовавшія въ русскихъ правящихъ кругахъ, не могли не знать Добрыни и его роли въ жизни и княженіи Владимира.

Во-вторыхъ, въ поэмѣ «Ортнитъ» Илія - Добрыня изображается заѣзжимъ иностраннымъ богатыремъ изъ Руси. Почему? По всей вѣроятности, это является отраженіемъ слѣдующаго, вѣроятно, дѣйствительно бывшаго факта. Подъ 977 г. наша лѣтопись сообщаетъ, что Владиміръ, услышавъ о томъ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ изъ Новгорода къ варягамъ за море. Владиміру въ то время было около 16—17 лѣтъ; его руководителемъ, по лѣтописи, былъ дядя Добрыня. Ясно, что Владиміръ бѣжалъ не одинъ, а съ дядей. Въ Скандинавіи Владиміръ съ Добрыней пробылъ до 980 г., т. е. около трехъ лѣтъ. Трудно предположить, чтобы такой даровитый человѣкъ, какъ Добрыня, за это время не проявилъ себя какими нибудь дѣйствіями, обратившими на себя вниманіе туземныхъ скандинавскихъ общественныхъ группъ; не даромъ черезъ три года Добрынѣ удалось увлечь за Владиміромъ и собою отрядъ варяговъ, благодаря которому Владиміръ завладѣлъ всей русской землей.

Въ-третьихъ, если лѣтописный Добрыня и Иліасъ—одно

и то же лицо, то почему Добрыня въ «Ортнитѣ» и «Тидрекъ-сагѣ» выступаетъ подъ именемъ Иліаса, т. е. Ильи большинства нашихъ былинъ? Этотъ вопросъ самый трудный для разрѣшенія. Отвѣтомъ можетъ послужить только рядъ предположеній, одинаково вѣроятныхъ (§ 164, 172).

Первое предположеніе состоитъ въ томъ, что имя Добрыня постепенно вытѣснялось въ пѣсняхъ объ этомъ дѣятелѣ именемъ Илья, принадлежавшимъ какому нибудь позднѣйшему дѣятелю. Это предположеніе находитъ себѣ опору въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ данныхъ. Въ первой Новгородской лѣтописи упоминается князь Илья, сынъ Ярослава Мудраго. Вотъ это мѣсто изъ лѣтописи: «И родися у Ярослава сынъ Илья и посади въ Новгородѣ и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина Добрынича и заточи и (его); а сына своего Володимира посади въ Новгородѣ». Въ этихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ любопытно то, что у Ярослава былъ сынъ по имени Илья, который даже управлялъ Новгородомъ; въ свое время этотъ Илья былъ лицомъ очень извѣстнымъ: по крайней мѣрѣ, въ сагахъ онъ, подъ именемъ Гольти, т. е. ловкаго, быстраго, фигурируетъ рядомъ съ Вальдимаромъ (Владимиромъ) и Висиволодомъ. Замѣчательно въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ и то, что въ нихъ упоминается Коснятинъ Добрыничъ, сынъ Добрыни, чѣмъ-то навлекшій гнѣвъ Ярослава, быть можетъ, какими либо отношеніями къ умершему князю, или своими притязаніями.

Второе предположеніе состоитъ въ томъ, что имя Добрыня вытѣснялось созвучнымъ съ словомъ Илья именемъ какого нибудь предшествующаго русскаго дѣятеля. Варіантъ имени Иліаса—Eligas—указываетъ, имя какого именно дѣятеля могло имѣть здѣсь вліяніе. Форма Eligas, съ удареніемъ безразлично на первомъ отъ конца или на второмъ отъ конца слогѣ, соотвѣтствуетъ древнерусской формѣ Ольгъ и народной Вольга. Эрихъ Лассота (§ 173) имя Ильи Муромца передаетъ въ формѣ Elia, соотвѣтствующей варіанту Elias въ поэмѣ «Ортнитъ». Въ нѣкоторыхъ спискахъ поэмы «Ортнитъ» прямо встрѣчаются формы Yllias, Illias, Ilias. Итакъ, повидимому, имя Добрыни могло вытѣсняться именемъ древнерусскаго князя Олега вѣщаго. Для такого вытѣсненія были важныя въ процессѣ устной передачи пѣсенъ причины: 1) Олегъ при Игорѣ игралъ такую же роль, какъ и Добрыня при

Владимирѣ: онъ управлялъ за Игоря государствомъ, совершилъ рядъ блестящихъ походовъ и завоеваній, перенесъ столицу въ Кіевъ, побѣдилъ грековъ; 2) Олегъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, былъ братъ жены Рюрика, слѣдовательно, находился въ такихъ же отношеніяхъ родства къ Игорю, какъ Добрыня къ Владиміру. По этимъ причинамъ пѣсни о Добрынѣ невольно должны были смѣшиваться и спутываться съ пѣснями объ Олегѣ вѣщемъ, причемъ имя Добрыни могло легко замѣняться именемъ Олега; а такъ какъ нѣкоторыя формы этого имени близко подходятъ къ имени Ильи, то замѣниться въ концѣ концовъ этимъ именемъ. Предположеніе о вытѣсненіи имени Добрыни именемъ Илья черезъ посредство имени Олегъ, благодаря смѣшенію двухъ историческихъ лицъ и ихъ дѣятельности, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ фактѣ. Въ одномъ проложномъ житіи св. Владимира (въ разсказѣ о походѣ Владимира на Корсунь сообщается, что Владиміръ, взявъ Корсунь, «посла Олга воеводу съ Жьдеберномъ въ Царьградъ къ царямъ просити за себе сестры ихъ». Изъ этого сообщенія видно, что Добрыню, воеводу Владимира, устныя преданія, записанныя авторомъ проложнаго житія, уже смѣшивали съ Олегомъ, который превратился въ воеводу Владимира.

Второе предположеніе, т. е. вытѣсненіе имени Добрыни именемъ Олега въ формахъ, близкихъ къ имени Илья, бросаетъ свѣтъ и на прозвище Ильи—Муромецъ. Въ одномъ «Торжественникѣ» (л. 92) разказывается о завоеваніи новгородскимъ русскимъ княземъ Бравлениномъ, или Бравлиномъ, южнаго берега Крыма отъ Корсуня и до Корчева. Взятъ городъ Сурожъ (Судакъ) князь Бравленинъ-Бравлинъ ворвался въ церковь св. Софіи и сталъ грабить гробъ св. Стефана Сурожскаго. Но здѣсь произошло чудо: князь упалъ и сталъ источать пѣну, крича, что великій человѣкъ ударилъ его по лицу. Это былъ св. Стефанъ, который сказалъ, что не выпуститъ его, пока не крестится. Князь крестился. Далѣе разсказывается объ исцѣленіи корсуньской царицы Анны. Въ этомъ сказаніи прежде всего интересно упоминаніе о корсуньской царицѣ Аннѣ, тезкѣ той царицы Анны, на которой полтора вѣка спустя послѣ похода князя Бравленина-Бравлина женился въ Корсунѣ Владиміръ. Далѣе обращаетъ

на себя вниманіе имя, точнѣе, прозвище князя Бравленинъ, или Бравлинъ. Слово Бравлинъ, повидимому, образовалось изъ Мравлинъ (какъ Бохмитъ изъ Магометъ, бахрома изъ махрама); краткогласная форма Мравлинъ, Мравленинъ соотвѣтствуетъ полногласнымъ Моровлинъ, Моровленинъ. Слова Мравлинъ, Мравленинъ и Моровлинъ, Моровленинъ, въ свою очередь, могли возникнуть параллельно словамъ Мурмонинъ, Нурманинъ, Урманинъ, соотвѣтствующихъ германскому Normannen, т. е. названію скандинавовъ. Итакъ, Бравленинъ, Бравлинъ, вѣроятнѣе всего, означаетъ Мурманинъ, Урманинъ, Норманнъ. Такъ называемая «Іоакимовская» лѣтопись называетъ Олега княземъ Урманскимъ, т. е. Норманнскимъ.

Прозвище Ильи «Муромецъ», какъ извѣстно, представляетъ позднѣйшее осмысленіе слѣдующихъ формъ: Муровичъ (XVII в.), Моровлинъ и Муравленинъ (XVI в.); послѣднія формы, въ свою очередь, суть искаженіе первоначальныхъ формъ: Мурманинъ, Урманинъ, что значило—Норманинъ, норманнскій. Итакъ, Илья Муромецъ означаетъ—Илья Норманнъ. На Добрыню - Илью, «храбора и нарядна мужа», перенесено было изъ древнихъ пѣсенъ объ Олегѣ не только имя послѣдняго, но и прозвище, обозначавшее племя изъ котораго происходили удалые вожди - завоеватели, и получившее потомъ нарицательное значеніе. Такое толкованіе не противорѣчитъ исторической теоріи княжеско-дружиннаго эпическаго творчества и находится въ полномъ согласіи съ историческими фактами древнерусской жизни.

213. Параллель между Ильей Муромцемъ и лѣтописнымъ Добрыней, дядей Владимира. Личность Добрыни, дяди Владимира, насколько ее можно возсоздать по отрывочнымъ и, безъ сомнѣнія, неполнымъ лѣтописнымъ даннымъ, не противорѣчитъ основнымъ чертамъ образа Ильи Муромца, не смотря на всевозможныя наслоенія, легшія на него.

Во-первыхъ, Илья по былинамъ не родовитъ, даже низкаго происхожденія. Поэтому, хотя Илья своими могучими силами и подвигами внушаетъ Владимиру и его приближеннымъ князьямъ и боярамъ уваженіе, однако всетаки при дворѣ на него смотрятъ, какъ на неровню, и иногда это подчеркиваютъ: Илью Владимиръ «забываетъ» пригласить на

ниръ; Ильѣ Владиміръ даритъ не цѣнные подарки, какъ князьямъ и боярамъ, а кое-что—татарскую шубу. Добрыня также былъ незнатнаго происхожденія. Про отца его изъ лѣтописи мы знаемъ только, что имя его было Малкъ, а родомъ былъ Любечанинъ; но относительно сестры Добрыни мы знаемъ, что она была «рабыня», занимала должность прислужницы при дворѣ Ольги; можетъ быть, и Добрыня имѣлъ какую-нибудь невысокую должность тамъ же. Во всякомъ случаѣ Добрыня, принадлежавшій къ покоренному варягами славянскому племени, среди правительственнаго класса, состоявшаго большею частью изъ варяговъ-скандинавовъ, долженъ былъ считаться неблагороднымъ. Самъ Владиміръ, которому Добрыня со стороны матери приходился дядей, долженъ былъ считать себя шокируемымъ такимъ родствомъ, напоминавшимъ ему о томъ, что и онъ— робичичъ». Очень можетъ быть, что Владиміръ, угнетаемый сознаніемъ своей собственной неродовитости, иногда въ присутствіи своихъ приближенныхъ въ преувеличенныхъ формахъ подчеркивалъ свое пренебреженіе къ Добрынѣ.

Во-вторыхъ. Илья—могучій богатырь, неустанный борецъ за русскую землю и Владиміра, даровитый слуга Владиміра; онъ берется и прекрасно выполняетъ предпріятія, которыя не по силамъ остальнымъ даровитымъ помощникамъ Владиміра. Добрыня, по лѣтописямъ, — воевода Владиміра, «храборъ и наряденъ (распорядительный) мужъ». Эти эпитеты вполнѣ оправдываются лѣтописными сообщеніями о дѣятельности Добрыни. Добрыня подсказываетъ новгородцамъ, чтобы они просили у Святослава на княженіе къ себѣ Владиміра; по смерти Святослава онъ спасъ Владиміра отъ угрожавшей ему отъ Ярополка опасности, убѣжавъ съ нимъ за границу; навербовавъ тамъ варяжскій отрядъ, Добрыня возвращается съ Владиміромъ въ Новгородъ; чтобы облагородить происхожденіе Владиміра, да кстати и свое, онъ сватаетъ за своего племянника родовитую Рогнѣду, а когда послѣдняя гордо и оскорбительно отказываетъ Владиміру, жестоко мститъ ей, убивъ ея родныхъ и отдавъ ее насильственно Владиміру; искусными дѣйствіями Добрыня избѣгаетъ кровопролитнаго сраженія съ Ярополкомъ; Ярополкъ погибаетъ одинъ, и кіевскій престолъ безъ особыхъ затрудненій достается Владиміру. Нѣтъ сомнѣнія, что и во всѣхъ даль-

нѣйшихъ предпріятіяхъ Владимира роль вдохновителя, иниціатора и исполнителя принадлежала Добрынѣ, хотя лѣтопись объ этомъ упоминаетъ рѣдко: Добрыня искусно избавляетъ Владимира и Кіевъ отъ исполненія требованій варяжской дружины; подъ вліяніемъ Добрыни Владиміръ демонстративно поддерживаетъ религіозный культъ славянъ въ Кіевѣ—причемъ Добрыня, получившій отъ Владимира въ управленіе Новгородъ, то же самое дѣлаетъ въ Новгородѣ: рядъ походовъ (завоеваніе Червонной Руси, походы на вятичей, ятвяговъ, радимичей, камскихъ болгаръ) былъ предпринятъ, вѣроятно, по иниціативѣ Добрыни, въ интересахъ котораго было громкими дѣяніями возвысить Владимира и себя и этимъ сдѣлать прочнымъ его положеніе и свое. Искусно задуманный и хорошо совершенный походъ на Корсунь въ связи съ принятіемъ византійскаго христіанства и вступленіемъ Владимира въ бракъ съ греческой царевной, навѣрно, былъ дѣломъ рукъ Добрыни, такъ какъ этотъ походъ съ одной стороны породнилъ Владимира, а слѣдовательно, и Добрыню съ византійскими императорами, а съ другой ввелъ русское государство, благодаря принятію крещенія, въ кругъ культурныхъ европейскихъ государствъ.

Въ-третьихъ, Илья выступаетъ на богатырское поприще послѣ продолжительнаго періода бездѣйствія: онъ тридцать лѣтъ и три года сиднемъ сидѣлъ, и только получивъ чудесное исцѣленіе отъ каликъ, обнаружилъ громадныя силы. Соотвѣтственно этому и Добрыня своимъ положеніемъ первоначально обреченъ былъ на бездѣйствіе. Случайное обстоятельство, что у его сестры родился отъ Святослава сынъ, ввело Добрыню въ ряды русскаго правящаго класса, гдѣ могли развернуться его блестящіе таланты. Если бы не это обстоятельство, жизнь Добрыни, вѣроятно, протекла бы совершенно иначе, и историческаго значенія не имѣла бы никакого.

Въ-четвертыхъ, Илья Муромецъ представленъ въ нашемъ эпосѣ старымъ, даже матерымъ. Старость, седьмая степень возраста, по древнимъ представленіямъ, охватывала періодъ жизни между 40 и 55 годами. Этотъ возрастъ характеризовался не такими чертами, какъ теперь, т. е. не слабостью и дряхлостью, а мужествомъ, установившейся твердостью и крѣпостью. Илья Муромецъ называется старымъ

именно въ этомъ смыслѣ. Онъ представляется богатыремъ, которому не менѣе 40 лѣтъ отъ роду. Возрастъ Добрыни въ періодъ его дѣятельнаго участія въ дѣлахъ княженія Владимира долженъ соотвѣтствовать возрасту Ильи: если предположить, что Добрынѣ въ тотъ моментъ, когда Владимиръ былъ посаженъ въ Новгородѣ (970), было отъ 25—30 л. (моложе онъ, братъ матери Владимира, не могъ быть, такъ какъ врядъ ли назначенъ былъ бы руководителемъ Владимира), то къ 980 г., когда Владимиръ сталъ кіевскимъ великимъ княземъ, онъ долженъ былъ имѣть отъ 35 — 45 лѣтъ. Съ этого момента тянется рядъ громкихъ событій княженія Владимира; вдохновителемъ и участникомъ этихъ событій былъ Добрыня. Такимъ образомъ, эти событія совпали съ той степенью возраста Добрыни, которая въ древности называлась старостью. Вслѣдствіе этого образъ Добрыни долженъ былъ сохраниться въ воображеніи его современниковъ и потомковъ непремѣнно съ чертами стараго и матераго.

Въ-пятыхъ. Илья требуетъ къ себѣ отъ Владимира особаго вниманія: онъ оскорбляется пренебреженіемъ, которое иногда обнаруживаетъ къ нему Владимиръ, выражаетъ свое оскорбленіе въ рѣзкихъ выходкахъ (стрѣляетъ по золоченымъ маковкамъ дворца или по крестамъ церквей) и будоражитъ простонародье (голи кабацкія); онъ признается послѣ примиренія съ Владимиромъ, что имѣлъ намѣреніе убить его и его супругу; онъ говоритъ, что Владимиръ своимъ княженіемъ обязанъ ему; онъ даже ругаетъ Владимира поносными словами (дурнемъ). Требованія Ильи и его отношеніе къ Владимиру совершенно объясняются при предположеніи, что Илья не кто иной, какъ лѣтописный Добрыня: Добрыня на правахъ родственника, искусный политикъ, которому Владимиръ обязанъ былъ престоломъ и славой своего княженія, могъ ставить своему племяннику такія требованія, могъ позволять себѣ въ отношеніи къ нему такія вещи, которыя немыслимы были бы со стороны другихъ слугъ Владимира.

Въ-шестыхъ. дѣятельность Ильи Муромца направлена на служеніе родной землѣ и его представителю Владимиру. Добрыня ведетъ такую политику, которая широко удовлетворяла общерусскимъ интересамъ.

Параллель между Ильей Муромцемъ и Добрыней не противорѣчитъ гипотезѣ, предполагающей, что образъ Ильи Муромца первоначально былъ поэтическимъ отраженіемъ исторической личности Добрыни, дяди Владимира.

Второстепенные богатыри кіевскаго цикла.

214. Былины о второстепенныхъ богатыряхъ кіевскаго цикла. Къ второстепеннымъ богатырямъ кіевскаго цикла относятся слѣдующіе: 1) Михаилъ (Иванъ) Даниловичъ и его отецъ Данила, 2) Сауръ Ванидовичъ и его сынъ Константинушка, 3) Суровецъ, 4) Василій Казимировичъ Пьяница, 5) Сухманъ, 6) Дунай (Донъ) Ивановичъ, 7) Михаилъ Потокъ, 8) Иванъ Годиновичъ, 9) Данила Лавчанинъ.

215. Связь нѣкоторыхъ былинъ о второстепенныхъ богатыряхъ. Нѣкоторыя изъ былинъ о второстепенныхъ богатыряхъ кіевскаго цикла имѣютъ между собою нѣкоторую связь по содержанію. Таковы былины о Михаилѣ (Иванъ) Даниловичѣ, Саурѣ Ванидовичѣ, Суровцѣ и Василіи Пьяницѣ. Поэтому ихъ удобнѣе разсматривать вмѣстѣ.

216. Михаилъ (Иванъ) Даниловичъ и его отецъ Данила. Состарившійся богатырь Данила Игнатьевичъ на пиру у Владимира просится въ монастырь—посвятить остатокъ жизни на спасеніе своей души. Владимиръ готовъ отпустить его, но опасается, что провѣдаютъ объ этомъ цари невѣрные, явятся со своими несмѣтными силами, разорятъ Кіевъ и его самого возьмутъ въ полонъ. Данила Игнатьевичъ успокоилъ Владимира, сказавъ ему, что онъ на защиту Кіева оставляетъ своего юнаго сына Михайлу (Ивана), и Владимиръ позволяетъ ему удалиться въ монастырь.

Невѣрный царь (Уланище), провѣдавъ, что въ Кіевѣ нѣтъ главнаго богатыря, явился подъ Кіевъ съ несмѣтными силами и требуетъ поединщика. Владимиръ ищетъ среди бояръ и поленицъ удалыхъ поединщика: никто не откликается на его призывъ. Является Михайла Даниловичъ, которому отъ роду всего двѣнадцать лѣтъ, и вызывается въ поединщики. Владимиръ говоритъ ему: «Ой же ты, Михайло да Даниловичъ! А и ростомъ то вѣдь ты же есь малешенекъ, да и ра-

зумомъ же ты глупешенекъ. Теперь отъ роду, Михайло, тебѣ двѣнадцать лѣтъ; потеряешь, братъ, ты, Михайло, свою голову». Михайло, несмотря на недовѣріе Владимира къ его силамъ, всетаки рѣшается бороться съ невѣрной силой. По дорогѣ онъ заѣзжаетъ въ монастырь, чтобы взять благословеніе у своего отца. Отецъ научаетъ сына, какъ достать коня, благословляетъ сына и отпускаетъ его. Михайло сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ ему отецъ, и выѣхалъ на богатырскомъ конѣ въ поле. Конь совѣтуетъ Михайлѣ бить непріятельскую силу съ краю и не врѣзываться въ ея середину: непріятели сдѣлали три глубокихъ подкопа; два подкопа онъ перескочитъ, а третьяго — не перескочитъ. Михайло бьетъ коня по крутымъ бедрамъ и направляетъ его прямо въ средину непріятельской силы. Первые два подкопа конь благополучно перескочилъ, а третьяго не перескочилъ. Михайло упалъ въ подкопъ. Непріятели навалились на него, связали его шелковыми петлями, сковали его желѣзами тяжелыми и повели его къ царицу Уланицу. Михайло молится о помощи Спасу съ Богородицей. Тогда у Михайлы втрое силы прибыло. Разорвалъ онъ петли шелковыя, разломалъ желѣза тяжелыя, ухватилъ «ослядь» телѣжную (одинъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ стяговъ, составляющихъ пяла телѣги) и началъ бить непріятелей (по другимъ былинамъ Михайло схватываетъ одного изъ непріятелей за ноги и имъ бьетъ непріятельскую силу). Михайло перебиваетъ всю силу непріятельскую, добирается до царица Уланица, отрубаетъ ему голову и натыкаетъ ее на копье острое. Удивляется Михайло головѣ Уланица: ушица у царица — будто блюдица, а глазица — будто чаши пивныя, а носице — будто палица боевая. Надѣваетъ на себя Михайло костюмъ Уланица и ѣдетъ обратно въ Кіевъ.

Пока все это происходило, конь Михайла успѣлъ выбраться изъ подкопа и побѣжалъ къ старчищу Данилищу. Догадавшись о неудачѣ сына, Данила садится на коня и отправляется на поиски его; въ рукѣ у него желѣзная клюка въ сорокъ пудъ. Ѣдетъ старчище Данилище и видитъ — ему навстрѣчу подвигается самъ Уланище. Данило собрался уже разсѣчь пополамъ своей клюкой Уланище съ конемъ его. Тогда раздался юный голосъ, по которому Данило въ Уланищѣ узналъ своего переодѣтаго сына. Данило поѣхалъ

обратно въ монастырь, а Михайло въ Кіевъ. Дивились всѣ головѣ Уланища. Владимиръ задалъ пиръ.

Подробнѣе этотъ сюжетъ развитъ въ «Гисторіи о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ, сынѣ Даниловичѣ, двѣнадцати лѣтъ».

Въ Кіевѣ у Владимира торжество. Вдругъ въ свѣтлую горницу вбѣгаетъ молодецъ и сообщаетъ князю страшное извѣстіе: идетъ изъ большой орды царь Бахметъ, сынъ Тавруевичъ съ огромными силами: онъ собирается взять за щитомъ стольный градъ Кіевъ, всѣхъ князей и бояръ подъ мечъ подклонить и великаго князя полонить. Великій князь закручинился. Наливаетъ онъ въ турій рогъ меду сладкаго и подноситъ своимъ тридцати богатырямъ со словами: «Который изъ васъ выпьетъ турій рогъ меду сладкаго, тотъ бы вынелъ изъ подъ знамени человѣка перваго, который вѣдаетъ душу царскую». Никто изъ богатырей не откликается на вызовъ Владимира. Тогда выходитъ младъ Михайло, сынъ Даниловичъ, который берется выпить турій рогъ меду сладкаго и вынуть изъ подъ знамени человѣка перваго, вѣдающаго царскую душу. Владимиръ говоритъ Михайлѣ: «Младъ Михайло, сынъ Даниловичъ, малымъ ты малешенекъ и молодымъ ты молодешенекъ; всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ; а умомъ ты, Михайло, сынъ Даниловичъ, глупешенекъ, въ чистомъ полѣ не бывалъ, криваго ты человѣка не видывалъ, на крѣпкомъ дѣлѣ не стаивалъ, ребячьимъ умомъ говоришь». На это Михайло отвѣчаетъ: «Государь, князь Владимиръ Всеславьевичъ Кіевскій! Вели, государь, поимать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умѣетъ ли тотъ гоголь по водѣ плавати: такъ то наше богатырское сердце неизмѣнчиво». Владимиру понравилась рѣчь Михайлы, и онъ сказалъ ему: «Буди ты пожалованъ во всемъ стольномъ градѣ Кіевѣ». Михаилъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ отцу своему въ монастырь за благословеніемъ, а потомъ ѣдетъ на татаръ. Побилъ Михайло много силы татарской. Тогда выѣзжаютъ противъ Михаила мурзы-уланове и просятъ Михайлу дать имъ сроку на три дня. Михайло соглашается, отъѣзжаетъ въ свой шатеръ и спитъ безъ просыпу три дня и три ночи.

Тѣмъ временемъ мурзы-уланове накопали рвовъ глубокихъ. Михайло, проснувшись, опять наѣзжаетъ на татаръ

и попадаетъ въ третій ровъ. Татары схватываютъ его и приводятъ къ Бахмету, сыну Тавруевичу. Послѣдній обращается къ Михайлѣ съ рѣчью: «Михайле, сыну Даниловиче! Служи ты мнѣ вѣрою и правдою, какъ ты служилъ великому князю Владиміру Всеславьевичу Кіевскому: я тебѣ у себя въ золотой ордѣ долю дамъ да треть своего царства». Михайло отвѣчаетъ Бахмету: «Радъ тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею вострою надъ твоею шеей толстою». Бахметъ приказываетъ мурзамъ - улановямъ схватить Михайлу и отрубить ему голову. Михайло «сложилъ съ себя желѣза, съ рукъ и съ ногъ», схватываетъ изъ подъ ордынской телѣги ось и началъ бить татаръ. Выходитъ изъ шатра Бахметъ и умоляетъ Михайлу: «Отпусти ты меня и мою орду хоть самотретья, и азъ бы въ своей ордѣ племя развелъ». Михайло соглашается, и Бахметъ съ остатками своей силы отъѣзжаетъ отъ Кіева.

Пока происходили эти событія, въ Кіевѣ «лихой оговорщикъ» оговорилъ Михайлу передъ Владиміромъ: «Государь, великій князь Владиміръ Всеславьевичъ Кіевскій! Младъ Михайло, сынъ Даниловичъ ѣздитъ по деревнямъ да по вотчинамъ, пилъ да ѣлъ, да бражничалъ, а не у твоего дѣла царскаго былъ». Владиміръ опечалился, и когда Михайло явился въ Кіевъ, Михайло былъ засаженъ въ тюрьму, въ яму глубокую сорока саженъ глубины.

Владиміръ посылаетъ своего слугу вѣрнаго Илью Муромца провѣдать про силу татарскую. Илья поѣхалъ и, вернувшись, доложилъ, что татары перебиты Михайломъ, и что такого великаго побоища онъ еще не видывалъ. Тогда Владиміръ велѣлъ освободить Михайлу. Онъ хочетъ вознаградить его, а онъ проситъ одного — отпустить его къ батюшкѣ въ монастырь: «а у тебя, государя моего, въ великомъ стольномъ градѣ Кіевѣ лихи оговорщики — не велятъ тебѣ, великому князю Владиміру Всеславьевичу Кіевскому, служить вѣрою и правдою...». Пріѣхавъ въ монастырь, Михайло постригся.

По малорусскимъ легендамъ о «золотыхъ воротахъ» дѣло происходило такъ. Когда татары осадили Кіевъ, богатырь Михайликъ (сынъ царскій) взобрался на башню, пустилъ изъ лука стрѣлу, которая попала въ татарина. Раздраженные татары потребовали выдачи Михайлика. Кіевляне испу-

гались и рѣшили выдать его. Михайликъ, разсердившись на кіевлянъ, поднялъ на свое копье золотыя ворота, взвалилъ ихъ, какъ снопъ ржи, на плечи, и ушелъ въ Царьградъ, гдѣ и поставилъ ворота. Эти ворота имѣютъ чудесное свойство: если кто-нибудь, проходя мимо нихъ, скажетъ имъ: «бывать вамъ, ворота, въ Кіевѣ», то золото на воротахъ засіяетъ; если же прохожій скажетъ: «не бывать вамъ, ворота, въ Кіевѣ», то золото потускнѣетъ. Михайликъ до сихъ поръ находится въ Царьградѣ, питаясь водой и просфорой; но наступитъ время, когда онъ вернется въ свой родной городъ.

217. Сауръ Ванидовичъ и его сынъ Константинушка. Изъ царства Астраханскаго (Алыберскаго) выѣзжаетъ князь (царь) Сауръ сынъ Ванидовичъ въ походъ противъ трехъ царствъ: Латинскаго, Литвинскаго и Сорочинскаго. Князя провожаетъ за два рубежа его молодая жена Елена Александровна, царица Азвяковна. Съ третьяго рубежа она возвращается обратно, поднимается на высокую вышку, становится на бѣлъ-горючъ камень и долго смотритъ въ слѣдъ своему мужу. Въ это время изъ-подъ камня выползла змѣя лютая, бросилась княгинѣ на бѣлую грудь и стала бить хоботомъ по бѣлу лицу. Княгиня испугалась и почувствовала, какъ въ ея чревѣ шевельнулся ребенокъ. Она пишетъ своему мужу письмо съ радостнымъ извѣстіемъ и проситъ его вернуться домой. Князь не повѣрилъ извѣстію, такъ какъ княгиня уже не разъ возвращала его съ пути и ожиданіе ребенка оказывалось ошибочнымъ, и послалъ женѣ такой наказъ: если у нея родится дочь, пусть она выроститъ ее и на шестнадцатомъ году отдастъ замужъ; если же родится сынъ, то пусть на двѣнадцатомъ (девятомъ) году пошлетъ къ нему на помощь. Сауръ выжегъ царство Латинское, полонилъ царство Литвинское и отправился на царство Сорочинское. Здѣсь, повидимому, онъ потерпѣлъ пораженіе и попалъ къ сорочинцамъ въ плѣнъ.

Вскорѣ у княгини рождается сынъ, Константинушка Сауровичъ (Суровецъ). Константинушка ростетъ не по годамъ, а по мѣсяцамъ. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, матушка посадила его грамотѣ учиться: грамота ему скоро далася. Исполнилось Константинушкѣ десять лѣтъ; сталъ онъ по улицамъ похаживать, съ ребятами и съ взрослыми дѣтьми

княжескими, боярскими и дворянскими шутки шутить: котораго возьметъ за руку, у того руку изъ плеча выломаетъ, кого задѣнетъ за ногу, у того ногу оторветъ прочь, котораго хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричитъ-реветъ, окарачь ползетъ, безъ головы домой придетъ. Князья-бояре пришли къ Еленѣ Александровнѣ, царицѣ Азвяковнѣ съ жалобой на сына. Мать стала сына журить-бранить, на умъ учить смиренно жить. А сынъ спрашиваетъ мать, есть ли у него батюшка. Она отвѣчаетъ утвердительно и передаетъ сыну наказъ отца. Услышавъ это, Константинушка немедленно снаряжается въ путь къ отцу съ большимъ войскомъ.

Подступаетъ Константинушка къ Сорочинскому царству. Сорочинцы сдѣлали сходку и рѣшили выслать противъ юнаго богатыря поединщика. Они выпускаютъ изъ тюрьмы Саура Ванидовича съ тѣмъ, чтобы онъ сразился съ предводителемъ непріятельской силы. Сауръ принялъ предложеніе, сѣлъ на коня и отправился въ поле. Сауръ бьется съ юнымъ богатыремъ до вечера, и никто не одолѣваетъ. Тогда Сауръ сталъ молить Бога, чтобы онъ помогъ ему «выладить» изъ сѣдла молодого воина. Молитва Саура была услышана: Сауръ сбросилъ юнаго богатыря на землю, палъ ему на грудь и сталъ спрашивать его о родѣ-племени. Побѣжденный богатырь отвѣчаетъ: «Не моя въ полѣ Божья помощь: не сталъ бы я много спрашивать, срубилъ бы съ тебя буйну голову по самыя могучія плечи! Былъ у меня батюшка князь Сауръ сынъ Ванидовичъ, пошелъ воевать подъ три царства, тамъ и пропалъ». Услышавъ слова богатыря, Сауръ заплакалъ, поднялъ его на бѣлые руки и сообщилъ ему, что онъ и есть его отецъ. Сынъ тотчасъ посылаетъ матери письмо съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ выручилъ отца изъ плѣна.

По другой былинѣ первый выѣздъ Константинушки сопровождался иными событіями. Выѣхавъ въ поле, Константинушка наѣхалъ на часовню и вошелъ въ нее Богу помолиться. А отъ часовни ведутъ три дороги. Надписи предостерегаютъ отъ различныхъ опасностей для богатыря или его коня. Юный богатырь выбираетъ дорогу, по которой ему предстояло быть убитымъ смертью напрасной. Доѣзжаетъ богатырь до рѣки Смородинки и видитъ—черезъ нее переправляется царь Кунгуръ Самородовичъ съ татарской

силой. Константинушка бросается на силу, избиваетъ ее цѣлый день и на ночь отъѣзжаетъ, чтобы отдохнуть. Тѣмъ временемъ татары накопали глубокихъ рвовъ и вставили въ нихъ поторчины дубовыя. Константинушка догадался о хитростяхъ татаръ, снова началъ избивать татаръ, всю силу перебилъ, а царя Кунгура разбилъ въ крохи.

Ѣдетъ Константинушка дальше и подъѣзжаетъ къ городу Угличу. Онъ требуетъ себѣ поединщика. Угличи прибѣгли къ хитрости: они попросили Константинушку подъѣхать поближе къ стѣнамъ, обѣщая сдѣлать его своимъ королемъ Константинушка сдался на ихъ «слова прелестныя» и подъѣхалъ къ стѣнѣ. Угличскіе мужики спустили багры, зацѣпили Константинушку, вмѣстѣ съ конемъ поднимаютъ на стѣну, сковываютъ и бросаютъ въ погреба глубокіе.

Отсюда въ былинѣ идетъ очень спутанное изложеніе. Какимъ то образомъ черезъ Угличъ проѣзжаетъ Сауръ въ свое царство, разспрашиваетъ у жены о сынѣ и, узнавъ о томъ, что сынъ отправился къ нему на помощь, возвратился обратно въ Угличъ. Сауръ требуетъ освобожденія своего сына, говоря угличанамъ: «Глупы вы, мужики неразумные!... Не мало (онъ) у Кунгура-царя силы порубилъ: можно за то вамъ его благодарити и пожаловати, а вы его назвали воромъ-разбойникомъ и оборвали въ него платье цвѣтное и посадили въ погреба глубокіе». На требованіе Саура освободить его сына угличи отвѣтили сначала отказомъ, но затѣмъ почему то освобождаютъ его. Сауръ казнитъ главныхъ мужиковъ угличскихъ и возвращается съ сыномъ въ свое царство.

Эта путаница до нѣкоторой степени разъясняется былинами о Суровцѣ.

218. Богатырь Суровецъ. Богатырь Суровецъ во время неудачной охоты на лебедей и гусей, наѣзжаетъ на дубъ. На дубѣ сидитъ воронъ вѣщій. Суровецъ хочетъ его подстрѣлить. Вѣщій воронъ человѣчьимъ голосомъ говоритъ ему, что не велика честь убить его, а лучше было бы ему поѣхать въ горы Трепетовы, гдѣ подымается Кумбалъ царь Смородовичъ съ татарами-уланами, чтобы погубить его. Богатырь отправляется на Кумбала. Встрѣтившись съ татарами, Суровецъ начинаетъ избивать ихъ. Тогда Кумбалъ велитъ своимъ татарищамъ-уланищамъ глубокіе рвы копать.

ставить поторчи (острые колья) телѣжныя. Черезъ первый и второй ровъ Богъ перенесъ его, а въ третій Суровецъ обрушился. Тысяча татаръ набросилась на богатыря, связала его и привела въ лагерь. Тутъ Суровецъ разрываетъ свои путы, схватываетъ татарина за ноги и начинаетъ имъ помахивать. Перебилъ Суровецъ всѣхъ татаръ и добрался до царя Кумбала. А царь и говоритъ ему: «Ой ты, гой еси, добрый молодецъ Суровецъ! Будь ты мнѣ названый братъ, вотъ тебѣ палаты золотой казны и отдамъ тебѣ коней заповѣдныхъ».

219. Василій-Пьяница. Изъ-подъ бѣлой березы кудреватой, изъ-подъ чуднаго креста Леванидова шли-выбѣгали четыре тура златорогіе. Они бѣжали мимо славнаго Кіева и видѣли надъ Кіевомъ чудо-чудное, диво-дивное: по городской стѣнѣ ходитъ-гуляетъ красна дѣвица, которая въ рукахъ держитъ Божью книгу — Евангеліе: сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ. Побѣжали туры отъ Кіева и, встрѣтившись съ турицей, разсказали ей о чудѣ. Турица объяснила своимъ дѣткамъ, что это не душа красна дѣвица гуляла по стѣнѣ, а ходила Мать Пресвятая Богородица, и плакала «стѣна мать городская» по вѣрѣ христіанской: будетъ надъ Кіевомъ-градомъ погибель.

Подымается Батыга, сынъ Сергѣевичъ, съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ, съ зятемъ Тараканникомъ и съ думнымъ дьякомъ воромъ-выдумщикомъ. У всѣхъ у четырехъ по сорока тысячъ рати. Батыга подступилъ къ Кіеву и требуетъ у Владимира поединщика. Какъ на грѣхъ, богатырей въ Кіевѣ не случилось: всѣ они были въ разъѣздѣ. Остался въ Кіевѣ только добрый молодецъ Василій Игнатьевичъ, горькій пьяница, промотавшій все свое житье-бытье и женино приданое и жившій въ кабакѣ. Узнавъ о появленіи Батыги, Василій приходитъ къ князю и проситъ дать ему опохмелиться. Владиміръ подноситъ ему чару въ полтора ведра. Выпивъ ее, Василій почувствовалъ, что можетъ сидѣть на конѣ и владѣть саблей. Онъ выѣзжаетъ за стѣну, цѣлится и стрѣляетъ изъ лука въ татарскій станъ по тремъ лучшимъ головамъ и убиваетъ сына, зятя и дьяка Батыги. Батыга отправляетъ въ Кіевъ посла съ требованіемъ выдачи виновника. Василій самъ добровольно отправляется въ станъ татарскій, проситъ у Батыги прощенія. Василій обѣщаетъ помочь ему

взять Кіевъ и проситъ дать ему опохмелиться. Опохмелившись, Василій беретъ у Батыги силы сорокъ тысячъ и ведетъ ее для взятія Кіева. Отъѣхавъ съ силой, Василій набрасывается на нее и уничтожаетъ ее. Василій возвращается въ татарскій станъ и сообщаетъ ему, что при нападеніи на Кіевъ сила въ сорокъ тысячъ погибла, но зато онъ высмотрѣлъ, гдѣ въ Кіевѣ не заложены ворота, и проситъ дать ему еще силы сорокъ тысячъ. Батыга опять «на ты лясы пріукинулся» и далъ Василію еще силы въ сорокъ тысячъ. Василій уничтожилъ эту силу и еще силу зъ сорокъ тысячъ. Тутъ только Батыга увидѣлъ бѣду неминучую и поспѣшилъ уѣхать изъ-подъ Кіева, обѣщая впредь не появляться сюда: «Не дай Богъ бывать болѣе подъ Кіевомъ, ни мнѣ то бывать, ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ»!

220. Комментаріи къ былинамъ о Михаилѣ (Иванѣ), Саурѣ, Суровцѣ и Василіи. На вышеизложенныхъ былинахъ можно прослѣдить, какъ происходилъ процессъ циклизаціи этихъ произведеній. Былины о Саурѣ и Суровцѣ не пріурочены еще къ Кіевскому циклу былинъ и тѣмъ не менѣе ихъ сюжеты сходны съ сюжетами былинъ, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ Кіевѣ, въ княженіи Владимира. Сауръ Ванидовичъ называется княземъ Астраханскаго или Алыберскаго царства. Имя Сауръ, повидимому, восточное (по-татарски сауръ значитъ «быкъ», «герой»); въ нѣкоторыхъ варіантахъ ему соотвѣтствуетъ библейское имя Саулъ, а отчеству Ванидовичъ—Леванидовичъ. Если принять во вниманіе, что съ именемъ Саура соединены были преданія о какомъ-то, повидимому, татарскомъ богатырѣ, такъ какъ въ южно-русскихъ степяхъ встрѣчаются курганы (могилы) Саура, то придется заключить, что былины о Саурѣ представляютъ переработку популярнаго восточнаго сюжета о боѣ отца съ сыномъ, приставшаго потомъ къ былинамъ русскаго происхожденія съ тѣмъ же сюжетомъ.

Имя сына Саура Константинушка представляетъ, быть можетъ, смутное воспоминаніе о рязанскомъ тысяцкомъ Константинѣ, который въ 1148 г. нанесъ пораженіе половцамъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно въ былинахъ о Саурѣ только и упоминается Половецкая земля въ отличіе отъ прочаго нашего эпоса.

Другое имя сына Саура—Суровецъ, вѣроятно, есть ни

что иное, какъ искаженное отчество Сауровичъ черезъ посредство формъ Суровичъ, Суровенъ. Сурога. Суровецъ затѣмъ передѣланъ былъ въ Суздалецъ, а Сурога въ Сурожениннъ (т. е. житель знаменитаго приморскаго города въ Крыму Сурожа, нынѣ Судака. между Ѳеодосіей и Алуштой, ведшаго съ Русью дѣятельную торговлю).

Юный богатырь и его подвиги — одинъ изъ распространеннѣйшихъ международныхъ сюжетовъ. Кромѣ Сохраба, сына Рустема и нахвальщичы. сына Ильи, къ такимъ же малолѣткамъ богатырямъ относятся въ византійскомъ эпосѣ Армури, а въ сербскомъ Иво Сенковичъ.

1) **Армури**. Армуръ. отецъ мальчика Армури, находится въ отсутствіи. Армури проситъ мать отпустить его поѣздить верхомъ. Послѣ нѣкотораго колебанія мать соглашается и позволяетъ ему взять отцовское копье и коня. Армури помчался къ Евфрату. На противоположномъ берегу находился сарацинъ. который сталъ глумиться надъ Армури и его конемъ. Армури переѣзжаетъ на другой берегъ къ сарацину. Онъ ударяетъ его кулакомъ. спрашиваетъ, гдѣ находятся сарацинскія войска, и узнаетъ, что сарацины собрались въ количествѣ ста тысячъ. Армури издали кричитъ сарацинамъ, чтобы они вооружались, и нападаетъ на нихъ. Перебивъ множество сарацинъ, Армури сходитъ съ коня. чтобы отдохнуть. Въ это время одинъ сарацинъ уводитъ его коня и уноситъ палицу. Отецъ Армури, старецъ Армуръ. находился у сарацинъ въ плѣну. Увидѣвъ коня и палицу, онъ подумалъ. что сынъ его погибъ, и сталъ горевать. Прискакавшій сарацинъ доложилъ эмиру о подвигахъ мальчика. и эмиръ сталъ требовать у Армура, чтобы онъ усмирилъ своего сына. Армуръ пишетъ сыну письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ сыну миловать всякаго сарацина, попадающагося ему въ руку. Сынъ отвѣчаетъ письмомъ, въ которомъ пишетъ, что ни одного сарацина не пощадитъ. Эмиръ испугался и отправилъ къ Армури отца съ предложеніемъ выдать за него свою дочь и жить въ мирѣ съ сарацинами.

2) **Иво Сенковичъ**. Рыбницкій ага вызываетъ на поединокъ Юрія Сенковича. Но Юрій уже старъ, конемъ не владѣетъ и не въ состояніи состязаться съ туркомъ. Шестнадцатилѣтній сынъ Юрія Иво (Иванъ) рѣшается принять вмѣсто отца вызовъ аги. Напрасно отецъ отговариваетъ сына,

указывая на его юность и неопытность въ военныхъ дѣлахъ. Иво беретъ у отца благословеніе вооружается, садится на коня и уѣзжаетъ къ Рыбнику. Начинается бой. Ага убилъ коня Ива, и Иво сражается пѣшкомъ. Ему удается убить коня аги, а затѣмъ и самого агу. Онъ отрубаетъ ему голову и кладетъ ее въ свою сумку; затѣмъ Иво переодѣвается въ костюмъ убитаго аги и возвращается домой. Увидѣвъ приближеніе всадника въ турецкомъ костюмѣ, мать Ива подняла крикъ. Старый Юрій поспѣшилъ вооружиться, сѣлъ на коня и поѣхалъ на встрѣчу всаднику, собираясь убить его. Иво, видя неминуемую бѣду, вынулъ изъ сумки голову аги и выбросилъ передъ отцомъ. Только тогда отецъ догадался, что всадникъ въ турецкой одеждѣ не ага, а его сынъ.

Въ былинахъ пріуроченныхъ къ Кіеву, малолѣтній герой называется Михаиломъ Даниловичемъ и Иваномъ Даниловичемъ. Послѣднее имя, вѣроятно, ближе къ тѣмъ историческимъ событіямъ, на почвѣ которыхъ развивались эти былины. Въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ подъ 1136 г. разсказывается о походѣ черниговскихъ Ольговичей противъ Ярополка II Владимировича. Опустошивъ село на Сулѣ, Ольговичи отошли къ рѣкѣ Супою. «И изыде противъ ихъ князь великій Ярополкъ Кіевскій, сынъ Владимира Мономаха... и снидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша половци отъ Ольговичевъ. И погнаша по нихъ великаго князя Ярополча дружина и братіи его лутчая мужи храбрыя, и биша много, гоняще половцевъ, и возвратишася вспять, и не обрѣтоша князей своихъ. и впадоша Ольговичемъ въ руцѣ; а половцы обратишася на нихъ въ тылъ и тако многихъ храбрыхъ мужей избиша Ярополчихъ и братьи его, и держащихъ стягъ великаго князя Ярополка Кіевскаго и братьи его изымаша и бояръ его множество поимаша, а иныхъ многихъ безъ числа убиша, и храбраго Давыда Яруновича тысяцкаго кіевскаго, и Ивана Данилова, богатыря славнаго, убиша и Станислава благороднаго и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Янка, и многихъ мужей сильныхъ, и храбрыхъ, и внука Владимира Мономаха Василька Марича (Леоновича) убиша и много князей убиша, и едва убѣжаша въ Кіевъ съ братьею своего отнюдь въ Малѣ дружинѣ Ярополкъ... мѣсяца августа въ 8-й день». Изъ этого лѣтопис-

наго свидѣтельства можно вывести, что богатырь, воспѣваемый въ былинахъ подъ именами Михаила и Ивана Даниловича, жилъ въ первой половинѣ XII в., состоялъ на службѣ у Ярополка II Кіевскаго и погибъ въ битвѣ Ярополка съ Ольговичами, гдѣ пало множество «храбровъ», князей, бояръ и византійскій царевичъ Василій Леоновичъ (Маричъ), внукъ Владимира Мономаха. О богатырѣ Иванѣ Даниловичѣ ничего неизвѣстно, кромѣ краткаго сообщенія о его смерти. Но если лѣтопись упомянула его, назвавъ притомъ славнымъ богатыремъ, то, очевидно, въ княжеско-дружинной средѣ его имя было извѣстно. Возможно, что свои подвиги которые его прославили, онъ совершилъ въ юные годы своей жизни; поэтому къ первоначальнымъ старинамъ объ его подвигахъ стали притягиваться разсказы о подвигахъ другихъ малолѣтнихъ богатырей, русскихъ и иноземныхъ.

Другое имя малолѣтняго богатыря, Михаилъ, въ связи съ нѣкоторыми былинными эпизодами о немъ, можетъ быть объяснено изъ лѣтописныхъ разсказовъ о князѣ Михалкѣ Юрьевичѣ.

Въ 1171 г. Михалка Юрьевичъ прославился удачнымъ походомъ на половцевъ. Когда половцы совершили одно изъ обычныхъ своихъ нашествій на окрестности Кіева, во время котораго они захватили богатую добычу, кіевскій князь Глѣбъ, бывшій въ то время больнымъ, послалъ противъ половцевъ брата своего Михалку Юрьевича и другого брата Всеволода. Михалка быстро нагналъ половцевъ, разбилъ ихъ два раза, отнялъ у нихъ добычу и плѣнниковъ и со славой вернулся въ Кіевъ. Къ 1175 г. относится другое событіе въ жизни князя Михалки.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго суздальцы и ростовцы пригласили на великокняжескій престолъ Ростиславичей, а владимирцы Михалку Юрьевича. Ростовцы и суздальцы, недовольные поступкомъ владимирцевъ, отправились въ 1175 г. войной на Михалку «и много зла сотвориша, муромцѣ и рязанцѣ приведоша и пожгоша около города (Владимира); володимерцы бьяхутся съ города, святѣй Богородицѣ помогаюци имъ; и стояша около города семь недѣль, и святая Богородица избави градъ свой. Володимерцы же, не терпяче глада, рѣша Михалку: «Мирися, а любо, княже, промышляй о себѣ». Онъ же отвѣщавъ рече: прави есте, ци хотите

меня дѣля (ради) погинути? Поѣха въ Русь и проводиша его володимерцы съ плачемъ». Сопоставляя эти лѣтописныя данныя съ былинами о Михаилѣ-Иванѣ Даниловичѣ, нельзя не видѣть нѣкотораго сходства: 1) Михалка Юрьевичъ, какъ и Михаилъ Даниловичъ, освобождаетъ Кіевъ отъ враговъ, оказывая такимъ образомъ важную услугу его князю; 2) жители осажденнаго врагами города предлагаютъ своему защитнику—владимирцы Михалкѣ Юрьевичу, а кіевляне Михайлику—покинуть ихъ городъ. Повидимому, пѣсни о двухъ событіяхъ изъ жизни Михалки съ теченіемъ времени сплелись и спутались въ одно событіе.

Связанный съ легендой о Михайликѣ, эпизодъ о Золотыхъ воротахъ, повидимому, навѣянъ былъ «Откровеніемъ» Меѳодія Патарскаго въ позднѣйшей редакціи. Вотъ, что разсказывается въ «Откровеніи» о послѣднихъ временахъ. Когда измаильтяне подступятъ къ Константинополю, именно къ Золотымъ воротамъ его, послѣднія откроются, и измаильтяне доберутся до св. Софіи. Тогда же явится и избавитель—царь Михаилъ, который нанесетъ измаильтянамъ пораженіе. Наступитъ тишина, благоденствіе и добродѣтельное житіе. Но люди снова забудутся и опять станутъ жить беззаконіемъ. Тогда Господь повелитъ Михаилу скрыться на одномъ изъ морскихъ острововъ и оставаться тамъ до появленія антихриста. Между только что изложеннымъ эпизодомъ изъ «Откровенія» Меѳодія Патарскаго и легендой о Михайликѣ есть точки соприкосновенія: и тамъ и здѣсь герой носитъ имя Михаила; и тамъ и здѣсь фигурируютъ Золотыя ворота; и тамъ и здѣсь герой освобождаетъ городъ отъ непріятелей и затѣмъ удаляется, съ тѣмъ, чтобы когда нибудь снова вернуться. Пріуроченіе «откровенія» о Михаилѣ къ кіевскому богатырю могло произойти потому, что въ Кіевѣ существуютъ развалины мѣстныхъ Золотыхъ воротъ.

Былины о другомъ богатырѣ, о Василіи Пьяницѣ, представляютъ отголосокъ нашествія Батыя. Это нашествіе въ свое время послужило темой для многихъ поэтическихъ сказаній, изъ которыхъ нѣкоторыя, дающія матеріалъ для объясненія современныхъ былинъ о томъ же событіи, попали въ прозаическомъ изложеніи въ лѣтописи. Къ такимъ сказаніямъ относятся: «Сказаніе о Батывомъ приходѣ на Русь въ 1237 г.» и «Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань».

Имя Василія Пьяницы, повидимому, попало изъ княжеско-дружинныхъ пѣсенъ о князѣ Василіи Константиновичѣ, который въ битвѣ при Сити попалъ въ плѣнъ къ Батыю. Характеризуя Василія Константиновича, «Сказаніе о Батыевомъ приходѣ на Русь въ 1237 г.» говоритъ: «Бѣ же Василько лицомъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловѣхъ вазнивъ (счастливъ), сердцемъ легокъ; а кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, той за его любовь никако же не можаше у иного князя быти и служити, излише бо слуги своя любляше; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиста; бѣ бо всему хитеръ и посѣде въ добрыхъ денехъ на отнѣ столѣ и дѣднѣ». Когда этотъ князь попалъ въ плѣнъ, Батый сталъ предлагать ему перейти на службу къ татарамъ. «И нудиша Василько много проклятіи, безбожные татары въ поганской быти воли ихъ и воевати съ ними. Онъ же, не повинуясь обычаю ихъ никако же, не покорися беззаконію ихъ, ни брашна, ни питія ихъ не прія». Предложеніе Батыя Василію напоминаетъ предложеніе Батыги Василію Пьяницѣ.

Другія черты былинъ о Василіи Пьяницѣ могутъ быть объяснены изъ «Повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань».

Безбожный Батый въ 1237 г. явился съ огромнымъ войскомъ въ рязанскіе предѣлы. Онъ посылаетъ къ рязанскому князю Юрію Ингоревичу пословъ съ требованіемъ десятины во всемъ: въ князьяхъ, людяхъ, коняхъ. Рязанскія князья отвѣтили: «Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ». Юрій Ингоревичъ отправляется въ походъ противъ Батыя. Сѣча была зла и ужасна. Батый видѣлъ, что «господство рязанское крѣпко и мужественно билось, и убоялся». Но противъ гнѣва Божія не устоишь: одинъ русскій бился съ тысячью, а два съ тьмою. Русскіе потерпѣли пораженіе, князья были перебиты, городъ Рязань былъ взятъ, и вся область Рязанская была опустошена. Батый со своими полчищами двинулся дальше на Суздаль и Владимиръ.

Въ это время въ Черниговѣ находился собиравшій тамъ дань рязанскій вельможа Евпатій Коловратъ съ княземъ Ингоремъ Ингоревичемъ. Узнавъ о нашествіи Батыя, онъ поспѣшно вернулся въ родной край. Увидѣвъ городъ въ раз-

валинахъ, убѣдившись, что государи перебиты, что много народу погибло, Евпатій вскричалъ въ горести своей души и распалился въ сердцѣ. Онъ собралъ 1700 человѣкъ дружины и погнался за Батыемъ, рѣшивъ «испить смертную чашу съ своими государями равно». Евпатій догналъ татаръ уже въ Суздальской землѣ, внезапно напалъ на нихъ съ тылу и началъ безъ милости сѣчь ихъ. «И сметоша всѣ полки татарскіе. Татарове же сташа, яко піяны, а ли неистовый Еупатій тако ихъ бьяше, яко и мечи притупишася, и емля татарскіе мечи и сѣчаше ихъ. Татарове мняша, яко мертви возсташа. Еупатій, сильныя полки татарскія проѣзжая, бьяше ихъ нещадно и ѣздя по полкамъ татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимоша отъ полку Еупатіева пять человѣкъ воинскихъ, изнемогшихъ отъ великихъ ранъ. и приведоша ихъ къ царю Батыю. И царь Батый нача вопрошати: «Коея вѣры есте вы и коея земля, и что мнѣ много зла творите? Они же рѣша: «Вѣры христіянскія есвѣ, раби великаго князя Юрія Ингоревича Рязанскаго, а отъ полку Еупатіева Коловрата, посланы отъ князя Ингваря Ингоревича Рязанскаго, тебя сильнаго царя почтити и честно проводити и честь тебѣ воздати, да не подиви, царю, не успѣвати наливати чашу на великую силу-рать татарскую» Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурина своего Хостоврулу (Таврула) на Еупатія, а съ нимъ сильные полки татарскія. Хостоврулъ же похвалися предъ царемъ, хотя Еупатія жива предъ царя привести. И ступишася сильные полки татарскіе, хотя Еупатія жива яти. Хостоврулъ же съѣхался съ Еупатіемъ. Еупатій же, исполинъ силою, наѣхавъ и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдло и начаша сѣчи силу татарскую. И многихъ тутъ нарочитыхъ богатырей батыевыхъ побилъ, овыхъ на полы пресѣкоша, а иныхъ до сѣдла краяше. Татарове возбояшася, видя Еупатія, крѣпка исполина, и наводиша на него много пороковъ и начаша бити по немъ съ сточисленныхъ пороковъ и едва убиша его и принесоша тѣло его предъ царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи ордынскіе и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству. Они рекоша царю: «Мы со многими цари во многихъ земляхъ на многихъ бранехъ бывали, а такихъ удальцовъ не видали, ни отцы наши возвѣстиша намъ». Сіи

бо люди крылатіи и не имѣюще смерти—тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бьяшася, единъ съ тысящею, а два съ тьмою. Ни единъ отъ нихъ можетъ съѣхати живъ съ побоища. Царь Батый, зря на тѣло Еупатіева и рече: «О Коловрате Еупатіе! Гораздо еси поскепалъ малою своею дружиною, да многихъ богатырей сильной орды побилъ еси, и многіе полки падоша. Аще бы у меня такій служилъ, держалъ быхъ его противъ сердца своего». И даша тѣло Еупатіево его дружинѣ останной, которые поиманы на побоищѣ и веля ихъ царь Батый отпустити, ничѣмъ вредити».

Евпатій, какъ и Михаилъ Даниловичъ, трижды выѣзжаетъ на враговъ, и третій выѣздъ обоихъ оканчивается неблагополучно. Подобно тому, какъ въ борьбѣ съ Евпатіемъ падаетъ родственникъ Батыя Хостоврулъ, такъ Михаилъ Даниловичъ въ первый свой выѣздъ убилъ братьевъ братовичей Бахмета, а Василій Игнатьевичъ стрѣлой убилъ сына Батыги Батыговича, зятя его Тараканчика и дьяка выдумщика. Избіеніе татаръ Евпатіемъ напоминаетъ избіеніе Василіемъ татарской рати: «Размахалась у Василья ручка правая, распиналась у Василья ножка рѣзвая. Куды рученько махнетъ — туды улица, куды ноженькой пихнетъ — переулочекъ, вдвое, втрое того топчетъ его добрый конь. И видитъ тутъ Батый, что бѣда пришла, и самъ говоритъ таково слово: «Неужель таковы люди въ Кіевѣ—а одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ». Отвѣтъ слугъ Евпатія Батыю напоминаетъ отвѣтъ Михаила Даниловича татарскому царю.

Преданія о такихъ выдающихся подвигахъ въ борьбѣ съ татарами могли съ теченіемъ времени, особенно подъ вліяніемъ позднѣйшихъ русскихъ побѣдъ надъ татарами, пріобрѣсти благопріятный для русскихъ конецъ, именно побѣду надъ Батыгой.

Зачинъ былины о Василіи Пьяницѣ, именно картина плачущей Богородицы, представляетъ остатокъ старинной легенды, въ основѣ которой, повидимому, лежала идея о томъ, что Кіевъ посвященъ охранѣ самой Богородицы. Образъ плачущей дѣвицы съ книгой или плачущей стѣны порожденъ былъ, повидимому, мозаичнымъ образомъ Богородицы на восточной стѣнѣ Кіевскаго Софійскаго собора, оставшейся цѣлой по разрушеніи собора въ 1240 году. Этотъ образъ представлялъ Богородицу съ молитвенно поднятыми руками. На-

блюдателю невольно приходила мысль, что Богоматерь скорбно смотритъ на развалины столицы.

Стрѣляніе изъ осаждаемаго города въ лагерь непріятелей—одинъ изъ распространенныхъ въ поэзіи сюжетовъ. Въ кавказскихъ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ разсказъ о томъ, какъ нарты осадили въ крѣпости Челахсартага, сына Хиза. Сестра Хиза, красавица Агунда, упрекаетъ брата за то, что онъ ничего не предпринимаетъ противъ враговъ. Челахсартагъ взялъ свои освященныя Богомъ стрѣлы и съ молитвой пускаетъ ихъ въ станъ непріятелей: первая и вторая стрѣлы дали промахъ; третья попала предводителю нартовъ въ шею и оторвала голову его отъ туловища.

О стрѣляніи въ осаждающихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ. Новгородскія лѣтописи, излагая въ эпическихъ чертахъ борьбу съ Мамаемъ, сообщаютъ подъ 1382 г. слѣдующее: «Москвитинъ, примѣтивъ единаго татарина нарочита и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ордынскаго, напрягъ стрѣлу самострѣльную, ею же уязви въ сердце его гнѣвливое». Такого же рода фактъ сообщается лѣтописями при описаніи осады Москвы Тохтамышемъ. Именно, лѣтописецъ передаетъ, что нѣкій Адамъ суконникъ убилъ стрѣлою знатнаго татарина.

Герой былины носитъ прозвище «Пьяницы», «Упьянсливаго». Прозвище это, вѣроятно, произошло такимъ образомъ. Въ сказаніяхъ о Михайликѣ Владимиръ напутствуетъ юнаго богатыря чашей вина, турьимъ рогомъ меду и т. д. Этотъ эпизодъ съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ, долженъ былъ получить развитіе и превратиться въ сюжетъ о богатырѣ-пьяницѣ. Такихъ благопріятныхъ условій было нѣсколько. Былины о Василіи Пьяницѣ, судя по зачину, должны были оканчиваться катастрофой, т. е. взятіемъ и разрушеніемъ Кіева; такой конецъ, какъ непріятный для русскаго самолюбія, съ теченіемъ времени долженъ былъ смягчаться, стушевываться; послѣ сверженія татарскаго ига онъ долженъ былъ замѣниться другимъ: русскій богатырь безъ труда побѣждаетъ Батыя. Рѣзкое измѣненіе первоначальнаго содержанія былинъ о Василіи и Батыѣ должно было заставить пѣвцовъ развивать въ былинѣ другіе эпизоды. Былевой репертуаръ отъ пѣвцовъ-дружинниковъ перешелъ, какъ извѣстно (§ 168), къ скоморохамъ, веселымъ людямъ,

ремесло которыхъ заставляло ихъ угощаться на пирахъ виномъ, медомъ и пр. Скоморохи, перерабатывая былину о Василіи, легко могли эпизодъ выпиванія чаши вина или турьяго рога меду превратить въ безпрерывное пьянство богатыря. Такому превращенію могли благопріятствовать и реальные факты жизни, объ одномъ изъ которыхъ разсказываетъ лѣтописецъ при описаніи осады Москвы Тохтамышемъ. Вотъ какъ, по сообщенію лѣтописи, вела себя часть москвичей во время осады: «Нѣцыи недобріи человѣци начаша обходити по дворамъ и износяще изъ погребовъ меды господскыя и сосуды серебряные и стекляницы драгія и упивахутся до великаго пьяна и къ шетанію дерзость прилагаху, глаголюще: не устрашаемся нахожденія поганыхъ татаръ, селикъ твердъ градъ имуща, иже суть стѣны каменны и врата желѣзны. И пакы влазяще на градъ, піяне суще, шатахуся и ругающеся татаромъ, образомъ безстуднымъ досаждающе и нѣкая словеса износяще, исполнь укоризны и хулы, кидаху на ня». Это сообщеніе лѣтописи до нѣкоторой степени уясняетъ прозвище Василія.

Что касается вопроса о томъ, почему прозвища «Пьяница», «Упьянсливый» пристали къ имени Василій, объясненіе можно найти въ духовномъ стихѣ о Василіи Великомъ, котораго Богородица побуждаетъ оставить «хмельное питье»; а этотъ стихъ, въ свою очередь, возникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ «Слова Василія о томъ, какъ подобаетъ воздержатися отъ пьянства».

Вышеприведенныя данныя позволяютъ высказать слѣдующія предположенія о происхожденіи разсматриваемыхъ былинъ. Объ Иванѣ Даниловичѣ, погибшемъ въ 1136 г., вѣроятно, очень юнымъ, существовали въ дружинной средѣ пѣсни о какихъ то его подвигахъ. Во второй половинѣ XII в. возникли дружинныя пѣсни о князѣ Михалкѣ Юрьевичѣ, въ которыхъ изображались, съ одной стороны, его двойная побѣда надъ половцами, а съ другой—уходъ его изъ осажденнаго Владимира по требованію жителей. Пѣсни о Михалкѣ примкнули къ пѣснямъ объ Иванѣ Даниловичѣ, причемъ молодость Ивана послужила причиной тому, что къ его имени (замѣненному именемъ Михаила) сталъ прикрѣпляться вообще сюжетъ о подвигахъ юныхъ богатырей. Сюжетъ этотъ имѣетъ нѣсколько варіантовъ: 1) юный богатырь—

неизвѣстный сынъ стараго богатыря, родившійся въ его отсутствіи, воспитанный матерью, отправляющійся на поиски за отцомъ и встрѣчающійся съ нимъ въ бою (Сауръ Ванидовичъ, Армуръ и Армурн); 2) юный богатырь — сынъ стараго богатыря, удалившагося отъ дѣлъ въ монастырь (Иванъ-Михаилъ Даниловичъ и Данила Игнатьевичъ); 3) властитель страны относится враждебно къ обоимъ богатырямъ — старому и юному—и старается вызвать между ними столкновеніе или засаживаетъ одного изъ нихъ въ тюрьму (погребъ), вслѣдствіе чего оба богатыря или одинъ изъ нихъ покидаютъ городъ; въ былинахъ съ сюжетомъ послѣдняго типа иногда уходъ богатыря мотивируется требованіемъ выдачи юнаго богатыря непріятелямъ за то, что онъ пустилъ въ осаждающихъ три стрѣлы и убилъ близкихъ къ осаждающему царю лицъ (Василій-Пьяница и Батыга).

221. Сухманъ Одихмантьевичъ. На пиру у Владимира всѣ князья, бояре и могучіе богатыри ѣдятъ, пьютъ, веселятся, хвастаютъ. Одинъ только молодой Сухманъ Одихмантьевичъ не ѣстъ, не пьетъ, бѣлой лебеди не рушаетъ и ничѣмъ не хвастаетъ. Владимиръ спрашиваетъ богатыря, отчего онъ грустенъ, почему онъ ничѣмъ не хвастаетъ. Тогда Сухманъ рѣшается похвастать: онъ берется поймать живьемъ лебедь бѣлую и привезти ее для стола княжескаго не раненной и не окровавленной. Владимиръ принимаетъ предложеніе Сухмана.

Сухманъ отправляется. Ѣдетъ Сухманъ съ утра до вечера по тихимъ глубокимъ заводямъ и не наѣхалъ на гуся, ни на лебедя, ни на сѣраго малаго утеныша. Поѣздивъ трое сутокъ, Сухманъ пріѣзжаетъ къ Нѣпрѣ-рѣкѣ и видитъ—Нѣпрарѣка течетъ не по старому вода съ пескомъ возмутилася: за рѣкою стоитъ сила невѣрная—въ сорокъ тысячъ; татары мостятъ мосты калиновые черезъ рѣку, чтобы перейти къ Кіеву. Сухманъ рѣшается отвѣдать силы невѣрныя. Выдергиваетъ онъ кряковистый дубъ (дубиночку-вязиночку въ долину—десяти саженъ, въ толщину—три обоймени). Ухватывается Сухманъ за верхушку дуба и начинаетъ похаживать по силѣ невѣрной. Перебилъ Сухманъ всю силу татарскую: въ живыхъ осталось только три татарина, которые бѣжали къ матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ и садились подъ кусточки подъ ракитовы. Подъѣзжаетъ Сухманъ къ рѣкѣ. Пустили три тата-

рина поганыхъ стрѣлочки каленыя въ бѣлые бока Сухмана. Сухманъ выдернулъ стрѣлы, заложилъ раны маковыми листочками, а трехъ татаръ поганыхъ убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.

Раненый Сухманъ возвращается въ Кіевъ. Владиміръ удивляется Сухману, что онъ такъ долго ѣздилъ, и спрашиваетъ, привезъ ли онъ живьемъ бѣлую лебедь. Сухманъ разсказываетъ о томъ, что приключилось съ нимъ. Князья, бояре и сильные могучіе богатыри не вѣрятъ Сухману, и Владиміръ велитъ засадить его «за тыя за рѣчи за похвальныя» въ погреба глубокіе, въ темницы темныя: задвигали желѣзными плитами, засыпали его землею, замуравили его травой на тридцать лѣтъ. А для провѣрки словъ Сухмана Владиміръ на всякій случай посылаетъ Добрыню (или Илью).

Отправляется Добрыня къ Нѣпрѣ-рѣкѣ, видитъ перебито множество силы. Возвращается Добрыня съ отвѣтомъ къ Владиміру. Владиміръ велитъ немедленно освободить Сухмана. Раскопали погреба глубокіе, вывели Сухмана и привели его къ Владиміру. Владиміръ предлагаетъ Сухману за подвигъ золотой казны, города съ пригородами, и приселками. Сухманъ, оскорбленный тѣмъ, что Владиміръ не сумѣлъ оцѣнить его раньше, отказывается отъ награды, выдергиваетъ листочки маковые отъ ранъ своихъ кровавыхъ и умираетъ со словами: «Потеки Сухманъ-рѣка: отъ моя отъ крови отъ горячія, отъ горячія крови отъ напрасныя»!

Сухманъ или Суханъ—одно изъ распространныхъ славянскихъ прозвищъ (Суханъ, Сухой, Суханчикъ и т. д.).

Своимъ содержаніемъ былины о Сухманѣ напоминаютъ «Гисторію» о Михаилѣ (Иванѣ) Даниловичѣ: какъ тотъ, такъ и другой подвергаются несправедливой карѣ сажанію въ погреба глубокіе: будучи освобождены, они не желаютъ пользоваться милостью Владиміра: одинъ изъ нихъ навсегда уходитъ въ монастырь, а другой прибѣгаетъ къ самоубійству.

Трагическій конецъ былины о Сухманѣ можно привести въ связь съ лѣтописнымъ преданіемъ о смерти переяславскаго богатыря Демьяна Куденевича. Однажды «пріидоша половци мнози съ Давидовичи и взяша градъ Дегинъ и безвѣстно идоша къ Переяславлю на великаго князя Мстислава Изяславича и нощію пріидоша къ Переяславлю на ранней зарѣ и посадъ зажгоша, никому же ихъ вѣдящу яко рат-

ніи пріидоша; они же оступиша градъ, и бысть во градѣ много смущенія и плачъ. Демьянъ Куденевичъ одинъ выѣде изъ града, не имѣя ничто же одѣянія доспѣшнаго на себѣ, паче же помощію Божіею, и много бивъ ратныхъ, настрѣленъ же бывъ отъ половецъ и изнемогъ, возвратися во градъ; ратніи же вси, страхомъ одержими, бѣжаша спѣшно каждо во свояси. Демьянъ же до конца изнеможе отъ ранъ. И скоро тече къ нему князь великій Мстиславъ Изяславичъ и многи дары дая ему, и власти обѣщевая. Онъ же рече: «О суетія человѣческаго! Кто мертвъ сый желаетъ дарованія тлѣннаго и власти погибающія»! И сіе рекъ, усну вѣчнымъ сномъ; и бысть по немъ отъ всѣхъ велій плачъ во градѣ».

Демьянъ Куденевичъ, какъ и Сухманъ, выходитъ на враговъ—безъ вооруженія: Демьянъ былъ раненъ въ битвѣ—Сухманъ также; Демьяну князь обѣщаетъ дары многіе и власть—Сухмана Владиміръ хочетъ жаловать, миловать; оба отказываются отъ даровъ, и оба умираютъ.

Что касается послѣднихъ словъ Сухмана о Сухманѣ-рѣкѣ, то здѣсь нужно видѣть вліяніе сказаній на образованіе рѣкъ изъ крови героевъ,

222. Дунай (Донъ) Ивановичъ. Богатырь Дунай (Донъ) Ивановичъ извѣстенъ, какъ участникъ въ походѣ за невѣстой для Владимира (§ 194). По нѣкоторымъ пересказамъ этой былины, съ удалой поленицей Настасьей, сестрой Опраксы, вступаетъ въ бой не Добрыня, а самъ Дунай Ивановичъ. Бой оканчивается побѣдой Дуная, и Настасья выходитъ замужъ за Дуная. На свадебномъ пиру въ Кіевѣ всѣ наѣдалися, напивалися и порасхвасталися. Порасхвастался и Дунай тѣмъ, что онъ гораздъ стрѣлять въ цѣль изъ тугого лука. Молодая жена Дуная Настасья говоритъ своему мужу, что нечѣмъ ему хвастаться, такъ какъ она не хуже его умѣетъ стрѣлять изъ лука въ цѣль. Не слюбилося это Дунаю, и онъ предлагаетъ женѣ отправиться съ нимъ въ чистое поле и состязаться въ стрѣльбѣ изъ лука. Уговорились стрѣлять въ золотое кольцо, которое долженъ держать на своей головѣ одинъ изъ супруговъ. По жребію выпало стрѣлять первой—Настасьѣ. Отмѣрили разстояніе на пятьсотъ шаговъ. Настасья взяла лукъ прицѣлилась и сшибла стрѣлой съ головы кольцо. Настала очередь стрѣлять Дунаю. Настасья,

опасаясь, что ея охмелѣвшій мужъ промахнется, проситъ его отложить состязаніе до слѣдующаго дня; она раскаивается, что затѣяла съ нимъ состязаніе, такъ какъ онъ теперь можетъ попасть стрѣлой въ нее, убить ее и находящагося во чревѣ ея ребенка отъ Дуная. Дунай не соглашается. Отойдя на отмѣренное разстояніе, Дунай прицѣливается въ кольцо на головѣ жены. Стрѣла взвилась и попала Настасьѣ въ грудь. Дунай опомнился. Въ горѣ онъ схватываетъ кинжалъ и закалываетъ себя. Изъ крови богатыря потекла рѣка Дунай.

Имя Дунай—одно изъ популярныхъ въ старинѣ русскихъ именъ. Въ Ипатьевской лѣтописи встрѣчается имя близкаго къ галицко-волынскому князю Владиміру (въ концѣ XIII в.) воеводы Дуная. Князь Владиміръ Васильковичъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ князей. По разсказамъ современника, онъ велъ воздержную жизнь, отличался силою и ловкостью въ охотѣ, былъ благочестивъ. Его воевода Дунай ведетъ княжескую дружину противъ поляковъ; по порученію князя, Дунай собираетъ союзниковъ-литовцевъ; когда князь заболѣлъ и передалъ престолъ брату своему Мстиславу, Дунай, по порученію того же Владиміра, устраиваетъ дѣла между княземъ Мстиславомъ и мазовецкимъ князямъ Конрадомъ. Такимъ образомъ, Дунай игралъ весьма важную роль въ событіяхъ изъ жизни Галицко-волынскаго княжества во второй половинѣ XIII в. Личности Владиміра Васильковича и его воеводы Дуная должны были отразиться въ современномъ имъ галицко-волынскомъ эпосѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе процесса циклизаціи княжеско-дружинныхъ пѣсенъ, слились съ пѣснями о Владимірѣ Св.

Былины о Дунаѣ представляютъ сліяніе трехъ мотивовъ: 1) сватовство и добываніе невѣсты для князя, 2) убійство мужемъ жены въ состояніи оскорбленнаго самолюбія и самоубійство мужа и 3) происхожденіе рѣки отъ крови героя. Въ самомъ Дунаѣ слились два образа: 1) тихій Дунай, способный къ дипломатической дѣятельности и получающій порученіе добывать невѣсту и 2) буйный и свирѣпый Дунай, убивающій жену и себя.

232. Михаилъ Потокъ Ивановичъ. На пиру Владиміръ возлагаетъ на своихъ трехъ богатырей—Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайла Ивановича порученіе—

съѣздить въ три царства выправить дани-выходы за тринадцать съ половиной лѣтъ. Богатыри выѣзжаютъ изъ Кіева вмѣстѣ и затѣмъ отправляются каждый въ назначенное царство. Михаилу Потоку выпало идти въ царство Подольское. Выправивъ дани-выходы, Михаило Потокъ отправился къ морю синему, на теплыя, тихія заводи настрѣлять для княженецкаго стола гусей, бѣлыхъ лебедей и перелетныхъ малыхъ уточекъ. Вдругъ онъ видитъ бѣлую лебедушку: «она черезъ перо была вся золота, а головушка у ней увивана краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена». Потокъ живо вынулъ свой тугой лукъ и прицѣлился въ бѣлую лебедь. А лебедь вдругъ заговорила человѣчьимъ голосомъ, прося Потока не стрѣлять въ нее, такъ какъ она ему пригодится когда-нибудь». Сказавъ это, лебедь обернулась красной дѣвицей. Потокъ воткнулъ свое копье въ землю, привязалъ къ копью коня, беретъ дѣвицу за бѣлыя руки и цѣлуетъ ее въ сахарныя уста. Бѣлая Лебедь, Авдотьюшка Лиховидьевна (Марья королевична, подолянка), соглашаясь вступить въ бракъ съ Потокомъ, заключаетъ съ нимъ договоръ, по которому тотъ изъ нихъ, кто останется живъ послѣ смерти другого, долженъ живой послѣдовать за нимъ въ могилу. Потокъ соглашается. Женихъ и невѣста разстаются, уговорившись вѣнчаться въ Кіевѣ. Когда Потокъ прибылъ въ Кіевъ, оказалось, къ его удивленію, что невѣста уже его ждетъ тамъ. Потокъ повѣнчался съ Авдотьюшкой и далъ клятву исполнить раньше заключенный договоръ. Сталъ Михайло Потокъ съ женою своею вѣкъ коротать.

Въ это время въ Кіевѣ явился посолъ отъ царя Вахрамѣя Вахрамѣевича (Бухаря и т. д.) съ требованіемъ уплатить дани-выходы за тринадцать съ половиною лѣтъ: Владиміръ поручаетъ уладить это дѣло Потоку. Потокъ учитъ Владимира написать царю ярлычки скорописчаты о томъ, что дани-выходы онъ отправляетъ съ Михайломъ Потыкомъ. Съ этими ярлыками Потокъ ѣдетъ къ царю безъ даней-выходовъ. Царь распечатываетъ ярлыки. Онъ очень радуется присылкѣ даней-выходовъ и спросилъ у Потока, гдѣ они. Потокъ объявляетъ, что по дорогѣ оси въ телѣгахъ сломались, и теперь тамъ происходитъ починка телѣгъ. Царь удовлетворился этимъ отвѣтомъ и сталъ разспрашивать, чѣмъ забавляются въ настоящее время на Руси. Потокъ сказалъ, что

самая распространенная игра—въ шашки (шахматы, тавлеи золоченыя). Царь предложилъ Потоку поиграть съ нимъ. Началась игра. Царь проигралъ нѣсколько разъ по сорока ордынскихъ телѣгъ казны золотой и даже дани-выходы за тринадцать съ половиной лѣтъ.

Во время игры налетаетъ на окошечко голубь и возвѣщаетъ Потоку, что его жена скончалась. Потокъ бросаетъ шахматную доску о кирпичный полъ съ такою силою, что всѣ терема въ царскомъ дворцѣ зашаталися, хрустальныя оконницы посыпались, и люди и бояре всѣ мертвы лежатъ. Въ три часа примчался Потокъ въ Кіевъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Потокъ, согласно уговору съ женой, велитъ посадить себя съ конемъ и сбруей разной въ погребъ великій, гдѣ похоронена была его жена. Могила была задѣлана дубовымъ потолкомъ и засыпана желтыми песками. Въ полночь въ могилу проникъ змѣй. Потокъ не робокъ былъ: онъ схватился со змѣемъ, побѣдилъ его и хотѣлъ отрубить ему голову. Змѣй проситъ пощады, обѣщая живой водой воскресить Потоку жену. Потокъ щадитъ змѣя. Жена его воскресла. Потокъ зычнымъ голосомъ крикнулъ: Илья Муромецъ и Добрыня услышали крикъ Потока, разрыли могилы и вытащили оттуда Потока и жену его.

Однажды, когда дома Потока не случилось, жена покинула его и вышла замужъ за прекраснаго царя Ивана Окульевича (или ушла къ отцу своему королю Политовскому), который убѣдилъ ее, что за нимъ она будетъ царицей, а за Потокомъ простой портомойницей у князя Владимира). Узнавъ о происшедшемъ, Потокъ погнался за Иваномъ Окульевичемъ и женой и догналъ ихъ въ степи. Увидѣвъ Потока, Марья Лебедь Бѣлая приготовила сонныхъ питей и стала подчивать Потока, жалуясь на то, что Иванъ Окульевичъ насильно увезъ ее. Потокъ былъ падокъ до вина, выпилъ чару, другую и третью и упалъ сонный на землю. Марья превращаетъ Потока въ бѣлъ-горючъ камешекъ и ѣдетъ дальше.

Между тѣмъ, Илья и Добрыня стосковались по своемъ крестовомъ братцѣ, одѣлись каликами и отправились на поиски за Потокомъ. Пришли они къ бѣлому камешку и встрѣтили калику сѣдую и плѣшатую. Узнавъ, куда направляются богатыри, калика вызвался идти вмѣстѣ съ ними. Пришли

трое каликъ въ землю Сарацинскую къ Ивану Окульевичу и Маріи Бѣлой лебеди и стали зычнымъ голосомъ просить милостыни. Отъ этого каличьяго крика терема въ царствѣ пошатались, хрустальныя оконницы посыпались. Бросилась Марья къ окошку, узнала подъ видомъ двухъ каликъ русскихъ богатырей и велѣла накормить, напоить и наградить ихъ. Отъ нея калики узнали, что Потокъ лежитъ у перекрестка бѣлымъ горючимъ камушкомъ. Калики вернулись назадъ къ камню и стали прежде дѣлить между собою милостыню, полученную отъ Маріи. Старый калика дѣлитъ ее на четыре части. Илья и Добрыня удивились. Старый калика сказалъ, что четвертая часть придется тому, кто подниметъ бѣлъ горючъ камень и кинетъ его черезъ плечи. Схватилъ камень Добрыня, поднялъ его до колѣнъ, а больше не могъ; подскочилъ Илья, здынулъ камень до пояса, а больше не могъ. Тогда подошелъ къ камню старый калика, сталъ калика поднимать его и перебросилъ черезъ плечо: камень превратился въ Потока. Оказалось, что калика сѣдатая — Михаилъ Архангелъ или Микола Святитель, явившіеся для освобожденія Потока отъ чаръ.

Потокъ разспрашиваетъ про свою жену и снова отправляется въ Сарацинское царство. Марья снова опаиваетъ Потока допьяна и прибиваетъ его гвоздями къ городской стѣнѣ. Однажды, сестра Ивана Окульевича — Настасья Окульевна, проходя мимо стѣны, увидѣла черную завѣсу, отдернула ее и увидѣла висящаго Потока, съ котораго уже соскочилъ хмель. Настасья обѣщаетъ освободить его, если онъ дастъ обѣщаніе жениться на ней. Потокъ соглашается. Настасья освобождаетъ его, достаетъ ему коня и оружіе. Поѣхалъ Потокъ къ царскимъ палатамъ. Марья, увидѣвъ Потока, снова приготовила соннаго вина и подтчуетъ Потока, увѣряя его со слезами, что она безъ него жить не можетъ. Потокъ занесъ уже руку, чтобы взять подносимую чару, но тутъ выскочила Настасья и толкнула его подъ руку: чара отлетѣла далеко. Потокъ взмахнулъ саблей, отрубилъ голову Марьѣ и Ивану Окульеву, затѣмъ возвращается въ Кіевъ, женится на Настасьѣ и строитъ церковь Миколѣ Святителю.

Нѣкоторыми своими чертами эта былина напоминаетъ былину о Добрынѣ и Маринѣ. Но она нѣсколько шире: она представляетъ переработку темы о невѣрныхъ женахъ. Первая

часть былины, изображающая женитьбу героя и уговоръ съ женою о томъ, что пережившій супругъ долженъ отправиться въ могилу съ другимъ, пребываніе живого съ мертвымъ въ могилѣ, столкновеніе со змѣемъ и воскрешеніе жены представляетъ очень древній и вмѣстѣ съ тѣмъ популярный сказочный сюжетъ. Эта часть имѣетъ много параллелей въ сказкахъ слѣдующихъ народовъ: бѣлоруссовъ, поляковъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, сицилійцевъ, кавказцевъ, индусовъ и т. д. Вторая часть осложнилась сказками на сюжетъ о невѣрныхъ женахъ: жена героя, волшебница, измѣняетъ ему въ его отсутствіе, увозится другимъ и старается погубить перваго мужа; попытки погубить мужа излагаются обыкновенно въ двухъ эпизодахъ: въ первый разъ она превращаетъ его въ камень, а во второй разъ пригвождаетъ его въ погребѣ къ стѣнѣ. Героя спасаетъ сестра похитителя, на которой онъ и женится, убивъ свою жену и ея похитителя.

Былины о Потокѣ принадлежатъ, повидимому, къ разряду тѣхъ дружинныхъ пѣсенъ, которыя возникли первоначально въ Галицко-Волынской Руси и затѣмъ уже вошли въ циклъ кіевскихъ былинъ. Къ этому приводитъ анализъ географическихъ названій былинъ о Потокѣ. Жена Потока Марья Бѣлая Лебедь въ большинствѣ случаевъ называется Подоленкой, т. е. выводится изъ Подоліи. Въ нѣкоторыхъ былинахъ прямо говорится, что Потоку Владиміръ поручилъ съѣздить именно въ землю Подольскую, и что его жена была дочерью подольскаго короля. Похититель Маріи называется Политовскимъ королемъ (Вахрамѣемъ, Иваномъ Окульевымъ, Кощеемъ и т. д.).

Изслѣдованіе вопроса о имени богатыря также приводитъ къ выводу о возникновеніи былины въ Галицко-Волынской землѣ.

Прозвище Потокъ или Потыкъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ въ формѣ Поткъ (вѣроятно, изъ Потъкъ, причемъ *ъ* перешелъ въ *о* и *ы*). Это прозвище чрезвычайно напоминаетъ названіе болгарскаго города Потуки (вѣроятно нынѣшняго Батака), къ которому прикрѣплено житіе праведнаго Михаила воина. Содержаніе этого житія слѣдующее. Болгаринъ Михаилъ служитъ въ византійскомъ войскѣ воеводой. Однажды греки, тѣснимые агарянами и эѳіоплянами,

готовились уже обратиться въ бѣгство. Тогда Михаилъ со со своею дружиною бросился на непріятелей, перебилъ ихъ множество, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Возвращаясь въ свой родной городъ Потуку, Михаилъ остановился отдохнуть близъ одного озера. Въ озерѣ жилъ змѣй, которому жители сосѣдняго города обязаны были доставлять дѣтей на съѣденіе. Когда Михаилъ остановился на отдыхъ, у озера стояла обреченная на съѣденіе змѣю дѣвица. Михаилъ бросился на змѣя и отрубилъ ему мечомъ всѣ три головы. Жители города, узнавъ о гибели змѣя, устроили Михаилу торжественную встрѣчу. Михаилъ вернулся въ свой родной городъ, гдѣ и умеръ (во второй половинѣ IX в.). По смерти Михаила у его тѣла въ Потукѣ стали совершаться чудеса. Въ 1206 г. болгарскій царь Калоіоаннъ устроилъ торжественное перенесеніе мощей Михаила изъ Потуки въ Тырновъ.

Между Михаиломъ изъ Потуки и Михаиломъ Потокомъ Ивановичемъ есть нѣкоторое сходство: оба—храбрые воины, воеводы, оба находятъ дѣвицу—одинъ у моря, другой у озера; оба спасаютъ женщину отъ змѣя. Это сходство можетъ быть объяснено тѣмъ, что торжественное перенесеніе мощей Михаила въ началѣ XIII в. должно было возобновить воспоминаніе объ этомъ угодникѣ въ Болгаріи и возбудить интересъ къ нему за предѣлами Болгаріи у ближайшихъ сосѣдей православнаго исповѣданія. Биижайшей сосѣдкой, съ которой Болгарія соприкасалась въ нижнемъ теченіи Дуная, была Галицко-Волынская земля. Повидимому, къ имени Галицко-Волынскаго богатыря-дружинника, по сходству прозвища или инымъ причинамъ, пристала легенда о болгарскомъ воинѣ изъ Потуки, подвергшись на новой родинѣ цѣлому ряду измѣненій и дополненій.

224. Иванъ Годиновичъ. Съ сюжетомъ о Михаилѣ Потокѣ находятся въ связи былины объ Иванѣ Годиновичѣ.

Владимиръ хочетъ женить своего племянника Ивана Годиновича. Иванъ отвѣчаетъ Владимиру, что онъ уже намѣтилъ себѣ невѣсту. Его невѣста, Марья Митріевна (Настасья, Авдотья Лебедь Бѣлая) живетъ въ Золотой Ордѣ (въ Индіи богатой, за славнымъ синимъ моремъ, въ Черниговѣ). Она всѣмъ добрымъ добра: тѣломъ, какъ снѣгъ, бѣла, походка у ней павлинная, тихая рѣчь лебединая, брови у ней—чернаго соболя, глаза у ней—яснаго сокола, личико,

какъ маковъ цвѣтъ. Иванъ Годиновичъ отправляется за невѣстой, взявъ съ собой паробка любимаго (или трехъ богатырей, между ними Илью и Алешу). Пріѣзжаетъ Иванъ и сватается къ Марьѣ Митріевнѣ. Марья Митріевна оказывается просватана уже за другого (за царя Кощега Трипетовича, за царища Кощерища, за царя Афромея Афромеевича и т. д.). Иванъ Годиновичъ увозитъ Марью Митріевну по однимъ былинамъ, силою, а по другимъ—съ ея согласія. Первый женихъ, царь Кощегъ, узнавъ о похищеніи его невѣсты, бросается за Иваномъ въ погоню и догоняетъ его среди степи, гдѣ онъ расположился отдохнуть въ шатрѣ. Между Иваномъ и Кощегомъ затѣвается бой. Иванъ опрокидываетъ Кощега, садится ему на бѣлыя груди и проситъ Настасью Митріевну дать ему «ножище-кинжалище—вырвать сердце татарское съ печенью». Кощегъ говоритъ Настасьѣ: «Ай же, ты Настасья Митріевна! Не подай ножища-кинжалища: какъ за имъ вѣдь будешь жить, будешь слыть бабой простомывныя, будешь старому, малому кланяться; а за мной вѣдь будешь жить, будешь слыть царицей вѣковѣчной, будетъ старый вѣдь малый тебѣ кланяться». У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ. Выскакиваетъ Настасья изъ бѣлаго шатра, схватываетъ Ивана за желтыя кудри и сбиваетъ его на сыру землю. Кощегъ и Настасья привязываютъ Ивана къ сырому дубу и удаляются въ шатеръ. По прошествіи нѣкотораго времени налетѣлъ на сырой дубъ черный воронъ (три малыхъ голубя) и закричалъ громкимъ голосомъ: «А не владѣть этой Марьей Митріевичной Кощегу Трипетовичу, а владѣть ею Иванушкѣ Годиновичу». Татарину не слюбилась эта рѣчь. Онъ выскакиваетъ изъ шатра, беретъ лукъ Ивана Годиновича и прицѣливается въ ворона. Въ это время Иванушка сталъ приговаривать: «Ужъ ты, батюшко, мой тугой лукъ! Ужъ ты, матушка, калена стрѣла! Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду, не пади-ко стрѣла, ты ни на гору, не пади-ко, стрѣла, ты ни въ сырой дубъ, не стрѣли сизыхъ, малыхъ голубовъ! Обернись, стрѣла, въ груди татарскія, въ татарскія груди, во царскія, ай вырви-ко сердце со печенью добрымъ людишкамъ на сгляженье, ай старымъ старухамъ на роптаніе, чернымъ воронамъ все на грянье, ай сѣрымъ волкамъ все на военье». Стрѣла, повинуясь заклинанію Ивана, ударяетъ въ грудь

Кощеги и вырываетъ сердце съ печенью. Настасья заплакала: «Я отъ бережка откачнулася, я къ другому не прикачнулася». Опасаясь, что Иванушка отомстить ей, если останется живъ. Настасья беретъ саблю, чтобы отрубить Ивану голову. У Иванушки богатырское сердце разгорѣлося. Двинулся Иванушка отъ сырого дуба. Дубъ согнулся, разбился на куски, и Иванушка освобождается отъ веревокъ. Онъ схватываетъ Настасьюшку за желту косу, сбиваетъ ее на землю, начинаетъ ее учить: отрубаетъ ей руки, ноги, губы и голову. Только Иванушка и былъ женатъ.

Этотъ сюжетъ находится въ связи съ слѣдующими произведеніями: 1) «Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя», 2) Сербская пѣсня о Бановичѣ Страхинѣ и 3) русская легенда изъ житія Іосифа Волоцкаго.

1) **«Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя»**, помѣщенная въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ, разсказываетъ слѣдующее. Въ 1248 г. Батый прошелъ со своими войсками до центра Венгріи, укрѣпленнаго города Варадина, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою. Посреди города стоялъ «столпъ каменъ, зѣло превысокъ». Въ то время самодержцемъ этой земли былъ король Влаславъ (Владиславъ). Влаславъ не успѣлъ собраться съ войсками, и потому Батый разрушилъ всѣ города, а людей поплѣнилъ. Король «многи дни пребываше на предреченномъ столпѣ въ велицей скорби, ни хлѣба, ни воды вкушая, и моляще Христа Бога со слезами, да преложитъ гнѣвъ свой на милость и избавитъ его отъ враговъ его». Со столпа Влаславъ увидѣлъ, какъ татары захватили его сестру, бѣжавшую къ нему въ городъ, и отвели къ Батыю, и «паче на сугубый плачъ и слезы обратися и моляше Христа Бога, да помощію своею и милостію своею избавитъ его отъ враговъ его». Молитвы Власлава были услышаны Богомъ. Однажды передъ Влаславомъ предсталъ «человѣкъ нѣкто свѣтелъ зѣло и страшенъ», который велѣлъ ему сейчасъ же отправиться на Батыя. Король сошелъ со столба и увидѣлъ недалеко осѣдланнаго коня и сѣкиру на немъ. Онъ сѣлъ на коня, вышелъ съ войскомъ изъ города и неожиданно ударилъ на татарское войско. Татары потерпѣли пораженіе и бросились бѣжать. Побѣжалъ и Батый, а съ нимъ и сестра Власлава. Влаславъ пустился за ними въ погоню, перебилъ многихъ татаръ, добрался до самого Ба-

тыя «и сразися самъ съ нимъ, и нача сестра королева помогати Батыю. Король же Владиславъ возопи съ великимъ гласомъ и со слезами ко Господу Богу, да ему поможетъ; и тако помощію Божіею одолѣвъ, уби царя Батыя и сестру свою съ нимъ».

2) Сербская пѣсня о Бановичѣ Страхинѣ. Въ отсутствіи Бановича Страхини турокъ Влахъ-Алія похищаетъ его жену. Страхиня отправляется за ними въ погоню, настигаетъ ихъ на Косовомъ полѣ и вступаетъ съ похитителемъ въ бой. Бой продолжается долго. Наконецъ, утомленный Страхиня проситъ жену взять осколокъ сабли и ударить либо его, либо турка, смотря по тому, кто ей больше дорогъ. А турокъ сулитъ ей любовь и богатство. Женскій полъ не трудно обмануть. Схватила жена Страхини осколокъ сабли и ударила мужа прямо въ лобъ, такъ что кровь стала застилать ему глаза. Видя неминуемую гибель, Страхиня сталъ звать своего вѣрнаго пса Карамана. На богатырскій зовъ хозяина примчался вѣрный песъ, схватилъ измѣнницу за горло и скатился съ нею въ долину. Турку стало жалко ея; онъ оглянулся ей во слѣдъ; этимъ мгновеніемъ воспользовался Страхиня, наскочилъ на турка, ударилъ его о землю и загрызъ его зубами до смерти. Страхиня возвратился съ женой домой. Шурья его, узнавъ объ измѣнѣ ихъ сестры, убиваютъ ее.

3) Русская легенда въ житіи Іосифа Волоцкаго. У нѣкоего воина плѣнили его жену. Воинъ везъ съ собою пса и сѣкиру. Онъ отправляется по слѣдамъ похитителей, которые пришли въ нѣкое село боярское, гдѣ имъ устроено было угощеніе. «Многаго ради зноя» всѣ перепились и спали, какъ мертвые. Воинъ, явившись въ это село, перебилъ всѣхъ спавшихъ сѣкирой. Въ одной изъ комнатъ онъ нашелъ свою жену и похитителя-князя. Увидѣвъ мужа своего, жена разбудила спавшаго «варвара». «Варваръ» вскочилъ и вступилъ въ бой съ мужемъ-воиномъ. Одолѣвъ воина, «варваръ» сѣлъ на него и вынулъ ножъ, чтобы его зарѣзать. Въ это время песъ воина схватилъ зубами «варвара» за голову и стащилъ его со своего хозяина. Воинъ всталъ, убилъ «варвара» и,— взявъ съ собой жену, ушелъ и сдѣлалъ съ нею то, что хотѣлъ.

225 Данило Ловчанинъ. У Владимира пиръ. Владимиръ жалуется на то, что всѣ князья-бояре, сильные-

могучіе богатыри и вся поленица удалая—женаты, а онъ не женатъ ходитъ, холостъ гуляетъ, и спрашиваетъ, гдѣ бы ему найти подходящую невѣсту. Мишатычка, Путятинъ сынъ, отвѣчаетъ Владиміру: «Ужъ ты, батюшка, Володимиръ князь! Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ, много видалъ я королевишенъ, много видалъ и изъ ума пыталъ: котора лицомъ красна—умомъ не сверстна, котора умомъ сверстна—лицомъ не красна. Не нахаживалъ я эдакой пригожицы,—у того-ли Данилы у Денисьича, еще то-ли Василиса Никулишна: и лицомъ она красна, и умомъ сверстна, и русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному; еще было бы кого назвать намъ матушкой, величать намъ государыней». Владиміръ отказывается отъ живого мужа жену себѣ брать. Но Мишатычка Путятинъ «перемѣтливъ» былъ: онъ предлагаетъ послать Данилу Ловчанина на службу дальнюю, невозвратную, велѣть ему поймать птицу бѣлогорлицу къ обѣду княженецкому и убить льва лютаго. Слово Мишатычки Путятина понравилось Владиміру. Онъ пишетъ ярлыки скорописчаты и отправляетъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ-градъ къ Данилѣ.

Пріѣхавъ въ Черниговъ, Мишатычка не застаетъ Данилы и отдаетъ ярлыки Василисѣ Никулишнѣ, Василиса читаетъ ихъ и заливается горькими слезами. Надѣваетъ на себя Василиса платье молодецкое, садится на коня и отправляется въ поле искать Данилушку. Найдя его, Василиса сообщила о приказаніи Владиміра.

Данила успѣшно выполняетъ порученіе и располагается послѣ охоты отдыхать въ полѣ. Вдругъ Данила видитъ—къ нему направляется «триста бояриновъ да триста татариновъ, да триста донскихъ казаковъ», которые сообщаютъ Данилѣ, что они пришли за его буйной головушкой. Данило рѣшилъ не сдаваться имъ: онъ сталъ стрѣлять по нимъ изъ тугого лука и всѣхъ перебилъ, но самъ задумался надъ отношеніемъ къ нему князя: «Знать, я князю неугоденъ сталъ»! Придя къ этому заключенію, Данила воткнулъ копье тупымъ концомъ въ землю, а самъ бросается на копье и умираетъ.

Узнавъ о гибели Данила Ловчанина, Владиміръ ѣдетъ въ Черниговъ и принуждаетъ Василису Никулишну выходить за него замужъ. Василиса наряжается въ свѣтлое платье,

беретъ съ собой булатный ножъ и ѣдетъ съ Владимиромъ къ Кіеву. Когда они проходили мимо мѣста, гдѣ погибъ Данила, Василиса попросила у Владимира позволенія пойти проститься съ покойнымъ мужемъ. У трупа своего мужа Василиса вытащила свой булатный ножъ и распарываетъ себѣ грудь.

Былина о Данилѣ Ловчанинѣ, повидимому, имѣетъ связь съ эпизодомъ, о которомъ разсказываетъ «повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань въ 1237 г.». Рязанскіе князья убѣдившись, что имъ не получить помощи отъ великаго князя Владимирскаго Юрія, рѣшили «утолить» Батыя дарами и великими моленіями. Рязанскій князь Юрій Ингоревичъ посылаетъ къ Батыю своего сына Ѳеодора съ другими князьями. Батый дары принялъ и обѣщалъ не воевать Рязанской земли, если рязанскія князья пришлютъ къ нему своихъ дочерей и сестеръ. Одинъ изъ рязанскихъ вельможъ, изъ зависти и, вѣроятно, желая подслужиться Батыю, сообщилъ ему, что у Ѳеодора есть жена изъ царскаго рода, княгиня Евпраксія необыкновенная красавица. Батый потребовалъ у Ѳеодора его жены. Ѳеодоръ отказался исполнить требованіе. Тогда Батый велѣлъ убить Ѳеодора и тѣло его выбросить на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Спутники Ѳеодора также были перебиты, кромѣ одного, который успѣлъ скрыться и доставить Евпраксіи извѣстіе о происшедшемъ. Княгиня при пріѣздѣ гонца находилась въ высокихъ хоромахъ своихъ, имѣя на рукахъ любезное чадо свое Ивана. Узнавъ, что мужъ ея погибъ, «любви ея ради и красоты», она «наполнися слезъ и горести и ринуся съ превысокаго храма своего и съ сыномъ своимъ, съ княземъ Иваномъ, на среду земли, и заразися до смерти».

Сходство между этимъ лѣтописнымъ преданіемъ и былиной о Данилѣ Ловчанинѣ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) былинному Мишатычкѣ Путятичу соотвѣтствуетъ въ лѣтописномъ преданіи завистливый рязанскій вельможа; оба указываютъ, одинъ Владимиру, другой Батыю на существованіе красавицы жены; 2) Владимиръ содѣйствуетъ о гибели мужа красавицы — Батый прямо губитъ его, когда тотъ отказывается исполнить невыполнимое для него требованіе; 3) жена красавица узнавъ о гибели мужа, въ обоихъ случаяхъ кончаетъ самоубійскомъ.

Чѣмъ обусловливается это сходство, сказать трудно.

226. Конецъ богатырей. Богатырскій эпосъ кіевскаго цикла завершается былиной о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри.

Выѣзжаютъ русскіе богатыри къ Сафатъ-рѣку и располагаются «опочивъ держать». Было ихъ семеро: Хотенъ, Василій Казимировичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня и Илья Муромецъ. «Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка», вставалъ раньше всѣхъ Добрыня, умывался студеной водой, утирался тонкимъ полотномъ, помолился чудну образу. Видитъ Добрыня—за Сафатъ-рѣкой бѣлъ-полотнянъ шатеръ, а въ этомъ шатрѣ залегъ злой татарченокъ, басурманченокъ, который не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни ѣзжалаго добра молодца. Добрыня осѣдлалъ своего коня, направился къ шатру и зычнымъ голосомъ вызываетъ татарченка на бой. Татаринъ выходитъ изъ шатра, садится на коня и выѣзжаетъ на Добрыню. Въ бою сломались у противниковъ острыя копья, разлетѣлись мечи булатные. Схватился Добрыня съ татариномъ въ рукопашную. Поскользнулся Добрыня и упалъ на сырую землю. Вскочилъ татаринъ на Добрыню распоролъ ему бѣлыя груди и вынималъ сердце съ печенью.

«Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка», вставалъ раньше всѣхъ Алеша Поповичъ. Выйдя на Сафатъ-рѣку, Алеша видитъ Добрынина коня. Догадался Алеша, что съ Добрыней что-то случилось, сѣлъ на коня, направился къ шатру татарченка и видитъ—у шатра лежитъ трупъ Добрыни. Алеша зычнымъ голосомъ вызываетъ на бой татарченка. Алеша одолѣваетъ татарченка и собирается вспороть ему бѣлыя груди. Вдругъ, откуда ни возмись, черный воронъ, заговорившій съ Алешей человѣческимъ голосомъ; онъ проситъ пощадить татарченка, обѣщая за это принести мертвой и живой воды для оживленія Добрыни. Алеша послушался ворона. Воронъ принесъ мертвой и живой воды. Алеша вспрыснулъ ими Добрыню, и Добрыня ожилъ.

«Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка», вставалъ раньше всѣхъ Илья Муромецъ и выходилъ на Сафатъ-рѣку. Видитъ Илья—черезъ Сафатъ-рѣку переправляется сила басурманская: силы той доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать, черному ворону не облетѣть. Илья зыч-

нымъ голосомъ созвалъ своихъ товарищей-богатырей. На его зовъ сбѣгались богатыри, сѣли на коней, бросились на силу и стали ее колоть-рубить: не столько богатыри рубятъ, сколько добрые кони топчутъ. Бились три часа и три минуточки: изрубили богатыри всю силу поганую.

Стали богатыри похваляться: «Не намахались наши могутныя плечи, не уходилися наши добрые кони, не притупились мечи наши булатные»! Алеша Поповичъ прибавилъ «Подавай намъ силу нездѣшнюю мы и съ тою силою, витязи, справимся»! Едва Алеша произнесъ свое слово «неразумное», какъ явилось двое воителей. Они крикнули громкимъ голосомъ: А давайте съ нами, витязи, бой держать! Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро». Не узнали богатыри воителей. Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова, налетѣлъ на нихъ и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: воителей стало четверо—и всѣ живы. Налетѣлъ на нихъ Добрыня, разрубилъ ихъ со всего плеча пополамъ:-воителей стало восьмеро—и всѣ живы. Налетѣлъ на нихъ Илья, разрубилъ ихъ пополамъ—воителей стало вдвое и всѣ живы. Тогда всѣ богатыри бросились на силу и стали ее колоть-рубить. «А сила все ростетъ да ростетъ, все на витязей съ боемъ идетъ». Бились богатыри три дня, три часа, три минуточки. Намахались ихъ плечи могутныя, уходились-ихъ кони добрые, притупились мечи ихъ булатные. «А сила все ростетъ да ростетъ, все на витязей съ боемъ идетъ». Испугались богатыри, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры. «Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ: какъ подбѣжитъ другой—такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ». Съ этихъ поръ и перевелись богатыри на св. Руси.

Изложенная былина дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ переработкѣ записавшаго его поэта Л. Мея. Повидимому, и въ устахъ казака Ивана Андреева, со словъ котораго былина записана, она не представляла чего-либо органически-цѣльнаго. Былина распадается на три эпизода, причемъ послѣдній—борьба богатырей съ басурманской силой, появленіе двухъ воителей и окаменѣніе богатырей не имѣетъ никакой связи съ предыдущими двумя эпизодами—побѣда татарченка надъ Добрыней, побѣда Алеши надъ татарченкомъ и оживленіе Добрыни. Стиль былины во многихъ

мѣстахъ, видимо, новѣйшаго литературнаго происхожденія, какъ и цѣлый рядъ словъ, необычныхъ для былинъ: витязь, воитель и др. Тѣмъ не менѣе существованіе въ былинномъ репертуарѣ сюжета о томъ, какъ перевелись богатыри на св. Руси, доказывается другими былинами, въ которыхъ этотъ же эпизодъ передается, хотя и въ иныхъ, но сходныхъ чертахъ.

Въ одной былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ-царѣ разсказывается, что богатыри, расправившись съ татарами, возгорѣлись сердцемъ. Илья Муромецъ проговорилъ: «Какъ явилась бы тутъ сила небесная, прирубили бы мы силу всю небесную»! Былина, безъ какой-либо связи, прямо послѣ этихъ словъ Ильи, говоритъ: «Разрубятъ татарина единаго, а сдѣлается съ едина два; а разрубятъ и по двухъ татаръ да поганыихъ, а сдѣлается съ двухъ да четыре. Рубили тутъ все татаръ да поганыихъ, да пресѣлся то старой казакъ Илья Муромецъ, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, отъ этихъ татаръ да отъ поганыихъ; окаменѣлъ его конь да богатырской, и сдѣлалися мощи да святыи да со стара казака Ильи Муромца, Ильи Муромца, сына Ивановича».

Другая билина, тоже повѣствующая объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ - царѣ, разсказываетъ, что богатыри, побивши татарску силу, порасхвастались: «Кабы была на небо лѣстница, мы прибили бы всю силу небесную». Далѣе эта былина, какъ и предыдущая, говоритъ безъ всякой связи: «А тутъ убьютъ татарина—станетъ два да три. Тутъ русскіе могучіе богатыри, прибились они, примучились и другъ другого прикололи - прирѣзали: не осталось на Руси богатырей...».

Третья былина разсказываетъ такъ. Русскіе богатыри бросились на силу татарскую, приведенную Мамаемъ и его зятемъ Василіемъ Прекраснымъ. Они рубили ее пять сутокъ и не оставили ни единаго татарина «на сѣмена». Двое братьевъ—богатыри - суздальцы стали похваляться: «Кабы была теперь сила небесная, и всѣ бы мы побили ее по полю». Отъ словъ богатырей - суздальцевъ вдругъ сдѣлалось чудо великое: возстала сила Мамаева, и стало силы впятеро больше прежняго. Выѣхали богатыри снова на ожившую силу и начали бить ее съ краю на край. Рубили богатыри шестеро сутокъ, «а вставать силы больше прежняго». Илья

кается за глупыя слова братьевъ - суздальцевъ; тутъ повалилась сила кроволитная, и начали копать мать-сыру землю и хоронить тѣла. Богатыри сѣли на коней и поѣхали къ Кіеву. Въѣхавъ въ Кіевъ, они зашли въ честные монастыри и въ пещеры кіевскія; тутъ всѣ богатыри и преставилися.

Всѣ эти варіанты одного и того же сюжета ясно показываютъ, что русскій богатырскій эпосъ заканчивался былинами о томъ, какъ перевелись у насъ богатыри. Изслѣдуя вопросъ о томъ, какое именно событіе породило пѣсни о гибели богатырей, можно придти къ заключенію, что такимъ событіемъ было татарское нашествіе въ его двухъ моментахъ: битва при Калкѣ (1223 г.) и битва при Сити (1238 г.). Оба событія произошли на берегу рѣки (въ былинѣ — Сафатъ-рѣки, получившей свое названіе, вѣроятно, подъ вліяніемъ представленія объ Іосафатовой долинѣ, гдѣ произойдетъ страшный судъ); оба событія имѣли роковое значеніе для княжеско-дружиннаго класса населенія: битва на Калкѣ сокрушила по преимуществу южно-русское богатырство, а битва при Сити—богатырство сѣверно-русское. Съ этого времени богатырство, какъ явленіе, присущее княжеско-дружинному классу населенія эпохи Кіевской Руси, исчезаетъ.

Правильность такого объясненія доказывается сопоставленіемъ былинъ, изображающихъ конецъ богатырей, съ лѣтописными сообщеніями о татарскомъ нашествіи, приведенными выше (§ 157). Нашествіе татаръ было неожиданностью для русскихъ, а сами татары—невѣдомымъ, «незнаемымъ» могучимъ народомъ; столь же неожиданно появляются «воители», предложившіе богатырямъ бой; сила ихъ называется силой нездѣшней, небесной. Съ татарскимъ нашествіемъ рухнуло княжеско-дружинное богатырство; на Сафатъ-рѣкѣ погибла русская богатырская сила. По лѣтописнымъ преданіямъ, въ битвѣ на Калкѣ погибъ Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ Златой поясъ и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей; по былинамъ погибло семь богатырей, въ томъ числѣ Алеша Поповичъ и Добрыня. По лѣтописямъ княжеско-дружинная сила сломленя татарами въ наказаніе свыше за грѣхи наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича», «гордости ради и величанія русскихъ князь»: «бѣжа бо князи храбры мнози и высокоумны, и мнящеся своею храбростію

содѣловающе; имяхуть же и дружину много и храбру и тою величающеся»; та же причина гибели богатырей указана и въ былинахъ: гордость богатырей и ихъ похвальба—одолѣть даже небесныя силы.

Въ былинахъ о гибели русскихъ богатырей выражается церковный взглядъ на пораженіе. Русская церковь, ведшая борьбу противъ княжеско-дружинной «бусстн», какъ противъ грѣха, нашла въ нашествіи татаръ прекрасное фактическое доказательство своей мысли, и побѣжденные князья и дружинники сами не могли не посмотрѣть на свое страшное пораженіе иначе, какъ на наказаніе свыше.

Взглядъ на пораженіе, какъ на наказаніе свыше, логически вытекалъ изъ еврейско-христіанскаго міропониманія; поэтому онъ имѣлъ мѣсто и въ другихъ христіанскихъ странахъ, народы которыхъ терпѣли пораженіе отъ народовъ нехристіанскихъ, и даже выражался въ образахъ, близкихъ къ тѣмъ, которые имѣются въ нашихъ былинахъ. Въ южнославянскихъ пѣсняхъ, отразившихъ нашествіе турокъ на Балканскій полуостровъ, точно также изображается появленіе небесной силы, воскресеніе побитыхъ воиновъ въ возростающей прогрессіи, бѣгство богатырей, причемъ причиной этого является гордость богатырей и ихъ высокомѣріе. Такъ, въ пѣснѣ, изображающей паденіе города Сталака, передается, что богатырь этого города Ѳеодоръ, выхвативъ свою острую саблю, побилъ все турецкое войско, состоявшее изъ ста тысячъ человѣкъ. Пролито было такъ много крови, что она достигала колѣнъ лошади Ѳеодора. Оглянулся Ѳеодоръ назадъ и увидѣлъ великое чудо: тамъ, гдѣ былъ одинъ турокъ—стало два турка. Ѳеодоръ повернулся и во второй разъ перебилъ турецкую силу: стало крови коню по удила. Оглянулся Ѳеодоръ назадъ—видитъ новое великое чудо: на мѣсто двухъ стало три турка. Въ третій разъ Ѳедоръ побилъ турецкую силу: кровь стала литься черезъ сѣдло. Оглянулся Ѳеодоръ назадъ—на мѣсто трехъ турокъ стало четверо, а передъ ними шествуетъ св. Илья, несущій зеленое знамя. Оказывается, что Ѳеодора постигло наказаніе свыше за то, что, осажденный Сулейманомъ, онъ однажды крикнулъ съ крѣпостной стѣны: «Слышишь ли, Сулейманъ царь? Будетъ бросать тебѣ ядра! Достаточно ты глушилъ мои уши: тверда моя крѣпость, не подъ силу тебѣ взять ее. Вотъ, какъ сойду съ крѣпости,

покроюсь ратною одеждою, которую не беретъ ни сабля, ни пуля, возьму въ руки острую саблю, которая сѣчетъ дерево и камень, осѣдлаю коня «ждрелятаго», что бьется съ туманами и облаками,—живой птицы нигдѣ не оставлю»!

Былины о заѣзжихъ герояхъ.

227. Заѣзжіе герои былинъ. Кромѣ былинъ, въ которыхъ изображаются богатыри-воины, дѣйствующіе съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ въ южной Руси, есть еще былины, въ которыхъ выведены не богатыри, а лица обращающія на себя вниманіе своими богатствами, щегольствомъ или красотой. Къ числу такихъ героевъ относятся Чурила Пленковичъ и Дюкъ Степановичъ. Оба они—не кіевскаго происхожденія. Въ былинахъ о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ изображаются герои, дѣйствовавшіе въ тѣхъ частяхъ русскаго государства, которые стали выдѣляться изъ Кіевской Руси въ концѣ XII в. и возвышаться надъ Кіевомъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Чурила Пленковичъ.

228. Сюжеты, связанные съ именемъ Чурилы. Съ именемъ Чурилы Пленковича связаны два главныхъ сюжета: 1) пріѣздъ Чурилы въ Кіевъ и 2) смерть Чурилы.

1) Пріѣздъ Чурилы въ Кіевъ. Пиръ у Владимира. Когда день былъ въ полуднѣ, а столъ въ полустолѣ и Владиміръ распотѣшился, въ столовую врываются толпы избитыхъ и израненыхъ княжескихъ слугъ: ихъ буйные головы пробиты булавами и перевязаны кушаками. Слуги сообщаютъ князю, что во время охоты на государевомъ займищѣ они наѣхали на отрядъ молодцовъ въ триста человѣкъ: подъ ними латинскіе жеребцы, кафтаны на нихъ камчатные, ихъ колпаки золотые. Невѣдомые молодцы повыловили куницъ, соболей, повыгнали печерскихъ лисицъ, туровъ, оленей пострѣляли и княжескихъ слугъ избили. Князь выслушалъ жалобу своихъ охотниковъ и ничего имъ не отвѣтилъ. Пиръ продолжается. Вбѣгаетъ новая толпа израненыхъ княжескихъ слугъ: это—рыболовы княжескіе. Они жалуются, что на нихъ во время ловли рыбы напалъ отрядъ молодцовъ,

которые повыловили всю рыбу (иногда рыбу сорогу). Владимиръ «пьетъ-ѣстъ, прохлаждается, ихъ челобитство не слушаетъ». Появляются новыя толпы израненныхъ княжескихъ слугъ: это—сокольники княжескіе; они жалуются, что чужіе молодцы повыловили ясныхъ соколовъ и бѣлыхъ кречетовъ на государевомъ займищѣ, на потѣшныхъ островахъ и ихъ сокольниковъ избили; они сообщаютъ, эти невѣдомые молодцы называютъ себя дружиной Чуриловой. Тутъ князь спохватывается и спрашиваетъ у своихъ бояръ, кто этотъ Чурила. Выступаетъ тутъ старый Бермята (Пермита) Васильевичъ и говоритъ князю, что онъ давно знаетъ Чурилу: «Чурила живетъ не въ Кіевѣ, а живетъ онъ пониже Малаго Кіевца, на рѣкѣ Сарогѣ (Черогѣ). Дворъ у него на семи верстахъ; около двора желѣзный тынъ, на всякой тынинкѣ по маковкѣ, а и есть по жемчужинкѣ; среди двора свѣтлицы стоятъ, гридни бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ; потолокъ—черныхъ соболей, матица то (средній брусъ потолка) валженая (обтянутая кожей), полъ-середа—одного серебра, крюки да пробои—по булату злачены: первыя у него ворота вальящатыя (рѣзныя), другія ворота хрустальныя, третьи ворота—оловянныя.

Князь съ княгиней, богатырями, дружиной въ 500 человѣкъ и Бермятой ѣдетъ ко двору Чурилы. Встрѣчаетъ его отецъ Чурилы, старый Пленко Сароженинъ (вѣроятно, по имени рѣки Сароги) и ведетъ его, богаткрей и дружину въ высокъ теремъ: въ терему полъ - середа одного серебра, стѣны-потолокъ красна золота; на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ и въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды разсыплются и въ теремѣ звѣзды разсыплются. Сажаетъ старый Пленко гостей за столы дубовые и угощаетъ. Весело пируетъ князь. Взглянувъ въ окно, князь увидѣлъ приближеніе многочисленной дружины и испугался: «По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося: князя, меня, въ домѣ не случилося, ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды или какой грозенъ посолъ». Старый Пленко Сароженинъ усмѣхается и успокаиваетъ князя, говоря, что это не король изъ орды, и не грозенъ посолъ, а молодой сынъ его Чурила Пленковичъ. Впереди ѣдетъ пышно разодѣтая толпа стольниковъ, затѣмъ толпа ключниковъ и, наконецъ, дружина, во главѣ которой идетъ Чурила. Чурила лучше всѣхъ: воло-

синки—золота дуга, серебряная; шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ, а личико будто маковъ цвѣтъ, очи будто у ясна сокола, брови будто у черна соболя. Чурила съ коня на коня перескакиваетъ, у молодцовъ шапочки подхватываетъ, на головушки шапочки покладываетъ. Передъ Чурилой несутъ подсолнечникъ, чтобы солнце не запекло его бѣлаго лица. Впереди дружины Чурилы бѣжитъ скороходъ. Въѣхавъ во дворъ, Чурила беретъ ключи золотые, отправляется въ подвалы глубокіе, беретъ оттуда золотой казны, сорокъ сороковъ черныхъ соболей, сорокъ печерскихъ лисицъ, дорогую лампу хрущату и все это подноситъ Владиміру съ княгиней. Владиміръ обрадовался и приглашаетъ Чурилу переселиться въ Кіевъ: «Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить: подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить». Чурила принимаетъ приглашеніе, уѣзжаетъ въ Кіевъ и становится княжескимъ стольникомъ-чашникомъ.

Своею красотою и изяществомъ производитъ на придворныхъ женщинъ чарующее впечатлѣніе. Сама княгиня увлекается Чурилой. Однажды у Владимира былъ пиръ. Чурила Пленковичъ ходитъ, ставитъ дубовые столы да самъ желтыми кудрями потряхиваетъ, а желтыя кудри его, какъ скатный жемчугъ разсыпаются. Княгиня Апраксія, разрѣзая мясо лебединое, засмотрѣлась на Чурилу и обрѣзала себѣ ножомъ руку. Она говоритъ «женамъ господскимъ»: «Да не дивуйте-ка вы, жены господскія, да что обрѣзала я руку бѣлу правую. Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ, да помутились у меня де очи ясныя, да смотрючись на де на красоту Чурилову, да на его то на кудри на желтыя, да на его де на перстни злаченые; помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ, да помутились у меня да очи ясныя». Затѣмъ она обращается къ Владиміру съ слѣдующими словами: «Свѣтъ государь ты, Владиміръ князь! Да премладому Чурилѣ сыну Пленковичу не на этой а ему службы быть, да быть ему де во постельникахъ, да стлати ковры да подъ насъ мягкіе». Владиміръ отвѣчаетъ княгинѣ: «Да суди тѣ Богъ, княгиня, что въ любовь ты мнѣ пришла. Да какъ ты, княгиня, не въ любовь пришла, да я срубилъ бы тѣ по плечъ да буйну голову, что при всѣхъ ты господахъ обезчестила». Съ этого времени Владиміръ даетъ Чурилѣ другую службу—быть княжескимъ позовщикомъ на

пиры, ходить по городу по Кіеву, да зазывать гостей на почетный пиръ.

Рано по утру встаетъ Чурила, умывается бѣлехонько. надѣваетъ сапожки зеленъ - сафьянъ: пятки гладки, носки плоски, вокругъ пяты хоть яйцомъ прокати, подъ пяту воробей проскочи. Поѣхалъ Чурила по Кіеву. Всѣ женщины кіевскія заглядываются на него, гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ, гдѣ молодушки глядятъ — лишь оконеньки звенятъ, гдѣ старыя глядятъ—манатьи на себѣ дерутъ.

И въ этой должности Чурила долго не удержался: Владиміръ заявляетъ ему, что его служба болѣе не нужна, и онъ можетъ либо въ Кіевѣ остаться, либо уѣхать домой. Чурила уѣзжаетъ на родину.

2) **Смерть Чурилы.** Посылаетъ Владиміръ молодого Чурилу звать въ гости къ себѣ князей и бояръ. Чурила обходитъ князей, бояръ и собиралъ ихъ къ князю на почетный пиръ. Идетъ далѣе Чурила въ суконный рядъ къ старому Берматѣ Васильевичу его зоветъ на пиръ. Кто отъ бѣды откупается, а иной на бѣду накупается. Бермята поручаетъ Чурилѣ пойти къ женѣ его любимой Катеринѣ Микулишнѣ и передать приглашеніе и ей. Чурила идетъ къ Катеринѣ «и тутъ онъ позамѣшкался», такъ что Владиміру пришлось его не мало времени ждать.

По утру рано, въ день Благовѣщенія зазвонили къ заутренѣ. Князья и бояре пошли къ заутренѣ. Въ тотъ день выпалъ снѣгъ, и они нашли свѣжій слѣдъ. Дивятся князья и бояре: «либо зайка скакалъ, либо горностай»; а иные усмѣхаются и говорятъ: «Знать, это не зайка скакалъ, не былъ горностай—это шелъ Чурила Пленковичъ къ старому Бермятѣ Васильевичу, къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасной»...

Однажды, когда старый Бермята былъ въ церкви, Катерина зазываетъ къ себѣ Чурилу, ведетъ его въ горницу, сажаетъ за столъ. угощаетъ и играетъ съ нимъ въ шахматы. Чурила три раза даетъ ей матъ. Катерина бросаетъ игру и говоритъ Чурилѣ: «Премладое Чурило, ты, сынъ Пленковичъ! Я не знаю играть съ тобою во шахматы, я не знаю глядѣть на твою красоту, на твои-то на кудри на желтыя. на твои на перстки злаченые: помѣшался у меня разумъ во буйной головы, помутились у меня очи ясныя. смотрючись де, Чурило, на твою красоту»...

Старая служанка Бермяты, которой Катерина изъ жадности откаазалась давать подарки за молчаніе, бѣжитъ къ своему господину и открываетъ ему глаза на отношенія Катерины къ Чурилѣ. Мужъ спѣшитъ домой, чтобы провѣрить сообщеніе служанки. Онъ стучится въ ворота. Ему не открываютъ. Стучится во второй разъ, и опять не открываютъ. Застучалъ Бермята въ третій разъ, да такъ что всѣ теремы попатались, маковки поломались. Выбѣгаетъ Катерина въ растрепанномъ видѣ. Мужъ спрашиваетъ ее, отчего она такъ растрепана, «не снарядена». Она отвѣчаетъ, что у ней болитъ голова, что ей не можется и хворается.

Расхаживая по своимъ владѣніямъ Бермята видитъ чужую шапку, чужія перчатки шелковыя, чужую шубу соболиную, чужіе сафьяновы сапожки и т. д. Катерина объясняетъ, что это—подарки ея батюшки и матушки, что она взяла ихъ для того, чтобы снарядить своего мужа «лучше стараго». Наконецъ, Бермята натыкается на Чурилу, котораго онъ видитъ за печкой или находитъ спрятаннымъ въ ларцѣ. Бермята кричитъ: «Выходи ко ты, Чурило, середи пола, до тебя-то, мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту ка, мы съ тобой, Чурило, побратуемся. Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа! Выходи ко ты, княгиня, на красно крыльцо, на перильчато: женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ, на другомъ женихѣ—вострой сабелькѣ». Бермята убиваетъ Чурилу и жену.

229. Комментаріи къ былинамъ о Чурилѣ. Имя Чурила произошло, повидимому, отъ имени Кириллъ, подъ вліяніемъ латинской формы имени Cyrillus. Имя Кириллъ встрѣчается въ формѣ «Кюриллъ» въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Въ Новгородѣ было нѣсколько посадниковъ съ именемъ «Кюриллъ». Новогородская I-я лѣтопись сообщаетъ, подъ 1233 г., что «нѣмцы взяли въ плѣнъ Кюрила Синкиница въ Тѣсвѣ и сѣде въ Медвѣжьей Головѣ окованъ отъ Госпожина дни до великаго говѣнія, (пока) князь Ярославъ освободилъ его и привелъ множество полковъ». Изъ этого сообщенія видно, что Кюриллъ Синкиницъ находился въ плѣну, въ «плѣнкахъ» (силки для ловли птицъ и звѣрей), по старинному выраженію. Очень можетъ быть, что пѣсни о Чурилѣ Пленковичѣ восходятъ именно къ этому новгородскому Кюриллѣ плѣненному или Пленковичу.

По другому объясненію, прозвище Пленковичъ образовалось изъ формы Щапленковичъ, отъ глагола щапить, т.-е. щеголять. Такъ какъ прозвище Чурилы встрѣчается въ нѣкоторыхъ былинахъ именно въ этой формѣ, то полагаютъ, что она была первоначальной и обозначала главную черту Чурилы,—щегольство.

Пѣсни о Чурилѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, носятъ слѣды не кіевскаго происхожденія. *Во-первыхъ*, старины о Чурилѣ подчеркиваютъ необыкновенное богатство и могущество стараго Пленко, его сына и дружины, въ сравненіи съ кіевскимъ княземъ Владиміромъ: богатство возбуждаетъ во Владимірѣ и его свитѣ удивленіе; дружина Чурилы безнаказанно избиваетъ многочисленныхъ слугъ Владимира и хозяйничаетъ въ его владѣніяхъ; появленіе отрядовъ Чуриловой дружины пугаетъ Владимира, и онъ опасается не грозный ли это посолъ идетъ изъ Золотой орды. Старины, такъ унижающія Кіевъ, могли возникнуть въ тѣхъ частяхъ русской земли, которыя отдѣлились отъ Кіева, стали самостоятельными и фактически стали превосходить Кіевъ и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ. *Во-вторыхъ*, пріуроченіе старинъ о Чурилѣ къ Кіеву очень слабое: порученія эпическаго Владимира исполняются богатырями его безпрекословно; при случаѣ Владиміръ даже сажаетъ своихъ богатырей въ погреба; между тѣмъ, въ старинахъ о Чурилѣ Владиміръ является княземъ, лишеннымъ всякаго значенія: онъ даже не заступается за своихъ израненныхъ слугъ.

Ближайшее изученіе старинъ о Чурилѣ приводитъ къ предположенію, что онѣ представляютъ плодъ творчества новгородскаго. Доказательствъ этого предположенія не мало. Во-первыхъ, ничтожная роль князя Владимира вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію новгородскихъ князей, которые княжили, но не управляли. Во-вторыхъ, только въ Новгородѣ, славившемся своими богатствами, частныя лица (какими по старинамъ являются Пленко и его сынъ Чурила) могли накоплять значительные капиталы, окружать себя многочисленною челядью. Въ-третьихъ, насилія, учиненныя дружиной Чурилы надъ княжескими слугами, и хозяйничанье въ княжескихъ владѣніяхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ общественнымъ нравамъ Новгорода (См. «Курсъ», Ч. I, кн. вторая). Съ этими доказательствами совпадаютъ черты быта и природы, отра-

зившіяся въ старинахъ о Чурилѣ. Дружина Чурилы не похожа на дружины южно-русскихъ князей: она лишена военнаго характера и напоминаетъ промышленныя новгородскія дружины; она занимается охотой на звѣрей и птицъ и рыболовствомъ: дружинники Чурилы ловятъ шелковыми тенетами пушныхъ звѣрей—соболей, горностаевъ, куницъ печерскихъ (т.-е. изъ новгородской области Печора), лисицъ, дорогихъ птицъ—соколовъ, кречетовъ, лебедей и дорогую рыбу. Перечисленные звѣри являются характерными именно для Новгородской области. Богатство Чурилы состоитъ изъ мѣховъ пушныхъ звѣрей и дорогихъ матерій, которыя получались въ обмѣнъ на шкуры. Среди рыбъ, которыя ловили дружинники Чурилы, упоминается рыба сорога, которая водится только въ сѣверныхъ рѣкахъ.

Дружинники Чурилы ѣздятъ на латинскихъ жеребцахъ, что также указываетъ на Новгородъ. Латинскіе жеребцы—это западно-европейскіе, нѣмецкіе. Южная Русь изобиловала табунами прекрасныхъ лошадей. Не то было въ Новгородской области: коневодство было въ плачевномъ состояніи, и богатые новгороды покупали коней за границей. Нѣмцы неохотно продавали новгородцамъ коней: выводъ лошадей, стоившихъ выше 3 марокъ, запрещался и преслѣдовался. Поэтому имѣть «латинскихъ» жеребцовъ считалось въ Новгородѣ признакомъ величайшей роскоши,

Нѣкоторыя подробности костюма Чурилы и его отца также намекаютъ на новгородскій бытъ. Такъ, сапожки Чурилы «баскаго покрою нѣмецкаго»; матерія на шубѣ Пленка—самитъ или заметъ (древне-нѣмецкое названіе бархата): пуговицы этой шубы представляютъ золотой шаръ («яблоко»), покрытое литымъ орнаментомъ («вальяномъ»); «яблоко» называется любскимъ, т. е. любекскимъ.

Природа, отразившаяся въ старинахъ о Чурилѣ, также скорѣе сѣверная, чѣмъ южноруская. Такъ, въ день Благовѣщенія въ нихъ рисуется зимній ландшафтъ: выпадаетъ порошица — снѣгъ молодой, а по этой порошицѣ видны слѣды либо зайки, либо горностая: Чурила пріѣзжать къ Катеринѣ на саняхъ и въ шубѣ. Этотъ зимній ландшафтъ, слѣды горностая болѣе напоминаютъ сѣверную природу, нежели южнорусскую около Кіева.

Наконецъ, за новгородское происхожденіе старинъ о Чу-

рилѣ говорятъ, помимо торгово-промышленнаго, купеческаго характера, и слѣды апокрифическихъ вліяній. Эпизодъ съ Апраксіей, которая, заглядѣвшись на Чурилу, обрѣзала себѣ палецъ, и ея извиненіе передъ дамами гостьями напоминаютъ слѣдующій разсказъ изъ корана о египетскихъ женщинахъ и Іосифѣ. Іосифъ отвергъ любовь жена Пентефрія. Навѣты послѣдней на Іосифа оказались ложными, и горожанки стали смѣяться надъ ней. Узнавъ объ этомъ, жена Пентефрія пригласила горожанонъ къ себѣ на обѣдъ. Возлѣ каждой былъ положенъ ножъ. Во время обѣда жена Пентефрія велѣла Іосифу показаться ея гостьямъ. Горожанки, увидѣвъ Іосифа, пришли въ восхищеніе отъ его красоты: «Это не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ», сказали онѣ и порѣзали себѣ пальцы. Еврейскій апокрифъ говоритъ, что женамъ городскимъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ порѣзали себѣ пальцы. Вторженіе въ старины о Чурилѣ еврейскихъ апокрифовъ объясняется, между прочимъ, развитіемъ въ Новгородской области ересей, напр., жидовствующихъ, а также распространеніемъ рукописей пространной редакціи «Толковой Палеи», изобилующей апокрифами.

Роскошь обстановки и костюмовъ, разнузданность нравовъ, насильничаніе, отсутствіе чувства права и справедливости, падкость до подарковъ, жадность—все это черты быта богатаго торгово-промышленнаго центра, имѣющаго связи въ Западомъ. Такимъ центромъ у насъ съ XI в. становится Новгородъ.

230. Дюкъ Степановичъ. Былины о Дюкѣ Степановичѣ распадаются на три сюжета: 1) Выѣздъ Дюка въ Кіевъ, 2) Похвальба Дюка и его состязаніе съ Чурилой и 3) Посольство Владимира въ царство матери Дюка.

1) Выѣздъ Дюка. Изъ-за синяго моря, изъ славнаго Волынца, красна Галичья, изъ проклятой Корелы и Индіи богатой, какъ ясенъ соколъ, вылеталъ, какъ бѣлый кречетъ, выпархивалъ - выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой Дюкъ Степановичъ, боярскій сынъ. Конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь, и буръ, и косматъ. Грива у коня на лѣвую сторону до сырой земли. Цѣна коню пять тысячъ: за рѣку онъ броду не спрашиваетъ; которая рѣка въ версту шириной, онъ ее перескакиваетъ съ берега на берегъ. На мо-

лодиѣ куякъ и панцырь изъ чистаго серебра, а кольчуга краснаго золота. Цѣна куяка и панцыря—три тысячи, кольчуги—сорокъ тысячъ. Еще есть у Дюка тугой лукъ разрывчатый; полосы его серебряныя, рога краснаго золота, тетивочка изъ бѣлаго шелку шемахинскаго. Цѣна луку—три тысячи. Есть у Дюка и колчанъ. Въ немъ триста стрѣлъ; цѣна каждой стрѣлы — пять рублей. Въ колчанѣ, кромѣ этихъ стрѣлъ, есть еще три стрѣлы, которымъ цѣны нѣтъ: колоты онѣ изъ трость-древа, строганы тѣ стрѣлки въ Новгородѣ, клеены онѣ клеемъ осетра-рыбы, перены онѣ перьицемъ сиза орла, птицы камской, не той Камы, что впадаетъ въ Волгу, а другой, которая своимъ устьемъ впала въ синее море. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перьица въ море; бѣжали гостьи-корабельщики, собирали эти перья и продавали. Покупала Дюкова матушка перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ушахъ каждой изъ трехъ стрѣлъ поставлено по тирону, по камню по дорогому самоцвѣтному. Подлѣ ушей стрѣлы перевиты аравитскимъ золотомъ. Ѣздитъ Дюкъ у синяго моря, стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ. Днемъ Дюкъ стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ: днемъ стрѣлочекъ не видать, а ночью онѣ горятъ, какъ свѣчки яраго воску.

Вернувшись съ охоты домой, Дюкъ захотѣлъ побывать въ Кіевѣ, посмотрѣть на князя Владимира и его могучихъ богатырей, на Апраксію, и на самый Кіевъ, «что на красы стоитъ». Мать отговариваетъ своего сына, перечисляя тѣ опасности, которыя предстоятъ ему на пути: «Есть три заставы великія. Первая застава великая — стоятъ тутъ горы толкучія; тыя жъ какъ горы врозь растолкутся, врозь растолкутся, вмѣстѣ столкнутся: тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати, тутъ тебѣ молодому живу не бывати. Есть другая великая тамъ застава—сидятъ тамъ птицы клевучія; тыя птицы тебя съ конемъ склюютъ: тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати, тутъ тебѣ молоду живу не бывати. Есть третья великая застава—лежитъ тутъ Змѣище-Горынчище. «Заставы» не пугаютъ Дюка. Онъ отстаиваетъ дома «христосскую» заутреню, беретъ благословеніе у матери и, напутствуемый ея наказомъ—не хвастаетъ своимъ большимъ имѣніемъ, чтобы не пострадать за это,—уѣзжаетъ въ Кіевъ. Дюкъ счастливо минуетъ всѣ заставы: горы не успѣли столкнуться, какъ

его бурушко ужъ проскочилъ за нихъ: птицы не успѣли расправить своихъ крыльевъ, а змѣя своихъ хоботовъ. Его бурушко перескакиваетъ съ горы на гору, съ холма на холмъ, перепрыгиваетъ черезъ рѣки, озера, а широкія раздолья промежъ ногъ пускаетъ. Дюкъ прискакиваетъ къ Кіеву.

2) Похвальба Дюка и состязаніе съ Чурилой. Заѣзжаетъ Дюкъ на княжескій дворъ, слѣзаетъ съ коня, входитъ во дворецъ, крестъ кладетъ по писанному, поклонъ ведетъ по ученому на всѣ четыре стороны, а княгинѣ Опраксѣ въ особину и спрашиваетъ, гдѣ князь Владиміръ. Княгиня отвѣчаетъ, что Владиміръ ушелъ въ церковь, къ обѣднѣ. Дюкъ идетъ въ церковь. По широкой улицѣ мостовыя обсыпаны черной землей; ихъ полило водой дождевой; сдѣлалась грязь по колѣно. Замаралъ Дюкъ свои сапожки зеленъ сафьянъ. Войдя въ церковь, Дюкъ привѣтствуетъ Владиміра. Владиміръ спрашиваетъ молодца, кто, и откуда. Молодецъ отвѣчаетъ и сообщаетъ, что онъ отстоялъ дома раннюю заутреню, а въ Кіевъ пріѣхалъ къ обѣднѣ. Князья и бояре не вѣрятъ Дюку: разстояніе отъ Кіева до Галича прямымъ путемъ—три мѣсяца, а окольной дорогой—шесть мѣсяцевъ. Владиміръ спрашиваетъ, дороги-ли кони въ Галичѣ. Дюкъ отвѣчаетъ, что есть въ Галичѣ кони въ разныя цѣны; его же бурушка цѣны не имѣетъ. Говорятъ на это князья и бояре: «Свѣтъ государь, Владиміръ князь! Не бывать тутъ Дюку Степанову, только быть мужиченку-засельщику и быть деревенщинѣ: жилъ у купца гостя торговаго и укралъ у него платье цвѣтное; жилъ у иного у боярина, угналъ у боярина добра коня, на нашъ городъ пріѣхалъ, красуется, надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается, надъ нами, боярами, пролыгается». Выходятъ изъ церкви. Князь съ свитой и Дюкомъ направляются во дворецъ. Дюкъ говоритъ: «Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка, что Кіевъ-градъ красивъ-добрисъ, ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему: церкви все у васъ да деревянныя; у васъ маковки на церквахъ всѣ осиновы, мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны, ихъ подлило водою тутъ дождевою, сдѣлалась грязь то по колѣну; замаралъ я сапожки зеленъ-сафьянъ, идучи въ церковь то во Божію». Приходятъ во дворецъ, садятся за столы дубовые и ѣдятъ-пьютъ, хвастаютъ.

Одинъ Дюкъ не хвастаетъ: выпьетъ одну чару, а другую за окошко льетъ, колачикъ ѣстъ, а другой подъ столъ мечетъ, а съ иного верхнюю корочку вырѣжетъ—на столъ кладетъ, середочку самъ онъ ѣсть, а нижнюю корочку подъ столъ кинетъ. На вопросъ Владимира, почему онъ такъ дѣлаетъ, Дюкъ отвѣчаетъ: «Ужъ ты, солнышко Владимиръ, князь да столенъ Кіевскій! У васъ все да не по нашему: я пришелъ какъ къ вамъ во гридни во столовыя, у васъ стоятъ столы дубовые, а на столахъ все скатерти сбраныи; а у насъ столы да все кленовые, а скатерти-ты все шелковыя, а семи шелковъ шемахинскіихъ. У васъ все да не по нашему: у васъ печки-ты кирпичныя, а у насъ печки изразцовыя, карнизы золоченые. У васъ все да не нашему: у васъ вина-то простыя вѣдь: у васъ то меды кислые; а у насъ вина виноградныя, меды стоялые, повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковикахъ, бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ, тутъ подведены вѣтры буйные: повѣютъ вѣтры буйные во чистомъ полѣ, пойдутъ какъ воздухи по погребамъ, и загогочутъ бочки какъ лебеди по тихимъ заводямъ: такъ отъ того не затхнутся водочки сладкія и меды стоялые: какъ чару выпьешь, другой захочется, другую пьешь,—по третьей душа горитъ: у насъ калачики крупивчаты,—калачикъ отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ, потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты шелковыя, а мочатъ ихъ въ меды, да вѣдь стоялые: у васъ помяльца-то сосновыя: такъ калачики-то на хвойку пахнутъ. У насъ какъ матушка Емельфа Тимоѳеевна пойдетъ-то въ церковь во соборную, впереди идутъ лопатчики, а во слѣдъ идутъ метельщики, дорожку разгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ; а подъ рукой идутъ вѣдь няньки, а во слѣдъ идутъ служанки: у нея лапотики на ножкахъ шелковые, семи шелковъ да шемахинскіихъ, а одежа на себѣ да шуба соболиная. У насъ-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя: наши любимые конюхи по этимъ по сукнамъ катаются, въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ. Зайдешь въ гридню во столовую, всѣ окошечки скутаны, вкладены въ стѣнѣ камни драгоцѣнныя... У васъ все да не по нашему: у васъ дорожки не разглажены, песочкомъ не засыпаны: у васъ на дворѣ, хоть звѣрь, ногу ломи; дворники да слуги въ шашки да въ бабки поигрываютъ, во красныхъ рубахахъ гуляютъ». Говоритъ Влади-

миръ князь: «Ай кабы на это на пору на времечко былъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ: онъ бы зналъ, что съ тобою поговорить».

Является Чурила, ведетъ всѣмъ поклонъ, одному лишь Дюку «не клонитъ буйной головы». Дюкъ упрекаетъ Чурилу въ невѣжествѣ. Чурила возражаетъ Дюку. Дюкъ хвастаетъ послѣдовательно платьями, конями и казной: «У насъ какъ цвѣтныя платья не держатся: потому жъ онѣ не держатся, что швецы у насъ не выводятся; та толпа швецовъ со двора сошла, а другая толпа швецовъ да на дворъ пришла. Это хвальба, да не похвальба: есть нѣсколько лошадей—стоятъ на стойлахъ лошадиныхъ, всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову, только выскочатъ на чисто поле прогулятися. Это хвальба, да не похвальба: есть насыпано двѣнадцать погребовъ, все глубокіихъ, краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скатнаго жемчуга; на одинъ я на погребъ,—на красное на золото скуплю и продамъ вашъ городъ Кіевъ». Не понравились такія рѣчи Владиміру. Чурила берется состязаться съ Дюкомъ цвѣтными платьями и скачкой, а Владиміръ посылаетъ въ Индію оцѣнщиковъ, чтобы провѣрить похвальбу Дюка.

Сначала Дюкъ съ Чурилой состязаются платьями. Чурила вызывается ѣздить съ Дюкомъ по Кіеву въ теченіе трехъ лѣтъ въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. Дюкъ выписалъ себѣ изъ Индіи платьевъ и коней. Стали Дюкъ и Чурила ѣздить день за днемъ въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. Ѣздили они три года. Послѣдній день поѣхали Чурила и Дюкъ къ заутренѣ христосской. Обувалъ Чурила сапожки-зеленъ кафтанъ, пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ, надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскихъ; во пуговки были влито по доброму молодцу, а въ передки было вплетено по красной дѣвушкѣ: по петелькакъ какъ поведетъ, такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина и подносятъ добрымъ молодцамъ; а по пуговицамъ поведетъ, добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты, развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ. А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ обувалъ лапотцы семи шелковъ; въ носы то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому, а въ пястья тѣ вплетено по камешку самоцвѣтному: днемъ идти — какъ по красному солнышку, ночью идти, — какъ по свѣтлому мѣсяцу; и надѣвалъ онъ

шапочку съ рогавками: у шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные, отъ камешечковъ печетъ, какъ отъ краснаго отъ солнышка; надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей, черныхъ соболей заморскихъ, подъ дорогимъ подъ самитомъ, во петелькѣ то было вплетено по лютой змѣѣ, во пуговки то было влито по лютому звѣрю: по петелькамъ какъ поведетъ, такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову, по пуговкамъ какъ поведетъ, — тутъ всѣ люты звѣрья закричатъ во всю голову: отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго, хоть сколько будь народу около Дюка Степановича, такъ всѣ будутъ на землѣ лежать. Дюкъ вышелъ изъ состязанія платьями побѣдителемъ.

Состязаніе смѣнными конями кончается скачкой Чурилы и Дюка черезъ Днѣпръ (или Пучай-рѣку). Скачутъ они вмѣстѣ черезъ Днѣпръ. Дюкъ скочилъ на своемъ конѣ за цѣлую версту. Взглянулъ онъ по правую руку свою—нѣтъ около него товарища его Чурилы. А Чурила посрединѣ Днѣпра «пріогрюшился» съ добрымъ конемъ своимъ. Дюкъ скорешенько поворотъ держалъ, повыскочилъ черезъ Днѣпръ рѣку, вытащилъ Чурилу изъ Днѣпра за желтыя кудри, посадилъ его на крутой берегъ и говоритъ ему, что не слѣдовало бы ему хвастаться да биться о великъ закладъ: его дѣло ходить по Кіеву за бабами.

3) Посольство Владимира въ царствѣ Дюковой матери. Владиміръ отправляетъ пословъ въ Индію, чтобы провѣрить похвальбу Дюка. Послами обыкновенно ѣдетъ Добрыня и еще какой нибудь богатырь (Илья, Алеша). Поднявшись на гору высокую, они увидѣли Индію: вся она горѣла. Когда послы подъѣхали поближе, они увидѣли, что не Индія горитъ, а блещутъ золоченыя крыши на домахъ, самоцвѣтныя маковки на церквахъ. Послы поражаются богатой внѣшностью Индіи и нѣсколько разъ попадаютъ въ просакъ, принимая женскую прислугу Дюковой матери за самую мать Дюка.

Послы направляются въ палаты Дюковой матери. Оказывается что Дюкъ правильно хвасталъ: на небѣ солнце—и въ теремѣ солнцѣ, на небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ. Въ теремѣ сидитъ женщина; шелку на ней не много, а вся—въ серебрѣ. Послы принимаютъ эту женщину за Дюкову мать и привѣтствуютъ ее. Онъ сообщаетъ посламъ, что она не Дюкова матушка, а Дюкова работница, и велитъ имъ идти во

второй покой. Во второмъ покоѣ они находятъ другую женщину: шелку на ней не много, а вся—въ золотѣ. Послы принимаютъ эту женщину за Дюкову мать. Оказывается, что она Дюкова портомойница. Въ третьемъ покоѣ послы находятъ женщину, которая вся въ жемчугѣ; оказывается, это Дюкова нянюшка. Отъ нея послы узнаютъ что Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла.

Послы идутъ къ церкви. Изъ церкви выходитъ народъ, кто въ шелку, кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ. Идутъ затѣмъ метельщики и лопатники. Наконецъ, появляется Дюкова мать: она обвѣшена бархатомъ, ведутъ ее подъ руки тридцать дѣвицъ съ дѣвицею; надъ нею несутъ подсолнечники-зонтики.

Дюкова мать приглашаетъ къ себѣ пословъ и угощаетъ ихъ. Все соотвѣтствуетъ похвальбамъ Дюка. Узнавъ о цѣли пріѣзда пословъ—оцѣнить Дюковы богатства, мать Дюка ведетъ пословъ по кладовымъ, погребамъ, клѣтямъ, и они переписываютъ сбрую лошадинную, погреба глубокіе, въ которыхъ висятъ бочки съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ. На широкомъ дворѣ послы видятъ рѣчку, текущую золотомъ. Мать Дюка ведетъ пословъ къ погребамъ глубокимъ, вынимаетъ три камешка и проситъ пословъ оцѣнить ихъ: отъ этихъ камешковъ по Галичу великіе огни горятъ, лучи пекутъ. Послы-оцѣнщики задумались и не могли оцѣнить камешковъ. Три года послы осматривали богатства Дюка и успѣли осмотрѣть и оцѣнить лишь незначительную часть. Послы приходятъ къ заключенію, что оцѣнить всѣ «животы» Дюковы невозможно: если продать городъ Кіевъ, да купить на эти деньги бумаги, перьевъ и чернилъ, то все таки не хватитъ бумаги для описанія богатства Дюка. Съ этимъ выводомъ послы-оцѣнщики возвращаются въ Кіевъ къ Владимиру.

Владимиръ предлагаетъ Дюку поселиться въ Кіевѣ. Но Дюкъ отклоняетъ это предложеніе и уѣзжаетъ на родину.

231. Комментаріи къ старинамъ о Дюкѣ Степановичѣ. Старины о Дюкѣ Степановичѣ возникли первоначально въ Галицко-Волынской землѣ. На это предположеніе наводитъ упорное упоминаніе въ нихъ города Галича-Волынца, какъ родного города, изъ котораго выѣзжаетъ Дюкъ Степановичъ. Старины о Дюкѣ, вѣроятно, возникли

подъ двумя вліяніями: 1) подъ вліяніемъ общественно-политическихъ отношеній между Византіей и Галицко-Волынской Русью во второй половинѣ XII в. и 2) подъ вліяніемъ «Сказанія объ Индіи богатой».

1) Галицко-Волынская Русь и Византія во второй половинѣ XII в. Во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII в. Галицко-Волынская Русь находилась съ дѣятельныхъ экономическихъ и политическихъ сношеніяхъ съ Византіей. Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ отличаются крайней скудостью; но и они могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на событія, которыя могли послужить зерномъ для старинъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1165 г. кратко сообщается, что въ Галичѣ у Ярослава Осмомысла гостилъ византійскій царевичъ Андроникъ. Въ то время византійскимъ императоромъ былъ энергичный Мануилъ Комненъ. Мануилъ, желая пріобрѣсти вліяніе въ Венгріи, помогъ вступить на венгерскій престолъ Стефану. Соперникомъ Стефана въ притязаніяхъ на престолъ былъ племянникъ Стефана, по имени тоже Стефанъ. Венгры возмутились противъ ставленника Мануила, заставили его бѣжать, а на престолъ возвели Стефана-племянника. Мануилъ оказалъ Стефану-дядѣ помощь войсками, и Стефанъ снова занялъ престолъ, но не на долго: нелюбимый венграми. Стефанъ-дядя вынужденъ былъ покинуть Венгрію и бѣжать въ Византію. Тогда Мануилъ придумалъ новый планъ для достиженія своей цѣли. У Стефана-племянника былъ младшій братъ Бела, который по смерти Стефана долженъ былъ наслѣдовать венгерскій престолъ. Мануилъ не имѣлъ наслѣдниковъ мужского пола, и онъ рѣшилъ свою единственную дочь Марію выдать замужъ за Бела, который, такимъ образомъ, по смерти Мануила соединилъ бы въ своихъ рукахъ Византію и Венгрію. Венгры согласились на такую комбинацію. Бела обвѣнчался съ Маріей и принялъ имя Алексѣя. Но это соглашеніе не принесло Венгріи успокоенія: Мануилъ еще дѣятельнѣе сталъ вмѣшиваться въ дѣла Венгріи; борьба между обоими Стефанами упорно продолжалась. Стефанъ-племянникъ нашелъ поддержку въ Германіи и Богеміи и отнялъ удѣлъ своего брата Белы. На помощь Белу Мануилъ отправилъ многочисленное войско подъ предводительствомъ Андроника Констостефана. Города Венгріи сдавались безъ

бою, и король Стефанъ бѣжалъ во внутрь Венгріи. Мануилъ предложилъ Стефану мирныя условія: онъ обѣщалъ отказаться отъ своихъ завоеваній, если Стефанъ покончитъ свои счеты съ дядей и вернетъ удѣлъ брату своему Белѣ. Стефанъ-племянникъ согласился. Мануилъ вернулся за Дунай. Но борьба между Стефанами продолжалась и закончилась тѣмъ, что племянникъ вторгся въ византійскій городъ Сирміумъ, гдѣ жилъ его дядя, захватилъ дядю и отравилъ. Мануилъ посмотрѣлъ на это дѣйствіе короля Стефана, какъ на нарушеніе договора съ имперіей, и рѣшилъ строго наказать Стефана и завоевать его землю.

Какъ разъ въ это время въ Галичѣ гостилъ упомянутый царевичъ Андроникъ, двоюродный братъ Мануила. Царевичъ былъ замѣчательной для своего времени личностью. Одаренный блестящими умственными способностями, красавецъ, отличающійся силой и ловкостью, человѣкъ неразборчивый въ нравственномъ отношеніи, Андроникъ велъ жизнь, полную интригъ, коварства и жестокости. Въ юности Андроникъ и Мануилъ былы близкими пріятелями. Черезъ чуръ скандальное поведеніе Андроника и измѣна заставила Мануила арестовать его и заключить въ тюрьму. Царевичу удалось ловко бѣжать, но онъ снова былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Вырвавшись изъ тюрьмы, благодаря помощи семьи и преданныхъ друзей, Андроникъ нашелъ убѣжище въ Галичѣ у князя Ярослава Осмомысла. Византійскій историкъ Никита Хоніатъ подробно разсказываетъ о приключеніяхъ Андроника и говоритъ, что царевичъ «принятъ былъ правителемъ Галиціи съ распростертыми объятіями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ и охотился, и засѣдалъ въ совѣтѣ, и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ, и вмѣстѣ обѣдалъ».

Пребываніе Андроника у Ярослава было для Мануила опаснымъ: Андроникъ, чтобы отомстить своему двоюродному брату могъ, расположивъ къ себѣ русскихъ князей, набрать войска и присоединиться къ его врагамъ. Пребываніе Андроника у Ярослава было тѣмъ болѣе опасно, что венгерскій король добивался прочнаго союза съ Ярославомъ, просилъ у него руки его дочери и военной помощи. Ярославъ благосклонно отнесся къ желаніямъ венгерскаго короля. Мануилъ немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы разстроить

опасный союзъ. Онъ послалъ къ Ярославу ловкаго посла. Мануила, соименника своего, которому, повидимому, удалось разстроить союзъ Ярослава со Стефаномъ и даже склонить къ союзу съ Византіей Ярослава и кіевскаго князя. Въ то же время Мануилъ уладилъ свои отношенія съ Андроникомъ, который покинулъ Галичъ и вернулся въ Византію.

Изъ этого краткаго очерка сношеній Византіи съ Галичемъ можно сдѣлать выводъ, что имя Мануила должно было быть извѣстнымъ и популярнымъ въ южной Руси. Вѣроятно, это имя отразилось въ старинахъ въ формѣ грознаго царя Этмануйла Этмануйловича. Далѣе, пребываніе проѣзжаго царевича Андроника въ Галичѣ аналогично пребыванію Дюка Степановича въ Кіевѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что царевичъ Андроникъ, какъ представитель высшаго класса самой культурной тогда въ Европѣ страны, долженъ былъ при дворѣ галицко-волынскаго князя затмевать не только придворныхъ Ярослава, но и самого Ярослава своими богатствами, костюмами, изяществомъ, тонкимъ вкусомъ и т. д. Весьма возможно, что первональныя былины о Дюкѣ Степановичѣ возникли именно, какъ поэтическое изображеніе пребыванія въ Галичѣ или самого Андроника или какого нибудь другого византійскаго изгнанника.

Свое имя Дюкъ, герой старины, получилъ отъ греческаго аристократическаго рода Дука. Родъ Дука имѣлъ много знаменитыхъ представителей. Такъ, въ царствованіи Мануила прославился блестящими побѣдами въ Италіи, Далматіи и Венгріи Іоаннъ Дука. Въ это же царствованіе упоминается Константинъ Дука, отличившійся при взятіи византійцами одного города. Наконецъ, въ поэмѣ о Дигенисѣ разсказывается объ Андроникѣ Дукѣ, на дочери котораго былъ женатъ отецъ Дигениса. Такъ какъ поэма о Дигенисѣ (Девгеніево дѣяніе) было знакомо нашей княжеско-дружинной средѣ, то вполнѣ возможно, что профессіональные пѣвцы княжескіе перенесли на царевича Андроника, по связи этого имени съ фамиліей Дука, и эту фамилію.

Что касается отчества Степанычъ, то оно, вѣроятно, является отраженіемъ смутнаго воспоминанія, съ одной стороны, о тѣхъ Стефанахъ, венгерскихъ короляхъ, имя которыхъ связано было съ именами Мануила и Андроника, а съ другой—о многочисленныхъ византійскихъ Стефанахъ-царедворцахъ, военоначальникахъ эпохи царствованія эпохи Мануила.

Благодаря дѣятельнымъ сношеніямъ Галицко-Волынской Руси съ Византіей и Венгріей это имя легко могло запасть въ нашъ эпосъ какъ одно изъ популярнѣйшихъ иностранныхъ именъ.

2) **Вліяніе «Сказанія объ Индіи богатой»**. Около того времени, когда царевичъ Андроникъ находился въ Галичѣ, является знаменитая «Эпистолія пресвитера Іоанна» («Сказаніе объ Индіи богатой»), адресованная императору Мануилу (или Фридриху Барбароссѣ). Такъ какъ въ этой «Эпистоліи» изображается превосходство надъ Мануиломъ пресвитера Іоанна, главы богатой Индіи, то это произведеніе должно было стать извѣстнымъ и у насъ въ силу интереса княжеско-дружинной среды къ личности Мануила. Одинъ изслѣдователь даже ставитъ такой вопросъ: не была ли «Эпистолія» привезена въ Галичъ Андроникомъ, врагомъ Мануила? Вопросъ, положительно рѣшеніе котораго весьма вѣроятно.

«Сказаніе объ Индіи богатой» отразилось на той части старины о Дюкѣ, въ которой изображается посольство Владимира къ Дюковой матери и оцѣнка Дюновыхъ «животовъ». Такъ, на дворѣ у Дюка течетъ золотая струйка—въ царствѣ Іоанна ей соотвѣтствуетъ Тигръ, несущій золото; на теремахъ Дюка—крыши серебряныя, шеломы, потоки золоченые, шарики, самоцвѣтные камушки; на драгоцѣнныхъ колоннахъ дворца пресвитера горятъ карбункулы - самосвѣты. По одному изъ описаній дворца пресвитера оказывается, что колонны устроены очень хитро: на каждой находятся изображеніе, на одной—царя, а на другой—царицы; въ рукахъ у нихъ музыкальные инструменты и кубки: они точно подносятъ другъ другу вино. То же самое старина изображаетъ о пуговицахъ и петелькахъ Дюкова костюма. Торжественное шествіе пресвитера съ драгоцѣнными крестами и блестящей свитой отразилось на изображеніи шествія Дюковой матери и т. д. Наконецъ, какъ посолъ пресвитера совѣтуетъ императору Мануилу продать землю греческую и купить бумаги и чернилъ, чтобы описать богатства Индіи, такъ, къ подобному заключенію приходятъ послы Владимира.

«Сказаніе объ Индіи богатой» должно было особенно припомниться профессіональнымъ дружиннымъ пѣвцамъ тогда, когда древнія сношенія съ Византіей почти прекратились. Византія погибла, и воспоминанія объ ней сохранились подъ именемъ Индіи богатой.

Такимъ образомъ, необходимо предположить, что старины о Дюкѣ возникли въ Галичѣ подъ вліяніемъ пребыванія въ Галичѣ иностранныхъ богатыхъ выходцевъ, главнымъ образомъ византійскихъ, служившихъ нагляднымъ доказательствомъ болѣе высокаго экономическаго и культурнаго уровня Византіи сравнительно съ Галичемъ. Съ упадкомъ Кіева и пріуроченіемъ старины къ кіевскому циклу старины о Дюкѣ получили смыслъ изображенія превосходства Галича надъ Кіевомъ.

232. Пріемы былиннаго творчества. Пріемы былиннаго творчества—двоякаго рода: часть этихъ пріемовъ однородна съ пріемами, употребляемыми въ устной лирикѣ (§ 44), другая часть представляетъ особенность только былевого творчества.

Съ точки зрѣнія анимистическаго міровоззрѣнія природа — общество живыхъ существъ. Это общество интересуется дѣлами людей, принимаетъ въ нихъ участіе, сочувствуетъ неудачамъ людей, радуется ихъ удачамъ. Когда рождается могучій богатырь, природа откликается на это событіе необыкновенными явленіями: при рожденіи Вольги-Волха «подрожала сыра земля, стряслося славно царство Индѣйское, а и сине море сколебалося... Рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи, куницы по островамъ». Когда богатырь спитъ, прокладдается и надъ собой невзгодушки не чаетъ, конь будитъ его и человѣческимъ языкомъ предостерегаетъ. При нашествіи Калина-царя Днѣпръ перестаетъ течь по старому: посрединѣ его видна струичка кровавая. Днѣпръ перестаетъ течь по старому и въ былинахъ о Сухманѣ, когда явилась сила татарская: вода съ пескомъ въ немъ помутилась; днемъ сила моститъ на Днѣпрѣ мосты калиновые, а ночью Днѣпръ ихъ повыроетъ.

Въ связи съ анимистическимъ міровоззрѣніемъ находится вѣра въ судьбу, въ предопредѣленіе. Ильѣ предсказано, что ему смерть на бою не писана, и онъ этому вѣритъ; Святогору предсказано было, что онъ женится на дѣвушкѣ, которая тридцать лѣтъ во гноищѣ лежала, и это предсказаніе исполняется.

Иногда предстоящая человѣку судьба открывается въ

вѣщемъ снѣ. Царь Турецкой земли (Индѣйской) бесѣдуетъ со своей царицей Панталовной: «Ай же ты, царица Панталовна! А ты знаешь ли про то, вѣдаешь? На Руси то трава ростетъ не по старому, цвѣты цвѣтутъ не по прежнему... А видно Вольги то живого нѣтъ...». Отвѣчаетъ ему царица: «Ай же ты царь Турецъ-санталъ! А я знаю про то, вѣдаю: на Руси трава все ростетъ по старому, цвѣты то цвѣтутъ по прежнему. А ночесь спалось, во сняхъ видѣлось: бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки налетала птица малая пташица, а сподъ западней сподъ сторонушки налетала птица черный воронъ; слеталися онѣ въ чистомъ полѣ, промежду собой подиралися; малая птица пташица чернаго ворона повыклевала и по перышку она повыщипала, а на вѣтеръ все повыпускала. То есть Вольга сударь Буслаевичъ, а что черный воронъ—Турецъ-Санталъ». Сонъ исполняется: Вольга завоевываетъ Турецкую землю и убиваетъ Турецъ-сантала.

Въ связи съ анимистическимъ міровоззрѣніемъ находится и вѣра въ силу заговоровъ. Въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ изображается, какъ Марина заговариваетъ слѣды Добрынюшкины. Илья Муромецъ въ былинахъ о Калинѣ-царѣ пускаетъ къ своему крестному батюшкѣ стрѣлу, заговоривъ ее предварительно. Иванъ Годиновичъ, привязанный къ сырому дубу, молитъ, чтобы стрѣла, которую татаринъ-соперникъ собирался пустить въ малыхъ голубей, пала не на воду и не на землю, а воротилась татарину во бѣлу грудь; по словамъ Ивана Годиновича и случается.

Анимистическое мировоззрѣніе породило одинъ изъ важнѣйшихъ пріемовъ устнаго творчества, общій для общенародной лирики и княжеско-дружиннаго эпоса, именно параллелизмъ въ различныхъ его видахъ.

1) **Положительный параллелизмъ**. Примѣры: «Закатилось красное солнышко за горушки высокія, за моря широкія, разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу, — нарождался Вольга сударь Буслаевичъ на святой Руси», «Тутъ заря зарумянилась, бѣлыя облака закудрявились,— выѣзжаетъ на поле на зеленое Дюкъ Степановичъ на добромъ конѣ».

2) **Параллелизмъ отрицательный**. Примѣры: «Не пыль въ полѣ пылится, не туманъ съ моря подымается, не грозна туча накатается, не изъ той тучи молонья сверкаетъ, — подыма-

лась силушка зла-невѣрная Калина-царя, Тугарина», «Да и не дождь дождитъ, да и то не громъ гремитъ, а и не громъ гремитъ, да шумъ великъ идетъ, — налетѣла на молодого Добрынюшку змѣя», «Не сырой дубъ къ землѣ клонится, не бумажные листочки разстилаются, — разстилается сынъ передъ батюшкомъ», «Не заюшко въ чистомъ полѣ выскакивалъ, не горностаюшка выплясывалъ, — выѣзжалъ тамъ добрый молодецъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ».

3) **Параллелизмъ символистическій**. Примѣръ: «Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается, къ сѣдельной лукѣ приклоняется. Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ: Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ—не пей ты зелена вина, не ѣшь сладки кушанья. Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу: Радъ бы я не пить зелена вина, не ѣсть сладки кушанья—напоилъ меня добрый молодецъ допьяна, накормилъ онъ меня до сыта той шелепугой подорожною» (пиръ, какъ символъ битвы).

4) **Сравнительный параллелизмъ**. Примѣры: «Царь Афромеевичъ чистыя поля туромъ проскакалъ, темные лѣса соболемъ пробѣжалъ, быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ», «Тугаринъ почернѣлъ, какъ осення ночь, Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ», «У него голова, какъ сѣна копна, у него глаза, какъ пивны ковши», «А и конь ли подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь, онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ».

Пріемы былевого творчества сходны съ соотвѣтствующими пріемами устной лирики въ употребленіи эпитетовъ, тавтологій и повтореній.

1) **Эпитеты**. Примѣры: «матушка святая Русь», «стольный Кіевъ-градъ», «Владимиръ стольно-кіевскій, славный, ласковый князь, красное солнышко»; эпитеты Ильи: «старый казакъ», «старая старѣйшина», «старъ-матеръ человѣкъ»; «тихій Донъ, Дунай», «смѣлый, славный Алеша», «молодой Добрыня»; эпитеты Калина: «царь», «собака», «злодѣй», «безбожный», «воръ», «змѣй»; Идолище—«поганое», «проклятое», «великое», «жидовское»; татаринъ «поганый»; Тугаринъ «молодой», «богатырь удалый», «собака»; богатыри «славные», «сильные», «могучіе», «святорусскіе», «удаленькій добрый молодецъ», «удача добрый молодецъ»; «сѣделышко черкасское», «подпруги шелковыя»; «тугой лукъ разрывчатой», «калена стрѣла», «тетива шелковыя»; «дорога прямоѣзжая», «славное раз-

дольице чисто поле»; «сырой дубъ, кряковистый, матеръ»; «подворотенки дорогъ рыбій зубъ», «крылечко крутое переное», «окошечко косящатое», «кирпиченъ полъ», «гусельки яровчаты».

Нѣкоторые эпитеты до такой степени связаны съ опредѣляемымъ словомъ, что иногда употребляются съ нашей точки зрѣнія неумѣстно. Напримѣръ: Калинъ-царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, говоритъ ему: «Ай же ты *поганый* татарищо!.. Снеси-ка ты писемышко ко князю Владимиру». Явившись въ Кіевъ, посолъ Калина-царя говоритъ Владимиру: «Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкія, всѣ великіе дворы да княженецкіе, по всему то городу по Кіеву; а по всѣмъ то переулкамъ княженецкіимъ наставь сладкіихъ хмельныхъ напиточекъ, чтобы стояли бочка о бочку, близко по близку; чтобы было у чего стоять *собакѣ царю Калину* со своими войсками со великими въ твоемъ во городѣ во Кіевѣ»; эпитетъ «ласковый» примѣняется къ Владимиру и тогда, когда Владимиръ приказываетъ посадить Илью въ глубокій погребъ и поморить смертью голодной.

2) **Тавтологіи**. Примѣры: «рать сила великая», «таланъ-участь», «безъ бою, безъ драки-кроволитія», «тамъ на тую пору, на то времячко», «сослужи-тко эту службку великую», «еще спитъ Илья да и не пробудится», «а не мало дѣло-то, великое», «прямой дорогой, не окольноей».

3) **Повторенія**. Примѣры: «тамъ повыправьте-тко дани-выходы за двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ, за тринадцать лѣтъ да съ половиною», «кто бы намъ сказалъ про старое, про старое, про бывалое, про того Илью про Муромца», «калика эта старая, эта старая калика да сѣдатая, сѣдатая калика да плѣшатая».

Иногда въ былинахъ повторяются цѣлыя строфы («эпическія повторенія»). Такъ, въ одной былинѣ о Михаилѣ Потокѣ, гдѣ разсказывается о порученіяхъ, даваемыхъ Владимиромъ тремъ богатырямъ—Ильѣ, Добрынѣ и Потоку, каждый богатырь въ отвѣтъ Владимиру цѣликомъ повторяетъ данное порученіе: «Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кіевскій, — отвѣчаетъ Илья: отправляй ко ты меня да въ большу землю, въ большу ту землю да въ Каменну орду; тамъ повыправлю да дани - выходы за двѣнадцать годъ да

за тринадцать лѣтъ, за тринадцать лѣтъ да съ половиною». Также отвѣчаетъ Добрыня и Потокъ.

Сходясь въ основныхъ пріемахъ творчества съ общенародной устной лирикой, былины имѣютъ и свои особенности. Къ послѣднимъ относятся: 1) прибаутки, которыми нерѣдко начинаются или заканчиваются былины, 2) зачинъ, 3) стереотипныя описанія и картины и 4) заключеніе.

1) **Прибаутки.** Прибауткой называется художественный пріемъ, состоящій въ томъ, что пѣвецъ, прежде чѣмъ начать свою пѣсню, подготовляетъ вниманіе своихъ слушателей какой-нибудь широкой картиной природы. Прибаутка можетъ быть серьезной и шутливой. Примѣръ серьезной прибаутки (въ началѣ былины о Добрынѣ и Алешѣ): «Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватыя, изъ-подъ чудна креста Леванидова, изъ-подъ святыхъ мощей, изъ-подъ Борисовыхъ, изъ-подъ бѣлаго латыря-камня тутъ повышла-побѣжала, выбѣгала-вылегала матка-Волга рѣка, широка матка-Волга подъ Казань прошла, пошире того подъ Вастрахань. Она много матка-Волга въ себѣ рѣкъ побрала, побольше того она ручьевъ пожрала, давала плеса она Далинскіе, а горы-голы Сорочинскіе, а мѣсто-то шла она три тысячи, а выпала Волга въ море Черное, да устьевъ пустила ровно семьдесятъ, широкъ перевозъ да подъ Новымъ-градомъ. Да все это, братцы, не сказочка, а все это, братцы, прибауточка».

Примѣръ шутливой прибауки въ концѣ былины («Василій Игнатьевичъ и Батыга»): «Ай чистыя поля ко Опскову, а широки раздольица ко Кіеву, а высокія-ты горы Сорочинскія, а церковно-то строенье въ каменной Москвы, колокольней-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ, ай тертые калачики Валдайскіе, ай щапливы щеголивы въ Ярославли городи, дешевы поцѣлуи въ Бѣлозерской сторонѣ, а и сладки напитки во Питери, а мхи-ты болота ко синю морю, щелье-каменье ко сиверику, а широки подолы пудожаночки, ай дублены сарафаны по Онеги по рѣки, толстобрюхіе бабенки Ламшозерочки, ай пучеглазыя бабенки пошезерочки, а Дунай, Дунай, Дунай, да болѣ пѣть впередъ не знай».

2) **Зачинъ.** За прибауткою, если она имѣется въ началѣ былины, идетъ уже собственно зачинъ, т. е. начало самой былины. Наиболѣе простые зачины состоятъ въ обращеніи къ предмету, о которомъ будетъ идти рѣчь въ былинѣ. Напр.:

«Кто бы намъ сказалъ про старое, про бывалое, про того Илью про Муромца». Но обыкновенно зачиномъ служитъ указаніе на мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе былины: Кіевъ, Муромъ, Волынецъ, Галичъ, застава; затѣмъ слѣдуетъ изображеніе пира у Владимира. Примѣры: «Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ у честной вдовы Офимьи Александровны, а былъ то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ», «Ай у солнышка да у Владимира пированьицо было по третій день», «Во славномъ было городѣ во Муромѣ, во большомъ селѣ, Корочаровѣ, не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ, говоритъ тутъ Илюшка своему батюшкѣ».

Иногда зачинъ состоитъ изъ положительнаго или отрицательнаго параллелизма. Примѣры: «Закатилось красное солнышко за лѣсушки за темные, за моря за широкія, разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу,—порождался Вольга сударь Буслаевичъ на святой Руси», «Не бѣлый кречетокъ выпархивалъ, не ясенъ соколичекъ вылетывалъ,—выѣзжалъ удалъ дородный добрый молодецъ, по прозванію Чурилушко, сынъ Пленковичъ».

Иногда зачинъ представляетъ широкую символическую картину. Примѣромъ можетъ служить зачинъ былины «Василій Игнатьевичъ и Батыга»: «Какъ изъ далеча было изъ чиста поля, изъ-подъ бѣлыя березки кудреватыя, изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова, ай выходила-то турица златорогая, и выходила то турица со турятами, ай расходилися туры да во чистомъ полѣ... Ай случилося турамъ да мимо Кіевъ града идти. Они видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно, они видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно: выходила дѣвица. слезно плакала; она книгу читала Евангелью, а и не столько читала, вдвое плакала. Соходились туры со родной матушкой». Туры разсказываютъ матушкѣ, что они видѣли надъ Кіевомъ. Матушка говоритъ имъ: «Ай вы глупы, туры-ты, малы дѣтушки! Не дѣвица выходила, слезно плакала, ай не книгу читала не Евангелью,—тутъ плакала стѣна городовая; она свѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку: наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ...»

3) **Стереотипныя описанія и картины.** Былинные пѣвцы-поэты выработали рядъ описаній и картинъ того или другого предмета или дѣйствія. Эти описанія и картины сдѣлались по-

стоянными, стереотипными для опредѣленныхъ предметовъ и дѣйствій. Вотъ примѣры нѣкоторыхъ описаній и картинъ:

а) Осѣдланіе коня богатыремъ: «Онъ добра коня засѣдлываетъ, на коня накладаетъ потничекъ, потничекъ то онъ кладетъ шелковенькій, а на потничекъ—подпотничекъ, на потничекъ сѣделышко черкасское, черкасское сѣделышко недержано, подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ, тринадцатый для-ради крѣпости, чтобы въ чистомъ полѣ конь сподъ сѣдла не выскочилъ, добра молодца въ полѣ не выронилъ; а стремяночки подкладывалъ булатныя, пряжечки то красна золота, да не для красы-угожества, ради крѣпости все богатырскоей: шелковы подпруги тянутся—не рвутся, да булатъ желѣзо гнется—не ломается, пряжечки то красна золота, онѣ мокнутъ да не ржавѣютъ. И садится на добра коня: видѣли добра молодца сядучи, да не видѣли удалого поѣдучи».

б) Скачка богатыря: «Скакалъ онъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго, съ горы на гору перескакивалъ, рѣки-озера перескакивалъ, широки-раздолья промежъ ногъ пущалъ».

в) Ловкость молодца въ чистомъ полѣ: «А кидаетъ онъ палицу булатную подъ облако подъ ходячее: одной рукой подхватываетъ, какъ перомъ лебединымъ поигрываетъ».

г) Стрѣляніе изъ лука: «Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ, изъ колчана вынималъ калену стрѣлу, и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую, калену стрѣлу во правую, накладываетъ стрѣлочку каленую на тетивочку шелковую; натянулъ онъ тугой лукъ за ухо, калену стрѣлу семи четвертей: заскрипѣли полосы булатныя, и завыли рога у туга лука, спѣла тетивочка шелковая, полетѣла стрѣлочка каленая».

д) Пріѣздъ богатыря: Богатырь «привязываетъ добра коня у того ли столба точенаго, у того кольца золоченаго, заходитъ въ палаты бѣлокаменны, крестъ кладетъ да по писаному, поклонъ ведетъ да по ученому, бьетъ челомъ да поклоняется на всѣ на четыре на стороны (такому то) въ особицу».

е) Вопросы неизвѣстному пріѣзжему богатырю: «Ты откудова, удалый добрый молодецъ, ты коей земли, коей орды, коего отца, матери, какъ тебя по имени зовутъ, нарекаютъ по изотчинѣ»?

ж) Похвальба на пиру: «Всѣ то на пиру напивалися, всѣ на честномъ наѣдалися, всѣ на пиру порасхвастались: иной хвастаетъ городами съ пригородами, иной хвастаетъ золотой казной, иной хвастаетъ добрымъ конемъ, разумный хвалится родной матушкой, безумный хвастаетъ молодой женой».

4) Заключеніе. Заключеніе былины состоитъ обыкновенно изъ двухъ-трехъ стиховъ, въ которыхъ выражается значеніе данной былины или ея общее впечатлѣніе, или провозглашается богатырю слава. Примѣры: «это—первая поѣздка Ильи Муромца, а по тыихъ мѣстъ поѣздка да кончается», «Синему морю да на тишину, всѣмъ добрымъ же людямъ на послушаніе», «Только той Соловнику славу поютъ, а Ильина то слава не минуется, отнынѣ то вѣкъ по вѣку поютъ его Ильюшенку».

Библіографія. *Илья Бѣляевъ*. О скоморохахъ. («Временникъ Моск. Общ. ист. и др. 1854. Т. XX).—*А. Веселовскій*. Святочныя маски и скоморохи («Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Гл. VI—X. Спб. 1883).—*А. Фаминцинъ*. Скоморохи на Руси. Спб. 1889.—*А. Кирпичниковъ*. Къ вопросу о древнерусскихъ скоморохахъ («Сборникъ» II отд. Акад. Т. LII. Спб. 1891),—*Кирша Даниловъ*. Древнія россійскія стихотворенія. Изд. А. С. Суворина. Спб.—Сборникъ Кирши Данилова. Изд. Публ. Библіотеки подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901.—*Тихонравовъ* и *В. Ѳ. Миллеръ*. Русскія былины старой и новой записи. М. 1894.—*П. В. Кирѣевскій*. Пѣсни. Подъ ред. П. Безсонова. В. 1—4. М. 1860—1862.—*Рыбниковъ*. Народныя пѣсни, старины и побывальщины. В. 1—4. М. 1861—1868.—*Гильфердингъ*. Онежскія былины. «Сборникъ отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ». Т. LIX—LXI. Спб. 1894—1900.—*А. Марковъ*. Бѣломорскія былины. М. 1901.—*Буслаевъ*. Историческіе очерки народной словесности и искусства. Т. I—II. Спб. 1861.—*Буслаевъ*. Народная поэзія. Историческіе очерки. Спб. 1887.—*Л. Майковъ*. О былинахъ Владимирова цикла. Спб. 1863.—*Квашнинъ-Самаринъ*. Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи («Бесѣда» 1871. №№ 4—5). «Р. Вѣстникъ». 1874. №№ 9—10).—*В. Стасовъ*. О происхожденіи русскихъ былинъ («Собраніе сочиненій». Т. III. Спб. 1894).—*О. Миллеръ*. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Спб. 1869.—*А. Веселовскій*. Южно-русскія былины. Спб. 1881—1884.—*Ив. Ждановъ*. Русская поэзія въ домонгольскую эпоху. («Сочиненія». Т. I. Спб. 1904). —*Ив. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи («Сочиненія». Т. I. Спб. 1904).—*Ив. Ждановъ*. Русскій былевой эпосъ. Спб. 1895—*М. Халанскій*. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава. 1885.—*М. Халанскій*. Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Т. I—IV. Варшава. 1893—1896. — *Всев. Миллеръ*. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.—*Всев. Миллеръ*. Очерки русской народной словесности. М. 1897.—*М. Халанскій*. Къ исторіи поэтическихъ

сказаній объ Олегѣ вѣщемъ («Ж. М. Н. П.» 1902. Августъ. 1903. Ноябрь).— *С. К. Шамбинаго*. Старины о Святогорѣ и поэма о Каливи-Поэгѣ. («Ж. М. Н. П.» 1902. Январь). *Н. Дашкевичъ*. Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не стало на Руси богатырей. («Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1883. «Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣт.» Т. III).—*Дашкевичъ*. Разборъ «Экскурсовъ» Вс. Миллера («Отчетъ о XXXVI присужденіи наградъ графа Уварова». 1895) — *А. М. Лобода*. Русскій богатырскій эпосъ. Кіевъ. 1896.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Княжеско-дружинное письменное творчество.

233. Древняя письменность и ея техника. До изобрѣтенія книгопечатанія въ половинѣ XV в. книги переписывались ручнымъ способомъ. Въ эпоху Кіевской Руси перепиской занимались грамотныя лица изъ высшихъ классовъ населенія—княжеско-дружиннаго и церковнаго. Въ древнерусскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются указанія, что въ качествѣ переписчиковъ книгъ выступали свѣтскія лица, дьяки, священники, дѣти священниковъ, рѣже—монахи. Такъ, перепиской книгъ занималась княжна полоцкая св. Евфросинія (XII в.); по свидѣтельству лѣтописи Владиміръ Васильковичъ Волынскій (XIII в.) переписывалъ для церквей своихъ посланія апостоловъ, богослужебныя книги.

Переписываніе книгъ было занятіемъ чрезвычайно труднымъ. Древнѣйшій почеркъ рукописей былъ такъ называемый уставный, состоящій изъ четкихъ, крупныхъ буквъ по преимуществу прямолинейной формы и рѣже круглой. Эти буквы приходилось почти вырисовывать, и потому переписываніе книгъ даже небольшихъ размѣровъ отнимало много времени: чтобы переписать одну книгу, требовалось около года времени. Переписавъ книгу переписчикъ испытывалъ большую радость, какая возникаетъ въ особенно счастливыхъ моментахъ жизни или при исполненіи труднаго подвига. Многіе изъ нихъ къ концу рукописи дѣлали приписку, въ которой выражали эти радостныя чувства: «Яко же радуется женихъ о невѣстѣ, пишетъ переписчикъ начальной лѣтописи,—тако радуется писецъ, видя послѣдній листъ: какъ

радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій въ отишье (пристань) приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ, тако радуется и книжный списатель, дошедъ до конца книгамъ». Иныя такого рода приписки, выражая радость переписчика по поводу окончанія работы, въ то же время отражаютъ и его чувства досады, которыя вызывались кропотливостью и трудностью работы: «Радъ заяцъ, тенета избывъ: такожде радъ писецъ, дописавъ послѣднюю строку». Переписываніе книгъ богослужебныхъ или св. Писанія представлялось подвигомъ по преимуществу: переписавъ такого рода книгу, переписчикъ чувствовалъ себя нравственно просвѣтленнымъ и онъ надѣялся на спасеніе своей души и душъ читателей книги. «Списани быша,—говорится въ одной рукописи,—сія божественныя книги въ утѣшеніе и въ спасеніе всѣмъ вѣрнымъ, почитающимъ со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ». При переписываніи переписчики заботились о томъ, чтобы не надѣлать ошибокъ, переписать книгу буква въ букву, что конечно, не всѣмъ удавалось, и въ то же время предостерегали будущихъ переписчиковъ своего труда отъ искаженій, присоединяя къ такимъ предостереженіямъ и заклинанія. Такъ, въ одной рукописи есть такая приписка: «Аже кто небреженіемъ исчернитъ книги сія, да будетъ на немъ трясца».

Въ связи съ точной и правильной передачей текста переписчики заботились и о красотѣ почерка и рукописи. Заглавныя буквы отличались величиной, особой формой и красивой отдѣлкой; писались они киноварью, особымъ составомъ изъ ртути и сѣры. Рукописи украшались миніатюрами и орнаментами. Такъ, на первомъ листѣ «Изборника Святослава» (1076 г.) воспроизведено изображеніе князя Святослава Ярославича и его семейства; въ Остромировомъ Евангеліи на первомъ листѣ воспроизведена богато разукрашенная виньетка въ византійскомъ вкусѣ.

Матеріалъ, на которомъ писались книги до изобрѣтенія тряпичной бумаги, былъ двухъ родовъ: пергаментъ, т. е. особеннымъ образомъ обработанная кожа животныхъ, чрезвычайно дорогая, и бомбицина, хлопчатая бумага, отличавшаяся толщиною и плотностью.

Матеріалъ древнихъ книгъ и техника ихъ возникновенія показываютъ въ достаточной степени, что книги въ древности

были явленіемъ рѣдкимъ и дорого стоящимъ. За одинъ молитвенникъ галицкій князь Владиміръ Ярославичъ заплатилъ 8 гривенъ кунъ, что равняется по нашему счету 11 руб. Книги хранились въ кладовыхъ вмѣстѣ съ другими цѣнными предметами: кунами (деньгами), сосудами, дорогими тканями и проч. Имѣть книги могли только лица состоятельныя или учрежденія: церкви, монастыри. Первая библіотека заведена была у насъ Ярославомъ Мудрымъ при митрополичьей церкви св. Софіи. Вѣроятно, по образцу этой библіотеки заводились библіотеки вообще князьями и епископами при каѳедральныхъ соборахъ. Затѣмъ библіотеки заводились у богатыхъ лицъ дружинно-торговаго класса и у монаховъ, вышедшихъ изъ этого класса населенія. Міряне нерѣдко отказывали свои библіотеки монастырямъ, и, такимъ образомъ, въ монастыряхъ собирались книжныя сокровища. Сами монастыри въ лицѣ своихъ игуменовъ, если и заботились о переписываніи книгъ, то по преимуществу богослужебныхъ для практическихъ цѣлей. О составленіи библіотекъ они мало заботились.

234. Начало русской письменности. Древнѣйшіе памятники русской письменности, дошедшіе до насъ, относятся къ XI в. Отъ XI в. дошло до насъ около 30 книгъ, отъ XII около 65 книгъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на самомъ дѣлѣ книгъ было больше, но для насъ онѣ затерялись. Письменность наша, повидимому началась раньше XI в.: есть косвенныя указанія, дающія основанія предполагать, что письменность, у насъ была уже въ X в. и даже въ IX в.

Въ нашей начальной лѣтописи, составленіе которой относится къ началу XII в., помѣщено подъ 859 г. такое извѣстіе: «Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнехъ, на мери и на всѣхъ и на кривичѣхъ; а козари имаху на полянѣхъ и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлой вѣверицѣ (бѣлка) отъ дыма». Итакъ, около 859 г. поляне, сѣверяне и вятичи платили хазарамъ дань, причемъ указывается какая именно: по бѣлой вѣверицѣ съ семьи. Олегъ, занявъ Кіевъ освободилъ навсегда эти племена отъ дани хазарамъ. На этомъ основаніи изслѣдователи полагаютъ, что къ началу XI в. едва-ли въ Кіевѣ могло бы сохраниться воспоминаніе отъ половины IX в. о томъ, чѣмъ именно платили хазарамъ дань: по ихъ мнѣнію, надо

предполагать, что до лѣтописца дошла запись объ этомъ, которою онъ и воспользовался для своей лѣтописи.

Второе косвенное указаніе видятъ въ другомъ подобнаго же рода извѣстіи, помѣщенномъ въ лѣтописи подъ 883 г.: «Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны и примучивъ, а имяше на нихъ дань по чернѣ кунѣ (куницѣ)». И это мелкое извѣстіе едва-ли, по мнѣнію изслѣдователей, могло дойти до лѣтописца по устному преданію: вѣроятнѣе всего, что лѣтописецъ располагалъ соотвѣтствующей записью.

Такого же рода косвенныя указанія имѣются и отъ X в. Подъ 915 г. (6423) въ лѣтописи сообщается, что въ первый разъ появились на Руси печенѣги, которые заключили съ Игоремъ миръ и пошли къ Дунаю. Подъ 968 г. (6476) сообщается: «Придоша печенѣги на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци»... Итакъ, по лѣтописи выходитъ-что печенѣги два раза появлялись въ Русскую землю въ первый разъ. По мнѣнію изслѣдователей, эта странность можетъ быть объяснена только однимъ предположеніемъ: оба эти извѣстія были записаны современниками, слѣдовательно, разными лицами и, можетъ быть, въ разныхъ мѣстахъ; авторъ позднѣйшей замѣтки не зналъ о существованіи первой записи и былъ убѣжденъ, что появленіе печенѣговъ, имѣвшее мѣсто при немъ, было первымъ на Руси; лѣтописецъ же внесъ обѣ замѣтки въ лѣтопись, не смущаясь тѣмъ, что онѣ противорѣчатъ другъ другу.

Еще одно косвенное указаніе находится подъ 945 г. (6453) гдѣ при упоминаніи о воеводѣ Свѣнелдѣ, какъ бы мимоходомъ, сообщается о немъ: «то же отецъ Мистишинъ». Спрашивается, для чего лѣтописецъ сообщаетъ намъ о Мистишѣ? Въ началѣ XII в. ни о какомъ Мистишѣ ничего неизвѣстно, кромѣ сообщаемаго лѣтописцемъ имени. Но не то, очевидно, было въ половинѣ X в. Мистиша, очевидно, чѣмъ то былъ извѣстенъ для современниковъ, и авторомъ записи подъ 945 г. могъ быть только современникъ событія: только современникъ событія для лучшаго объясненія, кто такой былъ Свѣнельдъ, могъ воспользоваться именемъ болѣе извѣстнаго тогда Мистиши, имя котораго ничего не говорило русскому человѣку начала XII в.

Всѣ такого рода косвенныя указанія позволяютъ сдѣлать

предположеніе, что русская письменность была уже въ X и даже IX в. Но отъ X в. мы располагаемъ не только косвенными, но и прямыми указаніями: въ лѣтописи помѣщены договоры нашихъ князей съ греками (Олега — 907 и 911 гг., Игоря — 945 г. и Святослава — 971 г.). Эти договоры представляютъ несомнѣнные государственные документы въ современныхъ переводахъ съ греческаго языка.

Необходимо отмѣтить, что эти договоры первоначально были написаны у насъ глаголической азбукой и уже впослѣдствіи, когда съ принятіемъ крещенія къ намъ явились книги, написанныя кириллицей, они были переписаны кириллицей. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія соображенія: 1) Въ договорѣ Святослава (971 г.) сказано, что онъ былъ заключенъ индикта (индиктомъ назывался 15-лѣтній періодъ времени, начиная съ 1-го сентября) 14-го, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ заключенъ индикта 15-го. Это противорѣчіе въ дѣйствительности легко объясняется, если предположить, что первоначально договоръ написанъ былъ глаголицей: буквы глаголицы, какъ и буквы кириллицы, имѣли числовое значеніе; но между глаголицей и кириллицей есть одно различіе: въ кириллицѣ буква *б* не имѣетъ числового значенія, *а* означаетъ единицу, *в* — 2, *г* — 3 и т. д.; въ глаголицѣ же и *б* имѣетъ числовое значеніе, такъ что цыфровое значеніе буквъ идетъ безпрерывно въ азбучномъ порядкѣ: а = 1, б = 2, в = 3 и т. д.; въ договорѣ глаголическими буквами было написано—индикта 15-го (ⰰⰹ) переписчикъ же, забывши, вѣроятно, различіе въ обозначеніи чиселъ глаголицей и кириллицей, ошибочно передалъ глаголическую цыфру 15 цыфрой 14. 2) Въ этомъ же договорѣ есть такое странное мѣсто: «хочю имѣти миръ и совершену любовь со всякомъ великомъ царемъ гречьскимъ»... Если слова «со всякомъ» написать глаголицей, то окажется, что оба эти слова очертаніемъ буквъ напоминаютъ слова «съ Иваномъ»; въ подлинникѣ такъ, вѣроятно, и было написано, такъ какъ Святославъ заключалъ договоръ съ Іоанномъ Цимисхіемъ; переписчикъ же спуталъ нѣкоторыя близкія другъ къ другу по начертанію глаголическія буквы и прочелъ «со всякомъ».

Вѣроятно, глаголицей писались не одни только договоры, но и другія произведенія нашей письменности IX-го и X-го вв.

до наплыва къ намъ произведеній на древнеболгарскомъ языкѣ, написанныхъ кириллицей, и возможно, что «русскія письмена», которыя видѣлъ Кириллъ въ Корсуни (§ 15), были именно глаголицей.

235. Языкъ письменности Кіевской эпохи. Населеніе древняго Кіева говорило на одномъ изъ южно-русскихъ языковъ, именно на языкѣ полянъ, къ которымъ кіевляне принадлежали по своему происхожденію. Языкъ этотъ можно еще точнѣе опредѣлить: это—языкъ того выдѣлившагося изъ племени полянъ рода, который основалъ городъ Кіевъ. Языку этого рода, вслѣдствіе исключительныхъ условій развитія города Кіева, суждено было развиться въ литературный языкъ всей Кіевской Руси. Торгово-промышленныя и военныя отношенія къ цѣлому ряду народовъ должны были содѣйствовать развитію этого языка и въ то же время налагать на него въ большей или меньшей степени тотъ или другой отпечатокъ. Такъ, въ языкѣ кіевлянъ должны были оставить слѣды хазары, варяго-руссы, греки и кочевники, начиная отъ печенѣговъ и кончая половцами. Въ Кіевѣ, какъ въ средоточіи экономической, общественно-политической и культурной жизни всей древней Руси, эти вліянія должны были имѣть особенную силу.

Но этотъ языкъ кіевскихъ полянъ не могъ проявиться въ древнерусской литературѣ во всей его чистотѣ: со времени оффиціальнаго принятія крещенія Кіевомъ и наплыва къ намъ книгъ на древнеболгарскомъ языкѣ, языкъ кіевскихъ полянъ подвергается сильному вліянію чуждаго намъ, но литературно лучше обработаннаго, языка нашихъ южныхъ родичей. Особенно сильное вліяніе этотъ языкъ пріобрѣлъ въ области церковной и въ произведеніяхъ религіозно-нравственнаго характера. Слабѣе было вліяніе его въ произведеніяхъ свѣтскихъ писателей или тамъ, гдѣ шла рѣчь не о религіозно-нравственныхъ вопросахъ, для изложенія которыхъ наши писатели располагали готовымъ шаблономъ древнеболгарской рѣчи: здѣсь чуждый намъ древнеболгарскій языкъ не давалъ достаточно простора для выраженія мыслей, обозначенія предметовъ и т. д., и писатель переходилъ на живую кіевскую рѣчь.

Особенности русскаго языка проявляются даже въ переводныхъ памятникахъ: переписчикъ подъ вліяніемъ своего

говора иногда незамѣтно для самого себя переписывалъ слова древнеболгарскаго перевода не точно, на древнерусскій ладъ. Фонетика и грамматика древнеболгарскія незамѣтно замѣнялись фонетикой и грамматикой древнерусской. Правописаніе древнеболгарское подвергается у насъ видоизмѣненію: отбрасываются носовыя гласныя и замѣняются соотвѣтствующими чистыми: *ѣ* часто замѣняется буквами *и* и *е*, *в*—буквой *у* и т. д.

236. О княжеско-дружинномъ письменномъ творчествѣ. Къ княжеско-дружинному письменному творчеству эпохи древняго Кіевскаго просвѣщенія относятся слѣдующія произведенія: 1) «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира Мономаха, 2) «Слово о полку Игоревѣ», 3) «Моленіе» Даніила Заточника и 4) «Слово о погибели Русской земли».

«Поученіе къ дѣтямъ» Владимира Мономаха.

(1106—1118).

237. Свѣдѣнія изъ біографіи Владимира Мономаха. Владимиръ Мономахъ (1053—1125) былъ сынъ Всеволода Ярославича. Всеволодъ былъ самымъ любимымъ сыномъ Ярослава, причемъ лѣтопись разъясняетъ, что любовь отца онъ пріобрѣлъ своимъ воздержаніемъ, т. е. выдающимися отъ природы нравственными качествами. Онъ повидимому, получилъ отъ отца своего Ярослава порядочное для того времени образованіе: Всеволодъ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ большой «книголюбецъ»; по свидѣтельству же его сына Владимира, онъ зналъ пять языковъ. Мать Владимира была также замѣчательнымъ лицомъ: она по своему происхожденію была дочерью византійскаго императора Константина Мономаха, отъ котораго прозвище Мономахъ перешло и на ея сына Владимира. Отъ отца Владимиръ унаслѣдовалъ склонность къ чтенію книгъ, а отъ матери, природной гречанки, воспитавшейся на началахъ византійской культуры. Владимиръ долженъ былъ унаслѣдовать способность къ самообладанію, къ хладнокровнымъ широкимъ расчетамъ, осторожность, умѣніе пользоваться обстоятельствами для расширенія своей власти и особенно способность руководиться въ своей дѣятельности не однимъ только эгоисти-

ческимъ расчетомъ низшаго свойства, но и нѣкоторыми принципами христіанскаго ученія.

Проведя дѣтство и молодые годы въ Переяславской области, доставшейся его отцу послѣ смерти Ярослава и постоянно испытывавшей нападенія половцевъ, Владимиръ рано привыкъ къ опасностямъ боевой жизни. Здѣсь у Владимира должна была выработаться способность къ напряженной самодѣятельности, мужество, находчивость, сообразительность, и здѣсь же онъ пріобрѣлъ большой военный опытъ. Когда отецъ его Всеволодъ послѣ смерти Изяслава I вступилъ на Кіевскій престолъ (1078—1093), то Владимиръ сталъ его дѣятельнымъ помощникомъ и такимъ образомъ пріучался къ техникѣ великаго княженія. Въ княженіи своего двоюроднаго брата Святополка Изяславича (1093—1113) Владимиръ Мономахъ принималъ дѣятельное участіе въ выдающихся событіяхъ этого княженія. Чтобы уладить столкновенія между князьями, по иниціативѣ Владимира, созывались съѣзды князей (Любечскій въ 1097 г. и Витичевскій въ 1100 г.); въ 1111 г., по предложенію Владимира Мономаха, русскіе князья сообща предприняли походъ на половцевъ и нанесли имъ тяжкое пораженіе. Ставши, благодаря своимъ дарованіемъ и выдающейся дѣятельности, популярнѣйшимъ княземъ на Руси, Владимиръ былъ приглашенъ занять послѣ смерти Святополка кіевскій престолъ, несмотря на то, что на этотъ престолъ, по смыслу очередного порядка княженія, имѣло право потомство Святослава Изяславича Черниговскаго. Владимиръ, зная, какою антипатіей пользовались Святославичи у населенія за то, что они ради своихъ эгоистическихъ цѣлей наводили на Русскую землю половцевъ, рѣшился принять приглашеніе. Ставши великимъ кіевскимъ княземъ (1113—1125), Владимиръ, съ одной стороны, ловкой политикой сосредоточилъ въ своихъ рукахъ три четверти русскихъ земель, а съ другой энергично охранялъ ихъ отъ посягательства кочевниковъ.

Владимиръ Мономахъ извѣстенъ не только, какъ талантливый и дѣятельный князь, но и какъ авторъ сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ «Поученія къ дѣтямъ».

238. Свѣдѣнія о «Поученіи» Владимира Мономаха. «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира Мономаха сохранилось въ Лаврентьевскомъ спискѣ нашей лѣтописи подъ

1096 г. Почему оно помѣщено подъ этимъ именно годомъ— неизвѣстно: съ описываемыми подъ этимъ годомъ событіями «Поученіе» не имѣетъ ничего общаго. Относительно времени, когда Владиміръ написалъ свое «Поученіе къ дѣтямъ», существуютъ два мнѣнія. По одному изъ нихъ о «Поученіе къ дѣтямъ» написано было Владиміромъ передъ смертью, такъ что его «Поученіе къ дѣтямъ» является своего рода завѣщаніемъ дѣтямъ, «духовной». Мнѣніе это основывается на сообщеніи Владиміра въ «Поученіи къ дѣтямъ», это произведеніе свое онъ писалъ «сѣдя на санѣхъ». Выраженіе «сѣдя на санѣхъ» (т. е. на саняхъ), по этому мнѣнію, надо понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, а именно: «приближаясь къ смерти». Такое толкованіе давалось этому выраженію потому, что существовалъ обычай возить покойниковъ на кладбище и зимой, и лѣтомъ на саняхъ (лѣтомъ во избѣжаніе тряски по плохимъ дорогамъ).

Но этому мнѣнію противорѣчатъ слѣдующія слова Владиміра въ «Поученіи къ дѣтямъ»: «и въ то же лѣто и дитя ся роди старѣйшее новгородское», т. е. старшій сынъ Владиміра Мстиславъ, который съ 1095—1117 г. былъ княземъ въ Новгородѣ. Если бы Владиміръ написалъ свое «Поученіе къ дѣтямъ» передъ смертью (1125 г.), то не назвалъ бы Мстислава «новгородскимъ», такъ какъ Мстиславъ задолго до этого момента (съ 1117 г.) пересталъ быть новгородскимъ княземъ. На этомъ основаніи первое мнѣніе отвергается.

Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что выраженіе, «сѣдя на санѣхъ» надо понимать въ буквальномъ смыслѣ: «находясь въ экипажѣ» (на саняхъ или въ телѣгѣ), «находясь на пути». Въ подтвержденіе этого мнѣнія изслѣдователи ссылаются на то, что, во-первыхъ, передъ словами «сѣдя на санѣхъ» въ «Поученіи» находится выраженіе: «на далечи пути», которое указываетъ на то, что Владиміръ писалъ во время какого-то путешествія своего; во-вторыхъ, дальше въ этомъ же «Поученіи» имѣются ясныя указанія и на самое путешествіе, такъ какъ сообщается, что послы, явившіеся къ Владиміру отъ братьевъ, нашли его на Волгѣ (вѣроятно, погостъ Волга, находившійся недалеко отъ Ростова на мѣстѣ позднѣйшаго Углича). Объ этомъ путешествіи Владиміръ самъ говоритъ при перечисленіи сдѣланныхъ имъ

походовъ и путешествій: «И потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму и по три зимы ходихомъ Смолинску; *и се нынѣ иду Ростову*». Владиміръ перечисляетъ свои походы и путешествія въ хронологическомъ порядкѣ. Если сопоставить перечисляемые имъ походы и путешествія съ свѣдѣніями, передаваемыми объ нихъ въ лѣтописяхъ, то необходимо придти къ заключенію, что фраза «и се нынѣ иду къ Ростову» относится къ путешествію, предпринятому Владиміромъ зимою 1105—1106 гг. Слѣдовательно, «Поученіе къ дѣтямъ» написано было Влидимиромъ зимою 1105—1106 гг. Но въ «Поученіи» перечисляются походы и путешествія и и послѣ 1105 г. до 1118 г. включитезьно. Если «Поученіе» было написано въ 1105—1106 гг., то откуда взялось дальнѣйшее перечисленіе походовъ? Это недоумѣніе разрѣшается слѣдующимъ предположеніемъ: «Поученіе» оставалось на рукахъ у Владимира и послѣ 1105 г. до 1118 г.; имѣя рукопись у себя, Владиміръ продолжалъ вписывать въ текстъ свои послѣдующіе походы до 1118 г.; Въ началѣ 1119 года Владиміръ отправляетъ своего младшаго и, повидимому, самаго любимаго сына Андрея Владиміровича (1102—1141) на княженіе во Владиміръ и, вѣроятно, благословляетъ его своимъ «Поученіемъ». Вотъ почему на 1118 г. прерывается дальнѣйшее перечисленіе походовъ Владимира.

Время написанія «Поученія къ дѣтямъ» можно опредѣлить еще точнѣе. Внимательный анализъ цитатъ, сдѣланныхъ авторомъ въ этомъ произведеніи, показываетъ, что онѣ заимствованы изъ тѣхъ частей св. Писанія и сочиненій св. отцовъ и учителей церкви, церковныхъ пѣснопѣній и т. д., которыя читались во время богослуженія въ первую недѣлю Великаго поста. Очевидно, Владиміръ писалъ свое «Поученіе», находясь подъ сильнымъ вліяніемъ великопостнаго богослуженія первой недѣли; а это заставляетъ предполагать, что «Поученіе» написано было въ первую недѣлю Великаго поста, слѣдовательно, въ началѣ 1106 г. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что «Поученіе» написано между 8—10 февраля 1106 г.

239. Составъ «Поученія къ дѣтямъ». «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира М. не дошло до насъ въ исправномъ видѣ: оно представляетъ механическое соединеніе двухъ произведеній Владимра: 1) собственно «Поученія къ дѣтямъ»

и 2) внесеннаго въ текстъ «Поученія» отрывка изъ письма Владимира къ Олегу Святославичу. Переходъ отъ поученія къ письму настолько рѣзокъ, что сразу можетъ быть отмѣченъ: читатель, все время слушавшій обращеніе къ дѣтямъ при помощи мѣстоименія «вы», вдругъ слышитъ рѣчь, обращенную на «ты».

Странная вставка изъ письма къ Олегу не имѣетъ никакой связи съ «Поученіемъ» и можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что подъ рукой у составителя Лаврентьевской лѣтописи былъ списокъ съ собраніемъ сочиненій Владимира М. вообще, причемъ въ текстъ «Поученія» случайно попали страницы изъ «Письма» къ Олегу. Рукопись съ сочиненіями Владимира, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ пришла въ ветхость (доказательствомъ этого служатъ, между прочимъ, явные пропуски въ «Поученіи»). Немудрено, что одна часть ея могла случайно попасть въ другую. Составитель же лѣтописи добросовѣстно переписалъ рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она попала въ его руки.

Письмо къ Олегу было написано Владимиромъ по слѣдующему поводу. Въ 1096 г. во время княжескихъ усобицъ былъ убитъ Олегомъ Святославичемъ Изяславъ, сынъ Владимира М., а жена Изяслава была взята Олегомъ въ плѣнъ. Владимиръ отправилъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ своего противника отпустить къ нему сноху, потому что «нѣсть въ ней ни зла, ни добра», и затѣмъ распространяется на тему о княжескихъ усобицахъ.

240. Планъ «Поученія къ дѣтямъ». «Поученіе къ дѣтямъ» построено по правиламъ греческой реторики. Оно состоитъ изъ пяти частей: 1) приступа, 2) раздѣленія, 3) содержанія, 4) патетической части и 5) заключенія.

1) Приступъ. Подражая Соломону или Павлу, Владимиръ прежде всего указываетъ на себя, какъ на автора произведенія: «Азъ, худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченный въ крещеніи Василій, русскимъ именемъ Володимиръ, отцомъ возлюбленнымъ и матерью своею Мономахи»... Затѣмъ Владимиръ излагаетъ цѣль, какую онъ имѣлъ въ виду при составленіи «Поученія». Авторъ желалъ, чтобы дѣти его или всякій другой читатель, въ руки котораго попадетъ его трудъ, усвоили даваемыя имъ наставленія и стали дѣятельно трудиться для ихъ осуще-

ствленія въ жизни. Извинившись за недостатки своего труда, Владиміръ переходитъ къ изложенію обстоятельствъ, вызвавшихъ въ немъ идею «Поученія». Когда Владиміръ на пути къ Ростовъ находился на Волгѣ (на погостѣ Волга), явились къ нему послы отъ его братьевъ съ предложеніемъ принять участіе въ задуманномъ послѣдними походѣ противъ Володаря и Василька Ростиславичей и отнять ихъ волость (Галицко-Волынскую). Владиміръ отказался, не желая нарушить заключенный раньше братьями договоръ («креста преступити»). Отпустивъ пословъ, Владиміръ, опечаленный перспективой новыхъ княжескихъ усобицъ, открылъ («разгнухъ») Псалтирь, и ему попался псаломъ: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и пр. (Пс. XLI и XLII). Чтеніе псалмовъ внесло успокоеніе въ душу Владимира, и у него возникла мысль написать «Поученіе».

2) **Раздѣленіе**. Въ раздѣленіи Владиміръ указываетъ, что содержаніе его труда распадается на двѣ части: въ первой части будутъ изложены его любимыя мѣста изъ св. Писанія и т. д., а во второй онъ изложитъ свои собственныя наставленія.

3) **Содержаніе**. Содержаніе «Поученія къ дѣтямъ», какъ видно изъ раздѣленія, распадается на двѣ части.

а) Первая часть. Первая часть представляетъ собраніе цитатъ изъ Псалтири, заимствованія изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви и вообще изъ богослужебныхъ книгъ. Цитаты эти и заимствованія, какъ указано выше, взяты авторомъ изъ богослужебныхъ чтеній на первой недѣлѣ Великаго поста. Цитаты изъ Псалтири изображаютъ двоякаго рода душевное состояніе: состояніе грѣшника и состояніе праведника въ нынѣшней жизни и будущей. Выписки изъ произведеній св. отцовъ и учителей церкви рисуютъ по преимуществу черты праведника. За этими выписками слѣдуетъ указаніе на неизреченное милосердіе Божіе. Мы, грѣшные и смертные люди, готовы растерзать человѣка и пролить его кровь, если онъ намъ причинитъ зло, а Господь нашъ, въ рукахъ котораго и жизнь наша, и смерть, терпитъ наши согрѣшенія «выше главы нашей», какъ отецъ, любящій свое дитя, наказывающій его и снова привлекающій его къ себѣ. Будучи премилостивымъ къ людямъ, Богъ далъ намъ средство побѣдить нашего врага—діавола: покаяніе, слезы и

милостыня — таковы три добрыхъ дѣла, при помощи которыхъ можно «избыть» и побѣдить врага. Нѣкоторые «добрые» люди достигаютъ царства небеснаго отшельничествомъ, монашествомъ и постничествомъ; но можно «избыть» грѣхи свои и не лишиться царства небеснаго и указанными тремя добрыми дѣлами, выполненіе которыхъ не представляетъ никакой трудности, если не полѣниться для Бога. Выразивъ затѣмъ удивленіе величію Божію, проявляющемуся въ чудномъ устройствѣ вселенной, авторъ переходитъ ко второй части содержанія.

б) *Вторая часть*. Во второй части Владиміръ излагаетъ свои наставленія. Одни наставленія онъ даетъ, формулируя ихъ словами, а другія—наглядно изображая факты изъ личной дѣятельности, военно-административной и охотничьей. Изложивъ свои наставленія, авторъ обращается къ дѣтямъ съ просьбой, чтобы они смѣло отдавались всѣмъ добрымъ дѣламъ. Онъ предостерегаетъ ихъ противъ малодушія, совѣтуетъ не бояться ни «ратей», ни «звѣрей», потому что никто изъ нихъ не погибнетъ, если не будетъ дано повелѣніе отъ Бога.

4) **Патетическая часть**. Въ этой части авторъ сокрушается объ участи враждующихъ и непримирившихся грѣшниковъ.

5) **Заключеніе**. Авторъ заключаетъ свое «Поученіе» молитвой.

241. Наставленія Владимира Мономаха. «Поученіе къ дѣтямъ» проникнуто отъ начала и до конца практическимъ характеромъ: авторъ не требуетъ отъ своихъ дѣтей или вообще читателей исполненія требованій, превышающихъ обыкновенныя силы средняго человѣка; рекомендуя то или другое правило поведенія, Мономахъ аппелируетъ не столько къ нравственнымъ или религіознымъ чувствамъ своего читателя, сколько къ его утилитарнымъ соображеніямъ, соображеніямъ обыкновенной житейской пользы. Такъ, говоря въ одномъ мѣстѣ объ изученіи языковъ, Владиміръ сообщаетъ, что отецъ его, «дома сидя, изумѣяше пять языковъ», а знаніе языковъ, говоритъ Владиміръ, вмѣняется иностранными землями въ особую честь. Совѣтуя хорошо принимать странниковъ, Владиміръ указываетъ, что странники разносятъ по всѣмъ землямъ и хорошую, и дурную славу о людяхъ. Коснувшись религіозныхъ обязанностей

человѣка, Владиміръ убѣждаетъ своихъ дѣтей въ томъ, что спасти свою душу не трудно; для этого не нужно непремѣнно отрекаться отъ міра, предаваться отшельничеству, постничеству, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые «добріе людіе», а достаточно неуклонное исполненіе трехъ малыхъ, всѣмъ доступныхъ дѣлъ для того, чтобы пріобрѣсти Божью милость. Практическій дѣятель сказывается и въ слѣдующемъ предложеніи, которое Владиміръ дѣлаетъ своимъ читателямъ: «Послушайте мене: аще не всего пріимите, то половину», т. е., если его читатели чувствуютъ себя не въ силахъ выполнить всѣ его наставленія, Владиміръ убѣждаетъ ихъ принять къ руководству хоть половину его наставленій: даже и этимъ можно обезпечить себѣ нормальную жизнь. Практичность Владиміра Мономаха сказалась и въ томъ, что наставленія его, формулированныя словами, отличаются краткостью, но зато авторъ даетъ описаніе своихъ многочисленныхъ военныхъ и охотничьихъ подвиговъ: Владиміръ Мономахъ понималъ, что реальные факты изъ дѣятельной трудовой жизни скорѣе подѣйствуютъ на чувства и волю читателей, нежели сухія правила поведенія.

Свои наставленія Владиміръ сопровождаетъ неоднократнымъ призывомъ къ энергической дѣятельности. «Не лѣнитеся!»—вотъ о чемъ Владиміръ повторяетъ въ своемъ «Поученіи» пять разъ: «не лѣнитеся,—говоритъ онъ,—на войну вышедъ», «въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видити», «а того (т. е. молиться) не забывайте, не лѣнитеся», и т. д.

Наставленія, даваемыя Владиміромъ дѣтямъ, дѣлятся на слѣдующія группы: 1) наставленія о религіозно-нравственныхъ обязанностяхъ, 2) объ общечеловѣческихъ обязанностяхъ, 3) о княжескихъ обязанностяхъ и 4) о хозяйственныхъ обязанностяхъ.

1) **Наставленія о религіозно-нравственныхъ обязанностяхъ.** Основныя религіозныя обязанности, рекомендуемыя Владиміромъ Мономахомъ, носятъ отпечатокъ того аскетическаго пониманія христіанскаго ученія, которое водворилось въ Византіи въ половинѣ IX в. по окончаніи иконоборства. Такъ какъ особенно энергичное участіе въ борьбѣ за иконы приняло монашество, которое и одержало побѣду надъ противниками иконъ, то въ византійскомъ обществѣ постепенно стало распространяться поклоненіе всему монашескому: мо-

нашеское пониманіе христіанства, монашескіе идеалы, монашескій образъ жизни въ большей или меньшей степени, съ большими или меньшими отступленіями, распространяются и въ свѣтскомъ обществѣ, какъ единственно правильный путь къ душевному спасенію. Правда, для спасенія души мірянину не было надобности соблюдать непремѣнно все то, что требовалось отъ монаховъ, а только нѣкоторыя изъ ихъ обязанностей. Такое отношеніе къ монашеству занесено было и къ намъ. Наше свѣтское общество, точнѣе княжеско-дружинный классъ населенія, поскольку оно проникалось христіанскими воззрѣніями, воспринимало ихъ въ той аскетически-монашеской формѣ, которая господствовала въ Византіи.

Владиміръ Мономахъ, какъ одинъ изъ передовыхъ людей своего времени, усвоилъ возникшій въ Византіи компромиссъ между требованіями мірской жизни и аскетически-монашескими идеалами. По мнѣнію Владиміра, для веденія угодной Богу жизни и спасенія души нѣтъ надобности отрекаться отъ міра, жить въ отшельничествѣ или монашествѣ, угнетать свою плоть постничествомъ: нормальный образъ жизни создается дѣлами любви, правды и милости. Далѣе, Владиміръ усвоилъ аскетически-монашескій взглядъ на молитву, по которому молитва есть не столько обращеніе къ Богу съ просбой, благодарностью, прославленіемъ и т. д., сколько орудіе для постояннаго дисциплинированія воли. Поэтому Владиміръ совѣтуетъ молиться почаще. Такъ, надо вставать для молитвы ночью, такъ какъ ночная молитва, сопровождаемая поклонами, можетъ очистить нашу душу отъ грѣховъ, сдѣланныхъ нами днемъ. Но мірянину не нужно вставать ночью на молитву по нѣсколько разъ, какъ это требуется монашескими правилами, а достаточно встать одинъ разъ и сдѣлать при этомъ три поклона. Находясь въ пути на конѣ, необходимо постоянно произносить молитву «Господи, помилуй», такъ какъ это лучше, чѣмъ думать о какихъ-нибудь нелѣпостяхъ (пустякахъ).

Давая такого рода наставленія религіозно-нравственнаго характера, Владиміръ далекъ отъ пристрастія къ внѣшнимъ обрядамъ. Христіанство Владиміра не обрядовое или созерцательное, а практически-дѣятельное, и обрядъ важенъ для него лишь постольку, поскольку онъ или пробуждаетъ опре-

дѣленное религіозно-нравственное настроеніе, или является его внѣшнимъ выраженіемъ.

Первой религіозно-нравственной обязанностью Владиміръ считаетъ любовь къ Богу, или страхъ Божій. По его мнѣнію, любовь къ ближнему обусловливается любовью къ Богу: кто дѣйствительно любитъ Бога, тотъ будетъ любить и ближняго; кто же увѣряетъ, что Бога любитъ, а брата своего не любитъ, тотъ самого себя обличаетъ во лжи. На этомъ основаніи Владиміръ требуетъ отъ своихъ дѣтей и читателей соблюденія основной христіанской заповѣди — любви къ Богу и страха Божія: «Се же вы конецъ всему: страхъ Божій имѣйте выше всего».

2) Наставленія объ общечеловѣческихъ обязанностяхъ. Наставленія объ общечеловѣческихъ обязанностяхъ распадаются на двѣ группы: а) объ обязанностяхъ къ себѣ и б) объ обязанностяхъ къ другимъ.

а) Объ обязанностяхъ къ себѣ. Разсматривая отношеніе человѣка къ самому себѣ, Владиміръ ставитъ слѣдующія требованія: 1) отсутствіе гордости, или буести, 2) покаяніе и слезы и 3) самодѣятельность.

Не нужно быть гордымъ, т. е. не нужно преувеличенно оцѣнивать свои силы, свое положеніе. Таково первое требованіе Владимира. Владиміръ выводитъ его изъ того факта, что всѣ мы—смертны и передъ лицомъ смерти—равны: мы—только временные обладатели тѣхъ силъ и того положенія, которые даны намъ Богомъ: «Паче всего гордости не имѣйте въ сердцѣ и въ умѣ, но рыцѣмъ: смертны есмы, днесь живы, а завтра—въ гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало дней». «Буесть» — качество, близкое къ гордости; противъ него направлялась проповѣдь нашего высшаго духовенства, и Владиміръ М. уже является княземъ, усвоившимъ отрицательное отношеніе къ «буести».

Не допуская гордости и буести, Владиміръ требуетъ отъ своихъ читателей развитія аскетически-христіанской добродѣтели: покаянія и слезъ, какъ средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ избавляться отъ своей грѣховности и спасать свою душу. Таково второе требованіе, дополняющее первое.

Третье требованіе Владимира М. касается самодѣятельности. Условія русской жизни, отличаясь чрезвычайной про-

стотой, не требовали со стороны русскаго человѣка дѣятельнаго напряженія своихъ силъ. Поэтому русскаго человѣка еще не накопившаго такого запаса энергіи, который характеризуетъ высшія ступени культуры, тянуло, по удовлетвореніи основныхъ потребностей жизни, къ покою, ничегонедѣланію или къ пользованію трудомъ подчиненныхъ. Владиміръ, въ жилахъ котораго текла на ряду съ русской кровью—греческая, который съ дѣтства привыкъ въ Переяславлѣ къ постоянному напряженію своихъ силъ, превосходилъ другихъ русскихъ людей (въ томъ числѣ и князей) способностью къ неустанно дѣятельной жизни. Ко времени его княженія отношенія между князьями усложнились и стали требовать отъ князей особаго напряженія воли, ума, способностей и энергіи. Наибольшее количество такой энергіи могъ обнаружить Владиміръ М., и онъ требуетъ и отъ своихъ читателей дѣятельнаго напряженія своихъ силъ. Онъ вооружается противъ лѣни тогдашняго русскаго человѣка во многихъ мѣстахъ своего «Поученія къ дѣтямъ», называя его матерью всѣхъ пороковъ: «Лѣность бо всему мати: еже умѣетъ, то забудетъ, а его же не умѣетъ, а тому ся не учитъ, добрѣ же творяще, не можите ся лѣниться ни на что доброе». Онъ требуетъ, чтобы его дѣти за всѣмъ сами наблюдали, по возможноети сами все дѣлали, не полагаясь на своихъ подчиненныхъ, ни на тіуна, ни на отрока. Особенно предостерегаетъ Владиміръ противъ лѣни во время военнаго похода, потому что тамъ благодаря лѣности человѣкъ легко можетъ погибнуть. «На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не предавайтесь, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отовсюду нарядивше около вси, тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте съ себя въ борлѣ, не разгладавше, лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погибаетъ».

б) Объ обязанностяхъ къ другимъ. Любовь къ Богу обусловливаетъ, по мнѣнію Владимира М., и любовь къ ближнему. Поэтому Владиміръ даетъ рядъ наставленій, регулирующихъ отношенія къ ближнимъ. Основною альтруистическою добродѣтелью Владиміръ считаетъ милостыню, заботу о бѣдныхъ и сиротахъ. «Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще, по силѣ кормите и придавайте сиротѣ...». Считая милостыню одной изъ основныхъ добродѣ-

телей, Владимиръ вооружается противъ обычная копить и зарывать въ землю излишекъ доходовъ, потому что «то есть великъ грѣхъ».

Далѣе, Владимиръ совѣтъ своимъ дѣтямъ быть гостепріимными въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, безъ различія классовъ, состояній, націй и т. д. «Куда же пойдете, идѣ же станете, напой же, накорми же унеина (просящаго): и болѣе же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ (знатенъ), или солъ (посолъ), аще не можете даромъ (подаркомъ), брашномъ и питьемъ».

Добрыя, хорошія отношенія надо проявлять ко всѣмъ вообще людямъ. Старшихъ надо почитать, какъ родителей, къ младшимъ относиться, какъ къ братьямъ; со всѣми людьми надо быть привѣтливыми: не надо пропускать ни одного, не привѣтствовавъ его и не сказавши ему добраго слова. Слабыхъ (напр., вдову) необходимо защищать отъ сильныхъ. надо посѣщать больныхъ, отдавать послѣдній долгъ покойникамъ. Свои обязательства къ людямъ надо исполнять неуклонно, особенно, если они сопровождались клятвеннымъ обѣщаніемъ (крестнымъ цѣлованіемъ). По мнѣнію Владимира. вообще надо избѣгать клятвъ: клятва можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, если дающій ее твердо рѣшится не нарушить ея, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ только погубитъ свою душу. Любопытенъ совѣтъ Владимира М.. касающійся супружескихъ отношеній: жену надо любить, но не слѣдуетъ давать ей власти надъ собой.

Наконецъ, интересны наставленія, регулирующія отношенія къ духовенству: избѣгать духовенства не слѣдуетъ; надо чтить епископовъ, поповъ и игуменовъ. заботиться объ ихъ благосостояніи, брать отъ нихъ благословеніе, чтобы они молились за насъ Богу.

3) Наставленія о княжескихъ обязанностяхъ. Ссылаясь на примѣръ своего отца, Владимиръ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ распредѣлять день такъ: вставать надо до восхода солнца; совершивъ утреннюю молитву и воздавъ хвалу Богу за дневной свѣтъ по восхожденіи солнца, его дѣти должны сѣсть думу думать съ дружиною, затѣмъ производить судъ («люди оправливати»). потомъ ѣхать на ловъ и послѣ обѣда лечь спать, потому что «спанье отъ Бога присуждено полудне; отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птица, и человѣци».

(это объясненіе, вѣроятно, основывалось на какомъ-нибудь апокрифическомъ сочиненіи). Объ исполненіи княжескихъ обязанностей Владиміръ говоритъ очень мало и кратко. Такъ, онъ говоритъ о самодѣятельности князя въ военномъ походѣ, предостерегаетъ противъ коварства и пьянства въ походахъ («лжѣ блюдися и пьянства: въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло»), требуетъ отъ князя правдиваго и милостиваго суда. Князь не долженъ допускать, чтобы сильные губили слабаго; онъ даже долженъ принимать лично участіе въ судопроизводствѣ («вдовицу оправдите сами»), что, впрочемъ при простотѣ управленія часто и дѣлалось нашими князьями. Когда князь объѣзжаетъ свои земли, онъ долженъ слѣдить за отроками (дружиною), чтобы они не совершали насилій надъ жителями, и чтобы жители не посылали проклятій на голову князя.

Наиболѣе любопытное наставленіе касается смертной казни. Владиміръ М.—принципіальный противникъ смертной казни и говоритъ своимъ дѣтямъ: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще повиненъ будетъ смерти, а души не погубляйте ни одного христіанина». Отвращеніе Владиміра М. къ смертной казни напоминаетъ аналогичное явленіе въ исторіи княженія Владиміра св. Въ лѣтописи, подъ 996 г. (6504), разсказывается, что въ княженіе Владиміра, уже христіанина, жившаго въ страхѣ Божіемъ, стало распространяться разбойничество. Епископы обратили на это вниманіе Владиміра и спросили его, почему онъ не велитъ схватить ихъ и казнить. Владиміръ отвѣтилъ имъ: «боюся грѣха». Епископы сказали ему: «Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе: достоитъ ти казнити разбойника, но съ испытомъ». Только подъ вліяніемъ авторитета епископовъ Владиміръ отказался отъ своего отрицательнаго отношенія къ казни, и «нача казнити разбойники».

Отрицательное отношеніе къ смертной казни сложилось у насъ подъ вліяніемъ цѣлаго ряда благопріятныхъ условій: *Во-первыхъ*, русскіе славяне, разселившись по восточно-европейской равнинѣ, до образованія государства не вели войнъ съ врагами. Они предавались мирнымъ занятіямъ, а при нападеніи внѣшнихъ враговъ (хазары, варяги) предпочитали отдѣлываться отъ нихъ данью. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ

вѣковъ въ русскихъ славянахъ развивались и крѣпли мирныя наклонности. *Во-вторыхъ*, кротостью нравовъ особенно отличались кіевскіе поляне — составившіе ядро Кіевской Руси и наложившіе на древнерусскую культуру свой отпечатокъ. *Въ-третьихъ*, развитію отрицательнаго отношенія къ убійству способствовало существованіе родовой мести за убійство: казнь отдѣльнаго лица, хотя бы и княземъ, требовала мести князю со стороны родныхъ. Поэтому, во избѣжаніе подобнаго слѣдствія, князь долженъ былъ воздерживаться отъ приговоровъ къ смертной казни. Съ упраздненіемъ родовой мести и замѣной ея штрафомъ, смертная казнь стала еще менѣе возможной: она показалась бы русскому обществу чѣмъ то крайне дикимъ. *Въ-четвертыхъ*, развившееся у насъ отрицательное отношеніе къ смертной казни находило себѣ опору въ христіанскомъ ученіи.

Чтобы лучше ввести своихъ дѣтей въ кругъ княжеской дѣятельности, Владиміръ излагаетъ свои походы и ловы въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ (1072—1105; съ походами, перечисленными послѣ 1105 г., выйдетъ больше, чѣмъ 33 года; въ Лаврентьевскомъ текстѣ вмѣсто 33 лѣтъ ошибочно стоитъ 13 лѣтъ) и домашнія занятія. Большихъ походовъ за это время Владиміръ совершилъ 83, а числа небольшихъ онъ и не припомнитъ. Съ половецкими князьями онъ заключилъ двадцать мирныхъ договоровъ безъ единаго, а изъ плѣна освободилъ до 100 половецкихъ князей. Между прочимъ, ему удалось совершить особый подвигъ, а именно пробраться въ Ростовскую землю сквозь землю вятичей, покрытую еще тогда густымъ непроходимымъ лѣсомъ (§ 156). Онъ ловилъ и собственноручно связывалъ дикихъ коней по 10 и 20 головъ. Въ борьбѣ съ дикими звѣрями онъ подвергался безчисленнымъ опасностямъ: два тура метали его съ конемъ на рогахъ, олень бодалъ его; одинъ лось его ногами топталъ, а другой рогами бодалъ; вепрь сорвалъ на его бедрѣ мечъ; медвѣдь укусилъ у колѣна «подкладъ» (подсѣдельникъ); лютый звѣрь вскочилъ къ нему на бедро и повалилъ его вмѣстѣ съ конемъ на землю; много разъ онъ падалъ съ коня, дважды голову себѣ разбилъ, повредилъ себѣ руки и ноги. И Богъ сохранилъ его въ невредимости. Все Владиміръ исполнялъ самъ и въ походѣ, и на охотѣ. «Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сотворилъ,

дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на имѣ, не давалъ себѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ; весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмь; и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ, и о ястребѣхъ; тоже и худого смерда и убогыя вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ».

Описывая свою дѣятельную жизнь, Владиміръ не хвалится: онъ прославляетъ Бога за то, что Онъ сотворилъ его не лѣнивымъ и потребнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Подчеркивая тотъ фактъ, что Промыслъ Божій столько разъ спасалъ его отъ смерти во время походовъ и охоты, Владиміръ совѣтуетъ дѣтямъ своимъ не бояться смерти: «Никто-же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно, а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ отъяти... Божіе блюденіе лѣплѣе есть человѣческаго».

4) **Наставленія о хозяйственныхъ обязанностяхъ.** Хозяйственные совѣты Владиміра отличаются краткостью; тѣмъ не менѣе они характеризуютъ простоту тогдашняго общественнаго экономическаго строя. Князь долженъ самъ входить во всѣ подробности своего хозяйства, самъ заботиться о своемъ столѣ, не полагаясь ни на тіуна, ни на отрока, такъ какъ всякое упущеніе въ хозяйствѣ можетъ послужить предметомъ насмѣшекъ со стороны гостей.

242. Византійскія вліянія на «Поученіе къ дѣтямъ». «Поученія къ дѣтямъ» представляютъ очень древній видъ словесныхъ произведеній, возникшій еще на еврейскомъ Востокѣ въ эпоху патріархально-родового быта. Глава рода передъ смертью, раздумывая о судьбѣ своихъ дѣтей и внуковъ, за которыхъ онъ считалъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ, часто давалъ дѣтямъ наставленія. Въ нихъ онъ излагалъ свой богатый житейскій опытъ, которымъ его дѣти могли бы руководствоваться въ жизни съ пользой для себя. Оставляя дѣтямъ такого рода наставленія, патріархи и родители какъ бы изъ за гроба продолжали невидимо руководить дѣтьми на ихъ жизненномъ пути.

Форма поученія къ дѣтямъ у насъ стала извѣстной съ принятіемъ христіанства. Такъ, притчи Соломоновы пред-

ставляютъ поученія, обращенныя къ сыну, какъ видно изъ часто встрѣчающагося въ нихъ выраженія: «сынъ мой, послушай, что отецъ твой говоритъ». Но особенно типичной формой поученія къ дѣтямъ является апокрифическое произведеніе «Завѣты двѣнадцати патріарховъ» (§ 68). Повѣствованіе Іуды о подвигахъ, совершенныхъ имъ на войнѣ и въ борьбѣ со звѣрями, чрезвычайно напоминаютъ разсказъ Владимира о такого же рода подвигахъ въ «Поученіи къ дѣтямъ». «Завѣты двѣнадцати патріарховъ» были очень популярнымъ у насъ произведеніемъ, и Владиміръ Мономахъ, безъ сомнѣнія, былъ съ чимъ знакомъ и, можетъ быть, сознательно подражалъ ему. Владиміръ Мономахъ, вѣроятно, былъ знакомъ и съ двумя поученіями, помѣщенными въ «Изборникѣ Святослава» 1076 г., именно съ «Поученіемъ къ сыновьямъ» Ксенофонта и съ «Поученіемъ къ сыну» Ѳеодоры. Такимъ образомъ, Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ византійской переводной литературѣ готовую литературную форму, которой онъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ личной жизни, воспользовался.

Въ своемъ произведеніи Владиміръ Мономахъ проявляетъ обширную начитанность въ византійской литературѣ: въ немъ встрѣчается много цитатъ изъ наиболѣе популярныхъ въ то время сочиненій, причемъ цитаты эти, видимо, приводились Владиміромъ на память, такъ какъ онѣ часто не совпадаютъ съ подлинниками. Изъ книгъ, откуда Владиміръ черпалъ мысли, на первомъ мѣстѣ надо поставить Псалтирь, самую популярную въ древности книгу. Псалтирь имѣла много значеній: она употреблялась. 1) какъ книга богослужебная, 2) какъ книга для чтенія, 3) какъ первая учебная книга послѣ азбуки и часослова и 4) какъ книга гадательная. Обычай гадать по Псалтири доказывается старыми списками Псалтири, на поляхъ которыхъ помѣщены замѣтки, указывающія, какое значеніе имѣетъ та или другая страница этой книги при гаданіи. Владиміръ также раскрывалъ Псалтирь наугадъ, какъ это видно изъ его собственнаго разсказа о томъ, что онъ сдѣлалъ, отпустивъ явившихся къ нему отъ братьевъ пословъ.

Владиміръ М. обнаруживаетъ знакомство и съ другими произведеніями византійской литературы. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ самъ ссылается на Василія В.: «яко же бо Ва-

силій учаше, собравъ ту юноша». Отрывокъ, приводимый при этомъ Владиміромъ, заимствованъ изъ произведенія Василія В., помѣщеннаго въ Изборникѣ Святослава» 1076 г. подъ заглавіемъ: «Слово, како лѣпо есть черицу быти».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Поученія», именно въ тѣхъ, гдѣ идетъ рѣчь о премудрости Божіей, обнаруживается вліяніе другого произведенія Василія В., его «Бесѣдъ на Шестодневъ». Мысль о разнообразіи въ природѣ и о разноличіи, какъ объ особенномъ доказательствѣ премудрости Божіей, заимствована изъ этого сочиненія Василія В. Впрочемъ, эта мысль и особенно мысль о разнообразіи человѣческихъ лицъ была очень популярна въ византійской литературѣ и могла быть заимствована и изъ какихъ нибудь другихъ сочиненій. О св. Андреѣ, напр., разсказывается, что однажды діаволъ задалъ ему искушающій вопросъ: что самое премудрое изъ твореній Божіихъ?» Святой отвѣтилъ: «Разнообразіе человѣческихъ лицъ». Діаволъ ушелъ посрамленный.

Отдѣльныя мѣста и выраженія въ «Поученіи», повидимому, заимствованы изъ «Пролога». Таковы, напр., слѣдующія мѣста: «Не грѣшите не едину же ночь, аще можете, поклонитеся до земли; али вы ся начнеть не мочи (если будетъ вамъ не въ мочь), а (то) трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть»; въ «Прологѣ» этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣдующее: «А егда ложися спать, то не погрѣши, не погрѣши ни единоя нощи не кланявся, но елико мога по силѣ; тѣмъ поклоненіемъ побѣжаетъ человѣкъ діавола и тѣмъ избываетъ грѣховъ, иже согрѣшилъ кто въ томъ дни»; въ «Поученіи»: «Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка». Въ «Прологѣ»: «И не дахъ сильному обидѣти нищаго ни опечалихъ никого же въ моей жизни, ни суть кривины на кого изнесохъ... Не обиди убогаго, ни ближняго своего, сиротамъ не досаждай, вдовицѣ насиліе не дѣй, убогаго не презри...».

Наконецъ, на «Поученіе» повліяла «Книга притчей Соломонихъ», какъ видно изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ этой книги: «Послушайте, дѣти, наказанія отча и внемлите

разумѣти помышленіе.. Начало премудрости—страхъ Господень... Безумніи досады суще желателіе, нечестивіи бывше... возненавидѣша премудрость, словесе же Господня не пріяша ниже хотѣша внимати моимъ совѣтамъ, ругахуся же моимъ обличеніемъ».

243. Причины, побудившія Владимира написать «Поученіе къ дѣтямъ». Поводъ, побудившій Владимира написать «Поученіе», изложенъ имъ самимъ въ приступѣ. Изъ повода можно сдѣлать выводъ и о причинахъ. Русскіе князья конца XI и начала XII в. слабо сознавали свою связь съ Русской землей и съ русскимъ населеніемъ. У нихъ еще не выработалось сознаніе своихъ государственныхъ обязанностей, и на свое положеніе они смотрѣли главнымъ образомъ, какъ на источникъ личной выгоды. Извлечь изъ своего положенія какъ можно больше выгодъ было главной задачей почти всѣхъ русскихъ князей, и для осуществленія этой цѣли князья не пренебрегали никакими средствами. Въ этомъ отношеніи князья дѣлились на два разряда: князья-скопидомы и князья-удальцы. Типичнѣйшимъ представителемъ князей перваго разряда былъ великій князь Святополкъ Изяславичъ. Не отличаясь военными доблестями, Святополкъ зато проявлялъ большія способности въ изысканіи новыхъ доходовъ. Такъ, будучи великимъ кіевскимъ княземъ, онъ захватилъ монополію на соль, привозившуюся изъ Галича; далѣе, у него были какія-то денежныя связи съ кіевскими евреями: слѣдствіемъ этой связи было то, что по смерти Святополка въ Кіевѣ возникъ народный мятежъ, во время котораго особенно пострадали евреи.

Иными средствами достигали ту же цѣль князья-удальцы, типичнымъ представителемъ которыхъ является Олегъ Святославичъ, прозванный Гориславичемъ. Этотъ князь, ища себѣ хорошаго княжескаго стола, предпочиталъ дѣйствовать вооруженной силой: онъ первый изъ русскихъ князей рѣшился воспользоваться для достиженія своихъ цѣлей силою половцевъ, которыхъ наводилъ на своихъ противниковъ; при этомъ его ни мало не заботило то, что отъ опустошительныхъ набѣговъ этихъ хищниковъ страдаетъ Русская земля.

Оба эти типа русскихъ князей были несимпатичны Владимиру Мономаху. Владимиръ самъ по себѣ представлялъ особый типъ русскаго князя эпохи очередного княженія: это

былъ князь, который сумѣлъ практически сочетать свой личный интересъ съ интересомъ общегосударственнымъ. Желая отвратить своихъ дѣтей и вообще своихъ читателей отъ подражанія князьямъ первыхъ двухъ типовъ, эгоистовъ низшаго сорта, желая воспитать ихъ въ духѣ сочетанія личнаго интереса съ общегосударственнымъ, Владиміръ изложилъ въ «Поученіи къ дѣтямъ» тѣ принципы дѣятельности, которыя выработались у него въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ жизни, исполненной трудовъ и опасностей. Владиміръ, повидимому, хотѣлъ передать свое «Поученіе» тому изъ сыновей, которому его «грамотица» будетъ люба. Владиміръ надѣялся, что такимъ сыномъ окажется его младшій сынъ Андрей Владиміровичъ, который, по свидѣтельству лѣтописей, получилъ названіе «Добраго» и который, слѣдовательно, дѣйствительно могъ усвоить отцовскій опытъ.

«Слово о полку Игоревѣ».

(1187 г.).

244. Свѣдѣнія о «Словѣ о полку Игоревѣ». Замѣчательнѣйшее произведеніе княжеско-дружиннаго литературнаго творчества древней Руси, «Слово о полку Игоревѣ» неизвѣстнаго автора, было открыто въ 1795 г. въ одной рукописи, принадлежавшей графу Мусину-Пушкину. Эта рукопись, относившаяся, повидимому, ко второй половинѣ XVI в., заключала въ себѣ, кромѣ «Слова о полку Игоревѣ», рядъ другихъ произведеній, какъ, напр., «Сказаніе объ Индіи богатой», «Синагрипъ, царь Адоровъ» и др.

«Слово о полку Игоревѣ» обратило на себя вниманіе тогдашнихъ любителей произведеній древней литературы. Для императрицы Екатерины II сдѣлана была копія съ этого произведенія, сохранившаяся до настоящаго времени. Въ 1800 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ Бантышъ-Каменскимъ и Малиновскимъ издалъ по рукописи текстъ «Слова о полку Игоревѣ» съ предисловіемъ о находкѣ рукописи, переводомъ, примѣчаніями и родословной таблицей князей, упоминаемыхъ въ произведеніи. Въ 1812 г. во время пожара Москвы рукопись погибла. Съ того времени новой рукописи съ «Словомъ о полку Игоревѣ» не было найдено, и приходится довольствоваться печатнымъ текстомъ 1800 г. и рукописной копіей,

сдѣланной для Екатерины II. Въ эпоху открытія рукописи со «Словомъ о полку Игоревѣ» палеографія (наука о древнихъ рукописяхъ) была еще несовершенна; поэтому и чтеніе древнихъ рукописей было еще затруднительнымъ. Многія слова рукописи были непоняты или прочитаны невѣрно. Это обстоятельство дѣлаетъ потерю рукописи «Слова о полку Игоревѣ» невознаградимой.

Время появленія «Слова о полку Игоревѣ» можно на основаніи данныхъ, имѣющихся въ самомъ произведеніи, опредѣлить совершенно точно. Во-первыхъ, несомнѣнно, что произведеніе написано было не позже 1187 г. Основаніемъ для такого утвержденія служатъ слѣдующія соображенія: авторъ «Слова» обращается къ галицкому князю Ярославу Осмомыслу и переяславскому — Владимиру Глѣбовичу, какъ къ живымъ еще; но эти князья умерли въ 1187 г.; слѣдовательно. «Слово о полку Игоревѣ» не могло быть написано позже этого года. Во-вторыхъ, «Слово о полку Игоревѣ» не могло быть написано и раньше 1187 г. Это можно доказать слѣдующими соображеніями: изъ приведеннаго въ «Словѣ» разговора двухъ половецкихъ хановъ—Гзака и Кончака, видно, что автору извѣстенъ фактъ возвращенія изъ половецкаго плѣна Владимира Игоревича; Владимиръ Игоревичъ вернулся на родину въ 1187 г.; слѣдовательно, авторъ не могъ написать своего произведенія раньше 1187 г. На этихъ основаніяхъ можно сдѣлать выводъ, что «Слово о полку Игоревѣ» было написано въ 1187 г.

245. Походъ Игоря на половцевъ. Предметомъ «Слова о полку Игоревѣ» является неудачный походъ («полкъ») новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославовича на половцевъ въ 1185 г Этотъ походъ находился въ связи съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Сѣверская область, изъ которой образовалось Черниговское княжество, подобно области Переяславской, находилась близъ степей. Послѣ смерти Ярослава М. эта область досталась его сыну Святославу. Когда Святославъ сдѣлался великимъ кіевскимъ княземъ, Черниговская область перешла къ Всеволоду, отцу Владимира М. Всеволодъ отдалъ ее своему сыну Владимиру, когда самъ сталъ великимъ кіевскимъ княземъ. Между тѣмъ, у Святослава остался сынъ Олегъ, прозванный Гориславичемъ, который вовсе не желалъ остаться

безъ удѣла. Онъ рѣшилъ овладѣть отцовскимъ удѣломъ и для этого прибѣгнулъ къ помощи половцевъ, враговъ Владимира М. Владимиръ М. вынужденъ былъ уступить Олегу Черниговскую область и вернулся въ Переяславль. Съ этого времени Черниговская область въ теченіе всего кіевскаго періода русской исторіи остается въ рукахъ Ольговичей. Съ этого времени и почти до конца XII в. опредѣляется и политика Ольговичей: борьба съ мономаховичами въ союзѣ съ половцами. Вслѣдствіе этого ольговичи не принимали участія въ походахъ другихъ князей на половцевъ почти до конца XII вѣка.

Эти отношенія къ половцамъ нѣсколько мѣняются, когда одинъ изъ ольговичей, Святославъ Всеволодовичъ (внукъ Олега Гориславича и правнукъ Святослава Ярославича) занимаетъ кіевскій престолъ (1182 г.). Какъ великій кіевскій князь, Святославъ Всеволодовичъ долженъ былъ продолжать осуществленіе одной изъ важнѣйшихъ задачъ этого княжества—борьбу съ кочевниками.

Вступивъ на престолъ, Святославъ Всеволодовичъ предпринялъ въ союзѣ съ другими князьями два большихъ похода противъ половцевъ (1183—1184). Походы были удачны: половцы потерпѣли пораженіе; русскимъ досталась богатая добыча и много плѣнныхъ, въ томъ числѣ ханъ половецкій Кобякъ. Игорь Святославичъ, князь новгородъ-сѣверскій, двоюродный братъ Святослава Всеволодовича, не принималъ участія ни въ первомъ, ни во второмъ походѣ: въ первый разъ изъ-за соперничества и ссоры, а во второй разъ изъ-за разлитія рѣкъ.

Удача Святослава Всеволодовича и бывшихъ съ нимъ князей возбудила зависть Игоря Святославича и вообще сѣверскихъ князей: «Развѣ мы уже не князья,—говорили они: добудемъ и мы такой же себѣ чести». Игорь рѣшилъ, не предупредивъ Святослава, предпринять вмѣстѣ съ другими сѣверскими князьями самостоятельный походъ на половцевъ. Этотъ походъ, предпринятый въ 1185 г., описанъ кратко въ Лаврентьевской лѣтописи и подробно въ Ипатьевской. На основаніи этихъ лѣтописей походъ Игоря представляется въ слѣдующихъ чертахъ.

Игорь Святославичъ, согласившись со своимъ братомъ Всеволодомъ изъ Трубчевска, сыномъ Владимиромъ изъ Пу-

тивля и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ изъ Рыльска предпринять сообща походъ, выѣхалъ изъ Новгородъ-Сѣверска 23-го апрѣля 1185 г. по направленію къ р. Донцу, который былъ границей между русской и половецкой областями. Князья шли медленно, собирая по дорогѣ

Родословная Святослава Ярославича.

Ярославъ Мудрый
(1019—1054).
↓
Святославъ (черниговскій и кіевскій)
(† 1076).
↓
Олегъ
(† 1115).
↓

Всеволодъ († 1146).		Святославъ († 1164).	
↓		↓	
Святославъ кіевскій (1182—1194).	Олегъ († 1180).	Игорь († 1202).	Всеволодъ († 1196).
	↓	↓	
	Святославъ (род. 1166 г.).	Владиміръ (1170—1212).	

дружину. Братъ Игоря, Всеволодъ, шелъ изъ Курска особой дорогой и долженъ былъ соединиться съ Игоремъ у р. Оскола. 1-го мая Игорь Святославичъ достигъ рѣки Донца. Приближался вечеръ. Игорь взглянулъ на небо и увидѣлъ, что происходитъ солнечное затменіе (солнце стоитъ, точно мѣсяцъ). Игорь сказалъ боярамъ и дружинникамъ: «Посмотрите-ка, что это значитъ»? Бояре и дружинники посмотрѣли на небо и опустили голову. «Князь,—сказали они Игорю,—не на добро это знаменіе». Игорь возразилъ имъ: «Братья и дружина! Тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменію всякому и всему міру творецъ — Богъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро, или на зло наше». Рѣшивъ, что солнечное затменіе можетъ оказаться дурнымъ предзнаменованіемъ не для русскихъ, а для половцевъ, Игорь приказалъ переправиться черезъ Донецъ, а затѣмъ онъ пришелъ къ Осколу и здѣсь два дня дожидался своего брата Всеволода. Соединившись съ братомъ, Игорь направился къ

рѣкѣ Сальницѣ. Здѣсь соглядатаи донесли, что половцы уже извѣщены о походѣ и готовы дать отпоръ; поэтому Игорю слѣдуетъ или поспѣшить напасть на половцевъ, или вернуться домой. Обсудивъ донесеніе соглядатаевъ, Игорь и князья рѣшили: «Если мы теперь, не бившись, возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти: поѣдемъ на милость Божію»! Князья продолжали путь. Они ѣхали всю ночь. Утромъ они прибыли къ р. Сюурлію. По ту сторону рѣки русскіе увидѣли половцевъ. Русскіе князья выстроили шесть полковъ: посрединѣ сталъ полкъ Игоря, по правую сторону—полкъ брата его Всеволода, по лѣвую—полкъ его племянника Святослава, впереди — полкъ его сына Владимира съ отрядомъ черниговскихъ ковуевъ (инородцевъ, находившихся въ русскомъ подданствѣ); впереди всѣхъ этихъ полковъ выдвинуты были стрѣльцы. Построились и половцы. Когда русскіе приблизились къ берегу, половецкіе стрѣлки пустили въ нихъ по стрѣлѣ и отступили къ своимъ полкамъ. Русскіе бросились переходить рѣку. Не успѣли они переправиться на противоположный берегъ, какъ и остальные половцы бросились бѣжать. Передовой русскій отрядъ погнался за ними: многіе половцы были перебиты или захвачены въ плѣнъ; другіе покинули свои вежи, и русскіе заняли ихъ. Побѣда вскружила головы князьямъ. Они говорили: «Братья наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль: въ землю половецкую они не смѣли войти; а мы теперь — въ самой землѣ половецкой перебили поганыхъ, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну. Теперь пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ. Если тамъ побѣдимъ ихъ, то пойдемъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь». По возвращеніи передового отряда изъ погони Игорь предложилъ князьямъ продолжать движеніе на половцевъ, чтобы не дать имъ опомниться отъ перваго удара. «Богъ, — говорилъ Игорь,—далъ намъ побѣду, честь и славу. Мы видѣли полки половецкіе —много ихъ было; но всѣ ли они были собраны? Пойдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ». Племянникъ Игоря, Святославъ Ольговичъ, возразилъ на это предложеніе: «Я далеко гнался за половцами и утомилъ лошадей. Если теперь опять поѣду, то

рискую въ дорогѣ отстать». Святослава Ольговича поддержалъ его дядя Всеволодъ Святославичъ. Рѣшено было переночевать.

На другой день на разсвѣтѣ русскіе неожиданно увидѣли передъ собою половецкія полчища. Русскіе князья были поражены. «Сами мы собрали на себя всю землю половецкую», сказалъ Игорь, и сталъ совѣтоваться съ князьями и боярами, какъ поступить. «Если мы побѣжимъ,—говорили князья,— то сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ передъ Богомъ, что ихъ выдали; ужъ лучше, умремъ ли, живы ли останемся, всѣ — на одномъ мѣстѣ». Придя къ такому рѣшенію, русскіе сошли съ коней и пѣшіе начали битву, хотя вслѣдствіе отсутствія воды изнемогали отъ жажды. Весь день бились русскіе; бились ночь. Много русскихъ было ранено и убито. На разсвѣтѣ ковуи дрогнули и побѣжали. Игорь, раненный еще въ началѣ сраженія и потому сѣвшій на лошадь, поскакалъ за ковуями, чтобы вернуть ихъ, но тутъ былъ захваченъ половцами въ плѣнъ. Окруженный половцами, Игорь видѣлъ, какъ братъ его Всеволодъ отбивался отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобы не быть свидѣтелемъ гибели своего брата. Но Всеволодъ не былъ убитъ: онъ также попался въ плѣнъ. Русскіе потерпѣли страшное пораженіе: спаслось только человѣкъ 15.

Въ то время, какъ Игорь совершалъ свой походъ, Святославъ Всеволодовичъ кіевскій находился въ Карачевѣ (въ странѣ Вятичей) и собиралъ войска, чтобы предпринять продолжительный походъ на половцевъ. Возвращаясь изъ Карачева, Святославъ у Новгородъ-Сѣверска узналъ, что Игорь съ братомъ пошли, не спросившись у него, въ походъ на половцевъ. Сильно разгнѣвался Святославъ Всеволодовичъ. Когда Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, ему дали знать о пораженіи, понесенномъ Игоремъ. Святославъ былъ сильно огорченъ. Онъ заплакалъ и сказалъ: «Ахъ, любезные мои братья и сыновья и бояре земли Русской! Богъ далъ бы мнѣ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую землю. Воля Господня да будетъ! Какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь мнѣ жаль его стало». Не одинъ только Святославъ кіевскій былъ огорченъ несчастіемъ: поднялся

плачъ въ Посемьѣ (область по рѣкѣ Сейму), въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ Черниговѣ по погибшимъ и попавшимъ въ плѣнъ: населеніе было въ отчаяніи. Зная, что половцы послѣ побѣды надъ Игоремъ низринутся на Русскую землю, Святославъ началъ поспѣшно собирать князей съ дружинами, чтобы дать половцамъ отпоръ.

Ожиданія Святослава и населенія оправдались: поднялись всѣ половцы и рѣшили произвести на Русь опустошительный набѣгъ. Когда на половецкомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, гдѣ нанести русскимъ ударъ, между ханами Кончакомъ и Кзой произошелъ споръ. Кончакъ предлагалъ: «Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій князь нашъ Бонякъ»; Кза предлагалъ другое: «Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти: тамъ собранъ намъ готовый полонъ, и мы безъ всякой трудности возьмемъ русскіе города». Половцы раздѣлились на двѣ партіи: Кончакъ пошелъ со своей ордой къ Переяславлю, а Кза — къ Путивлю. Русскіе князья, созываемые Святославомъ, собирались туго, причемъ между ними возникали всевозможныя ссоры и препирательства. Вслѣдствіе этого половцамъ удалось сжечь рядъ селеній, взять городъ Римовъ (Ромны) и съ богатой добычей вернуться въ степи.

Между тѣмъ Игорь жилъ въ плѣну. Половцы относились къ нему съ большимъ почетомъ. Хотя при Игорѣ приставлена была стража изъ 20 человѣкъ, однако онъ пользовался довольно большой свободой: ему позволялось ѣздить на охоту, куда только пожелаетъ, при чемъ онъ могъ брать съ собою изъ своихъ слугъ человѣкъ пять - шесть; распоряженія и требованія Игоря исполнялись его стражами безпрекословно. Предполагая, что плѣнъ его продолжится долго, Игорь уже распорядился выписать ему священника. Но Богъ рѣшилъ иное. Среди половцевъ нашелся нѣкій Лаворъ, которому пришла мысль уйти въ Русскую землю. Лаворъ предложилъ Игорю бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Сначала Игорь отказался, съ одной стороны, не довѣряя Лавору, а съ другой— изъ чувства княжеской чести: «Я, -говорилъ Игорь, для славы не бѣжалъ во время боя отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду». Вмѣстѣ съ Игоремъ въ плѣну находились его конюшій и сынъ тысяцкаго. Оба умоляли князя принять предложеніе Лавора. Игорь медлилъ. Въ это

время возвратились изъ подъ Переяславля половцы. Думцы Игоря опять приступили къ нему, говоря: «У тебя, князь, мысль высокая и Богу неугодная, ты все ждешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а о томъ не думаешь, какой слухъ идетъ: говорятъ, что Половцы хотятъ перебить всѣхъ князей и всю Русь. Такъ не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни». Изъ опасенія быть убитымъ Игорь рѣшился, наконецъ, принять предложеніе Лавора. Бѣжать нельзя было ни днемъ, ни ночью, такъ какъ за Игоремъ слѣдила стража, а только послѣ солнечнаго заката. Игорь черезъ своего конюшаго велѣлъ передать Лавору, чтобы тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ конемъ. Когда стемнѣло, половцы, по своему обыкновенію, напились кумыса. Пришелъ конюшій и сообщилъ Игорю, что Лаворъ готовъ. Съ трепетомъ поднялся Игорь, поклонился честному образу Спаса и молился: «Господи, сердцевѣдче! Спаси меня недостойнаго». Надѣвъ на себя крестъ и икону, Игорь выползъ изъ своего шатра. Стража, полагая, что Игорь спитъ, веселилась, а Игорь былъ уже за рѣкой и мчался по степи. Черезъ одиннадцать дней бѣгства Игорь достигъ Донца. Отсюда онъ направился къ Новгородъ-Сѣверску. Затѣмъ Игорь побывалъ въ Черниговѣ. Наконецъ, онъ явился въ Кіевъ къ Святославу—просить у него помощи противъ половцевъ. Всѣ князья обрадовались возвращенію Игоря и обѣщали оказать ему помощь.

246. Содержаніе «Слова о полку Игоревѣ». «Слово о полку Игоревѣ» распадается на пять частей: 1) вступленіе, 2) разсказъ о походѣ Игоря противъ половцевъ, 3) изложеніе послѣдствій похода, 4) бѣгство Игоря изъ плѣна и 5) краткое заключеніе.

1) **Первая часть.** Первая часть состоитъ изъ вступленія, въ которомъ, между прочимъ, характеризуется творческое дарованіе княжеско-дружиннаго пѣвца Бояна.

Въ началѣ своего «Слова» авторъ выражаетъ свое колебаніе, какъ разработать свою тему—неудачный походъ Игоря Святославича—въ стилѣ княжеско-дружиннаго пѣвца Бояна, или по современнымъ ему «былинамъ», т.-е. на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ. Авторъ склоняется къ послѣднему способу изображенія. Вѣщій Боянъ,—говоритъ авторъ,—задумавъ сложить въ честь какого-либо князя или событія

пѣснь, обыкновенно давалъ волю своей геніальной фантазіи: онъ растекался мыслью по дереву (т.-е., какъ объясняютъ нѣкоторые изслѣдователи, по родословному дереву русскихъ князей), сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облака. Воспроизводя въ своихъ пѣсняхъ времена первыхъ княжескихъ усобицъ, Боянъ какъ бы напускалъ десять соколовъ на стадо лебедей; первый лебедь, на котораго накидывался соколъ, начиналъ пѣть пѣсню старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (его брату), побѣдившему въ единоборствѣ Редедю, касожскаго князя, и прекрасному Роману Святославичу. То не десять соколовъ напускалъ Боянъ на стадо лебедей, а своими вѣщими перстами хваталъ живыя струны, и струны сами рокотали князьямъ славу. Начнемъ же нашу повѣсть отъ стараго Владимира и доведемъ ее до нынѣшняго Игоря, который закалилъ свой умъ своею силой, навострилъ свое сердце мужествомъ и, преисполнившись ратнаго духа, повелъ свои храбрые полки на землю половецкую на защиту земли Русской.

2) **Вторая часть**. Во второй части описывается походъ Игоря на половцевъ. Эта часть въ свою очередь распадается на слѣдующіе отдѣлы: а) вѣщее затменіе, б) отправленіе въ походъ и сраженіе, в) воспоминаніе объ усобицахъ, г) пораженіе и д) плачъ пѣвца.

а) Вѣщее затменіе.

Въ началѣ второй части «Слова» мы ожидали бы изложеніе, хотя бы и краткое, событій отъ стараго Владимира (т.-е., вѣроятнѣе всего, отъ Владимира св.) до Игоря. Но этого изложенія нѣтъ: повидимому, въ рукописи былъ пропускъ. Вмѣсто этого изложенія вторая часть начинается съ картины солнечнаго затменія, которую авторъ, нарушая хронологическую послѣдовательность событій, намѣренно предпосылаетъ своему повѣствованію съ цѣлью породить въ душѣ читателя мысль о неизбѣжности катастрофы.

«Тогда Игорь воззрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя (воина) прикрыты». И сказалъ Игорь къ дружинѣ своей: «Братье и дружино! Лучше-жъ потяту (изрублену) быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои борзые комони (кони), да позримъ синяго Дона»! Въ душѣ Игоря горѣло страстное желаніе попасть на рѣку Донъ, и это желаніе перессилило въ немъ страхъ передъ не-

беснымъ знаменіемъ: «Хощу бо, — рече, — копіе преломити (сразиться) конецъ (въ концѣ) поля (области) половецкаго; съ вами, русичи, хощу главу свою приложити, а любо (либо) испити шеломомъ (шлемомъ) Дону».

Чтобы замаскировать свой художественный пріемъ — перенесеніе позднѣйшаго событія къ началу своего разсказа,— авторъ, прежде чѣмъ перейти къ послѣдовательному изложенію своей повѣсти, снова обращается къ Бояну: «О, Боянъ, соловей стараго времени! Это тебѣ слѣдовало бы воспѣть эти походы, возносясь, о соловей, по мысленному древу, взлетая орломъ подъ облака, сплетая славные эпизоды обоихъ походовъ (Святослава и Игоря) нашего времени и рыща въ Троянову тропу (вѣроятно, валъ римскаго императора Трояна; валъ этотъ на значительномъ разстояніи тянется, между прочимъ, по нынѣшней Кіевской губ.) черезъ поля на горы. Это тебѣ слѣдовало бы сложить пѣснь въ честь Игоря, внука Олега. Ты бы такъ началъ свою пѣснь: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкія,—галици стады (стада галокъ) бѣжатъ къ Дону великому». Или, вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ, быть можетъ, ты такъ началъ бы пѣть: «Комони (кони) ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кыевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ».

б) Отправленіе въ походъ и сраженіе. Замаскировавъ свой художественный пріемъ, авторъ приступаетъ къ описанію похода. Игорь ждетъ своего брата Всеволода. Когда они встрѣтились, буй-туръ (ярый быкъ) Всеволодъ обратился къ Игорю со словами: «Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь. Оба мы - Святославичи. Сѣдлай же, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои готовы, осѣдланы еще у Курска. Мои куряне—опытные наѣздники, подъ трубами (военными) повиты, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены. Дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, тулы открыты, сабли наточены, а сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы».

Тогда Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце стало меркнуть и заступило ему путь тьмою. А ночью разыгралась гроза, проснулись птицы, раздался свистъ звѣрей. Завылъ наверху дерева Дивъ (образъ

горя-злосчастья) и подаетъ вѣсть невѣдомой землѣ—Волгѣ, Поморью, Посулью (область по р. Сулѣ), Сурожу (г. Судакъ), Корсуню (Херсонъ) и даже тамъ, гдѣ стоитъ истуканъ Тмутороканскій (на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей).

А половцы непроторенными дорогами уже побѣжали къ великому Дону: телѣги ихъ въ полночь скрипятъ, какъ разлетающіеся лебеди.

Игорь ведетъ войско къ Дону. Птицы уже чуютъ его бѣду: волки по оврагамъ предвѣщаютъ своимъ воемъ грозу; орлы своимъ крикомъ сзываютъ звѣрей на кости; лисицы лаютъ на багрянные щиты. О, Русская земля! Ты уже за горой!

Храбрые русичи загородили широкія поля своими багряными щитами, ища себѣ чести, а князю славы. Въ пятницу утромъ русскіе разбили поганыя полчища половецкія. Разсыпавшись по полю, они захватили красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и дорогіе оксамиты; плащей, тулуповъ, расписныхъ тканей столько досталось имъ, что русскіе мостили ими болота и грязные мѣста.

На другой день рано утромъ кровавая заря возвѣщаетъ свѣтъ. Отъ моря идутъ черныя тучи (т. е. полчища половцевъ), которыя хотятъ покрыть четыре солнца (т. е. четырехъ русскихъ князей); въ тучахъ дрожатъ синія молніи: быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Тамъ копья изломаются, тамъ сабли изрубятся о шлемы половецкіе, тамъ, на рѣкѣ Каялѣ (вѣроятно, Кагальникъ, впадающій въ Донъ), у великаго Дона. О, Русская земля! Ты уже за горою!

Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ уже съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоря. Гудитъ земля. Мутно текутъ рѣки; надъ полями стелется пыль, шелестятъ знамена. Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря и со всѣхъ сторонъ обступили русскіе полки. Яръ-туръ Всеволодъ! Ты стоишь въ бою, прыщешь стрѣлами на войско враговъ, гремишь объ ихъ шеломы мечами булатными. Гдѣ проскакалъ туръ, блеща своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ стелются поганыя головы половецкія, тамъ исцѣплены калеными саблями шлемы аварскіе—отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ!

в) Воспоминанія пѣвца объ усобицахъ. Отрываясь отъ

описанія битвы, авторъ уносится воспоминаніями въ историческое прошлое русскаго народа. Были вѣка Трояновы, миновали годы Ярославовы, возникли войны Олеговы, Олега Святославича; этотъ Олегъ мечомъ крамолу ковалъ и сѣялъ на землѣ стрѣлы. При немъ, при Олегѣ Гориславичѣ, сѣялись и росли усобицы; погибала жизнь русскаго народа, Дажьбожья внука: въ княжескихъ крамолахъ коротался вѣкъ людей. Тогда по Русской землѣ рѣдко кричали пахари; но зато часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, и поднимали говоръ галки, собираясь летѣть на кормъ. Такъ было въ тѣ времена. Но такой битвы, какъ битва Игоря съ половцами, еще не бывало.

г) Пораженіе. Съ утра до вечера, съ вечера до утра въ незнакомомъ полѣ среди земли Половецкой летятъ каленыя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья харалужныя (булатныя). Черная земля подъ копытами костьми была засѣяна, а кровью полита,—а взошла она тугою (печалью) по Русской землѣ.

Что тамъ шумитъ, что тамъ звенитъ такъ рано передъ зарею? То Игорь поворачиваетъ полки: ему жаль милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой. На третій день къ полудню Игоревы знамена пали. Тамъ, на берегу быстрой Каялы, разлучились два брата; тамъ не достало вина кроваваго; тамъ покончили пиръ храбрые русичи: сватовъ напоили, а сами легли за землю Русскую. Никнетъ трава отъ жалости, и дерево съ тугою (печалью) приклонилось къ землѣ.

д) Плачъ пѣвца. И вотъ, братья, настала невеселая година; уже нашу силу покрыла пустыня. Возстала обида въ силахъ Дажбожья внука, вступила дѣвою на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на синемъ морѣ и, плеща у Дона, пробудила воспоминанія о лучшихъ временахъ. Усобица князей—это гибель имъ отъ поганыхъ. Сказали они, братъ брату: «это—мое, и то—мое же»! Начали князья про малое говорить: «это великое»,—и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ побѣжали съ побѣдами на Русскую землю.

Далеко залетѣлъ нашъ соколъ, гоня птицъ къ морю. Но храбраго Игорева войска уже не воскресить! По Русской землѣ раздался вопль Карины (плакальщицы); Желя (образъ

вѣстницы мертвыхъ) понеслась, разнося погребальный пѣлъ въ пылающемъ рогѣ; жены русскія всплакались причитая: «Ужъ намъ своихъ милыхъ ладъ (родныхъ) ни мыслію смыслити, ни душою сдумати, ни очима соглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати».

Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, а Черниговъ съ напасти; разлилась тоска по Русской землѣ; печаль глубокая течетъ среди земли Русской. А князья сами на себѣ крамолу ковали, и поганые половцы, набѣгая съ побѣдами на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ со двора. Храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, снова навлекли бѣду, которую только что устранилъ - было Святославъ, грозный, великій князь кіевскій, ихъ отецъ. Онъ былъ, какъ гроза; наступилъ на землю Половецкую, разгромилъ ее своими сильными полками и стальными мечами, растопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, онъ выхватилъ какъ вихрь, и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ въ гридницѣ (дворцѣ) Святослава.

Тутъ нѣмцы и венеціанцы, тутъ греки и моравы поютъ Святославу славу и корятъ Игоря за то, что потопилъ онъ русское богатство на днѣ Каялы, половецкой рѣки, насыпавъ русскаго золота, и самъ Игорь пересѣлъ изъ золотого сѣдла—на сѣдло плѣнника.

3) **Третья часть**. Третья часть описываетъ а) сонъ великаго кіевскаго князя Святослава, б) передаетъ «золотое слово» Святослава, в) содержитъ воззваніе автора къ современнымъ ему князьямъ и г) передаетъ воспоминанія автора о прошломъ.

а) Сонъ великаго князя Святослава. Святославъ кіевскій видитъ тревожный сонъ, который онъ разсказываетъ своимъ боярамъ: «Съ вечера одѣвали меня чернымъ покровомъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, смѣшанное съ ядомъ; сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ порожними тулами поганыхъ половцевъ и нѣжили меня. А доски уже безъ князька (безъ перекладины, связывающей на верху крыши стропила) на моемъ златоверхомъ теремѣ. Всю ночь съ вечера каркали вороны. Я видѣлъ, что по загородью Плесенска (городъ на Волыни) бѣжала дебрь Кисаню (на-

ходившаяся въ Крыму на южномъ берегу Чернаго моря) и что я не могу сдвинуть ее обратно къ синему морю». И сказали Святославу бояре: «Князь! Печаль полонила твое сердце. Два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола, чтобы поискать города Тмутороканя или шлемомъ напиться воды съ Дону. И уже саблями поганыхъ подрублены крылья соколамъ, а ихъ самихъ спутали въ желѣзныя путы Темно стало на третій день: померкли два солнца, погасли оба багряные столба, а съ ними и два молодыхъ мѣсяца, Владиміръ и Святославъ, заволоклись тьмою. И потонули они въ морѣ, и великую дерзость придали хану половецкому. На рѣкѣ на Каялѣ уже тьма заступила свѣтъ. И по Русской землѣ простерлись половцы, какъ барсово гнѣздо. Уже вознеслась хула надъ хвалой, уже низринулся Дивъ на землю. Вотъ запѣли готскія красныя дѣвы на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ: воспѣваютъ онѣ Бусово (ханъ половецкій) время, лѣлѣютъ месть Шароканову (тоже ханъ половецкій; остатки готовъ, жившихъ въ Крыму, находились подъ властью половцевъ; вотъ почему готскія дѣвушки могли получать черезъ половцевъ золото русское и воспѣвать побѣду половцевъ надъ русскими). А мы, твоя дружина, уже чужды веселья»!

б) «*Золотое слово*» *Святослава*. Тогда великій Святославъ изронилъ золотое слово, орошенное слезами: «О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы стали половецкую землю мечами крушить, а себѣ тамъ славы искать. Да не съ честью вы одолѣли, ибо не съ честью пролили кровь поганыхъ. Ваши храбрыя сердца въ крѣпкомъ булатѣ закованы и въ буести (смѣлости) закалены. Но что же вы содѣяли моей серебряной сѣдинѣ? Уже я не вижу власти сильнаго и богатаго брата моего Ярослава и его многочисленнаго войска съ черниговскими бойцами... Они, бывало, безъ щитовъ, съ одними ножами, крикомъ полки побѣждаютъ, звеня славою прадѣдовъ. А вы сказали себѣ: мужаемся одни, одни возьмемъ предстоящую славу, одни подѣлимся славой прежней»! О, диво ли, братья, и старому помолодѣть! Когда соколъ перелиняетъ, высоко онъ избиваетъ птицъ: не дастъ своего гнѣзда въ обиду. Да то горе, что князья мнѣ не въ помощь; времена ни во что обратились»...

в) Воззваніе автора къ современнымъ русскимъ князьямъ.

Изложивъ «золотое слово» Святослава Всеволодовича, авторъ обращается съ воззваніемъ къ наиболѣе могучимъ изъ современныхъ ему русскихъ князей, прося ихъ объединиться противъ половцевъ.

Великій князь Всеволодъ (Юрьевичъ Суздальскій, Большое Гнѣздо!) Тебѣ не мыслью прилетать издалека, чтобы отцовскій золотой престолъ (т. е. кіевскій, которымъ владѣлъ Юрій Долгорукій, отецъ Всеволода) поблюсти. Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ вычерпать шеломами. Если бы ты былъ здѣсь, борьба съ половцами кончилась бы иначе: чага (плѣнница) продавалась бы по ногатѣ (мелкая монета: въ кунѣ—четыре ногаты), а кощей (плѣнникъ)—по рѣзанѣ (самая мелкая монетная единица).

Ты, смѣлый Рюрикъ и Давидъ (дѣти Ростислава, сына Мстислава Владимировича). Не вы ли золочеными шлемами въ крови плавали? Не ваши ли храбрые дружинники рыскаютъ, какъ туры, раненные калеными саблями, въ полѣ невѣдомомъ? Вступите же въ золотыя стремена, отомстите за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!

Галицкій князь, Осмомыслъ Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ; ты подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю (венгерскому), затворивъ ворота Дунаю, метая громады черезъ облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои текутъ по землямъ, отворяешь ты ворота Кіеву. Съ отцовскаго золотого престола стрѣляешь султановъ за землями; стрѣляй же, господине, Кончака, поганаго раба, за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

А ты, отважный Романъ и Мстиславъ (Романъ Мстиславовичъ Волынскій, Мстиславъ Романовичъ)! Храбрая мысль подвигаетъ вашъ умъ на дѣло. Высоко вы носитесь на дѣло въ отвагѣ, какъ соколъ, ширяясь на вѣтрахъ и стремясь въ ярости одолѣть птицу. У васъ желѣзные нагрудники подъ шлемами латинскими. Отъ нихъ уже дрогнула земля и многія страны: Ханская страна, Литва, Ятвяги и Половцы побросали свои копья и склонили свои головы подъ тѣ мечи булатные.

Храбрые князья Ольговичи, готовьтесь на брань! О, Игварь и Всеволодъ и Мстиславъ, всѣ три Мстиславича (сыновья

Ярослава, внуки Мстислава Владимировича, названы авторомъ по дѣду)! Не худого гнѣзда соколы — шестокрыльцы (съ шестью крыльями)! Не жребіемъ побѣдъ себѣ власть вы стяжали. Гдѣ же ваши золотые шлемы и ляшскія копья и багряные щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича!

г) Воспоминанія автора о минувшемъ. Послѣ своего воззванія къ русскимъ князьямъ авторъ предается воспоминаніямъ о князьяхъ полоцкихъ, которые не входили въ систему очередного княженія, но которые въ лицѣ Всеслава принимали участіе въ княжескихъ усобицахъ. Авторъ вспоминаетъ, какъ внуки Всеслава свою крамолою наводили на Русскую землю литовцевъ, и изображаетъ самого Всеслава, принимавшаго участіе въ раздорахъ сыновей Ярослава М.

Всеславъ, чародѣй, волхвъ-оборотень, о которомъ шла молва, что онъ родился отъ волхованія, въ 1066 г. завладѣлъ Новгородомъ, полонилъ его жителей и снялъ колоколъ у св. Софіи. Сыновья Ярослава М.—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ—отправились вмѣстѣ противъ Всеслава. На рѣкѣ Немигѣ (въ Минской губ.) они нанесли ему пораженіе, и Всеславъ бѣжалъ. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали къ Всеславу пословъ звать его на переговоры, причемъ дали клятву не причинить ему зла. Всеславъ повѣрилъ и явился въ шатеръ Изяслава. Здѣсь онъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями, приведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ тюрьму. Когда въ 1068 г. Ярославичи потерпѣли пораженіе отъ половцевъ и половцы принялись грабить русскую землю, кіевляне подняли противъ Изяслава мятежъ, освободили Всеслава изъ заключенія и провозгласили его великимъ кіевскимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Семь мѣсяцевъ княжилъ Всеславъ. Въ 1069 г. появился изъ Польши Изяславъ вмѣстѣ со своимъ союзникомъ Болеславомъ, королемъ польскимъ. Зная, что Изяславу окажутъ помощь его братья, Всеславъ не рѣшился вступить въ борьбу съ нимъ и ночью тайкомъ отъ кіевлянъ бѣжалъ изъ Бѣлгорода.

Объ этомъ Всеславѣ полоцкомъ авторъ вспоминаетъ въ поэтическихъ чертахъ, вѣроятно, по пѣснямъ Бояна. «На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ бросилъ жребій Всеславъ о дѣвѣ, ему милой. Сжалъ онъ бедрами коня, поскакалъ къ

городу Кіеву и коснулся копьемъ золотого престола Кіевскаго. И кинулся онъ лютымъ звѣремъ о полуночи отъ кіевлянъ, изъ Бѣлграда, повисъ въ синей мглѣ. А на утро ударилъ шпорами коня, отворилъ ворота Новгорода, расшибъ славу Ярославову и помчался волкомъ на Немигу. На Немигѣ-рѣкѣ не снопы стелютъ—головы, молотятъ цѣпями булатными: на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не зерномъ были засѣяны, засѣяны были костьми русскихъ сыновъ. Всеславъ-князь людямъ суды судилъ, князьямъ города рядилъ, а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи: изъ Кіева онъ еще до пѣтуховъ дорыскивалъ къ Тмутороканю, великому Хорсу волкомъ путь перерыскивалъ (т. е. до солнечнаго восхода): ему звонили рано въ колокола къ заутренѣ въ Полоцкѣ у св. Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хоть и вѣщая душа была въ его храбромъ тѣлѣ, но часто терпѣлъ бѣды. Ему то вѣщій Боянъ и прежде разумную припѣвку сложилъ: «ни хитрому, ни быстрому, будь онъ птицы быстрѣй, не миновать суда Божія»!

О, стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и прежнихъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить съ горамъ кіевскимъ! А знамена другого Владимира уже стали—одни Рюриковы, другіе Давыдовы, и ихъ знамена развѣваются врозь.

4) Четвертая часть. Четвертая часть распадается на два отдѣла: а) въ первомъ излагается плачъ-заклинаніе жены Игоря Евфросиніи, дочери Ярослава Осмомысла, б) во второмъ описывается бѣгство Игоря изъ плѣна.

а) Плачъ - заклинаніе Ярославны. Излагая въ этомъ мѣстѣ плачъ-заклинаніе Ярославны, авторъ переноситъ событіе болѣе раннее, имѣвшее мѣсто сейчасъ же послѣ пораженія Игоря, къ кануну бѣгства Игоря. Это—тотъ же художественный пріемъ, который примѣненъ былъ къ картинѣ солнечнаго затменія: предпосылая бѣгству Игоря плачъ-заклинаніе Ярославны, авторъ хотѣлъ породить въ душѣ читателя ожиданіе благополучнаго бѣгства Игоря изъ плѣна.

Слышенъ голосъ Ярославны. Одинокой зегзицей (кукушкой) взываетъ она съ утра: «Полечу,—говоритъ она,—зегзицей по Дунаю, омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, утру князю кровавыя его раны на могучемъ его тѣлѣ!» Ярославна плачетъ

съ утра въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая: «О, вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ, господине, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты на своихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на войско моего милаго? Мало ли тебѣ было простору въ вышинѣ подъ облаками вѣять, лелѣя корабли на синемъ морѣ»? Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ-городѣ на стѣнѣ: «О, славный Днѣпръ! Ты пробилъ себѣ каменныя горы черезъ землю Половецкую: ты лелѣялъ на своихъ волнахъ Святославовы ладьи до войска Кобякова; взлелѣй же, господине, моего милаго ко мнѣ, чтобы не слать мнѣ къ нему слезъ на море»! Ярославна плачетъ съ утра въ Путивлѣ на стѣнѣ, говоря: «Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и прекрасно. Зачѣмъ ты, господине, простерло свой горячій лучъ на воиновъ моего милаго? Въ полѣ безводномъ ты имъ жаждою луки свело, печалью имъ тулы замкнуло»!

б) Бѣгство Игоря изъ плѣна. Плачъ-заклинаніе Ярославны какъ бы производитъ свое волшебное дѣйствіе на стихіи природы.

Хлынуло море на полночь, идутъ столпы туманные. Игорю-князю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ... Игорь бодрствуетъ, Игорь мыслью поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Готовъ конь о полуночи. Свистнулъ Овлуръ (Лаворъ — по лѣтописи) за рѣкою: велитъ разумѣть князю... Князя Игоря ужъ нѣтъ! Всклинкнулъ—загудѣла земля, прошумѣла трава; всполошились шатры половецкіе. А Игорь-князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ; метнулся на борзаго коня, соскочилъ съ него босымъ волкомъ, помчался къ лугамъ Донца и полетѣлъ соколомъ въ туманѣ, настрѣливая гусей и лебедей на обѣдъ, завтракъ и ужинъ. Когда Игорь летѣлъ соколомъ, тогда Овлуръ мчался волкомъ, отряхая собою студеную росу: надорвали они своихъ борзыхъ коней. И говоритъ рѣка Донецъ: «О, князь Игорь! Не мало тебѣ величія, Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія»! Игорь говоритъ: «О, Донецъ! Не мало величія и тебѣ, что лелѣялъ ты князя на волнахъ своихъ, что ты стлалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ,

чернядями (порода утокъ) на вѣтрахъ... Не такова рѣка Стугна (впадаетъ въ Днѣпръ). Имѣя тощую струю, поглотивши чужіе ручьи, она прорыла протоки въ кустахъ, и юношу князя Ростислава (Всеволодовича, брата Владимира Мономаха) затворила при темныхъ берегахъ Днѣпровскихъ (во время пораженія, нанесеннаго въ 1093 г. половцами Святополку Изяславичу, Владиміру М. и его брату Ростиславу; Ростиславъ, переправляясь черезъ разлившуюся рѣку Стугну, погибъ на глазахъ у своего брата Владимира, который не могъ спасти его) И плачется Ростиславова мать по своемъ юномъ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, а деревья съ тугою (печалью) наклонились къ землѣ».

То не сороки застрекотали: то Гза съ Кончакомъ ѣдутъ по Игореву слѣду. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали: только ползуны (порода дятловъ) ползали. Дятлы своимъ стукомъ указываютъ путь къ рѣкѣ; соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ. И говоритъ Гза Кончаку: «Когда соколъ (т. е. Игорь) летитъ къ гнѣзду, то соколенка (т. е. сына Игоря, Владимира, оставшагося въ плѣну) мы разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами»! Отвѣчаетъ Гзѣ Кончакъ: «Когда соколъ летитъ къ гнѣзду, то соколенка мы опутаемъ красною дѣвицею»! (Владиміръ, дѣйствительно, женился въ плѣну на дочери Кончака). И говоритъ Гза Кончаку: «Когда мы опутаемъ его красною дѣвицею, не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и начнутъ насъ тогда бить птицы въ полѣ половецкомъ»!

5) **Пятая часть.** Пятая часть состоитъ изъ а) описанія пріѣзда Игоря въ Русскую землю и б) величанія князей и дружины.

а) Пріѣздъ Игоря въ Русскую землю. Сказалъ Баянъ-пѣснотворецъ стараго времени, Ярославова и Ольгова, о годинѣ Святославовой: «Когане! Хоть и тяжко головѣ безъ плечъ, но плохо и тѣлу безъ головы»! Такъ и Русской землѣ тяжко безъ Игоря. Свѣтитъ солнце на небѣ—Игорь-князь — въ Русской землѣ. Поютъ дѣвы на Дунаѣ: несутся пѣсни черезъ море до Кіева. Ѣдетъ Игорь по Боричеву-взвозу (дорога отъ днѣпровской пристани—въ Кіевѣ) къ святой Богородицѣ Пирогощей (церковь, въ которой находился образъ Богоматери, написанный св. Лукою и привезенный

изъ Константинополя купцомъ Пирогощею). Всѣ страны рады, города веселы.

б) *Величаніе князей и дружины.* Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а теперь воспоемъ молодыхъ: «Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, борющіеся за христіанъ съ полчищами невѣрныхъ! Слава князьямъ и дружинѣ»! Аминь.

247. Комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ «Слова о полку Игоревѣ». Нѣкоторыя мѣста и слова въ «Словѣ о полку Игоревѣ» требуютъ особыхъ разъясненій. Къ числу ихъ относятся: 1) эпизоды о Боянѣ. 2) выраженіе «старый Владимиръ», 3) имя Троянъ и 4) припѣвки о Дунаѣ.

1) **Пѣвецъ Боянъ.** Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» четыре раза упоминаетъ о пѣвцѣ «стараго времени», Боянѣ. Онъ характеризуетъ пріемы его творчества, причемъ по этой характеристикѣ Боянъ выступаетъ съ чертами геніальнаго поэта княжескихъ дѣяній. Авторъ дѣлаетъ его пѣвцомъ XI в.: Боянъ въ своихъ пѣсняхъ изображалъ эпоху первыхъ междоусобій, возникшихъ уже въ началѣ княженія стараго Ярослава (Мудраго); онъ воспѣвалъ чародѣя-оборотня Всеслава полоцкаго. Словомъ, Боянъ располагалъ богатымъ поэтическимъ репертуаромъ устнаго классового творчества. Дѣйствительно ли былъ у насъ поэтъ-пѣвецъ XI в. съ именемъ Бояна? Изъ лѣтописей мы не знаемъ ни о какомъ Боянѣ. На этомъ основаніи многіе изслѣдователи отрицаютъ дѣйствительное существованіе поэта съ именемъ Боянъ; они предполагаютъ, что имя «Боянъ» — не русское и заимствовано авторомъ изъ болгарской литературы, что словомъ Боянъ авторъ обозначаетъ Гомера, что обращеніе автора къ Бояну есть не болѣе, какъ условный художественный пріемъ, за которымъ не скрывается ничего реальнаго.

Другіе изслѣдователи полагаютъ, что отсутствіе въ лѣтописяхъ малѣйшаго намека на существованіе геніальнаго пѣвца съ именемъ Боянъ не можетъ служить доказательствомъ того, что такого лица не было: пѣвецъ Боянъ, славившій на княжескихъ пиршествахъ подвиги князей, не представлялъ для лѣтописцевъ историческаго интереса, потому о немъ они и не упомянули. Но что у насъ существовали княжескіе пѣвцы-поэты, это несомнѣнно: объ этомъ

сохранились въ нашей древней литературѣ приведенные выше намеки (§§ 165—167). Что касается упоминаемаго авторомъ «Слова о полку Игоревѣ» пѣвца Бояна, то въ его существованіи едва ли можно сомнѣваться: во-первыхъ, авторъ, говоря о Боянѣ, указываетъ историческую эпоху, отразившуюся въ его пѣсняхъ, перечисляетъ князей, воспѣтыхъ имъ, приводитъ отрывки изъ его пѣсенъ (напр., изображеніе Всеслава полоцкаго); во-вторыхъ, точность автора въ передачѣ историческихъ фактовъ не позволяетъ относиться съ сомнѣніемъ къ его ясному указанію на существованіе пѣвца-поэта Бояна.

2) **Старый Владимиръ**. Подъ именемъ «стараго» Владимира одни изслѣдователи разумѣютъ Владимира Мономаха, а другіе Владимира св. Первое мнѣніе едва-ли основательно. Во-первыхъ, Владимиръ М. умеръ лѣтъ за шестьдесятъ до походя Игоря; поэтому называть «старымъ» Владимира М. было бы нѣсколько страннымъ. Во-вторыхъ, авторъ прилагаетъ эпитетъ «стараго» къ Ярославу М.; это ясно указываетъ на то, что подъ старымъ Владимиромъ надо разумѣть Владимира св. Въ связи съ именемъ Владимира находится слѣдующая загадочная фраза автора: «Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ, сего бо нынѣ стаза стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы». Первая половина фразы имѣетъ въ виду, очевидно, Владимира св., а вторая—Владимира Мономаха. Родъ Мономаха раздробился на отдѣльныя линіи, и нѣтъ между ними единства,— вотъ что, вѣроятно, хочетъ сказать авторъ второю половиною фразы. Гораздо труднѣе объяснить смыслъ словъ автора о старомъ Владимирѣ. Быть можетъ, авторъ хотѣлъ сказать, что политика Владимира св. чужда была мѣстнаго спеціально кіевскаго отпечатка, что она отличалась широкимъ общерусскимъ характеромъ?

3) **Троянъ**. Имя Трояна встрѣчается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «были вѣчи (вѣка) Трояни», «рища въ трону Трояню чресъ поля на горы», «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескула лебедиными крылы на синемъ морѣ, у Дону плещущи», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни верже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу». Имя Троянъ объясняютъ различно: одни видятъ въ немъ отголоски сказаній о троянской

войнѣ (§ 130). которыя могли быть знакомы автору: другіе думаютъ, что Троянъ—образъ миѳическаго существа, заимствованный авторомъ у болгаръ; третьи думаютъ, что подъ именемъ Трояна надо разумѣть римскаго императора Траяна (98--117 гг. Р. Х.). Вѣроятнѣе послѣднее объясненіе. Троянъ завоевалъ Дакію (нынѣшнюю Румынію съ Бессарабіей) и для огражденія этой римской окраины отъ нападеній кочевниковъ-скиѳовъ провелъ нѣсколько валовъ, проходящихъ черезъ нынѣшнюю Бессарабію, Кіевскую губ. и извѣстныхъ подъ именемъ Траяновыхъ валовъ. Авторъ могъ имѣть свѣдѣнія объ имп. Траянѣ, почерпнутыя, съ одной стороны, изъ хроники Константина Манассіи, а съ другой,—изъ преданій о траяновыхъ валахъ. Этими свѣдѣніями авторъ могъ воспользоваться для того, чтобы связать имя Траяна съ наиболѣе древнею эпохою, какую онъ только зналъ въ отношеніи къ южной части русской равнины; слѣдовательно, вѣка Трояновы — это самое древнее время, предшествовавшее эпохѣ стараго Владимира; тропа троянова, по которой рыщетъ Боянъ черезъ поля на горы, — это Траяновъ валъ, идущій изъ степей къ горамъ кіевскимъ; земля Трояна— это, очевидно. южно-русскія степи; наконецъ, на седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ значитъ — по прошествіи многихъ вѣковъ отъ эпохи Траяна.

4) **Припѣвки о Дунаѣ.** Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» встрѣчаются припѣвки и слова о Дунаѣ. Передъ плачемъ Ярославны стоитъ фраза: «Копія поютъ на Дунаи». Ярославна плачетъ: «Полечу зегзицей по Дунаеви». Авторъ сообщаетъ, что по возвращеніи Игоря домой «дѣвици поютъ на Дунаи». Припѣвки о Дунаѣ-рѣкѣ, встрѣчающіяся и въ устномъ творчествѣ, объясняются, помимо воспоминаній о томъ періодѣ, когда славяне жили на Дунаѣ, еще и тѣмъ, что нѣкоторыя событія изъ древне-русской исторіи тѣсно связаны съ Дунаемъ. Такъ, въ лѣтописяхъ въ теченіе всего XII в. повѣствуется о столкновеніяхъ съ половцами на Дунаѣ, причемъ русскіе князья сажаютъ посадниковъ по Дунаю въ подунайскихъ городахъ. Такимъ образомъ, рѣка Дунай играла важную роль въ столкновеніяхъ русскихъ съ половцами. Поэтому она и фигурируетъ въ устномъ творчествѣ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

248. Связь «Слова о полку Игоревѣ» съ устнымъ

творчествомъ. «Слово о полку Игоревѣ» по пріемамъ творчества находится въ тѣсной связи съ устнымъ творчествомъ—общенароднымъ и классовымъ, княжеско-дружиннымъ. Самъ авторъ въ началѣ своего произведенія выражаетъ свое колебаніе, какъ воспѣть походъ Игоря, «по замышленію Боянѣ», «старыми словесы», т. е. по пріемамъ устнаго княжеско-дружиннаго творчества, или «по былинамъ сего времени», т. е. точно воспроизводя историческіе факты. Склонившись ко второму способу изображенія, авторъ, однако, не могъ освободиться отъ древнерусской анимистической точки зрѣнія и въ своемъ изображеніи похода Игоря воспользовался цѣлымъ рядомъ пріемовъ устнаго творчества, поскольку примѣненіе ихъ не противорѣчило исторической истинѣ.

Вся природа представляется автору «Слова», какъ и пѣвцамъ-поэтамъ княжеско-дружиннаго эпоса, обществомъ живыхъ существъ. Солнце для него — Дажьбогъ или Хорсъ; вѣтры—это внуки Стрибога; Боянъ — внукъ Велеса. Это — отголоски замиравшаго древнерусскаго язычества. Въ плачѣ-заклинаніи Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и солнцу прилагается эпитетъ «господине»—знакъ того, что Ярославна смотритъ на вѣтеръ, Днѣпръ и солнце, какъ на живыя существа, способныя услышать ея мольбы-заклинанія и поддаться ихъ вліянію. Природа, въ изображеніи автора, принимаетъ дѣятельное участіе въ горѣ и радости русскихъ. Зная о предстоящей гибели русскаго войска, она въ цѣломъ рядѣ явленій дѣлаетъ свои предостереженія: происходитъ солнечное затменіе, ночью разыгрывается гроза, звѣри воютъ. Дивъ кличетъ на верху дерева. Передъ битвой волки воютъ по оврагамъ, орлы сзываютъ своимъ крикомъ звѣрей на кости. Когда русскіе потерпѣли пораженіе, трава поникла отъ жалости, дерево отъ печали преклонилось къ землѣ. Наоборотъ, когда Игорю удается бѣжать изъ плѣна и по его слѣдамъ бѣгутъ Гза съ Кончакомъ, природа выражаетъ свою радость и даже помогаетъ бѣгству: тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали—только ползуны ползали, дятлы своимъ стукомъ указывали путь къ рѣкѣ, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщали; Донецъ «лелѣялъ» Игоря на волнахъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ,

чернядями (утками) на вѣтрахъ, и за это Игорь обращается къ Донцу съ благодарственной рѣчью.

Съ чертами живыхъ существъ изображаются авторомъ и отвлеченныя понятія, какъ, напр., горе, бѣда, Карина, Жля и др. Горе, бѣда представлены въ образѣ дѣвы-обиды, вставшей въ силахъ Дажьбожья внука, и плещущей лебедиными крылами на синемъ морѣ у Дона: это—образъ, сходный съ тѣмъ, который попадается въ похоронныхъ пѣсняхъ (§ 43). Карина (отъ глагола карити, т. е. причитать)—олицетвореніе причитанія по умершимъ). Жля (отъ глагола жалѣть)—олицетвореніе жалости по умершимъ.

Основные пріемы творчества въ «Словѣ о полку Игоревѣ» тѣ же, что и въ устномъ творчествѣ — общенародномъ и классовомъ, т.-е. прежде всего вытекающій изъ анимистическаго міровоззрѣнія параллелизмъ всѣхъ видовъ.

1) **Положительный параллелизмъ.** Примѣръ: «Солнце свѣтится на небѣ—Игорь князь въ русской землѣ».

2) **Отрицательный параллелизмъ.** Наиболѣе характернымъ для русскаго устнаго творчества параллелизмомъ является отрицательный. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» есть примѣры и такого параллелизма: «Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше», «Немизѣ кровавѣ брезѣ не бологомъ (благомъ, добромъ) бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ», «Не буря соколы занесе черезъ поля широкая—галици стады бѣжать къ Дону великому», «А не сороки втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ».

3) **Символистическій параллелизмъ.** Символистическій параллелизмъ, встрѣчающійся въ «Словѣ о полку Игоревѣ», двоякаго рода: а) символистическія сравненія и б) символистическія картины.

а) Символистическія сравненія. Примѣры: плачущая Ярославна представляется въ образѣ зегзицы (кукушки), которая символизируетъ тоскующую женщину; Ярославна «зегзицею незнаемь рано кычеть: полечу, рече, зегзицею по Дунаеви»; Игорь и Всеволодъ, попавшіе въ плѣнъ къ половцамъ, — представлены въ образѣ соколовъ, слетѣвшихъ съ отцовскаго золотого престола и опутанныхъ желѣзными путами; четыре князя, окруженные полчищами половцевъ, пред-

ставлены четырьмя солнцами, закрытыми черными тучами, въ которыхъ блещутъ синія молніи; бракъ представляется въ образѣ опутыванія: «Аще соколъ ко гнѣзду летитъ, а вѣ сокольца опутаевѣ красною дѣвицею»; битва представлена въ образахъ полевыхъ работъ или свадебнаго пира: «Черна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Русской земли»; «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чети (цѣпами) харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла»; «Ту кроваваго вина не даста; ту пиръ докончаша храбріи русичи, сваты напоиша, а сами полегоша за землю Русскую».

б) *Символистическія картины*. Къ числу такихъ картинъ относятся, напр., картина солнечнаго затменія, предпосланная походу Игоря, картина бури передъ пораженіемъ, сонъ Святослава и плачъ-заклинаніе Ярославны, предпосланный бѣгству Игоря изъ плѣна.

4) **Сравнительный параллелизмъ**. Примѣры: «Баянъ растекается сѣрымъ волкомъ по землѣ и взлетаетъ сизымъ орломъ подъ облака», «Куряне скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ», «Телѣги половцевъ скрипятъ, какъ разлетающіеся лебеди», «Дружина рыкаетъ, какъ туры», «Романъ и Мстиславъ несутся въ дѣло, какъ соколъ, ширяясь на вѣтрахъ и стремясь въ ярости одолѣть птицу», «Всеславъ кинулся лютымъ звѣремъ отъ кіевлянъ, помчался волкомъ на Немигу, волкомъ перескакивалъ путь Хорсу», «Игорь скачетъ горностаемъ къ тростнику, плыветъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ, соскакиваетъ съ коня босымъ волкомъ, летитъ соколомъ въ туманѣ».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» обычно также употребленіе и такихъ пріемовъ творчества, какъ эпитеты, тавтологіи и повторенія.

1) **Эпитеты**. Эпитетовъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» множество, причемъ постоянные эпитеты—тѣ же, что и въ устномъ творчествѣ: «стрѣлы каленыя», «борзъ комонь», «сѣрый волкъ», «красныя дѣвы», «лютый звѣрь», «острая сабля», «чисто поле», «синее море», «сизый орелъ», «воронъ черный» и т. д.

Изъ другихъ эпитетовъ, принадлежащихъ автору «Слова», можно отмѣтить слѣдующіе: Донъ у него называется «синимъ» и «великимъ», Боянъ — «вѣщимъ», Днѣпръ — «Славутичемъ» (славнымъ), Всеволодъ — «ярымъ буй-туромъ» (зубромъ), стремя—«княжескимъ», престолъ, слово — «золотыми».

2) **Тавтологіи**. Примѣры: «Трубы трубятъ Новѣградѣ», «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю», «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати».

3) **Повторенія**. Слѣдующія выраженія повторяются въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «Ищущи себѣ чти, а князю славы», «О Русская земля! Уже за шеломенемъ еси!», «А Игорева храбраго полку уже не кресити (воскресить)», «За землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославича», «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на заборолѣ (городской стѣнѣ), аркучи (говоря)».

249. Связь съ византійской и современной автору русской литературой. «Слово о полку Игоревѣ» находится въ связи не только съ устнымъ княжеско-дружиннымъ творчествомъ, но и съ творчествомъ письменнымъ: 1) византійскимъ и 2) русскимъ.

1) **Связь съ византійской письменностью**. Изъ цѣлаго ряда выраженій видно, что авторъ былъ знакомъ съ византійской переводной литературой. Таково, напр., выраженіе: «По Русской земли прострошася половци, аки нарду же гнѣздо», т. е. леопардово гнѣздо. Въ русской фаунѣ леопардовъ не было, и образъ этихъ звѣрей могъ быть навѣянъ Византіей въ предѣлахъ которой леопарды существовали. Изслѣдователи отмѣчаютъ переводную статью подъ заглавіемъ «Указъ Господа нашего Іисуса Христа». Въ этой рукописи перечисляются разныя народы и указываются при этомъ тѣ звѣри и животныя, которыми они нѣкогда символизировались. Такъ, о половцахъ (куманахъ, какъ они назывались у греческихъ и римскихъ писателей) въ ней говорится: «Куманинъ пардосъ есть». Въ предѣлахъ Византія, а слѣдовательно, и въ византійской литературѣ уподобленіе половцевъ леопардамъ было общераспространеннымъ. Византійской литературой, вѣроятно, навѣяно и слѣдующее выраженіе о Боянѣ: «Своя вѣщія персты на живыя струны воскладаша, они же сами княземъ славу рокотаху». Именно, въ апокрифическомъ «Словѣ о пророцѣхъ» есть такая фраза: «Пущу слово мое на землю, да спасу люди отъ льсти сотонины, ему же глаголаше Давидъ, сѣдя въ преисподнѣмъ адѣ, накладая многоочитая персты на живыя струны, а вспоемъ пѣснь тихія и веселыя, дружина моя». Встрѣчаются въ переводныхъ «Сло-

вахъ такія выраженія: «Славію (соловью) нѣкоему велегласну подобяся наше слово», «Летая мыслью подъ небесемъ, яко орелъ». У Іосифа Флавія изслѣдователями отмѣченъ рядъ выраженій, напоминающихъ выраженія автора «Слова о полку Игоревѣ»: «Подострите души ваша на мести», «Исполнившеся ратнаго духа» и др. Въ сказаніяхъ о Соломонѣ встрѣчаются такія же выраженія: когда донесли Соломону, что царица его увезена вмѣстѣ съ гробницею, онъ растужился и «падъ на землю и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море и не нашелъ».

2) **Связь съ русской литературой.** Рядъ выраженій въ «Словѣ о полку Игоревѣ» находятъ себѣ параллели и въ древнерусской литературѣ, предшествовавшей автору и современной ему. Примѣры: «Рати бо належащи и трубѣ воиньстѣй трубящи... они (воины) за тщю (тощую, ничтожную) славу и изгибающую не помнятъ ни жены, ни дѣтей, ни имѣнія; да что мню имѣніе, еже есть хуже всего—но и главы своея ни во что же помнятъ, дабы имъ не посрамленнымъ быти» (въ «Словахъ» Ѳеодосія Печерскаго); «великаго кагана нашея земля Владимира, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словуть» (въ «Словѣ о законѣ и благодати»); «устремишася на ня, акы звѣріе дивіи», «не лѣпо намъ, братіе», «лѣпо бы намъ, братіе, надежю имѣти» (въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, написанномъ преп. Несторомъ).

Есть и кое-какія связи между «Словомъ о полку Игоревѣ» и лѣтописными разсказами объ этомъ походѣ. Такъ, Ипатьевская лѣтопись, какъ и «Слово о полку Игоревѣ», не даетъ описанія солнечнаго затменія, а передаетъ лишь разговоръ по этому поводу между Игоремъ и дружиною. Особенно замѣчательно сходство въ оборотѣ рѣчи о затменіи. Въ «Словѣ» говорится: «Тогда Игорь воззрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него»... Въ Ипатьевской лѣтописи разсказъ о затменіи начинается такъ «Игорь же воззрѣвъ на небо и видѣ солнце»... Въ Лаврентьевской лѣтописи, князья, предпринявшіе походъ, называются «Ольгови внуци», «Ольговичи»,—въ «Словѣ» — тоже Ольговичи. Въ ней же сооб-

щается, что русскіе «изнемогли бо ся бяхуть безводьемъ и кони, и сами въ знои и въ тузѣ (печали)»—въ плачѣ Ярославны — «въ полѣ безводнѣ жаждою имъ лучи (луки) сопряже, тугого имъ тули затче». О возвращеніи изъ плѣна Игоря Лаврентьевская лѣтопись сообщаетъ въ такихъ словахъ: «и по малыхъ днехъ ускочи Игорь князь у половци: не оставить бо Господь праведнаго въ руку грѣшничю». Въ Ипатьевской лѣтописи разсказывается, что послѣ затменія рѣшено было не возвращаться назадъ безъ битвы, потому что «не бившися возвратитися соромъ (срамъ) ны будетъ пуще и смерти»; послѣ этого Игорь ѣдетъ черезъ ночь, «а заутра же пятоку наставшу устрѣтоша полкы половецкія (въ «Словѣ»: «Игорь къ Дону вои ведетъ... ночь меркнетъ... съ заранія въ пятокъ потопташа полки половецкія»). Въ Ипатьевской лѣтописи разсказывается почти такъ же, какъ и въ «Словѣ», о попыткѣ Игоря вернуть побѣжавшіе полки и о жалости къ брату Всеволоду. (Въ «Словѣ»: «Игорь полкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода»; въ лѣтописи: «держимъ же (т. е. будучи захваченъ въ плѣнъ) Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася и проси души своей смерти, яко да бы не видѣлъ паденія брата своего»). Сходны нѣсколько слова Святослава кіевскаго и въ томъ, и въ другомъ произведеніи. (Въ лѣтописи: «О люба моя братья и сынове и мужіе земли Русской! Не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю». Въ «Словѣ»: «О моя сыновья... рано еста начаша Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати»...). Есть, наконецъ, сходство въ описаніи возвращенія Игоря.

250. Идея «Слова о полку Игоревѣ». Во второй половинѣ XII-го в. Кіевское княжество представляетъ изъ себя печальную картину разложенія: изъ обширнаго нѣкогда государства цѣлый рядъ областей выдѣлился въ самостоятельныя экономическія и общественно-политическія организаціи, какъ, напр., Новгородъ, Ростово-Суздальская земля, Галиція и Волынь, Черниговъ, Кіевъ и т. д. Каждая изъ этихъ областей имѣетъ свои интересы и задачи, осуществленіе кототрыхъ стоитъ для каждой изъ нихъ на первомъ планѣ. Князья боятся другъ друга, соперничаютъ другъ съ другомъ; каждый изъ нихъ старается ослабить своего противника и сосредоточить въ своихъ рукахъ побольше силы. Общихъ

интересовъ у этихъ князей нѣтъ, и потому нѣтъ у нихъ и идеи общерусскаго интереса, общерусскихъ государственныхъ задачъ.

Кіевское княжество, находившееся на границѣ со степью, имѣло свою важную вѣковую задачу — борьбу съ кочевниками. Эта задача для Кіевскаго княжества имѣла реальное значеніе: только неустанной борьбой съ кочевниками можно было создать условія для мирнаго труда въ предѣлахъ княжества. Изъ другихъ княжествъ, кромѣ Кіевскаго, въ успѣшномъ осуществленіи этой задачи былъ заинтересованъ Переяславль. Менѣе всего заинтересованы были въ ней другія южныя княжества, какъ Галиція и Волынь, Черниговъ. Черниговъ политикой дружественныхъ союзовъ съ половцами успѣлъ со времени Олега Святославича обезпечить себѣ на цѣлый вѣкъ спокойствіе отъ нихъ безъ борьбы съ ними. Галиція и Волынь уже своимъ положеніемъ на крайнемъ западѣ Руси были болѣе или менѣе гарантированы отъ половецкихъ нашествій. Въ силу такого различнаго значенія половцевъ для жизни каждаго изъ южныхъ княжествъ между ними не могло быть общаго соглашенія и общихъ дѣйствій относительно половцевъ. Никакой роли половцы не играли въ жизни сѣверныхъ княжествъ. Слѣдовательно, о соглашеніи между Кіевомъ и Ростово-Суздальской, напр., землей по вопросу о половцахъ не могло быть и рѣчи. Напротивъ, Ростово-Суздальскіе князья могли только радоваться всякой неудачѣ, постигавшей Кіевъ въ борьбѣ съ половцами, такъ какъ всякая такая неудача только ослабляла Кіевъ.

Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» отражаетъ именно тогдашнее взаимоотношеніе другъ къ другу русскихъ княжествъ и русскихъ князей, отмѣчаетъ стремленіе всякаго русскаго князя больше всего хлопотать о собственномъ усиленіи на счетъ другихъ князей, подчеркиваетъ господство у русскихъ князей частичныхъ интересовъ и отсутствіе интереса къ общерусскому благу и этимъ объясняетъ успѣшность половецкихъ набѣговъ: «Усобица князей, — говоритъ авторъ,—это гибель имъ отъ поганыхъ. Сказали они братъ брату: это — мое, и то — мое же! Начали князья про малое говорить—это великое, и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ набѣгали съ побѣдами на Русскую землю».

Скорбя объ усобицахъ князей, авторъ старается подѣйствовать на ихъ психику картиной неудачнаго похода, самонадѣянно предпринятаго Игоремъ, заставить ихъ забыть свои частные интересы, сплотиться вмѣстѣ въ одной общей цѣли — выступить походомъ на половцевъ и отомстить за раны Игоря. Такимъ образомъ, основная идея «Слова о полку Игоревѣ» можетъ быть формулирована такъ: русскіе князья, обезсиливающіе своими усобицами русскую землю, должны вспомнить объ общерусскомъ интересѣ, о половцахъ и, сплотившись вмѣстѣ, нанести имъ рѣшительный ударъ.

251. Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» и его цѣль. «Слово о полку Игоревѣ» въ пріемахъ поэтическаго творчества чрезвычайно сходно съ нашей устной поэзіей. Этотъ фактъ привелъ нашихъ прежнихъ изслѣдователей къ выводу, что «Слово о полку Игоревѣ» первоначально было устнымъ произведеніемъ, слѣдовательно, продуктомъ коллективнаго творчества (классового) и что уже впослѣдствіи оно записано было какимъ-нибудь любителемъ-книжникомъ. Болѣе внимательное изученіе этого памятника привело къ убѣжденію въ полной несостоятельности такого вывода.

Во-первыхъ, если бы «Слово о полку Игоревѣ» было первоначально устнымъ произведеніемъ, то была бы страннымъ явленіемъ историческая точность въ передачѣ фактовъ; при устной передачѣ факты искажаются, перепутывается; между тѣмъ, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминается до 30 русскихъ князей, изъ нихъ многіе незначительные и мало извѣстные, но въ совершенномъ согласіи съ лѣтописями. *Во-вторыхъ*, произведенія коллективнаго устнаго творчества по процессу своего возникновенія не могутъ быть точно пріурочены къ опредѣленному году, между тѣмъ какъ появленіе «Слова о полку Игоревѣ», на основаніи соображеній, приведеныхъ выше (§ 244), должно быть пріурочено къ опредѣленному году, именно къ 1187 г.

Итакъ, «Слово о полку Игоревѣ» не можетъ быть признано устнымъ произведеніемъ, записаннымъ лишь впослѣдствіи любителемъ-книжникомъ. Это есть произведеніе письменнаго, личнаго творчества. Авторъ произведенія—отдѣльное лицо. Кто же онъ такой былъ? По этому вопросу существуютъ два мнѣнія.

По первому мнѣнію авторомъ «Слова о полку Игоревѣ» было лицо, близкое къ герою похода, Игорю Святославичу, слѣдовательно, дружинникъ Игоря, вѣроятнѣе всего, участникъ похода. Это мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: *во-первыхъ*, походъ Игоря на половцевъ и его пораженіе не представляютъ во второй половинѣ чего либо выдающагося, и потому сдѣлать это ничтожное событіе предметомъ поэтическаго воспроизведенія могло только мѣстное лицо, лицо, близкое къ Игорю и раздѣлявшее его интересы; *во-вторыхъ*, только лицо, близкое къ Игорю, раздѣлявшее его интересы, могло съ такою подробностью говорить о походѣ Игоря; *въ-третьихъ*, только лицо принадлежащее къ дружинѣ Игоря могло съ такимъ сочувствіемъ изобразить бѣдствіе, поразившее Игоря.

Это мнѣніе въ теченіе долгаго времени было господствующимъ. Но затѣмъ научная критика подвергла сомнѣнію нѣкоторыя изъ его основаній. *Во-первыхъ*, замѣчено было, что авторъ «Слова о полку Игоревѣ» чрезвычайно скупъ въ передачѣ фактовъ изъ исторіи похода Игоря: онъ не столько передаетъ факты, сколько намекаетъ на нихъ; если бы мы не располагали двумя разсказами изъ лѣтописей, то многіе намеки автора остались бы для насъ непонятными; для такого описанія похода не надо было быть не только участникомъ его, но и лицомъ, вообще близкимъ къ Игорю, мѣстнымъ: авторомъ могло быть лицо, совершенно чуждое сѣверской области, пользовавшееся для своего «Слова» разсказами другихъ людей. *Во-вторыхъ*, внимательное изученіе «Слова о полку Игоревѣ» обнаружило, что авторъ далеко не относится къ Игорю съ такимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какія предполагалось раньше, и которыя, дѣйствительно, совершенно умѣстны были бы, если бы авторъ принадлежалъ къ Игоревой дружинѣ. Авторъ, напр., изображая битву съ половцами, совершенно не упоминаетъ о томъ, что Игорь получилъ въ сраженіи рану; говоря о возвращеніи Игоря изъ плѣна, авторъ не упоминаетъ объ его пріѣздѣ въ родной городъ—Новгородъ-Сѣверскъ. Для лица, близкаго къ Игорю и сочувствующаго ему, — это большой и непонятный промахъ. Далѣе, страннымъ кажется съ точки зрѣнія разсматриваемаго мнѣніе, что авторъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ говоритъ о братѣ Игоря — Всеволодѣ. Но особенно удивительнымъ съ точки

зрѣнія этого мнѣнія должно казаться то, что авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія позволяетъ себѣ косвенно задѣвать Игоря. Такъ, въ «золотомъ словѣ» Святослава Кіевскаго есть слѣдующія жесткія по адресу Игоря и Всеволода слова: «О моя сыновца, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити (сокрушать), а себѣ славы искати; но *нечестно* одолѣсте, *нечестно* бо кровь поганую проліясте». Въ другомъ мѣстѣ своего «Слова» авторъ сообщаетъ, что нѣмцы, венеціанцы, греки и моравы «кають» (бранятъ, порицаютъ) князя Игоря за то, что онъ погрузилъ русское богатство на дно Каялы-рѣки. Всѣми этими возраженіями мнѣніе о принадлежности автора «Слова» къ Игоревой дружинѣ сильно подрывается.

Второе мнѣніе выводитъ автора изъ другого мѣста, изъ Кіева. Оно исходитъ изъ слѣдующихъ фактовъ и соображеній. *Во-первыхъ*, авторъ «Слова» удѣляетъ въ своемъ произведеніи много вниманія великому кіевскому князю Святославу Всеволодовичу: авторъ передаетъ его сонъ, излагаетъ его «золотое слово», изображаетъ его походъ на половцевъ; авторъ пользуется малѣйшимъ поводомъ для того, чтобы хоть упомянуть о Святославѣ; такъ, онъ сообщаетъ по поводу пораженія Игоря, что иностранцы, хаявшіе Игоря, наоборотъ, «поютъ славу» Святославу, нанесшему половцамъ пораженіе; даже передавая плачъ-заклинаніе Ярославны, авторъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не вспомнить Святослава, и заставляетъ Ярославну говорить Днѣпру: «Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославля насады до полку Кобякова». *Во-вторыхъ*, удѣляя много вниманія Святославу, авторъ относится къ нему съ нескрываемымъ сочувствіемъ; мало того—вездѣ онъ рисуетъ Святослава въ привлекательныхъ, даже эпическихъ, чертахъ. Такъ, Святославъ изображается, какъ отецъ для другихъ князей; слово Святослава—не простое, а «золотое»; походъ Святослава на половцевъ уподобляется грозѣ; Святославъ, подобно эпическому богатырю, восхищаетъ поганаго Кобяка изъ Лукоморья, и Кобякъ попадаетъ въ Кіевъ, во дворецъ Святослава.

Явное пристрастіе автора къ Святославу заставляетъ придти къ предположенію, что авторъ — кіевлянинъ, лицо вращавшееся въ великокняжескомъ классѣ, лицо, близкое къ Святославу Всеволодовичу. При такомъ предположеніи

находятъ себѣ естественное объясненіе многія мелочи въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Такъ, объясняется, почему авторъ говоритъ о пріѣздѣ Игоря послѣ бѣгства изъ плѣна въ Кіевъ и ни слова не говоритъ о пріѣздѣ его въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и смыслъ «Слова о полку Игоревѣ», отрицательное отношеніе автора къ раздорамъ князей, отсутствіе въ его произведеніи мѣстнаго, провинціальнаго патріотизма, столь характернаго для XII в. въ русской исторіи. Авторъ стоитъ на великокняжеской кіевской точкѣ зрѣнія, по которой кіевскій князь есть глава князей, входящихъ въ систему очередного княженія: послѣдніе обязаны дѣйствовать лишь съ согласія великаго князя: дѣйствуя самовольно, не по соглашенію съ великимъ княземъ, мѣстные князья ослабляютъ русскую землю, даютъ половцамъ возможность разорять и грабить ее. На этомъ основаніи авторъ «Слова» бичуетъ своеволіе мѣстныхъ князей. Изобразивъ пагубныя послѣдствія самовольнаго дѣйствія мѣстныхъ князей на живомъ примѣрѣ—походѣ Игоря противъ половцевъ безъ соглашенія съ Святославомъ, авторъ призываетъ мѣстныхъ князей забыть свои мѣстные счеты, сплотиться вокругъ Святослава, помочь ему сокрушить главнаго врага Русской земли—половцевъ.

Авторъ обращается съ воззваніемъ и съ великимъ князьямъ тогдашнихъ самостоятельныхъ русскихъ княжествъ—Галицкому и Владимирскому. Это показываетъ, что авторъ поставилъ задачей своего произведенія — сплотить вокругъ Святослава Кіевскаго всѣхъ русскихъ князей, заинтересовавъ ихъ перспективой общерусскаго похода на половцевъ, и такимъ образомъ хоть на время придать падавшему Кіеву значеніе общерусскаго центра. Годъ написанія «Слова», 1187 г. бросаетъ особый свѣтъ на задачу автора. По лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, именно въ этомъ году Святославъ задумывалъ предпринять новый походъ на половцевъ. Зная по опыту, какъ трудно достигнуть хоть нѣкотораго согласія князей, Святославъ, повидимому, рѣшилъ предварительно популяризировать среди русскихъ князей идею о необходимости общерусскаго похода на половцевъ. Въ правящемъ кіевскомъ классѣ нашелся даровитый образованный книжникъ, хорошо знакомый съ пріемами княжеско-

дружиннаго устнаго творчества, который составилъ полуполитическое,—полупоэтическое воззваніе къ князьямъ. Неизвѣстно, было-ли послано это воззваніе тогдашнимъ русскимъ князьямъ, или оно осталось въ бумагахъ канцеляріи великаго кіевскаго князя или у автора. Вѣроятнѣе послѣдніе. Но если бы оно и было разослано князьямъ, все равно задача автора не была бы осуществлена: мѣстные интересы въ глазахъ князей имѣли слишкомъ большой вѣсъ для того, чтобы ихъ можно было бы преодолѣть литературнымъ произведеніемъ, хотя бы и очень поэтичнымъ. Во всякомъ случаѣ никакого общерусскаго похода на половцевъ въ концѣ XII в. не было предпринято.

252. Языкъ «Слова о полку Игоревѣ». Языкъ «Слова о полку Игоревѣ» — древній южнорусскій, точнѣе — языкъ кіевскихъ русскихъ, весьма близкій къ языку «Поученія къ дѣтямъ» Владимира Мономаха. Въ немъ еще сохранилось употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ глухихъ гласныхъ; формы полногласныя встрѣчаются на ряду съ формами краткогласными, напр., древо, шеломъ; но звукъ *ѣ* уже смѣшивается съ звукомъ *е*, что видно изъ формы звательнаго падежа: о, вѣтрѣ, о, землѣ.

Наблюдаемое въ «Словѣ о полку Игоревѣ» обиліе формъ двойственнаго числа (вѣ, ваю, очима, соколома, опутаевѣ; разлучиста) и дательнаго самостоятельнаго (тебѣ лелѣявшу) служитъ доказательствомъ того, что авторъ «Слова»— человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ.

«Моленіе» Даніила Заточника.

(1213—1236).

253. Свѣдѣнія о Даніилѣ Заточникѣ. Свѣдѣнія о личности и жизни Даніила Заточника двоякаго происхожденія: одни изъ нихъ устанавливаются анализомъ его произведенія—«Моленія», другія даются преданіемъ о немъ. Изъ «Моленія» устанавливаются слѣдующія скудныя данныя. Даніилъ—уроженецъ Переяславля Залѣсскаго (въ Ростово-Суздальской землѣ). Онъ еще молодой человѣкъ, дворянинъ, сынъ зажиточныхъ родителей, очень образованный и начитанный для своего времени, т. е. для первой половины XIII в. Провинившись чѣмъ то предъ своими родителями (вѣроятно, не

хотѣлъ заниматься тѣмъ, чего хотѣлось родителямъ), Даніилъ лишился матеріальной поддержки съ ихъ стороны и очутился въ бѣдственномъ положенія. Нѣкоторое время Даніилъ провелъ на службѣ у бояръ-капиталистовъ. Тяжесть труда и унизительное положеніе трудящагося у бояръ-эксплоататоровъ, вынудили Даніила покинуть службу. Ища выхода изъ своего положенія, Даніилъ рѣшился, наконецъ, обратиться къ переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213—1236), сыну Всеволода III Большое Гнѣздо и отцу Александра Невскаго, съ просьбой взять его къ себѣ на службу. Свою просьбу онъ очень талантливо изложилъ и мотивировалъ въ произведеніи, извѣстномъ подъ заглавіемъ «Моленіе».

Таковы данныя о личности и жизни Даніила, извлеченныя изъ изъ его произведенія. Преданіе о Даніилѣ сообщаетъ, что онъ былъ заточенъ княземъ на озерѣ Лачъ, (отсюда его прозвище Заточникъ), и что свое «Моленіе» онъ послалъ князю изъ ссылки; но содержанія «Моленія» не даетъ никакихъ основаній для подтвержденія этого преданія.

254. Свѣдѣнія о «Моленіи» Даніила. «Моленіе» Даніила, какъ живое талантливое произведеніе, подверглось во второмъ періодѣ исторіи древней русской литературы (отъ половины XIII в. до конца XV в.) передѣлкамъ. Поэтому «Моленіе» дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: 1) первоначальной, вѣроятно болѣе или менѣе совпадающей съ авторскимъ оригиналомъ (такъ называемые списки Ундольскаго и Чудовскій), и 2) позднѣйшей, представляющей передѣлку (списки Толстовскій, Калайдовича, Академическій и Московскій). За большую близость первыхъ указанныхъ списковъ къ авторскому оригиналу (а, можетъ быть, и за тожественность съ нимъ) говоритъ то, что содержаніе ихъ въ общемъ отличается систематичностью и связностью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проникнуты рѣзкимъ личнымъ чувствомъ. Въ противоположность этому содержаніе вторыхъ указанныхъ списковъ часто обнаруживаетъ отсутствіе прямой связи между изложенными подрядъ мыслями, доходящее до того, что получается иногда впечатлѣніе «нескладной болтовни».

255. Содержаніе «Моленія». «Моленіе» состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: 1) приступа, 2) изложенія и 3) заключенія.

1) **Приступъ**. Въ приступѣ авторъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ церковной литературы, между прочимъ, изъ Псалтири, высказываетъ намѣреніе «изрещи слово». «Вострубимъ, братіе, аки въ златокованную трубу, въ разумъ ума своего; начнемъ бити въ серебряные органы и возвѣемъ мудрости своея, и ударимъ въ мысли ума своего, поюще въ богодухновенныя свирѣли, да восплачутся въ насъ душеполезные помыслы. Возстани слава моя! Возстани псалтырю и гусли, да разверзу въ притчахъ гаданія (мысли) моя и провѣщаю въ языцѣхъ славу мою». Авторъ опасается, что его «Моленіе» можетъ навлечь на него со стороны князя «похуленія». Но нужда беретъ верхъ надъ его опасеніями. «Вѣдый, господине, твое доброразуміе, притекохъ ко обычнѣй твоей любви. Глаголетъ бо святое писаніе: просите и пріимите. Давидъ рече: не суть рѣчи ни словеса, ихъ же не слышатся гласи ихъ. Мы же не умолчимъ, но возглаголемъ къ господину своему, всемилостивому Ярославу Всеволодичу».

2) **Изложеніе**. Послѣ такого приступа авторъ обращается къ князю съ просьбой «помянуть» его въ своемъ княженіи, такъ какъ онъ—рабъ его, сынъ его рабыни (т.-е. подданный его). Всѣ люди согрѣваемы милостью князя, какъ солнцемъ; одинъ только авторъ ходитъ во тьмѣ, отлученный отъ свѣта очей его, какъ трава, ростущая въ тѣни, на которую и солнце не бросаетъ свѣта, и дождь не падаетъ. «Всѣ «напаяются отъ обилія» въ домѣ князя; одинъ авторъ жаждетъ его милости, какъ олень источника воды. Авторъ уподобляетъ себя дереву, одиноко стоящему на пути: всѣ, проходящіе мимо, сѣкутъ его: такъ и авторъ обижаемъ всѣми, потому что онъ не огражденъ отъ обиды, какъ крѣпкой оградой, страхомъ передъ княжеской угрозой. Авторъ—бѣднякъ. Богатаго человѣка всѣ знаютъ, даже въ чужомъ городѣ; а бѣднякъ и въ своемъ городѣ «невидимо» ходитъ. Когда заговоритъ богачъ, всѣ умолкаютъ, и слово его превозносятъ до облаковъ; когда же заговоритъ бѣднякъ, всѣ на него кричатъ: «честна» лишь рѣчь тѣхъ, у кого свѣтлыя одежды. У автора—«скудное» одѣяніе. Онъ проситъ князя не придавать значенія его внѣшности, а обратить вниманіе на его внутреннія достоинства: несмотря на юность, авторъ очень развитъ (имѣетъ «старъ смыслъ») и паритъ своею мыслью, какъ орелъ по

воздуху. Это—главное достоинство автора, дающее ему право обратиться къ князю съ просьбой взять его къ себѣ на службу. Князю не трудно исполнить эту просьбу. Словами «Пѣсни Пѣсней» авторъ изображаетъ щедрость князя въ идеальныхъ чертахъ: «Сыту (сотъ) источаютъ устнѣ твои: посланія твоя, яко рай съ плодомъ; руцѣ твои исполнени отъ злата Ѳарсійска: ланиты твои, яко сосудъ ароматъ; гортань твой, яко кринъ, капая миро—милость твою; видъ твой, яко Ливанъ избранъ; очи твои, яко кладязь воды живы: чрево твое бысть, яко стогъ пшениченъ, многи питая; глава твоя превозноситъ мою»... Авторъ проситъ князя посмотрѣть на него, не какъ волкъ на ягненка, но какъ мать на младенца. Пусть рука князя не будетъ согбена на подаяніе убогимъ, ибо въ Писаніи сказано: просящему у тебя дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царства небеснаго.

Предложивъ себя князю на службу, авторъ переходитъ къ тому, чѣмъ онъ ему можетъ быть полезнымъ. Авторъ прямо признается, что къ военной службѣ не имѣетъ ни малѣйшаго влеченія («на рати не есмь хоробръ»): но авторъ—интеллигентъ и обладаетъ даромъ слова («на словахъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ воды морскія, и извитія словесъ и рѣшенія притчами хитрыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины»). Чтобы лучше уяснить, какого рода службу при князѣ желалъ бы нести авторъ, онъ дѣлаетъ отступленіе, въ которомъ изображаетъ значеніе князя для его области.

Какъ дубъ крѣпокъ множествомъ корней, такъ родной городъ автора держится державою князя. Капитанъ—глава корабля, а князь—глава своихъ людей. Полкъ безъ князя—все равно, что громадный звѣрь безъ головы. Мужчина—глава надъ женщиной, князь—глава мужчинъ, а глава князя—Богъ. Какъ наволока (ткань) прекрасна, когда она испещрена многими шелками, такъ и князь славенъ и «честенъ» (т. е. почитаемъ) когда у него много служащихъ. Подобно тому, какъ неводъ не удерживаетъ воды, но забираетъ множество рыбъ, такъ князь не долженъ удерживать въ своихъ рукахъ богатства, а раздавать ихъ сильнымъ и храбрымъ людямъ, которыхъ необходимо привлекать къ себѣ на службу: при помощи сильныхъ и храбрыхъ слугъ

можно князю добыть и злата, и городовъ. Когда израильскій царь Езекія хвастался передъ послами вавилонскаго царя множествомъ своего золота, послы сказали ему: «Наши цари богатѣе тебя не множествомъ злата, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ». Какъ солнце одно грѣетъ весь міръ своими лучами, такъ князь—единственный человѣкъ, который всѣхъ людей украшаетъ и оживляетъ своею милостью. Находясь въ тяжелой нуждѣ, авторъ нанимался на службу къ боярамъ («подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ») и убѣдился, что эта служба—«зло есть»: лучше видѣть ноги свои обутыми въ лапти и служить при дворѣ князя, нежели имѣть червленые сапоги и служить при боярскомъ дворѣ. Какъ золотая серьга въ рылѣ у свиньи была бы нелѣпостью, такъ нелѣпъ хорошій костюмъ на холопѣ. Придѣлайте къ котлу золотыя ручки, и котелъ все-таки не освободится отъ своей черноты, все-таки останется прожженымъ; такъ и съ холопомъ бываетъ: какъ онъ ни возгордился, ни превознесся, не избыть ему «своего укора» — имени холопа. На этомъ основаніи авторъ находитъ, что лучше пить воду при дворѣ князя, чѣмъ пить медъ при дворѣ боярина; лучше удовольствоваться жаренымъ воробьемъ изъ рукъ князя, нежели брать баранье плечо изъ рукъ злыхъ господъ—бояръ. Авторъ испыталъ не разъ, какъ «работный хлѣбъ» становился въ его устахъ горькимъ, какъ полынь, не разъ растворялъ свое питье слезами...

Указавъ на значеніе князя для государства и проведя параллель между службой у капиталиста-боярина и у князя, авторъ переходитъ къ мысли о томъ, что князю особенно должны быть нужны въ качествѣ помощниковъ люди умные, развитые. Соломонъ сказалъ: лучше одинъ мудрый мужъ, нежели десять храбрыхъ, но лишенныхъ ума. Добыть храбреца не трудно, развитые люди — рѣдки и дороги. «Дума» умныхъ «добра»: гдѣ есть «дума» умныхъ, тамъ и войска хорошо организованы («полцы крѣпцы»), и города хорошо защищены; гдѣ нѣтъ «думы» умныхъ, тамъ, даже и при сильномъ, повидимому, войскѣ, бываютъ пораженія; этимъ объясняется, что нѣкоторые князья, ополчившіеся на большіе города, должны были лишиться и своихъ меньшихъ городовъ (это, вѣроятно, намекъ на результаты Липецкой битвы, въ которой потерпѣли пораженіе Ярославъ и Юрій,

собиравшіеся раздѣлить между собою русскіе города). Не море потопляетъ корабль, а вѣтры; такъ и князь, не самъ впадаетъ въ бѣду, а ведутъ его къ ней его «думцы». Умные люди не всегда способны проявить храбрость на войнѣ; но они умѣютъ придумывать искусные планы сраженія. Вотъ почему князьямъ слѣдуетъ собирать вокругъ себя мудрыхъ людей. Отъ «безнарядія» войска «многажды» гибнутъ. Святополкъ Окаянный, преступно убившій свою братію, сумѣлъ такъ построить свое войско, что Ярославъ едва-едва одолѣлъ его. А Бонякъ Шелудивый своей побѣдой надъ уграми обязанъ былъ умному плану битвы.

Доказавъ необходимость князю имѣть у себя совѣтъ изъ умныхъ людей, указавъ, что и битвы требуютъ не одного только храбраго войска, но и умной организаціи ихъ, авторъ переходитъ къ себѣ. Онъ говоритъ, что не получилъ воспитанія въ Аѳинахъ и не учился у философовъ: но онъ много читалъ книгъ и набралъ оттуда словесную мудрость. Авторъ думаетъ, что пригодился бы князю именно своею интеллигентностью, пониманіемъ вещей. На этомъ основаніи авторъ проситъ князя взять его къ себѣ на указываемую службу и не оставить его безпомощнымъ, какъ это сдѣлали съ нимъ его родители. Для всякаго изъ его согражданъ этотъ городъ—Переяславль, а для автора онъ—Гореславль, такъ какъ въ немъ онъ лишенъ своей доли. Отъ автора отвергнись всѣ друзья его и ближніе, потому что онъ не имѣетъ средствъ, чтобы угощать ихъ. Пока авторъ имѣлъ возможность ставить «трапезу», исполненную брашенъ», многіе дружили съ нимъ, а послѣ напасти, обрушившейся на него, прежніе друзья оказались хуже враговъ. Единственная надежда у автора на князя. Онъ слишкомъ настрадался отъ своей бѣдности. Припоминая слова князя Ростислава (Даніилъ ошибочно приписываетъ Ростиславу слова Андрея Владимировича Переяславскаго въ 1139 г. Всеволоду Ольговичу, который гналъ Андрея изъ Переяславля и предлагалъ ему Курскъ): «лучше бы ми смерть, а не Курское княженіе», авторъ говоритъ: «лучше бы смерть, нежели продолженъ животъ во убожествѣ». «Избави мя, господине, отъ нищеты моея, аки серну отъ тенета, яко птицу отъ клянцы (ловушки), исторгни мя отъ скудости моея, яко утя отъ ногтей ястреба, яко овцу отъ волка»! Когда князь, сидя

за столомъ, ѣстъ разнообразныя блюда, пусть онъ вспомнитъ автора, питающагося сухимъ хлѣбомъ; когда онъ пьетъ сладкіе напитки, пусть вспомнитъ автора, пьющаго теплую воду; облекаясь въ свои красивые костюмы, пусть князь вспомнитъ автора, одѣтаго во вретище; лежа на мягкой постели, пусть князь вспомнитъ автора, лежащаго подъ рубищемъ, зимою умирающаго и пронзаемаго дождевыми каплями, какъ стрѣлами.

Если бы князь назвалъ просьбу автора безумной, то авторъ спросилъ бы его, развѣ безумный можетъ высказывать мудрыя мысли? Какъ камень не можетъ плавать по водѣ, такъ безумный не можетъ быть мудрымъ. Какъ псамъ и свиньямъ не нужно добро, такъ безумнымъ не нужно мудрое слово. Безумный тогда наберется ума, когда синица пожретъ орла. Учить безумнаго уму столь же безполезно, какъ дуть въ дырявую тыкву. «Безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, но сами ся рожаютъ».

Всякій дворянинъ долженъ быть въ чести у своего князя, а авторъ въ особенности можетъ разсчитывать на это, потому что онъ—дворянинъ, много испытавшій въ жизни. «Золото искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми». У автора не одна только книжная мудрость, но и житейская. Кто не былъ во многихъ бѣдствіяхъ, «какъ у бѣса на вспари», у того нѣтъ настоящаго вѣжества. Авторъ много перенесъ невзгодъ и потому онъ долженъ былъ извлечь изъ нихъ много поучительнаго. «Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ являетъ, а человѣкъ, бѣды подъемля, смысленноуменъ обрѣтается». Авторъ, какъ человѣкъ образованный и интеллигентный, какъ много претерпѣвшій невзгодъ, подданный князя и, наконецъ, какъ дворянинъ по происхожденію, считаетъ себя вправѣ разсчитывать на помощь князя.

Князь можетъ на просьбу автора сдѣлать рядъ возраженій. Онъ можетъ сказать, что авторъ во всемъ, что онъ говорилъ выше, «солгалъ, яко тать (воръ)». На это авторъ возражаетъ, что, если бы онъ умѣлъ лгать и красть, то не обратился бы къ князю съ просьбой о помощи, такъ какъ онъ былъ бы матеріально обезпеченъ.

Если князь посовѣтуетъ автору поискать себѣ богатой невѣсты, онъ отвѣтитъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія жить съ неподходящею женою—нелюбимою или злою;

лучше, по мнѣнію автора, трясцою (лихорадкою) болѣть: трясца потрясетъ и отпуститъ, а злая жена до смерти сушитъ. Авторъ видѣлъ старую жену, некрасивую, но «ртастую» и злоязычную, подобно черту; она приникла къ зеркалу, и авторъ сказалъ ей: «не смотрись въ зеркало, а гляди въ гробъ»!

Если князь посовѣтуетъ ему постричься въ чернецы, онъ на это отвѣтитъ: не видано, чтобы мертвецы (символъ отреченія отъ міра) ѣздили на свиньяхъ (символъ мірской жизни), а чортъ на бабѣ; не ѣдятъ смоквъ отъ ивы и изюму отъ липы; лучше такъ умереть, нежели, постригшись и принявши такимъ образомъ ангельскій образъ, солгать Богу. Можно лгать міру, но не Богу. Нельзя ни Богу лгать, ни вышнимъ играть. Многіе, отшедши отъ міра сего въ монастырь, опять возвращаются на мірскія дѣла: обходятъ села и дома славныхъ міра сего, какъ псы «ласкосердые» (сластолюбивые): гдѣ браки и пиры — тутъ монахи и монахини беззаконные; отеческій имѣютъ на себѣ санъ, а нравомъ развратны; святительскій имѣютъ на себѣ санъ, а обычаемъ непристойны.

Исчерпавъ возможныя возраженія со стороны князя, авторъ напоминаетъ, что даже скоморохи, акробаты, фигляры и т. д.—и тѣ пользуются милостью у поганыхъ салтановъ и у королей за свое искусство, когда одинъ изъ нихъ, припавъ на конѣ, мчится по ипподрому, не щадя своего живота, другой летаетъ съ церкви или съ высокихъ палатъ на крыльяхъ изъ ткани, третій бросается обнаженный въ огонь, чтобы показать крѣпость своего сердца и т. д.

Опасаясь надоѣсть князю своимъ многоглаголаніемъ, авторъ переходитъ къ заключенію.

3) **Заключеніе.** Въ заключеніи авторъ выражаетъ благопожеланіе князю и русской землѣ. «Воскресни, Боже! Суди земли, воздвигни князя, убуди бояръ, умножи силу князю нашему; укрѣпи бо ны и утверди лѣнивыя, вложи ярость страшливымъ въ сердце». Далѣе, авторъ проситъ у Бога, чтобы земля наша не попала въ полонъ къ иноплеменникамъ, не знающимъ Бога, «да не рекутъ иноплеменницы: гдѣ есть Богъ ихъ? Подай же имъ, Господи, побѣду на вся, возстающая на ны. Подай же имъ, Господи, Сампсонову

силу, Александрову храбрость, Іосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давидову»...

256. Стиль «Моленія». Въ приступѣ къ своему сочиненію Даніилъ заявляетъ, что онъ изложитъ его «въ притчахъ». «Притча» значитъ «сравненіе», «сопоставленіе». Всякій разсказъ, всякая пословица, поговорка и даже просто оборотъ рѣчи, заключающіе въ себѣ аллегорію, т. е. иносказаніе, назывались въ древности «притчей». Именно въ такого рода «притчи» Даніилъ и облекаетъ свои мысли. Притчи «Моленія» двоякаго рода: 1) еврейско-византійскія и 2) русскія.

1) Притчи еврейско - византійскаго происхожденія. Притчи еврейско - византійскія заимствованы авторомъ изъ кн. св. Писанія и изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви. Такъ, напр., приступъ обнаруживаетъ вліяніе слѣдующихъ мѣстъ изъ Псалтири: «Возстани, слава моя, возстани, псалтырю и гусли: возстану рано. Исповѣмся тебѣ въ людехъ, Господи, воспою тебѣ въ языцѣхъ» (LVI, 9—10). «Уста мои возглаголютъ премудрость, и поученіе сердца моего разумъ. Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу въ псалтири гаданіе мое» (XLVIII, 4—5). Притча о богатомъ и бѣдномъ напоминаетъ соотвѣтствующую притчу въ книгѣ «Премудрости Іисуса сына Сирахова»: «Богатый возглагола, и вси умолчаша, и слово его вознесоша даже до облакъ; убогій возглагола, и рѣша: кто сей есть?» Объ этомъ же есть притча въ «Пчелѣ» въ «Словѣ о богатствѣ»: «Чья риза свѣтла, того и рѣчь честна, а чья риза худа, того и рѣчь непріятна. Богатъ мужъ вездѣ знаемъ, въ чужемъ градѣ имѣетъ друзи, а убогій въ своемъ градѣ невидимъ ходитъ». Цѣлый рядъ притчъ «Моленія» напоминаетъ (хотя, вѣроятно, не оттуда заимствованъ) притчи въ «Пчелѣ», извлеченныя изъ еврейско-византійской литературы, какъ, напр., слѣдующія: «Нелѣпо въ ноздри (у свиніи) усерязь златъ, ни на безумномъ, ни на холопѣ добрые порты. Аще бо бы у котла златая дуга, а дну его черности не избыти, тако и безумну и холопу» («Слово о безуміи»), «Пшеница, толкома, молома, пекома, нудима, хлѣбъ чистъ являетъ; или ризы, мыемы, варимы, біемы, извѣшиваемы, нудимы, свѣтло лицо являютъ; тако же и праведницы, первѣе согрѣшивше, и потомъ очистятся покаяніемъ, трудомъ, смиреніемъ, кротостью, терпѣніемъ, правдою, вельми очистятся». Одна притча, въ которой ав-

торъ проситъ князя вспомнить о немъ среди своей роскошной обстановки, напоминаетъ слѣдующее мѣсто въ «Стословцѣ» Геннадія (§ 107): «Сѣдящю ти надъ многоразличьною трапезою, помяни сухъ хлѣбъ ядущаго... Возлѣгъ на многомягцѣй постели и пространьно протягаяся, помяни на голѣ земли лежащаго (подъ) рубомь и не дерзнувша ногу простреги зимы ради... Лежащю ти въ твердо покровьнѣй храминѣ, ти слышащю же ушима своима дождевьное множьство, помысли о убогихъ, какъ лежать нынѣ дождевьными каплями, яко стрѣлами, пронжаемы, а другыя отъ неусъновенія (безсонницы) сѣдяща, водою поняты».

2) **Русскія притчи** Русскія притчи «Моленія» могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: а) историческія и б) современныя автору.

а) *Историческія притчи.* Историческія притчи это тѣ, которыя пріурочены къ какимъ нибудь извѣстнымъ историческимъ дѣятелямъ или событіямъ. Къ такимъ притчамъ относятся слѣдующія: «Луче бы ми смерть, а не Курское княженіе», притча, принадлежащая, по лѣтописи, Андрею Владимировичу Переяславскому, а въ «Моленіи» неправильно приписанная Ростиславу; «Не вѣдомо ны есть братіе, идти, граду ли отъ насъ плѣнену быти, или будетъ намъ отъ града погибнути: аще Богъ по насъ, то кто на ны? Эта притча, съ которой, по словамъ Даніила, обратился Святославъ Игоревичъ, отецъ Владимира св., къ своей дружинѣ во время похода въ 971 г. на Царьградъ, неизвѣстно, откуда заимствована: въ лѣтописи этихъ словъ нѣтъ.

б) *Современныя притчи.* Къ современнымъ русскимъ притчамъ, напоминающимъ нынѣшнія пословицы и поговорки, можно отнести слѣдующія: «Безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, но сами ся рожаютъ» («дураковъ не сѣютъ, не жнутъ—сами родятся»), «Не ѣдалъ есмь отъ песка масла, ни отъ козла млека, ни безумнаго мудрости глаголюща» («съ него, какъ съ козла—ни шерсти, ни молока»), «Злато бо искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми», «Горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати», «Не потка (птица) въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрехъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не скотъ въ скотѣхъ коза, не холопъ въ холопѣхъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужѣхъ, который жены слушаетъ...».

Нѣкоторыя притчи имѣютъ риѳму. Напр.: «Яко же бо во утлу тыковъ дути, тако безумнаго учити». «Яко около тура съ топоромъ, аки по бѣсы съ клобукомъ».

257. Легенда о Даніилѣ Заточникѣ. Благодаря литературному пріему Даніила—выражать мысли въ «притчахъ», «Моленіе» сдѣлалось популярнѣйшимъ произведеніемъ въ эпоху удѣльнаго литературнаго творчества. Притчи «Моленія», по ассоціаціи идей, вызывали въ умѣ читателей и переписчиковъ цѣлый рядъ новыхъ аналогичныхъ притчей. Нѣкоторые изъ переписчиковъ «Моленія» стали вставлять среди притчей, подобранныхъ Даніиломъ, другія, аналогичныя, которыя были извѣстны имъ. Такъ «Моленіе» стало превращаться изъ живого произведенія, проникнутаго субъективнымъ чувствомъ автора, въ сборникъ притчей. Среди этихъ притчей въ авторскомъ подлинникѣ была слѣдующая: «Кому ти есь Переяславль, а мнѣ Гореславль, зане часть (моя) не прорасте въ немъ». Переписчики вставили въ средину этой притчи рядъ другихъ, извѣстныхъ имъ. Получилось слѣдующее не совсѣмъ складное мѣсто: «Кому Переяславль, а мнѣ Гореславль; кому Боголюбово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, много плача исполнено; зане часть моя не прорасте въ немъ». На основаніи этихъ вставочныхъ притчей сдѣлано было уже въ древности заключеніе, что авторъ «Моленія» былъ сосланъ на озеро Лачъ (мѣсто ссылки въ Новгородской области). На этомъ основаніи Даніилъ получилъ прозвище «Заточника», сохранившееся за авторомъ до настоящаго времени.

Легенда о Даніилѣ пошла дальше. Находясь въ заточеніи, Даніилъ написалъ свое «Моленіе», залѣпилъ его въ воскъ и бросилъ въ воду. Рыба проглотила восковой шарикъ. Рыбакъ поймалъ рыбу и принесъ ее къ князю. Когда рыбу разрѣзали, найденъ былъ въ ней восковой шарикъ съ рукописью. Такъ «Моленіе» Даніила Заточника попало въ руки князя, который велѣлъ освободить Даніила.

Легенда о Даніилѣ продолжала развиваться и въ XIX в. Изъ заявленія Даніила о его неспособности къ военной службѣ былъ сдѣланъ выводъ, что авторъ «Моленія» сосланъ былъ княземъ за трусость, проявленную имъ въ какомъ то сраженіи.

258. «Слово о погибели Русской земли». «Слово о погибели Русской земли» дошло до насъ въ отрывкѣ. Повидимому, оно находилось въ связи съ двумя другими произведеніями, слѣдовавшими за нимъ въ первоначальной рукописи подъ заглавіемъ «О смерти великаго князя Ярослава» и «О житіи великаго князя Александра» и принадлежавшими вѣроятно, перу одного и того же автора. Второе произведеніе, именно, «О смерти великаго князя Ярослава» не дошло до насъ; отрывокъ «Слова о погибели Русской земли» прямо сливается въ имѣющейся теперь рукописи съ третьимъ произведеніемъ—«О житіи великаго князя Александра», которое имѣется и въ лѣтописяхъ.

Предметомъ «Слова о погибели Русской земли» было плачевное состояніе Руси наканунѣ вторичнаго нашествія татаръ. Оно было написано не позже 1238 г. Авторъ неизвѣстенъ. Изъ «Слова» можно установить объ авторѣ фактъ, что онъ—житель Переяславля-Залѣсскаго, въ которомъ княжитъ Ярославъ Всеволодовичъ. Уроженцемъ Переяславля-Залѣсскаго былъ и Даніилъ Заточникъ, жившій тамъ около того же времени, когда написано было «Слово о погибели Русской земли». Явилась догадка, не Даніилъ ли Заточникъ былъ авторомъ «Слова» и двухъ другихъ произведеній. Эта догадка находитъ себѣ нѣкоторую поддержку въ слѣдующихъ двухъ соображеніяхъ: *во-первыхъ*, Даніилъ Заточникъ называетъ себя рабомъ Ярослава; авторъ «Житія Александра» называетъ себя рабомъ Ярослава и Александра; *во-вторыхъ*, только въ двухъ произведеніяхъ употребляется слово «рытиры» (рыцари), именно въ «Моленіи» Даніила Заточника и въ «Житіи Александра».

Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ «Слова» изображается могущество Кіевской Руси, получившей въ умѣ литератора наканунѣ вторичнаго нашествія татаръ идеальныя черты.

«О свѣтло свѣтлая и украсно (хорошо) украшенная земля Русская! Многими красотами ты обогащена: озерами многими, рѣками и колодезями досточестными, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, звѣрьми различными, птицами безчисленными, городами великими, селами дивными, вертоградами монастырскими, домами церковными, князьми грозными, боярами честными,

вельможами многими. Всего ты исполнена, земля Русская, о православная вѣра христіанская».

Послѣ такого, проникнутаго чувствомъ, обращенія къ красотамъ Руси, авторъ дѣлаетъ изъ своего Переяславля Залѣсскаго обзоръ границъ своей родины. «Отселѣ до угоръ и до ляховъ, отъ чеховъ до ятвяговъ и отъ ятвяговъ до литвы, до нѣмцевъ, отъ нѣмцевъ до корелы, отъ корелы до Устюга, гдѣ тамъ были тоймицы (финское племя на рѣкѣ Тоймѣ, впадающей въ Сѣверную Двину, а, можетъ быть, и другое племя, извѣстное подъ именемъ емчане), и за Дышащимъ моремъ (вѣроятно, Бѣлое море), отъ моря до болгаръ (камскихъ), отъ болгаръ до буртасъ (сосѣди болгаръ), отъ буртасъ до черемисъ, отъ черемисъ до мордвы—все это покорено было Богомъ христіанскому народу, языческія страны—великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю кіевскому, дѣду его Володимеру Мономаху, которымъ половцы носили дѣтей своихъ въ колыбели, при которыхъ Литва не смѣла выходить на свѣтъ изъ своихъ болотъ, а угры укрѣпляли каменные города желѣзными воротами, чтобы на нихъ великій Володимеръ не взъѣхалъ. А нѣмцы радовались, что находятся далеко за синимъ моремъ. Буртасы, черемисы, вяда (вотяки?) и мордва приносили великому князю Володимеру дань медомъ, а жюръ-Мануилъ (византійскій императоръ Мануилъ Комненъ) царегородскій боялся Володимера и посылалъ къ нему великіе дары, чтобы великій князь Володимеръ не взялъ у него Царягорода».

Очертивъ въ такихъ краскахъ былое могущество Кіевской Руси, авторъ переходитъ къ современной ему печальной дѣйствительности, когда Русь, распавшись на враждовавшіе между собою удѣлы, ослабѣла: «А въ эти дни христіанъ постигла болѣзнь...».

На этомъ прерывается «Слово». При всей краткости своей «Слово» любопытно, какъ образчикъ литературнаго княжеско-дружиннаго творчества, черпавшаго нѣкоторые факты и освѣщеніе не столько изъ исторіи, сколько изъ княжеско-дружиннаго устнаго эпоса. Владимиръ Мономахъ представляется въ чертахъ, перенесенныхъ на него съ другихъ русскихъ князей, предшествующихъ ему, напр., съ Владимира св., и послѣдующихъ, а съ его именемъ связы-

ваются факты, имѣвшіе мѣсто тоже въ предшествующее и позднѣйшее время. Страхъ угровъ, бортничанье финскихъ и восточныхъ племенъ для русскаго князя относятся не къ княженію Владимира М., а къ позднѣйшей эпохѣ.

Византійскій императоръ Мануилъ Комненъ (1143—1180), считайшійся сюзереномъ галицкихъ князей и дѣятельно вмѣшивавшійся въ русскія церковныя дѣла, не могъ бояться Владимира М., тѣмъ болѣе, что онъ не былъ даже его современникомъ. Но другой византійскій императоръ, жившій въ концѣ X в., дѣйствительно испытывалъ страхъ передъ русскимъ княземъ, именно передъ Владиміромъ св. Въ былинѣ о женитьбѣ князя Владимира выведенъ грозный король Золотой Орды Этмануйло-Этмануйловичъ, дочь котораго сватаетъ Владиміръ. Имя Этмануйло, очевидно, произведено отъ имени Мануилъ. Такимъ образомъ, въ современномъ княжеско-дружинномъ эпосѣ Мануилъ является современникомъ Владимира св. Это бросаетъ свѣтъ на ошибку автора «Слова»: очевидно, въ княжеско-дружинномъ эпосѣ начала XIII в., откуда онъ почерпалъ матеріалы для своего «Слова», уже произошло пріуроченіе имени Мануила къ Владиміру М., а позже это имя переносится къ эпохѣ Владимира св.

259. Общій взглядъ на княжеско-дружинное письменное творчество. Дошедшіе до насъ немногія произведенія княжеско-дружиннаго письменнаго творчества распадаются на двѣ группы: къ первой относятся «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира М. и «Моленіе» Даніила Заточника, ко второй — «Слово о полку Игоревѣ» и «Слово о погибели Русской земли». Для первой группы наиболѣе характернымъ произведеніемъ является «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира М., для второй — «Слово о полку Игоревѣ». Оба эти произведенія, при сравненіи, производятъ впечатлѣніе чего-то радикально несходнаго между собой: содержаніе «Поученія къ дѣтямъ» проникнуто византійско-христіанскимъ міропониманіемъ, тогда какъ «Слово о полку Игоревѣ» представляется образчикомъ, почти исключительнымъ въ древнерусской литературѣ, національнаго русскаго міровоззрѣнія. Это радикальное различіе между двумя произведеніями обусловлено различіемъ между двумя группами въ древне-русской княжеско-дружинной средѣ.

Одна группа, родоначальникомъ которой былъ великокняжескій домъ Всеволода Ярославича, тяготѣла къ византійско-христіанской культурѣ. Она отличалась начитанностью въ византійской литературѣ и образованностью; она усваивала принципы византійско - христіанскаго міровоззрѣнія и дѣлала попытки руководиться ими въ своей дѣятельности и проводить ихъ вообще въ русскую жизнь. Наиболѣе типичнымъ представителемъ ея является Владиміръ М., который могъ усваивать начатки византійско-христіанской культуры не только изъ византійской переводной литературы, но и непосредственно отъ своей матери-гречанки.

Другая группа, родоначальникомъ которой былъ другой сынъ Ярослава М., Святославъ Черниговскій и его домъ, держалась традицій національнаго русскаго міровоззрѣнія въ той формѣ, въ какой оно существовало среди дружины со временъ Олега вѣщаго. Святославъ Черниговскій, какъ извѣстно изъ «Житія преп. Ѳеодосія» (§§ 168, 276), былъ большимъ любителемъ музыки, пѣнія, а слѣдовательно, и княжеско-дружиннаго эпоса. Судьба дома Святослава Черниговскаго должна была способствовать дальнѣйшему тяготѣнію его къ національному міровоззрѣнію: какъ извѣстно, потомки Святослава, начиная съ его сына, знаменитаго Олега Гориславича, были отстранены отъ очередного занятія кіевскаго престола: около ста лѣтъ они должны были довольствоваться Черниговской областью, обороняя ее отъ посягательствъ со стороны другихъ линій Ярославова дома. Жизнь въ провинціальной области, исполненная военныхъ тревогъ, въ сторонѣ отъ центра культурной жизни Кіева, должна была содѣйствовать укрѣпленію національно-русской традиціи. Когда со второй половины XII в. домъ Святослава пріобрѣтаетъ кіевскій престолъ, національно - русская традиція его получаетъ превосходное литературное выраженіе въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Это произведеніе, кажущееся столь исключительнымъ при сравненіи его съ «Моленіемъ» Даніила Заточника, «Поученіемъ къ дѣтямъ» Владиміра М., теряетъ эту исключительность, если вспомнить, что княжеско-дружинная среда создала обширный богатырскій эпосъ, передававшійся устно: «Слово о полку Игоревѣ»—литературная обработка по пріемамъ княжеско - дружиннаго устнаго творчества одного изъ такихъ эпизодовъ, которые соста-

взяли обычный предметъ устнаго воспроизведенія. Если имѣть въ виду только что указанный фактъ, а также и другой фактъ, что византійско-христіанская культура была достояніемъ лишь части княжеско-дружинной среды и притомъ меньшей, то необходимо будетъ признать исключительнымъ для этого класса населенія не «Слово о полку Игоревъ», а «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира М., наглядно показывающее, какой силы достигло византійское вліяніе въ передовой части древне-русскаго общества.

Библіографія. *В. А. Воскресенскій*. «Поученіе дѣтямъ» Владимира Мономаха. Спб. 1874.—*С. Протопоповъ*. Поученіе Владимира Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ дотатарскую эпоху. («Ж. М. Н. П.» 1874. Февраль). — *Н. Шляковъ*. О «Поученіи» Владимира Мономаха. Спб. 1900. — *И. Ивакинъ*. Князь Владимиръ Мономахъ и его поученіе. Часть первая. Поученіе дѣтямъ. Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1901.—*А. А. Потебня* Слово о полку Игоря. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ. 1878.—*Н. С. Тихонравовъ*. Слово о полку Игоревѣ М. 1866. — *И. Ждановъ*. Литература Слова о полку Игоревѣ. (Соч. Т. I. Спб. 1901).—*Е. В. Барсовъ*. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Т. I — III. М. 1887—1890.—*В. Ѳ. Миллеръ*. Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. М. 1878.—*П. В. Владимировъ*. Слово о полку Игоревѣ В. I. Изъ лекцій. Кіевъ. 1894.—*А. В. Лонгиновъ*. Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Одесса. 1892. — *И. Шляпкинъ*. Слово Даніила Заточника. Спб. 1889. — *Модестовъ*. О посланіи Даніила Заточника. („Ж. М. Н. П.". 1880. Октябрь). — *И. Н. Ждановъ*. Слово Даніила Заточника. („Соч." Т. I. Спб. 1901.) — *А. Лященко*. О Моленіи Даніила Заточника. Спб. 1896.—*В. М. Гуссовъ*. Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника („Лѣтопись Истор.-филол. Общ. при Новорос. унив.". Т. VIII. Одесса. 1900.)—*Евг. Будде*. О Словѣ Даніила Заточника въ его отношеніи къ древнерусской Пчелѣ. М. 1902.—*В. М. Истринъ*. Былъ ли Даніилъ Заточникъ дѣйствительно заточенъ. Одесса. 1902.—*Х. Лопаревъ*. Слово о погибели русскыя земли. Спб. 1892.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Церковная литература.

260. О церковной литературѣ. Къ церковной литературѣ относятся произведенія, вышедшія изъ-подъ пера лицъ духовнаго класса и отразившія интересы, задачи и идеалы

этого класса. По своей численности классъ этотъ былъ ничтоженъ; его вліяніе на другіе классы населенія въ эпоху древняго Кіевскаго просвѣщенія было слабо: сильнѣе на верхніе слои городского населенія и ничтожно на его низшіе слои; что касается сельскаго населенія—смердовъ-крестьянъ—то вліяніе на него духовенства въ эту совсѣмъ не простирается.

Церковная литература Кіевской эпохи отразила прежде всего процессъ развитія у насъ духовнаго класса населенія. Этотъ процессъ, начавшійся въ X в. и продолжавшійся въ послѣдующія эпохи, состоялъ въ теоретическомъ усвоеніи и практическомъ осуществленіи русской частью нашего духовенства религіозно-нравственныхъ началъ подъ руководствомъ грековъ. Духовныя лица русскаго происхожденія, съ дѣтства усвоившія національное русское міровоззрѣніе, съ дѣтства привыкшія регулировать свою личную жизнь обычаями семейно-родового патріархальнаго быта, должны были отказаться отъ этого, усвоить новое міропониманіе и совершенно перестроить свою жизнь. Но совершенно отказаться отъ воззрѣній, усвоенныхъ съ дѣтства и поддерживаемыхъ всѣмъ строемъ жизни, возможно только при исключительныхъ для отдѣльной личности условіяхъ; еще труднѣе для отдѣльнаго лица сразу измѣнить свое поведеніе. Поэтому въ той части русскаго духовенства, которая состояла изъ русскихъ, происходитъ взаимодѣйствіе между національнымъ міровоззрѣніемъ и византійскимъ, въ теоріи и на практикѣ; оба міровоззрѣнія приспособляется другъ къ другу въ психикѣ русскаго духовенства, дѣлая другъ другу уступки, взаимно сплетаясь другъ съ другомъ. Эта часть духовенства, болѣе многочисленная, не годилась для того, чтобы поучать мірянъ, такъ какъ она сама находилась въ процессѣ самообразованія.

Другая часть русскаго духовенства, та именно, которая подъ руководствомъ грековъ и византійской литературы сумѣла въ большой или меньшей степени усвоить византійское міропониманіе, выступала въ качествѣ учительствующей части церкви въ отношеніи и къ мірянамъ, и къ низшему духовенству.

Церковная литература XI в.

261 .Церковные писатели XI в. Церковные писатели XI в. дѣлятся на двѣ—группы: писатели—греки и писатели—русскіе.

Писатели-греки XI в.

262. Митрополиты Леонтій, Георгій и Іоаннъ II. Высшая іерархія нашей церкви Кіевской эпохи, за весьма немногими исключеніями, по происхожденію своему состояла изъ грековъ. Послѣдніе не знали русскаго языка и въ своей дѣятельности вынуждены были прибѣгать къ переводчикамъ. Незнаніе русскаго языка въ значительной степени отдаляло этихъ іерарховъ отъ русской жизни съ ея реальными нуждами и интересами. Къ русской церкви они относились съ той точки зрѣнія, которая особенно живо интересовала въ концѣ X в. и въ XI в. Византію, т. е. съ точки зрѣнія борьбы за преобладаніе, возникшей между константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папой. Въ то время и позже среди скандинавской части княжескихъ дружинъ было не мало христіанъ по латинскому обряду. Число ихъ особенно увеличилось съ того времени когда христіанство распространилось по всей Скандинавіи, т. е. съ XI в. (потому западное христіанское вѣроисповѣданіе у насъ получаетъ названіе варяжскаго). Не малое число лицъ, исповѣдывавшихъ христіанство по западному обряду, принадлежало къ западнымъ торговцамъ, проживавшимъ по нашимъ главнымъ городамъ. Общее количество лицъ исповѣдывавшихъ западное христіанство, было на столько велико, что они имѣли свои храмы въ Новгородѣ (два въ XII в.), Ладогѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Псковѣ и Кіевѣ (нѣсколько). Въ эпоху Кіевской Руси иностранцы пользовались свободой вѣроисповѣданія. Въ высшемъ русскомъ обществѣ, которые по своему происхожденію, само было полуиностраннымъ, нетерпимости не существовало. Другіе классы населенія, пребывавшіе по существу въ язычествѣ, религіозными вопросами не интересовались.

Терпимыя отношенія русскаго общества къ христіанамъ по западному обряду возбуждали опасенія со стороны нашихъ іерарховъ-грековъ. Поэтому и сочиненія ихъ, переве-

денныя съ греческаго на древнерусскій языкъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ главнымъ образомъ полемику съ латинствомъ съ цѣлью предостеречь юную русскую церковь противъ западнаго вѣроисповѣданія. Эти писатели суть слѣдующіе: митрополиты Леонтій (Левъ), Георгій и Іоаннъ II.

Отъ митрополита *Леонтія* (992—1008) сохранилось въ греческомъ подлинникѣ посланіе подъ заглавіемъ «Объ опрѣснокахъ». Въ этомъ посланіи излагаются и разсматриваются главныя, съ византійской точки зрѣнія, отступленія западной церкви отъ восточной. Эти отступленія суть слѣдующія: употребленіе опрѣсноковъ, которому авторъ посвящаетъ большую часть своего посланія, постъ по субботамъ, ежедневное совершеніе литургіи въ великій постъ, безбрачіе духовенства, употребленіе въ пищу удавленины и, наконецъ, ученіе о происхожденіи св. Духа и отъ Сына. Поводомъ къ появленію этого сочиненія, вѣроятно, послужили попытки, дѣлавшіяся тогда папами,—привлечь русскихъ подъ свою власть.

Митрополиту *Георгію* (1065—1079) принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Стязаніе съ латиною». Въ этомъ сочиненіи, явившемся уже послѣ раздѣленія церквей, авторъ прежде всего разсказываетъ о томъ, какъ «латиняне» отлучились отъ православія. Во времена семи вселенскихъ соборовъ латиняне были единомысленны съ греками—«то же глаголюще, то же мысляще». Послѣ этого Римомъ и его землею завладѣваютъ нѣмцы: старые правовѣрные мужи, твердо державшіе законъ Христа, апостоловъ и святыхъ отцовъ, мало по малу перемерли, а молодые, плохо утвердившіеся въ законѣ, поддались нѣмецкой прелести и впали въ рядъ заблужденій. Митрополитъ насчитываетъ 27 заблужденій латинской церкви, среди которыхъ, кромѣ служенія литургіи на опрѣснокахъ, безбрачія духовенства а Filioque, фигурируютъ также совершеніе службы не въ алтарѣ, а во всей церкви и притомъ не одинъ разъ въ день, а три, четыре, пять. «Стязаніе съ латиною», очевидно, имѣло цѣлью оповѣстить русскую паству объ окончательномъ раздѣленіи церквей и представить ей въ общемъ итогѣ всѣ заблужденія западной церкви, изъ-за которыхъ она перестала быть православной.

Митрополитъ *Іоаннъ II* (1080—1089) изображается нашимъ лѣтописцемъ, какъ лицо, выдающееся по своему образованію

(«хытръ книгамъ и ученью»), нравственнымъ качествамъ («милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ») и умѣнію говорить («рѣчистъ»). Отъ него дошло до насъ два сочиненія: «Посланіе къ папѣ Клименту III» и «Церковное правило», написанное въ формѣ посланія къ черноризцу Іакову. Посланіе къ папѣ Клименту III» представляетъ изъ себя отвѣтъ на предложеніе, сдѣланное папой черезъ своего епископа, присоединиться къ западной церкви. Посланіе написано въ очень сдержанномъ тонѣ и очень дипломатично. Митрополитъ пишетъ, что, если папа дѣйствительно твердо держитъ догматы православія, какъ сообщалъ ему присланный отъ папы епископъ, то онъ, митрополитъ, «привѣтствуетъ и лобызаетъ его священную главу» и усердно желаетъ, чтобы Господь устроилъ возсоединеніе церквей. Препятствіемъ къ этому однако служатъ заблужденія западной церкви. Перечисливъ обычно указывавшіяся тогдашними византійцами заблужденія, въ томъ числѣ, несоблюденіе поста въ первую недѣлю четыредесятницы, усвоеніе права совершать таинство миропомазанія только епископамъ, митрополитъ предлагаетъ папѣ обратиться къ константинопольскому патріарху и находящемуся при немъ собору митрополитовъ, которые разсмотрятъ предложеніе папы о соединеніи и постановятъ рѣшеніе.

«Правило церковное вкратцѣ» Іоанна II, ставшее у насъ каноническимъ, имѣетъ совершенно иное содержаніе, чѣмъ предшествующія произведенія. Оно замѣчательно своими указаніями на современный народный бытъ: въ немъ отмѣчается служеніе бѣсамъ (т. е. богамъ), болотамъ, колодцамъ, на чародѣяніе и волхвованіе, на многоженство, на обычай простого народа заключать бракъ безъ церковнаго благословенія на томъ основаніи, что церковный обрядъ нуженъ только князьямъ и боярамъ, на продажу челяди евреямъ и еретикамъ и проч.

Русскіе церковные писатели XI в.

263. Русскіе церковные писатели XI в. Къ наиболѣе выдающимся церковнымъ русскимъ писателямъ XI в. относятся слѣдующіе: Лука Жидята, авторъ сочиненія «О законѣ и благодати», Ѳеодосій Печерскій, Іаковъ Мнихъ и Несторъ.

Лука Жидята.

264. Свѣдѣнія о «Поученіи къ братіи» и объ его авторѣ. «Поученіе къ братіи» найдено было въ началѣ XIX в. въ двухъ спискахъ (XIV-го или XV в.) лѣтописи; оно помѣщено было вслѣдъ за извѣстіемъ о назначеніи Луки Жидяты новгородскимъ епископомъ. Это дало поводъ первому издателю приписать поученіе Лукѣ Жидятѣ. Въ одномъ изъ позднѣе найденныхъ списковъ «Поученіе къ братіи» изложено безъ имени автора и притомъ подъ заглавіемъ: «Слово поученіе іерусалимское». Такое заглавіе дано было «Поученію къ братіи», вѣроятно, потому, что по сжатости изложенія основныхъ религіозно-нравственныхъ истинъ оно уподоблялось апокрифическимъ «эпистоліямъ», ниспосылавшимися будто-бы съ неба въ Іерусалимѣ. Въ одномъ изъ списковъ XVI в. это поученіе носитъ также заглавіе: «Поученіе архіепископа Луки къ братіи». Такимъ образомъ, догадка перваго издателя, повидимому подтверждается.

Лука Жидята, архіепископъ новгородскій (1036—1059) былъ современникомъ Ярослава Мудраго, строителемъ храма св. Софіи въ Новгородѣ и современникомъ кіевскаго митрополита Иларіона (§ 267). Онъ принадлежитъ къ числу первыхъ русскихъ людей, достигшихъ епископскаго сана. Въ 1055 г. холопы Луки оклеветали его передъ кіевскимъ митрополитомъ. Лука былъ вызванъ въ Кіевъ и подвергнутъ заключенію. Въ 1058 г. ему удалось оправдаться, и онъ вернулся въ свою епархію, гдѣ вскорѣ и умеръ.

265. Содержаніе «Поученія къ братіи». «Поученіе къ братіи», по своей краткости и простотѣ изложенія, можетъ служить образчикомъ древнихъ поученій, направленныхъ духовенствомъ къ новообращенной паствѣ, еще плохо разумѣвшей основныя начала новаго ученія и налагаемыя имъ обязанности. Всѣ христіане должны,—поучаетъ Лука,—прежде всего вѣрить въ Бога, и Троицу—Отца, Сына и св. Духа. Затѣмъ нужно вѣрить въ воскресеніе изъ мертвыхъ и жизнь вѣчную для праведниковъ и въ муку вѣчную для грѣшниковъ. Объ обязанностяхъ христіанина авторъ даетъ такія наставленія: «Не лѣнитесь ходить въ церковь и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу и тогда ложись спать

въ постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте и не думайте о постороннемъ, но отъ всей души молите Бога, да отпуститъ Богъ тебѣ грѣхи».

Автору приходится давать своимъ читателямъ и нравственныя наставленія, большею частью весьма элементарнаго свойства: «Чтите стараго человѣка и родителей своихъ; не клянитеся именемъ Божіимъ и никого не заклинайте и не проклинайте. Бога бойтеся, князя чтите... Чтите отъ всего сердца имя Божіе, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не лги и не свидѣтельствуй ложно... Не производи ссоры, да не наречешься сыномъ діавола, но примиряй, да будешь сыномъ Богу... Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братіею... Не рой подъ братомъ ямы, да не вринетъ тебя Богъ въ худшую. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, не воздавайте зломъ за зло... Помните и милуйте странныхъ и убогихъ и заключенныхъ въ темницахъ и будьте милостивы къ своимъ сиротамъ (рабамъ)».

Въ «Поученіи къ братіи» встрѣчаются такія наставленія, которыя касаются и современныхъ пороковъ. Такъ, Лука вооружается противъ лихоимства («судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не дайте») и пьянства («не пей безвременно, но въ мѣру и не до пьянства»).

Но особенно интересны слѣдующія слова «Поученія къ братіи»: «буести не имѣйте, ни гордости». «Буесть» (отъ слова «буй»—высокій) буквально значить высота; чаще всего оно примѣнялось къ полету птицъ и означало «пареніе». Но слово «буесть» имѣло переносный смыслъ: оно означало — самоувѣренность, сознаніе своихъ силъ, отвагу, смѣлость въ борьбѣ и на войнѣ, т. е. такое качество, которое особенно цѣнится и идеализируется въ эпохи, когда царствуетъ грубая физическая сила. «Буесть», качество въ высокой степени цѣнное съ точки зрѣнія свѣтской, княжеско-дружинной, особенно должно было возбуждать протестъ съ точки зрѣнія византійскаго христіанства, проповѣдующаго кротость и смиреніе. Отсюда наставленіе автора: «буести не имѣйте, ни гордости».

Въ связи съ этимъ наставленіемъ находится другое наставленіе автора: «И не буди ино на сердцѣ, а ино въ устѣхъ». Этими словами авторъ вооружается противъ качества, прямо противоположнаго «буести», но не менѣе его

цѣнившагося въ древности, именно противъ хитрости. Достаточно вспомнить, какою славою преданіе окружило Ольгу за ея хитро исполненную месть древлянамъ, за то, что она «переклюкала» византійскаго императора, чтобы понять, какъ проповѣдники христіанства должны были вооружаться противъ хитрости и обмана.

Наконецъ, авторъ обращается еще съ однимъ наставленіемъ: «Москолудство вамъ, братіе, нелѣпо имѣти, ни молвите слова»... Первоначально слово «москолудство» производили отъ словъ «маска» и «луда» (т, е. одежда) и на этомъ основаніи предполагали, что авторъ предостерегаетъ противъ переряживаній. Но затѣмъ найдено было, что словомъ «москолудство» переводится греческое слово «мимологія» и слѣдовательно означаетъ исполненіе мимовъ, шутовство, буффонство. Авторъ въ вышеприведенномъ наставленіи предостерегаетъ своихъ читателей противъ театральныхъ зрѣлищъ, составлявшихъ спеціальность скомороховъ, этихъ музыкантовъ, актеровъ, бродячихъ артистовъ, безъ которыхъ въ древности не обходились пиры и свадьбы; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ убѣждаетъ не употреблять въ разговорѣ ругательныхъ словъ.

266. Предположенія о времени появленія «Поученія къ братіи». Относительно времени повленія «Поученія къ братіи» существуютъ два мнѣнія. Одни полагаютъ, что «Поученіе» было произнесено Лукою при вступленіи въ управленіи Новгородскою епархіей, т. е. въ 1036 г. Другіе предполагаютъ, что «Поученіе» было не проповѣдью, произнесенной устно, въ церкви, а посланіемъ, адресованнымъ Лукою паствѣ письменно въ отсутствіи изъ Новгорода. На это наводитъ заглавіе поученія—«къ братіи», т. е. вѣроятнѣе всего ко всей паствѣ и заключительныя слова «Поученія»: «Богъ же мира со всѣми вами», которыя едва-ли умѣстны въ обыкновенномъ поученіи въ церкви. По всей вѣроятности, «Поученіе къ братіи» послано было въ Новгородъ Лукою Жидятой изъ Кіева, куда онъ часто ѣздилъ по дѣламъ епархіи, а, можетъ быть, въ то время, когда онъ находился тамъ въ качествѣ обвиняемаго и когда, слѣдовательно, у него былъ серьезный поводъ съ особенной силой задуматься надъ христіанскими чувствами и христіанскою жизнью своей паствы. Въ такомъ случаѣ «По-

ученіе къ братіи» должно было появиться значительно позже, между 1055—1058 гг.

«О законѣ и благодати».

(1037—1050).

267. Предполагаемый авторъ сочиненія «О законѣ и благодати». Имя автора сочиненія «О законѣ и благодати» не указано ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ. Изъ самого сочиненія можно извлечь слѣдующіе выводы объ авторѣ: 1) авторъ — русскій человѣкъ, глубоко любящій свою родину, 2) авторъ — духовное лицо, не занимающее, однако, высокаго поста въ церковной іерархіи; 3) авторъ — человѣкъ начитанный и прекрасно владѣющій пріемами литературной рѣчи. 4) авторъ—современникъ Ярослава Мудраго и притомъ лицо, близкое къ нему. Ища среди современниковъ Ярослава М. лицо, которое подходило бы къ этимъ выводамъ, изслѣдователи остановились на Иларіонѣ, первомъ митрополитѣ кіевскомъ изъ русскихъ (1051—1054).

Свѣдѣнія объ Иларіонѣ очень скудны.

Недалеко отъ Кіева находилось село Берестово, бывшее любимымъ мѣстопребываніемъ Ярослава М. Священникомъ мѣстной княжеской церкви былъ Иларіонъ, котораго лѣтопись характеризуетъ, какъ «мужа блага, книжна и постника». На сосѣднемъ холмѣ, у Днѣпра, Иларіонъ выкопалъ себѣ двухсаженную пещеру, въ которую часто уединялся для тайной молитвы Богу. Своею благочестивою жизнью и высокою для того времени образованностью, Иларіонъ обращалъ на себя вниманіе современниковъ. Когда скончался митрополитъ Ѳеопемптъ, соборъ русскихъ епископовъ, по желанію Ярослава, поставилъ Иларіона митрополитомъ русской церкви, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. На этомъ кончаются точныя свѣдѣнія объ Иларіонѣ.

Что касается образованности Иларіона, то существуетъ предположеніе, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которые, по приказанію Владимира, были взяты у знатныхъ родителей для обученія въ первой нашей школѣ у греческихъ учителей (§ 154).

Близость Иларіона къ Ярославу можетъ быть объяснена тѣмъ, что Ярославъ, вѣроятно, самъ получившій образованіе отъ учителей учрежденной отцемъ его школы, любилъ

образованность и окружалъ себя образованными людьми. Въ лѣтописи объ Ярославѣ сообщается, что онъ любилъ читать книги и нерѣдко проводилъ за ними день и ночь, что онъ окружалъ себя лицами, которыя переписывали книги и самъ дѣлалъ переводы съ греческаго языка на древне-русскій. Иларіонъ, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, могъ принимать дѣятельное участіе въ княжескомъ кружкѣ грамотныхъ и образованныхъ людей. Принимая во вниманіе всѣ вышеприведенныя данныя, можно допустить, что авторомъ сочиненія «О законѣ и благодати» былъ Иларіонъ, хотя это допущеніе нуждается еще въ фактическомъ подтвержденіи.

268. Содержаніе сочиненія «О законѣ и благодати». Полное заглавіе сочиненія таково: «О законѣ. Моисѣемъ данѣмъ, и благодати и истинѣ, Іисусъ Христосъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашей». Какъ показываетъ это заглавіе, задача автора состояла въ томъ, чтобы изобразить и объяснить съ всемірно-исторической точки зрѣнія необходимость принятія Русью крещенія со всѣми его послѣдствіями.

Произведеніе дѣлится на три части: 1) въ первой части авторъ разсматриваетъ ветхій завѣтъ («законъ»), какъ подготовительную къ новому завѣту («благодати») ступень; 2) во второй части авторъ прославляетъ князя Владимира, просвѣтившаго Русь христіанскою вѣрою и 3) въ третьей части авторъ обращается къ Богу съ молитвой отъ лица земли Русской.

1) **Первая часть**. «О законѣ, Моисеемъ данѣмъ, и благодати и истинѣ, Іисусъ Христосъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго». Богъ въ своемъ милосердіи предопредѣлилъ спасти павшій родъ человѣческій, ниспославъ на землю своего Единороднаго Сына. Но къ принятію Сына Божія необходимо было родъ человѣческій подготовить. Для этого Господь далъ людямъ сначала законъ, который долженъ былъ воспитывать людей къ принятію благодати. «Онъ положилъ законъ для приго-

товленія людей къ принятію истины и благодати, чтобы человѣческое естество, при руководствѣ закона, уклоняясь отъ идольскаго многобожія, пріучилось вѣровать въ единаго Бога, чтобы человѣчество, какъ сосудъ оскверненный, бывъ омыто закономъ и обрѣзаніемъ, какъ водою, могло принять млеко благодати и крещенія. Законъ былъ предтечею и служителемъ благодати и истины; истина же и благодать служатъ вѣку будущему, жизни безсмертной. Ибо законъ приводилъ подзаконныхъ къ благодатному крещенію: крещеніе же препровождаетъ сыновъ своихъ въ вѣчную жизнь. Моисей и пророки проповѣдали о пришествіи Христовомъ, а Христосъ и его апостолы—о воскресеніи и будущемъ вѣкѣ».

Эту общую мысль авторъ иллюстрируетъ символически, пользуясь для этого параллелями между закономъ и благодатью, установленными уже въ «Палеѣ Толковой на іудеи» (§ 119), а также сравненіями съ различными явленіями и предметами въ природѣ. Законъ онъ сопоставляетъ съ образами Агари и ея сына Измаила, а благодать съ образами Сарры и ея сына Исаака. «Прежде данъ былъ законъ, потомъ благодать, прежде—тѣнь, потомъ—истина. Образы закона и благодати—Агарь и Сарра: Агарь—раба и Сарра—свободная... Изгнана была Агарь съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободной, сталъ наслѣдникомъ отца своего, Авраама. Изгнаны были и Іудеи и разсѣяны между язычниками, а сыны благодати, христіане, сдѣлались наслѣдниками Богу и Отцу. Какъ исчезаетъ свѣтъ луны, когда возсіяетъ солнце, и какъ проходитъ холодъ ночи, когда солнечная теплота согрѣваетъ землю, такъ прешелъ и законъ, когда явилась благодать»...

Мысль о томъ, что законъ имѣлъ временное значеніе и долженъ былъ уступить благодати, дополняется другой мыслью, что законъ имѣлъ узко-національное значеніе, тогда какъ благодать имѣетъ всемірное значеніе, предназначена для всѣхъ національностей. Эта мысль иллюстрируется образами сыновей Іакова, Манассіи и Ефрема (по «Палеѣ Толковой на іудеи»). «Оправданіе іудейское было стѣснено по причинѣ зависти (іудеевъ), ибо не простиралось на другіе народы и находилось только въ Іудеѣ. Но христіанское спасеніе благо и щедро, ибо простирается на всѣ концы земли. Такъ исполнилось на іудеяхъ благословеніе, данное Манас-

сіи, а на христіанахъ—данное Ефрему. Ибо старшаго, Манассію, Іаковъ благословилъ лѣвою рукою, а младшаго, Ефрема,—правой, и такимъ образомъ, Манассія, хотя былъ старше Ефрема, но сдѣлался меньшимъ, по благословенію Іакова. Такъ и іудеи, хотя были прежде христіанъ, но христіане сдѣлались больше іудеевъ, по благодати Христовой».

Нарисовавъ превосходство благодати надъ закономъ, авторъ обращается къ виновнику благодати Іисусу Христу, къ его неизмѣримому человѣколюбію. Рожденный прежде вѣковъ отъ Отца, единосущный Ему, какъ свѣтъ солнцу, Онъ сошелъ на землю для спасенія людей. Будучи однимъ изъ лицъ Троицы, Онъ воплотился. Въ немъ два естества было: божеское и человѣческое. И эти два естества проявляются параллельно во всей земной жизни Христа: какъ человѣкъ, Онъ питался млекомъ матери, какъ Богъ Онъ повелѣлъ ангеламъ съ пастырями пѣть: «слава въ вышнихъ Богу»; какъ человѣкъ, онъ былъ повитъ пеленами, какъ Богъ, путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ, бѣжалъ въ Египетъ, какъ Богу, поклонилась ему «рукотворенная египетская»; какъ человѣкъ, Онъ былъ распятъ, какъ Богъ, по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ нимъ: какъ человѣкъ, вкусилъ оцта и испустилъ духъ, какъ Богъ, помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ, Онъ былъ положенъ въ гробѣ, какъ Богъ, разрушилъ адъ и освободилъ души. Вкусивъ оцта и желчи, онъ уничтожилъ преступленія и грѣхи, порожденные «сладкимъ» адамовымъ вкушеніемъ отъ дерева».

Евреи не приняли ученія Христа, но оно стало распространяться по всему міру и достигло и русскаго народа. «Вотъ уже и мы со всѣми христіанами славимъ святую Троицу... Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами... Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга въ жертву бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся... Прежде мы были подобны звѣрямъ и скотамъ, не разумѣющимъ правой руки отъ лѣвой, заботились только о земномъ и нисколько не пеклись о небесномъ. Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее; но

внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу»...

2) **Вторая часть**. «Похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ». Во второй части авторъ прославляетъ виновника крещенія Руси Владимира (Василія) и отмѣчаетъ при этомъ характерными, имѣющими историческое значеніе, чертами принятіе крещеніе самимъ Владимиромъ и народомъ.

«Славитъ похвалами Римская страна Петра и Павла, черезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія, Асія, Ефесъ и Патмосъ—Іоанна Богослова, Индія—Ѳому, Египетъ—Марка. Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей Владимира, внука древняго Игоря, сына славнаго Святослава, которые, властвуя въ свое время, прославились мужествомъ и храбростью во многихъ странахъ и по своимъ побѣдамъ и силѣ вспоминаются и прославляются до нынѣ. Ибо они господствовали не въ бѣдной и неизвѣстной странѣ, но въ Русской, которая извѣстна во всѣхъ концахъ земли». Когда Владимиръ «съ правдою, мужествомъ и смысломъ» управлялъ своею землею, «пришло на него посѣщеніе Вышняго» и «возсіялъ въ сердцѣ его разумъ». «Онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ Греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и поклоняются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу», и уразумѣлъ «сует идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое». Владимиръ «возгорѣлся духомъ и возжелалъ сердцемъ—быть христіаниномъ». И это желаніе его осуществилось. «Совлекся каганъ нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка; сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши во святую купель, возродился отъ Духа и воды». Но этимъ не удовольствовался Владимиръ: онъ повелѣлъ и всему народу своему креститься, чтобы во всѣхъ городахъ его славили имя святой Троицы малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. «И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крести-

лись, если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему, поелику благовѣріе въ немъ соединено было съ властью». Съ этого времени «тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и нашу землю освѣтило солнце Евангелія: капища разрушены, церкви воздвигаются, идолы низвергаются и явились иконы святыхъ, бѣсы убѣжали, крестъ освѣтилъ города... Поставлены на горахъ монастыри, явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе—всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа».

Послѣ этого въ сочиненіи идетъ самая похвала. Авторъ не можетъ въ достачной степени надивиться доблести, крѣпости и силѣ Владимира, сумѣвшаго исключительно своимъ острымъ умомъ понять, гдѣ истина. «Не видѣлъ ты Христа и не ходилъ по немъ: какъ же сталъ ты ученикомъ Его? Другіе, видѣвъ Его, не вѣровали, а ты, не видѣвъ, увѣровалъ... Знавшіе законъ и пророковъ распяли Христа, а ты не читавъ ни закона, ни пророковъ, распятому поклонился. Какъ разверзлось сердце твое? Какъ вошелъ въ тебя страхъ Божій? Не видѣлъ ты апостола, который бы, пришедъ въ твою землю, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою преклонилъ твое сердце къ смиренію; не видѣлъ, какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ перелагался огонь въ холодъ, какъ воскресали мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ? Дивное чудо! Другіе цари и властители, видя, какъ все это совершилось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданіямъ и мученіямъ. Но ты, блаженный, безъ всего этого притекъ ко Христу; руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, ты постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ невидимаго и видимаго, небеснаго и земнаго, и что послалъ Онъ въ міръ для спасенія людей своего возлюбленнаго Сына».

Отсюда авторъ переходитъ къ прославленію щедротъ и милостынь Владимира къ бѣднымъ, говоря, что о нихъ человѣчество и нынѣ помнитъ, и высказываетъ увѣренность, что за свои милостыни и за обращеніе многочисленныхъ идолопоклонниковъ въ христіанство онъ, подобно Константину Великому, удостоится славы на небесахъ. «Подражатель великаго Константина, равный ему умомъ, равный любовью ко Христу и почитаніемъ служителей Его! Тотъ со святыми отцами Ни-

кейскаго собора положилъ законъ людямъ: а ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ уставить законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Господа. Тотъ покорилъ Богу царство эллинское и римское, а ты, блаженный, то же сдѣлалъ въ Россіи. Тотъ съ матерью своею Еленою утвердилъ вѣру, когда принесъ крестъ изъ Іерусалима и разослалъ части его по всему міру своему: а ты утвердилъ вѣру съ бабкою твоею Ольгою, принесши крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова, и поставивъ его на землѣ своей. И какъ подобнаго Константину, Богъ сдѣлалъ тебя участникомъ славы и чести на небесахъ за благовѣріе, которое имѣлъ ты въ этой жизни».

Какъ на свидѣтелей благовѣрія Владимира, авторъ указываетъ на Десятинный храмъ, построенный имъ, храмъ, въ которомъ покоится честное тѣло его, и на сына его Ярослава (Георгія), который продолжалъ его благочестивыя дѣла. Въ порывѣ ораторскаго воодушевленія авторъ обращается къ Владиміру: «Встань отъ гроба твоего, честная глава, встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! Ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, Жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя отъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на своего возлюбленнаго, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благословенную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возростающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строящаго все сіе».

Послѣ этого обращенія ораторъ представляетъ Владимира уже прославленнымъ на небесахъ и обращается къ нему съ молитвой, чтобы онъ помолился Богу о своей землѣ, о людяхъ своихъ и особенно о сынѣ своемъ каганѣ Георгіи.

3) Третья часть. «Молитва къ Богу отъ всея земли нашея». Въ этой части авторъ обращается къ Богу съ молитвой отъ лица всей русской земли. «Помяни, какъ благій, и насъ, убогихъ твоихъ... Ты—Богъ нашъ, и мы—люди твои, твоя часть, твое достояніе. Не воздѣваемъ рукъ нашихъ къ Богу чуждому, не послѣдуемъ какому-либо пророку, не держимся ученія еретическаго, но призываемъ Тебя, Бога истиннаго... Доколѣ стоитъ міръ сей, не наводи на насъ напасти и искушенія и не предай насъ въ руки иноплеменниковъ, да не назовется градъ твой градомъ плѣненнымъ, и стадо твое—пришельцами въ землѣ не своей, да не скажутъ вопреки намъ народы: гдѣ есть Богъ ихъ? Не напускай на насъ скорби, глада, внезапной смерти, огня, потопленія, чтобы не отпали отъ вѣры нетвердые въ вѣрѣ. Немного накажи, немного помилуй, не сильно порази, но милостиво исцѣли, не надолго оскорби, но вскорѣ утѣшь... Продли милость твою на людяхъ твоихъ, враговъ прогони, миръ утверди, народы укроти, голодъ вознагради изобиліемъ. Государей нашихъ сдѣлай грозными народамъ; боляръ умудри; города распространи, церковь возрости, достояніе твое соблюди, мужей, женъ и дѣтей спаси, находящихся въ рабствѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путешествіи, въ плаваніи, темницахъ, въ алчбѣ, жаждѣ и наготѣ, всѣхъ помилуй, всѣхъ утѣшь, всѣхъ обрадуй, подавай имъ радость тѣлесную и душевную».

Эта молитва, которою заканчивается рѣчь «О законѣ и благодати», была очень цѣнима среди нашего духовенства и вошла въ церковный обиходъ.

269. Комментаріи къ сочиненію «О законѣ и благодати». Сочиненіе «О законѣ и благодати» является замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ XI в. и въ частяхъ своихъ, и въ цѣломъ.

Сочиненіе «О законѣ и благодати» замѣчательно прежде всего, какъ образчикъ русскаго произведенія, написаннаго подъ вліяніемъ образцевъ соотвѣтствующей византійской литературы. Въ немъ замѣтно вліяніе апокрифовъ, житій св. отцовъ и того особаго литературнаго стиля, который былъ

выработанъ византійскими авторами толкованій къ св. Писанію.

Слѣды вліянія апокрифовъ можно видѣть на слѣдующихъ примѣрахъ. Авторъ говоритъ: «яко человѣкъ, (Христосъ) бѣжалъ въ Египетъ, и яко Богу, рукотворенная Египетская поклонишася». Въ каноническихъ евангеліяхъ о поклоненіи Христу египетскихъ идоловъ ничего нѣтъ, а въ апокрифическомъ евангеліи Матѳея объ этомъ имѣется цѣлое сказаніе. Фраза: «Тъ Богъ есть, творяй чудеса, сдѣла спасеніе посредѣ земля крестомъ и мукою на мѣстѣ лобнѣмъ, вкусивъ оцта и желчи да сластнаго вкушенія Адамова, еже отъ древа преступленіе и грѣхы вкушеніемъ горести проженетъ» связана съ одной стороны съ апокрифомъ о распятіи Христа на деревѣ, выросшемъ изъ главы Адама (§ 64), а съ другой — съ преданіемъ о пупѣ земномъ, находившемся въ Іерусалимѣ около мѣста погребенія Христа.

Вліяніе византійской агіографической литературы сказалось во второй части сочиненія, гдѣ восхваляется Владиміръ. Такъ, свѣдѣнія объ обрѣтеніи креста Еленой, о Никейскомъ соборѣ авторъ могъ получить изъ этой литературы. Знакомство автора съ агіографической литературой доказывается особенно слѣдующимъ мѣстомъ сочиненія, въ которомъ Владиміръ противополагается другимъ нечестивымъ царямъ: «Не видѣ апостола пришедша въ землю твою, иже нищетою своею и наготою, и гладомъ же, и жаждою сердце твое клоняща на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняюща именемъ Христовымъ, болящіихъ здравующъ, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ встающе... Инии царіе и властеле, видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ». Изложенныя въ этомъ отрывкѣ свѣдѣнія о нечестивыхъ царяхъ - мучителяхъ, о проповѣдникахъ вѣры и ихъ чудесахъ могли быть почерпнуты только изъ житій святыхъ.

Стиль первой части, въ подражаніе византійскимъ комментаторамъ св. Писанія, состоитъ изъ антитезъ, олицетвореній, отвлеченныхъ понятій и символистическаго параллелизма. Примѣромъ антитезы, т. е. противоположенія, можетъ быть слѣдующая фраза: «Прежде законъ, потомъ благодать; прежде стѣнь (тѣнь), ти потомъ истина». Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій, т. е. изображеніе отвлеченнаго понятія

живымъ существомъ проявляется въ слѣдующей фразѣ: «Благодать же глагола къ Богу: аще нѣсть времени снити ми на землю и спасти міръ, сниди на гору Синай и законъ положи... Послуша и (ея) Богъ яже отъ благодати словесъ и сниде на Синай». Для символистическаго параллелизма византійскіе писатели заимствовали образы или изъ природы, или изъ св. Писанія. Примѣромъ символизма перваго рода могутъ служить сопоставленія закона съ тѣнью, свѣтомъ луны, ночнымъ холодомъ, а благодати — съ сіяніемъ солнца, съ теплотой. Больше примѣровъ символизма второго рода: рабыня Агарь—символъ закона, ветхаго завѣта, свободная Сарра—символъ благодати, новаго завѣта; возложеніе Іаковомъ правой руки на голову младшаго сына, Ефрема, а лѣвой на голову старшаго, Манассіи,—символъ превосходства и побѣды болѣе молодого новозавѣтнаго ученія надъ старымъ ученіемъ.

Вторая часть сочиненія «О законѣ и благодати» еще болѣе замѣчательна, чѣмъ первая: она служитъ нагляднымъ показателемъ той степени просвѣщенія и національнаго самосознанія, котораго достигла въ эпоху Ярослава М. передовая часть обоихъ высшихъ классовъ—духовенства и дружины.

Эпоха Ярослава М. была продолженіемъ эпохи Владимира св. Лѣтописецъ такъ характеризуетъ обѣ эпохи: «При семъ (Ярославѣ) нача вѣра крестьянская плодитися и расширяти... И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и перекладаше отъ грекъ на словеньское письмо, и списаша книгы многы, ими же поучающеся вѣрніи людіе наслажаются ученія божественнаго. Яко же бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинаютъ и ѣдятъ пищу бескудну, тако и сь: отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ, сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное». Владимиръ, по этой характеристикѣ, просвѣтилъ Русь крещеніемъ, а Ярославъ — книгами. Надо замѣтить, что выраженіе «списати» употреблялось въ древности не въ современномъ узкомъ смыслѣ «списывать», а въ широкомъ—писать самостоятельныя сочиненія и переписывать чужія сочиненія. Списываніемъ и самостоятельнымъ литератур-

нымъ творчествомъ занимался, по свидѣтельству лѣтописи, цѣлый кружокъ образованныхъ людей, группировавшихся около князя. Здѣсь, въ этомъ кружкѣ людей, уже съ дѣтства бывшихъ христіанами, происходила интенсивная умственная работа, направляемая началами византійскаго христіанства. Въ то время, какъ и позже, княжеско-дружинный классъ населенія распадался по міровоззрѣнію на двѣ группы. Въ одной группѣ, именно въ той, которая приняла христіанство внѣшнимъ образомъ, царило міровоззрѣніе народное, съ точки зрѣнія котораго освѣщались факты и событія изъ русской жизни. Другая группа, глубже воспринявшая христіанство, ощущала потребность въ замѣнѣ народнаго міровоззрѣнія еврейско-византійскимъ и должна была дѣлать попытки освѣщать факты и событія изъ русской жизни съ новой точки зрѣнія. Къ числу такихъ попытокъ въ эпоху Ярослава М. надо отнести и попытку автора сочиненія «О законѣ и благодати». Во второй части своего сочиненія авторъ дѣлаетъ блестящую попытку освѣтить съ новой точки зрѣнія личность Владимира, создать новый образъ благочестиваго героя и противопоставить его тому образу Владимира, который жилъ въ княжеско-дружинномъ эпосѣ и такъ не подходилъ подъ образы, выработанные еврейско-византійскимъ мышленіемъ.

Въ княжеско-дружинной средѣ, лишь слегка задѣтой христіанствомъ, образъ Владимира рисовался, какъ образъ ласковаго князя, славившагося своими «щедротами и милостынями» и совсѣмъ не рисовался какъ образъ князя равноапостольнаго. Лѣтописецъ, писавшій въ началѣ XII в., замѣчаетъ о Владимирѣ. «Дивно есть се, колико створилъ Русьстѣи земли, крестивъ ю. Мы же, крестьяне суще, не воздаемъ почестья противу онаго воздаянью... Да еще быхомъ имѣли потщаніе и мольбы приносили Богу за нь (него) въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему прославилъ бы и (его)...». Итакъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что и къ его времени личность Владимира не превратилась въ образъ равноапостольнаго князя: современники лѣтописца не воздавали Владимиру столько почести, сколько заслуживалъ подвигъ Владимира; если бы, разсуждаетъ лѣтописецъ, мы ревностнѣе молились Богу за Владимира въ день его смерти, то, можетъ быть, Богъ прославилъ бы его, т. е. отъ Владимира произошли бы чудеся. Но

чудесъ нѣтъ, и это отсутствіе чудесъ, связанныхъ личностью Владимира, повидимому, сильно смущало приверженцевъ новаго міровоззрѣнія.

Авторъ сочиненія «О законѣ и благодати» прекрасно справляется со своей задачей. Владимиръ въ его изображеніи превращается въ князя-просвѣтителя, утвердителя вѣры. Это—князь, удивляющій всѣхъ своею доблестью, крѣпостью и силою: онъ—другъ правды, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо; онъ мужественно владѣетъ мечомъ на защиту своей земли и на утвержденіе своей власти; онъ страшенъ всѣмъ сосѣднимъ народамъ; онъ безъ блазна (затрудненія), съ правдой, мужествомъ и смысломъ пасетъ Богомъ данныхъ ему людей. Но будучи столь мужественнымъ и непобѣдимымъ, Владимиръ склоняется передъ служителями вѣры; покоривъ свое царство Богу, онъ смиренно совѣщается съ епископами о томъ, какъ уставить законъ въ новопросвѣщенномъ народѣ; онъ строитъ и украшаетъ церкви и монастыри, часто присутствуетъ при богослуженіи, оказываетъ покровительство и помощь бѣднымъ, больнымъ, заложникамъ и содержимымъ въ рабствѣ; съ врагами вѣры онъ поступаетъ строго и страхомъ передъ своею властью заставляетъ ихъ умолкать. Даже по смерти онъ не прекращаетъ своихъ заботъ о родной землѣ и церкви, потому что не свойственно умереть тому, кто увѣровалъ во Христа—жизнь всего міра; съ высоты своего небеснаго жилища онъ наблюдаетъ за дѣлами своей земли и молится о ней... Представитель церкви создалъ изъ личности Владимира образъ благочестиваго князя-просвѣтителя, руководствующагося въ своей дѣятельности указаніями учительствующей части церкви. Такъ какъ Владимиръ, добровольно создавшій у насъ христіанскую власть, дѣйствительно, часто руководился въ своей государственной дѣятельности указаніями представителей церкви, то новый образъ Владимира не противорѣчилъ исторіи. Но авторъ сочиненія «О законѣ и благодати» выставляетъ этотъ образъ Владимира, какъ идеалъ для каждаго русскаго князя. Такъ въ лицѣ автора этого сочиненія русская церковь впервые выступила съ идеей о подчиненіи свѣтской власти церковному руководительству.

Создавъ изъ личности Владимира церковный идеалъ князя, авторъ сочиненія «О законѣ и благодати» воспользовался имъ и для другой задачи—для борьбы съ руководительствомъ

грековъ въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, отъ которыхъ Русь приняла крещеніе, сохранили за собою верховную власть въ нашей церкви. Стремясь сохранить за собою эту власть навсегда, греки передавали фактъ крещенія Владимира и Руси по своему, съ точки зрѣнія, которая благопріятствовала ихъ власти. Такъ, легенда о предсказаніи апостола Андрея на горахъ кіевскихъ, повидимому, была греческаго происхожденія: такъ какъ просвѣтителемъ Греціи считался апостолъ Андрей, то этой легендой греки хотѣли выразить ту идею, что Русь въ церковномъ отношеніи представляетъ не болѣе, какъ подчиненную часть Греціи и притомъ съ весьма древнихъ, апостольскихъ временъ. Другая легенда, связанная съ корсунскимъ походомъ Владимира, несомнѣнно уже греческаго происхожденія, занесенная въ Кіевъ «корсунскими попами», которыхъ привезъ Владимиръ. Эта легенда повѣствовала о греческомъ миссіонерѣ къ Владимиру и о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ имъ на Владимира, объ отправленіи Владимиромъ пословъ во всѣ страны для испытанія вѣръ, о слѣпотѣ Владимира наканунѣ крещенія, объ его чудесномъ исцѣленіи въ моментъ крещенія и т. д.

Авторъ сочиненія «О законѣ и благодати» смѣло противорѣчитъ легендамъ греческаго происхожденія: Владимиръ слышалъ о Греческой землѣ, но принялъ онъ крещеніе не вслѣдствіе проповѣди греческаго миссіонера, не потому, что былъ склоненъ къ этому какимъ нибудь апостоломъ или какими нибудь чудесами,—ничего подобнаго,—говоритъ авторъ, — не было, а въ силу своего разумнаго убѣжденія. Сравнивая принятіе крещенія Владимиромъ съ другими царями, авторъ отдаетъ предпочтеніе Владимиру: другіе цари были свидѣтелями чудесъ, которые творили святые: изгнаніе бѣсовъ, превращеніе огня въ холодъ, воскресеніе мертвыхъ и пр., и все таки не приняли крещенія и святыхъ мужей мучили и убивали; а Владимиръ, безъ какихъ нибудь чудесъ, а въ силу одного только убѣжденія принялъ крещеніе. Это даетъ право автору ставить Владимира и его подвигъ наравнѣ съ подвигомъ Константина, а Русскую землю наравнѣ съ Греціей.

Такъ авторъ обосновалъ теоретически независимость русской церкви отъ византійской. Идея такой независимости въ эпоху Ярослава М. была въ русскихъ правительственныхъ

сферахъ очень популярной. Какъ извѣстно, въ концѣ княженія Ярослава удалось назначить кіевскимъ митрополитомъ русскаго человѣка, именно Иларіона.

Будучи замѣчательнымъ въ своихъ частяхъ, сочиненіе «О законѣ и благодати» замѣчательно и въ цѣломъ, по своей идеѣ и по формѣ. Основная идея этого произведенія показываетъ, что въ эпоху Ярослава М. русскимъ образованнымъ людямъ становится уже понятной всемірно-историческая точка зрѣнія, въ еврейско-византійской формѣ, и что они уже умѣютъ примѣнять ее къ своему отечеству.

По формѣ своей сочиненіе «О законѣ и благодати» представляетъ образчикъ цѣльной, превосходно изложенной рѣчи, что служитъ опять-таки яркимъ показателемъ высокой степени просвѣщенія, достигнутой въ эпоху Ярослава М. въ высшей части нашего духовенства.

270. Свѣдѣнія относительно сочиненія «О законѣ и благодати». Сочиненіе «О законѣ и благодати» не могло быть написано раньше 1037 г.: въ сочиненіи своемъ авторъ упоминаетъ великія или золотыя кіевскія ворота, которыя были заложены въ 1037 г. Сочиненіе это не могло быть написано позже 1050 г.: въ немъ упоминается въ живыхъ Ирина, супруга Ярослава, умершая въ 1050 г. Итакъ, сочиненіе «О законѣ и благодати» написано было въ промежуткѣ времени между 1037—1050 гг. Для болѣе точнаго опредѣленія времени его появленія нѣтъ данныхъ.

Гдѣ и по какому поводу произнесена была рѣчь «О законѣ и благодати», — неизвѣстно. Прежде существовало убѣжденіе, что эта рѣчь была произнесена авторомъ въ Кіевѣ въ Десятинной церкви. Вѣроятнѣе, однако, другое предположеніе, состоящее въ томъ, что рѣчь «О законѣ и благодати» не была церковной проповѣдью и потому не была произнесена передъ церковной публикой. *Во-первыхъ*, содержаніе рѣчи слишкомъ отвлеченно для пониманія ея обычной публикой, посѣщавшей тогда церкви; *во-вторыхъ*, самъ авторъ заявляетъ, что онъ со своею рѣчью обращается къ людямъ, «преизлиха насыщшимся сладости книжныя»; *въ-третьихъ*, рѣчь не называется ни поученіемъ, ни словомъ. Эти характерныя черты позволяютъ сдѣлать предположеніе, что рѣчь «О законѣ и благодати» произнесена была въ кругу образованнѣйшихъ лицъ того времени, вѣроятно, во дворцѣ

Ярослава въ присутствіи самого князя. Поводомъ къ этой рѣчи могло послужить какое-нибудь знаменательное событіе въ культурно-просвѣтительной дѣятельности Ярослава, напр., окончаніе построенія цѣлаго ряда церквей.

Ѳеодосій Печерскій.

(1062—1074).

271. Монастыри Кіевской эпохи. Имя преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго тѣсно связано съ развитіемъ у насъ монашества.

Зачатки монастырей у насъ возникли давно, вѣроятно, еще до оффиціальнаго принятія крещенія. При Владимирѣ, по свидѣтельству автора рѣчи «О законѣ и благодати», «монастыреве на горахъ сташа». До Ярослава Мудраго эти монастыри имѣли совершенно особый строй. Нѣсколько лицъ, которыя имѣли тяготѣніе къ монашеской жизни, соединялись въ общину и ставили, каждое для себя, гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ келіи. Обыкновенно келіи эти ставились при приходскихъ церквахъ въ ихъ оградахъ. Таковъ былъ первоначальный типъ нашихъ момастырей, заимствователей изъ Греціи, типъ монастырскихъ слободокъ или скитовъ. Въ эти монастырскія слободки шли далеко не всегда съ цѣлью отреченія отъ міра, съ цѣлями аскетически-дисциплинарными, а нерѣдо съ цѣлью покормиться отъ міра и играть роль «отцовъ» для мірянъ.

Монастыри въ собственномъ смыслѣ слова стали возникать у насъ во второй половинѣ княженія Ярослава Мудраго. Эти монастыри въ Кіевскую эпоху дѣлятся на слѣдующіе разряды: 1) монастыри ктиторскіе, которые основывались князьями и были ихъ собственностью; цѣль этихъ монастырей состояла къ томъ, чтобы постоянно возсылать Богу молитвы о князѣ-основателѣ; 2) монастыри, которые основывались монахами на средства богатыхъ людей; цѣль такихъ монастырей состояла въ удовлетвореніи личнаго желанія богатаго человѣка — имѣть мѣсто для постоянныхъ молитвъ о спасеніи его души; 3) монастыри, которые были основаны монахами съ цѣлями исключительно аскетически-дисциплинарными, «безъ злата и сребра», и развивались «слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ». Изъ 70-ти мо-

настырей Кіевскаго періода, только одинъ, именно Кіевопечерскій, принадлежалъ къ послѣднему типу монастырей.

Относительно монастырей всѣхъ этихъ типовъ необходимо имѣть въ виду, что въ Кіевскомъ періодѣ ни одинъ изъ нихъ не возникъ въ пустынѣ, въ лѣсу или вообще подальше отъ міра: всѣ они построены или въ городахъ, или на очень близкомъ разстояніи отъ нихъ.

272. Кіевопечерскій монастырь и его основатель. Кіевопечерскій монастырь былъ основанъ преподобнымъ Антоніемъ, который былъ родомъ изъ города Любеча Черниговской области. Неизвѣстно, изъ какого класса населенія происходилъ Антоній. Но если принять во вниманіе, что Антоній не принималъ сана священства и оставался простымъ монахомъ и что онъ, вѣроятнѣе всего, былъ неграмотенъ, то можно думать, что онъ происходилъ скорѣе изъ класса городскихъ смердовъ, нежели изъ дружинно-торговаго.

Будучи еще міряниномъ Антоній (мірское имя его неизвѣстно) пожелалъ отправиться въ Грецію, чтобы поклониться мѣстнымъ святынямъ. Онъ былъ на Аѳонѣ, гдѣ посѣтилъ тамошніе монастыри. Строгая подвижническая жизнь греческихъ монаховъ поразила Антонія, и онъ самъ почувствовалъ влеченіе къ отшельничеству. Антоній подъ руководствомъ игумена одного неизвѣстнаго монастыря прошелъ на практикѣ своего рода курсъ монашеской жизни, и былъ постриженъ въ монахи. Съ Аѳона Антоній вернулся на родину и остановился въ Кіевѣ. Это случилось немного времени спустя послѣ поставленія въ митрополиты Иларіона (1051). Антоній обошелъ находившіяся въ Кіевѣ монастырскія слободки, но ни въ одной изъ нихъ не нашелъ истинно-подвижнической жизни и рѣшился устроиться особо, по образцу, усвоенному имъ въ Греціи. Ища себѣ удобнаго мѣста для отшельничества, Антоній въ трехъ верстахъ къ югу отъ Кіева, по сосѣдству съ великокняжескимъ селомъ Берестовымъ, набрелъ на пещеру, вырытую Иларіономъ, и поселился въ ней. (По недошедшему до насъ «Житію Антонія», Антоній былъ на Аѳонѣ раньше и поселился для подвиговъ въ пещерѣ, вырытой варягами и носившей поэтому названіе варяжской). Здѣсь онъ сталъ жить, предаваясь аскетическимъ подвигамъ, «моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то только черезъ день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру и не

давая себѣ упокоя день и нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣніи и молитвахъ». Около времени смерти Ярослава М. (1054) имя Антонія, какъ выдающагося подвижника, сдѣлалось знаменитымъ. Изяславъ, преемникъ Ярослава, приходилъ къ нему съ дружиной за благословеніемъ и молитвой. Къ Антонію стали стекаться монахи, склонные къ аскетическимъ подвигамъ. Скоро составилась монашеская община въ 12 человѣкъ, среди которыхъ особенно сталъ выдаваться своимъ подвижничествомъ юный Ѳеодосій.

Когда пещера приняла видъ настоящаго монастыря, Антоній изъ любви къ уединенію рѣшился искать себѣ новаго мѣста для подвиговъ. Онъ сообщилъ братіи о своемъ намѣреніи и поставилъ имъ въ игумены Варлаама, а самъ съ небольшимъ числомъ единомышленниковъ удалился на сосѣдній холмъ, отдѣленный отъ монастыря глубокимъ оврагомъ, и ископалъ себѣ тамъ вторую пещеру. Въ этой пещерѣ Антоній, съ небольшимъ перерывомъ, подвизался до конца своей жизни (около 1073 г.).

Въ лицѣ Кіевопечерскаго монастыря русская церковь впервые враждебно сталкивается съ свѣтскимъ правительствомъ, съ которымъ шла рука объ руку при Владимирѣ св. и Ярославѣ М. Первое столкновеніе произошло вотъ по какому поводу. Въ монастырѣ постриглись нѣкоторые изъ приближенныхъ къ князю Изяславу лицъ, именно, сынъ боярина Іоанна Варлаамъ и княжій отрокъ Ефремъ Евнухъ. Бояринъ Іоаннъ, узнавъ о поступкѣ сына, разсердился на кіевопечерскихъ монаховъ. Взявъ съ собой многихъ отроковъ своихъ, Іоаннъ пошелъ съ ними «на святое стадо въ пещерѣ, идежѣ всѣхъ разгна», взялъ своего сына Варлаама, велѣлъ ему сбросить съ себя монашеское одѣяніе и одѣться въ свѣтское платье. Изяславъ также разсердился на кіевопечерскихъ монаховъ. Онъ велѣлъ схватить монаха Никона, который при монастырѣ совершалъ обрядъ постриженія, и привести его къ нему. Князь съ гнѣвомъ взглянулъ на Никона и спросилъ его: «Ты ли постригъ боярина и Евнуха безъ моего позволенія»? Никонъ отвѣтилъ: «Благодатіею Божіею я постригъ по повелѣнію Небеснаго Царя Іисуса Христа, призвавшаго ихъ на такой подвигъ». Отвѣтъ Никона привелъ Изяслава въ ярость. «Или увѣщевай ихъ воротиться домой, или я сошлю тебя и всѣхъ твоихъ товарищей въ за-

точеніе, а пещеру вашу повелю раскопать». Такъ погрозилъ князь. Монахи такъ были напуганы этой угрозой, что вмѣстѣ съ Антоніемъ собрались покинуть свою пещеру и спасаться отъ Изяслава въ другую область. Только ходатайства супруги Изяслава спасли Кіевопечерскій монастырь отъ гибели.

Серьезнѣе и значительнѣе по смыслу было второе столкновеніе, о которомъ, къ сожалѣнію, сохранились лишь очень скудныя извѣстія. Объ этомъ столкновеніи «Кіевопечерскій патерикъ» (§§ 297—302) разсказываетъ такъ. Кіевляне, недовольные Изяславомъ за его неумѣлыя дѣйствія противъ половцевъ, освободили изъ кіевской тюрьмы заключеннаго Всеслава Полоцкаго и возвели его на кіевскій престолъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу къ королю Болеславу. Вернувшись оттуда съ польскими войсками, отъ прогналъ Всеслава. «Тогда,—передаетъ «Кіевопечерскій патерикъ»,—Изяславъ, въ Кіевъ вошедъ, начатъ на преподобнаго Антонія гнѣватися зѣло, діаволу наустившу (подстрекнувшему). Нѣкто бо предъ Изяславомъ бяше оклеветалъ, аки бы Антоній Всеслава любилъ и совѣтовалъ ему: тѣмъ же и всему тому смятенію аки бы виновенъ былъ». Итакъ, судя по этому сообщенію, Антоній въ спорѣ, возникшемъ между Изяславомъ и кіевлянами, принялъ сторону народной массы и своимъ авторитетомъ поддержалъ ее противъ Изяслава. Въ своихъ дѣйствіяхъ Антоній руководился, очевидно, интересами правды. Когда Изяславъ снова овладѣлъ кіевскимъ престоломъ, Антоній понялъ, что Изяславъ не проститъ ему такого дѣла. Отъ кіевлянъ, смирившихся передъ Изяславомъ, никакой поддержки нельзя было ожидать, и Антоній, тайно ночью, убѣжалъ въ сосѣднюю Черниговскую область, гдѣ нашелъ защиту у князя Святослава. Впослѣдствіи между Антоніемъ и Изяславомъ состоялось примиреніе, на какихъ условіяхъ, неизвѣстно, и Антоній вернулся въ Кіевъ.

273. Преподобный Ѳеодосій Печерскій. Ѳеодосій (мірское имя его неизвѣстно), сынъ великокняжескаго чиновника (тіуна), родился (вѣроятно, между 1035—1038 гг.) въ Василевѣ, въ Кіевской области; дѣтство и юность онъ провелъ въ Курскѣ, въ Черниговской области, куда отецъ его былъ переведенъ на службу. Съ дѣтства Ѳеодосій обнаружилъ большія способности и быстро выучился грамотѣ; подъ руководствомъ «единаго отъ учитель» въ Курскѣ.

Во время своего обученія онъ узналъ о подвижникахъ христіанскаго монашества и рѣшился въ своей жизни слѣдовать ихъ примѣру. Онъ отказался отъ участія въ играхъ своихъ сверстниковъ, снялъ съ себя свѣтлыя одежды, въ какія одѣвали его родители сообразно своему общественному положенію, и сталъ носить изорванныя платья, чтобы казаться однимъ «отъ убогихъ». Когда Θеодосію исполнилось 13 лѣтъ, умеръ его отецъ. Θеодосій началъ свое подвижничество съ того, что «со всякимъ смиреніемъ» принялъ участіе въ домашнихъ работахъ вмѣстѣ и наравнѣ съ рабами. Съ этого времени начинается для Θеодосія рядъ столкновеній съ его матерью. Мать его была женщина атлетическаго сложенія съ горячимъ и крутымъ характеромъ. Поведеніе сына, совершенно не соотвѣтствовавшее ея общественному положенію, возмутило ее. Сначала она пыталась воздѣйствовать на него убѣжденіями. Когда же послѣднія оказались безуспѣшными, она не задумалась подвергнуть своего сына жестокимъ побоямъ. Но эти побои не уничтожили въ Θеодосіи стремленія подражать подвижникамъ: у него даже возникло желаніе попасть во св. Землю, гдѣ Христосъ «плотію ходилъ». И когда однажды черезъ Курскъ прошли какіе то іерусалимскіе странники, т.-е., вѣроятно, греки, собиравшіе милостыню, Θеодосій ушелъ вмѣстѣ съ ними. Но мать нагнала своего сына по дорогѣ, жестоко избила его, разругала странниковъ и привела его домой связаннымъ. Дома она еще разъ побила его и посадила въ особой комнатѣ на привязи. Черезъ два дня мать освободила Θеодосія отъ привязи, но заковала его ноги въ кандалы. Такъ въ этихъ кандалахъ Θеодосій ходилъ довольно долго. Черезъ нѣкоторое время мать стала упрашивать сына, чтобы онъ не покидалъ ее; она взяла съ него слово, что онъ не уйдетъ, и сняла съ него кандалы.

Послѣ этого Θеодосій сталъ часто посѣщать мѣстную церковь. Узнавъ, что литургіи часто не бываетъ за недостаткомъ просфоръ, онъ сталъ печь просфоры, продавать ихъ и вырученное раздавать нищимъ. Посадникъ Курска взялъ Θеодосія, какъ знатока и любителя церковныхъ службъ, для своей домовой церкви дьякомъ. Въ своемъ новомъ положеніи Θеодосій, окончательно рѣшившій стать монахомъ, надѣлъ на себя желѣзныя вериги. Когда объ этомъ провѣдала мать, на Θеодосія опять посыпались увѣщанія, брань и побои. Разду-

мывая о своихъ обязанностяхъ къ матери и о требованіяхъ христіанскаго ученія, Θеодосій съ особеннымъ вниманіемъ остановился на словахъ Христа: «Аще кто не оставитъ отца или матере и вслѣдъ Мене не идетъ, то нѣсть Мене достоинъ». Эти слова какъ бы свыше санкціонировали преимущество личной склонности Θеодосія передъ требованіями матери, и Θеодосій опять, въ послѣдній разъ, покинулъ родной домъ. Онъ прибылъ въ Кіевъ вслѣдъ за купеческимъ обозомъ, пробывъ въ дорогѣ три недѣли. Тщетно старался Θеодосій попасть въ какой нибудь монастырь; его, какъ бѣдняка, нигдѣ не принимали. Наконецъ, онъ услышалъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ и отправился къ нему. Антоній, увидѣвъ передъ собою юношу 18—20 лѣтъ, сначала отказывался принять Θеодосія, указывая ему, что мѣсто, гдѣ онъ подвизается, «скорбно и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ», и онъ, столь юный возрастомъ, не въ силахъ будетъ «терпѣти на мѣстѣ семъ скорби». Но Θеодосій своими усердными мольбами и настойчивостью склонилъ на свою сторону Антонія, и Θеодосій былъ постриженъ въ монахи (приблизительно въ 1055—1056 гг.). Черезъ четыре года послѣ этого мать, тщетно искавшая своего сына, нашла его, наконецъ, въ пещерѣ Антонія. Между ними произошла бесѣда. Сынъ убѣдительно доказывалъ преимущество иноческой жизни передъ мірской. Мать была покорена доводами сына, и сама постриглась въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей.

Вскорѣ послѣ постриженія Θеодосія, братія печерская ископала большую пещеру, устроила въ ней церковь и келью. Антоній, искавшій уединенія, какъ сказано выше, покинулъ братью, поставивъ надъ нею игуменомъ Варлаама.

Въ старой пещерѣ количество монашествующихъ увеличивалось, и братья съ благословенія Антонія стала выселяться изъ пещеры на поверхность. Братья выпросила у князя Изяслава гору, въ которой находилась пещера, построила на ней церковь, келіи и огородила мѣсто. Такъ возникъ Кіевопечерскій монастырь, получившій свое названіе потому, что монахи подвизались первоначально въ пещерахъ. Это переселеніе совершилось около 1062 г., и около этого же времени, игуменъ Варлаамъ получилъ игуменство въ одномъ монастырѣ, построенномъ княземъ Изяславомъ. Когда

братья обратилась къ Антонію съ просьбой поставить имъ игумена, Антоній указалъ имъ на Θеодосія (1062—1074).

Несмотря на свои молодые еще годы (Θеодосію было около тридцати лѣтъ, когда онъ сдѣлался игуменомъ) Θеодосій превосходилъ всю братію своими аскетическими подвигами. Подъ его управленіемъ въ монастырѣ началось сильное воздержаніе, великое пощеніе и молитвы со слезами. Количество братіи стало увеличиваться и дошло до 100. Въ то же время Θеодосій рѣшилъ пересоздать монашескую жизнь по какому нибудь хорошему греческому монастырскому уставу. Случай ему помогъ въ этомъ. У одного греческаго монаха, явившагося къ намъ изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ, Θеодосій нашелъ уставъ Студійскаго монастыря. На основаніи этого устава Θеодосій установилъ въ монастырѣ, «какъ пѣнья пѣти монастырская и поклонъ какъ держати и чтенія почитати и стоянье въ церкви и весь рядъ церковный и на трапезѣ сѣданія и что ясти въ кія дни». Пытался также Θеодосій осуществлять въ монастырѣ и главное требованіе студійскаго устава: общность имущества для всей братіи и отсутствіе частной собственности. Никто изъ монаховъ не имѣлъ права держать у себя въ немъ ничего, и если Θеодосій находилъ у кого-нибудь лишнее имущество, одежду, пищу, то онъ отбиралъ все это и бросалъ въ огонь. Монахамъ запрещалось даже срывать ягоды или колосья въ полѣ и ѣсть ихъ въ отдѣльности. Точно также общая молитва ставилась выше частной молитвы въ кельѣ. Самъ игуменъ оказывался наилучшимъ исполнителемъ устава.

Подвиги монаховъ Кіевопечерскаго монастыря и самого Θеодосія не выходили изъ предѣловъ низшихъ, такъ сказать, подготовительныхъ видовъ подвижничества (добровольная бѣдность, неустанный трудъ, бодрствованіе, постъ, молитва). Доказательствомъ служитъ исходъ столкновенія, происшедшаго между Θеодосіемъ и великимъ кіевскимъ княземъ Святославомъ. Святославъ отнялъ у старшаго брата Изяслава престолъ его (1073). Θеодосій вооружился противъ поступка Святослава. Онъ сталъ открыто противодѣйствовать ему и настаивалъ на возвращеніи престола Изяславу. Θеодосій, увидѣвъ, что его старанія были безплодны, написалъ Святославу обширную «епистолію, обличая того и глаголя: гласъ

крове брата твоего вопіетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина, и иныхъ многихъ гонитель и убойникъ и братоненавистникъ приводя». Получивъ это посланіе (не дошедшее до насъ). Святославъ въ гнѣвѣ хватилъ имъ объ полъ, «яко левъ, рыкну на преподобнаго» и рѣшилъ избавиться отъ смѣлаго обличителя, отправивъ его въ заточеніе. Рѣшеніе князя испугало братію. Она приступила къ Ѳеодосію, умоляя его прекратить свои обличенія князя; бояре также старались убѣдить Ѳеодосія измѣнить свои отношенія къ Святославу. Ѳеодосій понималъ, что отъ его рѣшенія зависитъ очень многое: и личное душевное спасеніе, и характеръ кіевопечерскаго монашества. Онъ говорилъ, что готовъ и на заточеніе, и на смерть, чтобы получить мученическій вѣнецъ. Однако въ рѣшительную минуту у Ѳеодосія не хватило нравственнаго мужества продолжать свою борьбу за попранныя права Изяслава: самый сильный, мужественный и независимый изъ древнекіевскихъ подвижниковъ уступилъ мольбамъ братіи и убѣжденіямъ бояръ. Уступка Ѳеодосія была для него и для руководимаго имъ монастыря нравственнымъ пораженіемъ, а для Святослава крупной побѣдой свѣтской власти надъ церковью.

Чтобы закрѣпить свои новыя отношенія съ Ѳеодосіемъ, Святославъ, какъ умный политикъ, подарилъ монастырю землю подъ каменный храмъ. Съ этого времени Святославъ сталъ часто посѣщать монастырь и охотно выслушивалъ поученія Ѳеодосія, поскольку послѣднія не касались жизненныхъ для него вопросовъ. Мало того, Святославъ дѣлалъ Ѳеодосію уступки въ мелочахъ. Такъ, онъ, напр., для Ѳеодосія отмѣнилъ увеселенія въ своемъ дворцѣ на тѣ дни, въ которые являлся къ нему Ѳеодосій. Случилось это вотъ по какому поводу. Однажды явился во дворецъ князя Ѳеодосій. У князя было веселье: музыка и пѣніе. Ѳеодосій сѣлъ въ сторонѣ и съ грустью опустилъ голову. А затѣмъ, обратившись къ князю, сказалъ ему: «будетъ ли такое веселье на томъ свѣтѣ»? Святославъ прослезился и немедленно остановилъ веселье.

Съ этого времени для кіевопечерской братьи наивысшими подвигами оказываются физическій трудъ, состоявшій въ томъ, что подвижники рубили дрова, таскали ихъ въ монастырь, носили воду, плотничали, работали на поварнѣ;

иными словами, братія, въ сущности совершала тѣ труды, которые обычны были и для мірянъ того времени. Труднѣе былъ для братіи подвигъ лишенія пищи и сна. Для большинства братіи самъ Θеодосій вынужденъ былъ ввести вмѣсто ночного отдыха дневной. И несмотря на это «бѣсы» все таки соблазняли братію, и она часто поддавалась ихъ соблазну.

И низшіе виды подвижничества оказались тяжелыми для братіи настолько, что нерѣдко монахи убѣгали изъ монастыря и надолго пропадали, и потомъ, насладившись свободой, возвращались обратно. Самъ Θеодосій снисходительно относился къ такимъ исчезновеніямъ монаховъ и принималъ ихъ обратно.

Мышленія по религіозно-нравственнымъ вопросамъ въ монастырѣ не существовало. Изученіе св. Писанія и вообще книгъ религіозно-нравственнаго содержанія далеко не поощрялось, такъ какъ книжная хитрость могла повести къ духовной гордости. Если у кого-нибудь изъ подвижниковъ возникала любовь къ чтенію, то это качество объяснялось дьявольскимъ внушеніемъ. Одному изъ братіи Никитѣ-затворнику явился бѣсъ въ видѣ ангела, который посовѣтовалъ ему не молиться, а читать книги. Никита Затворникъ прельстился, пересталъ молиться и отдался чтенію. Онъ зналъ наизусть всѣ книги Ветхаго Завѣта, но избѣгалъ читать Евангеліе и Апостола. Братія стала подозрѣвать, что это—дѣло бѣса. Она собралась и рѣшила изгнать бѣса изъ Никиты. Бѣсъ былъ изгнанъ, и Никита забылъ все, что зналъ по Ветхому Завѣту. Другой монахъ зналъ три языка: еврейскій, греческій и латинскій; но и онъ оказался одержимымъ бѣсомъ; съ изгнаніемъ бѣса онъ забылъ эти языки. Такимъ образомъ, религіозно-нравственное образованіе среди Кіевопечерскихъ монаховъ было слабо и даже въ принципѣ не особенно одобрялось.

Въ 1074 г. Θеодосій смертельно заболѣлъ: его могучее здоровье было надорвано, съ одной стороны, вѣроятно, лишеніями, которымъ онъ подвергалъ себя, а съ другой, вѣроятно, тѣмъ нравственнымъ потрясеніемъ, которое онъ испыталъ отъ исхода столкновенія съ княземъ Святославомъ. Послѣ непродолжительной болѣзни онъ скончался.

Со смертью Θеодосія суровость студійскаго устава совершенно ослабляется въ Кіевопечерскомъ монастырѣ: у монаховъ открыто заводится своя собственность; монахи дѣлятся на богатыхъ и бѣдныхъ; монахи заводятъ себѣ на

сторонѣ заработки; для поступленія въ монастырь требуется внесеніе вклада. Такъ монастырь, основанный «безъ злата и сребра», «слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ», измѣнился въ своемъ характерѣ и закрылся для бѣдныхъ.

274. «Слова» Θеодосія къ кіевопечерскимъ инокамъ. Преподобному Θеодосію приписываются десять поученій къ инокамъ. Изъ нихъ въ полномъ видѣ дошли до насъ пять поученій, а другія въ отрывкахъ. Заглавія дошедшихъ до насъ поученій таковы: два поученія «О терпѣніи и о любви», одно «О терпѣніи и милостынѣ», одно «О терпѣніи и о смиреніи» и одно «О хожденіи къ церкви и о молитвѣ». Такимъ образомъ, въ четырехъ поученіяхъ упорно проповѣдуется о терпѣніи, котораго, очевидно, не хватало инокамъ, и которымъ, наоборотъ, въ значительной степени отличался самъ Θеодосій.

Въ поученіяхъ къ инокамъ Θеодосій, *во-первыхъ*, рекомендуетъ братіи питать къ Богу самоотверженную и дѣятельную любовь, совершать монашескіе подвиги терпѣливо и мужественно, возненавидѣть міръ, и мірское, непрестанно каяться, гнать отъ себя злые помыслы и достойно выдерживать великій постъ, который онъ называетъ десятиной, удѣляемой нами Богу изъ цѣлаго года.

Во-вторыхъ, Θеодосій наставляетъ о хожденіи въ церковь и учитъ, какъ вести себя тамъ. Онъ уподобляетъ монаха воину. Когда раздается трубный звукъ, воинъ уже не спитъ. Забывая жену, дѣтей, имущество, даже жизнь свою, онъ устремляется въ битву, увлекаемый идеаломъ преходящей славы. У монаха болѣе возвышенная цѣль: борьба съ злыми силами. Побѣда надъ этими силами вознаграждается безконечной славой и неизреченной честью. Поэтому и монахъ съ ударомъ призывнаго колокола долженъ устремляться къ святой церкви на божественное пѣніе. Стоять въ церкви нужно со страхомъ, склонивъ голову внизъ, а умъ вознося къ Вышнему.

Въ-третьихъ, Θеодосій обличаетъ братію за ихъ ропотъ, вызывавшійся тѣмъ, что Θеодосій не принималъ въ монахи такихъ лицъ, которыя оказывались во время испытанія слабыми и нерадивыми, и давалъ въ монастырѣ пріютъ и содержаніе странникамъ и бѣднымъ. Затѣмъ онъ обличаетъ братію за недостатокъ смиренія, покорности, за лѣность, нехо-

жденіе въ церковь, нерадѣніе о своемъ спасеніи и пр. «Читаемъ житія святыхъ, — говоритъ Ѳеодосій, — и затыкаемъ уши, чтобы не слышать объ ихъ мужествѣ... а на рѣчи неприличныя, на укоры, на гнѣвъ не лѣнивы: на это и уста отверзаемъ, и очи не дремлютъ, и ухо отверсто». «Когда время службы зоветъ насъ въ церковь, тогда сатана омрачаетъ наши сердца лѣностью, чтобы не идти не только въ церковь, но и на трапезу. О павечернѣ нечего и говорить: сколько разъ я говорилъ о томъ, а нѣтъ ни одного, кто бы послушалъ». Онъ обличаетъ братію за то, что они въ церкви опираются на стѣны и столбы.

«Поученія» Ѳеодосія отличаются простотой и непритязательностью изложенія. О себѣ Ѳеодосій говоритъ со смиреніемъ, называя себя «грѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ» братіи, «убогымъ», «худымъ»; наоборотъ, въ отношеніи къ слушателямъ онъ употребляетъ нѣжныя и ласковыя выраженія: «любимцы мои», «отцы и братія моя», «возлюбленные», «братія моя любимая», «чада духовная избранная».

Іаковъ Мнихъ.

275. Іаковъ Мнихъ и его труды. Біографія монаха Іакова скудна фактами и состоитъ почти изъ однихъ только предположеній. Предположенія эти таковы. Ѳеодосій Печерскій, передъ своею смертью въ 1074 г., предлагалъ братіи выбрать на свое мѣсто въ игумены пресвитера Іакова. Послѣдній былъ постриженъ не въ Печерскомъ монастырѣ. Онъ явился сюда съ Альты, т.-е., по всей вѣроятности, изъ Переяславскаго монастыря Бориса и Глѣба, построеннаго на томъ мѣстѣ у рѣки Альты, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Вѣроятно, Іаковъ Мнихъ это то же лицо, что и черноризецъ Іаковъ, на вопросы котораго отвѣчаетъ «Правило церковное вкратцѣ» митрополита Іоанна II. Наконецъ, Іаковъ Мнихъ, вѣроятно, одно и то же лицо съ духовникомъ великаго князя Изяслава Ярославича (Димитрія), если судить по надписи на посланіи многогрѣшнаго чернеца Іакова къ Божію слугѣ— посланіе «нѣкоего отца къ духовному сыну».

Іакову Мниху принадлежатъ слѣдующія житія: 1) «Сказаніе страстей и похвала объ убіеніи святую мученику Бориса и Глѣба», и 2) «Память и похвала князю русскому Володи-

меру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести, и всю землю русскую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Ольга прежде Володимера».

1) **«Сказаніе страстей»**. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ представляетъ изъ себя подробный разсказъ объ убіеніи Святополкомъ своихъ братьевъ Бориса и Глѣба. Разсказу объ этомъ событіи предшествуетъ краткое введеніе, въ которомъ повѣствуется о сыновьяхъ Владимира и о смерти послѣдняго. За разсказомъ объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось убіеніе Бориса и Глѣба, слѣдуетъ изложеніе борьбы Ярослава съ Святополкомъ до побѣды перваго надъ послѣднимъ и восшествія его на престолъ.

«Сказаніе страстей» представляетъ первый опытъ изображенія Бориса и Глѣба съ византійско-христіанской точки зрѣнія. Цѣль автора состояла въ томъ, чтобы выразить въ образахъ Бориса и Глѣба идею братолюбія, въ лицѣ Святополка изобразить мрачнаго мучителя христіанъ, а въ лицѣ Ярослава М. — героя мстителя за правое и святое дѣло. Эти образы, освѣщенные колоритомъ византійско-христіанскаго міровоззрѣнія, были выставлены авторомъ, какъ идеальныя мѣрила должнаго и недолжнаго, какъ образцы, которыми слѣдуетъ и не слѣдуетъ руководиться въ своей жизни. Авторъ, такимъ образомъ, этимъ своимъ произведеніемъ продолжалъ опытъ созданія изъ русскихъ матеріаловъ новыхъ идеаловъ, опытъ. начало которому было положено авторомъ рѣчи «О законѣ и благодати».

Отличительной чертой стиля этого произведенія является стремленіе автора къ драматизму изложенія: авторъ вкладываетъ въ уста Бориса и Глѣба много длинныхъ рѣчей, содержаніе которыхъ состоитъ въ ожиданіи смерти. въ жалобныхъ сѣтованіяхъ и въ обращеніи къ Богу съ молитвами.

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ написано или въ концѣ княженія Ярослава Мудраго, или въ началѣ княженія Изяслава Ярославича, (это вытекаетъ изъ того, что Іаковъ ни слова не говоритъ о церкви, построенной въ Вышгородѣ Изяславомъ въ честь Бориса и Глѣба въ 1072 г.), но не позже 1072 г. Будучи первымъ у насъ историческимъ русскимъ произведеніемъ, оно до сихъ поръ важно, какъ древнѣйшій первоисточникъ, откуда почерпаются первыя свѣдѣнія объ излагаемыхъ событіяхъ.

2) **«Память и похвала кн. Володимеру»**. Второе житійное произведеніе Іакова Мниха написано вслѣдъ за предыдущимъ произведеніемъ. Это не столько историческое произведеніе по цѣли, которую поставилъ себѣ авторъ, сколько похвальное. Историческіе факты изложены авторомъ въ общихъ чертахъ, безъ конкретныхъ подробностей. «Память и похвала князю Володимеру» распадается на нѣсколько частей, далеко не всегда связанныхъ другъ съ другомъ. Въ первой части идетъ рѣчь о намѣреніи Владимира принять крещеніе. Говоря объ этомъ, авторъ сообщаетъ, что Владимиръ былъ побужденъ къ принятію крещенія двумя обстоятельствами: Богъ, «провидѣвъ доброту сердца его и призрѣвъ съ небеси милостію своею, просвѣтилъ доброту сердца его принять святое крещеніе; во-вторыхъ, тѣмъ, что слышалъ «о бабкѣ своей Ольгѣ, какъ, шедши къ Царю-городу, приняла она святое крещеніе, и какъ пожила потомъ добрѣ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлы украсившися», и возгорѣлъ желаніемъ подражать ей. Во второй части авторъ говоритъ кратко и въ общихъ чертахъ, что сначала крестился Владимиръ, а затѣмъ крестилъ и весь народъ. Изъ словъ Іакова Мниха видно, что Владимиръ крестился за два года до похода на Корсунь,—гдѣ, объ этомъ онъ не говоритъ,—что два года спустя, т. е. уже будучи христіаниномъ, Владимиръ предпринимаетъ походъ на Корсунь. Это свидѣтельство Іакова Мниха чрезвычайно драгоцѣнно, если сопоставить его съ извѣстіями византійскихъ лѣтописцевъ: послѣдніе не сообщаютъ, что Владимиръ принялъ крещеніе отъ грековъ, хотя о женитьбѣ Владимира на греческой царевнѣ говорятъ. Въ третьей части находится похвала Владимиру. Авторъ называетъ его апостоломъ въ князьяхъ и сопоставляетъ съ Константиномъ Великимъ. Четвертая часть заключаетъ въ себѣ похвалу Ольгѣ, къ которой авторъ переходитъ, сказавши сначала о матери Константина Еленѣ. Іаковъ кратко сообщаетъ о путешествіи Ольги въ Константинополь, о ея крещеніи тамъ (это теперь отрицается наукой), объ ея возвращеніи обратно, о сокрушеніи бѣсовскихъ требищъ, объ ея смерти. Пятая часть содержитъ похвалу христіанскимъ добродѣтелямъ Владимира, разсказъ о побѣдахъ его и походѣ на Корсунь. Прославляя добродѣтели Владимира, Іаковъ Мнихъ подчеркиваетъ чествованіе Владимиромъ господскихъ праздниковъ, во время которыхъ

онъ ставилъ по три трапезы: одну митрополиту и епископамъ со священниками и монахами, другую нищимъ и третью себѣ съ боярами; особо говоритъ онъ о любви Владимира къ милостынѣ. Шестая часть содержитъ образъ дѣяній Владимира послѣ крещенія съ хронологіей главныхъ фактовъ и разсказъ о кончинѣ Владимира.

Основная идея этого произведенія та же, что и въ рѣчи «О законѣ и благодати.

«Память и похвала князю Владимиру» послѣ произведенія «О законѣ и благодати» является главнымъ источникомъ для исторіи княженія Владимира и особенно обстоятельствъ его крещенія и крещенія Руси.

Преподобный Несторъ.

(1057—1116).

276. Преподобный Несторъ и его труды. Біографія преподобнаго Нестора располагаетъ крайне ничтожнымъ количествомъ фактовъ. Родился Несторъ въ 1057 г. Вскорѣ послѣ смерти преп. Θеодосія, т. е. послѣ 1074 г., Несторъ пришелъ въ Кіевопечерскій монастырь, игуменомъ котораго былъ въ то время Стефанъ. Онъ былъ постриженъ въ монахи и въ скоромъ времени при Стефанѣ же былъ поставленъ въ діаконы, или іеродіаконы. Въ этомъ санѣ, не позже 1091 г., Несторъ написалъ два произведенія, сначала— житіе Бориса и Глѣба, а затѣмъ житіе преподобнаго Θеодосія. Кромѣ того, Несторъ написалъ «Сказаніе, чего ради прозвася Печерскій монастырь» и «Слово о перенесеніи мощей Θеодосія» съ краткой похвалой Θеодосію; этими произведеніями воспользовался неизвѣстный редакторъ «Кіевопечерской лѣтописи», части которой сохранились во «Второмъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ» (§ 312) и въ «Кіево-Печерскомъ Патерикѣ». (§§ 297—302). Умеръ преподобный Несторъ около 1116 г.

1) **«Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба».** Приступъ къ «Чтенію» начинается молитвой автора о поданіи ему разума и исповѣданіемъ своей грубости неразумія и продолжается изображеніемъ божественнаго домостроительства отъ сотворенія неба и земли и до озаренія свѣтомъ христіанства Русской земли. Сказавши затѣмъ о Владимирѣ и крещеніи Руси, авторъ переходитъ

къ жизни Бориса и Глѣба. Онъ ничего не говоритъ о рожденіи ихъ, вѣроятно, потому, что при рожденіи ихъ Владиміръ былъ еще язычникомъ и никакихъ матеріаловъ для назиданія нельзя отсюда извлечь. О дѣтствѣ Бориса и Глѣба преподобный Несторъ, конечно, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Отсутствіе ихъ авторъ восполнилъ общими мѣстами: Борисъ и Глѣбъ были «яко двѣ здвѣздѣ свѣтлѣ, святящеся посредѣ темныхъ»: они усердно читали божественныя книги, житія и мученія святыхъ; ихъ сердца расжигались жаждой подражить святымъ и уклоняться отъ мірской суеты; они прилежно во всѣ часы упражнялись въ молитвѣ; подобно отцу, они творили щедрую милостыню нищимъ, вдовамъ и сиротамъ; наконецъ, они сходны съ тѣми святыми, имена которыхъ получили, именно съ св. Романомъ сладкопѣвцемъ и царемъ Давидомъ. Далѣе идетъ разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба Святополкомъ. Касаясь историческихъ событій, авторъ или старается говорить неопредѣленно или противорѣчитъ истинѣ. Въ этомъ отношеніи поучительно сравненіе «Чтеній» преподобнаго Нестора съ «Сказаніемъ страстей» Іакова Мниха, который въ большей степени является лѣтописцемъ.

Такъ, напр., Іаковъ, разсказывая о предсмертной болѣзни Владиміра, сообщаетъ, что Владиміръ призвалъ изъ Ростова Бориса и отправилъ его съ войскомъ противъ печенѣговъ, начавшихъ войну. Несторъ, разсказывая объ этомъ же фактѣ, не называетъ враговъ по имени, а просто говоритъ что въ страну Владиміра «придоша ратніи». Іаковъ, разсказывая о замыслахъ Святополка на братьевъ послѣ смерти Владиміра, сообщаетъ, что Святополкъ пользовался совѣтами и помощью вышнегородцевъ съ Путшей во главѣ и имъ поручилъ совершить убійство Бориса; Несторъ просто говоритъ о слугахъ Святополка: «И вложи зло въ сердце его (Святополка), да пословъ на пути погубить (Бориса) и онъ же посла слуги своя погубити, избра мужи неистовыя, посла на блаженнаго Бориса...». Іаковъ сообщаетъ, что Борисъ, отправившись противъ печенѣговъ, не нашелъ ихъ и вернулся назадъ; Несторъ передаетъ это иначе: «ратніи же, яко услышаша блаженнаго Бориса, идуща съ вои, бѣжаша, не дерзнуша стати противу блаженному».

Уступая аналогическому произведенію Іакова Мниха въ

исторической вѣрности, произведеніе преп. Нестора превосходитъ его, какъ образецъ житія. Идея его—та же, что и у Іакова Мниха, т. е. братолюбіе. Во вторую половину XII в., когда между сыновьями Ярослава М. происходили междоусобія, произведеніе Нестора являлось опытомъ церковной критики и церковнаго осужденія этого междоусобія.

2) **«Житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго»**. Несторъ попалъ въ Кіевопечерскій монастырь, когда Ѳеодосія уже не было въ живыхъ, но въ монастырѣ еще были монахи, не только хорошо помнившіе Ѳеодосія монахомъ и игуменомъ, но и знавшіе эпизоды изъ его дѣтства. Поэтому Несторъ имѣлъ возможность собрать обильный матеріалъ для житія Ѳеодосія. Хотя Нестору, какъ лицу только грамотному, не удалось на основаніи собранныхъ фактовъ возсоздать индивидуальный образъ Ѳеодосія, однако составленное имъ «Житіе» является однимъ изъ лучшихъ въ ряду подобныхъ произведеній.

277. Стиль житій святыхъ. Житія святыхъ, какъ они сложились въ Византіи, представляютъ своеобразное сочетаніе двухъ формъ словесныхъ произведеній: 1) біографіи и 2) панегирика (восхваленія, «похвалы»). Въ нихъ излагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ факты изъ всей жизни святого, но не всѣ, а только такіе, которые возвышаютъ изображаемое лицо, идеализируютъ его, выставляютъ его, какъ святого. Такъ, Владиміръ извѣстенъ, какъ полководецъ, совершившій не мало походовъ,—и какъ реформаторъ; въ нашихъ житіяхъ Владиміръ изображается, только какъ князь, принявшій крещеніе и распространявшій христіанство въ народѣ, т. е. изъ его жизни выбраны такіе факты, которые дѣлали его свытымъ.

Стиль житій святыхъ отличается художественностью, достигаемою тремя способами: 1) обиліемъ сравненій и сопоставленій, 2) размышленіями и рѣчами дѣйствующихъ лицъ и 3) разнаго рода оговорками и замѣчаніями.

1) **Сравненія и сопоставленія**. Сравненія и сопоставленія, вводимыя при посредствѣ часто встрѣчающагося въ житіяхъ слова «яко», можно раздѣлить на а) общія и б) частныя.

а) Общія сравненія. Общимъ сравненіемъ называется уподобленіе всей жизни святого жизни другого извѣстнаго, болѣе древняго святого. Такъ, Владиміръ въ житіяхъ срав-

нивается непремѣнно съ Константиномъ В. Борисъ и Глѣбъ называются мучениками. Въ дѣйствительности Борисъ и Глѣбъ не имѣютъ ничего общаго съ древними мучениками, которые пострадали за свои убѣжденія, за преданность вѣрѣ. Но Борисъ и Глѣбъ умерли, какъ мученики, и эта черта ихъ біографіи давала поводъ авторамъ житій вообще уподоблять Бориса и Глѣба древнимъ мученикамъ.

б) *Частныя сравненія.* Частными сравненіями называются такія, которыя примѣняются къ отдѣльнымъ эпизодамъ или чертамъ изъ жизни изображаемаго святаго. Такъ, въ «Житіи» Ѳеодосія Печерскаго разсказывается, какъ великій князь Изяславъ, не зная хорошо монастырскаго устава, пришелъ въ Печерскій монастырь въ полдень, когда для братіи полагался отдыхъ, и въ монастырь никто не впускался. Изяславъ постучался въ ворота. Привратникъ отворилъ. Хотя привратникъ узналъ князя, однако самъ не рѣшился впустить его въ такое время и пошелъ сначала за разрѣшеніямъ къ игумену. Авторъ житія находитъ сравненіе для этого эпизода. Именно въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» разсказывается, какъ апостолъ Петръ пришелъ однажды въ домъ, гдѣ было собраніе апостоловъ. Такъ какъ Петръ опоздалъ на собраніе, то служанка, открывшая ему двери, не впустила его, а пошла сначала возвѣстить объ его приходѣ собравшихся уже апостоловъ. Преп. Несторъ, приведя это сравненіе, замѣчаетъ, что Изяславъ стоялъ и стучался, подражая апостолу Петру. Въ дѣйствительности никакого подражанія тутъ со стороны Изяслава не было. Но стиль житій требовилъ обилія сравненій, и авторъ болѣе или менѣе искусно старался удовлетворить этому требованію. Въ погонѣ за сравненіями авторы житій иногда попадали въ большія затрудненія, изъ которыхъ они съ трудомъ выбирались. Вотъ примѣръ. Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Романъ и Давидъ. На этомъ основаніи преп. Несторъ сравниваетъ Бориса съ Романомъ, а Глѣба съ Давидомъ. Между Глѣбомъ и Давидомъ то сходство, что оба были у родителей младшими сыновьями. Тутъ сравненіе оказывается легкимъ. Труднѣе, было сопоставить Бориса съ Романомъ. Въ житіи св. Романа повѣствуется, что этотъ святой обладалъ поэтическимъ дарованіемъ; св. Романъ сочинилъ много священныхъ пѣсенъ, за что получилъ названіе «сладкопѣвца». Поэтическое даро-

ваніе св. Романъ получилъ чудеснымъ образомъ. Однажды Богородица принесла ему свитокъ, который велѣла ему съѣсть; онъ не съѣлъ его, и свитокъ былъ похищенъ діаволомъ. Богородица принесла другой свитокъ, который святой съѣлъ. Тогда у святого стали проявляться поэтическія наклонности. Таковы матеріалы, даваемыя біографіей Романа, для сравненія Бориса съ св. Романомъ. Преподобный Несторъ нашелъ сходство между ними въ слѣдующемъ: подобно тому какъ свитокъ былъ у Романа похищенъ діаволомъ, такъ жизнь была похищена у Бориса Святополкомъ.

Сравненія пріискивались не только для святыхъ, но и для ихъ противниковъ. Такъ, Святополкъ сопоставляется съ Каиномъ и Юліаномъ-отступникомъ.

2) **Размышленія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ.** Размышленія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ вводятся съ цѣлью ярче освѣтить какую нибудь характерную черту святого, для изображенія которой не достаетъ реальныхъ фактовъ. Чтобы убѣдить читателей, что смерть Бориса и Глѣба можно назвать мученической. преп. Несторъ заставляетъ Бориса и Глѣба предаваться соотвѣтственнымъ размышленіямъ и говорить соотвѣтствующія рѣчи. Такъ, Борисъ, услышавъ о смерти отца, о вступленіи на престолъ нелюбимаго кіевлянами брата его, Святополка, отвергаетъ предложенія своихъ приближенныхъ идти на Святополка, прогнать его и завладѣть престоломъ и предается размышленіямъ о неизбѣжности смерти. Онъ не хочетъ сопротивляться брату и говоритъ: «Сердце мое горитъ, и душа моя смущается, и не знаю, къ кому обратиться и передъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату, ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Не думаю, что онъ печется о мірскомъ и помышляетъ объ убійствѣ моемъ. Что же я скажу и что сотворю? Пойду къ брату и скажу ему: ты будь мнѣ отцомъ, ты мнѣ — братъ старшій; что повелитъ мнѣ господинъ мой»?.. Глѣбъ, узнавъ о смерти отца и объ убійствѣ брата, въ свою очередь, обращается къ Борису со словами, въ которыхъ выражается великая братская любовь и нежеланіе оставаться въ живыхъ послѣ его смерти: «Моли у Бога, брате, чтобы и мнѣ принять мученическій вѣнецъ и снова узрѣть тебя въ селеніяхъ райскихъ, оставивъ всѣ тягостныя бѣдствія земныя». Смыслъ

этихъ размышленій и рѣчей—выставить святыхъ въ ореолѣ мученичества.

3) **Оговорки и замѣчанія**. Изложеніе житій святыхъ нерѣдко прерывается оговорками и замѣчаніями автора, вызываемыми самыми разнообразными побужденіями. Когда автору житія приходится излагать изъ жизни святого фактъ, не представляющій ничего выдающагося, онъ сопровождаетъ его своими замѣчаніями. Такъ, разсказывая о томъ, что преп. Антоній не соглашался принять Ѳеодосія въ монастырь изъ за его юности, преп. Несторъ, чтобы и этому факту придать особую значительность и глубину смысла, замѣчаетъ, что Антоній сдѣлалъ это съ цѣлью испытать Ѳеодосія, такъ какъ въ дѣйствительности онъ предвидѣлъ, что изъ этого мальчика выйдетъ великій подвижникъ. Въ житіи Бориса и Глѣба сообщается, что Борисъ былъ женатъ, — фактъ, не дающій ничего въ смыслѣ возвеличенія Бориса. Преп. Несторъ сопровождаетъ сообщеніе этого факта оговоркой: Борисъ женился не по собственному желанію, а изъ послушанія отцу. Такимъ образомъ, этой оговоркой подчеркивается въ характерѣ Бориса одна изъ христіанскихъ добродѣтелей—послушаніе родителямъ.

Таковы главные пріемы въ разработкѣ житій святыхъ. Основная цѣль этихъ біографій-панегириковъ была—поученіе: жизнь святого должна быть изображена такъ, чтобы служить идеальнымъ образцомъ подражанія для читателей. Поэтому авторы житій дорожили лишь такими фактами и постольку, поскольку они могли удовлятворять этой цѣли.

Несмотря на особый подборъ фактовъ и особую обработку ихъ, житія имѣютъ значеніе и для исторической науки: въ нихъ почерпается матеріалъ чисто историческаго характера, особенно тамъ, гдѣ наука не располагаетъ другими источниками.

Церковная литература XII в.

278. Церковные писатели XII в. Къ церковнымъ писателямъ XII в. относятся слѣдующіе: 1) Игуменъ Даніилъ, 2) митрополитъ Никифоръ I, 3) Ѳеодосій-грекъ, 4) Климентъ Смолятичъ, 5) Кириллъ Туровскій, 6) Іеромонахъ Кирикъ, 7) Архіепископъ Илія и 8) Добрыня Ядрѣйковичъ.

Игуменъ Даніилъ.

279. Паломничество въ Кіевской Руси. Паломничество, т. е. путешествія ко святымъ мѣстамъ, началось у насъ, вѣроятно, сейчасъ же послѣ оффиціальнаго принятія крещенія. Въ первой половинѣ XI в. преподобный Антоній, основатель Кіевопечерскаго монастыря, совершилъ путешествіе на Аѳонъ, славившійся на Востокѣ строгою жизнью отшельниковъ. Преподобный Ѳеодосій Печерскій, наслышавшись съ дѣтства о мѣстахъ, гдѣ Христосъ совершилъ свой подвигъ спасенія человѣческаго рода, задумалъ тайно уйти отъ матери туда, но его намѣреніе не удалось. Преемникъ Антонія, игуменъ Варлаамъ, совершилъ путешествіе во святую землю. Въ XII в. количество отправляющихся во святую землю принимаетъ уже широкіе размѣры.

Основной мотивъ, побуждавшій къ совершенію этихъ путешествій, далекихъ въ тѣ времена и преисполненныхъ опасностей, былъ религіозно-нравственный. Вѣрующій христіанамъ естественно влекся собственными глазами увидѣть мѣста, ознаменовавшіяся дѣятельностью ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что молитва, совершенная среди такой знамѣнитой обстановки, въ которой совершилось множество чудесъ, будетъ обладать особенной таинственной силой для спасенія. Къ первому мотиву присоединялся для многихъ и другой: нѣкоторыхъ влекли во святую землю трудность и опасности путешествія, преодолѣть которыя было особаго рода геройствомъ, молодчествомъ. Наконецъ, третьи предпринимали это путешествіе просто по склонности къ странничеству, бродяжничеству съ его беззаботной жизнью на счетъ трудящагося класса.

Всѣ эти путешественники, какими бы побужденіями они ни руководились, носили названія «паломниковъ», «пилигримовъ», «каликъ перехожихъ», странниковъ». «Паломниками» они назывались потому, что путешественники во святую землю имѣли обыкновеніе уносить на родину въ воспоминаніе пальмовыя вѣтви. «Пилигримъ» происходитъ отъ латинскаго peregrinus, что значитъ путешествующій. Наконецъ, слово «калика» происходитъ отъ греческаго слова «калига», означавшаго греческую обувь, которую обыкновенно носили странники, отправлявшіеся во св. землю.

Такъ какъ путешествіе во святую землю въ древнее время было тяжело и сопровождалось всякими опасностями, то на него отваживались только люди крѣпкіе тѣломъ и сильные духомъ и притомъ большею частью не одни, а въ компаніи съ другими лицами. При обозрѣніи святынь паломники знакомились съ многочисленными легендами и преданіями, съ которыми былисвя заны въ мѣстномъ населеніи эти святыни. Грамотные паломники записывали эти легенды и преданія, или же находили ихъ уже записанными на древнеболгарскомъ языкѣ и заносили ихъ во множествѣ на родину. По возвращеніи изъ путешествія, эти лица пользовались большимъ уваженіемъ. Они входили въ число тѣхъ «церковныхъ людей», которые находились въ особомъ вѣдѣніи церкви, какъ это показываетъ уставная грамота новгородскаго князя Всеволода.

Съ усиленіемъ паломничества, отвлекавшаго значительную часть населенія отъ производительнаго труда, представители церкви начинаютъ принимать противъ него мѣры. Во «Вопрошаніяхъ» Кирика, Савы и Ильи къ архіепископу новгородскому (половина XII в.) Кирикъ пишетъ: «А иже се рѣхъ идуть въ сторону въ Іерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню (браню), не велю идти: здѣ велю доброму ему быти... Есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ?» На недоумѣніе Кирика Владыка отвѣчаетъ: «Вельми, рече, добро твориши: да того дѣля (ради) идеть, абы порозну ходяче ясти и пити; а то ино зло, борони, рече». Илья въ этихъ же «Вопрошаніяхъ» спрашиваетъ: «Ходили бяху ротѣ, хотяче въ Іерусалимъ. Повели ми епитемью дати: та бо, рече, рота губить землю сію».

Къ числу паломниковъ, совершавшихъ путешествія во святую землю подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія, относится игуменъ Даніилъ, авторъ знаменитаго «Хожденія».

280. Игуменъ Даніилъ и его путешествіе. Біографическихъ данныхъ объ игуменѣ Даніилѣ у насъ нѣтъ. Только изъ его «Хожденія» можно почерпнуть кое-какія весьма общія и неопредѣленныя черты объ его личности. Въ своемъ трудѣ Даніилъ сравниваетъ рѣку Іорданъ съ рѣкою Сновью (Сосновой). Это дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ сдѣлать Даніила уроженцемъ Черниговской области, такъ какъ тамъ течетъ рѣка, какъ разъ имѣющая

такое названіе. Но потомъ оказалось, что рѣкъ съ такимъ названіемъ нѣсколько, и притомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Гораздо тверже другое данное: Даніилъ, вспоминая о своей далекой родинѣ, называетъ главнымъ образомъ южно-русскихъ князей, изъ чего вытекаетъ, что Даніилъ былъ уроженцемъ южной части Кіевской Руси. Время путешествія Даніила можно установить довольно точно. Во-первыхъ, оно было совершено тогда, когда св. земля попала въ руки крестоносцевъ. Во-вторыхъ, Даніилъ сообщаетъ, что путешествіе къ Тиверіадскому озеру онъ совершилъ, воспользовавшись походомъ іерусалимскаго короля Балдуина на Дамаскъ, между 1106 — 1108 г.г. Слѣдовательно, на это время падаетъ и хожденіе игумена Даніила. Наконецъ, изъ сочиненія Даніила видно, что авторъ — человѣкъ глубоко религіозный, любознательный, стремящійся по возможности къ точнымъ свѣдѣніямъ, и глубокій патріотъ.

Свѣдѣнія о св. землѣ доставлялись многочисленными русскими паломниками и до игумена Даніила. Но эти свѣдѣнія были противорѣчивы и фантастичны. Даніилъ поставилъ себѣ цѣлью дать вѣрное и точное описаніе, вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности. Для этого Даніилъ постарался обставить свое путешествіи благопріятными условіями. Во-первыхъ, чтобы какъ можно обстоятельнѣе ознакомиться съ святой землей, онъ пробылъ въ ней продолжительное время, а именно въ Іерусалимѣ—шестнадцать мѣсяцевъ, а вообще въ Палестинѣ—два года. Во-вторыхъ, понимая, что вѣрныя и точныя свѣдѣнія можно добыть, если обзавестись надежными знающими проводниками, Даніилъ, обладавшій средствами, не жалѣлъ ихъ, и ему удалось пользоваться дѣйствительно хорошими проводниками. Объ одномъ изъ нихъ, именно о старикѣ-монахѣ монастыря св. Саввы Даніилъ съ благодарностью отзывается въ своемъ трудѣ. Въ-третьихъ, Даніилъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы по возможности расширить районъ своего описанія. Такъ, узнавъ о предпринимавшемся походѣ Балдуина I на Дамаскъ, Даніилъ рѣшилъ воспользоваться этимъ для того, чтобы подъ охраной войска совершить опасное путешествіе до Тиверіадскаго озера. Онъ представился Балдуину, пріобрѣлъ его расположеніе и получилъ отъ него разрѣшеніе идти съ войскомъ.

281. Содержаніе «Хожденія». «Хожденіе» игумена Даніила представляетъ точное описаніе въ топографическомъ порядкѣ святынь, сопровождаемое краткимъ изложеніемъ легендъ, преданій и апокрифовъ, связанныхъ съ ними. Даніилъ описываетъ прежде всего Іерусалимъ и ближайшія къ нему мѣста (Виѳанія, Геѳсиманія, Виѳлеемъ, Іорданъ, Іерихонъ, монастыри Ѳеодосія, Саввы и Харитона), Хевронъ и Дубъ Мамврійскій, затѣмъ святыни Галилеи и нѣкоторыхъ мѣстъ Самаріи (городъ Самарія, верховья Іордана, городъ Тиверіада, море, гора Ѳаворская, Назаретъ и Кана Галилейская). Въ началѣ и въ концѣ своего «Хожденія» авторъ даетъ краткое описаніе путей, по которымъ онъ ѣхалъ отъ Константинополя до Іерусалима и обратно.

Подробности содержанія «Хожденія» таковы. Во вступленіи къ своему труду Даніилъ сообщаетъ, что путешествіе свое онъ «недостойный игуменъ Даніилъ Русской земли, худшій среди монаховъ», предпринялъ, нетерпѣливо побуждаемый желаніемъ увидѣть «святой градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную». Онъ проситъ читателей не зазрить его худоумію и грубости описанія. Онъ совершалъ свое путешествіе, какъ человѣкъ грѣшный безъ надлежащаго отдыха и смиренія, а, напротивъ, во всякой слабости и лѣности: онъ пилъ, и ѣлъ и вообще творилъ «неподобныя дѣла». Убоявшись примѣра того раба, который скрылъ талантъ своего господина, Даніилъ рѣшился описать все, что онъ видѣлъ своими очами. Два побужденія особенно заставляли его предпринять этотъ трудъ: личное—любовь къ св. мѣстамъ и боязнь забыть то, что Господь показалъ ему недостойному, и общественное—«вѣрныхъ ради человѣкъ», желаніе дать послѣднимъ точное описаніе св. мѣстъ, чтобы и они, даже не совершая самого путешествія, могли бы подъ руководствомъ его описанія какъ бы мысленно посѣтить эти земли и получить отъ Бога равную мзду съ тѣми, которые совершили путешествіе. По мнѣнію Даніила, можно спасти свою душу, и не совершивъ путешествіе во св. землю, а совершая добрыя дѣла дома; и наоборотъ, тѣ, которыя совершалии утешествіе и по этому случаю «вознеслись своимъ умомъ», вообразивъ, что ими совершенно нѣчто доброе, уничтожаютъ награду за свой трудъ.

Свое описаніе Даніилъ начинаетъ съ Константинополя.

Изъ Константинополя Даніилъ отплылъ по «лукоморью». Проѣзжая по Архипелагу, Даніилъ встрѣчалъ на своемъ пути острова и города, изъ которыхъ многіе славились какими нибудь святынями, чудесными предметами или преданіями о святыхъ. Все это онъ заноситъ въ свое «хожденіе». Такъ, напр., разсказывая объ островѣ Кипрѣ, онъ сообщаетъ, какъ возникаетъ здѣсь темьянъ (ладонъ): «Здѣсь родится ладонъ-темьянъ, падаетъ съ неба, какъ роса, въ іюлѣ и августѣ. На горахъ много небольшихъ деревьевъ, на которыя и падаетъ той темьянъ добрый, и собираютъ его въ тѣ два мѣсяца, а въ другіе онъ не падаетъ». На этомъ же островѣ онъ видѣлъ на высокой горѣ великій крестъ, который былъ поставленъ святой Еленой «на прогнаніе бѣсамъ и всякому недугу на исцѣленіе», причемъ Елена вложила въ крестъ «честной гвоздь Христовъ». Отъ креста, по словамъ Даніила, «до нынѣ» бываютъ великія значенія и чудеса: крестъ стоитъ на воздухѣ, ничѣмъ не прикрѣпленный къ землѣ, «но тако Духомъ Святымъ носимъ есть на воздухѣ». «И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чюдной и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божію на мѣстѣ томъ и походихъ островъ тотъ весь добрѣ».

Переходя къ своему описанію, Даніилъ съ особенною обстоятельностью останавливается на Іерусалимѣ, Іорданѣ, храмѣ Воскресенія Христова и гробѣ Господнѣ. Сообщая свои свѣдѣнія, авторъ съ возможною точностью опредѣляетъ большія разстоянія верстами, малыя — какъ «дващи дострѣлити гораздо», или «яко можетъ доверечи (докинуть) каменемъ малымъ»; величину зданій и памятниковъ измѣряетъ локтями, пядями и саженями, а иногда «собою»; перечисляетъ столпы, окна, иконы и т. д.

Вотъ описаніе Іерусалима и производимаго имъ на приближающихся путниковъ впечатлѣнія: «Святый градъ Іерусалимъ лежитъ въ долинѣ; около него высокія каменныя горы, такъ что надобно близко подойти къ городу, чтобы видѣть его. Сначала виденъ домъ Давидовъ, а потомъ вскорѣ можно видѣть Елеонскую гору, Святую Святыхъ и наконецъ весь городъ. На разстояніи версты отъ Іерусалима есть ровная гора. На той горѣ путники слѣзаютъ съ коней, и всѣ христіане идутъ пѣшкомъ и поклоняются храму св. Воскресенія. Великая радость бываетъ тогда всякому христіанину,

увидѣвшему святый градъ Іерусалимъ, и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвши землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе съ великою радостью ко святому граду Іерусалиму».

Описавъ храмъ Воскресенія, Даніилъ подробно говоритъ о гробѣ Господнемъ, объ его видѣ, размѣрахъ и сообщаетъ, что здѣсь внѣ стѣны храма за алтаремъ находится «пупъ земли» (небольшое возвышеніе, считавшееся центромъ земной плоскости); надъ этимъ «пупомъ земли» построена «камора» (сводъ), на верху которой изображенъ мозаикой Христосъ съ надписью: «Се пядіею моею измѣрихъ небо и землю». Отсюда на разстояніи 12 саженъ находится лобное мѣсто, гдѣ былъ распятъ Христосъ. Крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, сообщаетъ Даніилъ мѣстное преданіе, былъ вдѣланъ въ камень, въ которомъ высѣчено было углубленіе: подъ этимъ камнемъ лежала голова Адама первозданнаго, и «въ распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предастъ Духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма и каменіе распадеся; тогда же и тотъ камень просѣдеся надъ главою Адамлею, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Владычень на главу Адамову и омы вся грѣхи рода человѣча. И есть разсѣлина та на камени томъ и до нынѣшняго дня знати есть на десней странѣ распятія Господня знаменіе то честное».

Описывая Іорданъ, Даніилъ говоритъ, что онъ течетъ быстро; вода его мутна, но весьма сладка, такъ что пьющій эту святую воду не можетъ ею насытиться: она здорова для питья, и никакой болѣзни желудку не причиняетъ. По ширинѣ, глубинѣ и изгибамъ Іорданъ напоминаетъ рѣку Сновь (Сосновую). Даніилъ измѣрилъ глубину Іордана, переправился на другую сторону его и долго ходилъ по его берегу съ любовью. Здѣсь онъ видѣлъ мѣсто, гдѣ Илья вознесенъ былъ на огненной колесницѣ на небо, а также пещеру, въ которой жилъ Іоаннъ Креститель. Три раза былъ Даніилъ за Іорданѣ, одинъ разъ въ праздникъ водокрещенія, на которомъ онъ присутствовалъ со всею «дружиною» своею, т. е. со своими спутниками. Вмѣстѣ съ нею онъ былъ свидѣтелемъ нисхожденія благодати Божіей на воду іорданскую. «Безчисленное множество приходитъ тогда къ водѣ со свѣчами, и всю ночь бываетъ изрядное пѣніе при безчислен-

номъ множествѣ свѣчъ. Въ полночь бываетъ водокрещеніе (т. е. освященіе воды). Тогда Духъ св. сходитъ на воды іорданскія. Достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ св., а весь народъ не видитъ, но только радость и веселіе бываетъ въ сердцѣ каждаго человѣка; когда погрузятъ честной крестъ и запоютъ: «Во Іорданѣ крещающуся Ти, Господи», тогда всѣ люди бросаются въ воду Іордана, какъ бы крещаясь въ Іорданской рѣкѣ, какъ Христосъ въ полунощи крестился отъ Іоанна».

Въ особой главѣ Даніилъ разсказываетъ «о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню» въ церкви Воскресенія на пасхальной заутрени, т. е. какъ возжигаются съ неба лампады, висящія у гроба Господня. Даніилъ самъ былъ свидѣтелемъ этого явленія. Онъ сначала опровергаетъ разсказы предшествовавшихъ ему паломниковъ о томъ, что небесный свѣтъ нисходитъ на лампады надъ гробомъ Господнимъ по однимъ въ видѣ голубя, а по другимъ—въ видѣ молніи. Все это, говоритъ Даніилъ, ложь: ни голубя, ни молніи нѣтъ, и благодать Божія сходитъ невидимо. Далѣе онъ обстоятельно описываетъ, какъ онъ поставилъ лампаду за всю Русскую землю, и какъ снизошелъ небесный свѣтъ. Въ страстную пятницу онъ отправился къ Балдуину и поклонился ему до земли. Балдуинъ пригласилъ Даніила встать и ласково спросилъ его: «Что хощеши, игумене русскій»? Даніилъ сказалъ ему: «Господине княже! Молюся тебѣ Бога дѣля (ради) и князей ради русскихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило (лампаду) свое надъ гробомъ Господнимъ за вся князи наша и за всю Русскую землю, за вся христіане Русскія земли». Балдуинъ охотно далъ свое согласіе и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы лампада Даніила была повѣшена среди другихъ лампадъ. Когда Даніилъ приготовилъ свою лампаду, ключарь гроба Господня отворилъ двери гроба Господня, велѣлъ игумену «выступи ти изъ калигъ» (снять калиги) и ввелъ его босого въ гробъ Господень. Своими «грѣшными руками» Даніилъ повѣсилъ лампаду въ ногахъ гроба Господня; въ головахъ стояла лампада греческая; на персяхъ—лампада всѣхъ монастырей; наверху были повѣшены «фряжскія» лампады (т. е. латинскія). Въ субботу въ шестомъ часу дня собралось передъ церковью Воскресенія множество народу туземнаго и собравша-

гося изъ всѣхъ странъ. Всѣ стоятъ съ невозженными свѣчами, ожидая открытія дверей церкви. Когда явился Балдуинъ съ дружиною, двери открылись и народъ вошелъ въ церковь. Тѣснота въ церкви была великая; большая часть народа не попадаетъ туда и остается внѣ храма. Въ седьмомъ часу дня Балдуинъ съ дружиною своею, босые, пошелъ ко гробу Господню въ сопровожденіи игумена, монаховъ монастыря св. Саввы, и игумена Даніила. Двери у гроба Господня были запечатаны царскою печатью. Когда началось чтеніе пареміи, епископъ съ діакономъ подошелъ къ дверямъ гроба и заглянулъ во внутрь сквозь рѣшетку двери: тамъ царилъ мракъ, и епископъ сново вернулся въ алтарь. При чтеніи шестой пареміи онъ снова подошелъ къ двери гроба, и опять оказалась тамъ темнота. Въ девятомъ часу, когда начали пѣть «Господеви поемъ», внезапно поднялась съ востока небольшая туча; она стала надъ церковью, и изъ нея полился на стоявшихъ у гроба Господня дождь. Вдругъ во гробѣ Господнемъ заблисталъ сильный и страшный свѣтъ. Епископъ отворилъ двери Гроба и, взявъ у Балдуина свѣчу, зажегъ ее отъ небеснаго свѣта. У Балдуина зажгли свои свѣчи окружающіе. Описывая «свѣтъ святый», Даніилъ сообщаетъ, что онъ не похожъ на обыкновенный земной огонь, «но чудно инако свѣтится изрядно, и пламень его червлено есть, яко киноварь, и отнюдь несказанно свѣтится». Даніилъ сообщаетъ, что отъ этого небеснаго огня зажглись только три лампады, въ томъ числѣ и его, фряжскія же лампады не зажглись.

Въ своемъ описаніи Даніилъ не пропускаетъ ни одного мѣста или предмета, которые были въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ чѣмъ нибудь ознаменованы. Онъ видѣлъ жертвенникъ, на которомъ Авраамъ приносилъ въ жертву Исаака, пещеру, гдѣ былъ убитъ пророкъ Захарія, а внѣ ея—камень, на которомъ Іаковъ видѣлъ сонъ и гдѣ онъ боролся съ ангеломъ, гробъ Богородицы, вертепъ въ Виѳлеемѣ, гдѣ родился Христосъ, и ясли Христовы, пень того дерева изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ Христовъ, колодецъ, у котораго произошло Благовѣщеніе и т. д. Описывая гору Ѳаворъ, Даніилъ упоминаетъ пещеру Мельхиседека и передаетъ преданіе объ этомъ таинственномъ библейскомъ лицѣ. Около этой пещеры въ древности былъ великій лѣсъ. Сюда

явился Авраамъ, подошелъ къ пещерѣ и трижды воззвалъ: «Человѣче Божій, изыди сѣмо»! Мельхиседекъ вышелъ и вынесъ хлѣбъ и вино. Въ пещерѣ этой Мельхиседекъ построилъ Богу жертвенникъ, и сотворилъ Мельхиседекъ, царь Салимскій, передъ Авраамомъ жертву Богу хлѣбомъ и виномъ. Жертва принята была Богомъ, и Мельхиседекъ благословилъ Авраама. Авраамъ же, по повелѣнію Божію, обрѣзалъ Мельхиседеку ногти и остригъ его, потому что Мельхиседекъ былъ отъ рожденія косматъ. Такъ, заключаетъ Даніилъ, усвоившій уже уроки греческаго духовенства, положено было начало литургіямъ на хлѣбѣ и винѣ, а не на опрѣснокахъ. Даніилъ со спутниками вошли въ эту пещеру, поклонились святой трапезѣ. До настоящаго времени приходитъ туда святой Мельхиседекъ и служитъ литургію на этой трапезѣ.

При описаніи Тиверіадскаго моря Даніилъ сообщаетъ, что въ немъ много рыбы, среди которой есть одна, которую особенно любилъ Христосъ и которая по виду своему напоминаетъ карпа. Даніилъ и его спутники ѣли эту рыбу не однажды, а много разъ.

Совершая свои путешествія, Даніилъ молился не только за себя, но и за русскихъ князей и за русскихъ людей вообще. Такъ, на гробѣ Господнемъ онъ поставилъ лампаду за всю Русскую землю; въ послѣсловіи къ своему сочиненію онъ пишетъ: «Богъ тому свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ сихъ святыхъ мѣстахъ я не забылъ именъ русскихъ князей и княгинь ихъ и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, но вездѣ поминалъ ихъ. И зато благодарю Бога, что Онъ сподобилъ меня худого записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ и нынѣ они поминаются на ектеніи... Во всѣхъ мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей и за бояръ и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ».

282. Отличительныя черты «Хожденія» и его значеніе. Сообразно цѣли, которой руководился Даніилъ, въ «Хожденіи» нѣтъ отклоненій въ сторону: Даніилъ не описываетъ нравовъ, обычаевъ, строя страны, по которой онъ путешествовалъ. Его «Хожденіе»—это превосходный путеводитель для паломниковъ. Изложенный очень просто и ясно,

безъ ораторскихъ прикрасъ («азъ написахъ не хитро, но просто написахъ»), этотъ путеводитель былъ доступенъ и малограмотнымъ читателямъ древней Руси; поэтому «Хожденіе» игумена Даніила было очень популярно и распространено; доказательствомъ служитъ то, что до нашего времени оно дошло въ 90 спискахъ.

Въ настоящее время «Хожденіе» Даніила, благодаря точности своихъ описаній, является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для научной топографіи средневѣковой Палестины. Переведенное на французскій языкъ, оно признано западно-европейскими учеными однимъ изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи источниковъ.

Митрополитъ Никифоръ I.

(1104—1124).

283. Труды митрополита Никифора I. По своему происхожденію митрополитъ Никифоръ I (1104—1124) былъ грекъ, не знавшій русско-славянскаго языка. Въ «Поученіи о постѣ» митрополитъ замѣчаетъ: «Много поученій мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю, т. е. души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ свидѣтельствуетъ божественный Павелъ и посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ; оттого стою я посреди васъ безгласенъ и молчу много. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней святого великаго поста, то я разсудилъ предложить вамъ поученіе черезъ писаніе». Изъ этихъ словъ можно заключить, что митрополитъ писалъ свои сочиненія на греческомъ языкѣ, съ котораго они переводились на церковно-славянскій языкъ; поученія его въ церкви, очевидно, читались по порученію митрополита другими лицами. Отъ него дошло до насъ четыре произведенія: 1) «Посланіе къ великому князю Владиміру Мономаху о латинахъ», 2) «Посланіе къ Владиміро-Волынскому князю Ярославу Святополковичу», 3) «Посланіе къ великому князю Владиміру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ» и 4) «Поученіе о постѣ».

1) **«Посланіе къ великому князю Владиміру Мономаху о латинахъ»** представляетъ отвѣтъ на вопросъ Владиміра Моно-

маха о причинахъ отверженія латинянъ отъ православной церкви и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его. Въ своемъ отвѣтѣ митрополитъ Никифоръ кратко сообщаетъ о разрывѣ между Западной и Восточной церквами и перечисляетъ вины латинянъ. По своему содержанію отвѣтъ чрезвычайно напоминаетъ «Стязаніе съ латиною» митрополита Георгія (§ 262). Различіе заключается въ томъ, что вины латинянъ перечисляются въ иномъ порядкѣ, причемъ количество отступленій—20, а не 27. Это посланіе свое Никифоръ рекомендуетъ князю читать не одинъ разъ, а нѣсколько, потому что «князьямъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православной вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами опорами для св. церкви, въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ».

2) **«Посланіе къ Владимиро-Волынскому князю Ярославу Святополковичу о вѣрѣ варяжской»**. Этотъ князь былъ сосѣдомъ католической Польши. По содержанію своему посланіе близко къ предыдущему посланію, т. е. заключаетъ въ себѣ предостереженіе противъ латинянъ, сопровождаемое исчисленіемъ ихъ винъ. Никифоръ предлагаетъ православнымъ не ѣсть и не пить съ католиками, т. е. совершенно разобщиться съ ними. Особенно подробно митрополитъ Никифоръ разсматриваетъ употребленіе латинянами опрѣсноковъ.

3) **«Посланіе къ великому князю Владимиру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ»**. Это посланіе, повидимому, адресовано князю Владимиру Мономаху съ цѣлью предостеречь князя противъ наклонности слѣдовать внушеніямъ клеветниковъ и наушниковъ. Вѣроятно, митрополитъ имѣлъ въ виду какіе-нибудь дѣйствительные факты, но зная, что съ нимъ не поцеремонятся, если бы онъ вздумалъ выступить съ рѣзкими обличеніями, онъ облекаетъ свое посланіе въ мягкія формы и даже скрываетъ свою истинную цѣль, говоря, что пишетъ ему изъ побужденія вообще дать ему какое-нибудь наставленіе по случаю великаго поста, тѣмъ болѣе, что уставъ церковный прямо велитъ говорить въ великомъ посту (посланіе послано было въ великомъ посту) что-нибудь полезное и князьямъ.

Въ началѣ своего посланія Никифоръ рисуетъ Мономаха положительными чертами: онъ называетъ его доблестнымъ

главой своей и всей земли христолюбивой, подчеркиваетъ любовь князя къ посту, воздержанію, гостепріимству и благотворительности. Поэтому онъ не считаетъ нужнымъ слишкомъ долго распространяться о постѣ. Кратко указавъ на происхожденіе поста и его значеніе, какъ орудіе укрощенія страстей, Никифоръ переходитъ къ источнику страстей, добра и зла въ человѣкѣ. Для этого онъ прежде всего входитъ въ психологію человѣка вообще. Человѣкъ одаренъ тремя силами: словесной (разумомъ), яростной (чувствомъ) и желанной (волей). Высшей изъ этихъ силъ является словесная (разумъ), которой мы отличаемся отъ животныхъ. Перечисливъ добрыя и дурныя дѣла, въ созданіи которыхъ принимаютъ участіе всѣ три душевныхъ силы, Никифоръ переходитъ къ «слугамъ», т. е. къ орудіямъ, черезъ которыя эти силы дѣйствуютъ. «Ты узналъ теперь,—пишетъ Никифоръ,—три силы души. Узнай же и слугъ ея, черезъ которыя она дѣйствуетъ. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ свѣтлое око, въ себѣ и наполняя своею силою все тѣло. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей своей странѣ, а самъ ты—господинъ и князь, такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т. е. черезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе». Наилучшимъ изъ этихъ слугъ является зрѣніе, хуже слухъ, который, вмѣстѣ съ истиной, передаетъ нерѣдко и ложь. То, что мы видимъ собственными глазами, этому мы можемъ вѣрить; а то, что мы слышимъ отъ другихъ, необходимо принимать «съ великимъ испытаніемъ и судомъ». Изложивъ это, Никифоръ переходитъ къ князю и «испытываетъ» его по всѣмъ силамъ души. Оказывается, что по всѣмъ почти силамъ и чувствамъ князь непогрѣшителенъ. Такъ, коснувшись обонянія, митрополитъ спрашиваетъ себя, что ему говорятъ о такомъ князѣ, который обыкновенно спитъ на землѣ, не сидитъ дома, не носитъ свѣтлыхъ одеждъ, а когда ходитъ по лѣсамъ, то носитъ «сиротску» одежду, и только исполняя въ городѣ свои княжескія обязанности, онъ одѣвается въ княжескіе костюмы. Относительно «вкушенія» онъ указываетъ, что князь любитъ угощать своихъ гостей, а самъ всегда и вездѣ соблюдаетъ большое воздержаніе. Нѣкоторыя сомнѣнія у Никифора вызываетъ лишь слухъ князя: «О слухѣ не знаю, княже, что сказать тебѣ; а ка-

жется мнѣ, что, такъ какъ самъ ты не можешь все видѣть собственными очами, то служащіе тебѣ оружіемъ иногда представляютъ тебѣ донесенія ко вреду души твоей, и черезъ отверстый слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ». Никифоръ предлагаетъ вспомнить, кто на кого доносилъ, кто кого оклеветалъ, разобраться хорошенько въ этомъ, простить ихъ, чтобы и самому заслужить прощеніе. Чтобы Владиміръ Мономахъ не подумалъ, что автору кто-нибудь пожаловался на несправедливость его, Никифоръ спѣшитъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ и не подумай, будто пришелъ ко мнѣ кто-либо, огорченный тобою, и потому я писалъ тебѣ. Нѣтъ, я просто написалъ тебѣ въ напоминаніе, ибо великіе власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи».

Это посланіе, очень хорошее по своему содержанію, конечно, не могло, по своей отвлеченности, быть доступнымъ простымъ русскимъ читателямъ.

4) **«Поученіе о постѣ въ недѣлю сыропустную»**. Въ этомъ поученіи митрополитъ Никифоръ убѣждаетъ паству къ покаянію и исправленію въ наступающіе дни поста и разъясняетъ, въ чемъ состоитъ истинный постъ. Истинный постъ, по разъясненію Никифора, состоитъ не въ воздержаніи отъ мяса животныхъ, а въ воздержаніи отъ обидъ и оскорбленій ближнихъ, отъ лихвы, неправедной мзды, процентовъ (рѣзоиманія), высота которыхъ въ то время достигла крайнихъ степеней (§ 152) и пьянства. Никифоръ полемизируетъ съ тѣми лицами, которыя у насъ защищали пьянство на томъ основаніи, что выпивая они никому не причиняютъ зла. Пиршества среди высшаго класса населенія не считались у насъ пороками, напротивъ, разсматривались, какъ своего рода доблесть. Вотъ почему Никифоръ настаиваетъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ великомъ посту воздерживались отъ пиршествъ и пьянства. Пьянство—мать всякой злобы и нечистоты, вольный бѣсъ, дочь дьявола, смерть ума; а погубившій умъ хуже скотины. Свое предостереженіе Никифоръ сопровождаетъ характерной оговоркой: «Все это я сказалъ не для того, чтобы посрамить своихъ, да не будетъ этого:

я ихъ отъ души люблю, но чтобы отогнать отъ нихъ на постное время такое зло, каково пьянство».

Изъ оговорокъ, дѣлаемыхъ митрополитомъ Никифоромъ, видно, что даже представители высшей іерархіи нашей опасались смѣло бичевать недостатки и прегрѣшенія не только частныхъ лицъ, но и общія. Очевидно городская русская публика не особенно склонна была руководиться правилами христіанской морали.

Θеодосій-грекъ.

(1142—1156).

284. Біографическія свѣдѣнія о Θеодосіи-грекѣ. Біографическія свѣдѣнія о монахѣ Θеодосіи-грекѣ крайне скудны и основываются большею частью на предположеніяхъ. Θеодосій-грекъ, по всей вѣроятности, явился къ намъ въ свитѣ митрополита Никифора I (1104—1124). Изъ несомнѣнно принадлежащаго Θеодосію-греку труду, именно изъ его перевода «Епистолія папы Льва I къ Флавіану, патріарху константинопольскому о ереси Евтихія», видно, что Θеодосій, какъ онъ самъ о себѣ сообщаетъ, учился «отъ младъ ноготь омирскимъ (гомеровскимъ) и риторскимъ книгамъ» и, слѣдовательно, по своему образованію стоялъ выше тогдашнихъ русскихъ людей. Знакомство Θеодосія съ нашимъ церковнославянскимъ языкомъ показываетъ, что Θеодосій-грекъ жилъ въ Кіевской Руси долго, такъ что успѣлъ порядочно усвоить языкъ страны. Далѣе, существуетъ предположеніе, что игуменъ Кіевопечерскаго монастыря Θеодосій II (1142—1156), упоминаемый въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, былъ именно этотъ Θеодосій-грекъ. Такимъ образомъ, дѣятельность Θеодосія-грека относится къ первой половинѣ XII в. до 1156 г., подъ которымъ въ лѣтописи отмѣчена смерть «Θеодоса», игумена Печерскаго.

285. Труды Θеодосія-грека. Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ параграфѣ перевода Θеодосіемъ «Епистоліи папы Льва I» перу этого автора принадлежитъ по новѣйшимъ предположеніямъ рядъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые по недоразумѣнію приписывались до недавняго время преподобному Θеодосію Печерскому.

Эти труды суть слѣдующіе: 1) «Посланіе къ великому князю Изяславу II о почитаніи недѣли», 2) «Вопрошеніе ве-

ликаго князя Изяслава II о варяжской вѣрѣ», 3) «Поученіе о казняхъ Божіихъ», 4) «Житіе блаженнаго Володимера» и 5) «Слово въ субботу сыропустную».

1) **«Посланіе къ великому князю Изяславу II Мстиславичу о почитаніи недѣли»**. Это посланіе представляетъ изъ себя отвѣтъ Ѳеодосія-грека на два вопроса, предложенные на разрѣшеніе Ѳеодосія великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ (княжилъ 1146—1149 и 1151—1154). Первый вопросъ: можно ли въ воскресный день колоть животныхъ и употреблять въ пищу ихъ мясо? Вопросъ о рѣзаніи животныхъ въ воскресный день связанъ былъ съ вопросомъ о возможности вообще труда по воскресеньямъ. «Эпистолія о недѣлѣ» запрещала вообще всякій трудъ въ воскресный день (§ 83). Второй вопросъ, занимавшій вообще русское образованное общество середины XII в., состоялъ въ слѣдующемъ: когда можно и когда нельзя употреблять въ пищу мясо животныхъ по средамъ и пятницамъ? Возможность этихъ вопросовъ, особенно второго, объясняется тѣмъ, что въ то время еще не существовало у насъ и даже въ Византіи точныхъ церковныхъ правилъ для поста; къ этому времени у насъ едва-едва монахи пріучились соблюдать посты. Что же касается мірянъ, то, за исключеніемъ небольшой группы ихъ, находившейся въ постоянномъ общеніи съ высшимъ духовенствомъ, они въ большинствѣ не знали ни о какихъ постахъ.

Разсматривая оба вопроса, Ѳеодосій прежде всего устраняетъ недоразумѣніе, которое связано было у насъ съ понятіемъ «недѣли». «Недѣля» у насъ означала два предмета—седьмицу, т. е. промежутокъ времени, обнимающій семь дней, и отдѣльный день этой седьмицы—воскресеніе. Русскіе путали эти два понятія, (причемъ недѣлю-седьмицу олицетворяли, какъ св. Недѣлю). Ѳеодосій разъясняетъ русскимъ, что «недѣля» есть особый день седьмицы: «Недѣля не наречется недѣля, якоже вы глаголете, но первый день всея недѣли наречется: понеже Христосъ Богъ нашъ въ тотъ день воскресе изъ мертвыхъ и наречется воскресный день; а понедѣльникъ наречется второй день, а вторникъ -третій, а среда—четвертый, а четвертокъ—пятый, а пятница—шестый и суббота—седьмый». Установивъ правильное пониманіе термина «недѣли», Ѳеодосій переходитъ къ опредѣленію значенія отдѣльныхъ дней недѣли-седьмицы для христіанина.

Θеодосій, указавъ, что евреямъ запрещено было въ субботу приготовлять пищу, говоритъ, что христіане освобождены отъ празднованія субботы и вообще отъ исполненія обрядоваго закона: христіанамъ нигдѣ не запрещается исполнять нѣкоторые виды труда въ воскресный день и, между прочимъ, колоть животныхъ и употреблять ихъ въ пищу. Совершенное воздержаніе отъ всякаго труда въ воскресный день было бы подражаніемъ евреямъ, «жидовствомъ».

Вопросъ о постѣ въ среду и пятницу къ срединѣ XII в. взволновалъ все русское образованное общество -духовенство и высшій правящій классъ, причемъ для своего разрѣшенія былъ даже перенесенъ въ Константинополь. Посланіе Θеодосія-грека явилось тогда, когда этотъ споръ о постѣ въ среду и пятницу едва только начинался. Θеодосій разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что по средамъ и пятницамъ вообще необходимо соблюдать постъ, потому что въ среду Христосъ былъ преданъ, а въ пятницу распятъ. Сами апостолы такъ узаконили. Но въ силу другого преданія, идущаго отъ апостоловъ и отцовъ церкви и требующаго, чтобы праздники господскіе, богородичные и двѣнадцати апостоловъ проводились «свѣтло», Θеодосій полагаетъ, что, если на среду и пятницу падаетъ одинъ изъ этихъ праздниковъ, то можно въ эти дни разрѣшить себѣ мясо.

2) **«Вопрошеніе великаго князя Изяслава II Мстиславича о варяжской вѣрѣ»**. Это произведеніе Θеодосія представляетъ отвѣтъ на вопросъ Изяслава II о различіяхъ между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ. Θеодосій перечисляетъ различія догматическія и обрядовыя, каковы Filioque, служеніе на опрѣснокахъ, прощеніе грѣховъ за дары (индульгенціи), то, что крещаемыхъ не помазываютъ масломъ и миромъ, а кладутъ имъ въ уста соль, то, что крещаемыхъ называютъ не именами святыхъ, а именами, придумываемыми родителями. Кромѣ различій догматическихъ и обрядовыхъ Θеодосій перечисляетъ и различія въ обычаяхъ, ставя въ вину западнымъ христіанамъ и это. Латиняне не только неправильно вѣруютъ, но и неправильно живутъ: они ѣдятъ конину, удавленину, мертвечину, медвѣдину и бобровину, постятся въ субботу, кладутъ мертвеца ногами на западъ, а головою на востокъ, женятся на сестрахъ; ихъ священники и епископы

не вступаютъ въ бракъ, епископы носятъ перстни и ходятъ на войну. Изложивъ «вины» латинянъ, Ѳеодосій даетъ рядъ наставленій о томъ, какъ держаться православному въ отношеніи къ тѣмъ, которые держатся латинской (варяжской) вѣры. Православный не долженъ хвалить чужую вѣру: кто это дѣлаетъ, тотъ—двоевѣрецъ и близокъ къ ереси. Если кто нибудь скажетъ православному, что ту или другую вѣру далъ Богъ, православный долженъ отвѣчать: «развѣ Богъ двоевѣренъ»? Православный не долженъ имѣть съ латинянами никакого общенія ни въ дѣлахъ вѣры, ни въ дѣлахъ семейныхъ и житейскихъ; онъ не долженъ пріобщаться по ихъ обряду («комканія ихъ бѣгати»), не долженъ вступать съ ними въ брачныя и родственныя отношенія, не долженъ даже ѣсть и пить съ ними изъ однихъ сосудовъ; если кто изъ латинянъ попроситъ у православнаго ради Бога ѣсть или пить, то православный долженъ дать ему и то и другое въ особыхъ сосудахъ, а если нѣтъ особаго сосуда, то можно дать и въ своемъ, но потомъ его нужно вымыть и освятить. Ѳеодосій совѣтуетъ Изяславу II остерегаться «кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлъ, потому что и наша земля наполнилась людьми этой вѣры».

Это произведеніе Ѳеодосія отличается рѣзкостью тона и крайнею нетерпимостью къ католикамъ. Причины этого таковы. Изяславъ II, ведя борьбу съ Юріемъ Долгорукимъ и Владимиркомъ Галицкимъ, постоянно пользовался военною помощью отъ своихъ союзниковъ—поляковъ, чеховъ и венгровъ; кромѣ того онъ находился въ родствѣ съ цѣлымъ рядомъ князей и королей католическаго вѣроисповѣданія: венгерскій король былъ его зятемъ, а Болеславъ польскій и Володиславъ чешскій были его сватьями. Такимъ образомъ, Изяславъ находился въ весьма тѣсныхъ родственныхъ и союзныхъ отношеніяхъ съ латинами. Ѳеодосія, какъ грека, такія близкія связи очень безпокоили, такъ какъ они казались ему угрозой для греческой власти на Руси. Поставленіе Изяславомъ Климента Смолятича въ митрополиты помимо сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ должно было усиливать въ Ѳеодосіи эти опасенія. Вотъ почему Ѳеодосій не щадитъ мрачныхъ красокъ для изображенія латинянъ и рѣзко предостерегаетъ противъ нихъ князя.

«Вопрошеніе» любопытно также автобіографическими свѣ-

дѣніями, которыя даетъ о себѣ Ѳеодосій-грекъ: «Я, Ѳедосъ худой мнихъ, рабъ пресвятой Троицы. Отца и Сына и св. Духа, былъ рожденъ въ чистой и правовѣрной вѣрѣ и хорошо воспитанъ въ законѣ отцомъ и матерью христіанами, учившимъ меня слѣдовать хорошему закону и правовѣрнымъ обычаямъ, къ латинству не присоединяться, ихъ обычаевъ не держаться, избѣгать ихъ причащенія, не слушать ихъ ученія и вообще остерегаться и гнушаться всѣхъ ихъ обычаевъ и нравовъ... Мнѣ отецъ говорилъ: дитя мое, если на твою долю выпадетъ умирать ради Господа по нашей святой вѣрѣ, то прими смерть, но не отрекайся отъ нашей правой вѣры».

3) «Поученіе о казняхъ Божіихъ». «Поученіе о казняхъ Божіихъ» состоитъ изъ двухъ частей, лишь внѣшнимъ образомъ связанныя между собою: а) собственно о казняхъ Божіихъ и б) о пьянствѣ.

а) «О казняхъ Божіихъ». Первая часть поученія, толкующая собственно о казняхъ Божіихъ, представляетъ переработку одного изъ «словъ», помѣщенныхъ въ «Златоструѣ» (§ 101). Въ немъ дается объясненіе причинъ общенародныхъ бѣдствій, каковы голодъ, засуха, эпидеміи, нашествія непріятелей и пр. Причиной этихъ бѣдствій являются или гнѣвъ Божій, или грѣхи наши или козни діавола. «Наводитъ Богъ по своему гнѣву какую либо казнь или поганыхъ, когда мы не обращаемся къ Нему, а междоусобная брань бываетъ отъ соблазна діавола и отъ злыхъ людей. Когда согрѣшитъ какая нибудь страна, Богъ наказываетъ смертью или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, или иными различными казнями». Однимъ изъ важныхъ грѣховъ, навлекающимъ казни Божіи, Ѳеодосій считаетъ двоевѣріе. «Не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца или черницу, или свинью, или коня лысаго, то возвращается назадъ: развѣ это не по-язычески? Другіе вѣрятъ чиханію, которое бываетъ на здравіе головѣ. Но всѣмъ этимъ прельщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями и разными искушеніямя, удаляющими отъ Бога». Эти искушенія и обычаи суть слѣдующіе: волхвованіе, чародѣяніе, запой, рѣзонманіе (проценты), приклады (лихва), воровство, ложь, зависть, клевета, зубы (драка), скоморохи, гусли, сопѣлы и всякія игры и дѣла непотребныя. Далѣе, Ѳеодосій перечисляетъ рядъ

грѣховъ, какъ то: неблагочинное стояніе въ церкви со смѣхомъ и разговорами, не христіанское празднованіе праздниковъ съ пиршествати и невоздержностью.

б) «О пьянствѣ». Во второй части съ особенной силой обличается пьянство. «Горе и, опять скажу, горе пребывающимъ въ пьянствѣ... Пьянствомъ мы отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ злого бѣса. Бѣсы радуются нашему пьянству и радуясь приносятъ діаволу отъ пьяницъ пьянственную жертву; а діаволъ съ радостью говоритъ: никогда я не радуюсь только жертвамъ языческимъ, какъ пьянству христіанъ, потому что въ пьяницахъ — всѣ дѣла моего хотѣнія».

4) «**Житіе блаженнаго Володимера**». Оно состоитъ изъ трехъ частей: 1) въ первой части разсказывается о томъ, какъ Владимиръ посылалъ къ болгарамъ, нѣмцамъ и грекамъ пословъ для ознакомленія съ ихъ религіями, о походѣ Владимира на Корсунь и о его крещеніи тамъ, затѣмъ о крещеніи кіевлянъ по возвращеніи изъ похода; 2) во второй части сообщаются краткія извѣстія о построеніи Владимиромъ церкви Богородицы Десятинной, о добродѣтеляхъ Владимира и о его смерти и погребеніи; 3) въ третьей части заключается похвала Владимиру, который называется вторымъ Моисеемъ и вторымъ Константиномъ Великимъ. «Житіе» по своему содержанію напоминаетъ разсказъ о крещеніи Владимира и Кіевской Руси, имѣющійся въ настоящее время въ нашей первоначальной лѣтописи. Въ передачѣ этихъ событій оно рѣзко отличается отъ Іакова Мниха. Такъ, по «Житію» Владимиръ крестился въ Корсуни послѣ ея взятія, а не за два года до похода, какъ свидѣтельствуетъ Іаковъ Мнихъ; по «Житію» Владимиръ жилъ послѣ крещенія 33 года, а по Іакову мниху—28 лѣтъ. Далѣе, въ «Житіи» повѣствуется о посольствахъ, отправленныхъ Владимиромъ для испытанія вѣръ, тогда какъ ближайшій къ эпохѣ Владимира писатель Іаковъ Мнихъ не знаетъ ни о какомъ посольствѣ. «Житіе» представляетъ греческую версію крещенія Владимира и Руси, противорѣчащую русскимъ преданіямъ, обработаннымъ авторомъ рѣчи «О законѣ и благодати» и Іаковомъ Мнихомъ.

4) «**Слово въ субботу сыропустную**». Слово это, вѣроятно, произнесено было Ѳеодосіемъ во время его игуменства въ присутствіи иноковъ Кіевопечерскаго монастыря и вели-

каго князя Изяслава Мстиславича съ семьей. Слово состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть представляетъ ублаженіе святыхъ, составленное на основаніи службы въ сыропустную недѣлю. Кромѣ греческихъ святыхъ ублажаются преподобный Антоній, преподобный Θеодосій и князь Игорь, убитый въ 1147 году. Ублаженіе князя Игоря наводитъ на мысль, что слово было произнесено въ скоромъ времени послѣ его убіенія. Вторая часть представляетъ изъ себя поученіе инокамъ и князьямъ. Иноки, давшіе монашескіе обѣты, должны твердо ихъ исполнять. Между тѣмъ далеко не всѣ изъ нихъ соблюдаютъ обѣты. Многіе слишкомъ любятъ мірское: богатство, мірскія удовольствія; нѣкоторые не обнаруживаютъ достаточнаго смиренія. Ораторъ приглашаетъ иноковъ обратить вниманіе на образы святыхъ, которыхъ онъ только что ублажалъ, которые, отвергнувъ все мірское, возносились къ небу и наслѣдовали райскія врата. Имъ слѣдуетъ подражать инокамъ и не попадаться въ «сребролюбныя сѣти». Съ особенною силою ораторъ вооружается противъ сребролюбія. Въ концѣ своего слова ораторъ даетъ наставленія князьямъ, княгинямъ и всему народу. Онъ всѣхъ предостерегаетъ противъ златолюбія и сребролюбія, совѣтуетъ князьямъ и княгинямъ жить правдою и истиною, богатымъ творить милостыню, убогимъ—спасаться смиреніемъ и всѣмъ спасаться любовью.

Климентъ Смолятичъ.

(1147—1154).

286. Жизнь и труды Климента Смолятича. Климентъ Смолятичъ былъ второй русскій, выбранный, по приказанію великаго князя Изяслава II, въ митрополиты, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. По свидѣтельству лѣтописи, Климентъ былъ великимъ книжникомъ и философомъ, какихъ въ Русской землѣ и не было. Философомъ въ эпоху древняго Кіевскаго просвѣщенія у насъ назывался всякій, кто помимо умѣнія читать и писать обнаруживалъ извѣстную начитанность въ переводной византійско-болгарской литературѣ. Такимъ образомъ, Климентъ былъ для своего времени выдающимся по образованію лицомъ, и это обстоятельство открыло ему дорогу къ митрополичьей

каѳедрѣ. Но Климентъ не былъ признанъ нѣкоторыми епископами и князьями, которые находили, что митрополитъ долженъ быть поставленъ константинопольскимъ патріархомъ. Изъ-за этого въ русской церкви происходила нѣкоторое время смута.

Изъ трудовъ митрополита Климента дошелъ до насъ одинъ, а именно—«Посланіе написано Климентомъ митрополитомъ русскимъ Ѳомѣ пресвитеру смоленскому, истолковано Аѳанасіемъ мнихомъ». Изъ заглавія видно, что посланіе Климента подверглось обработкѣ какимъ-то монахомъ Аѳанасіемъ. Такимъ образомъ, посланіе не во всѣхъ своихъ частяхъ принадлежитъ перу самого Климента.

Происхожденіе «Посланія» таково. Князь смоленскій Ростиславъ Мстиславичъ, братъ Изяслава II, отказался признать Климента русскимъ митрополитомъ, считая его поставленіе помимо константинопольскаго патріарха—незаконнымъ. Съ цѣлью примирить съ собою Ростислава Климентъ послалъ ему недошедшее до насъ посланіе, въ которомъ мимоходомъ задѣлъ пресвитера Ѳому, бывшаго, по всей вѣроятности, близкимъ къ Ростиславу лицомъ и, очень можетъ быть, вооружавшаго противъ митрополита князя. Оскорбленный Ѳома послалъ Клименту укоризненное посланіе, тоже не дошедшее до насъ. Отвѣтомъ на это посланіе Ѳомы и является сохранившееся до нашего времени «Посланіе» Климента.

«Посланіе» Климента состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть содержитъ отвѣтъ Климента на укоризны Ѳомы. Ѳома укорялъ Климента въ тщеславіи, выразившемся въ томъ, что митрополитъ въ своемъ посланіи къ Ростиславу, «славя себя и творяся философомъ», писалъ не на основаніи сочиненій св. отцовъ, а отъ Омира (Гомера), Аристотеля и Платона. Климентъ опровергаетъ укоризны Ѳомы. Онъ заявляетъ, что, во-первыхъ, онъ не ищетъ людской славы, презираетъ богатство и занятъ одною только мыслью — о загробной жизни; во-вторыхъ, неправда, будто онъ пишетъ, руководствуясь мыслями Гомера, Аристотеля и Платона; то, что Ѳома принимаетъ за идеи этихъ языческихъ писателей, на самомъ дѣлѣ представляетъ аллегорическо-символическое толкованіе св. Писанія и предметовъ природы. Вторая часть «Посланія» состоитъ изъ образцовъ подобныхъ толкованій,

большею частью заимствованныхъ изъ сочиненій отцовъ церкви и изложенныхъ въ формѣ притчъ и вопросовъ-отвѣтовъ, напоминающихъ «Бесѣду трехъ святителей» (§ 81). Въ этой части авторъ пользовался «Шестодневомъ» Іоанна экзарха болгарскаго, «Богословіемъ» Іоанна Дамаскина и особенно вопросо-отвѣтами блаженнаго Ѳеодорита на пятикнижіе.

Вотъ примѣры толкованій. Что значитъ: я не остерегся той «піявицы», которая слѣдуетъ не только за египтянами, но и за іерусалимлянами? «Піявица» — это власть и слава: египтяне — міряне, іерусалимляне—монахи. Славы и власти жаждутъ не только міряне, но и монахи: жажда ея преслѣдуетъ насъ до гроба...

Что значитъ: ибо и мой диктаторъ изнемогъ отъ бремени чувственныхъ и невещественныхъ разбойниковъ по дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ (символизація притчи Христа о милосердомъ самарянинѣ). Диктаторъ — это умъ, чувственные и невещественные разбойники—это бѣсы. Іерихонъ — это міръ, Іерусалимъ — эдемъ, человѣкъ, отправившійся изъ Іерусалима въ Іерихонъ—Адамъ, раны, нанесенныя разбойниками человѣку—это грѣхи.

Эпизодъ съ вдовицей, опустившей въ сокровищницу двѣ лепты, даетъ поводъ къ такому толкованію: вдовица—душа человѣка, двѣ лепты—это тѣлесное цѣломудріе и душевное смиреніе.

Морская рыбка эхина, останавливающая веромъ своимъ корабли на морѣ, даетъ поводъ къ обширному толкованію. Малая рыба эхина учитъ многому совершающихъ морскія путешествія: она знаетъ, когда будетъ буря, а когда тишина. Когда она предвидитъ бурю, то она взбирается на твердый камень, какъ на якорь. Видя это, корабельщики догадываются, что предстоитъ буря. Такимъ образомъ малая рыба, а не астрологъ или халдей какой-либо, наблюдающій звѣзды, предсказываетъ бурю. Но надъ моремъ и вѣтромъ властвуетъ Господь. Если Господь проявилъ свою заботливость къ эхинѣ, то во сколько разъ болѣе велики его щедроты къ намъ, людямъ, уповающимъ на него: Господь премудро заботится о нашемъ спасеніи и повелѣваетъ каждому исполнять то, чего Онъ хочетъ. Когда пророкъ Іона, посланный Богомъ проповѣдывать въ Ниневіи о предстоя-

щемъ разрушеніи ея Господомъ за грѣхи, если жители ея не раскаятся, бѣжалъ отъ Господа въ Тарсисъ и находился на морѣ, то эхина не остановила корабля, на днѣ котораго спалъ Іона. Разыгралась буря, кораблю грозила гибель. Буря успокоилась только тогда, когда Іона былъ брошенъ въ море и попалъ во чрево киту. Китъ извергъ Іону, и Іона вынужденъ былъ исполнить волю Божію и идти проповѣдывать Ниневіи слово Господне; жители Ниневіи вняли словамъ Іоны, покаялись и спасли свою жизнь. Все это сдѣлалъ премудрый Христосъ Богъ, творящій чудеса.

Остается неизвѣстнымъ, какія изъ толкованій извлечены самимъ Климентомъ, и какія — монахомъ Аѳанасіемъ. Во всякомъ случаѣ «Посланіе» Климента своею склонностью къ символизму служитъ доказательствомъ того, что къ половинѣ XII в. византійско-богословскіе пріемы мышленія, благодаря чтенію переводной литературы, становятся уже достояніемъ и русскаго духовенства. Слѣдующій за Климентомъ церковный писатель и проповѣдникъ Кириллъ Туровскій является уже въ высшей степени талантливымъ проповѣдникомъ-ораторомъ, мастерски владѣющимъ пріемами византійско-богословскаго мышленія и рѣчи.

Кириллъ Туровскій.

(1130—1182).

287. Біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ. Біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ— скудны. Кириллъ Туровскій былъ родомъ изъ Турова (въ Минской губ., Мозырскаго уѣзда), который въ XII в. былъ правительственнымъ центромъ цѣлой княжеской области. Въ какомъ году родился Кириллъ, неизвѣстно; думаютъ, что около 1130 г. Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей. Жизнь въ полномъ довольствѣ не удовлетворила даровитаго юношу, и онъ рано почувствовалъ склонность къ благочестивымъ подвигамъ и молитвѣ. Онъ усердно читалъ переводную византійско-болгарскую литературу, пріобрѣлъ большую начитанность и усвоилъ пріемы византійскаго ораторскаго искусства. Весьма возможно, что свои познанія Кириллъ почерпнулъ не только изъ чтенія книгъ, но и непосредственно отъ какого-нибудь изъ образованныхъ грековъ, жившихъ

въ Туровѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ XII в. въ Туровѣ жила греческая царевна, бывшая замужемъ за русскимъ княземъ, причемъ царевна навѣрно имѣла свой дворъ изъ грековъ.

Уже въ молодости Кириллъ поступилъ въ монастырь, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими аскетическими подвигами. Не довольствуясь обычными у насъ видами аскетизма. Кириллъ попробовалъ и тотъ видъ, который называется столпничествомъ, т. е. затворился въ каменной башнѣ, гдѣ предавался посту и молитвѣ. Образованность Кирилла и его строгій образъ жизни обратили на него вниманіе туровскаго князя и населенія. По ихъ желанію Кирилъ выбранъ былъ въ епископы города. Въ точности годы его епископства неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ они падаютъ на вторую половину XII в. Умеръ Кириллъ около 1182 г.

288. Труды Кирилла Туровскаго. Кириллу Туровскому принадлежитъ рядъ словъ, поученій и молитвъ. Изъ словъ, несомнѣнно принадлежащихъ ему, можно назвать слѣдующія: 1) «Слово на недѣлю Ваій», 2) «Слово на Пасху», 3) «Слово на вторую недѣлю по Пасхѣ» (на Ѳомину недѣлю, на Антипасху), 4) «Слово на третью недѣлю по Пасхѣ», 5) «Слово на четвертую недѣлю по Пасхѣ» (о разслабленномъ), 6) «Слово на шестую недѣлю по Пасхѣ», 7) «Слово на Вознесеніе» и 8) «Слово на седьмую недѣлю по Пасхѣ».

Изъ поученій Кириллу Туровскому приписываются слѣдующія: 1) О «душѣ и тѣлѣ человѣческомъ», 2) «Сказаніе о черноризьстѣмъ чинѣ отъ ветхаго закона и новаго», 3) «Притча о человѣцѣ бѣлоризцѣ» и нѣкоторыя другія.

289. Содержаніе «Словъ» Кирилла Туровскаго. Содержаніе «Словъ» Кирилла Туровскаго вкратцѣ слѣдующее.

Въ «Словѣ на недѣлю Ваій» (въ Вербное воскресенье) изображается, въ сопровожденіи аллегорическихъ толкованій, шествіе Христа въ Іерусалимъ. Далѣе воздается празднику похвала при посредствѣ особыхъ ораторскихъ пріемовъ (общихъ мѣстъ), изображающихъ ликованіе природы, ангеловъ и людей, съ одной стороны, и уныніе діавола и іудейскихъ старѣйшинъ, съ другой стороны. Заключается слово краткимъ увѣщаніемъ слушателей почтить Господа добрыми дѣлами по образу тѣхъ почестей, которыя оказаны были ему при шествіи въ Іерусалимъ.

«Слово на Пасху» представляетъ изображеніе воскресенія Христа, символическое толкованіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ его и похвалу празднику.

«Слово на Ѳомину недѣлю» (на Антипасху) состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть посвящена восхваленію праздника: духовное возрожденіе — духовная весна — символизируется вещественной весной. Во второй части ораторъ приглашаетъ присутствующихъ войти въ сіонскую горницу, въ которой Христосъ послѣ воскресенія явился ученикамъ; затѣмъ ораторъ изображаетъ Христа бесѣдующимъ съ Ѳомой: въ уста Христа онъ вкладываетъ пространную рѣчь, на которую Ѳома тоже отвѣчаетъ рѣчью.

«Слово на третью недѣлю» изображаетъ въ драматической формѣ праздникъ женъ Мироносицъ. Дѣйствіе начинается съ изображенія плача Богородицы у креста Іисуса; затѣмъ Богородица обращается съ рѣчью къ Іосифу съ мольбой—идти къ Пилату и испросить у него тѣло Христа. Іосифъ идетъ къ Пилату и обращается къ нему съ пространной рѣчью. Далѣе слѣдуетъ изображеніе плача Іосифа надъ тѣломъ Христа и погребеніе, съ Никодимомъ, Христа. Затѣмъ идетъ разсказъ о приходѣ ко гробу Христа мироносицъ и излагается пространная рѣчь къ нимъ ангела. Конецъ «Слова» состоитъ изъ похвалы «благообразному и досточудному» Іосифу.

Въ «Словѣ на четвертую недѣлю» (о разслабленномъ) ораторъ говоритъ о купели Виѳезда, толкуя ее символистически, какъ прообразъ крещенія. Затѣмъ авторъ влагаетъ въ уста разслабленнаго жалобную рѣчь, обращенную къ Христу; Христосъ отвѣчаетъ ему; исцѣленный разслабленный обращается съ обличительной рѣчью къ евреямъ, укорявшимъ его за то, что онъ взялъ свой одръ въ субботу. Въ концѣ «Слова» ораторъ даетъ краткое наставленіе присутствующимъ, обративъ къ нимъ рѣчь Христа къ разслабленному.

«Слово на недѣлю шестую» (о слѣпомъ) начинается изложеніемъ исторіи праздника, затѣмъ слѣдуетъ прославленіе неизреченной милости и человѣколюбія Бога, изображается ослѣпленіе евреевъ относительно Христа, размышленіе евреевъ о томъ, что сдѣлать съ Христомъ, передается обли-

чительная противъ евреевъ рѣчь прозрѣвшаго слѣпого. Въ заключеніе ораторъ воздаетъ прозрѣвшему похвалу.

Въ «Словѣ на Вознесеніе» изображается картина Вознесенія Христа на небо. Ораторъ приглашаетъ слушателей на Елеонскую гору, на которую уже пришелъ Христосъ и всѣ святые чины. Онъ изображаетъ, какъ ангельскія и архангельскія воинства готовятъ Христу путь, херувимскій престолъ, какъ Отецъ ждетъ Христа, а Духъ Св. отдаетъ приказанія встрѣтить Христа, какъ святые вслѣдъ за ангелами начинаютъ пѣть торжественныя пѣсни, какъ церковь, видя Христа возносящимся, скорбитъ, какъ скорбятъ апостолы и Христосъ утѣшаетъ ихъ. Далѣе ораторъ изображаетъ, какъ вратари не хотятъ открыть передъ Христомъ, какъ передъ человѣкомъ, небесныхъ воротъ, но по гласу Божію узнаютъ въ Христѣ сошедшаго на землю Бога, какъ Духъ Св. исходитъ на встрѣчу восходящему Христу и какъ Отецъ сажаетъ Христа на престолъ одесную Себя. Въ концѣ «Слова» ораторъ приглашаетъ слушателей возрадоваться Господу, взошедшему на небеса.

Въ «Словѣ на недѣлю седьмую» (свв. Отецъ), излагается исторія перваго вселенскаго собора, отчасти въ повѣствовательной формѣ, отчасти въ драматической, какъ, напр., пренія Арія съ отцами собора. Затѣмъ идетъ похвала отцамъ собора и вообще св. отцамъ, стоявшимъ за вѣру.

290. Содержаніе «Поученій» Кирилла Туровскаго. Содержаніе «Поученій», приписываемыхъ Кириллу Туровскому, слѣдующее.

1) **«О душѣ и тѣлѣ человѣческомъ»**. Это поученіе изложено въ формѣ притчи о хромомъ и слѣпомъ. Одинъ домовитый человѣкъ насадилъ виноградникъ. Онъ окружилъ его стѣной, сдѣлалъ ворота и приставилъ къ нимъ двухъ сторожей: одного хромого, другого слѣпого. Поручая стеречь садъ такимъ сторожамъ, хозяинъ руководился слѣдующими соображеніями: хромой, лишенный ногъ, не войдетъ въ садъ, а слѣпой, если и войдетъ, то заблудится и попадетъ въ находившуюся тамъ пропасть; съ другой стороны, оба вмѣстѣ окажутся хорошими сторожами: хромой увидитъ приближающихся воровъ, а слѣпой услышитъ ихъ. Разсчеты хозяина однако не оправдались: слѣпой посадилъ на себя хромого, который указывалъ первому дорогу въ садъ; они пробра-

лись въ виноградникъ и ограбили хозяина. Смыслъ этой притчи таковъ: домовитый человѣкъ, насадившій виноградникъ,—Богъ, насадившій рай и отдавшій его на храненіе человѣку; хромой—это тѣло человѣческое, а слѣпой—душа; душа и тѣло грѣшатъ не въ отдѣльности другъ отъ друга, а вмѣстѣ.

Эта притча не была оригинальнымъ произведеніемъ Кирилла: въ старинныхъ прологахъ она встрѣчается подъ 28 сентября. Повидимому, она—продуктъ древняго творчества, потому что встрѣчается въ «Талмудѣ» и въ сказкахъ «Тысяча и одна ночь». Въ какой степени эта притча была популярна, видно изъ того, что ея сюжетъ проникъ и въ наше устное творчество, а именно въ былину о двухъ братьяхъ Ливикахъ и въ сказку о хромомъ и слѣпомъ богатырѣ. И въ томъ и въ другомъ произведеніи изображается безглазый, несущій на себѣ хромого.

2) **«Сказаніе о черноризьстѣмъ чинѣ отъ ветхаго закона и новаго»**. Въ этомъ сказаніи Кириллъ изображаетъ основныя черты иноческой жизни въ символическихъ образахъ. Иноки уподобляются Кирилломъ ветхозавѣтнымъ агнцамъ, которые закалались на пасху; иноки принесли себя въ жертву Богу и, подобно агнцамъ, они должны быть безъ порока. Основная обязанность инока—полное самоотверженіе. «Ты, какъ свѣча, воленъ въ себѣ до церковныхъ дверей; а потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ. Ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь». Далѣе дается символистическое толкованіе монашескимъ одеждамъ (рясы, пояса, обуви), обѣтамъ и обрядамъ. Любопытно толкованіе, какое Кириллъ даетъ монашескому гуменцу (католической тонсурѣ, которая въ древности была и у нашего духовенства) и которое, вѣроятно, было почерпнуто имъ изъ какого-нибудь апокрифа. Израильтяне, говоритъ Кириллъ, покидая Египетъ, успѣли захватить съ собою только тѣсто въ квашнѣ. Дорогой они выдѣлывали изъ тѣста лепешки: эти лепешки они клали на голову, чтобы лучи солнца высушило ихъ и сдѣлало годными для ѣды. Когда лепешки просохли, случилась бѣда: онѣ присохли къ головамъ такъ сильно, что пришлось отрывать ихъ вмѣстѣ съ волосами.

Всѣ израильтяне оплѣшивѣли и въ такомъ видѣ они странствовали по пустынѣ. Иноки, заключаетъ отсюда Кириллъ, подобны израильтянамъ, которые отыскивали по пустынѣ землю обѣтованную; поэтому надъ ними совершается при постриженіи гуменцо.

3) «**Притча о человѣцѣ бѣлоризцѣ**». Эта притча символически изображаетъ иноческое и мірское житіе. Въ одномъ городѣ жилъ добрый и справедливый царь, который имѣлъ одинъ недостатокъ: онъ не заботился о военной защитѣ города. Дочь царя и его совѣтники тщетно старались исправить его отъ этого недостатка. Однажды ночью въ городѣ произошелъ мятежъ. Царь вышелъ къ народу со своими совѣтниками, но не могъ узнать причины волненія. Одинъ изъ совѣтниковъ царя повелъ его съ дочерью къ одной большой горѣ, въ которой была пещера, заключавшая въ себѣ множество оружія. Внутри пещеры царь увидѣлъ человѣка, одѣтаго въ рубище, а рядомъ съ нимъ прекрасную женщину, которая пѣла пѣсню. Передъ ними стоялъ на камнѣ юноша прекраснаго вида, который подносилъ бѣдняку сосудъ съ виномъ. Когда бѣднякъ принималъ сосудъ, его вѣнчали похвалами. Царь былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ. Онъ не могъ понять, какъ скрытый отъ всего міра человѣкъ могъ пользоваться такою честью и такимъ весельемъ. Смыслъ этой символической картины такой: городъ—это тѣло, царь—умъ, обладающій тѣломъ, люди—пять чувствъ, нерадѣніе—безпечное отношеніе къ своей душѣ, совѣтники — житейскіе помыслы, дочь — душа, ночь — волненіе сего свѣта, мятежъ — нечаянная напасть на человѣка, выходъ царя — смерть; большая гора—монастырь, множество оружія—иноческія добродѣтели; смотрѣніе въ отверстіе—слушаніе душеполезнаго чтенія, пещера—монастырская церковь, человѣкъ въ рубищѣ—инокъ, женщина—неотлучная смертная память, юноша—Христосъ и т. д.

Эта притча навѣяна была Кириллу знаменитымъ романомъ «О Варлаамѣ и Іоасафѣ» (§ 137).

291. Особенности «Словъ» и «Поученій» Кирилла Туровскаго. «Слова» и «Поученія» Кирилла Туровскаго, какъ это и естественно было ожидать, не представляютъ ни по содержанію, ни по пріемамъ изложенія самобытнаго явленія въ русской литературѣ: Кириллъ Туровскій лишь талант-

ливо воспроизводилъ съ большею или меньшею самостоятельностью образцы византійскіе. Такъ, въ «Словѣ на первую недѣлю по Пасхѣ» замѣтно большое сходство съ соотвѣтствующимъ же «Словомъ» Григорія Богослова; въ «Словѣ въ недѣлю Ваій» есть не мало мѣстъ, сходныхъ съ «Словомъ» на эту же недѣлю св. Прокла, арх. Константинопольскаго; рѣчь Іосифа аримаѳейскаго въ «Словѣ о мироносицахъ» представляетъ воспроизведеніе части «Слова» св. Епифанія Кипрскаго († 403 г.) на погребеніе Христа; плачъ Богородицы въ этомъ «Словѣ» Кирилла является подражаніемъ Симеону Метафрасту († 976 г.), автору подобнаго же рода плача Богородицы. Широко пользовался Кириллъ въ своихъ словахъ и поученіяхъ ветхозавѣтными и новозавѣтными апокрифами.

Вліяніе византійской литературы на произведенія Кирилла Туровскаго сказалось не только въ содержаніи ихъ, но и въ выборѣ темъ. Въ «Словахъ» Кирилла Туровскаго развитіе предъ слушателями христіанской морали или совершенно отсутствуетъ или же занимаетъ ничтожное мѣсто въ концѣ его «Словъ». Основнымъ содержаніемъ «Словъ» является исторія праздника, символическое толкованіе подробностей этой исторіи, похвала празднику. Такое содержаніе «Словъ» у Кирилла Туровскаго было общее съ содержаніемъ византійскихъ словъ XII в. и обязано своимъ происхожденіемъ тому, что византійское духовенство, приспособившись къ прочно создавшимся общественно-политическимъ отношеніямъ, къ этому времени стало равнодушнымъ къ проповѣди христіанской морали и свело задачу проповѣди къ краснорѣчію на отвлеченныя темы, неспособныя раззадорить слушателей. Наше духовенство не могло подняться въ этомъ отношеніи выше своихъ образцовъ: моральная проповѣдь, которая обыкновенно связывается съ обличеніемъ безнравственныхъ дѣйствій людей сильныхъ по богатству, положенію и власти рисковала встрѣтить и встрѣчала энергичный отпоръ, угрожавшій жизни проповѣдника. Поведеніе преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, самыхъ выдающихся представителей нравственной силы въ Кіевской Руси, съ достаточною ясностью показало, что наше духовенство не нашло въ себѣ достаточнаго запаса энергіи для поддержанія авторитета христіанской морали среди княжеско-дружиннаго класса. Есте-

ственно, что проповѣдь морали, обличеніе пороковъ становились у насъ опасными, и даже митрополитъ Никифоръ, отваживаясь на такого рода проповѣдь, долженъ былъ дѣлать рядъ оговорокъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва сильныхъ міра сего. Вслѣдствіе этого даровитые и краснорѣчивые ораторы вынуждались и сами естественно склонялись къ темамъ безопаснымъ, такимъ, которыя позволили бы оратору обнаружить блескъ своей способности.

Основные пріемы ораторскаго искусства, появившіяся въ «Словахъ» Кирилла Туровскаго, суть слѣдующія: 1) драматизмъ изображенія событій, 2) антитеза, 3) олицетвореніе отвлеченныхъ понятій и 4) символизмъ.

1) **Драматизмъ изображенія событій.** Кириллъ Туровскій, обладавшій помимо ораторскаго таланта поэтическими способностями, часто въ своихъ «Словахъ» передаетъ событія въ живой драматической формѣ: а) онъ рисуетъ событіе какъ бы происходящимъ теперь, въ тотъ именно моментъ, когда авторъ ведетъ свою рѣчь; б) онъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ вести между собою пространные діалоги.

а) Первый пріемъ драматизаціи—изображеніе библейскаго событія какъ бы происходящимъ теперь, въ моментъ произнесенія рѣчи, — чрезвычайно любопытенъ и для характеристики міровоззрѣнія самого Кирилла Туровскаго, и по своему вліянію на міровоззрѣніе русскаго человѣка вообще. Этотъ пріемъ Кириллъ вводитъ въ свои «Слова» при помощи словъ «нынѣ» и «днесь». Такъ, въ «Словѣ на недѣлѣ Ваій» Кириллъ такъ говоритъ: «Днесь горы и холмы точатъ сладость, удолія и поля плоды Богу приносятъ, горніи воспѣваютъ, а преисподніи рыдаютъ. Ангелы дивятся, видяще на землѣ невидимаго на небесахъ и на жребяти сѣдящаго сущаго на престолѣ херувимскомъ, обступаемымъ народами—неприступнаго для небесныхъ силъ». Въ «Словѣ въ новую недѣлю по Пасхѣ», которое произносилось весною, Кириллъ говорилъ: «Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ восходитъ и радуяся землю огрѣваетъ: взыде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и всѣхъ вѣрующихъ ему спасаетъ». Въ «Словѣ на Вознесеніе» Кириллъ говоритъ, что на гору Елеонскую «самъ Христосъ Богъ нашъ днесь пришелъ» и собрались чины всѣхъ святыхъ: соборы праотцевъ, множество патріарховъ, пророческихъ полковъ, апостольскихъ ликовъ, толпы

вѣрныхъ съ семидесятью учениками Христа; нынѣ тамъ собираются ангельскія силы и архангельскія воинства и т. д. Такая драматизація, представлявшая для греческихъ ораторовъ, многія вѣка искушавшихся въ краснорѣчіи, простой пріемъ изображенія, у насъ пріобрѣтала нѣсколько иное значеніе. Кириллъ Туровскій, быть можетъ, подобно греческимъ ораторамъ также видѣлъ въ такой драматизаціи ораторскій пріемъ, хотя такому пониманію всѣми своими силами должна была противиться русская жизнь съ ея анимистическимъ міровоззрѣніемъ, съ ея вѣрой въ таинственное общеніе боговъ (напр., Дажь-бога съ земной природой) въ опредѣленные моменты года (напр., въ день лѣтняго солнцеворота). Но слушатели Кирилла неизбѣжно должны были понимать слова его въ буквальномъ смыслѣ: они выносили изъ «Словъ» Кирилла убѣжденіе, что въ самомъ дѣлѣ событія, изображаемыя Кирилломъ, происходятъ, или точнѣе, повторяются въ тѣ дни, когда Кириллъ произносилъ свои «Слова». Это убѣжденіе русскихъ слушателей отразилось впослѣдствіи въ устномъ творчествѣ и на міровоззрѣніи русскаго человѣка вообще. Простой народъ до сихъ поръ убѣжденъ, что въ извѣстные праздники повторяются на всей землѣ связанныя съ ними библейскія событія. Такъ, напр., во время святокъ Христосъ является на землю и ходитъ по домамъ; въ Крещеніе вода колышется и т. д.

б) Другой пріемъ драматизаціи — діалоги дѣйствующихъ лицъ. Примѣръ діалога между Христомъ и Ѳомой изъ «Слова на новую недѣлю по Пасхѣ». Христосъ говоритъ Ѳомѣ: «Подай руку твою и смотри прободеніе ребръ моихъ и вѣруй, что Я самъ есмь. И прежде патріархи и пророки разумѣли и вѣрили моему вочеловѣченію... Осязай меня, что Я самъ есмь, какъ прежде осязалъ Симеонъ и вѣрою просилъ отпущенія съ миромъ. И не будь невѣренъ, какъ Иродъ, который, услышавъ о моемъ рожденіи, говорилъ волхвамъ: гдѣ Христосъ рождается, я поклонюся ему, а въ сердцѣ своемъ замышлялъ убить Меня... Дай перстъ твой и посмотри на руки Мои, которыми я отверзъ очи слѣпымъ, глухимъ даровалъ слухъ, а нѣмыхъ сдѣлалъ способными говорить; посмотри на ноги мои, которыми я по морю ходилъ передъ вами и явственно ступалъ по воздуху, сходилъ въ преисподнюю и, поправъ ими адъ, шелъ съ Клеопою и Лукою до

Эммауса, и не будь невѣренъ, но вѣренъ». Ѳома отвѣчаетъ Христу: «Вѣрую. Господи, что ты еси Христосъ, Богъ мой, о которомъ писали, провидя духомъ, пророки, котораго прообразилъ въ законѣ Моисей, кого отверглись фарисеи съ жрецами, кому поругались евреи съ книжниками, кого осудилъ на распятіе Пилатъ съ Каіафою, но кого Богъ Отецъ воскресилъ изъ мертвыхъ. Вижу ребра, изъ которыхъ Ты источилъ воду и кровь, — воду, чтобы очистить осквернившуюся землю,—кровь, чтобы освятить естество человѣческое. Вижу руки твои, которыми ты сотворилъ всю тварь, насадилъ рай и создалъ человѣка, которыми благословилъ патріарховъ, которыми помазалъ царей, которыми освятилъ апостоловъ. Вижу ноги твои, прикоснувшись къ коимъ, грѣшница получила отпущеніе грѣховъ, припавши къ коимъ, вдовица мертваго сына своего приняла живымъ съ душою: при сихъ ногахъ кровоточивая, прикоснувшись края ризъ, исцѣлилась отъ недуга. И я, Господи, вѣрую, что ты еси Богъ... Христосъ снова говоритъ Ѳомѣ: «Ты видѣлъ меня и увѣровалъ: но блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе».

2) **Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій.** Этотъ пріемъ состоитъ въ томъ, что отвлеченныя понятія представляются, какъ живыя существа. Такъ, напр., въ «Словѣ на Вознесеніе» олицетворяется языческая церковь, которая представлена присутствующей при вознесеніи: «Тутъ же находилась и языческая церковь, уневѣстившаяся Христу: видя Христа, вознесшагося на небо, она скорбитъ, стонетъ сердцемъ и вопіетъ словами Соломона: уязвлена есмь, азъ любовью твоею, женише небесный». Въ «Словѣ на Антипасху» Кириллъ говоритъ о недѣлѣ (т. е. о воскресеніи), какъ о «царицѣ дней». Такое олицетвореніе должно было порождать въ душѣ слушателей, еще проникнутыхъ анимистическимъ міровоззрѣніемъ, убѣжденіе въ томъ, что недѣля — это есть живое сверхъестественное существо, подобное тѣмъ богамъ, отъ вѣры въ которыхъ они еще не отрѣшились.

3) **Антитеза.** Антитеза означаетъ ораторскій пріемъ противоположенія одного предмета другому, одного дѣйствія другому и т. д. Въ «Словѣ на Пасху» Кириллъ говоритъ: «Предъ вчерашнимъ днемъ Іисусъ Христосъ, какъ человѣкъ, былъ распятъ, а какъ Богъ, помрачилъ солнце, луну въ кровь преложилъ, и тьма сдѣлалась по всей землѣ; какъ человѣкъ

возопивъ, испустилъ духъ, но какъ Богъ, поколебалъ землю, и камни распались; какъ человѣкъ, былъ прободенъ въ ребра, но какъ Богъ, разодралъ завѣсу перваго закона: какъ агнецъ, источилъ кровь съ водою на мѣсто крови агнцевъ, закалавшихся прежде на жертву, но собою принесъ жертву Богу Отцу за спасеніе міра; какъ человѣкъ, былъ положенъ во гробѣ, но какъ Богъ, освятилъ алтарь языческой церкви».

4) Символизмъ. Символизмъ, встрѣчающійся у Кирилла Туровскаго,—троякаго рода: а) символистическое толкованіе явленій природы. б) символистическое толкованіе св. Писанія и в) символистическое толкованіе обрядовъ.

а) Символистическое толкованіе явленій природы. Подъ символизмомъ природы разумѣется особый пріемъ мысли, состоящій въ томъ, что процессы, явленія и предметы природы понимаются, какъ отраженіе высшаго духовнаго міра. Такъ, въ «Словѣ на Ѳомино воскресеніе» обновленіе природы весною изображается, какъ символъ обновленія человѣческой природы христіанскою вѣрою. Каждое явленіе въ природѣ символизируетъ что-нибудь въ царствѣ благодати. Небеса—апостолы, солнце—Христосъ; луна, исчезающая при солнцѣ, — ветхій законъ, уступающій Евангелію; зима, которую смѣнила весна--время невѣрія, грѣха и смерти; весна—вѣра христіанская, возрождающая человѣческую природу отъ грѣха и смерти; бурные вѣтры—грѣховные помыслы; земля—человѣческая природа; сѣмя, выростающее въ землѣ,—слово Божіе, приносящее плоды добродѣтели въ душахъ вѣрующихъ: весело скачущіе агнцы—кроткіе отъ языкъ люди; деревья, производящіе вѣтви, цвѣты и плоды, — вѣрующіе, приносящіе плоды вѣры; пахари, проводящіе борозды и бросающіе сѣмена, — пастыри церкви, сѣющіе слово Божіе; разлившіяся рѣки — распространяющееся повсюду ученіе Христа; трудолюбивыя пчелы, удивляющія своею мудростью.—монашеское житіе; доброгласныя птицы — веселящіеся лики церковныхъ пѣснопѣвцевъ.

б) Символистическое толкованіе св. Писанія. Символистическое толкованіе св. Писанія возникло впервые у іудеевъ, заимствовавшихъ этотъ пріемъ въ свою очередь отъ греческихъ ученыхъ изъ Александріи.

Съ развитіемъ въ Греціи философіи передовая греческая

мысль вступила въ противорѣчіе съ анимистическимъ міровоззрѣніемъ народной массы. Приходилось либо рѣшительно отвергать миѳы и вступать въ опасное столкновеніе съ массой, либо какъ-нибудь приспособить миѳы къ новымъ воззрѣніямъ и такимъ образомъ не порывать съ ней рѣзко. Послѣдняя задача имѣла за собою больше выгоды, и она была разрѣшена при помощи символизма: миѳы стали объясняться не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Этотъ пріемъ усвоили себѣ и еврейскіе ученые, и стали примѣнять его къ св. Писанію. Такъ, напр., Филонъ, еврейскій писатель I в. по Р. Х., объясняетъ библейскій разсказъ о грѣхопаденіи первыхъ людей, какъ символистическое изображеніе того реальнаго факта, что человѣческая душа отовсюду окружена всевозможными соблазнами. Еврейскіе ученые шли даже дальше: живя подъ властью и среди грековъ, они знакомились съ греческимъ міровоззрѣніемъ и невольно воспринимали многіе его элементы, которые старались примирить съ св. Писаніемъ. Такъ, они стали сопоставлять Самсона съ Геркулесомъ, Ноя съ Девкаліономъ и т. д. Отъ еврейскихъ ученыхъ этотъ пріемъ толкованія былъ усвоенъ и христіанскими писателями. Возникаетъ нѣсколько видовъ толкованія св. Писанія: 1) буквальное, 2) переносное, 3) нравоучительное и 4) прообразовательное. Особенно широкое распространеніе у христіанскихъ писателей пріобрѣло толкованіе прообразовательное, т. е. такое, которое видѣло въ событіяхъ и лицахъ библейскихъ, особенно ветхозавѣтныхъ,—прообразъ будущаго—событій и лицъ новозавѣтныхъ.

Такого рода толкованія св. Писанія въ символистическомъ духѣ находятся и въ «Словахъ» Кирилла Туровскаго. Такъ, разсказывая въ «Словѣ на св. Пасху» о посѣщеніи апостолами Петромъ и Іоанномъ гроба Господня, Кириллъ говоритъ, что Іоаннъ, хотя и вышелъ раньше Петра, но, идя медленнѣе послѣдняго, пришелъ ко гробу позже Петра: Іоаннъ, толкуетъ Кириллъ, есть символъ или прообразъ ветхаго завѣта, который долженъ уступить мѣсто новому завѣту, символомъ котораго является Петръ. Въ «Словѣ на недѣлю Ваій», разсказавъ о торжественномъ шествіи Христа въ Іерусалимъ, Кириллъ даетъ слѣдующія символистическія толкованія: жеребенокъ — увѣровавшіе язычники; ризы, постилаемыя по дорогѣ народомъ,—христіанскія добродѣтели;

люди, срывающіе вѣтви съ деревьевъ и бросающіе ихъ по пути Христа,—язычники; дѣти—монахи; кричавшіе «Осанна въ вышнихъ» -апостолы и пророки. Въ «Словѣ о разслабленномъ» Кириллъ объясняетъ овчую купель, какъ символъ крещенія.

в) Символистическое толкованіе обрядовъ. Образчикъ такого толкованія обряда гуменца указанъ въ § 290.

5) **Притчи.** Наконецъ, Кириллъ прибѣгалъ и къ древневосточному пріему изображенія—къ притчамъ. Примѣръ приведенъ выше въ § 290.

Перечисленныя особенности сочиненій Кирилла Туровскаго дѣлали ихъ недоступными для широкой массы слушателей и читателей. Слушателями его могла быть только небольшая группа лицъ, состоявшая изъ наиболѣе образованной части княжеской дружины, да и эта группа многое въ «Словахъ» и поученіяхъ Кирилла понимала превратно, а многаго и совсѣмъ не понимала.

Іеромонахъ Кирикъ.

292. «**Вопрошаніе Кириково**». Русское духовенство въ своей практикѣ встрѣчалось съ цѣлымъ рядомъ житейскихъ фактовъ и явленій, къ которымъ оно не знало, какъ относиться. Для разъясненія своихъ недоумѣній оно первоначально обращалось съ вопросами къ митрополиту или епископамъ греческаго происхожденія или вообще къ греческой части нашего духовенства. Когда и изъ русской среды стали выдаваться лица, достаточно усвоившія византійское міровоззрѣніе, за разрѣшеніемъ недоумѣній стали обращаться и къ послѣднимъ. Отвѣты епископовъ и митрополитовъ часто записывались и служили руководствомъ въ церковной практикѣ низшаго духовенства. Къ числу произведеній, въ которыхъ содержатся недоумѣнные вопросы и отвѣты на нихъ, относится «Вопрошаніе Кириково», представляющее вопросы іеромонаха новгородскаго Антоніева монастыря Кирика, новгородскаго епископа Ильи (1165—1185) и епископа неизвѣстной епархіи Саввы. Отвѣты на эти вопросы даны разными лицами, но по преимуществу новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ (1129—1156), который вышелъ изъ Кіевопечерскаго монастыря и, слѣдовательно, могъ быть особенно

свѣдущъ въ религіозныхъ вопросахъ. сравнительно съ мѣстнымъ новгородскимъ духовенствомъ.

Въ «Вопрошаніи Кириковомъ» отражаются черты быта, слегка лишь прикрашенныя христіанствомъ въ Новгородской области XI—XII в.в. Вопросы, интересовавшіе Кирика, изложены безъ всякой опредѣленной системы. Это—вопросы о церковной службѣ, о священнодѣйствіяхъ, о монашествѣ, о крещеніи латинянъ, о паломничествѣ въ Іерусалимъ. о причащеніи. о порядкѣ службы, о толкованіи Евангелія и пророчествѣ, о крестѣ Господнемъ, объ иконахъ, о жизни поповъ, о роженицахъ, о погребеніи мертвыхъ, о скоромномъ въ постъ, о рыбьей крови, о дичи. о мѣховой одеждѣ. объ исповѣди, о печеніи просфоръ, о пьянствѣ. о суевѣрныхъ обрядахъ для привлеченія любви мужчинъ и пр.

Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ и отвѣтовъ, характеризующихъ нѣкоторыя черты тогдашней русской жизни и степень христіанскаго развитія тогдашняго духовенства. В. Можно ли въ воскресеніе рѣзать скотъ или птицу? О. Можно: въ томъ нѣтъ грѣха. В. Можно ли причащаться тому, у кого течетъ гной изъ устъ? О. Весьма можно. Не тотъ смрадъ отлучаетъ отъ святыни, который выходитъ изъ устъ, но смрадъ духовный. В. Можно ли давать причастіе тому, кто до обѣдни постучитъ себѣ въ зубы яйцомъ? О. Дѣтямъ можно, а взрослому. если постучитъ не однажды, а много разъ и не по забвенію, нужно возбранять. В. Въ какой одеждѣ должно ходить? О. Не бѣда, если въ медвѣдинѣ. В. Можно ли священнику служить въ той одеждѣ, въ которой будетъ вшитъ женскій платъ? О. Можно. Чѣмъ погана жена? В. Можетъ ли жена мужу или мужъ женѣ помогать исполнять эпитимію? О. Можетъ такъ же, какъ другъ другу и братъ брату. В. Можно ли служить сорокоустъ и ставить кутью за живого человѣка, если онъ заказываетъ? О. Можно, только надобно сказать такому человѣку, чтобы онъ послѣ этого не грѣшилъ. потому что мертвые не грѣшатъ. В. Можно ли служитъ священнику, если онъ, пообѣдавъ и поужинавъ. не поспитъ, а всю ночь простоитъ на пѣніи и чтеніи? О. Можно служить и не поспавши. Развѣ лучше спать, чѣмъ молиться Богу? В. Не грѣхъ ли возбранять странствованіе въ Іерусалимъ по святымъ мѣстамъ? О. Не только не грѣхъ, но и большое добро, когда идутъ для того, чтобы

быть праздными и только ѣсть и пить. Тѣхъ, которые даютъ клятву идти въ Іерусалимъ, надобно подвергать эпитиміи, ибо клятва эта губитъ нашу землю.

Среди вопросовъ Кирика есть и такіе, которые указываютъ на существованіе у новгородцевъ обычая приносить въ жертву Роду и Роженицамъ хлѣбъ, сыръ и медъ, а также на существованіе у матерей обычая носить дѣтей для исцѣленія къ волхвамъ.

Архіепископъ Илія.

(1165—1185).

293. «Поученіе священникамъ» архіепископа Иліи. Мы не имѣемъ объ архіепископѣ новгородскомъ Иліи никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ былъ новгородскимъ архіепископомъ отъ 1165—1185 г. и въ 1166 году произнесъ передъ священниками въ соборное воскресенье поученіе.

Архіепископъ Илья принадлежалъ къ той части духовенства нашего, которая отличалась только грамотностью и не блистала даже начитанностью въ византійской переводной литературѣ. Въ своемъ «Поученіи», которое состоитъ изъ наставленій, предлагаемыхъ священникамъ къ руководству, самъ Илія свидѣтельствуетъ о своей малой образованности, прося своихъ слушателей извинить его, если онъ что-либо сказалъ не такъ, какъ слѣдуетъ, потому что «азъ не который (т. е. не Богъ знаетъ какой) книжникъ». Не будучи «книжникомъ», архіепископъ Илья, однако, обнаруживаетъ задатки природнаго ораторскаго таланта. Давая священникамъ наставленія, Илія говоритъ сжато и кратко; изложеніе его отличается простотой, живостью и склонностью къ драматически-діалогической формѣ.

Наставляя своихъ подчиненныхъ, Илья убѣждаетъ ихъ воздерживаться отъ безпросыпнаго пьянства и ростовщичества. Провинившимся въ этомъ онъ грозитъ наказаніями: «и кунъ лишу, и въ казни будетъ отъ мене». Онъ увѣщеваетъ ихъ воздерживаться отъ игры въ кости и болѣе заниматься «почитаніемъ книжнымъ». Священники должны достойнымъ образомъ приготовляться къ совершенію литургіи и не ссылаться на дурные примѣры прежнихъ священниковъ,

которыхъ можно извинить только по недавности христіанства въ Русской землѣ. Илья внушаетъ имъ возбранять женщинамъ хожденіе къ волхвамъ, вѣнчать въ церкви тѣхъ, которые живутъ въ бракѣ безъ церковнаго вѣнчанія. При настоятельной необходимости идти къ больному для его причащенія или для крещенія младенца въ воскресный день можно, по мнѣнію Ильи, даже оставлять службу въ церкви. Священники должны учить мірянъ воздерживаться отъ крестнаго цѣлованія, указывать, что милостыня должна твориться отъ праведныхъ трудовъ, что милостыня отъ трудовъ неправедныхъ есть ничто передъ Богомъ. Запрещается священникамъ вносить въ алтарь и класть на жертвенникъ приносимыхъ въ церковь брашенъ и питій (кануновъ). Священники должны учить мірянъ надлежащему стоянію въ церкви, унимать отъ святочныхъ игръ, кулачныхъ боевъ; дѣтей они должны учить почитать родителей, а всѣхъ мірянъ избѣгать гнѣва и гордости. Если кто изъ священниковъ совершилъ какія-нибудь вины, влекущія за собою лишеніе священническаго сана, онъ долженъ откровенно сознаться передъ своимъ архіепископомъ; этого требуетъ душевное спасеніе священника. Онъ не долженъ скрывать своего проступка изъ опасенія, лишившись мѣста священника, лишиться куска хлѣба, потому что онъ, архіепископъ, обѣщаетъ не дать имъ умереть съ голоду и будетъ поддерживать ихъ казной св. Софіи. Что такое обѣщаніе будетъ исполнено, Илья доказываетъ тѣмъ, что ему самому деньги не нужны: ему не надо копить ни для жены, ни для дѣтей, не надо высылать и въ чужія земли (намекъ на греческую часть нашего духовенства).

Добрыня Ядрѣйковичъ.

294. «Путешествіе въ Царь-градъ» Добрыни Ядрѣйковича. Добрыня Ядрѣйковичъ (Андрейковичъ) былъ новгородецъ и, по всей вѣроятности, знатнаго происхожденія. Около 1200 г., т. е. за четыре года до завоеванія Константинополя крестоносцами, онъ предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, гдѣ онъ, вѣроятно, пробылъ довольно продолжительное время. Результатомъ пребыванія Добрыни здѣсь было его сочиненіе. Вернувшись изъ Константи-

нополя, Добрыня Ядрѣйковичъ постригся въ монашество подъ именемъ Антонія въ Хутынскомъ монастырѣ, а въ 1211 г. онъ былъ избранъ новгородскимъ архіепископомъ.

«Путешествіе» Добрыни Ядрѣйковича представляетъ изъ себя не столько описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя, сколько простой указатель къ нимъ, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ гидовъ для путешественниковъ. Въ противоположность «Путешествію» игумена Даніила сочиненіе Добрыни отличается краткостью, сжатостью и сухостью, изобличающею съ одной стороны отсутствіе у Добрыни литературнаго таланта, а съ другой стороны—отсутствіе литературныхъ навыковъ въ Новгородской окраинѣ вообще. Несмотря на эти свои недостатки «Путешествіе» Добрыни имѣетъ важное значеніе и для науки, и въ исторіи русской литературы. Для науки этотъ трудъ важенъ потому, что многія свѣдѣнія археологическаго и топографическаго характера о Константинополѣ до его разоренія въ 1204 г. крестоносцами можно почерпнуть только изъ него. Въ исторіи русской литературы онъ важенъ, какъ образчикъ паломничества въ греческую столицу, показывающій, что интересовало нашихъ паломниковъ въ греческой столицѣ, какія свѣдѣнія объ ней и разсказы они заносили къ себѣ на родину.

Константинополь, какъ центръ сложной византійской жизни, экономической, общественно-политической и культурной, былъ выше пониманія русскаго человѣка вообще, только что разставшагося съ простымъ патріархально-родовымъ бытомъ. Поэтому изъ «Путешествія» Добрыни Ядрѣйковича нельзя почерпнуть общей картины Константинополя. Добрыню интересовала и приводила въ изумленіе одна черта въ Константинополѣ—множество святынь: великолѣпные храмы съ знаменитымъ прошлымъ, сохраняющіе священные предметы библейской исторіи, останки святыхъ и мучениковъ и иногда преданія, носящія апокрифическій или суевѣрный характеръ.

Такъ, Добрыня сообщаетъ, что въ св. Софіи сохраняются скрижали Моисеева закона и кіотъ съ манной. Здѣсь же находятся сверлы и пилы, при помощи которыхъ дѣлался крестъ Господень. Онъ видѣлъ мраморный камень отъ самарійскаго колодца, у котораго Христосъ бесѣдовалъ съ самарянкой. Въ царскихъ золотыхъ палатахъ ему показывали орудія страданія Христа: честной крестъ, вѣнецъ, губу, гвозди,

багряницу, копье, трость, далѣе — повой и поясъ св. Богородицы, нерукотворенный образъ Спасителя. Онъ видѣлъ трапезу, за которой Авраамъ со святой Троицей ѣлъ хлѣбъ, крестъ, сдѣланный изъ лозы, посаженной Ноемъ послѣ потопа. Въ другихъ мѣстахъ ему показывали трубу, въ которую трубилъ Іисусъ Навинъ, когда евреи брали Іерихонъ, и рогъ Авраамова овна; въ эту трубу и въ этотъ рогъ вострубятъ ангелы во второе пришествіе. Здѣсь же находятся рогъ, изъ котораго Самуилъ возливалъ масло на Давида-царя, а также жезлъ, которымъ Моисей раздѣлилъ море. Видѣлъ также Добрыня большое золотое блюдо, на которомъ преподнесены были Ольгѣ, русской княгинѣ, дары, когда приходила въ Константинополь.

Перечисляя святыни, Добрыня сообщаетъ и объ ихъ чудесныхъ свойствахъ: мощи св. Антонія исцѣляютъ отъ волхвованія; одна икона Спасителя имѣетъ свойство обличать лжецовъ; есть чудесный засовъ, исцѣляющій отъ отравленія, если сунуть его въ ротъ отравившемуся.

Добрыня упоминаетъ и такіе предметы, какъ большое золотое блюдо, на которомъ русская княгиня Ольга принимала дары, когда она была въ Константинополѣ, свѣтящіеся каменья императора Льва (отсюда въ устной поэзіи—камни-самоцвѣты), хрустальный амвонъ и пр.

Иногда Добрыня передаетъ и свои впечатлѣнія. Такъ, онъ съ большимъ одушевленіемъ описываетъ торжественность богослуженія въ св. Софіи и въ придворной церкви. О богослуженіи въ послѣдней Добрыня пишетъ: «Когда царь входитъ въ церковь, то передъ нимъ несутъ много ксилолоя (алоэ), темьяна (ѳиміама), кладутъ на уголья, и вся церковь наполняется благоуханіемъ; въ церкви раздается такое прекрасное пѣніе, точно ангелы поютъ на небѣ, и стоящіе перестаютъ различать, гдѣ они находятся, въ церкви, или на небѣ, или въ раю. Духъ св. наполняетъ душу и сердце правовѣрныхъ людей радостью и веселіемъ».

Церковная литература первой половины XIII в.

295. Церковные дѣятели первой половины XIII в. Къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ первой половины XIII в.

относятся Авраамій Смоленскій, епископъ Симонъ, инокъ Поликарпъ и, вѣроятно, авторъ «Слова нѣкоего христолюбца».

Авраамій Смоленскій.

296. Дѣятельность Авраамія Смоленскаго. Объ Аврааміи Смоленскомъ († 1221) и его дѣятельности мы узнаемъ изъ житія, составленнаго его ученикомъ Ефремомъ. Авраамій жилъ въ Смоленскѣ, который находился во владѣніи рода Владимира М. Этотъ городъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Ригой и Готскимъ берегомъ Балтійскаго моря. Власть культурной княжеской линіи, насаждавшей кіевскую культуру (Романъ Мстиславичъ, внукъ Владимира М. основалъ здѣсь училище, въ которомъ, по преданію, учили по-славянски, по-гречески и по-латыни), и общеніе съ западными европейцами были причиной довольно высокаго просвѣщенія въ этомъ городѣ. Кромѣ Климента Смолятича (§ 286), доказательствомъ высоты этого просвѣщенія является Авраамій, игуменъ Смоленскій.

Этотъ дѣятель, по свидѣтельству Ефрема, былъ очень начитанъ, умѣлъ хорошо объяснять св. Писаніе, обнаружилъ замѣчательное краснорѣчіе, привлекавшее на его проповѣди весь городъ; наконецъ, у Авраамія былъ и талантъ живописца; Авраамій особенно любилъ изображать страшный судъ и воздушныя мытарства.

Образованіе Авраамія и его дѣятельность возбудили зависть въ мѣстномъ духовенствѣ. Онъ былъ обвиненъ въ еретичествѣ за чтеніе «глубинныхъ книгъ» (т. е. книгъ, толкующихъ св. Писаніе) и преданъ суду. Но за Авраамія стояла большая партія, состоявшая изъ бояръ, народа и князя: Авраамій былъ оправданъ отъ обвиненія.

Епископъ Симонъ и инокъ Поликарпъ.

297. Посланія Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину. Симонъ, монахъ Печерскаго монастыря, назначенъ былъ великимъ кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены только что основаннаго послѣднимъ Рождественскаго монастыря во Владимирѣ, а затѣмъ выбранъ былъ епископомъ новой епархіи Владимирской, выдѣленной

изъ Ростовской, при преемникѣ Всеволода — Юріи. Симонъ былъ епископомъ отъ 1214—1226 г. Отъ Симона дошло до насъ сочиненіе «Посланіе» къ кіевопечерскому иноку Поликарпу. Поликарпъ былъ или ученикомъ Симона въ бытность его инокомъ Кіевопечерскаго монастыря, или, вѣроятнѣе всего, родственникомъ. Это былъ человѣкъ, который первоначально нигдѣ и никакъ не могъ устроиться такъ, чтобы получить внутреннее удовлетвореніе. Онъ пріѣхалъ изъ Кіевопечерскаго монастыря во Владиміръ къ епископу Симону и нѣкоторое время жилъ у него. Власть, которою пользовался епископъ, и почетъ, съ которымъ къ нему относились, пробудили у Поликарпа честолюбивыя стремленія. Думая, что, занявъ церковно-административный постъ, онъ принесетъ болѣе пользы, чѣмъ оставаясь простымъ инокомъ, онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто игумена одного монастыря. Но и эта должность его не удовлетворила. Ему стало казаться, что положеніе подчиненнаго привлекательнѣе, и онъ снова вернулся въ Кіевопечерскій монастырь. Здѣсь повторилась прежняя исторія: возникновеніе недовольства, полученіе новаго игуменскаго мѣста и опять возвращеніе въ Кіевопечерскій монастырь. Возвратившись въ послѣдній разъ, Поликарпъ все таки не успокоился: онъ рѣзко критиковалъ порядки въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, воображалъ себя человѣкомъ не цѣнимымъ, преслѣдуемымъ и т. д. Свое недовольство Поликарпъ излилъ въ посланіи къ Симону. Въ отвѣтъ на это посланіе, не дошедшее до насъ, Симонъ отправилъ Поликарпу тоже посланіе.

Посланіе Симона къ Поликарпу состоитъ изъ трехъ частей: 1) строгое обличеніе недовольства и поведенія Поликарпа, 2) изложеніе сказаній о кіевопечерскихъ чудотворцахъ и 3) разсказы о чудесахъ, происходившихъ въ монастырѣ при построеніи главной церкви.

1) Въ первой части «Посланія» Симонъ убѣждаетъ Поликарпа измѣнить свое поведеніе и отдаться всецѣло подвигамъ смиренія въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Онъ разъясняетъ Поликарпу сущность иноческой жизни и великое значеніе Кіевопечерскаго монастыря. Сущность иноческой жизни состоитъ въ смиреніи и послушаніи, въ терпѣливомъ перенесеніи всякихъ лишеній, обидъ и оскорбленій. Коснувшись того обстоятельства, что Поликарпу не удалось въ третій разъ

уйти изъ Кіевопечерскаго монастыря, игуменомъ котораго въ то время былъ архимандритъ Акиндинъ. Симонъ приходитъ къ выводу, что это устроилъ самъ Богъ, чтобы наказать Поликарпа за гордость, за то, что онъ не хотѣлъ служить своему господину, игумену монастыря. «Будь ты постникъ,—пишетъ Симонъ,—всегда трезвенъ и нищъ, проводи ночи безъ сна; но если не переносишь оскорбленій, не спасешься». Для спасенія души, кромѣ терпѣливаго переносенія обидъ, необходимы общая жизнь въ монастырѣ и общая молитва. «Овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ... Подъ предлогомъ болѣзни не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо, какъ дождь роститъ сѣмя, такъ церковь влечетъ души на добрыя дѣла. То, что ты дѣлаешь въ келіи, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтирь, или поешь 12 псалмовъ, это не можетъ сравниться съ соборнымъ пѣніемъ одного только—«Господи, помилуй». Разъяснивъ Поликарпу основныя требованія иноческой жизни, Симонъ указываетъ, что наилучшимъ образомъ эти требованія могутъ быть осуществлены въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, о которомъ онъ отзывается въ восторженныхъ выраженіяхъ: «Передъ Богомъ скажу тебѣ—всю славу и власть на уметы (навозъ) вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть хворостиною торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираемымъ людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести». Симонъ перечисляетъ знаменитыхъ русскихъ духовныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ стѣнъ Кіевопечерскаго монастыря, и совѣтуетъ познакомиться съ ихъ дѣятельностью: «Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти старую лѣтопись Ростовскую и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, то, думаю, будетъ около 50. Пойми же, братъ, какова слава того монастыря»! Чтобы еще болѣе подѣйствовать на психику Поликарпа, Симонъ присоединяетъ къ обличительно-наставительной части своего посланія еще двѣ, въ которыхъ доказываетъ свои мысли примѣрами изъ исторіи Кіевопечерскаго монастыря.

2) Во второй части своего посланія Симонъ передаетъ сказанія о нѣкоторыхъ кіевопечерскихъ чудотворцахъ. Такихъ сказаній девять: 1) Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостой-

номъ мнихѣ. 2) Объ Евстратіи постникѣ. 3) О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. 4) О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ, 5) Объ Аѳанасіи затворникѣ, 6) О преподобномъ Святошѣ (Святославѣ), князѣ Черниговскомъ, 7) О черноризцѣ Еразмѣ, 8) О черноризцѣ Ареѳѣ, 9) О Титѣ священникѣ и Ефгаріи діаконѣ.

3) Въ третьей части передаются сказанія о чудесахъ, которыми сопровождалось построеніе главной печерской церкви. Этихъ сказаній пять: 1) О Шимонѣ, князѣ Варяжскомъ. 2) О зодчихъ, 3) О живописцахъ, 4) Объ Іоаннѣ и Сергіи и 5) О святой трапезѣ.

298. «**Посланіе Поликарпа къ Акиндину**». Повидимому, «Посланіе Симона возымѣло свое дѣйствіе на Поликарпа и придало нѣкоторое болѣе устойчивое теченіе его мыслямъ и чувствамъ. Поликарпъ заинтересовался чудесами кіевопечерскихъ подвижниковъ и рѣшился заняться продолженіемъ второй и третьей частей работы Симона. Въ формѣ посланія къ своему игумену Акиндину онъ излагаетъ одиннадцать сказаній о кіевопечерскихъ подвижникахъ: 1) О Никитѣ затворникѣ, послѣ епископѣ Новгородскомъ, 2) О Лаврентіи затворникѣ, 3) О святомъ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, 4) О св. Григоріи чудотворцѣ, 5) Объ Іоаннѣ затворникѣ, 6) О Моисеѣ угринѣ, 7) О Прохорѣ Лебедникѣ чудотворцѣ, 8) О преподобномъ Маркѣ Печерникѣ, 9) О Ѳеодорѣ и Василіи, 10) О Спиридонѣ просфорникѣ и Алимпіи живописцѣ и 11) О многострадальномъ Пименѣ.

299. **Содержаніе нѣкоторыхъ сказаній**. Изъ всѣхъ указанныхъ сказаній особый интересъ представляютъ слѣдующія: 1) О Шимонѣ, князѣ Варяжскомъ, 2) О зодчихъ, 3) О живописцахъ, 4) Объ Алимпіи живописцѣ, 5) О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, 6) О Прохорѣ чудотворцѣ, 7) О Ѳеодорѣ и Василіи, 8) О Григоріи чудотворцѣ.

1) **О Шимонѣ, князѣ Варяжскомъ**. Въ Варяжской землѣ жилъ князь Африканъ, у котораго было два сына—Фріандъ и Шимонъ. Когда Африканъ умеръ, братъ его Якунъ выгналъ своихъ племянниковъ изъ принадлежавшей имъ области. Шимонъ, ища себѣ пристанища, явился къ русскому князю Ярославу М., который принялъ его съ честью. Ярославъ прикомандировалъ Шимона къ своему сыну Всеволоду. Шимонъ понравился Всеволоду и пріобрѣлъ на него большое вліяніе.

Шимонъ обнаружилъ большую любовь къ Кіевопечерскому монастырю.

Когда, послѣ смерти Ярослава М., явились на Русь половцы, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались въ походъ на нихъ. Съ ними былъ Шимонъ. Передъ отправленіемъ въ походъ братья-князья съ Шимономъ зашли въ Кіевопечерскій монастырь «молитвы ради и благословенія». Преп. Антоній предсказалъ имъ, что они потерпятъ сильное пораженіе, многіе будутъ убиты, Шимонъ же спасется и, когда умретъ, будетъ погребенъ въ церкви, которую самъ построитъ.

Предсказаніе Антонія исполнилось: русскіе потерпѣли на Альтѣ пораженіе, воеводы были перебиты, самъ Шимонъ былъ раненъ и упалъ среди труповъ. Лежа на землѣ, Шимонъ взглянулъ на небо и увидѣлъ великую церковь, которая являлась ему и раньше. Онъ обратился къ Богу съ молитвой о спасеніи. Мгновенно онъ былъ исторгнутъ сверхъестественной силой, и исцѣленный и невредимый, явился къ Антонію и Ѳеодосію. Онъ разсказалъ имъ о происшедшемъ и о томъ, что случилось съ нимъ, когда онъ покинулъ свое отечество: «Отецъ мой Африканъ,—разсказывалъ Шимонъ,—сдѣлалъ огромный крестъ около 10 локтей и на немъ изобразилъ подобіе Христово (скульптурное) и воздалъ ему великую честь. Онъ возложилъ на чреслахъ его поясъ, имѣвшій 50 гривенъ золота, а также золотой вѣнецъ. Когда выгналъ меня изъ моей области дядя Якунъ, я взялъ поясъ съ Іисуса Христа и вѣнецъ съ главы его. Тогда съ распятія послышался голосъ, который говорилъ мнѣ: не возлагай вѣнца сего на свою голову, но неси на уготованное ему мѣсто, гдѣ созиждется церковь Моей Матери отъ преподобнаго, которому въ руки отдай вѣнецъ этотъ, да повѣситъ надъ жертвенникомъ. Послѣ этихъ словъ я поплылъ на кораблѣ». На морѣ поднялась страшная буря. Въ страхѣ Шимонъ обратился съ молитвой къ Богу. «И вотъ увидѣлъ я въ высотѣ на воздухѣ церковь и недоумѣвалъ, что это за церковь. И былъ ко мнѣ гласъ свыше: это—церковь, которая будетъ создана отъ преподобнаго во имя Божіей Матери, какъ ты видишь, въ ту же величину и высоту; а размѣрить тѣмъ поясомъ — на 20 поясовъ въ ширину, на 30 въ долготу, а въ высоту на 50; въ этой церкви ты будешь положенъ. Послѣ этихъ

словъ буря прекратилась». Разсказавъ это, Шимонъ объявилъ, что теперь онъ понимаетъ, какая церковь ему являлась, и передалъ преподобнымъ поясъ и вѣнецъ.

Шимонъ жертвовалъ много на монастырь. Впослѣдствіи Шимонъ, исповѣдывавшій христіанство по западному обряду, оставилъ «латинскую буесть» и принялъ истинную Христову вѣру со всѣмъ своимъ домомъ—около трехъ тысячъ душъ — и со своими священниками.

Сынъ Шимона Георгій послѣ смерти отца сталъ питать великую любовь къ Кіевопечерскому монастырю. Впослѣдствіи Владиміръ М. сдѣлалъ этого Георгія воспитателемъ своего сына Юрія (Долгорукаго). Когда Юрій былъ еще малолѣтнимъ отправленъ Владиміромъ въ Ростовъ, то съ нимъ вмѣстѣ отправился и Георгій.

2) **О зодчихъ.** Нѣкоторое время спустя послѣ того, какъ Шимонъ отдалъ вѣнецъ и поясъ, явилось въ пещеру къ Антонію и Ѳеодосію изъ Царьграда четверо очень богатыхъ зодчихъ, которые спросили ихъ, гдѣ предположено строить церковь. Преподобныя отвѣтили, что тамъ, гдѣ укажетъ Господь. Удивленные зодчіе сказали имъ: «Какъ же это? Вы узнали время своей смерти, дали намъ на работу столько золота и доселѣ еще не выбрали мѣста для церкви»! Удивились этимъ словамъ иноки и преподобные. Тогда зодчіе разсказали въ присутствіи всей братіи дѣло, какъ было. Однажды при восходѣ солнца къ каждому изъ нихъ явились благообразные юноши, которые сообщили имъ, что ихъ зоветъ къ себѣ царица во Влахерну (церковь Богородицы въ Константинополѣ). Когда они пришли туда, они увидѣли царицу, окруженную множествомъ воиновъ. Царица сообщила собравшимся зодчимъ, что рѣшила воздвигнуть себѣ на Руси въ Кіевѣ церковь, велѣла взять имъ золота на три года, указала что они должны явиться къ Антонію и Ѳеодосію, сообщила, что Антоній благословитъ начало постройки и отойдетъ въ вѣчность, а Ѳеодосій послѣдуетъ за нимъ на слѣдующій годъ. Царица вручила имъ мощи св. мучениковъ и св. икону для церкви. Зодчіе прибавили, что царицыно золото они получили при многочисленныхъ свидѣтеляхъ отъ Антонія и Ѳеодосія. Всѣ присутствующіе поняли, что царица во Влахернѣ была сама Богородица, а давшіе зодчимъ золото — ангелы Божіи.

Преподобный Антоній постановилъ провести три дня въ молитвѣ, чтобы Богъ указалъ мѣсто для построенія церкви. Во время молитвы явился къ Антонію ангелъ, которой сказалъ ему, что онъ обрѣлъ передъ нимъ благодать. Антоній сказалъ ангелу: «Господи, если я обрѣлъ благодать передъ тобою, то пусть завтра будетъ на всей землѣ роса, а на мѣстѣ, которое ты благоволишь освятить, пусть будетъ сухо». На другой день по своей землѣ была роса; только одно мѣсто оказалось сухимъ. Въ слѣдующую ночь Антоній помолился о томъ, чтобы по всей землѣ было сухо, а на святомъ мѣстѣ была роса. И эта молитва исполнилась. Вокругъ указаннаго свыше мѣста собралась вся братія. Антоній отмѣрилъ поясомъ Шимона длину и ширину мѣста для храма и, поднявъ къ небу руку, громкимъ голосомъ сказалъ: «Услышь меня, Господи, услыши меня днесъ огнемъ, да разумѣютъ вси, яко Ты еси, хотяй сего». Съ неба упалъ огонь, который пожегъ весь хворостъ и терніе, истребилъ росу и сдѣлалъ на отмѣренномъ мѣстѣ углубленіе, подобное рву.

Свидѣтелемъ этого чуда былъ Владиміръ М., бывшій въ то время очень юнымъ. Когда Владиміръ однажды заболѣлъ, его обложили золотымъ поясомъ Шимона, и Владиміръ выздоровѣлъ.

Ставши самостоятельнымъ княземъ, Владиміръ взялъ мѣру Печерской церкви и построилъ въ Ростовѣ храмъ, во всемъ подобный Печерской церкви. Сынъ Владимира Юрій по этому же образцу построилъ церковь въ Суздалѣ.

3) О живописцахъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ чудеснаго появленія зодчихъ, при игуменѣ Никонѣ, изъ Константинополя явились иконописцы. Они обратились къ Никону съ просьбой указать имъ тѣхъ, которые заключили съ ними договоръ объ иконописномъ украшеніи храма: дѣло въ томъ, что наниматели при договорѣ показали маленькій храмъ, а этотъ храмъ оказывается очень большимъ: поэтому они возвращаютъ золото назадъ и уѣзжаютъ обратно. Игуменъ попросилъ живописцевъ описать внѣшность лицъ, нанимавшихъ ихъ. Они описали и сообщили имена ихъ: одинъ назывался Антоніемъ, другой Ѳеодосіемъ. Игуменъ сообщилъ живописцамъ, что указываемыя ими лица давно уже скончались, лѣтъ десять тому назадъ. Ужаснулись живописцы и не повѣрили. Они ссылались на свидѣтелей договора и требовали,

чтобы имъ, по крайней мѣрѣ, показали изображеніе лицъ, относительно которыхъ игуменъ увѣрялъ, что они умерли. Игуменъ показалъ икону Антонія и Ѳеодосія. Живописцы, взглянувъ на икону, немедленно признали образы ихъ нанимателей. Живописцы раскаялись въ своемъ отказѣ исполнить заказъ Антонія и Ѳеодосія. Они разсказали о чудесномъ событіи, происшедшемъ съ ними по дорогѣ. Приблизившись на лодкѣ по Днѣпру къ Печерской церкви и увидѣвъ, что она очень велика, живописцы, недовольные этимъ, рѣшили немедленно отправиться назадъ, внизъ по Днѣпру. Когда наступила ночь, поднялась сильная буря, и лодка, точно увлекаемая какою то сверхъестественною силою, поплыла вверхъ по теченію. Испугались живописцы. Въ слѣдующую ночь живописцы очутились противъ Печерской церкви. Пресвятая Богородица съ намѣстной иконы стала укорять ихъ за сопротивленіе Ея волѣ и волѣ Сына. Не смотря на это, живописцы опять поплыли внизъ, и снова ихъ лодку стало тянуть вверхъ, къ Печерскому храму. Живописцы увидѣли, что нельзя бороться съ Божьей волей, и высадились у стѣнъ монастыря. Присутствовавшіе, услышавъ этотъ разсказъ, прославили Бога, Богородицу и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія.

Живописцы принялись за свое дѣло. Во время ихъ работы случилось чудо: на стѣнѣ вдругъ явился чудный образъ Богородицы, который возсіялъ болѣе яркимъ свѣтомъ, нежели солнце. Когда пораженные художники стали всматриваться въ образъ, изъ устъ Богородицы вылетѣлъ бѣлый голубь, который направился къ иконѣ Спасителя и скрылся за иконою; затѣмъ онъ вылетѣлъ изъ устъ Спасителя и сталъ летать по церкви. Живописцы хотѣли поймать его и не могли. Поняли тогда присутствовавшіе, что они сподобились видѣть дѣйствіе пресвятого Духа, пребывающаго въ св. Печерской церкви.

4) Объ Алимпіи живописцѣ. Алимпій отданъ былъ родителями живописцамъ-грекамъ на ученіе. Онъ былъ свидѣтелемъ чуда, о которомъ разсказано въ предыдущемъ сказаніи. Когда Печерская церковь была украшена живописцами-греками, Алимпій принялъ монашество въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Алимпій былъ очень трудолюбивъ: цѣлыми днями онъ или реставрировалъ обветшалыя иконы церкви, или писалъ новыя иконы. Дѣятельность Алимпія сопровождалась чудесами.

Одинъ богатый кіевлянинъ заболѣлъ проказой. Врачи не могли справиться съ его болѣзнью. Одинъ изъ друзей посовѣтовалъ больному обратиться за помощью къ монахамъ Кіевопечерскаго монастыря. Больной съ трудомъ послушался совѣта и нехотя отправился въ монастырь. Игуменъ велѣлъ напоить его водой изъ колодца преп. Ѳеодосія и помазать голову и лицо его. Больному стало хуже: отъ него началъ распространяться такой смрадъ, что окружавшіе его убѣгали. Вернувшись домой, больной началъ сѣтовать на свою судьбу; онъ понялъ, что болѣзнь его приняла отвратительную форму потому, что приходилъ въ монастырь безъ вѣры, и сталъ ждать своей смерти. Однажды больной опомнился и задумалъ исповѣдать свои согрѣшенія. Для этого онъ явился въ монастырь къ Алимпію. Выслушавъ больного, Алимпій взялъ иконописныя краски и помазалъ ими гнойныя струпья на лицѣ его. Затѣмъ Алимпій повелъ его въ церковь, причастилъ и велѣлъ умыться водою, которою умываются священники послѣ причастія. Тотчасъ произошло чудо: струпья свалились съ лица и больной выздоровѣлъ.

Одинъ христолюбивый житель Кіева заказалъ Алимпію черезъ знакомыхъ ему монаховъ семь большихъ иконъ для церкви, далъ имъ доски для иконъ и серебра. Монахи взяли все это, но о заказѣ ничего не сказали Алимпію. Когда заказчикъ навелъ у своихъ монаховъ справки объ иконахъ, они сказали, что Алимпій требуетъ еще столь ко же серебра. Заказчикъ далъ. Черезъ нѣкоторое время монахи въ третій разъ взяли у заказчика серебра, будто бы по требованію Алимпія. Когда заказчикъ послѣ этого снова справился о заказѣ, монахи объявили ему, что Алимпій отказывается писать иконы, а денегъ обратно не вернетъ. Заказчикъ отправился съ жалобой къ игумену. Игуменъ призвалъ Алимпія и сталъ его стыдить. Удивленный Алимпій заявилъ, что никакого заказа онъ не получилъ. Игуменъ, чтобы уличить Алимпія, велѣлъ принести доски. отданныя заказчикомъ. Когда доски были принесены, оказалось, что на нихъ весьма искусно сдѣланы святыя изображенія. Всѣ пришли въ ужасъ и пали ницъ передъ этими нерукотворенными образами. Монахи, взявшіе отъ заказчика серебро, были изобличены и выгнаны изъ монастыря. Слухъ о чудѣ съ этими иконами дошелъ до Владимира Мономаха. Съ иконами этими случи-

лось новое чудо. Во время пожара сгорѣла церковь, въ которой были эти иконы; послѣ пожара всѣ семь иконъ оказались цѣлыми и невредимыми. Владиміръ М., узнавъ о второмъ чудѣ, взялъ одну изъ этихъ иконъ и отправилъ ее въ Ростовъ, въ каменную церковь, построенную имъ въ мѣру Кіевопечерской перкви.

Одинъ благочестивый человѣкъ заказалъ Алимпію икону Успенія Богородицы и просилъ приготовить ее къ празднику Успенія для одного храма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Алимпій разболѣлся и не могъ приняться за исполненіе заказа. Заказчикъ сталъ безпокоиться и выразилъ Алимпію свое неудовольствіе. Алимпій утѣшалъ его и обѣщалъ, что къ празднику икона будетъ на своемъ мѣстѣ готовой. Наканунѣ праздника заказчикъ снова зашелъ къ Алимпію, икона все еще не была написана, а Алимпій разболѣлся пуще прежняго. Заказчикъ началъ сѣтовать на Алимпія, говоря, что, если бы Алимпій заблаговременно сообщилъ ему о своей немощи, онъ отдалъ бы свой заказъ другому, «дабы праздникъ свѣтелъ и честенъ былъ; нынѣ же посрамилъ мя еси, удержавъ икону». Алимпій сослался на свою болѣзнь и на то, что онъ отходитъ отъ міра сего: поэтому онъ не могъ исполнить заказъ; но заказчикъ не долженъ печалиться: Богу возможно написать икону единымъ словомъ. Заказчикъ ушелъ въ сильномъ горѣ. Послѣ его ухода къ Алимпію вошелъ какой-то свѣтлый юноша и началъ писать икону. Алимпій думалъ, что заказчикъ прислалъ другого живописца. Но скорость и красота письма убѣдили Алимпія, что это — ангелъ. Къ вечеру живописецъ и икона стали невидимы. Когда на другой день заказчикъ вошелъ въ церковь помолиться о своемъ согрѣшеніи,—что икона не поспѣла къ празднику,— онъ вдругъ увидѣлъ икону, стоявшую на своемъ мѣстѣ и сіявшую.

5) **О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ.** Агапитъ получилъ отъ Бога даръ исцѣлять больныхъ своею молитвою, давая зеліе отъ своего стола. Въ это время въ Кіевѣ жилъ врачъ-армянинъ, весьма искусный, умѣвшій по одному взгляду на больного угадывать день и часъ его смерти. Однажды къ врачу-армянину былъ приведенъ больной бояринъ князя Всеволода. Врачъ, взглянувъ на него, предсказалъ, что черезъ восемь дней онъ умретъ. Больного, пришедшаго въ

отчаяніе, принесли въ монастырь къ Агапиту. Послѣдній сотворилъ надъ нимъ молитву и далъ ему зелія. Больной выздоровѣлъ. По всей Русской землѣ распространилась слава объ Агапитѣ, возбуждавшая зависть во врачѣ-армянинѣ.

Однажды заболѣлъ въ Черниговѣ князь Владиміръ М. Врачъ-армянинъ безуспѣшно лѣчилъ его. Чувствуя приближеніе смерти, Владиміръ послалъ за Агапитомъ. Агапитъ послалъ князю своего зелья, и князь выздоровѣлъ. Князь пріѣхалъ въ монастырь и пожелалъ вознаградить Агапита золотомъ, но Агапитъ не явился къ князю, отъ золота отказался и посовѣтовалъ князю раздать свое добро бѣднымъ. Князь же, «не дерзая преслушати святого, начатъ нещадно раздаяти имѣніе свое нищимъ».

Послѣ многихъ трудовъ и подвиговъ Агапитъ разболѣлся. Явился къ нему врачъ-армянинъ, какъ бы для посѣщенія, и сталъ разспрашивать его, какимъ онъ зеліемъ исцѣляетъ тотъ или другой недугъ. Агапитъ отвѣтилъ: «тѣмъ, какое укажетъ Господь — врачъ души и тѣла». Армянинъ, взявъ Агапита за руку, сказалъ ему, что онъ умретъ на третій день. Блаженный Агапитъ съ гнѣвомъ сказалъ армянину, что врачебное искусство не въ томъ состоитъ, чтобы предсказывать смерть, а въ томъ, чтобы исцѣлять отъ болѣзни; что касается дня его смерти, то Господь открылъ ему, что умретъ не черезъ три дня, а черезъ три мѣсяца. Такъ и случилось. Послѣ смерти Агапита армянинъ-врачъ пришелъ въ монастырь и самъ постригся.

6) **О Прохорѣ чудотворцѣ**. Въ княженіе Святополка Изяславича кіевляне много терпѣли отъ жестокости и несправедливости своего князя. Вслѣдствіе этого Богъ попустилъ, чтобы поганые половцы возымѣли на Святополка большую силу. Къ этому присоединился и рядъ другихъ бѣдствій— междоусобія и голодъ. Изъ Галича и Перемышля не пустили къ Кіеву купцовъ съ солью, вслѣдствіе чего кіевскіе промышленники повысили цѣны на соль. Населеніе стало сильно страдать. Въ это время въ Кіевопечерскомъ монастырѣ жилъ блаженный Прохоръ. Прохоръ совершалъ особый подвигъ: онъ лишилъ себя обычнаго хлѣба, собиралъ траву лебеду, растиралъ ее своими руками, дѣлалъ хлѣбъ и такъ питался. Обыкновенно онъ лѣтомъ заготовлялъ себѣ запасъ такого хлѣба на весь годъ. Богъ, видя терпѣніе св.

Прохора, претворялъ обильную горечь лебеды въ сладость, и хлѣбъ, приготовленный подвижникомъ, оказывался пріятнымъ для вкуса. Когда случился на Руси упомянутый голодъ. Прохоръ сталъ съ особымъ усердіемъ приготовлять изъ лебеды хлѣбъ и раздавать его голоднымъ и неимущимъ. Замѣчательно при этомъ было то, что только хлѣбъ, приготовленный Прохоромъ, былъ пріятенъ на видъ и вкусенъ; когда же брались за приготовленіе такого хлѣба другіе, хлѣбъ оказывался чернымъ на цвѣтъ и горькимъ, какъ полынь. Когда на Руси стало мало соли. Прохоръ собралъ со всѣхъ келій много пепла, усердно помолился надъ нимъ, благословилъ его и сталъ раздавать его неимущимъ: вмѣсто пепла оказалась прекрасная соль. Такъ какъ Прохоръ раздавалъ соль безплатно, то множество народа ходило въ монастырь. У купцовъ перестали покупать соль. Купцы озлобились на Прохора и пошли къ князю Святополку съ жалобой. Святополкъ рѣшилъ воспользоваться жалобой купцовъ для собственнаго обогащенія. Посовѣтовавшись съ приближенными, онъ назначилъ весьма высокую цѣну на соль и затѣмъ велѣлъ конфисковать всю соль у Прохора. Когда монастырская соль была привезена на княжескій дворъ, оказалось, что это не соль, а пепелъ. Князь велѣлъ хранить этотъ пепелъ три дня, а затѣмъ велѣлъ выбросить его за ворота дворца. Между тѣмъ народъ продолжалъ приходить въ монастырь за солью, но соли уже не было. Народъ проклиналъ князя. Прохоръ утѣшалъ народъ и совѣтовалъ ждать момента, когда князь выброситъ соль. Народъ такъ и сдѣлалъ: пепелъ, выброшенный княземъ, снова превратился въ соль.

7) О Ѳеодорѣ и Василіи. Ѳеодоръ былъ богатый человѣкъ. Слыша евангельское изреченіе: «Всякъ отъ васъ, иже не отречется отъ всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ». Ѳеодоръ рѣшилъ послѣдовать ему. Онъ роздалъ свое богатство нищимъ и постригся въ монахи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. По повелѣнію игумена, Ѳеодоръ поселился въ пещерѣ, которая называлась Варяжской и въ которой, по преданію, былъ зарытъ варяжскій кладъ. Поселившись въ пещерѣ, Ѳеодоръ началъ раскаиваться въ томъ, что отрекся отъ міра и отъ богатства. Въ монастырѣ спасался въ то время другой черноризецъ, Василій, который сталъ наставлять Ѳеодора на путь истинный. Василію уда-

лось успокоить Θеодора и укрѣпить его въ борьбѣ съ діаволомъ. Діаволъ рѣшился тогда иначе завладѣть Θеодоромъ. Когда Василій по монастырскимъ дѣламъ отлучился на три мѣсяца, діаволъ, принявши образъ Василія, явился къ Θеодору и научилъ его помолиться Богу о ниспосланіи ему множества золота и серебра для раздачи его нищимъ. Во снѣ діаволъ явился Θеодору въ образѣ свѣтлаго ангела, который указалъ ему на кладъ въ пещерѣ. Проснувшись, Θеодоръ сталъ копать въ указанномъ мѣстѣ и нашелъ богатое сокровище. Діаволъ въ образѣ Василія сталъ совѣтовать Θеодору скрыться съ этимъ сокровищемъ изъ монастыря и спасаться въ другомъ мѣстѣ. Θеодоръ послушался и сталъ дѣлать приготовленія къ этому. Въ это время вернулся, исполнивъ порученіе, Василій и направился къ Θеодору. Изъ бесѣды съ Θеодоромъ Василій узналъ о происшедшемъ и открылъ Θеодору продѣлки діавола. Θеодоръ испугался. Онъ выкопалъ въ пещерѣ ровъ, вложилъ туда сокровища, пріобрѣтенныя при помощи діавола, засыпалъ ихъ и сталъ молиться, чтобы Богъ даровалъ ему забвеніе этого мѣста. Богъ услышалъ эту молитву, и Θеодоръ забылъ, гдѣ закопалъ сокровища. Съ этого времени Θеодоръ сильно укрѣпился въ заповѣдяхъ Божіихъ. Онъ пріобрѣлъ силу надъ бѣсами, которыхъ одинъ разъ заставилъ измолоть пять возовъ зерна, а въ другой разъ—втащить съ берега Днѣпра срубленный лѣсъ на гору.

Чтобы отомстить Θеодору, діаволъ, принявъ образъ Василія, явился къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ съ донесеніемъ, что монахъ Θедоръ нашелъ въ пещерѣ сокровище, съ которымъ собирается скрыться, такъ что князю ничего не достанется. Совѣтникъ донесъ объ этомъ князю Мстиславу, сыну Святополка II. Князь съ отрядомъ воиновъ отправился въ монастырь, захватилъ Θеодора и привелъ его къ себѣ домой. Князь спросилъ Θеодора, дѣйствительно ли онъ нашелъ сокровище. Θеодоръ отвѣтилъ утвердительно, причемъ сказалъ, что тамъ было безчисленное множество золота, серебра и сосудовъ латинскихъ. Князь предложилъ Θеодору подѣлиться съ нимъ этимъ сокровищемъ. Θеодоръ сказалъ, что охотно сдѣлалъ бы это, но забылъ, гдѣ онъ закопалъ сокровище. Князь, думая, что Θеодоръ съ умысломъ лжетъ, велѣлъ сковать Θеодора и не давать ему три дня ни хлѣба,

ни воды. Θеодоръ продолжалъ увѣрять, что онъ не знаетъ, гдѣ закопано сокровище. Князь велѣлъ пытать Θеодора. И это было безуспѣшно. Тогда князь для уличенія Θеодора въ запирательствѣ велѣлъ привести къ себѣ Василія. Василій отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, гдѣ зарыто сокровище. Князь приказалъ пытать и Василія. Пытаемые монахи стали обличать князя. Князь, «шуменъ сый отъ вина», разъярился и пустилъ въ Василія стрѣлою. Василій извлекъ изъ себя стрѣлу и сказалъ князю: «Этою стрѣлою самъ уязвленъ будеши». Ночью оба мученика скончались. Предсказаніе Василія исполнилось: въ битвѣ съ Давидомъ Игоревичемъ Мстиславъ Святополковичъ былъ смертельно раненъ стрѣлою.

8) **О Григоріи чудотворцѣ**. Чудотворецъ Григорій, прославившійся чудесами, принялъ мученическую смерть при такихъ обстоятельствахъ. Однажды онъ вышелъ на Днѣпръ, чтобы зачерпнуть воды. Въ это время на берегу Днѣпра находился Ростиславъ Всеволодовичъ, который съ братомъ своимъ Владиміромъ М. шелъ въ монастырь помолиться передъ походомъ на половцевъ. Отроки Ростислава стали издѣваться надъ Григоріемъ. Григорій обратился къ отрокамъ со слѣдующими словами: «Вамъ бы слѣдовало имѣть умиленіе и требовать молитвы, а не дѣлать зла; оплакивайте лучше свою погибель и кайтесь въ своихъ прегрѣшеніяхъ, дабы принять отраду въ Страшный день, потому что уже васъ постигъ Судъ: вы всѣ потонете въ водѣ вмѣстѣ съ вашимъ княземъ». Услышавъ слова Григорія, Ростиславъ вскричалъ: «Мнѣ ли смерть повѣдаешь отъ воды, когда я хорошо умѣю въ ней плавать? Ты самъ ее попробуешь»! Онъ велѣлъ связать старцу руки и ноги, привязать къ его шеѣ камень и бросить его въ воду. Григорій былъ утопленъ. Пылая яростью, Ростиславъ даже не захотѣлъ войти въ монастырь и ушелъ отъ него. Братъ его Владиміръ М., не въ примѣръ брату, зашелъ въ монастырь, «молитвы и благословенія прося».

Въ битвѣ съ половцами русскіе потерпѣли пораженіе. Во время бѣгства пришлось русскимъ переходить черезъ рѣку Стугну. Владиміръ М. «молитвы ради и благословенія печерскихъ святыхъ» спасся, а братъ его Ростиславъ со всѣмъ своимъ воинствомъ утонулъ (см. въ «Словѣ о полку Игоревѣ», § 246). Такъ исполнилось предсказаніе Григорія.

300. Комментаріи къ Кіевопечерскимъ сказаніямъ. Кіевопечерскія сказанія по своему содержанію имѣютъ большое значеніе. *Во-первыхъ*, въ нихъ сохранились свидѣтельства о перекрещивавшихся иноземныхъ культурныхъ вліяніяхъ на Кіевскую Русь; *во-вторыхъ*, въ нихъ отчетливо изображаются отношенія между двумя силами: княжеско-дружинной и церковной, въ лицѣ болѣе или менѣе независимаго кіевопечерскаго монашества; *въ-третьихъ*, въ нихъ намѣченъ путь, по которому развивалось вліяніе византійско-болгарской культуры; *въ-четвертыхъ*, въ нихъ можно найти намѣченными нѣкоторыя условія, при которыхъ создавалась культура Сѣверо-восточной Руси.

Первыя три сказанія («О Шимонѣ», «О зодчихъ» и «О живописцахъ») имѣютъ своимъ предметомъ исторію построенія кіевопечерскаго храма во имя Успенія Богородицы. Изъ нихъ видно, что идея храма возникла въ княжеско-дружинной средѣ скандинавскаго происхожденія. *Во-первыхъ*, Шимонъ, изгнанный изъ Скандинавіи,—сынъ скандинавскаго князя Африкана; *во-вторыхъ*, поясъ и вѣнецъ Христовъ были принесены изъ Скандинавіи; *въ-третьихъ*, идея и планъ храма выработаны были Шимономъ; *въ-четвертыхъ*, Шимонъ въ то время, когда излагалъ Антонію свое видѣніе и передавалъ ему поясъ и вѣнецъ съ распятія, исповѣдывалъ христіанство по западному обряду и только впослѣдствіи перешелъ къ христіанству по восточному обряду.

Если иниціатива въ построеніи кіевопечерской церкви принадлежала скандинавской культурѣ, то осуществленіе ея принадлежитъ Византіи: архитекторы и живописцы выписаны были изъ Византіи.

Такимъ образомъ, возникновеніе кіевопечерской церкви обязано взаимодѣйствію двухъ культуръ: скандинавской и византійской.

Эти же три сказанія даютъ матеріалъ для установленія факта, что дѣятельность кіевопечерскаго монашества находилась въ нѣкоторой связи съ дѣятельностью Всеволода Ярославича и его потомства. *Во-первыхъ*, Шимонъ, по распоряженію Ярослава М., служитъ у Всеволода, а сынъ его Георгій руководитъ воспитаніемъ Юрія, сына Владимира М.; *во-вторыхъ*, Владимиръ М. былъ свидѣтелемъ, какъ съ неба упалъ огонь на то мѣсто, которое свыше было предназначено для

печерской церкви; *въ-третьихъ*, Владиміръ М, будучи больнымъ, возложилъ на себя золотой поясъ и выздоровѣлъ; *въ-четвертыхъ*, Владиміръ М., взявъ мѣру печерской церкви, построилъ въ Ростовѣ сходную съ печерской церковь; *въ-пятыхъ*, сынъ Владиміра Юрій такой же храмъ сооружаетъ въ Суздалѣ. Изъ всего этого очевидно, что между кіевопечерскимъ монашествомъ и домомъ Всеволода Ярославича существовала тѣсная идейная связь. Связь эта объясняется единствомъ культурныхъ интересовъ у дома Всеволода и у кіевопечерскаго монастыря. Всеволодъ и его потомки были князьями, хорошо образованными на византійско-болгарской литературѣ. Владиміръ М. былъ сыномъ греческой царевны; слѣдовательно, Владиміръ, помимо вліянія византійско-болгарской литературы, и въ крови носилъ зачатки византійской культуры. Благодаря такому воспитанію и происхожденію Владиміра, его отношеніе къ кіевопечерскому монашеству и его потомства должны были напоминать отношенія къ церкви Владиміра св. и Ярослава М., когда, по словамъ автора рѣчи «О законѣ и благодати», князь, мужественный и непобѣдимый, склонялся передъ служителями вѣры. Исключеніемъ является только братъ Владиміра М, Ростиславъ, утопившій старца Григорія, но и самъ зато погибшій.

Если Всеволодъ и особенно его потомство держались въ отношеніи къ церкви традицій Владиміра св. и Ярослава М., то другіе сыновья Ярослава, Изяславъ и Святополкъ, шли въ этомъ отношеніи противъ старыхъ традицій, какъ это видно изъ исторіи столкновеній между преп. Антоніемъ и Изяславомъ, между преп. Ѳеодосіемъ и Святославомъ (§ 272—273). Потомство Изяслава, именно сынъ его Святополкъ и внукъ Мстиславъ, относились къ кіевопечерскому монашеству безъ всякаго уваженія. Изъ сказаній «О Прохорѣ чудотворцѣ» и «О Ѳеодорѣ и Василіи» видно, что для этихъ князей монахи были, какъ и прочее русское населеніе, лишь удобнымъ для грабежа предметомъ.

Изложенныя сказанія отмѣчаютъ также условія, при которыхъ происходилъ ростъ вліянія византійской культуры: носителемъ этой культуры былъ домъ Всеволода; этотъ же домъ усиленно насаждалъ византійско-болгарскую культуру въ Сѣверо-восточной Руси, придавая ей византійско-христіанскій характеръ.

301. Стиль сказаній въ посланіяхъ Симона и Поликарпа. Сказанія, помѣщенныя въ посланіяхъ Симона и Поликарпа, близки по стилю своему къ житіямъ святыхъ, первые образчики которыхъ даны намъ преподобнымъ Несторомъ (§ 276). Житія святыхъ преслѣдовали поучительную цѣль. Эта же цѣль имѣется въ виду Симономъ и Поликарпомъ. Поликарпъ въ началѣ своего посланія къ Акиндину пишетъ: «да и сущіи по насъ черноризцы увѣдятъ благодать Божію, бывшую въ свѣтѣ семъ монастыри и прославятъ отца небеснаго, показавшаго таковой свѣтильникъ въ Русской землѣ, въ Печерскомъ святомъ монастырѣ». Излагая дѣянія кіевопечерскихъ иноковъ, авторы хотѣли дать живые образчики для подражанія въ духѣ воздержанія, послушанія, терпѣнія и пр. Тотъ же Поликарпъ пишетъ въ своемъ посланіи: «Аще быхъ ти написалъ, честный архимандритъ, прежде незнаменныхъ святыхъ и преподобныхъ отецъ, овыхъ чудотворенія, инѣхъ же исправленіе, другихъ крѣпкое воздержаніе, овыхъ же послушаніе, другихъ прозорливство».

Будучи по цѣли сходны съ житіями святыхъ, сказанія Симона и Поликарпа имѣютъ и существенное отличіе отъ нихъ. Житія представляютъ по своему содержанію біографію, правда, такую біографію, которая обнимаетъ только факты, дающіе возможность создать святому панегирикъ, но все-таки біографію, т. е. болѣе или менѣе цѣльный разсказъ, проведенный черезъ всю жизнь изображаемаго лица. Сказанія же Симона и Поликарпа представляютъ повѣствованія объ отдѣльныхъ моментахъ или событіяхъ изъ жизни и дѣятельности данныхъ лицъ или изъ исторіи Кіевопечерскаго монастыря. Этотъ родъ словесныхъ произведеній не представляетъ самостоятельнаго изобрѣтенія Симона и Поликарпа. Онъ возникъ у насъ подъ двумя вліяніями: во-первыхъ, подъ вліяніемъ переводной византійской литературы патериковъ (§§ 89—91), во-вторыхъ, подъ вліяніемъ возникшей до Симона и Поликарпа монастырской кіевопечерской литературы, заключавшей въ себѣ зачатки литературной формы патериковъ («Житіе Антонія» и «Кіевопечерская лѣтопись»). Отрывки изъ этой, погибшей для насъ, литературы сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ мы находимъ разсказы объ основаніи печерскаго монастыря, объ его первыхъ по-

движникахъ—Антонiи и Θеодосiи, о перенесенiи мощей Θеодосiя, о нападенiи половцевъ на монастырь и пр. Симонъ и Поликарпъ были знакомы съ этой литературой. Это видно изъ того, что они дѣлаютъ ссылки на недошедшее до насъ житiе Антонiя, на житiе Θеодосiя, упоминаютъ труды лѣтописца Нестора, составившаго рядъ сказанiй о святыхъ, и на цѣлый рядъ другихъ безыменныхъ лѣтописцевъ монастырскихъ. Кромѣ того, Симонъ и Поликарпъ пользовались синодиками, т. е. книгами, въ которыхъ записываются имена лицъ живыхъ или умершихъ для поминовенiя ихъ на литургiи. Такъ какъ въ этихъ синодикахъ иногда отмѣчался годъ смерти даннаго лица или вообще дѣлалась какая-нибудь помѣтка, то синодики могли служить для составителей сказанiй важнымъ пособiемъ.

Въ сравненiи съ житiями святыхъ сказанiя Симона и Поликарпа представляютъ важный шагъ впередъ: въ нихъ есть элементъ, отсутствующiй, или слабо проявляющiйся въ житiяхъ, составленныхъ преп. Несторомъ,—элементъ религiозно-поэтическiй. По мѣрѣ того, какъ дѣятельность кiевопечерскихъ иноковъ и вообще начальная жизнь кiевопечерскаго монастыря отходили въ прошлое, среди потомства должны были возникать около этого прошлаго множество сказанiй легендарнаго характера. Симонъ и Поликарпъ собрали въ своихъ сказанiяхъ много чудеснаго и фантастическаго. Сами составители поражаются обилiемъ чудеснаго, проявившагося въ кiевопечерскомъ монастырѣ. Такъ, Симонъ, изложивъ рядъ необычайныхъ чудесъ, говоритъ Поликарпу: «Поистинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какiя творились во святомъ печерскомъ монастырѣ»? Чудеса, происходившiя при построенiи главной Печерской церкви, заставляютъ Симона написать слѣдующiя строки: «Прошли мы книги ветхаго и новаго завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой». Необычайность чудесъ и обилiе ихъ заставляютъ авторовъ сказанiй опасаться, что въ комъ нибудь они могутъ возбудить сомнѣнiя. И они дѣлаютъ соотвѣтствующiя оговорки. Такъ, Симонъ, разсказавъ о Кукшѣ и Пименѣ, говоритъ: «Оставлю убо много глаголати еже о святыхъ... аще и не довлѣетъ ли ти моя бесѣда на увѣренiя тя приведетъ, аще ли же и симъ не вѣруеши, то аще что и отъ мертвыхъ

воскреснетъ не имаши вѣры». Поликарпъ въ своемъ посланіи дѣлаетъ такого же рода замѣчаніе: «Другимъ убо непріятно мнится быти глаголемая величества ради дѣлъ».

Мотивы сказаній Симона и Поликарпа не представляютъ чего либо самобытнаго: они суть повторенія, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, тѣхъ мотивовъ, которые выработались въ византійской литературѣ. Такое повтореніе объясняется очень просто. Авторы сказаній о новыхъ святыхъ искали въ своихъ герояхъ черты сходства съ древними святыми, и такъ какъ это большею частью не трудно было, то незамѣтно въ сказанія о новѣйшихъ святыхъ проникали черты древнихъ святыхъ. Такъ объясняется повтореніе древнихъ мотивовъ о святыхъ въ новѣйшихъ сказаніяхъ. Эти мотивы могутъ быть распредѣлены на три группы: 1) мотивы, повторяющіе библейскіе разсказы, 2) мотивы. перенесенные отъ древнихъ святыхъ къ позднѣйшимъ, и 3) мотивы, возникшіе изъ буквальнаго пониманія переносныхъ выраженій.

1) Мотивы. повторяющіе библейскіе разсказы. Первымъ примѣромъ такого повторенія можетъ послужить разсказъ объ основаніи Печерской церкви: чудесное указаніе, по молитвѣ Антонія, мѣста для церкви напоминаетъ мотивъ, который извѣстенъ по библейскому разсказу о Гедеонѣ.

Другой примѣръ можетъ быть приведенъ изъ сказанія объ Алимпіи живописцѣ. Алимпій, по разсказу, приказалъ исцѣленному умыться водою, которою умываются священники, и показаться имъ. Очевидно, эта послѣдняя черта имѣетъ сходство съ евангельскимъ разсказомъ объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ.

2) Перенесеніе мотивовъ съ древнихъ святыхъ на новыхъ. Примѣрами подобнаго перенесенія могутъ служить разсказы о св. Кукшѣ, который свелъ дождь съ неба и осушилъ озеро, о св. Ѳеодорѣ, который, «яко въ росѣ, въ пламени пребываше», о живописцахъ-грекахъ, лодка которыхъ чудесно шла противъ теченія.

3) Буквальное толкованіе переносныхъ выраженій. Образцомъ сказанія, возникшаго такимъ путемъ, можетъ служить разсказъ о св. Ѳеофилѣ. Этотъ инокъ обладалъ способностью во время молитвъ проливать слезы. Онъ плакалъ и собиралъ слезы въ кувшинъ. Когда приблизилось время смерти св. Ѳеофила, явился къ нему ангелъ съ другимъ подобнымъ кув-

шиномъ, издававшимъ благоуханіе. Ангелъ показалъ Θеофилу этотъ кувшинъ и сказалъ, что въ немъ находятся слезы, нечаянно пролитыя святымъ, и что только эти слезы и угодны Богу, а не тѣ, которыя собраны имъ самимъ. Сказаніе это, очевидно, возникло на почвѣ буквальнаго пониманія переноснаго выраженія «проливать слезы», въ смыслѣ раскаянія въ грѣхахъ, скорби, испытываемой сознаніемъ своей грѣховности. Замѣчательно, что этотъ мотивъ попадается въ сказкахъ. Среди трудно выполнимыхъ порученій, которыя даются героямъ сказокъ, есть, между прочимъ, порученіе—наплакать кувшинъ слезъ.

Нѣкоторыми чертами своими сказанія Симона и Поликарпа вообще сближаются съ устнымъ творчествомъ, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о діаволѣ. Образъ діавола, фигурирующій въ этихъ сказаніяхъ, сложенъ по своему происхожденію. Въ немъ слились черты двоякаго рода: черты которыми діаволъ надѣлялся на іудейскомъ востокѣ, т. е. діаволъ, какъ существо злое и мудрое, обладающее особыми знаніями, и черты, перенесенныя съ русскихъ языческихъ божествъ, или вообще миѳическихъ существъ, на которыхъ духовенство смотрѣло, какъ на діавола, бѣсовъ и т. д. Такой взглядъ съ теченіемъ времени распространялся въ массу населенія; имена боговъ (Дажь-богъ, Стрибогъ, Велесъ, Перунъ) стали забываться, разсказы же объ нихъ сохранились, будучи пріурочены къ діаволу или бѣсамъ. Такимъ образомъ, тѣ мѣста въ сказаніяхъ о святыхъ, которыя повѣствуютъ о діаволѣ или бѣсахъ, носятъ слѣды русской миѳологіи.

Поликарпъ въ сказаніи о св. Іоаннѣ Затворникѣ (Многострадальномъ) разсказываетъ, что этотъ святой переживалъ тяжелую борьбу со своею плотью. Для побѣды надъ ней онъ рѣшилъ закопать себя въ землю. Діаволу не понравилась такая ревность, и онъ, явившись святому въ видѣ дракона, изрыгающаго пламя, сталъ пугать святого. Но святой обратился съ молитвой къ Богу; съ неба ударила молнія и діаволъ исчезъ. Молніей, какъ извѣстно, свѣтлый богъ побѣждалъ, по народнымъ вѣрованіямъ, бога мрака.

Нерѣдко діаволъ представляется, хотя и могучимъ существомъ, но нѣсколько простоватымъ. Въ сказаніи о св. Θеодорѣ повѣствуется, что этотъ святой получилъ отъ Бога

власть надъ бѣсами. Въ монастырѣ св. Θеодоръ завѣдывалъ молотьбой хлѣба. Однажды въ монастырь привезли пять возовъ хлѣба, которые сданы были Θеодору. Весь этотъ хлѣбъ былъ въ одну ночь смолотъ, по приказанію Θеодора, бѣсами. Въ другой разъ необходимо было съ берега Днѣпра перетащить въ монастырь много лѣсу. По приказанію св. Θеодора, и эта работа въ одну ночь была исполнена бѣсами.

Въ другихъ сказаніяхъ діаволъ выступаетъ существомъ, обладающимъ мудростью и знаніями. Поликарпъ разсказываетъ о монахѣ Никитѣ, который вдругъ сталъ говорить по древнееврейски, началъ дѣлать предсказанія и пересталъ читать Новый Завѣтъ. Иноки поняли, что Никита одержимъ бѣсомъ. Они стали читать надъ нимъ запретительную молитву. Бѣсъ вышелъ изъ Никиты, и Никита забылъ еврейскій языкъ. Другой инокъ также вдругъ заговорилъ на разныхъ языкахъ: еврейскомъ, латинскомъ и греческомъ. Св. Лаврентій изгналъ изъ него бѣса, и инокъ забылъ эти языки.

Такое противорѣчіе въ образѣ діавола объясняется сложностью его происхожденія: мудрость и знанія приписываются ему на основаніи восточныхъ представленій, а простоватость заимствована изъ русскихъ миθовъ, въ которыхъ темная сила представляется побѣждаемой свѣтлымъ началомъ.

302. «Кіевопечерскій патерикъ». Сказанія, помѣщенныя въ посланіяхъ Симона и Поликарпа, будучи дополнены новыми сказаніями, образовали впослѣдствіи особое произведеніе—«Кіевопечерскій патерикъ».

303. «Слово нѣкоего Христолюбца». Къ эпохѣ древняго Кіевскаго просвѣщенія относится «Слово нѣкоего Христолюбца», произведеніе, принадлежащее перу неизвѣстнаго автора и неизвѣстно когда написанное Оно очень интересно своею характеристикой древнерусскаго быта съ церковной точки зрѣнія.

Авторъ «Слова» заявляетъ, что онъ не можетъ выносить христіанъ, двоевѣрно живущихъ, т. е. такихъ, которые, называясь христіанами, вѣруютъ въ Перуна, въ Хорса и т. д. Эти двоевѣрные, по свидѣтельству автора, приносятъ имъ жертвы, ломятъ имъ короваи, рѣжутъ куръ; они молятся огню, называя его Сварожичемъ, смѣшиваютъ чистыя молитвы съ языческими, ставятъ кутейныя трапезы Роду и

Роженицамъ. Все это дѣлаютъ не только невѣжды, но и люди знающіе, попы и книжники; если же послѣдніе не дѣлаютъ этого, то пьютъ и ѣдятъ отъ этихъ языческихъ жертвъ или, въ крайнемъ случаѣ, воздерживаются отъ обличенія подобныхъ дѣяній. Авторъ говоритъ, что христіанамъ не слѣдуетъ играть бѣсовскія игры, каковы пляска, гудьба (музыка), пѣть пѣсни бѣсовскія, приносить идольскія жертвы и пр.

Библіографія. *Андрей Поповъ*. Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.). М. 1875.—*А. С. Павловъ*. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Спб. 1878. — *Буслаевъ*. Историческая хрестоматія. М. 1861 («Поученіе къ братіи» Луки Жидяты).—Сочиненія, приписываемыя *Иларіону*, изданы: въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. от.» въ рус. переводѣ. М. 1844, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн.» 1848, кн. 7, въ «Извѣстіяхъ II отд. Акад. Н.», т. V.—*И. Н. Ждановъ*. Слово о законѣ и благодати и похвала кагану Владиміру. («Соч.» Т. I. Спб. 1904).—Сочиненія, приписываемыя преп. *Θеодосію*, напечатаны въ «Ученыхъ Зап. Акад. Н.» 1856 г., кн. I.—*А. В. Вадковскій*. Такъ называемыя поученія Θеодосія печерскаго къ русскому народу (*Антоній*, епископъ Выборгскій. «Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія». Спб. 1892).—Сочиненія *Іакова Мниха* изданы Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн.» 1870, кн. I, въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1849.—Сочиненія преп. *Нестора*, изданы Срезневскимъ въ «Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» и Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ М. О. И. и Д.» 1858 кн. III.—*Буслаевъ*. Памятники древнерусской духовной письменности. («Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Т. II. Спб. 1861).—«Житье и хожденіе Данила Русьскыя земли игумена», изд. подъ ред. М. А. Веневитинова въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ», т. I, вып. 3 и 9, Спб. 1883—1885.—*М. А. Веневитиновъ*. Хожденіе игумена Даніила въ Святую Землю въ началѣ XII вѣка. Спб 1877.—*А. Гиляревскій*. Древнерусское паломничество. («Др. и Нов. Россія». 1878, № 8).—*А. Лященко*. Замѣтка о сочиненіяхъ Θеодосія, писателя XII вѣка. Спб. 1900.—*Н. Никольскій*. О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. Спб. 1892.—*Калайдовичъ*. Памятники россійской словесности XII вѣка. М. 1821.—*Срезневскій*. Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Спб. 1855.—*М. И. Сухомлиновъ*. Рукописи графа Уварова. т. II. Спб. 1858.—*Павелъ Савваитовъ*. Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія. Спб. 1872.—*А. Яцимирскій*. Новыя данныя о хожденіи архіепископа Антонія въ Царьградъ Спб. 1889.—*Марія Викторова*. Кіевопечерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный русскій языкъ. Кіевъ. 1870.—*М. Викторова*.

Составители Кіевопечерскаго Патерика и позднѣйшая его судьба. Воронежъ. 1871.—*В. Яковлевъ*. Древнекіевскія религіозныя сказанія. Варшава. 1875.—*А. А. Шахматовъ*. Кіевопечерскій патерикъ и Печерская лѣтопись („Изв. II отд. Акад. Н.“ Т. II, кн. 3).—*А. А. Шахматовъ*. Житіе Антонія и Печерская лѣтопись („Ж. М. Н. П.“ 1898. Мартъ).—*Д. Абрамовичъ*. Изслѣдованіе о Кіевопечерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ („Извѣстія II отд. Ак. Н.“ Т. VI—VII. 1901—1902).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Церковно-дружинное письменное творчество.

304. Церковно-дружинное письменное творчество. Къ произведеніямъ церковно-дружиннаго письменнаго творчества, т. е. такого, въ которомъ въ той или другой формѣ принимали участіе оба правящихъ класса Кіевской Руси, относятся лѣтописи («временники»).

305. Происхожденіе древнерусскихъ лѣтописей. Лѣтописями называются произведенія историческаго характера, въ которыхъ излагаются событія изъ жизни государства, области, города, монастыря. Лѣтописи возникли у насъ подъ вліяніемъ двухъ причинъ.

Во-первыхъ, руководящіе классы Кіевской Руси въ эпоху Ярослава М. достигли высокой степени развитія, въ связи съ которымъ въ нихъ пробуждается національное самосознаніе. Авторъ рѣчи «О законѣ и благодати» такъ говоритъ о своей родинѣ: великій каганъ Русской земли Владиміръ, сынъ славнаго Святослава и внукъ стараго Игоря, княжилъ не въ невѣдомой землѣ, а въ Русской, «яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земли». Извѣстность Русской земли, естественно, должна была порождать въ нашихъ правящихъ классахъ потребность уяснить себѣ происхожденіе русской государственности, дать себѣ отчетъ въ ея развитіи. Первую попытку въ удовлетвореніи этой потребности мы находимъ уже въ рѣчи «О законѣ и благодати», въ которой устанавливается связь русской исторіи съ всемірной. Къ концу XI в. потребность эта достигаетъ особеннаго напряженія, и съ этого момента начинается рядъ лѣтописныхъ изысканій.

Во-вторыхъ, осуществленію этой потребности содѣйствовали греческія хроники. какъ образцы, дававшіе готовую литературную форму.

306. Терминологія лѣтописнаго дѣла. При изученіи лѣтописи, какъ особаго вида литературныхъ произведеній. необходимо имѣть въ виду различіе между слѣдующими терминами: 1) лѣтописная замѣтка, 2) лѣтописное сказаніе 3) лѣтописный сводъ, 4) лѣтописный сборникъ и 5) лѣтописный списокъ.

1) **Лѣтописная замѣтка.** Подъ лѣтописной замѣткой, какъ показываетъ само названіе, разумѣется запись какого нибудь событія съ опредѣленной хронологической датой. Такія записи дѣлались современниками событія для памяти. До насъ онѣ не дошли; но что онѣ существовали, можно установить на основаніи анализа многихъ мѣстъ нашихъ лѣтописей. Примѣры: «Въ лѣто 6477 (869)... умре Ольга іюля въ 11-ый день», «Въ лѣто 6479 (971)... приде Святославъ къ порогамъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ, и возвратися вспять до устья Днѣпрьского, и ста зимовати въ лузѣ моря и на Бѣлѣ берегу, бѣ бо зима приспѣ, и не бѣ у нихъ брашьна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча». Замѣтки въ этомъ родѣ, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, должны быть записями современниковъ: только современникъ могъ отмѣтить, что Ольга скончалась 11-го іюля; точно также сообщеніе о томъ, что во время голода въ лагерѣ Святослава «голова коняча» цѣнилась по полугривнѣ, обязано своимъ происхожденіемъ записи современника, быть можетъ, участника въ походѣ Святослава на Болгарію.

2) **Лѣтописныя сказанія.** Лѣтописнымъ сказаніемъ называется цѣльный разсказъ, обыкновенно, безъ хронологическихъ датъ, о какомъ либо выдающемся событіи. Таково, напр., знаменитое сказаніе о происхожденіи русскаго государства, извѣстное подъ названіемъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», сказаніе о крещеніи Руси, читаемое въ сохранившихся до насъ лѣтописяхъ, и т. д. Такого рода сказанія большею частью также не дошли до насъ въ отдѣльности и имѣются въ переработанномъ видѣ только въ лѣтописяхъ.

3) **Лѣтописный сводъ.** Лѣтописнымъ сводомъ называется компиляція, составленная изъ лѣтописныхъ замѣтокъ и лѣтописныхъ сказаній. Къ такимъ сводамъ, тоже не сохранив-

шимся до насъ въ отдѣльности, относятся, напр., «Начальный кіевскій сводъ», «Второй кіевскій сводъ», «Лѣтопись Германа Вояты» и т. д.

4) **Лѣтописный сборникъ.** Лѣтописнымъ сборникомъ называется соединеніе нѣсколькихъ лѣтописныхъ сводовъ въ одинъ цѣльный лѣтописный разсказъ. До нашего времени лѣтописи дошли именно въ такихъ сборникахъ.

5) **Лѣтописный списокъ.** Лѣтописные сборники дошли до насъ не въ оригиналахъ своихъ, а въ позднѣйшихъ копіяхъ, сдѣланныхъ съ нихъ. Эти копіи, болѣе или менѣе близкія къ оригиналамъ, называются лѣтописными списками. Такъ, до насъ дошли, напр., слѣдующіе списки лѣтописныхъ сборниковъ: 1) сдѣланный для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича монахомъ Лаврентіемъ (1377 г.) «Лаврентьевскій списокъ», въ которомъ помѣщены «Второй кіевскій сводъ» и въ качествѣ его продолженія «Суздальская лѣтопись» 2) найденный въ Ипатьевскомъ монастырѣ (въ Костромской губ.) «Ипатьевскій списокъ», въ которомъ помѣщенъ «Второй кіевскій сводъ», «Кіевская лѣтопись» до 1201 г. и «Галицко-Волынская лѣтопись» до 1292 г. (XIV—XV вв.); 3) «Никоновскій списокъ», въ составъ котораго вошли «Второй кіевскій сводъ», «Сѣверный сводъ» и «Московскій сводъ» (XVII в.).

307. Древнѣйшіе лѣтописные своды. Къ древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ относятся слѣдующіе: «Начальный кіевскій сводъ» и «Второй кіевскій сводъ».

308. «Начальный кіевскій сводъ». Въ концѣ XI в. былъ составленъ въ Кіевѣ неизвѣстнымъ редакторомъ первой лѣтописный сводъ, который можетъ быть названъ «Начальнымъ». Онъ состоялъ изъ разсказа о разселеніи народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія, разсказа, заимствованнаго изъ византійскихъ сочиненій, излагавшихъ библейскія событія, и изъ русскаго сказанія неизвѣстнаго автора о началѣ русскаго государства, причемъ это сказаніе редакторомъ свода было дополнено греческими извѣстіями о первыхъ неудачныхъ походахъ руссовъ на Царьградъ (повидимому, изъ хроника Амартола и ея продолженія) и снабжено нѣкоторыми хронологическими датами. До какого года доведенъ былъ этотъ сводъ, неизвѣстно, такъ какъ онъ сохранился, съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями, въ «Первой Нов-

городской лѣтописи» второй редакціи, какъ ея часть; но во всякомъ случаѣ изложеніе событій прерывалось въ немъ не раньше, какъ на 1074 г.

«Начальный кіевскій сводъ» замѣчателенъ какъ въ передачѣ нѣкоторыхъ событій изъ древнерусской исторіи, такъ и своей хронологіей. По извѣстіямъ этого свода Аскольдъ и Диръ становятся кіевскими князьями еще до призванія новгородцами Рюрика: они ведутъ войны съ древлянами и улучичами; далѣе, «Начальный кіевскій сводъ» не знаетъ похода Аскольда и Дира на Царьградъ: ему извѣстенъ походъ руссовъ на Царьградъ до появленія въ Кіевѣ Аскольда и Дира. Любопытны также историческія представленія редактора этого свода о событіяхъ послѣ смерти Рюрика: на престолъ вступаетъ сынъ Рюрика Игорь, Олегъ же не болѣе, какъ воевода Игоря. Разсказавъ о походѣ Олега на Царьградъ, «Начальный кіевскій сводъ» сообщаетъ, что Олегъ наложилъ на грековъ дань, «юже (которую) даютъ и доселѣ княземъ рускымъ». Вернувшись съ похода, Олегъ отправляется въ Новгородъ, а изъ Новгорода въ Ладогу; могила его находится въ Ладогѣ. Свѣнельдъ, замѣстившій при Игорѣ Олега послѣ его смерти, ведетъ войну съ древлянами и улучичами; дань съ этихъ городовъ Игорь уступаетъ Свѣнельду и этимъ вызываетъ ропотъ со стороны своей собственной дружины: этотъ ропотъ вынуждаетъ Игоря въ свою очередь самому предпринять походъ на древлянъ, закончившійся его гибелью. Перечисленными свѣдѣніями и цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе мелкихъ, «Начальный кіевскій сводъ» рѣзко отличается отъ «Второго кіевскаго свода», легшаго въ основу современнаго изложенія событій изъ древнерусской государственной жизни.

Не менѣе рѣзко отличается и хронологія его. До принятія христіанства у насъ разсчитывали время по числу лѣтъ правленія того или другого князя. Съ принятіемъ христіанства наши предки для разсчета времени заимствовали у грековъ эру отъ сотворенія міра (отъ сотворенія міра до Р. Х. считалось 5508 лѣтъ, а иногда 5500 лѣтъ; новый годъ считался одно время съ марта, а потомъ съ сентября мѣсяца). Для установленія хронологіи событій по эрѣ отъ сотворенія міра редакторъ «Начальнаго кіевскаго свода» располагалъ матеріалами двоякаго рода: 1) русскими данными о числѣ лѣтъ

княженія нашихъ первыхъ князей и 2) свѣдѣніями изъ византійской хроники Амартола и ея продолженія. Русскія данныя состояли въ слѣдующемъ: Святославъ княжилъ 28 лѣтъ, а Ярополкъ 8 лѣтъ; крещеніе Руси произошло въ 6496 г. отъ сотворенія міра (988 г. по Р. Х.), на восьмомъ году княженія Владимира; на основаніи этихъ данныхъ редакторъ свода высчиталъ годъ вступленія на престолъ Святослава и смерти Игоря—6453 (28 + 8 + 7 = 43; 6496 — 43 = 6453); такъ какъ, далѣе, по русскимъ даннымъ Игорь княжилъ 23 года, то редакторъ, вычтя изъ 6453 — 23, получилъ 6430 (922)—годъ вступленія на престолъ Игоря.

Хроника Амартола и ея продолженіе помогли редактору установить еще нѣсколько хронологическихъ датъ. Въ ней упоминались два нападенія Руси на Царьградъ—одинъ въ царствованіи византійскаго императора Михаила, другой—въ царствованіи Романа. Хроника Амартола и ея продолженіе почти совсѣмъ не сопровождается хронологическими датами отъ сотворенія міра; поэтому и нападенія руссовъ на Царьградъ отмѣчены безъ хронологическихъ датъ. Редакторъ свода рѣшился воспользоваться косвенными данными, имѣвшимися въ хроникѣ, для опредѣленія нужныхъ ему годовъ. Прежде всего нужно было опредѣлить время вступленія Михаила на престолъ. Для этого онъ воспользовался указаніемъ хроники на 6428 г. (920), какъ на годъ вступленія на престолъ императора Романа; зная по Амартолу число лѣтъ царствованія предшествовавшихъ ему императоровъ до Михаила включительно (Константинъ—7 лѣтъ, Александръ—1 годъ, Леонъ—25 лѣтъ, Василій—19 лѣтъ и Михаилъ—26 лѣтъ, итого—78 лѣтъ), редакторъ путемъ вычитанія получилъ 6350 г. (842), дѣйствительно совпадающій съ годомъ вступленія Михаила на престолъ. Осталось опредѣлить годъ перваго нападенія руссовъ на Царьградъ. Читая въ хроникѣ описаніе этого нападенія, редакторъ замѣтилъ противъ него на поляхъ рукописи цыфру 12; принявъ эту цыфру за обозначеніе того года царствованія Михаила, въ который произошло нападеніе, редакторъ путемъ сложенія съ годомъ вступленія Михаила на престолъ (6350 + 12) получилъ число 6362 (854). Такъ редакторъ установилъ годъ перваго нападенія руссовъ на Царьградъ и съ этимъ событіемъ связалъ начало русскаго государства. Этотъ годъ, надо замѣнить,

вычисленъ былъ редакторомъ неправильно: дѣло въ томъ, что цыфра 12, принятая редакторомъ за годъ царствованія Михаила, обозначала въ рукописи не это, а главу лѣтописнаго разсказа. Въ дѣйствительности, первое нападеніе руссовъ на Царьградъ произошло, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при Михаилѣ въ 860 году.

Второй походъ руссовъ отнесенъ Амартоломъ къ царствованію Романа. Къ какому именно году этого царствованія,— Амартолъ не указывалъ; на поляхъ рукописи не было здѣсь и цыфры, обозначающей новую главу. Имѣя какія то русскія данныя думать, что этимъ походомъ руководилъ Игорь, редакторъ, излагая извѣстіе греческой хроники о второмъ нападеніи руссовъ, вставилъ въ него имя Игоря и отнесъ извѣстіе къ 6428 г. (920), т. е. къ первому году царствованія Романа.

Такъ какъ по русскимъ даннымъ Олегъ скончался сейчасъ же послѣ своего побѣдоноснаго похода на Царьградъ, то редакторъ подъ 6430 г. (922) разсказываетъ о походѣ Олега на Царьградъ, возвращеніи его съ похода въ Новгородъ, оттуда въ Ладогу, о его смерти, о войнахъ Игоря съ древлянами и улучичами и о передачѣ дани Свѣнельду. Чтобы установить логическій переходъ отъ пораженія руссовъ въ 6428 къ побѣдѣ Олега въ 6430 г., редакторъ сочиняетъ 6429 г. (921), какъ годъ сборовъ Игоря и Олега въ новый походъ.

Подъ 6448 (940) и 6450 (942) гг. повторяется о войнахъ Игоря съ древлянами и о передачѣ дани Свѣнельду, т. е. часть того, что сообщено подъ 6430 (922) г., очевидно, для связи съ 6453 г., т. е. годомъ смерти Игоря. Редакторъ зналъ изъ русскихъ источниковъ о томъ, что Игорь княжилъ 23 года; онъ зналъ, что при Игорѣ велись войны съ древлянами и улучичами; не зная, въ какіе именно годы княженія Игоря онѣ происходили, редакторъ разсказалъ о нихъ подъ тѣмъ годомъ, съ котораго начинается княженіе Игоря; но онъ зналъ также, что Игорь погибъ именно изъ за древлянской дани, т. е. что нѣкоторые эпидозы изъ войны съ древлянами произошли наканунѣ смерти Игоря; чтобы выйти изъ затрудненія, редакторъ, оставивъ пустыми цѣлыхъ 17 лѣтъ княженія Игоря, повторяетъ подъ 6448 г. (940) извѣстіе о покореніи улучичей и взятіи ихъ города Пересѣчена, подъ 6450 г. (942), объ

уступкѣ древлянской дани Свѣнельду, а подъ 6453 г. (945) о недовольствѣ и ропотѣ дружины Олега.

Дальнѣйшія хронологическія даты, съ 945 г., почти не отличаются отъ хронологическихъ датъ «Второго кіевскаго свода.

309.«Второй кіевскій сводъ». Потребность уяснить себѣ по возможности точнѣе вопросъ о происхожденіи русскаго государства и главнѣйшія событія изъ первоначальной исторіи его продолжала рости въ высшихъ кругахъ. Этой потребности удовлетворилъ «Второй кіевскій сводъ», представляющій замѣчательный образчикъ лѣтописнаго свода въ началѣ XII в. «Второй кіевскій сводъ», болѣе извѣстный подъ неправильнымъ названіемъ «Несторовой лѣтописи», имѣлъ двѣ редакціи: 1) первая редакція его, въ которой событія изложены до 1110 г. включительно, составлена въ 1116 г.; она сохранилась, съ позднѣйшими измѣненіями, въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Академическомъ, Радзивиловскомъ, Никоновскомъ; 2) вторая редакція, въ которой событія доведены до 1118 г., составлена въ 1118 г.; она сохранилась, тоже съ позднѣйшими измѣненіями, въ спискѣ Ипатьевскомъ и въ Софійскомъ Временникѣ. Обѣ редакціи, излагая почти одинъ и тотъ же матеріалъ, имѣли существенныя отличія въ содержаніи и въ хронологіи. Переписчики «Второго кіевскаго свода» нерѣдко свѣряли обѣ редакціи между собою и поправляли ихъ одну другою. Вслѣдствіе этого различіе между обѣими редакціями съ теченіемъ времени сглаживалось.

310. Обзоръ содержанія «Второго кіевскаго свода». «Второй кіевскій сводъ» имѣетъ такое заглавіе: «Се повѣсти времяньныхъ (прошлыхъ) лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть». Это заглавіе относилось, повидимому, не ко всему своду, а къ той его части, которая излагала о происхожденіи и установленіи русскаго государства. Изложеніе начинается съ краткаго обзора всемірной исторіи, частью которой является и исторія русская. Послѣ потопа сыновья Ноя — Симъ, Хамъ и Іафетъ — раздѣлили между собою землю: Симъ получилъ Востокъ, Хамъ—Югъ, а Іафетъ—Западъ. Размноженіе потомства Ноя грозило потерей единства между людьми. Во избѣжаніе этого во дни Нектана и Фалека собрались люди въ Сенарѣ и начали

строить столпъ и городъ, но не докончили своего построенія, такъ какъ Богъ раздѣлилъ собравшихся на 72 языка и разсѣялъ ихъ по всей землѣ. Однимъ изъ этихъ языковъ былъ славянскій, языкъ славянъ, происшедшихъ отъ рода Іафета. Отсюда сводъ переходитъ къ славянамъ и разсказываетъ о поселеніи славянъ на Дунаѣ и о разселеніи оттуда по разнымъ мѣстностямъ. Перечисливъ главныя славянскія племена, сводъ переходитъ къ русскимъ славянамъ, описываетъ путь изъ варягъ въ греки, разсказываетъ о посѣщеніи апостоломъ Андреемъ Русской земли, излагаетъ преданія изъ жизни русскихъ до образованія государства, описываетъ обычаи и нравы древнихъ русскихъ племенъ— полянъ, древлянъ, вятичей и кривичей. Вся эта часть свода не сопровождается хронологическими датами. Погодное изложеніе начинается въ сводѣ съ 6360 г. (852): «Въ лѣто 6360, наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречестѣмъ». Установивъ фактъ начала Руси, «Второй кіевскій сводъ» съ этого момента излагаетъ дальнѣйшія событія (призваніе варяговъ, княженіе Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира и т. д.) погодно, до 1110 или 1118 г.

311. Составъ «Второго кіевскаго свода». Въ основу «Второго кіевскаго свода» легъ «Начальный кіевскій сводъ», значительно дополненный и расширенный новыми матеріалами—русскими и греческими. Такъ образовался лѣтописный сводъ, чрезвычайно сложный и пестрый по своему составу.

312. Русскіе источники «Второго кіевскаго свода». Къ числу русскихъ источниковъ, вошедшихъ въ составъ «Второго кіевскаго свода» (и отчасти «Начальнаго свода»), относятся слѣдующіе: 1) древне-русскія преданія, 2) княжеско-дружинныя преданія, 3) отдѣльныя сказанія, 4) оффиціальные документы, 5) «Кіевопечерская лѣтопись» и 6) краткія лѣтописныя записи.

1) **Древнерусскія преданія.** Къ древнерусскимъ преданіямъ, связаннымъ съ событіями до возникновенія русскаго государства, относятся слѣдующія: а) преданіе объ обрахъ, б) преданіе объ основаніи Кіева и в) преданіе о хазарахъ.

а) Преданіе объ обрахъ. Объ обрахъ «Второй кіевскій сводъ» («Начальный кіевскій сводъ» не знаетъ этого преданія) разсказываетъ слѣдующее. Обры были «тѣломъ велици и умомъ горди». Этотъ народъ ходилъ на византійскаго царя Праклія, воевалъ со славянами и мучилъ побѣжденныхъ дулѣбовъ такимъ образомъ: если обрину нужно было ѣхать куда нибудь, то онъ запрягалъ въ телѣгу трехъ, четырехъ или пять женщинъ дулѣбскихъ и ѣздилъ. За гордость Богъ наказалъ обровъ: онъ истребилъ ихъ такъ, что не оставилъ ни одного обрина. Отсюда и пословица на Руси: «погибоша, аки обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка». Подъ обрами этого преданія, повидимому, надо разумѣть аваровъ (§ 6), побѣдившихъ дулѣбовъ, въ рукахъ которыхъ была гегемонія надъ славянами въ VI—VII вв. Ужасъ, наведенный на славянъ свирѣпыми побѣдителями, придалъ аварамъ въ воображеніи побѣжденныхъ сверхъестественныя черты: авары превратились въ непобѣдимыхъ великановъ. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ слово «обринъ» стало нарицательнымъ и означаетъ «великанъ» (напр., чешское olbrim). Освобожденіе славянъ отъ аварскаго ига подъ перомъ редактора свода превратилось въ наказаніе аваръ Богомъ за гордость.

б) Преданія объ основаніи Кіева. Эти преданія изложены выше, въ § 144. Редакторъ свода находитъ невѣроятнымъ преданіе о томъ, что Кій былъ простымъ перевозникомъ: если бы Кій былъ перевозникомъ, онъ,—разсуждаетъ редакторъ,—не ѣздилъ бы въ Царьградъ, а если бы и попалъ туда, то едва ли былъ бы принятъ царемъ; между тѣмъ царь его принялъ и оказалъ ему великую честь. Возвращаясь изъ Константинополя,—продолжаетъ редакторъ,—Кій на Дунаѣ нашелъ мѣсто, которое ему очень понравилось, и построилъ тамъ городокъ — Кіевецъ; но жители окрестной мѣстности не дали ему тутъ жить, и Кій вернулся на родину. По смерти братьевъ родъ ихъ княжилъ среди полянъ. Эти преданія о Кіи живо рисуютъ нашихъ древнихъ звѣролововъ.

в) Преданіе о хазарахъ. По смерти Кія и его братьевъ поляне стали подвергаться «обидамъ» со стороны древлянъ и прочихъ сосѣдей. Однажды на полянъ наткнулись хазары, которые потребовали отъ нихъ дани. Поляне подумали и

рѣшили дать хазарамъ по мечу «отъ дыма» (отъ дома). Явившись на родину съ полянской данью, хазары показали ее своимъ старѣйшинамъ. Послѣдніе, разсмотрѣвъ полянскіе мечи, сказали своему князю: «Недобра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ, одиною стороною остромъ, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечъ; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ». Предсказаніе хазарскихъ старцевъ исполнилось: «володѣютъ бо,—заключаетъ редакторъ.—козары русскіе князи и до днешняго дне». Въ этомъ преданіи въ поэтической формѣ изображены двѣ эпохи въ отношеніяхъ между Кіевомъ и хазарами: эпоха хазарскаго протектората надъ русскими славянами и эпоха побѣдъ русскихъ надъ хазарами.

2) **Княжеско-дружинныя преданія**. Вторымъ русскимъ источникомъ были княжеско-дружинныя историческія преданія, имѣвшія, вѣроятно, форму былинъ. Къ этимъ преданіямъ относятся слѣдующія: а) О призваніи князей, б) О смерти Олега, в) Месть Ольги и взятіе Искоростеня, г) Объ основаніи Переяславля, д) О низверженіи кумировъ, е) О пирахъ Владимира и ж) Объ осадѣ Бѣлгорода.

а) О призваніи князей. Варяги изъ-за моря брали дань съ финскихъ и русскихъ племенъ, жившихъ по бассейну озера Ильменя. Однажды эти племена возстали противъ варяговъ, прогнали ихъ за море и вернули себѣ самостоятельность. Съ возвращеніемъ самостоятельности жизнь у этихъ племенъ не стала лучше: «и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Тогда эти племена рѣшили: «Поищемъ себѣ князя, иже бо володѣлъ нами и судилъ по праву». Они отправили за море пословъ къ варягамъ, къ руси: такъ называются одни варяги—русью, какъ другіе называются свіями (шведами), третьи -урманами (норманнами), четвертые — англянами (англами), пятые — готами. Послы сказали руси: «Земля наша велика и обильна, а наряда (организаціи) въ ней нѣтъ; да поидѣти княжить и володѣти нами». На призывъ откликнулись трое братьевъ со своими родами и съ племенемъ русь: старшій братъ Рюрикъ занялъ Новгородъ, второй—Синеусъ—Бѣлоозеро, а третій — Труворъ — Изборскъ. Такъ началось русское государство (862 г.).

Это преданіе излагаетъ начало русскаго государства съ

княжеско-дружинной точки зрѣнія: князья русскіе были добровольно приглашены сѣверными племенами, славянскими и финскими, для установленія среди нихъ порядка и правосудія. Въ дѣйствительности дѣло происходило, вѣроятно, нѣсколько иначе: сѣверныя племена пригласили варяговъ-русь не для княженія надъ ними, а для защиты ихъ отъ другихъ варяговъ, съ которыми сами не могли справиться, и притомъ на время. Защитивъ сѣверныхъ славянъ и финновъ, русь воспользовалась своей силой и своимъ положеніемъ и навсегда закрѣпила за собою власть, причемъ факту приглашенія она придала особую окраску.

Аналогичное явленіе произошло нѣсколькими вѣками раньше въ Британіи. По разсказу лѣтописца Видукинда, бритты, тѣснимые скоттами и пиктами, послали за помощью къ англо-саксамъ. Послы бриттовъ говорили двумъ англосаксонскимъ князьямъ Генгисту и Горзѣ, что бритты готовы подчинить ихъ власти свою обширную, изобилующую всякими богатствами страну. Генгистъ и Горза съ англосаксами явились, нанесли пораженіе пиктамъ и скоттамъ и, оставшись въ Британіи, образовали изъ себя правительственный классъ.

б) О смерти Олега. Олегъ вопрошалъ волхвовъ и кудесниковъ, какъ онъ умретъ. Одинъ кудесникъ сказалъ ему: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети». Услышавъ это, Олегъ сказалъ, что онъ больше не сядетъ на этого коня, и распорядился кормить коня, но къ нему больше не подводить. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Возвратившись изъ похода на грековъ, Олегъ вспомнилъ про своего коня и, позвавъ главнаго конюха, спросилъ его о конѣ. Конюхъ сообщилъ Олегу, что коня уже нѣтъ въ живыхъ. Олегъ разсмѣялся и сталъ бранить кудесника: «То ти неправо глаголютъ волсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». Олегъ отправился посмотрѣть на кости коня. Придя на мѣсто, гдѣ лежали обнаженные кости и «лобъ голъ», Олегъ опять разсмѣялся. «Отъ сего ли лба смерть было взяти мнѣ?» воскликнулъ Олегъ и наступилъ ногою на голову коня. «И выникнувши змія изо лба и уклюну въ ногу, и съ того разболѣся и умре». Всѣ люди плакали великимъ плачемъ. Олега похоронили въ Кіевѣ на горѣ Щековицѣ (912 г.).

Такое же преданіе разсказывается въ скандинавской сагѣ о норвежскомъ героѣ Орваръ-Оддѣ. Орваръ-Одду колдунья предсказала, что онъ проживетъ 300 лѣтъ счастливой и славной жизнью, а затѣмъ погибнетъ отъ своего коня Факса Орваръ-Оддъ велѣлъ убить коня, бросить его въ глубокій болотистый ровъ и насыпать надъ нимъ курганъ. Послѣ этого Орваръ-Оддъ прославился многими подвигами въ разныхъ странахъ, женился на Руси на русской княжнѣ и вернулся черезъ 300 лѣтъ въ Норвегію. Въ Норвегіи за это время произошла большая перемѣна: мѣста, которыя прежде зеленѣли и цвѣли, превратились въ высохшія пустыни. Высохъ и ровъ, куда былъ брошенъ Факсъ, курганъ разсыпался, и голая голова коня обнажилась. Подойдя поближе, Орваръ-Оддъ, поворачивая голову копьемъ, воскликнулъ: «И это голова Факса»! Тутъ изъ головы коня выскочила ящерица, укусила героя въ пятку и впустила своего яду. Орваръ-Оддъ умеръ.

Повидимому, это одно и то же преданіе, принявшее различныя формы въ нашей княжеско-дружинной средѣ и въ Скандинавіи.

Въ «Начальномъ кіевскомъ сводѣ» о смерти Олега сообщается кратко, причемъ укушеніе змѣей упоминается только какъ одно изъ преданій: «Иде Олегъ къ Новугороду и оттуда въ Ладогу. Друзіи же сказаютъ, яко идущу ему за море и уклюну змія въ ногу, и съ того умре: есть могыла его въ Ладозѣ».

в) Месть Ольги и взятіе Искоростеня. Древляне, расправившись съ Игоремъ, отправляютъ къ его женѣ Ольгѣ пословъ съ предложеніемъ ей выйти замужъ за ихъ князя Мала: «Посла ны Дерьвьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой, аки волкъ, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ». Ольга отвѣтила, что предложеніе ихъ ей лестно. Но прежде чѣмъ принять его, она хочетъ оказать имъ особенныя почести передъ своимъ народомъ. Она велѣла имъ отправиться на свои суда и ждать приглашенія къ ней «на честь велику». Когда явятся посланные ея, древлянскіе послы должны сказать, что они не поѣдутъ ни на коняхъ, ни въ экипажахъ и не пойдутъ пѣшкомъ, а требуютъ, чтобы ихъ понесли въ лодкѣ. Такъ

они и сдѣлали. Посланные Ольгой понесли древлянскихъ пословъ въ лодкѣ, бросили ихъ въ глубокую яму, выкопанную заранѣе, и закопали живыми.

Расправившись съ древлянскими послами, Ольга послала къ древлянамъ своихъ пословъ сказать, чтобы они прислали за ней наилучшихъ своихъ представителей, такъ какъ въ противномъ случаѣ кіявляне не пустятъ ея къ нимъ. Древляне снарядили къ Ольгѣ новое посольство изъ лучшихъ своихъ представителей. Ольга велѣла отвести ихъ въ баню и, когда они станутъ мыться, зажечь ее. Посольство погибло въ огнѣ.

Послѣ этого Ольга отправляется въ сопровожденіи небольшой дружины въ Древлянскую землю, велѣвъ древлянамъ приготовить побольше меда, чтобы справить по мужѣ тризну. Древляне исполнили это, и Ольга, придя къ могилѣ мужа, «плакася по мужи своемъ». Затѣмъ была справлена тризна, во время которой дружина Ольги перебила напившихся древлянъ.

Послѣ этого Ольга возвращается въ Кіевъ и снаряжаетъ большое войско противъ древлянъ. Древляне потерпѣли пораженіе и заперлись въ городахъ своихъ. Ольга устремилась на городъ Искоростень, жители котораго были главными виновниками въ убійствѣ ея мужа. Осажденные защищались мужественно и долго. Ольга послала сказать осажденнымъ, что всѣ другіе города согласились уплачивать ей дань, они одни только сидятъ въ городѣ и хотятъ досидѣться до голодной смерти. Осажденные отвѣтили, что были бы рады платить ей дань, но они опасаются, что она все еще хочетъ мстить за своего мужа. Она успокоила ихъ, и древляне обѣщали дать ей меду и шкуръ. Но Ольга отказалась отъ этого и попросила дать ей отъ каждаго дома по три голубя и по три воробья. Древляне обрадовались и немедленно послали къ Ольгѣ эту дань съ поклономъ. Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ, велѣла привязать къ нимъ фитили и, когда смеркнется, пустить ихъ. Птицы устремились къ своимъ гнѣздамъ, и городъ запылалъ. Древляне выбѣжали изъ города. Ольга велѣла избивать ихъ или брать въ плѣнъ. Оставшихся она обложила тяжкою данью (945 г.).

Часть этого преданія, именно та, въ которой разсказывается

о взятіи города хитростью, отсутствуетъ въ «Начальномъ кіевскомъ сводѣ» и, повидимому, принадлежитъ къ международнымъ эпическимъ сюжетамъ. Герой скандинавскихъ сагъ, Гаральдъ, при взятіи одного города въ Сициліи употребляетъ такую же хитрость; одинъ датскій король такимъ же образомъ беретъ городъ Дублинъ; употребленіе этой же хитрости приписывается сказаніями Александру Македонскому, Хозрою и др.

г) Объ основаніи Переяславля. Однажды въ княженіи Владимира св. (992 г.) вторглись въ русскіе предѣлы печенѣги и остановились по ту сторону рѣки Сулы. Владиміръ выступилъ противъ нихъ и остановился по сю сторону той же рѣки. Печенѣжскій князь предложилъ Владиміру рѣшить дѣло поединкомъ. Владиміръ сталъ искать поединщика. Долгое время никто не откликался на предложеніе Владиміра. «И поча тужити Володимиръ». Въ это время пришелъ къ Владиміру старикъ, который сообщилъ ему, что у него есть сынъ силачъ: однажды, когда старикъ бранилъ сына, послѣдній, мявшій въ это время кожу сапога, въ гнѣвѣ разодралъ сапогъ своими руками. Князь обрадовался и велѣлъ прислать его. Чтобы испытать свою силу, молодой богатырь велѣлъ раздразнить быка раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ. Быкъ бросился бѣжать. Когда онъ мчался мимо, молодой богатырь схватилъ быка рукой за бокъ и оторвалъ кусокъ кожи съ мясомъ. Выступаетъ печенѣжскій богатырь — «превѣликъ зѣло и страшенъ». Увидѣвъ своего противника, отличавшагося среднимъ ростомъ, печенѣгъ разсмѣялся. Противники вступили въ бой. Русскій богатырь, схватившись съ печенѣгомъ, сдавилъ его въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю. Русскіе радостно закричали и ударили на печенѣговъ, которые обратились въ бѣгство. На этомъ мѣстѣ Владиміръ построилъ городъ, названный Переяславлемъ, потому что переялъ здѣсь славу. Побѣдитель и его отецъ вошли въ составъ близкихъ къ Владиміру лицъ.

Имя русскаго богатыря въ различныхъ лѣтописныхъ сборникахъ и спискахъ передается различно: Янъ Усмошвецъ («усніе»—сыромятная кожа и «шью»), Янъ Усмовичъ, Илья Швецъ. Въ преданіяхъ, сохранившихся до настоящаго времени, онъ называется Кирилломъ или Никитой Кожемякой. По этимъ преданіямъ Никита мялъ 12 кожъ, когда къ нему

явились послы отъ князя съ просьбой спасти кіевлянъ отъ змѣя, пожиравшаго ихъ. Никита въ досадѣ, что прервали его работу, разодралъ сразу 12 кожъ.

Янъ Усмошвецъ, повидимому, тотъ самый богатырь, котораго подъ именемъ Чоботка (сапогъ) упоминаютъ Эрихъ Лассота и Кальнофойскій (§ 173).

Въ «Начальномъ кіевскомъ сводѣ» этого преданія нѣтъ.

д) О низверженіи идоловъ. Владиміръ, вернувшись изъ похода на Корсунь (988 г.), велѣлъ ниспровергнуть идоловъ, однихъ изъ нихъ разрубить, а другихъ предать огню. Идолъ Перуна онъ велѣлъ привязать къ хвосту коня и тащить его по Боричеву на Ручай (Почайну); 12 мужей сопровождали шествіе и били идола палками. «Невѣрные», еще не принявшіе крещенія, плакали. Притащивъ идолъ къ берегу, сопровождавшіе бросили его въ воду; отъ берега они отталкивали его палками. Идолъ несся по теченію, прошелъ пороги и былъ выброшенъ на мель («рѣнь»), которая съ того времени стала называться «Перуньей Рѣнью».

е) О пирахъ Владимира. Побѣдивъ однажды съ небольшой дружиной печенѣговъ у Васильева, Владиміръ устроилъ великій праздникъ: наварилъ много меду, пригласилъ на пиръ бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ и другихъ людей со всѣхъ городовъ и роздалъ убогимъ 300 гривенъ. Празднество продолжалось восемь дней. Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ и здѣсь устроилъ великое празднество, причемъ на пиръ созвано было безчисленное множество народа. Такія празднества Владиміръ устраивалъ ежегодно. Онъ объявилъ, что всякій нищій и убогій могутъ приходить на княжій дворъ и получать все, въ чемъ онъ нуждается: питье, ѣду и даже денегъ изъ казны. Такъ какъ не всякій убогій способенъ былъ добраться до дворца Владиміра, князь завелъ телѣги, на которыя клали хлѣба, мяса, рыбы, овощей, бочки съ медомъ и квасомъ; онъ велѣлъ разъѣзжать съ этими телѣгами по городу, разспрашивать, гдѣ находятся больные нищіе, неспособные ходить, и раздавать имъ пищу и питье. Для своей администраціи, бояръ, сотскихъ, десятскихъ и вообще выдающихся лицъ—Владиміръ устраивалъ по воскресеньямъ обѣды, на которыхъ подавалось множество всякихъ блюдъ. Во время одного изъ такихъ обѣдовъ дружинники стали жаловаться, что имъ приходится ѣсть деревянными ложками, а

не серебряными. Услышавъ жалобу, Владиміръ распорядился выковать для дружины серебряныя ложки: «Сребромъ и златомъ, —говорилъ Владиміръ,—не купить преданной дружины, а съ преданной дружиной я добуду, какъ мой отецъ и дѣдъ, и золота и серебра».

Эти преданія о пирахъ Владиміра и его гостепріимствѣ сохранились до нашего времени въ былинахъ о Владимірѣ.

ж) Объ осадѣ Бѣлгорода. Однажды печенѣги осадили Бѣлгородъ. Въ городѣ поднялся голодъ. Владиміръ не могъ помочь, такъ какъ у него было мало войска. Жители города собрались на вѣче. Обсудивъ свое положеніе, они стали склоняться къ тому, чтобы сдаться печенѣгамъ. Одинъ старикъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и предложилъ имъ прибѣгнуть къ слѣдующей хитрости. Онъ посовѣтовалъ собрать у всѣхъ по горсти овса, пшеницы, отрубей и т. д., приготовить кисель, выкопать въ городѣ колодецъ, поставить въ немъ кадку и налить въ нее кисель; по совѣту старика выкопали и другой колодецъ и въ немъ поставили другую кадку съ медомъ. Утромъ на другой день бѣлогорцы предложили печенѣгамъ послать къ нимъ въ городъ 10 мужей посмотрѣть, что у нихъ дѣлается. Когда они явились, жители города сказали имъ, что они напрасно тратятъ свои силы, осаждая городъ: горожане получаютъ свой кормъ отъ земли. Они подвели печенѣговъ къ обоимъ колодцамъ, почерпнули изъ колодцевъ киселя и меду и дали имъ попробовать. Печенѣги изумились и попросили дать имъ этого киселя и меду для того, чтобы дать отвѣдать своимъ князьямъ. Печенѣжскіе князья, отвѣдавъ киселя и меду, поняли, что имъ этого города не взять, и отступили.

Въ «Начальномъ сводѣ» этого преданія нѣтъ.

3) Сказанія отдѣльныхъ авторовъ. Редакторъ для составленія своего свода пользовался существовавшими тогда сказаніями объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ.

Начало свода представляетъ изъ себя цѣльный разсказъ, принадлежавшій перу одного автора и, судя по заглавію («Повѣсть временныхъ лѣтъ»), имѣвшій цѣлью выяснить происхожденіе и установленіе русскаго государства. Разсказъ этотъ, вѣроятно, оканчивался фактомъ утвержденія Олега въ Кіевѣ. Слѣды пользованія отдѣльными сказаніями замѣтны

также въ слѣдующихъ мѣстахъ свода: походъ Олега на грековъ, крещеніе Ольги, борьба сыновей Святослава, принятіе Владимиромъ христіанства (разсказъ сходенъ съ «Житіемъ блаженнаго Володимера», § 285), житіе Бориса и Глѣба (по Іакову Мниху), разсказы о волхвахъ (подъ 1071 г.), разсказъ Гюряты Роговича новгородца о далекихъ племенахъ (1096 г.), объ ослѣпленіи Василька (1097 г., священника Василія).

4) **Оффиціальные документы**. Къ оффиціальнымъ документамъ, оказавшимъ на составленіе «Второго кіевскаго свода» весьма важное вліяніе, относятся договоры русскихъ князей съ греками 907, 912, 945 и 971 г.г. Въ «Начальномъ кіевскомъ сводѣ» этихъ договоровъ не было, повидимому, ихъ существованіе не было извѣстно его редактору.

5) «**Кіевопечерская лѣтопись**». Кіевопечерская лѣтопись до насъ не дошла, и авторъ ея неизвѣстенъ. Она велась въ кіевопечерскомъ монастырѣ и обнимала рядъ событій въ жизни монастыря приблизительно отъ половины XI в. до 1110 г. включительно. Составитель лѣтописи пользовался цѣлымъ рядомъ источниковъ, между прочимъ, трудами преп. Нестора («Сказаніе, чего ради прозвася Печерскій монастырь», «Слово о перенесеніи мощей Ѳеодосія»), передѣланными на основаніи другихъ источниковъ, напр., недошедшаго до насъ «Житія Антонія». Такъ какъ событія въ жизни кіевопечерскаго монастыря находились въ связи съ общерусскою жизнью, то редакторъ «Второго кіевскаго свода» имѣлъ возможность черпать оттуда почти сплошь рядъ извѣстій, начиная съ половины XI в. и до 1110 г. включительно, напр., разсказъ о началѣ Печерскаго монастыря, о первыхъ черноризцахъ монастыря, о перенесеніи мощей Ѳеодосія, о нападеніи Боняка на Печерскій монастырь, извѣстіе о явленіи огненнаго столпа въ 1110 г. и другія. Заимствуя эти свѣдѣнія изъ «Кіевопечерской лѣтописи», редакторъ «Второго кіевскаго свода» старался придать имъ общерусскій характеръ. Такъ, изложивъ подъ 1030 г. заимствованныя оттуда извѣстія о смерти Болеслава и о мятежѣ въ Польской землѣ, редакторъ опустилъ сообщеніе этой лѣтописи о томъ, что послѣ этого явился къ Антонію Моисей Угринъ, пострадавшій въ Польшѣ; разсказавъ о побѣдѣ Святополка II надъ половцами (1107 г.) и о посѣщеніи этимъ княземъ монастыря, редакторъ опустилъ разсказъ лѣтописи о томъ, что побѣдой

своей Святополкъ обязанъ былъ благословенію черноризца Прохора: передавъ извѣстіе о явленіи огненныхъ столповъ, редакторъ опустилъ разсказъ о смерти черноризцевъ Пимена, Кукши и Никона, случившейся почти одновременно съ этимъ явленіемъ.

Нѣкоторыя извѣстія, имѣвшіяся въ «Кіевопечерской лѣтописи», были редакторомъ «Второго кіевскаго свода» совершенно опущенны, какъ, напр., заточеніе въ Туровѣ игумена Іоанна Святополкомъ II-мъ, убіеніе монаховъ Θеодора и Василія Мстиславомъ Святополковичемъ и др.

Кромѣ того, по соображеніямъ хронологическаго порядка, редакторъ однѣ части разсказа «Кіевопечерской лѣтописи» переносилъ на другія мѣста въ своемъ сводѣ. Такъ, изъ разсказа о Θеодосіи (1051 г.) была перенесена подъ 1075 г. часть, въ которой сообщается о построеніи игуменомъ Стефаномъ каменной кіевопечерской церкви на основѣ, положенной Θеодосіемъ. Въ «Кіевопечерской лѣтописи» послѣ сообщенія объ этомъ стояли слова, выписанныя изъ «Сказанія, чего ради прозвася Печерскій монастырь» преп. Нестора: «къ нему же (т. е. къ игумену Стефану) и азъ придохъ, худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего». Эти слова преп. Нестора остались въ разсказѣ подъ 1051 г. и очутились противъ словъ: «Θеодосьеви же живущу въ монастыри...». Такимъ образомъ, вслѣдствіе перетасовки, сдѣланной редакторомъ, вышло, что преп. Несторъ явился 17-ти лѣтъ къ Θеодосію, а не къ Стефану.

6) **Краткія лѣтописныя записи.** Наконецъ, изъ русскихъ источниковъ редакторъ заимствовалъ и краткія лѣтописныя записи въ родѣ слѣдующихъ: «Въ лѣто 6474 (966). Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ возложи», «Въ лѣто 6525 (1017). Ярославъ иде въ Кіевъ, и погорѣ церкви», «Въ лѣто 6531 (1023). Поиде Мьстиславъ на Ярослава съ козары и съ касогы». Въ лѣто 6536 (1028). Знаменье зміево явися на небеси, яко видѣти всей земли», «Въ лѣто 6553 (1045). Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ», «Въ лѣто 6590 (1082). Осень умре, половечьскый князь.

313. Иностранные источники «Второго кіевскаго свода». Изъ иностранныхъ источниковъ редакторъ свода воспользовался слѣдующими:

1) **Книги св. Писанія**. Редакторъ (или авторы произведеній, вошедшихъ въ составъ свода) сопровождалъ изложеніе событій соотвѣтствующими цитатами изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ, евангелій Іоанна, Луки и посланій апостола Павла. Особенно часто редакторъ цитируетъ притчи Соломона, иногда очень пространно, какъ, напр., въ разсужденіи о злыхъ и добрыхъ женахъ.

2) **Легенда объ апостолѣ Андреѣ**. Содержаніе этой легенды слѣдующее. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ христіанство въ Синопіи (въ Крыму), а изъ Синопіи пошелъ въ Корсунь. Узнавъ, что недалеко отсюда находится устье Днѣпра, Андрей, намѣреваясь идти въ Римъ великимъ воднымъ путемъ, отправился вверхъ по Днѣпру. Онъ остановился для отдыха на берегу Днѣпра у подошвы тѣхъ горъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ городъ Кіевъ. На другой день утромъ Андрей сказалъ своимъ ученикамъ: «Видите ли горы сія? Яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія: имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ воздвигнути имать». Поднявшись на эти горы, Андрей благословилъ ихъ, поставилъ крестъ, помолился Богу, отправился далѣе вверхъ по рѣкѣ и попалъ въ мѣстность, гдѣ впослѣдствіи возникъ Новгородъ. Здѣсь апостолъ наблюдалъ удивительный обычай мѣстныхъ жителей париться въ баняхъ. Отсюда Андрей пошелъ дальше въ землю варяговъ и затѣмъ въ Римъ. Разсказывая о своихъ странствованіяхъ, апостолъ Андрей, между прочимъ, говоритъ и о баняхъ: «Дивно видѣхъ въ землѣ словенстѣ, идущу ми сѣмо (сюда); видѣхъ бани древены, и пережгутъ я (ихъ) рамяно (сильно), и совлокутся, и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніяномъ (щелокомъ), и возьмутъ на ся прутье млады, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слѣзутъ лѣ (еле) живи, и облѣются водою студеною, и тако оживутъ; и то творятъ по вся дни, не мучими никимъ же, но сами ся мучатъ, и то творятъ мовенье собѣ, а не мученье». Слушатели Андрея много дивились этому обычаю. Андрей изъ Рима опять отправился въ Синопію.

Эта древнецерковная легенда (въ «Начальномъ кіевскомъ сводѣ» ея нѣтъ) состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть, разсказъ о путешествіи Андрея, навѣянъ апокрифическимъ произведніемъ «Обходы апостоловъ», представляющимъ до-

полненіе къ «Дѣяніямъ апостольскимъ». Въ немъ, между прочимъ, описываются странствованія апостола Андрея, посѣтившаго въ числѣ другихъ странъ и Скиѳію. Вторая часть представляетъ, получившее широкое распространеніе, сатирическое изображеніе сѣверныхъ племенъ, въ томъ числѣ славянъ. Это изображеніе возникло, вѣроятно, среди кіявлянъ.

Подобный же разсказъ о банѣ найденъ въ историческомъ описаніи Ливоніи Діонисія Фабриція (XVI—XVII вв.). Этотъ авторъ разсказываетъ слѣдующее. Близъ Дерпта находился доминиканскій монастырь. Число монаховъ въ монастырѣ увеличивалось, а средствъ на содержаніе ихъ не хватало. Монахи отправили въ Римъ къ папѣ пословъ, которымъ поручено было изобразить строгость жизни монаховъ и просить субсидіи. Папа отправилъ въ монастырь своего легата для провѣрки словъ посольства. Монахи угостили легата крѣпкимъ пивомъ и свели въ свою баню. Возвратившись въ Римъ, легатъ разсказалъ о томъ, какъ монахи доминиканскаго монастыря парились. Разсказъ легата очень напоминаетъ разсказъ апостола Андрея.

3) **«Палея толковая»**. «Палея толковая» (§ 119) повліяла на обработку разсказа о предложеніи вѣръ Владиміру. Мнѣніе греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ-магометанъ напоминаетъ полемику «Палеи» съ магометанствомъ; его проповѣдь, представляетъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ точки зрѣнія «Палеи».

4) **«Исповѣданіе вѣры» Михаила Синкелла**. Михаилъ Синкеллъ іерусалимскій († 826), другъ Ѳеодора Студита, пострадавшій въ эпоху гоненія на иконы, изложилъ основныя начала византійско-христіанскаго исповѣданія въ сочиненіи «Исповѣданіе вѣры». Редакторъ свода, описывая крещеніе Владиміра, сообщаетъ, что Владиміру предложено было произнести опредѣленный символъ вѣры, который тутъ же и приводится. Этотъ символъ вѣры есть не что иное, какъ сокращенное изложенія «Исповѣданіе вѣры» Михаила Синкелла.

5) **«Хроника» Георгія Амартола**. Изъ «Хроники» Георгія Амартола (§ 121) и ея продолженія во «Второмъ кіевскомъ сводѣ» помѣщено слѣдующее: 1) о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя, 2) о захватѣ потомками Хама чужого удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда, 3) о нравахъ различныхъ народовъ -сирійцевъ, бактрійцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазо-

нокъ. 4) объ Аполлоніи Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ, 5) о зловѣщихъ знаменіяхъ передъ нашествіемъ Антіоха на Іерусалимъ, 6) о нападеніяхъ руссовъ на Царьградъ, 7) рядъ извѣстій о византійскихъ дѣлахъ.

Свои заимствованія редакторъ свода дѣлалъ съ большимъ толкомъ. Такъ, разсказавъ по Амартолу о нравахъ различныхъ народовъ, редакторъ отъ себя изображаетъ нравы извѣстнаго ему народа—половцевъ. Смерть Олега по предсказанію кудесника побудила редактора заняться изслѣдованіемъ причинъ дѣйствія чародѣйской силы; для этого онъ изъ Амартола привелъ разсказъ о чудесахъ Аполлонія Тіанскаго и предложенное Амартоломъ объясненіе, что всѣ такія чудеса совершаются по попущенію діавольскому, чтобы черезъ нихъ искушалась православная вѣра, добра ли она и крѣпко ли привержена къ Господу. Необыкновенныя явленія въ природѣ въ началѣ эпохи очередного княженія побудили редактора сдѣлать изъ Амартола пять выписокъ, въ которыхъ разсказывается о подобныхъ же явленіяхъ.

6) **Житіе Василія Новаго**. Изъ «Житія Василія Новаго» (§ 97) редакторъ заимствовалъ описаніе нападенія Игоря на Царьградъ въ 6449 (941) г.; вѣроятно, отсюда заимствованы и нѣкоторыя черты, которыми описывается походъ Игоря подъ 6452 (944) г.

7) **«Откровеніе Меѳодія Патарскаго»**. «Откровеніемъ Меѳодія Патарскаго» (§ 123) редакторъ пользуется при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 г. для объясненія происхожденія половцевъ отъ измаильтянъ (§ 157).

8) **«Паннонскія житія»**. Изъ «Паннонскихъ житій» редакторъ свода заимствовалъ свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіи и ихъ дѣятельности.

314. Различія между двумя редакціями «Второго кіевскаго свода». Между редакціями «Второго кіевскаго свода» существуетъ нѣкоторое различіе. Такъ, напр., первая редакція, согласно съ «Начальнымъ кіевскимъ сводомъ», разсказываетъ, что Рюрикъ сначала сѣлъ въ Ладогѣ, а потомъ основалъ на Волховѣ городокъ Новгородъ; во второй редакціи сообщается, что Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ. Первая редакція, согласно съ «Начальнымъ сводомъ», описывая крещеніе Ольги, говоритъ, что греческимъ царемъ тогда былъ Цимисхій; вторая редакція дѣлаетъ поправку: царемъ

былъ Константинъ, сынъ Леонтовъ. Но особенно важныя различія обнаруживаются въ хронологіи событій до 945 г.

1) Хронологія первой редакціи «Второго кіевскаго свода». Первый редакторъ «Второго кіевскаго свода», располагавшій несравненно большимъ количествомъ матеріаловъ, нежели редакторъ «Начальнаго кіевскаго свода», нашелъ въ нихъ новыя хронологическія даты или косвенныя данныя для ихъ вывода.

Въ оффиціальныхъ документахъ, именно въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, найдены были слѣдующія даты: 6415 г. (907) — годъ перваго договора Олега съ греками; 6420 г. (912) — годъ второго договора Олега съ греками; 6453 г. (945) — годъ договора Игоря съ греками. Эти даты были несомнѣнно точными. Такъ какъ онѣ совершенно расходились съ датами, установленными редакторомъ «Начальнаго кіевскаго свода» для походовъ Олега и Игоря, то редакторъ «Второго кіевскаго свода« отбросилъ слѣдующія хронологическія даты «Начальнаго свода»: 6429 г. (921) (сборы Игоря и Олега въ походъ) и 6430 г. (922) (побѣдоносный походъ Олега и его смерть). Годъ 6428 (920), указанный въ «Хроникѣ» Амартола, какъ годъ вступленія Романа на престолъ, редакторъ сохранилъ; но къ этому году онъ уже не могъ отнести похода Игоря. Онъ сохранилъ также 6362 г. (854); такъ какъ въ «Начальномъ сводѣ» не было указано, что этотъ годъ установленъ, какъ двѣнадцатый годъ царствованія Михаила, то редакторъ «Второго свода» принялъ его за первый годъ царствованія Михаила: подъ этимъ годомъ онъ изложилъ о началѣ Руси и о призваніи варяговъ. Продолжая, подобно редактору «Начальнаго свода» принимать цифру 12, находившуюся на поляхъ рукописи «Хроники» противъ описанія нападенія на Царьградъ, за годъ царствованія Михаила, редакторъ «Второго свода» къ числу 6362 прибавилъ 12 и получилъ 6374 г. (866), годъ нападенія Руси на Царьградъ подъ предводительствомъ Аскольда и Дира.

Для вывода другихъ хронологическихъ датъ редакторъ воспользовался «Хроникой» Амартола. Исходя изъ того, что Рюрикъ былъ современникомъ Михаила, редакторъ условно принялъ годъ смерти Михаила, царствовавшаго 26 лѣтъ— 6362 (854) + 26 = 6388 (880), —за годъ смерти Рюрика и вступленія на престолъ Олега.

Такъ какъ Олегъ умеръ послѣ своего блестящаго похода на Царьградъ, по оффиціальному документу въ 6420 г. (912), то редакторъ пришелъ къ заключенію, что Олегъ княжилъ 33 г. (6420—6387 = 33). Первые годы княженія Олега, отъ 6389 (881) до 6394 (886), выставлены были редакторомъ для того, чтобы изложить походы Олега, взятіе имъ Кіева, покореніе древлянъ, сѣверянъ, радимичей и пр. Подъ 6415 г. (907) редакторъ сообщаетъ о походѣ Олега на Царьградъ и приводитъ отрывокъ изъ договора его съ греками. Съ 6420 г. (912) и до 6453 (945) редакторъ излагаетъ событія изъ княженія Игоря, причемъ подъ 6449 г. (941), заимствованнымъ изъ «Хроники» Амартола, описывается походъ Игоря на грековъ. 6453 г. (944) поставленъ редакторомъ для связи съ 6453 г. (945), чтобы установить переходъ отъ похода Игоря на грековъ къ мирному договору.

Для большей наглядности редакторъ свою разсчетную хронологическую таблицу помѣстилъ въ сводѣ подъ 6362 г. (854): отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Ольгова прошло 27 лѣтъ (съ 6362 (854) по 6389 (881)—годъ утвержденія Олега въ Кіевѣ), Олегъ княжилъ 33 года (съ 6388—6420, 880—912), Игорь 23 года (по «Начальному своду», но по лѣтописному разсказу выходитъ гораздо больше—отъ 6420—6453, 912—945; этого противорѣчія редакторъ не замѣтилъ); «а всего, заключалъ редакторъ, отъ перваго Михаилова лѣта до перваго лѣта Святославля—83 года». Далѣе, хронологія согласуется съ «Начальнымъ сводомъ».

2) Хронологія второй редакціи «Второго кіевскаго свода». Внимательное чтеніе первой редакціи «Второго кіевскаго свода» уже въ очень скоромъ времени обнаружило въ его хронологіи рядъ противорѣчій. Такъ, въ хронологической таблицѣ, помѣщенной подъ 6362 г. (854), указывалось, что отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Святославова прошло 83 года; между тѣмъ отъ 6362 г. (854) до 6453 (945) на самомъ дѣлѣ прошелъ 91 годъ. Обнаружилась путаница и въ хронологіи греческихъ событій: подъ 6407 г. (899) говорилось, что Леонъ царствовалъ 25 лѣтъ, а Александръ — 1 годъ; между тѣмъ подъ 6421 г. (913) помѣщено извѣстіе о началѣ царствованія Константина, сына Леона.

Обнаружившіяся противорѣчія вызвали необходимость тщательнаго пересмотра и исправленія первой редакціи

«Второго кіевскаго свода». Исходя изъ того, что по разсчету перваго редактора отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Святослава прошло 83 года, второй редакторъ вычелъ эту сумму изъ суммы 6453 (945), года смерти Игоря, и получилъ 6370 г. (862), который принятъ былъ имъ за годъ призванія Руси; этимъ годомъ редакторъ замѣнилъ 6362 (854) первой редакціи и «Начальнаго свода». Далѣе редакторъ изъ числа 6453 (945) вычелъ 6420 (912)—годъ смерти Олега — и получилъ число 33, т. е. вышло, что Игорь княжилъ не 23 года, какъ показывали первая редакція и «Начальный сводъ», а 33 года; вычтя затѣмъ изъ 6420 — 33 года княженія Олега, второй редакторъ пришелъ къ выводу, что Рюрикъ умеръ въ 6387 г. (879).

Для исправленія хронологіи греческихъ событій второй редакторъ прибѣгъ къ новому греческому пособію — къ «Лѣтописцу вкратцѣ» Никифора (§ 121). Прежде всего необходимо было рѣшить вопросъ о годѣ вступленія Михаила на престолъ. По «Лѣтописцу вкратцѣ» второй редакторъ разсчиталъ, что отъ Р. Х. до вступленія Михаила на престолъ прошло 860 лѣтъ; отъ сотворенія міра и до Р. Х. редакторъ считалъ 5500 лѣтъ; сложивъ оба числа, редакторъ получилъ 6362 г. (852), который принятъ имъ былъ за первый годъ царствованія Михаила. Соотвѣтственно найденному году второй редакторъ внесъ рядъ поправокъ въ хронологію греческихъ событій.

На основаніи новыхъ выводовъ второй редакторъ составилъ новую хронологическую таблицу, оканчивающуюся указаніемъ на первые четыре года княженія Владимира М. (1113—1117); изъ этого указанія видно, что вторая редакція составлена была на четвертомъ году княженія Владимира М.

Способъ работы редактора надъ хронологіей объясняетъ существованіе въ сводѣ пустыхъ годовъ, подъ которыми не означено никакихъ событій: редакторъ предварительно составилъ полную хронологическую сѣть и, изучая свой матеріалъ, относилъ его части къ тому или другому году въ этой сѣти; редактору не удалось отнести свой матеріалъ ко всѣмъ годамъ сѣти, и потому многіе годы остались въ сводѣ пустыми, свидѣтельствуя о черновой работѣ редактора.

Такъ создавалась хронологія первоначальныхъ событій русской исторіи отъ половины IX в. до 945 г. Изъ процесса

ея созданія видно, что единственно достовѣрными хронологическими датами для этого періода могутъ быть только слѣдующія даты: 907 г. (договоръ Олега съ греками), 912 г. (договоръ Олега съ греками), 941 г. (походъ Игоря на грековъ) и 945 г. (договоръ Игоря съ греками и смерть его).

315. Методъ составленія лѣтописныхъ сводовъ и его значеніе. Лѣтописные своды составлялись по очень простому способу. Обыкновенно, редакторъ новаго свода помѣчалъ въ старомъ сводѣ мѣста, подлежащія, по его мнѣнію, дополненію вновь найденными матеріалами, и при переписываніи стараго свода переписывалъ въ отмѣченномъ мѣстѣ тотъ или другой новый матеріалъ. Нерѣдко такія вставки дѣлались настолько неискусно, что ихъ не трудно отмѣтить и въ настоящее время. Такъ, редакторъ «Начальнаго свода» не зналъ о взятіи Ольгой Искоростеня при помощи хитрости (§ 312); поэтому его разсказъ о мести Ольги оканчивался въ «Начальномъ сводѣ» описаніемъ битвы, закончившейся побѣдой: «И побѣдиша (Ольга съ Святославомъ) деревляны, и возложиша на нихъ дань тяжку». Редакторъ «Второго кіевскаго свода» раздѣлилъ эту фразу и послѣ словъ «И побѣдиша деревляны» вставилъ разсказъ о взятіи Искоростеня, начинавшійся словами: «Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ». Разсказъ оканчивался словами: «а прокъ (остатокъ) ихъ (т. е. древлянъ) остави платити дань». Послѣ этихъ словъ редакторъ продолжаетъ переписывать изъ «Начальнаго свода» съ второй половины раздѣленной фразы: «И возложиша на ня дань тяжьку».

То же самое обнаруживается при чтеніи во «Второмъ кіевскомъ сводѣ» тѣхъ мѣстъ, гдѣ изложены договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками. Часть свода, начиная съ разсказа отъ смерти Олега (912) до похода Игоря на древлянъ, является большой вставкой, противъ «Начальнаго свода». Во «Второмъ кіевскомъ сводѣ» послѣ изложенія договора 912 г. читается фраза: «И живяше Олегъ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень...». Эта же фраза повторяется во «Второмъ кіевскомъ сводѣ», уже съ именемъ Игоря, подъ 944 г.: «Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень...». Слова «И приспѣ осень...» подъ 912 г. продолжаются такъ: «И помяну Олегъ конь свой...», а подъ 944 г.

иначе: «И нача мыслити на деревляны...». Приведенная фраза не совсѣмъ умѣстна въ этомъ сводѣ ни по отношенію къ Олегу, ни тѣмъ болѣе по отношенію къ Игорю. Очевидно, въ древнемъ текстѣ «Начальнаго свода» фраза эта читалась вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Олега, и притомъ въ такой формѣ: «Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень (того года, когда умеръ Олегъ) и нача мыслити на деревляны...».

Благодаря такому методу вставокъ лѣтописные своды представляютъ своего рода сборники многочисленныхъ отдѣльныхъ произведеній древнерусской литературы, сохранившихъ въ лѣтописи почти безъ измѣненій свое содержаніе, свой стиль, иногда свое заглавіе и имя своего автора. Критическій анализъ лѣтописныхъ сводовъ даетъ возможность установить цѣлый рядъ отдѣльныхъ произведеній и такимъ образомъ расширить кругъ литературныхъ произведеній древней Руси.

Методъ вставокъ, кажущійся намъ столь простымъ и грубымъ, въ свое время требовалъ большого напряженія критическаго мышленіе у редактора свода: необходимо было тщательно изучить старый сводъ, подвергнуть тщательному изученію цѣлый рядъ новыхъ источниковъ, сопоставить послѣднія со сводомъ и привести ихъ въ связь съ нимъ, найти примирительные пункты между ними и, наконецъ, намѣтить пунктъ, гдѣ можно сдѣлать ту или другую вставку. Эта работа требовала большихъ знаній, огромной памяти, силы критической мысли и, наконецъ, умѣнія искусно сдѣлать вставку. Изложенная выше исторія «Начальнаго свода» и «Второго кіевскаго свода», показываетъ, что въ концѣ XI в. и въ началѣ XII в. русская мысль упорно работала надъ тѣмъ, чтобы разобраться въ накопившемся лѣтописномъ матеріалѣ, установить для него точныя хронологическія даты, гдѣ это только оказывалось возможнымъ, и, наконецъ, изложить исторію русской государственности съ момента ея возникновенія въ процессѣ всемірной исторіи.

Критическое отношеніе редакторовъ лѣтописныхъ сводовъ къ излагаемымъ событіямъ сказывается и въ мелочахъ. Типичнымъ примѣромъ этого можетъ послужить изложеніе преданій объ основаніи Кіева (§ 312).

316. Гипотезы о редакторахъ «Второго кіевскаго

свода». Составленіе «Второго кіевскаго свода» долгое время приписывалось преп. Нестору (§ 276). Основаніемъ для этого служили слѣдующіе факты: *во-первыхъ*, Поликарпъ въ своемъ посланіи къ Акиндину два раза упоминаетъ о Несторѣ, «иже написа лѣтописецъ»; *во-вторыхъ*, одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ, именно Хлѣбниковскій, имѣетъ такое заглавіе: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Нестора...». Гипотеза о редакторствѣ преп. Нестора не удержалась, когда произведенъ былъ сравнительный анализъ лѣтописныхъ разсказовъ о Борисѣ и Глѣбѣ и о началѣ кіевопечерскаго монастыря съ принадлежащими препод. Нестору «Чтеніемъ о житіи Бориса и Глѣба» и «Житіемъ преп. Ѳеодосія». Между ними открылся рядъ противорѣчій. Такъ напр.: 1) по Нестору, постриженіе въ монахи лицъ, стекавшихся къ Антонію, совершалъ Никонъ, а по лѣтописи—Антоній; 2) по Нестору, церковь и монастырь построены Ѳеодосіемъ, а по лѣтописи—Варлаамомъ; 3) по Нестору студійскій уставъ былъ полученъ Ѳеодосіемъ отъ Ефрема, по лѣтописи — Антоніемъ отъ Михаила грека. Такія противорѣчія привели изслѣдователей къ выводу, что Несторъ не могъ быть редакторомъ «Второго кіевскаго свода». Что касается указанія Поликарпа на составленіе Несторомъ лѣтописца, то оно не есть свидѣтельство о фактѣ, а выводъ, сдѣланный Поликарпомъ на основаніи изученія «Кіевопечерской лѣтописи», которою онъ пользовался для составленія сказаній о черноризцахъ кіевопечерскаго монастыря: редакторъ «Кіевопечерской лѣтописи» пользовался для своего свода нѣкоторыми произведеніями преп. Нестора, причемъ благодаря методу вставокъ при выпискахъ, сдѣланныхъ изъ нихъ, редакторъ сохранилъ имя Нестора: упоминаніе имени Нестора понято было позднѣйшими поколѣніями, въ томъ числѣ и Поликарпомъ, какъ имя редактора «Кіевопечерской лѣтописи»; а такъ какъ значительная часть «Кіевопечерской лѣтописи» вошла въ составъ «Второго кіевскаго свода», то имя Нестора стало пониматься, какъ имя редактора «Второго кіевскаго свода».

Вторая гипотеза считаетъ редакторомъ «Второго кіевскаго свода» Сильвестра, игумена Выдубецкаго монастыря. Основаніемъ для этого служитъ приписка, находящаяся послѣ 1110 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ: «Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся

отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащу ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у святого Михаила въ 6624 (1116), индикта 9 лѣта; а иже чтетъ книги сія, то буди ми въ молитвахъ». Изъ этой приписки видно, что въ княженіи Владимира М., въ 1116 г., игуменъ Сильвестръ написалъ («написахъ») «Второй кіевскій сводъ». Слово «написахъ» можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: «составилъ» и «переписалъ». Поэтому и изслѣдователи дѣлятся на двѣ группы: одна полагаетъ, что Сильвестръ былъ составителемъ свода, другіе — только переписчикомъ. Болѣе вѣскихъ доказательствъ того, что Сильвестръ былъ составителемъ свода, нѣтъ. Но если Сильвестръ и былъ составителемъ «Второго кіевскаго свода», то только въ его первой редакціи. Что касается редактора второй редакціи его (1118 г.), то вопросъ объ немъ еще не разсмотрѣнъ изслѣдователями.

317. Лѣтописный взглядъ на историческія событія. «Второй кіевскій сводъ» представляетъ сліяніе множества отдѣльныхъ произведеній двоякаго происхожденія: княжеско-дружиннаго и церковнаго. Въ княжеско-дружинныхъ частяхъ свода обнаруживается національное міровоззрѣніе административно-военнаго сословія съ его преклоненіемъ передъ храбростью и хитростью, какъ, напр., въ разсказахъ объ Олегѣ вѣщемъ, Ольгѣ, Святославѣ. Въ тѣхъ частяхъ свода, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ лицамъ духовнымъ, выражается міровоззрѣніе византійско-христіанское (§ 56). Такъ какъ редакторомъ «Второго кіевскаго свода» было, по всѣмъ вѣроятіямъ, лицо духовное, то послѣднее міровоззрѣніе является въ сводѣ преобладающимъ.

По этому міровоззрѣнію событія въ исторіи человѣческой обязаны своимъ происхожденіемъ борьбѣ двухъ высшихъ міровъ: Бога и діавола. Предметомъ этой борьбы является человѣкъ. Все доброе и хорошее, совершающееся въ исторіи, является по внушенію или дѣйствію Бога и его ангеловъ, все злое и дурное—по внушенію и дѣйствію діавола и бѣсовъ. Поэтому нерѣдко лѣтописецъ, излагая какой-нибудь хорошій поступокъ того или другого князя, сопровождаетъ свой разсказъ стереотипной фразой: «вложилъ Богъ въ князя добрую мысль»; излагая дурной поступокъ, лѣтописецъ говоритъ: «вложилъ діаволъ злую мысль».

Богъ не хочетъ зла людямъ; но если они согрѣшаютъ, то Онъ посылаетъ на ихъ страну голодъ, моръ, ведро или наводитъ иноплеменниковъ, чтобы этими казнями заставить людей одуматься, вспомнить о существованіи высшей правды и исправиться.

Напротивъ, бѣсы со своимъ родоначальникомъ діаволомъ, видя, что Богъ особенно благоволитъ къ человѣку, или сами «дѣютъ» людямъ «пакости», или толкаютъ на пакости людей; бѣсы господствуютъ надъ язычниками и толкаютъ ихъ на христіанъ, поддерживаютъ волхвовъ; они радуются убійству, кровопролитію, сварамъ, братоненавидѣнію и усобицамъ.

Богъ открываетъ людямъ свою волю или даетъ предостереженія въ различныхъ знаменіяхъ; одни знаменія бываютъ на добро, другія не на добро. Такъ, землетрясенія, затменія, необычайныя звѣзды, наводненія бываютъ не на добро: они предвѣщаютъ голодъ, усобицу, рать, моръ и т. д. Но есть знаменія и на добро. Такимъ знаменіемъ было явленіе надъ Печерскимъ монастыремъ огненнаго столпа.

Такимъ образомъ, исторія представляется лѣтописцу устроенной свыше ареной для воспитанія человѣка къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ, которыя поставлены ему Богомъ.

318. О лѣтописяхъ, продолжающихъ «Второй кіевскій сводъ». «Второй кіевскій сводъ» послужилъ исходнымъ пунктомъ для продолженія лѣтописнаго дѣла въ различныхъ областяхъ Русской земли. Составители такихъ продолженій обыкновенно переписывали этотъ сводъ (до 1111 г. или 1118 г., смотря по тому, какою редакціей свода они пользовались) и затѣмъ излагали событія по преимуществу изъ исторіи мѣстной области. Къ числу такихъ продолженій относятся слѣдующія: 1) «Кіевская лѣтопись», 2) «Галицко-Волынская лѣтопись», 3) «Суздальская лѣтопись» и 4) «Новгородская первая лѣтопись».

1) «Кіевская лѣтопись». «Кіевская лѣтопись» находится въ Ипатьевскомъ лѣтописномъ спискѣ. Она продолжаетъ «Второй кіевскій сводъ» отъ 1111 г. до 1201 г. Предметомъ ея являются по преимуществу битвы съ половцами, напр., походы героевъ «Слова о полку Игоревѣ», и княжескія междоусобія, напр., борьба Мономаховичей съ Ольговичами (потомствомъ Святослава Черниговскаго), которой предшествуетъ мятежъ кіевлянъ и убійство ими великаго князя

Игоря Ольговича: рѣже встрѣчаются извѣстія изъ церковной жизни, какъ, напр., разсказъ о распрѣ изъ-за митрополита Климента Смолятича. Излагая событія, составитель лѣтописи выражаетъ часто свой взглядъ: отсутствіе братолюбія и единства, непониманіе князьями пользы Русской земли, нарушеніе нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей— таковы, по мнѣнію автора, причины изображаемыхъ имъ бѣдствій. Въ этомъ отношеніи авторъ «Кіевской лѣтописи» близокъ къ автору «Слова и полку Игоревѣ». Авторъ лѣтописи, видимо, примыкаетъ къ княжеско-дружинной средѣ Святославичей (Онъ, напр., съ большимъ сочувствіемъ относится къ убитому Игорю Ольговичу), чѣмъ и объясняется преобладаніе въ его лѣтописи свѣтскаго элемента (§ 259). Описанія лѣтописца отличаются обиліемъ подробностей и живостью; слогъ его изобилуетъ пословицами изъ народнаго и дружиннаго быта.

2) **«Галицко-Волынская лѣтопись».** Эта лѣтопись находится въ томъ же Ипатьевскомъ спискѣ и представляетъ искусственное продолженіе предыдущей лѣтописи — отъ 1201 г. до 1292 г. Предметомъ ея служатъ событія изъ исторіи Галицко-Волынскаго княжества. Повидимому, эта лѣтопись представляетъ вторую половину Галицко - Волынской лѣтописи, въ цѣломъ утраченной для насъ. Ея начало имѣетъ такое заглавіе: «Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя Галичкого». Вопреки заглавію въ лѣтописи о княженіи Романа ничего нѣтъ: вмѣсто этого изложена похвала этому князю, въ которой онъ сравнивается съ Владиміромъ М. Видимо, въ рукописи, которою пользовался переписчикъ, былъ пробѣлъ. Съ 1202 г. начинается разсказъ о событіяхъ, происходившихъ въ Галицко-Волынской землѣ послѣ смерти Романа.

Особенностью этой лѣтописи является способъ изложенія событій: въ то время, какъ другіе лѣтописцы излагаютъ событія погодно, авторъ Галицко-Волынской лѣтописи, откладывая хронологическія данныя къ концу лѣтописи, предпочитаетъ стройный послѣдовательный разсказъ. Возникши въ Галицко-Волынской землѣ, жившей со второй половины XI в. независимою отъ Кіевской Руси жизнью, эта лѣтопись является отраженіемъ по преимуществу жизни княжеско-дружинной. Авторъ ея — лицо свѣтское, принадлежащее къ княжеско-

дружинной средѣ, родоначальникомъ которой былъ Романъ; оттого лѣтопись проникнута прославленіемъ Романа и его потомства. Пріемы изображенія напоминаютъ стиль «Слова о полку Игоревѣ» и нашъ богатырскій эпосъ. Это служитъ доказательствомъ, что въ высшемъ обществѣ Галицко-Волынской Руси преобладало національное міровоззрѣніе.

Другою особенностью ея является обиле свѣдѣній о Западной Европѣ, съ котсрой Галицко-Волынская Русь непосредственно соприкасалась. Языкъ лѣтописи носитъ слѣды западно-европейскаго вліянія. Такъ, въ лѣтописи встрѣчаются слѣдующія слова, замствованныя изъ латинскаго языка: «пискупья», «пробощъ», «риксъ, рекомый король».

3) **«Суздальская лѣтопись»**. «Суздальская лѣтопись», распадающаяся на «Ростовскую», «Владимирскую» и собственно «Суздальскую», помѣщена въ Лаврентьевскомъ спискѣ, какъ продолженіе «Второго кіевскаго свода» до 1305 г. Она отражаетъ историческія событія въ Ростово-Суздальской области.

Подобно тому, какъ авторъ Галицко-Волынской лѣтописи прославляетъ Романа и его потомство, такъ авторъ «Суздальской лѣтописи» прославляетъ Владимира М. и его потомство. Его міровоззрѣніе—византійско-христіанское; онъ любитъ описывать церковныя святыни и обстоятельно излагаетъ происходившія во второй половинѣ XII в. церковные споры о постахъ по средамъ и пятницамъ въ праздники (§ 285). Какъ патріотъ, авторъ лѣтописи не скрываетъ своего нерасположенія къ главному врагу Ростово-Суздальской земли—Новгороду. Изложеніе уступаетъ въ живости и картинности предыдущимъ южнымъ лѣтописямъ.

4) **«Новгородская первая лѣтопись»**. «Новгородская первая лѣтопись» дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: 1) первая редакція ея начинается съ изложенія общерусскихъ событій по «Второму кіевскому своду»; 2) вторая редакція излагаетъ общерусскія событія по «Начальному кіевскому своду». Заимствованныя отсюда общерусскія свѣдѣнія обѣ редакціи дополняли свѣдѣніями новгородскими, которыя давались новгородскою лѣтописью Германна Вояты, возникшей совершенно независимо отъ «Начальнаго кіевскаго свода» и «Второго кіевскаго свода» и излагавшей событія приблизительно отъ 689 г. до 1188 г. Съ 1188 г. шло изложеніе событій по другимъ

мѣстнымъ источникамъ—въ первой редакціи до 1200 г., во второй—до 1239 г.

Содержаніемъ «Новгородской первой лѣтописи» служатъ событія мѣстной жизни: поставленіе и смерть епископа, строеніе церквей, походы новгородцевъ, внутреннія волненія и пр. Суровость сѣверной природы и тяжесть борьбы за существованіе наложили отпечатокъ на «Новгородскую первую лѣтопись»: въ ней упоминается о морозахъ, непогодахъ, неурожаяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, о цѣнности жизненыхъ продуктовъ и товаровъ. Изложеніе лѣтописи отличается сухостью и сжатостью. Діалогическая форма изложенія, придающая столько живости южнымъ лѣтописямъ, почти отсутствуетъ.

Библіографія. *Сухомлиновъ* О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. («Ученыя Записки II Отд. Акад.». 1856. Кн. III). — *Срезневскій*. Памятники X-го вѣка до Владимира Святого. («Извѣстія Акад. Н.». 1854. Т. III). — *И. И. Срезневскій*. Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Спб. 1903.—*Костомаровъ*. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1861.—*Бестужевъ-Рюминъ*. О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Спб. 1868.—*А. А. Шахматовъ*. О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. М. 1897.—*А. А. Шахматовъ*. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ («Ж. М. Н. П.» 1897. Апрѣль).

319. Общій взглядъ на древнерусскую литературу перваго періода. Древнерусская литература перваго періода была отраженіемъ культуры, созданной Кіевской Русью. Эта культура была продуктомъ творчества княжеско-дружиннаго класса населенія (обязаннаго своимъ происхожденіемъ скандинавской патріархально-родовой общинѣ), въ условіяхъ славяно-русскаго быта (представлявшаго сочетаніе патріархально-родовыхъ чертъ съ чертами первобытнаго коммунизма), подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, съ которой русскіе славяне вели мѣновую торговлю. Поэтому, *во-первыхъ*, литература перваго періода носитъ не общенародный характеръ, а классовой: это—литература древнерусскаго правящаго класса населенія.

Во-вторыхъ, княжеско-дружинный классъ населенія, занятый военно-административнымъ дѣломъ, имѣлъ свои интересы, стремленія и идеалы, обусловленные его жизненной задачей. Эти интересы, стремленія и идеалы отразились

прежде всего въ обширномъ устномъ эпосѣ, одна часть котораго сохранилась въ «Начальномъ кіевскомъ сводѣ» и «Второмъ кіевскомъ сводѣ», а другая доживаетъ свои дни въ устахъ «смердовъ»—крестьянъ.

Въ-третьихъ, съ принятіемъ христіанства княжеско-дружинный классъ дѣлится властью съ призваннымъ имъ къ жизни другимъ правительственнымъ классомъ — церковью. Съ этого времени въ княжеско-дружинную среду начинаетъ проникать новое міровоззрѣніе — византійско-христіанское, отражавшее интересы, стремленія и идеалы византійско-христіанской церкви. При Владимирѣ Св. и Ярославѣ М. передовая часть княжеско-дружиннаго класса и церковь находятся въ союзѣ другъ съ другомъ. Уже при Ярославѣ М. церковь въ лицѣ своихъ писателей пытается изъ матеріаловъ, оставленныхъ русской исторіей, создать новые идеалы, въ духѣ византійско-христіанскаго міровоззрѣнія и противопоставить ихъ національнымъ идеаламъ, сохранившимся еще въ полной силѣ среди большинства княжеской дружины.

Въ-третьихъ, со смерти Ярослава М. происходитъ дробленіе княжеской власти: появляется нѣсколько княжескихъ домовъ со своими дружинами. Отношеніе между церковью и цѣлой системой князей перестаетъ быть столь опредѣленнымъ, какъ при Владимирѣ св. и Ярославѣ М. Наиболѣе типичными являются отношенія, установившіяся между церковью и домомъ Всеволода, съ одной стороны, и между церковью и домомъ Святослава съ другой: отношенія между домомъ Всеволода и церковью основывались на сходствѣ міровоззрѣнія и были союзными, т. е. домъ Всеволода поддерживалъ церковь и наоборотъ; отношенія между церковью и домомъ Святослава, обусловленные несходствомъ міровоззрѣнія, носили оппозиціонный характеръ. Образовались двѣ княжеско-дружинныхъ среды, изъ которой одна породила такое типичное произведеніе, какъ «Поученіе къ дѣтямъ» Владимира М., а другая — «Слово о полку Игоревѣ».

Въ-четвертыхъ, церковь выдвинула изъ своей среды много писателей, которые въ многочисленныхъ произведеніяхъ разсматривали событія и явленія изъ русской жизни съ новой византійско - христіанской точки зрѣнія, вырабатывали и пропагандировали новые идеалы и, такимъ образомъ, под-

готовляли почву для окончательнаго торжества новаго міровоззрѣнія въ княжеско-дружинной средѣ.

Въ-пятыхъ, церковь въ союзѣ съ княжеско-дружиннымъ классомъ создала наиболѣе замѣчательныя произведенія Кіевской Руси—«Начальный кіевскій сводъ» и «Второй кіевскій сводъ», послужившіе образцомъ и исходнымъ пунктомъ позднѣйшихъ лѣтописей.

Продолжается подписка на 1906 г.

(17-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА",

издаваемый подъ редакціей Я. Я. ГУРЕВИЧА.

Въ 1906 году общепедагогическій журналъ «Русская Школа» будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ сотрудниковъ, что и въ 1905 году. Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе ПЯТНАДЦАТИ печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки — СЕМЬ рублей въ годъ, съ доставкою СЕМЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу ДЕВЯТЬ рублей. Земства, выписывающія непосредственно изъ редакціи не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкой въ 15%. Книжные магазины удерживаютъ за коммиссію 5%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ и обращающіеся непосредственно въ контору журнала, могутъ получить его за ШЕСТЬ рублей въ годъ, и притомъ съ разсрочкой уплаты въ два срока.

Въ «Русской Школѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица: **Я. В. Абрамовъ, Х. Д. Алчевская, А. И. Анастасіевъ, М. А. Андреяновъ, И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ, Н. Ѳ. Арепьевъ, Ц. П. Балталонъ, В. А. Бильбасовъ, В. В. Бирюковичъ, С. А. Бобровскій**, проф. **Е. Ѳ. Буде, И. А. Бѣлозерскій, А. В. Бѣлецкій, И. П. Бѣлоконскій**, проф. **Н. И. Быстровъ, В. Д. Вальденбергъ, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ**, проф. **А. Д. Вейсманъ, Н. Х. Вессель, А. С. Виреніусъ, F. М. Гаршинъ, А. Г. Готлибъ, Д. Д. Галанинъ, В. В. Гориневскій, С М. Громеницкій, Я. Я. Гуревичъ, Г. Г. Зоргенфрей, М. И. Демковъ, А. А. Дмитревскій, И. И. Евсѣевъ, П. В. Евстафьевъ, К. В. Ельницкій, И. П. Житецкій, К. А. Ивановъ**, проф. **Д. Н. Кайгородовъ, П. Ѳ. Каптеревъ**, проф. **Н. И. Карѣевъ, В. А. Келтуяла, И. М. Красноперовъ, Н. А. Кричагинъ, Е. П. Ковалевскій, П. А. Конскій, Н. И. Коробка, А. А. Красевъ**, проф. **Ю. А. Кулаковскій**, проф. **Н. Н. Ланге, М. К. Лемке, В. А. Латышевъ**, проф. **П. Ф. Лесгафтъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій**, проф. **В. И. Модестовъ, А. П. Налимовъ, А. П. Нечаевъ, М. А. Новиковъ, Л. Е. Оболенскій**, проф. **И. Г. Оршанскій, С. А. Острогорскій, О. Х. Павловичъ**, проф. **А. Л. Погодинъ, Н. И. Позняковъ, А. П. Раменскій, Ѳ. И. Рогова, Г. П. Роковъ, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ, Я. И. Рудневъ, С. Ѳ. Русова, Е. П. Рѣпина, М. Н. Салтыкова**, проф. **И. А. Сикорскій, А. С. Симоновичъ**, проф. **Ир. Скворцовъ, А. Ѳ. Соколовъ, М. И. Страхова, А. И. Тарнавскій, М. А. Тростниковъ, Н. В. Тулуповъ, А М. Тютрюмовъ, В. И. Фармаковскій, А. П. Флеровъ, В А. Флеровъ, В. Ю. Шидловскій**, проф. **В. М. Шимкевичъ, К. М. Цирюль**, д-ръ **В. Ф. Якубовичъ**, академикъ **И. И. Янжулъ, Е. И. Янжулъ, С. И. Шохоръ-Троцкій** и нѣкоторые другіе.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговской и Бассейной, гимназія Гуревича), въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова и въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Редакторъ-издатель *Я. Я. Гуревичъ.*

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮШІЯ ИЗДАНІЯ **Я. Г. Гуревича**:

1. Исторія Греціи и Рима.

(Курсъ систематическій).

Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для VIII класса гимназій, утвержденной Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніемъ хронологической таблицы. Изданіе седьмое, исправленное. Спб. 1899 года. Стр. XVI+268. Ц. 1 руб. *Удостоена преміи Петра В. и одобрена въ качествѣ учебнаго руководства для учениковъ VIII-го класса мужскихъ гимназій Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв.*

(Одобреніе напечатано въ декабрьской книжкѣ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1900 годъ).

2. Историческая хрестоматія по русской исторіи.

Пособіе для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, составленное Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Томы I и II. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное *Я. Г. Гуревичемъ*. Цѣна I-го тома 1 р. 75 к., II-го тома—2 р. 25 к. Томъ III (Эпоха Петра В.), составленный Я. Г. Гуревичемъ. Изданіе второе. Цѣна 2 р. 25 к.—*рекомендовано Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ ученическія старшаго возраста библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ, и для выдачи учащимся въ означенныхъ заведеніяхъ въ награду.*

(Одобреніе напечатано въ декабрьской книжкѣ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1900 годъ).

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи.

Пособіе для учащихся и преподавателей. Изданіе 4-е. Томъ I-й. Цѣна 2 руб. 50 коп. Томъ II-й. Цѣна 2 руб. Составлена *Я. Гуревичемъ, рекомендована Ученымъ комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды.*

(Одобреніе напечатано въ февральской книжкѣ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1901 годъ).

Складъ всѣхъ этихъ изданій въ кн. магаз. **М. М. Стасюлевича**.

PG
2950
K4
ch.1
kn.1

Keltuíala, Vasiliĭ Afans'evich
Kurs istorii russkoĭ literatury

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY